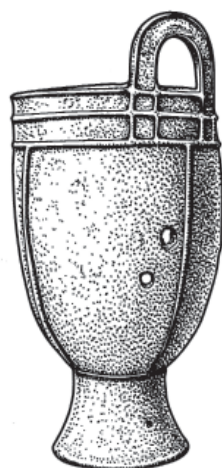

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Эпоха Великого переселения народов

**ТОМ
IV**

**КАЗАНЬ
2022**

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.444(235)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

Рецензенты

д.и.н. Н.А. Кренке (Институт археологии РАН, Москва)
д.и.н. Н.П. Матвеева (Тюменский государственный университет, Тюмень)
д.и.н. А.М. Обломский (Институт археологии РАН, Москва),

A87 Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – 700 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-1112-0

Четвертый том «Археологии Волго-Уралья» обобщает результаты исследований археологических материалов, отражающих культурные и исторические процессы, происходившие на территории Среднего Поволжья и Предуралья в эпоху Великого переселения народов. Этот период вошел в историю как время масштабных миграционных процессов, изменивших этническую карту Евразии и вызвавших радикальные трансформации в социально-экономическом и политическом укладе жизни ее обитателей. В издании представлено систематическое изложение имеющихся археологических данных, сгруппированных по природно-географическому, хронологическому и историко-культурному принципам. В каждом разделе тома приведены основные позиции исследователей по вопросам интерпретации археологических материалов.

The fourth volume on the “Archaeology of the Volga-Urals” generalizes the results of the studies of archaeological materials, reflecting the cultural and historical processes that took place on the territory of the Middle Volga region and Fore-Urals during the Migration Period. This period went down in history as a time of large-scale migration processes that changed the ethnic map of Eurasia and caused radical transformations in the socio-economic and political way of life of its inhabitants. The edition gives a systematic presentation of available archaeological data, grouped by natural-geographical, chronological and historical-cultural principles. Each section of the volume presents the main positions of researchers on the issues of archaeological materials interpretation.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-1112-0

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>

Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»

© Институт археологии АН РТ, 2022

© Изд-во АН РТ, 2022

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛ.-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
д.и.н. А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ
д.и.н. Р.Д. ГОЛДИНА (ответственный редактор)
к.и.н. Р.Р. САТТАРОВ,
к.в.н. Г.Ш. АСЫЛГАРАЕВА
к.и.н. Л.А. ВЯЗОВ

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

ТОМ I	КАМЕННЫЙ ВЕК
ТОМ II	ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ТОМ III	РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ТОМ IV	ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ V	СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)
ТОМ VI	СРЕДНИЕ ВЕКА (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ТОМ VII	ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома IV:

**АСЬКЕЕВ И.В.
БЕРНЦ В.А.
ВАЛИЕВ Р.Р.
ВИХЛЯЕВ В.И.
ВОЛКОВА Е.В.
ВОРОБЬЕВА С.Л.
ВЯЗОВ Л.А.
ГАВРИТУХИН И.О.
ГАЗИМЗЯНОВ И.Р.
ГОЛДИНА Р.Д.
ГРИБОВ Н.Н.
ГРИШАКОВ В.В.
ЗЕЛЕНЕЕВ Ю.А.
ИВАНОВ В.А.
КАЗАКОВ Е.П.
КАЗАНЦЕВА О.А.
КОЛОНСКИХ А.Г.
КРАСНОПЕРОВ А.А.
КРИВОШЕЕВ М.В.
ЛЕЩИНСКАЯ Н.А.
МАЛАШЕВ В.Ю.
МЯСНИКОВ Н.С.
НАПОЛЬСКИХ В.В.
НИКИТИНА Т.Б.
ОСТАНИНА Т.И.
ПЕРЕСКОКОВ М.Л.
ПЕТРОВА Д.А.
САБИРОВ Т.Р.
САБИРОВА Т.М.
СМИРНОВ О.В.
СТАШЕНКОВ Д.А.
ЮТИНА Т.К.**

ВВЕДЕНИЕ

О Великом переселении народов

Великое переселение народов (ВПН) – ключевой период в истории Евразии I тыс. н. э. Поскольку после внезапного и неожиданного по последствиям вторжения гуннов, Европа буквально «взорвалась» впечатлениями об их образе жизни, деяниях и результатах их деятельности (обзор источников античных и средневековых авторов см. Буданова, 2000, с. 418–452; фрагменты из источников см. Черниенко, 2003, с. 88–110), внимание исследователей долгое время было приковано именно к гуннам. Со времен К.А. Иностранцева, А. Альфельди, А.Н. Бернштама, Й. Вернера, М.И. Артамонова, Л.Н. Гумилева и других считалось, что только гунны были главными действующими лицами этого периода. Российские археологи часто используют хронологическую систему Г.Ю. Эггерса – К. Годловского, разработанную для древностей Центральной и Северной Европы (Eggers, 1951; 1955; Godlowski, 1970), в которой Великое переселение народов занимает ступень D и соответствует одному из многих событий этого времени – вторжению гуннов в Европу. Эта хронологическая система небезупречна, ее рубежи подвергаются критике (Гей, Бажан, 1997, с. 52), но вполне приемлема для решения сугубо археологических задач, однако она не учитывает многих исторических аспектов этого сложнейшего периода. Археологическая система Центральной и Северной Европы и периодизация Н.П. Будановой решают разные задачи и могут использоваться параллельно. Имея столь многочисленные и яркие письменные источники, ученые усиленно искали их археологические подтверждения. Эта работа, конечно, дала свой результат, но весьма скромный (около сотни захоронений на всю степную зону Евразии), но яркий и впечатляющий своей выразительностью: ювелирные изделия из драгоценных металлов, оформленные в полихромном стиле, бронзовые котлы особых форм, сложносоставные луки, своеобразные наконечники стрел, уздечные наборы и др. (историографический обзор см. Засецкая, 1994, с. 5–11). Учитывая кочевой характер гуннской культуры и специфику погребального обряда (отсутствие курганов, единичность захоронений и др.), это вполне оправдано.

Вычленение собственно гуннских древностей на археологических материалах – процесс сложный, но необходимый по нескольким причинам: поскольку круг письменных источников определен давно, и их количество остается неизменным, благодаря археологии наши знания о гуннской культуре можно постоянно пополнять и уточнять; только по письменным источникам трудно проследить перемещения гуннов по Евразийскому континенту; только по письменным данным не всегда возможно установить степень взаимодействия гуннов с соседними племенами; в письменных источниках нет ответа на вопрос о связях между азиатскими хунну и европейскими гуннами. Таким образом, единственно верный путь в этих исследованиях – комплексный подход, позволяющий сочетать нарративные и археологические данные, используя сравнительно-исторический метод. В настоящее время с помощью археологии удалось решить в разной степени следующие проблемы: выделить гуннские древности среди провинциально-римских, сарматских, аланских, германских, аварских и других; обосновать происхождение и хронологию гуннских изделий полихромного стиля; подтвердить многокомпонентность гуннского образования; обозначить характерные особенности гуннского комплекса материальной культуры; доказать реальную связь между азиатскими и европейскими гуннами (Засецкая, 1994; Черниенко, 1998).

Историей Великого переселения народов Евразии занималось огромное количество ученых, но в последние десятилетия значительных успехов достигла доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН В.П. Буданова. Ею опубликованы по этим проблемам несколько монографий (1990; 1996; 2000; Буданова и др., 2000) и множество статей (например: 1999; 2019 и др.). Она создала оригинальную концепцию Великого переселения народов, которая утверждает уникальность этого исторического феномена – переходной эпохи от античности к раннему средневековью. В.П. Буданова доказала,

что на значительном историческом территориальном (Евразия и Северная Африка) и временном (II–VII в.) пространстве взаимодействие варварства и цивилизации достигло столь интенсивной фазы, что в результате зародился новый тип цивилизации. Семь столетий Переселения определили тенденции дальнейшего развития Европы, дали мощный импульс рождению новых народов, новых государств, новой социально-психологической и духовной атмосферы, морали и нравственности (Буданова, 2000, с. 5–18).

В период ВПН Евразия и Северная Африка были охвачены серией переселений племен. Европейский континент стал ареной германских, тюркских и славянских перемещений с периферии Римской империи на ее территорию. Основные миграционные потоки здесь двигались с севера на юг и юго-восток. В Восточной Азии шли этнические перемещения с северных окраин Ханьской империи также на ее территорию. В результате часть кочевых племен ушла на северо-запад, в Приуралье и Среднюю и Центральную Азию, а затем двинулась к Северному Причерноморью и к границам Римской империи. Европейская модель Переселения представлена взаимодействием Римской цивилизации и Барбарикума (варварского мира), «азиатская» – кочевого племенного мира и Ханьской империи (Буданова, 2019, с. 182).

В.П. Буданова на основании письменных источников убедительно обосновала хронологические рамки Великого переселения народов – II–VII в. и его деление на 3 этапа: первый (II–IV в.) – «германский» охватывает время от Маркоманских войн (166–180 гг.) до Адрианопольского сражения (378 г.), когда вестготы разбили римские войска под руководством Валента и открыли себе путь на Балканы; второй (IV–V в.) – «гуннский», между Адрианопольским сражением и битвой на Каталаунских полях (451 г.), в которой римские войска под предводительством Аэция победили гуннов во главе с Атиллой; третий (VI–VII в.) – «славянский» связан с передвижением в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе славянских племен (Буданова, 2000, с. 5–18).

И.П. Засецкая предлагает свой вариант периодизации истории европейских гуннов (второй этап по В.П. Будановой): 1 – нашествие гуннов в южнорусские степи (370–378 гг.); 2 – образование и господство гуннского племенного союза в Северном Причерноморье (378–445 гг.); 3 – организация «державы» Атилы в Паннонии (445–454 гг.); 4 – распад гуннского племенного союза (454 г. – вторая половина V в.) (Засецкая, 1994, с. 132).

Массовое переселение народов было вызвано, по мнению В.П. Будановой, комплексом причин:

изменением климатических условий среды обитания варварских племен, высокой плотностью населения, лавинообразным характером миграций, провокационным воздействием на варваров соседних цивилизаций (Буданова, 2019, с. 184). Перемены климата совпали у многих варварских обществ Европы с разложением первобытнообщинных отношений и расцветом военной демократии. Социальное расслоение также толкало определенные слои к захвату не только новых земель, но и новых богатств, рабов, престижных ценностей.

В эпоху ВПН при размахе ближних и дальних передвижений и сопутствующих им грабежах война стала серьезным фактором, способствующим обогащению определенных групп, расслоению общества, приведшим в последующем к образованию классов. Военные походы стимулировали развитие многих отраслей производства и, прежде всего, металлообработки и оружейного дела. Военные предприятия способствовали выделению предводителей – вождей. Появление мигрантов стимулировало разрушение кровнородственных связей, утверждение территориальных и формирование более сильных, централизованных общественных структур.

Одним из наиболее крупных перемещений массы людей («германский» этап по В.П. Будановой) было движение готов из Польского Поморья на юго-восток – в районы Северного Причерноморья. Готы – германское племенное образование, жившее первоначально в Скандинавии. Затем они переселились на южное побережье Балтийского моря и обосновались в устье Вислы (Седов, 1994, с. 222–223; Щукин, 1994, с. 244–249; 2005 и др.). В результате смешения готов с аборигенным населением возникла оригинальная вельбаркская культура, население которой стало перемещаться на юго-восток. Зафиксировано две волны вельбаркской миграции: первая – в середине II в., вторая – в середине III в. Переселяясь на юго-восток, вельбаркцы по мере движения присоединяли и негерманские племена, в частности население праславянской пшеворской культуры (Седов, 1994, с. 225–229; Этнокультурная карта..., 1985, с. 73). В это время готы освоили Волынь, Подолию и достигли Днестровско-Дунайских земель. Вторая волна движения готов, начавшаяся в середине III в., характеризовалась взаимодействием вельбаркского и черняховского населения в Северо-Западном Причерноморье. Днестровско-Дунайские земли, прилегающие к Черному морю, и стали известны в письменных источниках как Готия (Буданова, 1990, с. 81, 122–130; Седов, 1994, с. 229–231).

Появление в Европе кочевников, под именем сюнну (хунну) – азиатский вариант и гунны –

европейский, дало название среднему этапу ВПН. Племена сюнну, кочевавшие в Центральной Монголии и степном Забайкалье, связанные с населением Алтая, Южной и Западной Сибири, совершали грабительские вторжения в Китай. Для обороны от них была построена Великая стена, созданы военные поселения, заключались временные соглашения, выплачивалась дань. В середине I в. разгромленные империей сюнну разделились: южные попали под влияние Китая, северные – ушли на запад, ассимилировались с тюрко- и ираноязычными племенами и стали известны под именем «гунны». В 370 г. они перешли Волгу, покорили алан в Предкавказье и в 375 г. разгромили остготов Германариха. В результате этих войн в IV–V в. с территории Барбарикума совершался массовый исход здорового, полного сил и энергии населения в Европу, где оно основывало свои «варварские королевства» (Буданова, 2019, с. 187–189).

Завершающий этап ВПН отличают массовые миграции славян. В II–IV в. славяне, обитавшие в бассейне Вислы, достигли Верхнего Поднепровья и Днепро-Дунайского междуречья. В конце V в. славяне появились в пределах нынешней Чехии, в V в. – нынешней Словакии, на рубеже V–VI в. они известны в междуречье Одры и Лабы, во второй половине V в. – на Нижнем и Среднем Дунае. В VI в. шло наступление славян на византийские земли (походы 540–542, 545, 547–548, 549 гг.). Обширный славянский мир отличался особой интенсивностью межэтнических контактов с балтами, сарматами, германцами, фракийцами и иллирийцами и некоторыми тюркскими племенами (Седов, 1994; 1995; Буданова, 2019, с. 188–189).

Эволюция археологических материалов Волго-Уралья вполне соответствует периодизации ВПН по В.П. Будановой. Начало этого периода отмечено появлением на рубеже I–II в. н. э. военизированного населения с обрядом захоронения под курганами андреевско-писеральского круга в Сурско-Свияжском междуречье. На «германском» этапе, очевидно под влиянием перемещения германцев, славяне начали активное движение на восток – в III в. возник средневожский вариант киевской культуры (Д.А. Сташенков). В конце «германского» периода, в третьей четверти IV в. последовало вторжение в Волго-Уралье славяно-германцев (азелинцы, держава Германариха). В начале гуннского этапа в четвертой четверти IV в. в Волго-Уралье появились группы второй волны славяно-германцев (тураево-кудашевцы, именьковская культура). В это же время – в четвертой четверти IV в. – в Верхнее Прикамье проникли с востока из Зауралья мигранты, оставившие харин-

ско-бродовские памятники (об этом в части 2, разделе 2, гл. 1).

Значение ВПН трудно переоценить. Как считала С.А. Плетнева, Европа получила мощнейший импульс для своего развития, а гунны открыли новый исторический этап – эпоху средневековья (Плетнева, 1982, с. 18). Значительные последствия имело Великое переселение народов, по мнению В.П. Будановой, как в Европе (прекратила существование Западная Римская империя, набирала силу Византийская империя), так и в Азии (на Великой равнине было создано «варварское государство», которое добровольно пошло по пути стремительной китаизации). Одни племена погибли, другие были ассимилированы более сильными, третьи – подверглись романизации. Выжившие и сохранившие свою идентичность племена германцев и славян расселились от Британии, Галлии, Испании до Финского залива, верхней и средней Волги и Дона. В Европейском Барбарикуме стали формироваться новые государства, народности, новая средневековая цивилизация (Буданова, 2019, с. 190–191).

К истории накопления источников по археологии Волго-Уралья

Границы расселения любого древнего населения на археологических источниках можно выяснить только с помощью картографирования памятников определенных культур конкретного времени, в том числе и эпохи ВПН.

Археология – одна из самых трудозатратных наук. Прежде чем обобщать источники, делать какие-то выводы и заключения, их надо получить – раскопать памятники, а еще прежде – их надо найти. Решение этой наиважнейшей проблемы невозможно без участия огромного количества специалистов в работе по выявлению, анализу и публикации материалов археологических памятников для составления карт отдельных регионов. Волго-Уралье – одна из густо заселенных территорий ойкумены, и хотелось бы напомнить читателю, какова же степень насыщенности археологическими памятниками и, в некоторой мере, степень изученности ее конкретных участков. Конечно, полученная в результате картина далеко не полна, она зависит от многих объективных и субъективных причин, но все-таки она заставляет обратить внимание на общее состояние базы источников по археологии изучаемого района.

Наиболее своевременной и масштабной такой деятельностью в Прикамье была осуществлена коллективом археологов Республики Татарстан. Она началась в 1945 г. под руководством Н.Ф. Калинина, особенно успешно была продолжена под руководством А.Х. Халикова и завершилась опубликованием в 1981–1990 гг. шести

томов археологической карты Татарстана, из которых для характеристики ВПН особенно важны: Археологическая карта, 1981; Археологические памятники, 1989; 1990. В полевых работах и подготовке этих книг активное участие принимали А.Х. Халиков, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, Р.С. Габяшев, П.Н. Косменко, В.Ф. Генинг, Т.А. Хлебникова, Р.Г. Фахрутдинов, М.Ш. Галимова и др. Всего были опубликованы данные более чем о 4500 памятниках Республики Татарстан разного времени. Сейчас, как никогда, ощущается своевременность этой работы, поскольку многие памятники впоследствии оказались на дне Нижнекамского водохранилища. В этой связи особую ценность представляет диссертация Д.Г. Бугрова, который изучил расселение памятников рубежа эр в Иско-Бельском междуречье по состоянию до затопления Нижнекамского водохранилища (март 1978 г.).

Подобную работу провел и коллектив археологов Башкортостана под руководством Н.А. Мажитова и А.Х. Пшеничнока, подготовивший и издавший в 1976 году Археологическую карту Башкирии, содержащую сведения о 2000 памятниках разного времени. Среди основных составителей: Б.Б. Агеев, С.М. Васюткин, И.Б. Васильев, В.А. Иванов, Г.И. Матвеева, Ю.А. Морозов, А.Х. Пшеничнюк, М.Х. Садыкова, В.С. Стоколос и др. В последние десятилетия в полевых исследованиях этого региона принимают участие И.И. Бахшиев, С.Л. Воробьева, И.Х. Каюмов, А.Г. Колонских, В.В. Овсянников, Н.С. Савельев и др. При этом оригинальный подход был применен А.Г. Колонских при анализе личного вклада археологов в открытие новых памятников (Колонских, 2017, рис. 3). Этот метод достоин расширенного использования.

Археологическую карту Среднего Прикамья на территории Удмуртии и сопредельных территорий составил В.Ф. Генинг (1958). В 1971 г. он издал также свод археологических памятников чегандинской (пьяноборской) культуры (1971). Археологическая карта северных районов Удмуртии, включающая 304 памятника, была подготовлена А.Г. Ивановым, М.Г. Ивановой, Т.И. Останиной, Н.И. Шутовой (2004), Важные сведения о памятниках разного времени Каракулинского района Удмуртии (173 объекта) собраны в книге Р.Д. Голдиной, Е.М. Черных (2011). Подготовлены к изданию археологические карты Сарапульского (С.А. Перевозчикова) и Воткинского (Л.Д. Макаров) районов Удмуртии.

Сведения о 962 объектах Республики Марий Эл собраны в книге, написанной В.В. Никитиным (2009) по материалам ученых, работавших в этой республике.

Данные об около 850 памятниках Кировской области содержатся в кратком справочнике (Памятники археологии, 2009; 2010), составленном А.Л. Кряжевских по материалам, содержащимся в отчетах и публикациях.

По Пермскому краю было в 1996 г. опубликовано справочное издание – материалы к археологической карте (Памятники истории и культуры Пермской области, 1996). В нем учтены сведения о 1625 памятниках археологии. Среди авторов справочника Р.Ф. Вильданов, С.Н. Коренюк, Н.В. Кулябина, А.Ф. Мельничук, В.П. Мокрушин. Работа основана на отчетах многочисленных предшественников.

Археологические памятники Мордовской Республики в обобщенном варианте представлены в работе А.А. Беговаткина (2017).

Опубликована и подробная карта археологических памятников Нижегородской области (Николаенко, 2004; 2008; 2013), в которой учтено 2217 памятников. Автором использованы отчеты о полевых работах и литература многочисленных авторов, работавших в этом регионе.

В 2014 г. завершено создание археологической карты Республики Коми, содержащей сведения о 1235 памятниках. Авторский коллектив: А.Л. Багин, Н.Н. Балина, И.О. Васкул, А.В. Волокитин, А.Р. Игушев, Т.В. Истомина, В.Н. Карманов, М.В. Кленов, К.С. Королёв, А.М. Мурыгин, П.Ю. Павлов, Ю.В. Паршуков, Э.А. Савельева, В.С. Стоколос. Ими использовались и материалы других исследователей, из которых особо весом вклад В.И. Канивца, В.Е. Лузгина, Г.М. Бурова и др.

На высоком профессиональном уровне исполнена археологическая карта Чувашской Республики (2013; 2014; 2015), изданная коллективом ученых Чувашского государственного института гуманитарных наук – Е.П. Михайловым, Н.С. Березиной, А.Ю. Березиным, Н.С. Мясниковым, на основе рукописи, подготовленной к 2005 г. В.Ф. и Б.В. Каховскими, Е.П. Михайловым и С.В. Кузьминых. В карте собраны сведения о 3228 памятниках археологии. Издание отличается продуманной структурой, глубиной научных характеристик, исчерпывающей информативностью, современной полиграфией, качественным художественным оформлением и базируется на основе многочисленных отчетов и трудов ученых, работавших в этом крае.

Оригинальный вариант решения проблемы с археологической картой Самарской области предложили археологи г. Самары во главе с Д.А. Сташенковым – главным редактором (Культурное наследие Самарской области..., 2020). Большой коллектив: К.М. Андреев, П.П. Барынкин,

А.В. Богачев, И.Н. Васильева, Е.В. Волкова, А.А. Выборнов, Э.Л. Дубман, С.Э. Зубов, Н.В. Иванова, Ю.И. Колев, В.В. Кондрашин, Д.В. Кормилицын, А.И. Королёв, А.Ф. Кочкина, А.И. Крамарев, П.Ф. Кузнецов, Л.В. Кузнецова, О.В. Кузьмина, Н.В. Лебедева, Н.А. Лифанов, М.В. Моисеенко, В.Н. Мышкин, В.А. Скарбовенко, В.В. Тихонов, М.А. Турецкий, В.А. Цибин, А.А. Шалапинин, представляющий Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, Институт истории и археологии Поволжья, Самарский государственный технический университет, Управление государственной охраны объектов культурного наследия и администрация Самарской области, подготовил и издал в прекрасном полиграфическом исполнении фолиант о памятниках археологии этого края. В него вошли исторический очерк истории Самарского региона, основанный на результатах изучения вещественных памятников, материалы раскопок наиболее значимых памятников по районам и городам, список объектов археологического наследия, входящих в реестр федерального значения (25), перечень выявленных археологических памятников с указанием района и местоположения (2724 объекта), сведения об исследованных объектах (447). К работе приложен библиографический список, археологический словарь, указатели географических названий и имен. Наиболее важная информация переведена на английский язык.

Думаю, что, ознакомившись с этой информацией, читатель сам сможет оценить состояние источниковой базы археологии Волго-Уралья, увидеть ее слабые и сильные стороны, наметить практические перспективы развития этого направления. Конечно, многие памятники мы еще не нашли, но значительную часть мы уже осознанно потеряли. На их состояние активно воздействовал и воздействует мощный антропогенный фактор: возведение гидросооружений, сельскохозяйственная деятельность, дачное, жилое, нефтедобывающее строительство и др. Потрясающая археологическая неграмотность населения, любопытство местных жителей (кладоискательство), жажда наживы на древностях («черные археологи»), слабость охранных властей на местах – все это способствует уничтожению памятников археологии. Но хотелось бы закончить на оптимистичной ноте – уверена, что еще многие открытия важнейших археологических памятников Волго-Уралья впереди.

Об истории изучения Великого переселения народов в Волго-Уралье

Поскольку авторы каждого из разделов этого тома большое внимание уделили истории накопления источников по их теме и историографии,

дабы не было повторов, считаю возможным не писать общую историографию. Среди тех, кто внес наиболее значительный вклад в разработку аспектов ВПН, существенно повлиявших на развитие евразийских проблем этого периода, кроме перечисленных ранее: А.И. Айбабин, А.К. Амброз, И.Р. Ахмедов, И.А. Бажан, С.И. Безуглов, И.В. Белоцерковская, А.В. Богачев, Н.А. Бокоренко, И. Бона, А.А. Васильев, Х. Вольфрам, И.О. Гавритухин, Я. Гарматта, О.А. Гей, В.Ф. Генинг, Е.Л. Гороховский, В.К. Гугуев, П.П. Ефименко, И.П. Засецкая, М.М. Казанский, А. Киш, В.Б. Ковалевская, И. Ковриг, А.В. Комар, В.В. Кропотов, Б.В. Магомедов, Н.А. Мажитов, В.Ю. Малашев, Г.И. Матвеева, Н.П. Матвеева, А.М. Обломский, А.Х. Пшеничнюк, О.А. Радюш, Д.Г. Савинов, В.В. Седов, А.С. Скрипкин, А.П. Смирнов, П.Н. Старостин, Я. Тейрал, Р.В. Терпиловский, А.М. Хазанов, И.Н. Храпунов, Д.А. Черниенко, О.В. Шаров, О.А. Щеглова, М.Б. Щукин, Л.Т. Яблонский и др.

Многих из основоположников истории ВПН уже нет среди нас, но круг энтузиастов изучения этого времени все ширится, и многие достижения принадлежат ученым среднего возраста, а некоторые – и совсем молодым. Поскольку именно этим исследователям предстоит огромная работа и, может быть, именно ими будут сделаны важнейшие открытия в этой области, хотелось бы, чтобы ученый мир знал их фамилии.

Памятники ВПН степей и лесостепной зоны успешно исследуют Л.А. Вязов, С.Э. Зубов, В.В. Кондрашин, Н.А. Лифанов, Н.П. Салугина, Ю.А. Семькин, Д.А. Сташенков и др. Представительна группа ученых, занимающихся проблемами ВПН в Башкортостане: С.Л. Воробьева, В.А. Иванов, В.В. Овсянников, Н.С. Савельев, Р.Р. Саттаров, А.Н. Султанова, Ф.А. Сунгатов, Р.М. Юсупов и др.

В Верхнем Прикамье памятники ВПН изучали или изучают А.Г. Иванов, В.А. Кананин, С.Н. Коренюк, Н.В. Кулябина, Г.Т. Ленц, Л.Д. Макаров, В.В. Мингалев, А.Ф. Мельничук, В.П. Мокрушин, И.Ю. Пастушенко, С.А. Перевозчикова, М.Л. Перескоков, Ю.А. Поляков, Е.М. Черных, Д.В. Шмурагко и др.

В Северном Приуралье проблемы ВПН рассматривали Л.И. Ашихмина, А.Л. Багин, А.Л. Белицкая, Г.М. Буров, И.О. Васкул, К.С. Королев, А.М. Мурыгин, Ф.В. Овчинников, Э.А. Савельева, Т.Ю. Туркина и др. Объектом изучения памятники ВПН и связанные с ними проблемы Среднего и Нижнего Прикамья стали для В.А. Бернц, Д.Г. Бугрова, Р.Р. Валиева, Н.В. Водолаго, Е.П. Казакова, О.А. Казанцевой, А.А. Краснопорова, Н.А. Лещинской, Т.И. Останиной,

И.Ю. Пастушенко, Н.Л. Решетникова, Т.Р. Сабирова, Т.М. Сабировой, Е.М. Черных, В.С. Ясакова и др.

Без масштабных работ на памятниках ВПН Западной Сибири нельзя было бы решить многие вопросы археологии этого времени Предуралья. В этой области велики заслуги ученых новых научных центров Урала и Сибири: С.Г. Боталова, В.Д. Викторовой, С.Ю. Гуцалова, В.А. Заха, А.С. Зеленкова, А.П. Зыкова, Н.П. Матвеевой, В.М. Морозова, Н.В. Фёдоровой, Ю.П. Чемякина, И.Ю. Чикуновой и др.

Настоящий том – коллективный труд. Он состоит из двух частей, 6 разделов, 16 глав, 20 параграфов, написанных 31 автором из разных городов и научных центров. Разумеется, главы и парагра-

фы неравнозначны по объему анализируемого материала, рассматриваемым проблемам, методическим подходам, полученным результатам.

Предложенные авторами исследования еще раз подчеркнули необходимость комплексного подхода к изучению археологического материала. Только совместные усилия археологов, историков, этнографов, языковедов, представителей различных дисциплин естественных наук могут дать быстрый и осязаемый результат. Не сомневаюсь в том, что создание этого тома – явление, продемонстрировавшее не только итог большого коллективного творчества, но и основа для дальнейшего развития и изучения различных аспектов знания в этой области.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Поздний голоцен (2,5 тыс. л. н. – современность) характеризовался несколькими многовековыми климатическими колебаниями. Для обнаружения и исследования таких климатических изменений необходимы палеоклиматические архивы с точной хронологией, а также с высоким временным разрешением. Кратковременные фазы и явления экстремальных климатических условий случаются достаточно редко, но зачастую они имеют очень серьезные последствия для экосистем и человеческого общества. Такие фазы и события, для которых характерны экстремальные метеорологические события (например, низкие температуры или экстремальное количество осадков), могут иметь разные причины. Их продолжительность в масштабах времени может варьироваться в виде сезонных, декадных или многовековых проявлений. Так, за последние 2500 лет произошло несколько климатических аномалий многовекового масштаба. К ним относятся римский теплый период (RWP), 2,3–1,6 тыс. л. н. (Boch, Spötl., 2011; Büntgen et al., 2011; Hass, 1996; Vollweiler et al., 2006; Waltgenbach et al., 2021), холодный период темных веков (DACP), 1,6–1,25 тыс. л. н. (Helama et al., 2017; Ljungqvist, 2010), с перекрывающимся во времени позднеантичным малым ледниковым периодом (LALIA), 1,48–1,36 тыс. л. н. (Büntgen et al., 2016; Helama et al., 2021), средневековый теплый период (MWP), 1,1–0,6 тыс. л. н., также известный как Средневековая климатическая аномалия (Crowley et al., 2011; Goosse et al., 2006; Hughes et al., 2011), и Малый ледниковый период (LIA), 0,6–0,2 тыс. л. н. (Fohlmeister et al., 2012; Wanner et al., 2011). Последний был, вероятно, самым холодным периодом многовекового климатического колебания после заметного похолодания 8,2 тыс. л. н. (Helama et al., 2021; Wanner et al., 2011; Alley, Ágústsdóttir, 2005; Rohling, Pälike, 2005). Такие климатические колебания оказали большое влияние на продуктивность сельского хозяйства, здоровье и конфликтность, и уровень развития доиндустриальных обществ (Büntgen et al., 2011; deMenocal, 2001; Peregrine, 2020). Это было получено путем сравнения резкого изменения климата (в частности, при переходе на сухие и/или холодные климатические условия) и взле-

тов и падений прошлых цивилизаций (Büntgen et al., 2011; deMenocal, 2001; Wanner et al., 2008; Zhang, et al., 2007; Peregrine, 2020). Например, на этапах римского и средневекового процветания преобладало влажное и теплое лето, тогда как распад западной Римской империи и начало периода переселения народов (МП), 1,75–1,6 тыс. л. н. (Duncan-Jones, 2004; Witschel, 2004), совпал с повышенной изменчивостью климата между 1,75 и 1,4 тыс. л. н. (Büntgen et al., 2011; Wanner et al., 2011). Таким образом, мы видим, что вектор похолодания в Европе не был постоянным в течение I тыс. н. э. и включал в себя серию теплых и холодных фаз. В этом временном отрезке, как правило, выделяют две климатические фазы: Римское Потепление (2,0–1,7 тыс. кал. л. н.) и Похолодание Темных веков (1,7–1,2 тыс. кал. л. н.) (Büntgen et al., 2011; Helama et al., 2017; Gouw-Bouman et al., 2019). За последние 10 лет работы по климатическим реконструкциям, выполненным по разным индикационным природным показателям (кольцевым приростам деревьев, изотопам, микроэлементам, споро-пыльцевым спектрам и др.) (Büntgen et al., 2016; Helama et al., 2017; 2018; Waltgenbach et al., 2021), достоверно показали, что климат Европы в 1,7–1,2 тыс. кал. л. н. был более прохладный и влажный, чем в настоящее время. Исследования также показали, что в период 1,7–1,5 тыс. кал. л. н. происходило увеличение горного оледенения (Solomina et al., 2008), подъем уровня озер (Magny, 2004) и увеличение лесистости, в частности, в лесостепной зоне Русской равнины (Новенко, 2016). В то же время в ряде климатических реконструкций, полученных для некоторых районов Русской равнины, показано, что наблюдалось изменение климата в сторону потепления и уменьшения влажности между 1700 и 1500 кал. л. н. (Кожаринов и др., 2003), либо потепление и увеличение осадков (Климанов и др., 1995), а на территории Волго-Уралья в VI–VII в. н. э. климат умеренно-теплый с невысокой увлажненностью, нестабильный с чередованием весьма холодных и теплых годов внутри десятилетий (Аськеев и др., 2009). Также стоит отметить, что уровень Каспийского моря на протяжении II–IX в. н. э. имел достаточно выраженную изменчи-

вость (10,7 м) от -23,8 до -34,5 м (Болгов и др., 2007), что может говорить о достаточно серьезных климатических флуктуациях, прежде всего в количестве осадков на всей территории водосборного бассейна Волги. Например, во II и III в. наблюдался высокий и достаточно стабильный уровень Каспийского моря (от -23,8 до -27,4 м). В VI в. шло уменьшение уровня Каспия с -28,5 до -34,5 м, сменившееся подъемом уровня Каспийского моря в VII в. и достигшее максимума (-25,5 м) во 2-м десятилетии VIII в. (Болгов и др., 2007). Наибольшее изменение уровня Каспия достигало в VI в. и составляло 6 м и в V в. – 5,9 м, наименьшее изменение уровня 2,3 м наблюдалось в III в. и 3 м отмечалось в IX в. Интересно, что наибольшие флуктуации уровня Каспийского моря приходились на периоды низкого уровня этого водоема. Это заключение идет в рамках климатической гипотезы о подъеме и снижении уровня Каспия в результате увеличения или снижения стока впадающих в него рек и прежде всего р. Волги (Сидорчук и др., 2018; Янина и др., 2019). Климатические изменения проходили в виде разновременных фаз, чередующихся разнонаправлено: теплые-сухие, теплые-влажные, холодные-влажные и холодные-сухие. Сопоставление природно-климатических реконструкций природы Русской равнины показывает, что климат этой территории разнонаправлено изменялся в интервалах примерно 2100–1700 л. н. и 1500–1100 л. н. Полученные реконструкции в целом отражают тенденции к увеличению температуры и значительным изменениям показателей влажности разного направления во время Римского потепления (2,3–1,6 тыс. л. н.). Для середины и 2-й половины I тыс. н. э. указывается умеренно-теплые условия с переходом на вектор похолодания, сначала на уменьшение, а затем на увеличение количества осадков. Реконструкция количественных показателей климата в центре изучаемого региона в V в. и в VIII в. н. э.: среднегодовая температура 1,7 °С – 2,5 °С (2 °С), средняя температура января -15 °С – -16 °С, средняя температура июля 17,5 °С – 18,5 °С (18 °С), общее годовое количество осадков составляло 550–600 мм (данные лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования АН РТ). Реконструируемые показатели климата, полученные для VI–VII в. н. э.: среднегодовая температура 2,7 °С – 3,5 °С (3 °С), средняя температура января -13 °С – -14 °С, средняя температура июля 18,5 °С – 19,5 °С (19 °С), общее количество осадков в год составляло 450–500 мм (Аськеев и др., 2009; данные лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования АН РТ). К сожалению, на сегодняшний день небольшое число данных

по территории Среднего Поволжья не позволяют провести более детальную реконструкцию природно-климатических изменений.

С началом I тыс. н. э. на территории Среднего Поволжья и Предуралья связаны значительные перемещения различных этносов, вызванные, в первую очередь, изменениями климата (Аськеев и др., 2009). Исследователи устанавливают хронологию эпохи «великого переселения народов» на данной территории со II в. по начало VIII в. н. э. Археологические исследования свидетельствуют об удивительном разнообразии хозяйственной деятельности населения нашего края в связи с изменением этнической карты в так называемое позднесарматское и гуннское время (II–V в. н. э.) (Vyazov et al., 2019). К концу гуннского периода именьковское население было самым многочисленным в данном регионе и к началу VI в. занимало всю лесостепную зону и часть южной территории лесной зоны региона. Первоначально они заселили долины крупных и средних рек, где на низких речных террасах, в первую очередь первой надпойменной, строили неукрепленные поселения. Постепенно в течение V в. именьковцы заселили высокие речные террасы и водораздельные территории, где строили свои поселения, как правило, на высоком берегу реки или в верховьях оврагов или балок (Vyazov et al., 2019; Вязов и др., 2021a). Видимо, это было вызвано высокой обводненностью пойм и высокими паводками на реках региона (Вязов и др., 2021a). В основной массе поселения были небольшими, но многочисленными, концентрировавшимися вокруг крупного, хорошо защищенного городища. Ведущими отраслями хозяйства именьковцев были земледелие и животноводство. Последние исследования на хорошей доказательной базе характеризуют земледелие у именьковского населения как типично подсечное, более продвинутое в стратегическом плане: «подсечно-ральное» и «подсечно-переложное» (Vyazov et al., 2019; Вязов и др., 2020; Пономаренко и др., 2020; Ponomarenko et al., 2020). Земледелие играло значительную роль в системе хозяйства именьковцев (Вязов, 2008б). Подсечное земледелие было частью сложного хозяйства, включающего в себя и животноводство, охоту, рыболовство и собирательство (Аськеев и др., 2009; Вязов и др., 2021б). Каждая семья имела несколько разбросанных (иногда на значительном расстоянии) участков в разной стадии обработки; разбросанность участков по территории предполагала мобильность. У них была возможность проведения некоторых операций (поиска подходящей делянки, подсеки) в зимнее время или попутно с другими хозяйственными делами: охотой, рыболовством, сбором грибов и ягод, заготовкой

дров. Согласно археозоологическим исследованиям главную роль в животноводстве именьковско-го населения играли лошадь (*Equus caballus*) и крупный рогатый скот (*Bos taurus*), разведение свиней (*Sus scrofa domestica*) было также развито, но видимо, в меньшей степени, поголовье мелко-го рогатого скота (*Ovis aries* и *Capra hircus*) было незначительным (Петренко, 2007; Вязов, 2008а; Аськеев и др., 2009; Вязов и др., 2021б). Однако на некоторых археологических памятниках, например Тетюшском II городище, доля костных остатков домашних свиней была значительной (Аськеев и др., 2012а). Костные остатки домашней собаки (*Canis familiaris*) отмечаются практически в каждом памятнике, принадлежащем именьковской культуре (Петренко, 2007; Аськеев и др., 2012а; Вязов и др., 2021б). На некоторых археологических памятниках диагностированы костные остатки домашней кошки (*Felis catus*) и двугорбо-го верблюда (*Camelus bactrianus*) (Петренко, 2007; Аськеев и др., 2012), что свидетельствует о торговых связях с южным населением (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Причерноморье). Также на ряде именьковских поселений идентифицированы костные остатки домашних птиц: кур (*Gallus gallus*) и гусей (*Anser anser domestica*), но их количество незначительно (Аськеев и др., 2013; Galimova et al., 2014; Honka et al., 2018; Lebrasseur et al., 2021). Охота и особенно рыболовство играли весьма значительную роль в системе хозяйствования именьковцев (Петренко, 2007; Аськеев и др., 2009; Аськеев и др., 2013б; Вязов и др., 2021б). Многочисленные находки костных остатков из археологических памятников показали, что в добыче именьковцев встречалось большое количество видов дикой фауны – 19 видов млекопитающих. На ряде именьковских памятников доля диких видов млекопитающих доходит до 40% от всех идентифицированных костных остатков (Вязов, 2008). Основу их составляли: лось (*Alces alces*) (до 70% от общего количества костных остатков диких млекопитающих), бобр (*Castor fiber*), бурый медведь (*Ursus arctos*), заяц-беляк (*Lepus timidus*), в меньшем количестве представлены: кабан (*Sus scrofa*), сибирская косуля (*Capreolus pygargus*), северный олень (*Rangifer tarandus*) (Попов, Кулаева, 1956; Петренко, 2007; Вязов, 2008а; Аськеев и др., 2009; 2012а; Вязов и др., 2021б). Также среди костных остатков встречалось небольшое количество пушных зверей: лесная куница (*Martes martes*), лисица (*Vulpes vulpes*), белка (*Sciurus vulgaris*) и др. (Попов, Кулаева, 1956; Петренко, 2007; Вязов, 2008; Аськеев и др., 2009; 2012; Вязов и др., 2021б). Крайне интересным является обнаружение костных остатков черной крысы (*Rattus rattus*) в слоях VII в. Тетюшского II городища,

демонстрирующие возможность существования резервуара для переноса чумной инфекции и возникновения очага бубонной чумы (Аськеев и др., 2012б; 2021). Находки костных остатков данного вида наглядно показывают тесные торговые связи с южными и юго-западными районами Восточной Европы, а также высокий миграционный потенциал населения носителей именьковской культуры. Кроме зверей, именьковцы добывали и птиц (24 вида диких птиц), в основной массе водоплавающих и околоводных: различные виды уток, гусей, лебеди, серый журавль (*Grus grus*), орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) и лесных (тетеревиные) (Попов, Кулаева, 1956; Аськеев и др., 2011б; Аськеев и др., 2013а; Galimova et al., 2014; наши данные). Рыболовство Среднего Поволжья в середине I тыс. н. э. имело характер развитого промысла (Аськеев и др., 2011). Результаты нашего определения видового и размерного состава рыб и изучения коллекций вещевого материала из археологических памятников свидетельствуют о том, что лов сетевыми снастями в этот период не имел доминирующего значения, а основными орудиями лова были крупные крючковые самоловы и рыболовные ловушки (Аськеев и др., 2011а; 2013б). В уловах на поселениях, расположенных на крупных реках (Волга и Кама), согласно количеству идентифицированных костей рыб, исчисляемых многими тысячами экземпляров доминировали осетровые (Acipenseridae) (5 видов), сом (*Silurus glanis*), судак (*Sander lucioperca*), белорыбица (*Stenodus leucichthys*), лещ (*Abramis brama*) (Аськеев и др., 2009; 2011а; 2013б). На средних реках (р. Сура) у жителей в уловах преобладали щука (*Esox lucius*), сом и карповые виды рыб (Cyprinidae) (Иваньково-Ленинское II городище «Шолм»). Согласно археозоологическим исследованиям на шести археологических памятниках в уловах именьковцев идентифицированы костные остатки от 26 видов рыб (Аськеев и др., 2009; 2011а; 2013б). Таким образом, еще раз показывается, что подсечная система земледелия, практикуемая именьковским населением, была тесно связана с хорошо развитыми подсобными промыслами и, в первую очередь, с охотой и рыболовством.

Что касается хозяйствования населения периода III–IV в. н. э., крайне осложненного взаимодействием различных культур (например, средне-волжский вариант киевской культуры, культуры прикамского населения), можно сказать, что основу его составляло животноводство с преобладанием в поголовье домашних животных крупного рогатого скота, лошадей и свиней (Гасилин, 2005; Петренко, 2007; Вязов и др., 2021б). Подсобными промыслами, такими как охота и рыболовство, население этих культур занималось незначи-

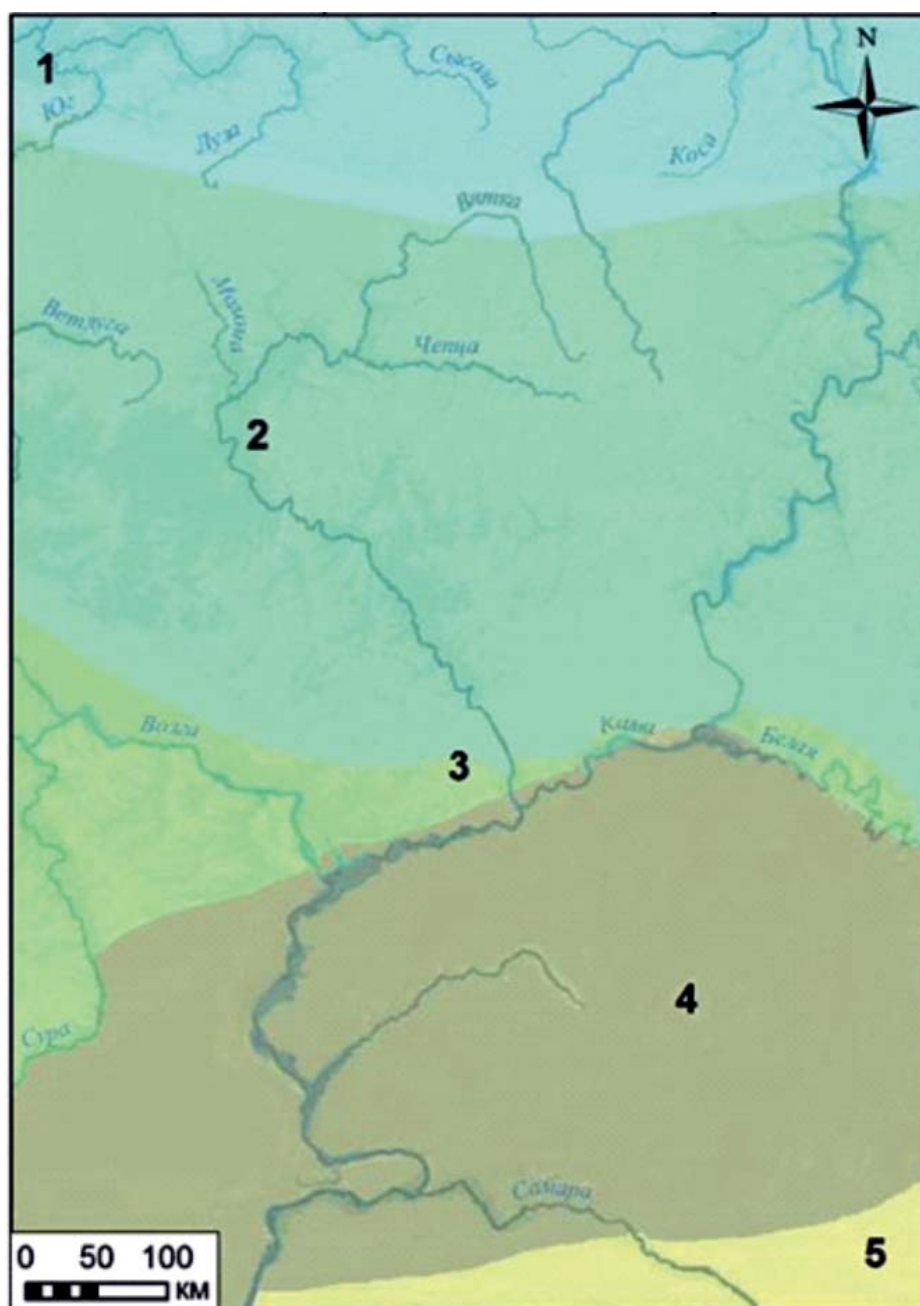

Рис. 1. Карта расположения природных зон в V–VI вв. н. э. в Волго-Уралье
 Условные обозначения: 1 – подзона средней тайги; 2 – подзона южной тайги;
 3 – зона хвойно-широколиственных и широколиственных лесов; 4 – зона лесостепи; 5 – степная зона

тельно, население существовало в условиях агроландшафтов небольшой площади, которые прилегли к поселениям (Вязов и др., 2021б; Лыганов и др., 2021).

Активные археологические исследования данной территории с использованием естественно-научных методов, в том числе и палинологии, сопряженные с абсолютными датировками, позволили значительно дополнить и более подробно провести реконструкцию растительности данного региона в I тыс. н. э. С началом эпохи великого переселения и, особенно с середины I тыс. н. э., воздействие человека на растительность

Среднего Поволжья значительно увеличивается. Сведение широколиственных (*Querceta*, *Tilieta*, *Querceto-Tilieta nemorosa*) и широколиственно-сосновых лесов (*Pineto-Querceta nemorosa*) в результате подсечно-огневого земледелия влекло за собой смену их состава в пользу пионерных таксонов (*Betula*, *Alnus*, *Pinus*), также происходило увеличение доли травянистых сообществ, кривая *Cerealia* на палинологических диаграммах, начиная с V–VI в., становится непрерывной. В зональном плане шло становление современной лесостепной зоны. Это все хорошо отражено на изученных палинологических спектрах (Благовещенская,

2009; Аськеев и др., 2009; Vyazov et al., 2019). В целом в III–VII в. н. э. на пространстве южной части лесной зоны и в лесостепи ландшафт был лесным (до 60% площади), но лесные площади были сопряжены с открытыми пространствами полей и степных участков. Господствовали вторичные леса: березняки, липняки, осинники и сосняки. В подлеске лесов была значительная доля лещины (*Corylus avellana*). Степные участки в виде луговых степей с обилием рудеральных и сегетальных видов. В то же время доля пастбищных видов была небольшой. В степной зоне доминировали вторичные типчаковые на месте дерновинно-злаковых степей, вторичные полынно-злаковые и полынные степи. Земледелие, как уже было сказано выше, было подсечным, это доказывается тем, что в почве обнаруживаются разновременные слои древесных угленосных отложений, указывающие на чередующиеся циклы расчистки и выжигания лесных участков и одновременное присутствие массы пыльцы *Cerealia* и *Onagraceae* (Vyazov et al., 2019; Вязов и др., 2020; Пономаренко и др., 2020; Ponomarenko et al., 2020).

Начиная с VIII в. н. э. ландшафт на данной территории стал еще более открытым, но оставался лесным. Доля лесных площадей сокращается до 40–50%, а доля травянистой растительности могла достигать 60%. Ранние хазары Среднего Поволжья были кочевниками, но после VIII в. – вынужденными переселенцами. Из лесных массивов к северу от степей создаются земледельческие поселения и постоянные пахотные земли, как правило, на водораздельных площадях (Vyazov et al., 2019). Все это привело к серьезным изменениям в конфигурации ландшафтов и увеличению разнообразия культурных и сорных растений. В почвенных слоях этого периода пыльца *Cerealia* встречалась с пылью сопутствующих сорных растений, характерных для постоянных пахотных земель, например *Centaurea cyanus*, *Fagopyrum tataricum* и некоторых других (Vyazov et al., 2019; Ponomarenko et al., 2020).

В III–VIII в. н. э. в лесной зоне севернее 56° с.ш. ландшафт был практически лесной (до 80–90% территории), реконструируются хвойно-широколиственные: (*Piceeta composita*, *Tilieta-Piceeta composita*, *Querceto-Piceeta composita*),

(*Abieta-Tilieta-Piceeta composita*) и (*Querceto-Pineta composita*, *Tilieta-Pineta composita*), (*Abieta-Piceeta composita*, *Abieta-Tilieta-Piceeta composita*) из ели (*Picea abies* и *Picea obovata*), пихты (*Abies sibirica*), сосны (*Pinus silvestris*) с включением большого числа широколиственных пород, таких как липа (*Tilia cordata*), дуб (*Quercus robur*), вяз (*Ulmus*) и клен (*Acer platanoides*), и хвойные леса из ели, пихты и сосны с небольшим включением лиственных пород (*Piceeta magnoherbosa*, *Tilieta-Abieta-Piceeta magnoherbosa*), (*Piceeta fruticoso-hylocomiosa*), (*Pineta fruticoso-hylocomiosa*) и (*Cladonia arbusculae-Pinetum sylvestris*). В ряде регионов основной фон растительности составляли сосновые леса (*Pineta composita*), имевшие высокое фитоценоотическое разнообразие, с включением в древостой лиственницы (*Larix sibirica*). Здесь также наметилась тенденция к изменению первичных лесов на вторичные формации (березовые, липовые, осинники) и появлению открытых площадей, покрытых разнотравной и разнотравно-злаковой растительностью, небольших площадей подсечных полей и лесных перелогов, вызванных прежде всего деятельностью человека (вырубка, выпас скота, пожары, подсечное земледелие) (Аськеев и др., 2009). В открытых ландшафтах в лесостепи и степи продолжалась пастбищная трансформация травяного покрова. В целом границы растительных зон (рис. 1) приблизительно совпадают с границами современного периода, но граница южной тайги были несколько смещена на юг, подзон смешанных и широколиственных лесов не было, они были в общих границах, но площадь этой подзоны значительно уменьшилась и фрагментировалась за счет потери восточных и южных частей ареала. Зона современной лесостепи была в стадии формирования и расширения, как на север, так и на юг. Типично степные экосистемы отмечались только в самых южных районах Среднего Поволжья. Изменения границ растительных зон и их облика были под сильным влиянием климатических флуктуаций и усиливавшейся человеческой деятельности, прежде всего обширными масштабами подсечного земледелия, появлением большого числа постоянных поселений и освоением больших территорий, как в долинах рек, так и на водоразделах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЛГО-УРАЛЬЕ ВО II–V ВВ. Н. Э.

РАЗДЕЛ I

СЕВЕР СТЕПНОЙ ЗОНЫ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ПОЛОСА

Глава 1

Позднесарматские памятники Волго-Уралья

Глава 2

Памятники лесостепной полосы

РАЗДЕЛ I

СЕВЕР СТЕПНОЙ ЗОНЫ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ПОЛОСА

ГЛАВА 1

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

В середине – второй половине II в. н. э. на степных пространствах от Зауралья до Нижнего Дона распространяется новая волна кочевников, носителей позднесарматской культуры (рис. 1). Данный исторический этап в археологии представлен исключительно погребально-поминальными памятниками. Культурообразующими признаками становятся северная ориентировка погребенных, искусственная деформация черепов, узкие прямоугольные ямы и подбои, определенные типы инвентаря.

В разных регионах формирование облика новой культуры имело свою специфику и свои отличия. В частности, в районах Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья, с разной степенью интенсивности, в памятниках проявилось культурное взаимодействие нового позднесарматского населения с носителями среднесарматской культуры, которые продолжали жить на этой территории. В археологическом плане это отразилось в появлении памятников со смешанными чертами погребальных традиций подстилающего среднесарматского культурного пласта и новой позднесарматской культуры (Скрипкин, 1984; Кривошеев, 2005; Кривошеев, Скрипкин, 2011). В Южном Приуралье, напротив, наиболее выражено фиксируются ведущие признаки погребального обряда позднесарматской культуры. Здесь на предшествующем среднесарматском этапе практически отсутствовало население. Носители позднесарматских традиций занимают пустующие территории. Поэтому позднесарматская культура здесь выглядит целостнее, однороднее; в ней представлена в «чистом» виде та новая составляющая, которая была основным содержанием культурного импульса (Малашев, Яблонский, 2008; Малашев, 2013).

История изучения, основные концепции, существующие периодизации. Истории изучения позднесарматской культуры посвящены разделы нескольких крупных исследований (Скрипкин, 1984; Мошкова, 1989; 2009; Кривошеев, 2005; Малашев, 2013), поэтому ограничим-

ся изложением основных ее моментов. Первые памятники позднесарматской культуры с северной ориентировкой погребенных и деформированными черепами были исследованы в 1895 г. А.А. Спицыным на территории Нижнего Поволжья (Машевка и Лебяжье) и датированы им II–III в. н. э. Планомерное изучение позднесарматских памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья началось в 20-е годы XX в. и связано с работами П.С. Рыкова, П.Д. Рау, Б.Н. Гракова, В.В. Гольмстен и И.В. Сеницына. На основе материалов из раскопок Сусловского могильника исследованные раннекочевнические погребения, по форме погребальных сооружений и ориентировке погребенных, были разделены П.С. Рыковым на семь групп и объединены в четыре культуры (Рыков, 1925, с. 23–25). В группы II и VII культуры «В», датированной II–III в. н. э., вошли погребения с характерным набором обрядовых признаков и инвентаря позднесарматской культуры, т. е. были впервые сформулированы основные диагностические признаки позднесарматской культуры. В отношении этнической атрибуции данной культуры было высказано предположение об ее аланской принадлежности. П.Д. Рау, используя выборку около 70 погребений Нижнего Поволжья, выделил две культурные ступени: раннеримского времени (Stufe A) I–II в. н. э. и позднееримского времени (Stufe B) III–IV в. н. э. К Stufe B им были отнесены погребения с северной ориентировкой и деформированными черепами, совершенные в подбоях и узких прямоугольных ямах (Рау, 1927, с. 61–65, 79, 111–112). Исследования П.Д. Рау и П.С. Рыкова явились основой, на которой базировались дальнейшие разработки. М.И. Ростовцев на основе периодизации П.Д. Рау отказался от стадильности в оценке ступеней A и B и высказал предположения об их различной культурной принадлежности, а также миграционной природе, связанной происхождением с Центральной Азией (Rostowzew, 1931, с. 604–609).

К.Ф. Смирнов, используя материалы более 300 сарматских погребений Нижнего Поволжья и Юж-

Рис. 1. Карта распространения памятников позднесарматской культуры (по М.Г. Мошковой, 2009 с коррективами и дополнениями)

1 – Танаис, Валовый; 2 – Хапры; 3 – Ростов-на-Дону; 4 – Мехзавод; 5 – Вятская улица; 6 – Кобяково; 7 – Сладковский; 8 – Журавка; 9 – Чугуно-Крепинка; 10 – Шевченко; 11 – Камышевский; 12 – Койсуг; 13 – Ново-Александровка; 14 – Высочино; 15 – Крепинский; 16 – Тузлуки; 17 – «Три брата» гр. I Элиста; 18 – «Три брата» гр. II Элиста; 19 – Элистинский курганный могильник 1964; 20 – Цаган-Эльсин; 21 – Бичкин-Булак; 22 – Элиста II зап. гр. 1933; 23 – Архара; 24 – Лола гр. II; 25 – Кермен-Толга; 26 – Восточный Маныч, левый берег гр. I, II; 27 – Восточный Маныч, правый берег 1965 г.; 28 – Восточный Маныч, правый берег гр. I; 29 – Шахаевский; 30 – Четыре брата; 31 – Новосадковский; 32 – Кировский; 33 – Московский; 34 – Новый; 35 – Арбузовский; 36 – Центральный; 37 – хут. Ясырев; 38 – Потайной; 39 – Терновский (на Сале); 40 – Подгорненский; 41 – Вербовый лог; 42 – Абганеры; 43 – Кегюльта; 44 – Нагавский; 45 – Веселье; 46 – Аксеновский (Дорофеевский); 47 – Новоаксайский; 48 – Чиковский; 49 – Жутово; 50 – Октябрьский (Терновский) на Аксае; 51 – Абганерово; 52 – Крепь; 53 – Чир; 54 – Балкин хутор; 55 – Кузин хутор; 56 – Капитанский хутор; 57 – Купцын-Толга; 58 – Ордынский бугор; 59 – Сазонкин бугор; 60 – Соленое Займище; 61 – Кривая Лука; 62 – Барановский, Черноярский р-н; 63 – Старица; 64 – Ильевка; 65 – хут. Жерноклеевский; 66 – Котлубань; 67 – Ерзовка; 68 – ст. Кременская; 69 – Авилковский; 70 – Тары; 71 – Ютаевка; 72 – Желтухин; 73 – Большая Ивановка; 74 – Красная Котлубань; 75 – Мишкина Пристань; 76 – Костарево IV, V; 77 – Петрунино II; 78 – Щербаковка; 79 – Барановка I; 80 – Лебязье; 81 – Слобода Котово; 82 – Каменка; 83 – Новые Норки; 84 – Большая Дмитриевка; 85 – Двоенка; 86 – Ершовка; 87 – Аткарев; 88 – Машевка; 89 – Нехаевский; 90 – хут. Короли; 91 – Новоанненский; 92 – Сидоры; 93 – Бугор Билинга; 94 – Лбище; 95 – Нижний Баскунчак; 96 – Сайхин; 97 – Ленинск; 98 – Бахтияровка; 99 – Верхнее Погромное; 100 – Калиновка; 101 – Верхний Балыклей; 102 – хут. Шульц; 103 – Альт-Веймар; 104 – Политотдельское гр. I; 105 – Политотдельское гр. II; 106 – Бережновка гр. I; 107 – Бережновка гр. II; 108 – Кано; 109 – Блюменфельд; 110 – Харьковка гр. I, II; 111 – ж/д. ст. Гмелинская; 112 – Лятошинка; 113 – Старая Полтавка; 114 – Зелельман (Ровное); 115 – Фриденберг (Мирное); 116 – Визенмиллер (Луговое); 117 – Усатово; 118 – Валуйки (Белая Куба); 119 – Бангерт (Зауморье); 120 – Покровск; 121 – Крутоярровка; 122 – Мариенталь (Советское); 123 – Суслы; 124 – Боаро (Бородаевка); 125 – Успенка I; 126 – Максютново II; 127 – Кировский; 128 – Липовка; 129 – Гвардейцы; 130 – Андреевка; 131 – Виловатово; 132 – Березняки; 133 – Уязыбашево; 134 – Чумарово I; 135 – Леканды; 136 – Уметбаево; 137 – Дербенево; 138 – Агаповский; 139 – Большекараганский; 140 – Темясово; 141 – Альмухаметово; 142 – Бекешевы III; 143 – Кара-Тал I; 144 – Комсомольский IV, VI; 145 – Сибай II; 146 – Новоорский I; 147 – пос. Джанатан; 148 – Ульке II; 149 – Целинный I; 150 – пос. Красногорский; 151 – пос. Гирьял; 152 – Бис-Оба; 153 – Покровка 10; 154 – Лебедевка II, IV; 155 – Лебедевка V; 156 – Лебедевка VI; 157 – Линевка; 158 – Красный Яр; 159 – Герасимовка; 160 – Барбастау III; 161 – пос. Гниловской; 162 – г. Уральск гр. II; 163 – Кордон Деркульский; 164 – пос. Зеленый; 165 – Семиглавый Маар; 166 – Кисык-Камыс; 167 – Атпа I; 168 – Атпа II; 169 – Атпа-III; 170 – Георгиевский бугор; 171 – Сары-тау I; 172 – Жаман-Каргала I; 173 – Восточно-Курайленинский I; 174 – Кос-оба; 175 – Муракаево; 176 – Друженский; 177 – Магнитный; 178 – Байрамгулово; 179 – Малково; 180 – Шагрово; 181 – Першино; 182 – Хворостянский I; 183 – Саралжин III; 184 – Покровка 2; 185 – Черный Яр; 186 – Бердянка V

ного Приуралья и опираясь на периодизационную схему П.Д. Рау, откорректировал датировки этапов единой сарматской культуры и предложил четырехчленную стадильную схему развития культуры степного населения Урало-Поволжья в VI в. до н. э. – IV в. н. э.: савроматскую, раннесарматскую, среднесарматскую, позднесарматскую. В частности, он предложил датировку Stufe A по П.Д. Рау в рамках конца II в. до н. э. – начала II в. н. э., а Stufe B – II–IV в. н. э. Появление северной ориентировки он относил к I в. н. э. и возникновение ее связывал с появлением новых групп населения из восточных районов степи (Смирнов, 1947, с. 75–78, 82). Вслед за П.Д. Рау К.Ф. Смирнов связывал носителей позднесарматской стадии с аланами.

В статье Б.Н. Гракова «Пережитки матриархата у сарматов» (1947) были подведены итоги изучения истории и культуры сарматов. Он отстаивал идею преемственности в развитии кочевнической культуры Волго-Уралья на протяжении ее существования и дал характеристику четырехчленной периодизации «савромато-сарматской культуры». В качестве заключительной ступени в ее развитии Б.Н. Граков обозначил «аланскую, или шиповскую культуру» с выделением основных ее признаков и датировал II–IV в. н. э.: узкие прямоугольные ямы, узкие подбои с нишами в западной стенке, северная ориентировка погребенных, искусственная деформация черепов, соответствующий вещевой комплекс (Граков, 1947, с. 120–121). Так же как и П.Д. Рау, он считал, что данная культура развивалась на основе предшествующей и связал ее с аланами. Не корректное название культуры («шиповская»), присвоенное Б.Н. Граковым и связанное с пластом древностей постгуннского времени, в дальнейшем подверглось корректировке и не используется. Таким образом, к концу 40-х годов XX века были сформулированы диагностические признаки позднесарматского культурного комплекса и обрисованы хронологические рамки культуры.

С 50-х гг. до 90-х гг. XX в. существенно увеличивается число исследованных позднесарматских памятников. В этот период стала намечаться тенденция к исследованию региональных особенностей развития позднесарматской культуры. Нижневолжские материалы получили свое осмысление в работах А.С. Скрипкина (1984). Диссертационная работа А.С. Скрипкина, представленная в монографии «Нижнее Поволжье в первые века нашей эры» (1984), является первым обобщающим исследованием позднесарматской культуры на материалах одного из крупнейших регионов. Им было использовано более 400 комплексов. В работе проанализирован погребальный обряд, вещевой комплекс, впервые выделены этапы развития культуры, разработана дробная хронология,

рассмотрена проблема происхождения культуры, сделаны исторические выводы. А.С. Скрипкин выделил три этапа в развитии культуры в Нижнем Поволжье: рубеж I/II в. н. э. – третья четверть II в. н. э.; третья четверть II – середина III в. н. э.; середина III–IV в. н. э.

М.В. Кривошеев в своей диссертации «Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации» (2005) собрал весь известный на 2003 г. материал из позднесарматских памятников региона (около 600 комплексов). В работе была предложена периодизационная схема позднесарматской культуры как в пределах южной части Волго-Донского междуречья, так и в выделенных более мелких микрорайонах. Исследование особенностей погребальных традиций и хронологии вещевого материала позднесарматской культуры Нижнего Поволжья получило развитие в дальнейших работах волгоградских авторов (Кривошеев, Скрипкин, 2011; Кривошеев, 2010).

Нижнедонские памятники позднесарматской культуры наиболее подробно и глубоко рассмотрены в работах С.И. Безуглова. Эти материалы важны для понимания историко-культурных процессов не только Нижнего Подонья, но и других регионов. Предметом анализа в исследованиях С.И. Безуглова, в первую очередь, являлся социальный феномен комплекса воинских погребений позднесарматского времени (Безуглов, 1988; 1997; 2000; 2001). Автор внес важный вклад в исследование культурно-исторической ситуации на Нижнем Дону во второй половине III–IV в. н. э., где он отмечает импульс культурных влияний (и миграцию) с Северного Кавказа (Безуглов, Захаров, 1988; Безуглов, 1990; 2008). Важны наблюдения С.И. Безуглова, связанные с уточнением нижней хронологической границы позднесарматской культуры на Нижнем Дону (не ранее 137 г. н. э.), полученные при анализе нумизматического материала Танаиса (Безуглов, 2001).

Исследование памятников позднесарматской культуры южноуральских степей получило развитие позднее других регионов. Активные археологические работы здесь начинаются лишь с конца 70-х гг. XX в. (Мошкова, 2009, с. 19; Пшеничнюк, 1983). Работы приобретают масштабный и планомерный характер в конце 1990-х – начале 2000-х гг. при исследовании крупнейших некрополей позднесарматского времени (Малашев, Яблонский, 2008). Общий обзор позднесарматской культуры с подробной характеристикой хозяйственной деятельности кочевников и особенностей погребальных традиций для всех регионов распространения был предпринят М.Г. Мошковой (1989). В своих работах автор рассматривает основные группы

погребального инвентаря на широком фоне материалов этого времени от Нижнего Подонья до Средней Азии (Мошкова, 1987; 2000; 2001). Предметом ее исследований являлись также некоторые аспекты погребально-поминальной практики региона (Мошкова, 1984) и вопросы связей населения (Мошкова, 2004).

Попыткой обобщения материалов южноуральских памятников позднесарматского времени можно считать монографию С.Г. Боталова и С.Ю. Гуцалова (Боталов, Гуцалов, 2000). С.Г. Боталов предлагает связывать памятники позднесарматской культуры с т. н. «гунно-сарматским» населением, которое (*без видимых оснований* – К.М., М.В.) отличается от «сармато-аланского» населения Поволжья. В Приуралье и Западном Казахстане во II–IV в. н. э. складывается государство гуннов, разгромившее сармато-аланское население волго-донских степей. Во второй половине IV в. н. э. урало-казахстанские степи опустели, так же как Поволжье и Подонье, что связано с передвижениями племен гуннского союза (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 182–183). Предложенная этногенетическая концепция (с акцентом на гуннскую принадлежность памятников региона) не получила необходимой аргументации и была подвергнута резкой критике (Мошкова, 2007; Малашев, 2007а; Мошкова, Малашев, Болелов, 2007).

Диссертация В.Ю. Малашева «Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э.» (2013) стала итоговой обобщающей работой на данный момент для этого региона. В работе автор учел более 350 позднесарматских комплексов и на основе анализа наиболее информативных групп погребального инвентаря, разработал хронологическую схему, предложив три периода со сравнительно узкими датами. Были выделены специфические региональные признаки некоторых особенностей погребального обряда и ряда разновидностей вещевого комплекса. В этой работе В.Ю. Малашевым рассмотрена проблема происхождения позднесарматской культуры и предложен новый вариант ее решения.

Параллельно исследованию проблем региональной археологии позднесарматской культуры разрабатывались хронологические схемы для отдельных категорий инвентаря: фибул (Амброз, 1966; Скрипкин, 1977; Мошкова, 2000; Малашев, Яблонский, 2008; Кропотов, 2010), зеркал (Хазанов, 1963; Скрипкин, 1984, с. 33–34; Гугуев, Трейстер, 1995; Кривошеев, 2004), ременных гарнитур (Малашев, 2000; 2013; Васильев, 2005), котлов (Демиденко, 2008).

Вопросы хронологических рамок позднесарматской культуры являются предметом пристального внимания исследователей. Нижняя

граница позднесарматской культуры (II в. н. э.), предложенная в работах 1947 г. К.Ф. Смирнова и Б.Н. Гракова, на материалах Нижнего Дона была откорректирована С.И. Безугловым (не ранее 137 г. н. э.) (Безуглов, 2001, с. 108–119) и С.Ю. Внуковым (не позже 155 г. н. э.) (Внуков, 2007). В.Ю. Малашев ограничил финал позднесарматской культуры концом III в. н. э. (Малашев, 2009) и пришел к выводу, что в IV в. н. э. позднесарматская культура в качестве целостного явления отсутствует практически на всей территории степей Восточной Европы: в Южном Приуралье не известны памятники, датируемые IV в. н. э., на Нижнем Дону позднесарматская культура вытесняется археологическим комплексом аланской культуры Северного Кавказа (Безуглов, 1990; Малашев, 2010). Лишь на территории Нижнего Поволжья в IV в. н. э. встречаются памятники позднесарматской культуры (Кривошеев, 2016), которые, однако, крайне малочисленны, не создают впечатления целостного культурного явления и, вероятно, исчезают до появления в восточно-европейских степях гуннов (Кривошеев, Борисов, 2019). Таким образом, речь идет об ограничении верхней хронологической границы позднесарматской культуры временем около рубежа III/IV в. н. э., исключая нижеволжский регион, где она определяется IV в. н. э. без последней четверти данного столетия.

Антропологические материалы позднесарматской культуры обширны. В настоящее время разрабатываются проблемы региональных особенностей популяций позднесарматского времени на материалах Нижнего Дона (Батиева, 2011), Нижнего Поволжья (Балабанова, 2003; 2009), Южного Приуралья (Малашев, Яблонский, 2008). М.А. Балабановой защищена докторская диссертация, основанная на антропологических материалах и посвященная позднесарматской культуре в целом (2013).

Большинство антропологов сходятся во мнении, что носители позднесарматской культуры были неоднородны в антропологическом отношении. Сама культура формировалась в середине II в. н. э. в результате миграции, в основе которой лежало перемещение мужских воинских коллективов, и которая стала причиной распространения тех культурных компонентов, которые составили круг признаков новой культуры. Женское население во всех регионах распространения позднесарматской культуры, и в Южном Приуралье (Малашев, Яблонский, 2008, с. 75–77), и в Нижнем Поволжье принадлежало к тому же антропологическому типу, что и предыдущий период. Правда в последнем случае следует отметить, что этот тип присущ только группе, не практиковавшей обычай

искусственной деформации черепа (Балабанова, 2013, с. 295).

Генезис культуры. На сегодняшний день большинством исследователей признается миграционный характер инноваций в обряде и некоторых категориях инвентаря позднесарматской культуры. Эти вопросы нашли отражение в работах А.С. Скрипкина (Скрипкин, 1982; 1984), М.Г. Мошковой (Мошкова, 1989), С.И. Безуглова (Безуглов, 1988; 1997; 2001), В.Ю. Малашева (Малашев, Мошкова, 2010; Малашев, 2011), М.В. Кривошеева (Кривошеев, 2010; Кривошеев, Скрипкин, 2011). На формирование позднесарматской культуры Нижнего Дона и Нижнего Поволжья существенное влияние оказало наличие предшествующего среднесарматского культурного пласта, наложившего отпечаток на облик памятников (Скрипкин, 1984). В Южном Приуралье, вследствие небольшого количества среднесарматского населения, позднесарматская культура выглядит однороднее; здесь представлена почти в неизменном виде новая составляющая, явившаяся основным содержанием культуры (Малашев, Яблонский, 2008, с. 6; Мошкова, Малашев, 2010, с. 40, 41; Малашев, 2013). В работах А.С. Скрипкина (Скрипкин, 1982; 1984), а также В.Ю. Малашева и М.Г. Мошковой (Малашев, Мошкова, 2010; Малашев, 2011) формулировались гипотезы о возможных территориях, откуда началась миграция, приведшая к формированию позднесарматской культуры. Миграционный характер культуры признается также С.Г. Боталовым и С.Ю. Гуцаловым (2000), однако интерпретация вызывает возражения.

Область расселения. Во второй половине II – первой половине III в. н. э., в период своего наибольшего распространения, основная территория, занимаемая носителями позднесарматской культуры, простиралась от степей Зауралья до Правобережья Дона (рис. 1). На всей этой территории археологические памятники обладают культурным сходством, выразившимся в доминировании тех признаков, которые являлись культурным ядром и постепенно вытеснили среднесарматские элементы в Поволжье и Подонье.

Среди позднесарматских памятников выделяются два основных массива: восточный, центр которого располагался в Южном Приуралье, и западный, охватывающий волго-донские степи. Центр его, вероятно, находился в низовьях Дона. Восточная граница распространения памятников позднесарматской культуры охватывает часть Южного Зауралья и Западного Казахстана. Западную границу распространения позднесарматской культуры следует ограничить правым берегом Дона и Северо-Восточным Приазовьем. Именно

здесь находятся крайние западные памятники, в которых в полной мере сочетаются традиции позднесарматского археологического комплекса (Шевченко, Чугуно-Крепинка) (Кривошеев, Малашев, 2019). Далее к западу эпизодические элементы позднесарматской культуры, встречаемые в памятниках второй половины II – первой половины III в. н. э., разрознены и не оставляют впечатления единого культурного пространства (Малашев, 2009). Вероятно, в середине II в. н. э. экспансия носителей позднесарматской культуры в своем движении на запад достигла правого берега Дона. Появление новых черт, характерных для позднесарматской культуры, у кочевников Северного Причерноморья и далее к западу, вплоть до Паннонии, вероятно, связано с проникновением сюда отдельных групп позднесарматского населения. Однако это население растворилось в среде местных кочевников, не сформировав качественно новой культурной среды, как это произошло в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону (Кривошеев, 2017). Южную границу распространения позднесарматских памятников можно провести на широте Элиста – Астрахань – устье Дона; для северокавказских степей захоронения носителей этого культурного комплекса представлены лишь единичными случаями. В Волго-Донском междуречье северная граница распространения позднесарматских памятников проходит в верховьях р. Медведицы, на широте Саратова. В степях левобережья Волги наиболее северные позднесарматские погребения доходят до бассейна р. Самары, а в южноуральском регионе – до границ лесостепи.

Могильники. Все позднесарматские древности связаны исключительно с погребально-поминальными традициями и представлены в подавляющем большинстве случаев подкурганскими захоронениями. Поселенческие памятники позднесарматской культуры на данный момент неизвестны.

Курганы позднесарматской культуры, как правило, встраивались в уже существующие некрополи. Могильники, содержащие позднесарматские памятники, чаще всего находятся на вершинах водоразделов, высоких берегах рек и вытянуты в меридиональном или широтном направлении в зависимости от топографии местности; иногда курганы концентрируются на вершинах холмов. Планиграфия позднесарматских курганов в могильниках не позволяет говорить об определенной системе. Наиболее крупные по количеству курганов могильники, содержащие позднесарматские захоронения, находятся в южноуральском регионе (Лебедевские могильники, Покровка 10, Целинный I) (Малашев, Яблонский, 2008; Мошкова, 2009; Малашев, 2013).

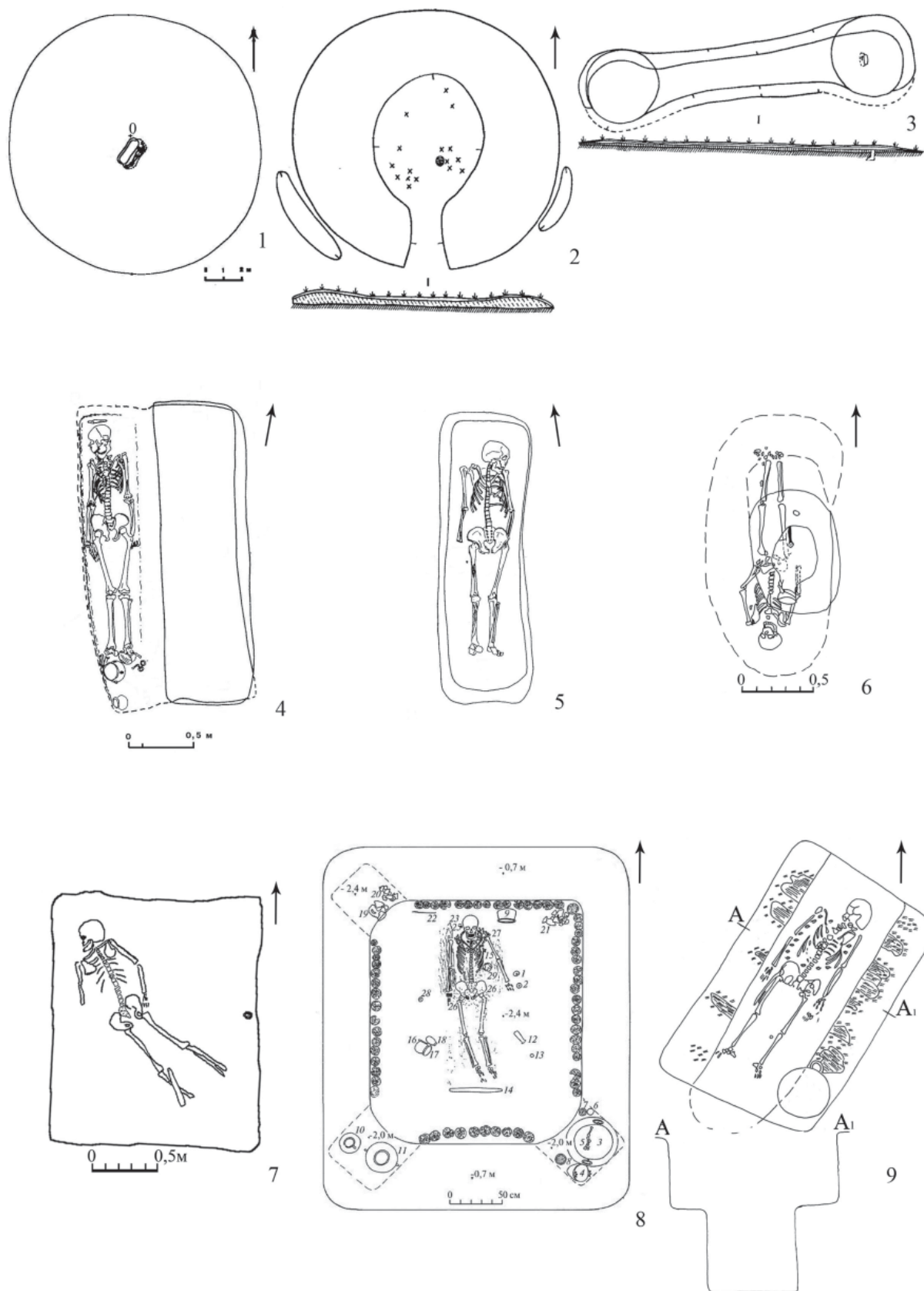

Рис. 2. Погребальный обряд.

- 1 – Покровка 10 к. 24; 2 – Лебедевка V, ограда 2; 3 – Лебедевка VI; 4 – Покровка 10 к. 22 погр. 2;
 5 – Покровка 10 к. 107 погр. 1; 6 – Кировский III к. 1 погр. 2; 7 – Жутово к. 2 погр. 1;
 8 – Лебедевка к. 2 погр. 1; 9 – Кировский I к. 1 погр. 2

Погребальный обряд. Диагностические признаки погребального обряда позднесарматской культуры были сформулированы в работах П.С. Рыкова (1925), П.Д. Рау (1927), К.Ф. Смирнова (1947) и Б.Н. Гракова (1947). Углубленному анализу погребального обряда позднесарматской культуры посвящен ряд исследований (Скрипкин, 1984; Мошкова, 1989; 2004; 2009; Кривошеев, 2005; Малашев, 2013).

В южноуральских степях позднесарматская культура выглядит более целостно и однородно, по сравнению с Нижним Поволжьем и Подоньем, где, как уже говорилось, сохраняются среднесарматские традиции, наложившие отпечаток на формирование позднесарматской культуры.

Отметим наиболее важные диагностические черты погребального обряда памятников позднесарматской культуры (Мошкова, 2009). Это подкурганное погребение под индивидуальной насыпью (рис. 2: 1). Почти все курганы земляные. В Южном Приуралье изредка встречаются каменно-земляные насыпи. Как правило, под насыпью находится одно, расположенное в центре погребение (в качестве исключения – два погребения). Ровики вокруг курганов известны в четверти случаев. В насыпях нередко встречаются кости животных и развалы сосудов. Помимо этого, для Южного Приуралья характерна важная черта – присутствие в насыпи или на древнем горизонте кострищ, угля, золы, прокаленного грунта.

Погребения совершены, преимущественно, в подбоях или узких и средних прямоугольных, а также овальных ямах (рис. 2: 4, 5). Достаточно часто в конструкции погребальных сооружений использовалось дерево: в качестве перекрытий или заслона подбоя, реже в виде настила на дне или обшивки стенок (рис. 2: 8). Наиболее распространены индивидуальные захоронения. Самая распространенная поза погребенного – вытянуто на спине (рис. 2: 4–9); единичные варианты – вытянуто на боку, вытянуто на животе и скорченно на боку. Наиболее распространенное положение рук – вытянуто вдоль туловища; нередко положение одной или двух кистей на/под бедром/тазом. Положение ног: 1) вытянуты вдоль оси туловища или под небольшим углом к ней (80–85 %); 2) перекрещены в голенях или стопах; 3) согнуты и подняты коленями вверх. Ориентировка погребенных головой в северный сектор (СЗ-С-СВ) в Южном Приуралье доходит до 97 % (рис. 2: 4, 5, 7–9). В Волго-Донском регионе этот показатель для второй половины II – первой половины III в. н. э. значительно ниже. Здесь отмечается высокий процент ориентировки в южный сектор, что связано с влиянием традиций среднесарматского компонента. Преобладает положение погребенно-

го по оси погребального сооружения, встречаются костяки, смещенные к одной из стенок. Диагностическим признаком является деформация черепов, достигающая в южноуральских памятниках 70 %. Фиксируются такие черты оформления могилы, как органическая подстилка под погребенным, органический покров, оборачивание лубом, наличие гроба, колоды, рамы, дощатое покрытие над костяком.

В Волго-Донском междуречье изредка встречаются катакомбы с круглой входной ямой, расположенной над камерой (тип VI, варианты 1 и 2 – Мошкова, Малашев, 1999, с. 175. Рис. 1) (рис. 2; 6). Кроме того, на данной территории сохраняются некоторые обрядовые традиции среднесарматской культуры (диагональное положение погребенного, южная ориентировка).

Из погребального инвентаря наиболее распространенной категорией являются керамические сосуды – в основном лепные (горшки, кувшины). Сосуды, сделанные на гончарном круге (кружки, кувшинчики, кувшины, миски, горшки, корчаги), происходят преимущественно из северокавказских и нижнедонских производственных центров. К востоку от Волги встречаются среднеазиатские сосуды. Керамическая посуда чаще размещалась в головах. Отмечается присутствие деревянных сосудов с металлическими крепежными деталями.

Предметы вооружения представлены железными мечами, кинжалами и, реже, луками и стрелами. Крайне редко встречаются копья и топоры. В состав инвентаря воинских захоронений входят также сбруйные наборы и нагайки. Практически все погребения с оружием принадлежат мужчинам; их насчитывается до 22 % от всех погребений.

Из предметов костюма и украшений наиболее часто встречаются бусы и бисер, фибулы, серьги и пряжки. Из других категорий инвентаря следует отметить железные ножи, зеркала, пряслица, оселки, пружинные ножницы и колокольчики.

Из ритуальных веществ наиболее часто встречается мел в виде кусков, уголь, реальгар, охра, сера, кремень и смола. Ритуальные предметы представлены находками меловых пирамидок (Южное Приуралье), раковин, курильниц (наиболее популярные – кубической и усеченно-пирамидальной формы), а также изредка астрагалов, галек и амулетов. Находки костей животных в погребении – преимущественно, нога барана, часто с тазовой костью.

Заканчивая рассмотрение и характеристику погребального обряда, нужно сказать, что основные культурно-диагностические признаки позднесарматского комплекса – обрядовые. Именно виды погребальных сооружений, ориентировка

погребенных, деформация черепов, при наличии некоторых предметов вещевого комплекса (кубические и усеченно-пирамидальные курильницы, формы лепных горшков, длинные всаднические мечи, крупные оселки и др.), наиболее показательны при выделении погребальных комплексов данной культуры.

Хронология, основные группы предметов материальной культуры. В течение длительного времени разработка относительной хронологии и привязка ее к абсолютной шкале через импортные, прежде всего, античные предметы, найденные в степных погребениях, позволили создать хронологию погребального вещевого инвентаря позднесарматской культуры.

Наиболее массовой категорией инвентаря в погребениях являются лепные и круговые керамические сосуды (рис. 3: 1–23). Лепная керамика слабо поддается типологизации, вследствие низкой стандартизации, и в отношении оценки хронологии мало информативна (рис. 3: 18–23). Круговые формы мелких столовых форм, одно- и двухручных кувшинов, мисок, горшков поступали к степному населению из производственных центров Северного Кавказа, Нижнего Дона и Средней Азии. Северокавказская керамика наиболее часто использовалась как в Волго-Донском регионе, так и в Южном Приуралье (рис. 3: 1–8, 10–13). После середины III в. н. э. нижнедонская меотская посуда (рис. 3: 9, 14), широко распространенная в Поволжье и на Нижнем Дону, не встречается. Среднеазиатские сосуды (рис. 3: 15–17) к западу от Волги неизвестны.

Предметы вооружения представлены, преимущественно, мечами и кинжалами (рис. 4). В позднесарматское время господствующим становится тип мечей без металлического навершия и перекрестия (рис. 4: 1, 3, 7, 13); получают распространение детали в виде каменных (в т. ч. нефритовых) наверший и скоб (рис. 4: 2–4, 8, 9), которые, как правило, маркируют статусные воинские комплексы. Характерным позднесарматским элементом воинского набора стали длинные, прямоугольные и квадратные в сечении оселки, длина которых могла достигать 63 см (рис. 4: 22). Ведущим типом кинжалов также становится тип без навершия и перекрестия, но продолжают встречаться и кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым навершием, тонким ромбовидным перекрестием (рис. 4: 14–16). Вероятно, в состав набора клинкового вооружения входили ножи, сложносоставные рукояти которых частично или целиком выполнены из бронзы (рис. 4: 20–21). Их нередко находят вместе с кинжалами. Необходимо также отметить небольшую серию биметаллических кинжалов с прямым перекрестием и волнитообразным навер-

шием. В позднесарматских памятниках широкое распространение получают сложносоставные луки. В погребениях фиксируются костяные концевые и срединные накладки (рис. 4: 12). После середины II в. н. э. стрелы в могилы клали достаточно редко, как правило, в виде единичных наконечников, вероятно, обозначая их присутствие в могиле (рис. 4: 17–19).

Конская сбруя. Удила, преимущественно, с кольчатым трензелем (рис. 5: 1). Изредка встречаются колесовидные псалии (рис. 5: 4, 5, 9, 10) (Валовый к. 25 п. 1; Центральный VI к. 16 п. 8; Старица к. 26 п. 1; курган 9 Покровки 2; курган 24 Лебедевки VI), псалии с секировидными окончаниями (рис. 5: 8) (Московский II к. 2 п. 1, Старица к. 60 п. 1). В состав сбруйных наборов входили также нащечники (рис. 5: 3, 6, 7, 11, 12), бляхи-подвески (рис. 5: 2), зажимы (рис. 5: 1, 13–16), кольца с зажимами и округлые крепежные накладки (рис. 5: 26–28, 38), характерные для комплексов первой половины – середины III в. н. э. Особенностью южноуральских сбруйных наборов являются украшения ремней (ошейника или нагрудного ремня) накладками (бляхами) прямоугольной формы с загнутыми краями, имитирующими массивность изделия; в состав комплексов часто входят морфологически близкие бляхам пряжки (рис. 5: 17–20, 29–31, 33, 38). Подобные бляхи являются специфической особенностью сбруйных наборов Заволжья и южноуральских степей середины – второй половины III в. н. э. без финала столетия (Малашев, 2000; 2013). С начала III в. н. э. распространяются сбруйные детали, изготовленные из серебра и украшенные фасетировкой. Большинство богатых уздечных наборов относится к первой половине III в. н. э.

Типология и хронология ременных гарнитур, разработанная В.Ю. Малашевым (2000), показывает стремительное развитие и стилистическое усложнение данных деталей в позднесарматское время. Хронологические особенности предметов ременных гарнитур связаны с изменениями формы рамок, язычков и щитков пряжек (рис. 6). С начала III в. н. э. появляется фасетировка в качестве украшения деталей ременных гарнитур (рис. 5: 5, 13–16; 6: 10–15, 17, 18, 20, 21, 32, 33). Широкое распространение получают наконечники ремней (рис. 6: 20–36). Применение в оформлении ременных гарнитур каменными и стеклянными вставками, сканью и зернью встречается крайне редко (рис. 6: 6, 7, 34).

Одной из опорных в хронологическом отношении категорий инвентаря являются фибулы (рис. 7: 1–19). Для второй половины II – первой половины III в. н. э. отмечается поступление фибул, преимущественно, из нижнедонских произ-

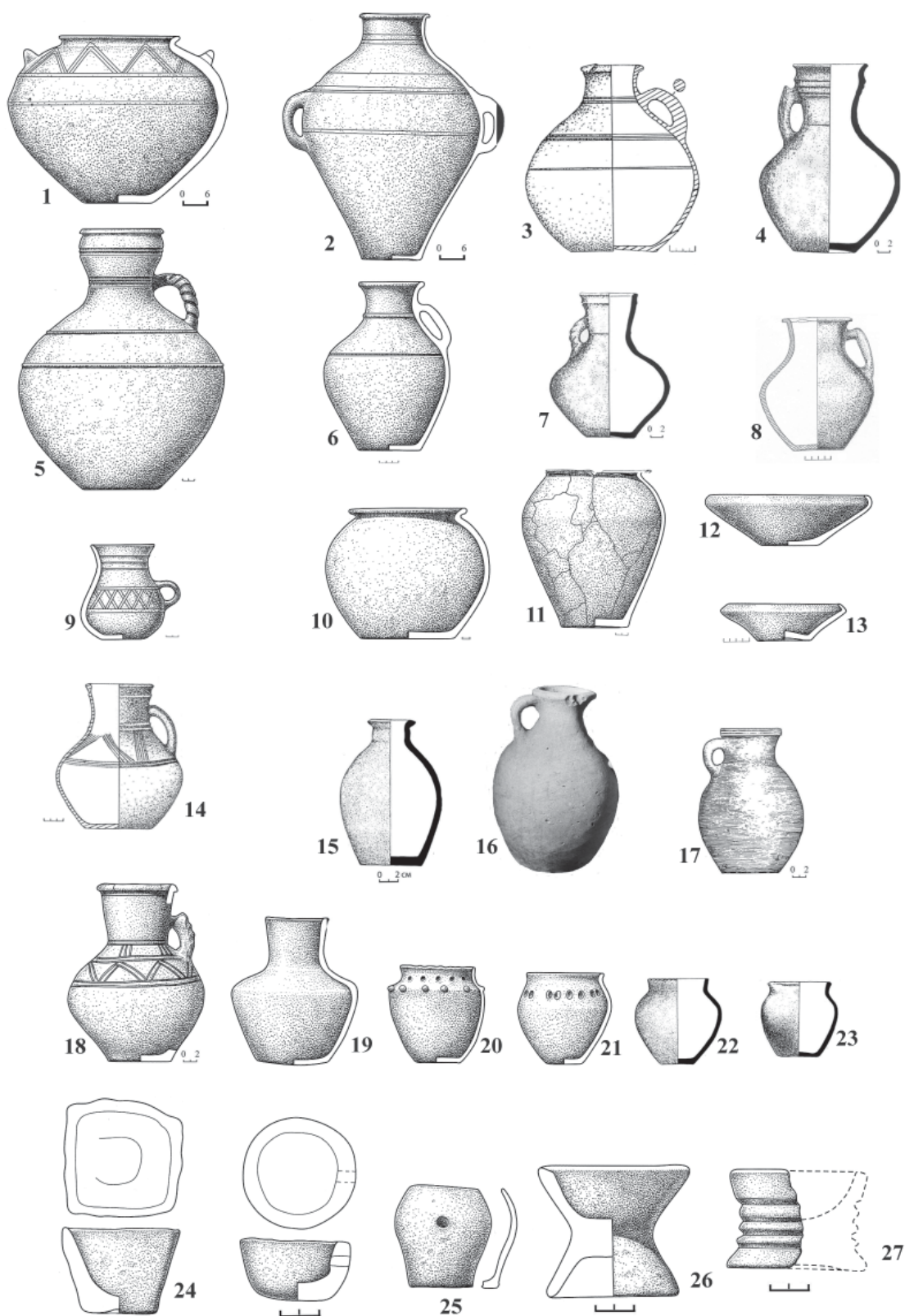

Рис. 3. Круговая (1–17) и лепная (18–28) керамика.

1, 2, 24 – Покровка 2 к. 9; 3 – Абганерово IV к. 5 погр. 1; 4, 7 – Покровка 2 к. 6; 5 – Старица к. 69 погр. 1; 6 – Вербовский I к. 5 п. 1; 8 – Перегрузное I к. 17 п. 1; 9 – Кривая Лука XVII к. 9 п. 1; 10 – Перегрузное I к. 15 п. 1; 11 – Покровка 10 к. 19 погр. 1; 12 – Аксай I к. 1 погр. 1; 13 – Перегрузное I к. 27 п. 1; 14 – Лебедевка к. 1; 15 – Покровка 10, к. 50; 16 – Новорский, к. 8; 17 – Лебедевка V к. 11; 18 – Лебедевка V к. 23; 19 – Покровка 10 к. 24; 20 – Покровка 10 к. 99; 21 – Покровка 10 к. 122; 22 – Покровка 10 к. 115; 23 – Покровка 10 к. 78; 24 – Кировский III к. 1 п. 1; 25 – Эльтон к. 8 п. 1; 26 – Целинный I к. 8 п. 1; 27 – Магнитный к. 3

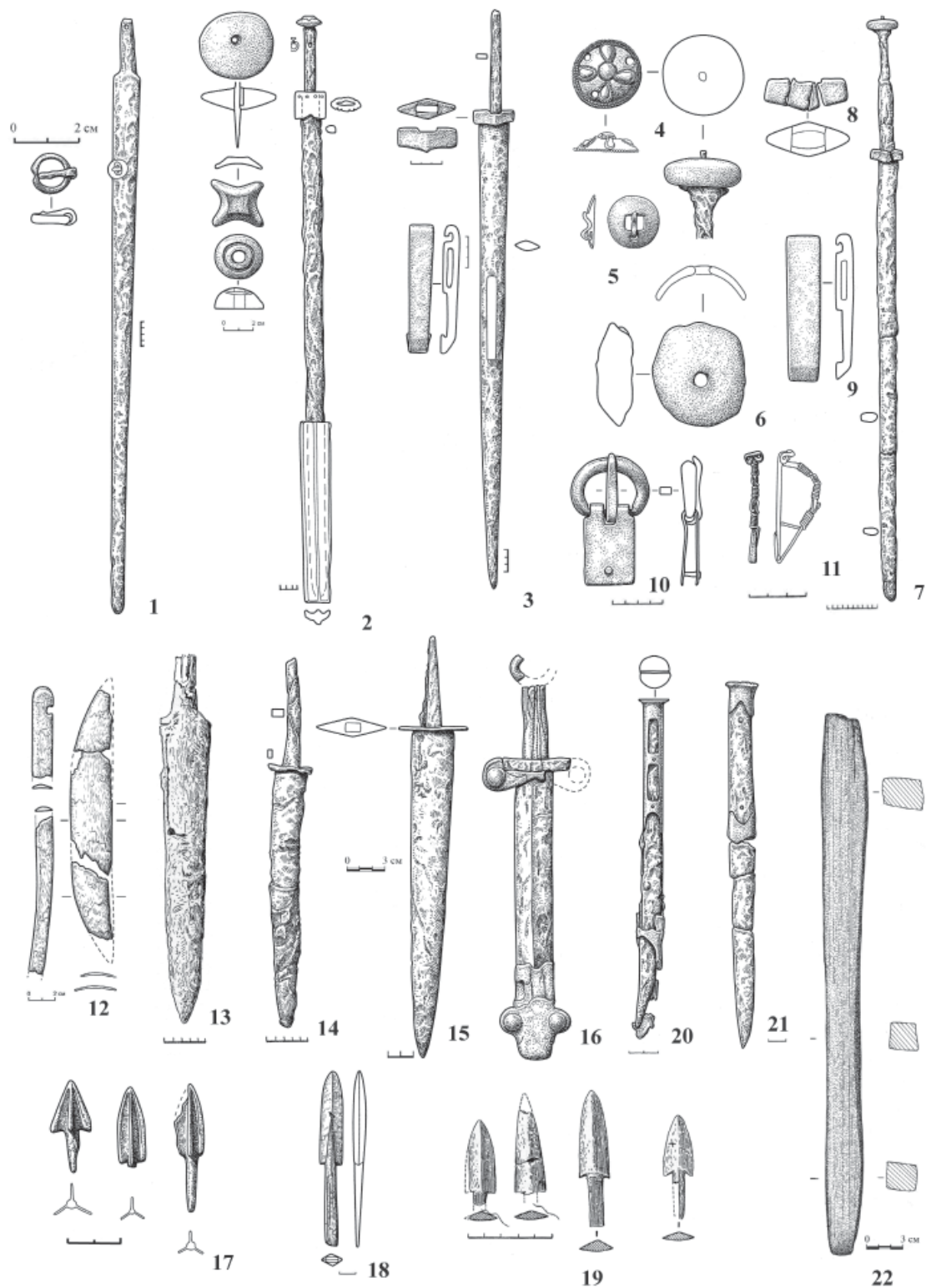

Рис. 4. Предметы вооружения

1 – Лебедевка VI к. 22; 2 – Целинный I к. 6; 3 – Сладковский к. 19 п. 1; 4–11 – Камышевский I к. 8 п. 1; 12 – Покровка 10 к. 19 п. 2; 13 – Калиновский к. 48 п. 1; 14 – Старица к. 63 п. 1; 15 – к.г. Гремячая к. 1 п. 2; 16 – Валовый к. 25 п. 1; 17 – Барановка I к. 23 п. 1; 18 – Колобовка III к. 1 п. 1; 19 – Калиновский к. 7; 20 – Ковыльнов III к. 5 п. 1; 21 – Аксай II к. 5 п. 1; 22 – к.г. Гремячая к. 1 п. 2. 1 – железо, бронза; 2 – железо, дерево, халцедон, бронза; 3 – железо, халцедон; 4 – железо, янтарь, бронза, золото, стекло; 5 – серебро; 6 – ракушка; 7 – железо, бронза, золото, серебро, стекло, янтарь, нефрит, дерево; 8, 9 – нефрит; 10 – бронза; 11 – бронза; 12 – кость; 13, 14 – железо; 15 – железо, бронза; 16 – железо, дерево, бронза, серебро; 17 – железо; 18, 19 – кость; 20 – железо, бронза; 21 – камень

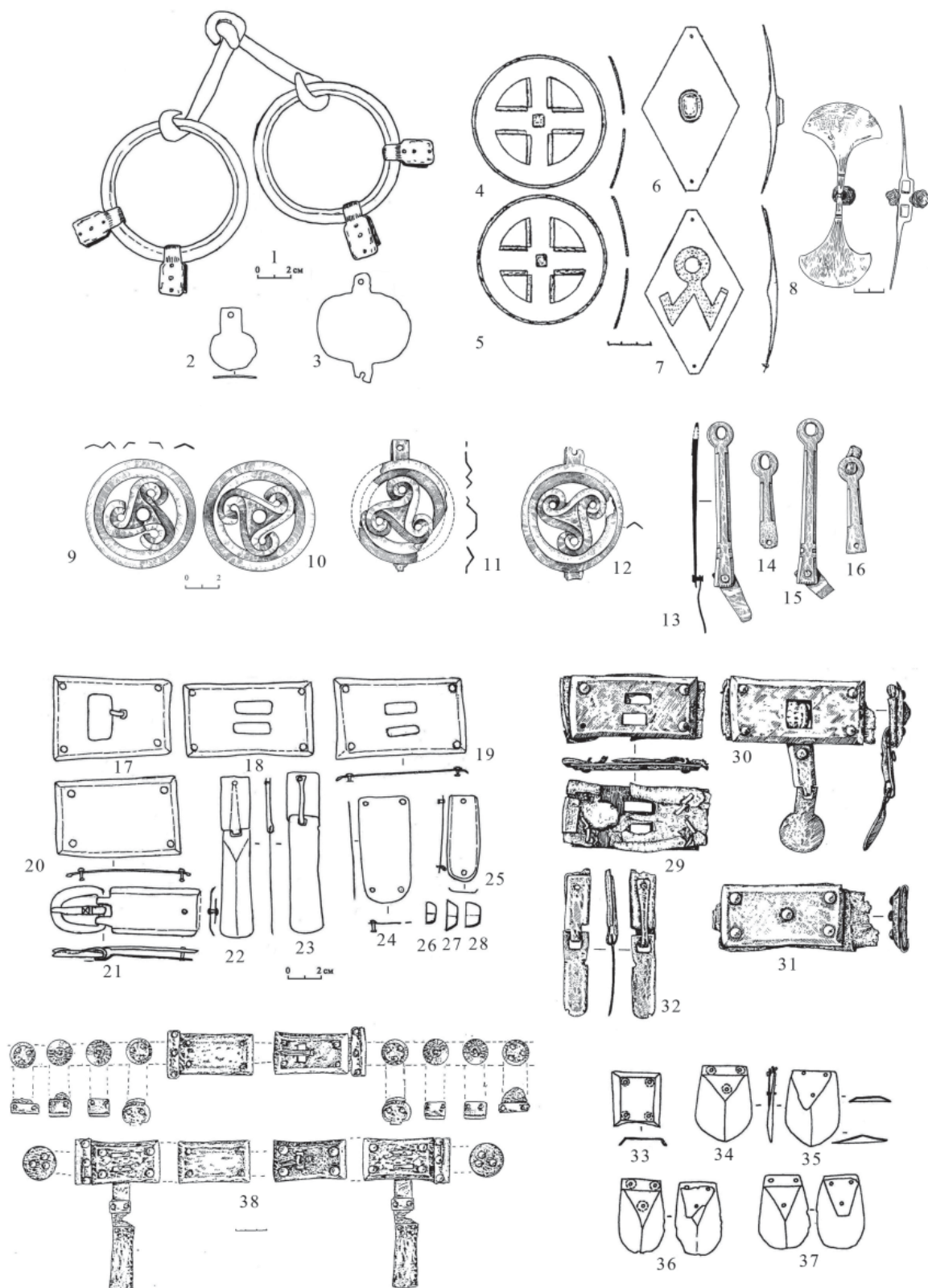

Рис. 5. Сбруйные наборы

1–3 – Березняки, к. 7; 4–7 – Центральный VI, к. 16, п. 8; 8 – Старица, к. 60;
 9–16 – Лебедевка VI, к. 24; 20–28 – Лебедевка, к. 1; 29–32 – Лебедевка VI, к. 3; 33–37 – Кировский, к. 4;
 38 – Лебедевка VI, к. 1 (реконструкция ремня ошейника по М.Г. Мошковой).
 1, 2, 3 – железо, бронза; 4, 5 – серебро; 6 – серебро, золото, сердолик; 7 – серебро, золото;
 8 – бронза, железо; 9–16 – серебро; 17–38 – бронза

водственных центров. В основном это варианты сильно профилированных фибул с крючком для тетивы (группа 11, серия I, варианты 2 и 3) (рис. 7: 6, 7) и лучковых одночленных подвязных фибул (группа 15, серия I, варианты 4 и 5) (рис. 7: 1–3). После разрушения нижнедонских городищ в середине III в. большая часть фибул поступает из северокавказских мастерских (двучленные лучковые группы 15 серии III (рис. 7: 4) и сильно профилированные с нижней тетивой группы 11 серии II вариантов 2 и 3 (рис. 7: 8)), лесостепных районов Волго-Уралья (см. ниже) и районов распространения черняховской культуры (Кривошеев, Малашев, 2016). В южноуральских памятниках, кроме т. н. северопричерноморских типов застёжек, были широко распространены пружинные фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника – варианты 7 и 8 группы 13 по А.К. Амброзу (1966) (рис. 7: 5, 9, 13), а также крупные, повторяющие схему лучковых, одночленные фибулы с широкой раскованной орнаментированной ножкой (рис. 7: 10, 11). Встречаются также провинциально-римские шарнирные фибулы с эмалью (рис. 7: 15–17).

В позднесарматское время распространяются иные чем прежде типы зеркал: наиболее популярными становятся зеркала-подвески с боковым ушком и орнаментом на обратной стороне (рис. 7: 21–23, 25), а также зеркала с центральной петелькой (рис. 7: 24, 26, 27) (соответственно, типы IX и X по А.М. Хазанову (1963)). Оба типа существуют на всем протяжении позднесарматской культуры. Встречаются также китайские зеркала (рис. 7: 29, 30) и их реплики.

Среди погребального инвентаря встречаются вещи импортного производства. В первую очередь, это металлическая римская посуда: тазы, ковши, кувшины, цедилки, амфоры (рис. 9: 4–17). В хронологическом отношении эти находки не могут являться опорными индикаторами, поскольку в кочевнических комплексах, как правило, запаздывают относительно своего основного времени бытования в италийских провинциях. В качестве импортов также можно отметить поступление к кочевникам посуды из стекла, металлических украшений, бус. Как правило, вещи импортного производства маркируют высокостатусные погребения.

Для южноуральских древностей позднесарматского времени характерны находки полых серёг калачевидной формы с проволоочной дужкой (рис. 8: 1–3), вероятно, среднеазиатского производства, наиболее ранние образцы которых встречены в погребениях первой половины III в. н. э., но большая часть находок связана с комплексами середины – второй половины III в. н. э. Наибольшее

количество находок происходит из Южного Приуралья и Зауралья; в Заволжье их количество заметно уменьшается. Известны также проволоочные серьги в один оборот, украшенные навивкой (рис. 8: 4–6).

В составе инвентаря женских погребений встречаются ожерелья, состоящие из спиралевидных пронизей, изготовленных из серебряной или бронзовой проволоки, с нанизанными 14-гранными бусинами (рис. 8: 7–11) и распространенные от Нижнего Дона до Южного Приуралья и Зауралья. Хронологические рамки данных украшений охватывают практически весь III в. н. э. Характерными для комплексов второй половины III в. н. э. можно считать ожерелья из подвесок-лунниц (рис. 8: 19). Встречаются ожерелья, состоящие из каплевидных подвесок, инкрустированных камнями (рис. 8: 12, 13).

Кроме этого, в составе украшений нужно отметить различного вида подвески (рис. 8: 14–18) и нашивные бляшки (рис. 8: 1–3).

К сакральной категории инвентаря принято относить глиняные курильницы. Наиболее характерным типом для позднесарматской культуры стали курильницы кубической и усеченно-пирамидальной формы, однако в Южном Приуралье встречаются и иные формы (рис. 3: 24–27). Яркой находкой в позднесарматских памятниках являются разнообразные по форме и размерам колокольчики (рис. 8: 33–37). В женских захоронениях середины II – первой половины III в. н. э. получают распространение железные пружинные ножницы, нередко сопровождающие зеркала (рис. 8: 43). В погребениях, преимущественно в женских, в большом количестве встречаются т. н. пряслица, имеющие большое морфологическое разнообразие (рис. 8: 38–42). Редкой находкой, как правило, маркирующей статусные погребения, являются бронзовые литые котлы (рис. 9: 1–3).

Периодизация культуры. Динамика развития культуры во времени. Согласно анализу материалов с территории Нижнего Дона, носители позднесарматской культуры появляются здесь не ранее 137 г. н. э. (Безуглов, 2001, с. 108–119) и не позже 155 г. н. э. (Внуков, 2007). Археологические данные свидетельствуют о быстром распространении носителей позднесарматской культуры от Южного Приуралья до Нижнего Дона. Для памятников Южного Приуралья выраженные этапы в развитии культуры не прослеживаются, исключая появление в середине III в. н. э. небольшой по численности группы элитарных захоронений; со второй половины II в. н. э. позднесарматская культура здесь представлена комплексами со сформировавшимся набором признаков. Хроноиндикаторы IV в.

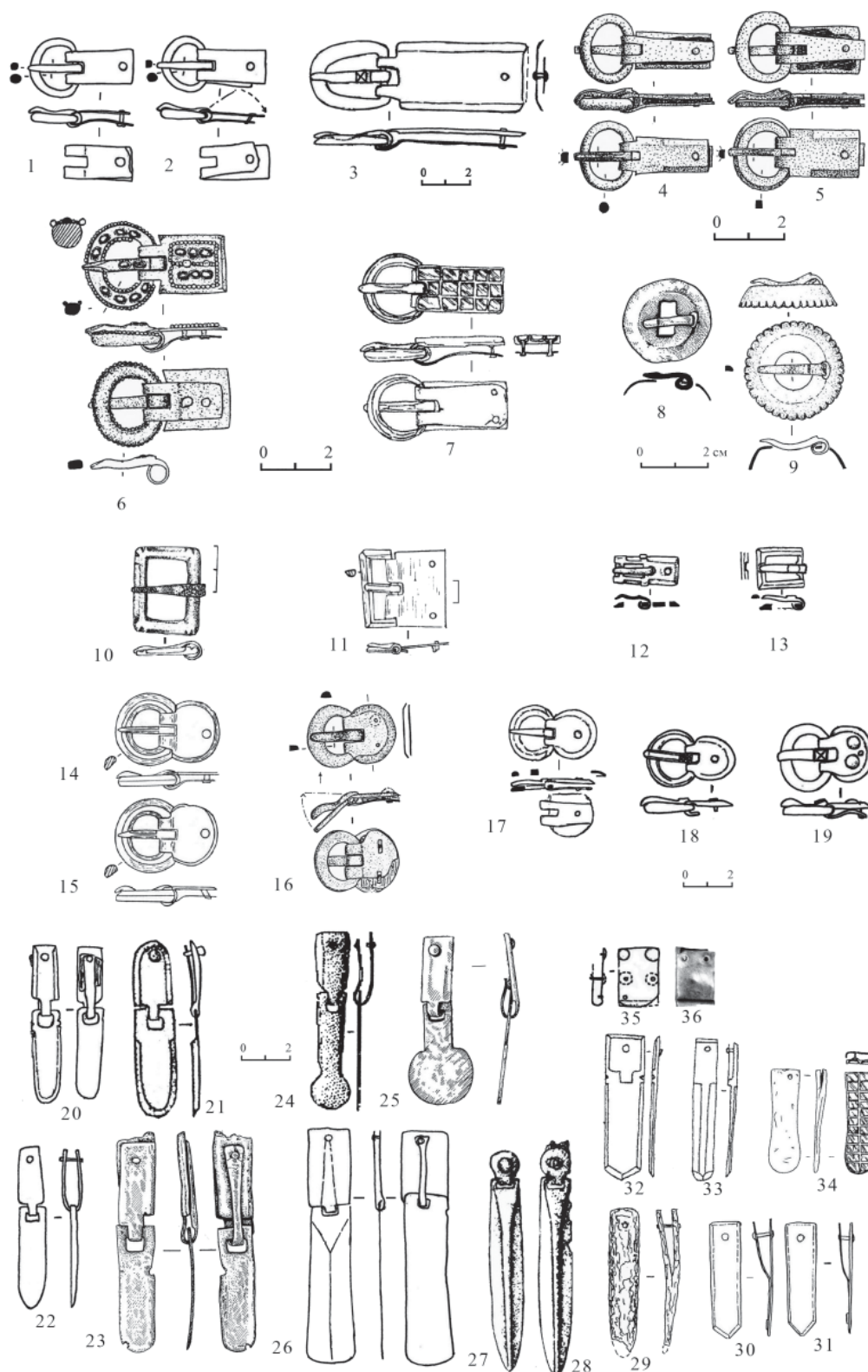

Рис. 6. Ременные гарнитур

1, 2, 30, 31 – Красный Яр, к. 3; 3, 20, 26 – Лебедевка, к. 1; 4, 5 – Покровка 2 к. 9; 6 – Покровка 10, к. 19;
 7, 34 – Бердянка V, к. 6; 8, 23, 25 – Лебедевка VI, к. 3; 9 – Покровка 10, к. 43; 10 – Вербовский I, к. 5 п. 1;
 11, 14, 15, 32, 33 – Центральный VI, к. 16, п. 8; 12 – Лебедевка VI, к. 37; 13, 17 – Конзавод I, к. 9;
 16 – Покровка 10, к. 63; 18, 19 – Семиглавый Маар, к. 1; 21 – Целинный I, к. 6; 22 – Котлубань V к. 2 п. 1;
 24 – Байрамгулово, к. 2, п. 2; 27, 28 – Малково, к. 1; 29 – Покровка 10, к. 57.
 1, 2 – бронза; 3 – бронза; 4, 5 – серебро; 6 – золото, сердолик; 7, 34 – золото, сердолик;
 8, 23, 25 – бронза; 9 – серебро; 10 – бронза; 11 – серебро; 13, 17 – бронза; 14–15 – серебро;
 16 – серебро; 21 – бронза; 22 – серебро; 24 – бронза; 27, 28 – бронза; 29 – железо; 30, 31 – бронза

н. э. в памятниках Южного Приуралья отсутствуют (Малашев, 2009; 2013).

В Волго-Донском регионе, где наиболее ранние памятники позднесарматской культуры также датируются серединой II в. н. э., ввиду мощного субстратного компонента среднесарматского населения, отмечается длительный процесс оформления культуры, в основе которой лежал привнесенный позднесарматский культурный импульс. В результате взаимодействия культур появляются комплексы со смешанными чертами. Примером могут быть диагональные погребения: являясь диагностическим признаком среднесарматской культуры I – первой половины II в. н. э., после середины II в. н. э. они продолжают встречаться, преимущественно, в Волго-Донском междуречье. Однако в них появляются обрядовые нормы, характерные для позднесарматской культуры (северная ориентировка, деформация черепа, кубические и усеченно-пирамидальные курганы).

К началу III в. н. э. элементы среднесарматской культуры окончательно исчезают в погребальном обряде. На всей территории распространения позднесарматской культуры погребальные традиции унифицируются. В первой половине III в. н. э. и в восточной, и в западной частях позднесарматского ареала появляются погребения, которые можно интерпретировать как высокостатусные захоронения. Вероятно, в этот период происходит формирование элит в обществе.

В середине III в. н. э. в волго-донских степях происходят события, которые коренным образом меняют ситуацию в регионе. Разрушается самая северная торговая фактория античного мира – Танаис, исчезают меотские городища на Нижнем Дону. На территории Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья появляются погребальные памятники нового типа, генетически связанные с аланской культурой Северного Кавказа.

Судя по изменениям погребального обряда (резкого уменьшения количества подбоев), позднесарматское население, оставшееся на данной территории, к IV в. н. э. ассимилируется носителями аланской культуры Северного Кавказа, совершавшими захоронения в Т-образных катакомбах, культурные традиции которых не имеют отношения к позднесарматским.

После середины III в. н. э. собственно позднесарматские памятники встречаются, преимущественно, в Астраханском Правобережье, на территории Саратовской области и в Южном Приуралье (исключая финал столетия). Если комплексы второй половины III в. н. э. в этих регионах выделяются довольно надежно, то индикаторов IV в. н. э. крайне мало или они отсутствуют (Южное Приуралье). Таким образом, позднесарматская

культура для какой-то части IV в. н. э. сохраняется лишь в отдельных районах Поволжья; однако количество этих комплексов невелико, инвентарь их сравнительно беден. Для всех остальных территорий, входивших в ареал ее распространения, верхняя хронологическая граница может быть обозначена не позднее рубежа III/IV в. н. э. Расцвет позднесарматской культуры приходится на вторую половину II – первую половину III в. н. э. Вторая половина III в. н. э. – период постепенного угасания и размывания традиционных черт культуры (Малашев, 2009).

Региональные особенности. На сегодняшний день нет оснований в полной мере выделять локальные варианты позднесарматской культуры. Более корректно говорить о региональных особенностях памятников: южноуральских и волго-донских (Кривошеев, 2020а).

Как уже упоминалось выше, в позднесарматской агломерации отмечаются две группы памятников, в которых, при наличии единой культурной основы, в силу определенных причин фиксировались свои особенности в развитии, связанные, в первую очередь, с наличием в Волго-Донском регионе существенного субстратного среднесарматского компонента при формировании культуры. В связи с этим в памятниках нижневолжских и южноуральских степей отмечаются различия в некоторых особенностях формирования погребально-поминальной обрядности. Для нижневолжских памятников характерна связь с традициями предшествующей среднесарматской культуры. В Южном Приуралье отмечаются черты, характерные только для этого региона. Отчасти на это могли влиять контакты позднесарматских племен с населением Средней Азии.

В Южном Приуралье нередко встречаются насыпи без погребений. В них на древнем горизонте находятся керамические сосуды и, изредка, кости животных; в отдельных случаях фиксируются следы огня. Интерпретация данных курганов затруднена, вследствие небольшого количества исследованных объектов: возможно, они выполняли поминальную функцию.

Важный аспект, также характерный для Южного Приуралья, непосредственно связанный с идеологическими представлениями носителей позднесарматской культуры, – наличие в составе могильников кольцевых насыпей (рис. 2: 2). Подобные сооружения представлены практически во всех более или менее крупных, содержавших несколько десятков насыпей, некрополей: Покровка 10, Джанатан, Липовка (Шиханы), Лебедевка IV, V, VI, Большекараганский, Друженский, Магнитный, Целинный I, Сарытау, Восточно-Курайлинский I, Атва I-III. Часть сооружений

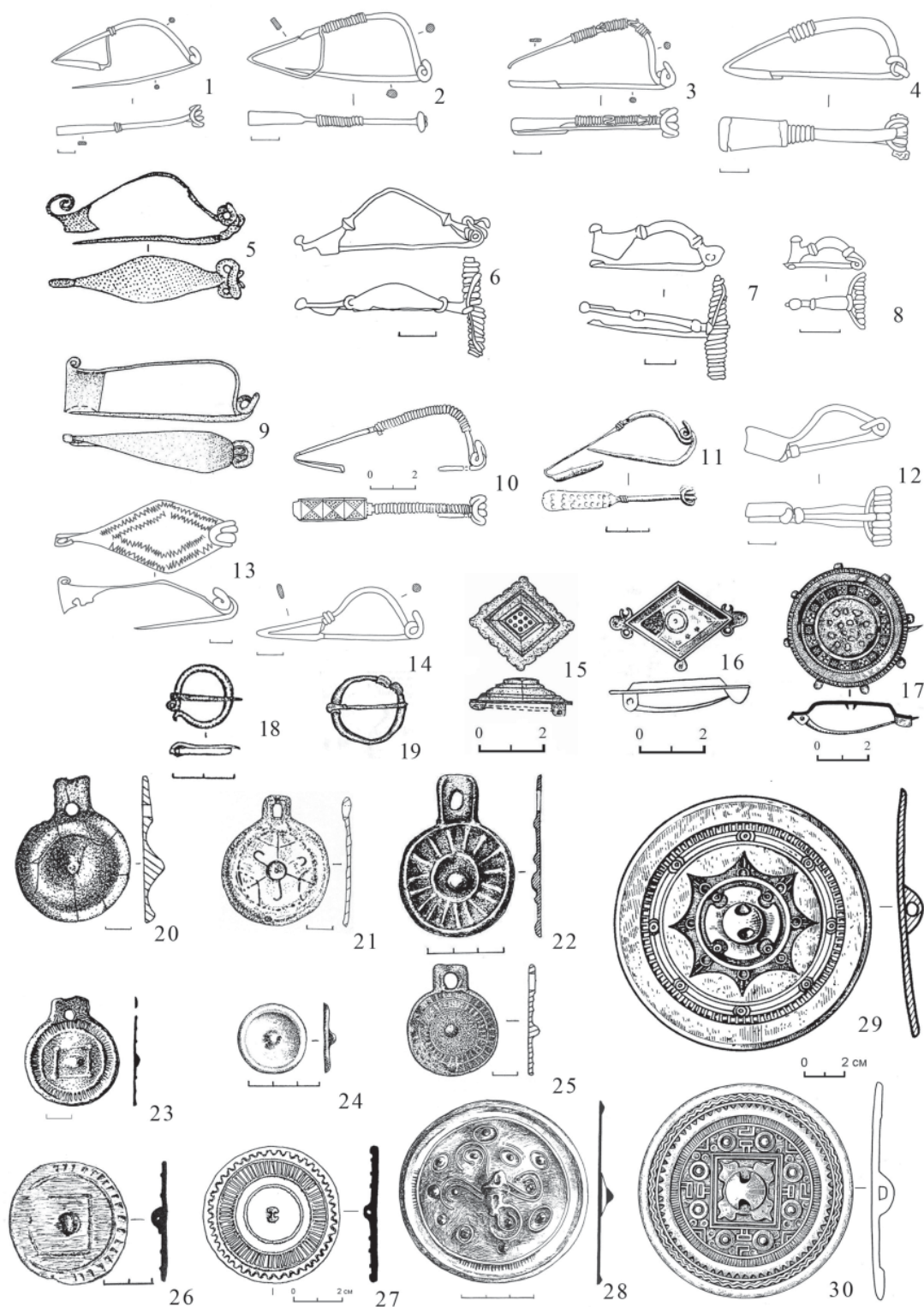

Рис. 7. Фибулы и зеркала

- 1 – Подгорненский IV к. 19 п. 1; 2 – Хар Нуурин Толга к. 6 п. 1; 3 – Подгорненский IV к. 16 п. 1; 4 – Абганерово II к. 25 п. 1; 5 – Целинный I к. 86 п. 1; 6 – Аксай I к. 1 п. 1; 7 – Джангар к. 35 п. 1; 8 – Барановка к. 3 п. 1; 9 – Покровка 10 к. 68; 10 – Усатово к. F16; 11 – Темясовский к. 3; 12 – Кривая Лука VI к. 8 п. 1; 13 – Кривая Лука XVII к. 30 п. 1; 14 – Веселый III к. 2 п. 1; 15 – Покровка 10 к. 24; 16 – Темясовский к. 3; 17 – Лебедевка II к. 1; 18 – Абганерово II к. 13 п. 1; 19 – Купцын Толга к. 27 п. 1; 20 – Племхоз к. 8 п. 1; 21 – Западные могилы к. 23 п. 1; 22 – Маляевка V к. 10 п. 1; 23 – Кузин хутор к. 24 п. 1; 24 – Валовый I к. 9 п. 1; 25 – Перегрузное I к. 27 п. 1; 26 – Верхнерубежный I к. 10 п. 2; 27 – Покровка 10 к. 96; 28 – Валовый I к. 33 п. 1; 29 – Лебедевка V к. 23 п. 1; 30 – Лебедевка VI к. 39 п. 1. 1–7 – бронза; 8 – серебро; 9–14 – бронза; 15–17 – бронза, эмаль; 18–23 – бронза; 24 – билон; 25–29 – бронза

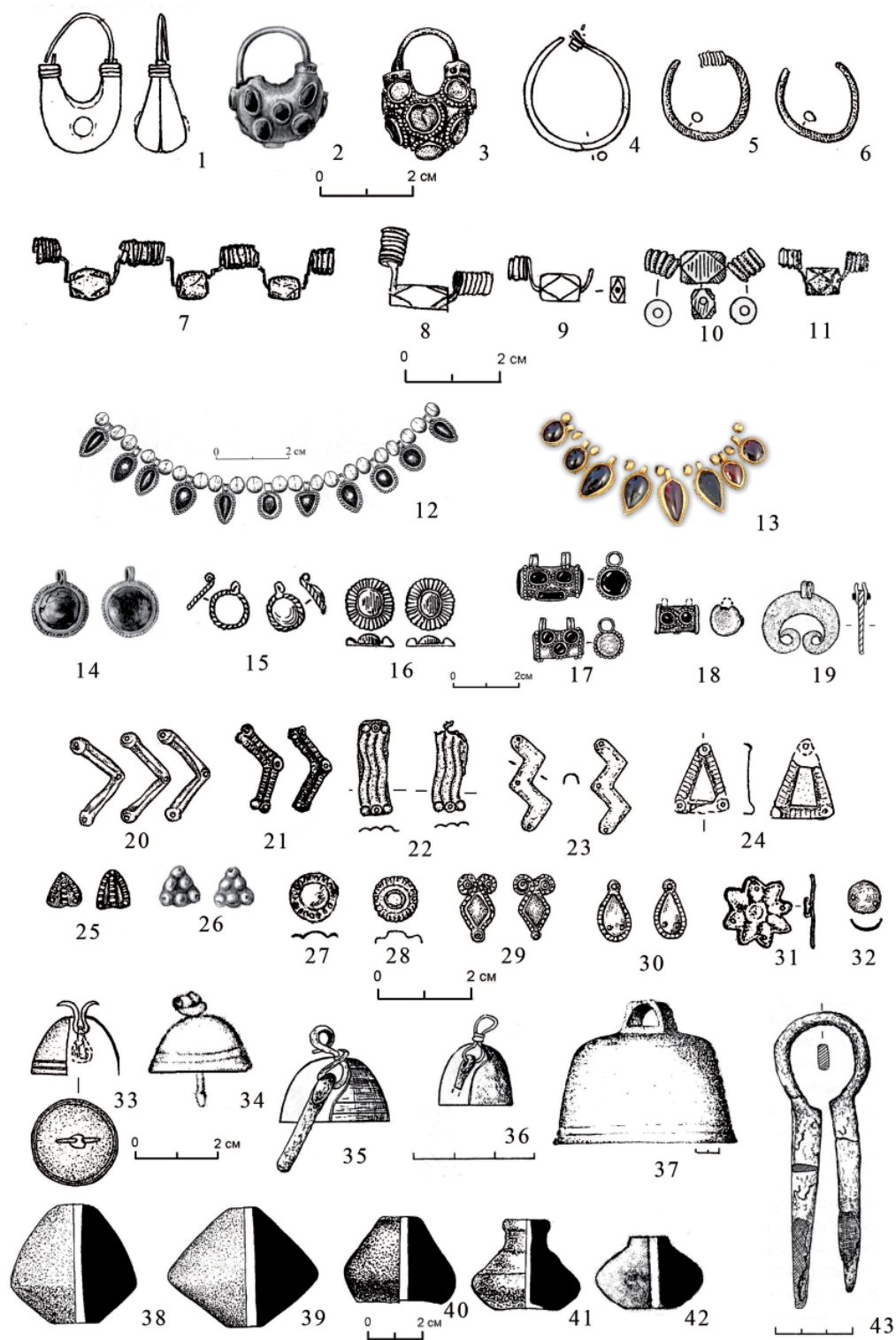

Рис. 8. Украшения (1–32), колокольчики (33–37), ножницы (43) и пряслица (38–42)

1 – Кара-Тал к. 1; 2 – Лебедевка I к. 11; 3 – Лебедевка V к. 49; 4 – Темясовский к. 3; 5, 6 – Целинный I к. 86; 7 – Покровка 10 к. 45; 8 – Кисык-камыс к. 8; 9 – Темясовский к. 4; 10 – Целинный I к. 32; 11 – Дербеневский к. 19; 12 – Валовый I к. 33 п. 1; 13 – Магнитный к. 21 п. 1; 14 – Лебедевка I к. 11; 15 – Георгиевский бугор п. 1; 16 – Восточно-Курайлинский к. 3; 17 – Лебедевка к. 2; 18 – Лебедевка VI к. 39; 19 – Три брата II к. 14 п. 1; 20 – Лебедевка к. 2; 21 – Лебедевка VI к. 39 п. 1; 22 – Покровка 10 к. 28; 23, 24 – Покровка 10 к. 96; 25 – Лебедевка V к. 23; 26 – Лебедевка I к. 11; 27 – Темясовский к. 5; 28 – Темясовский к. 3; 29, 30 – Лебедевка к. 2; 31 – Покровка 2 к. 11; 32 – Лебедевка к. 2; 33 – Покровка 10 к. 96; 34 – Андреевка к. 13; 35, 36 – Валовый I к. 9 п. 1; 37 – Центральный IV к. 20 п. 1; 38 – Покровка 10 к. 65; 39 – Покровка 10 к. 81; 40 – Покровка 10 к. 85; 41 – Покровка 10 к. 96; 42 – Андреевка к. 13; 43 – Валовый I к. 4 п. 2. 4 – бронза; 5, 6 – серебро; 7 – бронза, стекло; 9 – сердолик, бронза; 10 – гагат, бронза; 12–13 – золото, гранат; 19 – серебро; 22 – золото; 23, 24, 27, 28 – бронза; 31 – золото; 33 – серебро; 34–37 – бронза; 38–42 керамика; 43 – железо

Рис. 9. Металлические котлы (1–3) и предметы античного импорта (4–17)
 1, 4, 10, 11, 12, 16 – Чугуно-Крепинка к. 2 п. 1; 2, 9, 16 – Магнитный к. 21 п. 1; 3, 8 – Валовый I к. 9 п. 1;
 5 – Центральный IV к. 20 п. 1; 6 – Суслынка; 7 – Старица к. 26 п. 2; 13, 14, 15 – Нагавский II к. 11 п. 1;
 17 – Лебедевка к. 1. 1–13 – бронза; 14–16 – стекло; 17 – керамика

имеет в плане круглую планировку (с перемычкой и без нее), часть – прямоугольную/квадратную с перемычкой. Некоторые объекты содержали погребения, что позволяет предполагать достаточно сложную функцию данных сооружений: как погребальную, так и ритуально-поминальную. Аналогии им известны на территории лесостепного Тоболо-Иртышья в контексте саргатских памятников (Матвеева, 1994, с. 117–118; Шарапова, 2022, с. 46) и на Устюртском плато Чаш-тепе (Рапопорт, Трудновская, 1979). Не случайность данных соотношений может свидетельствовать о сходстве ряда сторон духовной культуры населения, которые находят отражение в некоторых действиях погребально-поминальной практики.

В Южном Приуралье встречаются «гантелеобразные» насыпи, состоящие из двух курганов, соединенных земляной перемычкой (рис. 2: 3), которые можно считать диагностическим признаком курганных могильников позднесарматской культуры Южного Приуралья. Они встречаются в небольшом количестве (от 1 до 3) и не в каждом в могильнике (Соленый Дол, Бис-оба, Лебедевка VI, Магнитный, Атпа I-III). Единственное и основное погребение в них расположено под одним из курганов.

Различия между двумя группами памятников отмечаются на уровне особенностей обряда. Если в Южном Приуралье использование огня в погребальном обряде достаточно распространено, то в волго-донских степях эта черта обряда практически не встречается и фиксируется в виде частиц угля в могилах. В южноуральских памятниках встречаются меловые пирамидки, которые помещали в могилы. В Волго-Донском регионе мел также используется широко, но в погребениях встречается в виде посыпок или пятен на дне ямы. Фигурки из мела практически отсутствуют. Широкая практика помещения в могилу частей туши барана (нога с тазовой костью) в Волго-Донском регионе не стала популярной в Южном Приуралье.

Несмотря на указанные региональные особенности, позднесарматская культура во второй половине II – первой половине III в. н. э. представляется единым явлением от Нижнего Дона до Зауралья.

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы). Используя лишь материалы погребальных памятников, довольно сложно выделять социальные страты, тем более для кочевых сообществ. Для всей территории распространения позднесарматской культуры состав погребального инвентаря близок и связан большей частью с бытовыми прижизненными функциями и образом жизни ко-

чевников-скотоводов. В попытке реконструкции социальной структуры позднесарматского общества и выделения погребений элиты необходимо сопоставлять признаки и фиксировать черты, которые отличают неординарные комплексы от массовых обрядовых норм. Так, отражением процесса формирования слоя элиты стало появление в первой половине – середине III в. н. э. неординарных погребальных комплексов. Их отличают более высокие курганные насыпи, сложные внутри- и надмогильные конструкции, обширные и глубокие могилы, престижный набор инвентаря, в состав которого входят импорты. Комплексы, в которых сочетаются все эти признаки, немногочисленны, однако они появляются на всей территории позднесарматской культуры, в первую очередь, в Южном Приуралье (Магнитный курган 21, Покровка 2 курган 9, Бердянский V курган 6, Лебедевка курганы 1 и 2 (рис. 2: 8), реке в Поволжье (Суслынка) и на Нижнем Дону (Валовый курган 25) и, вероятно, относятся к высшему слою элиты позднесарматского общества.

Ранжирование уровня статуса внутри группы таких погребальных комплексов затруднено. Мы не можем однозначно трактовать большинство признаков погребального обряда и достоверно интерпретировать их семантику. Наиболее перспективной является методика оценки по уровню затрат на совершение погребения и количество уникальных, престижных вещей.

Помимо элиты, еще одной социальной группой, которая четко выделяется на основе социального обряда, являются профессиональные воинские коллективы. На феномен воинских погребений позднесарматской культуры впервые обратил внимание С.И. Безуглов (1997, с. 138; 2000, с. 180). В позднесарматской культуре известны мужские воинские комплексы, которые по характеристике погребальных сооружений можно отнести к высшим слоям, однако их отличает сравнительная «бедность» погребального инвентаря. Практически все сопутствующие вещи связаны с воинскими атрибутами: наборы клинкового вооружения, в который входит длинный меч и кинжал, конская сбруя и, редко, вещи бытового назначения. Вероятно, такие комплексы могли принадлежать предводителям профессиональных воинских подразделений. Однако такими же характеристиками в плане «аскетичности» вещевого инвентаря соответствует и серия погребений, курганы над которыми не отличаются большими размерами или они впущены в насыпи более раннего времени. Можно предположить, что эти погребения принадлежат рядовым участникам профессиональных воинских коллективов. Возможно, в условиях существования профессиональных

«дружин» были выработаны внешние атрибуты этой социальной группы, выразившиеся в единстве стилистики оформления и наборе вооружения, в общих канонах погребальных традиций, которые диктовали «аскетичность» в вещевом плане. Эти каноны должны были соблюдаться как предводителями воинских сообществ, так и рядовыми участниками (Кривошеев, 2020б).

Расцвет позднесарматской культуры приходится на вторую половину II – первую половину III в. н. э. Во второй половине II в. н. э. происходит формирование культуры с учетом особенностей в различных регионах. К началу III в. н. э. культура обретает устойчивое единообразие в основных характеристиках. В этот период происходит формирование элит позднесарматского общества.

Вторую половину III в. н. э. можно назвать периодом постепенного угасания культуры. На Нижнем Дону обосновывается группа населения – выходцев с территории Северного Кавказа (носителей аланской культуры и обряда погребений в Т-образных катакомбах), которые в произведении Аммиана Марцеллина фигурируют как аланы-танаиты (Amm. Marc., XXXI) (Безуглов, 1990). Именно это объединение, по свидетельству античного автора, было покорено гуннами в конце IV в. н. э. Северокавказское население к IV в. н. э. в волго-донских степях ассимилирует остатки носителей позднесарматской культуры, о чем свидетельствует почти полное исчезновение характерных для позднесарматского обряда узких прямоугольных и подбойных могил.

Собственно носители позднесарматской культуры смещаются к правобережью Волги, где после середины III в. н. э. в достаточно крупных некрополях господствуют подбойные могилы. Памятников второй половины III в. н. э. и в Нижнем Поволжье отмечается достаточное количество. Однако ярких комплексов позднесарматского круга практически нет, вещевой комплекс отличается некоторой бедностью. Таким образом, можно предположить существование во второй половине III–IV в. н. э. в волго-донских степях двух группировок кочевников (Кривошеев, 2016). Первая представлена «аланами-танаитами» (потомками мигрантов – носителей аланской культуры Северного Кавказа), которых можно связать с носителями катакомбного обряда захоронений, и немногочисленными представителями позднесарматского населения, оставшегося на этой территории. Эта группа занимала в основном Низовья Дона; ее памятники встречаются и в северной части Волго-Донского междуречья. С этим тесно связан вопрос об атрибуции катакомб второй половины III–IV в. н. э. Нижнего Подонья и Волго-Донского междуречья, генетически восходящих к традициям алан-

ской культуры Северного Кавказа (Безуглов, Захаров, 1988; Безуглов, Копылов, 1989; Безуглов, 1990). В данном случае следует говорить о самостоятельной группе памятников, генетически связанных, в первую очередь, с аланской культурой, и лишь в отдельных аспектах ассоциирующихся с позднесарматскими традициями. На основании этого отнесение подкуранных катакомб второй половины III–IV в. н. э. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья к позднесарматской культуре выглядит неправомерно; у этих погребальных сооружений нет корней в погребальной традиции позднесарматской культуры – их культурная принадлежность иная, в основе формирования этой обрядовой нормы лежат центральнокавказские культурные традиции (Малашев, 2009; 2010).

Памятники второй группы находятся на территории центральных районов южной части Волго-Донского междуречья и Правобережье Волги. Их отличает продолжение традиций позднесарматской археологической культуры предшествующего этапа. Погребения этой группы формируют в достаточно крупные некрополи. По вещевому материалу они синхронны нижнедонским памятникам второй половины III–IV в. н. э. (Кривошеев, 2016).

Вопрос о верхней границе существования позднесарматской культуры довольно сложен. Лишь для территории Нижнего Поволжья можно говорить о небольшой группе комплексов, содержащих захоронения погребенных с северной ориентировкой в подбоях и узких прямоугольных ямах, восходящих к памятникам второй половины II – первой половины III в. н. э. и надежно датированных IV в. н. э. Памятники Южного Приуралья середины – второй половины III в. н. э. без финала столетия еще демонстрируют яркие выразительные комплексы. Однако их исчезновение выглядит достаточно резким; индикаторы финала III и IV в. н. э. здесь неизвестны. Таким образом, позднесарматская культура в качестве целостного культурного явления в IV в. н. э. отсутствует на большей части территории степей Восточной Европы и сохраняется лишь в районах Поволжья, где количество этих комплексов невелико, а инвентарь их сравнительно беден. Для остальных территорий, входящих в ареал распространения культуры, верхняя хронологическая граница может быть обозначена около рубежа III/IV в. н. э. (Малашев, 2009).

Вопрос об этническом содержании позднесарматской культуры наиболее сложный и имеет наименьшее наполнение источниками. Начиная с П.С. Рыкова и П.Д. Рау, высказавшим лишь предположение о принадлежности культуры аланам, которое далее было процитировано в работах

К.Ф. Смирнова и Б.Н. Гракова, никакой аргументации в пользу этого никем не было высказано. После К.Ф. Смирнова и Б.Н. Гракова данное положение утвердилось в литературе (Мошкова, 1983; Скрипкин, 1984; и др. авторы), однако оно лишено доказательной базы. А.С. Скрипкин осторожно подходил к этнической оценке культуры, высказывая определенные сомнения в отношении данной атрибуции (Скрипкин, 1982, с. 50–54). В то же время он считал, что «аланская проблематика в отношении позднесарматской культуры не исчерпала себя» (Скрипкин, 2011, с. 194). В.Ю. Малашевым и М.Г. Мошковой в последнее время (2010) были высказаны аргументы против аланской принадлежности позднесарматской культуры. Мнение о гуннской принадлежности позднесарматской культуры принадлежало Л.Г. Нечаевой (Нечаева, 1961), занимавшейся изучением северокавказских древностей, но недостаточно хорошо представлявшей материалы степных культур. Эта же точка зрения в настоящее время декларируется в работах С.Г. Боталова и И.Э. Любчанского, что было подвергнуто критике М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым (2007). Таким образом, следует отметить сложность этой проблемы, отсутствие возможности дать аргументированную этническую характеристику этого культурного комплекса и связать их с определенным этнонимом, в том числе и с аланами. Строго говоря, происхождение данной культуры, связанное с памятниками азиатской степи, не может служить достаточным аргументом в пользу ее аланской и тем более гуннской (гунно-сарматской (!)) принадлежности. При этом связь позднесарматской культуры с миром ираноязычных кочевников наиболее вероятна; в частности, в пользу этого свидетельствуют и материалы по ономастике Танаиса.

Вопрос о судьбах носителей позднесарматской культуры чрезвычайно сложен и для каждого региона должен решаться самостоятельно. Можно предположить, что часть позднесарматского населения Южного Приуралья вошла в состав населения лесостепных районов и оставила памятники типа Салиховского и II Ахмеровского курганных могильников. Какие-то группы могли сместиться в район Приаралья, где изредка встречаются вещи, аналогичные приуральским. С территории Кирги-

зии происходят ременные гарнитуры, по своему облику чрезвычайно близкие кругу южноуральских древностей и связанные происхождением с мазунинскими памятниками. Нижнедонское население к IV в. н. э. в культурном отношении было ассимилировано мигрантами – носителями аланской культуры Северного Кавказа.

Важен также вопрос об участии носителей позднесарматской культуры в составе объединения, известного под названием «гунны», финала IV в. н. э. Современная реконструкция климатической ситуации в степях Восточной Европы в финале раннего железного века указывает на нарастание гумидизации на всем протяжении позднесарматского времени. Период наибольшего благоприятствования пришелся на первую половину III в. н. э., когда наблюдается расцвет позднесарматской культуры. Дальнейшее увеличение увлажненности климата, начавшееся в Южном Приуралье во второй половине III в. н. э., охватившее волго-донские степи в конце III – начале IV в. н. э., повлекло за собой серьезные негативные последствия для хозяйственного уклада и экономики кочевников позднесарматского времени и могло стать одной из причин сокращения населения в степи в IV в. н. э. Предлагаемая реконструкция событий IV в. н. э. может объяснить отсутствие памятников в Южном Приуралье в позднем III в. н. э. и сокращение их количества в Нижнем Поволжье для IV в. н. э. (Кривошеев, Борисов, 2019).

Вполне вероятно, что остатки носителей позднесарматской культуры, сконцентрировавшиеся в Астраханском Правобережье после середины III в. н. э., в сложных природных условиях IV в. н. э. могли покинуть эту территорию до прихода гуннов. Даже если какие-то группы населения продолжали обитать на этой территории до 70-х гг. IV в. н. э., то их сопротивление или включение в состав объединения под предводительством гуннов никак не отразилось на формировании облика культур эпохи Великого переселения народов. Первые, кого упоминает Аммиан Марцеллин на пути гуннов в Европу – аланы-танаиты, частично разгромленные, частично включенные в состав орды (Amm. Marc., XXXI, III, 1).

ГЛАВА 2

ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ

Городище Лбище

Общая характеристика. Памятники лбищенского типа представлены двумя городищами, расположенными в южной части Самарской Луки – Лбище и Переволоки (рис. 1). Основной материал происходит из раскопок городища Лбища.

Сведения об «остатках древнего укрепления» в урочище «Севрюкаевское лбище» у с. Севрюкаево, известного местным жителям, были записаны В.Н. Поливановым на рубеже XIX–XX вв. Впоследствии городище осматривалось экспедициями В.В. Гольмстен в 1922 г. и Г.И. Матвеевой в 1973 г., однако памятник первоначально не вызвал их интереса. Ситуацию изменили исследования городища Лбища, проведенные в 1981 г. Э.Л. Дубманом, который снял топографический план оборонительных сооружений, и А.В. Растороповым, исследовавшим 200 кв. м культурного слоя в северо-западной части площадки. В результате этих работ стало очевидно, что городище Лбище резко выделяется из всей массы синхронных памятников региона особенностями фортификации, керамического и вещевого комплекса. Особенности набора керамики позволили исследователям увидеть в них «недостающее звено» между именьковской и существенно более ранней зарубинецкой культурами, что позволило Г.И. Матвеевой выдвинуть гипотезу о формировании населения Среднего Поволжья IV–VII вв. н. э. в результате миграции населения с территории Поднепровья (Матвеева, 1986).

Для получения новых доказательств выдвинутой гипотезы Г.И. Матвеева начала широкомаштабные исследования городища Лбище, проведенные в 1982–1984 гг. Впоследствии раскопки на городище проводились Г.И. Матвеевой в 2002 г., Г.И. Матвеевой и Л.А. Вязовым – в 2003 г. (Вязов и др., 2012а; 2012б).

В общей сложности на памятнике было исследовано более 4160 кв. м культурного слоя, получен богатый материал, включающий в себя многочисленные развалы сосудов – грубо лепных горшков и лепных лощеных мисок, украшения и детали костюма, предметы кузнечного инвентаря и др.

В поисках близких в культурном отношении памятников Г.И. Матвеева обратила внимание на Переволокское городище, оборонительные сооружения которого демонстрировали определенное сходство с лбищенскими. В 1988 г. Г.И. Матвеевой и А.В. Богачевым было исследовано 581 кв. м этого памятника (Богачев, Матвеева, Набоков, 1989, с. 92) и был сделан вывод о близости найденных материалов к тем, которые дали раскопки Лбища. Это позволило Г.И. Матвеевой выделить особый лбищенский тип памятников и датировать его III–IV вв. н. э. (Матвеева, 1986, с. 161–162).

Геоморфологическое положение памятников. Городище Лбище находится в 1,5 км к 3 от пристани Лбище и в 5 км к ЮВ от с. Севрюкаево Ставропольского района Самарской области, на территории государственного природного национального парка «Самарская Лука». Оно расположено на мысу обрывистого коренного берега р. Волги, высота которого достигает 50 м над уровнем воды. С западной и восточной сторон площадка городища ограничена оврагами с крутыми труднодоступными склонами, с юга она круто обрывается к р. Волге, а с севера защищена системой оборонительных сооружений. Площадь городища вместе с фортификациями составляет 23 га, площадь памятника внутри укреплений – около 18 га (рис. 2).

Городище расположено в южной части плавного понижающегося плато, край которого изрезан многочисленными оврагами. В XIX–XX вв. площадка городища и прилегающие участки распахивались, однако еще в начале XIX в. они были покрыты широколиственным лесом. Палеопочвенные наблюдения на экспонированных участках профиля вала показывают, что широколиственный дубово-липовый лес покрывал площадку городища накануне его строительства и, вероятно, примыкал к городищу и в период его функционирования в эпоху Великого переселения народов. Геоморфологическое положение городища делает его прекрасным наблюдательным пунктом, с которого просматривается прилегающий участок

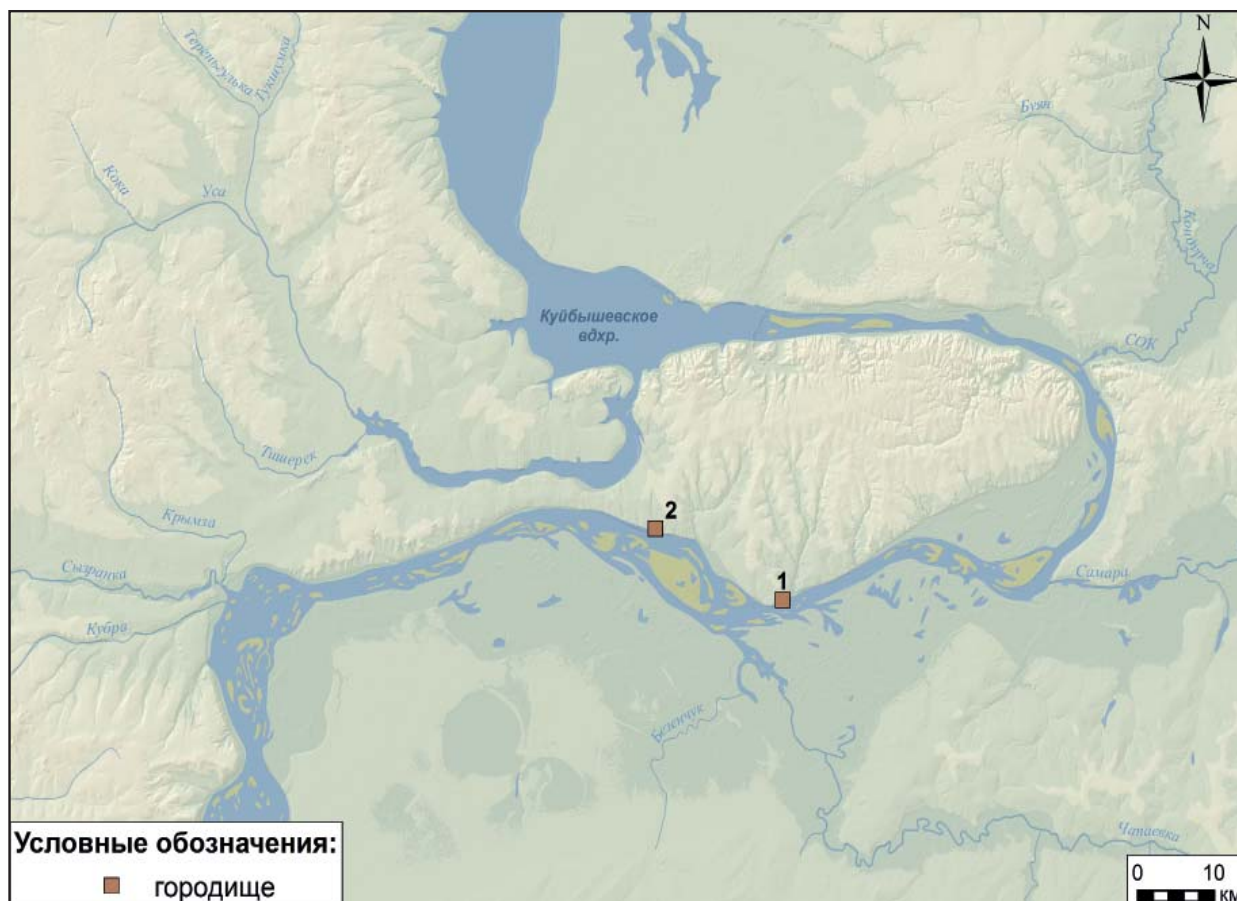

Рис. 1. Схема размещения памятников лбищенского типа на Самарской Луке.
1 – городище Лбище; 2 – Переволоцкое городище

р. Волги и расположенная на южном берегу пойма, в то время как обзор в северном защищенном фортификациями направлении ограничен несколькими сотнями метров.

Переволоцкое городище расположено в 19 км к северо-западу от Лбища, оно также занимает площадку круто обрывающегося к р. Волге тупого мысообразного выступа Жигулевского плато, ограниченного с двух сторон оврагами. С напольной стороны городище площадью около 1,2 га защищено системой фортификационных сооружений из небольшого вала и рва. Культурный слой как на Лбище, так и на Переволоцком городище незначителен, что может свидетельствовать о кратковременности использования этих памятников. Находки в основном сосредоточены в сооружениях, межжилищное пространство слабо насыщено керамическим и костным материалом. На Лбище культурный слой простирается только на участке, прилегающем к оборонительным сооружениям, площадью около 2,5 га, остальные 15 га площади, защищенной фортификациями, не имеют культурных отложений.

Оборонительные сооружения III–IV вв.

Оборонительные сооружения памятников «лбищенского типа» являются одним из важнейших

характеризующих признаков, позволяющих выделить этот тип древностей из общей массы поселений Среднего Поволжья III–V вв. н. э. Наиболее отчетливо выражены особенности фортификации на городище Лбище, которое с напольной стороны защищено рвом и валом (рис. 2). Ров протяженностью около 200 м соединяет отроги оврагов, ограничивающих городище с востока и запада. В плане он имеет полукруглую форму, глубина рва достигает 1 м, ширина – 10 м. Ров снабжен несколькими проходами, три из которых находятся в северо-западной, а еще один – в северо-восточной части укреплений.

Вал имеет дугообразную форму и оформлен с наружной стороны в виде полукруглых выступов-контрфорсов, за которыми в литературе закрепилось название «бастионов». Всего таких выступов насчитывается 14. Общая протяженность вала составляет 375 м. Наибольшую высоту в центральной части вал достигает на центральном бастионе, где он возвышается над уровнем ведущего к нему прохода на 2,5 м. С внешней и внутренней сторон вала сохранились канавообразные углубления, из которых, по-видимому, брался грунт для его насыпания. Снаружи от вала расположен искусственно выровненный участок – берма – шириной до 20 м,

Рис. 2. Городище Лбище. Топографический план и профиль оборонительных сооружений по линии А–В

опоясывающий вал снаружи и отделяющий его от рва и склонов оврагов.

Оборонительные сооружения Переволоцкого городища существенно уступают лбищенским по масштабу, однако исследователи памятника отмечают использование той же технологии насыпания вала.

Аналогичные укрепления неизвестны не только на территории Среднего Поволжья, но и в Восточной Европе в целом. Наибольшую близость к лбищенским укреплениям обнаруживают фортификации Моргинского городища «Ош-Пандо» в Мордовии (Вязов и др., 2016, с. 73), где также зафиксированы протяженные валы и рвы, снабжен-

ные несколькими проходами, а также укрепления Балымерского II городища в Татарстане, где вал отделен от рва бермой, однако в обоих случаях контрфорсы при строительстве не применялись.

Застройка III – нач. V в.: жилищные хозяйственные сооружения. На городище Лбище исследовано 85 сооружений – 34 «жилищных котлована» и хозяйственные ямы (Матвеева, 1998, с. 88). Исследованные сооружения сконцентрированы в части городища, примыкающей к оборонительным сооружениям, есть основания полагать, что нижняя, удаленная от фортификаций часть площадки оставалась незастроенной. Планировка жилищной застройки городища с трудом поддается реконструкции. Вероятно, постройки располагались в несколько рядов, вытянутых параллельно берегу р. Волги.

Исследованные «жилищные котлованы» представляли собой аморфные или подпрямоугольные в плане углубления в подпочвенном песке площадью до 10 кв. м, глубиной от уровня выявления 0,2–0,6 м, на дне которых почти всегда находился провал от отопительного устройства типа открытого очага (рис. 3). В ряде котлованов зафиксированы тамбуры с плавно понижающимся полом – входы пандусного типа (рис. 3: 1). Вероятно, котлованы являлись только частью жилого помещения: в пользу этого свидетельствуют обнаруженные за пределами котлованов на расстоянии около 2 м и вытянутые параллельно их стенкам обугленные бревна или следы от них, столбовые ямы от наземных конструкций, а также скопления вещей (Вязов, 2012; Матвеева, 1998, с. 88). Некоторые «жилищные котлованы» связаны между собой переходами.

Хозяйственные ямы на городище немногочисленны (на один «жилищный котлован» приходится не более 1,5 ям), они округлой или аморфной в плане формы и относительно небольшой глубины.

Погребения IV – нач. V в. на городище. Некрополей около поселений лбищенского типа не обнаружено. Однако при раскопках на городище Лбище и на Переволокском городище были обнаружены до десятка захоронений, которые делятся на два типа.

К первому типу относятся погребения, совершенные в отдельных могильных ямах. Преобладает ориентировка костяков в северном секторе, но встречены и костяки, лежавшие головой на запад и ЮЗ. Некоторые погребения снабжены инвентарем. Так, в погребении 1 (1982 г.) на руках женщины были надеты проволочные браслеты, третий браслет найден на правом плече костяка; в погребении 3 (1983 г.) под левой стороной черепа обнаружены проволочные височные кольца, браслет и бусина красного глухого стекла; погребение

2 (1984 г.) сопровождалось пряслицем и железной поясной пряжкой.

Второй тип – погребения, совершенные в «жилищных котлованах» и хозяйственных ямах. Погребенные уложены в различных позах, встречены костяки, лежавшие вытянуто на спине и ориентированные головой на северо-запад (Вязов и др., 2012а), похороненные на левом боку с подогнутыми ногами и сложенными на груди руками, ориентированные на юг и СВ. Одно детское погребение сопровождалось пятью серебряными височными кольцами (Матвеева, 1986, с. 141). В ряде случаев анатомический порядок расположения костей был нарушен. Наряду с целыми костяками на дне «жилищных котлованов» встречены и разрозненные кости человека, в большинстве случаев – целые и фрагментированные черепа, иногда частично обожженные.

Г.И. Матвеева, а вслед за ней А.В. Богачев интерпретировали обнаруженные на городище захоронения как останки людей, погибших в результате вражеского нападения, указывая на «неестественные позы» обнаруженных костяков (Матвеева, 1998, с. 88; Богачев, 2011, с. 98). Однако в большинстве случаев костяки все же были специально уложены, а не случайно оставлены на поверхности. Кроме того, в ряде погребений выявлены предметы инвентаря, сопровождавшего умерших. Все это свидетельствует скорее о специфическом погребальном обряде населения, для которого было характерно совершение захоронений непосредственно на поселении. Подобный обряд известен и на других синхронных Лбищу памятниках региона (Сташенков, 2012), а за его пределами зафиксирован на поселениях скифского времени лесостепного Подонья (Разуваев, 2018). Исследователями отмечалось наличие искусственной деформации у черепов, найденных в захоронениях на городище (Расторопов, 1985, с. 88; Хохлов, 2003, с. 35). Этот факт позволяет предположить, что среди обитателей городища были представители групп, этнически близких сарматам, в среде которых в это период и практиковался соответствующий обряд.

Керамический комплекс памятников лбищенского типа. Характеристика керамического комплекса памятников лбищенского типа была дана в работах Г.И. Матвеевой (Матвеева, 1998, с. 88–90; 2003, с. 33–38). В основу ее классификации положены общие пропорции сосуда (горшки или миски), на основании общих очертаний профиля выделены отделы (округлобокие, со сглаженным ребром, остросеберные), которые в свою очередь подразделяются на типы по форме шейки, венчика и особенностям пропорций. Г.И. Матвеева отмечала, что по способу обработки поверх-

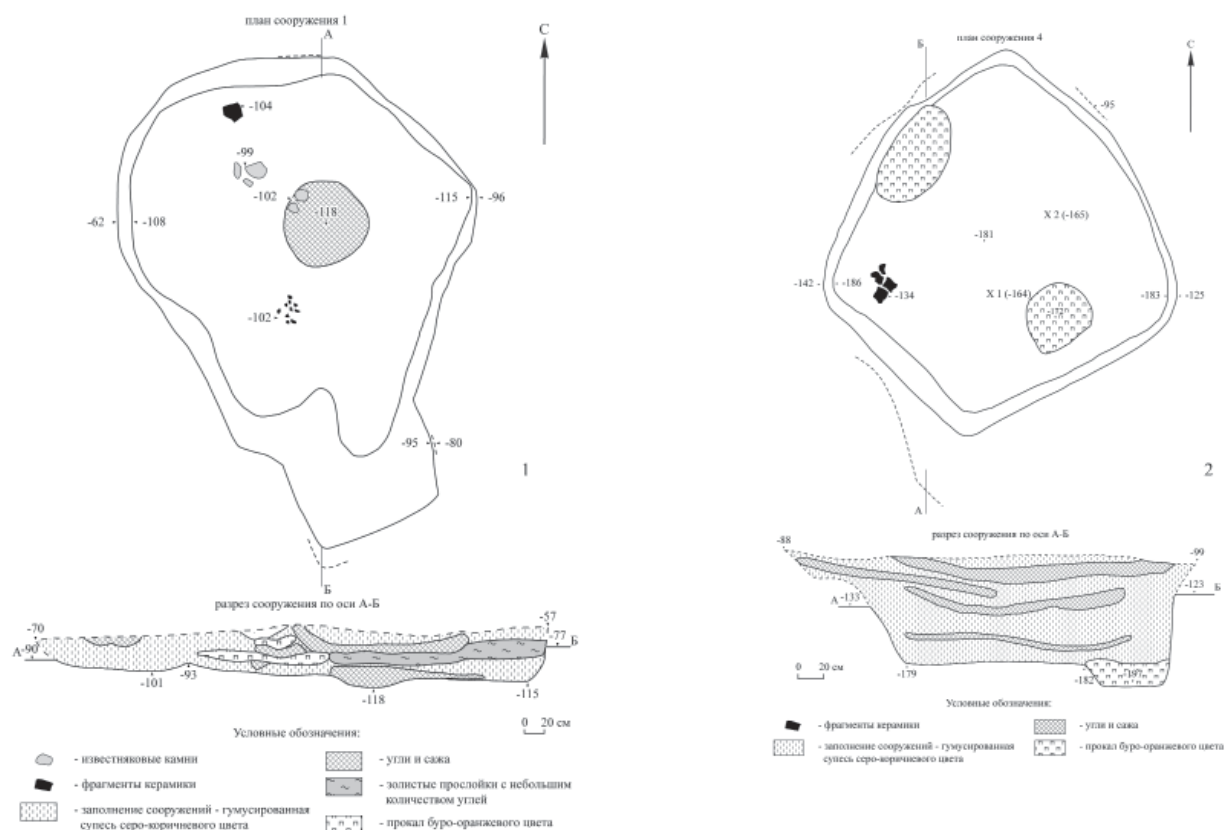

Рис. 3. Очажные котлованы жилищ городища Лбище из раскопок 2002–2003 гг. Раскоп VIII. 1 – сооружение 1; 2 – сооружение 4

ности сосуды разделяются на грубые и тщательно заглаженные или подлощенные, однако не связывала этот признак с формой сосудов. Фрагменты сосудов с лощеной поверхностью составляют до 20% всего керамического комплекса.

Среди керамических форм выделяются горшки, миски, воронкообразные крышки, диски (сковороды), миниатюрные сосуды.

Горшки представлены несколькими основными формами: с округлобким туловом, иногда приближающимся к шаровидной форме; максимальное расширение находится в средней части, высокой прямой расширяющейся кверху или отогнутой наружу шейкой (рис. 4: 3, 4, 7); с округлобким туловом, наибольшее расширение которого расположено около верхней трети высоты сосуда, короткой прямой шейкой, плавным переходом от плеча к шейке (рис. 4: 15); сосуды, наибольшее расширение тулова которых оформлено в виде сглаженного ребра, средних или крупных размеров. Наибольшее расширение тулова приходится на уровень середины высоты сосудов. Шейка короткая, прямая или отогнутая наружу (рис. 4: 10); сосуды с округлобким туловом, очень короткой шейкой и выраженным ребром на внутренней стороне сосуда, в месте перехода от плеча к шейке. Подавляющая часть горшков не орнаментирована, лишь изредка фиксируется косая насечка по верх-

нему краю венчика. Единичные горшки украшены шишковидными налепками на тулове.

Миски. По особенностям формы можно выделить три вида мисок: округлобкие относительно высоких пропорций, с наибольшим расширением тулова выше середины высоты, диаметр наибольшего расширения тулова примерно равен диаметру венчика (рис. 5: 3); с зигзаговидным профилем, средних или низких пропорций, с максимальным расширением тулова в виде четкого ребра, плечо имеет вид прямой (в одном случае – вогнутой) линии (рис. 5: 6, 7); миски гибридных форм, имеющие относительно крупные размеры и высокие пропорции, с наибольшим расширением тулова, находящимся на уровне середины высоты и оформленным в виде сглаженного ребра (рис. 5: 5). Часть мисок была изготовлена с применением гончарного круга. Орнаментация встречается только на мисках с зигзаговидным профилем, она представлена двойной прочерченной зигзагообразной линией по плечу сосуда.

Кувшины в материалах городища Лбище многочисленны и представлены фрагментарно. Так, в раскопах VI–VIII 2002–2003 гг. найдены фрагменты, принадлежащие как минимум восьми кувшинам. Три кувшина представлены только ручками, четыре – фрагментом ручки с наделом и частью венчика, фрагментом верхней части, ниж-

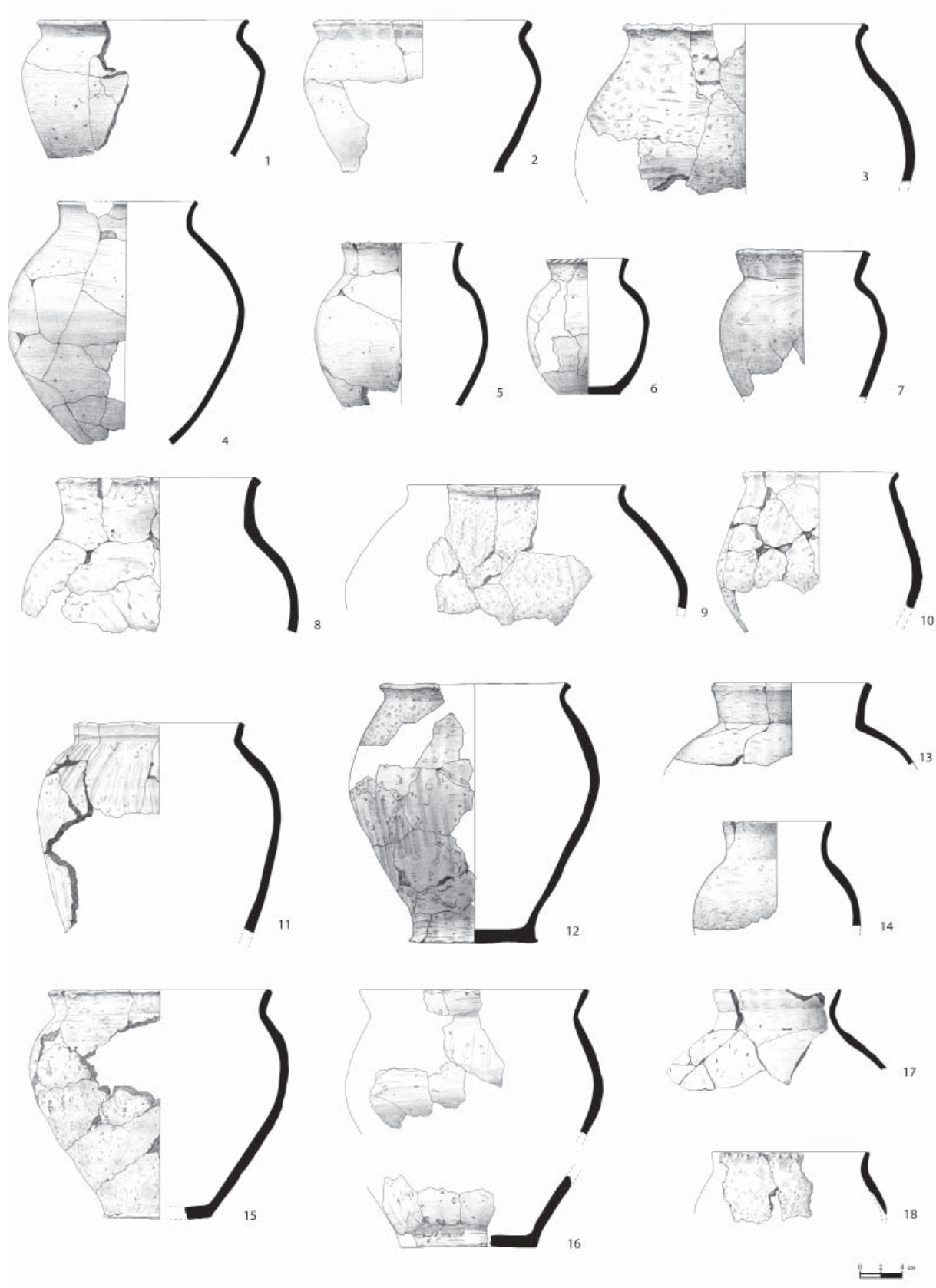

Рис. 4. Керамический комплекс городища Лбище. Горшки.

1 – р. VI, кв. 43, пл. 3; 2 – р. VII, соор. 1, кв. 16–17, пл.3; 3 – р. VI, соор. 5, кв. 19, пл.3; 4 – р. VI, соор. 1, кв. 5, пл. 2; 5 – р. VI, кв. 12, пл. 5; 6 – р. VI, кв. 6, пл. 3; 7 – р. VI, соор. 1, кв. 5; 8 – р. VII, соор. 1, кв. 16–17, пл. 3; 9 – р. VIII, соор. 4, кв. 19; 10 – р. VIII, соор. 1, кв. 3,7; 11 – р. VIII, соор. 1, кв. 3,7; 12 – р. VI, кв. 19, пл. 3; 13 – р. VI, соор. 1, кв. 5; 14 – р. VI, соор. 7, кв. 44; 15 – р. VIII, соор. 4, кв. 16, 18, 19; 16 – р. VIII, соор. 3, кв. 13, 17, пл. 2; 17 – р. VIII, соор. 6, кв. 33, 37, 24, пл. 2; 18 – р. VIII, соор. 3, кв. 13–14

ней частью тулова. Только один кувшин удалось реконструировать полностью (рис. 5: 1).

В пределах средневолжского региона аналогии керамическому комплексу городища Лбище в целом неизвестны, однако отдельные группы сосудов встречаются на памятниках других культур. Так, горшки с выраженным ребром на внутренней стороне сосуда, в месте перехода от плеча к шейке находят параллели в древностях памятников типа Царев Курган (Сташенков, 2003), а горшки с плавным ребром в месте наибольшего расширения тулова известны на поселениях средневолжского варианта киевской культуры (Сташенков, 2005).

Поиску истоков формирования керамического комплекса городища Лбище посвящена серия работ Г.И. Матвеевой, которая усматривала их в материалах классической зарубинецкой и пшеворской культур, а происхождение отдельных форм связывала с черняховской культурой (Матвеева, 2000, с. 103) и сарматскими памятниками (Матвеева, 2003, с. 25–26, рис. 1, 1–2). Мискам с зигзаговым профилем, в том числе происходящим с городища Лбище, посвящена специальная работа А.М. Обломского (Обломский, 2005). Кувшин с городища Лбище находит аналогии в памятниках ранних алан Северного Кавказа (Габуев, Малашев, 2009, с. 272).

Керамический комплекс городища Лбище подробно проанализирован Н.П. Салугиной, изучавшей технико-технологические особенности именьковского гончарства (Салугина, 1985, 1986; 1988; 2000). По ее наблюдению, при изготовлении керамики, найденной на городище, использовалось несколько рецептов формовочных масс (глина + шамот; глина + шамот + органика; глина + органика; глина + кальцинированная дробленая кость), что выделяет керамический комплекс городища Лбище из массы именьковских памятников. Н.П. Салугина, отметившая его культурную неоднородность, сделала вывод о том, что на городище шли активные процессы смешения разных групп населения (Салугина, 2000, с. 232).

Вещевой комплекс городища Лбище представлен украшениями и деталями костюма, орудиями труда и предметами конского снаряжения, предметами вооружения и охоты.

Украшения и детали костюма. Украшения представлены бронзовыми пряжками, наконечниками ремней, гривной, лунницей, фибулой, браслетами.

Проволочные браслеты или браслетообразные височные кольца с сомкнутыми концами (7 экз.) изготовлены из серебра и бронзы. Диаметр их до 10 см.

Бронзовый браслет с утолщенными концами, украшенными насечкой в виде «елочки». Ближай-

шая аналогия имеется на поселении Ульяновка I киевской культуры, датированном второй пол. IV – первой пол. V в. н. э. (Терпиловский, 1984, с. 30; 103, 10, 1; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 136, рис. 35, 13). Наиболее ранние находки браслетов с утолщенными концами встречаются в сарматских комплексах II–III вв. В Прибалтике подобные браслеты появляются во II пол. IV – пер. пол. V в. (Терпиловский, 1984, с. 30). Имеются подобные браслеты и в комплексах джетыясарской культуры (Левина, 1996, рис. 141, 1, 12).

Бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула найдена в одном комплексе с браслетом (рис. 7: 7). Высота фибулы 80 мм (длина корпуса 73 мм, головки – 7 мм). Ширина спинки 6 мм (корпуса в средней части), ножки – 8,5 мм. Передний конец корпуса расплюсчен в вертикальную пластину с пробитым отверстием. В верхней части корпуса нанесен гравированный орнамент в виде креста. В нижней части ножки имеются торцевые насечки. Завязка в один виток. Пружинное устройство не сохранилось. А.К. Амброз подобные фибулы датировал серединой – второй пол. IV в. (не исключая, впрочем, весь IV в. и оговаривая, что в Венгрии они бытуют в конце IV – начале V в., причем там они встречаются и в комплексах середины V в. (Амброз, 1966, с. 66)). По данным Е.Л. Гороховского, на территории черняховской культуры они бытовали в последней четверти IV – первой трети V в. (Гороховский, 1988, с. 44–45). По И.О. Гавритухину, эти фибулы синхронизируются с находками периода финала С3 и начала D по центральноевропейской шкале, т. е. датируются 330 (350?) – 400 гг. (Гавритухин, 1997, с. 42). Вероятно, лбищенская фибула должна датироваться в пределах второй половины IV – начала V в.

Шейная гривна детская, в сечении уплощенной подтреугольной формы с выраженным ребром и расширением в средней части. Концы сужаются, слегка заострены (рис. 7: 1). Подобная гривна имеется в материалах Тарасовского могильника I–V вв. (Голдина, 2003, табл. 59, 154/1–3).

Железные пряжки (3 экз.; рис. 7: 2–4) с овальной рамкой без щитков, с прогнутым язычком, слегка выступающим за рамку, находят ближайшие аналогии в памятниках черняховской культуры и могут датироваться III–IV вв. Бронзовая пряжка имеет кольцо полуовальной формы с утолщением в передней части (рис. 7: 2). Язычок с клювовидным изогнутым концом не выходит за пределы кольца и имеет у основания прямоугольный выступ. Пряжка имеет аналогии в памятниках преимущественно III – первой половины V в.

Бронзовые щитки от пряжек (2 экз.; рис. 7: 5). Подобные полуовальные щитки относятся к пряж-

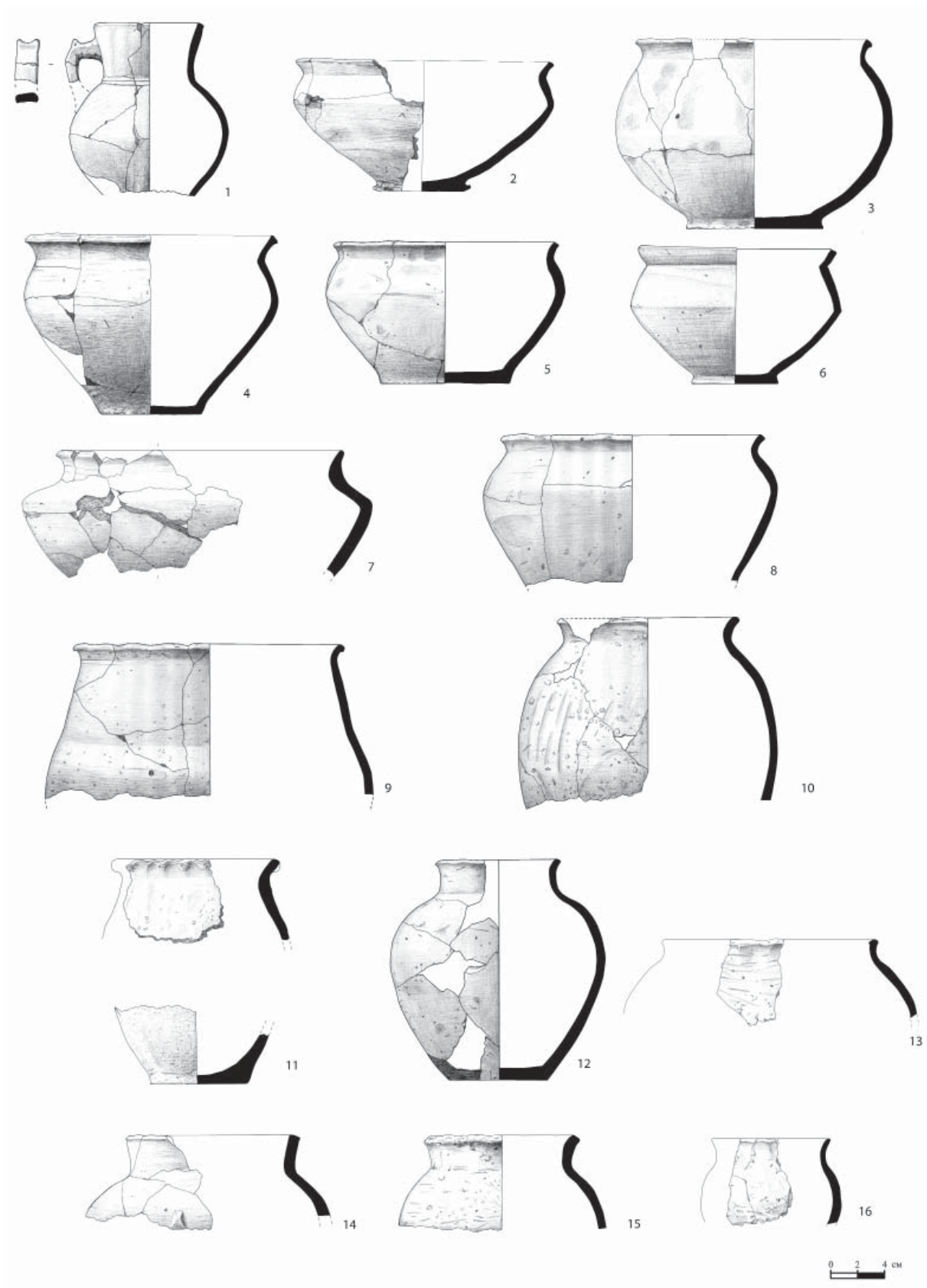

Рис. 5. Керамический комплекс городища Лбище. Кувшин (1), миски (2–7), горшки (8–16).

1 – р. VII, соор. 1, кв. 16–17, пл. 3; 2 – р. VII. 3 – р. VI, соор. 5, кв. 19; 4 – р. VI, соор. 7, кв. 44; 5 – р. VI, соор. 5, кв. 19; 6 – р. VI, кв. 23, пл. 3; 7 – р. VIII, соор. 6, кв. 24, пл. 2; 8 – р. VI, кв. 40, пл. 3; 9 – р. VI, соор. 1, кв. 5, 9, пл. 2; 10 – р. VI, кв. 41, пл. 2; 11 – р. VIII, соор. 6, кв. 37, пл. 2; 12 – р. VII, соор. 1, кв. 16, пл. 3; 13 – р. VIII, соор. 3, кв. 13–14; 14 – р. VIII, соор. 6, кв. 24, пл. 2; 15 – р. VII, соор. 1, кв. 16–17; 16 – р. VIII, соор. 3, кв. 13

кам, которые в основном датируются в пределах III–V вв. В частности, подобные пряжки имеются в материалах Тарасовского могильника I–V вв. (Голдина, 2003, табл. 298, 4; 632, 5 и др.)

Поясная накладка бронзовая состоит из двух пластин (внешней и внутренней) с округлыми утолщениями на конце, соединенных шпеньками (рис. 7: 8). Точных аналогий не известно, однако типологически близкие накладки имеются в материалах черняховской культуры. Возможно, отражением традиции изготовления подобных накладок являются поясные накладки, имеющиеся в материалах Тарасовского могильника (Голдина, 2003, табл. 82, 1–6; 372, 4–6 и др.).

Наконечник ремня железный (рис. 6: 7), двупластинчатый, вытянутой прямоугольной формы. Согнут из тонкой пластины. Следы крепления отсутствуют. Вероятно, наконечник выполнен в традициях, продолжающих традиции изготовления позднесарматских серебряных наконечников ремня. Аналогичный железный наконечник имеется в материалах Тарасовского могильника I–V вв. (Голдина, 2003, табл. 641, 1734/2).

Лунница бронзовая с четырьмя полушарными выпуклинами (рис. 7: 6) точных аналогий не имеет.

Ведерковидная сдвоенная подвеска датируется II–IV вв. Г.И. Матвеева предполагала ее черняховское происхождение, однако подобные изделия были широко распространены также в позднесарматских памятниках (Мошкова, 1989, табл. 82, 56). Хронологии и распространению vederковидных подвесок посвящена специальная работа (Бажан, Каргапольцев, 1989). Исследователями установлено, что в конце II – первой половине III в. н. э. (ступени C1a–C1в) они были характерны исключительно для Центральной Европы (культуры пшеворская, вельбарская, любошицкая, Поянешты – Вырешкой). Со второй половины III в. vederковидные подвески позднего облика попадают в Восточную Европу. В частности, на территории Северного Причерноморья они появились в результате продвижения германских племен в потоке ступени C1в–C2 (250–270 гг.) (Гей, Бажан, 1997, с. 19).

Бусина синяя ребристая одночастная, вероятно, изготовлена из египетского фаянса (рис. 7: 10). Подобные бусы встречены в позднесарматских и черняховских памятниках. Имеются они в материалах Тарасовского могильника I–V вв. (Голдина, 2003, табл. 51, 1; 284, 676/2 и др.), в комплексах джетыясарской культуры (Левина, 1996, илл. 27). Подобная бусина встречена в погр. 89 черняховского могильника у с. Будешты (Рикман, 1967, рис. 21, 18).

Зеркало серебряное круглое с двумя небольшими полушарными выпуклинами в центре (рис. 7:

9). Край зеркала обломан. Следов ушка на сохранившейся части не имеется. Точных аналогий не известно.

Орудия труда и предметы конского снаряжения. На городище найден клад железных изделий – инструменты и продукция кузнеца, которые в целом имеют широкие хронологические рамки бытования. Железные шарнирные клещи из клада (рис. 6: 1) находят аналогии в материалах III–V вв. могильника Тюм-Тюм азелинской культуры (Ошибкина, 1979, рис. 2, 9) и памятников имениковской культуры (Маклашеевское II городище (Старостин, 1967, табл. 14, 17). Скорее всего, клещи использовались для извлечения глиняных тиглей из горна. Молоток с разбитым бойком и узким подпрямоугольным проушным отверстием (рис. 6: 6). Аналогичный по форме небольшой молоток, но с круглым проушным отверстием, известен в материалах Маклашеевского II городища имениковской культуры (Старостин, 1967, табл. 13, 6).

Топоры узколезвийные проушные с округлыми обушками (рис. 6: 2, 3). Аналогичные, но не тождественные топоры известны среди имениковских материалов (Щербетьское островное I селище, Коминтерновское поселение (Курган) (Старостин, 1967, табл. 13, 10–11)).

Серп сильно изогнутый, с отогнутой пяткой. От основной массы имениковских серпов он отличается сильным изгибом и небольшими размерами.

Имеются рыболовные крючки крупных размеров (рис. 6: 9), которые находят аналогии на широкой территории Евразии.

Долото (зубило?) в виде прямоугольного в сечении стержня со шляпкой (рис. 6: 5) имеет аналогии в памятниках киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 14, 7). Пластинчатое кресало (рис. 6: 8) находит параллели в материалах пшеворской, черняховской, пражской (Вергей, 1997, рис. 1, 1–2), позднедьяковской, киевской культурах. Бытуют подобные кресала все I тыс. н. э. (Вергей, 1997, с. 35). В Поволжье и Приуралье аналогии неизвестны.

Удила односоставные с простыми круглыми подвижными кольцами находят аналогии в памятниках середины I тыс., в частности, в материалах Имениковского I городища (Старостин, 1967, табл. 15, 15).

Пряслица. Набор пряслиц Лбищенского городища достаточно однороден. От имениковских он отличается, прежде всего, значительным удельным весом пряслиц высоких пропорций и пряслиц с очень маленьким размером отверстий, что может служить культурным и хронологическим признаком памятников IV в. Учете-

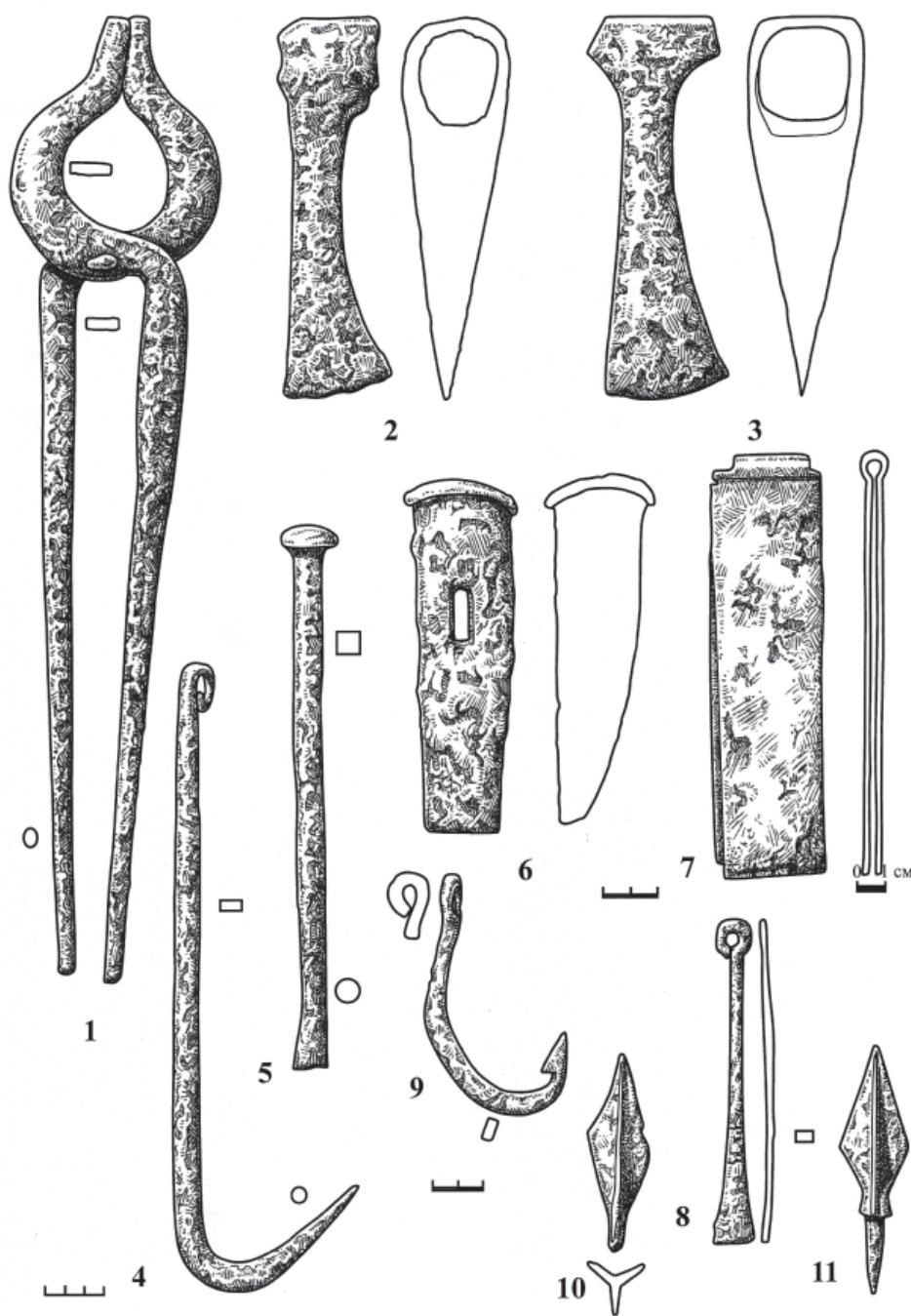

Рис. 6. Железные и бронзовые изделия с городища Лбище.

1 – клещи; 2–3 – топоры; 4 – крюк; 5 – долото; 6 – молоток; 7 – обойма; 8 – кресало; 9 – рыболовный крючок; 10–11 – наконечники стрел. 1–6, 8–11 – железо; 7 – бронза (по: Матвеева, 2000).

но 32 пряслица из культурного слоя городища Лбище, которые могут быть разделены на три группы.

Глиняные пряслица биконической формы составляют большую часть пряслиц городища Лбище (30 из 32). Максимальный диаметр пряслиц колеблется от 22 до 38 мм, однако экземпляры с крайними размерами единичны (до 25 мм – 3 экз., более 35 мм – 3 экз.). Диаметр основной массы пряслиц находится в пределах 30 мм. Показательно, что значительная часть биконических пряслиц

(8 экз.) имеет высокие пропорции (высота их более 70% диаметра). У двух биконических пряслиц ребра столь слабо выражены, что форма их скорее приближена к бочковидной. В трех случаях (9,9%) диаметр отверстия очень большой (превосходит 50% от максимального диаметра), в 7 случаях (23,3%) – очень маленький, менее 0,7 см. Поверхность 16 пряслиц покрыта лощением, остальные пряслица аккуратно заглажены. Подавляющее большинство пряслиц не орнаментировано. Только на двух пряслицах имеется комбинированный

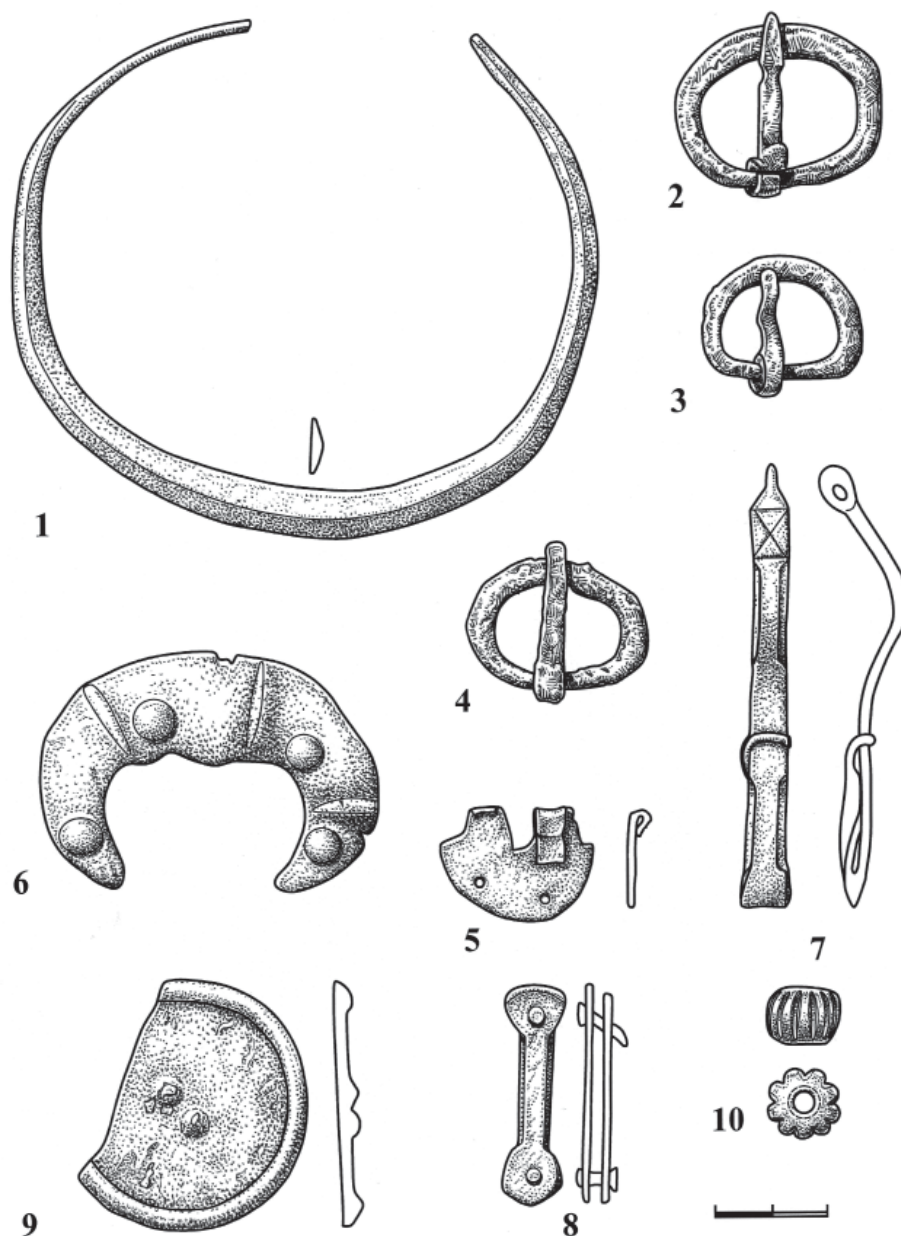

Рис. 7. Изделия из металла и стекла с городища Лбище.

1 – гривна; 2–4 – пряжки; 5 – шиток от пряжки; 6 – лунница; 7 – фибула; 8 – накладка; 9 – зеркало; 10 – бусина.
1, 5–9 – бронза; 2–4 – железо; 10 – стекло (по: Матвеева, 2000)

орнамент на боковой поверхности в виде прочерченных линий и точечных вдавлений.

Пряслица шаровидной и конической формы, аналогии которым имеются в позднесарматских материалах, единичны. Необходимо отметить отсутствие пряслиц, изготовленных из стенок сосудов.

Трехлопастные наконечники стрел (2 экз.) (рис. 6: 10–11) находят аналогии в памятниках IV–V вв. н. э.

Экономика обитателей городища Лбище строилась на животноводстве и земледелии, значимую роль играло кузнечное дело.

Палеозоологические материалы городища Лбище анализировались А.Г. Петренко (1984; 1998) и

В.Ю. Гасилиным (2003). На городище зафиксированы кости только домашних животных при полном отсутствии диких. Следовательно, охота не имела большого значения в хозяйстве обитателей городища. Отметим, что аналогичная картина наблюдается на черняховских памятниках Украины и Молдавии, где кости диких животных составляли 1% всех костных остатков (Цалкин, 1964).

По числу костей на городище Лбище преобладал КРС (59%). Коров и быков забивали преимущественно в возрасте 2 и 3–3,5 лет (Петренко, 1998), что может свидетельствовать о мясном направлении в животноводстве. Доля остатков лошади (28%) достаточно велика, костей МРС меньше – 9,4%. Кости свиньи встречаются редко – 4%,

по данным В.Ю. Гасилина, и 8,33%, по данным А.Г. Петренко.

По данным А.Г. Петренко, основным мясным продуктом населения городища было говяжье мясо, причем от животных возраста 2 лет (около 50%) и около 3–3,5 лет (50%). Большинство лошадей, убитых на мясо (73,8%), имели возраст 5–6 лет, а 26,2% – до 5 лет (Петренко, 1998, с. 203–204). Исследовательница отметила, что по морфологическим показателям лбищенский скот, сравнительно низкорослый (быки и коровы в основном с высотой в холке 102–109 см, лошади – 126 см) близок дьяковским и верхнеокским особям, отличаясь от более рослых именьковских, азелинских, мазунинских и кушнарниковских (Петренко, 1998, с. 208).

О занятии населения земледелием свидетельствует находка известнякового жернова диаметром около 40 см с круглым отверстием. На настоящий момент эта самая ранняя находка жернова на территории Среднего Поволжья.

О наличии в среде лбищенского населения профессиональных мастеров кузнечного дела свидетельствует обнаруженный на городище клад инструментов. Проведенные металлографические исследования (Семькин, 2007; Вязов и др., 2012б) позволяют также оценить уровень развития у кузнецов городища производственных навыков. В распоряжении мастеров были основные виды кузнечного сырья – кричное железо, сырцовая равномерно науглероженная сталь, высокоуглеродистая специально приготовленная, предположительно способом цементации, сталь. Судя по наличию кузнечных инструментов, техническая оснащенность этих мастеров была вполне достаточной. Лбищенские кузнецы предпочитали изготавливать свои поковки из цельностальных заготовок либо, реже, из неравномерно науглероженной сырцовой стали. Преимущественно мастерами применялась мягкая закалка. В технологическом арсенале кузнецов встречены цементация и торцовая наварка. Операцию термообработки кузнецы лбищенского кузнечного центра применяли не часто. Качество кузнечной сварки на изделиях из черного металла городища Лбище в основном было высоким. Конструктивное соединение в одном предмете железа и неравномерно науглероженной стали отмечается не часто, но целенаправленно. В целом уровень технологического мастерства изготовления кузнечной продукции городища Лбище можно оценить как очень высокий для эпохи Великого переселения народов.

Хронология и культурные связи. По комплексу признаков городище Лбище и, вероятно, памятники лбищенского типа могут быть датиро-

ваны III–IV – началом V в. Датировка памятника основана на присутствии в слое памятника следующих хронологически определенных вещей: пряжек с калачиковидной рамкой и бронзовых и серебряных браслетов с расширяющимися концами.

Судя по двучленной прогнутой подвязной фибуле и наконечникам стрел, городище Лбище погибло на рубеже IV–V вв. или в начале V в. Возможно, гибель памятника связана с гуннским нашествием, что может свидетельствовать о серьезном изменении политической обстановки в регионе и вынужденном внезапном уходе лбищенского населения со старых мест обитания.

Определяющим для выделения памятников типа городище Лбище является наличие следующих признаков:

- в керамическом комплексе: наличие остроугольных форм посуды, значительный процент мисок и лощеных изделий, смешанная рецептура формовочной массы лепных сосудов; немногочисленность плоских глиняных дисков преимущественно без бортиков; наличие неорнаментированных биконических пряслиц высоких пропорций с маленьким отверстием;

- небольшая площадь углубленной части жилищ, сравнительно небольшая плотность застройки; малое число хозяйственных ям на поселениях;

- отсутствие в остеологическом материале костей диких животных, преобладание в стаде домашних животных КРС, высокое процентное соотношение лошади, малый процент свиней.

По мнению Г.И. Матвеевой, керамический материал памятников лбищенского типа весьма архаичен и находит аналогии в памятниках верхне- и среднеднепровского вариантов классической зарубинецкой культуры. Это позволило ей предположить, что зарубинецкое население из Верхнего Поднепровья переселилось на Волгу до распада зарубинецкой культуры, до того, как она испытала инокультурные влияния. Г.И. Матвеева отмечала, что в материалах памятников лбищевского типа ощущается и пшеворское влияние (некоторые типы мисок) (Матвеева, 1986).

Однако нужно отметить, что керамический материал памятников зарубинецкой, пшеворской и черняховской культур по многим позициям (прежде всего по составу формовочной массы и характеру обработки поверхности) отличается от лбищенского, что не позволяет говорить об их прямой родственной связи. Вероятно, носители традиций этих культур составляли только часть лбищенского населения. Кроме них, можно предполагать участие в его формировании сарматских и иных, еще не установленных этнических групп. А.М. Обломский не исключал участия в формировании населения городища Лбище как групп

черняховского населения, которые после распада державы Германариха мигрировали не только на запад, но и на восток, так и центральноевропейского населения (Обломский, 2005, с. 41).

Нужно отметить и мнение воронежских археологов А.П. Медведева и Д.В. Акимова о том, что памятники типа городища Лбище появились в V в. в результате миграции оседлого населения Верхнего Подонья (Акимов, 2001, с. 21). Но значительная (43,4–42,7%) степень сходства комплексов лепной керамики городища Лбище и вехнедонских памятников (Акимов, 2001, с. 20) может свидетельствовать не о миграции населения Верхнего Подонья в V в. на Самарскую Луку, а об общих компонентах в культуре населения, оставившего памятники поздне римского времени в Верхнем Подонье и Среднем Поволжье. Интересно, что на-

селение, оставившее памятники типа Чертовицкого – Замятино в Верхнем Подонье, датирующиеся IV–V вв., также сформировалось в результате наложения пришлого (киевского и черняховского) компонента на местный сарматоидный субстрат (Акимов, 2001, с. 21).

Говорить о территориальном распространении памятников лбищенского круга пока преждевременно. По мнению Г.И. Матвеевой, сходство памятников лбищенского типа с именьковскими позволяет отнести их к раннему этапу именьковской культуры и датировать IV в. (Матвеева, 2000, с. 104). Однако отнесение памятников лбищенского типа к раннему этапу именьковской культуры является достаточно дискуссионным (Стащенко, 2010).

Памятники средневожского варианта киевской культуры

История выделения памятников средневожского варианта киевской культуры (III – начало V в. н. э.). Археологические памятники, относимые сегодня к средневожскому варианту киевской культуры, долгое время не привлекали специального внимания исследователей в силу своей невыразительности. Большая часть их была выявлена в ходе широкомасштабных разведочных обследований территорий Республики Татарстан, Самарской и Ульяновской областей, в 1940–1970-е гг. и была интерпретирована как поселения именьковской культуры (Старостин, 1967).

Некоторые отличия керамического комплекса поселений киевской культуры от именьковского исследователи, впрочем, все же отмечали. Так, Р.Г. Фахрутдинов выделял разведочные материалы с памятников 2–3 четв. I тыс. н. э. долины р. Б. Черемшан в особую группу памятников с «керамикой А» (Фахрутдинов, 1986), а раскопавшие в 1977–1978 гг. селище Славкино I на севере Самарской области С.А. Агапов, В.И. Пестрикова и Н.П. Салугина датировали изученный памятник III–IV вв. н. э. и констатировали его своеобразие (Агапов и др., 1978).

Прослеженные культурные и хронологические отличия выявленных поселений были описаны и обобщены Г.И. Матвеевой в середине 1980-х гг. (Матвеева, 1986). Исследователь предложила дать своеобразным материалам название «памятники славкинского типа», датировала их I–III вв. н. э. и связала их появление в регионе с первой волной миграции (пра)славянского населения на Волгу. В качестве критериев, отличающих «славкинские» древности от именьковских, указывались специфические формы керамических сосудов, пряслиц, малая насыщенность территории поселения хозяйственными сооружениями, костями животных и рыб. Впоследствии эта гипотеза прочно вошла в историко-культурные реконструкции процессов эпохи Великого переселения народов в Среднем Поволжье (Матвеева, 2000), хоть и опиралась на небольшие раскопки всего одного поселения.

Новый импульс исследованиям памятников второй четверти I тыс. придали раскопки на некоторых поселениях бассейна рек Б. Черемшан и Кондурчи в 1990–2000 гг. Д.А. Сташенковым. Полученный в результате проведенных работ комплекс артефактов позволил Д.А. Сташенкову выделить культурный тип Сиделькино-Тимяшево, отнести его ко второй четверти I тыс. н. э. и связать с киевской культурой (Сташенков, 2005).

Дальнейшие исследования расширили географические рамки киевских памятников в Среднем

Поволжье, зафиксировав особую группу памятников далеко к северо-востоку от основного ареала киевской культуры (рис. 1). Материалы киевского круга были идентифицированы Д.А. Сташенковым в коллекциях из раскопок Болгарского городища (Сташенков, Шарифуллин, 2009). В бассейне р. Б. Черемшан новые памятники были исследованы К.А. Руденко (Руденко, 2014) и Л.А. Вязовым (Истомин и др., 2016). В число аналогичных памятников в бассейне р. Шешмы входит также Полянкинское I селище, исследовавшееся З.С. Рафиковой в 1996–1997 гг. (Рафикова, 2012). Среди памятников, исследованных совсем недавно в Восточном Закамье, можно также указать Бикляньское I селище (Лыганов и др., 2021).

Таким образом, к настоящему моменту раскопками исследовано 15 поселений, позволяющих охарактеризовать культурный комплекс средневожского варианта киевской культуры второй четверти I тыс. н. э. (рис. 2). Раскопки проводились в бассейне р. Б. Черемшан на Сиделькинском II селище и могильнике, Пролетарском городище, селищах Пролетарском, Тимяшевском II, Крепость Кондурча II (Сташенков, 2005), Славкинском I (Агапов и др., 1978), Русско-Чебоксарском (Руденко, 2014), Новокиреметском II (Вязов и др., 2022). В Нижнем Прикамье материалы киевской культуры выявлены при раскопках Болгарского городища (Сташенков, Шарифуллин, 2009), Старокуйбышевского III селища (Вязов и др., 2022), в Восточном Закамье – на Полянкинском I (Рафикова, 2012) и Бикляньском I (Лыганов и др., 2021) поселениях. В последние годы памятники киевской культуры исследованы также в Среднем Поволжье, где раскопкам подвергались селища Сара-I, Устье Малой Сарки и Макеевское (Мясников и др., 2021).

К памятникам киевской культуры на основании разведочных материалов могут быть отнесены также практически все поселения бассейна р. Б. Черемшан, где памятники именьковского населения представлены только единичными городищами (Татсунчелевским и, видимо, некоторыми другими). В других регионах в силу частого наличия на поселениях также и именьковских культурных слоев выделение киевских материалов, за исключением отдельных случаев, возможно практически только на основании раскопок.

Территория распространения, виды и геоморфологическое положение памятников

Территория распространения. Памятники, на которых наличие культурного слоя киевской культуры подтверждено раскопками, распростра-

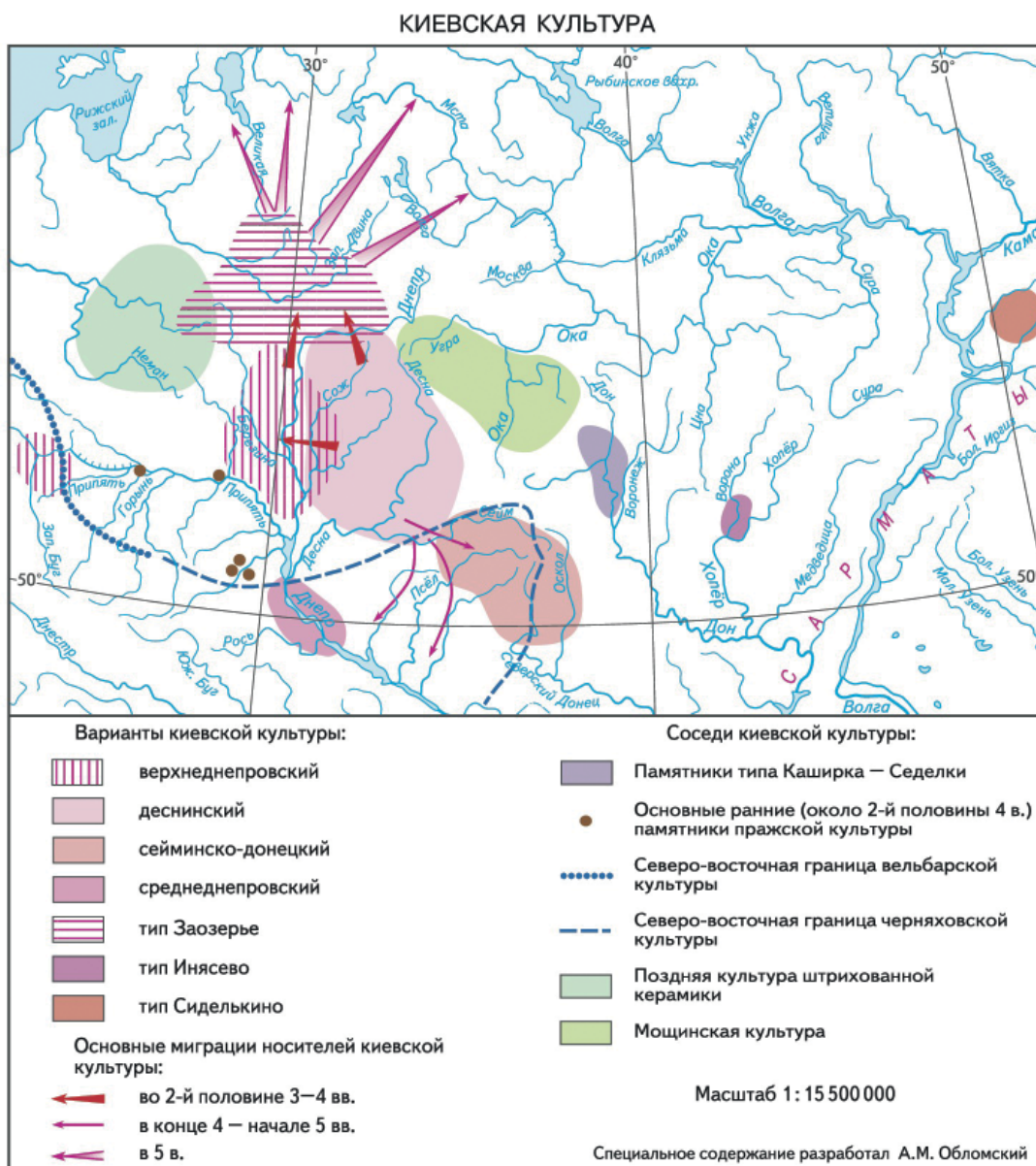

Рис. 1. Карта памятников киевской культуры (по А.М. Обломскому).

нены на территории лесостепной зоны Среднего Поволжья, от Суры на западе до Шешмы на востоке и от левого берега р. Камы на севере до низовой р. Б. Черемшан на юге. В отличие от более поздней именьковской культуры, которая имеет те же пределы распространения в западном и восточном направлениях, зоны концентрации киевских памятников находятся южнее, почти не включая территорию современного распространения широколиственных лесов.

Больше всего достоверно киевских поселений находится в бассейне р. Б. Черемшан, в этом же регионе наиболее часто встречается керамика киевского облика в разведочных коллекциях. Помимо этого, группы киевских памятников известны в Восточном и Западном Закамье, на р. Свияге и в среднем течении р. Суры. Вероятно, по мере

проведения новых раскопок киевские материалы будут выявлены на других поселениях I тыс. н. э., сегодня атрибутированных как именьковские в силу недостаточной изученности.

Виды памятников. Во всех регионах распространения памятники средневожского варианта киевской культуры представлены почти исключительно неукрепленными поселениями. Единственное городище, на котором выявлены киевские материалы, – Пролетарское в бассейне р. Б. Черемшан, однако вопрос о том, были ли носители киевской культуры создателями фортификационных сооружений, остается открытым.

Единственный исследованный к настоящему времени некрополь – Сиделькинский грунтовый могильник – непосредственно примыкает к поселению. Кроме того, захоронения, совершенные

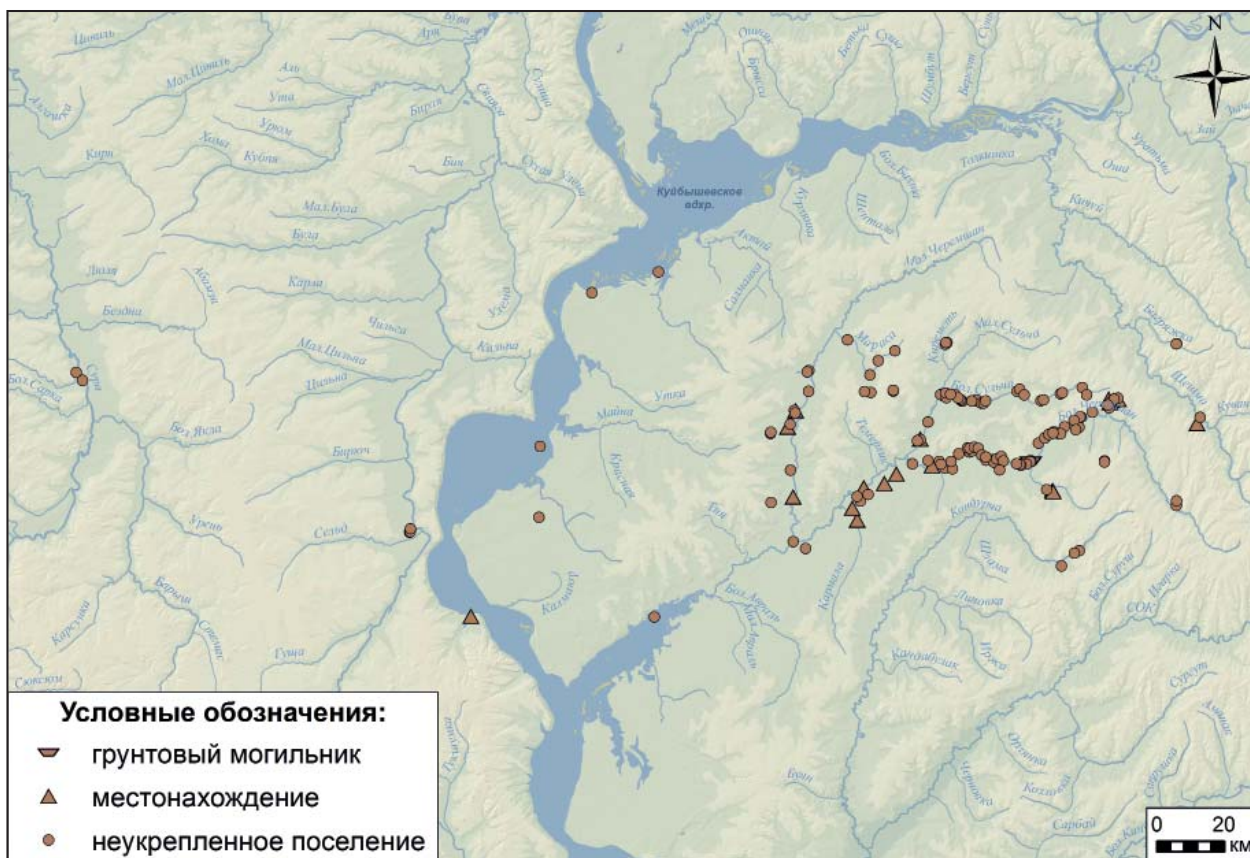

Рис. 2. Карта памятников средневожского варианта киевской культуры

по обряду ингумации, выявлены непосредственно на территории Сиделькинского II поселения (Сташенков, 2012).

Поселения. Геоморфологическое положение.

Все поселения приурочены к рекам, как правило, небольшим. Некоторые памятники расположены на берегах старичных озер, которые, впрочем, в древности могли являться действующими руслами.

подавляющее большинство поселений расположены в пойме, на невысоких участках надпойменной террасы или на пологих склонах нерасчлененных террас. Такое расположение типично для поселений в бассейне р. Б. Черемшан (селища Сиделькино I, III–VI, Крепость Кондурча I, Пролетарское II селище, Славкинское селище). В долине р. Свияги разрушенные ныне поселения располагались на расстоянии 300–400 м от русла, «возле речных стариц», на пойменных участках, прилегающих к «мысу низкой песчаной надпойменной террасы» и «на распаханной высокой пойме» реки (Буров, 1977, с. 77, 84). В некоторых случаях (долина р. Суры) культурный слой поселений перекрыт позднейшими аллювиальными отложениями или находится на заливаемых в половодье участках (Курманаевское IV селище в бассейне р. Б. Черемшан). Часть памятников (селища Тимашевские I и II, Крепость Кондурча II) приурочены

к оврагам, по дну которых протекают небольшие ручьи.

Исключением из общего правила выглядят селища, расположенные на возвышенных участках правого коренного берега р. Большой Черемшан (Пролетарское городище, Сиделькинское II селище).

Планировка поселений, жилые и хозяйственные сооружения. Поселения средневожского варианта киевской культуры, как правило, однослойные, мощность слоя обычно не превышает 0,5 м. Площадь поселений составляет от 0,7 до 6 га, однако в пределах одного памятника в ряде случаев (Новокиреметское II селище) зафиксированы зоны концентрации подъемного материала и участки, практически не содержавшие находок, что может свидетельствовать либо о наличии разреженной застройки (усадебного типа – см. далее), либо о одновременности функционирования застройки в различных частях распространения культурного слоя.

Планировка исследованных значительными площадями поселений носила усадебный характер. Хозяйственные сооружения – округлые неглубокие ямы – концентрировались вокруг жилищ.

Жилища исследованы на памятниках во всех районах распространения средневожских киевских памятников. Большинство изученных

построек представляют собой слабо углубленные в подпочвенный суглинок подквадратные в плане сооружения с центральным опорным столбом.

Такие строения выявлены на Сиделькинском II и Тимяшевском селищах, где исследованы две постройки площадью 6–12 кв. м (рис. 8: 1; 10: 3; Сташенков, 2005). Котлован постройки площадью около 16 кв. м с центральным столбом исследован на Полянкинском I селище (рис. 6: 1; Рафикова, 2012, с. 251), еще по одному сооружению той же конструкции, несколько меньшей площади, выявлено на Старокуйбышевском III селище (рис. 4: 1; Вязов и др., 2022) и селище Сара-1 (рис. 9: 1; Мясников и др., 2021).

За пределами Самарского Поволжья подобные постройки имеются в материалах тех культур, в которых сохраняются зарубинецкие традиции, в частности киевской и пеньковской (Терпиловский, 1984, табл. 1–4; 8; Приходнюк, 1998, рис. 7).

В котлованах некоторых построек ямы от центрального опорного столба отсутствуют. К этой группе относится одно из жилищ Полянкинское I селища (рис. 6: 1; Рафикова, 2012, с. 251) и постройка, исследованная на Новокиреметском II селище (рис. 5: 1; Вязов и др., 2022). Видимо, к этой же группе следует отнести жилищную постройку, раскопанную на Бикляньском селище и имевшую центральную яму неправильного очертания большого размера, напоминающую «очажные котлованы» городища Лбище (рис. 3: 1; Лыганов и др., 2021). Все описанные жилища имели столбовую конструкцию стен.

Возможно, на поселениях Самарского лесостепного Заволжья существовали и наземные жилые постройки. Некоторые исследователи (С.А. Агапов, Н.П. Салугина; Г.И. Матвеева; Н.А. Лифанов) предполагают наличие наземных строений на Славкинском селище, однако сам факт наличия построек, а тем более их форму достоверно установить не удалось.

Хозяйственные постройки представлены производственными сооружениями и хозяйственными ямами.

Углубленные в землю котлованы двух производственных построек исследованы на Сиделькинском II селище. Выявлена металлургическая мастерская – прямоугольная постройка размерами 4×2,9 м, в которой в двух горнах происходила выплавка металла. Рядом с мастерской выявлены цилиндрические ямы для выжигания угля (Сташенков, 2012а).

Хозяйственные сооружения представлены ямами двух типов: цилиндрические в плане ямы диаметром 0,6–2,2 м, углубленные в материк на 0,2–1,3 м (рис. 10: 1, 4) и подпрямоугольные в плане

ямы размерами 0,6×1,2 м, углубленные в материк на 0,05–0,1 м (рис. 10: 2, 5).

Хозяйственные ямы прямоугольной формы, исследованные на Пролетарском городище, селищах Тимяшевское и Крепость Кондурча II, являются специфичным признаком памятников рассматриваемой группы.

Некрополи. Для населения рассматриваемых памятников были свойственны бескурганые погребения, совершенные по обряду кремации и ингумации. Погребальные комплексы исследованы на территории Сиделькинского II грунтового могильника, который располагался на окраине синхронного ему поселения (Сташенков, 2005; 2012; 2012 б).

Погребения можно разделить на 3 группы:

1) Погребения по обряду ингумации (4 погр.). Два погребения были совершены в культурном слое поселения под каменной наброской, два – в подбее производственного сооружения и крупной яме округлой в плане формы. Черепа погребенных имеют признаки искусственной деформации. Радиоуглеродные даты двух погребений, выполненные в лабораториях ГИН РАН и университета Брок (Канада), близки – 230 ± 70 г. н. э. и 280 ± 45 г. н. э. Исходя из археологического контекста и результатов радиоуглеродного датирования, наиболее вероятная дата погребений – 2 пол. III в. Погребения первой группы могут быть связаны с сарматами, проживавшими на селище.

2) Погребения, совершенные по обряду кремации на стороне в круглых ямах (15 погр.). Часть праха погребенных с остатками погребального костра (единичные фрагменты кальцинированных костей, зола и мелкие угольки) ссыпалась в ямы округлой формы диаметром 0,3–1,2 м, углубленные в материк на 0,15–0,3 м. Погребальный обряд этой группы близок изученному на погребальных памятниках киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 38–44).

3) Погребения, совершенные по обряду кремации на стороне в прямоугольных ямах (3 погр.). Немногочисленные фрагменты кальцинированных костей, зола и мелкие угольки, ошлакованные металлические детали одежды помещались в ямы подпрямоугольной формы размерами до 0,5×1,6 м, углубленные в материк на 0,1–0,3 м.

Вещевой и керамический комплекс. Вещевой комплекс памятников рассматриваемой группы сравнительно беден и представлен в основном бытовыми предметами и орудиями труда. Единично представлены украшения и детали костюма, уникальной находкой является монета боспорского царя Рескупорида V (561 г. б. э./264–265 гг. н. э.).

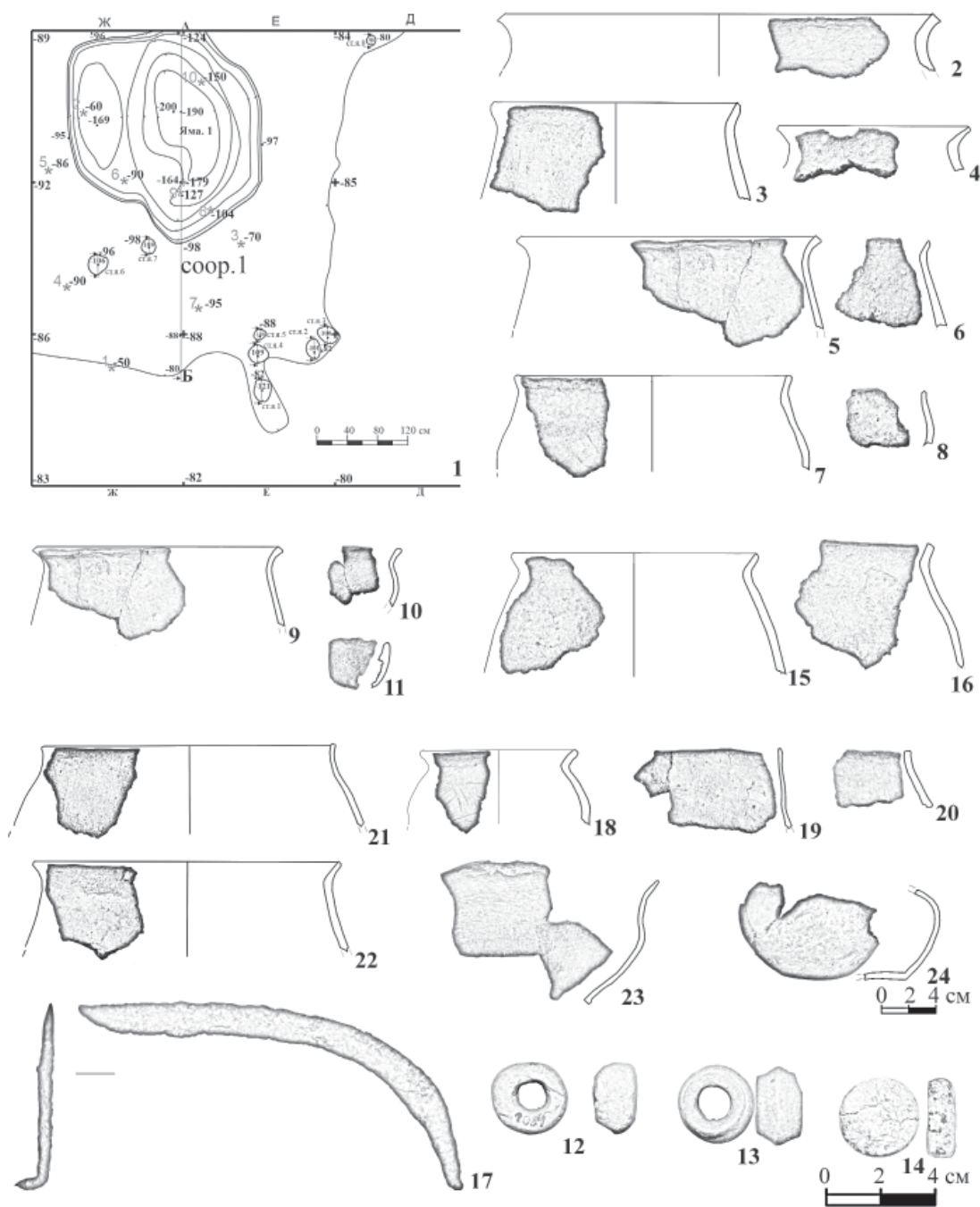

Рис. 3. Памятники средневожского варианта киевской культуры. Биклянское I селище. 1 – котлован постройки. 2–10, 16–16, 18–24 – фрагменты лепных сосудов; 11 – фрагмент тигля; 12–13 – пряслица; 14 – жетон; 17 – серп. 2–16, 18–24 – глина; 17 – железо

Украшения и детали костюма. К деталям костюма относятся миниатюрные железные булавки, найденные на Сиделькинском II (рис. 8: 7) и Новокиреметском II селищах. Булавки имеют петлевидное навершие, экземпляр с Новокиреметского II селища снабжен также подвижным звеном в виде кольца (рис. 5: 9). Подобные булавки известны в древностях балтских культур раннего железного века и I тыс. н. э., а также в материалах мощинской культуры, где они доживают до VI в. н. э. (Воронцов, 2010), известны они и

на некоторых познедьяковских памятниках. В V–VII в. булавки с восьмерковидным подвижным звеном становятся частью костюма населения именьковской культуры.

Отдельные элементы поясной гарнитуры (пряжки, щитки от пряжек, язычок пряжки и наконечник ремня) обнаружены Сиделькинском II (рис. 8: 2–3, 9–10) и на Полянкинском I селищах (рис. 6: 35, 37; Рафикова, 2012, с. 250).

К деталям костюма относится также найденная на селище Сара-1 бронзовая сюльгама с уплощен-

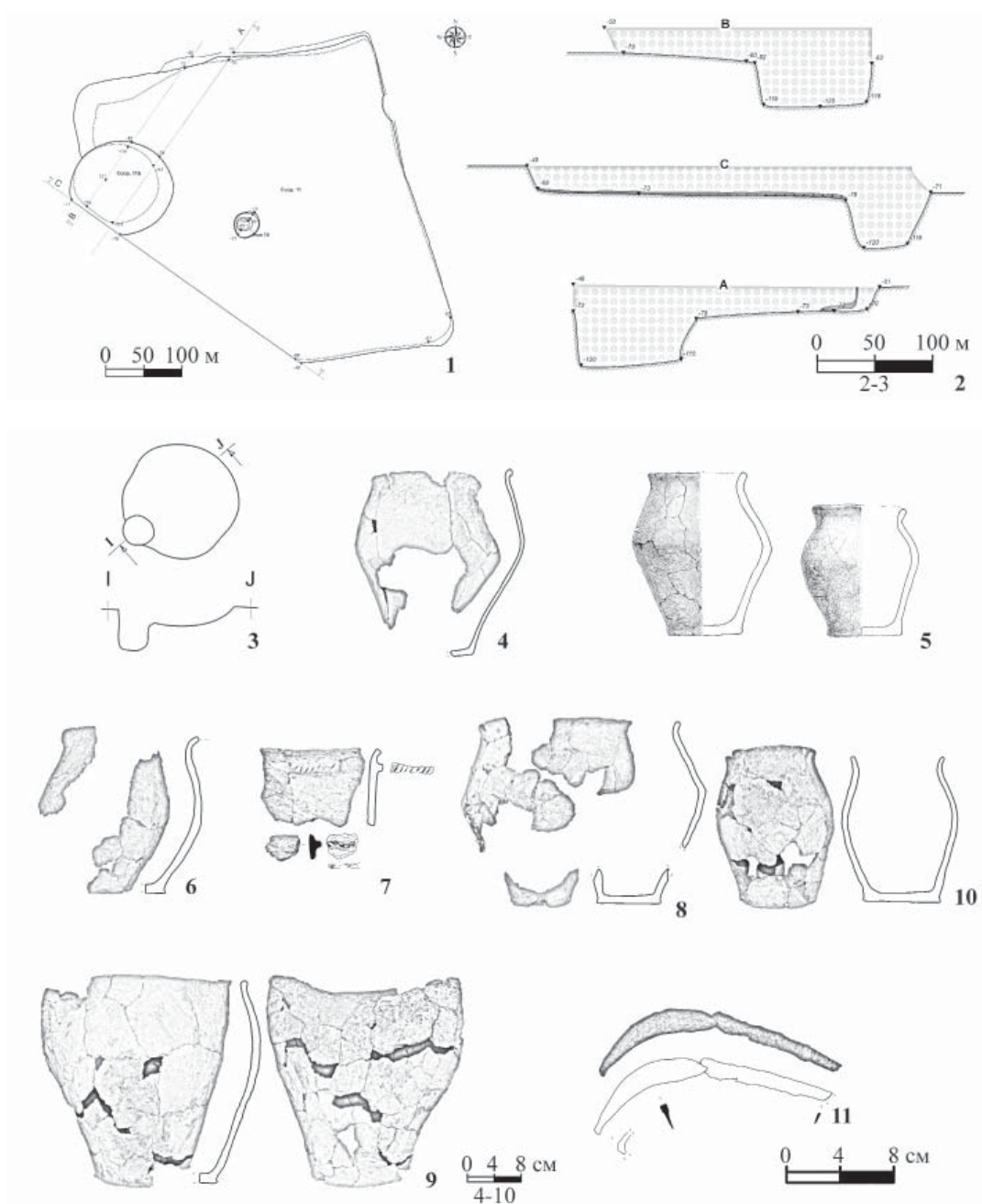

Рис. 4. Памятники средневожского варианта киевской культуры. Нижнекамская группа. 1-4, 6-11 – Старокуйбышевское III селище; 5-6 – Болгарское городище. 1-2 – план и разрезы жилища; 3 – план и сечение сооружения; 4-10 – лепные сосуды; 11 – серп. 4-10 – глина; 11 – железо

ной рамкой, с концами, завернутыми в трубицы, не выходящими за ширину рамки, с точечным орнаментом, образующим зигзагообразные линии на лицевой поверхности (рис. 9: 7; Вязов и др., 2016).

Сравнительно узкую датировку в рамках второй пол. III – начала IV в. имеют найденные на Сиделькинском II селище бронзовые лунница круга эмалей и фрагмент фибулы с ромбическим щитком (рис. 8: 17, 21).

Орудия труда и предметы вооружения.

С металлургическим, литейным и ювелирным производством связаны находки глиняных тиглей

рюмкообразной формы с узким дном, фрагментов глиняных льячек, железного и медного шлака и слитков (рис. 8: 22, 28), обрезков медных пластин на Сиделькинском II селище, Биклянском I селище (рис. 3: 11) и Пролетарском городище.

Из орудий сельскохозяйственного производства найдены только серпы. Все они небольших размеров, рукоять крепится при помощи шипа, загнутого перпендикулярно плоскости лезвия. Находки серпов происходят со Старокуйбышевского III (рис. 4: 11) и Биклянского селищ (рис. 3: 17). Серпы подобного типа в Среднем Поволжье

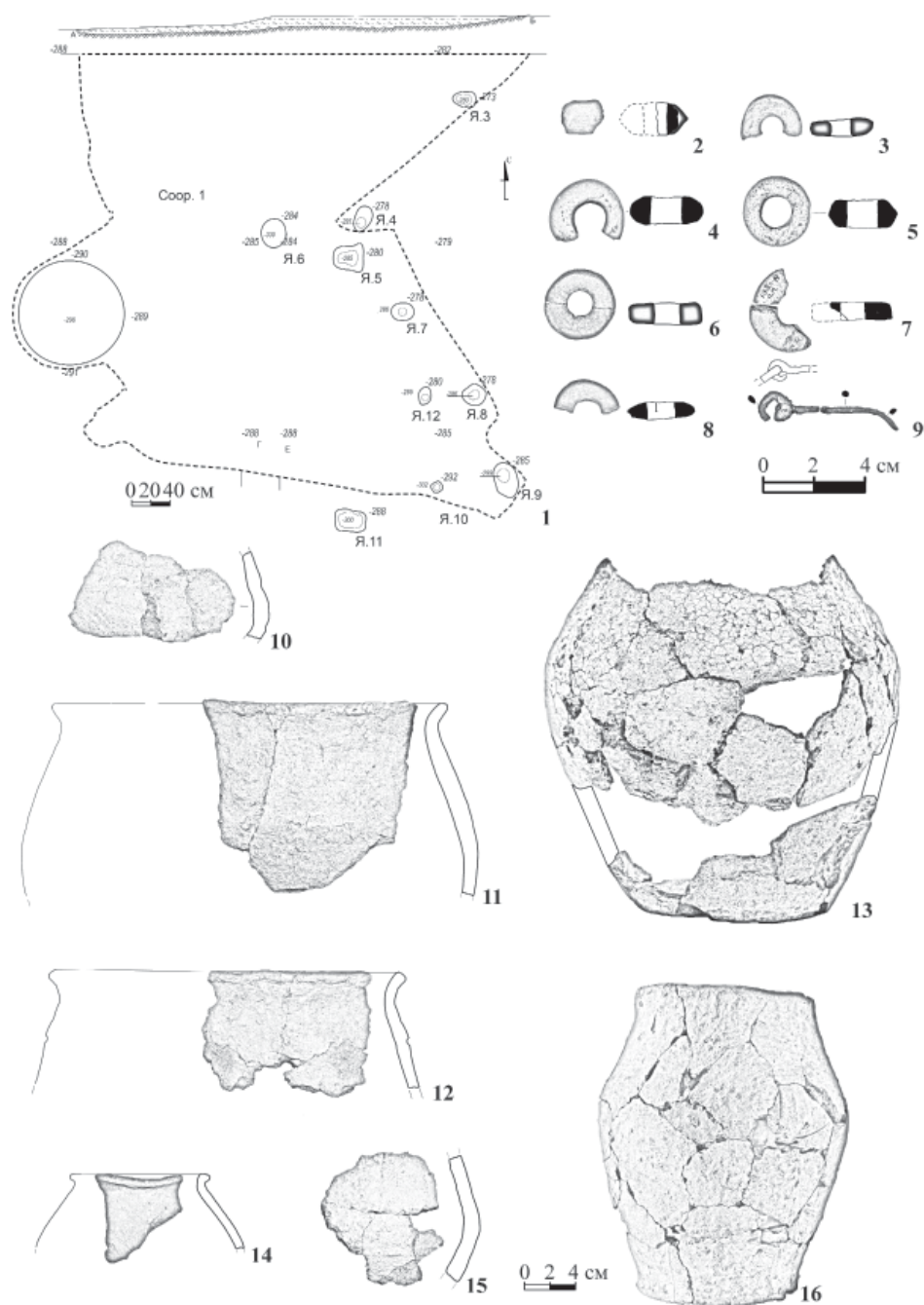

Рис. 5. Памятники средневожского варианта киевской культуры. Селище Новая Киреметь II. 1 – план и разрез постройки; 2–8 – пряслица; 9 – булавка; 10–16 – фрагменты лепных сосудов. 2–8, 10–16 – глина; 9 – железо

известны на городищах Ножа-Вар и Лбище, где они относятся к слоям III–IV в. н. э. В более позднее время (в V–VII вв. н. э.) подобные серпы, но более крупных размеров, широко использовались именьковским населением.

Единственный предмет вооружения, происходящий со средневожских киевских памятников – железный втульчатый наконечник стрелы из сборов с территории Карлинского IV селища в Ульяновской области. Он относится к сравнительно редкому для Среднего Поволжья типу. Ближайшая аналогия ему известна в погребении 96 Рож-

дественского V могильника азелинской культуры (Старостин, 2009, с. 104, рис. 20: 12, 14), вещевой комплекс которого датируется III в. н. э.

Бытовые предметы.

Самую многочисленную категорию бытовых предметов составляют пряслица, которые делятся на три группы:

1) Лепные пряслица усеченно-биконической формы являются преобладающим видом (рис. 3: 12–13; 6, 23–27; и др.). Они известны на всех памятниках, а на некоторых (Крепость Кондурча II и Тимяшево, Сара-1, Бикляньское селище) являют-

ся единственным типом пряслиц. Подобные пряслица характерны для целого ряда культур первой пол. – сер. I тыс. н. э., в том числе киевской, пеньковской и др. Все пряслица имеют шероховатую поверхность, орнаментация на них не встречается.

2) Лепные пряслица уплощенно-цилиндрической или лепешковидной формы (рис. 5: 4, 6–8). Подобные пряслица найдены на Сиделькинском II, Новокирметском II и Старокуйбышевском III селищах.

3) Пряслица, изготовленные из стенок лепных сосудов. Они найдены на Сиделькинском II (рис. 7: 19, 28; и др.) и Славкинском I селищах. Пряслица из стенок лепных сосудов находят аналогии в памятниках черняховской культуры (Федоров, 1960, табл. 18, 1–2) и в памятниках Подонья (Медведев, 2000, с. 46, рис. 6, 3–6; с. 52, рис. 19, 29–30; Хреков, 1991, рис. 4, 10).

На большинстве памятников рассматриваемой группы встречены округлые глиняные «жетоны» диаметром 3,1–4,5 см, изготовленные из стенок сосудов или вылепленные вручную (рис. 3: 14; 7: 12; 10: 10–11).

На Пролетарском городище, Сиделькинском II и Новокирметском II селищах, на поселении Сара-1 найдены фрагменты глиняных фигурок животных (рис. 6: 21–22; 9: 13).

В набор бытовых предметов входят также железные ножи (рис. 6: 38; 8: 5, 11; и др.), шилья (рис. 8: 6), зубила, фрагменты медных котлов, точильные камни и т. д. Формы этих изделий характерны для широкого круга памятников I тысячелетия.

Керамический комплекс памятников представлен фрагментами плоскодонных лепных сосудов с примесью шамота в составе формовочных масс и шершавой поверхностью. Подавляющее большинство фрагментов относится к горшкам, довольно многочисленную категорию составляют диски-лепешечницы; миски и кувшины единичны.

Керамика в основном не орнаментирована. Украшенные защипами и насечками венчики немногочисленны: например, для селища Крепость Кондурча II их всего 3,8% (рис. 8: 26–27). С селищ Крепость Кондурча II и Старокуйбышевского III происходят единичные фрагменты сосудов, украшенных налепным валиком, дополнительно орнаментированным насечкой и вдавлениями (рис. 8: 24–25). В формовочной массе сосудов использовался шамот, органика, сухая глина, в отдельных случаях раковина. Основную массу находок составляют сосуды с примесью в составе формовочной массы крупного шамота и органики.

В составе керамического комплекса можно выделить группы по характеру поверхности. К первой относится посуда с поверхностью свет-

ло-коричневого, желтого или серого цветов, изготовленная из запесоченной глины, относительно хорошо обожженная. Ко второй – керамика с «мажущейся поверхностью» желто-коричневого цвета. Керамика первой группы представлена на Сиделькинском II селище (рис. 7: 1–4, 6–7); второй – на Тимяшевском II селище (рис. 10: 16–21). На остальных памятниках встречены сосуды обеих групп в различном соотношении между собой.

На Сиделькинском II селище в состав керамического комплекса входят также лепные лощеные сосуды, в основном горшковидной формы, реже миски, черного, темно-серого или светло-коричневого цветов, формовочная масса которых включает в себя шамот и навоз (рис. 7: 5). Лощение производилось по подсушенной и заглаженной основе. В культурных слоях других памятников эта категория сосудов не обнаружена.

Горшки.

Типичным видом посуды на памятниках средневожского варианта киевской культуры являются слабопрофилированные горшки с относительно широким плоским дном без закраин. В составе набора форм горшков присутствуют как округлобокие экземпляры (рис. 5: 11; 6: 12; 7: 7; и др.), так и сосуды, максимальное расширение тулова которых оформлено в виде сглаженного ребра (рис. 7: 1–4; и др.). По форме верхней части выделяется несколько типов сосудов:

1. Крупные закрытые горшковидные сосуды без выраженной шейки (рис. 10: 21).
2. Горшковидные сосуды с прямым или со слегка отогнутым венчиком (рис. 10: 17, 20; и др.).
3. Горшковидные сосуды с отогнутым венчиком (рис. 7: 1, 7; 9: 5; 10: 16; и др.).
4. Крупные закрытые горшковидные со слегка отогнутым венчиком и с выраженным ребром в средней части (рис. 7: 2).
5. Крупные закрытые горшковидные сосуды без выраженной шейки с наибольшим расширением в верхней трети сосуда (рис. 7: 8).
6. Крупные горшковидные сосуды со слабо выраженной шейкой с наибольшим расширением в верхней трети сосуда (рис. 7: 4).
7. Крупные горшковидные сосуды со слегка отогнутым венчиком и наибольшим расширением в средней части сосуда (рис. 7: 7).
8. Горшковидные сосуды с отогнутым венчиком и наибольшим расширением в верхней части сосуда (рис. 5: 11; 9: 5).
9. Крупные сосуды баночной формы (рис. 10: 20).

Диски-лепешечницы. Глиняные диски-сковороды немногочисленны. Диаметр дисков 20–35 см, причем на Сиделькинском II селище чаще встре-

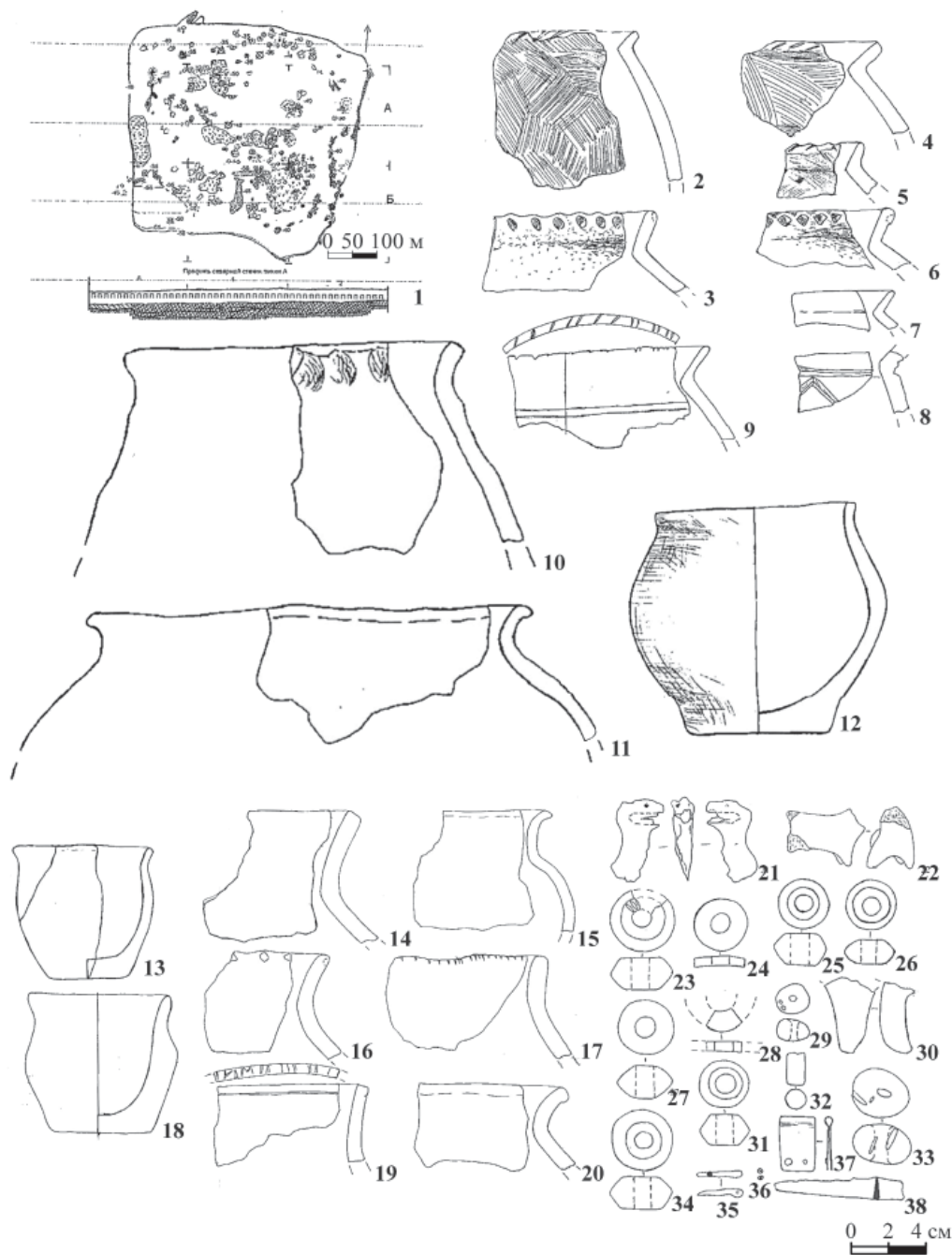

Рис. 6. Памятники средневожского варианта киевской культуры. Полянкинское I селище.
 1 – план и разрез постройки; 2–20 – фрагменты лепных сосудов; 21–22, 30 – фрагменты фигурок;
 23–28, 31, 34 – пряслица; 29, 33, 36 – бусины; 35 – язычок пряжки; 37 – наконечник ремня; 38 – фрагмент ножа.
 2–34 – глина; 35, 37 – железо; 36 – стекло

чаются диски размерами около 30 см, для Тимяшевского селища характерны диски диаметром от 20 до 30 см.

Миски. Находки мисок представлены единичными фрагментами с поселений Сиделькино II, Сара-I и Биклянь. Ни одна из мисок не реконструируется до получения полного профиля. Доступные для анализа части принадлежат округлобким сосудам высоких пропорций с отогнутыми наружу высокими шейками, диаметр наибольшего рас-

ширения тулова у которых примерно равен диаметру венчика (Сиделькино II, Сара-I) или меньше (Биклянь) него.

Миски из Сиделькинского II селища с тщательно заглаженной поверхностью (рис. 7: 5) находят аналогии на памятниках поздне римского времени Верхнего Подонья, в частности на селище Седелки (Обломский, Терпиловский, 1998, рис. 7, 11).

Помимо вышеописанных категорий керамики на поселениях средневожского варианта киев-

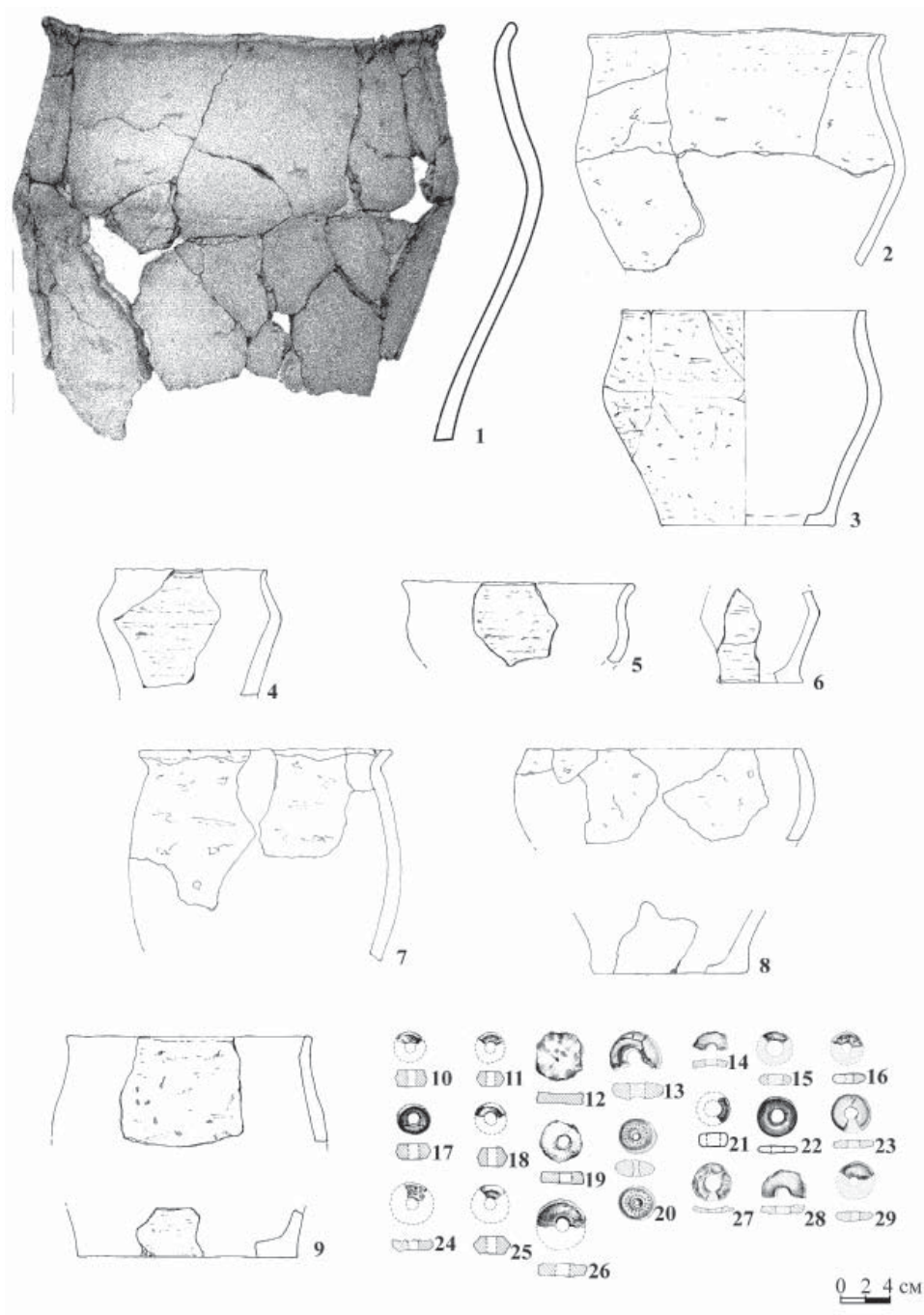

Рис. 7. Памятники средневолжского варианта киевской культуры. Сиделькинское II селище.
1–9 – фрагменты лепных сосудов; 10–29 – пряслица. 1–29 – глина

ской культуры встречаются также миниатюрные сосудики и небольшие кувшины (Биклянь), а также горшки с сосковидными налпами на тулове (Полянское I селище). Последние две категории известны в материалах городища Лбище, а за пределами Среднего Поволжья – в позднесарматских памятниках.

По структуре набора сосудов керамический комплекс памятников типа Сиделькино-Тимяшево близок керамическому набору поселений киевской культуры (Обломский, 2002, табл. 15; 22).

Часть керамических материалов, выявленных на рассматриваемых памятниках, заметно отличается от основной массы по составу формовочных масс и примесей, использованных при изготовлении сосудов. Так, на Сиделькинском II селище встречено около десятка фрагментов с примесью раковины или дробленой кости. Там же имеется несколько фрагментов лепных сосудов, в которых примесь раковины выявлена в шамоте. На Биклянском селище также найдены фрагменты с примесью раковины в тесте, в том числе фрагмент высокой цилиндрической шейки слабопрофили-

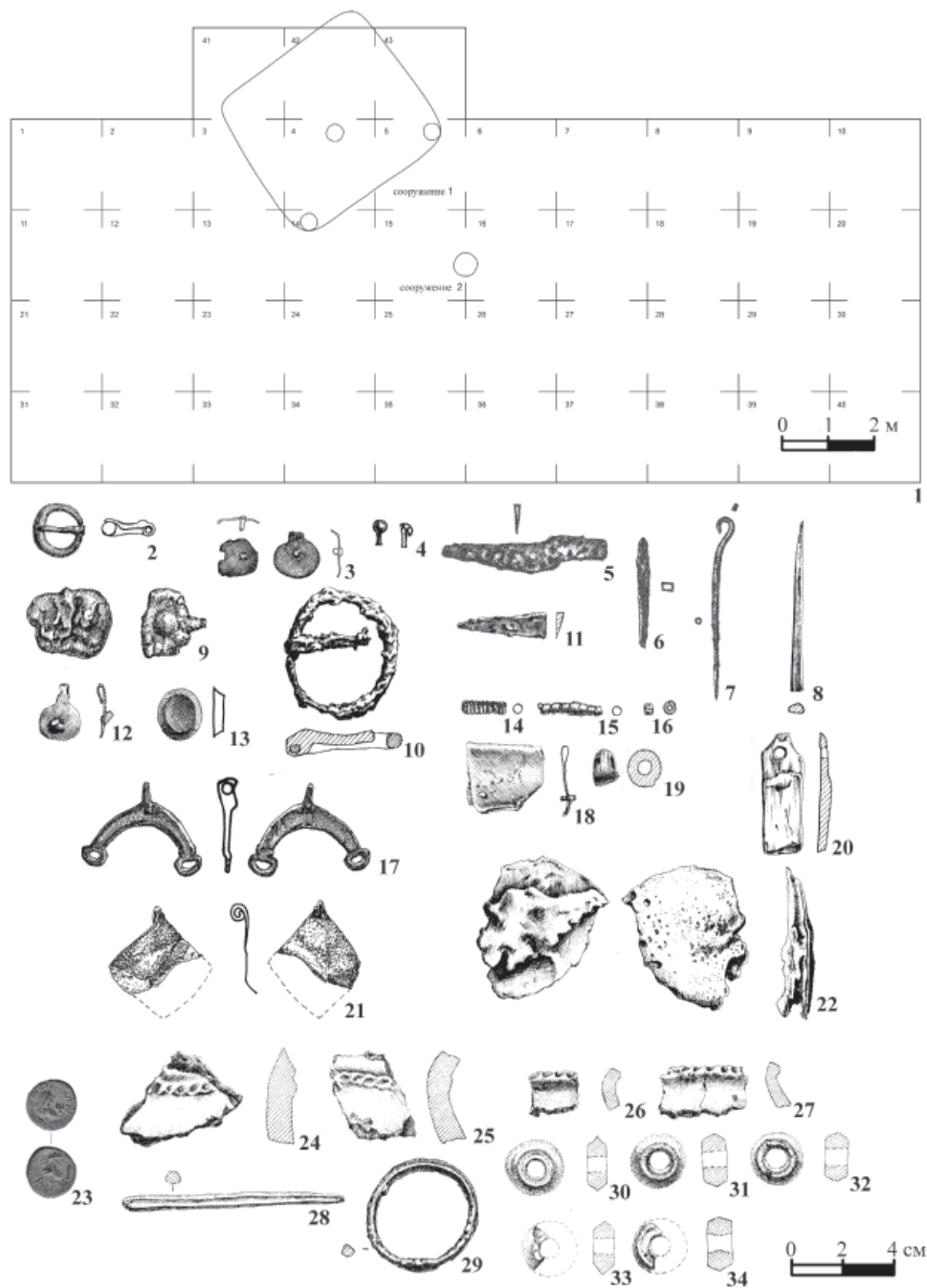

Рис. 8. Памятники средневожского варианта киевской культуры.

1–23 – Сиделькинское II селище; 24–34 – селище Крепость Кондурча II. 1 – план участка раскопа с жилищем; 2, 9, 10 – пряжки; 3 – щиток от пряжки; 4 – штифт; 5, 11 – фрагменты ножей; 6 – шило; 7 – булавка; 8 – прокол-ка; 12 – подвеска; 13 – вставка от перстня; 14–15 – пронизки; 16, 19 – бусина; 17 – лунница; 18 – оковка венчика сосуда; 20 – амулет; 21 – фрагмент фибулы; 22, 28 – бронзовый слиток; 23 – монета; 24–27 – фрагменты лепных сосудов; 29 – кольцо; 30–34 – пряслица. 2–4, 12, 14, 15, 17, 18, 21, 22, 28 – бронза; 5–7, 9–11, 29 – железо; 8 – кость; 13, 20 – камень; 16, 19 – стекло; 23 – серебро; 24–27, 30–34 – глина

рованного крупного горшка. Единично представлены и фрагменты с примесью дресвы. Подобная керамика может отражать присутствие на киевских средневожских памятниках групп инокультурного населения. Так, керамику с примесью дробленой кости на Сиделькинском II селище можно связать с финалом бытования традиции из-

готовления посуды типа Царев Курган, а фрагменты с толченой раковиной с Биклянского селища скорее отражают контакты с позднепьяноборским населением.

Показателен результат выполненного Н.П. Салугиной технико-технологического анализа фрагментов керамики из условно закрытого комплекса

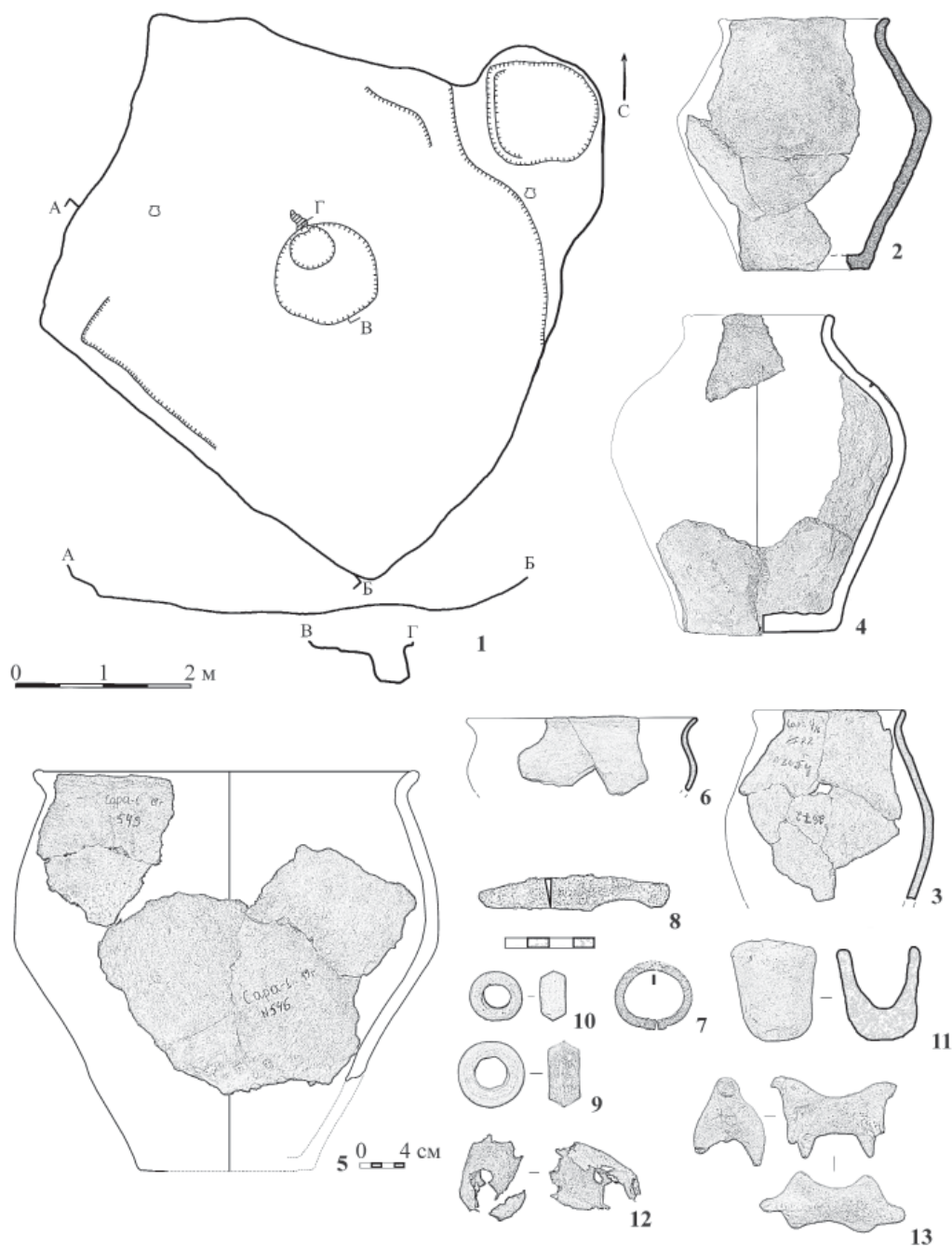

Рис. 9. Памятники средневожского варианта киевской культуры. Сурская группа. Селище Сара-1. 1 – план и разрез постройки; 2–6 – фрагменты лепных сосудов; 7 – застежка; 8 – нож; 9–10 – пряслица; 11 – тигель; 12 – фрагмент бронзового изделия; 13 – фигурка лошадки. 2–6, 9–11, 13 – глина; 7, 12 – бронза; 8 – железо

на Сиделькинском селище, в котором присутствовали фрагменты сосудов, изготовленных по различной технологии. На поселении Крепость Кондурча для составления формовочной массы также отбиралась различная глина, использовались разные примеси: дробленая кость, мелкий, средний и крупный шамот, органика в виде дробленого, жидкого навоза и навозной выжимки.

Разнообразие рецептов формовочных масс и технологических приемов свидетельствует о сме-

шанном составе населения, оставившего анализируемые памятники.

Хозяйство

Население, оставившее памятники типа Сиделькино-Тимяшево, вело комплексное хозяйство, в котором наряду с земледелием и придомным скотоводством незначительную роль играли охота и рыболовство.

Данных для характеристики системы земледелия пока недостаточно. По косвенным признакам

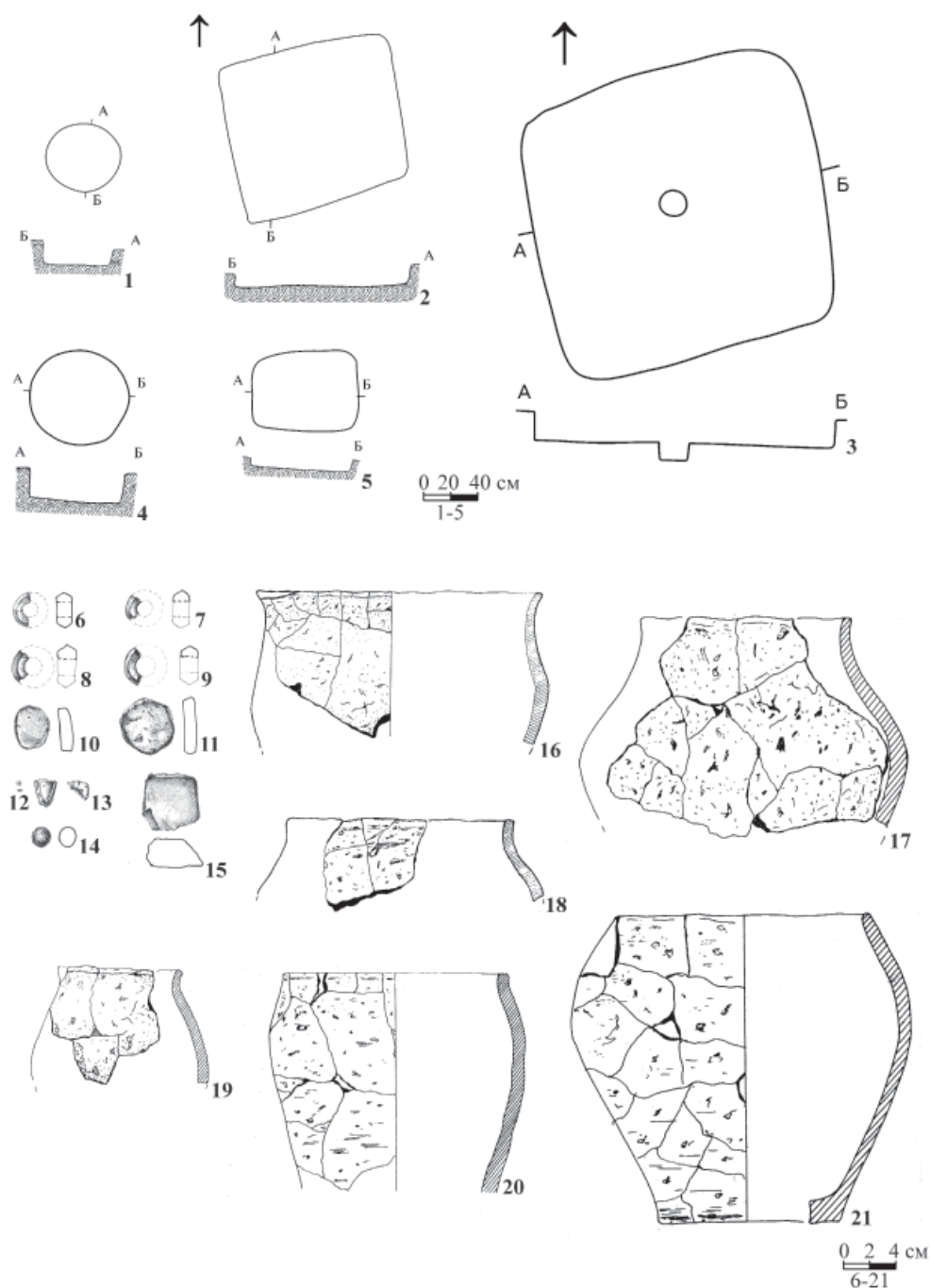

Рис. 10. Памятники средневожского варианта киевской культуры. Тимашевское II селище. 1-5 – планы и сечения сооружений; 6-9 – фрагменты пряслиц; 10-11 – жетоны; 12 – бусина; 13 – фрагмент тигля; 14 – шарик; 15 – фрагмент точильного камня; 16-21 – лепные сосуды. 6-11, 13-14, 16-21 – глина; 12 – стекло; 15 – камень

(особенности топографии поселений, пространственная организация памятников и т. п.) можно предполагать, что оно основывалось на частой перемене участков, находившихся в обработке. Вряд ли зерновые составляли основу рациона населения: жернова, необходимые для обработки больших урожаев, здесь отсутствуют; небольшие размеры серпов также свидетельствуют об ограниченной роли зерновых в хозяйственной системе. Немногочисленны и находки зерен культур-

ных злаков, они представлены просом (Биклянь), пшеницей и ячменем (Устье Малой Сарки).

На всех памятниках определены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, собаки. В материалах селища Крепость Кондурча II кости диких животных отсутствуют, на Сиделькинском II селище в небольшом количестве присутствуют кости птицы (в том числе домашней курицы), лося, зайца, бобра и рыбы. Остеологические материалы с других поселений близки по

пропорциональной представленности различных видов, однако составляют незначительные по объему выборки для получения окончательных выводов. В целом остеологические спектры со средневожских поселений близки по составу к наборам кухонных остатков с памятников киевской культуры Поднепровья и Подесенья (Вязов и др., 2021).

Хронология. Датировка памятников средневожского варианта киевской культуры основана на анализе массового материала и узко датированных вещей, а также радиоуглеродных датах.

Второй пол. III – началом IV в. можно датировать найденный на Сиделькинском II селище фрагмент бронзовой фибулы с ромбическим щитком (рис. 8: 21). На Сиделькинском II селище найден серебряный статер боспорского царя Рескупорида V, чеканенный в 264–265 гг. н. э. (рис. 8: 23). В памятниках II–V вв. находят аналогии происходящие из Сиделькинского II селища и Пролетарского городища железные круглорамчатая (рис. 8: 10) и лировидная пряжки, бронзовые пряжки с чуть выступающим за рамку язычком и щитки от подобных пряжек (рис. 8: 2, 3), бронзовые подвеска-лунница, относящаяся к кругу эмалей (рис. 8: 17), булавки, спиральновитые пронизки (рис. 8: 14, 15), серповидная подвеска, подвеска с петлей для привешивания (рис. 8: 12), одночастные и двухчастные стеклянные бусины (рис. 8: 16, 19).

Наиболее ранние радиоуглеродные датировки происходят с Новокиреметского II селища, где две датировки, полученные по древесным углям из очага постройки с вероятностью 63% относятся к периоду 203–241 гг. н. э. Несколько более поздняя дата была получена на селище Крепость Кондурча II, где уголь из сооружения относится к 239–361 гг. н. э. (вероятность 68%), к тому же временному интервалу относится обугленное зерно с Биклянського селища (245–405 гг. н. э. с вероятностью 95%), уголь из заполнения центральной столбовой ямы жилища Старокуйбышевского III селища (252–353 гг., 68%), древесный уголь из Макеевского (268–410 гг., 68%) и зерно из селища Устье Малой Сарки (260–401 гг., 68%) в долине р. Суры. В этот же временной интервал укладываются датировки из Сиделькинского II селища (р. 3 погр. 1 – 209–393, 87,7%; р. 3 погр. 2 – 129–432, 92,4%), а также датировка угля из погребения Сиделькинского некрополя (331–407 гг. с вероятностью 53%).

Таким образом, существование памятников средневожского варианта киевской культуры укладывается в период с III до начала V в. н. э. В формировании населения памятников типа Сиделькино-Тимяшево могли участвовать представители киевских и позднесарматских групп.

Памятники Самарского Поволжья типа Сиделькино-Тимяшево относятся к числу памятников киевского круга и являются самыми северовосточными памятниками этой археологической общности. Они характеризуются следующими признаками:

1. Памятники представлены только неукрепленными поселениями, как правило, расположенными на относительно невысоких участках рельефа и вытянутыми в цепочки вдоль небольших рек.

2. Культурные слои памятников имеют невысокую мощность, они слабо насыщены находками.

3. Застройка на поселениях разреженная, жилища представлены небольшими полуземлянками квадратной формы с центральным опорным столбом.

4. Наряду с погребениями, совершенными по обряду кремации, имеются ингумационные погребения, как минимум часть из них совершена непосредственно на территории поселений. На черепках погребенных имеются следы искусственной деформации.

5. Глиняная посуда представлена слабопрофилированными лепными сосудами горшковидной формы, часто имеющими характерную «мажущуюся» поверхность желто-коричневого цвета. В составе набора форм присутствуют сосуды с ребром в месте наибольшего расширения тулова. Лощеная посуда и миски немногочисленны. Немногочисленные плоские глиняные диски-лепешницы не имеют бортиков.

6. Наряду с типичными для населения Восточной Европы усечено-биконическими пряслицами, население использовало пряслица уплощенно-цилиндрической и лепешковидной форм, а также пряслица, изготовленные из стенок сосудов.

7. Глиняные «жетоны», изготовленные из стенок лепных сосудов.

8. Хозяйственная система населения была ориентирована на разведение домашнего скота; земледелие, а тем более охота не играли первостепенной роли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЛГО-УРАЛЬЕ ВО II–V ВВ. Н. Э.

РАЗДЕЛ II ЛЕСНАЯ ПОЛОСА

Глава 1

Памятники позднекара-абызской культуры

Глава 2

Среднее Прикамье в III–V вв.

Поздний этап гляденовской культуры

Глава 3

Памятники Среднего Прикамья

Глава 4

Памятники Волго-Вятского междуречья

Глава 5

Волго-Сурское междуречье в III–V вв. н. э.

РАЗДЕЛ II

ЛЕСНАЯ ПОЛОСА

ГЛАВА 1

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕКАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

История изучения. Во II–IV вв. н. э. на территории лесостепи Южного Приуралья продолжает функционировать кара-абызская археологическая культура. История изучения кара-абызских памятников подробно рассмотрена в работе автора раздела (Воробьева, 2019) и в третьем томе данного издания. Остановимся только на некоторых моментах.

Основным исследователем позднекара-абызских памятников до 2000-х гг. был А.Х. Пшеничнюк. Впервые он выделил третий этап в развитии кара-абызской культуры и датировал его II в. до н. э. – I в. н. э. (Пшеничнюк, 1964, с. 226, с. 158; Пшеничнюк, 1967а, с. 158). Второй (II в. до н. э. – II в. н. э.) и третий (II в. до н. э. – I в. н. э.) этапы А.Х. Пшеничнюк выделял в самостоятельную кара-абызскую культуру, считая ее отличной от пьяноборской. С этими периодами он связывал кара-абызскую керамику (круглодонные сосуды в виде чаш с широким низким горлом, с примесью раковины, крупнозернистого песка или мелких дробленных камешков в тесте) и сосуды убаларского типа (круглодонные в виде чаш с примесью песка в тесте) (Пшеничнюк, 1964, с. 100). Сравнение курганной и грунтовой частей Шиповского могильника, раскопанного в 1970-е гг., позволило А.Х. Пшеничнюку определить его конечную дату – не ранее конца III в. н. э. Он сравнил материалы Охлебининского могильника и Шиповских грунтовых погребений. Оказалось, что в Шипово совершенно нет кольцевых и рамчатых бронзовых пряжек с неподвижным крючком, характерных для ранних погребений II группы Охлебининского могильника, датирующихся примерно концом II–I вв. до н. э. Поясные дисковидные бляхи из Шипово, как правило, небольших размеров, почти все имеют отверстия в центре, что характерно для поздних комплексов Охлебининского могильника.

В мужских погребениях Шиповского могильника не встречены пластинчатые прямоугольные поясные пряжки, характерные для ранних погребений Охлебининского могильника. Исходя из этого, начальной датой появления Шиповских грунтовых погребений автор считал конец I в. до н. э. – I в. н. э., всю грунтовую часть могильника он датировал I–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1976).

В одной из работ А.Х. Пшеничнюк пишет, что расхождения по вопросу выделения кара-абызской культуры в самостоятельную культуру в значительной мере обусловлены дискуссионным характером понятия археологическая культура, он согласился, что кара-абызские памятники можно вместе с пьяноборскими и гляденовскими объединить в единую культурную общность (Пшеничнюк, 1973, с. 238). В вопросе последующего развития кара-абызской культуры, А.Х. Пшеничнюк поддерживал точку зрения, что племена пьяноборской и кара-абызской культур составили основу раннебахмутинской (мазунинской) культуры, а убаларские племена приняли участие в формировании культуры типа имендьяш (там же, с. 242–243). Эта работа А.Х. Пшеничнюка является единственным на данный момент обобщающим цельным исследованием по кара-абызской культуре.

Противником теории А.Х. Пшеничнюка выступил Н.А. Мажитов, рассматривавший кара-абызскую культуру как вариант пьяноборской (Мажитов, 1968, с. 59). Погребения позднекара-абызского Ново-Уфимского могильника², исследованные им в 1961–1962 гг., отнесены также к пьяноборской культуре (там же, табл. 35, с. 156). Он связывал керамику гафурийского типа (сарматскую) с абашевской керамикой эпохи бронзы (там же, с. 58). Н.А. Мажитов, как и В.Ф. Генинг, высказывался о существовании некоторых кара-абызских посе-

¹ Автор выражает благодарность Н.С. Савельеву и В.В. Овсянникову за возможность использования информации по неопубликованным материалам кара-абызской культуры.

² В отчете Н.А. Мажитова эти погребения объединены в Галановский могильник, который является частью Ново-Уфимского могильника.

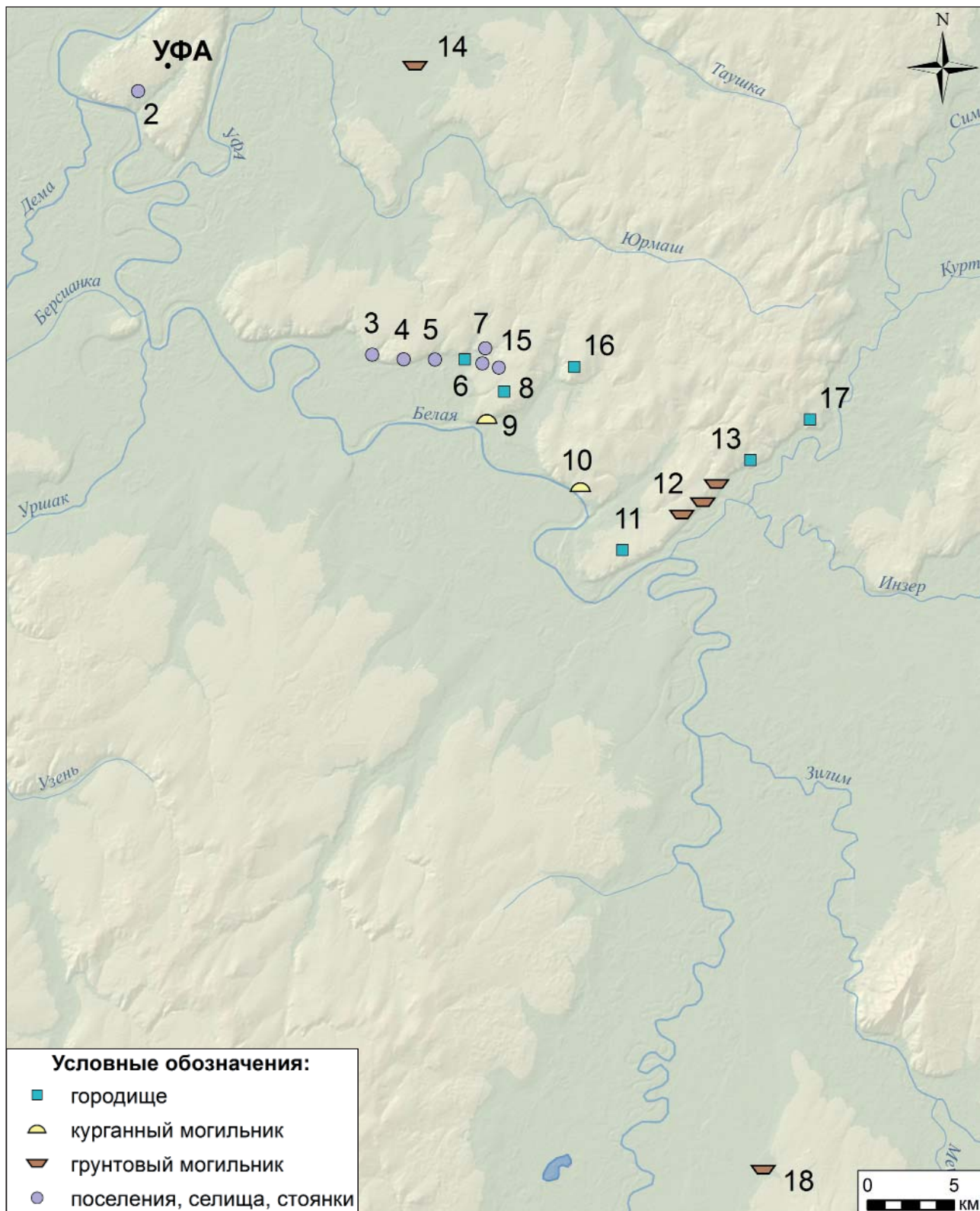

Рис. 1. Карта расположения памятников позднекара-абызской культуры II–IV вв. н. э.:

- 1 – Галановский могильник, 2 – Ново-Уфимский могильник, 3 – городище Акбердино-2, 4 – селище Акбердино-3, 5 – поселение Акбердино-1, 6 – поселение Акбердино-5, 7 – селище Акбердино-2, 8 – Шиповское городище, 9 – Шиповский могильник, 10 – Малый Колпак (Жилинское) городище и Охлебининское I городище, 11 – Охлебининское III городище, 12 – Охлебининский грунтовый могильник, 13 – Охлебининское II городище, 14 – могильник Юрмаш-1, 15 – селище Блохино-1, 16 – Багармыжское городище (Багармыж-1, селище), 17 – Мончазинское городище (Мончазы-1, городище), 18 – Юлуково-1, могильник, Юлуково-3, поселение

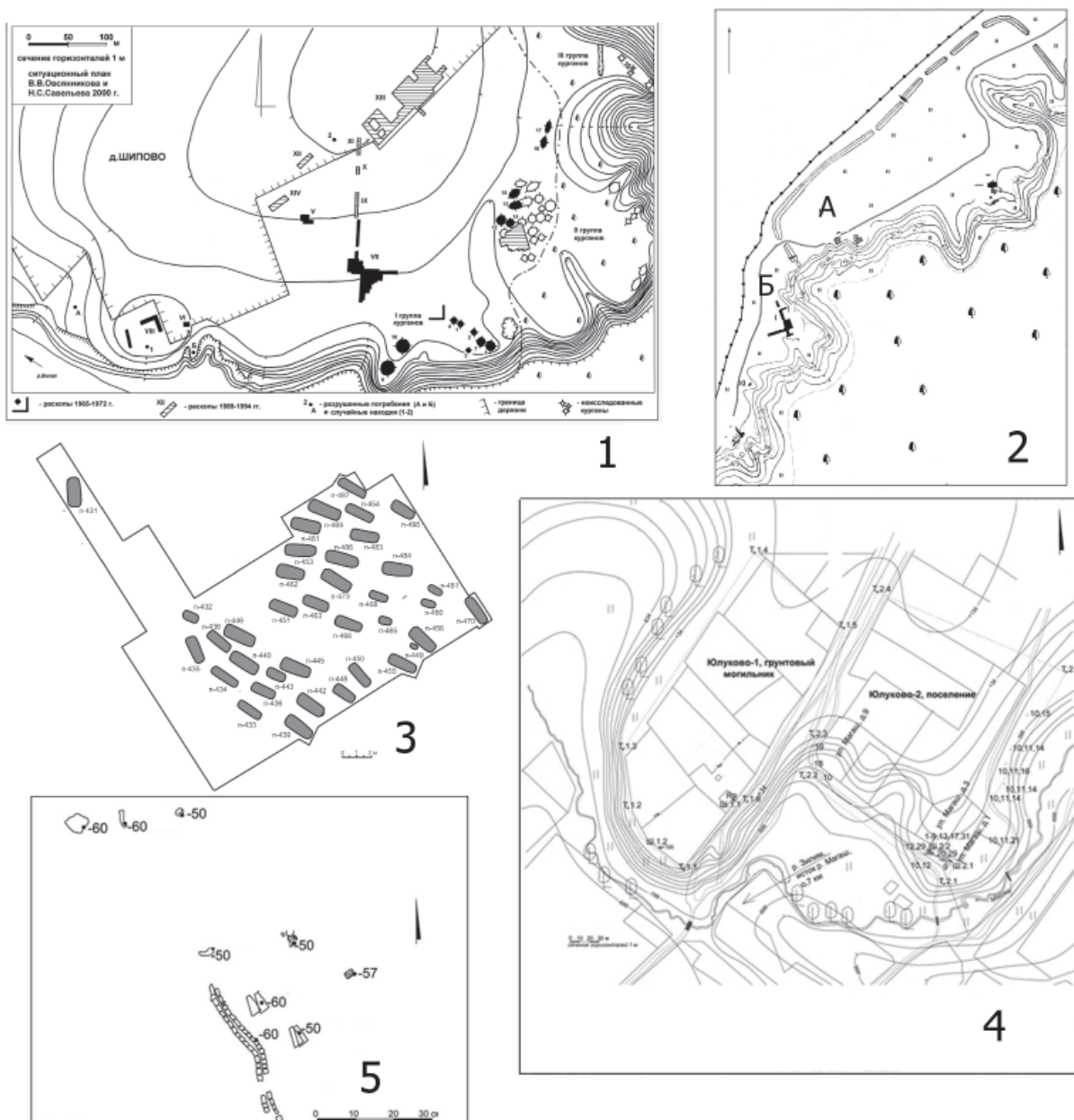

Рис. 2. Топографические планы могильников кара-абызской культуры II–IV вв. н. э.: 1 – Шиповский могильник (Овсянников и др., 2007, рис. А, с. 87); 2 – Охлебининский археологический комплекс: А – Охлебининское II городище, Б – Охлебининский грунтовый могильник (А.Х. Пшеничнюк); 3 – раскопы VIII и X 1982 г. Охлебининского могильника; 4 – Юлуково-1, грунтовый могильник и Юлуково-2, поселение (Воробьева С.Л.); 5 – Юлуково-1, грунтовый могильник

лений и в постананьинское время (там же, с. 59; Генинг, 1961, с. 27).

По мнению А.Х. Халикова, «не позже II, или самое крайнее, рубежа II–III вв. перестают существовать родственные племена кара-абызской (Башкирское Приуралье) и пьяноборской (Прикамье) культур». Автор считал, что прикамским и южноуральским населением пьяноборской, возможно, кара-абызской и поздне-сарматской культур, ушедшим со своей коренной территории из Башкирского Приуралья и Прикамья, скорее всего, в результате какого-то внешнего воздействия, были оставлены курганные могильники типа Пи-

серальских, Андреевских и грунтовый могильник типа Кошибеевского (Халиков, 1971, с. 10). В результате движения сарматских и зауральских племен население «бельских районов пьяноборской культуры» (кара-абызская культура) в конце II – начале III в. до н. э. «было вынуждено покинуть свою родину и уйти далеко на Запад в Сурско-Окское междуречье правобережья Средней Белой» (Халиков, 1962, с. 20, 136). Данный вывод пока никак не подтвержден.

Г.И. Матвеева считала, что с III в. н. э. появляются племена имендьяшевского типа, которые сложились в основном на базе «убаларского варианта

кара-абызской культуры» (Матвеева, 1973, с. 249, 252), тем самым включая имендяшевский тип в кара-абызскую культуру.

В 1990-е гг. А.Х. Пшеничнюк пересмотрел рамки выделенных им ранее хронологических периодов кара-абызской культуры. Он обратил внимание на IV этап и датировал его II–III вв. н. э. Анализируя материалы Охлебининского могильника из раскопок 1980–1982 гг., автор распределил погребальный инвентарь по четырем хронологическим группам: IV–III вв. до н. э., III–II вв. до н. э., II в. до н. э. – II в. н. э., II–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1993).

Т.И. Останина отметила, что население кара-абызской культуры, вследствие демографического фактора (перенаселение) на позднем этапе, несколько раз продвигалось к северу, в низовья р. Белой, туда, где в более раннее время проживало пьяноборское население, а затем будет проживать мазунинское – их потомки. Т. е. при передвижении кара-абызцы встретили родственное население, ранее пришедшее сюда и ассимилировавшееся с пьяноборским (Останина, 1997, с. 167).

В одной из своих работ В.А. Иванов обратил внимание на присутствие в поздних погребениях Шиповского могильника раннемазунинских височных подвесок (Иванов, 2017, с. 84). Так же он указывал, что на территории среднего течения р. Белой с большей долей вероятности располагался союз, состоявший из пьяноборских и кара-абызских племен (Иванов, 1984, с. 75).

В.В. Овсянников в одной из своих работ предположил, что IV этап развития кара-абызской культуры, выделенный ранее А.Х. Пшеничнюком, датируется II – началом IV вв. н. э. (Овсянников, 2006б), а позже разделил его на два периода – II–III вв. н. э., III – начало IV вв. н. э., подчеркивая, что наиболее резкие различия в инвентаре грунтовой части Шиповского могильника наблюдаются с III в. н. э. и продолжаются вплоть до IV в. н. э. (Овсянников, 2006в). Анализируя III группу Шиповских курганов, он выделил в зооморфной кара-абызской пластике пять групп, объединенных по степени близости стиливых, хронологических и культурных особенностей (Овсянников, 2006а). Автор связывал появление зооморфных образов с гафурийским компонентом кара-абызской культуры (Овсянников, 2006а, с. 178).

В материалах IV(XX) Всероссийского археологического съезда В.В. Овсянников приводит свою периодизацию культурно-исторических процессов, связанных с образованием, развитием и распадом кара-абызской культуры. Им выделено шесть этапов: предкара-абызский (VI–V вв. до н. э.); раннекара-абызский (V–IV вв. до н. э.); кара-абызский А (IV–III вв. до н. э.); кара-абыз-

ский В (III–II вв. до н. э.); кара-абызский С (II в. до н. э. – II в. н. э.) и позднекара-абызский (III–IV вв. н. э.) (Овсянников, 2014б).

И.Г. Ширококов и Е.М. Черных, рассматривая вопрос антропологического происхождения мазунинской культуры по материалам Боярского «Арай» могильника установили близость мужских серий мазунинцев с кара-абызцами, а женских серий мазунинцев – с чегандинскими (пьяноборскими). Несмотря на эти данные, авторы считают, что «выявленное сходство объясняется общим субстратом, восходящим к ананьинскому времени» (Ширококов, Черных, 2016, с. 31). По их мнению, если и имело место переселение кара-абызского населения, в результате которого сформировалось мазунинское население, то была затронута в переселении преимущественно мужская (традиционно считающаяся более мобильной) часть кара-абызцев (там же).

Позднекара-абызские памятники в большинстве своем опубликованы в работе «Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан» (Пшеничнюк, Овсянников, 2007). Отличительная особенность – отсутствие полноценных раскопок на поселенческих объектах. Все поселения, селища и городища отнесены авторами исследований к этому этапу лишь по наличию керамики убаларско-имендяшевского типа – круглодонные слабопрофилированные горшки и непрофилированные чаши преимущественно без орнамента, с примесью мелкого песка в тесте глины.

Генезис культуры. Во II в. до н. э. – II в. н. э. носители кара-абызской культуры испытали так называемый «демографический взрыв», который документирован резким увеличением количества погребений. В это время функционируют Охлебининский, Шиповский грунтовой, Ново-Уфимский могильники, городища и селища, расположенные рядом с этими некрополями. Охлебининский и Шиповский могильники развивались обособленно друг от друга. При этом население Охлебининского могильника имело тесные торговые связи с сарматами, обитавшими на противоположном берегу р. Белой и поставлявшими им зеркала, бусы и другие элементы убранства костюма, оружие. Различия северного и южного ареала обитания кара-абызской культуры продолжились на рубеже II–III вв. н. э. и привели к началу распада кара-абызской культуры. В III–IV вв. н. э. севернее Уфимского полуострова отсутствуют позднекара-абызские памятники. По мнению В.В. Овсянникова, северная группа ушла в Прикамский регион и приняла участие в формировании раннебахмутинской/мазунинской культуры (Овсянников, 2014б, с. 377). В южном ареале обитания позднекара-абызского населения наблюдается трансформация

керамики убаларского типа в имендьяшевскую. Окончательное «растворение» позднекара-абызского населения в среде носителей бахмутинской культуры (на севере) и имендьяшевского типа (на юге) произошло в IV в. н. э.

Антрополог А.И. Нечвалода провел межгрупповой анализ краниологических материалов сарматских некрополей с пьяноборскими и кара-абызскими сериями. Канонический анализ (Нечвалода, 2014, рис. 5, с. 165) показал, что кара-абызские серии Биктимирово (I в. до н. э. – II в. н. э., данные М.С. Акимовой), Охлебинино (II в. до н. э. – I в. н. э.³, данные А.И. Нечвалоды) и Шипово (III–IV вв. н. э., данные А.И. Нечвалоды) наиболее близки к серии из пьяноборских могильников (Чегандинский, Камышлы-Тамак, Кушулевский). Охлебинино (I в. до н. э. – II в. н. э., данные С.Г. Ефимовой) и Шипово (I в. до н. э. – II в. н. э., данные С.Г. Ефимовой) оказались близкими друг к другу, а Шиповская серия равноудалена от Охлебинино и Луговского могильника ананьинской культуры, Охлебинино близко к Тетюшскому могильнику. Эти материалы, с одной стороны, показали неоднородность кара-абызских серий, с другой – разделение серий по хронологическим и территориальным группам.

Область расселения. Ареал обитания носителей позднекара-абызской культуры в ландшафтном отношении относится к лесостепи Южного Приуралья и примыкает непосредственно к горно-лесной зоне Южного Урала, в центральной части Башкирии (рис. 1). Обширные выровненные поверхности, сложенные рыхлыми отложениями, прослеживаются вдоль речных долин и нижних частей пологих северных склонов водоразделов на абсолютных высотах до 200–500 м. Основными геоморфологическими элементами в их пределах являются поймы, первая и вторая надпойменные террасы. Вершинные поверхности увалов над прилегающими равнинами образуют две ступени высот с абсолютными отметками 280–320, 470–530 м. Речная сеть представлена нижними и средними течениями рек Белой и Сим и их притоков. Реки обладают значительной водностью, для их режима характерно весенне-летнее половодье и летне-осенние паводки. Самые северные памятники расположены на территории Уфимского полуострова, южные – в Гафурийском районе Республики Башкортостан (рис. 1). Уфимский полуостров – всхолмленная территория в междуречье рек Уфы и Белой, названная так за счет схожести контуров русел рек с вытянутым полуостровом, вытянута в длину на

23 километра и в ширину от 4 до 8 километров. Уфимское плато выделяется не только своим господствующим положением над окружающими низинами и наличием водных рубежей, но и расположением в центре всего Башкирского края с отходящими от него в различных направлениях речными и сухопутными дорогами. На юг от Уфы открываются обширные степные пространства, связывающие Башкирию с Казахстаном и Средней Азией. Южные памятники приурочены к юго-восточному склону горы Магаш (высотная отметка 408 мБС) и к р. Зилим (приток р. Белой). Гора Магаш – одна из крайних гор в Западных предгорьях Южного Урала. Она находится рядом с краем горно-лесной зоны Южного Урала.

Поселения. К поселениям II–IV вв. н. э. относятся городища Шиповское, Акбердино 1 (Кызыла-тау), Акбердино 2, Малый Колпак (Жилинское), Охлебининские 1–3 селища; Акбердино 2–5, Блохинское 1, Ильфиновское (Блохинское 2), Бердинское, Ивано-Казанские 1–2, Акбердино 1, Карамалинское 2, Уфа V поселения.

Шиповское и Охлебининские 1–3 городища находятся на мысах коренной террасы правого берега р. Белой (рис. 3: 7). Высота террасы Шиповского городища над уровнем поймы около 70 м. Западный овраг отделяет городище от Шиповского могильника (рис. 2: 1). Площадка городища ограничена с запада и востока глубокими оврагами, с напольной стороны – двойной линией валов. Валы ограничивают площадь 18 га. Общая протяженность оборонительной линии 390 м. Линия валов выгнута дугой в сторону напольной стороны. В валах прослеживаются три древних прохода. Два по краям оборонительных сооружений, в 40 м от крайних точек валов. Один проход в центре оборонительных сооружений. Все проходы шириной около 10 м, высота валов 0,5–0,75 м. Между валами расположен ров глубиной 0,25–0,3 м. Общая ширина оборонительной линии 14–15 м (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 18–19). Шиповское и Охлебининские 1–3 городища функционировали на всем протяжении развития кара-абызской культуры с IV в. до н. э. и до IV в. н. э.

Акбердино 1 (Кыз-кала-тау) городище расположено на мысу коренной террасы правого берега р. Белой (рис. 3: 5) – рядом со старичным озером Сарыкуль. С напольной стороны городище защищено валом, который сооружен на краю естественно возвышения. Поэтому с напольной стороны он имеет высоту около 3 м, а с внутренней – не более 1 м. Общая длина вала 50 м, ширина у основания около 12 м. Рва перед валом не прослеживается. Мысовая часть площадки, размером 125×25 м отделена эскарпом и рвом, образуя таким образом «цитадель». Высота эскарпированного склона со

³ Автор приводит датировку II в. до н. э. – I в. н. э., но в этой серии есть черепа нескольких хронологических этапов: III–II вв. до н. э. (2), II в. до н. э. – II в. н. э. (14), II–III вв. н. э. (5) (Нечвалода, Воробьева, 2018).

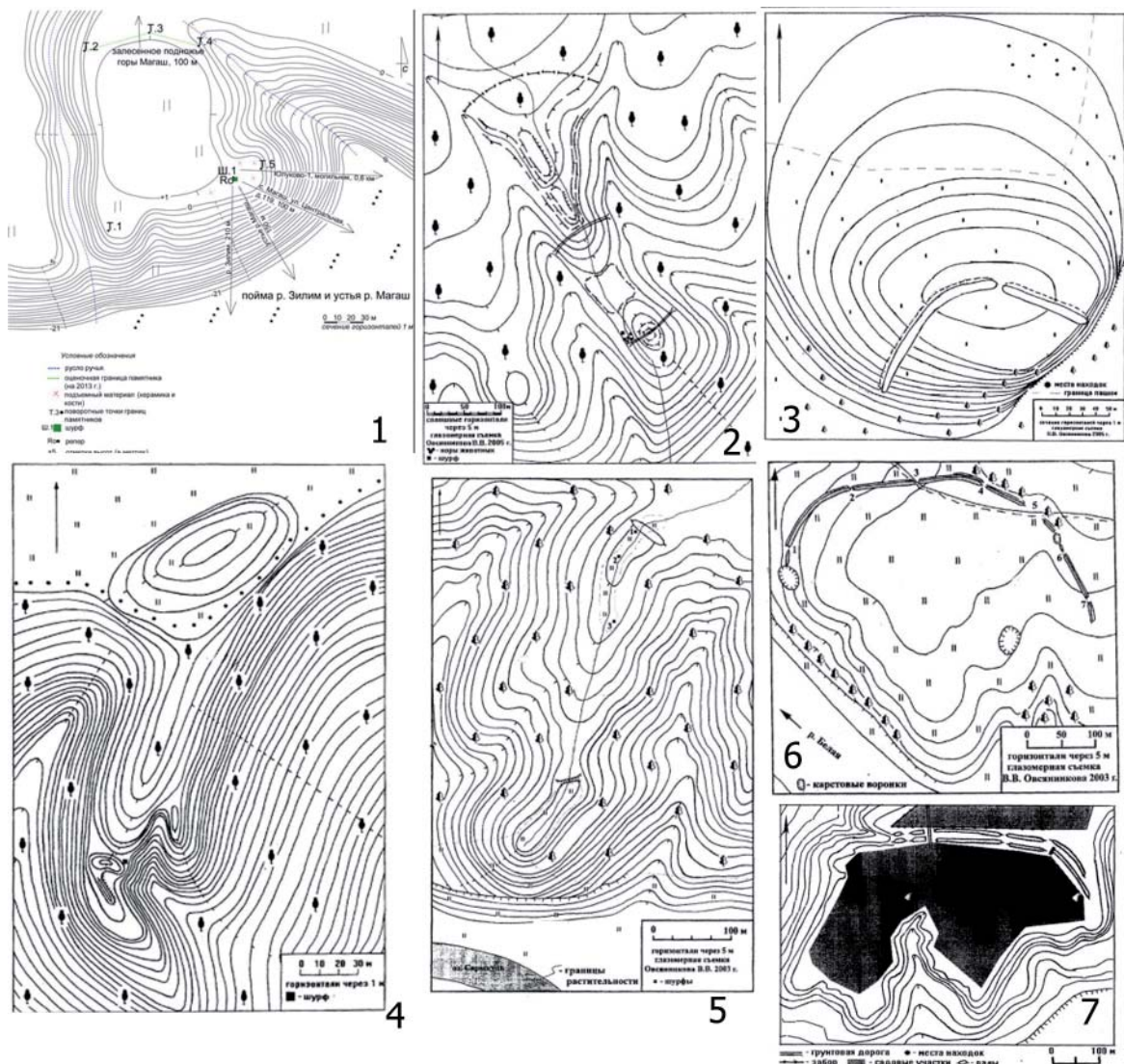

Рис. 3. Топографические планы поселенческих памятников кара-абызской культуры II–IV вв. н. э.: 1 – Юлуково-3, поселение (Воробьева С.Л.), 2 – Акбердино-2, городище; 3 – Бердинское городище и селище; 4 – Акбердино-3, городище, 5 – Акбердино-1 (Кыз-кала-тау), городище, 6 – Малый Колпак (Жилинское), городище; 7 – Шиповское городище (Пшеничнюк, Овсянников, 2007)

дна рва достигает около 2 м. Ров имеет ширину 3 м и глубину 0,3 м. Керамика представлена фрагментами с примесью песка и характерна для убаларско-имендяшевского типа, датируется в пределах II в. до н. э. – III в. н. э. Индивидуальные находки представлены обломком глиняного пряслица и костяной рукояткой какого-то орудия (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 13–15).

Акбердино 2 городище занимает мыс коренной террасы правого берега р. Белой (рис. 3: 2). Длина укрепленной части мыса 196 м, ширина 60–70 м. С напольной стороны поперек основания мыса фиксируется неглубокий ров длиной 90 м, шириной 3 м и глубиной 0,2 м. С внутренней стороны рва имеется небольшой курганообразный вал (высота 0,3–0,4 м). С напольной стороны подход ко рву ограничен естественной возвышенно-

стью высотой 3–4 м. У северо-восточного склона возвышенности – проход. Возможно, здесь склон эскарпирован в древности и возвышенность использовалась в системе обороны городища. На расстоянии 170 м от внешнего рва – внутренний ров длиной 80 м, шириной 4 м и глубиной 0,3 м (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 8–9). В 2005 г. В.В. Овсянниковым на памятнике был собран подъемный материал и раскопан шурф (2×2 м). На памятнике собрана кара-абызская и убаларско-имендяшевская группа керамики (23 чаши и слабопрофилированных горшка), датируемая исследователями II–IV вв. н. э. (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 10). Большая часть сосудов, в особенности чаши, не орнаментирована, отличается тонкостенностью и примесью мелкого песка в тесте. На остальных достаточно бедный орнамент,

состоящий из пояска подтреугольных вдавлений по верхней части плечика. Среди индивидуальных находок: изделия из кости (игральные кости и гарпун для ловли рыбы), точильные бруски – оселки из камня, каменный терочник, глиняные пряслица, обломок тигля, железные ножи. (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 9).

Городище Малый Колпак (Жилинское) расположено на коренной террасе правого берега р. Белой (рис. 3: 6) и имеет крутые склоны со стороны реки. С северо-запада и юго-востока площадка мыса ограждена глубокими оврагами. С напольной стороны площадку памятника (140 000 кв. м) ограждает линия вала и рва. Укрепления представляют собой линию вала и рва общей протяженностью около 600 м. Вал выгнут дугой в сторону поля. В нем имеется семь проходов. Высота вала с напольной стороны 2–3 м, глубина рва 0,3–0,5 м. На городище в разное время собрана керамика убаларско-имендяшевского типа.

В.В. Овсянников, изучив укрепления городищ, пришел к выводу, что на большинстве из них укрепления и оборонительные сооружения были возведены позже, в эпоху Золотой Орды (Овсянников, 2005).

Акбердино 3–4 (рис. 3: 4), Блохинское 1, Ильфиновское (Блохинское 2), Карамалинское селища, поселение Акбердино 1 (рис. 3: 5) расположены на коренных террасах правого берега р. Белой, на отдельных мысовидных площадках, окруженных заболоченными участками или оврагами с пересохшими ручьями. На селищах был собран подъемный материал – керамика убаларско-имендяшевского типа, обломки костей животных (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 10, 12, 15).

Ивано-Казанские 1 и 2 селища расположены на коренных мысах, огражденных оврагами. На поселениях, функционировавших с IV в. до н. э. – по V в. н. э. собрана керамика убаларско-имендяшевского и имендяшевского типов, терочник, каменная зернотерка и железный акинак IV–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 26)

На мысовидном выступе коренной террасы р. Сим расположено Бердинское селище (рис. 3: 3), датируемое II–IV вв. н. э. С поверхности памятника собраны керамика убаларского типа и каменное орудие (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 25).

Таким образом, немногочисленные сборы с поверхности и шурфы на позднекара-абызских поселенческих памятниках свидетельствуют о функционировании в это время сезонных селищ-зимников, которые в летнее время были окружены заболоченными участками и крупных городищ (Шиповское, Акбердинские и Охлебининское), появившиеся еще в IV в. до н. э., где, вероятнее

всего, сохранились немногочисленные группы позднекара-абызского населения. О немногочисленности населения говорит процент керамики убаларского-имендяшевского типа на этих памятниках – не более 6%.

С.Л. Воробьевой в 2013 г. на территории Гафурийского района РБ выявлено поселение Юлуково 3 (Воробьева, 2014, с. 53–55). Оно расположено на высоком мысу правого берега р. Зилим (рис. 3: 1). В шурфах зафиксированы фрагменты неорнаментированных стенок лепных сосудов с примесью песка в тесте, кости животных, куски глиняных обмазок, два очажных камня из кварцитопесчаника и венчики сосудов. Керамика относится к убаларско-имендяшевскому типу. Возможно, поселение Юлуково 3 и описанный ниже могильник Юлуково 1 функционировали в одно время.

Глиняная посуда на поселениях представлена следующими типами:

1. Убаларская керамика: чаши слабой профилированности с примесью песка в тесте. Выделяется два варианта – сосуды с широким горлом и небольшим уступчиком на плечиках, орнаментированные резными линиями в виде зигзагов и елочек; небольшие чаши без орнамента (рис. 4; 5: 20, 35, 46, 49);

2. Убаларско-имендяшевская керамика: чаши и слабопрофилированные горшки. Отличается тонкостенностью и примесью мелкого песка в тесте. Большая часть сосудов, в особенности чаши, не орнаментирована. На остальных достаточно бедный орнамент, состоящий из пояска, подтреугольных вдавлений по верхней части плечика (рис. 5: 28);

3. Имендяшевская керамика. Первый тип представлен открытыми чашами без шеек, с уплощенным или округлым дном, с черным лощением на внутренней стороне, без орнамента. Второй тип – чаши с высокой отогнутой шейкой и небольшим уступчиком или ребром при переходе к тулову, орнаментированы по плечикам рядом треугольников или насечек, ломанной резной линией (рис. 7). Сосуды собственно имендяшевского типа встречены в единичных экземплярах на памятниках позднекара-абызской культуры.

Могильники. К позднекара-абызским могильниками относятся Охлебининский, Шиповский, Ново-Уфимский, Юрмаш 1, Юлуково 1. Могильник Юлуково 1 относится к III–IV вв. н. э., Охлебининский могильник функционировал до III в. н. э., а остальные некрополи просуществовали весь период позднекара-абызской культуры со II по IV вв. н. э.

Охлебининский могильник находится на правом берегу р. Белой, в устье левого притока –

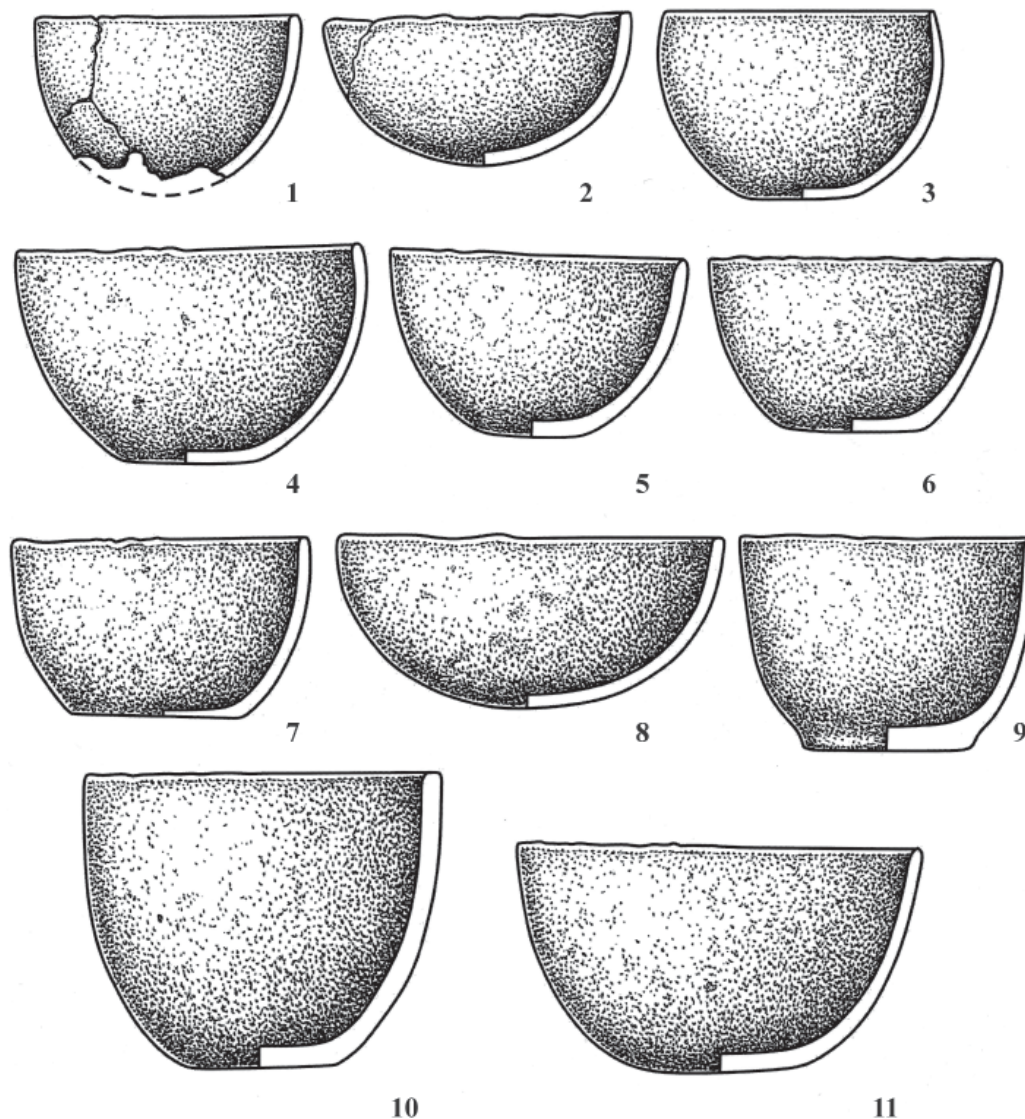

Рис. 4. Сосуды Охлебининского могильника кара-абызской культуры II–IV вв. н. э. (Пшеничнюк, 2004)

р. Сим (рис. 2: 2). Он тянется вдоль берега на протяжении 800 м и уходит в глубину террасы на 50–100 м. Частично могильник занимает юго-западную оконечность Охлебининского II городища (Ак-Таш). 125 комплексов Охлебининского могильника (20% от общего числа погребений памятника) датируются II–III вв. н. э. Поздняя группа погребений некрополя выделяется прежде всего планиграфически. Большой интерес в этом плане представляет раскоп X, заложенный А.Х. Пшеничнюком на восточной окраине могильника (рис. 2: 3). На нем вскрыто 36 погребений. В отличие от остальных раскопов, здесь погребения ни в одном случае не нарушают друг друга, все имеют одинаковую северо-западную – западную ориентировку. Естественно предположить, что они синхронны. Вещевые комплексы погребений этого раскопа отличаются от комплексов западной части могильника. В мужских погребениях различия касаются в первую очередь колчанных на-

боров – почти во всех погребениях наконечники стрел костяные черешковые, лишь в одном колчане они сочетались с железными трехлопастными черешковыми, обычными для восточной части могильников (рис. 8: 2–7). Кроме того, в одном из погребений раскопа X совместно с костяными наконечниками стрел находился железный двухлезвийный меч без навершия и перекрестия типичной для позднесарматской культуры формы. Такой же меч происходит из погребения 437, единственного погребения в раскопе VII, заложенном на самой северо-западной окраине могильника (Пшеничнюк, 1993, с. 49).

Инвентарь женских погребений раскопа X беден. Предметами, по которым эти погребения отличаются от погребений предыдущего периода, являются височные подвески петлевидной и трапецевидной формы, встреченные в пяти погребениях. Типы височных подвесок, характерные для предшествующих этапов (в виде кольца с заходя-

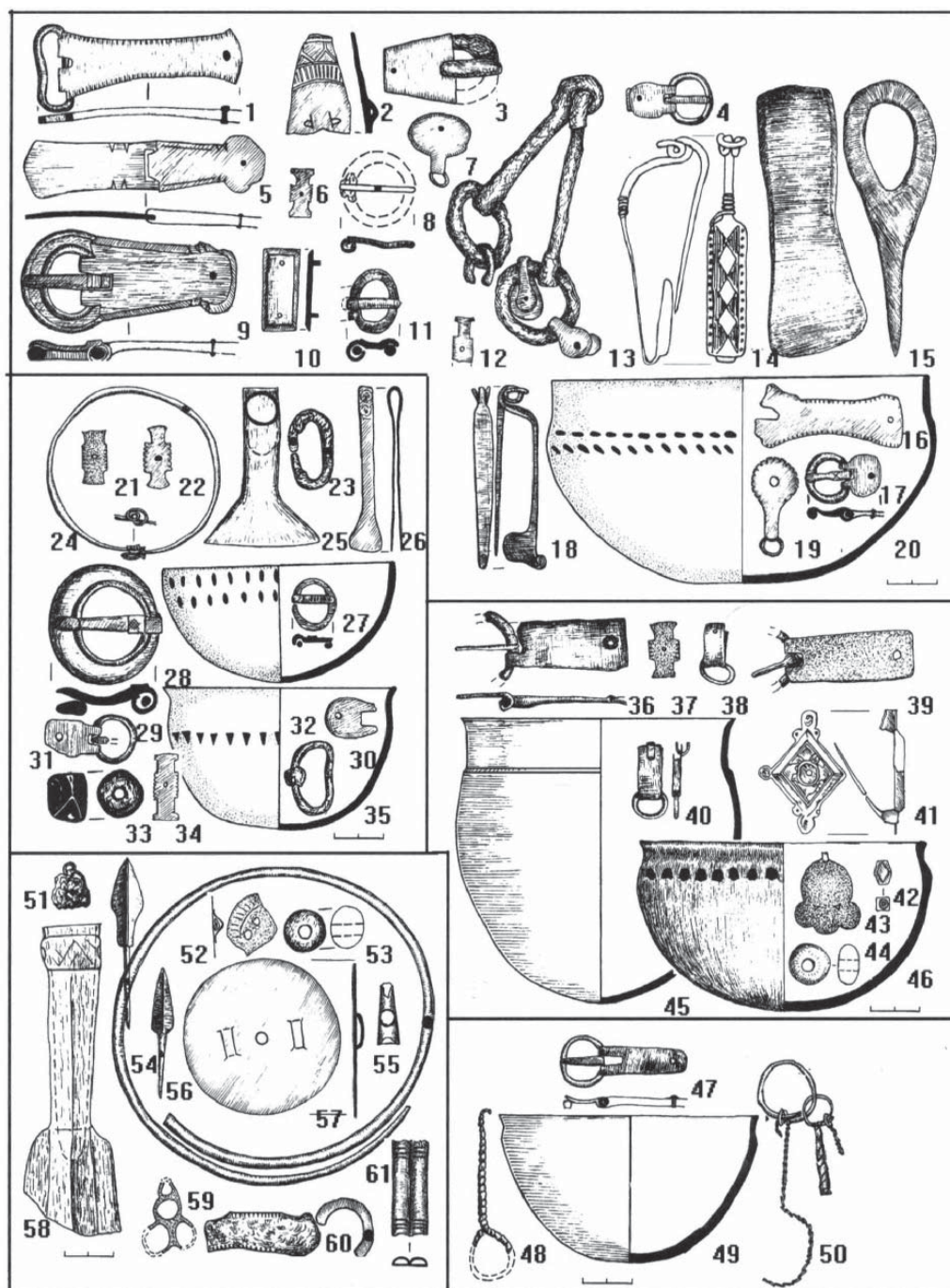

Рис. 5. Хронологическая таблица XIII раскопа Шиповского грунтового могильника кара-абызской культуры по В.В.Овсянникову: 1–20 – IV в., 21–35 – 2-ая половина III в. н. э. – начало IV в. н. э., 36–50 – 1-ая половина III в. н. э., 51–60 – 2-ая половина II – начало III вв. н. э. (Овсянников, 2006г, рис. 2, с. 93)

щими концами, в виде знака вопроса, спиральные из золота), здесь отсутствуют. Точно такая же картина и в материалах раскопа IV 1965 года, заложенного рядом с карьером, также на западной окраине могильника. Височные подвески представлены только одним типом – петлевидными (рис. 9: 1–2).

А.Х. Пшеничнюк при выделении погребений II–III вв. н. э. в Охлебининском могильнике обнаружил перекрестные комплексы: погребения 172 и 173 мужские, 59 и 57 женские, 350–331–323 жен-

ские, 444–458. Сравнение комплексов показало, что в мужских погребениях этого периода появляются бронзовые поясные накладки ромбической формы, встреченные всего в двух погребениях и характерные для раннебахмутинских/мазунинских могильников, бронзовые поясные пластинчатые пряжки круглой формы и костяные пластинчатые пряжки, бронзовые пластинчатые пряжки овальной формы с боковой трубочкой, колчаные наборы из костяных черешковых наконечников стрел (рис. 8: 2–6, 8–10, 12–14). В женских ком-

плексах II–III вв. н. э. появляются петлевидные и трапециевидные височные подвески, проволочные гривны, височные подвески в виде колечка с прикрепленной спиральной трубочкой и очковидные, также в виде колечка, на которое надета сплетенная из проволоки подвеска, концы проволоки закручены в спиральки, бронзовые удлиненные накладки с двумя перехватами в виде строенных бляшек (рис. 9: 1–10; 10: 1–10). Обычно они лежат на голеньях или на запястьях, видимо, ими обшивались края верхней одежды. В Охлебининском и Шиповском могильниках в поздних погребениях найдена керамика убаларского типа (Пшеничнюк, 2004; Овсянников, 2006г). Большинство чаш и горшков Охлебининского могильника круглодонные или со слегка уплощенным дном, невелико число плоскодонной посуды. В тесте примесь мелкого толченого песка. В основном это небольшие чаши и горшки высотой от 9–10 см до 14–15 см, диаметром 11–16 см. Подавляющее большинство не орнаментировано, на 30% горшков имеется орнамент в виде «вертикальной елочки» – ряды прерывистых зигзагов по плечикам горшков или на верхней части чаш (Пшеничнюк, 2004, с. 190) (рис. 4). Чаши и горшки Шиповского могильника круглодонные или со слегка уплощенным дном. В тесте примесь мелкого толченого песка. Формы и размеры те же, что в Охлебининском могильнике. Большая часть не орнаментирована, на части горшков имеется орнамент в виде треугольных или овальных вдавлений, расположенных рядами по плечикам горшков или на верхней части чаш (Овсянников, 2006г, рис. 2, с. 93) (рис. 5: 20, 28, 35, 45, 46, 49).

К комплексам II–III вв. н. э. Шиповского грунтового могильника относится 93 погребения (16% от общего количества грунтовых погребений). Могильник занимает возвышенный участок коренной террасы правого берега р. Белой. Вершина участка занята современной деревней. Памятник находится на юго-восточной окраине деревни, т. е. расположен на восточном склоне возвышенности. В западной и юго-западной (примыкающей к краю террасы) части памятника расположены грунтовые погребения. Эта часть могильника плавно поднимается от края террасы к северу (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 17). На грунтовой части могильника исследовано 560 погребений (Овсянников В.В. и др., 2007, рис. 34, с. 121). Погребальное поле здесь делится на родовые участки, которые имеют общую ориентировку, а также датировку в пределах одного столетия. Подавляющее большинство могил – индивидуальные. Погребенные уложены на спину, с вытянутыми конечностями. Лишь несколько умерших было уложено на бок. Набор вещей в могилах, как и во всех погребениях

кара-абызской культуры, четко делится по половому признаку погребенных. У мужчин это оружие, узда, детали костюма, у женщин – украшения и предметы быта (рис. 5; 13: 1–10). В небольшой части погребений встречена заупокойная пища (глиняная посуда и кости животных). Грунтовые погребения датируются в пределах I в. до н. э. – первой половины IV в. н. э. Погребения, относящиеся к последней стадии кара-абызской культуры, происходят из раскопов XII и XIII могильника (Овсянников В.В. и др., 2007, рис. 34, с. 121). Раскоп XII представляет собой небольшую траншею, в которой выявлено два погребения. В раскопе XIII на площади 2280 м² исследовано 280 погребений. Несмотря на плотное расположение могильных ям, наблюдаются четкие ряды; хорошо различимы границы семейных участков, не заполненные погребениями. Не зафиксировано ни одного нарушения могильной ямы друг другом, что говорит о наличии каких-то надмогильных сооружений и о небольшом хронологическом разрыве между погребениями на этом участке. На раскопе XIII большинство погребений ориентировано по линии север – юг и северо-запад – юго-восток (Овсянников В.В. и др., 2007, рис. 34, с. 121). Немногочисленные могильные ямы, выбивающиеся из этого правила, расположены вне рядов погребений. Нередко это детские погребения. В заполнении могильных ям следов перекрытий, гробов, колод или других деревянных конструкций не прослеживалось. Подавляющее большинство погребений являются одиночными, лишь в четырех могильных ямах было уложено более одного костяка. Представительными являются захоронения с северной и северо-западной ориентировкой. Большинство погребений, по мнению авторов монографии «Шиповский могильник», были нарушены в древности (Овсянников и др., 2007, с. 63). В 47 погребениях верхняя часть скелета практически полностью отсутствует, изредка попадают кости в заполнении, либо на краю могильной ямы. При этом вещи, лежавшие в ногах, остаются нетронутыми. Более показательны 54 захоронения, где разрушению подверглась только грудная клетка. В этих погребениях все вещи находились на своих местах. В ряде погребений еще на уровне могильного пятна точно над грудной клеткой фиксировался «грабительский вкоп». Таким образом, прослеживается обряд частичного или полного разрушения могилы. В погребениях II–III вв. н. э. Шиповского грунтового могильника встречаются колчаные наборы с костяными наконечниками стрел, железные пряжки, ножи, шилья, пряслица и косточки-амулеты, гривны. В могилах найдены также отдельно лежащие кости животных мелкого рогатого скота (овцы?).

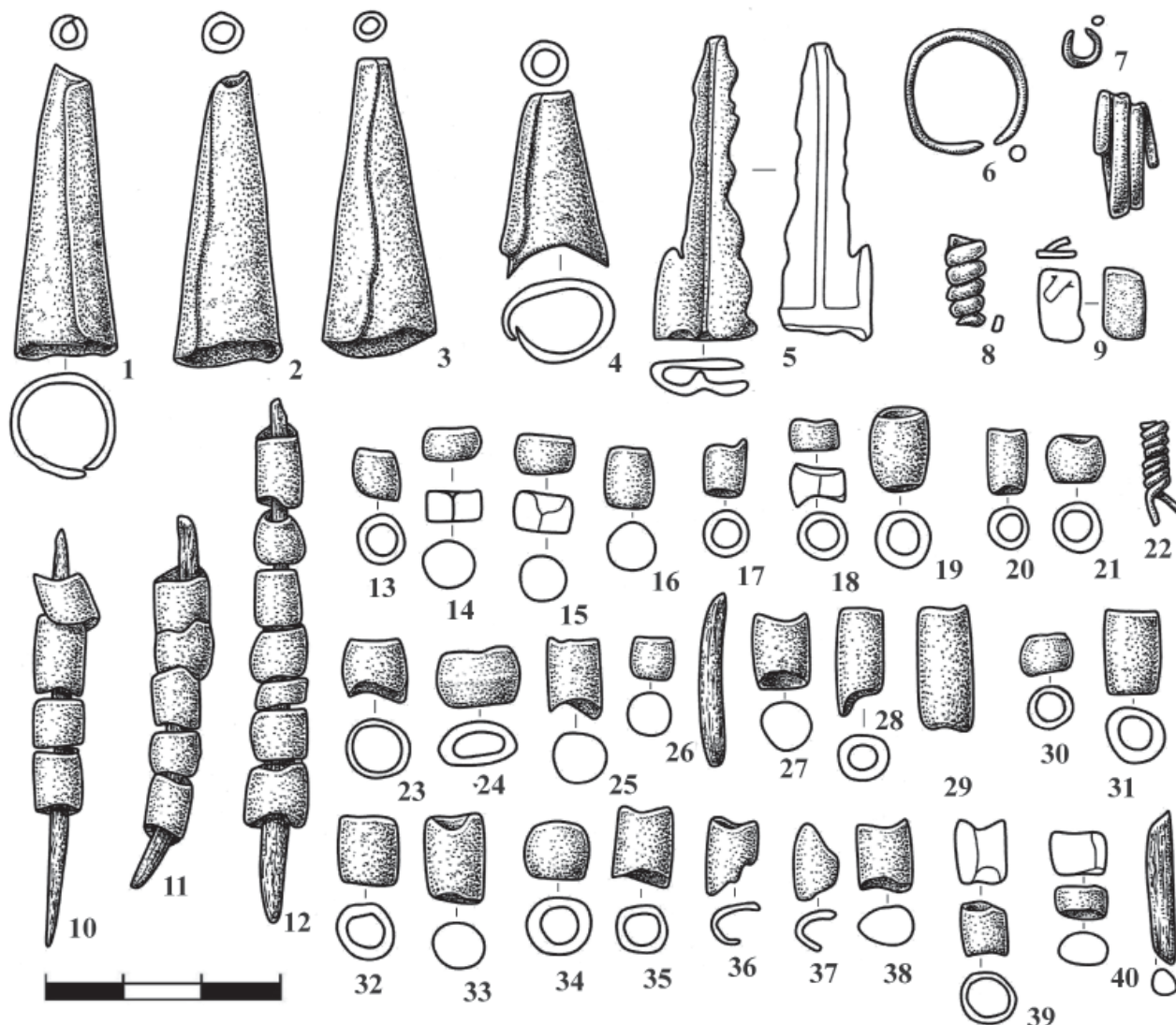

Рис. 6. Юлуково-1, грунтовый могильник кара-абызской культуры. Инвентарь погребения 1:
 1–4 – подвески колоколовидной формы; 5 – двусоставная обойма с перекладной на обороте, 6–6а – перстни;
 7 – фрагмент подвески; 8, 22 – спиральновитые подвески; 9 – фрагмент бляшки с петлей на обороте;
 10–12, 26, 40 – обоймы с остатками кожаных ремешков; 13–21, 23–25, 27–39 – обоймы;
 1–9, 13–25, 27–39 – бронза, 10–12, 26, 40 – бронза и кожа

Во II–III вв. н. э. вектор доминирования по каким-то причинам перемещается из Охлебининского в Шиповский могильник. Тесные контакты между населением, оставившим оба могильника, отсутствуют. В Охлебининском могильнике во II–III вв. н. э. появляются многovitковые гривны, очковидные височные подвески и трансформируется поясной набор – исчезают накладки с изображением голов грифонов и появляются вместо них на поясе маленькие бляшки, сделанные из зеркаловидной бронзы и получившие распространение на последующем этапе развития культуры в Шиповском могильнике (рис. 9А). Также здесь преобладают трапециевидные и петлевидные височные подвески. Отличительная особенность Охлебининского могильника состоит в том, что здесь появляются отдельные импорт-

ные вещи (фибулы, бусы). Фибула шарнирного типа, щиток ромбовидной формы, украшенный эмалью (тип 8 по А.К. Амброзу (Амброз, 1966, с. 33)), происходят из Шиповского могильника. Подобные изделия датируются II – серединой III вв. н. э. (Мошкова, 2000, с. 190; Пшеничнюк, Резяпов, с. 132). Коленчатые фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (тип 13–8 по А.К. Амброзу (Амброз, 1966, с. 45–46)) найдены также в Шиповском могильнике (2 экз.). Эти изделия датируются II – серединой III вв. н. э. (Мошкова, 2000, с. 190). Фибула пружинного типа с большим щитком, украшенным комбинацией из точек и линий, из Шиповского могильника (рис. 5: 14). Аналогий подобным украшениям неизвестно. Фибулы пружинного типа датируются второй половиной I – первой половиной II в. н. э. (Скрип-

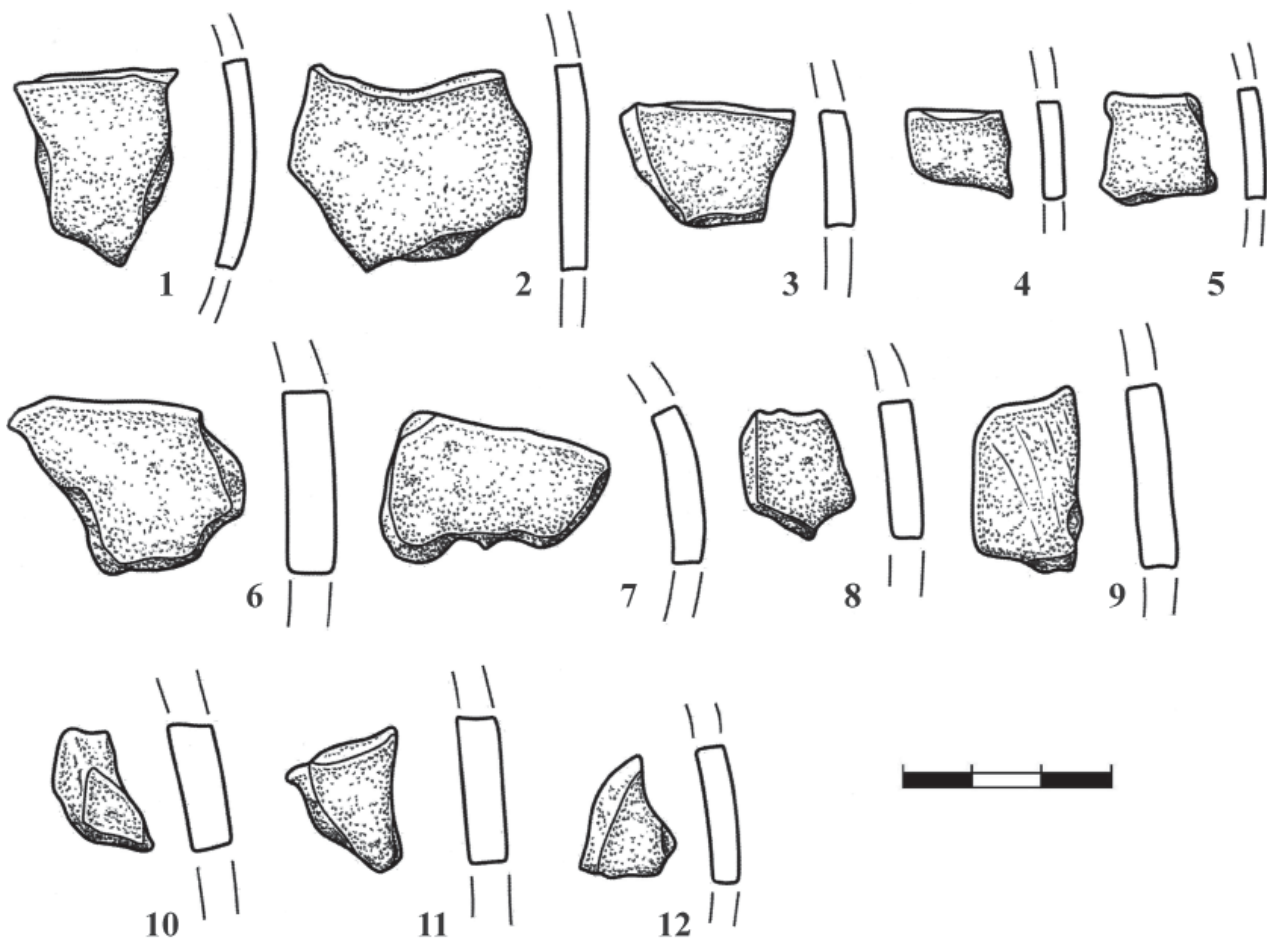

Рис. 7. Юлуково-1, грунтовый могильник кара-абызской культуры: стенки лепных сосудов, керамика (Воробьева С.Л.)

кин, 1990, рис. 38: 5). О существовании импорта в среде оседлого населения Приуралья этого времени писал В.В. Овсянников. По мнению автора, это связано с усилением влияния какого-то пришлового кочевнического населения в левобережном Прикамье (Овсянников, 2009, с. 147). Так как раннеримские фибулы – одни из наиболее ярких импортных изделий в пьяноборской культуре – появляются в их среде в I в. н. э., в то время как в кара-абызской среде они не встречаются ранее II в. н. э., а также найдены в погребениях III в. н. э. Эти изделия получают распространение в среде кочевников Южного Урала в I – середине III вв. н. э. Их появление в убранстве костюма, особенно в воинских погребениях, связано с влиянием сарматского населения. В пьяноборских памятниках фибулы отличаются большим разнообразием и отсутствием изделий, аналогичных кара-абызским, что говорит о разных источниках этих элементов, поступавших в результате связей с сарматским населением.

Если статистический анализ Охлебининского могильника II–III вв. н. э. показал наличие четко фиксируемых групп, то в отношении Шиповского могильника этого времени наблюдается противопо-

ложная ситуация – вещи хоть и коррелируют друг с другом, но общей целостной картины нет (рис. 5). Здесь появляются разнообразные типы височных подвесок, поясные накладки, обоймы, бляшки, браслеты. При этом гривны из дрота, закрученные в полтора оборота, встреченные на самом раннем этапе развития культуры (рис. 5: 61), получают в Шиповском могильнике как бы «второе рождение». Продолжают использоваться в поясном наборе пряжки с изображением голов грифонов в количестве 1–3 штук на поясе (рис. 5: 52).

Отсутствие единства в элементах убранства костюма связано, с одной стороны, с обеднением инвентаря в комплексах (это не дает четких корреляционных связей), с другой – свидетельствует о постоянном вмешательстве извне, что могло быть связано как с брачными связями, так и с постоянным давлением кочевников. Все погребения II–III вв. н. э. сосредоточены в VII, XIII и XV раскопах Шиповского могильника. Для XV раскопа характерны поясные накладки с головами грифонов, которые часто являются единственной находкой в погребении. Общими для Охлебининского и Шиповского грунтовых могильников это-

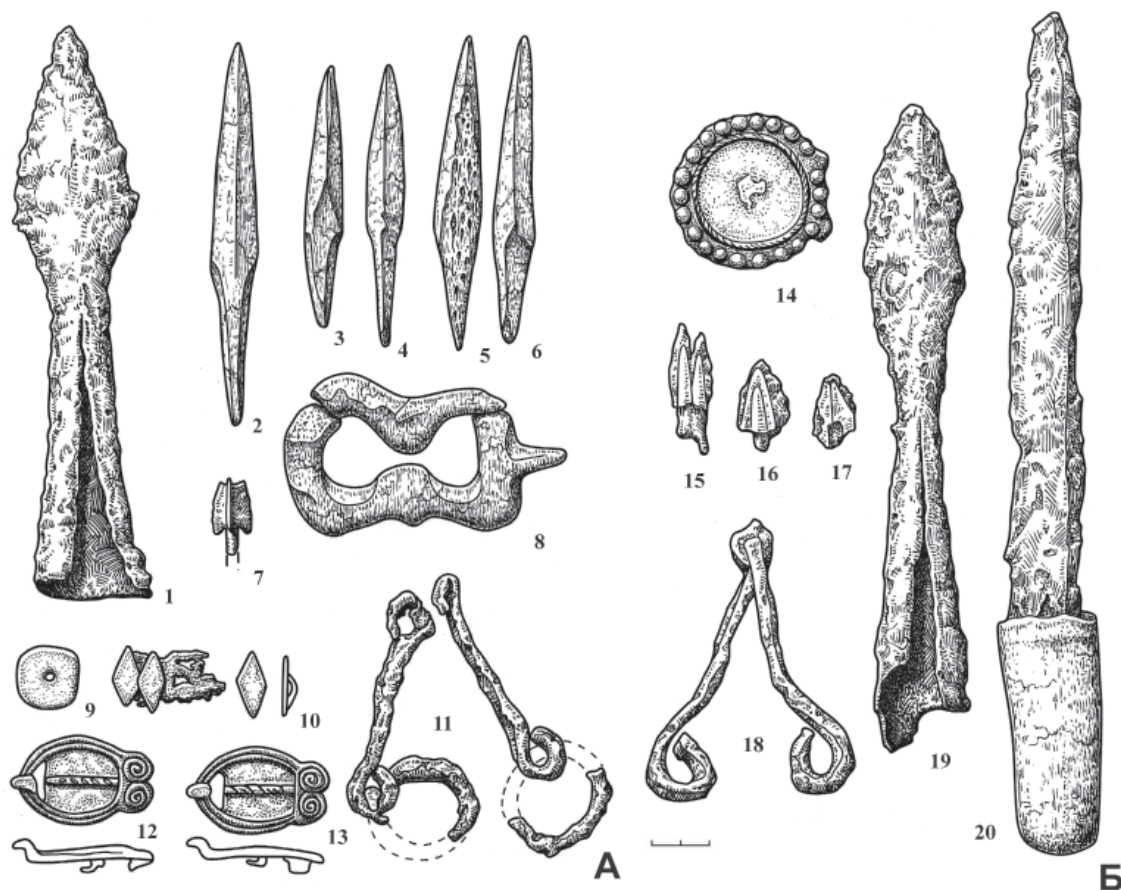

Рис. 8. Материал мужских погребений Охлебининского могильника II–III вв. н. э.: А (1–13) – погр. 479/XI, Б (14–20) – погр. 491/XI; 1, 19 – наконечники копий; 2–7, 15–17 – наконечники стрел, 8, 12–14 – пряжки, 9 – бляшка, 10 – накладка пояса, 11, 18 – удила, 20 – кинжал; 1, 7, 11, 15–19 – железо, 2–6, 8 – кость, 9–10, 12–14 – бронза, 20 – железо, бронза

го периода являются костяные накладки, браслеты бронзовые из дрота, крючки колчанные, пряжки и фибулы.

В Шиповском могильнике найдено 54 погребения (10% от общего количества грунтовых комплексов) середины III в. н. э. – начала IV в. н. э. Этот период отмечен также обеднением погребений и появлением позднесарматских предметов материальной культуры – поясных накладок бабочковидной формы, единичные типы пряжек и зеркал с боковым выступом. Все комплексы, так же как и в предыдущий период, сосредоточены в VII и XIII раскопах. В.В. Овсянников, проведя картографирование остатков на XIII раскопе, пришел к выводу о наличии определенных родовых групп, которые проживали чересполосно с имендешевским населением и имели семейно-брачные связи (Овсянников, 2006б, с. 91). В это время выделяются поясные наборы, имеющие аналоги в позднесарматских памятниках с поясными накладками типа прямоугольной/подпрямоугольной формы со шпеньками, пряжками с цельнолитой рамкой круглой/овальной формы, круглой или прямоугольной в сечении (рис. 5: 1–9, 28).

На территории Уфимского полуострова расположен Ново-Уфимский грунтовый могильник, поздние погребения которого датируются II–III вв. н. э. В 1950–1970 гг. во время застройки Уфы в юго-западной части города на возвышенном месте, близ правого берега р. Белой, в кварталах между улицами Карла Маркса, Фрунзе и Аксакова были раскопаны погребения кара-абызской культуры. В 1952–1956 гг. раскопки проводились под руководством Р.Б. Ахмерова – исследовано 23 погребения (Ахмеров, 1959), в 1960 г. – под руководством Н.А. Мажитова – 1 погребение, в 1968–1971 гг. – под руководством В.С. Горбунова, М.Ф. Обыденнова, В.К. Калинина – 4 погребения, в 2005 г. В.В. Овсянниковым – 15 погребений, в 2008 г. И.И. Бахшиевым и Р.Р. Султановым – 1 погребение. При сборе материала особая трудность была в том, что большинство погребений не фигурируют в отчетах, в таких случаях единственным источником были полевые описи, в которых все предметы привязаны к конкретным погребениям. Так удалось выявить погребальные комплексы Нового Уфимского могильника. К этому же комплексу относится и так называемый Галановский

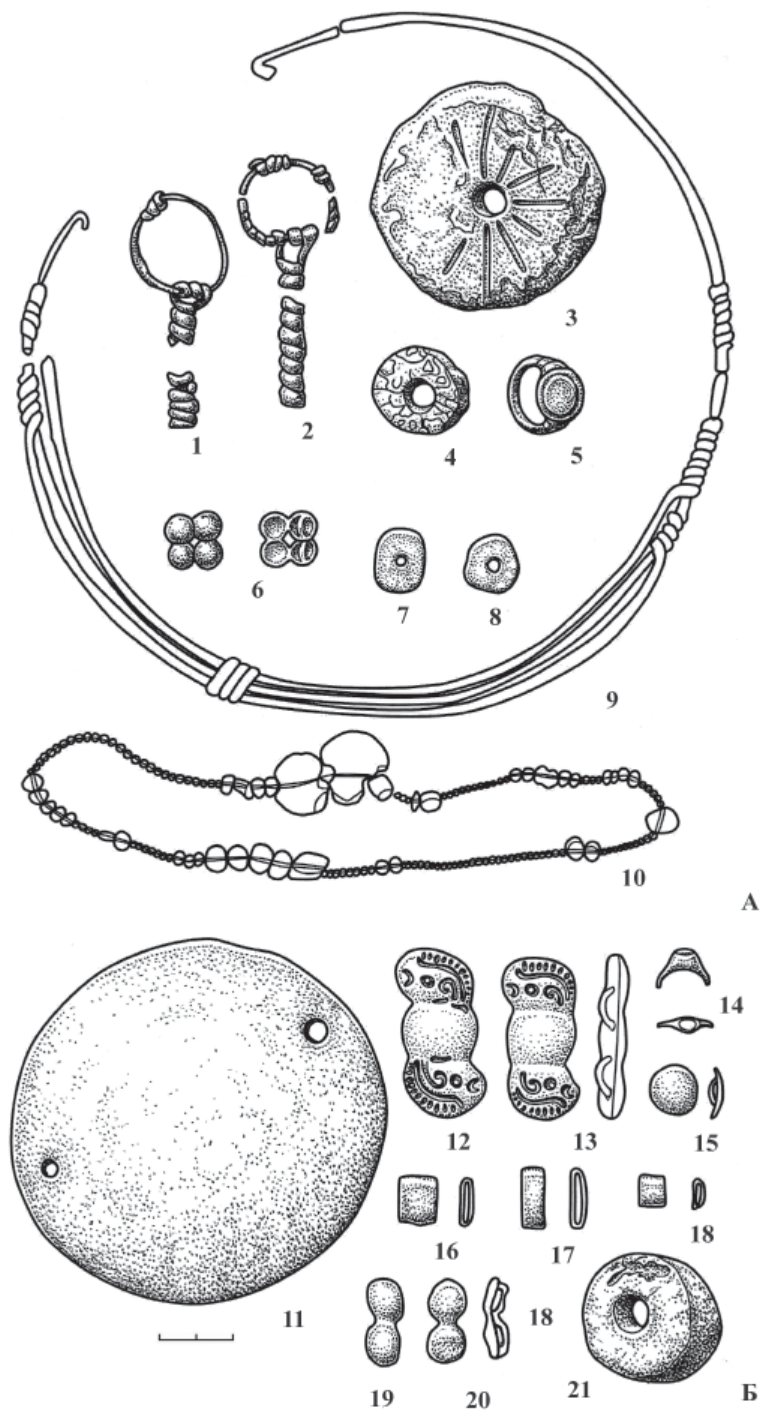

Рис. 9. Материал женских погребений Охлебнинского могильника II–III вв. н. э.:
 А (1–10) – погр. 26/І, Б (11–21) – погр. 40/І; 1–2 – височные подвески, 3, 11 – поясные бляхи; 4, 21 – пряслица, 5, 14 – перстни, 6–8, 15, 19–20 – бляшки, 9 – гривна, 10 – бусы, 12–13 – поясные накладки, 16–18 – обоймочки; 1–2, 5–9, 11–20 – бронза, 3 – раковина, 4 – камень, 10 – стекло, камень, 21 – керамика

могильник, раскопанный в 1960–1961 г. Н.А. Мажитовым. Могильник расположен в районе улиц Галанова, Пушкина и Горная. Судя по инвентарю, четыре погребения относятся к кара-абызской культуре. Ново-Уфимский могильник расположен на высоких террасах правого берега р. Белой, отдельными родовыми группами. На могильнике можно выделить две таких группы. Памятник

датируется IV–III вв. до н. э. – II–III вв. н. э. Погребения II–III вв. н. э. содержат сильно трансформированные штампованные поясные накладки с головами грифонов, костяные наконечники стрел, различные бронзовые обоймы и подвески, железные пряжки, трапециевидные подвески.

На территории Иглинского района РБ в 2012 г. отрядом экспедиции В.В. Овсянникова выявлен

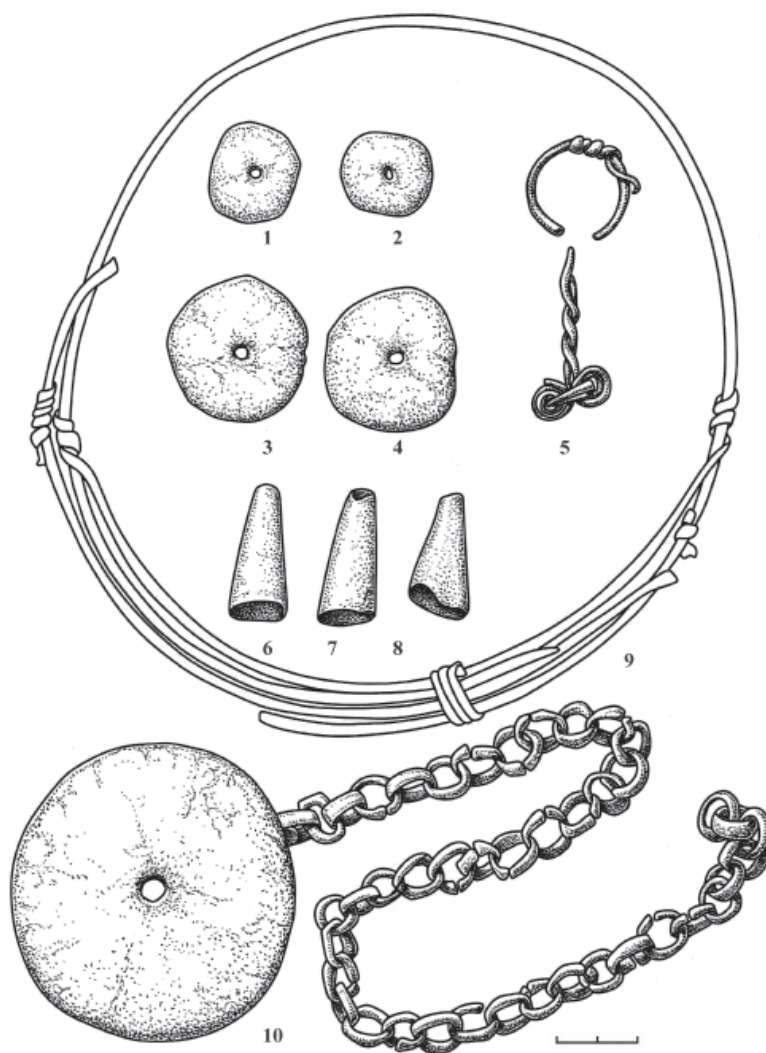

Рис. 10. Материал женского погребения 508/ XI: IV Охлебининского могильника II–III вв. н. э.:
1–4 – плоские бляшки, 5 – височная подвеска, 6–8 – конусовидные подвески, 9 – гривна,
10 – поясная бляха, 11 – цепочка; 1–10 – бронза

новый грунтовый могильник Юрмаш 1 (Каюмов, 2015, с. 17). Памятник активно разрушался «черными копателями». При первом осмотре могильника найдено множество грабительских ям, из отвалов которых собраны фрагменты керамики и изделия из металла. Для определения примерных границ памятника и уточнения его культурной принадлежности было заложено два небольших раскопа. В одном из них найдено нескольких фрагментов лепной керамики. Во втором раскопе зафиксировано детское погребение. Костяк не сохранился, за исключением пары молочных зубов. Рядом с костяком обнаружен развал небольшого сосуда. Погребальный инвентарь состоял из бронзовых украшений: гривны, двух височных подвесок, нашивок, колечка и спиралевидной подвески. Судя по расположению зубов и элементам убранства костюма, погребенный был уложен головой на запад. Кроме того, в Национальный музей Республики Башкортостан неизвестными людьми

была подкинута коллекция бронзовых и железных предметов, которые также происходят из могильника Юрмаш 1 (НМ РБ. ОФ 30916/1-36). Этот материал, как и то, что было собрано экспедицией В.В. Овсянникова с раскопа и с территории памятника, позволяет отнести его к позднему этапу кара-абызской культуры I–III вв. н. э. Площадь установлена по распространению подъемного материала (около 10 тыс. кв. м).

С.Л. Воробьевой в 2013 г. был обнаружен могильник на территории Гафурийского района РБ у с. Юлуково. Обнаружены остатки погребения (Воробьева, 2014, с. 41–47). Могильник расположен на мысу восьмиметровой возвышенности правого берега р. Магаш (приток р. Зилим), на юго-восточном склоне горы Магаш (высотная отметка 408 мБС) (рис. 2: 4, 5). У местных жителей этот мыс носит название «Хатис-Тай». В раскопанном погребении кости истлели, но *in situ* зафиксировано две подвески, состоящие из бронзовых обойм с

кожаным ремешком внутри них. Обоймы бочонковидной формы. Количество обойм – 43 ед. Справа от подвесок лежали бронзовые колоколовидные подвески. К северо-востоку от подвесок с обоймами лежал перстень, закрученный из тонкой пластины в три оборота. К северу от перстня в одном скоплении лежали: фрагмент проволочной подвески с сомкнутыми концами, фрагмент бронзовой бляшки с ушком на обороте, обойма двусоставная, спиральновитая подвеска, многовитковая, перстень проволочный в виде кольца с сомкнутыми концами (рис. 6). В погребении также зафиксированы обломки лепных сосудов с примесью песка в тесте, тонкостенные, убаларско-имендяшевского типа (рис. 7). Могильник предварительно может быть датирован III–IV вв. н. э. и отнесен к позднекара-абызскому этапу.

Случайные находки. К позднекара-абызскому этапу относятся найденные на территории Башкортостана позднесарматские типы мечей. В 2000-х гг. на территории Кармаскалинского района Республики Башкортостан, на берегу реки Белой, был найден железный меч без перекрестия, с рукоятью. Рукоять брусковидная, расширяется книзу. Лезвие листовидной формы, трапециевидного сечения, имеется ребро жесткости. Он относится к поднесарматской культуре (II–III вв. н. э.). Меч хранится в фондах Национального музея Республики Башкортостан (НМ РБ. ОФ 33234). Подобные мечи и кинжалы без металлических наконечников характерны для памятников позднесарматской культуры (тип 2 по А.М. Хазанову (Хазанов, 1971, с. 15), тип 8 по А.С. Скрипкину (Скрипкин, 1990, с. 62)) и датируются II–IV вв. н. э., но появляются и в более раннее время (Скрипкин, 1990, с. 132, 133).

Хронология и периодизация культуры. Абсолютных датировок по памятникам позднекара-абызской культуры нет. Проблема хронологического деления кара-абызской культуры до сих пор является дискуссионной. Но среди памятников II–IV вв. н. э. выделяют два хронологических периода.

Первый период: II – сер. III вв. н. э. К нему относятся грунтовые погребения Шиповского могильника, Охлебининский, Юрмаш-1, Ново-Уфимский могильники, городища Шиповское, Акбердино 1–2, Малый Колпак (Жилинское), Охлебининские 1–3, селища Акбердино 2–5, Блохинское 1, Ильфиновское (Блохинское 2), Бердинское, Ивано-Казанские 1–2, поселения Акбердино 1, Кармалинское 2, Уфа V.

Второй период: середина III–IV вв. н. э. К нему относятся грунтовые погребения Шиповского могильника, могильник Юлуково 1, городища Шиповское, Акбердино 2, Малый Колпак (Жилин-

ское), Охлебининское 1–3, селища Акбердино 2–5, Блохинское 1, Ильфиновское (Блохинское 2), Бердинское, Ивано-Казанские 1–2, поселения Акбердино 1, Кармалинское 2, Уфа V, Юлуково 3.

В Шиповском могильнике В.В. Овсянниковым были выделены хронологические группы погребений II–IV вв.:

1) 2-я пол. II – нач. III вв. н. э. – объединяет с одной стороны наличие предметов, характерных для рубежа эр: поясной набор из накладок с грифонами, костяной лопаточки, ажурной подвески, трубчатых подвесок, с другой стороны, здесь присутствуют вещи позднесарматского типа: халцедоновая бусина и бронзовые пряжки (рис. 5: 51–60);

2) 1-я пол. III в. н. э. – в одной группе погребений уже не встречены архаические кара-абызские предметы, но и вещей позднесарматского облика также мало (рис. 5: 41–50), в другой – встречаются римские фибулы, пряжки, поясные накладки, пряслице сарматской формы и височные подвески с кольчужкой, керамика демонстрирует устойчивость шиповско-убаларских связей (рис. 5: 36–46);

3) 2-я пол. III в. н. э. – нач. IV в. н. э. – бронзовые гривны и зеркаловидные поясные бляхи практически перестают встречаться, их место занимают бронзовые и железные пряжки, характерные ранее только для мужских погребений, чаще встречаются браслеты (рис. 5: 21–35).

4) IV в. – продолжают встречаться погребения с убаларско-имендяшевской посудой, костями животных, заячьими амулетами (рис. 5: 1–20).

Убаларский тип керамики использовался в целом до II в. н. э., в южных ареалах обитания он сменяется керамикой имендяшевского типа, который просуществовал вплоть до X в. н. э., некоторые поселения с керамикой убаларско-имендяшевского типа датируются до V в. н. э.

Историко-археологическая интерпретация.

На рубеже I–II вв. н. э. на территории Южного Приуралья происходит практическое опустение степных пространств, а лесостепная зона продолжает интенсивно осваиваться оседлыми племенами – носителями пьяноборской и кара-абызской археологических культур. Во II в. до н. э. прекращают функционировать памятники пьяноборской культуры и постепенно затухают памятники позднекара-абызской культуры. Известные поселения, селища и городища II–IV вв. н. э. отнесены авторами исследований к этому этапу лишь по наличию керамики убаларско-имендяшевского типа – круглодонные слабопрофилированные горшки и непрофилированные чаши преимущественно без орнамента, с примесью мелкого песка в тесте глины. Поселенческие памятники изучены крайне слабо, полномасштабных раскопок ни на одном объекте

не проводилось, поэтому сложно судить об образе носителей позднекара-абызской культуры. Вероятнее всего, в это время преобладают сезонные временные поселения. В южном ареале обитания, в Гафурийском районе РБ, носители позднекара-абызской культуры приняли участие в формировании племен имендяшевского типа керамики. Об оседлости носителей кара-абызской культуры говорить не приходится. Вероятнее всего, во II–IV вв. н. э. они продолжают вести полукочевой образ жизни, о чем свидетельствует наличие «летников» и «зимников». На поселенческих памятниках кара-абызской культуры зафиксированы следы металлообработки, бронзолитейного производства, обработки железа, косторезного ремесла. Следов наличия земледелия не зафиксировано. В позднекара-абызских погребениях Охлебнинского и Шиповского могильника найдены кости мелкого рогатого скота (овцы?), что также может быть косвенным свидетельством наличия скотоводства.

В Шиповском могильнике следы убаларского типа керамики фиксируются, в отличие от Охлебнинского могильника, не ранее начала III в. н. э. Убаларский тип кара-абызской культуры просуществовал вплоть до IV в. н. э. в южном ареале культуры, где он трансформировался в имендяшевский тип, в то время как на севере племена позднекара-абызской культуры влились в бахмутинскую/мазунинскую культуру, куда во-

шло и пьяноборское население. Ярким примером трансформации материальной культуры из кара-абызской в бахмутинскую/мазунинскую являются височные подвески мазунинского типа (этнокультурный маркер), которые трансформировались из височных подвесок кара-абызской культуры.

Более выразительный материал представлен на могильниках II–IV вв. н. э. Во II – середине III вв. н. э. наиболее ярко проявляются отличия материальной культуры Шиповского и Охлебнинского могильников, что связано с отсутствием постоянных тесных контактов между населением, оставившим эти памятники. Если в Охлебнинском могильнике четко выделяются костюмные комплексы и типы оружия, то в Шиповском происходит размывание этнических традиций, связанное с внешним влиянием. Период середины III–IV вв. н. э. представлен только Шиповским и Юлукво I могильниками, где выделяются комплексы, имеющие позднесарматские, бахмутинские/мазунинские и имендяшевские черты при сохранении элементов в костюме и материальной культуре, характерных для предыдущего периода. Это говорит о наличии связей с поздними сарматами, мазунинцами, а также о постепенном превращении остатков кара-абызского населения в немногочисленный реликт и их вливании в состав бахмутинского/мазунинского населения на севере и в состав носителей имендяшевского типа керамики на юге.

ГЛАВА 2

СРЕДНЕЕ ПРИКАМЬЕ В III–V ВВ. ПОЗДНИЙ ЭТАП ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследования памятников гляденовской культуры начались во второй половине XIX в. с обнаружения первых костяк и их раскопок А.Е. и Ф.А. Теплоуховыми (Теплоухов, 1880). В дореволюционный период шел в основном сбор материала. Значительным событием стало изучение Н.Н. Новокрещенных в 1896–1897 гг. Гляденовского костяка, раскопки которого дали значительные результаты, что позволило А.А. Спицыну впервые систематизировать материалы гляденовских памятников (Спицын, 1901). Но это были в основном материалы костяк (в первую очередь Гляденовского); материалы поселений и погребальных памятников этого времени не были исследованы. Исследования имели в основном вещеведческий характер вследствие несовершенной методики археологических раскопок. Исключением в этом плане являются описания раскопок Гляденовского костяка, опубликованные самим автором (Новокрещенных, 1914) и имеющие стратиграфические и планиграфические данные, детальные чертежи. Из материалов других исследованных памятников нам доступны только вещи. Но, тем не менее, в этот период было опубликовано большое количество результатов исследований. В 1900–1901 гг. В.Л. Борисовым впервые были исследованы курганные могильники харинского типа, которые связывались им с начальным этапом раннего средневековья (Борисов, 1902, с. 87–89; 1903, с. 115–116).

В 1920-е гг. активную исследовательскую деятельность в Прикамье развернул А.В. Шмидт. Им был осмотрен и исследован ряд памятников гляденовской культуры и харинского времени. Период функционирования гляденовских костяк А.В. Шмидт определил в диапазоне от II в. до н. э. до III в. н. э. Памятники харинского типа он датировал второй половиной IV–V в. н. э. (Шмидт, 1928; 1932; Schmidt, 1927). Исторические интерпретации А.В. Шмидта имели свою специфику вследствие идеологических предпочтений того времени. Результатом столь медленного накопления новых материалов явилось сохранение у большинства археологов прежних представлений о существовании в Прикамье единой пьяноборской культуры. Это же обстоятельство послужило причиной того, что высказанное А.В. Шмидтом

мнение о существовании в послеананьинское время двух культур – пьяноборской в Нижнем и гляденовской в Верхнем Прикамье – не могло быть достаточно убедительно аргументировано.

Итоги археологического изучения Прикамья в предвоенные годы были подведены А.П. Смирновым (Смирнов, 1952). В вопросе о культурах послеананьинского времени он придерживался мнения о единой для всего Прикамья пьяноборской культуре, датируемой II в. до н. э. – V в. н. э. Отвергая точку зрения А.В. Шмидта, А.П. Смирнов приводил аналогии материалу Гляденовского костяка в пьяноборских могильниках и рассматривал это сходство как доказательство культурного единства. Независимо от взглядов на культурную принадлежность, в работах исследователей присутствовал разрыв, в том числе и хронологический, между поздними гляденовскими и харинскими памятниками.

Активное изучение памятников позднего этапа гляденовской культуры развернулось в послевоенное время (1950–1970-е гг.). Этот период связан с работами Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета и Камской (Воткинской) археологической экспедиции ИА АН СССР (К(В)АЭ). В 1950–1970-е гг., благодаря исследованиям О.Н. Бадера, В.Ф. Генинга, В.П. Денисова, В.А. Оборина, Ю.А. Полякова, А.Д. Вечтомова, Р.Д. Голдиной, был собран значительный материал, позволивший обосновать выделение своеобразной гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье, что получило признание среди исследователей Прикамья и Поволжья. Большинство исследователей считали, что гляденовская культура включает все памятники II в. до н. э. – III в. н. э. в Среднем и Верхнем Прикамье (О.Н. Бадер, В.А. Оборин, Ю.А. Поляков) (Бадер, Оборин, 1958, с. 110–112; Поляков, 1967).

Своеобразной позиции придерживался В.Ф. Генинг. К собственно гляденовской культуре он относил достаточно компактную территорию Среднего Прикамья с центром в районе г. Перми, где расположено Гляденовское костяще. Костяща же он считал могильниками с обрядом кремации (Генинг, 1955, с. 120; Генинг, Оборин, 1960, с. 167–171). На основании ряда особенностей, прежде

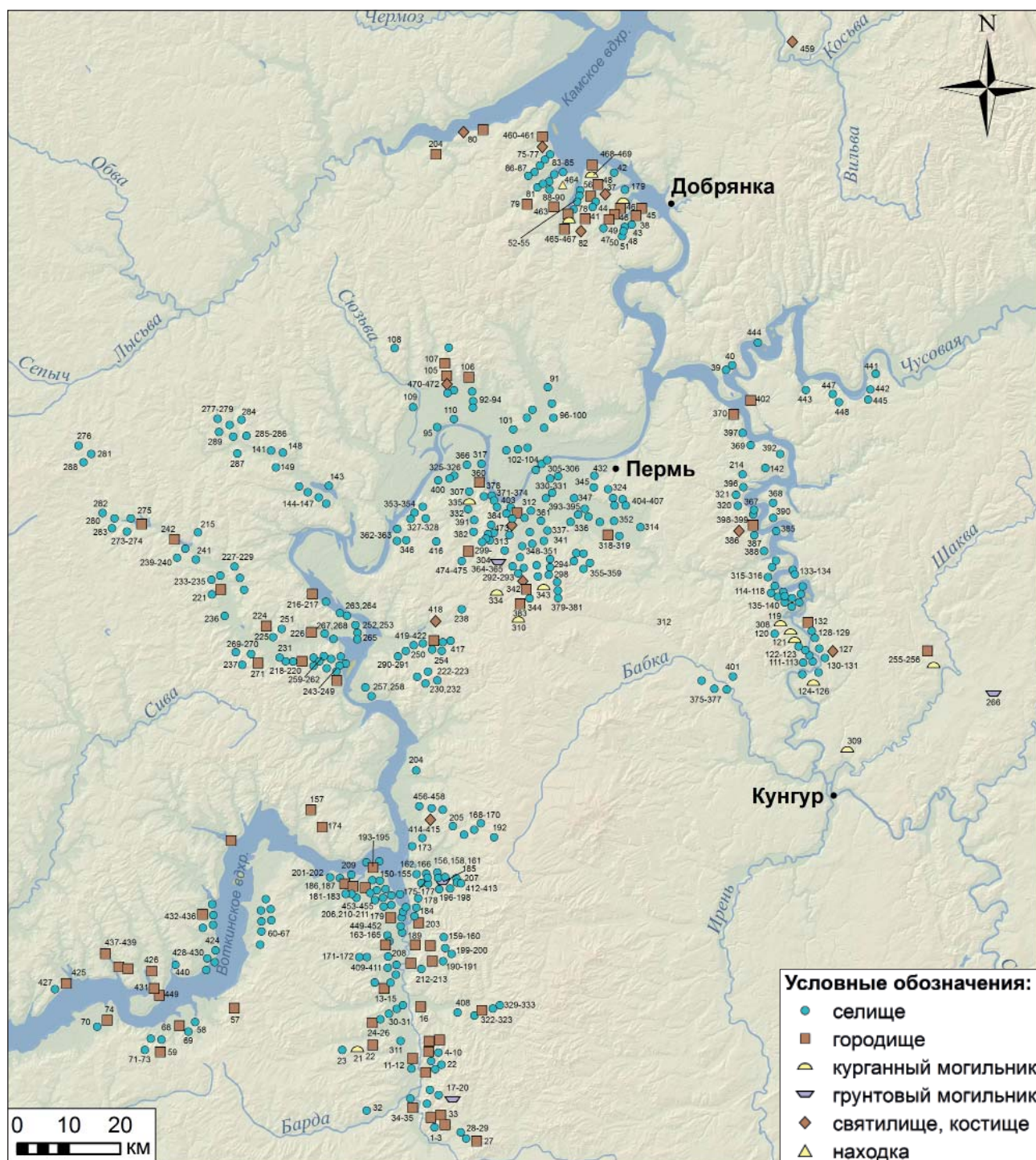

Рис. 1. Карта расположения памятников финала раннего железного века Пермского Прикамья (поздний этап гляденовской культуры и эпохи Великого переселения народов). По М.Л. Перескокову (Перескоков, 2018). 1 – Аклушинское I городище; 2 – Аклушинское I селище; 3 – Аклушинское II городище; 4 – Барда, селище; 5 – Бардымское I городище; 6 – Бардымское I селище; 7 – Бардымское II городище; 8 – Бардымское III городище; 9 – Бардымское III селище; 10 – Бардымское IV городище; 11 – Бардымское IV селище; 12 – Бардымское V городище; 13 – Елпачиха I, селище; 14 – Елпачихинское II селище; 15 – Елпачихинское III селище; 16 – Ишимовское I городище; 17 – Красноярский I могильник; 18 – Красноярское I городище; 19 – Красноярское I селище; 20 – Красноярское II селище; 21 – Кудаш, могильник; 22 – Кудашевское I городище; 23 – Кудашевское I селище; 24 – Куземьярово I селище; 25 – Куземьяровское I городище; 26 – Куземьяровское II селище; 27 – Сарашинское I городище; 28 – Султанайское I селище; 29 – Султанайское II селище; 30 – Чувашаевское I селище; 31 – Чувашаевское II селище; 32 – Бичуринское поселение; 33 – Аклушинское I селище; 34 – Краснояр II, городище; 35 – Краснояр III, селище; 36 – Бардымское II селище; 37 – Бурково, могильник; 38 – Бутыры, городище; 39 – Горная Талица I, селище; 40 – Горная Талица II, селище; 41 – Коновалята, селище; 42 – Еловая грива, селище; 43 – Опутята, городище; 44 – Патраки, селище; 45 – Сенькино I, городище; 46 – Сенькино II (Меркушевское), городище; 47 – Сибирь I (Бородиной городок), городище; 48 – Сибирь I, селище; 49 – Сибирь II (Матренина За-

кладь), городище; 50 – Сибирь II, селище; 51 – Сибирь III, селище; 52 – Чудиново I, селище; 53 – Чудиново II, селище; 54 – Чудиново III, селище; 55 – Чудиново IV, селище; 56 – Ямское городище; 57 – Березовка I, городище; 58 – Бояры, селище; 59 – Калиновка I, городище; 60 – Крюково III, селище; 61 – Крюково-Северное I селище; 62 – Крюково-Северное II селище; 63 – Крюково-Северное III селище; 64 – Крюково-Северное IV селище; 65 – Крюково-Северное V селище; 66 – Крюково-Северное VI селище; 67 – Крюково-Северное VII селище; 68 – Соколиное гнездо, городище; 69 – Сосновка II, поселение; 70 – Толстик, городище; 71 – Усть-Калиновка II, поселение; 72 – Усть-Калиновка III, поселение; 73 – Усть-Калиновка V, селище; 74 – Шульдиха, селище; 75 – Аверинское I селище; 76 – Аверинское II селище; 77 – Аверинское III селище; 78 – Антоновцы, городище; 79 – Гарамиха, городище; 80 – Ильинское городище и костиче; 81 – Медведица (Белошейкинское), городище; 82 – Панкраши, костиче; 83 – Самковское I селище; 84 – Самковское II селище; 85 – Самковское III селище; 86 – Семеновское I селище; 87 – Семеновское II селище; 88 – Филатовское I селище; 89 – Филатовское II селище; 90 – Филатовское III селище; 91 – Большие Калинята I, селище; 92 – Запальта I, селище; 93 – Запальта II, селище; 94 – Запальта IV, селище; 95 – Карабаи I, селище; 96 – Ласьва I, селище; 97 – Ласьва II, селище; 98 – Ласьва III, селище; 99 – Ласьва IV, селище; 100 – Мысы I, селище; 101 – Никитино I, селище; 102 – Осляны I, селище; 103 – Осляны II, селище; 104 – Осляны III, селище; 105 – Черновское I городище; 106 – Черновское II городище; 107 – Черновское III городище; 108 – Широкие Луга, селище; 109 – Мошево, селище; 110 – Шабуничи, поселение; 111 – Гамы I, селище; 112 – Гамы II, селище; 113 – Гамы III, селище; 114 – Гари I, селище; 115 – Гари II, селище; 116 – Гари III, селище; 117 – Гари IV, селище; 118 – Гари V, селище; 119 – Забор, могильник; 120 – Забор, селище; 121 – Калашниково, могильник; 122 – Калашниково I, селище; 123 – Калашниково II, селище; 124 – Курманаево, могильник; 125 – Курманаево I, селище; 126 – Курманаево II, селище; 127 – Ломотино, костиче; 128 – Ломотино I, селище; 129 – Ломотино II, селище; 130 – Ломотино III, селище; 131 – Ломотино IV, селище; 132 – Ломотино, городище; 133 – Стерлягово I, селище; 134 – Стерлягово II, селище; 135 – Шатово I, селище; 136 – Шатово II, селище; 137 – Шатово III, селище; 138 – Шатово IV, селище; 139 – Шатово V, селище; 140 – Щелканы, селище; 141 – Дубровино, селище; 142 – Ерепеты, селище; 143 – Зименькино, селище; 144 – Конино I, селище; 145 – Конино II, селище; 146 – Конино III, селище; 147 – Конино, поселение; 148 – Усть-Мольбищено, селище; 149 – Шумиха, селище; 150 – Больше-Никольское I городище; 151 – Больше-Никольское II селище; 152 – Больше-Никольское III селище; 153 – Больше-Никольское IV селище; 154 – Больше-Никольское V селище; 155 – Больше-Никольское VI селище; 156 – Больше-Польское селище; 157 – Верхне-Давыдовка, городище; 158 – Верхний Ирьяк I, поселение; 159 – Верхняя Чермода I, городище; 160 – Верхняя Чермода, селище; 161 – Выщелка (Мыщелка) I, селище; 162 – Горки I, селище; 163 – Городищенское I городище; 164 – Городищенское II селище; 165 – Городищенское III селище; 166 – Горы II, селище; 167 – Гремячанское поселение-святилище; 168 – Грошиха I, селище; 169 – Грошиха II, селище; 170 – Грошиха III, селище; 171 – Денисовка II, селище; 172 – Денисовка I, селище; 173 – Десятково, селище; 174 – Заводчик, городище; 175 – Ирьяк I, селище; 176 – Ирьяк II, селище; 177 – Ирьяк, городище ("Абина гора"); 178 – Ключ, селище; 179 – Красный Яр, городище; 180 – Малая Речка I, селище; 181 – Мало-Никольское I городище; 182 – Мало-Никольское II городище; 183 – Мало-Никольское III селище; 184 – Мостовая, селище; 185 – Мыщелка II, селище; 186 – Пермяково II, селище; 187 – Нефтебаза, селище; 188 – селище Исток; 189 – Нижний Чекур, городище; 190 – Нижняя Чермода, городище; 191 – Нижняя Чермода, селище; 192 – Овинное I селище; 193 – Оса I, селище; 194 – Оса II, селище; 195 – Оса, городище; 196 – Осока I, селище; 197 – Осока II, селище; 198 – Осока III, селище; 199 – Отрадное I селище; 200 – Отрадное II селище; 201 – Пермяково I, селище; 202 – Пермяково II, селище; 203 – Пещерское I городище; 204 – Потаповка I, селище; 205 – Северная Речка I, селище; 206 – Смоленская Гора I, селище; 207 – Старое Городище I, селище; 208 – Талая Речка, городище; 209 – Тишково II, селище; 210 – Туганаевское I селище; 211 – Туганаевское II селище; 212 – Усть Тунтор, городище; 213 – Усть Тунтор, селище; 214 – Мыс Бродовский, селище; 215 – Воробьи, селище; 216 – Вотинское II селище; 217 – Вязники, городище; 218 – Горюхалинское городище; 219 – Горюхалиха I, селище; 220 – Горюхалиха II, селище; 221 – Дуброво, поселение; 222 – Пашня I, селище; 223 – Пашня II, селище; 224 – Касьяново, городище; 225 – Касьяново, селище; 226 – Кокуй, городище; 227 – Копылы I, селище; 228 – Копылы II, селище; 229 – Копылы III, селище; 230 – Пашня III, селище; 231 – Кропачиха, селище; 232 – Пашня IV, селище; 233 – Луново I, селище; 234 – Луново II, поселение; 235 – Льва, городище; 236 – Льва, селище; 237 – Шальга III, селище; 238 – Полуденная, селище; 239 – Мыльники I, селище; 240 – Мыльники II, поселение; 241 – Мыльники III, селище; 242 – Мыльники, городище; 243 – Окуловка I, селище; 244 – Окуловка V, селище; 245 – Окуловка VI, селище; 246 – Окуловка VII, селище; 247 – Окуловка, городище; 248 – Окуловский остров IV, селище; 249 – Окуловский остров V, селище; 250 – Осиновка, городище; 251 – Острожка, селище; 252 – Оханск, поселение; 253 – Очерский остров II, селище; 254 – Першино VI, селище; 255 – Першино VII, селище; 256 – Першино VIII, селище; 257 – Песьянка I, селище; 258 – Песьянка II, селище; 259 – Подскопино I, селище; 260 – Подскопино II, селище; 261 – Подскопино VII, селище; 262 – Пчелка, селище; 263 – Сосновка II, поселение; 264 – Сосновка III, поселение; 265 – Усть-Очер II, селище; 266 – Шабаршиха, селище; 267 – Шалаши I, селище; 268 – Шалаши II, селище; 269 – Шальга I, селище; 270 – Шальга II, селище; 271 – Шальга, городище; 272 – Базарино, селище; 273 – Бурдино I, селище; 274 – Бурдино II, селище; 275 – Верх-Речки, городище; 276 – Зайчики, селище; 277 – Заполье I, селище; 278 – Заполье II, селище; 279 – Заполье III, селище; 280 – Малахово, селище; 281 – Очер, селище; 282 – Пестеро I, селище; 283 – Пестеро II, селище; 284 – Петрованы I, селище; 285 – Погорелка I, селище; 286 – Погорелка II, селище; 287 – Свалы, селище; 288 – Скакуны I, селище; 290 – «Пяты километр», селище; 291 – «Шестой километр», селище; 292 – Баш-Култаево II, селище; 293 – Баш-Култаево III, селище; 294 – Болдино II, селище; 295 – Болдино, поселение; 296 – Болдино III, селище; 297 – Болдино IV, селище; 298 – Болдино V, селище; 299 – Болгары I, поселение; 300 – Болгары III, селище; 301 – Болгары V, селище; 302 – Болгары VI, селище; 303 – Болгары VII, селище; 304 – Болгары VIII, селище; 305 – Верхние Муллы I, селище; 306 – Верхние Муллы II, селище; 307 – Верх-Качка, селище; 308 – Дикое Озеро, могильник; 309 – Броды, могильник; 310 – Салтанаихинский курганный могильник; 311 – Березняки, поселение; 312 – Гляденово, селище; 313 – Гляденовское костиче; 314 – Горный, селище; 315 – Горюшкинское I селище; 316 – Горюшкинское II селище; 317 – Дворцовая Слудка III, селище; 318 – Ермаши, городище; 319 – Ермаши, поселение; 320 – Жабреи I, селище; 321 – Жабреи II, селище; 322 – Шар-

мейское городище; 323 – Шармейское I селище; 324 – Замаараево, селище; 325 – Замельница I, селище; 326 – Замельница II, селище; 327 – Заозерье IV, поселение; 328 – Заозерье V, поселение; 329 – Шармейское II селище; 330 – Заюрчим I, поселение; 331 – Заюрчим IX, селище; 332 – Ольховка I, селище; 333 – Шармейское III селище; 334 – Кайсар Ялга, могильник; 335 – Качка, могильник; 336 – Кетово I, селище; 337 – Кичаново IV, селище; 338 – Кичаново II, селище; 339 – Кичаново III, селище; 340 – Кичаново V, селище; 341 – Кичаново I, селище; 342 – Кала Урын, городище; 343 – Кала Урын, могильник; 344 – Кала Урын, селище; 345 – Косогоры I, поселение; 346 – Красоты I, селище; 347 – Крохово I, поселение; 348 – Култаево I, поселение; 349 – Култаево II, поселение; 350 – Култаево III, селище; 351 – Култаево IV, селище; 352 – Лобаново селище; 353 – Луговая IX поселение; 354 – Луговая V, поселение; 355 – Лягушино I, селище; 356 – Лягушино II, селище; 357 – Лягушино III, селище; 358 – Лягушино IV, селище; 359 – Лягушино V, селище; 360 – Малая Слудка I, городище; 361 – Мало-Савино I, селище; 362 – Малые Вятские II, поселение; 363 – Малые Вятские III, селище; 364 – Мокино II, селище; 365 – Мокино, могильник; 366 – Нижняя Качка I, селище; 367 – Никулино I, селище; 368 – Никулино II, селище; 369 – Новая Жизнь, селище; 370 – Пеганкова Гора, городище; 371 – Петровка I, селище; 372 – Петровка 2, селище; 373 – Петровка 3, селище; 374 – Петровка 4, селище; 375 – Платошино I, селище; 376 – Платошино II, селище; 377 – Платошино III, селище; 378 – Половинное I, поселение; 379 – Полудово I, селище; 380 – Полудово III, селище; 381 – Полудово IV, селище; 382 – Растягаевское I, селище; 383 – Салтанаихинское городище; 384 – Севастьяны I, поселение; 385 – Симакино, селище; 386 – Слепушка, костище; 387 – Слепушка, селище; 388 – Староверы, селище; 389 – Таборы, селище; 390 – Темное, селище; 391 – Тишкино I, селище; 392 – Троица, селище; 393 – Устиново IV, селище; 394 – Устиново II, селище; 395 – Устиново III, селище; 396 – Усть-Броды, селище; 397 – Усть-Вороновка, селище; 398 – Усть-Громотуха, городище; 399 – Усть-Громотуха, поселение; 400 – Усть-Качка, селище; 401 – Усть-Курашим, поселение; 402 – Усть-Сылва, городище; 403 – Федотово, городище; 404 – Фролы I, селище; 405 – Фролы II, селище; 406 – Фролы III, поселение; 407 – Фролы, поселение; 408 – Искирское селище; 409 – Елпачиха, городище; 410 – Елпачиха, поселение; 411 – Талая речка, селище; 412 – Ирьяк III, селище; 413 – Верхний-Ирьяк, могильник; 414 – Пьянковское костище; 415 – Драчевское селище; 416 – Шугуровка, селище; 417 – Юго-Камск 5 селище; 418 – Юго-Камск I (Костяная Гора), городище (костище); 419 – Юго-Камск I, селище; 420 – Юго-Камск II, городище; 421 – Юго-Камск II, селище; 422 – Юго-Камск IV, селище; 423 – Якунчики, селище; 424 – «Озерко», селище; 425 – Бабка, городище; 426 – Верх-Рождество, городище; 427 – Гамы, селище; 428 – Змеевка I, селище; 429 – Змеевка II, селище; 430 – Змеевка III, селище; 431 – Красная Горка, городище; 432 – Махони I, селище; 433 – Махони II, селище; 434 – Махони III, селище; 435 – Махони IV, селище; 436 – Махони, городище; 437 – Поздышка, городище; 438 – Пьянка, городище; 439 – Север, городище; 440 – Соловьи, селище; 441 – Вилежная, селище; 442 – Комариха, селище; 443 – Концегор, селище; 444 – Кривое I, селище; 445 – Пеньки, селище; 446 – Верхне-Раздорное, городище; 447 – Саранка I, селище; 448 – Саранка II, селище; 449 – Крылово I селище; 450 – Крылово II селище; 451 – Крылово III, селище; 452 – Крылово IV селище; 453 – Петухово IX, селище; 454 – Петухово XI, селище; 455 – Петухово XII, селище; 456 – Драчевское I городище; 457 – Драчевское II городище; 458 – Драчевское III городище; 459 – Останинское (Косьвинское, Перемское) костище; 460 – Гаревское городище; 461 – Гаревское костище; 462 – Осташинское городище; 463 – Большухинское (Морочатское) городище; 464 – Фежлятская находка; 465 – Беклемишевский курганный могильник; 466 – Гилевское городище; 467 – Чудихинское городище; 468 – Усть-Гаревское городище; 469 – Полуденский могильник; 470 – Черновское костище; 471 – Черновское I селище; 472 – Черновское II селище; 473 – Топосихинское костище; 474 – Верх-Качкинское городище; 475 – Верх-Качкинское селище; 476 – Старо-Городищенское городище; 477 – Старо-Городищенское селище; 478 – Усть-Туйское костище; 479 – Усть-Туйское селище; 480 – Скородумское селище; 481 – Иван-Гора городище; 482 – Ширковское селище; 483 – Кляпово, могильник; 484 – Верх-Сая I, городище; 485 – Верх-Сая, могильник

всего исследованного им Осинского городища, он выделял памятники постананьинского времени в бассейне р. Тулвы в особую осинскую культуру, синхронную пьяноборской и гляденовской. По мнению В.Ф. Генинга, территория Приуралья в это время была занята гляденовской, пьяноборской и осинской культурами, представлявшими союзы родственных племен. Каждый из таких союзов занимал небольшую территорию и был отделен от соседних значительным незаселенным пространством (Генинг, 1959а). Позднее, в последней своей обобщающей работе, В.Ф. Генинг предложил выделить гляденовские памятники Верхнего Прикамья (бассейны рек Большой и Малый Туй, Гаревая, Обва), в особую гаревскую культуру, но не аргументировал свою точку зрения (Генинг, 1988, с. 133–134, 220). Появление же курганных могильников харинского типа В.Ф. Генинг связывал с продвижением в Прикамье групп зауральского населения.

Новые исследования могильников харинского типа позволили В.Ф. Генингу и Р.Д. Голдиной проанализировать их погребальный обряд и несколько скорректировать датировку харинского этапа до V–VI в. н. э. При этом поздние костища (в частности Усть-Туйское), несмотря на его несомненную близость Гляденовскому, В.Ф. Генинг относил к харинскому времени (Генинг, 1955, с. 120–123).

Р.Д. Голдина, длительное время изучавшая гляденовско-ломоватовскую проблематику (Голдина, 1971, 1985 и др.), показала преемственность населения гляденовской и ломоватовской культур. Рубеж культур определен концом IV–V в. (Голдина, 1985, с. 123–126), обозначены два компонента в составе ломоватовской культуры: местный (гляденовский) и пришлый (харинский), выделены локальные варианты с преобладанием гляденовского компонента: туйско-гаревской и обвинский. Приведена критика датировки позднего этапа гля-

деновской культуры, предложенной Ю.А. Поляковым, а именно V–VI в. (Голдина, 1985, с. 133–144). После изучения Бродовских курганов Р.Д. Голдина скорректировала раннюю дату появления пришлового компонента в Прикамье и определила ее в пределах конца IV–V в. (Голдина, 1986).

Точка зрения В.Ф. Генинга вызвала возражения со стороны других исследователей (Оборин, 1961; Поляков, 1967), однако вопрос о культурогенезе памятников Верхнего и Среднего Прикамья на рубеже раннего железного века и раннего средневековья оставался не решенным. Эта проблема продолжала оставаться одной из наиболее актуальных. Наиболее объемным обобщающим трудом, посвященным гляденовским древностям, является кандидатская диссертация Ю.А. Полякова (Поляков, 1980), в которой он, обобщая все доступные на тот момент материалы, доказывал культурное единство гляденовских памятников. Костища гляденовской культуры он считал не могильниками, а святилищами. Впервые был описан своеобразный гляденовский погребальный обряд, в грунтовых могилах без инвентаря. Была предложена иная хронология и периодизация гляденовских древностей, верхнюю дату которой исследователь доводил до VI в. н. э. Поздний этап гляденовской культуры исследователь датировал V–VI в., во время которого появляются курганные могильники харинского типа. Так как во всех памятниках, и в том числе в курганных могильниках, присутствовала только гляденовская керамика, и никакой иной, Ю.А. Поляков считал, что курганы принадлежали гляденовскому населению, несколько изменившему погребальный обряд под влиянием южных соседей (Поляков, 2001, с. 19).

Новый виток активного изучения памятников финала раннего железного века на современном этапе (1980–2010-е гг.) характеризуется широкомасштабными охранными раскопками, благодаря которым был выявлен и исследован ряд поселенческих памятников, выявлены особенности домостроительства, специализация жилых и хозяйственных построек, исследованы новые производственные площадки. В конце 1980-х – начале 2010-х гг. были впервые обнаружены и исследованы экспедицией Удмуртского университета Красноярский и Кудашевский могильники, а экспедицией Пермского университета – Мокинский, Верхне-Ирьякский и Кала-Урынский могильники первой половины I тыс. н. э., отражающие эволюцию погребального обряда на территории Пермского Приуралья, связанную с эпохой Великого переселения народов. В 1990–2010-е гг. было продолжено изучение гляденовских костищ. Был выявлен и исследован новый памятник такого типа на р. Чусовой (костище Слепушка), также обшир-

ным раскопкам подверглись уже известные костища (Гляденовское, Юго-Камское, Ильинское) (Перескоков, 2010, с. 71–72). Попытка обобщения материалов гляденовских костищ была предпринята А.Н. Лепихиным, но его работа, вследствие трагической смерти ученого, осталась не завершенной, поэтому посмертная публикация его диссертации не имеет авторских иллюстраций (Лепихин, 2007). Тем не менее, в работе решен ряд важных проблем, связанных с костищами, рассмотрены вопросы их хронологии, назначения, выполнен анализ культовых объектов и рассмотрена семантика гляденовской металлопластики. А.Н. Лепихин обстоятельно доказал принадлежность костищ к гляденовской культуре, а также их культовое назначение.

Материалы рубежа раннего железного века и раннего средневековья были обобщены М.Л. Перескоковым (Перескоков, 2018), где на основе новейших исследований рассмотрены поселенческие и погребальные памятники, разработана подробная хронология и периодизация, а также детально рассмотрены вопросы культурогенеза раннесредневековых культур Пермского Прикамья на основе памятников позднего этапа гляденовской культуры.

Генезис гляденовской культуры происходил на основе местных комплексов позднего этапа ананьинской культуры Среднего Прикамья, что убедительно доказывается наличием ряда многослойных памятников, появившихся в ананьинское время и существовавших на раннем этапе гляденовской культуры, а также стратиграфией Гляденовского костища. Памятники раннего этапа имеют тот же ареал распространения и топографию, что и предшествующие ананьинские. На среднем этапе гляденовской культуры (I – начало III в. н. э.) происходит расселение гляденовского населения из широкой поймы р. Камы на крупные и мелкие ее притоки, что, вероятно, было вызвано необходимостью освоения новых территорий в связи с демографическим ростом, вызванным скачком в развитии производящей экономики. Таким образом, к началу позднего этапа гляденовской культуры окончательно сложились все ее локальные варианты.

Территория распространения памятников позднего этапа гляденовской культуры Среднего Прикамья включает территорию от устья р. Шаквы на Ю до бассейна р. Косьвы на С. С СВ на ЮЗ эта область пересекается р. Камой. На З ареал гляденовской культуры ограничивается водоразделом рек камского бассейна, верховья которых выходят к верховьям рек бассейна р. Вятки. С Ю ограничивается водоразделом между бассейном р. Тулвы, притоки которой выходят к верховьям

южного притока р. Камы – р. Буй и к рекам бассейна р. Белой. По характеру рельефа эта часть Прикамья представляет собой слабохолмистую равнину с развитой речной и овражной сетью. Ее естественными границами являются небольшие возвышенности: Верхнекамская и Оханская – с З, Приуральская – с С и В, Тулвинская – с Ю и ЮВ. Река Кама имеет широкую долину, ширина ее составляет обычно 10–15 км, и принимает ряд крупных притоков: Косьву, Обву, Чусовую с Сылвой, Очер, Тулву и значительное число небольших рек, которые имеют развитую систему пойм и речных долин.

Поселения. На позднем этапе гляденовской культуры фиксируется наибольшее количество поселенческих памятников и самый широкий ареал их распространения. Располагаются они обычно группами по 2–7 памятников, находящихся на расстоянии не более 1,5 км друг от друга. В состав более половины таких групп входят городища (Поляков, 2001, с. 11). При этом вокруг одного или нескольких жилых поселений (городище или селище на коренной террасе) группируются небольшие сезонные поселения, зачастую расположенные в пойме реки. Крупные племенные святилища и могильники также входят в такие группы (Перескоков, 2016, с. 175).

На позднем этапе гляденовской культуры появляется большое количество укрепленных поселений, которых насчитывается 80 (Перескоков, 2018, с. 20), что несомненно связано с изменением политической обстановки в этот период, так как на раннем этапе культуры городища в оборонительных целях не использовались (более ранние были заброшены), а те, что появились на среднем этапе, были не многочисленны. В ряде случаев переоборудовались городища, построенные еще в ананьинское время. Те же ананьинские фортификации, которые были перепрофилированы в святилища (Гляденовское и Юго-Камское костища), не изменили свой статус. В таком случае рядом возводились новые укрепления (Федотовское и Юго-Камское II городища).

Городища позднегляденовского времени можно классифицировать по двум основным принципам: уровню фортификации и функциональному назначению. По степени и особенностям фортификации можно выделить одновальные (рис. 2: 6, 7, 8) и многовальные городища (рис. 2: 1–3, 4, 5).

Одновальные городища продолжают ананьинские традиции в фортификации (Федотовское, Пещерское городища). В течение позднегляденовского времени количество городищ резко выросло, значительно повысились трудозатраты на оборудование укреплений. Укрепления усложняются и становятся многовальными (от 2 до 8 валов) (Бу-

тырское, Кудашевское I, Усть-Ашап, Опутятское городища).

Классификация по функциональному признаку предполагает деление городищ на жилые и городища-убежища. Городища-убежища характеризуются практически полным отсутствием культурного слоя, укреплены одним валом. Типичным примером городища-убежища может служить исследованное В.Ф. Генингом городище «Красная горка» (Генинг, 1959в, с. 210–213). К жилым городищам относятся все остальные из исследованных городищ. Многие из них имели на территории производственные комплексы. Такие крупные многовальные городища, как Бутырское и Опутятское, были не только металлургическими, но и экономическими и политическими центрами своих племенных территорий. Наименьший уровень защиты имеют временные городища-убежища, которые использовались для защиты при набегах врагов. Этот уровень защиты продолжает традиционную схему фортификации, сложившуюся в ананьинское время. Повышенный уровень защиты (двухвальная система) использовался для защиты крупных поселений с металлургическими площадками. Такая схема укреплений позволяла проводить ремонт и реконструкцию одного из валов, оставаясь под защитой второго вала. Наивысший уровень защиты (три и более валов), вероятно, имели центры племенных территорий. Данные о планировке городищ были получены при раскопках Опутятского городища (Генинг, 1980). Объекты располагаются на площадке памятника вдоль краев площадки, по центру площадки идет ложбина, таким образом пространство делится на жилую южную часть, включающую восемь комплексов объектов, которые можно интерпретировать как жилища (Черных, 2008, с. 59, 229), и северную производственную часть, включающую металлургические площадки.

Неукрепленных поселений позднего этапа гляденовской культуры насчитывается 375 (Перескоков, 2018, с. 22). Площади селищ варьируются от нескольких сотен кв. м до нескольких десятков гектаров. Преобладают памятники площадью до 5 га. Планиграфия долговременных круглогодичных поселений несколько отличается от городищ, так как не ограничивается пространственными рамками площадки, в связи с этим постройки располагаются на более отдаленном расстоянии друг от друга, что показывают раскопки селища Косогоры I (Васильева, Перескоков, 2009), слоя гляденовского поселения на Мокинском поселении-могильнике (рис. 3: А, В) и Зародятского селища, которое так же, по нашему мнению, относится к гляденовской культуре (Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018). В такой структуре выделяются

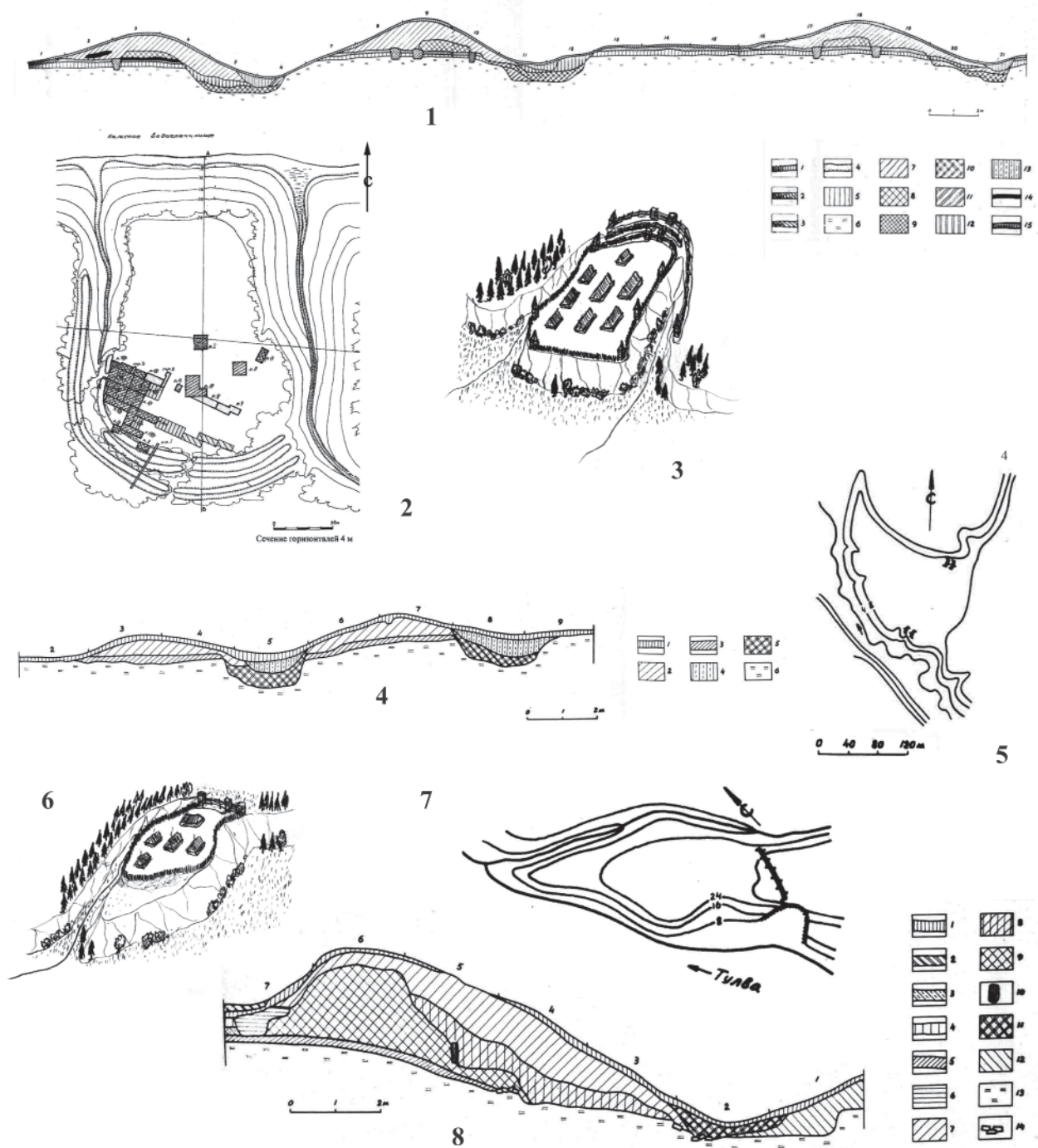

Рис. 2. Городища позднего этапа гляденовской культуры.

Бутырское городище. 1 – разрез системы укреплений. 2 – топографический план; 3 – графическая реконструкция городища. Условные обозначения: 1 – дерн, 2 – культурный слой, 3 – почвенный слой, 4 – погребенная почва (плотный суглинок), 5 – серый суглинок (предматериковый слой), 6 – материковая глина, 7 – красная комковатая глина, 8 – твердая серая глина, 9 – темный суглинок, 10 – темная глина с прослойками угля, 11 – красная глина с прослойками угля, 12 – пестрый суглинок с углем, 13 – черный гумусный слой, 14 – уголь, 15 – обожженная глина;

Юго-Камское II городище. 4 – разрез системы укреплений городища; 5 – топографический план. Условные обозначения: 1 – дерново-почвенный слой, 2 – красная глина, 3 – погребенная почва, 4 – черный гумусный слой, 5 – темная глина, 6 – материковая глина;

Пешерское городище. 6 – графическая реконструкция, 7 – топографический план, 8 – разрез системы укреплений. Условные обозначения: 1 – задернованный почвенный слой, 2 – коричневая глина, 3 – темно-серый суглинок, 4 – серый суглинок, 5 – погребенная почва, 6 – красная глина, 7 – рыхлая красная глина, 8 – плотная красная глина, 9 – красная глина с прослойками, 10 – древесный тлен, 11 – темная глина, 12 – красная глина с гумусными и углистыми прослойками, 13 – материковая глина, 14 – куски песчаника

комплексы отдельных усадеб, где объединяются жилище и прилегающие к нему хозяйственные и производственные постройки. На каждом селище может быть несколько таких усадеб. Такой дом мог принадлежать патриархальной семье, а усадьба – группе патриархальных семей (Черных, 2008, с. 59).

Картографирование памятников по группам и территориям позволяет сделать вывод, что городища и селища располагались в определенной системе, по периметру площади, которая была направлена на защиту определенной ресурсной единицы – например долины реки или широкой поймы.

Селища по топографическому расположению можно разделить на два основных типа. Первый тип – селища, расположенные на краях террас или на мысах коренных берегов рек. Второй тип – селища, расположенные на песчаных дюнах и в высоких поймах рек. К первому типу в основном относятся долговременные поселения, имеющие капитальные жилые и хозяйственные постройки, иногда собственное металлургическое производство. Ко второму типу относятся временные сезонные поселки, связанные с промыслами или сельскохозяйственным производством (выпас скота, сенокос). В таких поселениях, зачастую, присутствуют легкие временные постройки каркасно-столбового типа (Перескоков, 2011, с. 236–237).

На сегодняшний момент известно более 65 комплексов позднего этапа гляденовской культуры, которые могут быть интерпретированы как жилища или постройки.

Характерно наличие двух домостроительных традиций. Для долговременных поселений характерны бревенчатые дома, часто с пристройкой, в которых прослеживается сакральная ось, проходящая вдоль постройки, на которой расположены очаг и хозяйственная яма (Черных, 2008; Перескоков, 2011). Жилища не углубленные или слабо углубленные в грунт, что зависит от состава грунта. Часто вокруг построек прокапывались канавки для дренажа и добычи грунта для постройки завалинки. Иногда канавки имели значительную глубину, а их скаты укреплялись деревянными плахами. Вероятно, в таких случаях они могли использоваться как зимние кладовки-ледники (Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018, с. 47). Также для построек данного времени характерны глинобитные полы, которые могут быть естественные (если материковым грунтом является глина) и искусственно сооруженными, что характерно для многослойных памятников и поселений на песчаных и суглинистых грунтах. Прототипами глинобитных полов являются глинобитные подушки

под очагами, известные с ананьинского времени (Перескоков, 2011, с. 233).

Для сезонных поселений, связанных с промыслами или сельскохозяйственным производством, наиболее характерны легкие каркасно-столбовые постройки (но известны и бревенчатые), которые могли иметь очаг, одну или несколько хозяйственных ям. Подобным способом возводились пристройки, хозяйственные и производственные постройки на долговременных поселениях.

Таким образом, вполне можно констатировать, что сосуществование на позднем этапе гляденовской культуры двух домостроительных традиций продиктовано функциональным назначением построек, которое было вызвано развитием производящей экономики, и нет необходимости связывать их с какими-то инокультурными влияниями. Основные черты обеих традиций складываются еще в ананьинское время и прослеживаются по этнографическим данным.

Материальная культура поселений представлена в основном предметами домашней утвари. Помимо керамики, распространены каменные песты-терочники, плиты-зернотерки, керамические и каменные пряслица, оселки, костяные наконечники стрел, иглы, проколки. Среди предметов из металла наиболее частыми являются находки железных ножей. Столярный инструмент представлен шильями, долотами, стамеской, ложкарями. Предметы, связанные с металлообработкой, найдены в основном на городищах. Сюда относятся тигли и льячки, кузнечный инструмент, наковальни и каменные молоты. Украшения и детали костюма на поселениях встречаются достаточно редко и представлены бусами и деталями ременной гарнитуры.

Стоит отметить бедность поселенческих памятников позднего этапа гляденовской культуры, особенно в центральных и южных группах (Пермский и Тулвинско-Частинский локальные варианты). Наиболее показательным из них является селище Верхний Ирьяк I (Коренюк, Мельничук, 2001; Перескоков, 2018, с. 26), где было исследовано шесть стационарных жилых построек, но практически отсутствовал материал – несколько десятков фрагментов керамических сосудов и обломков «косы-горбуши» в яме. Исследования расположенного рядом и явно относящегося к поселению могильника Верхний Ирьяк подтверждают значительный период существования поселения. Этот факт может говорить об организованном оставлении людьми поселения и всей территории. Все ценное было увезено с собой.

Керамика позднегляденовских поселений изучена достаточно хорошо, что дало возможность выявить особенности комплексов локальных ва-

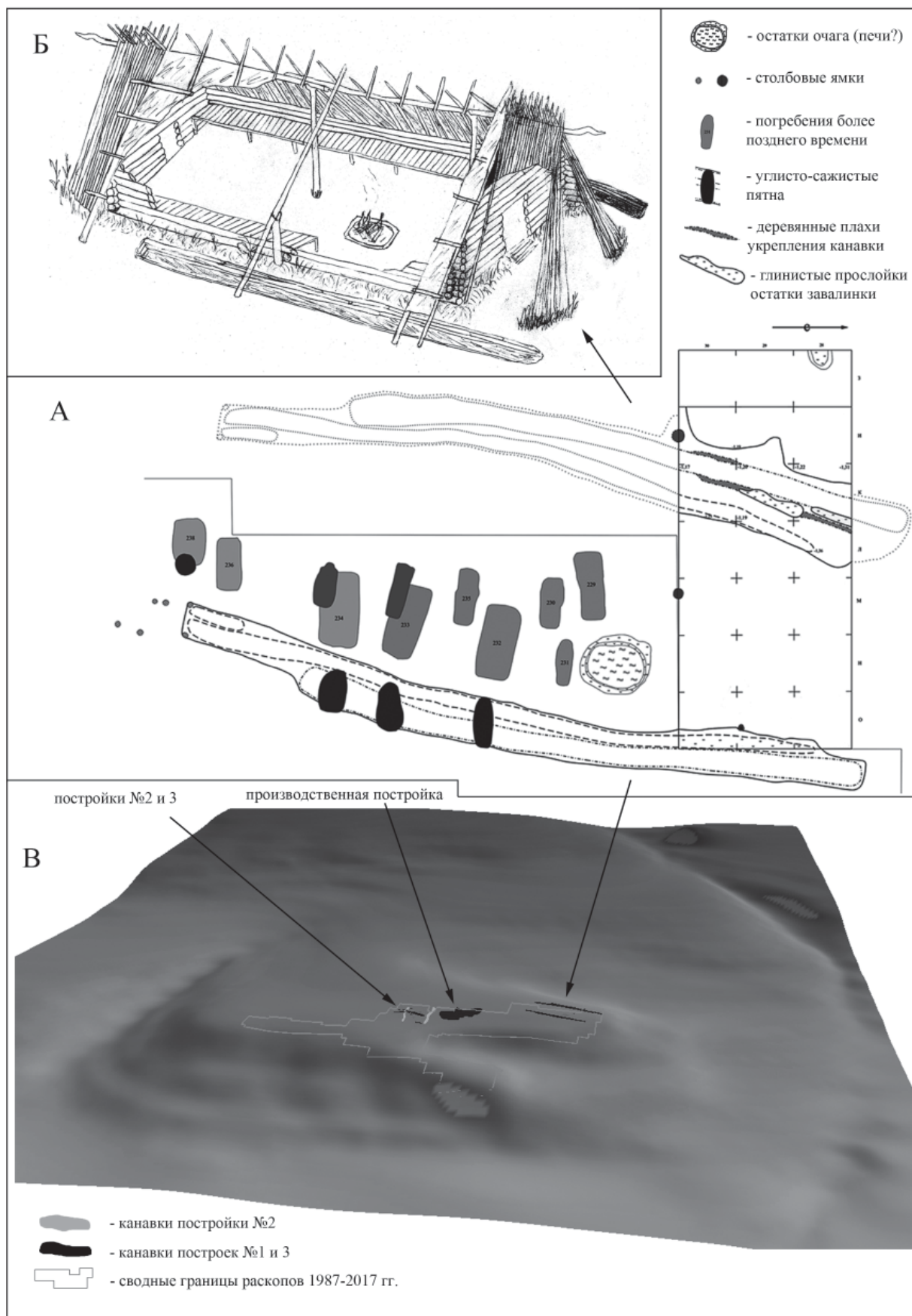

Рис. 3. Жилища позднего этапа гляденовской культуры. Мокино, поселение-могильник.
 А – план постройки 1. Б – графическая реконструкция. В – 3D модель поселения

риантов (Поляков, 1999; Перескоков, 2015а), которые характеризуются сочетанием сложившихся композиций гребенчатой, шнуровой, резной и ямочной орнаментации. Гребенчатая орнаментация преобладает на памятниках Осинского локального варианта. Чусовская и сылвенская керамика имеет своеобразие – достаточно высокий процент резного орнамента, что характерно для памятников этой территории ананьинского и раннегляденовского времени. Керамика Юговской племенной территории отличается достаточно большим процентом ямочной орнаментации. Керамика Пермского локального варианта характеризуется соотношением гребенчатой, шнуровой, ямочной и резной орнаментации. Верхнекамские керамические комплексы отличаются возрастом индекса гребенчатой и шнуровой орнаментации, а также защитного орнамента по венчику, и уменьшением индекса резного и ямочного орнамента. Керамика же Тулвинско-Частинского локального варианта отличается резким преобладанием ямочной орнаментации, причем, чем памятник южнее, тем этот индекс выше.

Аналогичная специфика керамических комплексов Тулвинско-Частинского локального варианта присутствует и в ананьинское, и в раннегляденовское время. Специфика керамических комплексов памятников чусовской и сылвенской территорий прослеживается и в дальнейшем в материалах сформировавшейся на их основе неволинской культуры. Свообразие керамических комплексов Туйско-Гаревского варианта, помимо локальных особенностей, может объясняться хронологическим отличием, так как они, в целом, несколько позднее пермских, тулвинско-частинских и осинских, которые прекращают свое существование не позднее начала VI в. Территория Туйско-Гаревского варианта становится одной из основных в формировании ломоватовской культуры, для которой характерны такие керамические комплексы.

В целом керамика исследуемых памятников представляет собой целостный комплекс, имеющий единую орнаментальную систему, которая начала формироваться в предшествующее время (ерзовская, ананьинская и ранний этап гляденовской культуры) и продолжает свое эволюционное развитие в эпоху средневековья.

Хозяйственно-культурный тип на позднем этапе типичен для гляденовской культуры в целом и характеризуется как комплексное хозяйство с доминирующим скотоводством, при наличии подсечно-огневого земледелия с высокой ролью присваивающего хозяйства (рыболовство, охота) (Поляков, 2001; Перескоков, 2016). Среди костных останков с позднегляденовских памятников

доминируют домашние животные. В составе стада наибольшая численность принадлежит лошади и крупному рогатому скоту. Мелкий рогатый скот и свинья были малочисленны. Это, вероятно, связано с возможностью лошади добывать себе корм из-под снега, что уменьшало необходимость заготовления большого количества кормов в зимний период. Известны единичные находки зерна на гляденовских памятниках (Осинское городище). Среди зерен 72,5% составляет полба, 27,5% – ячмень; единично встречены зерна мягкой пшеницы и овса (Генинг, 1959б, с. 176).

Развитие обработки железа на территории Пермского Приуралья в финале раннего железного века происходит в соответствии со сложившимся еще в ананьинское время стереотипом – самостоятельно, не получая явных импульсов новых приемов и технологий, и этот стереотип без особых изменений существует до VII–VIII в. (Завьялов, Розанова, Терехова, с. 83–97, 109–124; Перевощиков, 2002, с. 43–50). Появление большого количества в Прикамье импортных вещей (вероятно, вместе с их носителями), произведенных на более высоком технологическом уровне, не дают местному населению новых технологических приемов и навыков.

В области цветной металлообработки происходит дальнейшее развитие традиции, сложившейся на предыдущих этапах, когда отмечен расцвет культовой металлопластики. При этом, с появлением большого количества импортных образцов ременной гарнитуры и воинского обмундирования, происходит технологический скачок, который выразился в освоении производства и плавки латуни. Для этого периода характерны находки слитков металла – дротов, которые являются импортным сырьем для производства новых типов сплавов. В результате этих изменений в Среднем и Верхнем Прикамье началось развитие собственных стилей ременных гарнитур в эпоху Великого переселения народов.

Могильники позднего этапа гляденовской культуры очень четко коррелируют в своем расположении и хронологии с поселениями и костямищами и с миграционно-колониционными процессами, протекавшими в среде гляденовского населения. Могильники Тулвинско-Частинского варианта культуры, появившись в конце среднего этапа или в начале позднего (Красноярский, Верхний Ирьяк, Кудашевский), завершают свое функционирование комплексами культурно-хронологического горизонта Тураево-Кудаш (третья четверть IV – начало V в. н. э.), с которого начинаются большинство курганно-грунтовых могильников Туйско-Гаревского варианта и сылвенской территории. При этом, случайные дореволюцион-

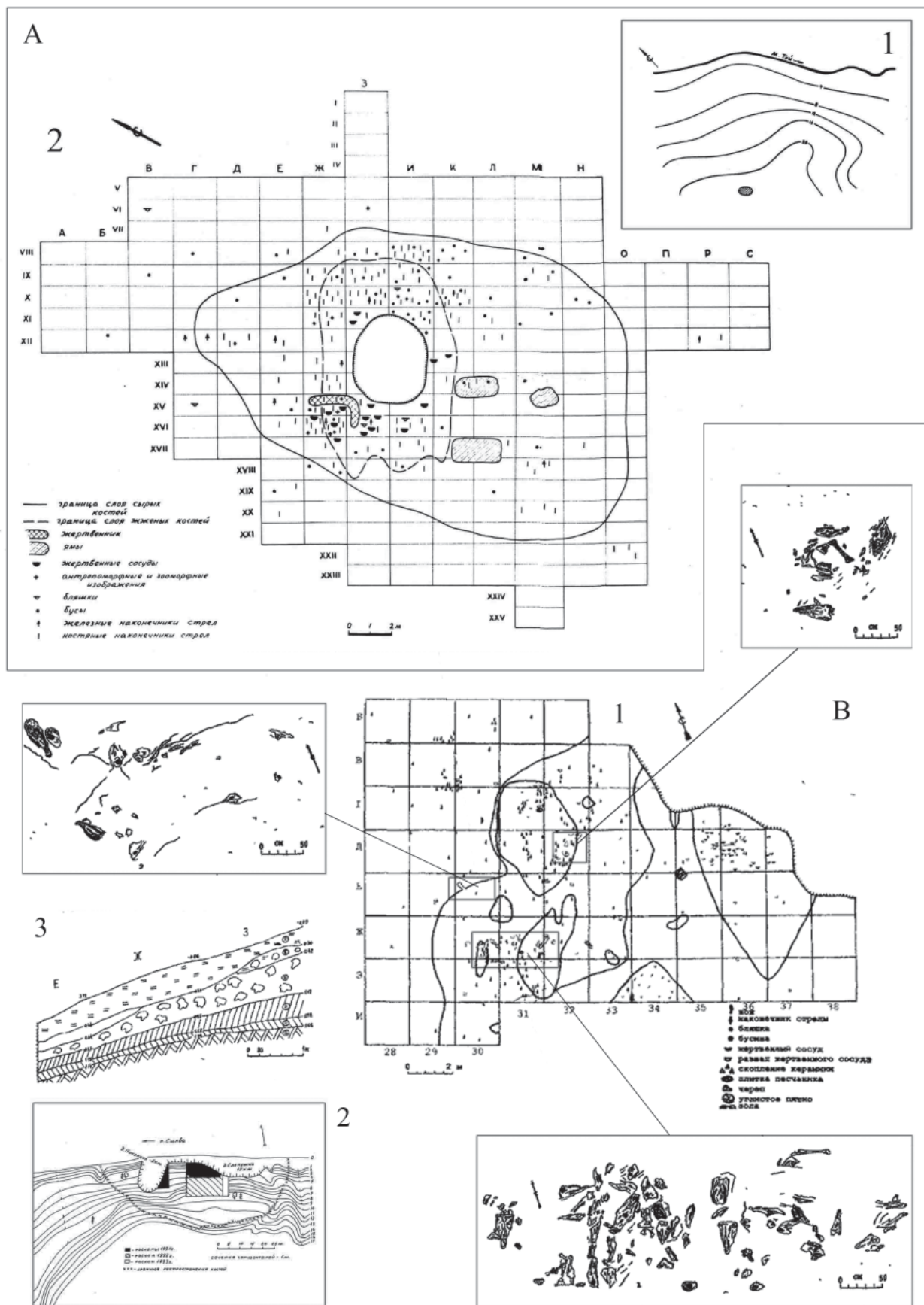

Рис. 4. Костица позднего этапа гляденовской культуры.
 А – Усть-Туйское костище. 1 – план памятника, 2 – план раскопа.
 Б – костище Слепушка. 1 – план раскопа, 2 – план памятника, 3 – профиль раскопа

ные находки цельнолитой фасетированной пряжки и нефритовой скобы для крепления меча в Туйско-Гаревском поречье, относящиеся к III в. н. э. (Спицын, 1902, Таб. II; Перескоков, 2017), говорят о наличии на этой территории могильников более раннего времени. Вполне вероятно к более раннему времени относится и Кляповский могильник в бассейне р. Шаквы, притока р. Сылвы, который имеет грунтовый обряд погребения, близкий гляденовскому. Центральная территория гляденовской культуры – мулянская, имеет погребальные комплексы всех этапов гляденовской культуры. Уникальным в этом плане является Мокинский могильник, где хорошо фиксируются все этапы эволюции погребального обряда на позднем этапе гляденовской культуры.

Могильники финала раннего железного века имеют достаточно близкую к поселениям топографию: это расположение на пологих возвышенностях (мысах, первой и второй коренных террасах, коренных берегах рек, пойменных возвышенностях), удаленных от русла крупных рек, иногда в устьях более мелких рек или ручьев. Некоторые из них расположены на площадках брошенных ананьинских селищ.

На рассматриваемых нами могильниках фиксируются погребения двух типов: курганные и грунтовые. Всего исследовано 694 грунтовых погребения и 93 кургана (Перескоков, 2018, с. 35). Для среднего этапа (I – начало III вв. н. э.) характерен обряд ингумации, типичный для культур Прикамья раннего железного века (рис. 5: 6). В ряде погребений фиксировались деревянные конструкции в виде настилов над и под костяком, деревянных плах. Продолжением ананьинских погребальных традиций является сооружение «дома мертвых» (III–IV в. н. э.), исследованного на Верхне-Ирьякском могильнике (рис. 5: 10). На позднем этапе гляденовской культуры происходит трансформация погребального обряда. Это заключается в появлении не свойственного для этой территории обряда обезвреживания погребенных (ООП), который зафиксирован на Верхне-Ирьякском и Мокинском могильниках, а также в появлении курганного обряда (рис. 5: 8, 9), который связан с притоком в Прикамье пришлых групп населения. В целом же на позднем этапе гляденовской культуры, в результате смешения местных и пришлых погребальных традиций, формируется своеобразный погребальный обряд, который в дальнейшем станет характерен для всех могильников харинского типа. Это сочетание курганной и бескурганной части. После растворения в местной этнической среде собственно носителей обряда, курганы становятся критерием высокого статуса, а не маркером присутствия инородного населения

(Перескоков, 2015б, с. 197–199). Идеологически курганный обряд сливается с местной традицией «домов мертвых» (рис. 5: 1), что прослеживается на материале Мокинского могильника (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 71–72; Мингалев, Перескоков, 2014). Развитие обряда обезвреживания погребенных и обряда кремации (менее распространенного, чем ингумация, но также характерного для Прикамья и особенно для Европейского Северо-Востока), порождает такие формы обряда, как частичная кремация, полная кремация, частичная ингумация (рис. 5: 2–5).

На позднем этапе гляденовской культуры продолжают функционировать такие специфические объекты, как костыща (подробнее см. Том III, Глава 7, с. 539–561). Гляденовские костыща – вид святилищ, связанный с крупными жертвоприношениями животных (в основном домашних), принесением в жертву украшений, бус, наконечников стрел, votивных предметов (рис. 4). Яркой особенностью гляденовских костыщ является использование культовой металлопластики. Наиболее распространенными образами были птица, волк, медведь, змея. Встречаются и антропоморфные образы (Лепихин, 2007, с. 93–98) (См. Том III, с. 549, рис. 6; с. 551, рис. 7). Интересен образ всадника, развитие и эволюция которого связана с поздним этапом гляденовской культуры и отражает изменение социальной структуры общества (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2008). На позднем этапе гляденовской культуры функционируют все костыща: и ранние, которые появились еще в ананьинское время, и поздние, появившиеся на среднем этапе культуры (Лепихин, 2007, с. 112). Финал раннего железного века – время постепенного прекращения функционирования костыщ, что было вызвано рядом причин. Наиболее важной из них является постепенная смена социально-политического устройства в позднегляденовском обществе от религиозно ориентированной формы в раннем гляденово, когда происходит расцвет костыщ, к форме военного вожества. Вследствие этого, аккумуляция ценностей и обряды поминания предков переносятся на могильники. Так на Мокинском могильнике исследован ряд жертвенников, имеющих полные аналоги на Гляденовском костыще (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 71). Второй причиной, вероятно, было уменьшение эффективности скотоводческой производящей экономики, вызванное ухудшением климата, что привело к дефициту ресурсов, а в дальнейшем к непригодности территории для ведения привычной формы хозяйства. В то же время указанные процессы были длительными. Гляденовское костыще функционирует синхронно с курганно-грунтовыми могильниками: Мокинским, Кала-Урынским, Кач-

кинским, а некоторые поздние костища доживают VI–VII в. (Лепихин, 2007, с. 112) и сосуществуют с курганно-грунтовыми могильниками в Туйско-Гаревском поречье и в бассейне р. Сылва.

Хронология позднего этапа гляденовской культуры в контексте древностей финала раннего железного века была разработана М.Л. Перескоковым на основании всего комплекса современных источников (Перескоков, 2018, с. 89–105). Для разработки вопросов хронологии были применены взаимно верифицирующие методы.

Планиграфические наблюдения за изменением ориентировки погребений, которые присутствуют на большинстве исследованных памятниках, выявили группы, характеризующиеся близкими типами погребального инвентаря. Всего было выделено пять хронологических групп погребений.

Стратиграфические наблюдения за взаимным перекрытием курганных канавок, погребений и перекопов позволили выявить последовательность сооружения курганных насыпей и погребений в определенных курганных группах.

Сериация материалов погребальных комплексов основывалась на выделении 34 хроноиндикаторов. Использовались комплексы, в которых присутствовало не менее двух хроноиндикаторов. В результате выделилось четыре кластера, которые были синхронизированы с полученными ранее хронологическими группами. Таким образом, нами при помощи разных методов общий пласт материала финала раннего железного века был разделен на пять хронологических групп, отражающих деление материала (Перескоков, 2018, с. 103–105).

Материалы позднего этапа гляденовской культуры относятся к нескольким из выделенных хронологических групп.

1 хронологическая группа относится к *среднему этапу* культуры и датируется I – началом III в.

2 хронологическая группа. К ней относятся комплексы из Красноярского, Верхне-Ирьянского, Мокинского могильников. Группа датируется началом III – серединой IV в. Характеризуется появлением трехсоставных пряжек, выполненных в фасетированном стиле, с коротким прогнутым язычком, пряжек с язычком, расширяющимся по ширине рамки. Достаточно широкое распространение в это время получили крупные халцедоновые бусы и диски – навершия мечей. Импортные вещи этого времени связаны с комплексами ранней части Мокинского могильника и происходят из воинских погребений (рис. 6: 14–23, 37). Группа характеризуется бедностью материальной культуры и своеобразным синкретизмом. С одной стороны, продолжением бытования и развитием местных архаичных типов вещей, принадлежностей костюма и украшений,

с другой стороны, появлением достаточного количества предметов импортов римского, сарматского и центральноевропейского круга. Причем, помимо дальних импортов, появляется большее количество типов вещей, заимствованных у ближних соседей. Материалы данной хронологической группы дополняются материалами малых костищ, частью материалов Гляденовского и Юго-Камского костищ, а также единичными находками с поселений, которые в это время чрезвычайно бедны.

3 хронологическая группа представлена погребениями Красноярского, Кудашевского, Мокинского, Качкинского, Калашниковского, Бурковского и Бродовского могильников. Характеризуется развитием более ранних типов, эволюционирующих под влиянием импортных образцов. С другой стороны, появлением своеобразного комплекса вещей, совершенно не характерного для Прикамья. Погребения с этими комплексами располагаются на могильниках достаточно компактно, зачастую связаны с курганными группами. В то же время связанные с ними вещи встречаются и в типично местных погребениях. Набор вещей не однороден, и в нем выделяется два этапа. Более ранний комплекс вещей, характерный для финала позднесарматского времени, представлен сбруйными наборами с малых размеров коробчатыми наконечниками ремней (Броды 26/1), специфическими накладками (Броды 27/1) (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 53–54, 56), полихромной пряжкой (Броды 25/1) (Малашев, 2000; Овчинников, 2005), мечами, с халцедоновыми навершиями (Кудаш 6) (Казанцева, 2004, с. 83, рис. 8–15). По аналогиям среди позднесарматских материалов, в частности Тугозвонovo, эту группу вещей можно датировать поздним IV в. н. э. (Малашев, 2000, с. 203–205). Следующий комплекс характеризуется появлением предметов полихромного стиля с перегородчатой инкрустацией (Мокинский, Кудашевский могильники), пряжек и накладок в форме лунниц, связанных с раннесасанидской традицией (Казанский, 2002, с. 193–197), относящиеся уже к предгуннскому времени (Красноперов, 2012, с. 222). Эти вещи можно датировать третьей четвертью IV – началом V в. Четко разделить их не представляется возможным, так как ряд наборов содержит вещи обоих комплексов, что, вероятно, связано с неравномерностью и несинхронностью собирания комплекса вооружения и снаряжения носителями в виду разности возраста и различных условий жизни, что хорошо видно на материалах Кудашевского и Тураевского могильников. Материалы данной хронологической группы синхронизируются с финалом существования гляденовских костищ, а также с материалами ряда поселений, где присутствуют элементы ременной

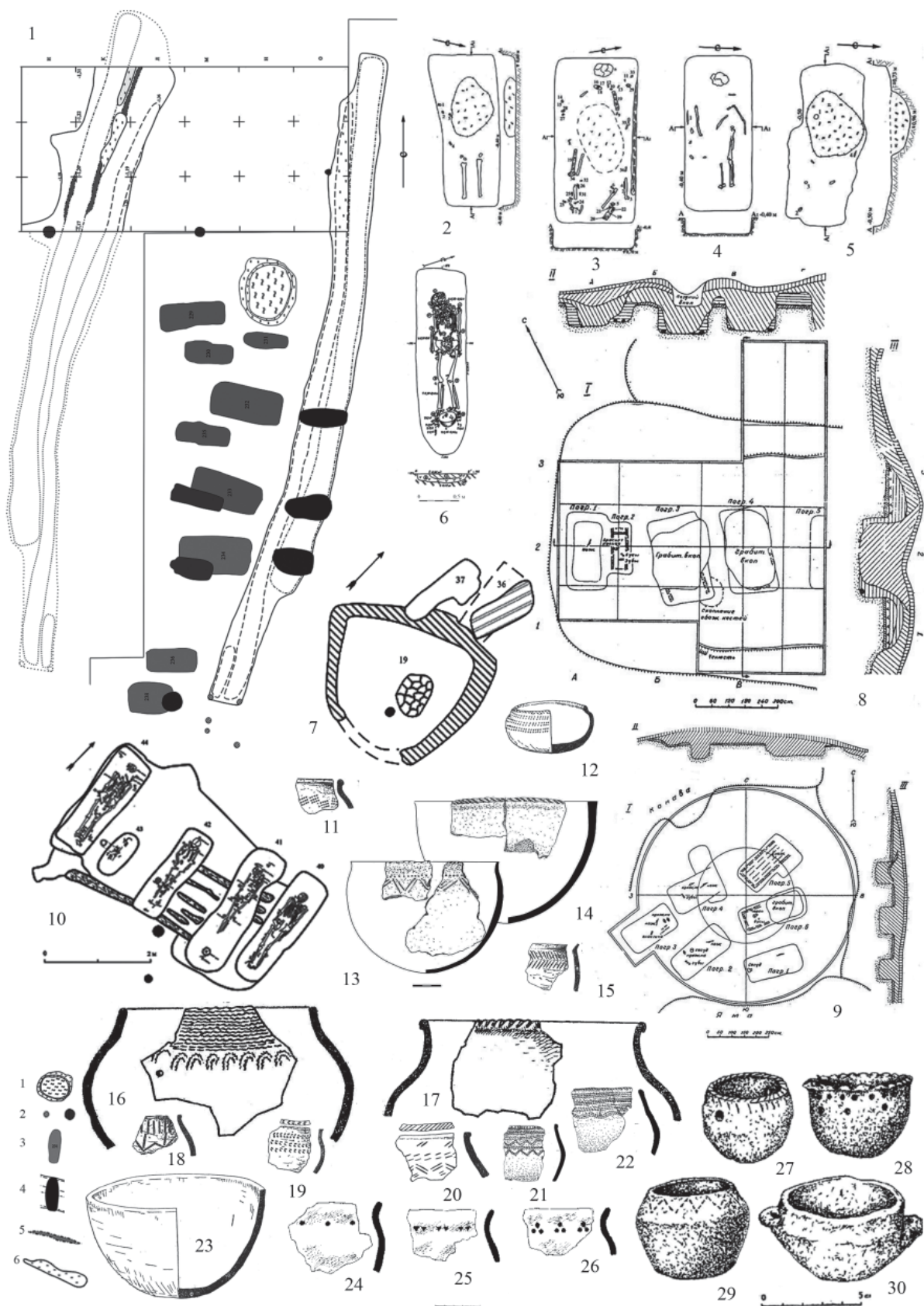

Рис. 5. Погребальные сооружения позднего этапа гляденовской культуры.

1 – «длинный курган» в ранней постройке, 2–6 – погребения, 7–9 – курганные погребения, 10 – «Дом мертвых»,
 11–29 – керамика, 1–5 – Мокино, поселение-могильник, 6–7, 10 – могильник Верхний Ирьяк,
 8–9, 12, 20, 23 – Качка, могильник, 11, 15, 18–19 – Осинское городище, 21–22 – Заюрчим VI, поселение,
 16–17 – Опутятское городище, 24–26 – Калиновское городище, 27–30 – костище Слепушка

гарнитуры (селище Пеньки, Горюхалихинское и Черновское I городища).

4 хронологическая группа. К ней относятся комплексы Мокинского, Качкинского, Бурковского, Калашниковского, Митинского, Бродовского могильников. Характеризуется эволюцией форм пряжек, что связано с появлением местного производства ременной гарнитуры. Если на предыдущих этапах происходило совместное использование вещей местных архаичных типов и импортных вещей общеевропейского стандарта, то в вещах этой группы видно включение Прикамья в общеевропейскую «моду». Достаточное количество переходных форм элементов ременной гарнитуры может свидетельствовать о творческих поисках среди местных мастеров, которые, перерабатывая импортные формы, пришли к собственным типам (пряжки с треугольным, вытянутым полукруглым и вытянутым трапециевидным щитками), которые являются их производными. Но стилистика общеевропейской моды этого времени не теряется. Хронологическая группа соответствует гуннскому времени и датируется V в. На костышках гляденовской культуры встречаются единичные вещи, относимые к этой хронологической группе (в основном бусы), но главного хроноиндикатора – пряжек на костышках не найдено, что говорит о прекращении активного функционирования костыщ в это время.

Так же необходимо отметить еще одно наблюдение. Все изменения материальной культуры, связанные с включением в европейскую «моду», касались в первую очередь вооружения и поясной гарнитуры, а также некоторых деталей костюма, т.е. в основном мужского обмундирования и снаряжения. Женский костюм развивался равномерно и постепенно на основе местной культурной традиции (см. например, Перескоков, Доткин, Якимова, 2018). То же можно сказать и о предметах быта и хозяйственного инвентаря, который на всем протяжении исследуемого периода оставался неизменным.

Периодизация. На сегодняшний день разработано несколько периодизаций материалов финала раннего железного века Пермского Прикамья и большинство их привязывается к одному ключевому моменту – появлению в Прикамье «угорского зауральского населения», оставившего курганы харинского типа (Генинг, 1959а; Генинг, 1988; Голдина, 2004; Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010). В зависимости от пересмотра датировки могильников харинского типа пересматривалась и периодизация, точнее ее хронологические рамки (Генинг, 1955; Генинг, 1959а; Генинг, Голдина, 1973). Предшествующее время большинством ученых связывалось с гляденовской культурой в Верхнем и Среднем Прикамье, прекращение функциониро-

вания которой синхронизировалось с появлением курганов харинского времени. Р.Д. Голдина в своей периодизации завершает существование гляденовской культуры появлением курганных могильников в харинском этапе ломоватовской культуры, который датируется V–VI в., без конца VI в. Курганные могильники Сылвенско-Иренского поречья были отнесены Р.Д. Голдиной к Бродовской (конец IV–V в. н. э.) и Верх-Саинской (VI в.) стадиям неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990). Несколько отличную точку зрения имел основной исследователь гляденовской культуры Ю.А. Поляков. Он делил гляденовскую культуру на три этапа: ранний (III в. до н. э. – I в. н. э.), средний (I–IV в.) и поздний (V–VI в.), которые он синхронизировал с харинскими древностями, а курганы считал принадлежащими гляденовскому населению, изменившему свой традиционный погребальный обряд под влиянием контактов с южными соседями (Поляков, 2001, с. 19).

Предложенная хронология материала подтверждает отсутствие разрыва между гляденовскими и раннесредневековыми древностями в Пермском Прикамье и подтверждает эволюционное развитие культуры. Представляется правомерной следующая периодизация древностей финала раннего железного века (Перескоков, 2018, с. 103–105).

Средний этап гляденовской культуры можно датировать I – началом III в. н. э., где важной датой является дата начала второй хронологической группы (начало III в. н. э.), которая отражает начало изменений в материальной культуре, выраженное в исчезновении архаичных типов поясной гарнитуры – застежек с неподвижным крючком и начала постепенного включения Прикамья в европейскую систему «моды», что можно связать хронологически с появлением ранних воинских погребений Мокинского могильника. Вероятно, такие комплексы вооружения и снаряжения могли попасть в Прикамье только с их носителями. Третья хронологическая группа озаменована появлением вещей типа Тураево-Кудаш, но она не изменила общей тенденции развития материальной культуры. Наоборот, она его подтолкнула. Приток большого количества импортных вещей был катализатором для развития местных типов общеевропейского стиля. С другой стороны, уникальные вещи типа Тураево-Кудаш присутствуют пусть и во многих погребальных комплексах, но связаны они только с носителями этих вещей (пришлыми воинами), поэтому и рассматривать их надо как явление специфическое. Комплексы второй и третьей хронологических групп относятся к *позднему этапу гляденовской культуры*. Верхняя граница этапа будет обусловлена прекращением активного

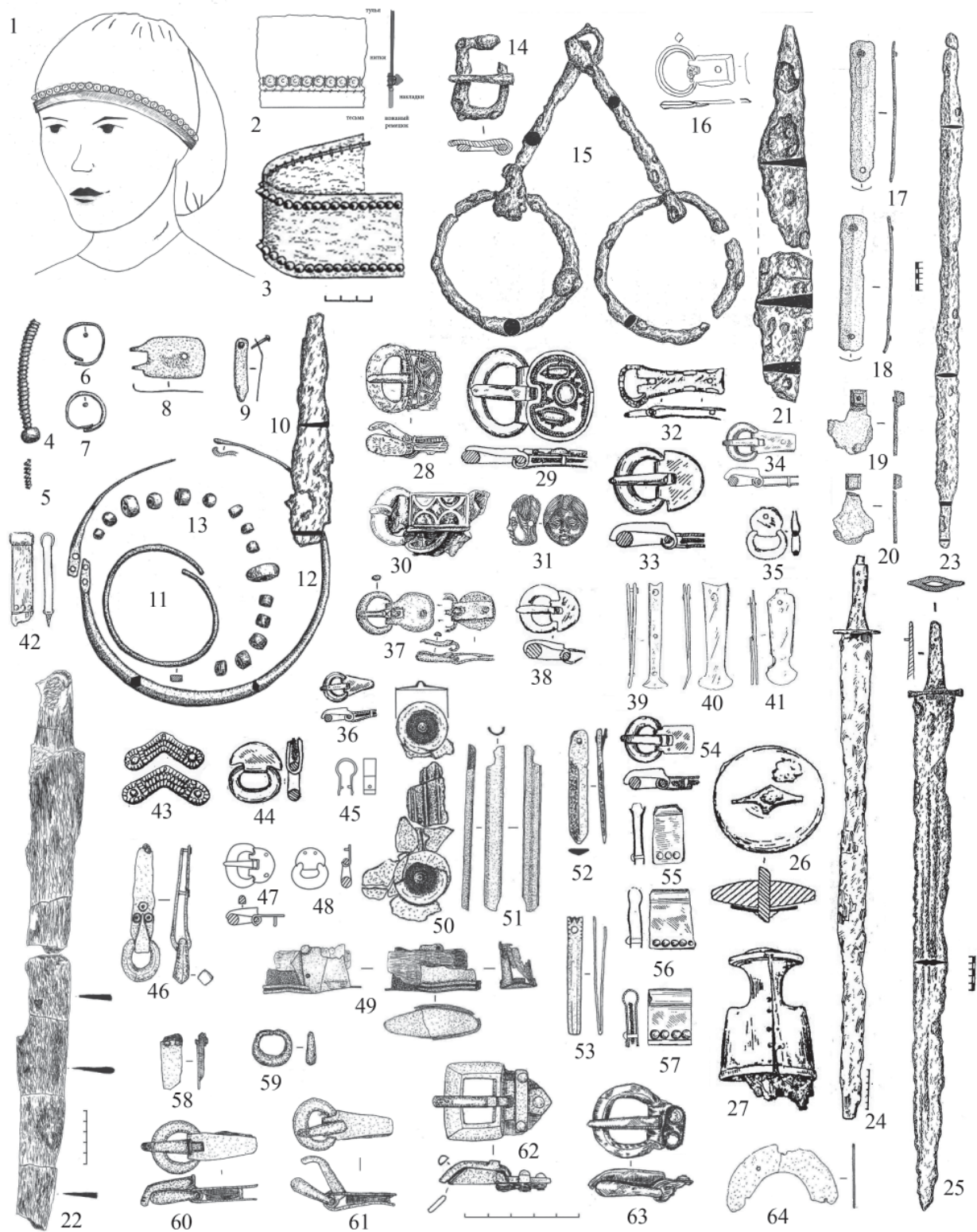

Рис. 6. Пермское Приуралье в эпоху Великого переселения народов.

Детали костюма, поясная гарнитура и вооружение.

1–2 – реконструкция женского головного убора, 3 – фрагмент кожаного манжета рукава, 4–5 – пронизки, 6–7 – височные кольца, 8 – фрагмент пряжки, 9 – накладка, 10, 21 – железные ножи, 11 – браслет, 12 – шейная гривна, 13 – стеклянные и янтарные усы, 14–20 – сбруйный набор (удила, пряжки, накладки), 22–25 – мечи и палаши, 26–27 – навершия мечей, 28–30, 32–48, 52–63 – элементы ременной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней), 31 – римская халцедоновая гемма, 49–50, 64 – фрагменты серебряных ножен, 1–23, 25, 28, 31, 37, 45–53, 58–64 – Мокинский могильник, 24, 29, 33–34, 36, 43–44, 54–57 – Бродовский могильник, 26–27, 30, 32, 35, 38–42 – Кудашевский могильник

функционирования гляденовских костяков. Таким образом, дату позднего этапа на территории Туйско-Гаревского варианта и в бассейне р. Сылвы можно обозначить началом III – первой четвертью V в.

Древности типа *Тураево-Кудаши* необходимо рассматривать как особый культурно-хронологический горизонт со всеми присущими ему признаками, имеющий компактные хронологические рамки (третья четверть IV – начало V в.) и условную внутреннюю периодизацию (позднесарматский и предгуннский комплексы вещей) (Перескоков, 2014; Перескоков, 2018, с. 103–104).

Следующий этап (хронологическая группа 4) характеризуется как переходный, в течение которого начинается дальнейшее развитие гляденовской культурной основы, в которую были включены новые формы социальной организации и новые культовые представления (курганный погребальный обряд). Курганный обряд на этом этапе окончательно теряет этнический признак и становится признаком высокого социального статуса. Это период начала генезиса новых культурных образований, во время которого они начинают формировать свои отличительные признаки. Выделяя этот период, справедливым будет разделить представленные материалы географически на основании сказанных выше различий и локальной специфики, которая потом стала ключевой в генезисе близкородственных культур: ломоватовской и неволинской. Но, тем не менее, необходимо констатировать их синхронность. Для памятников сылвенско-иренского поречья это будет *бродовский этап неволинской культуры*, хронологические границы которого необходимо скорректировать до второй трети V – конца V в. н. э. Для северных памятников этот период будет *раннехаринским этапом ломоватовской культуры*. Его хронологические границы такие же: вторая треть V – конец V в. н. э. (Перескоков, 2018, с. 104).

Центральные территории гляденовской культуры – мулянскую и черновскую – население покидает не ранее рубежа V–VI в. н. э. Это подтверждается хронологией Мокинского могильника и Черновского I городища, что дает нам основание материалы хронологической группы 4 с этих территорий относить также к позднему этапу гляденовской культуры, а его хронологические рамки обозначить началом III – рубежом V/VI в. н. э. (Перескоков, 2018, с. 104).

Таким образом, в течение описанных выше периодов произошла, хоть и под влиянием внешних факторов, постепенная эволюционная смена гляденовской культурно-исторической общности на близкородственные более локальные культурные образования: неволинскую и ломоватовскую куль-

туры, которые вместили в себя гляденовскую культурную основу, включились в общеевропейскую культурную традицию и к концу рассматриваемого периода стали обретать черты и признаки развитых средневековых культур, предков современных пермских народов.

Локальные варианты. Ю.А. Поляков по материалам доступным на середину 1970-х гг. выделил три локальных варианта и десять племенных территорий (Поляков, 2001). На современных материалах точка зрения Ю.А. Полякова подтверждается с некоторыми корректировками. Выделяется четыре локальных варианта гляденовской культуры, выделяющиеся по специфике керамического материала (Перескоков, 2013; Перескоков, 2018, с. 106–113).

Пермский локальный вариант включает: *Юговскую территорию*, расположенную в нижнем течении р. Юг, правого притока р. Камы; *Мулянскую территорию* – самую плотно населенную, располагающуюся в пойме р. Камы, в долинах рек Верхней и Нижней Мулянки, где располагается Гляденовское костяк, очевидно являвшееся межплеменным культовым центром, и *Чусовскую территорию*, включающую памятники, расположенные на обоих берегах р. Камы, на участке, примыкающем к устью р. Чусовой, а также памятники низовьев рек Чусовой и Сылвы.

Осинский локальный вариант включает: часть Тулвинской племенной территории (по Ю.А. Полякову), которую вероятно следует называть *Осинской*, включающей памятники низовьев р. Тулвы и ее притоков, и приустьевого побережья р. Камы; *Очерскую территорию*, включающую памятники долины р. Очер; *Черновскую территорию*, расположенную на р. Пальта, небольшом правом притоке р. Камы.

Туйско-Гаревский локальный вариант включает: *Туйскую территорию*, включающую памятники, расположенные в бассейне рек Большой и Малый Туй, небольших правых притоков р. Камы. *Гаревская территория* расположена в нижнем течении рек Гаревая и Полуденная. *Обвинская территория* расположена в бассейне р. Обвы.

Тулвинско-Частинский локальный вариант. К нему относятся: *Тулвинская территория*, включающая памятники низовьев р. Тулвы и ее притоков. *Частинская территория*, включающая бассейн р. Частой и памятники вдоль правого берега р. Камы. *Еловская территория*, включающая памятники левого берега р. Камы и ее притоков в окрестностях с. Елово. Вопрос включения памятников Тулвинско-Частинского варианта в ареал гляденовской культуры остается дискуссионным и не разделяется некоторыми авторитетными учеными (Голдина, 2004, с. 239–247). Несмотря

на своеобразии материалов данной территории, проявляющееся в основном в керамическом материале, относить его к пьяноборской КИО недостаточно оснований (Перескоков, 2013, с. 62–63; Перескоков, 2018, с. 109–113). Так же не представляется верным включать их в осинский локальный вариант (Поляков, 2001, с. 10–19). Эта территория является своеобразной буферной зоной между гляденовской и пьяноборской КИО, где происходит их взаимовлияние.

Историко-археологическая интерпретация. Поздний этап гляденовской культуры характеризуется серьезными изменениями в социальной структуре населения. После появления хорошо вооруженных инокультурных воинских групп, которые принесли с собой курганный погребальный обряд и новейшие предметы вооружения (ранние воинские погребения Мокино, горизонт Тураево-Кудаш) и заняли главенствующее положение в обществе, происходит постепенный переход от слабо стратифицированной, ориентированной на религию структуры, к военному вожеству. Прибывшие воины, судя по всему, контролировали торговые пути по р. Каме и занимались торговлей мехами, которая активно развивалась в Европе в V–VI в. н. э., что приносило им значительную прибыль и возможность приобретать предметы роскоши, такие как харинская полихромная ременная гарнитура. Пришельцы не были многочисленными и не внесли изменений в этнический состав мест-

ного населения. Оказав временное влияние на погребальную обрядность, они постепенно растворились в местном населении, а курганный обряд стал знаком высокого статуса и существовал до VII в., пока также не растворился в местной традиции. Точка зрения о притоке в Прикамье зауральского населения, оставившего курганные могильники харинского типа, не находит подтверждения на современном материале.

Позднегляденовское население активно расселяется, сначала вследствие демографического скачка в I в. н. э. В связи с ухудшением и увлажнением климата в IV–V в. в основном ареале культуры в широкой пойме р. Камы начинается борьба за ресурсы – пойменные луга, необходимые для выпаса скота, что в итоге приводит к покиданию сначала территории Тулвинско-Частинского и Осинского варианта, а потом и большей части территории Пермского варианта, включая самую плотно населенную Мулянскую территорию. К IV–V в. н. э. позднегляденовское проникает в Сылвенско-Иренское поречье, где на ее основе формируется неволинская культура, и на Верхнюю Каму, где становится основой для формирования ломоватовской культуры, а также на Печору и Вычегду, где участвует в формировании ванвиздинской культуры. Часть гляденовского населения осинского варианта проникает в бассейн р. Чепцы, где участвует в формировании полумской культуры.

ГЛАВА 3 ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Общая характеристика культурных процессов в Среднем и Нижнем Прикамье (2-я пол. I–V в.)

В настоящее время вряд ли кто-либо из археологов сомневается в том, что известное археологическое образование – ананьинская культурно-историческая область (АКИО) (VIII–III в. до н. э.) имеет непосредственное отношение к далеким предкам пермских народов: удмуртам, коми-пермякам, коми-зырянам (Кузьминых, 2000; Голдина, 1999).

На рубеже III–II в. до н. э. АКИО разделилась на две общности: северную – гляденовскую (Пермское и Верхнее Прикамье, Республика Коми) и южную – пьяноборскую. Это деление свидетельствовало о распаде общепермской основы на две части: коми и удмуртов (Голдина, 1999, с. 206–277; Голдина, Савельева, 2010). Пьяноборская общность включала в себя тарасовскую (бывш. чегандинскую, пьяноборскую) культуру (Удмуртское Прикамье, прилегающую к нему часть Республики Татарстан, низовья р. Белой и Икско-Бельское междуречье), кара-абызскую (среднее течение р. Белой) и худяковскую (бассейн р. Вятки и прилегающее Поволжье). Красноярский (осинский, по В.Ф. Генингу) вариант (культура) (на р. Барде, левом притоке р. Камы) представляет собой переходное образование между пьяноборским и гляденовским.

У некоторых археологов до сих пор нет четкого понимания изменившейся ситуации в источниковой базе культур Прикамья рубежа эр и I-й пол. I тыс. н. э. Они продолжают использовать термин «пьяноборская» в значении «культура». Но ведь уже в 60-х гг. XX в. В.Ф. Генинг заменил его названием «чегандинская», оставив за термином «пьяноборская» дефиницию более высокого уровня – эпоха, общность. Ссылки некоторых исследователей на монографию Б.Б. Агеева (1992), где он эту общность вновь называет пьяноборской культурой, свидетельствует о стремлении его последователей к традиционному консерватизму и о недостаточной критичности в оценке труда Б.Б. Агеева. Внимательный анализ произведения Б.Б. Агеева показывает довольно низкий методический уровень этой работы.

После опубликования В.Ф. Генингом обобщающей работы по чегандинской культуре прошло около 50 лет. За это время корпус источников уве-

личился в несколько раз, исследован уникальный Тарасовский могильник I–V в. (1 880 погребений) (Голдина, 2003; 2004), и стало очевидным, что могильник Чеганда II не соответствует роли опорного памятника этой культуры в ее новом понимании. Раскопанный в 1980–1990-е гг. Тарасовский могильник убедительно демонстрирует развитие единой материальной и духовной культуры прикамского населения от I до V в. н. э. Поскольку материал такого объема, как в Тарасово, скорее всего, будет получен не ранее, чем через 50 лет, сейчас более целесообразно называть этот вариант пьяноборской общности не чегандинским, а тарасовским.

По последним данным, в развитии тарасовской (чегандинской) культуры можно выделить 3 этапа: ранний (икский) (II–I в. до н. э.), средний, ныргындинский (I–II в. н. э.) и поздний, мазунинский (III–V в. н. э.) (Голдина, 1999, с. 225–226).

Многочисленные материалы Тарасовского могильника были проанализированы типологически, с помощью корреляции различных типов вещей и аналогий. В результате были выделены хронологические группы отдельно для мужских и женских могил ранней – ныргындинской стадии (I–II в.) и поздней – мазунинской (III–V в.). В корреляцию ранней стадии были включены 37 мужских и 102 женских погребения. Среди них обозначились хронологические группы I в., II в. и I–II в. (Голдина, Бернц, 2016).

Захоронения мужчин III–V в. (88 вошедших в корреляционную таблицу комплексов) были разделены на 12 хронологических групп. Среди них вещи 1-й пол. III в.; 2-й пол. III в.; III в.; 1-й пол. IV в.; 2-й пол. III–IV в.; 3-й четв. IV в.; 4-й четв. IV в.; V в.; 2-й пол. IV в.; 2-й пол. III–V в.; 2-й пол. IV–V в.; IV–V в. (Голдина, Бернц, 2016а; 2017).

Женские захоронения III–V в. (160 комплексов) разделены на следующие группы: 1-й пол. III в.; 2-й пол. III в.; III в.; 2-й пол. III–IV в.; IV в.; 1-й пол. V в. и 2-й пол. V в. (Голдина, Бернц, 2017а). Это первый опыт деления столь большого массива могил Среднего Прикамья и их следует рассматривать как предварительные ориентиры для дальнейших наблюдений и уточнений.

За время существования пьяноборской общности границы составляющих ее культур существенно менялись. Например, на рубеже II–III в. н. э., вследствие, прежде всего, увеличения численности населения были заселены более северные районы Прикамья: правый берег р. Камы, район современных Гольян (Чепаниха), бассейн р. Сивы (Нива), левобережье Камы – по р. Сайгатке (Сайгатка), бассейн р. Ижа (Ижевск, Покровка), Нижнее Прикамье (Тураево) и среднее течение р. Тоймы (городище Старая Игра). Опустели бассейны рек Ик и Сюнь, более плотно были освоены низовья правобережья р. Белой и среднее течение р. Быстрогорья Таныпа. Появление памятников в последнем случае – следствие, скорее всего, миграций в Среднее Прикамье в конце IV в. готто-славян, оставивших Тураевские, Кудашевские курганы и другие объекты.

Памятники Среднего Прикамья III–V в. некоторые ученые рассматривают как самостоятельную мазунинскую культуру (В.Ф. Генинг, Т.И. Останина и др.). Р.Д. Голдиной они оцениваются как заключительный этап тарасовской (бывш. чегандинской) культуры. До обобщения материалов Тарасовского могильника древности населения мазунинского этапа чегандинской культуры пьяноборской историко-культурной общности Среднего Прикамья представлялись как нечто цельное, монолитное, неизменное на протяжении трех столетий. Сейчас в них явно проявились особенности, характерные для определенных коротких временных отрезков. Особенно их специфика заметна для 2-й пол. III в. и 2-й пол. IV в.

Мазунинская группировка, располагаясь в благоприятных физико-географических условиях, была довольно многочисленной. Сейчас известно более 400 памятников мазунинского типа (Останина, 1997, с. 201–206). Изучено около 20 финно-пермских могильников III–V в., на которых раскопано более 1 500 захоронений (там же, с. 208), а также 870 могил на Тарасовском могильнике (Голдина и др., 2015, илл. 190, 191). Они имеют характерные особенности: бескурганность, располагаются на высоких местах, по берегам рек; умершие уложены вытянуто на спине в узких прямоугольных неглубоких ямах, которые размещены группами или рядами. Иногда в могилах обнаружены остатки дощатых деревянных конструкций. Погребальный инвентарь – бусы, височные подвески, гривны, браслеты, фибулы, орудия труда, поясная гарнитура. Большинство вещей расположено так, как использовалось при жизни. Однако есть особые признаки: в 1/5 части женских могил встречались подарочные наборы (ранее, по В.Ф. Генингу, они назывались «жертвенные комплексы»); пояса, обнаруженные почти в половине могил, в

2/3 случаев были уложены вдоль тела. По данным Т.И. Останиной, погребения с оружием составляют лишь малую толику из исследованных (78 могил из 1 529, 5,8%). При этом набор оружия весьма скуден – наконечники стрел, преимущественно костяные (219 экз.), редко (42 экз.) – железные, колчаные крючки, ножи, изредка – наконечники копий (52 экз., на правом берегу р. Камы – 3 экз.) и мечи (21 погребение из 1 529; Останина, 1997, с. 73). Некоторые из могильников бедны. Например, на Нивском могильнике большинство погребений (53,5%) не имело вообще инвентаря или только одну из категорий (украшение, нож, остатки пояса). Лишь в IV–V в. появилось несколько захоронений с мечами и уздечкой (2 случая), шлемом (1 случай), топором (2 случая) (там же, с. 127–128). О.В. Арматынская, анализирующая эволюцию погребального инвентаря в Среднем Прикамье от V–IV в. до н. э. до середины I тыс. н. э., также отмечает уменьшение почти в два раза количества оружия в захоронениях раннепьяноборского времени (Арматынская, 1991, с. 98). В целом мужское общество финно-пермян представлялось, скорее, как собрание не столько воинов, сколько охотников.

Великое переселение народов (ВПН) в Волго-Камье рассматривалось ранее как единовременный процесс, который оказал существенное влияние на ситуацию в крае, но довольно быстро его последствия были сnivelированы поступательным развитием местного общества. Сейчас это явление представляется нам как сложное, разновременное, многоступенчатое, разноплановое по истокам, характеру и результативности.

В Волго-Камье эпоха ВПН началась с возникновения на рубеже I–II в. н. э. феномена, представленного довольно большим числом курганов андреевско-писеральского круга в Сурско-Свияжском междуречье с многочисленными предметами вооружения. Памятники столь нетипичны, что разгадать их загадку до сих пор не удается (история изучения памятников и проблематики – Гришаков, Зубов, 2009). В сложении материальной культуры этих объектов различные исследователи видят несколько компонентов: городецкий (П.Д. Степанов, Г.А. Архипов, Г.И. Матвеева, В.В. Гришаков, К.А. Смирнов, В.И. Вихляев); сарматский (те же и А.Х. Халиков, Ю.А. Зеленева); пьяноборский (те же, кроме Г.А. Архипова и К.А. Смирнова). В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым выдвинута интересная гипотеза о связи этих памятников с саргатской культурой Зауралья (там же, с. 86–88). Однако представляется перспективной и идея Г.И. Матвеевой, к сожалению, не до конца ею обоснованная, о пшеворско-зарубинецких истоках этого этнического массива.

Ее успешно развил В.В. Ставицкий, который считает андреевско-писеральское вторжение началом эпохи ВПН в Поволжье (Ставицкий, 2013а). На фоне последующей за ними культуры типа Сандмиркино-Таутово 2-й пол. II в. – 1-й пол. III в., близкой к объектам селиксенского типа на реках Верхней Суре и Мокше (Мясников, 2016), на этой территории пока нет древностей, указывающих на существование многочисленного населения с развитой потестарной структурой и мощной военизированной верхушкой.

Г.И. Матвеева первой обратила внимание на сходство волго-камских (именьковских) древностей с материалами пшеворской и зарубинецкой культур (2000). Ею совместно с В.В. Седовым обозначены три волны миграций в Поволжье из области расселения готто-славян. Первая волна (II–III в. н. э.) связана ими с первой вельбаркской (готской) миграцией. Вторая (III–IV в.) – привела к появлению в Поволжье памятников лбищенского типа, имеющих следы смешения черняховско-пшеворских древностей. Третья волна мигрантов-черняховцев послужила основой для именковской культуры (конец IV–VII в.). В результате полевых исследований последних десятилетий, выполненных различными научными центрами, получены новые материалы для изучения взаимоотношений приуральского и славяно-германского миров.

Вопрос о контактах финнов Волго-Камья с германо-славянами на рубеже II–III в. поднимался в конце XX в. И.А. Бажаном и И.О. Васкулом в связи с импортом железных наконечников ремней в лесную зону Восточной Европы из районов пшеворской, западнобалтской и вельбаркской культур (1988, с. 76–89). По материалам Тарасово такие наконечники бытовали в Прикамье несколько позже – в IV–V в. Но идея И.А. Бажана и И.О. Васкула о связях Урало-Поволжья и западного мира, начиная со 2-й пол. II в. подтверждается сейчас находками пряжек с граненым сечением и расширением на язычке, найденным в ранней части Тарасово (Голдина, Бернц, 2016а, рис. 14: 48). Такие пряжки из бронзы известны в других могильниках Среднего Прикамья: Чеганде II, Афонино, Ниве и Ныргынде I, а также в Кошибеевском некрополе. Пряжки с расширенными язычками О.В. Шаровым трактовались как германские и были распространены, по его мнению, в Скандинавии и на Балтийском побережье в 150–200 гг. н. э. Они хорошо известны и на Боспоре, А.А. Васильев считает их германскими, а О.В. Шаров видел в них свидетельство первой волны в Причерноморье прибалтийско-скандинавского происхождения, датируемой 150/160–200/210 гг. н. э. (Шаров, 2010, с. 274).

В III–IV в. мощная местная линия представлена многочисленными височными подвесками, множеством типов круглых бляшек, среди которых особенно выразительны крупные выпуклые экземпляры (Голдина, Бернц, Сабиров, Сабирова, 2022, рис. 6: 6), пронизки местных форм (рис. 1: 15, 16), круглые бляшки, огромное количество поясных накладок различных геометрических вариантов, обильно украшенных насечками, надпилами, фасетками (рис. 1: 1–13, 21, 1-я пол. III в.), (рис. 2: 1–37, 2-я пол. III–IV в.), мелкими трехсоставными пряжками (рис. 1: 14, 15) и др. вещами. В конце II – 1-й пол. III в. появились явно привозные шестигранная с эмалевыми вставками шарнирная фибула-брошь из Тарасово (рис. 1: 20), фибула-брошь с выступом-шишечкой и орнаментом в форме креста из синей эмали (Голдина, Бернц, Сабиров, Сабирова, 2022, рис. 6: 3), а также лучковые подвязные одночленные фибулы (там же, рис. 6: 4).

Во 2-й пол. III в. (группа 2 Тарасово; Голдина, Бернц, 2016а, рис. 1, 3, 4) число импортных вещей значительно увеличилось (подробнее об импортных изделиях и их аналогиях см. Голдина, 2017). Из 11 могил Тарасово 2-й пол. III в., вошедших в корреляцию, в четырех присутствуют мечи. В этих же погребениях найдены 2 шлема (рис. 1: 41, 43; подробнее см. Голдина, 2017, с. 306). А.П. Зыков считает, что из Прикамья сейчас происходит одна из крупнейших не только в России, но и в мире коллекций боевых оголовий эпохи ВПН (19 экз.) (Зыков, Ковригин, 2008, с. 71). В Тарасово их найдено пять. С юго-запада «пришли» фрагменты узды, имеющей явно западные аналогии (рис. 1: 44), рифленые и псевдорифленые пряжки (рис. 1: 22–24, 31) и, возможно, лучковые подвязные фибулы с раскованной ножкой (Голдина, Бернц, Сабиров, Сабирова, 2022, рис. 6: 18). Юго-западное происхождение имеет оригинальный гарнитур с пряжкой прямоугольной формы, характерной техникой изготовления и накладками (рис. 1: 26, 29, 33; подробнее см. Голдина, 2017, с. 303). Намечается и путь проникновения в Прикамье таких изделий – через Верхнее Посурье и Примокшанье, где обнаружена серия аналогичных предметов. И.Р. Ахмедов отмечает для рязано-окских могильников 2-й пол. III в. увеличение количества воинских погребений и появление черняховских импортов, а также изделий западно-прибалтийского происхождения (2007, с. 150). Вероятно, контакты готто-славян и финнов Поволжья, начавшись во 2-й пол. II в., усилились в середине и 2-й пол. III в.

Д.А. Сташенкову удалось доказать одно из ранних достоверных внедрений славян в Волго-Камье – появление здесь на левобережье Вол-

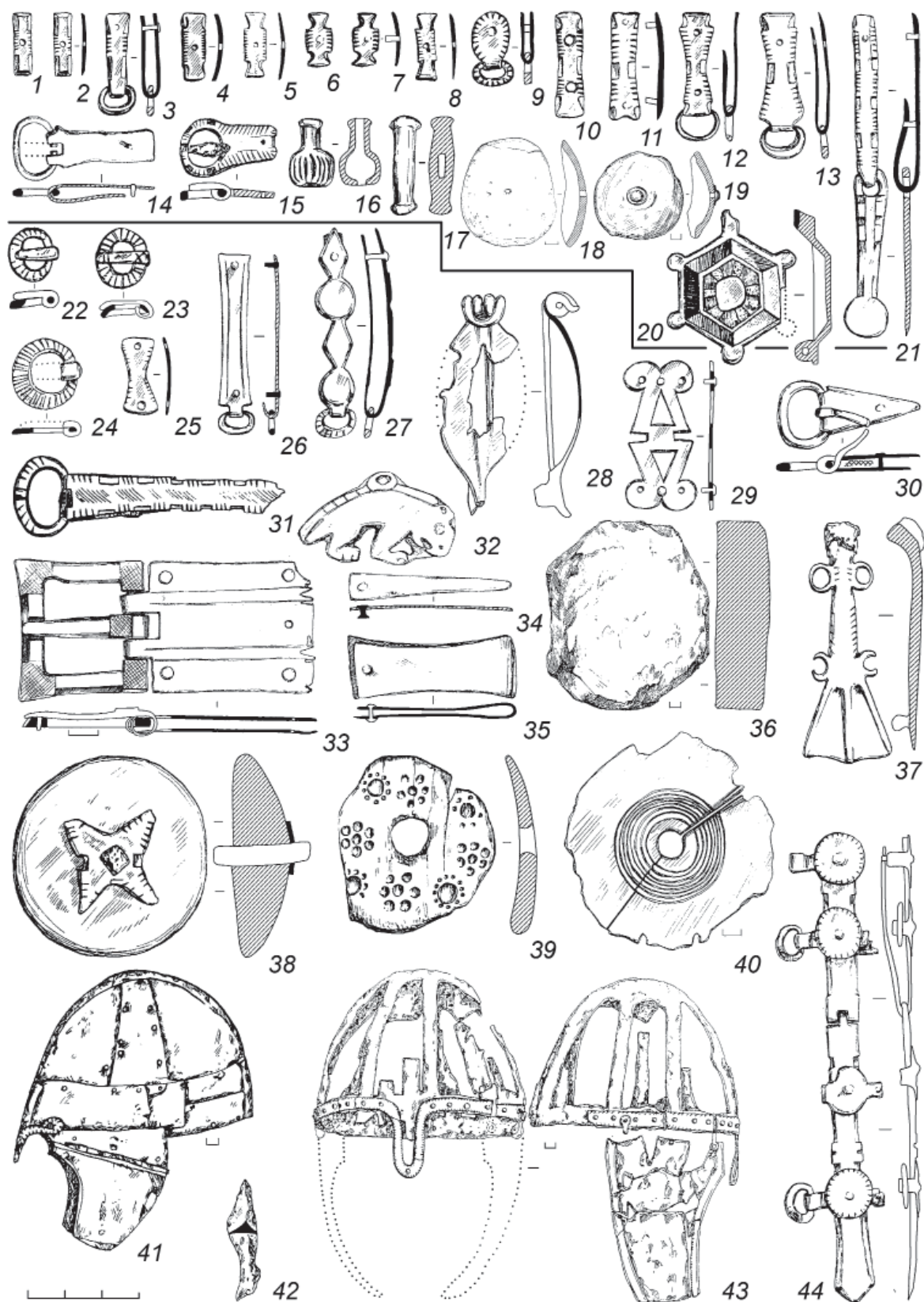

Рис. 1. Тарасовский могильник. 1–21 – предметы мужских захоронений группы 1 (1 половина III в. н. э.).

1–13 – ременные накладки; 14, 15 – пряжки; 16, 17 – пронизки; 18, 19 – накладки-раковины; 20 – фибула; 21 – наконечник пояса (ременная подвеска). 22–44 – предметы мужских захоронений группы 2 (2 половина III в. н. э.). 22–24, 30, 31, 33 – пряжки; 25, 26, 29 – поясные накладки; 27, 44 – уздечные накладки; 28 – фибула; 32 – подвеска; 34, 35 – наконечники ремней; 36 – крица; 37 – крючок; 38 – диск; 39 – накладка-раковина; 40 – сюльгама; 41, 43 – шлемы; 42 – наконечник стрелы. 1–14, 16, 17, 21–29, 31–35, 40, 44 – бронза; 15 – бронза, железо; 18, 39 – раковина; 19 – раковина, бронза; 20 – бронза, эмаль; 30 – бронза, кожа; 36 – железо; 37, 41, 43 – бронза, железо; 38 – халцедон, бронза

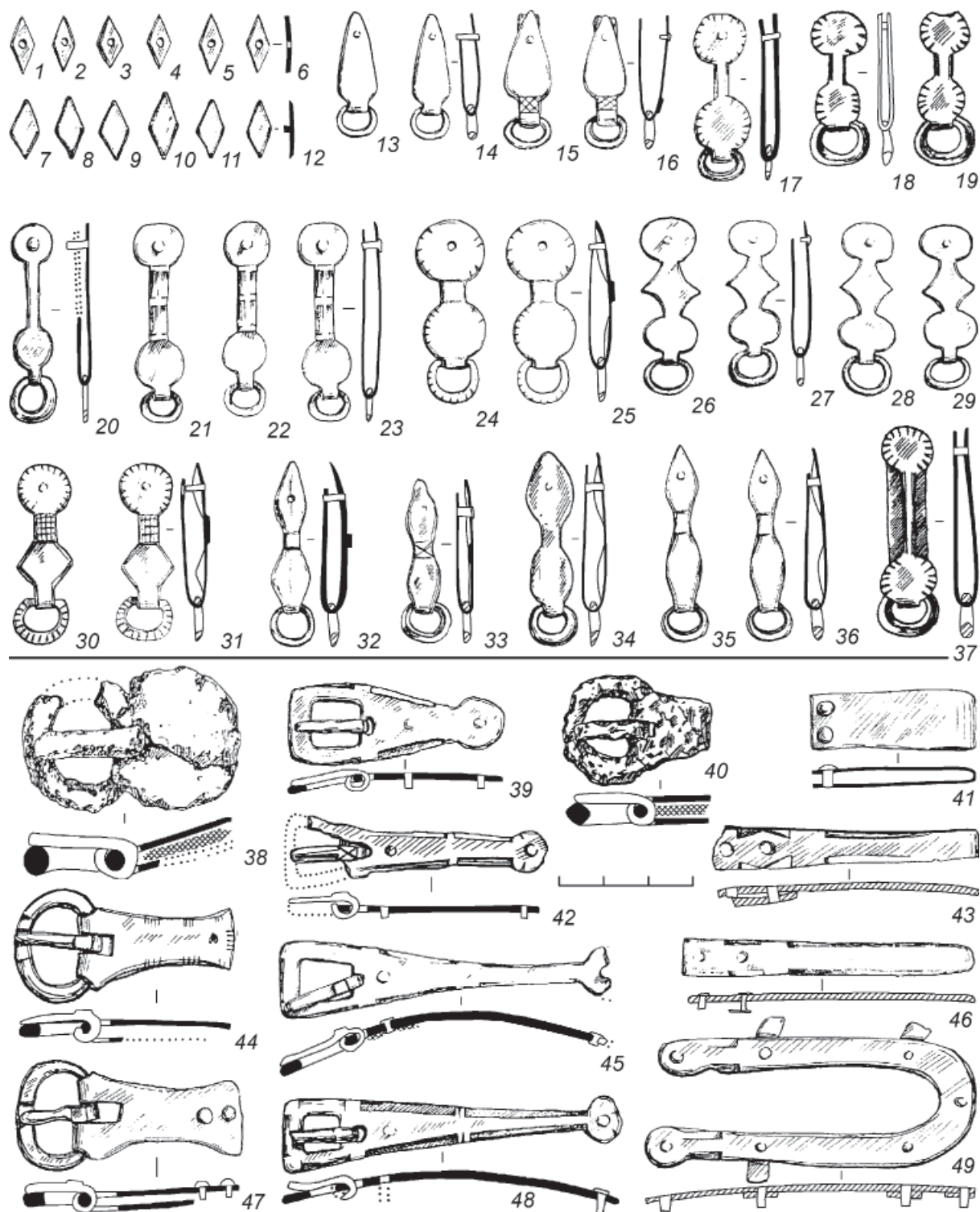

Рис. 2. Тарасовский могильник. 1–37 – предметы мужских захоронений группы 5 (2 половина III–IV вв. н. э.). 1–37 – поясные накладки. 38–49 – предметы мужских захоронений группы 4 (1 половина IV в.). 38–40, 42, 44, 45, 47, 48 – пряжки; 41, 43, 46, 49 – наконечники ремней. 1–36, 39, 41–49 – бронза; 37 – бронза, кожа; 38, 40 – железо, кожа

го-Камского междуречья (бассейн р. Большой Черемшан) памятников культурного типа Сиделькино-Тимяшево, который он интерпретирует как северо-восточный средневожский вариант раннеславянской киевской культуры (Сташенков, 2005; Сташенков, Вязов, 2022а). Он обратил

внимание на особенности поселений, глиняной посуды, погребального обряда и значительное количество на этих памятниках изделий оригинального эмалевого стиля (Черемшанское селище) (рис. 3: 17–22). Подобные предметы были распространены преимущественно в Подне-

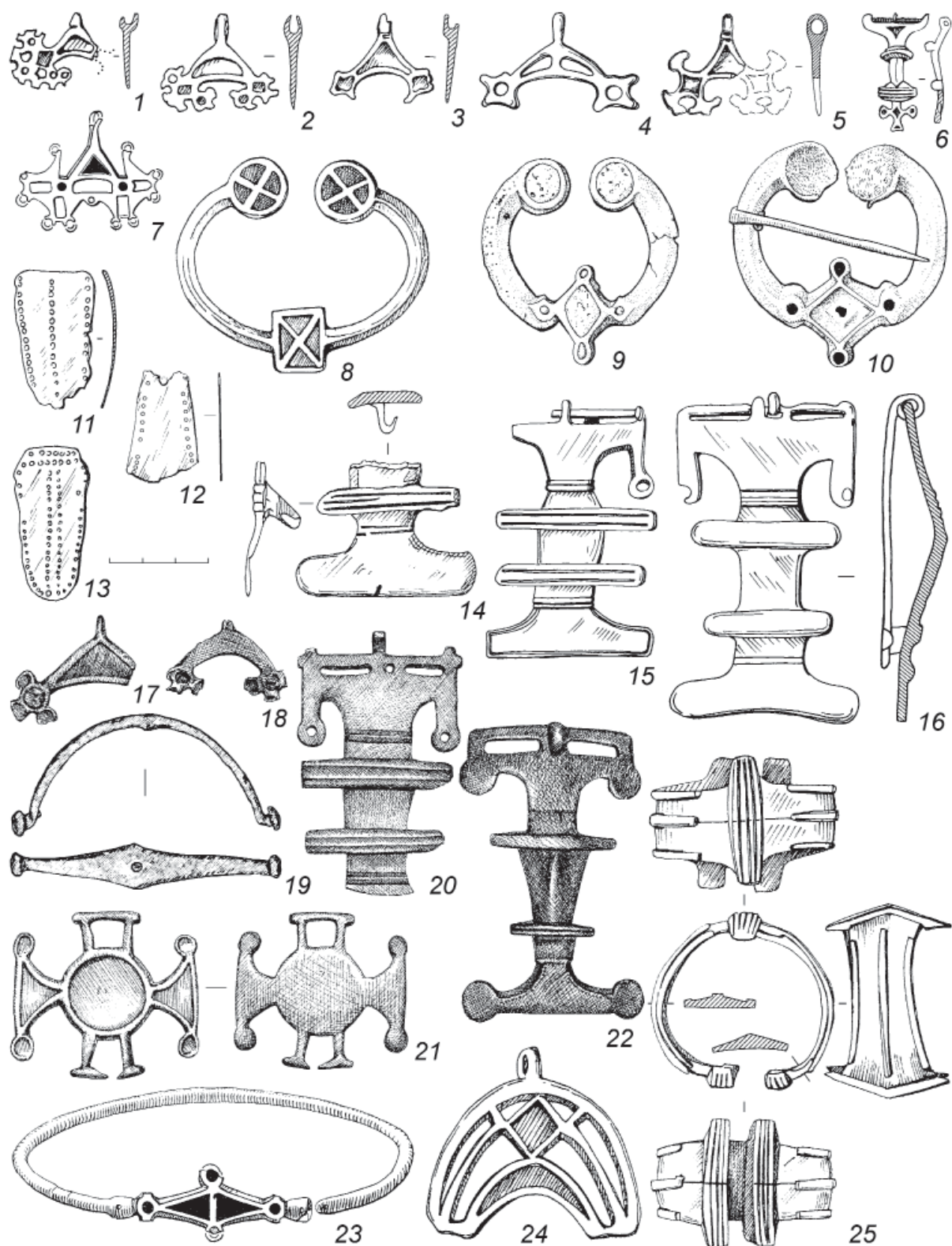

Рис. 3. Предметы эмаливого стиля западного происхождения в Среднем Поволжье и Прикамье.

1 – Девичий городок; 2, 3 – Нармонка; 4 – Танкеевка; 5, 12 – Тураево (бескурганная часть); 6 – Масловка; 7 – Ножа-Вар; 8 – Дубровка; 9 – Муром; 10 – Кузьмино; 11, 13 – Ангасяк; 14 – Девичий городок; 15 – Рождествено; 16 – Покровка; 17–22 – Черемшанское селище; 23 – Кошибеево; 24 – Тихий Уголок; 25 – Усть-Брыска

провье, Центральной России, Прибалтике и сопредельных областях. В.Е. Родинкова и ее предшественники (Г.Ф. Корзухина, Е.Л. Гороховский, А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский и др.) начало

формирования «эмалевого» стиля украшений относят ко 2-й пол. II – началу III в. Этот стиль, по их мнению, возник у населения позднезарубинецкой и киевской культур. К концу III в. эти предметы

выходят из употребления, хотя отдельные вещи могут датироваться и гуннским временем (Родина, 2007, с. 370–371). По мнению Д.Г. Бугрова, специально занимавшегося этими изделиями, их прикамские варианты следует датировать III–IV в. (Бугров, 1994, с. 33–39).

Д.А. Сташенков памятники средневожского варианта киевской культуры отнес к III–IV в., но большая часть аналогий изделиям эмалевого стиля и сопутствующим вещам указывает на середину и 2-ю пол. III в. – бесспорное время присутствия в Волго-Камье славянского населения. Пряжки и наконечники ремней 1-й пол. IV в. Тарасово также несут следы явного воздействия южного мира (рис. 2: 38–49), хотя производились они, скорее всего, в местных мастерских.

Следы перемещения раннеславянского киевского населения отразились и в материалах мощинской культуры, откуда происходит большая серия вещей эмалевого стиля, датированная А.М. Воронцовым 2-й пол. III в. (Воронцов, 2010, с. 69–73). Однако следует иметь в виду, что отдельные находки такого рода в качестве анахронизмов в Прикамье встречались и позднее (бескурганная часть Тураево, Рождествено V, Покровский могильник).

Для изучения процессов взаимодействия народов в эпоху Великого переселения народов особое значение имеет длинное колюще-рубящее оружие. Со времени своего появления оно олицетворяло силу, мужество, лидерство, высшую власть, индивидуальность и исключительность его владельца. Находки этих престижных изделий одними из первых свидетельствуют о полиэтничных контактах. В результате металлографических исследований мечей Тарасовского могильника I–V в.¹ и определения хронологических групп вещевых комплексов этого памятника (Голдина, Бернц, 2016; 2016а; 2017; 2017а) выяснилась следующая картина. На Тарасово собрано 28 клинков (1 взять не удалось) (26 из 25 могил и 2 из случайных сборов). К I–II в. относятся 3 палаши с клиновидным сечением и 3 меча с ромбическим или линзовидным сечением, к III–V в. – 21 меч (рис. 4: 5). Резкое увеличение количества клинков в III–V в. без сомнения свидетельствует об усложнении в это время обстановки в Волго-Камье.

Палаши Тарасово I–II в. (рис. 4: 1–3), выполненные по сравнительно высоким технологиям, имеют близкие аналогии в Кипчаково I, Ныргын-де II, Чеганде II, Афонино, Андреевка, Кошибе-

ево, Сергаче, Писералах, Пильнино I, Климкино (Голдина, 2017, с. 300). По мнению А.П. Зыкова, палаши представляют собой древнейшие клинки такого типа, появившиеся задолго до прихода гуннов (Зыков, 2011, рис. 61).

Мечи по характеру клинка и его ширине делятся на два типа. Тип 1. Мечи с шириной клинков 1,8–4,0 см (11 экз.). Общая длина их 53,1–109,7 см, длина клинков 49,8–92,6 см. У пяти мечей были длинные черены: 14,4–19,1 см, вероятно, мечи были двуручными. Мечи с длинными узкими клинками – типичное позднесарматское оружие I–IV в., использовавшееся от Алтая и Средней Азии до Восточной Европы (Хазанов, 1971, с. 17; Скрипкин, 1990, с. 132, 168; Безуглов, 2000, с. 180–181).

Согласно хронологии тарасовских древностей, мечи 1-го типа известны в I в. н. э. (погр. 608, 1125; рис. 4: 4, 5), во II в. (погр. 1307; рис. 4: 6), в 1-й пол. (погр. 131А; рис. 7: 7) и 2-й пол. III в. (погр. 4, 6, 782; рис. 4: 9–11), в 1-й пол. IV в. (погр. 199; рис. 5: 1), в 3-й (погр. 60, 765А, Б; рис. 5: 3–5) и в последней четв. IV в. (погр. 1784; рис. 5: 9).

Тип 2. Мечи с шириной клинков 4,1–5,7 см (13 экз.). Общая длина их 64,7–96,4 см, длина клинков 56–81 см. У трех мечей длина черена 13,3–24,7 см. А.П. Зыков считает, что широколезвийные мечи появились впервые в Европе у кельтов латенской культуры во 2-й пол. I тыс. до н. э. От кельтов их восприняли германцы. В результате миграции носителей вельбаркской и пшеворской культур во II–III в. они стали известны от Южной Прибалтики до Северного Причерноморья.

В соответствии с хронологией могильника Тарасово, мечи типа 2 в Среднем Прикамье появились в 1-й пол. III в. (погр. 446; рис. 4: 8), известны в его 2-й пол. (погр. 6, 790; рис. 4: 11, 12), в 1-й пол. IV в. (погр. 1737; рис. 5: 2). В 3-й четв. IV в. из шести мечей три относились к типу 2 (погр. 129, 1685, 1779; рис. 5: 6–8), а в последней четв. IV в. и V в. они абсолютно преобладали (погр. 235, 474, 1703, 1772; рис. 5: 10–13). По наблюдениям И.Р. Ахмедова, у рязанских финнов (тип мечей 2Б) они появляются во 2-й пол. III в. и связаны с западным черняховским культурным импульсом (Ахмедов, 2014, с. 276).

С.И. Безуглов считал, что прикамские варианты мечей не могли быть импортированы с юга, они были скопированы местными мастерами с южных образцов (Безуглов, 2000, с. 181). Металлографические анализы мечей Тарасово показали необычный для Прикамья технологический «винегрет» из высококачественных сталей, который свидетельствует об импортном происхождении большинства клинкового оружия. В I–IV в. здесь были распространены длинные узкие двухлезвий-

¹ Автор благодарит металлургов древностей Волго-Уралья, принявших участие в изучении мечей ВПН, – Л.С. Розанову, Н.Н. Терехову, В.И. Завьялова, Ю.А. Семькина, А.П. Зыкова, С.Е. Перевошикова, С.Р. Волкова, В.В. Кондрашина, З.Ш. Нагиева.

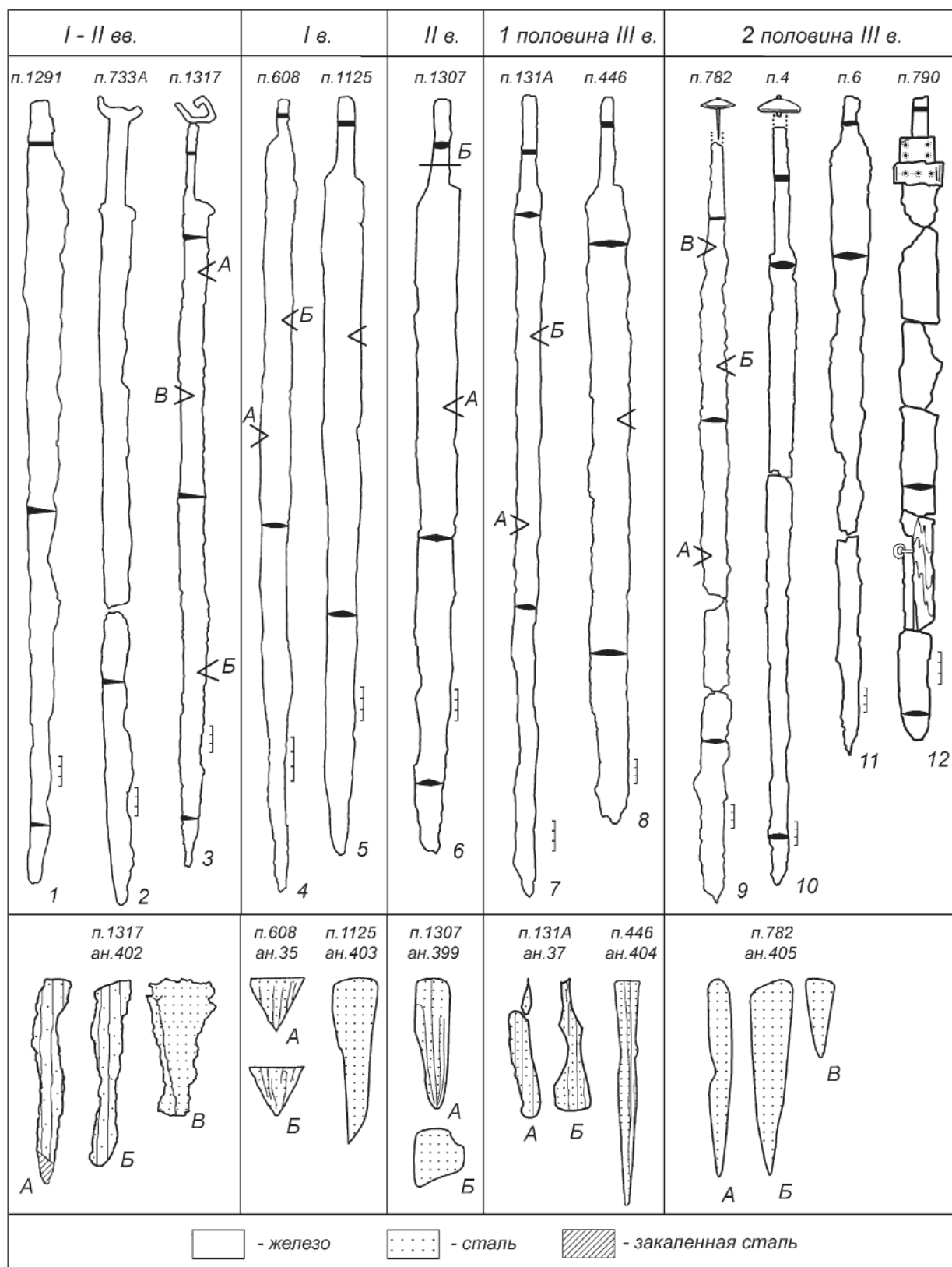

Рис. 4. Тарасовский могильник. Железные палаши и мечи I–III вв.

ные мечи с шириной клинка до 4 см (тип 1; рис. 4: 4–7, 9, 10; 5: 1, 3–5 и др.), изготовленные по разнообразным технологиям: из кричного железа с последующей цементацией; из пакетированного железа; из стальной равномерно науглероженной

заготовки; из трехслойной пакетированной заготовки с высоким качеством сварки и др. Широкие (более 4 см, тип 2; рис. 4: 8, 11, 12; 5: 2, 6–15) мечи появились в Прикамье в 1-й пол. III в., существовали до конца V в. и позже. Они были выполнены

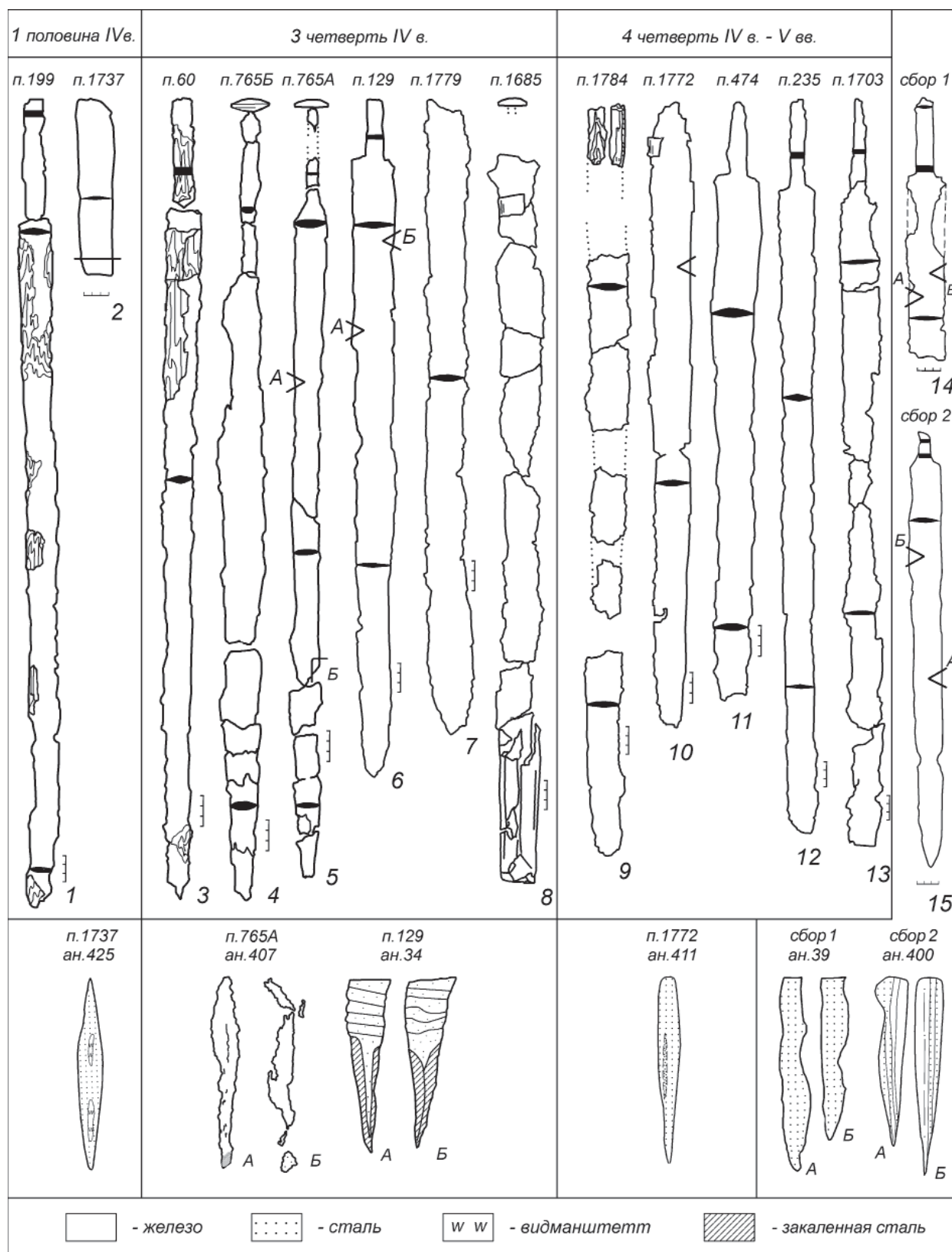

Рис. 5. Тарасовский могильник. Железные мечи IV–V вв.

из трехслойной стальной заготовки; заэвтектонидной тигельной или дамасской сталей. Особый интерес представляют клинки из заэвтектонидной стали, полученной в тиглях, которые обнаружены в могилах Тарасово 2-й пол. III в. (погр. 782,

рис. 4: 9), 1-й пол. IV в. (погр. 1737, рис. 5: 2), последней четв. IV в. (погр. 1772, рис. 5: 10) и из сборов (рис. 5: 14, анализ 39). Среди них есть как узкий клинок (3,2 см) с халцедоновым навершием (погр. 782), так и более массивные, шириной

4–5 см (погр. 1737, 1772). Меч из тигельной стали обнаружен и в воинской могиле 160 Кудашевско-го I могильника (Казанцева, Нагиев, 2017, с. 85). Прикамские мечи из тигельных сталей близки серии подобных находок у сармат Южного Предуралья: Покровка 10, группа Лебедевка VI и курган 3 могильника Красный Яр.

Прикамские мечи из тигельной стали объединяют с южноуральскими сарматскими также детали их оформления – халцедоновые навершия и крупные створки ископаемых раковин – фиксаторы мечей на портупее (по С.И. Безуглову, 2000, с. 178). Последние позволяют уточнить место производства мечей из тигельной стали. Дело в том, что в Среднем Прикамье кроме редких находок клинков со створками ископаемых раковин III в. известно большое собрание створок раковин, украшающих пояса мазунинского типа (рис. 1: 39).

В.С. Ясаков, изучавший эти предметы на широком территориальном и хронологическом фоне, выдвинул убедительное предположение об их принадлежности моллюскам вида *Turbinella pyrum* (TP) семейства Xancidae (Turbinellidae), класса Gastropoda (Ясаков, 2018; Голдина, Ясаков, 2020²). Совпадают не только форма и размеры предметов из Индии и Прикамья, но и их использование в качестве накладок на пояса и орнамент (розетка). Места обитания этих моллюсков ограничены несколькими ареалами, расположенными в прибрежных водах Индийского океана, омыва-

ющих полуостровов Индостан. В Индии, начиная с III тыс. до н. э. и до современности была налажена добыча и обработка этих раковин для изготовления различных украшений, бытовых и религиозных аксессуаров. В.С. Ясаковым определены этапы изготовления предметов из раковин, время и способы их использования, пути проникновения в различные регионы Евразии. В Прикамье сейчас известно более 170 створок раковин, приспособленных в качестве накладок для украшения местных поясов, происходящих из 20 могильников, расположенных преимущественно на правобережье р. Камы (Тарасово – 71 экз., Ижевск – 30 экз., Покровка – 9 экз., Чепаниха – 2 экз., Афонино – 2 экз., Мазунино – 9 экз., Ныргында I – 1 экз., Заборье – 10 экз., Боярка – 3 экз., Бирск – 36 экз.; Голдина, Ясаков, 2020, рис. 4). В Тарасово они найдены у 50 захороненных, как мужчин, так и женщин, главным образом, III в. Поскольку эти изделия были довольно редкими, их берегли и использовали и в IV в. и позже – до 2-й пол. VI в. (Старая Майна II (1 экз.) и Коминтерн II (5 экз.)) (Казаков, 1998, рис. 9: 17; 11: 5, 10, 11). Скорее всего, одним из центров производства мечей из тигельной стали с халцедоновыми навершиями и портупеями с фиксаторами из створок раковин была Индия, откуда эта деталь воинской экипировки во II–III в. через сармат распространилась по степям Евразии, достигая Южного Предуралья (Лебедевка VI, Красный Яр, Покровка 10), Прикубанья (Цемдолина, Золотое кладбище) и Придонья (Кобяковский, Первомайский VII, Камышевский). Для собственно сармат подобные изделия были не характерны (Розанова, Терехова, 2000, с. 137).

Изделия же, использованные прикамскими мастерами для украшения поясов мазунинского типа, появились здесь из Индии вследствие многоступенчатых торговых операций по Великому шелковому пути (скорее всего, его северной трассе), по рекам Уралу, Белой в Среднее Прикамье. Возможны как разовые, так и многократные поступления на протяжении III в. В Среднем Прикамье местные мастера применяли этот необычный материал не только для украшения поясов, но и для изготовления бус, подвесок и разделителей в ожерельях.

Жаль, что И.О. Гавритухин и А.А. Красноперов не обратили внимание на нашу совместную с В.А. Бернц работу о хронологии мужских захоронений Тарасовского могильника. Они утверждают, что халцедоновые диски в Камском регионе не образуют хронологически компактной группы (раздел о Тураевских курганах в главе 3 наст. издания). Действительно, они не образуют одну хронологическую группу, но судя по материалам

² К сожалению, в подпись под рис. 3 этой статьи вклялись досадные ошибки. Следует читать: Рис. 3. Великий шелковый путь. Главные пути сообщения: 1 – по Л.А. Мамлеевой (Мамлеева, 1999) (III тыс. до н. э. – IX в. н. э.); 2 – по В.П. Даркевичу (1976, табл. 50) (VI–X вв. н. э.); 3 – по А.Д. Таирову (2000, с. 199) (IV–II вв. до н. э.); 4 – по Р.Д. Голдиной (I–IX вв. н. э.); 5 – ареал распространения памятников III–V вв. н. э. на Средней Каме с находками изделий из раковин; 6 – промысловые зоны моллюсков вида турбинелла пирум. а – Индия (X в. до н. э. – V в. н. э.), могильники: 1 – Перумбаир; 2 – Санур; 3 – Одугаттур; производственные центры: 4 – Харappa; 5 – Таксила; 6 – Барикот; могильники: 7 – Липпа; 8 – Роба; 9 – Гиу; 10 – Малари; б – Восточный Памир (X–II вв. до н. э.); 11 – городище Ай-Ханум; могильники: 12 – Кызыл-Рабат; 13 – Шаймак; 14 – Жарты-Гумбес I; 15 – Андемин; 16 – Андемин I; 17 – Харгуш II; 18 – Тегермансу I; 19 – Можуташ II; в – Восточная Европа (конец I – начало II вв. н. э.); 20 – Болгария, Рошава Драгана; Прикубанье: 21 – Цемдолинский; 22 – Золотое кладбище (Усть-Лабинская, к. 31); Придонье: 23 – Кобяковский; 24 – Первомайский VII; Прикамье: 25 – Ново-Сасыкуль погр. 260; г – Восточная Европа (III в. н. э.); Придонье: 26 – Камышевский; Южный Урал: 27 – Лебедевка VI; 28 – Красный Яр; 29 – Покровка 10; е – Южный Казахстан (III–V вв. н. э.): 30 – Кызыл-Кайнар-Тобе; 31 – Кызыл-Кайнар; Алтай: 32 – Ераска; д – Восточная Европа (VII–IX вв. н. э.): 33 – Старо-Салтовский; 34 – Верхне-Салтовский I; 35 – Верхне-Салтовский III; 36 – Верхне-Салтовский IV; 37 – Рубежанский; 38 – Дмитриевский; 39 – Нижнелубянский; 40 – Ютановский; 41 – Маяцкое селище.

Тарасово входят в два достаточно выразительных сочетания вещей.

Начиная работать над корреляционной таблицей Тарасово, мы были уверены, что могилы с мечами и халцедоновыми навершиями должны образовывать единый устойчивый сгусток. Длительная и кропотливая работа над этим блоком захоронений привела к тому, что они разделились на 2 группы: раннюю – группу 2 с особым набором вещей (вторая половина III в.) (Голдина, Бернц, 2016а, рис. 1, 3, 4) и позднюю – группу 6 (третья четверть IV в.) (там же, рис 1, 7-9), которую сопровождали совсем другие предметы. Вероятно, мечи из высококачественной, в том числе и тигельной стали (группа 2 Тарасово) были сделаны в мастерских Средней Азии а, скорее всего, судя по украшениям из раковин Турбинелла пирум, в Индии, снабжены халцедоновыми навершиями, уложены в ножны (возможно, из кожи или дерева), нарядную португепю с крупными бусинами – фиксаторами меча на ремне и другими аксессуарами и разошлись при посредничестве сармат по степям Евразии, отложившись на Южном Урале, Прикубанье, Придонье и прилегающих регионах. В Прикамье они появились в середине и второй половине III в., представляя тот самый всаднический горизонт поздних сармат, о котором писал С.И. Безуглов. Мечи пользовались высоким спросом и мастера продолжали и дальше их тиражировать, включая IV в. (но об этом чуть позже). Подтверждением тому, что во 2-й пол. III в. в Прикамье встречались вместе длинный и узкий меч с халцедоновым навершием индийского (?) производства и мазунинский местный пояс, украшенный бронзовыми накладками и раковиной Турбинелла пирум, привезенной из Индии, является погребение № 4 мужчины 25–35 лет Тарасовского могильника (Голдина, 2003, табл. 2; 2004, с. 10).

Второе сочетание могил с мечами с халцедоновыми навершиями представлено на Тарасово могилами группы 6, датирующимися 3-й четвертью IV в. (Голдина, Бернц, 2016а, рис. 1, 7–9). Они в Тарасово наиболее многочисленны (19 могил в корреляции), в ней больше всего мечей (6 экз.; рис. 5: 3–8), некоторые с халцедоновыми навершиями (рис. 5: 4, 5); присутствуют необычные виды защитного вооружения – шейный обруч для защитного оголовья (рис. 6: 17), шлем (во фрагментах), обломки пластинчатого доспеха (рис. 6: 14); оригинальны пряжки: двусоставные (рис. 6: 4–6), с В-образной рифленой рамкой и наконечником (рис. 6: 2); своеобразна гарнитура конской упряжи (рис. 6: 12, 15), а также железные проушные топоры нескольких вариантов, секиры, боевые косы, пинцеты и др. Эти изделия распространены

в могилах азелинского типа, что дает основание предположить, что в 3-й четв. IV в. эти необычные для Прикамья объекты были оставлены группой воинов-мигрантов юго-западного происхождения.

Памятники азелинского типа располагаются компактными группами в Нижнем и Среднем Поволжье, включая приустьевый правый берег р. Камы (рис. 7). В.Ф. Генинг датировал азелинские могильники широко – III–V в. В соответствии с корреляцией вещей Тарасово, азелинские комплексы можно отнести к короткому периоду – 3-й четв. IV в. Это был, очевидно, единовременный приток военизированной группы, вынужденно оставшейся в лесном Прикамье.

Ученые давно озабочены поисками материальных свидетельств походов на север гото-славян во времена Германариха (350–375 гг.). В отечественной и зарубежной литературе существует множество вариантов локализации северных народов, покоренных Германарихом. В списке, составленном Иорданом на основании некоторых источников, готских героических легенд, преданий и народных песен, приводится 13 названий народов. Среди них этимология трех не вызывает особых сомнений: меренс (Merens) – меря; морденс (Mordens) – мордва; имнискары (Imniscarus) – черемисы (марийцы). Названия и локализация остальных дискусионны. Приводим лишь мнение тех ученых, которые связывали эти этнические с приуральскими народами. Например, «тиуды» могло обозначать племя «чудь» (Ф. Браун, Т. Гринбергер, Б.А. Рыбаков). Г. Шрамм название Gelthethiudes переводил как «золотой народ» и локализовал его на Урале в междуречье рек Чусовой и Белой (территория неволинской культуры). Существует несколько версий объяснения слова «васинабронки» – Vasinabroncas. Некоторые ученые видят в них весь в районе Белого озера (К. Цойс, П.И. Шафарик, Г. Вернадский, В. Томашек, Б.А. Рыбаков), другие – пермичей (А.Г. Снелман) (Буданова, 1990, с. 125–126).

Еще в 1992 г. М.М. Казанский опубликовал археологические факты, подтверждающие военные предприятия Германариха. Им были картографированы вещи центральноевропейского происхождения к востоку от р. Неман, черняховские вещи, обозначены направления культурных, торговых, прочих связей в лесной полосе Восточной Европы и предполагаемых военных походов Германариха (рис. 8, Kazanski, 1992, с. 75–122, fig. 13, 16, 17). Им даже была приведена азелинская культура как одна из возможных территорий, испытывавшая черняховское влияние (там же, fig. 8). М.Б. Щукин обосновал интерес Германариха к «венетам» (собирательное название всего балто-славянского населения лесной зоны) стрем-

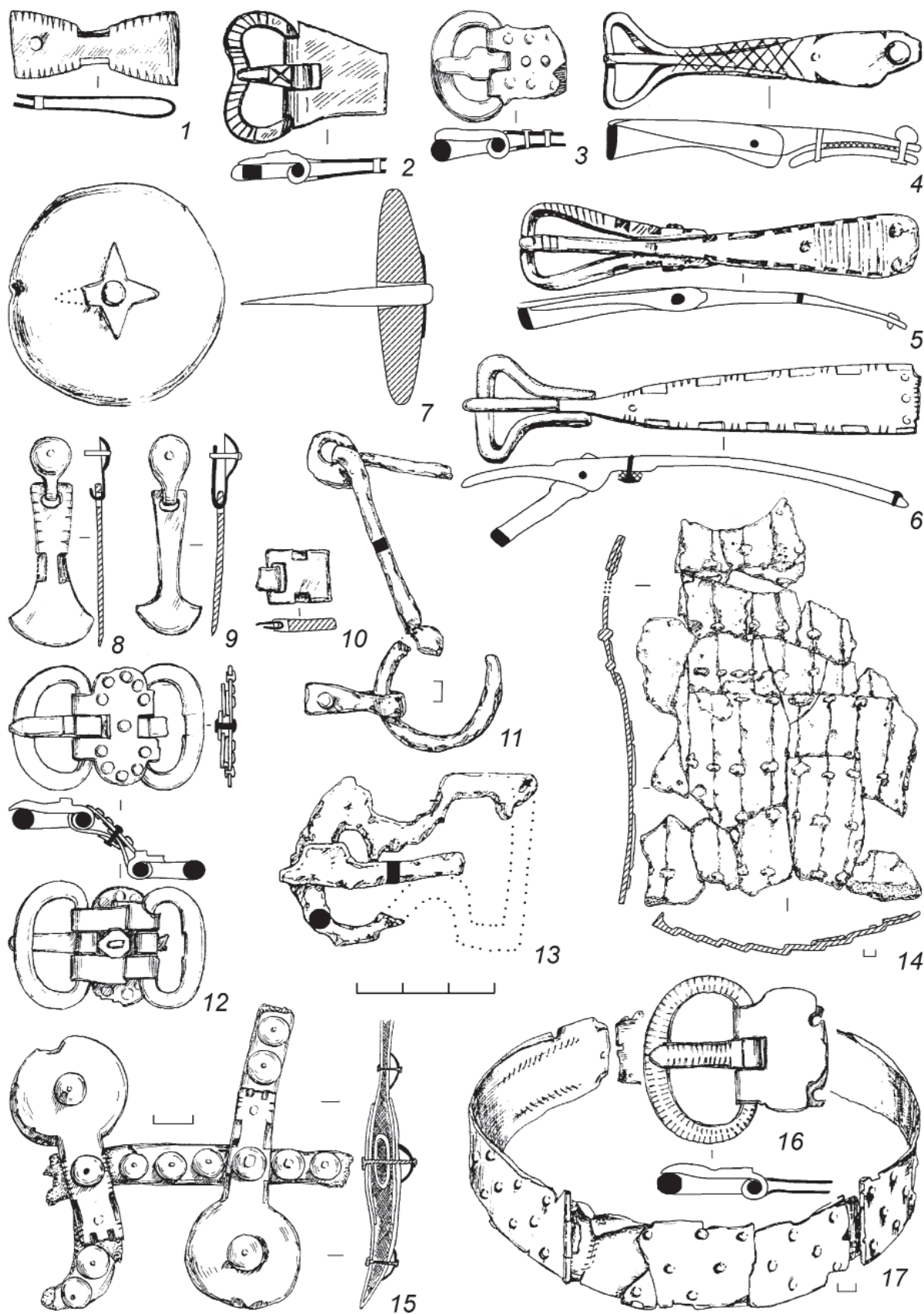

Рис. 6. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 6 (3 четверть IV в. н. э.).
 1 – наконечник ремня; 2–6, 10, 12, 13, 16 – пряжки; 7 – диск; 8, 9, 15 – уздечные накладки; 10 – пряжки-колечки;
 11 – удила; 14 – фрагменты доспеха; 17 – обруч. 1–6, 8, 9, 12, 16 – бронза; 7 – халцедон, бронза;
 10, 15, 17 – бронза, кожа; 11, 13, 14 – железо

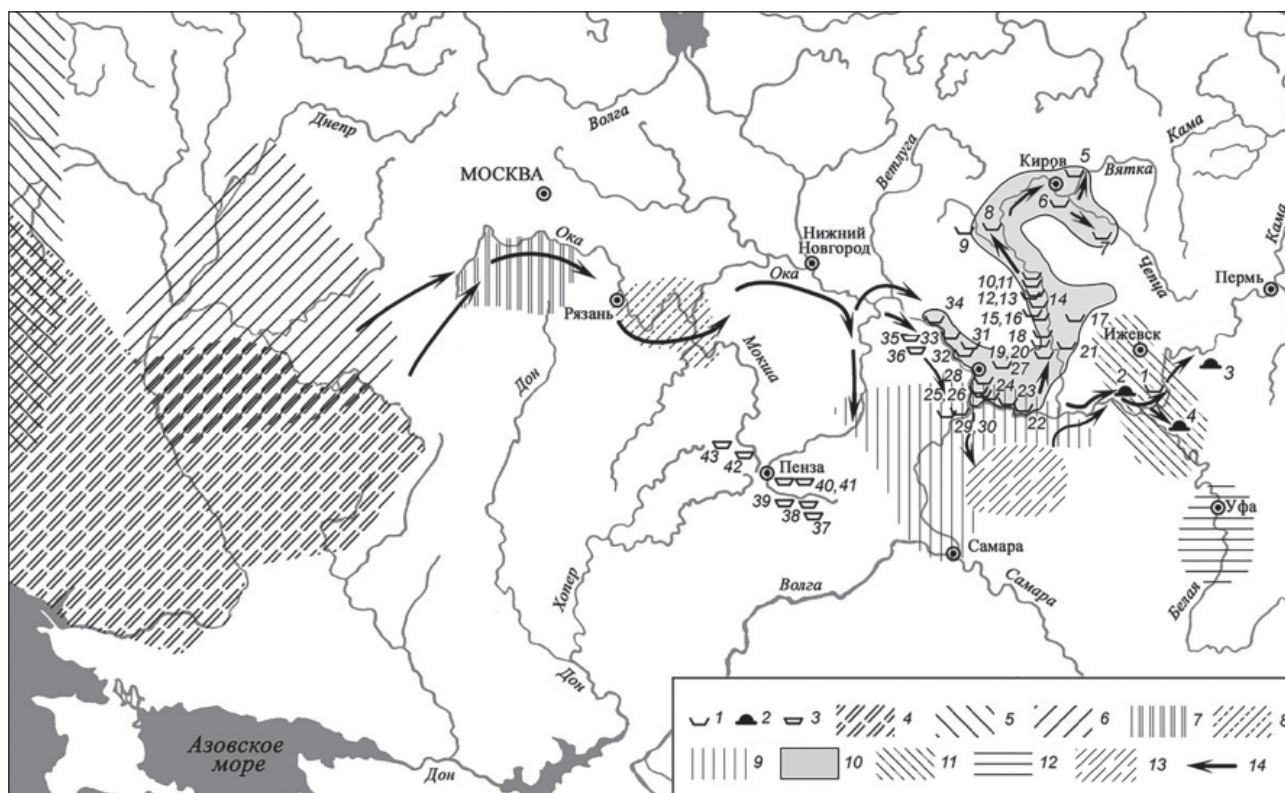

Рис. 7. Карта-схема основных памятников Волго-Уралья эпохи Великого переселения народов (III–V вв.) и синхронных культур.

1 – могильники азелинского типа; 2 – курганные могильники; 3 – синхронные могильники Поволжья; 4 – черняховская культура; 5 – вельбаркская культура; 6 – киевская культура; 7 – мощинская культура; 8 – рязано-окские могильники; 9 – именьковская культура; 10 – худяковская культура; 11 – тарасовская (чегандинская) культура; 12 – кара-абызская культура; 13 – средневожский вариант киевской культуры; 14 – предполагаемые направления движения готско-славян.

Могильники: 1 – Тарасовский; 2 – Тураевские курганы и могильник; 3 – Кудашевские курганы и могильник; 4 – Старая Мушта, курганы и могильник; 5 – Первомай; 6 – Баево; 7 – Городищенский; 8 – Кошкино; 9 – Худяки; 10 – Суворово; 11 – Ошки; 12 – Красный ключ; 13 – Уржум; 14 – Тюм-Тюм; 15 – Воробьево; 16 – Хлюпино; 17 – Вичмар; 18 – Сунцево; 19 – Азелино; 20 – Атамановы кости; 21 – Кордон; 22 – Гремячино; 23 – Маслово; 24 – Усть-Брыска; 25 – Нармонка; 26 – Рождествено V; 27 – Айша; 28 – Казанский I (Старостекольный завод); 29 – Сюкеево; 30 – Тегюши II; 31 – Лушмор; 32 – Мари-Луговое; 33 – Арзобеяк; 34 – Уржум; 35 – Таутово; 36 – Сендимиркино; 37 – Шемишейка; 38 – Усть-Уза; 39 – Алферово; 40 – Степаново; 41 – Селикса-Трофимово; 42 – Ражино; 43 – Тезиково.

лением контролировать пушную торговлю с югом через Балто-Волжский речной путь и продемонстрировать славяно-балто-угро-финскому населению преимущества готского оружия, заключить мирные соглашения со старейшинами и прочее (рис. 8, Щукин, 2005, с. 209–215, рис. 82).

А.М. Обломский, независимо от М.М. Казанского, предложил свой вариант возможных походов Германариха, близкий версии М.М. Казанского. Со ссылкой на М.Б. Щукина, считавшего наиболее вероятной датой совершения этих походов Германарихом промежуток между 347–351 и 375 гг. (Щукин, 2005, с. 205–207), А.М. Обломский пишет о возможности этих военных акций Германариха от рубежа III–IV в. до 2-й пол. IV в., исключая последнюю четв. столетия (Германарих умер в 375 г.) (Обломский, 2008, с. 152). По корреляции Тарасовского могильника (Голдина, Бернд, 2016а, с. 38–47) 3-й четв. IV в. датируется группа

6, включающая инвентарь воинских захоронений азелинского типа. Вполне вероятно, что могилы азелинского типа в Волго-Камье и представляют собой реальные следы этих походов Германариха в 3-й четв. IV в. (347/351–375 гг.) (Голдина, 2017, с. 322–337). Среди могильников азелинского времени предварительно можно выделить некрополи мигрантов: Азелинский, Суворовский и, вероятно, Тюм-Тюм. На остальных – могилы с азелинским оружием размещены среди захоронений местного населения и еще предстоит работа по их разделению. Возможно, часть вещей могла попасть к местному населению в результате различного рода контактов с пришельцами.

Могилы пришельцев отличаются от финно-пермских, прежде всего, большим количеством предметов вооружения: не только наконечников стрел, копий, ножей, топоров, но и не известных здесь ранее типов шлемов, кольчуг, кос. В 31 мо-

гиле Суворовского могильника собраны 3 шлема, 2 кольчуги (одна весом 13 кг), 4 меча, 9 топоров, 3 наконечника копий, 7 уздечек, 17 ножей и кинжалов, 119 наконечников стрел и коса. На каждое мужское захоронение приходилось 13,5 единиц оружия.

Обращает на себя внимание и состав захороненных. На Суворовском могильнике из 31 погребенного – 1 кенотаф, 8 мужчин, 11 детей, в пяти случаях пол неизвестен и лишь 6 женщин. Такое соотношение указывает на необычность коллективов, оставивших эти памятники. Вероятно, они перенесли длительное и трудное путешествие, потеряв при этом значительное число женщин. Вполне возможно, что их в воинском отряде и не было.

На местных могильниках мазунинского типа картина иная. В частности, на Ижевском могильнике по антропологическим определениям число мужчин и женщин одинаково (по 43,1%) (Останина, 1984, с. 55–58, проценты посчитаны Р.Д. Г.), на Покровском могильнике IV–V в. женские погребения составляли 61,8% от числа определенных взрослых захоронений (Останина, 1992; Останина, 1997, с. 132).

Инвентарь женских погребений азелинского типа содержит еще одну загадку той поры – украшения, сделанные руками местных мастеров с применением уникальных импортных изделий – халцедоновых дисков.

Халцедоновые диски в Приуралье – явление особого порядка, – яркие, красивые, хорошо отполированные, выполненные из разных вариантов халцедонов – опалов, кахолонгов, сапфиринов³. Они представляют собой идеально круглые предметы, диаметром 4,2–5,2 см с отверстием в центре диаметром 0,5–0,6 см.

Мечи с халцедоновыми навершиями составляют лишь небольшую часть (13 экз.) от общего количества халцедоновых дисков. Их в Волго-Камье известно 133, они происходят из 28 пунктов (Пастушенко, Бернц, 2008, рис. 1), обнаружены, подчеркнем, главным образом, на памятниках азелинского типа в Волго-Вятском междуречье и в Среднем Прикамье. Наиболее крупные собрания были выявлены в могильниках Суворово (23 экз.), Тюм-Тюм (20 экз.), Мари-Луговое (8 экз.), Казань I (Старостекольный завод, 20 экз.), Нармонка (14 экз.), Рождествено V (6 экз.), Тарасово (7 экз.), Первомай (6 экз.). Они служили для украшения кожаных поясных ремней (31 диск, 8 случаев), а также шейных гривен и ожерелий из бус (36 дисков, 19 случаев). При этом иногда количество этих

предметов в отдельных могилах довольно велико. Например, в могиле 5 Суворово на поясе умершей располагались 4 диска, в ожерелье – 3; в могиле 28 этого же памятника на поясе – 6, в ожерелье – 3; в погребении 10 Нармонки – на поясе – 8, в ожерелье – 3. При этом женские украшения с дисками были сделаны явно местными мастерами, так как на поясах использовались накладки и застежки (иногда эполетообразные) местных форм. Напрашивается вывод, что халцедоновые диски в женских украшениях были привнесены в Волго-Камье в готовом виде и использованы местными мастерами в соответствии с местной традицией.

Согласно изысканиям П.Н. Старостина и Г.Ф. Коробковой (Старостин, 2008, с. 11), диски были сделаны не из местного камня с использованием пяти технологических операций: 1) оббивка заготовок; 2) мелкое очертание их; 3) шлифовка; 4) полировка; 5) сверление станковым сверлом. По заключению этих авторов, изделия из халцедона были изготовлены в специализированных мастерских с использованием станковых сверел, циркулей для измерения круга и других сложных приспособлений.

Скорее всего, мужчины отряда Германариха, перед походом предварительно пограбив черноморские мастерские (в Керчи найдено более 20 халцедоновых дисков), принесли диски в Прикамье и обменивали их здесь на необходимые ценности, в том числе и женщин. Пришлая дружина, вероятно, не была однородной. Доступ к халцедоновым изделиям имели далеко не все ее члены, в частности диски из халцедона отсутствуют в Азелинском могильнике – одном из опорных памятников этого типа.

Таким образом, мечи с навершиями в виде халцедоновых дисков были произведены, вероятно, в Индии во II–IV вв. (в Тарасово появились во 2-й пол. III в.), а халцедоновые диски для прикамских украшений были сделаны в причерноморских мастерских и принесены в Волго-Вятский бассейн отрядом Германариха в третьей четверти IV в. (азелинские некрополи).

Допускаю, что возможно и другое предположение – халцедоновые диски происходят, как и раковины из стран Востока, где также были хорошо известны камнерезные мастерские (Иран, Средняя Азия, Индия). Но характер распространения этих находок в Волго-Камье разный – раковины встречались на памятниках мазунинского типа, а халцедоновые диски – на азелинских могильниках, да и время их использования разное – раковины, преимущественно, III в., а халцедоновые диски, главным образом, – 3-я четв. IV в.

В свое время В.Ф. Генинг выдвинул гипотезу о запустении бассейна р. Вятки в постананьин-

³ Определения А.В. Сергеева, канд. геол. наук, доцента кафедры геологии нефти и газа нефтяного факультета УдГУ.

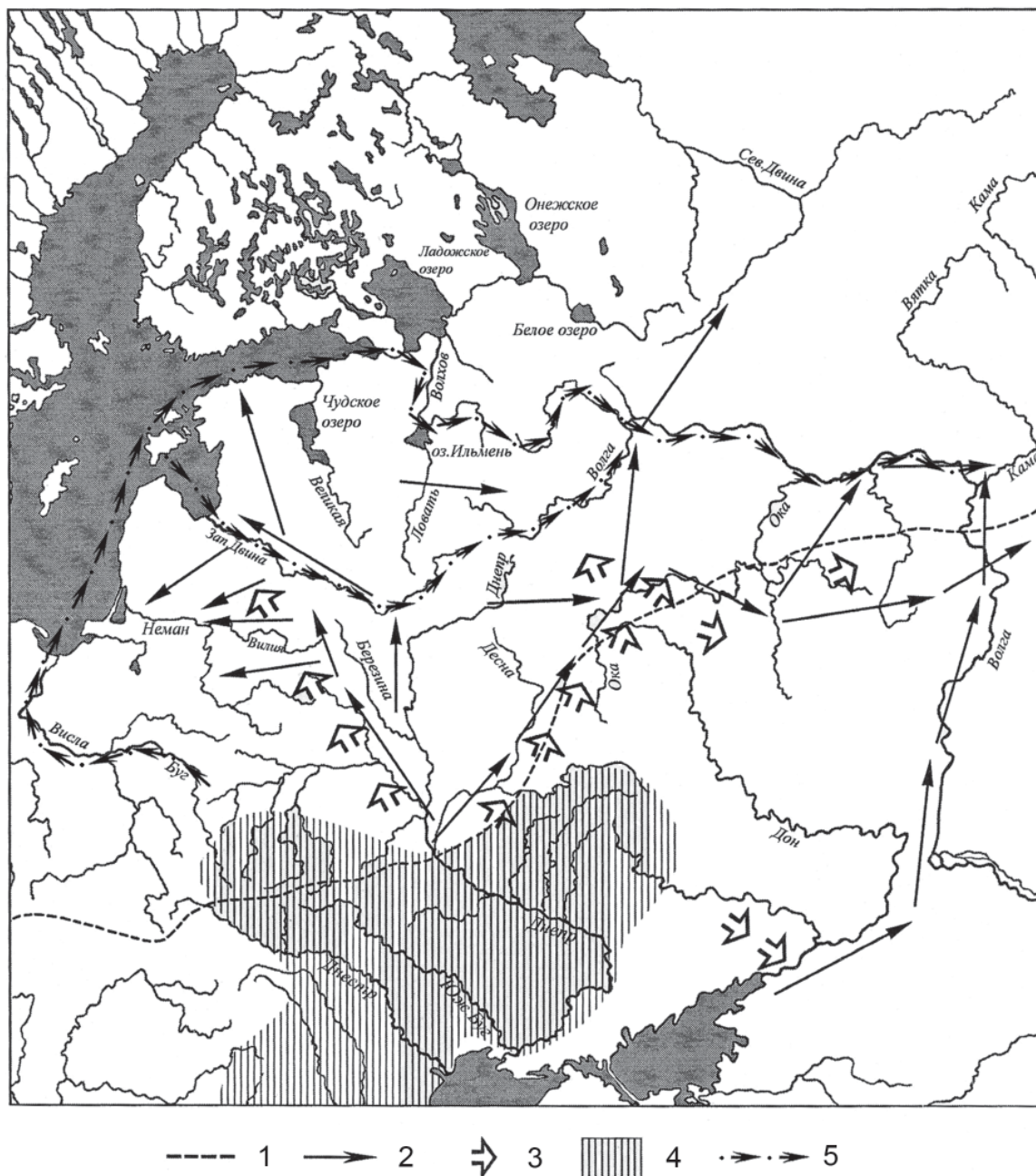

Рис. 8. Основные направления культурных, торговых и прочих связей в лесной зоне Восточной Европы в III–IV вв. и военные операции Германариха. 1 – южная граница лесной зоны; 2 – направления связей; 3 – военные операции Германариха (по М. Казанскому); 4 – территория черняховской культуры; 5 – предполагаемые М.Б. Шукиным варианты рейдов Германариха (по Kazanski, 1992, fig. 17; Шукин, 2005, рис. 82)

ское время почти на полтысячелетия. В III в. н. э. р. Вятка, как он считал, была заселена населением чегандинской культуры, жившим ранее в Бельско-Камском регионе, которое было разгромлено и смещено со своей территории западносибирскими группами. Население, пришедшее с р. Камы, оставило здесь памятники азелинского типа III–V в. (Генинг, 1963; 1970). Накопленные за последние 50 лет новые материалы не подтверждают эту гипотезу. За это время были открыты и исследованы на р. Вятке как могильники, так и

поселения I–V в. н. э. (Лещинская, 2014). По этим материалам была выделена худяковская культура – один из локальных вариантов пьяноборской историко-культурной общности (Голдина, 1999, с. 226–242, рис. 97). Памятники худяковской культуры принадлежали предкам удмуртов – южной ветви пермских финнов. Сейчас очевиден факт ее многокомпонентности. Большую роль в истории этого объединения сыграли мигранты, оставившие памятники азелинского типа. Поскольку поселения мигрантов на р. Вятке до сих пор не

известны, вероятно, они жили совместно на поселениях аборигенов и хоронили своих умерших на одних с ними могильниках.

Одной из характерных особенностей черняховских памятников считаются большие длинные прямоугольные дома каркасно-столбовой конструкции. Остатки таких жилищ площадью 40–100 кв. м с утрамбованными, иногда обмазанными глиной полами, очагами-кострищами, иногда каменками и погребями внутри жилищ раскопаны на именьковском городище Старая Майна в Ульяновской области (Богачев, 2011, с. 142–159). Существование на одном поселении славянских (именьковских) и германских (готских) домостроений также подтверждает миграцию в Поволжье смешанного черняховского населения.

Вторая половина IV в. – время больших перемен в культуре населения Урало-Поволжья (Голдина, Бернц, 2017, рис. 11, группа 8). Появились новые виды воинского снаряжения, неизвестные ранее и, прежде всего, проушные железные топоры. В Среднем Прикамье выявлено 4 варианта топоров этого времени: небольшие короткие без выраженного обуха (рис. 9: 10, 13); средних размеров с хорошо выраженным молоточкообразным обухом (рис. 9: 14); крупный экземпляр с расширенными щековицами (рис. 9: 17) и длиннолезвийные топоры (рис. 9: 16). В Волго-Камье, как и в Восточной Европе, проушные топоры стали широко использоваться вследствие переселения племен вельбаркской и пшеворской культур в Северное Причерноморье. В результате этого движения на территории современных Украины, Молдавии, Румынии, частично Белоруссии и России в середине III – начале V в. возникла провинциально-римская черняховская культура (рис. 7), связываемая с полиэтничной гото-славянской державой Германариха. На ее северо-восточной окраине в III – начале V в. располагалась раннеславянская киевская культура, восточнее на территории Волго-Донского водораздела во 2-й пол. III – рубеже IV–V в. – мощинская, испытавшая сильное черняховское влияние. Еще восточнее, в среднем течении р. Оки многочисленны хорошо известные рязано-окские могильники II–V вв.

Л.А. Вязов, изучавший топоры именьковской культуры, высказал мнение о связи их с сарматами (Вязов, 2012). Однако А.М. Хазанов писал, что сарматы топорами почти не пользовались. Работа И.Р. Ахмедова и А.М. Воронцова о топорах Верхнего и Среднего Поочья показала, что население мощинской культуры и рязано-окских могильников, усвоившее традицию изготовления проушных топоров от черняховцев, передало эти навыки жителям лесного Прикамья (Ахмедов,

Воронцов, 2012). В Волго-Камье такие топоры в массе известны на могильниках азелинского типа: Ошки; Первомай; Тюм-Тюм; Суворово; Азелино; Рождественно V; Мари-Луговское и др. Подобные топоры также обнаружены в Тураевских курганах и в Башкирии: в Старо-Кабаново, Шипово, Старая Мушта и Ангасяк (подробнее о проушных топорах см. Голдина, 2017, с. 313–316).

Помимо проушных, в этих же могилах Тарасово обнаружены 2 втульчатых топора необычной для Прикамья формы (рис. 9: 12). Один из них имел квадратную (у второго она не сохранилась) втулку, с полотном, резко расширяющимся к сечковидному лезвию. Втульчатые местные топоры имели округлую втулку, а ширина их лезвия почти равна диаметру втулки. Аналогии столь необычным экземплярам имеются на позднезарубинецких памятниках Среднего Поднепровья, где они расцениваются О.А. Радюшем как боевое оружие. Им обозначен круг распространения этих изделий – междуречье рек Днепра и Припяти, румынская Дакия, восточные Пруссия и Польша (Радюш, 2011, с. 16, 22, рис. 4: 4).

В Тарасово проушные топоры встречались в одних могилах с секировидными изделиями, которые напоминают топоры, но отличаются длинным и узким корпусом (рис. 9: 15). Они особенно многочисленны на Тураево, Тарасово, Кудаше, Тюм-Тюм могильниках. В одном погребении встречались от 5 до 14 предметов. На Щербетском I селище именьковской культуры были найдены 26 секир.

Вопрос об их назначении дискуссионен. В.Ф. Генинг четко отделял эти предметы от топоров, называя их железными пластинами с проушным загибом сверху и обращал внимание на отличия их от топоров: малый объем проуха и отсутствие заостренного лезвия. П.Н. Старостин и Л.С. Хомутова сочли их топорами (Старостин, Хомутова, 1981). Л.С. Розанова и Н.Н. Терехова предложили называть такие изделия секировидными предметами, обратив внимание на сходство формы этих предметов Прикамья с железными секировидными гривнами, служившими единицей обмена в Норвегии и Чехословакии, где они сотнями встречались на памятниках VIII–IX в. Истоки этой традиции, по их мнению, восходят к римскому времени (Терехова и др., 1997, с. 149). С.Е. Перевощиков оценивает их как боевое оружие. Важно заключение Л.А. Вязова, что распространение длиннолезвийных топоров (секир?) происходило одновременно с короткими проушными топорами в именьковской, азелинской и мазунинской культурах во 2-й пол. IV в. (Вязов, 2012, с. 46).

Ко 2-й пол. IV в. отнесены наконечники копий с листовидным вытянутым пером, с расширени-

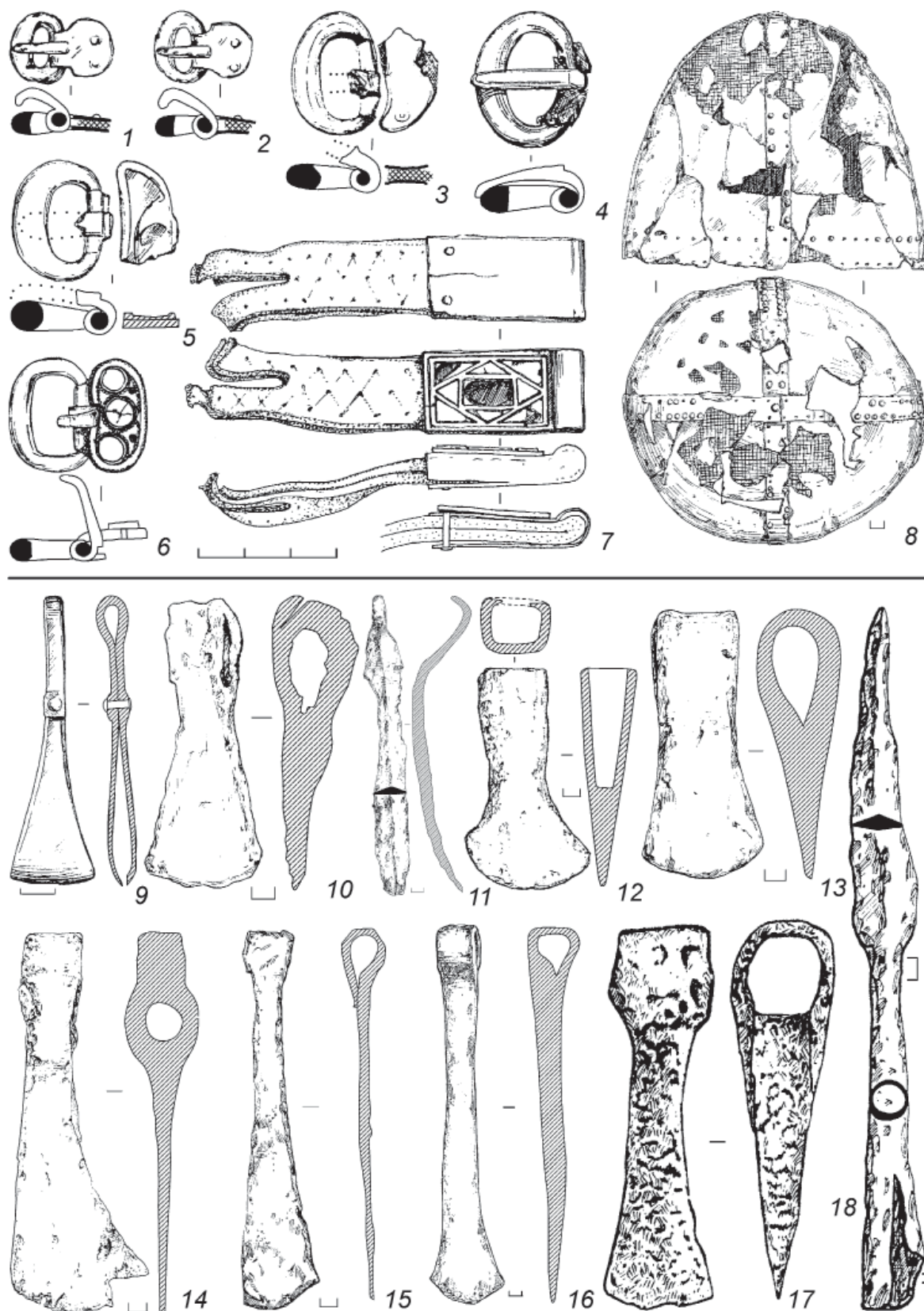

Рис. 9. Тарасовский могильник.

1-8 – предметы мужских захоронений группы 7 (4 четверть IV в. н. э.). 1-6 – пряжки; 7 – наконечник ремня; 8 – шлем. 9-18 – предметы мужских захоронений группы 8 (2 половина IV в. н. э.). 9 – пинцет; 10, 12-14, 16, 17 – топоры; 11 – боевая коса; 15 – секировидные предмет; 18 – наконечник копья.
1-4 – бронза, кожа; 5, 9 – бронза, золото, сердолик; 6 – бронза, золото, сердолик, стекло, кожа; 8 – железо, медь, серебро, золото; 10-18 – железо

ем в нижней его трети, ромбическим сечением и длинной втулкой (рис. 9: 18). На конце втулки иногда зафиксирована железная муфта-манжета. Тяжелые наконечники с длинными втулками к ударным копьям были распространены в Евразии от середины I тыс. до н. э. до середины II тыс. н. э. Близкие по форме наконечники происходят из могил группы 4 Верхнего Посурья и Примокшанья, где они датированы В.В. Гришаковым 2-й пол. IV – началом V в. (Гришаков, 2008, с. 110–113, рис. 20: 1).

Оригинальным предметом 2-й пол. IV в. в Тарасово является метательное оружие – боевые косы (рис. 9: 11). Термин введен А.П. Зыковым и в большей степени, чем другие (история вопроса см. Голдина, 2017, с. 318), отражает функцию предмета. Это железные изделия с обоюдо-острым клинком, усиленным ребром жесткости посередине и черешком с крючком на конце. Более 120 экземпляров таких предметов располагаются в основном на объектах азелинского типа и на синхронных памятниках бассейна р. Белой, единично – в Пермском Прикамье (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 52). Примечательно, что в Пермском Прикамье такие изделия встречаются на поселениях (Бартымское I, Черемшанка, Усть-Рассоха), Гляденовском костыше, но не на могильниках харинского типа. Уместно сослаться на приведенную Л.А. Вязовым характеристику вооружения франков, данную Прокопием Кесарийским: «все же остальные были пешими, не имели ни луков, ни копий, но каждый нес меч, щит и одну секиру. Ее железо было крепким, и лезвие с обеих сторон острое до крайности, деревянная же ручка очень короткая. При первом же натиске по данному знаку они обычно бросают во врагов эти секиры, разбивают их щиты и убивают их самих» (Прокопий Кесарийский, «Война с готами», VI (II), 25; цит. по: Вязов, 2012, с. 45). Именно такой секирой и могла быть боевая коса приуральских могильников. Таким образом, во 2-й пол. IV в. в Волго-Камье появилась целая серия необычных видов вооружения, которые имели западное происхождение: проушные топоры (рис. 9: 10, 13, 14, 16, 17), боевые косы (рис. 9: 11) и секировидные предметы (рис. 9: 15).

Таким образом, в результате анализа материалов могильников Волго-Камья второй половины IV в. выделены 2 миграционные волны: первая – (третья четверть IV в.) азелинская, предположительно – германо-славянский конгломерат времен правления Германариха, вторая – (четвертая четверть IV в.) – тураевско-кудашевская (славяне средневожского варианта киевской культуры или ранние именьковцы). В обоих случаях в состав пришлых групп входили, вероятно, носи-

тели черняховской культуры. И.О. Гавритухин и А.А. Красноперов отвергают участие черняховцев во внедрении в Волго-Камье на основании следующих аргументов (глава о Тураевских курганах). Первое – курганы «чужды черняховской культуре», но при этом они признают, что у некоторых групп черняховцев подкурганые захоронения все-таки встречались. Второе – для черняховской культуры характерно отсутствие в могилах оружия, но это в обычной повседневной погребальной практике, а здесь речь идет о специализированных воинских подразделениях, где без оружия невозможно. Третье – для черняховских захоронений характерно большое количество глиняной посуды, но это в обыденной жизни, когда есть возможность изготовить для умершего необходимые по представлениям живых, керамические сервизы, но в условиях дальних походов легко бьющаяся хрупкая глиняная посуда не нужна. Четвертое – присутствие в костюме фибул. Но и фибула есть – в бескурганной могиле Тураево № 220, принадлежавшей ребенку 12–14 месяцев найден фрагмент железной двучленной прогнутой «воинской» фибулы с ленточным корпусом, напоминающей черняховские (Голдина, Бернц, 2010, с. 55, табл. 157-220-1), и относящейся к типу Амброз – 17 – 1 – II (Сабинова, 2019, с. 26, 47, 221, № 296). А.К. Амброз относил появление таких фибул в черняховской среде и на Средней Оке к IV в. (Амброз, 1966, с. 70–71). О.А. Гей и И.А. Бажан датировали эти предметы периодом 3 (310/320 – 350/355 гг.) и 4 (350/355–400/410-ые гг.) (Гей, Бажан, 1997, с. 43–44; табл. 68: 34; 70: 26). Некоторое подтверждение этому имеется в дате по радиоуглероду C¹⁴ погребения 176 из Боярского могильника, полученной Е.М. Черных в 2008 г. (дата 340–414 гг. – 2-я пол. IV – начало V в., определение с.н.с. лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, к.х.н. Г.И. Зайцевой) (Черных, 2008, рис. 76).

Вторая волна мигрантов юго-западного происхождения (черняховская культура) четко обозначилась на материалах Тарасовского могильника (группа 7 Тарасово; Голдина, Бернц, 2017, рис. 10; 4-я четв. IV в.; Тураевские курганы и именьковская культура в широком понимании) содержит так же вещи, известные в азелинских могилах – железные проушные топоры, боевые косы, секиры, пинцеты, и, очевидно, носители их родственны по происхождению азелинцам. Это реальное археологическое подтверждение гипотезы, высказанной в разное время разными учеными, об участии в составе миграционных потоков в Волго-Камье в I-й пол. I тыс. н. э. населения черняховской культуры (Г.И. Матвеева, В.В. Седов, М.М. Казанский, А.М. Обломский и др.). Только время этих волн

определялось по-разному. Теперь, основываясь на материалах Тарасовского могильника, можно судить более короткий период: первая – в пределах 2-й пол. IV в. – 3-я четв. IV в. – азелинцы, вторая – 4-я четв. IV в. – именьковцы, тураевцы.

Яркой особенностью этой группы вещей являются пряжки и наконечники полихромного стиля клуазонне (рис. 9: 5, 7), а также иного облика – с сердоликовыми вставками и поясками зерни (рис. 9: 5). Из могил Тарасово этого времени происходят 3 меча и новый тип шлема (рис. 9: 8). Предметы этой группы наиболее близки инвентарю Тураевских курганов. Этот памятник уже более 50 лет привлекает внимание ученых, изучающих проблемы ВПН, своим уникальным набором инвентаря воинов-мигрантов. Автор раскопок Тураевских курганов В.Ф. Генинг в первой публикации 1962 г. датировал их III–V в. (Генинг, 1962, с. 77). В статье 1976 г. он определял общую дату в пределах конца IV – 1-й пол. V в. (Генинг, 1976, с. 107–108). В работе 1995 г. исследователь несколько скорректировал даты групп: ранняя отнесена им к концу IV в., средняя – к концу IV – началу V в. и поздняя – к 1-й четв. V в. н. э. (Gening, 1995, с. 326). И таким образом, наиболее поздняя его точка зрения: Тураевские курганы датируются концом IV – 1-й четв. V в. М.М. Казанский относил памятник ко 2-й пол. IV – самому началу V в. (Казанский, 2002, с. 195). Позже он, сопоставляя их с находками в Муслимово, Брюхановском выселке, Утамыше, датировал их в целом 2-й пол. IV в. (Казанский, 2014, с. 318). В свое время А.К. Амброз считал, что Тураевские курганы отложились в конце V – начале VI в. (Амброз, 1971, с. 107). В.Ю. Малашев приуральские памятники (Броды, Тураево) считает своеобразным явлением в евразийской археологии и датирует последней четв. IV в. (Малашев, 2000, с. 204–205). Попытка В.Ф. Генинга растянуть время использования Тураевских курганов почти столетие: последняя четв. IV – 1-й пол. V в. (Генинг, 1976, с. 108) представляется не совсем удачной. Под курганами похоронены 15 мужчин-воинов в 14 могилах. Под курганом III раскопаны два погребения. Погребение 2 отнесено В.Ф. Генингом к концу IV в., погребение 1 – к 1-й четв. V в. Даже простое визуальное сопоставление пряжек из этих комплексов показывает, что они одновременны: все пряжки с ассиметричной по толщине рамкой, нависающим, но не выступающим язычком, одинаковыми формами пластин (Генинг, 1976, рис. 27: 2 – погр. 2 и 27: 5 – погр. 1; 27: 6 – погр. 1 и 27: 7 – погр. 2).

Мною уже была высказана мысль о том, что все подкурганые могилы Тураево хронологически одновременны, то есть люди, захороненные

под Тураевскими курганами, погибли в одно время (в один или несколько дней) (Голдина, 2017, с. 341). Отмеченная В.Ф. Генингом разновременность насыпей Тураево (1976), подчеркнутая И.О. Гавритухиным и А.А. Красноперовым (Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 6А) вполне объяснима, поскольку для сооружения их требовалось время, а интервал и последовательность их устройства определялись реальными, в большинстве не известными нам обстоятельствами в пределах дней, недель, но не столетия.

Что касается времени появления Тураевских курганов, то И.О. Гавритухин (Гавритухин, Красноперов, 2022) согласился с предложенной мной ранее датой совершения этого события в пределах 4-й четв. IV в. (Голдина, Бернц, 2017, с. 176).

Рядом с курганами раскопана большая (274 могилы с 294 костяками, исследована не полностью) бескурганная часть. Она оставлена местным мазунинским населением. В погребальном обряде прослеживаются черты, характерные для местного обряда III–V в. н. э.: многочисленность сопровождающего инвентаря (почти 90% всех могил), присутствие погребальных даров, положение пояса вдоль умершего. И.О. Гавритухин и А.А. Красноперов много внимания уделили соотношению курганов и бескурганной части Тураево (Гавритухин, Красноперов, 2022). Мое видение этого явления опубликовано (Голдина, Бернц, 2010, рис. 1–4). Не спорю, это важно, но значительно важнее, что оба объекта находятся на распаханном поле возле д. Тураево, а не один – в Тураево, а другой – на поле под Ижевском и представляют собой единый комплекс, как многие могильники в Прикамье. Конечно, фото из космоса – это круто, но археология – наука приземленная и только дальнейшие раскопки могут дать реальное соотношение курганов и бескурганной части Тураево.

И.О. Гавритухин и А.А. Красноперов считают, что грунтовые погребения Тураево не связаны с мазунинским населением Тураевского микрорайона, поскольку датируются более ранним (до 2-й четверти IV в.) временем (Гавритухин, Красноперов, 2022). Исследованные бескурганые могилы датированы мной и В.А. Бернц 2-й пол. IV–V в. и в какой-то части одновременны курганам. По материалам этого памятника местное население было вооружено копьями (21 случай), луком и стрелами (20), дротиками (6 могил), топорами (7 случаев). В погребениях местного населения нет шлемов, кольчуг, панцирей. Предметы вооружения найдены лишь у 38 костяков (13,5%). При этом в большинстве местные мужчины были вооружены лишь ка-

ким-либо одним видом – копьем (11 случаев, 29%), луком и стрелами (9 погребений, 23,8%), дротиком (5 случаев, 13,2%), топором (1 случай, 2,6%) (Голдина, Бернц, 2010).

Пришшая группа, оставившая Тураевские курганы, была малочисленной – 15–20 человек, и представляла собой, скорее всего, военный разведочный отряд. Часть этого отряда погибла при первом столкновении с мазунинцами. У двух погребенных под курганами были отсечены головы (погр. 1 кургана I и погр. 1б кургана VII). Следы поражения других воинов трудно диагностируются, так как многие могилы ограблены. Практически почти на всех могилах есть следы грабежа, лишь в 7 случаях из 15 грабители не достигли дна могилы. При этом грабительские ямы накладывались почти безошибочно на могилу, что подтверждает древность этих действий, и, вероятно, участие в них местного мазунинского населения. Следы этого грабежа присутствуют в некоторых захоронениях мазунинцев. Например, в обычном погребении мужчины 40–50 лет (№ 171) бескурганного некрополя, расположенного в ряду среди прочих с той же ориентировкой, обнаружен меч с навершием в виде халцедонового диска, крупной бусиной из такого же материала – фиксатором меча на портупее, наконечник копья, нож, 4 железных и 2 костяных наконечника стрел, уздечка, украшенная необычными бронзовыми накладками. Инвентарь носит явно смешанный характер. Местные черты проявились в размещении могилы в обычном ряду, такой же ориентировке и размерах, как прочие могилы, в присутствии костяных и железных наконечников стрел, в вытянутом положении пояса с местными бронзовыми накладками, а меч с халцедоновым диском и бусиной и нарядная уздечка – явление, связанное с пришельцами (Голдина, Бернц, 2010, табл. 120–122). Население, оставившее Тураевский I бескурганый могильник, фактически защищало южные форпосты мазунинской территории и пыталось предотвратить дальнейшее продвижение южных мигрантов.

Возможно, какое-то число пришельцев уцелело и продолжало жить среди мазунинцев, о чем свидетельствуют необычные для аборигенов изделия, встречающиеся в могилах женщин. Так в захоронении № 73, принадлежавшем женщине 18–20 лет, обнаружены две трапециевидные подвески, украшенные по краю в характерной манере – чеканки с изнаночной стороны (рис. 3: 12). Они имеют аналогии в именьковских (Матвеева, 1981, рис. 14: 5, 6) и зарубинецких (Кухаренко, 1964, табл. 17: 1–3) материалах. В женской могиле 267 также найдена не характерная для Прикамья, подвеска-лунница с фигурными концами,

оформленными трилистниками и гнездами для эмали (рис. 3: 5). В могиле 106, вероятно, тоже женской, зафиксирована золотая круглая подвеска с гранатовой вставкой и две грибовидные янтарные подвески (Голдина, Бернц, 2010, табл. 260: 13; 73: 2; 2) также западного происхождения.

А.А. Красноперов откровенно лукавит, когда пишет «нет оснований связывать Тураевские курганы и со значительной миграцией, поскольку таких же памятников больше не известно». Он прекрасно осведомлен о том, что близкие по обряду и сопровождающему инвентарю могильники располагаются поблизости: у дд. Старая Мушта и Кудаш. Курганно-грунтовый могильник у д. Старая Мушта Краснокамского района Республики Башкортостан находится примерно в 100 км к ЮВ от Тураево, на правобережье низовий р. Белой. Памятник открыт в 1982 г. Г.Н. Гарустовичем и исследован в 1988, 1989, 1991 гг. им же, а в 2002 г. – Ф.А. Сунгатовым. Могильник изучен частично. Из 200 зафиксированных курганов раскопаны 22 с 72 могилами и бескурганная часть с 30 грунтовыми захоронениями (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004). С Тураевскими курганами их сближает присутствие проушных железных топоров (7 экз., Сунгатов и др., 2004, рис. 66: 9–11), фрагментов доспехов (там же, рис. 68: 14–18), наконечников копий (9 экз., там же, рис. 66: 3, 4), меча с портупеей и фиксатором в виде крупной бусины из известняка (там же, рис. 36: 1, 2; 37: 14), фрагменты кольчуг (там же, рис. 39: 18), пинцета (там же, рис. 10: 9). Погребения с инвентарем мигрантов-воинов сопровождалось захоронениями женщин с украшениями мазунинского типа. Что касается даты этого памятника, то, по мнению В.Ю. Малашева (письмо в адрес Р.Д. Голдиной от 5 апреля 2014 г.), по фибуле – черняховский импорт (Сунгатов и др., 2004, рис. 62: 7), пряжкам (там же, рис. 64: 9–11), наконечникам ремней (там же, рис. 65: 5–7), накладкам (там же, рис. 65: 1, 2) он датируется 2-й пол. IV – началом V в.

Присутствие подобной более значительной группы мигрантов было выявлено при раскопках Кудашевского могильника в Бардымском районе Пермского края в среднем течении небольшой р. Большая Амзя, левого притока р. Тулвы, левого притока р. Камы, по прямой приблизительно в 150 км к СВ от Тураево. Памятник обнаружен и исследуется на протяжении более 30 лет доцентом Удмуртского университета О.А. Казанцевой (раздел в главе 3 наст. издания). На площади около 2,5 тыс. кв. м обнаружены 352 грунтовых захоронения, а также 5 курганов с 8 могилами под ними. Раскопки не завершены. Характер некрополя и по-

гребальный обряд схожи с Тураевским I могильником. Автору раскопок еще предстоит большая работа по анализу захоронений, но основной вывод уже определен: памятник двухкомпонентный и принадлежит двум группам населения: местному финно-пермскому (гляденовская культура) и пришлому контингенту воинов-профессионалов конца IV – 1-й пол. V в. Выявлены и характерные особенности памятника: 30% всех могил содержали предметы престижного вооружения, среди них 10 шлемов, 2 доспеха, кольчуги, 13 мечей, из них 3 с халцедоновыми, 1 – с полихромным, 1 – с серебряным рюмкообразным навершием, 70 боевых кос, боевые проушные топоры, множество полихромных изделий и др. Состав инвентаря удивительно схож с Тураевскими курганами, что позволяет считать их одновременными, а население – родственными. Вопрос о дате могильника у д. Кудаш еще предстоит обсуждать, но есть основания, как и в Тураево, говорить о последней четверти IV в.

Появление в Прикамье во 2-й пол. IV в. военизированных групп мигрантов, непосредственно контактировавших с местным населением, привело к изменению характера расселения древних пермян в Южной Удмуртии. Большие могильники типа Тураево, Тарасово, Боярка исчезли с побережья р. Камы, слишком активно использовавшейся водной артерией, и население стало осваивать междуречье рек Камы и Вятки, расселяясь небольшими общинами.

В.Ф. Генинг, ссылаясь на найденный в погребении I кургана III плоскодонный сосуд, связывал Тураевские курганы с именьковской культурой (Генинг, 1976, с. 108). Ее изучением занимались многие ученые, но наиболее значителен вклад П.Н. Старостина и Г.И. Матвеевой (Старостин, 1967; Матвеева, 2003). В последнее время ею интенсивно занимается Д.А. Сташенков (Сташенков, 2007; 2010; 2010а; 2016). Культура располагалась в устье р. Камы и прилегающем Поволжье – от низовой р. Вятки на С и до устья р. Самары на Ю, на 3 – ее территория включает среднее течение р. Суры и на В – до низовьев р. Белой. Памятники встречались в основном на побережьях крупных рек, водоразделы заселены слабо (Матвеева, 2003, с. 22; Сташенков, Вязов, 2022б, рис. 1). По Г.И. Матвеевой, культура датировалась IV–VII в. (Матвеева, 2003, с. 53–56). Д.А. Сташенков, опираясь на радиоуглеродные методы, уточнил время существования именьковских памятников – IV – середина VII в. (Сташенков, 2016, с. 225–245). Им же конкретизированы особенности одного из опорных памятников Поволжья – городища Лбище, на котором провела широкомасштабные работы Г.И. Матвеева, выполнена всесторонняя харак-

теристика материалов этого памятника, уточнена его датировка (Г.И. Матвеева – III–IV в., Д.А. Сташенков – III – начало V в.). Г.И. Матвеева включала городище Лбище в ранний этап именьковской культуры, однако Д.А. Сташенков рассматривает его как самостоятельный культурный тип (Вязов, Сташенков, 2022).

И.О. Гавритухин и А.А. Красноперов также обратили внимание на близость сосуда из погр. 1 кургана 3 Тураево посуде Биклянского селища (Гавритухин, Красноперов, 2022), относимого Д.А. Сташенковым к средневожскому варианту киевской культуры. Таким образом, находка сосуда из могилы 1 кургана III Тураевских курганов может быть связана с продвижением в этот район в конце IV в. либо населения средневожского варианта киевской культуры, либо ранних именьковцев. О сложных взаимоотношениях раннеславянских типов и культур Поволжья хорошо написал А.В. Богачев: «племена, оставившие памятники типа Славкино, Лбище, Сиделькино-Тимяшево и именьковской культуры, в большей или меньшей степени, но связаны между собой единством своего (западного) происхождения, которое проявляется, прежде всего, в сходстве отдельных типов керамики и в технологии ее производства... С учетом их территориального единства, есть все основания говорить, по меньшей мере, о родстве всех названных типов и именьковской культуры... Сравнительно недавно открытые памятники типа Славкино, Лбище, Царев Курган, Сиделькино-Тимяшево, не противоречат концепции «западного импульса» происхождения именьковской культуры, а, напротив, подтверждают ее» (Богачев, 2011, с. 163–165).

Именьковское население представляло собой наиболее крупный массив древних славян, который оказал большое влияние на пермян Приуралья. У именьковцев были хорошо развиты железоделательное и бронзолитейное производства. Они были успешными животноводами, разводили новые, более рослые породы крупного рогатого скота южного происхождения, у них было популярно овцеводство, умели разводить верблюдов (Петренко, 1984, с. 140). Более прогрессивным, нежели у финского населения, было пашенное земледелие. На поселениях, кроме сошников, часто находят косы-горбуши, серпы, мотыги, лесорубные топоры, каменные жернова. Состав возделываемых культур был весьма широк: пшеница, просо, рожь, овес, полба, ячмень, горох. Поэтому закономерны на пермских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья именьковского времени массовые находки кос, серпов, мотыг (клад из 186 мотыг на Буйском городище на р. Вятке и др.).

Л.А. Вязов, изучавший земледелие именьковской культуры (Вязов, 2008), обратил внимание на сходство земледельческих традиций этого населения с черняховской и киевской культурами, проявлявшееся в присутствии некоторых предметов: железных наральников одинаковых типов (16 экз. в Именьково), ритуальных глиняных «хлебцев», определенных форм серпов (в Именьково не менее 50 экз.). Пребывание именьковцев отразилось и в языке пермян. В.В. Напольских нашел в пермских языках заимствования из диалектов праславянского и считает возможным соотносить их носителей с населением именьковской культуры (Напольских, 1996, с. 197–206).

На правобережье Среднего Прикамья памятники именьковской культуры единичны. Но в последние десятилетия в Южной Удмуртии выявлено более 30 памятников этого типа (Останина и др., 2011, с. 105). Довольно многочисленна коллекция именьковской глиняной посуды на Благодатском I городище в Алнашском районе Удмуртии. На Кузубаевском I городище, раскопанном Т.И. Останиной, именьковская керамика составляет около 70% всей посуды – 839 сосудов. Здесь исследовано квадратное жилище именьковцев VII в. (Останина, 2002, с. 12–13, 42–47). В окрестностях этого городища располагалось еще несколько объектов с именьковской керамикой и уникальный Кузубаевский клад ювелира VII в. (Останина и др., 2011). Существование таких кустов памятников этой культуры свидетельствует о прямом внедрении именьковского населения в древнеудмуртскую среду, скорее всего, вследствие экспансии болгар.

В связи с юго-западными миграциями в Приуралье заслуживает внимания еще один сюжет – результаты металлографических анализов железных изделий. Впервые на близость кузнечного производства железных изделий Тураевских курганов и предметов именьковской и черняховской культур указал Ю.А. Семькин (Семькин, 1993, с. 195–196). Он писал не только об их сходстве, а и о существовании двух оригинальных, самостоятельных центров черной металлообработки Приуралья – тураевского и именьковского. Уже тогда Ю.А. Семькин объяснял сходство металлообработки тураевского, именьковского и черняховского населения этнокультурной близостью. При этом Ю.А. Семькин констатировал также присутствие технологии трехслойного пакета при изготовлении одного из коротколезвийных топоров из кургана V Тураево (Семькин, 1993, с. 194). Поскольку в то время господствовала аксиома, что трехслойный пакет появился в Восточной Европе не ранее IX в., Ю.А. Семькин писал об этом очень осторожно. Сейчас можно считать этот факт на-

стоящим открытием в области металлографии Приуралья.

Ю.А. Семькин исследовал также большую серию (28 экз.) железных изделий с городища Лбище (Семькин, 2014, с. 245–276) и снова отметил большое сходство с железообработкой черняховской культуры и балтов римского времени, объясняя это мощным влиянием провинциальной римской культуры (Семькин, 2014, с. 254). На Лбище также им были выявлены два ножа, изготовленные из множества пакетных полос среднеуглеродистой стали при очень высоком качестве сварки (Семькин, 2014, с. 248, рис. 6).

Металлография 51 предмета именьковской культуры со Щербетского I островного селища и Маклашеевского II городища была проанализирована Л.С. Хомутовой. Из них три предмета были выполнены по технологии классического трехслойного пакета. И хотя Л.С. Хомутова сочла особенностью именьковского железа отсутствие «пакетного» металла (Старостин, Хомутова, 1981, с. 212–215), это была, скорее всего, дань традиции. Ею было проведено сравнение технологических приемов именьковских памятников и мордовских могильников этого же времени. Выяснилось, что среди именьковской серии редко, но встречаются трехслойный пакет, наварка стального лезвия на железную основу, а также сварка из двух полос, которых в мордовской нет (Старостин, Хомутова, 1981, рис. 2).

При изготовлении ножей технология трехслойного пакета была применена для изделий из селища Ош-Пандо-Нерь II (Кондрашин, 2007, с. 71, анализ 12), Старомайнского городища (Кондрашин, 2007, с. 72, табл. 1, анализ 28), а также других памятников Среднего Поволжья и Прикамья (Кондрашин, 2003, с. 22).

Ведущие специалисты России в области металлографии Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова и В.И. Завьялов отмечают значительное сходство технологий кузнечного производства черняховской, азелинской и именьковской культур (Терехова, Розанова, 1997, с. 146–148, 154–155). Черняховские и именьковские топоры совпадают не только по конструктивным особенностям, но и по размерам (Завьялов и др., 2009, с. 125).

Интереснейшее открытие было сделано А.П. Зыковым при работе с черным металлом (69 предметов) могильников Башкирии конца IV–VI в. Особый интерес представляет Старомуштинский могильник конца IV в., на котором были исследованы 102 погребения, из них 72 курганных и 30 грунтовых (Сунгатов и др., 2004). Авторы раскопок датировали его III–IV в., но некоторые материалы настолько близки Тураевским курганам, что сомнений в их одновременности и общем

происхождении нет. А.П. Зыков изучил металлографию шести железных изделий Старой Мушты, из которых в двух случаях (проушные топоры) исследователь отмечает очень сложную технологию высокого качества (Зыков, 2015, с. 162–164).

Коллекции из могил Бахмутинского и Бирского могильников конца IV–VI в. в Башкирии были представлены: ножами, проушными и втульчатymi топорами, наконечником копья, удилами, теслами, скобелями, резцами и сверлом. А.П. Зыков сообщает, что 60,9% этой выборки изготовлены из стали с содержанием углерода от 0,4%. Поверхностная цементация использована в 14 изделиях (23,2%). Автор особо отмечает относительное обилие трехслойных (10 образцов – 14,5% всей выборки или 17,9% всех сварных конструкций) пакетных изделий с центральными углеродистыми стальными полосами и боковыми железными или из мягкой малоуглеродистой стали. Важно, что трехслойные пакетные схемы применялись при изготовлении разных изделий – ножей, проушного и втульчатого топоров, тесел, резцов, скобелей. В отечественной археологии считается доказанным, что технология трехслойного пакета была привнесена в Восточную Европу из стран Скандинавии в конце I тыс. н. э. В IX в. изделия, выполненные в этой технике, массово распространились в ремесленных центрах Северной Руси (Старая Ладога, Гнёздово, Крутик). В X–XI в. трехслойный пакет стал использоваться в кузнечном производстве северных русских городов (Новгород, Суздаль), а в XII в. он исчез (Терехова, Розанова, 1993, с. 37).

Понимая сложность ситуации, А.П. Зыков указывает, что единичные примеры использования технологии трехслойного пакета на памятниках Восточной Европы середины I тыс. н. э. все-таки встречались. Он убежден, что большая серия изделий, выполненных в технологии трехслойного пакета, обнаруженная в Северном Башкортостане, свидетельствует, что местные кузнецы ею успешно владели (Зыков, 2015, с. 174–178). Учителями их, по его мнению, были пришельцы, оставившие Тураевский курганный могильник. По мнению А.П. Зыкова, Тураевские курганы принадлежали военной верхушке племен «морденс Иордана» – мордвы, обитавших в Западном Поволжье (Зыков, 2011, с. 74–76), и если бы не разрыв в три столетия между Андреевкой и Тураевым, с этим можно было бы согласиться. Он обращает особое внимание на присутствие этих навыков (трехслойный пакет) у населения черняховской культуры. На поселениях Журавка, Лепесовка, Кринички и могильнике Журавка Г.А. Вознесенской были выявлены пять изделий, выполненных в трехслойном пакете (Вознесенская, 1972, с. 8–49). Памятуя о том,

что именьковская культура имела своим истоком черняховскую (Матвеева, 1981, с. 52–73; 1986, с. 158–171), вполне возможно, что технология трехслойного пакета была усвоена в середине I тыс. н. э. населением Приуралья от черняховцев через именьковцев и тураевцев. Это еще раз подтверждает прямую связь воинской группы Тураевских и Старомуштинских курганов с населением средневожского варианта киевской, именьковской и черняховской культур.

Профессиональное изучение производства изделий из черного металла дает нам немало оснований для утверждения о несомненных контактах населения Волго-Уралья во 2-й пол. IV в. с далекими западными мастерами и, более того, определенно говорить о миграциях их в Приуралье – любые изделия можно принести или привезти, технологию же их производства, сохранившуюся на долгие десятилетия, – невозможно, необходимо личное присутствие мастеров. Эти новые технологии, принесенные мигрантами, сохранились в V–VI в. только в Северном Башкортостане, потому что в это время памятники мазунинского типа на правом берегу р. Камы в таком количестве, как прежде, исчезли. Как говорилось выше, под влиянием военных столкновений, последовавших во 2-й пол. IV в., местное население ушло с берегов крупных рек в междуречья.

Итак, Великое переселение народов в истории Волго-Камья – особый период в становлении самобытности этого региона. Появление на рубеже I–II в. н. э. в Сурско-Свияжском междуречье курганов андреевско-писеральского типа знаменовало начало эпохи, на протяжении которой осуществлялись не только многообразные контакты с окружающим миром, выразившиеся в культурных и торговых связях, но и прямые внедрения в лесное Волго-Камье разнообразных, порой многочисленных групп населения иного происхождения, этнической принадлежности, общественного и хозяйственного устройства. Свообразие этого региона определялось именно взаимодействием населения Волго-Камья с весьма отдаленными областями – северной и юго-восточной Европой, степной полосой Евразии, Передней, Средней и юго-восточной Азией, Зауральем и Сибирью.

К настоящему времени, кроме андреевско-писеральской зафиксированы еще, по меньшей мере, четыре волны инородного населения в Волго-Камье: в Среднее Прикамье: в III в. – ранних славян (средневожский вариант киевской культуры); во 2-й пол. IV в. славяно-германцев: в 3-й четв. IV в. (азелинцы, держава Германариха), в 4-й четв. (тураево-кудашевцы, именьковская культура), в Верхнее Прикамье – в 4-й четв. IV – зауральского населения (харинско-бродовские памятники)

(Голдина, 2022б). На протяжении всей 1-й пол. I тыс. н. э. осуществлялись как опосредованные, так и прямые контакты народов Волго-Камья с ближними и дальними областями, о чем свидетельствуют находки медной римской посуды (I–III в.) и бронзовых римских монет (III в.), стеклянных бус из мастерских Северного Причерноморья (I–V в.), поясной гарнитуры (гото-славяне, 2-я пол. II в., Кавказ, 2-я пол. III в.), фибул (II – 1-я пол. III в.), мечей из тигельной стали, украшенных халцедоновыми дисками (Индия, II–IV вв.), створок раковин Турбинелла пирум (Индия, III в.) и других изделий.

Среди проблем в изучении ВПН можно выделить следующие. Требуют обсуждения хронологические рамки ВПН для Приуралья. Если ранняя дата – рубеж I–II вв. не вызывает сомнений, то поздняя – VII в. может быть скорректирована. Предполагается, что первые болгары появились в Среднем Поволжье после 558 г. в результате притока в Северное Причерноморье авар. Затем последовало еще одно вторжение в последней четверти VII в. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 170–171), вероятно, одновременное с переселением другой группы болгар за Дунай под предводительством Аспаруха (680–681 гг.). Следующая миграционная волна болгар в Поволжье осуществилась в середине или второй половине VIII в. (Матвеева, 1997, с. 98). В Среднем Поволжье болгары отвоевали новую родину у именьковцев. Последние были частью уничтожены, некоторые ассимилированы, другие вынуждены уйти в Поднепровье на свои исторические места.

Для населения неволинской культуры Сылвенского поречья появление болгар в Поволжье имело трагические последствия. В условиях формирования государства, при острой нехватке людских и производственных ресурсов болгары, вероятно, неоднократно совершали набеги в сылвенско-иренское поречье и Верхнее Прикамье и в результате в середине IX в. цветущая неволинская культура прекратила свое существование. В Волжской Болгарии появились погребения с характерным неволино-поломско-ломоватовским инвентарем и керамикой (группы IV и V по Хлебниковой, 1984, с. 37–42, 221–223). В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому. Среди болгарских серий выявлены два антропологических массива: донско-приазовский ранних болгар и прикамско-приуральский (Ефимова, 1991, с. 41–45). Активное освоение Среднего Поволжья болгарами продолжалось и в последующем. На рубеже IX–X вв. возникло го-

сударство Волжская Болгария, которое в определенной степени способствовало укреплению стабильности в регионе. Таким образом, поздняя дата ВПН требует обсуждения.

Пришло время отказаться от мифического термина «угры» по отношению к приуральским древностям. Н.И. Егоров считает, что применение термина «угры» по отношению к культурам I тыс. н. э. Приуралья недостаточно корректно (Егоров, 2013, с. 54, 55). Применительно к I тыс. н. э. следует говорить о конкретных народах – хантах, манси, венграх (мадьярах). Н.И. Егоров утверждает, что в I тыс. н. э. этнонима угры не было, а значит не было и угорского этноса. Этот термин был введен венгерским лингвистом Й. Буденцом как классификационный, технический для обозначения группы близких по языку народов – хантов, манси, венгров и единого угорского праязыка-основы до его распада (Егоров, 2013, с. 50).

О том, что в I тыс. н. э. народы имели вполне определенные названия и самоназвания свидетельствуют письменные источники. В списке покоренных Германарихом 13-ти народов, перечисленных Иорданом, значатся меренс – меря, морденс – мордва, имнискары – черемисы и др. Очевидно, что вместо термина угры, который широко используется археологами для обозначения этнических групп Приуралья следует применять – мадьяры, манси и ханты. Таким образом, говоря об угорском компоненте с шнуровой керамикой в культуре волжских болгар, надо иметь в виду конкретный этнос манси, а не какой-то иной, замаскированный под угров. Мне импонирует и мысль Н.И. Егорова о том, что археологи в своих этногенетических построениях необычайно вольно обращаются с терминами: угро-самодийцы, «тюрко-угры», «угорско-болгарские племена» и др. «В реальной жизни никаких гибридных «угро-самодийцев», «тюрко-угров» не бывает, бывают угры, самодийцы, тюрки» (Егоров, 2013, с. 55).

Назрела необходимость комплексного подхода к изучению истории народов Приуралья в эпоху ВПН. Наука должна основываться на реальных фактах. Необходима тщательная ревизия концепций, выдвинутых в археологии ВПН ранее, дабы выявить наиболее аргументированные и обоснованные. Профессионально выполнить такую задачу можно только используя результаты всех частных к археологии наук: языкознания, истории, этнологии, антропологии и других. В целом же, эпоха Великого переселения народов для Прикамья является ключевой, и только совместные усилия ученых многих дисциплин могут принести желаемые результаты.

Вид на Куземаевское городище.
Алнашский район Удмуртской Республики. Фото В.И. Капитонова

Вид на Дубровский комплекс памятников IV в. н. э.
Киясовский район Удмуртской Республики. Фото Е.М. Черных

Женский поясной набор с халцедоновыми дисками
из погребения 28 Суворовского могильника (по Генингу В.Ф., 1963)

Ожерелье с халцедоновыми дисками
из погребения 28 Суворовского могильника (по Генингу В.Ф., 1963)

Мазунинская культура III–V вв.

История изучения памятников, отнесенных позднее к мазунинской культуре, началась с публикации в 1838 г. в Вятских губернских ведомостях описания Воткинского городища (Семенов, 1978, с. 4). В 1882 и 1888 гг. несколько памятников юга современной Удмуртии были описаны Г.Н. Потаниным и А.А. Спицыным. В 1894 г. казанский этнограф И.Н. Смирнов, изучая удмуртские «чудские» кладбища в Глазовском и Сарапульском уездах Вятской губернии, обнаружил на Каме Мазунинский могильник (ОАК, 1896, с. 27–28). В результате раскопок он нашел лишь череп, железный предмет и бронзовый браслет, обломки бронзовых предметов и керамики без орнамента (Талицкая, 1952, с. 83–84, № 619). По заданию Сарапульского земского музея в 1911 г. могильник был обследован Л.А. Беркутовым, который в разрушенной могиле обнаружил обломки меча и поясных накладок (Беркутов, 1914).

В 1926 г. небольшие раскопки были проведены московскими археологами С.Г. Матвеевым и А.П. Смирновым на городище и могильнике около д. Чужьялово. В 1932 г. А.П. Смирновым исследованы Бобьяучинский могильник и городище, а в 1936 г. – Верхнеутчанское городище (Останина, 1991а, с. 21, 32; Мельникова, 2014, с. 106–107).

В 1954 г. организована Удмуртская археологическая экспедиция (далее – УАЭ), которую возглавил В.Ф. Генинг. В 1954–1956 гг. восемь разведывательных отрядов УАЭ обследовали правобережье Камы и бассейны рр. Иж и Сива. Разведками охвачено 75 памятников археологии, среди них 37 послепьяноборского времени (Генинг, 1957, с. 92–93).

В это время В.Ф. Генингом проводились раскопки Мазунинского могильника, давшего название новой, выделенной им культуре, – мазунинской. Могильник находился вблизи с. Мазунино Сарапульского района УАССР (ныне УР), в урочище «Каменки».

В.Ф. Генинг, пытаясь определить историческое место могильника, менял свою точку зрения. Так, первый год раскопок некрополя, давший всего 15 погребений, позволил отнести его к «типу Бахмутинского могильника (конец V–VI в.)». По мнению исследователя, на территории Прикамья наиболее близкими к нему были Сайгатский и Сарапульский, а переходным могильником являлся Ныргында I. Население, оставившее подобные памятники, генетически связано с населением пьяноборской культуры (Генинг, Отчет 1954). В 1955 г., после вскрытия еще 40 погребений, он уже писал, «что в нем чрезвычайно мало черт пре-

емственности с пьяноборской археологической культурой», а могильник датировал IV–VII вв. (Генинг, Отчет 1955). Теперь он предполагал, что население, оставившее Мазунинский могильник, выходцы с р. Белой – племена бахмутинской культуры (Генинг, Отчет 1955). В 1956 г. после окончания раскопочных работ на могильнике (всего вскрыто 69 погребений; Генинг, Мырсина, 1967в, с. 85–115) В.Ф. Генинг меняет свою точку зрения на происхождение носителей выделенной им культуры: пришельцы на среднюю Каму из круга угорских племен. Наибольшую близость он видит в погребальном обряде харинских курганных захоронениях Верхнего Прикамья (Генинг, Отчет 1956, л. 17–20).

В 1956 г. В.Е. Стояновым исследовался Быргындинский I могильник, расположенный в Каракулинском районе Удмуртии (всего вскрыто 8 погребений). Найдены артефакты, аналогичные вещам Мазунинского могильника (Генинг, 1958, с. 169). В этом же году В.А. Семеновым был открыт еще один могильник – Нивский – в бассейне р. Сивы, правого притока Камы, с подобным Мазунинскому могильнику материалом (Семенов, 1967, с. 120–121).

Некрополь с аналогичным материалом был исследован В.Е. Стояновым на Каме около с. Сайгатка Пермской области. Вскрыто 43 погребения (Стоянов, 1962, с. 117–134). В 1957 г. случайно открыт и частично изучен В.Ф. Генингом еще один одновременный могильник – Ижевский (р. Иж, правый приток Камы). На нем было вскрыто 38 погребений (Генинг, 1967, с. 123–140).

Таким образом, за 4 года раскопочно-разведочных работ была создана источниковедческая база (161 погребение), которая долгое время оставалась без изменений и легла в основу выделения мазунинской культуры в Среднем Прикамье и дальнейших теоретических построений В.Ф. Генинга.

На территории Северной Башкирии происходил подобный же процесс изучения памятников I тыс. н. э. как краеведами, так и известными учеными (А.А. Спицын, Ф.Д. Нефедов, В.В. Гольмстен, Д.Н. Эдинг): от их фиксации и внешнего описания (с конца XVIII в.) до незначительных раскопок в дореволюционный период (Мажитов, 1968, с. 3–5). В 1928 г. экспедиция АН СССР во главе с А.В. Шмидтом начала изучение Бахмутинского могильника на р. Уфе (вскрыто 30 погребений). Кроме того, он обследовал городище Соколиный Камень и Чандарское селище, находящиеся около Бахмутинского могильника. Им

была выделена бахмутинская культура, датируемая V–VII вв. (Шмидт, 1929, с. 16–25). По мнению А.П. Смирнова, Бахмутинский могильник был оставлен местными финно-угорскими племенами (Смирнов, 1957, с. 54).

В конце 1950 – начале 1960-х гг. на территории Башкирии проводились крупномасштабные археологические исследования. Особенно большой вклад внес Н.А. Мажитов. На Бирском могильнике в течение 5 лет, начиная с 1958 г., им было вскрыто 206 погребений. В 1959 г. Н.А. Мажитов обнаружил 18 погребений на Каратамакском могильнике, а в 1960 г. – 14 на Бахмутинском. Эти памятники исследователь отнес к бахмутинской культуре (Мажитов, 1968, с. 6–7).

По материалам раскопок 1958–1962 гг. им была защищена кандидатская диссертация и издана монография, обобщающая исследования по бахмутинской культуре (Мажитов, 1968).

Период 1950–1970-х гг. отмечен в Башкирии ростом разведывательных работ. Ежегодно с участием многих поколений археологов (Р.Б. Ахмеров, В.С. Стоколос, А.Х. Пшеничнюк, Г.И. Матвеева, В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович и др.) шли поиски новых памятников. С 1964 г. в ИИЯЛ БФ АН СССР была открыта тема «Археологическая карта Южного Урала», в разработке которой предусматривалось участие археологов Башкирского государственного университета и Института археологии АН СССР. Научным руководителем темы в 1965–1966 гг. был К.В. Сальников, а затем Н.А. Мажитов.

В 1965–1970 гг. на территории Башкирии удалось зафиксировать 267 памятников бахмутинской/мазунинской культуры (Останина, 1997, с. 14), описание которых вошло в изданную в 1976 г. «Археологическую карту Башкирии». В 1966–1975 гг. С.М. Васюткиным изучаются могильники (Ангасякский, Малокачаковский, Старокабановский, Югомашевский), а В.А. Ивановым и Г.И. Матвеевой ряд городищ (Казакларовское I, Юмакаевское, Барьязы).

Следующий этап изучения памятников I тыс. н. э. на территории Удмуртии и соседних регионов приходится на 1970 – начало 1990-х гг. Он связан с созданием Р.Д. Голдиной Камско-Вятской археологической экспедиции при Удмуртском государственном университете (далее – КВАЭ). Разведывательные работы экспедиции Удмуртского республиканского краеведческого музея (1974, 1978–1980), также разведывательных отрядов КВАЭ в 1973, 1975–1984 гг. в западных районах УАССР и на правых притоках Камы, в бассейне Тулвы (левый приток Камы) с 1977 г. по 1989 г. (Казанцева, 2004) позволили определить западные и восточные границы мазунинской культуры на территории Удмуртии, Татарии и Пермской обла-

сти. Большой вклад в изучение памятников культуры внесли и пермские археологи (Казанцева, 2009, с. 46). В 1970–1984 гг. крупномасштабные раскопки мазунинских могильников проводила экспедиция Удмуртского республиканского музея во главе с Т.И. Останиной (Нивский, Чепанихинский, Покровский, Ижевский). Иногда раскопки велись совместно с КВАЭ. На площади 6 990,5 кв. м было вскрыто 730 погребений (Останина, 2012, с. 13). Ею проводились крупномасштабные работы на средневековых поселениях как на территории Удмуртии (Постольское, Сосновское, Чужьяловское, Кузубаевское I городища), так и Башкирии (Казакларовские I, II, Сорвихинское городища, Алтаевское III селище).

Отряды КВАЭ проводили раскопки на двух пьяноборских могильниках (Нырғында I, Афонинский), содержащие погребения раннего этапа мазунинской культуры (III в.). В последние десятилетия XX – начало XXI в. КВАЭ продолжено исследование Тураевского грунтового могильника (Р.Д. Голдина, Н.В. Водолаго), а также выявлены и раскопаны еще ряд некрополей: Заборьинский (В.А. Бернц), Тарасовский (Р.Д. Голдина), Боярский (*Арай*) и Дубровский (Е.М. Черных). Всего в указанный период силами отрядов КВАЭ раскопано 2642 погребения постпьяноборского времени, в том числе мазунинской культуры.

На территории Башкортостана в 1988–2002 гг. проводились крупные раскопочные работы на Старо-Муштинском курганно-грунтовым могильнике (III–IV вв.). Здесь было вскрыто 102 погребения (Сунгатов и др., 2004, с. 3–6). Продолжены раскопки и на Бирском (Мажитов, Султанова, 1983, с. 157; Русланова, 2018, с. 91–98), Старо-Кабановском, Ангасякском могильниках. В течение 1978, 1981, 1983–1985, 1990, 1991 гг. на Бирском могильнике было вновь исследовано 486 погребений, из них 250 отнесены А.Н. Султановой к мазунинской культуре (Султанова, 2000, с. 11). После длительного перерыва раскопки на памятнике возобновились с 2017 г. под руководством Р.Р. Руслановой (2018, с. 96).

Памятники послепьяноборского времени как *мазунинские* впервые были выделены В.Ф. Генингом в 1958 г. в научно-популярной книге «Археологические памятники Удмуртии». В краткой форме он дал описание находок, погребального обряда, занятий населения в III–VI вв., приводя в основном примеры из результатов собственных раскопок городища Чеганда I и Мазунинского могильника. Автор привел археологическую карту этой культуры со списком из 34 памятников (Генинг, 1958, рис. 29, 33).

В 1959 г. В.Ф. Генинг обратил внимание на общее происхождение мазунинской и бахмутинской

культур, происходящих, по его мнению, из угорской общности в результате продвижения южноуральских и западносибирских племен на запад и слияния их с местным населением (Генинг, 1959, с. 201).

В 1967 г. В.Ф. Генинг делает всесторонний анализ памятников мазунинской культуры для выявления их места в истории населения Прикамья (1967а, с. 7–84). В дальнейшем ученый не раз обращался к изучению культуры, менялись его точки зрения на основные элементы культуры. Характеристике бахмутинской и мазунинской культур был посвящен раздел статьи «Южное Приуралье в III–VII вв.» (Генинг, 1972, с. 222–242), где он утверждал местное происхождение мазунинской культуры, определил ее территорию (удмуртское Прикамье, нижнее течение Белой), выделил два варианта (удмуртский и башкирский) со специфическим набором вещей. Памятники V–VII вв. он относил к бахмутинской культуре, пришедшей по своему происхождению (западноуральское население; угорское?).

В докторской диссертации, посвященной этнической истории Южного Прикамья в I тысячелетии н. э., В.Ф. Генинг уделяет внимание погребальному обряду и специфическим вещам удмуртского и башкирского вариантов мазунинской культуры (Генинг, 1974, с. 15). В происхождении культуры, по его мнению, приняло участие население, оставившие памятники кара-абызской, частично чегандинской культуры и пришлых групп населения. Давая характеристику материалов Бахмутинского могильника, он находит аналогии в памятниках гафурийско-убаларской культуры. Вопрос о выделении самостоятельной бахмутинской культуры остается пока открытым (Генинг, 1974, с. 16).

Н.А. Мажитов, сравнивая материалы Бахмутинского могильника с другими могильниками, объяснил разницу их хронологией, выделив ранний этап бахмутинской культуры (III–IV вв.), в который включил Каратамакский могильник, 40 погребений Бирского и более 10 погребений Бахмутинского могильников (1962, с. 66, 69, 70).

В статье «К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры» Н.А. Мажитов приходит к заключению, что признаки мазунинской культуры характеризуют не культуру, а вариант бахмутинской археологической культуры (Мажитов, 1964, с. 102).

Иную точку зрения на памятники Среднего Прикамья III–V вв. высказала в 1987 г. Р.Д. Голдина, давая историю пермских народов в эпоху железа. Она рассматривает «мазунинские комплексы как позднюю стадию чегандинской культуры» (Голдина, 1987, с. 13).

Область расселения. Территория культуры занимает примерно 1/3 часть современной Удмуртии и Башкортостана, а также северо-восточные районы Татарстана и юго-западную окраину Пермского края (рис. 1) Всего на данной площади зафиксировано 479 памятников культуры. В удмуртском Прикамье мазунинское население проживало на правом берегу Камы и в бассейнах ее крупных притоков (Сива, Иж, Тойма), а также в верховьях р. Кильмези, левого притока Вятки (рис. 2). В башкирском Прикамье население было сконцентрировано на правом берегу Белой в бассейнах рек Б. Танып, Бири, Уфы, а также на р. Буй, левом притоке Камы (рис. 3).

Восточная граница определяется памятниками среднего течения р. Сивы (Загибовские I и II городища) и правобережья Тулвы (Аклушинское городище, Красноярское I городище) (Казанцева, 2004, с. 16, 21–22; 2009, с. 48, 65–67, 90; 2012; Останина, 1997, рис. 39; История Удмуртии, 2007, с. 188, рис. 3). Определилась и западная граница – правобережье Тоймы, а также верховье р. Кильмези (Курекгуртское селище, городище Пек-Жикья) (рис. 2).

Для северной и частично центральной части территории культуры (до устья р. Б. Танып) характерно равномерное расположение городищ с незначительным числом селищ (рис. 3). Здесь количество селищ около городищ обычно равно одному-двум, за исключением бассейна р. Варзи, правого притока р. Иж, где в окрестностях Кузубаевского II городища (д. Кузубаево, Алнашский р-н, УР) сконцентрировалось 8 селищ. Около 2/3 городищ и селищ расположено в междуречье Б. Таныпа и Уфы, правых притоков Белой. Причем если по берегам рек Белой и Уфы городища расположены равномерно, а число селищ около них обычно равно 2–3, то в бассейнах Быстрого Таныпа и Бири характерно расположение укрепленных поселений в верховьях их притоков, что объясняется необходимостью защиты населения с юга и с востока. А остальная прибрежная территория этих рек густо заполнена селищами, количество которых на каждой мелкой речке составляло от 4 до 11. Среднее и нижнее течение этих рек оказалось в центре территории культуры, относительно безопасной зоне, поэтому стало самой густонаселенной ее частью.

Поселения. Для селищ мазунинской культуры было характерно размещение на невысоких берегах рек, чаще всего на высоте 3–6 м. Из 302 селищ только 39 (12,9%) занимали площадки на высоких береговых террасах. Они, как правило, располагались или около крупных рек, или за валами городищ. Таким образом, в мазунинское время население «спустилось» с высоких берегов крупных рек,

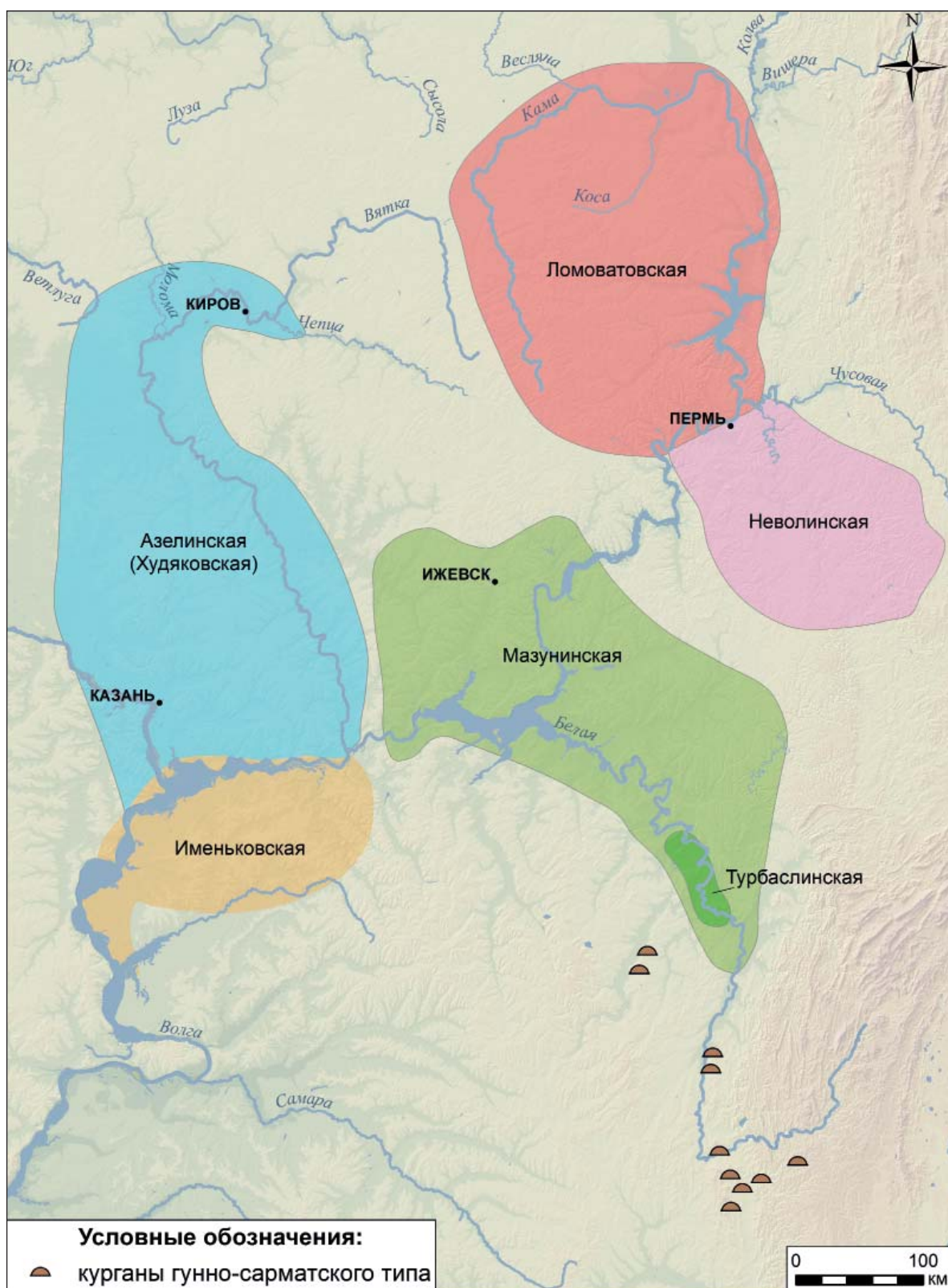

Рис. 1. Схема расположения археологических культур Среднего Прикамья, V в.

типичных для системы расселения пьяноборских племен правобережья Камы, на низкие берега мелких рек (рис. 5: 3). Размещение селищ на невысоких берегах, наиболее удобных для земледелия, позднее привело почти к полному уничтожению культурного слоя. Так, при раскопках Чумалин-

ского II селища (Алнашский р-н, УР) на площади 333 кв. м зафиксированы одна хозяйственная и три столбовые ямы, а из находок – 14 фрагментов керамики (Останина, 1977, л. 5–7; Шутова и др., 2009, с. 151–152). При масштабных раскопках на Алтаевском III селище (Буревоцкий р-н, РБ)

обнаружено 13 хозяйственных и 5 столбовых ям (Останина, 1980, с. 163–164). А находки представлены опять только фрагментами керамики, пряслицами, фрагментами тиглей, кусочками шлака. Подобный же результат дали раскопки 1984 г. на Петропавловских II, III селищах (Алнашский р-н, УР) под руководством О.А. Казанцевой (Казанцева, 1984). Площадь распространения фрагментов керамики, кусков обожженной глины и шлака на селищах культуры составляла от 0,5 тыс. кв. м до 15 тыс. кв. м.

Ко второй группе памятников относятся 142 городища, которые по своему функциональному использованию делятся на два типа – сторожевые крепости и городища-поселения.

Сторожевые городища малой площади от 0,5 тыс. кв. м до 3,5 тыс. кв. м обычно занимали высокие мысы на берегах крупных рек (определено 57 городищ; рис. 5: 1, 2, 4). Так, самые высокие мысы имели высоту 100 м (Сундугачское городище), 135 м (Югомашевское III). Чаще всего городища малой площади располагались на берегах крупных рек (Белая, Кама, Иж, Буй). Береговая терраса мелких рек вынуждала выбирать для городищ низкие мысы высотой 8–16 м, но и в этом случае площадка памятника всегда занимала господствующее положение на местности. Нами выделено пять видов системы защиты (1–4 вала, с естественной защитой). Большинство городищ этой группы было укреплено одним валом (75,9%). Почти все городища имеют треугольную (рис. 5: 2), удлинненно-треугольную форму, лишь пять – прямоугольную (рис. 5: 4), три – круглую (рис. 5: 1). Культурный слой на памятниках данной группы отсутствует или беден находками

Они являлись прежде всего наблюдательными пунктами, откуда следили за передвижением врага и предупреждали население о надвигающейся опасности. Неслучайно эти городища находятся на окраинах территории мазунинской культуры: на юге – Акбердинское (Кыз-Кала-Тау), на востоке – Загибовское II, Красноярское, Урталгинское (Назарова гора), Югомашевские II, III, IV, Кигазинское, Сундугачское, Чандарское (Соколиный камень), на западе – Пек-Жикья, Минчегуртское, Варалинское, Староигринское, Гаранькинское и Нижнекотельничское (рис. 4). Наличие искусственных укреплений (до трех валов и рвов) позволяет предполагать, что перед охранным отрядом стояла задача временного задержания врага, чтобы мирное население вместе со скотом, как наиболее ценным добром, могло отойти в более безопасное место. В пользу этого предположения свидетельствуют материалы полностью изученного в 1981 г. Староигринского городища в Граховском районе УР (рис. 5: 4). Здесь вдоль склонов мыса го-

родища находились равномерно расположенные открытые очаги больших размеров и с мощным слоем прокаленной глины до 40 см от сигнальных костров. А на конце мыса – остатки наблюдательного пункта в виде сторожевой башни (Останина, 1985, рис. 2, 3). Слабый культурный слой свидетельствует о кратковременном пребывании здесь людей, которые оставили обломки пестов-терочников, отдельные предметы обуви, украшения, обломки глиняной посуды и незначительное число костей животных (Останина, 1985, с. 85–89).

На самом западном городище – пункте наблюдения Пек-Жикья (бассейн Валы) в культурном слое наблюдается преобладание костей диких (лося, северного оленя, медведя, бобра) над числом костей домашних животных. Оно представляет собой высокий холм (44 м), имеющий наряду с естественными крутыми склонами и искусственный срез края в северо-западной части. Как показали раскопки, площадка холма была еще укреплена канавой глубиной до 120 см и забором. На площадке обнаружены очертания 18 ям и 4 кострищ, незначительное число предметов (нож, поделки из кости) и фрагменты лепной керамики (выявлено 26 сосудов). Предполагается наличие на городище двух наземных срубных сооружений (Голдина, 1979, с. 114, 116). Состав мясной пищи обитателей городища при развитом скотоводстве и земледелии мазунинского населения позволяет судить о том, что здесь находился временно проживающий отряд воинов и их занятия далеки от производящих отраслей.

Картография расположения сторожевых крепостей-городищ выявила их концентрацию на правобережье Тоймы, в низовье р. Иж и на правобережье Камы, что определялось, на наш взгляд, необходимостью контроля за передвижением врага с запада, а нахождение их в верховьях притоков Б. Таныпа – опасностью нападения врага с востока.

Выделяется вторая группа городищ – поселения, основная функция которых – место постоянного проживания населения (определено 71 городище; рис. 4; 6: 1–6). В качестве поселений использовались одноплощадочные городища. Выделяется подгруппа городищ с очень большой площадью 18–35 (132) тыс. кв. м (7 памятников). Они располагаются в верховье Б. Таныпа и в междуречье Бири и Уфы. Городища с большой площадью были характерны в Среднем Прикамье для кара-абызских племен (Пшеничнюк, 1973, с. 193). Неслучайно традиции этого населения сохранились на территории их бывшего проживания или вблизи ее. Все городища этой группы имеют слабый культурный слой и защищены одним (5 случая), двумя (1 сл.), тремя (1 сл.) валами.

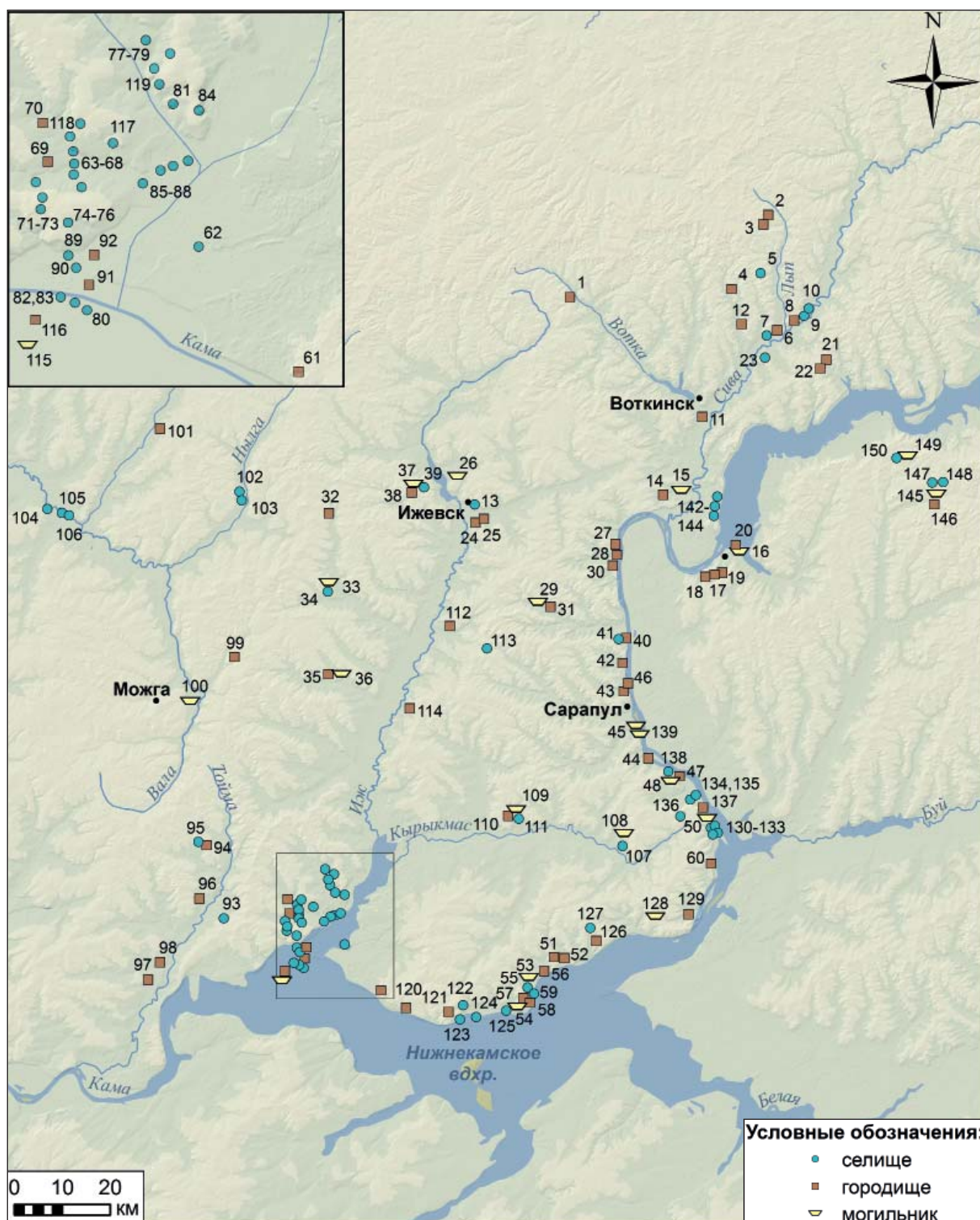

Рис. 2. Карта-схема памятников мазунинской культуры удмуртского варианта.
 Список памятников мазунинской культуры к рис. 2, 3, 4

- 1 – Сосновское городище; 2 – Загибовское I городище; 3 – Загибовское II городище; 4 – Малокиварское городище; 5 – Дубровинское селище; 6 – Большекиварское (Лазарево поле) городище; 7 – Большекиварское I селище; 8 – Шалавенское городище; 9 – Шалавенское I селище; 10 – Шалавенское II селище; 11 – Воткинское городище; 12 – Среднекиварское (Таракановское) городище; 13 – Карлудское селище; 14 – Перевозинское городище; 15 – Нивский могильник; 16 – Сайгатский могильник; 17 – Ольховское I городище; 18 – Ольховское II городище; 19 – Ольховское III городище; 20 – Сайгатское городище; 21 – Верхнерождественское городище; 22 – Поздышкинское городище; 23 – Черепановское II селище; 24 – Карлудское I городище; 25 – Карлудское II городище; 26 – Ижевский могильник; 27 – Макаровское I городище; 28 – Макаровское II городище; 29 – Чепанихинский могильник; 30 – Колюшевское городище; 31 – Дуванацкое городище; 32 – Постольское (Кленовый мыс) городи-

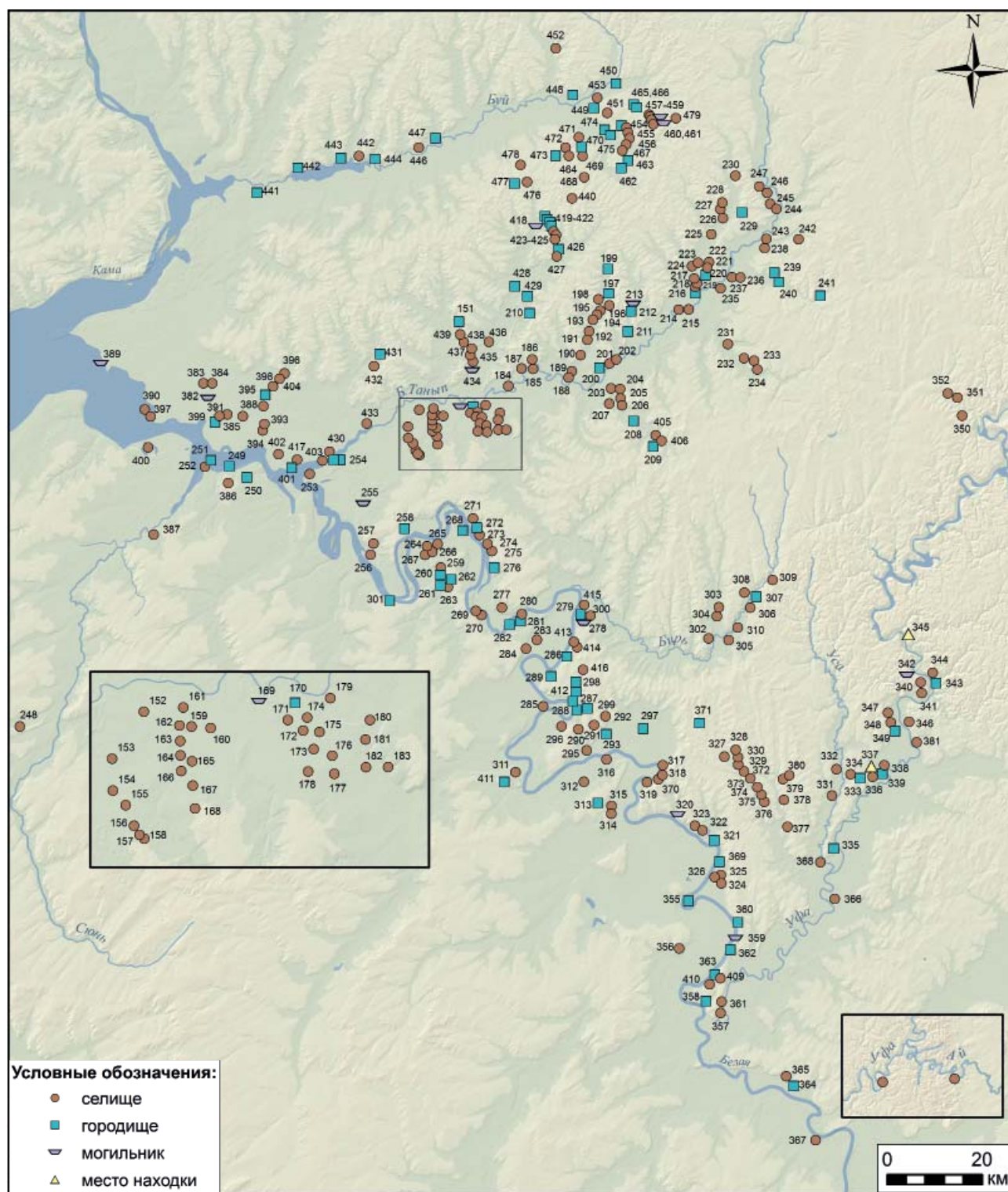

Рис. 3. Карта памятников мазунинской культуры башкирского варианта.

ще; 33 – Покровский могильник; 34 – Покровское селище; 35 – Бобья-Учинское городище; 36 – Бобья-Учинский могильник; 37 – Чужьяловский могильник; 38 – Чужьяловское городище; 39 – Чужьяловское селище; 40 – Дулесовское городище; 41 – Дулесовское селище; 42 – Яромасское городище; 43 – Сарапульское (Кладовая Веретия) городище; 44 – Непряхинское городище; 45 – Сарапульский I могильник; 46 – Чупихинское городище; 47 – Межновское (Лупихинское) I городище; 48 – Мазунинский (Каменки) могильник; 49 – Афонинский могильник; 50 – Тарасовский могильник (поздняя часть); 51 – Чегандинское I городище; 52 – Чегандинское II городище (селище); 53 – Быргындинский I могильник; 54 – Нырғындынский I могильник (поздняя часть); 55 – Быргындинское II селище; 56 – Быргындинское I (Архиерейская Релка, Под Клименом); 57 – Нырғындынское II городище; 58 – Нырғындынское III городище; 59 – Быргындинское IV селище (VIII селище); 60 – Цигвинцевское (Алексеевское) городище; 61 – Малиновское (малое) городище; 62 – Салаушское I селище; 63 – Кузубаевское I селище;

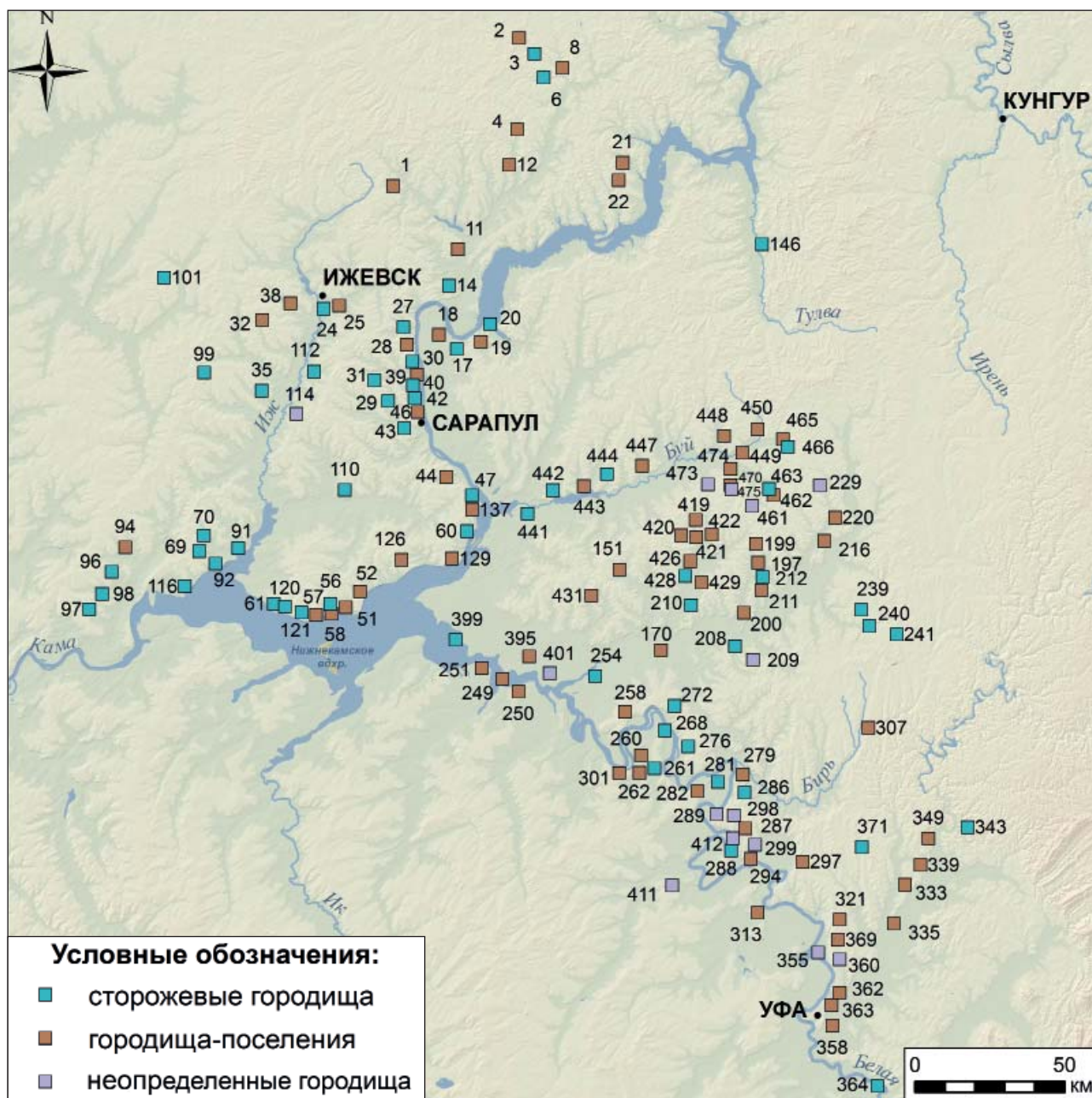

Рис. 4. Карта-схема сторожевых городищ и городищ-поселений мазунинской культуры

64 – Кузубаевское II селище; 65 – Кузубаевское III селище; 66 – Кузубаевское IV селище; 67 – Кузубаевское V селище; 68 – Кузубаевское VI селище; 69 – Чумалинское городище; 70 – Кузубаевское II городище; 71 – Чумалинское I селище; 72 – Чумалинское II селище; 73 – Чумалинское III селище; 74 – Муважинское I селище; 75 – Муважинское II селище; 76 – Муважинское III селище; 77–79 – Варзи-Ятчинские I–III селища; 80 – Голышурминское селище; 81 – Юмьяшурское селище; 82 – Успенское селище; 83 – Петропавловское I селище; 84 – Варзи-Омгинское селище; 85–88 – Варзинские I–IV селища; 89 – Балтачевское I селище; 90 – Балтачевское II селище; 91 – Балтачевское городище; 92 – Варзи-Пельгинское городище; 93 – Староюмьинское селище; 94 – Верхнеутчанское городище; 95 – Верхнеутчанское селище; 96 – Варалинское городище; 97 – Староигринское городище (Каргурезь); 98 – Гаранькинское городище; 99 – Минчегуртское городище; 100 – погребение на поселении Чумайтло I; 101 – городище Пек-Жикья; 102 – Гаинское I поселение; 103 – Гаинское II поселение; 104 – Курекгуртское селище; 105 – Володарское I поселение; 106 – Володарское II поселение; 107 – Заборьинское селище; 108 – Заборьинский могильник; 109 – Дубровский могильник; 110 – Дубровское городище; 111 – Дубровское селище; 112 – Чутожмонское городище; 113 – Бурановское селище; 114 – Усъянское городище; 115 – Тураевский I (грунтовый) могильник; 116 – Нижнекотельническое городище; 117 – Кузубаевское VII селище; 118 – Кузубаевское поселение Вужгурт; 119 – Варзи-Ятчинское IV селище; 120 – Муновское I городище; 121 – Верхнемалиновское городище; 122 – Ильнешское I селище; 123 – Зуево-Ключевское VI селище; 124 – Быргындинское III селище; 125 – Дубровское II поселение; 126 – Каракулинское III (Партизанское, Половинный лог) городище; 127 – Буториха I, селище; 128 – Боярский могильник «Арай»; 129 – Боярское городище; 130 – Тарасовское IV селище; 131 – Тарасовское VI селище; 132–133 – Тарасовские VIII–IX селища; 134–135 – Соколовские II–III селища;

136 – Ежовское селище; 137 – Момылевское (Мумылевское) городище; 138 – Межновское II селище; 139 – Усть-Сарапульский могильник; 140–141 – Шевыряловские I–II селища; 142–144 – Степановские XVI–XVIII селища; 145 – Красноярский могильник; 146 – Красноярское городище; 147 – Красноярское I селище; 148 – Красноярское II селище; 149 – Кудашевский могильник; 150 – Кудашевское селище; 151 – Краснохолмское городище; 152 – Курзясайтовское селище; 153 – Ташкубаровское селище; 154–155 – Челкановские I–II селища; 156 – Хозиевское (Хожийское) селище; 157–158 – Тугаряковские I–II селища; 159–160 – селища I–II Аштияз; 161–166 – Каинлыкские I–VI селища; 167–168 – Карабаевские I–II селища; 169 – Каратамакский могильник; 170 – Кудашевское городище; 171–173 – Кудашевские I–III селища; 174–175 – Кудашевские IV–V селища; 176–177 – Кушманаки I–II селища; 178 – Сибирганское селище; 179 – Чишма-Бураевское селище; 180 – Шабаевское селище; 181 – Шунякское селище; 182 – Муллинские I селище; 183 – Муллинские II селище; 184 – Кузбаевское селище; 185–187 – Алтаевские I–II селища; 188–189 – Варзинские I–II селища; 190 – Большешукшанское селище; 191 – Кутляировское селище; 192 – Чиатавское селище; 193–195 – Николаевские I–III селища; 196 – Ардашевское селище; 197 – Ардашевское городище; 198 – Александровское селище; 199 – Чоркильдинское городище; 200 – Юмакаевское городище; 201 – Юмакаевское II селище; 202 – Каргалинское селище; 203 – Новокизгановское I селище; 204 – Новокизгановская II стоянка и селище; 205–207 – Старотазларовские I–III селища; 208 – Тазларовское городище; 209 – Баразинское городище; 210 – Актугановское городище; 211 – Тучубаевское городище; 212 – Кансияровское городище; 213 – Кансияровские погребения; 214–215 – Магашлы-Алмандаевские II–III селища; 216 – Тибельское городище; 217 – Югское селище; 218 – Тибельское селище; 219 – селище Кирпичное; 220–222 – Менеgezские I–II селища; 223 – Нижнесикийское селище; 224 – Усакле-Елгинское селище; 225 – Савкиязовское селище; 226 – Бальзуганское селище; 227–228 – Юг-Хуторские I–II селища; 229 – Юг-Хуторское городище; 230 – Лагерное селище; 231 – Нижне-Иванаевское селище; 232 – Верхне-Иванаевское I селище; 233 – Верхне-Иванаевское II селище; 234 – Верхне-Иванаевское III селище; 235 – Мещеровское селище; 236 – Новобалтачевское селище; 237 – Чип-Чипское селище; 238 – Асафское селище; 239 – Афанасьевское городище; 240 – Сундугачское городище; 241 – Кизгазинское городище; 242 – Новокарское селище; 243 – Русско-Карское селище; 244 – Ивановское селище; 245 – Береговское селище; 246 – Старо-Кызыл-Ярское I селище; 247 – Старо-Кызыл-Ярское II селище; 248 – Мельненское селище; 249 – Новомедведевское I городище; 250 – Андреевское городище; 251 – Юлдашевское городище (Петер-Тай); 252 – Юлдашевское селище; 253 – Юсуповское II селище; 254 – Манякское городище; 255 – Ангазякский могильник; 256 – Новобиктовское I селище; 257 – Новобиктовское III селище; 258 – Старомаядыкское I городище; 259 – Казакларовское селище; 260–262 – Казакларовские I–III городища; 263 – Ишбулатовское селище; 264–265 – Кулгановские I–II селища; 266–267 – Новокангышевские I–II селища; 268 – Башкураевское (Кулай-Туба) городище; 269 – Новоляпустинское селище; 270 – Новоуртаевское селище; 271 – Казанцевское селище; 272 – Казанцевское городище; 273 – Новоельдьяковское селище; 274–275 – Камилевские I–II селища; 276 – Янтузовское городище; 277 – Баишевское селище; 278 – Бирский II могильник; 279 – Бирское (Чертово) городище; 280 – Поповское селище; 281 – Поповское городище; 282 – Вознесенское городище; 283 – Кусекеевское селище; 284 – Десяткинское селище; 285 – Самутинское селище; 286 – Михайло-Никольское городище; 287–288 – Камышенские I–II городища; 289 – Костаревское городище; 290 – Бикмурзинское селище; 291 – Симкинские I селище; 292 – Симкинские II селище; 293 – Чимшинское селище; 294 – Новопетровское городище; 295 – Петровское селище; 296 – Питяковское селище; 297 – Сорвихинское городище; 298 – Силантьевское городище; 299 – Камышевское III городище; 300 – Бирское V селище; 301 – Дюртилиноское городище; 302 – Кочкильдинское селище; 303 – Новоакбулатовское селище; 304 – Унурское (Унуровское) селище; 305 – Сабаевское селище; 306 – Байбаковское селище; 307 – Камеевское городище; 308 – Камеевское селище и стоянка; 309 – Бабаевское селище; 310 – Урьядинское селище; 311 – Япарковское селище; 312 – Канлинское селище (Саклы-Булак); 313 – Кувыковское городище; 314–315 – Кувыковские I–II селища; 316 – Ахлыстинское селище; 317–318 – Дуванейские I–II селища; 319 – селище Яблочкинское; 320 – Дмитриевский могильник; 321 – Благовещенское городище; 322–323 – Благовещенские I–II селища; 324–326 – Новотурбаслинские I–III селища; 327 – Труженниковское селище; 328–330 – Орловские I–III селища; 331 – Дмитриевское селище; 332 – Казанковское селище; 333 – Варязское городище; 334 – Варязское селище; 335 – Укманское городище; 336 – Ахлыстинское селище; 337 – Ахлыстинские находки; 338 – Анненское селище; 339 – Бажинское городище (Каменная гора); 340 – Эманинское I селище; 341 – Эманинское II селище; 342 – Бахмутинский могильник; 343 – Чандарское городище; 344 – Чандарское селище; 345 – Савакаские находки; 346 – Новобиричьевское селище; 347–348 – Старобиричьевские I–II селища; 349 – городище Ксякю-Тай; 350 – Байкинское селище; 351–352 – Якуповские I–II селища; 353 – Ивангайская стоянка и селище; 354 – Метелинское селище; 355 – Горновское городище (Гремячий ключ); 356 – Михайловское селище; 357 – Юнарское селище; 358 – Уфимское (Чертово) городище; 359 – погребение на ул. Аксакова (г. Уфа); 360 – Родничное городище; 361 – Дудкинское II селище; 362–363 – Уфимские II–III городища; 364 – Акбердинское городище (Кыз-Кала-Тай); 365 – Блохинское селище; 366 – Кляшевское селище; 367 – Поселковское селище; 368 – Ахметовское селище; 369 – Кара-Абызское городище; 370 – Ильинское I селище; 371 – Богородское (Сергеевское) городище; 372 – Новонадеждинское селище; 373 – Трошкинское селище; 374–376 – Садовские I–III селища; 377 – Турушлинское селище; 378 – Арамеевское селище; 379–380 – Старогилевские I–II селища; 381 – Красногорское селище (?); 382 – Старомуштинский могильник; 383–384 – Старомуштинские VIII–IX селища; 385 – стоянка и селище Какры-Куль XV; 386 – Старокиргизовская стоянка и селище; 387 – Турачинское селище; 388 – стоянка и селище Кыз-Кала-Тай; 389 – Старокабановский могильник; 390 – Бачки-Тауское селище; 391 – Какры-Кульское селище; 392 – Бурнюшевское I селище; 393 – Старокаинлыкское II селище; 394 – Старокаинлыкское I селище; 395 – Бурнюшское городище; 396 – Киргизовское селище; 397 – Староянзигитовское селище; 398 – Бурнюшевское II селище; 399 – Какры-Кульское городище; 400 – селище Ирмяш I; 401 – городище Тав-Такталачук; 402 – Новобуртукское селище; 403 – Манякское I селище; 404 – Киргизовское III селище; 405–408 – Бакалинские I–IV селища; 409 – Затонское IV селище; 410 – Ручейское селище (г.Уфа); 411 – Новомуллакаевское городище; 412 – Камышенское IV городище; 413–415 – Костыревские I–III селища; 416 – Силантьевское селище; 417 – Старобуртукское селище; 418 – Югомашевский могильник; 419–422 – Югомашевские I–IV городища; 423–425 – Югомашевские I–III селища; 426 – Шульгановское городище; 427 – Шульгановское селище; 428 – Таулинское городище;

429 – Месягутовское городище; 430 – Маняжское II селище; 431 – Барьязинское городище; 432 – Барьязинское селище; 433 – Бачулинское селище; 434 – Малокачаковский могильник; 435–437 – Куяновские I–III селища; 438–439 – Тойкинские I–II селища; 440 – Салиховское селище; 441 – Амзинское городище; 442 – Чишминское городище; 444 – Исаховское городище; 445 – Ошья-Тауское селище; 446 – Таш-Ельгинское селище; 447 – Чертово городище; 448 – Сандьяжское городище; 449 – Урталгинское (Назарова гора) городище; 450 – Куединское городище; 451 – Урталгинское селище; 452 – Ведровское селище; 453 – селище Никольское Раздолье; 454–456 – Аксаитовские I–III селища; 457–459 – Ильметовские I–III селища; 460–461 – Ильметовские погребения; 462 – Кардагушевское городище; 463 – Верхнекудашевское городище; 464 – Кардагушевское селище; 465–466 – Аксаитовские I–II городища; 467 – Аксаитовское V селище; 468 – Новотатышлинское городище; 469 – Верхнетатышлинское селище; 470 – Кальтяевское городище; 471 – Кальтяевское селище; 472 – Уразгильдинское селище; 473 – Уразгильдинское городище; 474 – Новочукуровское городище; 475 – Старочукуровское селище; 476 – Сараштыбашевское селище; 477 – Сараштыбашевское городище; 478 – Арибашевское селище; 479 – селище Старый Кайпан;

Вторая подгруппа имеет площадь от 4,0 до 13 тыс. кв. м (определено 30 городищ). Они имеют разную систему укреплений (от одного до трех валов). Городища с 1–2 валами расположены в основном на высоких мысах крупных рек (рис. 6: 6). Культурный слой достигает толщины 50 см.

Городища с тремя валами и рвами находятся на берегах мелких (притоки Сивы, Ижа), реже крупных рек (Чупихинское городище, рис. 6: 1) Высота площадки мысов 10–26 м, культурный слой достигает 1 м (Чужьяловское городище) и насыщен находками.

Анализ городищ этой подгруппы показал: чем ниже мыс, на котором располагалась площадка городища, тем больше сооружалось искусственных укреплений (при высоте мыса 10–26 м было три вала и рва). Использовались мазунинским населением и поселения предшествующих культур (определено 16 сл.) в результате сооружения дополнительных валов на большом расстоянии друг от друга. В результате получались многоплощадные поселения. Они были снабжены хорошей системой защиты (2–5 валов и рвов) и находились чаще всего на высоких мысах удлиненно-треугольной (языковидной), иногда овальной формы. Площадь этих городищ 4,0–10,0; 18–33 тыс. кв. м.

Для изучения оборонительных сооружений на ряде городищ (Сосновское, Постольское, Казакларовское I, Юлдашевское, Камышенское II, Уфимское, Какры-Куль и т. д.) были заложены траншеи для определения конструкции валов и рвов. Чаще всего это были земляные насыпи, сооруженные из грунта, вынутого при рытье рвов или с площадок городища (Юлдашевское городище; Иванов, 1982, с. 201). В состав земляной насыпи могли входить гумус, камни, зола, прокаленная глина. Валы имели дуговидную форму. Иногда на многоплощадочных городищах вал был сооружен на ранее существовавшем, оставленном населением предыдущих культур. На ряде городищ были найдены остатки от деревянных конструкций: Камышенское II (Агеев, Овсянников, 2000, с. 155); Казакларовское I (Останина, 2020, с. 88–89, рис. 8)). На городище Какры-Куль вдоль восточного склона зафиксированы три линии столбовых

ямок от ограды по периметру городища (Овсянников, Тагиров, 2000, с. 165). Элементы эскарпирования границ склонов зафиксированы на Сорвихинском (Останина, 1990, л. 42), Сайгатском I (рис. 6: 3) городищах.

На однослойных городищах-поселениях в последней четверти XX в. велись крупномасштабные раскопки (Сосновское, Постольское, Чужьяловское, Яромасское, Казакларовское I, Барьязское I, Юмакаевское, Сорвихинское). Мазунинский материал зафиксирован и при раскопках многослойных памятников (Чеганда I, Камышенское II, Городище Уфа II, Какры-Куль).

Жилища. При раскопках Постольского, Сосновского, Чужьяловского, Казакларовского I городищ было обнаружены полные очертания четырех жилищ и частично еще четырех сооружений подобного вида (Чужьяловское, Яромасское, Казакларовское I). Жилищные пятна фиксировались по смеси темно-серой супеси, угля, гумуса, кусочков прокаленной глины мощностью 4–15 см. При перепаде высот площадки под будущей дом пол выравнивался, подрезался на глубину 5–15 см (Постольское городище, рис. 6: 4), 20–30 см (Казакларовское I городище, рис. 6: 2). Исследование объектов внутри жилищного пятна, использование этнографического материала позволили получить представление о жилых объектах (рис. 7; 8). Для поселений мазунинской культуры были характерны наземные срубные прямоугольной формы жилища, поставленные на поверхность почвы, на материк, на глину. Выделяются большие (Сосновское городище – 121,5 кв. м; Постольское – 118,4 кв. м; рис. 7) и средних размеров (Чужьяловское, жилище № 1 – более 43 кв. м; Казакларовское I – 36,5 кв. м) дома. На земляном (глиняном) полу вдоль длинных стен находились нары-лежанки, а на полу 1–2 открытых очага и 2 или 4 хозяйственные ямы. Очаги служили для приготовления пищи и обогрева, для чего подушка глиняного прокала была окантована камнями или кусками глины. Ямы служили для сбора мусора и хранения продуктов. Освещением жилища служил естественный свет, который проникал в дом через дверь, волоковое окно и через отверстие в крыше

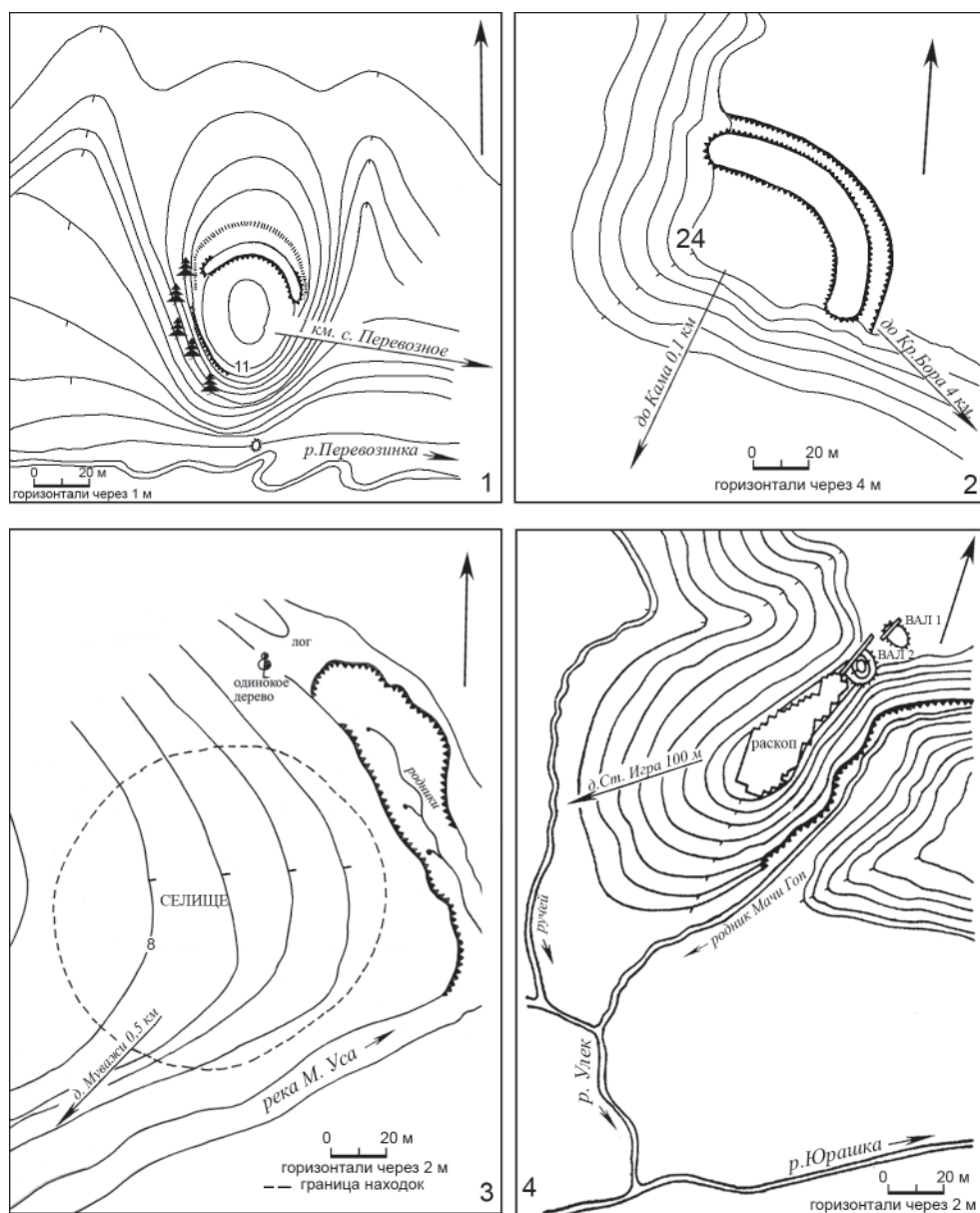

Рис. 5. Топографические планы сторожевых городищ (крепостей):

1 – Перевозинское, 2 – Малиновское (малое), 3 – Муважинское II селище, 4 – Староигринское городище

для выхода дыма (рис. 8). Жилища располагались обычно в центральной части площадки, но чаще всего ближе к валу (Останина, 1988а, с. 72, 73, рис. 1, 2; 1997, с. 98; 2007, с. 190–191). Большие размеры, нахождение столба-идола в срубном сооружении на Постольском городище дали возможность Е.М. Черных относить подобные дома к культовым общественным постройкам (Черных, 2010, с. 122–124). Хотя, на наш взгляд, не исключена возможность частичного использования жилого помещения для хозяйственных целей.

Изучение конструктивных особенностей очагов позволило выделить четыре типа. Очаги типа 1 (пятна прокаленной глины, иногда с кусками глины) имеют самое широкое распространение на поселениях мазунинской культуры. Они использо-

вались для отопления жилища и для приготовления пищи летом на открытом воздухе.

Очаги типов 2 (с каменной обкладкой), 4 (очажная яма) обнаружены на поселениях только удмуртского варианта мазунинской культуры. Их использовали для приготовления пищи в летнее время.

Если на каждом городище-поселении удмуртской группы представлены все выделенные нами четыре типа, то в башкирской зафиксирован только какой-то один определенный тип (первый или третий – с околоочажной впадиной).

Форма сечения (конструкция) дала возможность выделить четыре типа хозяйственных ям. Наибольшее распространение имеют ямы типа 1 (79 сл.; 73,1%) – с вертикальными стенками с пло-

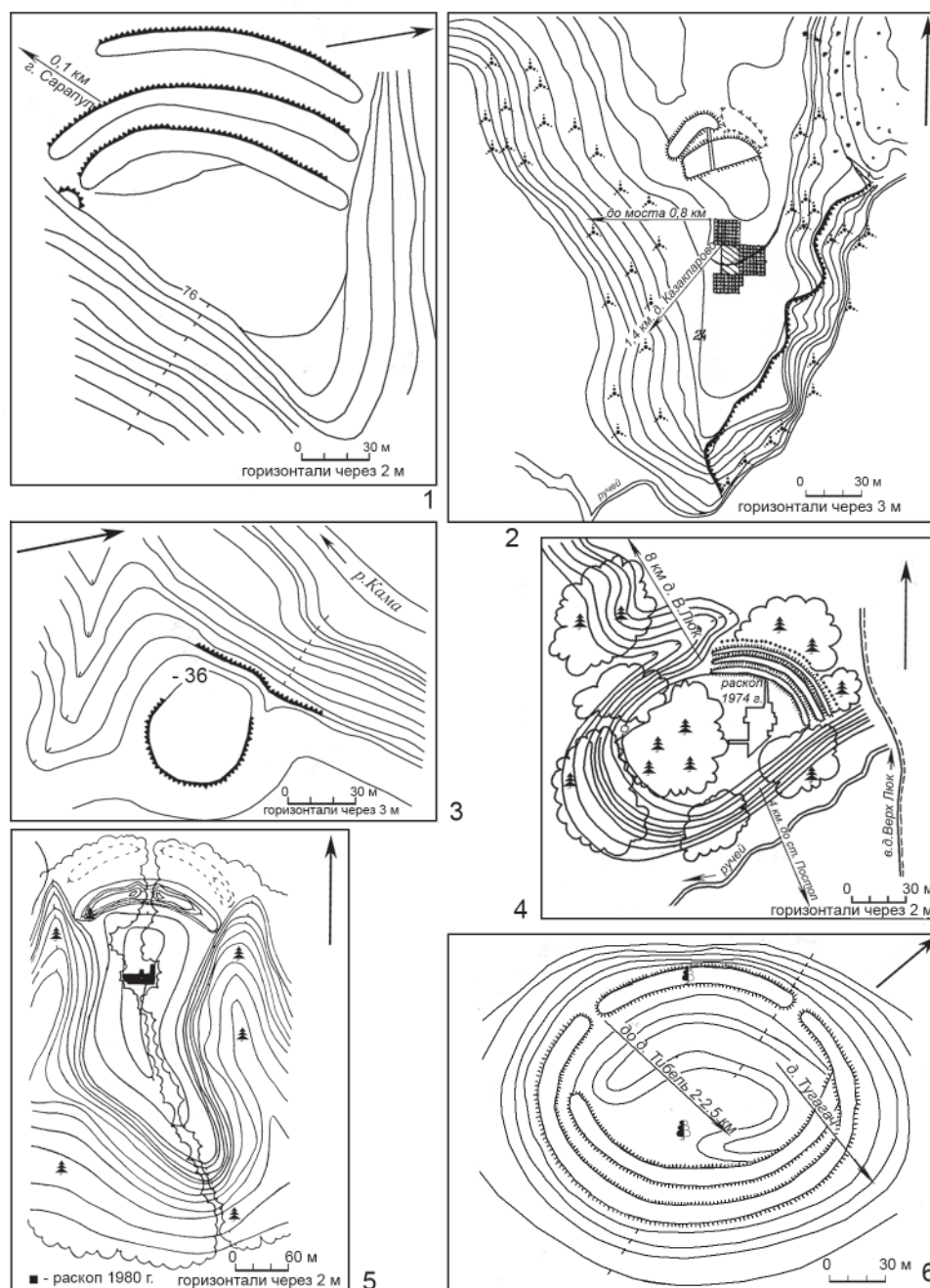

Рис. 6. Топографические планы городищ-поселений:
 1 – Чупихинское, 2 – Казакларовское I, 3 – Сайгатское I, 4 – Постольское (Кленовый мыс),
 5 – Верхнеутчанское, 6 – Тибельское.

ским или округленным дном, глубиной 50–105 см. Они обнаружены в жилищах, около них, в хозяйственной постройке на Казакларовском I городище, у очагов и на краю городищ. Использовались они в качестве выгребных ям, а более глубокие – для хранения продуктов.

Тип 2. Ямы с вертикальными стенками, со ступеньками сбоку (13 сл.; 12%), глубиной в пределах 35–112 см. Для заполнения характерно наличие кусков обожженной и сырой глины, угля, песка, камня, керамики. Песок и глина обычно находятся на дне ям. В одной из ям Сосновского городи-

ща обнаружено 308 фрагментов керамики, в том числе со следами оплавления (Останина, 1999, с. 69). Ямы этого типа, возможно, относятся к производственным сооружениям (для цементации железа).

Тип 3. Ямы подколоколовидной формы (11 ям; 10,2%) с выемками (с сужением) посередине и расширением книзу. Для них характерна относительно большая глубина 75–198 см. В заполнении ям, особенно в нижней их части, на дне обнаружены фрагменты керамики и костей. Эти ямы использовались для хранения молочных и мясных про-

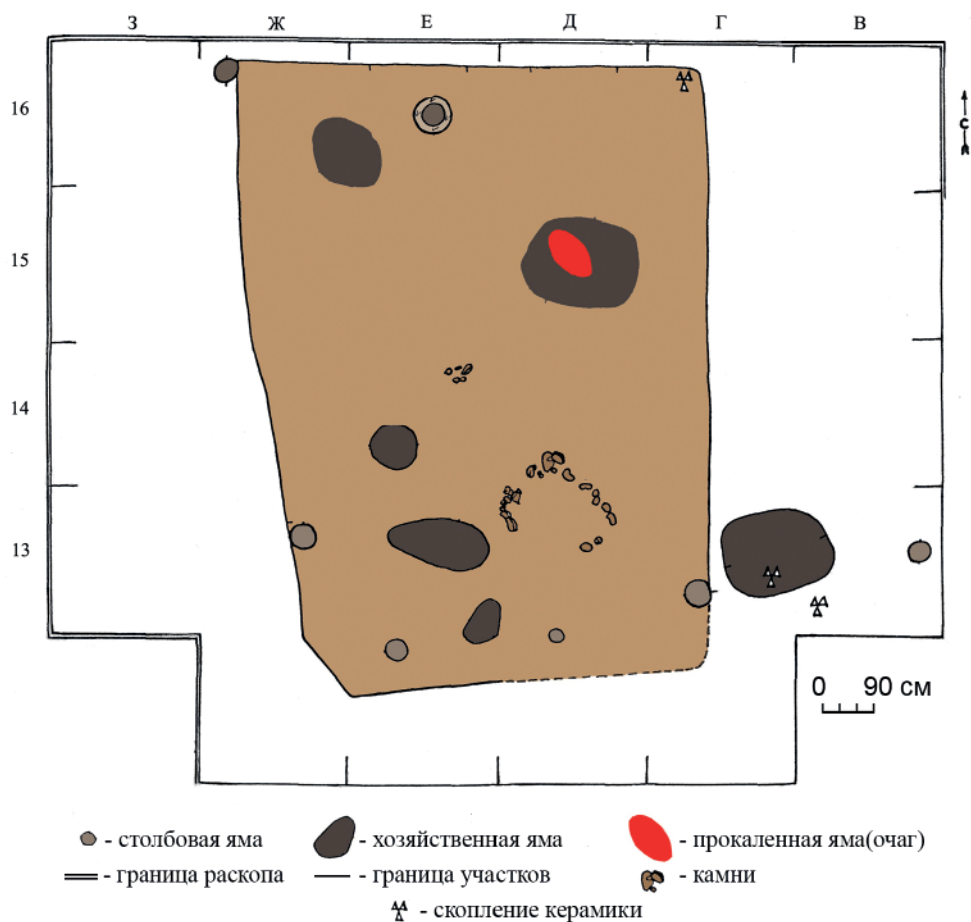

Рис. 7. Постольское городище. Северо-западная часть раскопа с очертанием жилища

дуктов. Ямы в основном располагались на краю площадки поселения, вблизи очагов и жилищ.

Тип 4. Ямы трапециевидной формы (расширяющиеся книзу; 5 сл., 4,7%), имеющие большую глубину 75–120 см, служили для хранения продуктов, находились всегда около очагов.

Для поселений культуры характерно преобладание ям первого типа. Ямы производственного назначения составляли незначительный процент. Ямы типа 3, 4 были характерны для поселений на территории Башкортостана.

Для поселений культуры присуще незначительное число находок вещей: пряслица, наконечники стрел (в основном костяные), ножи, шилья, бусы, точильные бруски, обломки украшений, песты-терочники, зернотерки.

Керамический комплекс. Раскопки однослойных поселений дали возможность изучить характер керамического комплекса культуры. Это было сделано автором статьи совместно с В.А. Ивановым (Иванов, Останина, 1983, с. 120–125; Останина, 1997, с. 98–101). В результате исследования большого массива керамического материала (735 фрагментов сосудов) по программе, предложенной в 1971 г. В.Ф. Генингом, морфологическому

анализу было подвергнуты керамические коллекции шести городищ (Постольское, Сосновское, Чужьяловское, Юмакаевское, Казакларовское I, Барьязы). Выявлены основные признаки керамики: сосуды округлодонные, внешняя поверхность хорошо обработана, в состав глиняного теста входит растительность, размельченная раковина, песок (удмуртская группа памятников), песок и мелкая галька (башкирская группа памятников). Следует отметить, для каждого памятника состав глиняного теста сосудов был индивидуален.

Анализ основных показателей формы сосудов выявил следующие признаки керамического комплекса. Он представлял собой низкогорлые (88,2%) сосуды, у которых шейка слабо (50,1%) или средне профилирована (40,3%). По показателю выпуклости тулова сосудов они слабо- (59,3%) или средневypклые (20,6%). По характеристике размеров в керамическом комплексе преобладают средних размеров (диаметр по венчику 16–25 см), средний процент этих сосудов на изучаемом комплексе составляет 73,8%. На всех исследуемых памятниках встречаются сосуды очень маленьких (диаметр по венчику до 10 см, средний

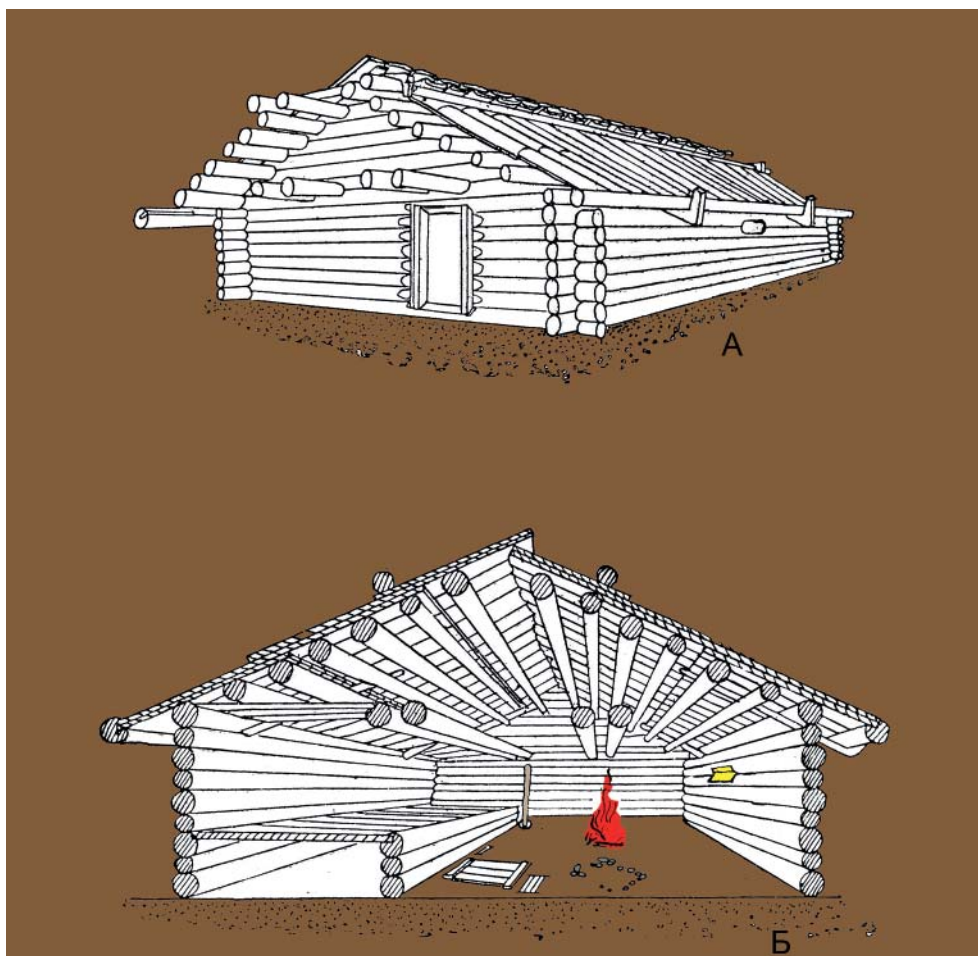

Рис. 8. Постольское городище. Реконструкция жилища:
А – общий вид жилища с юго-востока, Б – интерьер жилища. Автор архитектор О.К. Грачев.

процент 5,4%) и больших (диаметр по венчику 26–35 см, средний процент 11,2%) размеров.

Профилировка шейки дает возможность выделить четыре типа посуды.

Тип 1. Округлодонные горшки с выпуклыми плечиками и отогнутыми наружу шейкой (рис. 9: 1–5, 7–9, 11; 10: 3, 6–7, 11–13, 16, 18; 11: 2–12, 15). Они составляют 93,7%. Среди них преобладают сосуды средних и больших размеров (от 16 до 35 см).

Тип 2. Округлодонные горшки с прямыми шейками и выпуклыми плечиками (3,5%) (рис. 9: 6, 10, 13; 10: 1, 2, 8–10, 14, 15, 17).

Тип 3. Округлодонные горшки с шейкой закрытого типа, наклоненной вовнутрь, и выпуклыми плечиками (0,4%) (рис. 9: 12, 14; 11: 1, 13).

Тип 4. Округлодонные непрофильные сосуды – стопки (2,4%). В основном они были очень малых размеров (от 2,9 до 10 см; рис. 10: 4, 5).

Если округлодонные стопки (тип 4) служили для питья, то остальные типы сосудов – для приготовления пищи и хранения продуктов.

Орнамент на сосудах нанесен чаще всего на верхнюю часть сосуда (венчик, шейка, плечико), а

на памятниках бассейна Белой его могли наносить и на тулово. Мотивы узоров не отличаются большим многообразием:

- зацепы или насечки по венчику (рис. 10: 3, 7, 9, 11, 12, 14, 17, 18; 11: 2, 8, 10, 15);
- горизонтальные ряды (чаще всего 1–3 ряда) круглых, треугольных, овальных, ромбических, прямоугольных ямок (рис. 9: 2–10, 12, 14; 10: 1, 2, 7, 9, 11, 13, 15–18; 11: 4, 8, 9, 11, 13, 15);
- хаотично расположенные по всему тулову круглые ямки, при этом обычно их начинали наносить с ровного ряда по шейке (рис. 9: 1, 11, 13; 11: 1–3, 5–7, 10, 12).
- в виде елочки по верхней части из разных форм вдавлений, чаще всего овальных (рис. 10: 14).

Изредка встречались узоры из сложных фигур, выполненных из тех же ямок (рис. 10: 4).

На Постольском городище орнамент имеется у 33% фрагментов сосудов, на Чужьяловском – у 56%, на Сосновском – у 28,4%.

Могильники. На 2022 г. на территории мазунинской культуры зафиксировано 33 могильника и отдельных захоронений, из них два пьянобор-

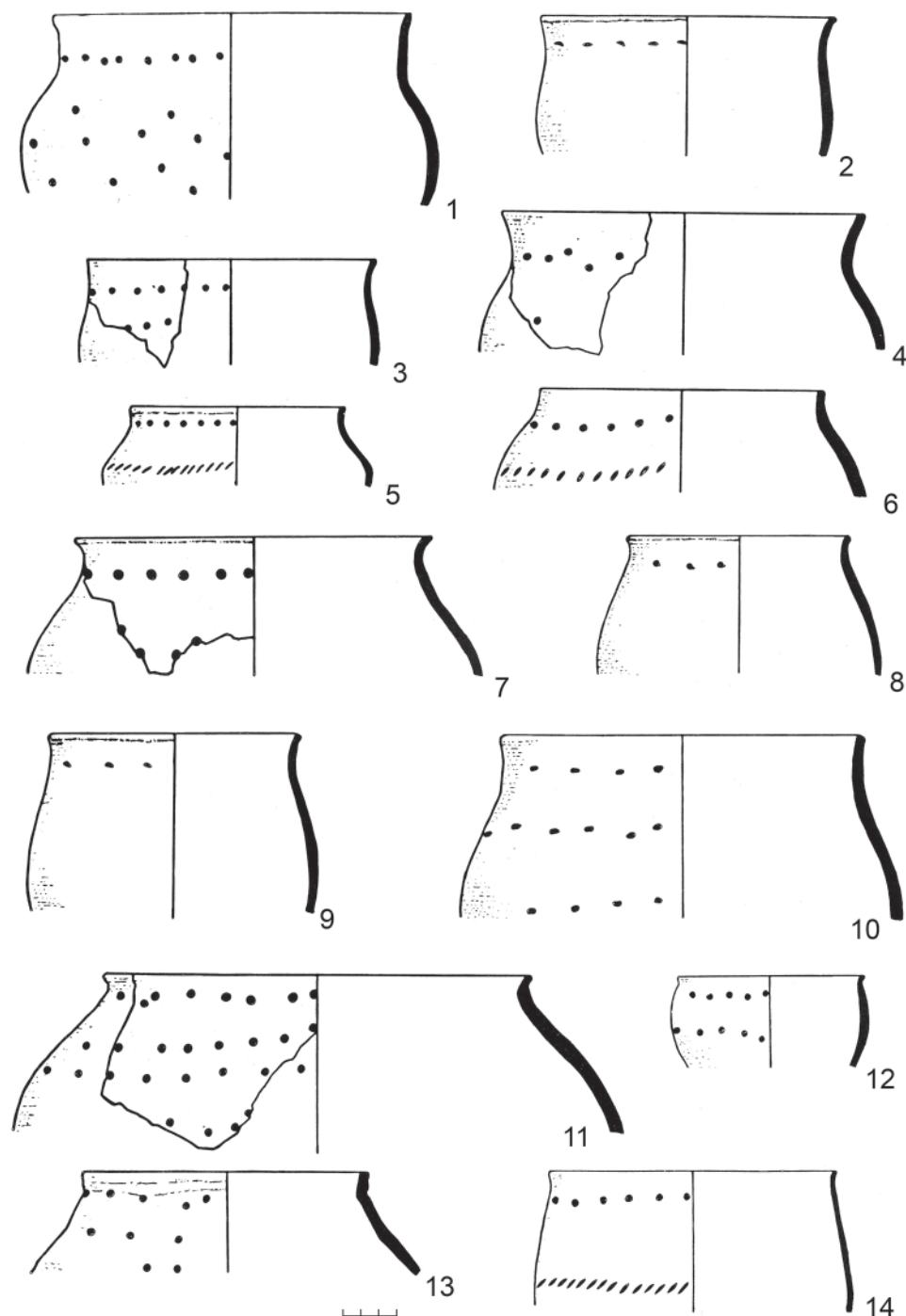

Рис. 9. Казакларовское I городище. 1–14 – реконструкция верхней части глиняных сосудов

ских (Нырғында I, Афонинский), содержащих погребения раннего этапа (III в.) культуры (рис. 13). Два могильника (Бахмутинский и Бирский) имеют погребения других, более поздних археолого-этнических групп населения (Останина, 1997, с. 20; Султанова, 2000, с. 18–22). На 23 могильниках были проведены крупномасштабные раскопки. В последние годы археологами КВАЭ исследованы 5 могильников: Тураевский грунтовый могильник (266 погребений), Заборьинский (30 погребений), Тарасовский (1880 погребений, из них 970 – ма-

зунинской культуры), Боярский (*Арай*) (183 погребения), Дубровский (204 погребения). Часть погребений Тарасовского могильника принадлежит пьяноборской (чегандинский вариант пьяноборской КИО по Р.Д. Голдиной, I–II вв.) культуре. Следует отметить, что захоронения III–V вв. на данном памятнике преобладают (Сабилов, 2011, с. 25; Голдина и др. 2015, с. 40).

На территории Башкортостана крупные раскопки были проведены на Старо-Муштинском курганно-грунтовом могильнике (III–IV вв.), где

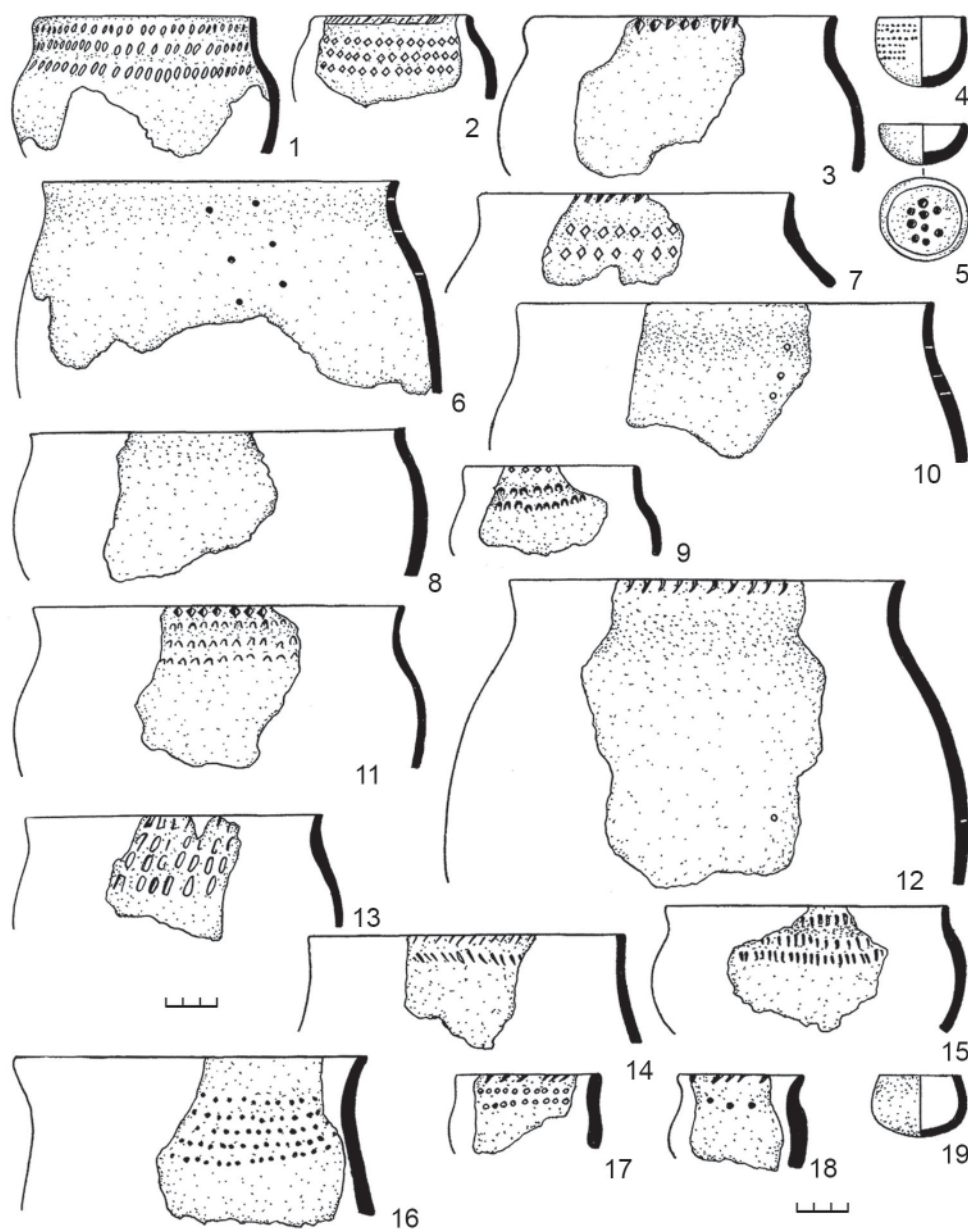

Рис. 10. Чужьяловское городище. 1–19 – реконструкция верхней части глиняных сосудов

было вскрыто 102 погребения (Сунгатов и др., 2004, с. 3–6). Продолжены раскопки на Бирском, Старо-Кабановском, Ангасяжском могильниках. Наиболее значительное количество погребений было исследовано на Бирском могильнике (462 погребения; из них 250 относятся к мазунинской культуре) (Султанова, 2000, с. 4, 11).

Погребальный обряд. При выборе места для могильника проявляется устойчивая связь с водными артериями. Памятники, как правило, расположены на относительно высоком берегу мелкой речки (родника), впадающей в более крупную реку. Лишь часть, в основном поздних, некрополей занимает берега крупных рек (Кама, Белая). Они обычно находятся на второй-третьей надпой-

менных террасах, «уходящих» иногда на 1–2 км от современного русла реки. Для некрополя выбирали открытый берег без естественных ограничений (рис. 14: 2, 4, 6) или берег реки, окаймленный ее поймой и оврагами (рис. 14: 1, 3, 5). Могильники всегда занимали господствующее положение над окружающей местностью. Все они относятся к типу грунтовых. Каких-либо надмогильных сооружений на их поверхности не обнаружено, хотя не исключено их существование в древности.

Господствующей формой могильных ям была прямоугольная с закруглением углов (92,8%). Другие формы могил редки (овальная, подтрапециевидная). Их размеры определялись возрастом, полом умершего, а также количеством захоро-

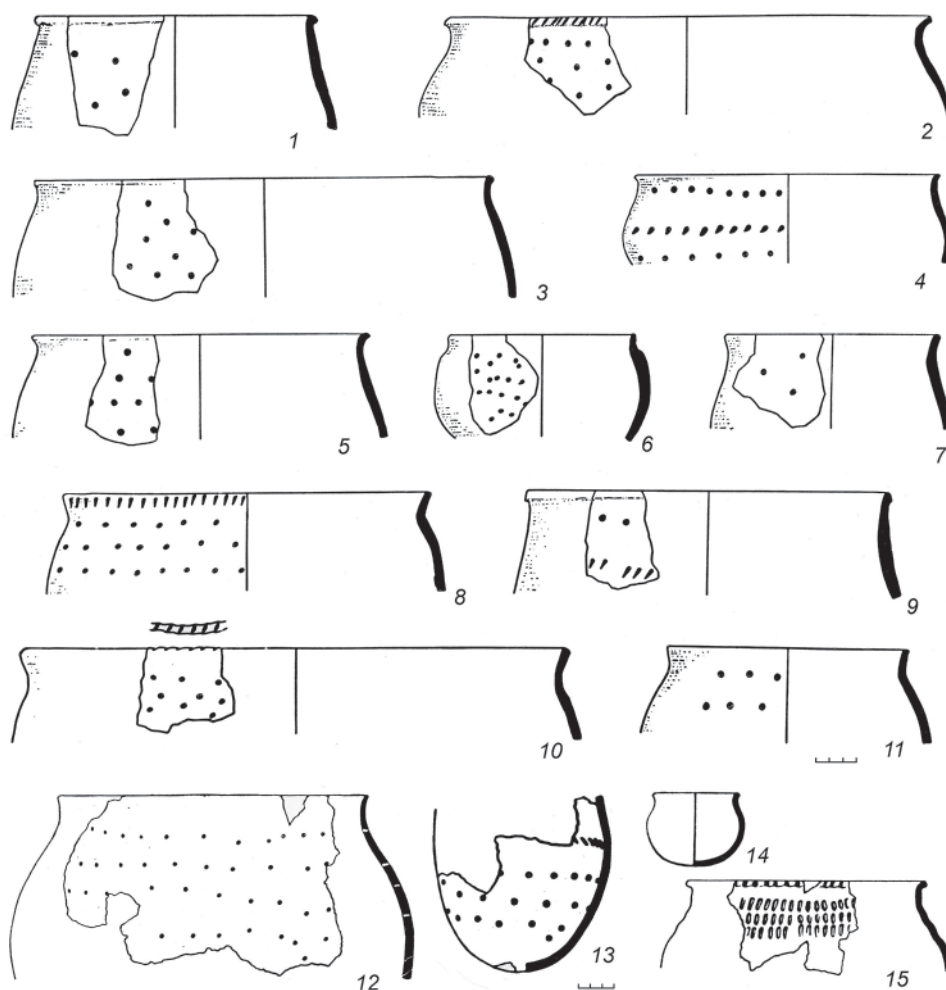

Рис. 11. Реконструкция верхней части глиняных сосудов:
1–11 – Барзязское городище, 12–14 – Казакларовское I городище, 15 – Сосновское городище

нений в них. Длина могил детских и подростковых захоронений была в интервале 75–150; 151–180 см, а взрослых в интервале 181–270 см. Только у незначительного числа захоронений длина достигает 300 см. Так, на Тарасовском могильнике длинные могильные ямы (свыше 270 см) составляют 9,2% (Голдина и др., 2015, с. 13, ил. 10). Ширина могильных ям колебалась в пределах 30–90 см, хотя у могил с коллективными захоронениями могла достигать 215–600 см. Глубина могил в основном находится в пределах 40–100 см. На ряде могильников она могла достигать 145 см (Покровский могильник, погр. 121), 148 см (Дубровский могильник, погр. 128), более 145 до 260 см (1,4% –Тарасовский; Голдина и др., 2015, ил. 12).

На могильниках культуры преобладали одиночные захоронения (92,7–95,2%). Групповые погребения составляли незначительное число. В основном это были парные или тройные захоронения. Исключение составляет Тарасовский могильник, где число захоронений в одной могиле достигало пяти, шести, семи (7,3%). На Кара-

тамакском могильнике из 19 погребений 6 были групповые (32%). В парных погребениях обычно находились мужчина и женщина, двое мужчин, две женщины, в тройном погребении – мужчина, женщина и ребенок в возрасте 7–16 лет, взрослый и два ребенка; в коллективном – двое взрослых и три ребенка. Большое число захоронений в одной могиле авторы исследования погребального обряда Тарасовского могильника объясняют тяжелыми условиями жизни (болезни, голод и т. д.) или военными действиями (Голдина и др., 2015, с. 16).

Почти во всех могильниках обнаружены остатки внутримогильных деревянных погребальных конструкций, в том числе гробов, количество которых в одной могиле достигало трех (Нивский могильник, погр. 113, 150). Наличие деревянных конструкций оказалось зафиксированным только у 16% погребений. На Покровском, Ижевском, Красноярском могильниках, где хорошо сохранялась органика, гробы зафиксированы единично (6,8–7%). Они имели средние размеры 178×48 см (Останина, 1997, с. 23). Вероятно, существовали и

Рис. 12. Орудия труда: 1 – нож, 2 – ложкарь, 3 – шило, 4 – пряслице, 5 – точильный брусок, 6 – серп, 7 – коса-горбуша, 8 – удила, 9 – обломок грузила, 10 – скобель, 11 – зернотерка, 12 – тесло, 13 – проушной топор, 14 – обломок жернова. 1–3, 6–8, 10, 12, 13 – железо, 4, 9 – глина, 5, 11, 14 – камень

другие способы изоляции покойника от земли, и это были не всегда деревянные сооружения. Так, на Бирском могильнике умерших оборачивали в луб (Султанова, 2000, с. 14).

Исключение составляет Тарасовский могильник, где остатки деревянных сооружений обнаружены в 838 погребениях (44,6%). Наибольшее число их находок приходится на деревянный настил (64,7%), незначительный процент состав-

ляют гробы-ящики (3,5%), деревянные колоды (2,0%) (Голдина и др., 2015, с. 14). Следует отметить, что на Тарасовском могильнике максимальное число погребенных в деревянных конструкциях относится к возрастной группе 17–29 лет, как у мужчин, так и у женщин (Сабилов, 2011, с. 18).

В положении покойного ориентировка по сторонам света не имела большого значения. На каждом некрополе она оказалась разной, но обычно

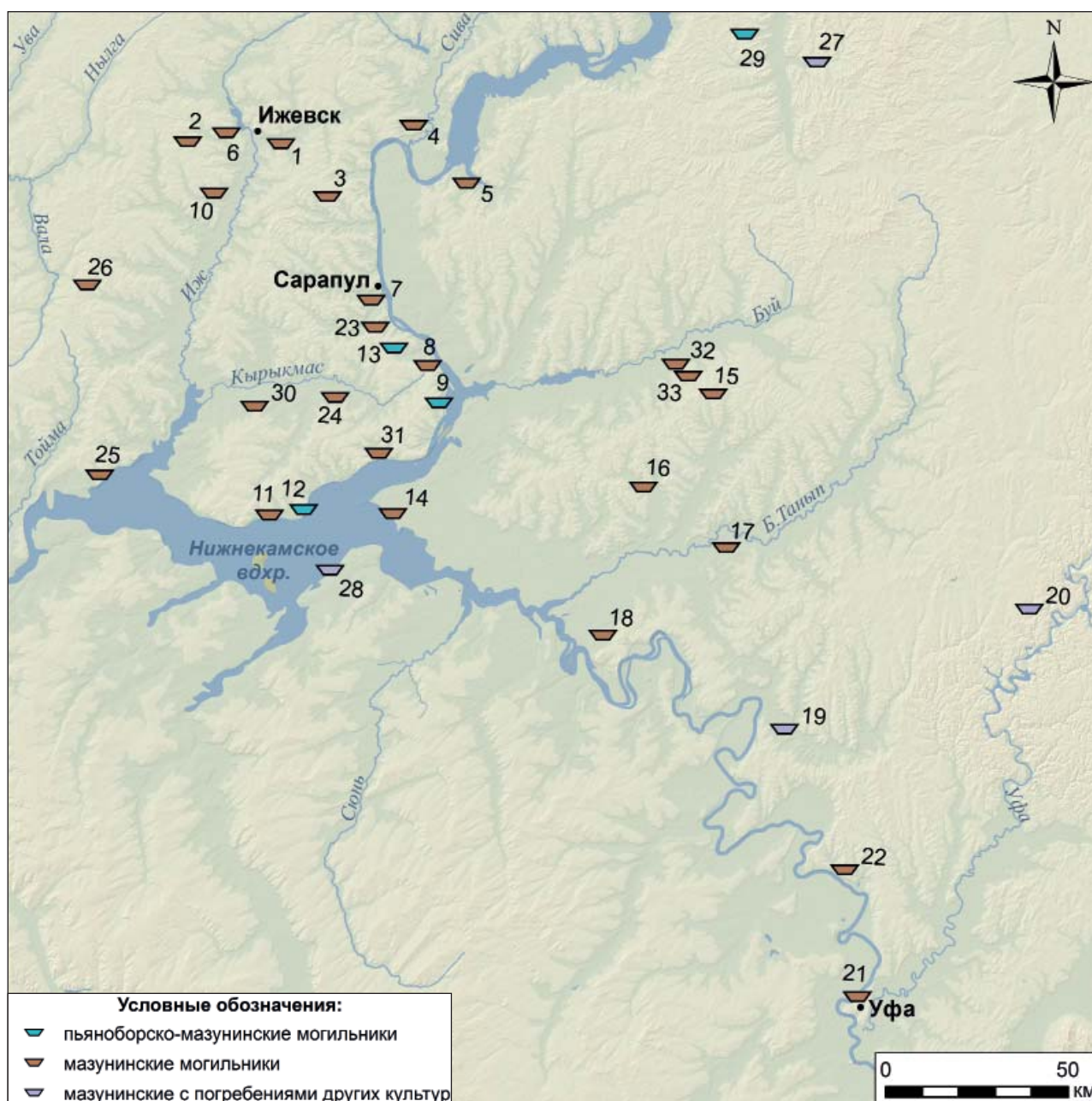

Рис. 13. Карта-схема могильников мазунинской культуры:

- 1 – Ижевский, 2 – Покровский, 3 – Чепанихинский, 4 – Нивский, 5 – Сайгатский, 6 – Чужьяловский, 7 – Сарапульский, 8 – Мазунинский, 9 – Тарасовский, 10 – Бобьяучинский, 11 – Быргындинский I, 12 – Нырғындинский I, 13 – Афонинский, 14 – Старо-Кабановский, 15 – Югомашевский, 16 – Малокачаковский, 17 – Каратамакский, 18 – Ангасякский, 19 – Бирский, 20 – Бахмутинский, 21 – погребение на ул. Аксакова (г. Уфа), 22 – Дмитриевский(?), 23 – Усть-Сарапульский, 24 – Заборьинский, 25 – Тураевский грунтовый, 26 – погребение на поселении Чумайтло, 27 – Кудашевский, 28 – Старо-Муштинский, 29 – Красноярский, 30 – Дубровский, 31 – Боярский (Арай), 32–33 – Ильметьевские I, II (?)

определялась рекой: умершие лежали головой к реке (49,1–100%) или ногами к ней (28–98,8%). Только захоронения Покровского и Быргындинского могильников расположены параллельно реке.

На могильниках культуры господствует обычный труположения, лишь на Тарасовском зафиксировано девять случаев полной или частичной кремации. Умершие лежали вытянуто на спине

(98,3%). Прочие виды: на спине с едва согнутыми ногами, на боку, на животе, расчленено – встречаются единично. В расположении рук погребенного выделяется 11 вариантов, но у большинства умерших, как женщин, так и мужчин всех возрастов, руки расположены вдоль тела (83,5%).

Отсутствие при костяке предметов было зафиксировано только у 1/10–1/3 части захоронений. Определена большая роль ножей в погребальном

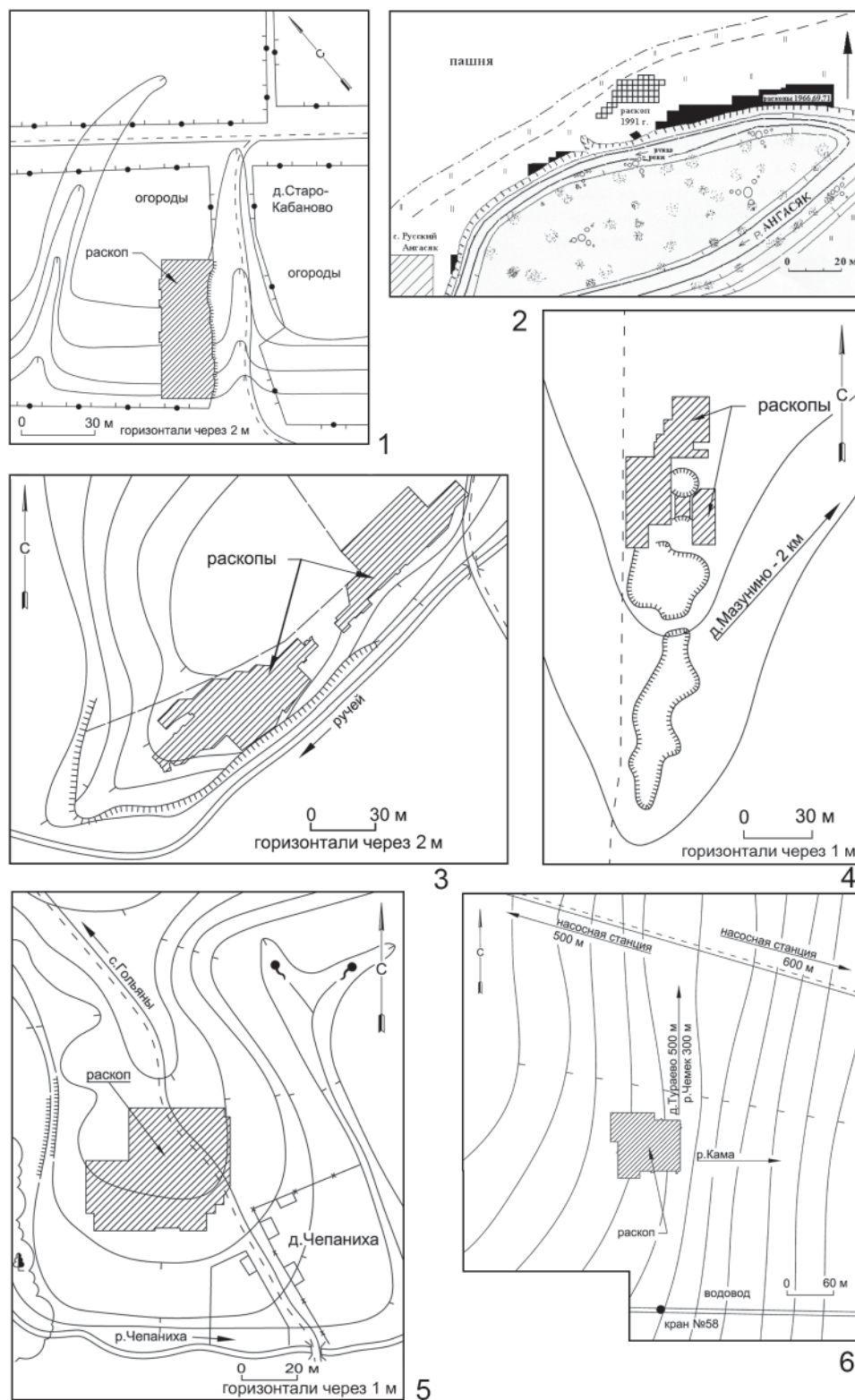

Рис. 14. Топографические планы могильников мазунинской культуры: 1 – Старокабановский, 2 – Ангасякский, 3 – Ижевский, 4 – Мазунинский, 5 – Чепанихинский, 6 – Тураевский (грунтовый)

обряде. Они найдены в 41% захоронений. Хотя выделено шесть вариантов их расположения, но господствующим оказалось положение ножей на поясе. Из всего массива погребений с фибулами, имеющими половозрастные определения, только

в каждом одиннадцатом случае фибулы были обнаружены в мужских захоронениях, а в остальных случаях – в женских (Сабилова, 2015, с. 18). Особенностью погребального обряда мазунинской культуры является размещение большинства ве-

щей при умершем не там, где они носились при жизни. Этот признак погребального обряда получил в литературе название *жертвенный комплекс*¹. Т.И. Останиной дано определение указанного элемента обряда, а именно: «Жертвенный комплекс – это скопление не менее двух категорий вещей, уложенных в берестяной туесок, поставленный в определенное место при умершем» (Останина, 1997, с. 25). Имеются единичные случаи положения вещей в кожаный мешок (сумочку) (Султанова, 2000, с. 14; Тагиров, 2007). Обычай укладывать вещи при умершем в виде скопления – жертвенного комплекса – имеет наибольшее распространение в женских погребениях, очень редко в мужских (в удмуртской группе памятников – 2,4%). Количество жертвенных комплексов чаще всего в погребении равно одному, реже двум, только в погребении 185 Тарасовского могильника найдено три (Голдина и др., 2015, с. 21). На могильниках культуры с большим числом захоронений количество погребений с жертвенными комплексами колеблется от 14,8% до 19%. В состав комплексов входят разные категории украшений, но только в женских захоронениях встречаются шилья, ножи и остатки поясов, а в мужских в единичных случаях – удила, наконечник копья. Находились комплексы в основном у головы, реже у ног.

Итак, значительный объем материала могильников выявил основные признаки погребального обряда мазунинской культуры.

Все могильники грунтовые, находятся на господствующей части местности, у рек. Погребальные сооружения – узкие, длинные, неглубокие, без дополнительных конструкций прямоугольной формы ямы. Умершие лежат вытянуто на спине, руки уложены вдоль тела. Ориентировка умерших определяется рекой.

Состав погребального инвентаря (бусы, височные подвески, гривны, браслеты, фибулы, элементы поясной гарнитуры, мелкие орудия труда, предметы вооружения) определяется полом, возрастом и социальным положением умершего.

В системе расположения инвентаря в могиле выделяются две тенденции. Первая: вещи размещены при костяке так, как их носили при жизни. Вторая: сопровождающий съемный инвентарь лежит в необычных для него положениях: наличие жертвенных комплексов, размещение пояса на теле или вдоль тела умершего, в ногах, в жертвенном комплексе. Последняя тенденция превалирует (Останина, 1997, с. 31; Голдина, Бернц, 2010, с. 86, 87, 159). Отсутствие погребального инвентаря

отмечено в 1/10–1/3 числа погребений могильников культуры.

Проведена типология большого количества предметов из могильников культуры, представляющих различные категории находок (выделено 39 категорий). В результате их исследования Т.И. Останиной были выявлены артефакты, характерные для культур всей лесной зоны I тыс. н. э., предметы пережиточного характера, отражавшие специфику предыдущих культур. Типологический анализ погребального инвентаря позволил выделить предметы с этнической нагрузкой, признаком которых является повторяемость в пространстве и во времени. Выделены предметы, характерные для всего населения Среднего Прикамья III–V вв. Ими являются, по нашему мнению, следующие категории украшений: височные подвески мазунинского/бахмутинского типа (рис. 15: 1, 2), нагрудные застёжки бабочковидного и сайгатского типов (рис. 15: 3, 4), каплеобразные подвески (рис. 15: 5), поясные накладки (рис. 15: 6–10, 22), железные гривны с бронзовой пластинчатой навивкой (рис. 15: 11), украшения из раковин моллюсков (рис. 15: 12–16), головные украшения с железной основой кольчужного плетения (рис. 15: 18), кольцеобразные (рис. 15: 19, 23, 24) и спирально-витые (рис. 15: 20) пронизки, подвески-цепочки (рис. 15: 21), а также ножны для ножа, ножны для шила и ножа (рис. 15: 17). Следует отметить, что выделенный комплекс специфических предметов культуры не определяет культуру вообще, а лишь конкретные этапы ее временного развития.

Систематизация вещевого материала, его картографирование дали возможность выделить две группы памятников (удмуртскую и башкирскую) – два локальных варианта культуры (Останина, 1988б, с. 82–84; 1997, с. 170–172), отражающих этническую специфику территориально близких групп населения.

Памятники удмуртской группы расположены в основном на территории юга современной Удмуртии и прилегающих к юго-восточной ее части районах Пермского края, а к юго-западной – районах Татарстана. Для этой группы памятников характерны определенные категории предметов (рис. 16: 14–27). Памятники башкирской группы находятся на территории современного Башкортостана (междуречье Камы, Белой и Уфы), также с определенным набором категорий предметов, присущих памятникам указанной территории или имеющих здесь наибольшее распространение (рис. 16: 1–13).

Датировка культуры. Основной исследователь культуры В.Ф. Генинг в первых работах, как уже отмечалось ранее, датировал ее III–VI вв. (Генинг, 1958, 1959), потом III–V вв. (Ге-

¹ Подарочный набор по Р.Д. Голдиной.

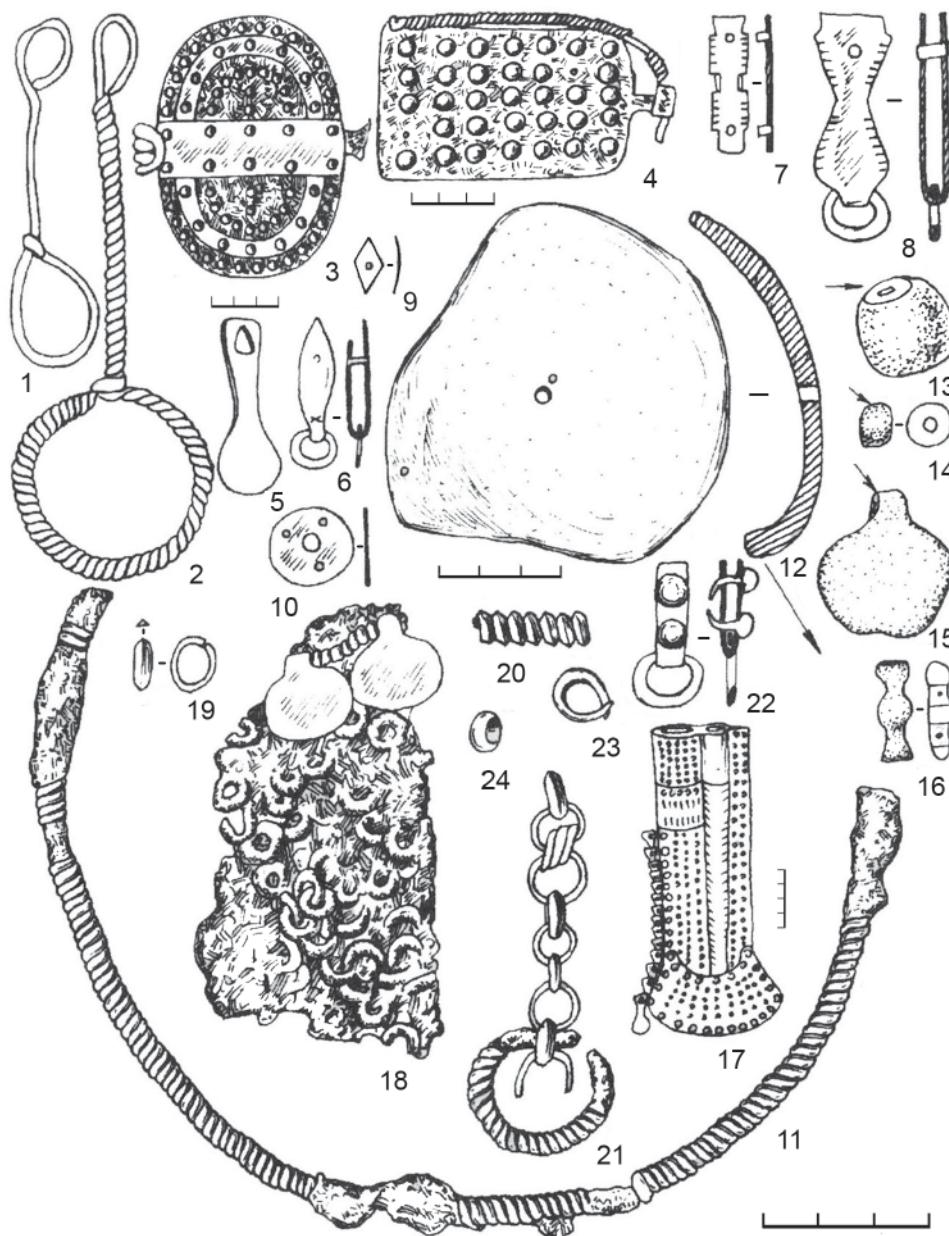

Рис. 15. Комплекс вещей мазунинской культуры.

1–2 – височные подвески, 3–4 – фибулы-застежки (бабочковидная и сайгатского типа), 5 – каплеобразная подвеска, 6–10, 22 – поясные накладки, 11 – гривны с бронзовой навивкой, 12–16 – изделия из раковин моллюсков, 17 – ножны для ножа, ножа и шила, 18 – головные украшения с железной основой кольчужного плетения, 19, 23, 24 – кольцеобразные пронизки, 20 – спиральновитые пронизки, 21 – подвески-цепочки. Материал: 1, 2, 5–10, 19, 20, 22–24 – бронза, 12–16 – раковина, 3, 4, 11, 18, 21 – бронза, железо

нинг, Стоянов, 1961, с. 82). В статье «Мазунинская культура в Среднем Прикамье» ученым был выделен специальный раздел «Хронология и развитие социально-экономических отношений». Он датирует культуру периодом с III в. до середины IX в. (1967а, с. 36). Недостаточная обоснованность поздней даты культуры была в свое время отмечена В.М. Васюткиным (Васюткин, 1971, с. 97–101).

В последующих своих работах В.Ф. Геннинг останавливается на единственной дате культуры – III–V вв., при этом ничем не доказывая ее интервалы (1972, с. 235–241; 1988). В это

же время другие ученые давали следующие даты мазунинской (ранний этап бахмутинской) культуры: Н.А. Мажитов – II–IV вв. (Мажитов, 1968, с. 18), С.М. Васюткин – III–V–VII (Васюткин, 1971, с. 100), А.К. Амброз – IV–VII вв. (Амброз, 1971, с. 10), III–V вв. (Султанова, 2000, с. 21)

На новом материале с привлечением погребальных комплексов из поздних и ранних могильников Т.И. Останина разработала хронологию вещей мазунинской культуры. Для работы ею были взяты только те погребальные комплексы, куда входили самые массовые, типологически разно-

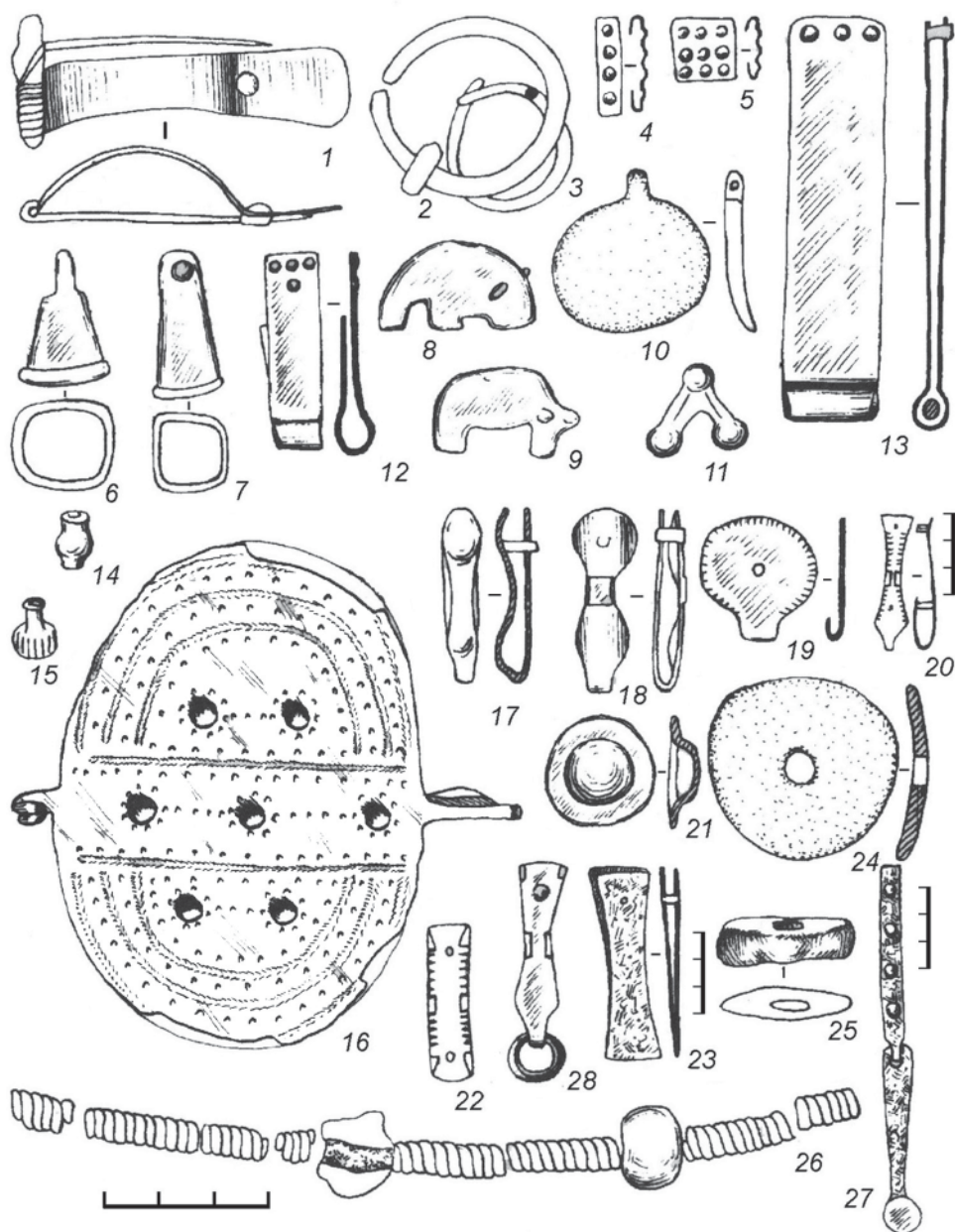

Рис. 16. Комплекс вещей башкирского варианта (1–13):

1 – бантикообразные фибулы, 2, 3 – височные кольца, 4, 5 – пронизки-обоймы, 6–10 – подвески, 11 – накладки, 12, 13 – наконечники ремней. Комплекс вещей удмуртского варианта (14–28): 14, 15, 25 – пронизки, 16 – бабочковидные фибулы, 17–19, 22, 28 – поясные накладки, 20 – петельные застежки, 21 – умбонovidные бляшки, 23, 27 – наконечники ремней, 24 – бляхи-раковины, 26 – ожерелья из бус и пронизок.
1–9, 11–22, 25, 27, 28 – бронза, 23 – железо, 10, 24 – раковина, 26 – бронза, стекло

образно представленные категории вещей (фибулы, височные подвески, поясные накладки). В 1983 г. были опубликованы первые результаты исследования хронологии вещей (Останина, 1983, с. 72–79), а в 1997 г. разработка темы была продолжена. Кроме этого, была разработана хронология украшений, характерных для башкирского варианта культуры, а также хронология распространения самых массовых находок – бус. Автор приходит к выводу, что «представленный вещевого и бусинный материал из могильников мазунин-

ской культуры позволяет определить ее нижнюю и верхнюю даты – III–V вв.» (Останина, 1997, с. 112). Корреляционная таблица дала возможность выделить группы (стадии, этапы) встречаемых, а значит, синхронных вещей. Признаком каждой новой группы является появление новых форм вещей. Таких групп в результате корреляции выявлено девять, из них пять несут самостоятельную хронологическую нагрузку, четыре являются смежными. Хронология пяти групп (стадий) определена следующими датами: 1 ста-

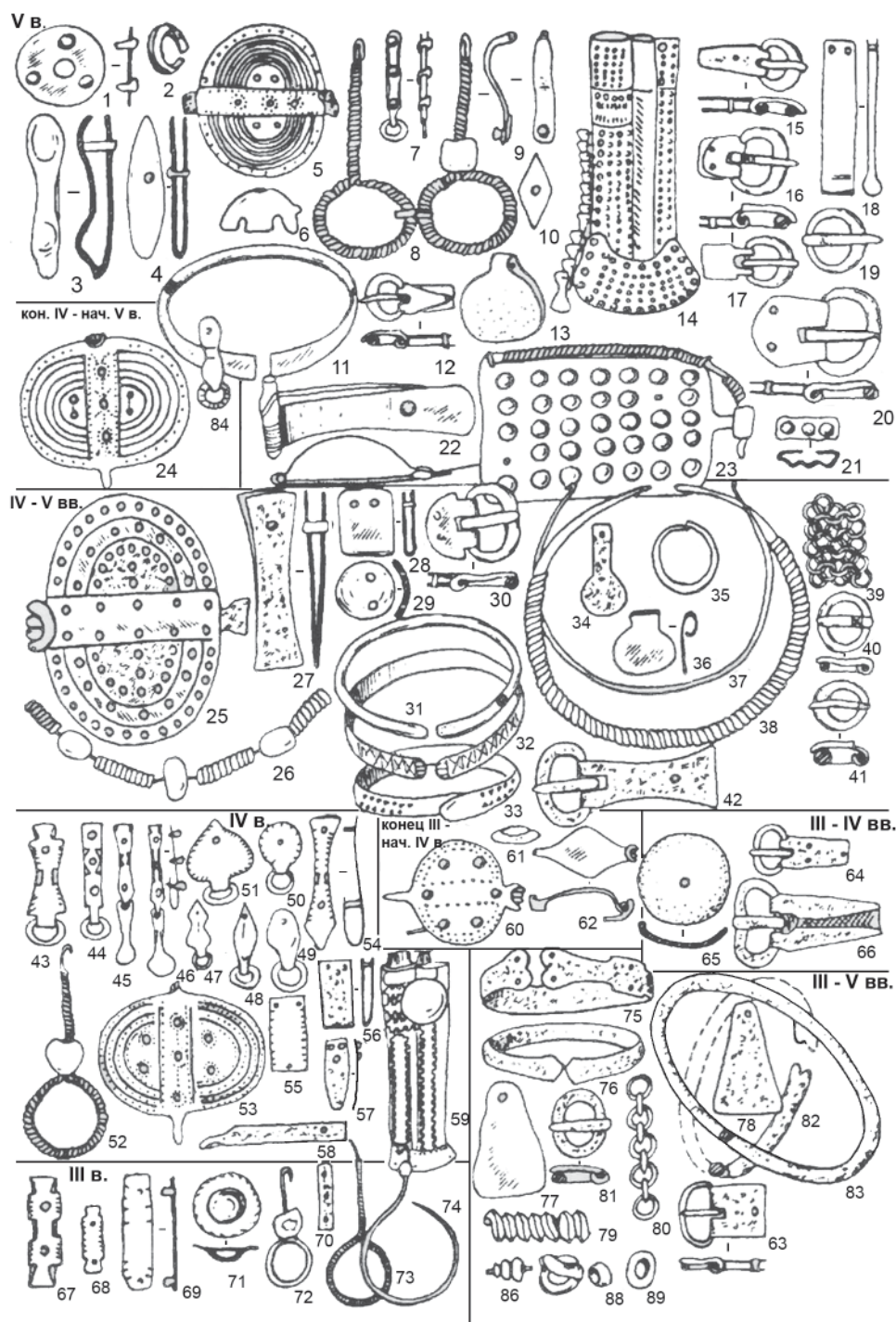

Рис. 17. Хронология вещевого материала мазунинской культуры

дия – III в., 2 стадия – конец III – начало IV в., 3 стадия – IV в., 4 стадия – конец IV в. – начало V в., 5 стадия – V в. (рис. 17).

В последнее время появился ряд статей по уточнению дат бытования фибул на территории Среднего Прикамья (Лещинская, 2010, с. 134–139; Сабирова, 2015, с. 16–17), а также вещевого комплекса ряда памятников культуры I–V вв. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., Казанцева О.А.; Древности Прикамья эпохи железа, 2012). Датировка мазунинской культуры является предметом постоянно-

го внимания Р.Д. Голдиной. Еще в 1987 г., разрабатывая концепцию истории пермских народов по данным археологии, исследовательница относила мазунинские памятники Удмуртского Прикамья к поздней стадии чегандинской культуры, датируя их II–V вв. н. э. (Голдина, 1987, с. 13). В последующих своих исследованиях она твердо уверена в дате III–V вв., оставаясь на прежней интерпретации памятников (поздний, или мазунинский, этап чегандинской культуры) (Голдина, 1999, с. 226; Голдина, Бернц, 2010, с. 157).

В 2016–2017 гг. вопросам хронологии мазунинской стадии (культуры) Р.Д. Голдиной посвящены две большие статьи. Основываясь на значительном материале (86 мужских погребений) Тарасовского могильника, Р.Д. Голдина выделила 12 хронологических групп предметов и методом аналогий определила их дату (Голдина, Бернц, 2016, с. 17–58; 2017, с. 172–204). Диапазон их бытования от четверти столетия и полстолетия до столетия, 2–3 вв. В результате проделанной работы с погребальными комплексами из мужских захоронений исследовательница определяет дату поздней – мазунинской стадии (*О.Т.* – культуры) III–V вв. (Голдина, Бернц, 2017, с. 172, 193).

Согласны с разработанной В.Ф. Генингом, а за ним Т.И. Останиной датами существования мазунинской культуры, при этом называя ее бахмутинской (ранний этап), и башкирские археологи (Мажитов, Султанова, 1994, с. 96; Султанова, 2000, с. 11; Сунгатов и др., 2004, с. 4).

Хозяйственная деятельность. Для первой половины I тыс. н. э., по данным А.В. Шнитникова и О.М. Олейникова, была характерна пониженная влажность, а соответственно – более сухой и теплый климат, приведший к изменению растительности (Шнитников, 1976, с. 268–271; Олейников, 1992, с. 73–74). По сведениям современных климатологов, в частности Н.А. Ясаманова, с IV в. н. э. проявляются признаки потепления, его максимум приходится на VIII–IX вв. Среднегодовая температура была выше современной на несколько градусов (Туганаев А.В., Туганаев В.В., 2007, с. 9–10). В данное время в лесной полосе России имеют место наряду с хвойно-лиственными лесами посадки орешника и дубов, граница распространения которых соответствует северной окраине мазунинской культуры (Туганаев А.В., Туганаев В.В., 2007, с. 12). Климатические условия, лесная растительность способствуют накоплению гумуса. Все это создавало благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства.

Животноводство. Основой для его развития является богатая травами Камско-Бельская пойма, а также появление новых орудий труда по заготовке кормов (косы, серпы). На памятниках башкирской группы обнаружены серпы, которые могли служить для среза травы (рис. 12: 6). На поселениях (Сосновское, Чужьяловское городища) и в погребениях (Покровский могильник) обнаружены находки кос, которые можно отнести к типу кос-горбуш (рис. 12: 7). Палеозоологические находки, полученные в результате раскопок поселений, свидетельствуют об использовании населением в питании мяса домашних и диких животных как минимум девяти видов. Большинство диагностированных костных «кухонных» остатков принад-

лежало домашним животным (78,6%). Животноводство носило мясо-молочное направление. В состав стада на поселениях культуры входили крупный рогатый скот, лошадь, свинья и мелкий рогатый скот. Следует отметить, что удельный вес первых трех видов животных примерно одинаков с незначительным перевесом в сторону увеличения крупного рогатого скота (20–50%) и лошадей (17,5–40%). Процент мелкого рогатого скота небольшой, а на Постольском городище находки костей овец совсем отсутствуют. Определения, выполненные А.Г. Петренко, позволили отнести породы домашних животных к лесному типу. Наблюдается идентичность состава стада на всей территории культуры. Видовой набор домашних животных «мазунинского» стада продолжает традиции пьяноборской и кара-абызской культур, лишь отличается в процентном соотношении: на юге больший процент в стаде составляют крупный рогатый скот и свиньи при значительном сокращении поголовья овец (12–24 раза) и лошадей (в 2 раза). На севере культуры наблюдается тенденция увеличения роли свиноводства (13,0–33,3%). Это можно объяснить, с одной стороны, освоением новых земель, где широкое распространение имели дубовые рощи, желуди которых были прекрасным кормом для свиней. Их плоды были найдены в 1981 г. на Староигринском городище в Граховском районе УР (Туганаев В.В., Туганаев А.В., 2007, с. 39). С другой стороны, способствовали разведению свиней и успехи в зерновом земледелии. Возрастные данные, полученные по морфологическому анализу палеозоологического материала домашних животных, свидетельствуют, что коров моложе 3 лет, а лошадей до (7) 9–12 лет не забивали на мясо. Свиней и овец держали до 1,5 лет и лишь единичных особей оставляли до 3–4 лет для воспроизводства поголовья.

Лесной характер растительности создает благоприятные условия для вольного выпаса скота без пастуха. Скот содержали на подножном корму, пускали в «поскотины» – в специально огороженные участки леса (Владыкин, Христолюбова, 1991, с. 45). В южной части территории культуры можно предположить наличие тебеневки овец, лошадей под присмотром пастуха. Здесь имело место пастушеское отгонное животноводство.

Земледелие было вторым по своему значению занятием населения III–V вв. в Среднем Прикамье. К V в. н. э. почти в два раза увеличивается территория культуры, это связано с освоением человеком все новых земель, что произошло благодаря использованию населением железных проушных топоров (рис. 12: 13). Топоры и огонь позволили освоить земли лесной зоны со смешанными и лиственными лесами. Почвы Среднего

Прикамья (серые лесные оподзоленные, богатые гумусом – на территории современной Удмуртии, оподзоленные черноземы – на территории современного Башкортостана), состав растительности, рельеф (невысокие берега мелких речек) создавали благоприятные условия для развития подсечно-огневой системы земледелия. Особенно большие урожаи на гаях давали ячмень, рожь, полба, овес. Для того, чтобы был гарантирован стабильный урожай, обычно практиковались смешанные посевы (Краснов, 1971, с. 20). Палеоботаниками В.В. Туганаевым и А.В. Туганаевым на обломке глиняной «лепешки» – крышки (?), найденной при раскопках Сосновского городища, определены отпечатки зерен ячменя обыкновенного, полбы-двузернянки, овса посевного и ржи посевной (Останина, 1999, рис. 7; Туганаев А.В., Туганаев В.В., 2007, с. 39). Сорт голозерного ячменя определен ими и на куске глиняной обмазки, обнаруженной в 1979 г. на Алтаевском III селище.

Для эпохи раннего средневековья исследователи отмечают достаточно высокую степень засоренности полей и обильное распространение засорителей сельскохозяйственных культур (Туганаев В.В., Туганаев А.В., 2007, с. 44). Отпечатки сорняков были зафиксированы на упомянутой выше глиняной крышке (?) из Сосновского городища.

Ряд фактов свидетельствует о возможном существовании еще и другой системы земледелия – пашенной. Исследования форм древнего земледелия на огромной территории лесной полосы Восточной Европы, проведенные Ю.А. Красновым, показали, что распространению пахотных орудий с железными рабочими частями предшествовал длительный период целиком деревянных пахотных орудий. Факторами, сопровождающими новый способ обработки почвы, по его мнению, являются появление серпов и жерновов (Краснов, 1971, с. 39, 45). Обе категории предметов были найдены археологами при раскопках могильников (Каратамакский, Югомашевский) и поселений (Казакларовские I и II городища). Все они располагаются на территории башкирской группы памятников. Были определены размеры у обломка жернова Казакларовского II городища (диаметр 21,2 см; рис. 12: 14). Легкие лесные почвы и оподзоленные черноземы, столь характерные для бассейна Белой, хорошо обрабатывались упряжными деревянными орудиями типа рала, способными разрыхлять почву. Вот почему при раскопках не были найдены железные наконечники-наральники. Наличие больших лесных массивов, открытых пространств на современной башкирской территории позволили успешно сочетать подсеку и пашенное земледелие. Это привело к резкому росту объема зерновых. Именно здесь появляются глу-

бокие ямы подколоколовидной и трапецевидной формы как наиболее удобные для хранения большого количества зерна. Уборка урожая осуществлялась с помощью железных серпов, имеющих слабоизогнутый клинок (рис. 12: 6). Не исключена возможность применения кос-горбуш, имевших распространение по всей территории культуры. Они имели короткий (до 17 см) обоюдоострый клинок (рис. 12: 7). Археологические раскопки дали достаточный материал, связанный с переработкой зерна. Это зернотерки – камни известняка или песчаника овальной или прямоугольной формы. Размеры рабочей поверхности зернотерки, найденной на Постольском городище, равнялись 19,6×26,5 см (рис. 12: 11). Обломки зернотерок и пестов-терочников в довольно большом количестве найдены на поселениях удмуртской группы памятников, а в бассейне Белой обнаружены лишь единичные находки терочников и обломки жерновов. Состав зерновых, обнаруженных при раскопках, определяет и основное назначение продуктов зернового земледелия. Полба, ячмень, овес прежде всего являются крупяными культурами. При их очистке и дроблении в деревянных ступах получали крупы для варки каш, при размоле – муку для выпечки пресных лепешек (Туганаев В.В., Туганаев А.В., 2007, с. 43).

Таким образом, мазунинские племена сделали большой шаг вперед в развитии земледелия по сравнению с населением предыдущих культур. Намного увеличилось посевные площади, появились новые орудия труда. На позднем этапе существования мазунинской культуры на юге распространения ее памятников, возможно, имела место более эффективная система земледелия – пашенное бесплужное земледелие.

Дополнительные запасы мясной пищи давала охота. Подавляющее большинство находок костей на поселениях культуры принадлежит диким животным, мясо которых употреблялось в пищу. Население охотилось на обитателей больших лесных массивов (бобра, медведя, лося, кабана), при этом предпочтение отдавалось охоте на бобра (63,7–100% особей). В зоне лиственных лесов с большей степенью хозяйственной освоенности человеком охотились на пушного зверя – зайца, лисицу, имевших здесь самые благоприятные условия для обитания. При этом следует отметить, что находки костей этих животных немногочисленны. Значение охоты на диких животных в разных районах культуры было неодинаково. Если в культурном слое самого северного памятника – Чужьяловского городища – кости диких животных составляли 60,4% находок всех обнаруженных особей, то на самом южном – Сорвихинском – 9,1%, а на Постольском городище они совсем от-

существовали. Претерпело изменение занятие охотой. На юге исчезла добыча бобра и сократилась охота на ценного пушного зверя. О последнем явлении свидетельствует, возможно, ярко выраженный местный характер вещевого погребального инвентаря. Привозным товаром, за который надо было платить пушниной, были стеклянные бусы, раковины моллюсков, цветной металл и оружие.

Мазунинское население обладало разнообразным арсеналом костяных наконечников стрел, предназначенных для разных видов животных, в том числе птиц. Для эффективности охоты древние люди использовали собак, кости которых были найдены при раскопках Сорвихинского городища в 1990 г. (Останина, 1990, л. 52).

Итак, охотничий промысел у мазунинского населения играл определенную роль в пополнении запасов мясной пищи и для добычи мехового сырья. Например, на Чужьяловском городище из каждых десяти убитых на мясо животных как минимум шесть были дикими.

Важным подспорьем в пополнении запасов продуктов питания было *рыболовство*. Богатство рыбой рек и пойменных озер Среднего Прикамья, нехватка рабочих рук делали ненужной лов рыбы с помощью удочки (господствовал сетевой метод ловли). В коллекции Сосновского городища обнаружены обломки глиняных грузил от сетей (рис. 12: 9), а в составе остеологического материала Казакларовского I и Сорвихинского городищ – чешуя рыбы.

Металлургическое производство и литье цветных металлов, с одной стороны, продолжают традиции населения предыдущих культур, с другой – сделан определенный шаг в приемах обработки металла. Судя по составу погребального инвентаря мазунинских могильников, наблюдается резкий рост производства железа. Из него делают почти все необходимые в жизни предметы (орудия труда, оружие, поясная гарнитура, украшения), при этом в значительном количестве. Варили металл за пределами городищ и селищ. На их площадках происходила лишь дальнейшая обработка. На Сосновском городище обнаружено большое число кусков шлака (243 экз.), крицы (77 экз.) и фрагменты керамики со следами ошлаковки (Останина, 1999, с. 73, 79, рис. 2).

Следует отметить, что кузнечных инструментов археологами пока не зафиксировано. В последнее время специалисты стали обращать внимание на изучение железообработки населения Среднего Прикамья. Технологическому анализу были подвергнуты кузнечные изделия Тарасовского и Тураевского грунтового могильников. По данным В.В. Кондрашина основным сырьем для изготовления ножей, удил, наконечников стрел,

копий, гривен и крючков служило кричное железо и сырцовая сталь (Кондрашин, 2003, с. 9). Исследователь считает, что металл, который шел на производство ножей и копий с помощью интенсивнойковки тщательно освобождался от шлаковых включений. Сварка в основной массе проводилась на хорошем уровне, хотя и встречаются некачественные образцы – слабо прокованные и прокаленные (Кондрашин, 2003, с. 9). Изучение предметов вооружения из указанных выше памятников в технологическом аспекте позволило другому исследователю, С.Е. Перевошикову, считать, что в области производства они сильно отличаются от основной массы изделий. Он приходит к выводу, что шлемы, мечи, косы, кольчуги, скорее всего, были изготовлены за пределами Прикамья (Перевошиков, 2002, с. 49). Анализируя кузнечное ремесло Прикамья, С.Е. Перевошиков и В.В. Кондрашин приходят к общему выводу, что его уровень соответствует уровню железообработки других синхронных культур лесной полосы Восточной Европы. Исследуя предметы из черного металла Тураевского грунтового могильника, В.В. Кондрашин и С.Е. Перевошиков отметили «достаточно низкий уровень кузнечной сварки» (Перевошиков, Кондрашин, 2010, с. 484).

Погребения мастеров-ремесленников, обнаруженные в последнее время на Тарасовском могильнике, с кусками крицы служат доказательством процесса отделения металлургии от металлообработки и других занятий населения. Продукция металлургов-кузнецов превратилась в их личную собственность и была уложена в могилу вместе с мастером. Так, в погребении № 1679 лежали два куска крицы общим весом около 4 кг и бронзовый слиток. Один кусок крицы круглой формы весом 5,2 кг был уложен в мужское погребение № 782 (Голдина, 2005, с. 138, 254; Перевошиков, 2002, с. 35).

Остатки бронзолитейного производства найдены почти на всех раскопанных поселениях культуры. Обломки тиглей и слитки цветного металла находят как в культурном слое поселений, так в погребальном инвентаре могильников. На раннем этапе существования культуры изделий из цветного металла было немного, лишь во второй половине IV в. происходит резкий скачок в их производстве. Видимо, в конце пьяноборской эпохи используемые людьми источники медной руды истощились. Возможно, освоение торговых связей с районами, богатыми медью и другими элементами сплавов бронзы (олово, цинк, свинец, серебро), привело к тому, что медные, бронзовые слитки могли даже положить в захоронение. Найдены слитки в погребальном инвентаре Покровского (7 экз.), Тарасовского (1 экз.), Тураевского I

(1 экз.), Усть-Сарапульского (1 экз.), Кудашевско-го (3 экз.), Красноярского (2 экз.) могильников, а также в культурном слое Нырғындинского II городища (1 экз.). Они были отлиты (большинство) или выполнены в техникековки. Длина дровослитков достигала 21,2 см, ширина была в пределах 0,4–1,0 см. Вес дровослитков колебался от 10,75 г до 71,84 г. Исследование поверхности слитков при помощи рентгенофлуоресцентного анализатора металлов и сплавов S1 Turbo SD, выполненное С.Е. Перевощиковым, выявило, что на Покровском могильнике преобладали слитки из «чистой» меди, а в остальных памятниках культуры находки слитков принадлежат свинцовой бронзе, классическим бронзе, латуни и трехкомпонентной бронзе и латуни (Казанцева, 2015, с. 25–33).

Следует отметить, что находки слитков-стержней относятся к позднему периоду существования культуры (IV–V вв.). Найдены они в большей массе в женских погребениях (входили в состав жертвенных комплексов) и служили в качестве сырья для изготовления продукции из цветного металла. Хотя не исключена возможность использования их в качестве меры веса при торговых отношениях с народами юга.

Техника литья и пайки цветных металлов, столь характерная для предыдущей (пьяноборской) культуры, уходят в мазунинское время на задний план. Широкое распространение в изготовлении ряда типов бляшек, поясной гарнитуры, подвесок, фибул-застежек, ножен для ножа и шила получают техника штамповки и тиснения. Техника тиснения чаще всего сочеталась с элементами чеканки и аппликацией из заклепок-полугорошин. Большое значение приобрело волочение бронзовой (медной) проволоки иковка проволоки из железа, спрос на которую был велик для изготовления подвесок, пронизок, цепочек, головных украшений из колец и т. д. Однообразие категорий, типов предметов из цветного металла дает право предполагать существование определенных центров их производства. У каждого центра была своя зона влияния – свой рынок, отсюда выявляются особенности памятников разных регионов.

Археологические находки в материалах поселений и могильников отражают и наличие у мазунинцев домашних ремесел, т. е. переработки сырья в том хозяйстве, где его добывают. К ним относятся обработка дерева, косторезное дело, производство глиняной посуды, обработка шкур, прядение и ткачество.

В домостроительстве для обработки бревен использовались железные топоры, тесла и скобели. Если топоры имели довольно широкое распространение на территории культуры, то тесло

(рис. 12: 12) и скобель (рис. 12: 10) обнаружены в единственных экземплярах. Мелкие предметы из дерева обрабатывали ножами (рис. 12: 1), для получения углублений при изготовлении ложек, чашек, поварешек стал использоваться ложкарь, который впервые был найден при раскопках Покровского могильника (рис. 12: 2). Для удовлетворения хозяйственных нужд, а также в ритуальных целях широко применяли берестяную посуду. Она фиксируется в погребениях в виде туесков для жертвенных комплексов. Они имели дно диаметром 10–20 см и невысокое (до 5 см) цилиндрическое тулово.

Косторезное дело ограничивалось изготовлением наконечников стрел, проколок, режущих ложилок, рукоятей ножей, шильев. Изготовление большинства этих предметов не требовало больших усилий, т. к. использовались естественные формы кости. Мастеру приходилось только проделать отверстие для подвешивания, подправить ножом отдельные детали, заострить рабочую часть.

Среди домашних ремесел можно отметить выделку шкур для шитья теплой одежды и обуви. Особенно широко использовалась кожа. Из нее делали поясные и обувные ремни, головные повязки, шапочки, нарукавные украшения, ножны. При исследовании могильников культуры обнаружены почти целые ремни шириной кожи 2–4 см. При этом куски кожи были сложены из нескольких слоев. Наблюдались случаи покраски внешней поверхности ремней в красный цвет, имевший какое-то особое значение в одежде мазунинских племен. Обнаружены и орудия труда для обработки шкур и шитья кожи – ложила из ребер животных, проколки, шилья (рис. 12: 3). Мазунинское население продолжало традиции местных финно-пермских племен в области прядения и ткачества. На поселениях, реже в погребениях, обнаружены пряслица (рис. 12: 4). Они делались в основном из глиняного теста, очень редко из камня. Большинство обнаруженных пряслиц имели большой диаметр (до 4,2 см), что свидетельствует об их предназначении – прядение тонких нитей.

Мазунинские могильники отличаются значительным количеством находок кусков ткани, при этом в одном погребении могли быть найдены фрагменты ткани разного вида. Одна группа тканей коричневого цвета разных оттенков по своей структуре рыхлая, небольшой плотности. Другая группа – ткани черного цвета, плотно сотканые, с четкой репсовой структурой. Она отличается высоким качеством исполнения. В одном из погребений Нивского могильника найден кусок ткани, где основа состоит из шерстяных тканей, а уток – растительных волокон (соломы; остатки циновки?). Реставратор высшей категории

А.К. Елкина считает, что темные цвета тканей свидетельствуют о большом количестве красителей в волокнах, в коллекции тканей из могильников культуры нет образцов, окрашенных драгоценными красными и синими красителями, являющимися предметом международной торговли (пурпур, индиго). Окраска тканей происходила с помощью местных красителей. Ими могли быть корни, стебли, кора и листья, цветы, плоды множества растений, растущих на территории Прикамья (Елкина, 1988, с. 143–145). Ткань могла быть и натуральных цветов шерсти – белого, темно-коричневого. Среди находок имеются и еще другие текстильные изделия из шерсти: толстые крученые нити – шнурки и кусочек плетеной тесьмы. Тесьма плелась по схеме сутажа. Получалось объемное изделие, похожее на две веревочки правой и левой крутки, сложенные параллельно. Куски ткани и тесьмы были остатками разных частей одежды и специального покрывала.

Общество. Социальная структура мазунинского общества представляла собой сложный организм, постоянно меняющийся как территориально, так и хронологически. Ранние некрополи культуры несут в себе признаки развития общества предыдущего времени – пьяноборской историко-культурной общности (культуры), когда родовой могильник представлял совокупность кладбищ больших патриархальных семей, а малая моногамная семья еще четко не выделилась на площадке древнего некрополя (Агеев, 1992, с. 90–100). Основной социально-экономической ячейкой общества была родовая община, куда входили патриархальные семьи. Все члены рода совместно вели хозяйство (Генинг, 1970, с. 119).

Разработка хронологии вещевого материала позволила определить даты использования всех известных могильников и выйти на решение проблемы развития социальной структуры мазунинского общества (Останина, 1997, с. 117–142).

На ранних могильниках культуры или их ранней части погребения располагались хаотично. Это всегда наблюдается исследователями, если у населения, оставившего захоронения, были сильны родовые отношения. Позднее при освоении новой территории, оторвавшись от своего рода, в патриархальных семьях особенно остро чувствовалась значимость рабочих рук каждой семейной пары. Возможно, этим можно объяснить планировку ранних могильников (ранних погребений на могильниках), где четко выделяются как ряды-кладбища патриархальных, так и ряды-кладбища малых моногамных семей. Около IV в. возникает новый институт в социальных отношениях – патронимия, что особенно хорошо фиксируется на поздних могильниках культуры. Появлению па-

тронимии способствовала относительно спокойная внешняя обстановка, успехи в хозяйственной деятельности. Подсечно-огневая система земледелия на новых землях требовала лишь на короткое время объединения людей (рабочих рук). Временные работы можно было скоро и эффективно выполнить на основе даже дальних родственных отношений.

Следует отметить, что в мазунинском обществе не было резкого имущественного неравенства, сосредоточения богатства в руках малой семьи. Особенно это проявляется на ранней стадии существования культуры (III – начало IV вв.). Погребальный инвентарь не имеет резкой разницы в материальном положении древнего населения. Все взрослые жители были полноправными членами рода. Только на позднем этапе появляются погребения, отличающиеся большим количеством и представительным содержанием вещевого материала (обычно 6–9 категорий предметов). На Тарасовском могильнике их число достигает 17 (Сабиров, 2011, с. 20). И это особенно проявляется в погребениях женщин, реже – мужчин. Погребения последних отличаются лишь наличием оружия и крупных орудий труда. Более состоятельными были представители не малых индивидуальных семей, а прежде всего члены отдельных патронимий и реже патриархальных семей одного рода. Патронимия, а не отдельная моногамная семья, определяла имущественный статус в мазунинском обществе IV–V вв. Социальное положение человека в каждой такой патронимии определялось возрастом, вкладом человека в хозяйственную и военную функции общества. Число патронимий на некрополях колеблется в пределах от 2 до 17, в последнем случае они оставлены членами двух родов (Покровский могильник). Особое место среди мазунинского населения занимали мужчины, захоронения которых обнаружены на могильниках, расположенных в устье Белой и на правом берегу Камы. Они отличаются наличием находок топоров, наконечников копий, стрел и кос. На Старокабановском могильнике, расположенном в устье р. Белой, на каждом патронимическом кладбище были обнаружены захоронения с полным набором оружия и крупных орудий труда и предметы удлиненно-трапециевидной формы с кольцом на узком конце (знак отличия?) (Васюткин, Останина, 1986, табл. 7: 1), возможно, принадлежащих военным вождям.

Таким образом, структура мазунинского общества постоянно развивалась, в результате чего шел распад родовых отношений и перенос центра тяжести в исполнении социальных функций от рода к патронимии. Мирная хозяйственная деятельность на севере и военно-хозяйственная дея-

тельность на юге территории культуры привели к социальному разложению общества: выделению богатых патронимий и патриархальных семей. В них главенствующую роль играли мужчины-воины, мужчины-земледельцы и часть взрослых замужних женщин.

С помощью современных методов демографического исследования нами была подсчитана продолжительность жизни мазунинского населения и сделаны численные подсчеты древних коллективов. Средняя продолжительность жизни взрослого населения была в пределах 29–38,8 лет, что почти соответствует средней продолжительности жизни средневекового населения Северной Европы (30–40 лет). Женщины в среднем жили в пределах 27,1–35,1 года, что было сравнительно ниже уровня жизни мужского населения (31,6–42,5 года). Численность коллектива людей, использовавшего мазунинские могильники, укладывалась в пределах 25–204 человека, из них взрослые могли составлять 10–61 человек. На одну малую двухпоколенную семью приходилось от 3 до 6 детей, а численность всех членов семьи обычно равнялась 5–9 человек.

Происхождение. Башкирские ученые Р.Г. Кузеев и В.А. Иванов отмечали, что в эпоху Великого переселения народов для Южного Урала нестабильность и пестрота затрагивали в основном лесостепные районы и практически не касались северных территорий Приуралья с их устойчивой финно-угорской этнокультурной средой (Кузеев, Иванов, 1987, с. 8). При изучении состава и характера оружия мазунинских племен В.А. Иванов приходит к мысли, что в арсенале вооружения финно-угорского населения никаких изменений не произошло, что можно объяснить только отсутствием угрозы нападения со стороны кочевников. Войско было пешим, с преобладанием оружия ближнего боя (Иванов, 1984, с. 39–40). Другой башкирский археолог А.Х. Пшеничнюк отмечает запустение Приуральских степей на рубеже и начале I тыс. н. э. в связи с уходом основной массы сармат на запад. Исследуя памятники археологии южнее г. Уфы, он зафиксировал на правом берегу р. Белой памятники кара-абызской культуры и три сарматских могильника, а на левом – их отсутствие (Пшеничнюк, 1987, с. 75). В благоприятной для социально-экономического развития обстановке, на рубеже II–III в. происходит формирование качественно новой культуры. На особенности ее образования оказали влияние и демографический аспект (резкий рост населения), и природно-климатический фактор (понижение влажности), и сокращение использования ранее известных источников руд для получения цветных металлов, резкий рост добычи железа и появление

новых орудий труда. Все это вместе взятое привело к перемещению местного населения кара-абызской и пьяноборской (чегандинской пьяноборской историко-культурной общности по Р.Д. Голдиной) культур (появление новой территориальной карты расселения) и развитию новых форм производства, а отсюда новых категорий вещей, отличающихся от ранее существовавших в пьяноборское время.

При исследовании вещевого материала и погребального обряда 13 могильников была выявлена высокая степень сходства между некрополями мазунинской и пьяноборской, а также между пьяноборской и кара-абызской культурами (Останина, 1997, с. 174). Новый более значительный материал базового бахмутинской/мазунинской культуры Бирского могильника дал возможность А.Н. Султановой доказать отсутствие разницы между могильниками Среднего Прикамья и среднего течения Белой, в т. ч. раннего этапа (мазунинского) данного памятника (коэфф. сходства равен 0,83%) (Султанова, 2000, с. 18).

Процесс формирования новой культуры происходил на рубеже II и III вв. и в течение первой половины III в. н. э. В это время продолжают существовать памятники предшествующих культур, но с элементами новой культуры. Во второй половине III в. н. э. активно начинается освоение новой, ранее свободной территории к северу от Камы и на притоках Белой, для населения которой уже были характерны новые формы вещей и элементы погребального обряда.

Для IV–V вв. свойственна уже массовость и традиционность форм вещей, составляющих археолого-этнический комплекс мазунинской культуры. Как отмечает В.Ф. Генинг, этот факт является показателем стабилизации этнического состава населения и его этнического единства (Генинг, 1988, с. 24). На его стабильность не оказали влияние и небольшие инородные включения, произошедшие в конце IV – первой половине V вв. н. э., что выразилось в существовании курганно-грунтовых могильников, открытых археологами в бассейне Камы. Это могильники около с. Тураево Менделеевского района Татарстана, с. Старая Мушта в Краснокамском районе Башкортостана и у д. Кудаш Бардымского района Пермского края.

Исторические судьбы. Точки зрения ученых на данную тему постоянно менялись. Носители культуры интерпретировались как предки мадьяр, башкир, удмуртов. К концу XX в. сложились несколько точек зрения в решении проблемы исторической судьбы мазунинских племен. Впервые вопрос дальнейшей судьбы населения мазунинской культуры решал В.Ф. Генинг. Он считал: южная группа мазунинского населения

вошла в состав северных башкир (племя еней), а северная – приняла участие в формировании шарканской, воткинской и ижевской групп удмуртов (Генинг, 1967б, с. 278). По мнению Р.Д. Голдиной и Т.К. Ютиной население, оставившее памятники «мазунинского типа», приняло участие в формировании верхнеутчанской культуры, в конечном итоге стало основой для сложения южных удмуртов (Голдина, 1987, с. 22–23; Ютина, 1984, с. 77–80; 1994, с. 15–16). Р.Д. Голдина считает, что указанная культура формировалась на местной пьяноборско-мазунинской основе (Голдина, 1987, с. 21). Утверждать о продолжении мазунинских традиций на памятниках южной части современной Удмуртии по имеющимся сейчас опубликованным источникам преждевременно, но решение проблемы дальнейшей судьбы мазунинской культуры в виде выделенной верхнеутчанской культуры имеет право на существование, хотя требует накопления нового материала.

По мнению Н.А. Мажитова, бахмутинские (мазунинские, по нашей терминологии), финно-угорские по своей этнической принадлежности, племена приняли участие в формировании башкирской народности (Мажитов, 1977, с. 129). На наш взгляд, имеет право на возрождение гипотезы,

высказанная в свое время В.А. Семеновым, об участии мазунинских племен в формировании половской культуры, предков северных удмуртов. При сравнительном анализе этих культур обнаруживается много общих черт как в вещевом материале, так в погребальном обряде и в керамическом комплексе (Семенов, 1982, с. 50, 56).

Территория междуречья Уфы – Белой – Бирь в конце V–VIII вв. н. э. превратилась в зону взаимопроникновения крупных групп пришлого населения (турбаслинская, кушнаренковско-караякуповская, романовская культуры) и окраинной южной части проживания потомков местного (постмазунинского) населения, в результате чего происходит процесс ассимиляции разных групп населения (Иванов и др., 2013, с. 29–47). Он заканчивается в VIII в. «победой» носителей кушнаренковской культуры (правенгры по А.Х. Халикову, Р.Г. Кузееву, В.А. Иванову, тюрки по Н.А. Мажитову). В одно время автором данных строк была высказана идея принадлежности части позднемазунинского населения (бахмутинский тип памятников) к предкам бесермян, в IX в. частично ушедшим вместе с правенграми на территорию современной Венгрии (Останина, 1996, с. 38–40; История Удмуртии, 2007, с. 206).

Тарасовский могильник – опорный памятник Среднего Прикамья¹

Значительную роль в изучении эпохи ВПН в Приуралье играют материалы Тарасовского могильника I–V вв. – крупнейшего из исследованных финно-пермских погребальных памятников Евразии. Он относится к тарасовской (чегандинской) культуре пьяноборской культурно-исторической общности.

Памятник находится в среднем течении р. Камы, в 240 км к юго-западу от г. Перми, в 87 км к юго-востоку от г. Ижевска, в 310 км к востоку от г. Казани (рис. 1). Могильник расположен на мысу высокой (20 м) коренной террасы правого берега р. Камы, в 1 км к юго-востоку от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской Республики и в 2 км к юго-западу от современного русла р. Камы (рис. 2: 1).

На протяжении 18 лет (1980–1997 гг.) Тарасовский могильник изучала Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета под руководством Р.Д. Голдиной. Итогом стационарных работ на площадке могильника стали 16091,5 кв. м вскрытой площади и 1880 изученных могил с 2096 захороненными; коллекция вещей, насчитывающая более 37000 предметов.

Результаты полевого изучения и первичной камеральной обработки погребальных комплексов Тарасово были опубликованы в двухтомной монографии, содержащей каталог погребений могильника в томе II и иллюстрации материалов в томе I (Голдина 2003; 2004). Том III посвящен анализу погребального обряда Тарасовского могильника (Голдина и др., 2015). В основу этой работы легли исследования 130 признаков погребального обряда с применением математического инструментария и планиграфии. При этом были изучены особенности ранней, ныргындинской (I–II вв.) и поздней, мазунинской (III–V вв.) частей памятника (рис. 3) и выяснены как их своеобразие, так и общие черты, позволяющие уверенно утверждать, что памятник оставлен в основном монокультурным населением. Анализ погребальной обрядности Тарасовского могильника в полной мере показал единство исследуемого массива захоронений и плавное эволюционное нарастание или угасание признаков погребального обряда. Могилы располагались рядами и группами (рис. 2: 2), преимущественно ориентированы в меридиональном направлении, однако выделяются кусты погребений

с иной ориентировкой. Среди общих элементов, одинаково распространенных на протяжении всего времени функционирования памятника, можно выделить некий набор признаков, характеризующий типичное тарасовское погребение. Это одиночное грунтовое захоронение по способу трупоположения без сохранившихся надмогильных сооружений (поверхность распахивалась). Размер и форма могильной ямы зависели от возраста и роста умершего. Захоронения совершены в гробовищах (рис. 4: 2) или колодах (рис. 4: 1), сверху покрытых настилами из плах (рис. 4: 3–5). Типичное положение тела погребенных – вытянуто на спине, руки при этом уложены вдоль тела или согнуты в локтях. Планиграфическое распределение мужских и женских погребений подтверждает вывод о семейном принципе захоронения умерших, когда в одном ряду оказались погребения близких родственников вне зависимости от их пола и возраста.

Важной составляющей частью погребального обряда является положение в могилу сопроводительного инвентаря (74,4% всех могил). Статистически удалось выявить две главенствующие тенденции. Часть вещей входила в состав погребального костюма и, таким образом, предметы были зафиксированы в процессе раскопок там, где, скорее всего, они использовались при жизни. Другой вариант: некоторые изделия – пояса (поздняя стадия) – обнаружены развернутыми/разомкнутыми и лежащими вдоль тела погребенного (рис. 5: 3–5). Сюда же следует отнести традицию класть у головы или у ног умерших подарочные наборы (рис. 5: 1, 2, 6), включающие в себя две и более категории погребального инвентаря, чаще всего бусы, височные подвески, реже – другой инвентарь. Количество категорий вещей в одной могиле колеблется от 1 до 17, чаще всего от 4 до 6. В женских захоронениях встречались височные подвески, бусы, бисер, фибулы, браслеты, гривны, в мужских – мечи, украшения портупей, наконечники стрел и копий, боевые косы, колчаные крючки, ножны, топоры и секировидные предметы, шлемы и доспехи, предметы металлургического производства – крицы и слитки металла, детали снаряжения коня – удила и украшения сбруи, ременная гарнитура: различные варианты пряжек, наконечников ремней, накладок, редко – фибулы и сюльгамы.

¹ Вследствие традиционных представлений о культурогенезе Среднего Прикамья первой пол. I тыс. н. э. материалы Тарасовского могильника оказались разорванными: ранняя часть (I–II вв.) проанализирована в III томе "Археологии Волго-Уралья", с. 475–502, а поздняя (III–V вв.) – в настоящем разделе.

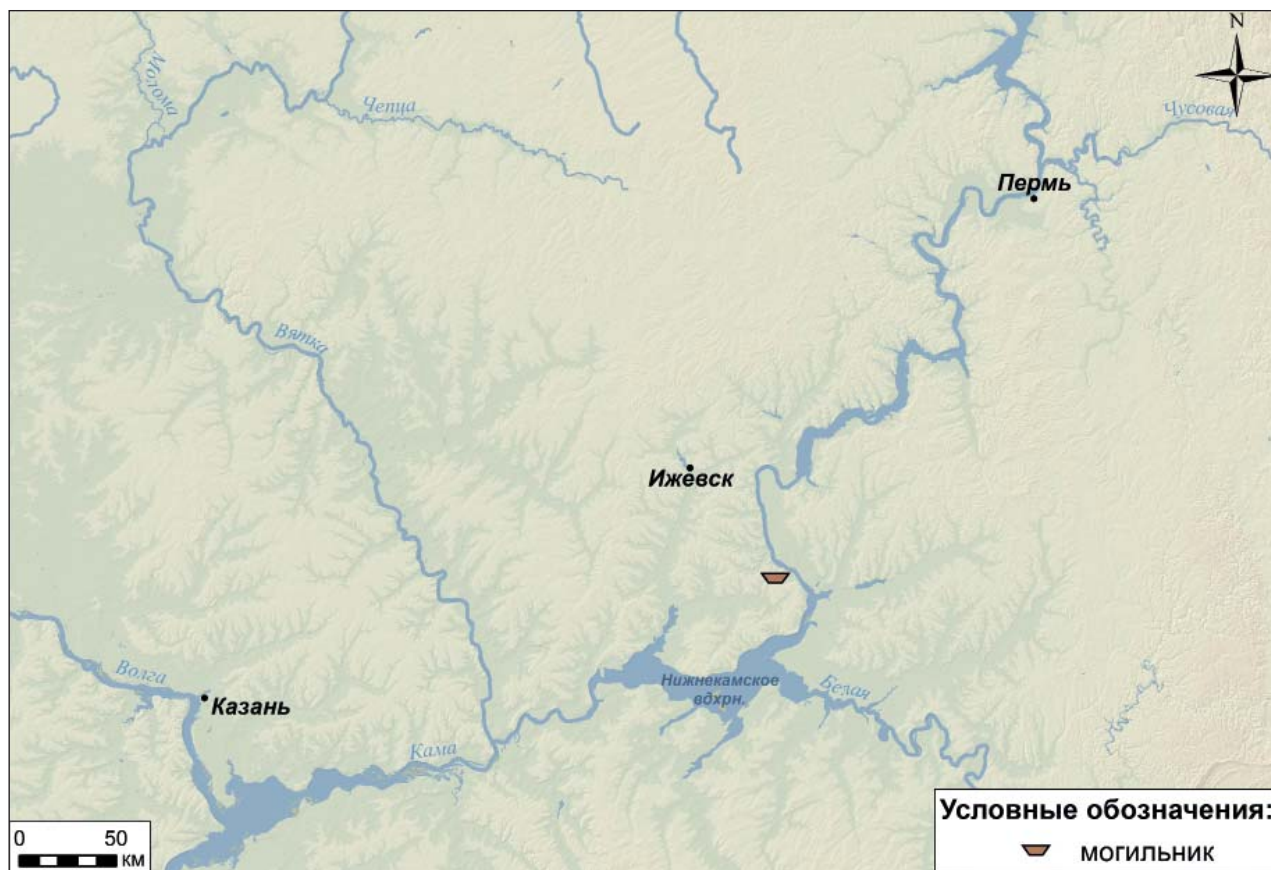

Рис. 1. Тарасовский могильник. Место расположения.

Полученный материал был проанализирован типологически, с помощью корреляции различных типов вещей и их аналогий. В результате были выделены хронологические группы отдельно для мужских и женских могил ранней – ныргындинской стадии (I–II вв.) и поздней – мазунинской (III–V вв.). В корреляцию ранней стадии были включены 37 мужских и 102 женских погребения. Среди мужских комплексов обозначились хронологические группы I в., II и I–II вв. Среди женских, помимо перечисленных, были выделены группы: первой половины II в., второй половины II в., а также I – первой половины II в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, с. 41–89). Захоронения мужчин III–V вв. (88 комплексов, вошедших в корреляционную таблицу) были разделены на 12 хронологических групп. Среди них вещи первой половины III в.; второй половины III в.; III в.; первой половины IV в.; второй половины III – IV в.; третьей четверти IV в.; четвертой четверти IV в.; V в.; второй половины IV в.; второй половины III – V в.; второй половины IV – V в.; IV–V вв. (Голдина, Бернц, 2016а; 2017). Женские захоронения III–V вв. (160 комплексов) разделились на следующие группы: первой половины III в.; второй половины III в.; III в.; второй половины III–IV в.; IV в.; первой половины V в.; второй половины V в. (Голдина, Бернц, 2017а).

До обобщения материалов Тарасовского могильника древности населения мазунинского этапа чегандинской культуры пьяноборской историко-культурной общности Среднего Прикамья представлялись как нечто цельное, монолитное, неизменное на протяжении трех столетий. Сейчас в них явственно проявились особенности, характерные для определенных коротких временных отрезков. Особенно их специфика заметна для второй половины III и второй половины IV вв.

В III в. к явно привозным изделиям относятся шестигранная с эмалевыми вставками, шарнирная фибула-брошь (Голдина, 2022в, рис. 1: 20), брошь со вставкой из голубой эмали (рис. 6: 20), бронзовая фибула-брошь с выступом в центре и орнаментом в форме креста из синей эмали (рис. 6: 3), пружинные фибулы с завитком на конце приемника и 8-образной спинкой (рис. 6: 5), лучковые подвязные одночленные фибулы (рис. 6: 4), лучковые одночленные пружинные фибулы с завитком на конце приемника и широким пластинчатым корпусом (рис. 6: 10, 11, 17), а также лучковая подвязная с раскованной ножкой, украшенной геометрическим орнаментом (рис. 6: 18) и др. (о датах и аналогиях см. Голдина, Бернц, 2017, с. 50–55).

Многочисленны вещи местных типов: круглые большие выпуклые бронзовые бляхи (рис.

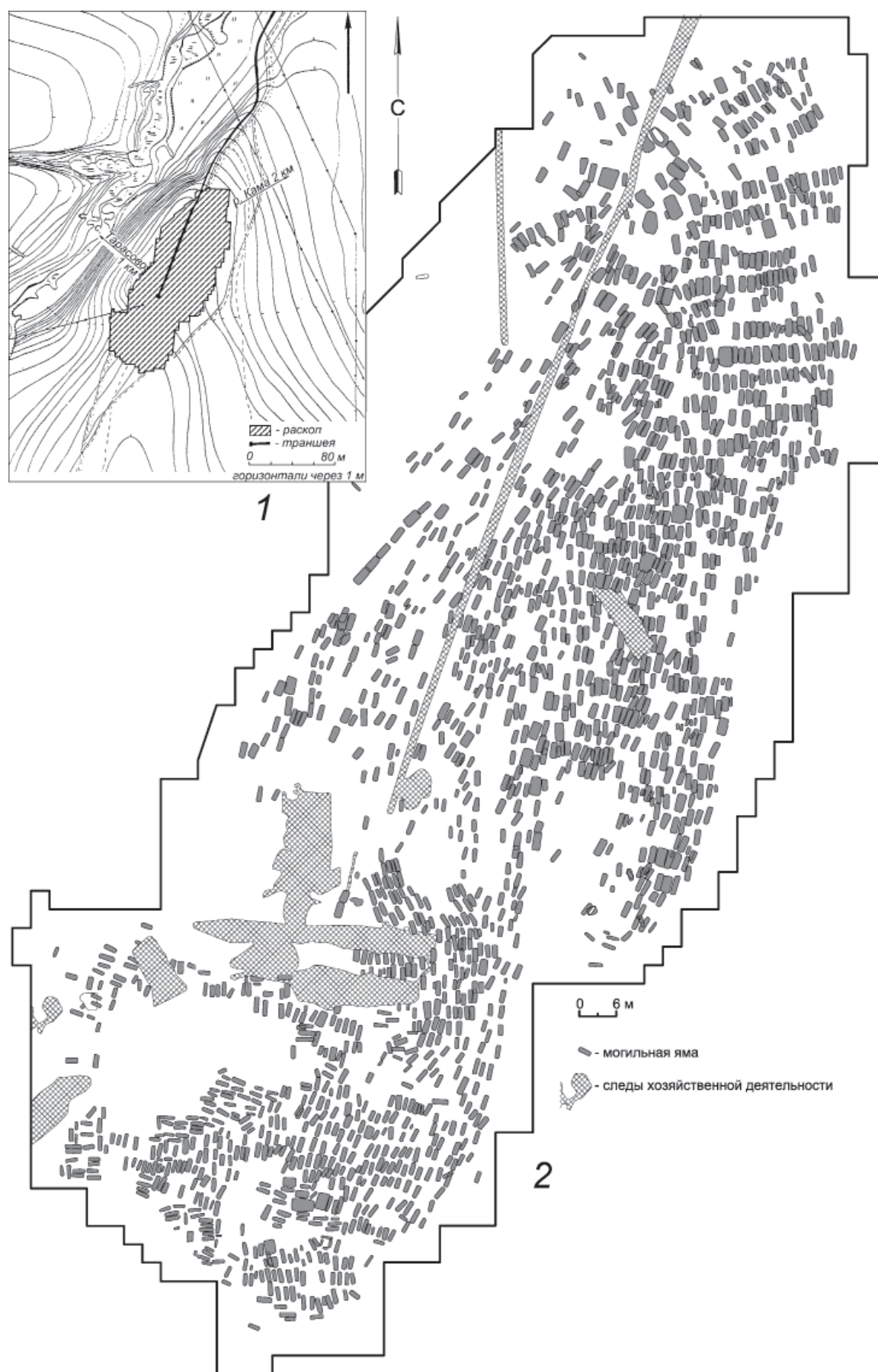

Рис. 2. Тарасовский могильник. 1- топографический план; 2 – план раскопа.

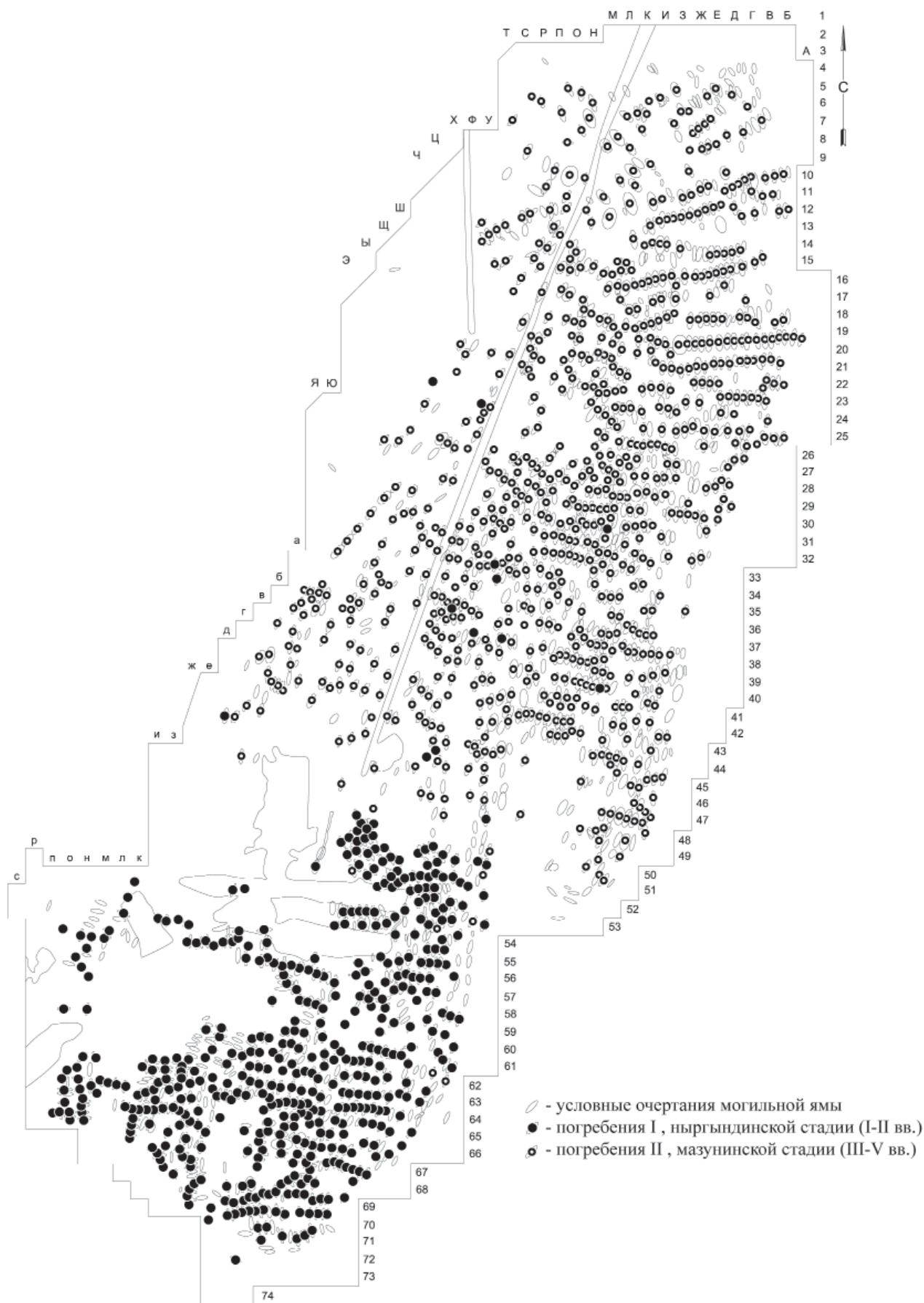

Рис. 3. Тарасовский могильник. Планиграфия погребений по стадиям

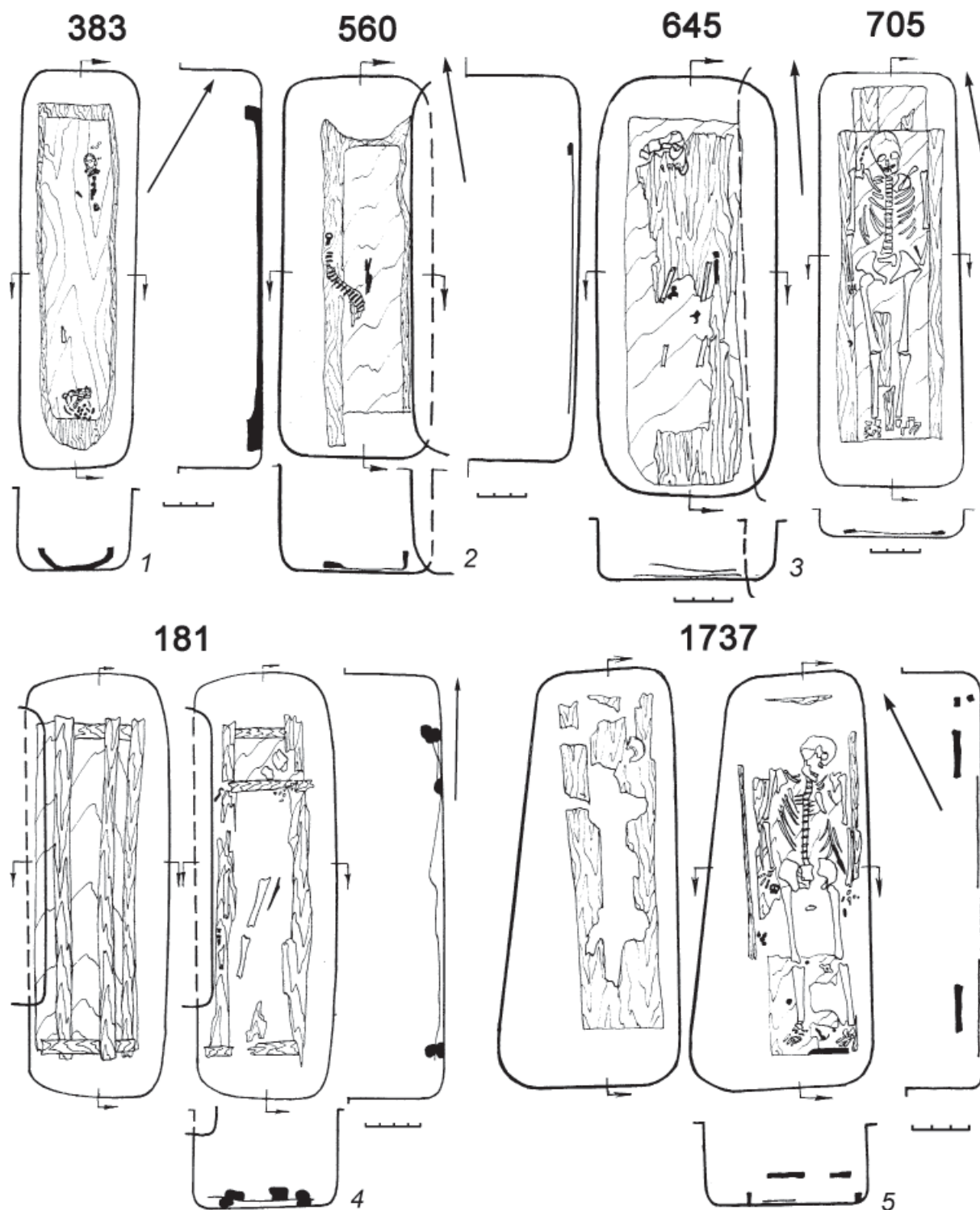

Рис. 4. Тарасовский могильник. Планы погребений III–V вв.
1 – погр. 383; 2 – погр. 560; 3 – погр. 645; 4 – погр. 705; 5 – погр. 181; 6 – погр. 1737

6: 6), используемые уже в I–II вв., флаконовидные пронизки (рис. 6: 22), височные подвески с проволочным кольцом (рис. 6: 27, 28). Этнографическую особенность наборных поясов этого времени составляли накладки различных геометрических вариантов, обильно украшенные насечками, надпилами, фасетками (рис. 6: 23–26,

29–33). В это время появились уникальные мазунинские двучастные ножны для ножа и шила, состоящие из двух камер и украшенные бронзовыми фигурными пластинами со сложным пуансонным орнаментом (рис. 6: 34). С III в. и до V в. включительно в мазунинских памятниках были распространены бабочковидные фибулы – своео-

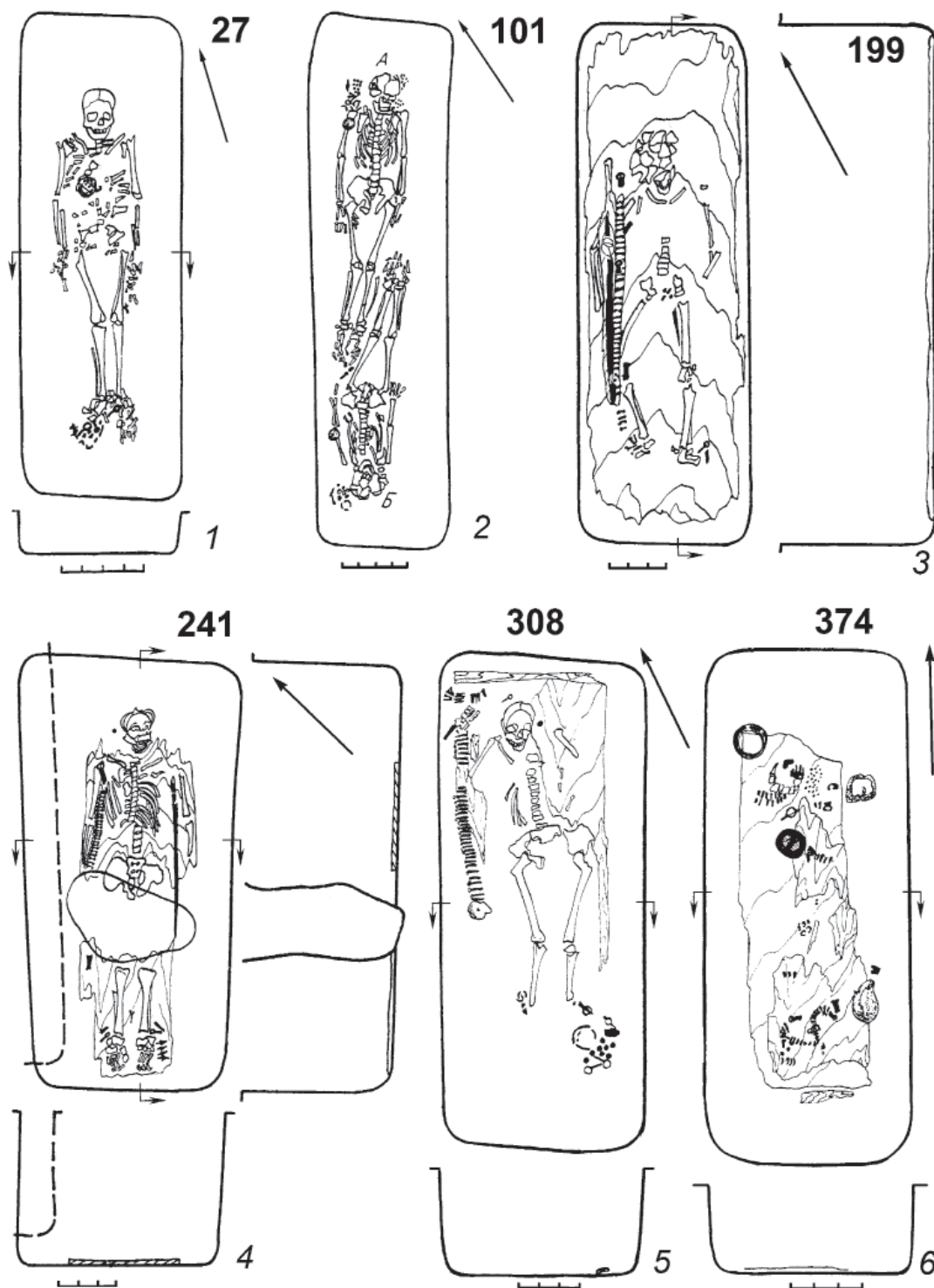

Рис. 5. Тарасовский могильник. Планы погребений III–V вв.
1 – погр. 27; 2 – погр. 101; 3 – погр. 199; 4 – погр. 241; 5 – погр. 308; 6 – погр. 374

бразный «бренд» этого времени. Их прототипом были лучковые подвязные фибулы с завитком на конце приемника, с округлой спинкой (рис. 6: 1). Обломок похожей фибулы обнаружен в кургане 4/2 Бородаевки – одного из объектов поздних сармат на Средней Волге (Скрипкин, 1984, рис. 12: 36). Уже во второй половине III в. сформировались классические бабочковидные фибулы (рис. 6:

21). Они выполнены из бронзы, имели размеры 3,3–9,0×3,3–11,6 см, спинка украшена оригинальным узором, напоминающим бабочку: в средней части шла полоса, разделяющая орнаментальное поле на два полукружия, напоминающие крылья бабочки. У фибул III в. края оформлены одной полосой, которая была украшена выпуклыми полусферами.

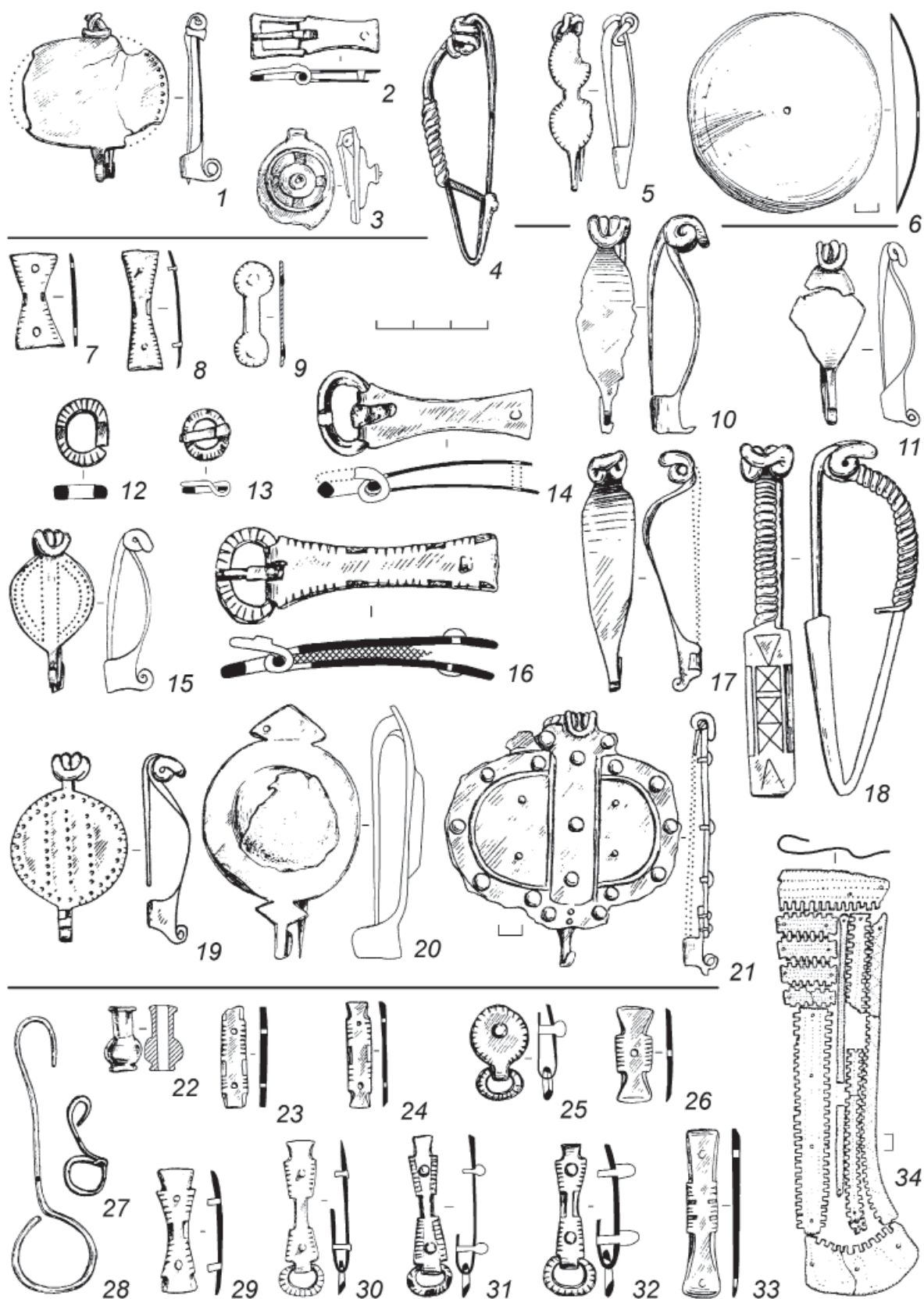

Рис. 6. Тарасовский могильник

1–6 – предметы женских захоронений группы 1 (1-я пол. III в. н. э.). 1, 3–5 – фибулы; 2 – пряжка; 6 – бляха-накладка. 7–21 – предметы женских захоронений группы 2 (2-я пол. III в.). 7–9 – поясные накладки, 10, 11, 15, 17–21 – фибулы, 12–14, 16 – пряжки. 22–34 предметы женских захоронений группы 3 (III в. н. э.). 22 – пронизка; 23–26, 29–33 – ременные накладки; 27, 28 – височные подвески; 34 – ножны для ножа и шила. 1, 2, 4–15, 17–19, 21–33 – бронза; 3, 20 – бронза, эмаль; 16, 34 – бронза, кожа

В IV в. оформление таких застежек усложнилось: они стали крупнее (размеры 6,6–9,1×9,4–11,5 см), вдоль краев появилось несколько параллельных зон, центральная часть украшена розетками – выпуклинами, окруженными мелкими пуансонными вдавлениями (рис. 7: 6–9). Для этого времени характерны и пронизки-костыльки (рис. 7: 1, 2). Местными бронзолитейщиками было придумано еще одно оригинальное украшение – декоративный сложносоставной с множеством привесок наконечник ремня (рис. 7: 19, 20). Он не использовался как наконечник, а только как украшение, потому что был слишком громоздким, а рядом с ним располагался действующий наконечник. В подобном стиле оформлены и накладки этого времени (рис. 7: 13–16). В IV в. встречался и один из вариантов височных подвесок мазунинских женщин – предметы с круглым кольцом и стержнем, свитыми из двух проволок, часто с низкой бусиной (рис. 7: 17, 18).

Уникальными предметами для Среднего Прикамья являются накладки из створок раковин крупных моллюсков, обитающих в тропических зонах Индийского океана (рис. 7: 10–12; 71 экз. от 50 костяков). Они имели размеры 3,5–11 см и использовались преимущественно для украшения поясов, реж – мечей, а также для изготовления подвесок и бус. Сейчас таких накладок из раковин в Прикамье известно более 170 экз. На Тарасовском могильнике, судя по планиграфии, все они располагались в мазунинской части памятника (Голдина и др., 2015, илл. 244).

Существует несколько определений вида моллюсков, диски из раковин которых похожи на поступившие в Прикамье. В частности, находки на Памире были определены с.н.с. АН ТаджССР, кандидатом геолого-минералогических наук В.М. Рейманом как раковины моллюска из семейства *Pectunculidae*, которые попали на Памир из Индии (Литвинский, 1972, с. 141). Т.И. Останина пользовалась определением моллюска блях-раковин из мазунинских могильников, выполненных сотрудником зоологического Института РАН, доктором биологических наук Я.И. Скоробогатовым как раковин моллюска *Turbo marmaratus* семейства *Turbinidae*, обитавших в Тихом и Индийском океане (Останина, 1997, с. 62). Многочисленные совпадения форм, размеров, орнамента, характера использования (накладки на одежду и пояс) наших предметов с индийскими убедили нас в том, что мы имеем дело с раковиной вида турбинелла пирум. Согласно научной классификации, изучаемый вид моллюсков относится к классу брюхоногих, отряду *Neogastropoda*, семейству турбинеллы (*Turbinidae*), роду *Turbinella*, виду турбинелла пирум. Он имеет и другое название

«кубаревик груша», кубаревик грушевидный или священный чанк (Буруковский, 1977, с. 41–43). Видовое название лат. «ругит» – «груша» дано моллюску за схожесть формы его раковины с грушей. Высота раковины 9–29, ширина 10–15 см и вес до 700 г (Ершов, Кантор, 2008, с. 180).

Зона обитания этого моллюска ограничена – мелководные заливы Индийского океана, в юго-восточной Индии и Шри-Ланке (Kenoyer, 1984, p. 51). По мнению Дж. М. Кенойера, современный ареал их распространения постоянен на протяжении последних 5000 лет. В середине XX в. за год в водах Индии добывалось по 2–3 миллиона экземпляров турбинеллы пирум (Буруковский, 1977). Дж. М. Кенойер, изучавший изготовление и использование предметов из морских раковин в развитой Индской цивилизации (2500–1700 гг. до н. э.), исследовал более 2800 различных предметов, включая диски, которыми украшали пояса или шею (Kenoyer, 1984, p. 55). Существовало несколько центров производства изделий из раковин: Таксила, Мохенджо Даро, Хараппа, Чанху Даро, Лотхал, Нагешвар, Балакот. Наиболее мощный из них – Мохенджо Даро (Kenoyer, 1984, p. 54–56).

Обозначились районы распространения предметов из подобных раковин в разное время: Индия (2500–1700 гг. до н. э. и до современности), Месопотамия (III тыс. до н. э.), предгорья Гималаев, Восточного Памира (I тыс. до н. э.), Киргизского хребта, степная полоса Евразии (I-я пол. I тыс. н. э.) (Голдина, 2018). В Среднем Прикамье эти изделия датируются II–IV вв., скорее всего, без последней четверти.

Поскольку такие изделия не обнаружены в самом юго-западном могильнике мазунинского типа – Тураевском I, вряд ли они поступали в Прикамье волжским путем. На иной – сухопутный путь из Средней Азии указывают находки подобных раковин в кургане 2-й половины III в. Покровка 10 (Малашев, Яблонский, 2008, рис. 162: 5), в курганах Красный Яр в Оренбуржье I-й пол. III в. (Малашев, Яблонский, 2008, с. 54, рис. 206: 3, 5; 207) и в кургане 37 Лебедевки VI середины III в. (Мошкова, Демиденко, 2010, рис. 2: 4). Подтверждением того, что раковины турбинеллы пирум шли в Прикамье через Среднюю Азию, являются и находки их в могилах 2-й пол. I тыс. до н. э. на Памире, которые поступали сюда, как считал Б.А. Литвинский, также из Индии (Литвинский, 1972, табл. 47). Часть этих изделий оседала у сармат Южного Урала и распространялась через их посредничество в степной полосе Евразии.

Обращает на себя внимание скопление памятников III в. на левобережье среднего течения р. Урал – Лебедевка VI, Покровка 10 и Красный Яр.

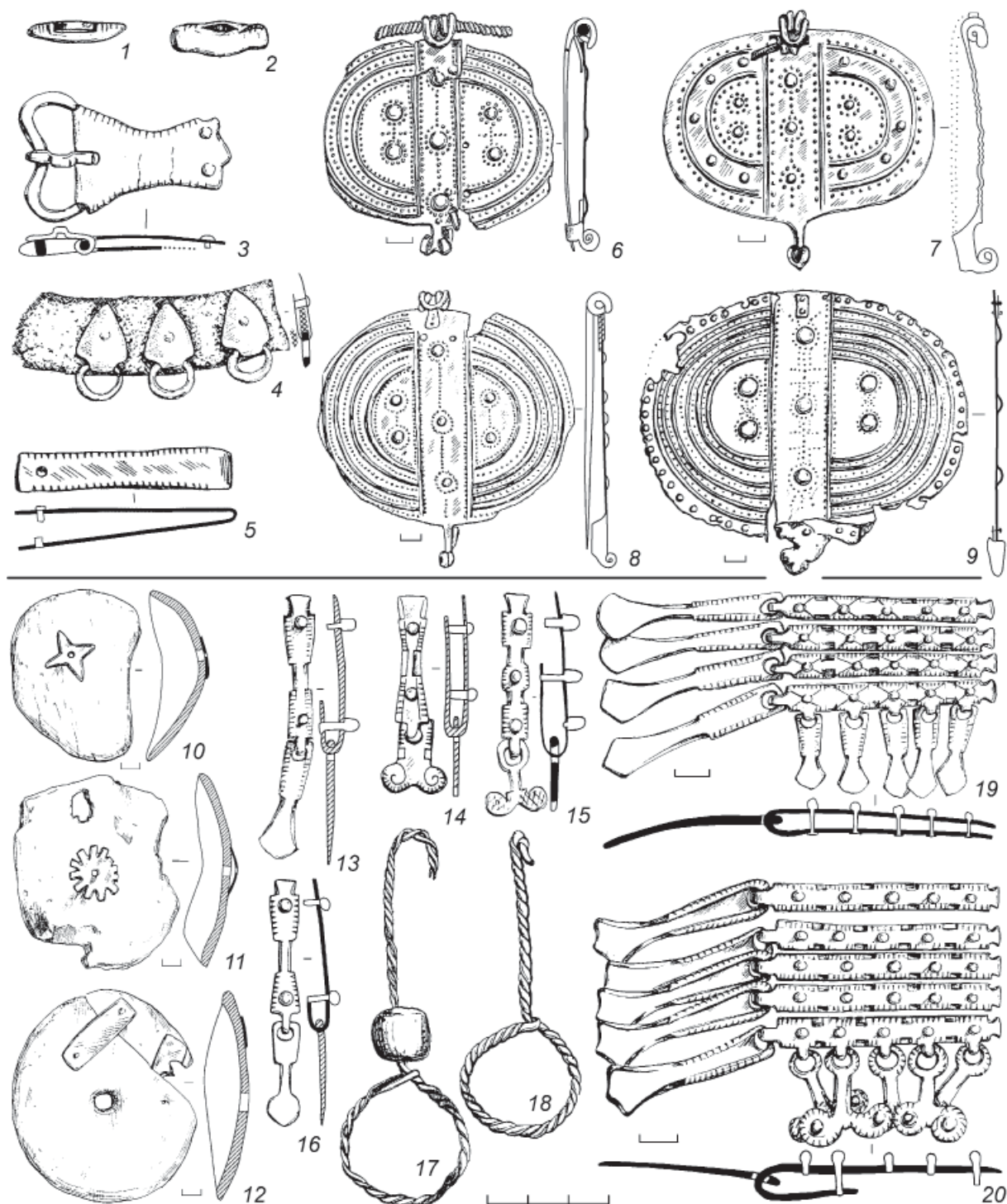

Рис. 7. Тарасовский могильник.

- 1-9 – предметы женских захоронений группы 4 (IV в. н. э.): 1, 2 – пронизки; 3 – пряжка;
 4 – поясные накладки; 5 – наконечник ремня; 6-9 – фибулы.
 10-20 – предметы женских захоронений группы 5а,б (III-IV вв. н. э.): 10-12 – накладки-раковины;
 13-16 – поясные накладки; 17, 18 – височные подвески; 19, 20 – наконечники поясов (ременные подвески).
 1-3, 5-9, 13-16, 18-20 – бронза; 4 – кожа, бронза; 10-12 – раковина, бронза; 17 – бронза, стекло

Они находятся в непосредственной близости от северного ответвления Великого шелкового пути, ведущего из Средней Азии на север. Важно, что в могильнике Лебедевка VI обнаружено шесть мечей, из них пять с халцедоновыми навершиями, и диск из раковины. Металлографический

анализ трех мечей, выполненный В.Н. Порох, показал, что все они изготовлены из тигельной стали высокой плотности с содержанием углерода 1,35–1,38% без шлаковых включений в одном стационарном специализированном ремесленном центре (Железчиков, Порох, 1993, с. 88–92).

Н.Н. Терехова и Л.С. Розанова предполагали, что серия этой продукции высококвалифицированных кузнецов происходит, скорее всего, из стран Востока (Индия, Иран, Сирия, Средняя Азия) (Терехова, Розанова и др., 1997, с. 143, рис. 3: 3). В Европе данных о производстве подобной стали пока нет (Завьялов и др., 2009, с. 110).

Мечи, выполненные из заэвтектидной стали, полученной в тиглях, есть и в тарасовских могилах 2-й половины III в. (погр. 782), 1-й половины IV в. (погр. 1737), 4-й четверти IV в. (погр. 1772) и из сборов (анализ 39). Среди них присутствуют как узкий клинок (3,2 см) с халцедоновым навершием (погр. 782), так и более массивные, шириной 4–5 см (погр. 1737, 1772). Мечи, изготовленные по подобной технологии, известны также в азелинских могильниках Тюм-Тюм и Усть-Брыскинском. По мнению Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой, азелинские мечи по форме, размерам и технологии напоминают экземпляр из позднесарматского курганного могильника Лебедевка VI (Розанова, Терехова, 2000, с. 137).

В погребении 782 вместе с узколезвийным мечом с халцедоновым навершием обнаружена железная крица (рис. 3: 36 в разделе 2, глава 3а). Две таких же железных крицы и слиток латуни происходят из ограбленной могилы 1679.

Все три железные крицы имели лепешкообразную форму, диаметр 15–18 см, толщину до 5 см и вес 5,0; 5,1; 5,2 кг. Стандартная форма и близкие размеры позволяют предположить, что все они изготовлены в одном центре. Металлографическое исследование С.Е. Перевощикова показало, что микроструктура всех криц представлена переходящими одна в другую видманштеттовой, ферритной и ферритно-перлитной структурами. Содержание углерода 0,01, 0,21 и 0,78%. Крицы хорошо прокованы, в них практически отсутствуют незаваренные пустоты, поры в металле мелкие. По мнению С.Е. Перевощикова, эти хорошо прокованные изделия – полуфабрикаты (Перевощиков, Сабирова, 2014, с. 73). В погребении 1679 обнаружен также слиток цветного металла весом 980 г, с содержанием меди 75,9% и цинка 23,4%, так называемой «золотоподобной латуни».

Эта повторяющаяся триада: мечи из тигельной стали, халцедоновые навершия и диски из раковин турбинелла пирум, а также крицы из высококачественного железа и слитки латуни позволяют предполагать производство всех этих вещей в мощном едином специализированном многопрофильном центре или центрах. Ключ же к тому, где располагались центры, лежит именно в предметах из раковин турбинелла пирум, которые живут только в водах Индийского океана. Совпадает не только видовая принадлежность раковин, но и

форма дисков и даже их орнамент. Таким образом, мы приблизились к решению одной из загадок археологии – мечи из тигельной стали с халцедоновыми навершиями, скорее всего, производились в Индии. Это позволяет конкретизировать идею, развиваемую С.И. Безугловым об азиатском происхождении позднесарматского клинкового оружия с халцедоновыми навершиями (Безуглов, 2000, с. 174–181).

В V в. из явных подражаний импортным изделиям можно отметить только прогнутые двучленные пружинные фибулы с ленточным корпусом, отдаленно напоминающие черняховские (рис. 8: 9). Все остальные предметы – местного производства. В это время бабочковидные фибулы (рис. 8: 10) увеличились в размерах – 8,3–10,0×12,0–14,6 см, стала более популярна овальная форма их, круговые зоны орнамента стали шире, исчез орнамент в виде розетки, основной вид украшения – ряды головок шпеньков, появилась железная дужка, окружающая весь предмет или его часть. Орнамент в виде головок шпеньков – крупных полусфер в это время широко распространен на бронзовых (рис. 8: 2–4, 6, 12) и железных накладках различных форм (рис. 8: 5, 7, 8, 13), а также наконечниках ремней. Показательно сочетание двух материалов: основа – железная, шпеньки – бронзовые. К этой же группе относятся бронзовые пронизки-уточки (рис. 8: 1). Двучастные ножны, дополненные многочисленными привесками, стали еще наряднее (рис. 8: 11).

Во 2-й пол. V в. появились новые варианты местных фибул. Один из них представлен застежками сайгатского типа (Стоянов, 1962, с. 118, 131, рис. 50: 14). В Тарасово – это бронзовая с железными деталями фибула размерами 9,0×5,6 см. Ее прямоугольная спинка украшена полусферами, горизонтальными полосками тонкой проволоки с насечками, образующими довольно сложный узор (рис. 8: 14). Используется новый вариант бабочковидных фибул. Тарасовская застежка из могилы 1762 имела размеры 11,3×14,3 см (рис. 8: 18) и шумящую часть длиной 22 см, состоящую из цепочек и привесок на концах из 5 фигурок медведей и одной прямоугольной с изображением змеи. Основы фибул изготовлены из железных пластин, покрытых бронзовыми, как правило, сплошными линиями или кругами из шляпок шпеньков. В эту же группу входят прямоугольные фибулы (рис. 8: 15). Размеры их 9,0–11,4×10,4–15,8 см. Спинка застежки окружена стержнем, обвитым проволокой, соединенным с пружиной. В могилах 2-й пол. V в. обнаружены хорошо известные на многих памятниках Прикамья бронзовые гривны с ромбическим и восьмигранным сечением (рис. 8: 16, 17).

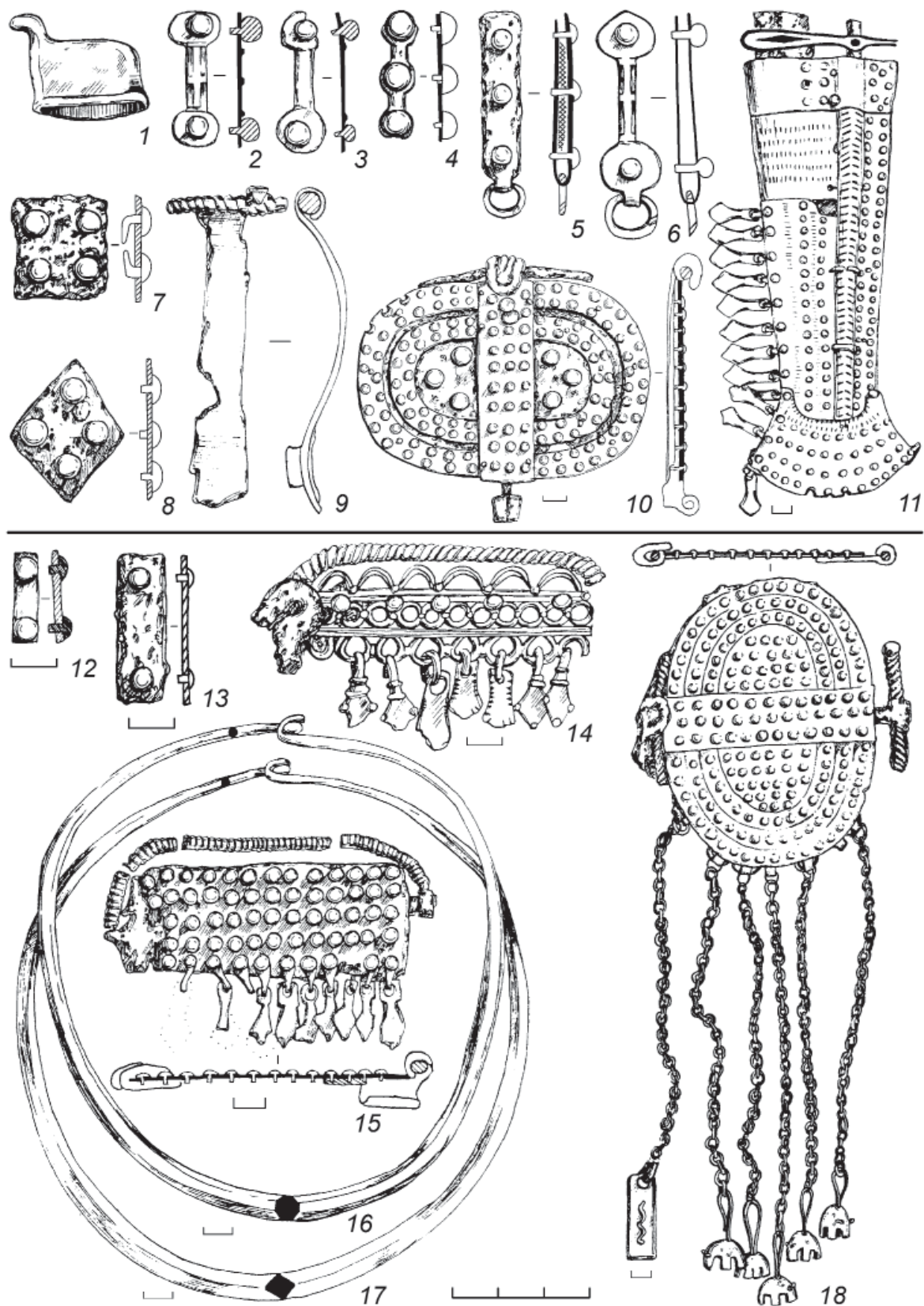

Рис. 8. Тарасовский могильник.

1–11 предметы женских захоронений группы 6 (1-я пол. V в. н. э.). 1 – пронизка; 2–8 – ременные накладки; 9, 10 – фибулы; 11 – ножны для ножа и шила.

12–18 – предметы женских захоронений группы 7 (2-я пол. V в. н. э.). 12, 13 – ременные накладки, 14, 15, 18 – фибулы; 16, 17 – гривны.

1–4, 6, 9, 12, 16, 17 – бронза; 5 – бронза, железо, кожа; 7, 8, 10, 13–15, 18 – бронза, железо; 11 – бронза, кожа

Своеобразие могил 2-й половины IV–V в., как мужских, так и женских, составляют, прежде всего, бронзовые трехсоставные пряжки с утолщенной спереди рамкой, полуовальным щитком и язычком, не выходящим за пределы рамки, иногда с выступом (рис. 9: 1–11), а также сопутствующие им бронзовые наконечники ремней квадратной и прямоугольной форм из согнутой пополам пластины с валикообразным расширением в передней части (рис. 9: 14–18). В женских могилах IV–V вв. обнаружены железные круглопроволочные (рис. 9: 22), а также бронзовые, иногда с напускной бусиной и застежкой-крючком и петелькой (рис. 9: 23), гривны; головные ленты (или основания шапочек), украшенные бронзовыми обоймами с орнаментом в виде рядов выпуклых полусфер (рис. 9: 12, 13). Пояса мужчин украшали своеобразные пряжки из железа, снабженные деталями из бронзы: язычками с выступами, украшенными решеткой и аппликациями различных форм на пластинах (рис. 9: 24–29). Известны также бронзовые прямоугольные накладки, изготовленные из согнутой пластины с кольцом (рис. 9: 19, 20). Их форма в целом напоминает похожие накладки из погребений 1-й половины III в. (рис. 6: 30–32), но отличается от них отсутствием многих подрезов и фасетировки. Вероятно, в IV–V вв. использовался упрощенный вариант этих накладок.

В мужских захоронениях III–V вв. встречались железные наконечники копий, среди которых трудно выделить импортные (рис. 9: 31, 32; 10: 25, 26). Всего их найдено на могильнике 110 экз. из 104 могил, в могилах мазунинского времени – 74 экз. Наконечники встречались преимущественно в захоронениях мужчин в возрасте 17–45 лет. При помещении в могилу древки, чаще всего, были сломаны, в погребении 1703 обнаружено целое копьё длиной древка 177 см. Среди вошедших в корреляционную таблицу могил I в. наконечники копий содержались в 10 из 20 могил, а ко II в. – из 17 могил – также в 10 (Голдина, Бернц, 2016а, рис. 1). В мужских захоронениях в III – первой четверти IV в. с наконечниками копий выявлено 5 могил из 38. В третьей четверти IV в. число могил с копьями резко увеличилось: из 19 они найдены в 10, а в четвертой четверти IV и V в. – из 30 – в 23 погребениях. Очевидно, что копьё в это время были основным видом вооружения населения Среднего Прикамья. Их роль особенно возросла с третьей четверти IV в. Интересно, что в III и первой половине IV в. лишь один раз копьё было найдено вместе с мечом, а во второй половине IV–V в. таких случаев зафиксировано уже семь. При этом в двух могилах (1685 и 1784) меч и наконечник копья обнаружены вместе с удилами (захоронения конных воинов). Одно из них относится к третьей

четверти IV в., а другое – к четвертой четверти этого же столетия.

На протяжении всего мазунинского этапа (III–V вв.) женщинами использовались трапециевидные подвески, вырубленные из больших круглых блях (рис. 10: 1, 2), височные подвески в виде железного или бронзового стержня с округлым кольцом на нижнем конце, обмотанным бронзовой проволокой, иногда стержень украшен напускной бусиной (рис. 10: 4, 5). В это время распространены круглые или овальные сюльгамы, изготовленные как из бронзы, так и из железа (рис. 10: 6, 7). Интересно, что сюльгамы III–V вв. выполнены из дровот плоского сечения и в мужских захоронениях отсутствуют. В I–II вв. близкие по форме экземпляры с завитками на концах сделаны из проволоки круглого сечения и найдены только в могилах мужчин (Голдина, Бернц, 2016, рис. 5: 35). В III–V вв. использовались также одновитковые браслеты из бронзы (рис. 10: 9) и железа (рис. 10: 3, 8), в I–II вв. – только многовитковые предметы из железа (Голдина, Бернц, 2016, рис. 12: 31). Для мазунинского времени характерны также железные составные наконечники ремней (рис. 10: 24).

Для мужских захоронений мазунинского времени характерны железные колчаные крючки (рис. 10: 10, 11), удила с крупными кольцами (рис. 10: 12), костяные наконечники стрел, как черешковые, так и втульчатые (рис. 10: 13–18), железные втульчатые наконечники копий местных форм (рис. 10: 25, 26), а также крупные железные прямоугольные, иногда с зауженной серединой наконечники ремней (рис. 10: 22, 23), которым соответствовали железные пряжки с различной формой щитка (рис. 10: 19–21).

После опубликования материалов раскопок Тарасовского могильника (Голдина Р.Д., 2003; 2004) прошло около 20 лет. За это время с ними познакомились многие ученые, и у них появились не только интерес, но и критические замечания, оценки и предложения. Разумеется, основные впечатления о памятнике и его значении в исследованиях по археологии Приуралья надо ожидать в будущих публикациях, но некоторые вопросы можно обсуждать уже сейчас.

По сообщению А.А. Красноперова (2019, с. 124), судя по выступлениям на конференциях, один из ведущих специалистов России в области поясной гарнитуры I тыс. н. э. И.О. Гавритухин окончание мазунинских памятников в Удмуртии датирует 3-й четвертью IV в. н. э., а Тарасово несколько более поздним временем, но не V в. н. э. Несмотря на его убедительные работы и мои многолетние симпатии к И.О. Гавритухину, позволю себе с этим не согласиться. Дело в том, что Прикамье, в том числе и среднее, – это особый мир,

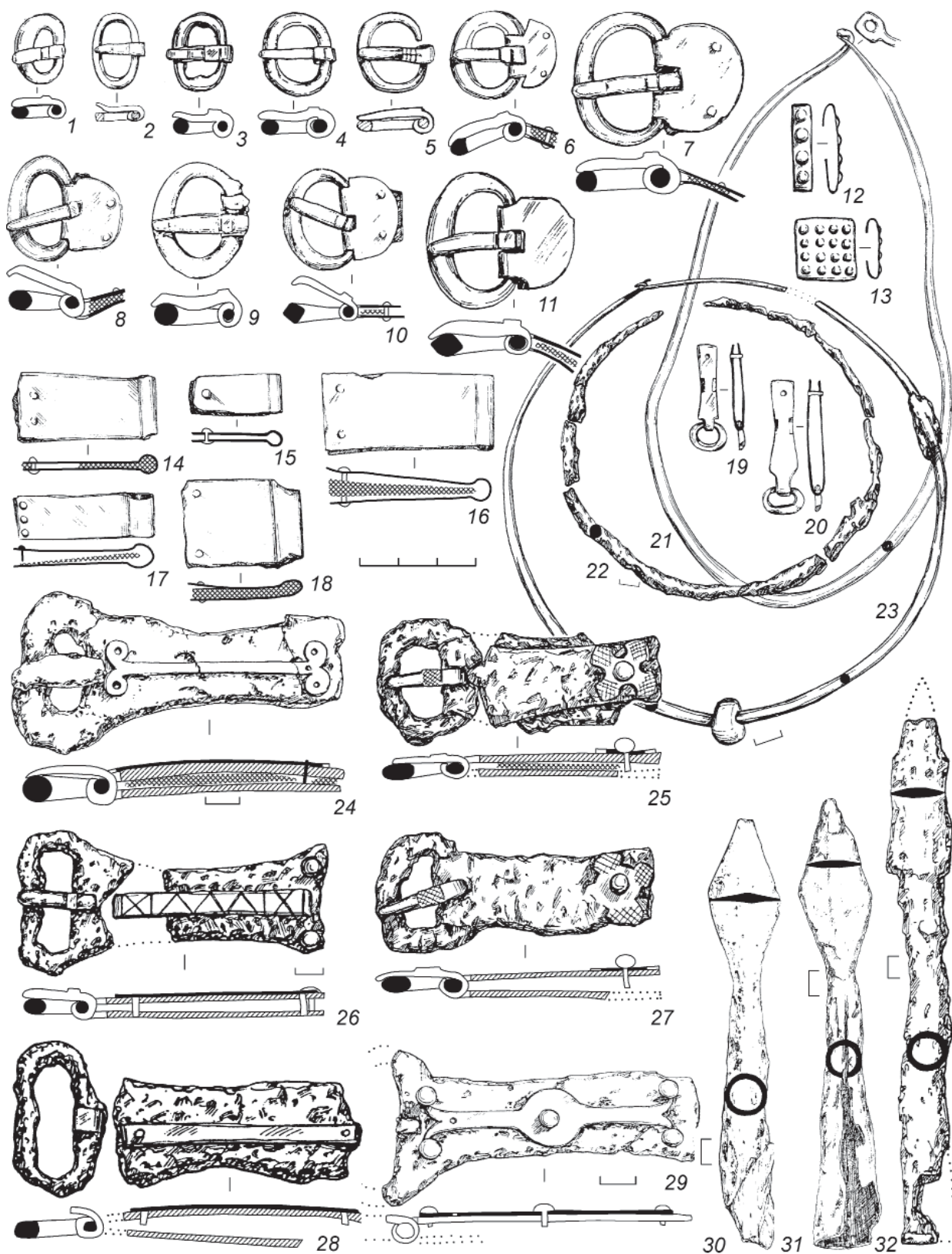

Рис. 9. Тарасовский могильник.

1, 3, 4, 6–11, 14–18 – предметы мужских захоронений группы 9 (2-я пол. IV–V в. н. э.): 1, 3, 4, 6–11 – пряжки; 14–18 – наконечники ремней. 12, 13, 21–23 – предметы женских захоронений группы 9 (2-я пол. IV–V в. н. э.).
 12, 13 – накладки головных уборов; 21–23 – гривны.
 24–32 – предметы мужских захоронений группы 10 (IV–V вв. н. э.): 24–29 – пряжки; 30–32 – наконечники копий. 2, 5, 19, 20 – предметы женских захоронений группы 10 (IV–V вв. н. э.). 2, 5 – пряжки; 19–20 – накладки.
 1–5, 12, 13, 15, 19–21 – бронза, 23 – бронза, стекло; 6–11, 14, 16–18 – бронза, кожа; 24, 25 – железо, бронза, кожа; 26–29 – железо, бронза; 22, 30–32 – железо

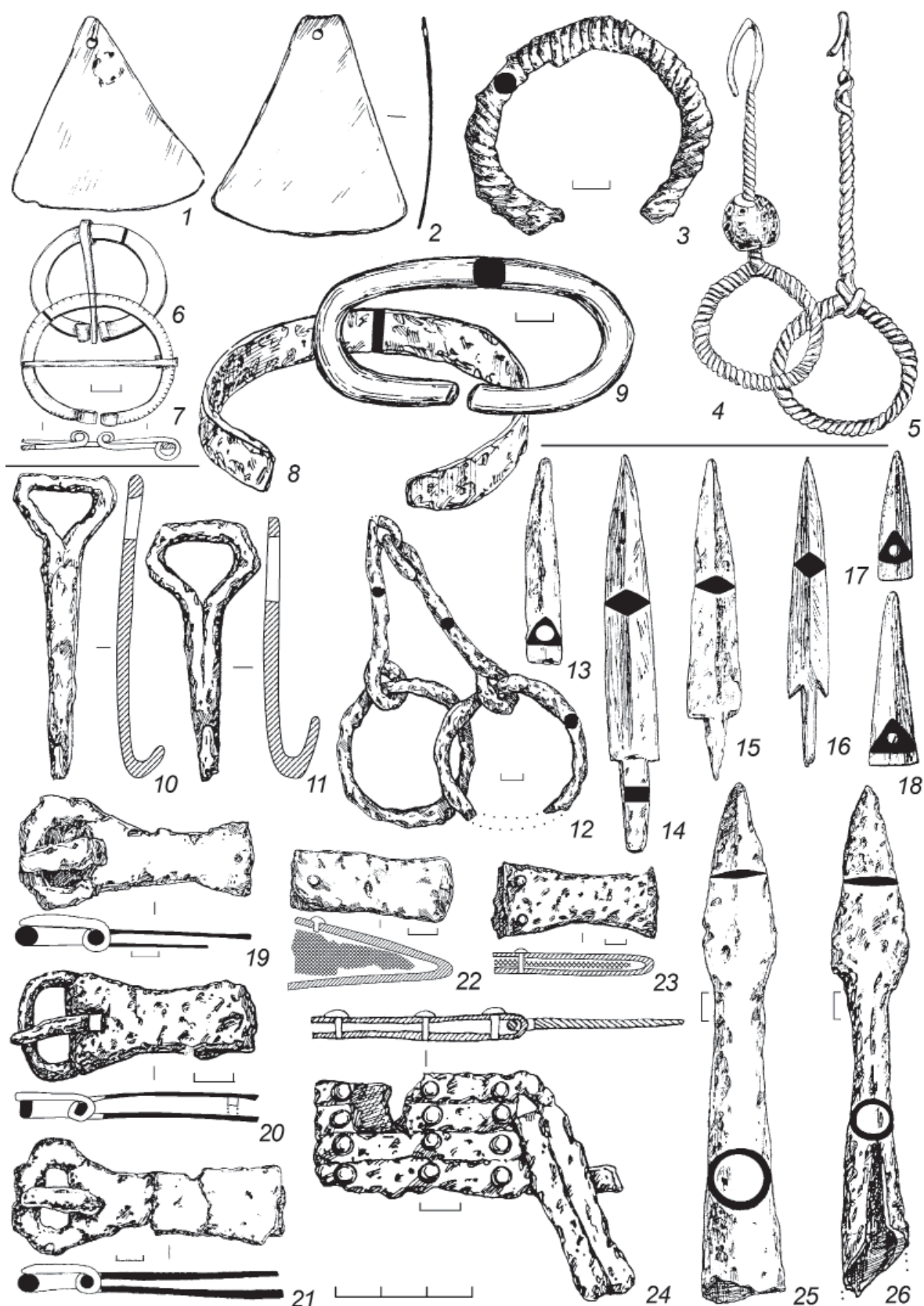

Рис. 10. Тарасовский могильник.

1–9, 24 – предметы женских захоронений групп 11 (2-я пол. III–V вв. н. э.) и 12 (III–V вв. н. э.): 1, 2 – подвески; 3, 8, 9 – браслеты; 4, 5 – височные подвески; 6, 7 – сьюльгамы; 24 – наконечник пояса (ременная подвеска).
 10–23, 25, 26 – предметы мужских захоронений групп 11 (2-я пол. III–V вв. н. э.) и 12 (III–V вв. н. э.):
 10, 11 – крючки; 12 – удила; 13–18 – наконечники стрел; 19–21 – пряжки; 22, 23 – наконечники ремней;
 25, 26 – наконечники копий. 1, 2, 5–7, 9 – бронза; 3, 8, 10–12, 19–21, 25, 26 – железо; 4 – бронза, стекло;
 13–18 – кость; 22, 23 – железо, бронза, кожа; 24 – железо, бронза

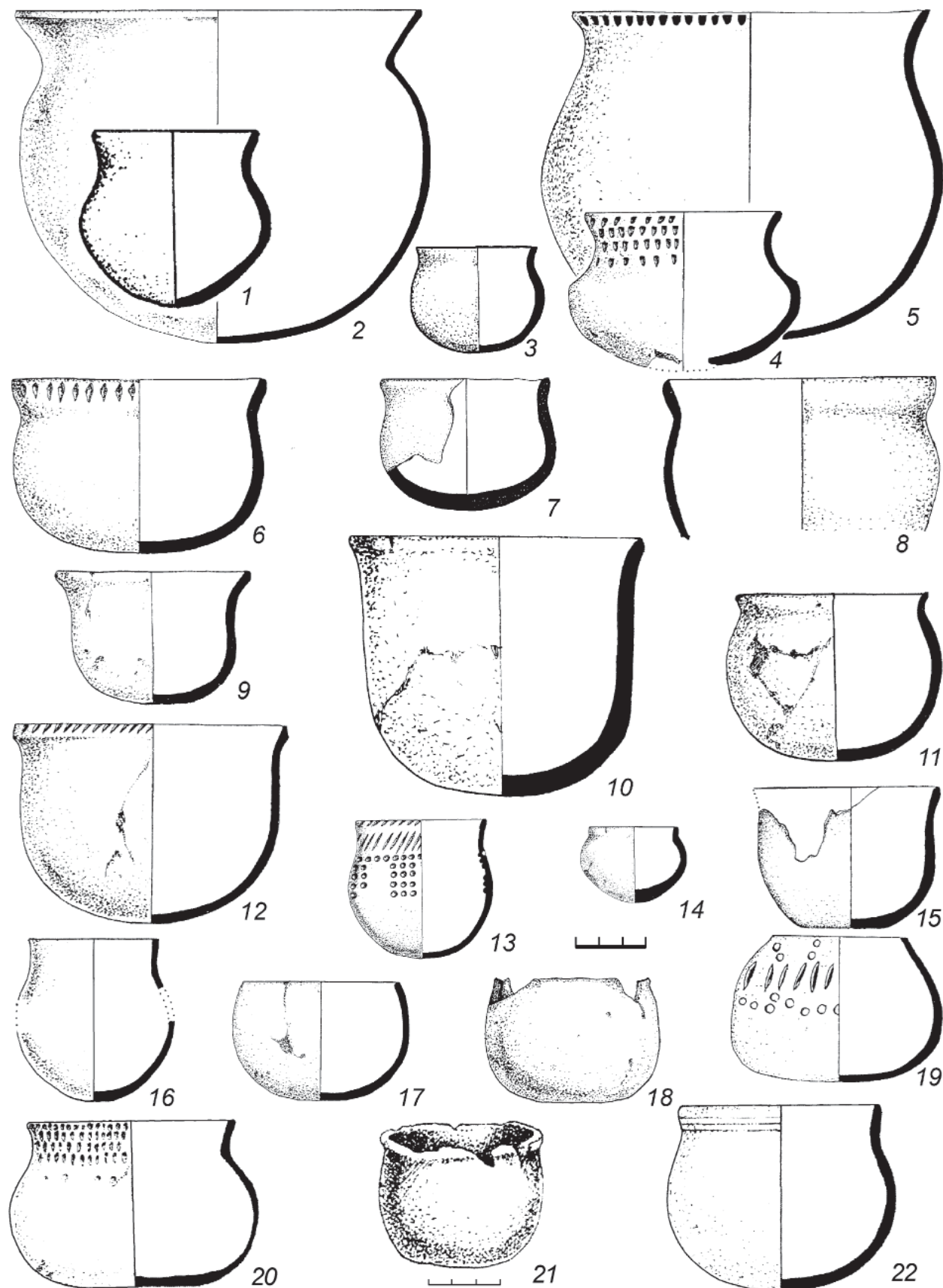

Рис. 11. Тарасовский могильник. Глиняная посуда III–V вв.

отличный от многих сопредельных регионов лесной и лесостепной полосы. Как справедливо заметил М.Б. Щукин, на фоне многих «бесфибульных» культур лесной зоны, в том числе и пятого, финно-угорского мира, обозначенного этим исследователем, бедных цветным металлом, особо выделяется богатая металлом – пьяноборская (1994, с. 21–22). Многие аспекты этого явления еще требуют изучения, но уже сейчас можно с уверенностью говорить о необычном характере этого края на рубеже эр, именно благодаря высокоразвитой обработке металлов – бронзы и железа. Об этом свидетельствует массовое распространение оригинальных изделий, которые были созданы местными мастерами и имели распространение на территории пьяноборской историко-культурной общности. К настоящему времени есть сведения о 191 уникальной эполетообразной застежке, происходящей из 72 памятников среднего Прикамья и прилегающих областей. Во II в. до н. э. – II в. н. э. здесь были произведены и использовались сотни застежек с крючком (ЗК) оригинальных форм. Только на Тарасовском могильнике их найдено 134 (Голдина, 2019б, с. 150–177). В Прикамье созданы и были популярны различные оригинальные варианты местных бабочковидных и иных фибул. Из 319 определимых фибул Прикамья 249 принадлежали местным мастерам. Их всесторонняя характеристика, в том числе и изделий V в. н. э., выполнена Т.М. Сабировой (Сабирова, 2019, табл. 4).

Мастера пьяноборской общности не только хорошо владели различными приемами металлообработки и широко применяли их для изготовления местных вариантов различных украшений, в том числе и поясной гарнитуры, но и создали собственную уникальную школу металловедения. Ее особенности еще предстоит выяснить. Для производства пряжек, накладок и наконечников ремней широко использовались различные сплавы бронзы. Эти предметы исчисляются сотнями. Начиная с III в. н. э. и позже здесь повсеместно применялось железо как для изготовления пряжек, так и накладок и наконечников ремней.

Классическим некрополем V в. н. э. Среднего Прикамья является Тураевский I могильник. На этом памятнике широко и в большом числе представлена оригинальная материальная культура местного финно-пермского населения – предшественника южных удмуртов. Дата раскопанной части – конец IV – V вв. н. э. Среди вещей – височные подвески вполне сложившейся стандартной формы – в виде стержня (железо) с замкнутым кольцом на конце с обмоткой бронзовой проволокой (179 экз. из 189; там же, табл. 188). Разнообразны шейные гривны оригинальных форм (51

экз.; там же, табл. 190–197), подвески и привески (47 экз.; там же, табл. 213–217), пронизки (985 экз.; там же, табл. 219). Особое положение занимают оригинальные варианты фибул, выполненные из двух материалов: железа и бронзы. Из железа, как правило, сделана плоская основа изделия, а декор выполнен из множества головок шляпок штифтов в виде полусфер разного диаметра до 5 мм. Эта технология возникла в Среднем Прикамье на рубеже IV–V вв. н. э. Среди этой категории украшений многочисленны бабочковидные фибулы типа (рис. 8: 10) первой половины V в. н. э., бабочковидные типа (рис. 8: 18) второй половины V в. н. э., с прямоугольным щитком типа (рис. 8: 15) второй половины V в. н. э. и др.

Обращает на себя внимание соотношение материала, из которого изготовлены пряжки Тураевского I могильника. Из 257 экземпляров 28 сделаны из бронзы, а 221 – из железа (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 130). Особую популярность здесь приобрели украшения в виде полусфер – головок крепящих штифтов. Они использовались не только традиционно для украшения наконечников ремней из бронзы (там же, табл. 235-2), но и из железа (там же, табл. 236), а также пряжек (там же, табл. 228-4-9), накладок из железа и бронзы (там же, табл. 223-2-5; 224-1, 20), различных вариантов фибул (там же, табл. 202; 203, 207) и других украшений. Появилась и новая форма головок штифтов – не полусфера, иногда крупная, а сфера – круглые головки (там же, табл. 224-3, 6). Кстати, такое оформление декоративных головок на деталях поясов было зафиксировано и в Тарасово – в мужских погребениях IV–V вв. н. э. и в могилах женщин первой половины V в. н. э. (рис. 8: 2, 3). Именно местные формы поясной гарнитуры, как и других украшений, и составляют специфику поздних погребений Тарасово, в том числе и V в. н. э.

Посуда Тарасовского могильника – лепная, круглодонная (рис. 11). По форме выделяются три типа: горшки, миски и чаши с разной степенью отогнутости горловины и раздутости тулова (Казанцева, 2011). Для производства посуды использовалась местная ожелезненная глина с примесью мелкоизмельченных обломков раковин, шамота, кальцинированных костей и птичьего помета. Орнаментирована посуда скудно (38,5%). Украшена преимущественно шейка сосудов одним (рис. 11: 6) или несколькими (рис. 11: 4, 20) рядами ямок, оттисками гладкого штампа (рис. 11: 13, 19) или горизонтальными линиями (рис. 11: 22). Отмечен сосуд, украшенный фестонами, выполненными псевдогребенкой (рис. 11: 13). Следует указать и на большее число орнаментированной посуды в III–V вв. по сравнению с I–II вв.

Исследование материалов Тарасовского могильника показало, что он оставлен одной из групп южноудмуртского населения. Поскольку могильник раскопан полностью и в 1574 случаях были произведены антропологические определения, стала возможной демографическая характеристика этого населения (Журавлева, 2015). Было выяснено соотношение мужских (39,8%) и женских (60,2%) захоронений, выделены возрастные группы, установлена средняя продолжительность жизни мужчин – 31,3 года, женщин – 28,2 лет, определена численность коллектива – 79–84 человека, его состав: взрослые (17–45 лет) 40 человек (дети (до 8 лет)) 13 человек, подростки – 22, пожилые и старики – 9–10 человек, супружеские пары – около 20.

В целом проведенный анализ погребального обряда и материальной культуры показывает, что захоронения мазунинского этапа Тарасовского могильника имеют все особенности, типичные для других памятников этого времени Среднего Прикамья.

В свое время В.Ф. Генингом были выделены для III–V вв. н. э. мазунинская культура в удмуртском Прикамье (Генинг, 1958, 1959, 1967), азелинская на Вятке, гаревская в пермском Прикамье (Генинг, 1988, рис. 1). Отделение этих культур от предшествующих искусственно. Оно связано с тогдашними представлениями В.Ф. Генинга о резкой смене культур Прикамья в III в. н. э. в результате притока сюда нового населения западносибирского происхождения (Генинг, 1959, с. 182–184, 201; 1967, с. 48–51). «Мазунинские племена, вторгшись в III в. на правобережье Камы в районы пьяноборского расселения, вытеснили последних на запад в низовья Камы, где мы находим их в азелинской культуре» (Генинг, 1959, с. 201). Однако спустя некоторое время он пришел к противоположному, как нам кажется, более правильному выводу. В 1972 г. он писал: «...может быть, мазунинские племена также пришли в Прикамье из каких-либо других областей? Думаю, что нет. Это прикам-

ское население, о чем свидетельствует целый ряд традиций в погребальном обряде... керамика... и антропологический тип населения, чрезвычайно близкий пьяноборскому...» (Генинг, 1972, с. 240). Таким образом, оснований для резкого разделения прикамских культур в III в. нет – приток нового населения на зафиксирован. Судя по Тарасовскому могильнику, материальная культура удмуртского Прикамья плавно эволюционировала от I до V в. н. э. Никаких оснований для отделения памятников III–V вв. от предшествующих памятников пьяноборской эпохи не имеется. Следовательно, поздний рубеж пьяноборской эпохи в Прикамье нужно проводить именно по концу V столетия. Культуры же III–V вв., выделенные В.Ф. Генингом, продолжали линию развития культур пьяноборского типа, представляя поздний этап их развития.

Точку зрения В.Ф. Генинга в настоящее время продолжает отстаивать Т.И. Останина (Останина, 1997, 2014, с. 114–135). Однако новейшие материалы и прежде всего Тарасовский могильник убедительно демонстрируют процесс перерастания и генетической связи материальной культуры населения I–II и III–V вв. Это доказано анализом как погребального обряда, так и вещевых комплексов и глиняной посуды (Голдина и др., 2015, с. 40–49). Подобное явление – преемственность мазунино и предшествующего времени – зафиксировано и на других могильниках (Старое Кабаново, Югомашево, Шипово, Бирск, Нырғында I и др.).

Современное состояние археологических источников позволяет уверенно говорить о существовании во II в. до н. э. – V вв. н. э. в Среднем Прикамье и прилегающих регионах пьяноборской культурно-исторической общности с тремя культурами: худяковской (бассейн р. Вятки), карабызской (правобережье р. Белой) и тарасовской (чегандинской) (Среднее Прикамье и низовья р. Белой) с подразделением на три этапа: икский (II–I вв. до н. э.), ныргындинский (I–II вв. н. э.), мазунинский (III–V вв. н. э.).

Тарасовский могильник. 1 – наборный наконечник ремня из погребения 307, бронза. 2-я пол. III в.; 2 – фрагменты пояса с накладками из погребения 1028, кожа, бронза. IV в.; 3 – эполетообразная застёжка из погребения 911, бронза, III в.

Тарасовский могильник. 1 – височные подвески с напусковыми бусинами из погребения 307, бронза, стекло; 2 – пряжка из погребения 307, бронза. 2-я пол. III в.

Тарасовский могильник. Фибула из погребения 402, бронза, железо. IV в.

Тарасовский могильник. 1 – ножны из погребения 1010, бронза, кожа. V в.; 2 – бабочковидная фибула из погребения 638, бронза. IV в.; 3 – бабочковидная фибула из погребения 680Б, бронза, литье. IV в.

Тарасовский могильник. Фибула из погребения 1762, бронза, железо. V в.

Тарасовский могильник. Шлем из погребения 1784, железо, бронза, серебро. 4-я четв. IV в.

Тураевский курганный могильник

1. Характеристика памятника и коллекций.

Памятник расположен у с. Тураево Менделеевского района Татарстана, на плато коренной террасы, полого понижающейся к р. Каме, приблизительно в 2 км от ее правого берега (до образования Нижнекамского водохранилища в конце 1970-х гг.), в 0,5 км к юго-западу от ручья/речки Чукмы (Чемек), за которым начиналось с. Тураево, тогда имевшее статус деревни (Генинг, 1976, с. 55; Gening, 1995, с. 265). Согласно полевому отчету за 1959 г. (Генинг, 1960, л. 136), д. Тураево (граница ее юго-западной застройки с того времени не изменилась) находилась приблизительно в 1 км к северо-востоку от могильника, а в 2–3 км южнее – с. Икское Устье (тоже не претерпевшее существенных изменений границ застройки).

Раскопки здесь велись под руководством В.Ф. Генинга в 1959–1960 гг. и 1969 г. В 1970 г. новые могилы найдены не были (Генинг, 1976, с. 56), и эти работы в отчетах и публикациях не отражены. В итоге исследовано 9 насыпей (все видимые на распаханном поле) с 1–3 погребениями под каждой (рис. 1: А–Б; 2: план; 3: план) и расположенная севернее сплошная площадь в 108 кв. м; всего – 15 подкурганных и 8 грунтовых могил.

Памятник был опубликован дважды, причем вторая публикация с почти 20-летним интервалом, на немецком языке в одном из ведущих европейских изданий (Gening, 1995; в основном воспроизведение Генинг, 1976), демонстрировала его значимость. Эти публикации, принадлежавшие к числу образцовых для своего времени, неполны – ряд находок лишь упомянут со ссылкой на «аналогичные». На рисунках ряд вещей не отражен или не понятны детали, важные для атрибуции.

Находки хранятся в Археологическом музее Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (коллекция № АКУ-238). Нами начат проект по подготовке публикации комплексов на уровне современных требований, насколько это возможно, учитывая то, что коллекция несколько раз перемещалась, многие вещи не были отреставрированы, некоторые утеряны или депаспортизированы. Разницу между готовящейся и старыми публикациями легко оценить, если сравнить прорисовки и фото с оригиналов (некоторые см. на рис. 1: В; 2–6) с тем, что было опубликовано.

При работе возник ряд вопросов по соотношению доступных находок с опубликованными, учитывая, что вещи перешифровывались неоднократно (на некоторых вещах встречаются старые шифры Тур/55-II, /57-II и т. п., со своей нумера-

цией вещи), некоторые бирки отделены от находок, но лежат в коробках зачастую с подписями. Чаще всего утраченными оказываются язычки пряжек, и найти тот, который был утрачен, среди депаспортизированных вещей очень сложно. В ряде случаев мы убедились и в том, что детали вещей, приведенные в публикации, не соответствуют оригиналам. Особенно это касается профилировки язычка у многих пряжек. Немало изделий сохранилось более фрагментировано, чем были к моменту публикации. В некоторых случаях это можно отчасти компенсировать с опорой на публикацию (например, рис. 4: 1б, 6ж, 7а, 10е), но далеко не всегда (например, рис. 3: 2а, 2а-1; 5А: 12б, 15б).

Неясности есть даже в отношении вещей из кургана 1 (рис. 2; 3), по которым опубликованы фотографии (Генинг, 1976, рис. 25), позволяющие идентифицировать многие находки надежнее, чем по рисункам. В отношении других комплексов ситуация еще сложнее. Например, опубликованная пряжка из погребения 2 кургана 3 (рис. 4: 10в) может соответствовать как фрагментам, хранящимся среди находок этого комплекса (рис. 4: 10б, 10г), так и депаспортизированному экземпляру (рис. 4: 10а). Опубликованной пряжке из погребения 1а кургана 7 (рис. 5А: 19б) среди находок этого комплекса соответствует лишь обломок (рис. 5А: 19а), однако он ближе опубликованной находке из погребения 1 кургана 1 (рис. 2: 10б), а в коллекции вещей этого комплекса подобных изделий не хранится.

Вещи не реставрировались, что особенно губительно сказалось на железных изделиях. Часть предметов подвергалась микроструктурным металлографическим анализам (Семькин, 1993): они были распилены, после чего замазаны строительным цементом. В местах замазки металл особенно сильно пострадал. Несколько полихромных изделий утрачены или место их хранения нам неизвестно. Некоторые предметы, в том числе выдающейся важности, не были взяты и даже зафиксированы при раскопках (сохранились лишь упоминания), например, «щиты» в погребении 2 кургана 1, кургане 5, погребении 1а кургана 7 (Генинг, 1976, с. 61, 70 [№ 5], 75) – находки, уникальные для востока Восточной Европы.

Работа по полной идентификации находок еще не закончена, и ниже излагаются лишь ее некоторые *предварительные* результаты. Тем не менее важнейшие хронологические индикаторы удалось определить, что позволяет довольно надежно оперировать комплексами.

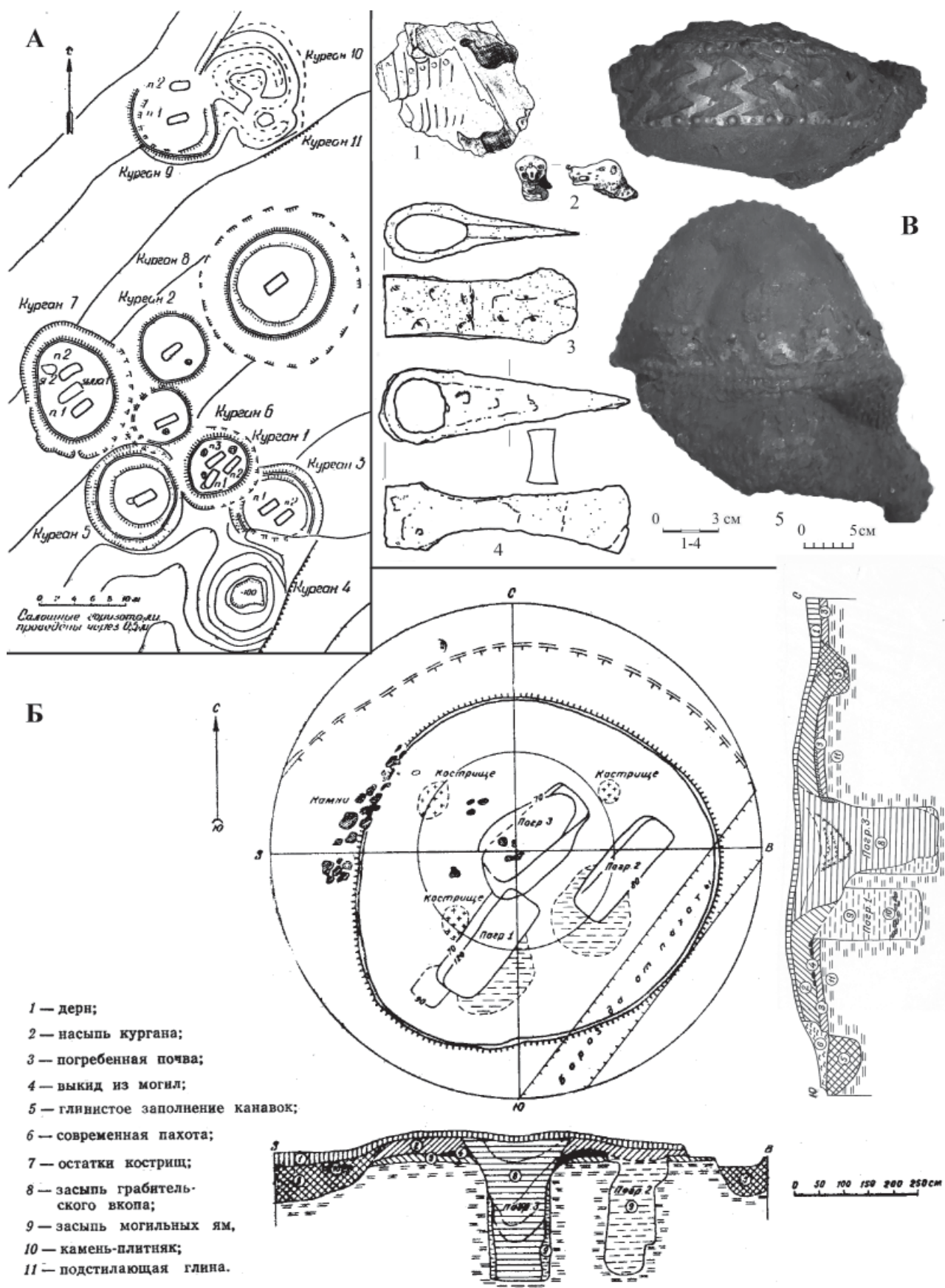

Рис. 1. Тураевский курганный могильник.
 А — план могильника. Б — план кургана 1. В — находки: 1, 3, 5 — курган 7, погр. 1а; 2, 4 — курган 5.
 А, Б, В: 2 — по В.Ф. Генингу; В: 1, 3-5 — рис. и фото А.А. Красноперова

Еще одна неясность – соотношение этого памятника с соседними. Тураевский курганный могильник входит в микрорайон памятников, расположенных между селами Тураево и Икское Устье на правом берегу р. Камы напротив устья р. Ик, включающий поселения и могильники от эпохи поздней бронзы до развитого средневековья (чияликская культура) (Генинг, 1976; Ашихмина, 1978; Арматынская, 2007; Голдина, Бернц, 2010; Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019). Наибольшие сложности вызывает соотношение курганов с грунтовыми погребениями мазунинской культуры. Помимо 8 грунтовых могил, которые раскопал В.Ф. Генинг, близ с. Тураево в 1986–1990 гг. экспедицией Н.В. Водолага при участии и общем руководстве Р.Д. Голдиной на обширной сплошной площади были раскопаны еще 266 мазунинских могил, полностью опубликованные (Голдина, Бернц, 2010).

Н.В. Водолага отмечал: «... Ни курганные насыпи, ни раскопы В.Ф. Генинга на поверхности и в раскопах не прослеживаются. По словам местных жителей, курганы находились в 80–100 м к ЮЗ от современного раскопа. ...» (Водолага, 1990, л. 1а). В.Ф. Генинг считал, что соотношение обширного мазунинского могильника и курганов не ясно (Gening, 1995, с. 268). Р.Д. Голдина писала о том, что обширная бескурганная часть располагалась «рядом» с курганной, а траншеи, зафиксированные в раскопе Н.В. Водолага, являются следами безуспешных поисковых работ В.Ф. Генинга в 1970 г. (Голдина, 2004, с. 259, рис. 131: 1). Позднее она и В.А. Бернц пришли к выводу, что бескурганная погребения, раскопанные В.Ф. Генингом, вошли в юго-западную часть раскопа Н.В. Водолага (Голдина, Бернц, 2010, с. 9–10).

Нами было проведено сопоставление данных отчетов (описаний, планов, фотографий), современных карт (в т. ч. до наполнения Нижнекамского водохранилища, когда работал В.Ф. Генинг, и после этого, когда раскопки вел Н.В. Водолага), современных снимков из космоса. Даже учитывая возможные погрешности в отчетных данных, расстояния от раскопов до р. Чемек (у В.Ф. Генинга – 500 м, у Н.В. Водолага – 300 м) и другие привязки, данные о рельефе, виды на местность от раскопа и другие характеристики раскопов В.Ф. Генинга и Н.В. Водолага слишком разнятся. Наиболее близким к реальности мы считаем вывод Н.В. Водолага, для уточнения которого есть несколько вариантов более точной локализации старых раскопов (подробная аргументация этих вариантов готовится к печати).

Не ясно и соотношение курганов с 8 грунтовыми могилами, типичными для мазунинской культуры, которые раскопал В.Ф. Генинг в

1969 г., что уже отмечалось исследователями (Голдина, Бернц, 2010, с. 9). На планах в полевом отчете и в публикации 1976 г. три самые южные из них были локализованы как перекрытые курганом 10 (Генинг, Шашкова, 1969, л. 99; 1976, рис. 20: 1), но в более поздней публикации они размещены как лишь задетые его ровиком (Gening, 1995, Abb. 2). Оба этих варианта – результаты авторских реконструкций, т. к. в 1969 г., когда велись раскопки мазунинских могил, большинство насыпей было уничтожено распашкой, и раскоп был привязан к *единственной сохранившейся насыпи*, идентифицированной как курган 4 (Генинг, Шашкова, 1969, л. 92; Генинг, 1976, с. 80). К тому же, на трех имеющихся сводных планах памятника В.Ф. Генингом даны разные масштабы. В публикации 1976 г. расстояние между условными центрами интересующих нас курганов 4 и 10 составляет около 59 м, в публикации 1995 г. – около 66 м, в отчете за 1959 г. – немногим менее 90 м. Очевидно, что именно на данные собственного плана 1959 г. В.Ф. Генинг и ориентировался в 1969 г., когда раскоп для поиска курганов 9–11 был разбит в 90 м к северу (с отклонением в 12 градусов на СВ) от раскопанного в этом же году кургана 4 (Генинг, Шашкова, 1969, л. 95). Отметим, что на планах в публикации курган 10 расположен строго на север от кургана 4, но на плане 1959 г. (Генинг, 1960, л. 137) он расположен с небольшим сдвигом на запад.

Представляется наиболее вероятным 3 варианта сведения воедино этих данных:

А. В 1969 г. траншею для поиска курганов 9–11 нужно было закладывать с отклонением на запад от линии север-юг. Т. к. она была отклонена на восток от этой линии, то прошла мимо курганов метров на 5, если направление на север правильно в публикациях, или еще больше, если оно было правильно обозначено на плане 1959 г.

Б. Неверно указан масштаб на плане 1959 г., и при обработке данных для публикации это было исправлено. Тогда грунтовые могилы находились в 20–30 м севернее курганов 9–11 (с отклонениями, см. вариант А).

В. Нельзя исключить, что после распашки сохранился не курган 4, а тоже не раскопанный курган 10, перекрывавший курган 11. Т. е. в 1969 г. был раскопан курган в северной группе. Тогда грунтовые могилы, раскопанные в 1969 г., находились в 90 м севернее и немного восточнее курганного могильника.

В любом случае отсутствие следов курганов в раскопах объяснимо не их полным уничтожением распашкой, а разным местоположением курганного и грунтового могильников.

2. Периодизация и датировка. По материалам Тураевских курганов В.Ф. Генинг выделял 3

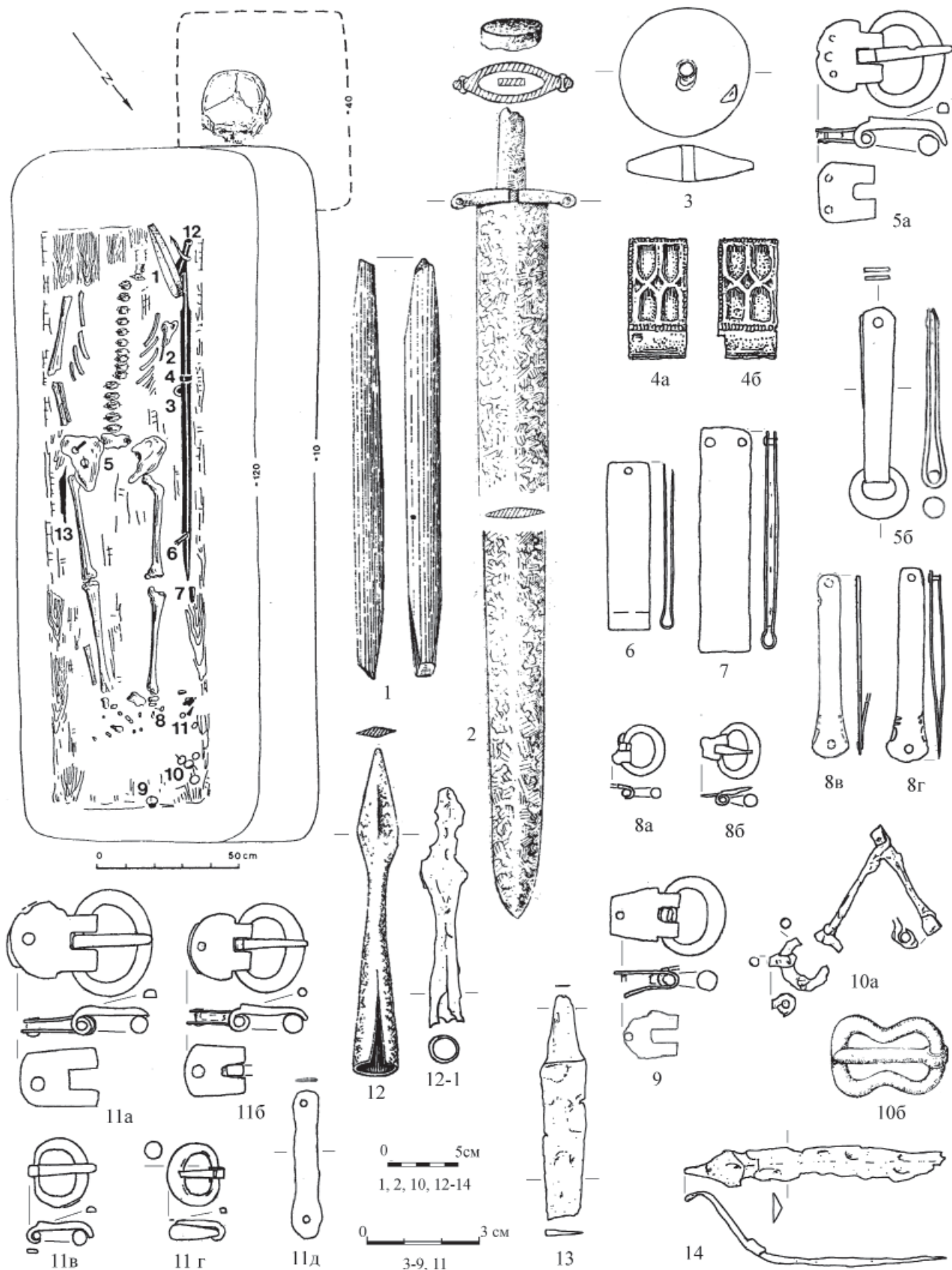

Рис. 2. Тураевский курганный могильник, курган 1, погр. 1.
 Нумерация находок соответствует номеру на плане. 3, 10а, 11г, 12-1, 13, 14 – рис. А.А. Красноперова;
 5-9, 11а-в, 11д – рис. И.О. Гавритухина; остальное – по В.Ф. Генингу

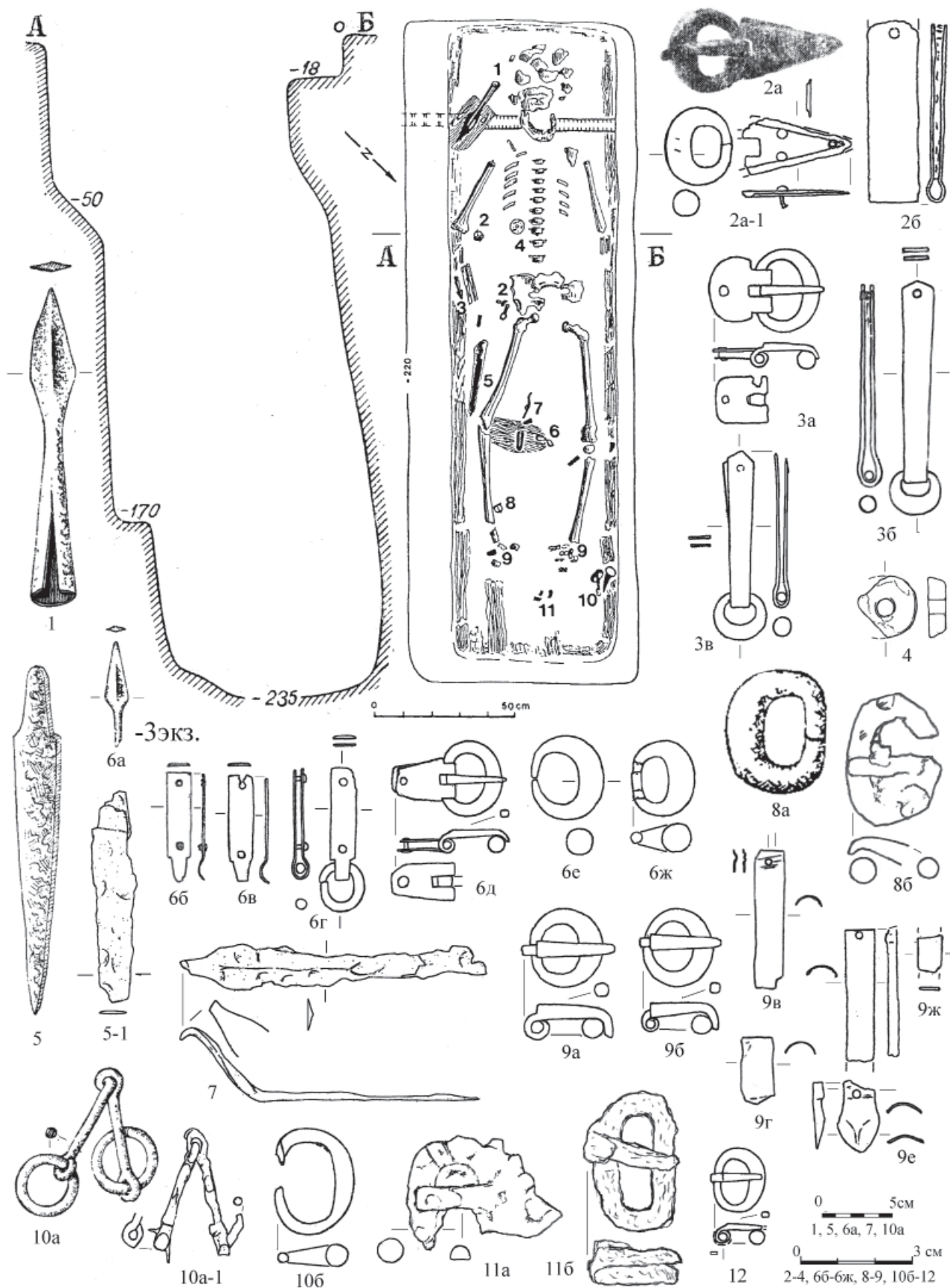

Рис. 3. Тураевский курганный могильник, курган 1, погр. 2.
 Нумерация находок соответствует номеру на плане.
 2а-1, 2б, 3, 6, 9, 10б, 11б, 12 – рис. И.О. Гавритухина;
 4, 5-1, 7, 8б, 10а-1, 11а – рис. А.А. Красноперова; остальное – по В.Ф. Генингу

хронологические группы от конца IV до второй четверти V в. А.К. Амброз (1980, с. 59) курган 5 датировал второй половиной V в. Р.Д. Голдина и В.А. Бернц писали о том, что эти погребения («отряда пришельцев, уничтоженного местным населением») могли быть совершены чуть ли не в один день (!) в рамках четвертой четверти IV в. или на рубеже IV–V в. (Голдина, Бернц, 2010, с. 158, 160; Голдина, 2017, с. 179). Этими позициями покрывается практически весь спектр суждений о хронологии Тураевских курганов.

С опорой на описанную выше работу по идентификации предметов, мы попробовали рассмотреть комплексы по сочетанию повторяющихся типов/вариантов деталей ременных гарнитур – наиболее чутких хронологических индикаторов (далее – ХИ). Сразу же оговоримся, что эти ХИ отражают материалы одного памятника и выделены специально для его датировки. Систематическая типология – предмет другого исследования на более обширном круге источников. Всего был выделен 21 ХИ.

2.1. Хронологические индикаторы.

1 – пряжки с не сильно утолщенной спереди круглой рамкой и язычком, не сильно загнутым за нее (рис. 4: 1а–б). Само по себе такое сочетание признаков не дает узкой даты, однако в коллекции они явно выделяются на фоне остальных пряжек, что, скорее всего, не случайно.

2 – условный; включает аналогии элементам ременного разделителя с подвеской, происходящего из кургана 5 (рис. 4: 2), – разделитель из погребения 2 кургана 1 (рис. 3: 6б–г; экземпляры на рис. 3: 6б–в, скорее всего – две части одной обоймы-зажима) и С-образная пластина из погребения 1 кургана 3 (рис. 6: ХИ-2) – подвеска (Генинг, 1976, с. 64, № 6).

3 – пряжки с округлой, не сильно утолщенной впереди рамкой, язычок которых охватывает ее переднюю часть практически на всю ее высоту (рис. 4: 3а–б) типа П11 (здесь и далее типы, обозначенные с применением литеры «П», даны по: Малашев, 2000).

4 – пряжки с очень сильно утолщенной спереди округлой или овальной рамкой – «калачевидные». Вариант а (рис. 4: 4а, 4в; 3: 2а-1, 6ж) отличается от варианта б (рис. 4: 4б; 3: 6е) тем, что внутреннее пространство рамки близко по ширине максимальному диаметру сечения рамки. Язычок может напоминать образцы, характерные для ХИ-3 (рис. 4: 4а), но чаще его загиб охватывает рамку не целиком (рис. 4: 4в). Есть вариации с остатками металлической обоймы (рис. 4: 4а) и те, у которых рамка крепилась непосредственно к ремню.

5 – длинные мечевидные ременные наконечники. Как правило, их лицевая сторона на боль-

шей части имеет треугольное сечение в сочетании с выраженной (рис. 4: 5в) или почти незаметной (рис. 4: 5б) площадкой в верхней части. Есть и плоские детали аналогичных очертаний, причем в ряде случаев на них видны отпечатки органики, по-видимому, ремня (рис. 4: 5а). Такие пластины могли служить для зажима конца ремня с обратной стороны, когда с лицевой его зажимал экземпляр треугольного сечения. Нельзя исключить и наличие плоских наконечников, однако во всех комплексах, где есть плоские экземпляры, представлены и аналогичные изделия треугольного сечения. В одном случае зафиксирован наконечник из двух частей, треугольных в сечении (рис. 4: 5г).

6 – пряжки с овальной рамкой и треугольным или почти треугольным щитком. Он может быть сильно (рис. 4: 6а, 6г) или не сильно (рис. 4: 6д–ж) вытянутым (варианты 2 и 3 по: Амброз, 1980, с. 24), иногда иметь прогнутые бока (рис. 4: 6а; похоже, что и рис. 4: 6г) и другие. Чтобы решить, какие признаки целесообразно учесть для выделения вариантов, значимых для нашей темы, материала недостаточно. Язычки представлены вариантами, характерными для типа П10, или близкими ряду экземпляров типа П9. Рамки обычно утолщены не сильно, но встречаются и характерные для ХИ-4 (рис. 3: 2а, 2а-1).

7 – пряжки с не сильно утолщенной впереди овальной рамкой, четырехугольным щитком и 2 шпеньками, крепящими обойму к ремню (рис. 4: 7а–б). Язычки характерны для типа П10.

Пряжка, хранящаяся среди находок из кургана 8 (рис. 4: 6–7?) вполне соответствует экземпляру, описанному В.Ф. Генингом как «аналогичного» тому, что опубликован (рис. 6Б: ХИ-10 кургана 8). Однако ее обойма напоминает скорее те, что характерны для ХИ-6. Сопоставима она и с пряжками, отнесенными к ХИ-7, особенно учитывая массивность язычка (рис. 4: 7а). Нельзя исключить, что щиток рассматриваемой пряжки аналогичен тем, что показательны для ХИ-15, однако во всех случаях, где данные о язычке проверены, экземпляры, принадлежащие ХИ-15, имеют не столь массивный язычок. Сказанное и определяет типологическую позицию рассматриваемой пряжки как наиболее близкую ХИ-6 и ХИ-7.

8 – ременные наконечники с двусторонним валиком на конце и боковыми пластинами, т. е. это конструкции типа «коробочка» (рис. 4: 8а–ж). Нередко внутри валика прослеживается стержень, параллельный бокам валика (рис. 4: 8а–б, 8г–ж, 8ж). Варианты различаются по пропорциям и ширине изделия, однако продуктивное выделение границ вариантов требует обращения к более обширному материалу. В Тураевских курганах в

одном комплексе могут быть представлены очень разные вариации, поэтому они рассматриваются в целом.

9 – С-образные накладки с тремя отверстиями (рис. 4: 9а–е).

10 – пряжки с не сильно утолщенной впереди овальной рамкой, щитком (в т. ч. инкрустированным), по форме близким полукругу с заостренными краями в передней части щитка (рис. 4: 10а–е; сасанидского круга по: Казанский, 2002). Язычки, в случаях, где о них есть достоверная информация, аналогичны тем, что встречены на пряжках, отнесенных к ХИ-6.

11 – кольца, подвешенные на обойме со щитком, имеющим форму, аналогичную той, что у пряжек, отнесенных к ХИ-10 (рис. 4: 11а–б, 11г). Кольца различаются по толщине и очертаниям, но для выделения вариантов по этим признакам у нас слишком мало достоверно идентифицированных вещей. находка из кургана 6 (рис. 4: 11?в), вероятно, является вариантом обоймы изделий рассматриваемого круга, однако нельзя полностью исключить того, что это фрагмент наконечника, близкого тем, что отнесены к ХИ-20.

12 – пряжки с не сильно утолщенной впереди овальной (иногда почти круглой) рамкой, со щитком, близким полукруглой (рис. 5А: 12б–в; 2: 5а; 3: 3а) или неясной формы (рис. 5А: 12а, 12г), а также без щитка (рис. 2: 11в); с язычком, близким экземплярам типа П10.

13 – кольца, подвешенные на длинной обойме, щиток которой слегка сужается к низу (рис. 2: 5б; 3: 3б–в).

14 – длинные четырехугольные обоймы-зажимы со шпеньками, имеющими полусферическую головку (рис. 5А: 14а–б). В некоторых случаях они явно связаны с удилами (рис. 5Б: 20), в остальных – это весьма вероятно.

15 – пряжки со слабо утолщенной впереди овальной рамкой и трапециевидным щитком (рис. 5А: 15а–б), в определенных случаях имеющие язычок, характерный для пряжек типа П10 или близкий ряду экземпляров типа П9.

16 – ременные наконечники-зажимы с двусторонним валиком на конце, пробитые для крепления в одном месте (рис. 5А: 16а–в; 2: 6; 3: 2б). Большинство – длинные и гладкие, но единично встречаются украшенные «жемчужинами» (рис. 5А: 16в) или сравнительно короткие (рис. 5А: 16а).

17 – короткие инкрустированные ременные наконечники с односторонним валиком на конце (рис. 5А: 17; 2: 4а–б), относящиеся к прикамскому варианту серии Цибилиум – Тураево (Красноперов, 2012).

18 – длинные ременные наконечники с двусто-

ронным валиком на конце, пробитые для крепления в двух местах (рис. 5А: 18; 2: 7).

19 – 8-видные («гитаровидные») пряжки (рис. 5А: 19а–б; 2: 10б; см. о них также выше – при описании коллекции).

20 – одночастные ременные наконечники с секировидным окончанием (рис. 5А: 20а–б; 2: 8в–г, скорее всего и рис. 2: 11д), близкие типу Н8 (Малашев, 2000).

21 – пряжки со слабо утолщенной впереди овальной рамкой, со щитком, близким полукруглой (рис. 5А: 21б; 2: 11а–б; все крепятся к ремню одним шпеньком) или неясной формы (рис. 5А: 21а), а также без щитка; с язычком, который охватывает переднюю часть рамки заметно менее, чем на половину ее высоты (близкие типу П9).

2.2. Хронологические группировки. По сочетанию описанных ХИ была получена сериация комплексов (рис. 6Б). Комплексы в верхней левой части таблицы (погребение 1 кургана 3 и из кургана 5) почти не имеют ничего общего с комплексами в ее правой нижней части (погребение 1 кургана 1). Остальные занимают между ними промежуточную позицию. Это различие явно не является гендерным или по социальному статусу (богатству инвентаря), т. е., в принципе, по ним возможно выделение 3 периодов (об их последовательности см. ниже – о датировке комплексов). Это напоминает выводы В.Ф. Генинга, хотя набор комплексов по периодам у нас и у него и не идентичен, что понятно, учитывая различия, заложенные уже в группировке вещей.

Однако часть курганов Тураево расположена очень компактно, и В.Ф. Генингом было прослежено перекрывание одних курганов другими (рис. 6А), причем нет оснований, чтобы считать какие-либо могилы основными, а какие-либо впускными. По этим данным, погребение 1 кургана 3 является «эталонным» «позднего» набора, но оно перекрывается курганом 1 (с погребением 1), где найден «ранний» набор. Курган 5 с «поздним» набором перекрывает курганом 3 с «ранним» набором в погребении 2. Хронологически разные (по сериации) наборы встречены и в погребениях под одним курганом (например, курганы 1 и 3).

Такая ситуация, может быть, только в период сосуществования «поздних» и «ранних» наборов, т. е. в археологическом понимании Тураевские курганы синхронны (в рамках периода). Это близко позиции Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц. Однако нет оснований считать, что эти захоронения были одновременны практически, т. е. совершены за один раз, например, после сражения. Скорее наоборот, трудно представить, что ровик одного кургана копался на месте только что выкопанного ровика соседнего кургана, а вот перекрытие рови-

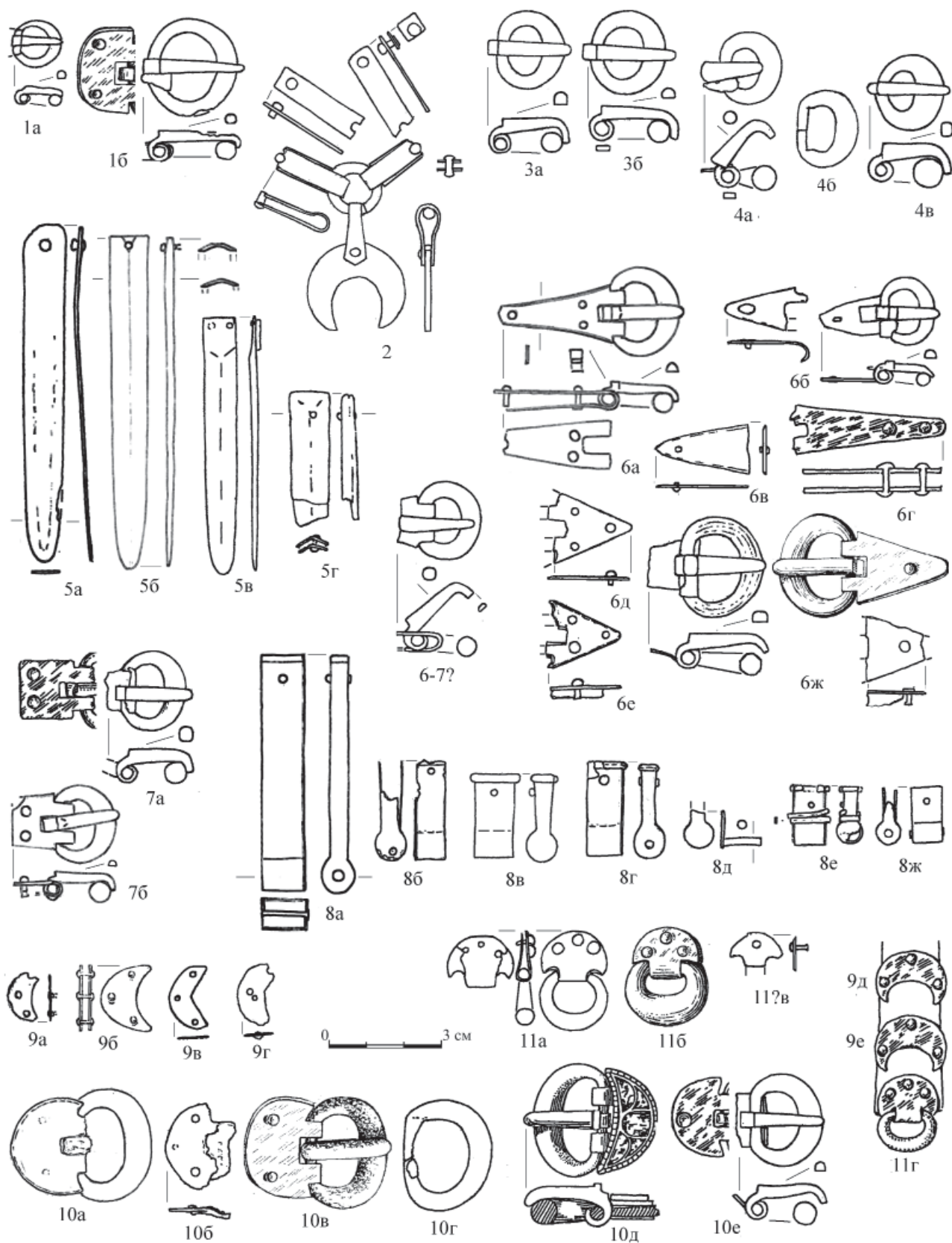

Рис. 4. Тураевский курганный могильник, хронологические индикаторы (начало).
 Цифра соответствует номеру индикатора на рис. 6Б. 1а, 2, 3б, 4в, 5б, 6а, 6в, 5б, 8а-в – курган 5; 1б, 3а, 4а, 5а, 6д-ж, 10в, 11а – курган 3 (1б, 3а, 4а, 5а – погр. 1; 10в, 11а – погр. 2); 4б – курган 7, погр. 1б; 5в, 8ж, 9а – ?; 5г, 6б, 8е, 10д, 9б-г – курган 7, погр. 1а; 6г, 7а, 8г-д, 9д-е, 10е, 11?в, 11г – курган 6; 6-7? – курган 5 или 3, погр. 1; 10в (она же 10а или 10б и 10г) – курган 3, погр. 2; 3г, 11б – курган 8. 1б-слева, 6г, 6ж-сверху-справа, 7а-слева, 9б-слева, 9д-е, 10в, 10д, 10е-слева, 11б, 11г – по В.Ф. Генинг; остальное – рис. И.О. Гавритухина

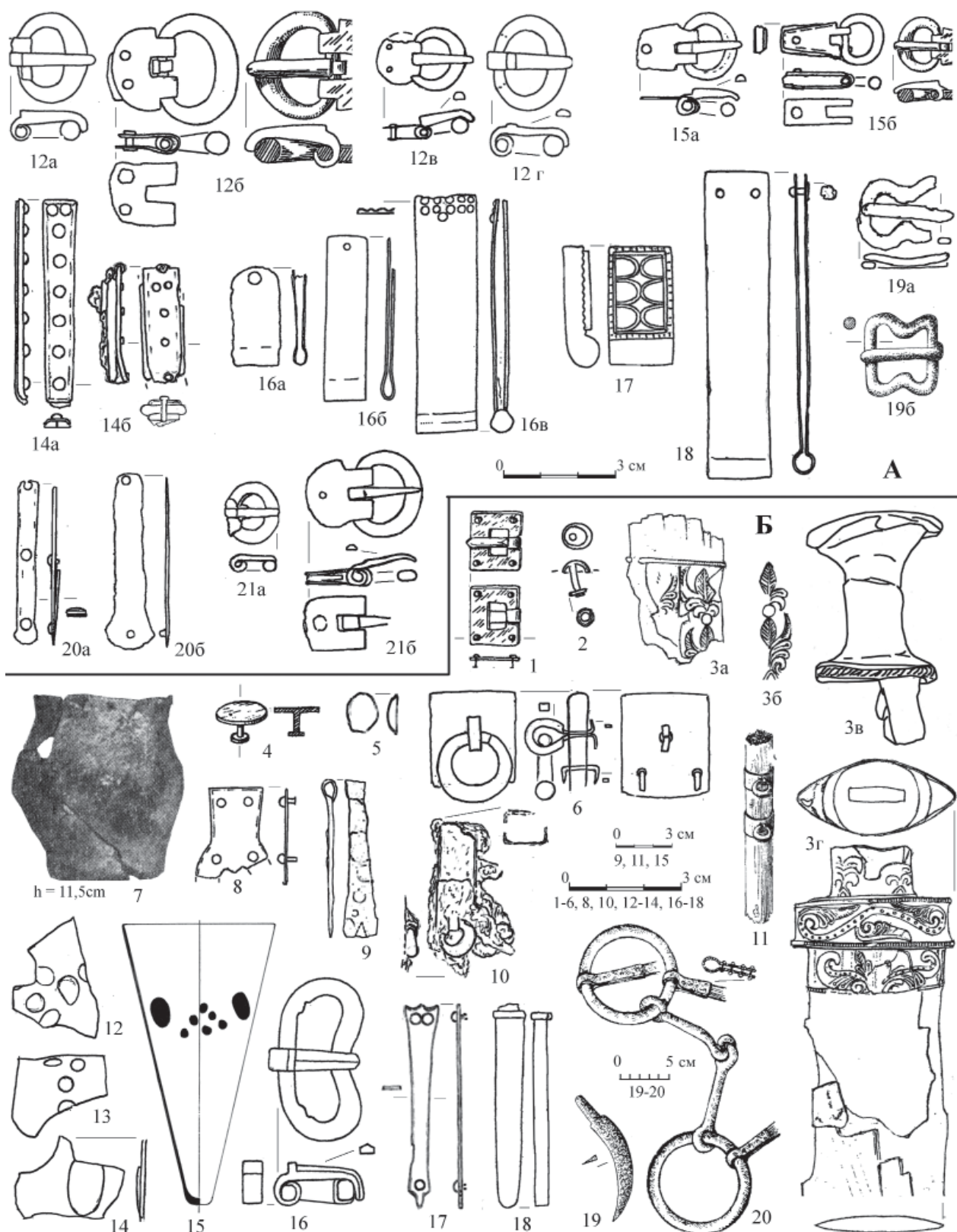

Рис. 5. Тураевский курганный могильник.

А – хронологические индикаторы (окончание). Цифра соответствует номеру индикатора на рис. 5Б. 12а, 12г – курган 5; 126-в, 146, 156, 17, 18, 19а или 19б – курган 7, погр. 1а; 14а, 20а – курган 3, погр. 2; 15а, 16а, 20б, 21а – курган 6; 16б – ?; 16в – курган 7, погр. 1б; 21б – курган 4. 126-справа, 156-справа – по В.Ф. Генингу; остальное – рис. И.О. Гавритухина.

Б – находки: 1-4, 6, 8-9, 11-19 – курган 5; 5, 10 – ?; 7 – курган 3, погр. 1; 20 – курган 7, погр. 1а. 1, 4, 7, 11, 19-20 – по В.Ф. Генингу; 3, 9 – рис. А.А. Красноперова; 15 – реконструкция С.И. Валиулиной; остальное – рис. И.О. Гавритухина

ком того, что был выкопан раньше на год или несколько лет, вполне можно понять.

То, что инвентарь Тураевских курганов формально хронологически не «компактен», отражает особенности судьбы каждого из погребенных, сосуществование некоторое время архаичных и инновационных явлений культуры. Богатство инвентаря и наличие у рассматриваемого памятника стратиграфии дают возможность как выделить архаику и инновации, так и зафиксировать период их сосуществования – смены.

2.3. Календарная датировка. Для календарной («абсолютной») датировки комплексов важны следующие находки (о связанной с ними европейской периодизации см. в Гавритухин, 2022).

Пряжки с язычком, огибающим рамку на всю ее высоту (ХИ-3), показательны для раннего этапа эпохи Великого переселения народов (конец 370-х – 380-е гг. – первые десятилетия V в.), хотя могут встречаться и несколько позднее (Гавритухин и др., 2020, с. 238, 244; Gavritukhin, 2018, р. 49–50; Малашев и др., 2015, с. 100; там же библиография). Длинные мечевидные наконечники (ХИ-5) и С-видные накладки с тремя отверстиями для крепления (ХИ-9) датируются не ранее того (Гавритухин и др., 2020, с. 238, 244; Айбабин, 1990, с. 50–51; Tejral, 2011, S. 289; Безуглов, Ильяшенко, 2000, с. 96–97; Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с. 100; Gavritukhin, 2018, р. 94).

Почти прямоугольные накладки с расширением и выступами в нижней части, происходящие из кургана 5 (рис. 5Б: 8), имеют аналогии в комплексах эпохи Великого переселения народов (например, Засецкая, 1994, табл. 10: 3–4; 11: 9; Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов, 1980, рис. 10: 9). Находка в кургане 5 стеклянного сосуда (скорее всего, конического кубка) с налестами синего стекла (рис. 5Б: 12–15) подтверждает такую хронологию (Gavritukhin, 2017, р. 101, 103). Топор из этого же комплекса (рис. 1В: 4) относится к типу, датируемому IV – началом V в., причем в Волго-Уралье такой топор происходит из клада на городище Лбище, связанного, скорее всего, с гибелью этого поселения в начале эпохи Великого переселения народов (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 13–14; см. о дате также в: Гавритухин, 2022, параграфе 6). Типичен для этого времени и имеющее перехват навершие рукояти меча из кургана 5 (рис. 5Б: 3в; Генинг, 1976, рис. 28: 1; Гопкало, 2015, с. 294, рис. 4; Казанский, 2019, с. 118–119, рис. 4: 1–5, 7).

Калачевидные пряжки (ХИ-4) появляются в черняховской и связанных с ней культурах на фазе 4 по черняховской хронологии (Гороховский, 1988), т. е. во второй половине IV в., но широкое распространение получают на ранних фазах эпохи Великого переселения народов. Отметим и то, что

выделенный в рамках ХИ-4 вариант *a* таких пряжек явно относится к типологически не ранним.

Распространение на север т. н. сасанидских пряжек, щиток которых имеет заостренные в передней части бока (ХИ-10; аналогичны щитки у накладок ХИ-11), выделивший их М.М. Казанский (2002) связывал с эпохой Великого переселения народов. Однако тогда, когда он писал эту статью, ряд памятников, опорных для Волго-Уралья интересующего нас времени, не был опубликован, и этот вывод требует корректировки (например, Перескоков, 2018, рис. 93: индикаторы 6 и 7). Отметим находку у сармат Южного Урала пряжки, имеющей рассматриваемую характеристику, датируемую первой половиной III в. (Малашев, Кривошеев, 2022, рис. X: X) Ее анализ В.Ю. Малашевым подтверждает культурную атрибуцию М.М. Казанского, но свидетельствует о проникновении таких пряжек в Приуралье в значительно более раннее время (Малашев, Яблонский, рис. 154: 7, с. 56, 69, 71–72).

Пряжки с язычком, имеющим уступ сзади, площадку или полукруглое сечение, причем язычок не сильно выступает за рамку (близкие типу П9;), представлены ХИ-15 и некоторые отнесены к ХИ-12. Такие пряжки появляются не позднее IV в. и обычны до середины этого столетия (Малашев, 2000, с. 209), однако встречаются и позднее, о чем свидетельствуют хотя бы комплексы Тураевских курганов.

Пряжки с язычком, охватывающим рамку приблизительно на половину ее высоты (П10), имеют соответствия в ХИ-4, 6, 7, 10, 12, 14. Они появляются около второй четверти IV в. (Малашев, 2000, с. 202, 203; Малашев и др., 2015, с. 99–100; Гавритухин и др., 2020, с. 238), а бытуют и позднее, некоторые, как минимум, до середины VI в. (Хайрединова, 2003, с. 126; Гавритухин, в печати, ИС-6). Практически одновременно с ними появляются одночастные наконечники с секировидным окончанием (ХИ-20), не редкие и на ранних фазах эпохи Великого переселения народов (Малашев, 2000, с. 210; Малашев и др., 2015, с. 102, 104).

Стеклянный сосуд (вероятно, конический кубок) из кургана 5 украшен налестами синего стекла, (рис. 5Б: 12–15), что и является основой для его датировки ранними этапами эпохи Великого переселения народов (обзоры и дискуссию о хронологии см. в: Гавритухин, 2000, с. 268–273; Голофаст, 2001, с. 123–126; Gavritukhin, 2017, р. 101–103).

Очень показательны отсутствие в Тураеве пряжек с хоботовидным (массивным, в передней части не прижатым к рамке) язычком и других индикаторов ступени D2 Европейского Барбарикума (по Я. Тейралу, 380–400 – около 450 г.) и более

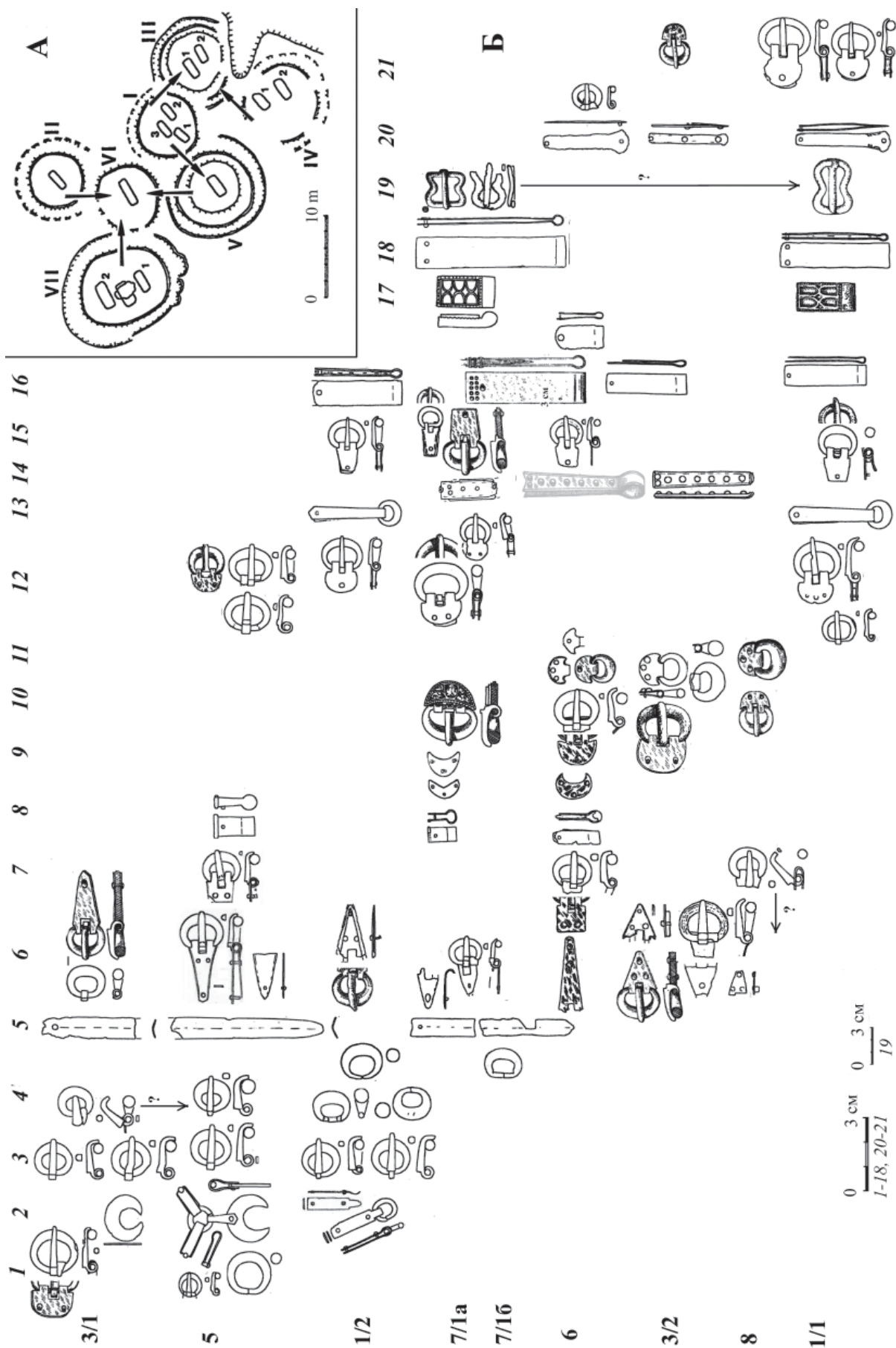

Рис. 6. Тураевский курганный могильник. А – стратиграфия южной группы курганов. Б – серияция комплексов (по горизонтали – комплексы; по вертикали – ХИ, см. их описание в параграфе 2.1. Серым цветом дана находка, агрибутированная В.Ф. Генингом как «аналогичная»).

позднего времени. Это не может быть случайным, ведь рассматриваемая выборка пряжек весьма велика, а пряжки с хоботовидным язычком относятся к массовым находкам эпохи Великого переселения народов в Камском регионе.

Прочие предметы из Тураевских курганов имеют широкие хронологические рамки или не исследованы с точки зрения узкой хронологии, т. е. они мало пригодны для календарной датировки. Это, конечно, не отменяет их значимости для периодизации отдельных памятников. Отметим, что в Тураевских курганах мы не встретили находок, дата которых вступала бы в противоречие с хронологией рассмотренных выше типов и вариантов вещей.

Пересечение хронологических отрезков ХИ, с учетом датировок по аналогиям и стратиграфии, позволяет датировать Тураевские курганы в пределах четвертой четверти IV в. При этом можно выделить группы комплексов: ТК-1 (погребение 1 кургана 1) с архаичным набором ХИ; ТК-2 (курганы 5, 7, погребение 1 кургана 3, погребение 2 кургана 1) с ХИ эпохи Великого переселения народов); ТК-1/2 (курганы 6, 8, погребение 2 кургана 3), занимающими как бы промежуточную позицию между ТК-1 и ТК-2. По остальным комплексам для столь дробной группировки слишком мало проверенного материала, но нет и оснований для их датировки вне указанных хронологических рамок.

3. Культурные составляющие. «Феномен» Тураевских курганов стал важным звеном в ряде многих очень разных, зачастую глобальных, концепций (см. хотя бы выборочный обзор этнокультурных определений, Егоров, 2012), правда, приводимая аргументация зачастую весьма произвольна и не соответствует ряду современных требований к построениям такого рода. Рассмотрим некоторые особенности находок и погребальных обрядов, представленных на этом памятнике.

3.1. Вооружение, конское снаряжение и изделия, соотносимые с этим кругом. Предметы вооружения большинства прикамских культур интересующего нас времени последний раз как целое анализировались в начале 1980-х гг. (Иванов В.А., 1984). Конечно, представленные в этой работе наблюдения требуют корректировок, поскольку за прошедшее время число находок увеличилось кардинально, возросли и возможности их датирования.

Ряд топоров (рис. 1В: 3; Генинг, 1976, рис. 28: 11; 31: 6) типичны для мазунинских и азелинских памятников. Два топора для Волго-Уралья не характерны, но соотносятся с типами, развитие которых прослеживается в Поочье (благодарим за консультацию Алексея Михайловича Воронцова). Один из них (рис. 1В: 4) относится к типу 3А2,

представленному на Верхней Оке, откуда, вероятно, такое изделие попало и на городище Лбище (см. о нем в: Гавритухин, 2022, параграфе 6) на Самарской Луке (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 13–14). Другой топор (Генинг, 1976, рис. 28: 10) – типа 3А3, тоже имеет ближайшие аналогии на Верхней Оке (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 14). Учитывая лбищенскую находку, не исключено, что на Каму эти изделия попали не напрямую с Оки, а опосредовано.

Любопытны находки «топоровидных предметов» (рис. 5Б: 9; Генинг, 1976, рис. 28: 5). Длиннолезвийные топоры схожей формы найдены в Ижевском, Нивском и Тарасовском могильниках мазунинской культуры, Усть-Брыскинском и Тюм-Тюмском – азелинской культуры (Матвеев, 2013, с. 117), ряде памятников именьевской культуры (Старостин, 1967, табл. 13; Вязов, 2011, табл. 11, рис. 20–23). Неоднократные металлографические анализы (Семыкин, 1993; Кондрашин, 2003; Завьялов, Розанова, Терехова, 2009, с. 104, 106) ничего не дали для установления происхождения традиции, с которой эти изделия связаны. Тураевские экземпляры функцию топоров выполнять не могли. Наибольшую технологическую близость (проух, согнутый из пластины, образующей тело «топора», слегка прикованный, но не закрепленный) среди вещей, известных А.А. Красноперову по оригиналам, они обнаруживают с предметами из Тарасовского (Голдина, 2004, табл. 656: 8; 667: 3, 6, 7, возможно, 4, 5; 681: 6), Нивского (Останина, 1978, табл. V: 5, с. 113), Кудашевского (Переволоков, 2018, рис. 58: 2) могильников.

Обращают на себя внимание железные изделия, напоминающие косы (рис. 2: 14; 3: 7; Генинг, 1976, рис. 26: 5, 6; 28: 8; 31: 12). Несмотря на то, что их функция не ясна (А.А. Красноперовым предполагается, что это инструмент, чтобы срезать воск с сот), важно, что они характерны для прикамских культур: мазунинской, гляденовской, азелинской (Перевошиков, Пастушенко, 2006).

Ныне почти все наконечники копий из Тураевских курганов очень плохой сохранности и пригодны для детальных типологических определений с большой долей опасения (ср. рис. 2: 12 и 12-1). Ни на одном из сохранившихся осколков нет выраженного ребра, как изображено на рисунках В.Ф. Генинга (например, 1976, рис. 28: 3). В целом наконечники тураевских копий типичны для культур Прикамья. Это относится и к наконечникам стрел (рис. 3: 6а).

Напоминающее песочные часы навершие рукояти меча из кургана 5 (рис. 5Б: 3в; Генинг, 1976, рис. 28: 1; для этого типа встречаются названия «с перехватом», «грибовидное», «персидского типа» и др.) имеет весьма широко распространенный

круг аналогий (см. выше, при обсуждении календарной датировки), включая на севере и Верхнее Прикамье (Генинг, Голдина, 1973, табл. 3: 16), о чем нередко забывают или не знают авторы обзоров по таким мечам. Оформление рукояти, перекрестья и ножен этого меча (рис. 5Б: 3а–б, г) указывает на культуры, впитавшие эллинистические традиции (от Средиземноморья до Среднего Востока).

Еще один меч, происходящий из погребения 2 кургана 1 (рис. 2: 2), трудно атрибутировать, т. к. его перекрестье среди сохранившихся находок мы не нашли. Халцедоновый диск (рис. 2: 3) найден близ ножен этого меча, что делает весьма вероятной его функцию в системе крепления такого оружия, реконструированную С.И. Безугловым (2000). Эта система крепления уже в позднесарматское время получила широкое распространение. Безусловно, импортным является халцедоновый диск, но подобные изделия встречаются в Камском регионе и не образуют хронологически компактной группы. Третий тураевский меч, из погребения 1а в кургане 7, имеющий длину 90 см и плавный переход от лезвия к черенку (Генинг, 1976, рис. 31: 9, с. 77: № 22), допускает весьма широкий круг аналогий. Это относится и к «кинжалам» (например, рис. 2: 13; 3: 5).

Шлем из погребения 1а кургана 7 (рис. 1В: 5), несомненно, относится к сасанидским (Кубик, Радюш, 2019, с. 87, прим. 3, с. 88, рис. 7–9). Вполне вероятен этот контекст и для ламеллярного доспеха из того же комплекса (рис. 1В: 1; Генинг, 1976, рис. 31: 2), т. е. всего комплекта защитного вооружения в этом погребении. Наличие шлема, щита, кольчуги предполагалось В.Ф. Генингом и в отношении захоронения в кургане 5 (Генинг, 1976, с. 69–70, № 3–5), однако сохранившиеся описания и коллекции не позволяют достоверно реконструировать эти изделия.

Из погребения 1б кургана 7 происходят удила, имеющие прямоугольные соединители грызл с поводьями (Генинг, 1976, рис. 31: 10). Для неплохо изученных удили европейских и североазиатских культур такая деталь необычна, правда, в коллекциях мы ничего подобного не нашли, что оставляет характеристику этих удили открытой.

Не менее, чем в трех захоронениях, с удилами связаны длинные зажимы поводьев, выполненные в одном стилистическом ключе (рис. 5А: 14а–б; 5Б: 20; Генинг, 1976, рис. 27: 14). Возможно, это продукция одной мастерской, но локализация ее не ясна. Ближайшая аналогия таким удилам и зажимам поводьев происходит из постройки на Лавском правобережном поселении в бассейне Верхнего Дона (Земцов, Ивашов, Бессуднов, 2007,

рис. 5: 1). Всем деталям таких изделий можно найти весьма широкий круг аналогий, но вопрос о том, с каким культурным контекстом связано сочетание этих признаков, не исследовался. Есть и зажимы-обоймы, лопасти которых по форме близки полукруглым щиткам пряжек (как на рис. 5А: 12б–в), что распространено весьма широко.

Показательны длинные каменные оселки (рис. 2: 1; Генинг, 1976, рис. 26: 8; 28: 7), особенно сделанный из легкого и звонкого камня, найденный в кургане 5. Отметим, что, например, в позднесарматской культуре длинные оселки являются показательным атрибутом выделенного С.И. Безугловым «всаднического горизонта» (Безуглов, 2017, с. 103; Кривошеев, Лукпанова, 2015, с. 104; Кривошеев, Малашев, 2019, с. 149).

Серп, найденный среди скопления оружия и конского снаряжения в могиле кургана 5 (рис. 5Б: 19), имеет длину лезвия 12,5 см (Генинг, 1976, с. 72: № 16). Все это делает маловероятным его сельскохозяйственное предназначение. Возможно, он относится к снаряжению всадника – является «стригилем» для ухода за конем. Серпы в контексте воинских комплексов нередко встречаются в кубано-черноморской группе кремаций VIII–IX в. (Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 195–199), в т. ч. маленькие, иногда в костяных футлярах (например, Дмитриев, 2003, табл. 92: 1–7). А.В. Пьянков (благодарим его за консультацию) считает, что они были частью снаряжения конного «спецназа», чтобы кормить коня, ведя скрытое наблюдение. Нельзя исключить, что такое специализированное снаряжение мог иметь профессиональный воин, похороненный в Тураево, хотя аналогии в синхронных восточноевропейских могилах всадников мы затрудняемся привести. Однако отметим, что вопрос о сочетании «серп + оружие» в ряде культур позднеримского времени уже поднимался в отечественной литературе, например, в связи с находками из Чатыр-Дага на Южном Берегу Крыма (Мыц и др., 2006, с. 123–126). Конечно, эти серпы отличаются от тураевского типологически и по культурному контексту (воины с оружием в основном центрально- и североевропейского круга), но показателен отказ от трактовки серпов только как сельскохозяйственного инвентаря. Серп, типологически близкий тураевскому, в оградке XIV из Кудыргэ на Алтае (Гаврилова, 1965, табл. V: 3) встречен вместе с пластинами ламеллярного доспеха и довольно длинным (боевым?) ножом. Вопрос о функции серпов в воинских контекстах заслуживает специального рассмотрения, пока мы ограничимся его постановкой в связи с находкой из Тураево.

3.2. Элементы ременных гарнитур и предметы неизвестного назначения. Многие детали ре-

менных гарнитур, встреченные в Тураевских курганах, ко времени совершения рассматриваемых погребений были уже широко распространены в Волго-Уралье. Выяснение их происхождения не может являться надежным основанием для культурной атрибуции данного памятника.

Плоская накладная пряжка на четырех шпеньках (рис. 5Б: 1) имеет аналогии в Иловатке, что отметил А.К. Амброз (1986, с. 59, рис. 3: 2–3, 6, 11). В Иловатке пара таких пряжек крепила кинжал с Р-образными скобами для подвешивания ножен, имеющий среднеазиатские прототипы, а весь этот комплекс датируется раннетюркским временем (Arzhantseva, Gavritukhin, в печати). Схожая пряжка, но без шпеньков, встречена, например, в оградке XV из Кудыргэ на Алтае (Гаврилова, 1965, табл. V: 5), как и вторая пряжка оттуда, она названа «подпружной», по-видимому, из-за наличия там же удил (других находок в оградке нет, что затрудняет узкую датировку комплекса). Отметим пряжку такого типа и в погребении 152 могильника Нейзац в Предгорном Крыму, датированную III в. (Наследие ..., 2022, с. 58: № 31), но этот комплекс не опубликован.

В кургане 5 из Тураево рассмотренная пряжка лежала среди деталей, связанных с мечом и уздой. В том же скоплении найден ременный наконечник (рис. 5Б: 17), аналог которому есть в богатом воинском погребении 1784 Тарасовского могильника (Гавритухин, 2022, рис. 2: 14; Голдина, 2004, табл. 666: 2), содержащего и другие, в т. ч. полихромные вещи, известные в Тураевских курганах (Голдина, 2004, табл. 666–668). Подобные наконечники в синхронных европейских культурах нам не известны. Тарасовский экземпляр может рассматриваться как дериват тураевского или же они имели общий прототип. В любом случае наконечники такой формы, скорее всего, связаны с азиатским контекстом.

Ременные наконечники в виде коробочки с полукруглым окончанием встречены в кургане 5 (рис. 5Б: 18). В Европе наконечники схожей формы и схемы изготовления получают распространение с эпохи Тюркских каганов (с третьей трети VI в.). Правда, типы, распространенные в эту эпоху, отличаются от интересующей нас вариации соотношением размерных параметров. В более раннее время наконечники подобной схемы встречены в Косике на Нижней Волге и, по-видимому, в Тилля-тепе в Афганистане (Малашев, Яблонский, 2008, с. 57, рис. 205: 20–23). Для лучше известных среднесарматских древностей, к которым относится Косика, такие вещи необычны, и их происхождение логично связывать со Средним Востоком, откуда были заимствованные многие элементы престижных среднесарматских ком-

плексов. Отсутствие таких наконечников в позднесарматской и связанных с ней культурах делает маловероятным их местную эволюцию, что заставляет ставить рассматриваемые находки из Тураево в азиатский контекст.

Все пряжки и наконечники со вставками, в Тураево представленные в погребении 1 кургана 1 и в погребении 1а кургана 7 (рис. 2: 4а-б; 4: 10д; 5А: 17), относятся к прикамскому варианту серии Цибилиум – Тураево. Его прототипы, восходящие к закавказским традициям, отмечены на Нижнем Дону, однако вещи этой серии распространены весьма широко (от Среднего Подунавья до Средней Азии), и в развитии характерного для нее стиля предполагается несколько импульсов (Красноперов, 2012, с. 220, 222). Изделия интересующего нас варианта сконцентрированы в Прикамье от Тураево на западе до районов Перми и Уфы на востоке (Красноперов, 2012, с. 222–224, рис. 1), есть они и в кургане 22 Ипкульского могильника в Западной Сибири (Красноперов, 2019, с. 125, каталог, № 1–9а, б, табл. 22: 5, 6; Чикунова, 2017, с. 94, рис. 9: Ж). Место их производства не ясно (см. также в: Гавритухин, 2022, параграфах 7 и 8).

Анализ химического состава полукруглых вставок наконечника из погребения 1а кургана 7 (рис. 5А: 17) методом СЭМ-ЭДС показал, что они выполнены из граната (любезное сообщение Ольги Сергеевны Румянцевой; результаты анализа готовятся к публикации).

Среди депаспортизированных находок, не описанных и в публикации, отметим небольшую вставку (рис. 5Б: 5), сделанную из прозрачного светло-голубого/зеленоватого стекла. По-видимому, полихромные изделия из Тураево не исчерпываются теми, что многократно осуждались.

Калачевидные пряжки (ХИ-4; рис. 4: 4а-б; 3: 2а-1, 6е, 6ж), судя по всему, появились в черняховской культуре, однако уже в самом начале эпохи Великого переселения народов (ступень D1 по Я. Тейралу; 360/370–400/410 гг.) они получили распространение в более обширном круге культур, наряду с другими черняховскими компонентами. Отметим, что в Тураево кольца с сильным утолщением присутствуют и на вещах, необычных для черняховских традиций (например, часть изделий, относящихся к ХИ-11 и ХИ-13; рис. 4: 11б; 3: 3б-в; 2: 5б).

Конструкции, включающие подвижные кольца с утолщениями, представлены не только наконечниками и накладками, предназначенными для украшения ремней или крепления к ним других вещей (например, рис. 2: 5б; 3: 3б-в; 4: 11а-б, 11 г). Отметим такие кольца на петлях, крепящихся к различной деревянной основе. Среди

них «стержень», обтянутый кожей (рис. 5Б: 11), который мог быть частью парадной плети (см. ряд примеров в: Ахмедов, 2015). Металлическую обкладку, пробитую петлей, к которой крепится кольцо, и парой скобок (рис. 5Б: 6), В.Ф. Генинг (1976, с. 72: № 40, рис. 29: 9) считает оковкой деревянного сосуда, однако она не имеет изгиба, т. е. могла быть частью шкатулки или другого изделия с прямыми стенками. Небольшие подвижные кольца на петлях спорадически встречаются в разных культурах, в Восточной Европе – главным образом на ее юго-западе (черняховская культура, Крым). Как правило, их находят без остатков органической основы, с которой они явно были связаны. Это еще больше затрудняет культурную атрибуцию таких деталей из Тураево, как мы видели, принадлежавших разным изделиям. Отметим и подвижное кольцо, крепившееся к металлической коробочке (рис. 5Б: 10), по-видимому, обкладке, скорее всего, деревянного бруска. Аналогии этой вещи нам не известны, предназначение – не ясно.

В-образные пряжки (рис. 5Б: 16 и плохо сохранившиеся железные изделия) самых разных вариаций получили в Волго-Уралье широкое распространение с IV в. (см. многие примеры в: Гавритухин, 2022). Однако к последним десятилетиям этого столетия они известны почти по всему Европейскому Барбарикуму (Гавритухин и др., 2020, с. 238), т. е. для тураевских находок не исключено и весьма отдаленное происхождение.

Накладки с выступами от четырехугольной основы, происходящие из кургана 5 (рис. 5Б: 8), напоминают некоторые находки на юге Восточной Европы (см. выше параграф 2.3). Они не образуют зон концентрации и едва ли могут служить этнокультурным признаком.

Накладки в виде полый полусферической головки (рис. 5Б: 2), которых в Тураево найдено несколько десятков, скорее всего, украшали ремни. Отсутствие данных о расположении этих мелких деталей на органической основе делает попытки нахождения им соответствий весьма произвольными. Дисковидные накладки на ремень (рис. 5Б: 4) встречаются на позднеримских воинских поясах, однако в эпоху Великого переселения народов они распространены весьма широко (Гавритухин, в печати). Накладки в виде сегмента сферы с выпуклой центральной частью (иногда их называют «умбовидные»), нередко украшенные мелкими выпуклинами-«жемчужинами» (Генинг, 1976, рис. 29: 3), в Камском регионе представлены как в мазунинской культуре, так и в комплексах более позднего времени, а известны они шире (Иванов А.Г., 1999, с. 32–33).

3.3. Сосуды. Стекланный (вероятно, конический) кубок, украшенный налепами синего стек-

ла, из кургана 5 (рис. 5Б: 12–15) относится к типам (см. обзоры в: Гавритухин, 2000, с. 268–273; Голофаст, 2001, с. 123–126; Gavritukhin, 2017, с. 101–103), не редким на территории Римской империи, особенно в Восточном Средиземноморье, где известны и мастерские по их изготовлению, представлены они и в Сасанидской империи, хотя не являются там частой находкой. Интересно распространение таких изделий за пределами империй, т. е. в зонах импорта. В черняховской культуре сосуды с синими налепами представлены главным образом чашами; зафиксирован лишь один интересующий нас кубок, причем в Восточном Прикарпатье – на юго-западе ее ареала (Gavritukhin, 2017, fig. 11: 8). Не обычны такие кубки и для Боспора, где доминируют стаканы (см. обзор в: Засецкая, 2008). Зато конические кубки составляют одну из основных групп сосудов с синими налепами на Кавказе, не единичны они и в Юго-Западном Крыму (Gavritukhin, 2017, fig. 12; 13: 1–36; Гавритухин и др., 2020, рис. 2: 65). В Прикамье такой кубок мог попасть, едва ли минуя Кавказ или (менее вероятно) Крым.

Единственный керамический сосуд представлен в погребении 1 кургана 3 (рис. 5Б: 7). Выраженная профилировка и плоское дно исключают его отнесение к финно-угорским традициям Камского региона; специалисты не поддерживают и его именковскую атрибуцию (Красноперов, 2020). Чужда такая форма и культурам степи, Крыма, Кавказа. Наиболее близкие аналогии этой форме можно найти на памятниках, где фиксируется присутствие компонентов, связанных с традициями киевской культуры – тип 3 класса I или тип 2 класса II (по: Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 8). На востоке древности этого круга отмечены в лесостепной полосе Верхнего Подонья и некоторых регионах Поволжья, причем для последних не исключено участие этого местного населения в формировании именковской культуры (см. Вязов, Сташенков, 2022; Сташенков, Вязов, 2022а; 2022б). Самый северный достоверный памятник этого культурного круга – Бикляньское селище на левобережье р. Камы (Истомин и др., 2020). Нельзя исключить и аналогии в финно-угорских культурах Окско-Сурского региона – формы «п» и «а» (по: Гришаков, 1993, рис. 4). Отметим, что надежную культурную атрибуцию дает лишь набор форм, единичный же сосуд допускает трактовку как единичное отклонение от нормы. Таким образом вопрос о том, как рассматриваемый горшок попал в Тураевский курган 3, остается открытым.

3.4. Детали погребальных обрядов. Форма могильных ям и поза погребенных в Тураевских курганах имеет весьма широкий круг аналогий,

причем вполне допустимо рассматривать эти показатели погребальных обрядов как вариации мазунинских (Останина, 2022).

Курганы не характерны для обрядов подавляющего большинства культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы позднеримского/позднесарматского времени. Однако в короткий промежуток времени не позднее V в. (в некоторых случаях около четвертой четверти IV в.) они взрывообразно появляются на огромных территориях и распространяются от пражской культуры Припятского Полесья и культуры псковских длинных курганов до Прикамья и таежного Приуралья. Ближайшие культуры, где курганы известны в предшествующее время, – культура восточнолитовских курганов и позднесарматская, нельзя полностью исключать аланские культуры Кавказа, Дона, Северо-Западного Причерноморья и связанные с ними Кантемировские курганы на юго-востоке черняховского ареала и близ него, западносибирские древности, впитавшие, вероятно, саргатские компоненты. Вельбарские «княжеские» курганы, культура карпатских курганов и т. д. для нашей темы не важны из-за явных хронологических или значительных территориальных лакун с культурами очерченного выше круга.

Объяснить обрисованный «взрыв» миграциями носителей обряда довольно сложно, в ряде случаев (например, для пражской и колочинской культур) – невозможно. Для культуры псковских длинных курганов Е.Р. Михайлова (2012) предположила связь курганного обряда с формированием в этом регионе (в некоторых его частях известны и грунтовые могильники) некой религиозной общности. Для гляденовской культуры М.Л. Пересков (2015) предполагает появление подкурганых захоронений как социально-маркирующего признака первого поколения пришельцев, вскоре ассимилированных. Однако эти варианты объяснений трудно надежно обосновывать. Тем не менее, нельзя исключить миграцию идей (а не людских масс) в этих и некоторых других случаях, включая тураевский.

Отметим малое число керамических сосудов (он один) в Тураевских курганах. Схожая пропорция числа посуды к числу погребений зафиксирована для мазунинской (Красноперов, 2012) и некоторых других культур Камского региона. Очень мало керамики и у степных кочевников гуннского времени, в отличие от позднесарматской культуры Приуралья (ср. выборки в: Засецкая, 1994; Малашев, Яблонский, 2008). Т. е. эта черта обряда «тураевцев» могла быть как местной (камской), так и заимствованной у южных соседей постсарматского времени, не исключено и совпадение по

этому вопросу разных традиций. В любом случае эти культуры резко отличаются от тех, где керамика является массовой категорией погребального инвентаря, нередко представленного сервизами, как в черняховской, аланской и ряде других культур.

3.5. Соотношение компонентов. Тураевские курганы расположены на краю ареала мазунинской культуры. Есть в них и находки, черты обрядов, сопоставимые с мазунинскими. Уже это может свидетельствовать об участии «мазунинского» населения в «Тураевском феномене». Тогда встает вопрос о соотношении Тураевских курганов с могилами мазунинской культуры близ с. Тураево.

Как было отмечено выше (в параграфе 1), грунтовый и курганный могильники в Тураево территориально не совпадают. Даже если они были расположены недалеко друг от друга, инвентарь 8 грунтовых могил, раскопанных В.Ф. Генингом (1976, рис. 33: 6–13; 14), очень беден и не содержит вещей, которые можно было бы надежно синхронизировать с находками из курганов.

На обширном мазунинском могильнике, исследованном в Тураево экспедицией Н.В. Водолаго, представлен ряд вещей, относящихся к не ранним этапам мазунинской культуры – поздние варианты бабочковидных и других местных фибул, железные пряжки с В-образной или удлиненной по вертикали овальной рамкой, ножны с подвесками (Голдина, Бернц, 2010, табл. 201–209, 227: 11–12, 230: 4, 6, 231: 1–2, 256: 1). Однако ни одна из этих групп находок не исключает датировку, более раннюю, чем Тураевские курганы (см. также в: Гавритухин, 2022, параграфе 2).

Более точные даты дают интеррегиональные вещи. Все пряжки, для которых возможно точное определение, сопоставимы с типами П8 и П9 (здесь и ниже по: Малашев, 2000). Т. е. среди 32 пряжек из цветных металлов (Голдина, Бернц, 2010, табл. 232–233) нет ни одной типа П10, не говоря о типе П11. Это принципиально отличается даже от архаичного в Тураевских курганах набора ТК-1 и позволяет датировать финал грунтового могильника до второй четверти IV в., т. е. явно более ранним временем, чем курганный могильник. Коррективу вносит прогнутая фибула с «ленточным» корпусом (Гавритухин, 2022, рис. 2: 6), вероятно, импортная. Такие фибулы датируются не ранее второй четверти IV в. (Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019, с. 178–179). При этом, возможно не случайно, что в Тураево нет их местных дериватов (например, таких, как Гавритухин, 2022, рис. 2: 7–8), представленных на ряде других памятников Прикамья, в основном мазунинских (например, Сабирова, 2019, рис. 30).

Как мы видим, с учетом набора пряжек и единичной прогнутой фибулы, грунтовые мазунинские погребения в Тураево датируются, строго говоря, не позднее второй четверти IV в. Лишь гипотетически можно предположить функционирование грунтового могильника немного позднее, но и в этом случае ко времени Тураевских курганов он перестал использоваться. К схожим выводам пришла и Р.Д. Голдина (2004, с. 261), хотя позднее и изменила свою точку зрения (Голдина, Бернц, 2010).

Однако ряд мазунинских могильников из других регионов допускают хронологический «стык» с Тураевскими курганами, а на восточных могильниках этой культуры (Тарасово, памятники в бассейне р. Белой) есть комплексы, синхронные Тураевским курганам (см. в: Гавритухин, 2022, параграфе 2). Т. е. мазунинский (или более широко – прикамский) компонент в Тураевских курганах реален, хоть и не связан с мазунинским населением именно Тураевского микрорегиона.

В культуре населения, оставившего Тураевские курганы, фиксируются и компоненты, явно привнесенные из далеких от Прикамья земель. Если связывать это с инородными пришельцами, то среди предполагавшихся некоторыми авторами «претендентов» следует исключить носителей черняховской культуры. Для нее чужды курганы. Для черняховской и других культур «готского круга» одним из характерных признаков считается отсутствие оружия в погребениях – на фоне тысяч черняховских могил единичные случаи связаны с вкраплениями, главным образом, пшеворских традиций. С другой стороны, для черняховской культуры показательны наличие в могилах большого числа посуды (нередко сервизы), костюм, включающий фибулы, и другие признаки, отсутствующие в Тураевских курганах.

Тураевские курганы не связаны и с культурами раннеславянского круга, для которых характерны кремации. Не относятся они к позднеарматским (см. Малашев, Кривошеев, 2022), а тем более – аланским, показателем которых являются катакомбы. Ряд предлагавшихся атрибуций невозможно рассматривать из-за отсутствия внятных аргументов и/или терминологии, не имеющей отношения к конкретным группам археологических памятников.

Пожалуй, наибольшую концентрацию в одном месте некамских черт, фиксируемых в Тураевских курганах, можно найти в синхронных им Кантимировском и некоторых других небольших курганных могильниках, ареал которых примыкает к юго-восточной границе черняховской культуры (Гавритухин, Обломский, 2007, с. 27–28; Любичев, 2019, часть 1: гл. 4.3.3–4, 7.5–6, 8.5). Их культура

связана с памятниками алан-танаитов, сложившихся на Нижнем Дону на основе продвижения алан Северного Кавказа и местного позднеарматского субстрата, затем распространившихся и в северной части Волго-Донского междуречья (Кривошеев, Малашев, 2019, с. 150–151; там же библиография). Нельзя исключить и связь памятников круга Кантимировки с аланами Северо-Западного Причерноморья. В любом случае продвижение алан в Днепро-Донское междуречье относится ко времени, когда они уже были подчинены гуннами и использовались для разгрома и покорения готов в 370-х гг. (Amm. Marc., XXXI.3.1–3; Iord. Get., 126–127, 130). Тем не менее, связывать Тураевские курганы с переселением на Каму алан нельзя – для последних характерны катакомбы и другие особенности культуры, которых нет в Тураево. Речь может идти лишь о сравнительно плотных контактах и/или общем источнике заимствований у разнокультурных групп населения.

Отметим и то, что рассмотренные выше явно инородные для региона вещи – единичны и являются элементами «культуры престижа». Поэтому гипотеза о связи Тураевских курганов с группой мазунинского населения (и/или, возможно, близкого ему другого камского), участвовавшей в дальних походах (Красноперов, 2012, с. 222), представляется наиболее обоснованной. Конечно, этот военный отряд мог включать и отдельных представителей других этносов.

4. Возможности исторических интерпретаций. В Тураевских курганах нет вещей, которые традиционно считают показателями женских субкультур. Нет и погребений детей. Поэтому неоднократно высказывавшая в разных формах и подтвержденная нашим анализом (см. выше в параграфах 3.1–3.3) точка зрения о соотношении Тураевских курганов с военизированным отрядом является наиболее приемлемой. Представляется, что в данном случае вполне допустим термин «дружина», впрочем, как и «ватага», «шайка», «банда», особенно если убрать оценочный акцент.

Делалось предположение, что это отряд пришельцев, уничтоженный и похороненный местными «мазунинцами» (Голдина, 2017, с. 341). Если это так, то непонятно, зачем они хоронили врагов, да еще под не менее, чем десяти, причудливо расположенными курганами – т. е. в чужой и весьма трудозатратной погребальной традиции. Наконец, у нас нет свидетельств, что во время похорон под курганами на близлежащих землях вообще жили «мазунинские» общины (см. в параграфе 3.5). Нет оснований связывать Тураевские курганы и со значительной миграцией, поскольку таких же памятников больше не известно.

Более обоснованной является гипотеза о связи компактного курганного могильника мужчин-воинов с их индивидуальной дружинной культурой и базой, расположенной в удалении от обычного для региона оседлого населения, чему можно найти множество подтверждений, например, в эпосе разных народов. Под одним курганом Тураевского могильника хоронили одного–трех человек, которые могли умереть в промежуток времени, когда дружина была на базе. И так каждый раз, если кто-нибудь в это время умирал. Эта база, судя по раскопанной части могильника, существовала недолго – если курган насыпали после каждой или почти каждой «побывки» – несколько более 10 лет (в пределах четверти века). Впрочем, бесспорных доказательств этой реконструкции у нас нет.

Основу экономики подобных дружин/ватаг составляли военные походы. Часть из них для интересующих нас «тураевцев» могла иметь целью расположенные сравнительно недалеко группы поселений носителей мазунинской и азелинской культур. Некоторые походы, судя по привнесённым вещам, были дальними, достигая Северного Причерноморья и Среднего Востока (см. в параграфах 3.1–3.5). В четвертой четверти IV в. это было едва ли возможно вне связи с гуннами или другими пришельцами из Азии, контролировавшими европейские степи и ряд сопредельных с ними регионов.

Начиная от первых упоминаний о гуннах 370-х гг. до эпохи централизации и расцвета их державы во второй четверти V в., в ряде письменных источников упоминаются отряды из зависимого населения, привлекаемые гуннами для крупных военных действий. Такие отряды могли быть набраны и из жителей Прикамья, где к IV в. уже сформировались элитные воинские отряды (см. в: Гавритухин, 2022). Одна из зон их использования, актуальная для времени Тураевских

курганов, – натиск гуннов Баламбера на запад от Дона для разгрома державы Эрманариха, затем и подавления попыток усиления готов, например, при Винитарии (Amm. Marc., XXXI.3.3, 8; Iord. Get., 130, 248–249). Участие камских отрядов в этих акциях, наряду с аланами, объясняет тесные контакты этих групп (см. в параграфе 3.5), как и появление у них вещей причерноморского круга.

Ряд тураевских находок связан с Сасанидским Ираном несомненно или допускает такую атрибуцию. Походы в этом направлении не обязательно связывать именно с акцией 395–396 гг. (Семенов, 2011), тем более что она касалась, главным образом, азиатских провинций Римской империи и поэтому отражена на страницах известных нам письменных источников. Могли быть набеги и только на сасанидские земли в Закавказье или на Среднем Востоке, малоинтересные и/или неизвестные римским и сирийским писателям.

Нет особых сомнений в том, что гунны, как это обычно делали степняки, использовали подчинённые отряды в качестве «пушечного мяса». Поэтому какие-то выходцы из Прикамья могли остаться на полях сражений, не говоря о болезнях и т. п. невзгодах. Часть выживших могла вернуться домой – с таковыми, вероятно, связаны несколько комплексов в Тарасово, содержащие вещи, аналогичные находкам в Тураевских курганах (см. в параграфе 3.2). Другие камские воины, оторвавшись от родных общин, могли составлять ватаги/банды с базой на некотором удалении от сородичей и соседей, грабеж которых стал источником их дохода в периоды, когда дальних походов не было. Судя по всему, такими были люди, похороненные в Тураевских курганах.

Предложенные модели реконструкций вполне могут объяснить все отмеченные исследователями особенности «Тураевского феномена».

Кудашевский I курганно-грунтовый могильник

Памятник расположен на юге Пермского края в Бардымском районе. Некрополь размещается на юго-западной окраине д. Кудаш на невысоком выступе правого берега р. Большая Амзя, левого притока р. Тулвы, левого притока р. Камы, и является одним из объектов комплекса археологических памятников железного века. На противоположной – левой, высокой террасе р. Большая Амзя располагаются четыре городища эпохи раннего железного века, одно из них («Бакинтау») имеет оборонительную систему в виде восьми валов, которые делают мыс практически неприступным местом. Мыс является доминирующей точкой современной местности, и, вероятно, и в древности являлся важной стратегической высотой.

Могильник состоит из курганной и грунтовой частей, где фиксируется два способа захоронения древнего населения: грунтовые могилы под земляными курганами и без насыпей. Площадка грунтовой части памятника относительно ровная, свободная от леса, ранее интенсивно распахивалась (рис. 1), сейчас – задернована и поросла разнотравьем. В смешанном лесу, с преобладанием елей, располагается 5 курганных насыпей.

История изучения памятника. Могильник был открыт в 1989 г. О.А. Казанцевой (Казанцева, 1989). В 1990–1991, 1993–1994, 1999 гг. был исследован курган № 1 и грунтовая часть памятника (Казанцева, 1991; 1994; 1994а; 1995). В 2003 г.

памятник изучался В.А. Бернц (Бернц, Салангин, 2004). С 2004 г. по настоящее время раскопки грунтовой территории могильника продолжаются под руководством первооткрывателя некрополя, проводятся небольшими площадями (Казанцева, Ширококова, 2000; 2005; 2007; Казанцева, 2009; 2016в; 2017в; 2018б; 2021; Казанцева, Ютина, 2011; 2013; 2015).

Общая вскрытая площадь на памятнике составляет 2312 кв. м (352 погребения в грунтовой части), в том числе в курганной нераспаханной части – 263 кв. м, 5 курганов, 8 могил (Казанцева, 2004, с. 132; 2013; 2016а).

Курганная часть. Изучен курган № 1, под насыпью которого зафиксированы остатки кольцевого рва, шесть ритуальных ям, четыре погребения (Казанцева, 2011, с. 252). Земляная насыпь имеет диаметр 12–14 м, современную высоту 1,6 м; это самый высокий курган из числа имеющих на памятнике. Изучение насыпи позволило реконструировать устройство кургана. Сначала совершались захоронения умерших и ритуальные обряды, связанные с моментом погребения. Затем сооружалась насыпь из земли, которую брали из кольцевого рва. Позднее устраивалась погребальная поминальная тризна, о чем свидетельствуют прослойка мощного прокаленного грунта и слой кальцинированных костей в кольцевом рве с остатками костей животных, обломками гли-

Рис. 1. Вид на Кудашевский I могильник с юго-восточной стороны

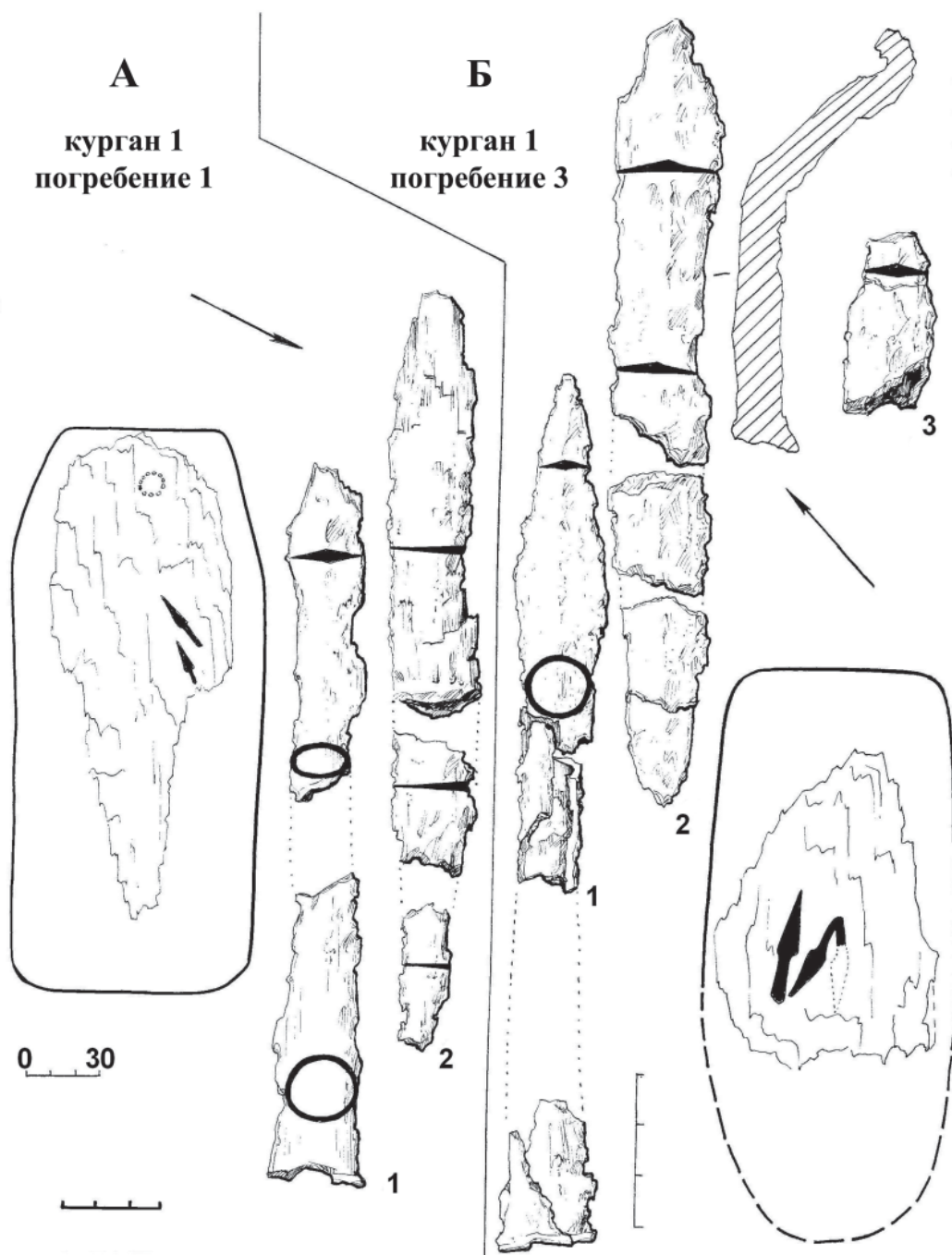

Рис. 2. Кудашевский I могильник.

А – курган 1, погребение 1. 1 – наконечник копья, железо; 2 – нож, железо.

Б – курган 1, погребение 3. 1 – наконечник копья, железо; 2, 3 – коса-горбуша, железо

няных сосудов. Видовой состав млекопитающих был изучен канд. биол. наук О.Г. Богаткиной (г. Казань) и определен как домашняя лошадь, коза, овца и бык, среди которых преобладают лошадь и мелкий рогатый скот (Казанцева, 2004а, с. 23). В восточной части рва найден зольник, каменная кладка на прокаленной овальной площадке; в северо-восточной – слой кальцинированных костей мощностью до 5 см. Ритуальные ямы прямоугольной (2 случая), овальной (1), квадратной (1), круглой (2) формы с одинаковым заполнением

размещались вокруг центрального погребения и не имели находок. Прямоугольные ямы ориентированы в направлении СЗ–ЮВ, что отличает их от направлений могил. Размеры погребений: 110–263×48–119 см, форма прямоугольная (3), овальная (1). Ориентация могил: СВ–ЮЗ (2), ССВ–ЮЮЗ (1), ЗЮЗ–ВСВ (1). Антропологический материал в виде зубов человека отмечен в двух захоронениях.

Все могилы индивидуальные, с инвентарем, по которому выделяются три мужских и одно женское захоронение. В мужских могилах (пп. 1, 3)

(рис. 2) содержались металлические косы-горбуши (рис. 2Б: 2, 3), нож (рис. 2А: 2), наконечники копий (рис. 2А, Б: 1). В женском – п. 2 (рис. 3) – обнаружены стеклянные бусы красного цвета (рис. 3: 5) и янтарные бусы (рис. 3: 3, 4), нагрудник из бисера (рис. 3: 9, рис. 7), бронзовая гривна с ромбическим сечением (рис. 3: 6); бронзовая пряжка полихромного стиля, покрытая позолотой с овальным щитком и перегородками для вставок (рис. 3: 7), фрагмент железного ножа (рис. 3: 8). В центральной части кургана в мужском погребении № 4 были найдены предметы поясной гарнитуры: трехсоставная серебряная пряжка (Бардымский район, 2009, с. 59, фото 2.28) (рис. 4: 4), две золотые плоские круглые накладки с гранатовыми вставками в напаянных гнездах в центре (Казанцева, 2004, с. 135, рис. 3–17; Бардымский район, 2009, с. 59, фото 2.27) (рис. 4: 1, 2), украшенные зернью; две серебряные прямоугольные поясные накладки с расширением в нижней части (Казанцева, 2009, с. 59, фото 2.28) (рис. 4: 6, 7), прямоугольный серебряный наконечник ремня с каменной вставкой (Бардымский район, 2009, с. 59, фото 2.28) (рис. 4: 3); серебряная пряжка с овальным утолщенным спереди кольцом и с овальной пластинкой, орнаментированной в два ряда по внешнему краю сканью и со стеклянной вставкой в центре, окруженная рядом зерни (Бардымский район, 2009, с. 59, фото 2.28) (рис. 4: 5). Отметим, что предметы поясного набора – пряжка из серебра с овальной каменной вставкой и наконечник ремня с прямоугольной вставкой – выполнены в едином художественном стиле (рис. 4: 3, 5). Обнаружены также фрагменты железных пластин от кольчуги и доспеха; фрагмент бронзовой пряжки (рис. 4: 9), серебряная пряжка без язычка (рис. 4: 8), фрагмент бронзовой пряжки (рис. 4: 10, 11), фрагмент деревянной коробочки (рис. 4: 12), фрагмент серебряной накладки со штифтами (рис. 4: 13), фрагменты кольчуги (рис. 4: 14), фрагменты спекшихся с железной кольчугой бронзовых (рис. 4: 15, 16) и железной (рис. 4: 17) пряжек. В центральном захоронении был погребен военачальник. Трехсоставные пряжки из могил кургана имеют заходящий за кольцо язычок, овальное кольцо. Аналогии бронзовым пряжкам без щитка (рис. 4: 11) (тип 9а, по И.Н. Храпунову) имеются в могильнике Нейзац, где датируются IV в. н. э. (Храпунов, 2016, с. 100). Круглые накладки из золота (в центре – гранатовая вставка, по окружности два ряда зерни) обнаружены в поминальном комплексе V – начала VI в. Аржан-Бугузун на Алтае (Кубарев, Слюсаренко, Кубарев, 2009, с. 314). Правда, при морфологическом сходстве предметов есть технические отличия. На изделии из Аржан-Бугузун имеется накладной ободок, который разделяет ряды ша-

риков. Аналогичные круглым кудашевским накладкам (рис. 4: 1, 2) найдены в могиле VIII у с. Новогригорьевки (Засецкая, 1994, табл. 4–4), а также известен аналог серебряной трехсоставной пряжке – из разрушенной могилы у дер. Муслюмово (Засецкая, 1994, табл. 44–4), где датируются концом IV–V в. Серебряные прямоугольные поясные накладки с расширением в нижней части (по В.Ю. Малашеву, тип Н8) в материалах ременных гарнитур позднесарматского времени имеют дату позднего IV в. (Малашев, 2000, с. 210).

Датировка кургана № 1 определена концом IV – первой половиной V в. н. э.

Погребальный обряд грунтовой части. Прослежены четкие 10 рядов могил, погребения ориентированы в основном на СВ–ЮЗ, единичны направления ЮЗ–СВ, ССЗ–ЮЮВ, С–Ю, З–В. Намогильные сооружения фиксируются в профилях ряда погребений в виде вогнутой линзы, что свидетельствует о наличии в древности холмика из земли над погребением. Важным фактом является и то, что на памятнике практически нет нарушений (перекрытий) могильных ям – показатель четкой организации пространства. Вероятно, население, оставившее могильник, имело ограниченную территорию для захоронений и стандарты в погребальном обряде (ориентация и устройство ям) и наборе вещей, сопровождающих умершего. На памятнике преобладают одиночные захоронения, редки парные и групповые. По устройству могилы представляют собой грунтовые ямы прямоугольной формы с закругленными углами.

Параметры могил: длина от 110 до 285 см, ширина от 40 до 156 см, глубина 11 до 130 см. Размеры 1×0,5 м обозначены как детские, таковых на памятнике три.

Антропологический материал имеет неудовлетворительную степень сохранности. По расположению зубов человека можно предполагать положение умершего в могиле головой на ЮЗ. По антропологическим определениям канд. биол. наук Г.В. Рыкушиной (г. Москва), материал из пп. 5, 7, 8 принадлежал мужчинам в возрасте 20–25 лет, вероятно, воинам. В составе сопровождающего инвентаря во всех могилах: железные шлем и меч (п. 5); наконечники копий, топор и удила (п. 7); ножи, наконечники копий (п. 8).

Остеологические материалы памятника представлены зубами лошади, которые были отмечены в трех погребениях.

У древнего населения, оставившего Кудашевский I некрополь, существовали разные традиции положения умерших в могиле: женщины захоронены головой к реке, а мужчины, наоборот, головой от реки. Несмотря на рядовое расположение могил, по ряду общих признаков (размеры, ориен-

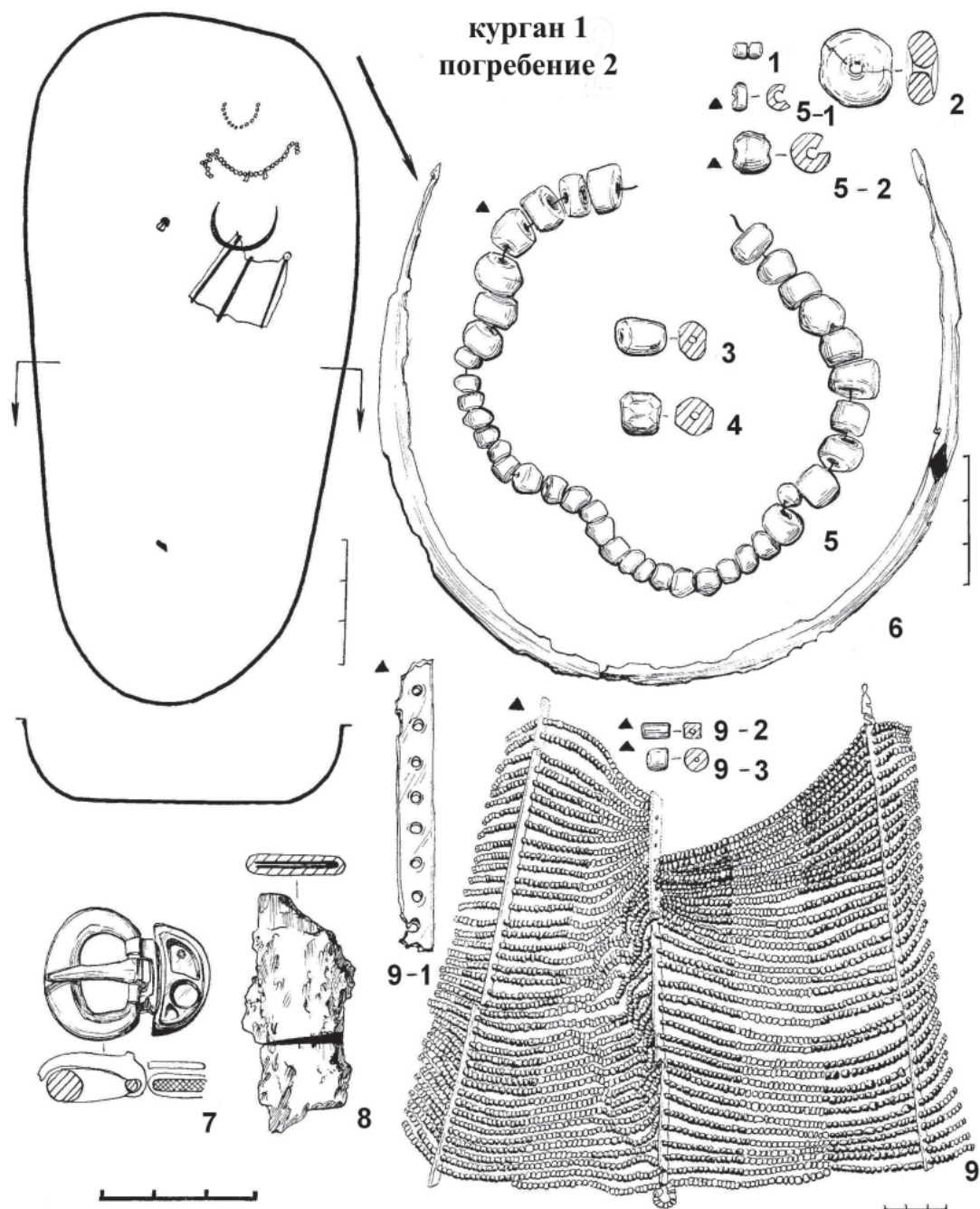

Рис. 3. Кудашевский I могильник. Курган 1. Погребение 2.
 1–5 – бусы, стекло, камень (3, 4 – бусы, янтарь); 6 – гривна, бронза; 7 – пряжка, бронза, позолота;
 8 – нож, железо; 9 – нагрудник, стекло, металл (9: 1 – стержень, бронза; 9: 2, 3 – бисер, стекло)

тация погребений) обряда и вещевого инвентаря на территории памятника отмечена локализация компактных групп погребений.

Умершие уложены по обряду ингумации, также фиксируется кремация (Казанцева, 2022).

В грунтовой части по комплексу признаков (форма и размеры могил, обустройство места умершего) выделено шесть уровней, подразделяющихся на 26 типов погребальных конструкций (рис. 5), которые отражают разные представления людей об устройстве места (Казанцева, Вязников, 2012). Прослеживается тенденция – чем богаче

погребение, тем оно длиннее, шире и глубже, и наоборот, чем беднее могила по инвентарю, тем она меньше размерами. Фиксируются определенные гендерные стандарты в погребальном обряде, что подтвердила корреляция признаков: ориентация могилы по сторонам света, устройство погребальных сооружений, состав вещей, пол умерших, детали погребального обряда, расположение могил на территории памятника (Казанцева, 2014).

Население использовало древесину для сооружения погребальных конструкций: настилы

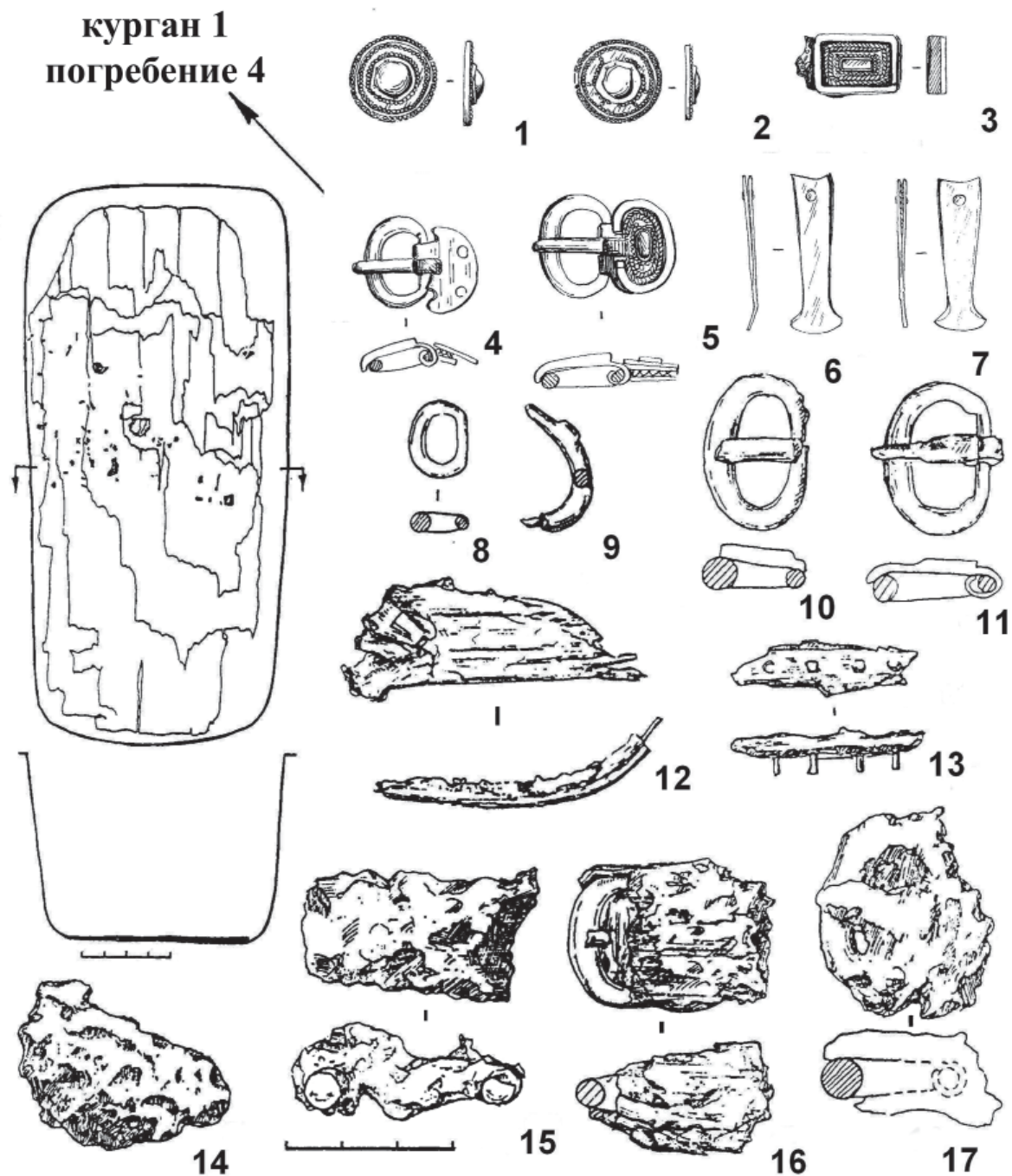

Рис. 4. Кудашевский I могильник. Курган 1. Погребение 4.

1, 2 – накладки, золото, гранаты; 3 – наконечник ремня, серебро, камень; 4, 8 – пряжка, серебро; 5 – пряжка, серебро, камень; 6, 7 – накладки, серебро; 9–11 – пряжки, бронза; 12 – фрагмент коробочки, органика; 13 – накладка, фрагмент, серебро; 14 – кольцо, фрагмент, железо; 15–17 – пряжки, бронза, железо

(рис. 5), гробы, колоды, носилки, единичны массивные плахи – в самых богатых по инвентарю могилах (Казанцева, Вязников, 2012). В 22,1% случаев зафиксированы остатки обугленных внутримогильных конструкций, что свидетельствует о важной роли огня при обряде захоронения (Казанцева, 2022, с. 312).

Охра в погребальном обряде обнаружена в 6% могил и использовалась при обозначении особо значимых деталей, например, рукоятей инстру-

ментов и оружия. Факт окрашивания предметов охрой можно связывать с приданием этим вещам особой силы, «оживления» предмета в загробном мире.

В грунтовой части памятника найдены 36 ям прямоугольной и круглой формы. Находок в ямах нет, заполнение одинаковое, но их содержание отличается от погребений. Анализ размещения ям на территории могильника позволяет говорить о том, что в пространстве памятника существовали

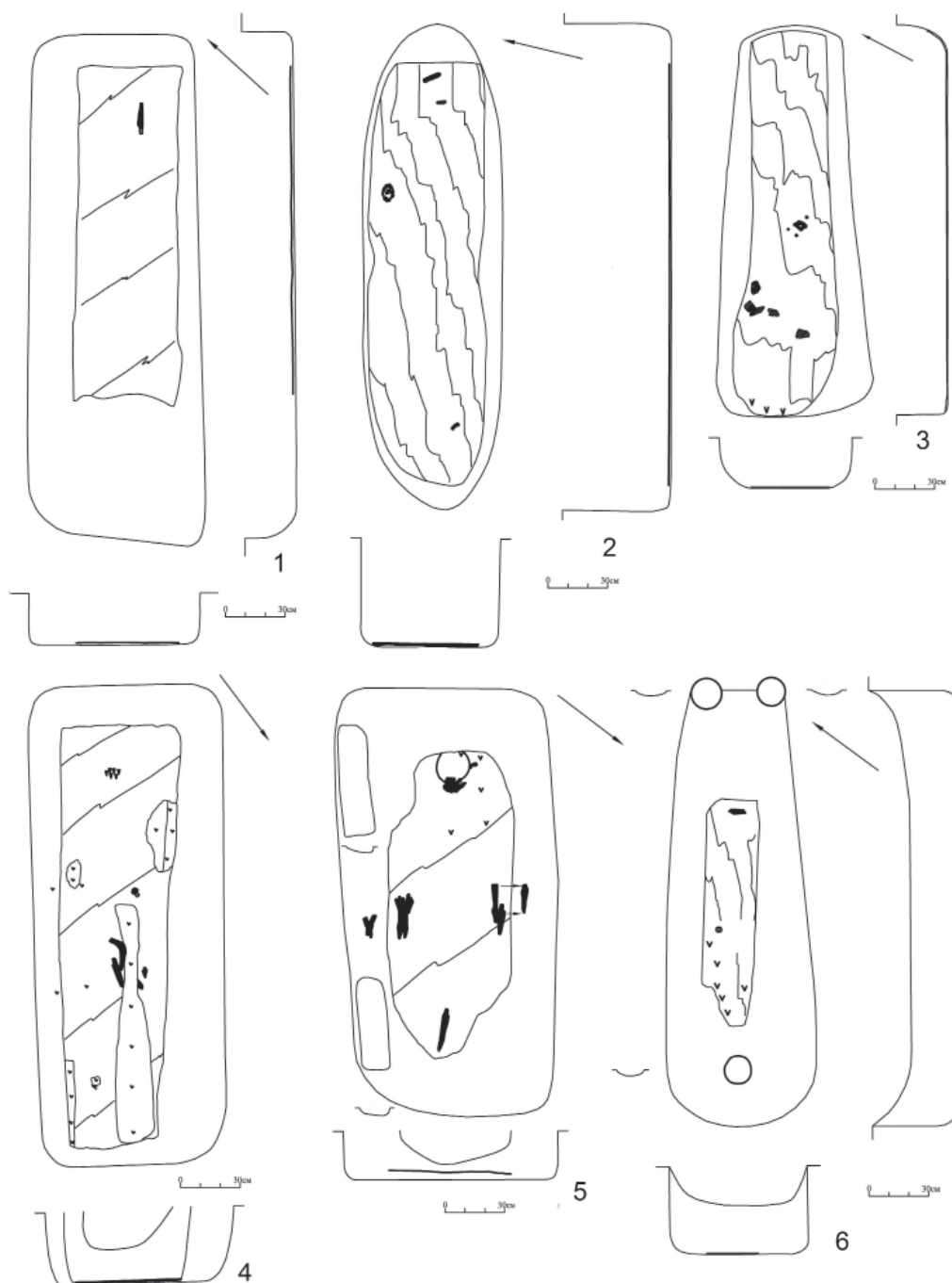

Рис. 5. Кудашевский I могильник.

Основные типы настила в погребальных конструкциях грунтовой части.
 1 – тип I (п. 112); 2 – тип X (п. 275); 3 – тип XI (п. 265); 4 – тип XIII (п. 169);
 5 – тип XXI (п. 174); 6 – тип XXVI (п. 278)

специальные площадки для отправления культовых действий.

Важными деталями погребального обряда являются порча инвентаря (загнутые острия наконечников копий, ножей; разогнутые браслеты и гривна); речные окатанные гальки в засыпи могил; фрагменты зубов лошади в погребении. В п. 586 могильника Нейзац отмечена «куча из 86 мелких полированных камней» (Храпунов, Казанский, 2016а, с. 195). Речные мелкие гальки, сложенные

в виде «пирамиды», отмечены в п. 329 Кудашевского I могильника. Ритуал порчи предметов зафиксирован в погребальном обряде населения Среднего Прикамья (Казанцева, 2018в). Аналогии этому явлению встречены и на других территориях. В Башкирии в Югомашевском могильнике (п. 10) найдена гривна со следами деформации в комплексе предметов V в. (Останина, 1997, с. 281, рис. 35–4). Порча вещей в погребальном обряде отмечена у сарматского и албано-сарматского на-

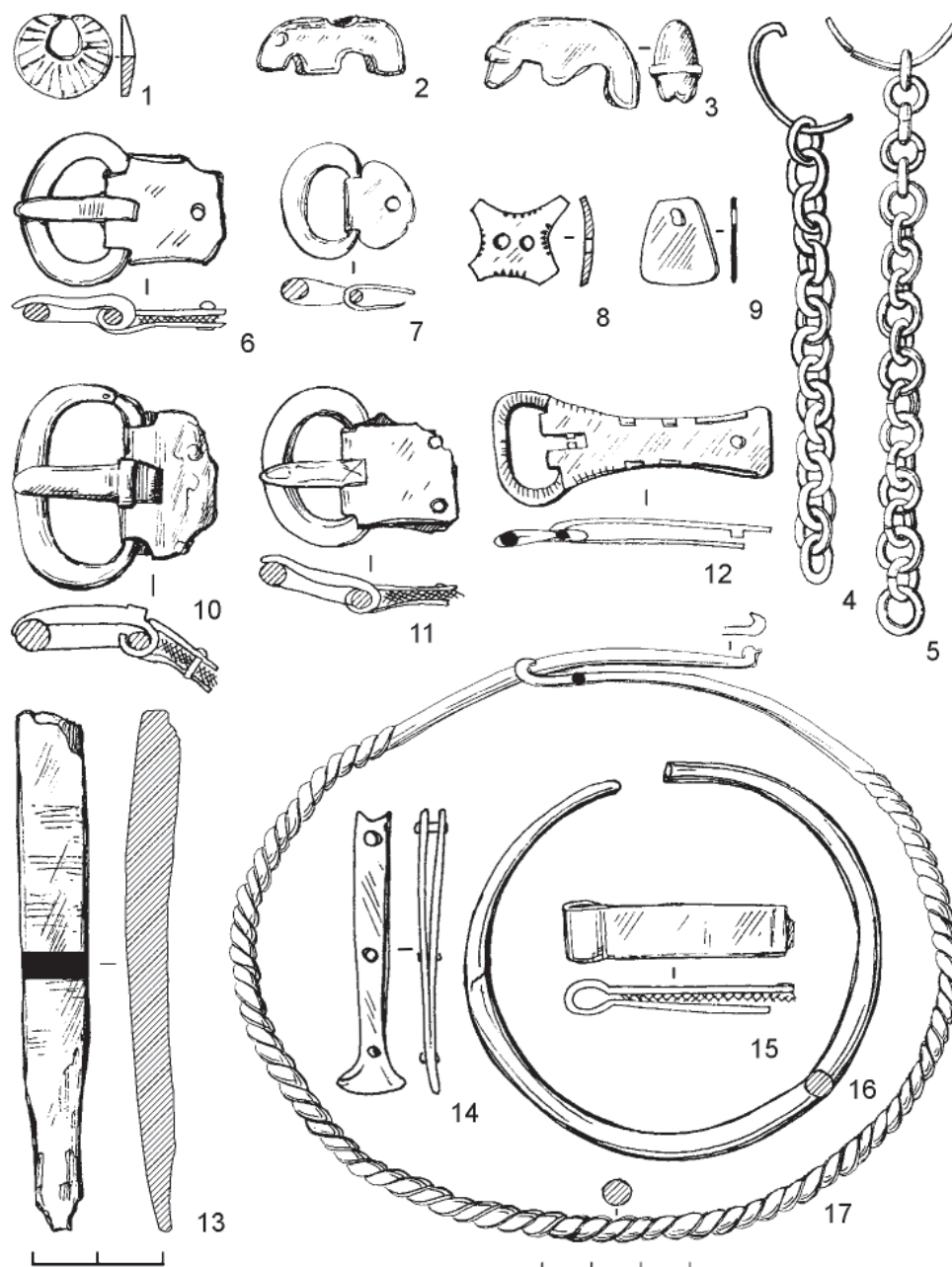

Рис. 6. Кудашевский I могильник. Вещи из погребений грунтовой части.

1 – подвеска (п. 109); 2, 3 – пронизка-медведь (п. 109); 4, 5 – подвески-цепочки (п. 213); 6, 11 – пряжка (п. 160); 7 – пряжка (п. 9); 8 – накладка (п. 33); 9 – подвеска (п. 211); 10, 12 – пряжка (п. 8); 13 – слиток (п. 105); 14 – накладка (п. 6); 15 – наконечник ремня (п. 222); 16 – браслет (п. 109); 17 – гривна (п. 191).
1–12, 14–17 – бронза; 13 – оловянно-свинцовый сплав

селения в Дагестане (Бакушев, 2005), у кочевников (Бейсенов, Джумабекова, 2017).

Вещевой комплекс почти всегда сопровождает умерших (рис. 6), но в 9,3% погребений инвентаря нет. Погребения с жертвенными комплексами составляют 10% от общего числа могил, при этом в одном захоронении их может быть от одного до трех. В комплексы входят металлические украшения, бусы, предметы быта. Вещи располагались в берестяной коробочке, глиняном сосуде в одном из концов могилы. В зависимости от расположе-

ния могилы на памятнике наборы были разные и содержали бисер, бронзовые подвески-цепочки (рис. 6: 4, 5) и подвески-бубенчики или бисер, халцедоновую бусину и бронзовые вещи: гривну (рис. 6: 17), цепочку, пронизки-медведи (рис. 6: 2, 3) и/или железное шило (Казанцева, 2016).

Предметы вооружения обнаружены в третьей части всех могил, представлены защитным и наступательным оружием (Казанцева, 2017б). Значительна коллекция защитных индивидуальных доспехов: шлемы (10 экз.), кольчуги (рис. 8: 4),

Рис. 7. Кудашевский I могильник. Курган 1. Погр. 2. Наборное украшение из бисера, стекло, бронза.

доспехи (2 экз.). Все шлемы имели определенный стандарт: высота до 17 см, диаметр обруча 19–21 см, полусферическая форма купола, за исключением одного – каркасного (рис. 8: 3). Исследователи датируют такие шлемы второй половиной II – первой половиной III вв., но, возможно, в Прикамье они использовались и позже (Бажан, Гей, 1992). Со шлемами найдены бармицы. Обнаружен редкий для Прикамья предмет защитного вооружения – панцирь ламеллярного типа (доспех), состоящий из вертикальных наборных пластин (Казанцева, Нагиев, 2017, с. 81, рис. 4). Железные мечи (13 экз.) имеют обоюдоострые клинки (рис. 8: 1, 2, 5), линзовидное сечение, длину от 55 до 100 см (Казанцева, 2004а, с. 83, рис. 8: 21), рукояти мечей в пределах 30–37 см (Казанцева, Нагиев, 2017, с. 78, с. 79, рис. 3: 22). Практически у всех мечей отсутствует острие. Рукояти оформлены халцедоновым диском (пп. 8, 34, 160) (рис. 8: 5), «рюмкообразным» серебряным навершием (пп. 6, 10) (рис. 8: 2). С мечами в паре встречены боевые ножи. Наконечники стрел – трехлопастные и листовидные черешковые (рис. 9: 1–4). Почти всегда со стрелами обнаружены колчанские крючки (Казанцева, 2004, с. 136, рис. 3–12). Наконечники копий и дротиков втульчатые, имеют листовидную форму пера и являются часто встречающейся находкой, как и в коллекциях других памятников Прикамья (рис. 9: 5, 6). Оригинален умбон рукояти (рис. 10), украшенный вставками граната и треугольниками из зерни (Быкова, Казанцева, 2012, с. 101, рис. 1–14). Аналогия ему имеется в древностях Алтая и Западной Сибири, где датируется IV–V вв. н. э. (Уманский, 1978).

В арсенал воинов входили боевые топоры-мотыги (рис. 9: 9), железные серпы (рис. 9: 8) (Казанцева, 2004, с. 136, рис. 3–10), косы-горбуши

(рис. 9: 7) (Казанцева, 2017а). Серпы имели рукоять, отогнутую под углом к лезвию, подобная морфология предметов имела римское происхождение (Вознесенская, Левада, 1999, с. 262). Стандартного набора вооружения в комплексах памятника не прослеживается. Но в ряде статусных по инвентарю погребений отмечены предметы защитного и наступательного оружия: шлем, меч и нож (п. 5); шлем, копье, нож, кольчуга, панцирь (п. 6); шлем, меч, топор, копье, нож (п. 7); шлем (рис. 8: 3), меч (рис. 8: 5), доспех, нож (п. 160) (Казанцева, Нагиев, 2017).

Глиняные сосуды встречены в межпогребальном пространстве и в могилах памятника (рис. 11). В погребении их количество составляет от одного до двух (Казанцева, 2007а). Лепная посуда найдена в 6% от общего числа могил некрополя. Посуда обнаружена в курганной насыпи в виде отдельных фрагментов, в грунтовой части в полной форме отмечена в могилах и на участках. В рамках историко-культурного подхода к исследованию гончарства сосуды были изучены с применением морфологического, технико-технологического, химического анализов (Казанцева, 1996). Погребения с сосудами не имеют различий с другими могилами по размерам, ориентации. Выявлена закономерность – в каждом ряду погребений есть могила с глиняной посудой. Сосуд размещался в женских (по инвентарю) могилах в изголовье или в ногах. В могилах с посудой содержались предметы вооружения, быта и украшения. Внутри сосуда могли располагаться бисер, украшения, нож. Выделено три категории сосудов: миска (рис. 11: 5), блюдо (рис. 11: 4) и подражания им (рис. 11: 1–3, 6). Изучение поколенческих особенностей мастеров позволяет утверждать, что подражания принадлежат гончарам старшего и среднего поколений, а миска и блюдо – среднему или младшему. Небольшие размеры сосудов, вероятно, свидетельствуют о том, что они были сделаны для ритуальных целей. Так, к одному сосуду наклеплены два держателя с отверстиями для продевания шнура (рис. 11: 5). Узор состоит из насечек по краю, в другом случае – насечек по краю и трех горизонтальных рядов вдавлений круглой формы, остальная керамика без орнамента. Мастера, изготовившие посуду, имели опыт использования в качестве сырья речных илов наряду с применением природной красной глины. Исследование качественного состава формовочных масс позволило выделить простой рецепт: глина + птичий помет и два сложных: глина + кальцинированная кость + растительность, глина + шамот + растительность. Включение в формовочные массы кальцинированных костей животных известно, например, по материалам раннеславянских археологических

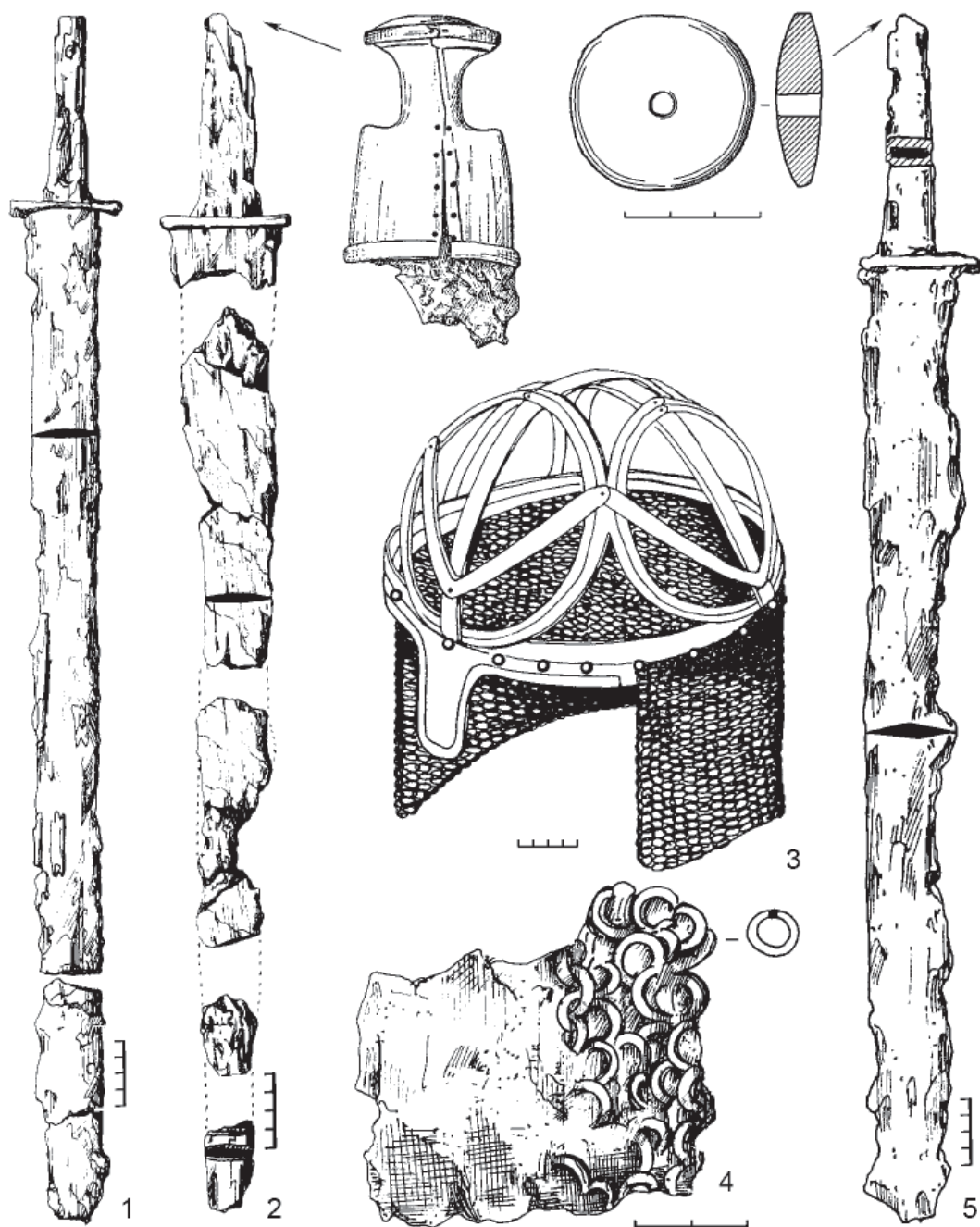

Рис. 8. Кудашевский I могильник. Предметы вооружения из погребений грунтовой части. 1, 2 – меч (п. 16, п. 6); 3 – реконструкция шлема (п. 160); 4 – предмет кольчужного плетения (п. 328); 5 – меч (п. 160). 1, 3, 4 – железо; 2 – железо, серебро; 5 – железо, халцедон

объектов типа Корчак (Бобринский, 1978, с. 90). Сложные рецепты, вероятнее всего, отражение неоднородного состава населения, оставившего памятник. Сосуды выполнены в рамках налепной технологии. Структуру организации гончарного производства можно охарактеризовать как сложную.

Орудия труда представлены железными шильями, косами-горбушами, ножами (Казанцева, 2004, с. 136, рис. 3–3, 4, 8–11, 13–14). Шилья часто встречаются в жертвенных комплексах и соотносят-

ся с женскими погребениями. Ножи в основном находятся в мужских, но есть и в женских могилах. При обработке дерева кроме топоров (рис. 9: 9) и ножей население могильника использовало и специализированный инструмент – стамеску (клюкарза) (Казанцева, 2016б). Следы боковой и торцевой подработки погребальной деревянной крышки, вероятно, топором, отмечены в п. 349.

В настоящее время Кудашевский I могильник – единственный памятник в Прикамье, в материалах которого содержится более 70 экз. металлических

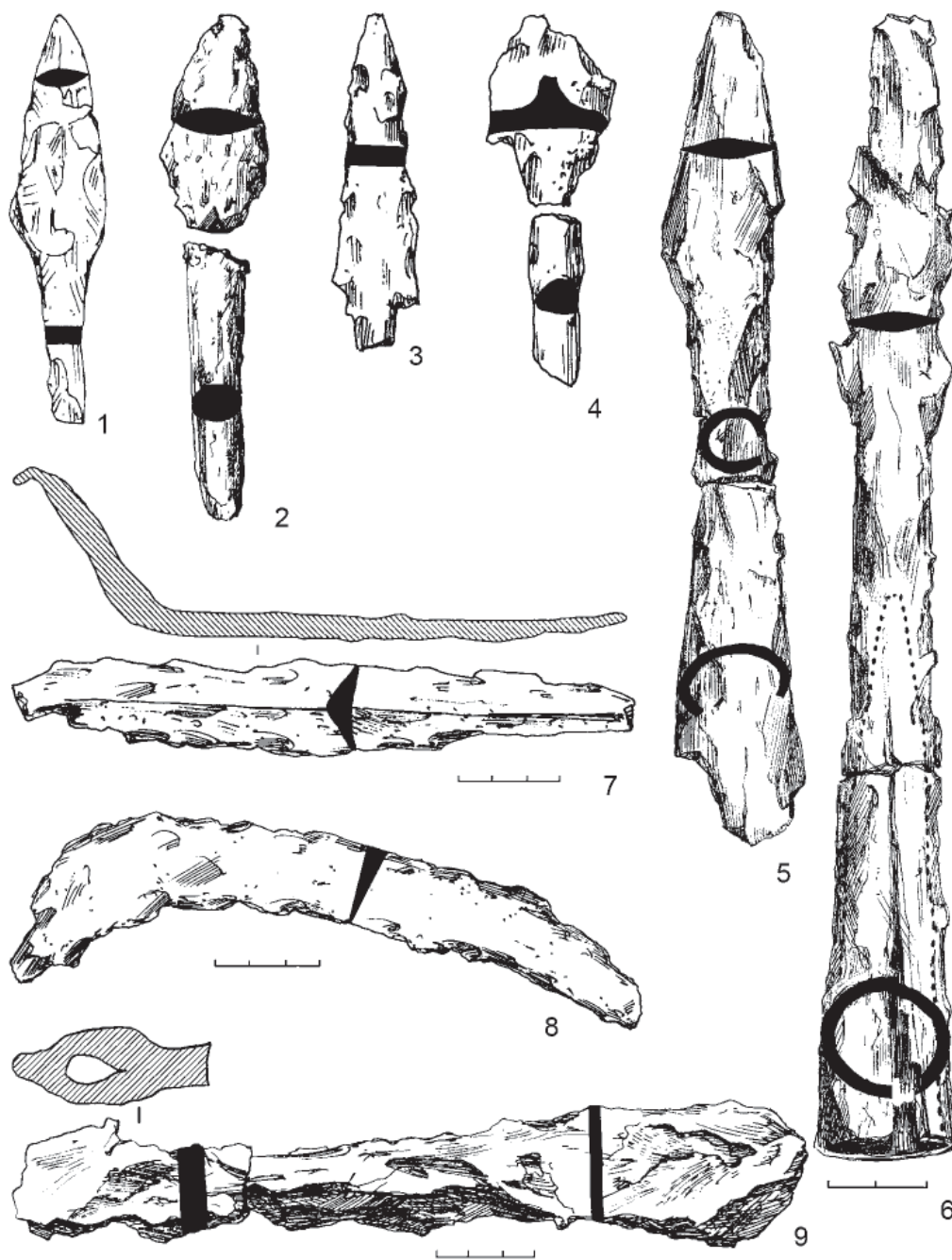

Рис. 9. Кудашевский I могильник. Вещи из погребений грунтовой части.
1–4 – наконечники стрел (п.п. 257, 15, 293, 328); 5, 6 – наконечники копий (п. 217); 7 – коса-горбуша (п. 160);
8 – серп (п. 272); 9 – топор (п. 25). 1–9 – железо

кос-горбуш (рис. 9: 7), которым было посвящено отдельное исследование (Казанцева, 2017а). По нашему мнению, предмет является многофункциональным инструментом, обладающим вращательным действием – это его основное свойство. Спектр его применения был обширен: для заготовки лекарственных растений (для извлечения из земли корней); как инструмент для выполнения разнообразных процедур: для обмолота семян, срезания травы для заготовки корма животным. Косить таким инструментом было удобно между

деревьями, он не был громоздким, что позволяло человеку мобильно передвигаться (Руденко, 2006, с. 100, рис. 68; с. 101). В строительстве – как инструмент для сооружения временных укрытий и заготовки топлива. В военном деле – как опора для преодоления высоких препятствий, для подъема на мысы. Вероятно, этот предмет не являлся профессиональным оружием, им мог пользоваться любой человек. Косы-горбуши могли применять при изъятии дикого меда – чтобы срезать мед (Казанцева, 2017а). Так, пчеловоды д. Кудаш

Рис. 10. Кудашевский I могильник. Грунтовая часть. Навершие рукояти меча, золото, камень (п. 314).

объясняли, что у них есть «такой же инструмент, но с другим сечением рабочей части». Представляется, что коса-горбуша – это универсальный многофункциональный инструмент для повседневной деятельности, который с успехом использовался древним населением в процессе освоения лесной зоны Прикамья.

Оригинальны наборные украшения из стеклянного бисера. В курганной части в женском погребении найден полихромный нагрудник (Казанцева, 2004а, с. 86, рис. 11) (рис. 7), а в грунтовых могилах – ожерелья (рис. 12) и пояса (Казанцева, 2006; 2014а; 2016а). Изделия из минералов являлись составной частью украшений человека, его костюма (оружие, поясная гарнитура) и представлены: бусами и подвесками в ожерельях, вставками в перстень, халцедоновыми дисками к рукояткам мечей, вставками на предметах поясной гарнитуры (Казанцева, 2010; Быкова, Казанцева, 2012). Статистически преобладают предметы из халцедона, реже встречаются предметы из янтаря, горного хрусталя и сердолика, единичны изделия из медового оникса и вещи со вставками граната. Накладки со вставками граната обнаружены и в курганной, и в грунтовой части памятника. Предметы представлены бусами (87,3%), подвесками разной формы из шейных наборных украшений (4,6%), дисками – навершиями рукоятей мечей (5,3%) и вставками на предметах поясной гарнитуры (2,8%): пряжках, накладках, наконечниках ремней. Погребения с предметами из минералов не выделяются на фоне других могил, но в ряде случаев вещи найдены среди инвентаря важных персон. В 3,4% могил изделия из минералов находятся в жертвенных комплексах и представлены бусами из халцедона, реже горного хрусталя и янтаря (Быкова, Казанцева, 2012).

Отметим уникальную коллекцию предметов полихромного стиля (Казанцева, 2007; 2010; Быкова, Казанцева, 2012). Изделия данного стиля в кургане № 1 встречены в п. 1, в грунтовой части памятника найдены в мужских захоронениях с воинским снаряжением (пп. 29, 314) и представлены золотыми и серебряными изделиями поясной гарнитуры, навершием рукояти меча (Казанцева, 2004, с. 135, рис. 2–27; 2014а). Пряжка и наконечник ремня из п. 29 выполнены в технике перегородчатой инкрустации. Для могильников Среднего Прикамья, где расположен Кудашевский I некрополь, не характерно как «обилие» вещей полихромного стиля, так и разнообразие камней (гранат, сердолик, горный хрусталь), используемых в предметах, а отмечены лишь единичные находки, например, в Тураевском I – подвеска с гранатовой круглой вставкой из п. 106 (Голдина, Бернц, 2010, с. 123; с. 399, табл. 213–13). Аналогии предметам полихромного стиля Кудашевского I некрополя содержатся в материалах крымских древностей позднеантичных памятников Северного Причерноморья – могильнике Нейзац (Храпунов, Казанский, 2016), древностях евразийских степей – курганной группе Гремячая, дата погребения – середина – втор. пол. III в. н. э. (Демиденко, 2010), где датируются в комплексах не позже V в. н. э.

Многочисленные предметы из бронзы: фибулы (Казанцева, 2004, с. 135, рис. 2–26), пряжки (рис. 6: 6, 7, 10–12), подвески (рис. 6: 1, 9), пронизки (рис. 6: 2, 3), подвески-цепочки (рис. 6: 4, 5), накладки (рис. 6: 8, 14), наконечники ремня (рис. 6: 15), браслеты (рис. 6: 16), гривны (рис. 6: 17) (Казанцева, 2004, с. 135, рис. 2–26, 28; Казанцева, 2018а, с. 67, рис. 1, 2) аналогичны для материалов могильников Среднего Прикамья и Башкирского Приуралья (Останина, 1997, с. 281, рис. 35). Бусы из халцедона эллипсоидной формы поступали из Среднего Подунавья к сарматам (Мастыкова, 2001, с. 23–24), возможно, от восточных сармат бусы попадают в Среднее Прикамье. Янтарные грибовидные бусы-подвески – атрибут европейской моды IV в. н. э. (Мастыкова, 1999, с. 176). В Среднее Прикамье такие бусы-подвески попали, вероятно, через Крым или сарматский мир. На территорию Северного Кавказа такие подвески попадают от восточных германцев, с территории черняховской культуры, возможно, через донских алано-сармат (Мастыкова, 1999, с. 176).

Любопытны находки бронзовых дротов – своеобразных денег, которые, по мнению А.Г. Мухамадиева (г. Казань), следует связывать с появлением в Приуралье гуннов (Мухамадиев, 1990, с. 21). Изучение металла слитков позволило сделать вывод о том, что материал слитка-дрота из

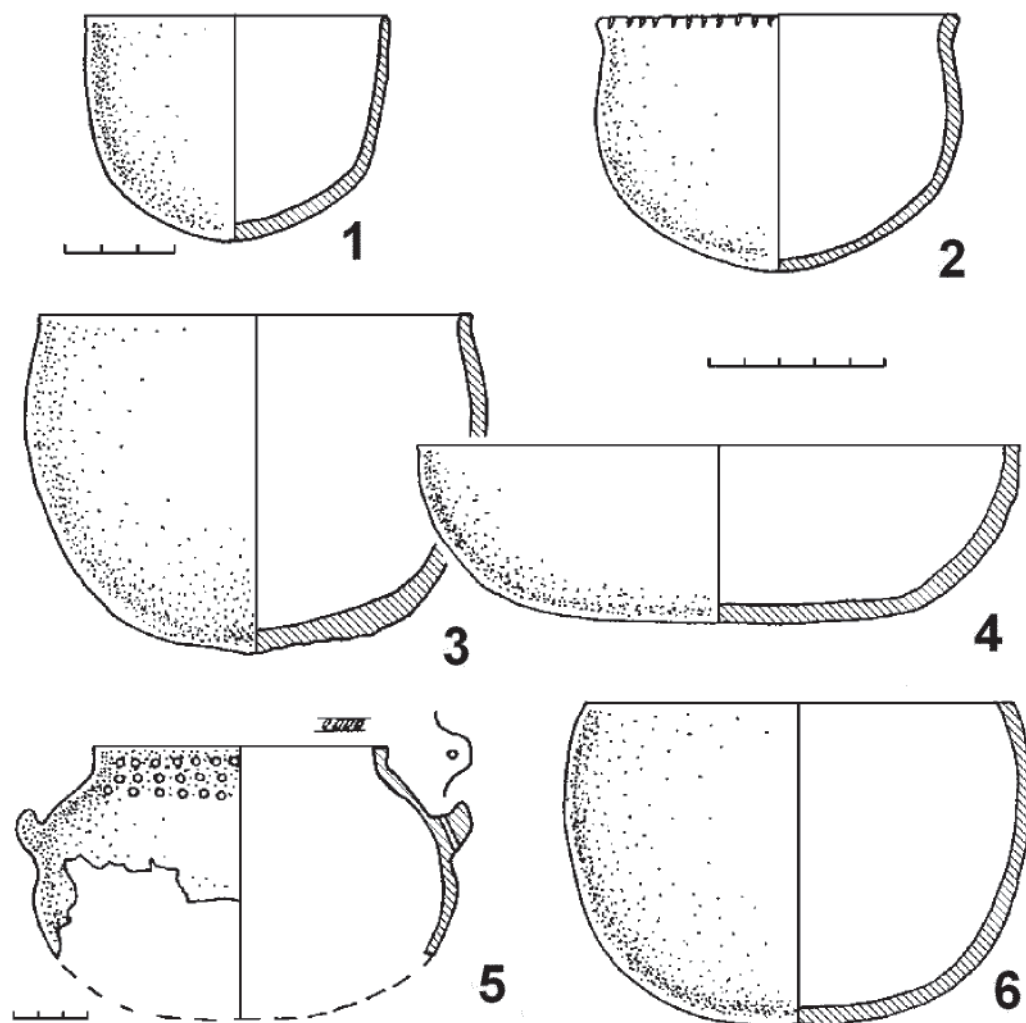

Рис. 11. Кудашевский I могильник. Лепная глиняная посуда из погребений грунтовой части.
1 – п. 127; 2 – п. 83; 3 – п. 120; 4 – п. 81; 5 – п. 14; 6 – п. 222

п. 14 (Казанцева, 2004, с. 135, рис. 2–29) – классическая латунь, а для предмета из п. 105 (рис. 6: 13) – оловянно-свинцовый сплав (Казанцева, 2015; Казанцева, Перевошиков, Сабирова, 2015).

Предварительная хронологическая оценка вещевых комплексов могильника охватывает период III–V вв. н. э. В пользу комплексов III в. н. э. свидетельствуют трапециевидные подвески, которые датируются в женских захоронениях, например, Тарасовского могильника довольно широко – III–V вв. (Голдина, Бернц, 2017, с. 64, рис. 10–81), в Красноярском I могильнике такие подвески входят в смежную группу III–IV вв. (Казанцева, 2012, с. 48). Представляет интерес в качестве ранней находки бронзовая пряжка (рис. 6: 12) с овальной рамкой уплощенного сечения, украшенной насечками, прямоугольным зауженным в центре щитком (без язычка). Аналогии ей встречены в погребениях второй пол. III в. н. э. Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2017, с. 52, рис.

3–15). По морфологии (форма и сечение язычка, размер предметов) пряжек аналогии бронзовым пряжкам (рис. 6: 6, 10, 11) памятника имеются в могильниках Среднего Прикамья (Покровский), северной Башкирии (Бирский, Югомашевский, Старокабановский), где датируются IV–V вв. н. э. (Останина, 1997, с. 275, рис. 29–25; с. 279, рис. 33–3; с. 280, рис. 34–15). Аналогия пряжке, расположенной с мечом в п. 354, найдена в кургане V Тураевского могильника в Татарии (Генинг, 1976, с. 72, с. 99, рис. 30–4), автор датирует курган второй четвертью V в. (с. 108). Поясная накладка с расширенным концом (рис. 6: 14) из п. 6 находит аналогии в мужских могилах Тарасовского могильника, где имеет дату третьей четверти IV в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, с. 45, рис. 9–81). Бронзовые пронизки-«медведи» (рис. 6: 2, 3), найденные в Кудашевском I могильнике, имеют дату V в. в комплексах Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2017, с. 62, рис. 9–64). В материалах

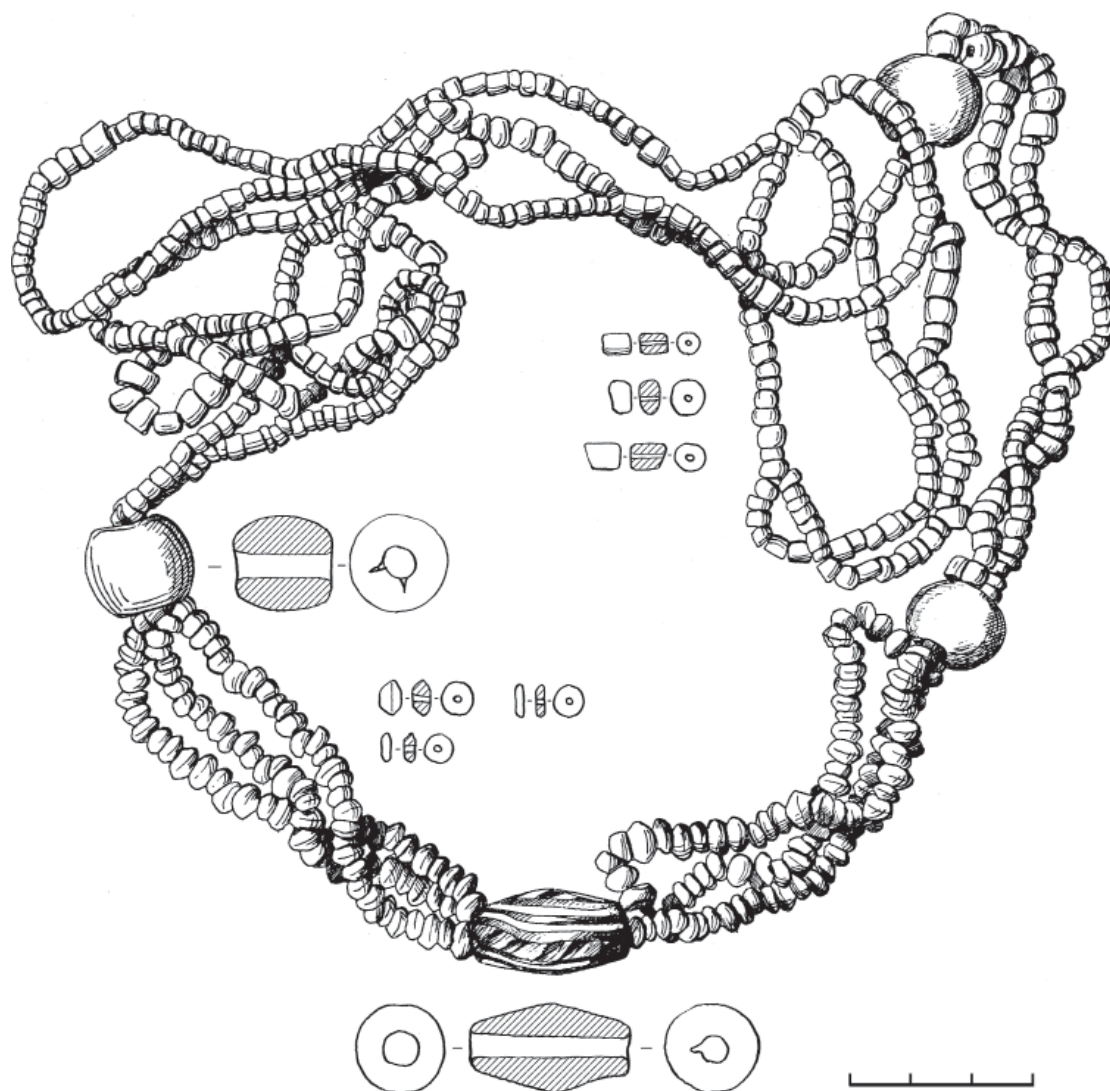

Рис. 12. Кудашевский I могильник. Грунтовая часть. Ожерелье из бус, стекло, камень (п. 322)

Красноярского I могильника подобные изделия датируются IV–V вв. н. э. (Казанцева, 2012, с. 49).

Изучение гривен позволяет отметить, что в III–IV вв. н. э. гривны круглого сечения входили в жертвенные комплексы с бисером и бронзовой цепочкой и/или мелкими орудиями труда (Казанцева, 2016, с. 61). Заметим, что в комплексах с гривнами содержатся халцедоновые бусы, что совпадает с притоком в III–IV вв. н. э. этих бус в Прикамье. В IV–V вв. н. э. гривны ромбического сечения и витые входят в наборы, состоящие из бронзовых пронизок-«медведей», в основе которых бисер красно-печеночного цвета, бронзовая цепочка и халцедоновая бусина. Граненые гривны с замком в комплексах датируются V в. н. э. (Голдина, Бернц, 2010, с. 441, табл. 265–55). Отметим, что на памятнике изделия III–IV вв. выполнены из бронзового дрота, круглого в сечении, а в конце IV–V в. н. э. – из дрота, ромбического в сечении, не только из бронзы, но и серебра. Гривны, витые из дротов, встречены в Кудашевском I

могильнике в составе жертвенных комплексов: так, в п. 191 она найдена с халцедоновой бусиной, бронзовой трехсоставной пряжкой, двумя золотыми калачиковидными подвесками с гроздевидными привесками (Бардымский район, 2009, с. 58, фото 2.23), датируемыми V в.

Вещевой комплекс и погребальный обряд могильника исследуются в рамках междисциплинарного подхода к изучению артефактов (Казанцева, 2014; 2015; 2016; 2017; 2017а; 2018а; Казанцева, Перевошиков, Сабирова, 2015; Казанцева, Нагиев, 2017), что перспективно для выяснения общих черт и локальных особенностей материалов памятника с комплексами могильников середины I тыс. н. э. в Приуралье.

Население, оставившее Кудашевский I могильник, было неоднородно по своему составу и представляло собой древние местные финно-пермские племена, контактировавшие с пришедшими на территорию Среднего Прикамья группами. Пришлый компонент прослеживается в традиции кур-

ганного способа захоронения – черты, не характерной для погребального обряда финно-угров. Биобрядность захоронения умерших, разные конструкции устройства могил в грунтовой части отражают элементы проявления погребальных традиций разных этнических групп населения. Грунтовые ямы, охра, жертвенные комплексы в могилах – черты обряда финно-пермского населения. Важно обратить внимание на восточно-германские элементы погребального инвентаря, которые, возможно, стали доступны для прикамского населения через готов (мечи, шлемы, топоры-мотыги, боевые серпы). Влияние степного населения – поздних сармат – прослеживается в предметах вооружения, например, в оформлении рукоятей мечей и нагрудных украшениях. Импортные вещи (бусы из янтаря и халцедона, подвески) памятника являются общей европейской тенденцией развития материальной культуры населения.

Отметим, что в коллекции оружия памятника, по сравнению с комплексами снаряжения воинов Прикамья, преобладают предметы индивидуального защитного вооружения. На памятнике 30% из всех могил содержат оружие, что соотносится с экипировкой воинов-профессионалов. Найдена половина статусных для воинов предметов – шлемов, известных в Камско-Вятском бассейне в середине I тыс. н. э. Их носители, вероятно, составляли военную верхушку общества. При этом 30% могил содержат жертвенные комплексы, атрибут

автохтонного населения (осинский вариант гляденовской культуры, по В.Ф. Генингу). Эти факты свидетельствуют о том, что памятник связан не только с местным финно-пермским этносом, но и с гунно-сарматским миром. Не обсуждая в статье проблемы влияния гуннов на лесной мир Прикамья, предполагаем, что это могли быть как европейские, так и азиатские гунны (Казаков, 2018). Аргументом данного положения является разный стиль полихромных изделий и оформление предметов вооружения, состав инвентаря и устройство могил, в которых они были найдены. Расположение могильника в контактной зоне удмуртского и пермского Прикамья, этнокультурная ситуация в середине I тыс. н. э., разнообразные связи населения придают своеобразие некрополю по сравнению с могильниками пермского Прикамья: Верхний Ирьяк (III–IV вв.), Мокинский (IV–V вв.) (Мельничук, Оборин, Соболева, 1989; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011). Представляется, что грунтовая часть памятника принадлежала финно-пермскому населению (III–V вв.), а курганная связана с населением, смешанным в этническом плане (Казанцева, 2017б). Значение материалов Кудашевского I могильника как источника для изучения этнической истории, материальной и духовной культуры населения в середине I тыс. н. э. в Приуралье очевидно, как и важность дальнейших раскопок уникального в своем роде памятника.

ГЛАВА 4

ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Памятники III–V вв. бассейна р. Вятки

История изучения. Первые сведения о вятских памятниках первой пол. I тыс. н. э. относятся ко второй пол. XIX в. Это раскопки С.К. Кузнецовым (1877, 1881 гг.) могильника «Атамановы Кости». В 1887–1888 гг. А.А. Спицын, П.А. Пonomарев, обследуя группу вятских укрепленных поселений, провели небольшие раскопки Буйского и Аргыжского городищ, наиболее изученных на сегодня памятников, имеющих культурный слой III–V вв. В первой пол. XX столетия объем информации о вятских памятниках III–V вв. возрастает. Этому способствовали раскопки М.Г. Худяковым Воробьевского и Вичмарского могильников в 1927 г. Значительные археологические разведочные исследования в бассейне р. Вятки проводятся отрядами Комплексной экспедиции Антропологического Института МГУ в 1928–1931 гг.: получены новые материалы с Буйского, Аргыжского городищ (М.В. Талицкий, А.В. Збруева), продолжены раскопки Вичмарского могильника (Е.И. Горюнова). Объективная возможность к расширению полевых исследований вятских памятников, прерванных войной, возникает в середине 50-х гг. XX в., особенно в связи с образованием местных научных центров и экспедиций. В 1954 г. создана Удмуртская археологическая экспедиция под руководством В.Ф. Генинга. В 1955 г. им были раскопаны Азелинский, Суворовский могильники, значительная часть площадки Буйского городища. Полученные уникальные погребальные комплексы позволили В.Ф. Генингу объединить все известные к тому времени вятские материалы середины I тыс. н. э. в рамках самостоятельной азелинской культуры III–V вв. (Генинг, 1958, 1963). В 1956 г. была образована Марийская археологическая экспедиция, проводившая исследования в Вятско-Ветлужском междуречье. В рамках ее деятельности В.Е. Стоянов в 1959 г. осуществил раскопки части вала Аргыжского городища. Наиболее широкий размах полевые исследования вятских памятников приобретают в 70–90-е годы. Активная роль принадлежала Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета под руководством Р.Д. Голдиной. Одним из результатов работ КВАЭ на Вятке было открытие и исследование 4 новых могильников

первой пол. I тыс. н. э.: Худяковского (Г.Н. Ключева, Л.Д. Макаров, Р.Д. Голдина), Первомайского (Л.Д. Макаров, Р.Д. Голдина), Ошкинского, Кордон (Н.А. Лещинская); раскопки Аргыжского городища (Е.М. Черных, В.В. Ванчиков). Выявленный корпус источников позволил по-новому взглянуть на многие вопросы вятской истории I тыс. н. э. Уникальные материалы были получены при исследовании Тюм-Тюмского могильника в 1970–1975, 1979 гг. Вятской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством С.В. Ошибкиной. В 1976–1981 гг. специалистами ИЯЛИ Коми филиала АН СССР (Л.И. Ашихмина) и Удмуртского государственного университета (Н.И. Шутова) полностью изучено многослойное Буйское городище. В результате усилиями не одного поколения исследователей собрана база источников, позволяющая выдвинуть предположения об истоках, хронологии, особенностях материальной, духовной культуры населения бассейна р. Вятки в первой пол. I тыс. н. э.

В научном сообществе по культурной атрибутике вятских памятников III–V вв. сложились в основном две традиции. Первая развивает идею В.Ф. Генинга о смещении части чегандинского населения из Камско-Бельского междуречья на территорию вниз по Каме, вплоть до Волги и на Вятку и оформлении здесь в III–V вв. азелинской археологической культуры. Эта точка зрения поддерживалась Б.Б. Агеевым (Агеев, 1992), А.Х. Халиковым (Халиков, 1992), П.Н. Старостинным (Старостин, 1990; 1997; 2001), позиционируется в работах казанских и марийских исследователей. Вторая традиция восходит к мнению М.Г. Худякова (Худяков, 1933), А.П. Смирнова (Смирнов, 1964), рассматривающих памятники азелинского типа поздним этапом пьяноборской культуры. Это положение поддержано и обосновано Р.Д. Голдиной (Голдина, 1987а, 1999). Древности первой пол. I тыс. н. э. на Вятке объединены Р.Д. Голдиной в худяковскую археологическую культуру – вятский локальный вариант пьяноборской культурно-исторической общности с истоками в местной ананьинско-раннепьяноборской среде. Памятники III–V вв. составляют вторую «азелинскую» стадию развития худяковской

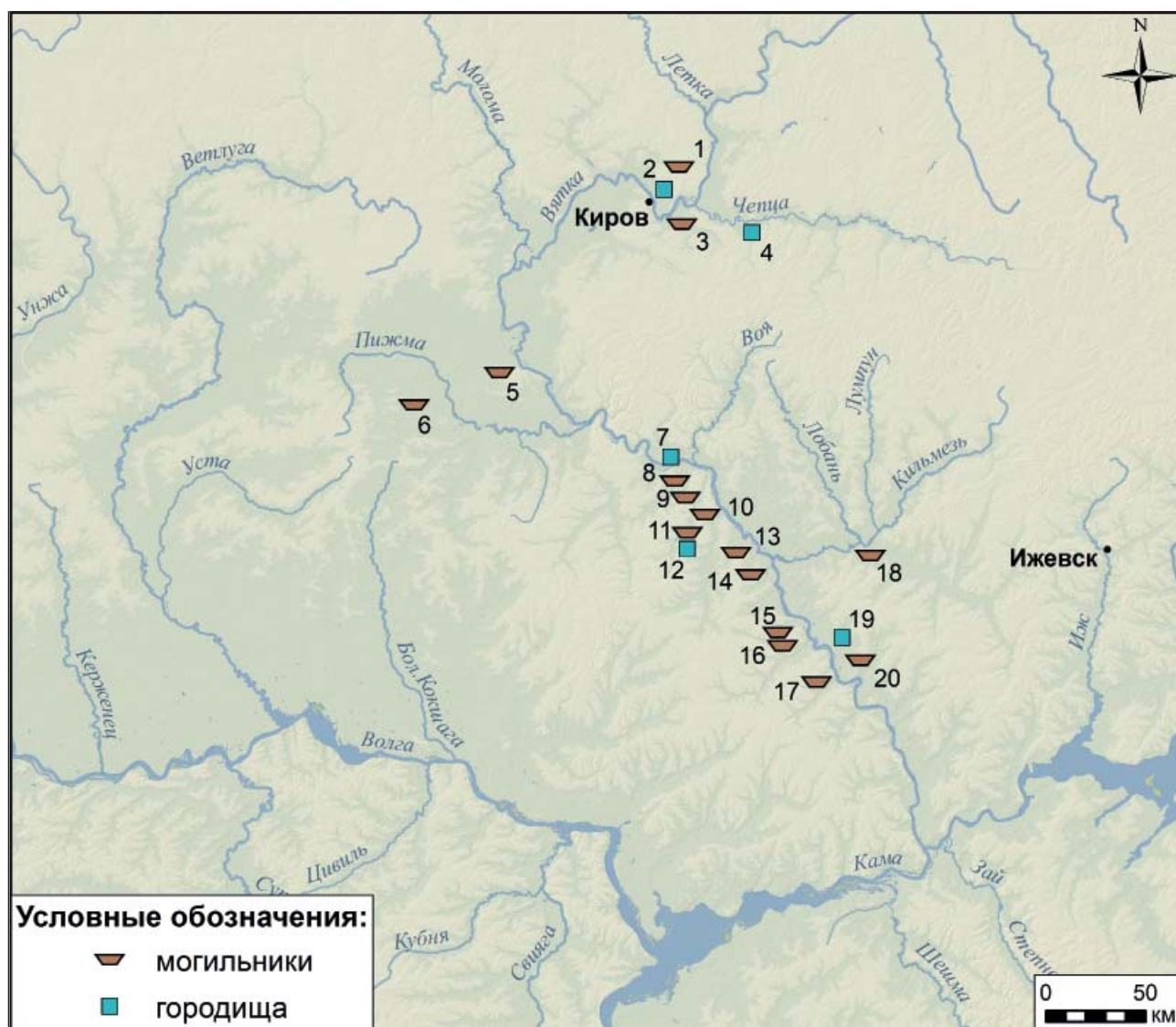

Рис. 1. Карта-схема распространения основных памятников III–V вв. в бассейне р. Вятки:
 1 – Первомайский мог.; 2 – Никульчинское гор.; 3 – Баевский мог.; 4 – Кривоборское гор.; 5 – Кошкинский мог.;
 6 – Худяковский мог.; 7 – Буйское гор.; 8 – Суворовский мог.; 9 – Ошкинский мог.; 10 – Красный Ключ мог.;
 11 – Уржумский мог.; 12 – Шевнинское гор.; 13 – Тюм-Тюмский мог.; 14 – Хлюпинский мог.;
 15 – Сунцевский мог.; 16 – Азелинский мог.; 17 – Атамановы Кости мог.; 18 – Вичмарский мог.;
 19 – Аргыжское гор.; 20 – Кордон мог.

культуры (Лещинская, 2014).

Вятские памятники III–V вв. занимают обширную **территорию**. Самые северные объекты расположены на Средней Вятке в районе современных городов Слободского (Первомайский м-к) и Кирово-Чепецка (Баевский м-к). На западе – бассейн р. Пижмы, правого притока р. Вятки (Худяковский м-к). Восточная граница фиксируется Вичмарским могильником на р. Кильмезь, левом притоке р. Вятки. На юге – это могильники «Атамановы Кости», Кордон в нижнем течении р. Вятки (рис. 1). Вместе с тем всеми исследователями признается, что бассейн р. Вятки первой пол. I тыс. н. э. – это лишь часть единого этнокультурного пространства, включающего аналогичные памятники азелинского типа Нижней Камы и левобережья

марийского течения р. Волги. Расхождения лишь в том, относить их к азелинской культуре или азелинскому этапу худяковской культуры.

Период III–V вв. в Вятском крае наиболее полно представлен **погребальными памятниками**. Из 17 известных некрополей первой пол. I тыс. н. э. погребения азелинского типа содержат 11 могильников. Среди них наиболее изученные: Первомайский конца I – V в. н. э. (к III–V вв. с уверенностью можно отнести 44 захоронения), Худяковский III – начала IV в., Кордон III в., Суворовский, Азелинский, Вичмарский IV в., Тюм-Тюмский IV–V вв. могильники. Комплексы III в. (не менее 8 захоронений) содержит и Ошкинский могильник конца I–III в. Небольшая группа погребений азелинского типа или подъемный материал происходит из раз-

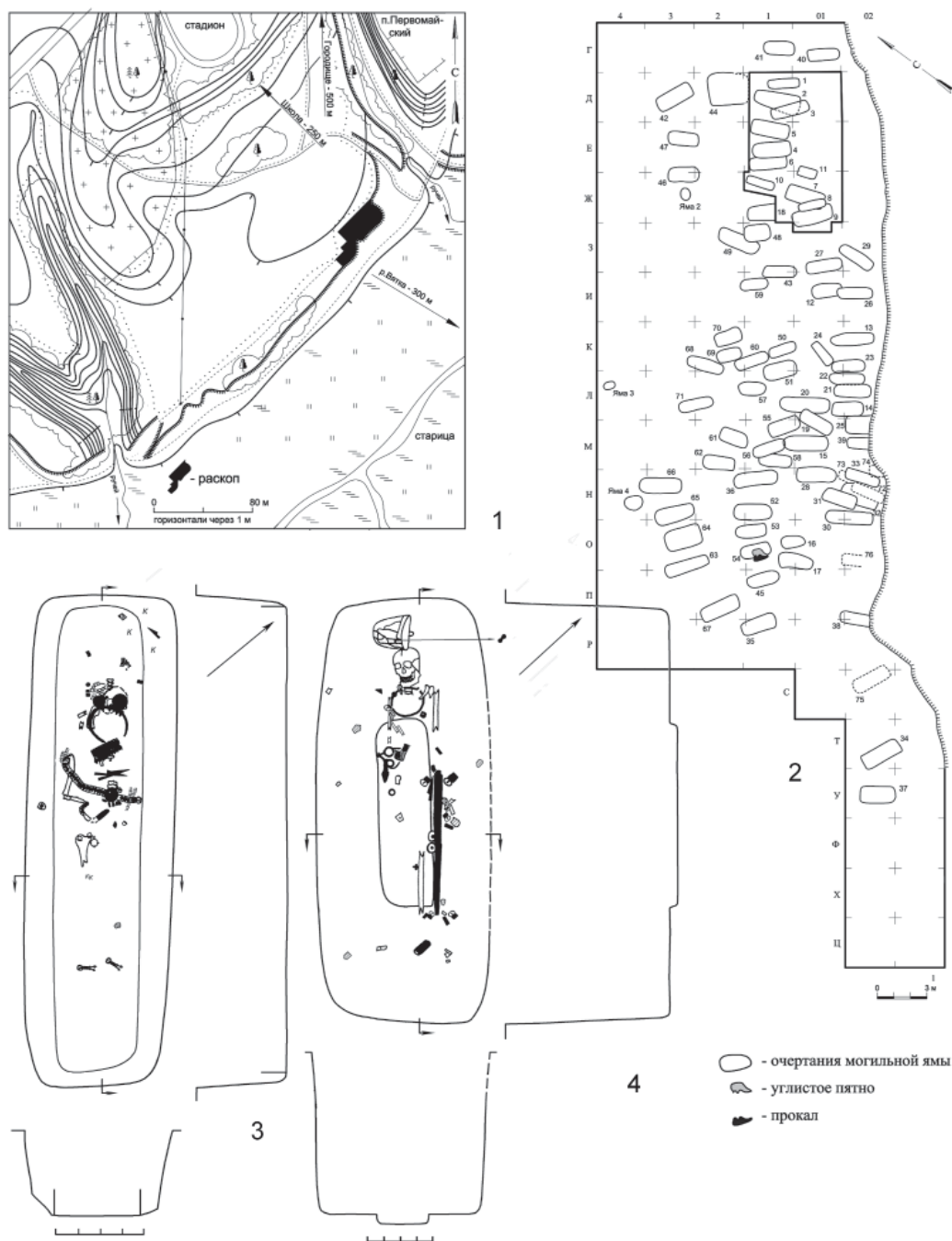

Рис. 2. Первوماйский могильник.

1 – топографический план; 2 – план раскопа; 3, 4 – планы погребений № 3, 9

рушенных могильников: Баевский, Хлюпинский, Кошкинский, Красный Ключ, Сунцевский, Атаманы Кости, Уржумский некрополи.

Все могильники грунтовые, без следов на поверхности. Занимают, как правило, открытые площадки мысов или склонов коренных террас (Первوماйский, Кордон, Азелинский, Суворовский, Тюм-Тюмский, Уржумский, Вичмарский м-ки), реже невысокие пойменные террасы (Худяковский м-к). Памятники всегда приурочены к водоему, чаще всего это притоки р. Вятки, их устья, берега небольших ручьев (рис. 2: 1; 3: 1).

Как правило, могильники небольшие, количество выявленных захоронений на большинстве памятников колеблется в пределах 21–31 (Азелинский, Суворовский, Вичмарский, Кордон м-ки). Более крупными были Худяковский (120 погр.), Тюм-Тюмский (84 погр.), Первوماйский (76 погр.) некрополи. Даже учитывая, что площадки всех могильников частично разрушены, вряд ли их реальные размеры в древности были более значительными.

Для вятских могильников типично рядовое расположение могил (рис. 2: 2), но четкая фикса-

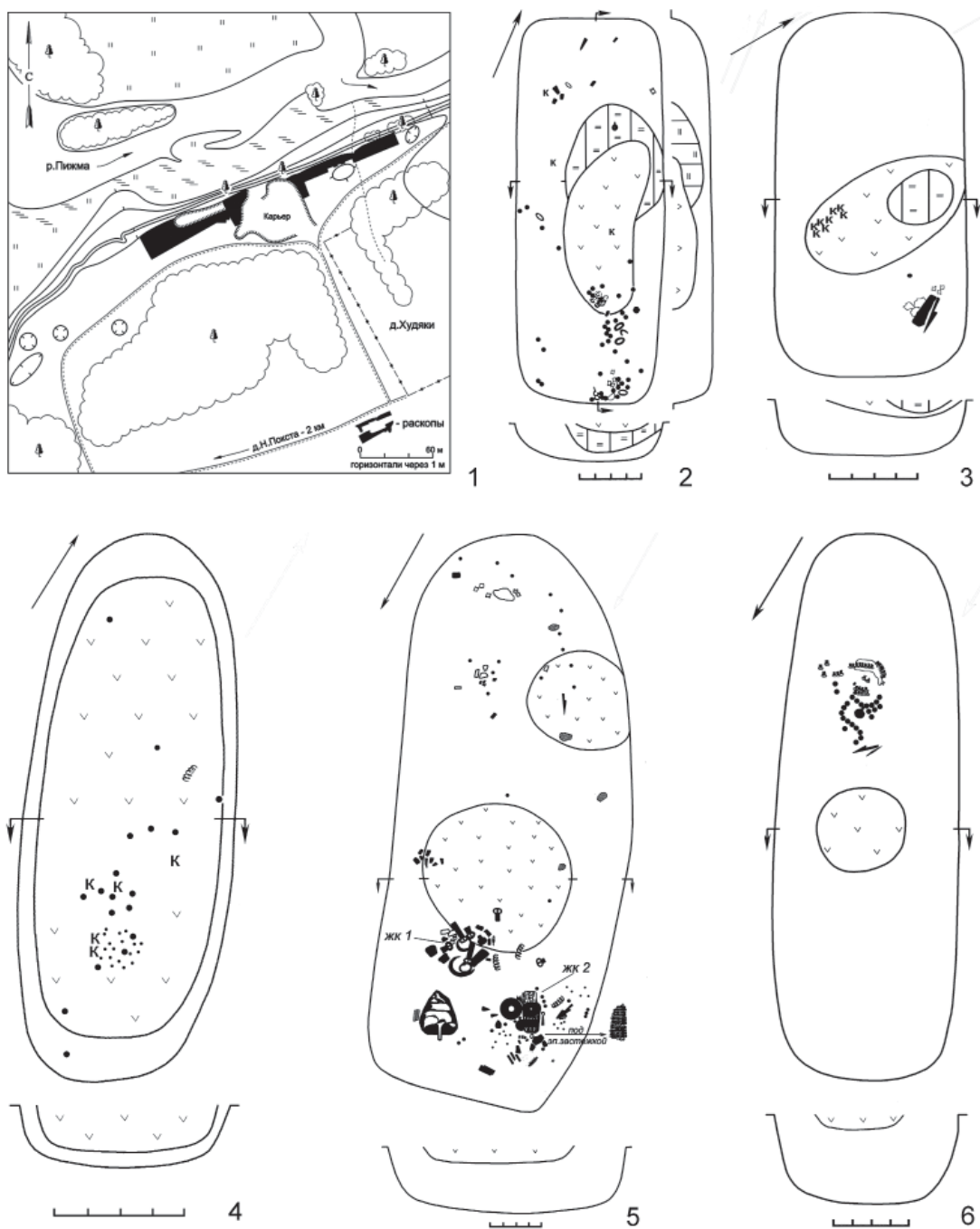

Рис. 3. Худяковский могильник.

1— топографический план; 2–6— планы погребений № 56, 76, 77, 88, 90

ция рядов на большинстве памятников нарушается значительной плотностью погребений в отдельных территориальных группах некрополей, в которых наблюдаются и случаи взаимонарушения могил. Вероятно, это объясняется стремлением положить умершего на определенное место в ряду. Однако небольшой процент взаимонарушений могил указывает на устройство в древности надмогильных сооружений. Так, для трех погребений Худяковского могильника зафиксированы столбовые ямки как в центре, так и по внешнему контуру могильной ямы. Р.Д. Голдина интерпретировала их как следы надмогильных сооружений

в виде столбов или оградок (Голдина, 1987, с. 43). Особый тип надмогильных сооружений был реконструирован В.Ф. Генингом по материалам Азелинского и Суворовского могильников в форме конструкции, общей для нескольких захоронений, слегка заглубленной в грунт (Генинг, 1963, с. 109). Автор склонен был видеть здесь параллель с «домовиной» – срубом в два-три венца, с двускатной или плоской крышей, известной, по этнографическим сведениям, у коми и удмуртов (Генинг, 1963, с. 82–83). Однако особенности планиграфиче-

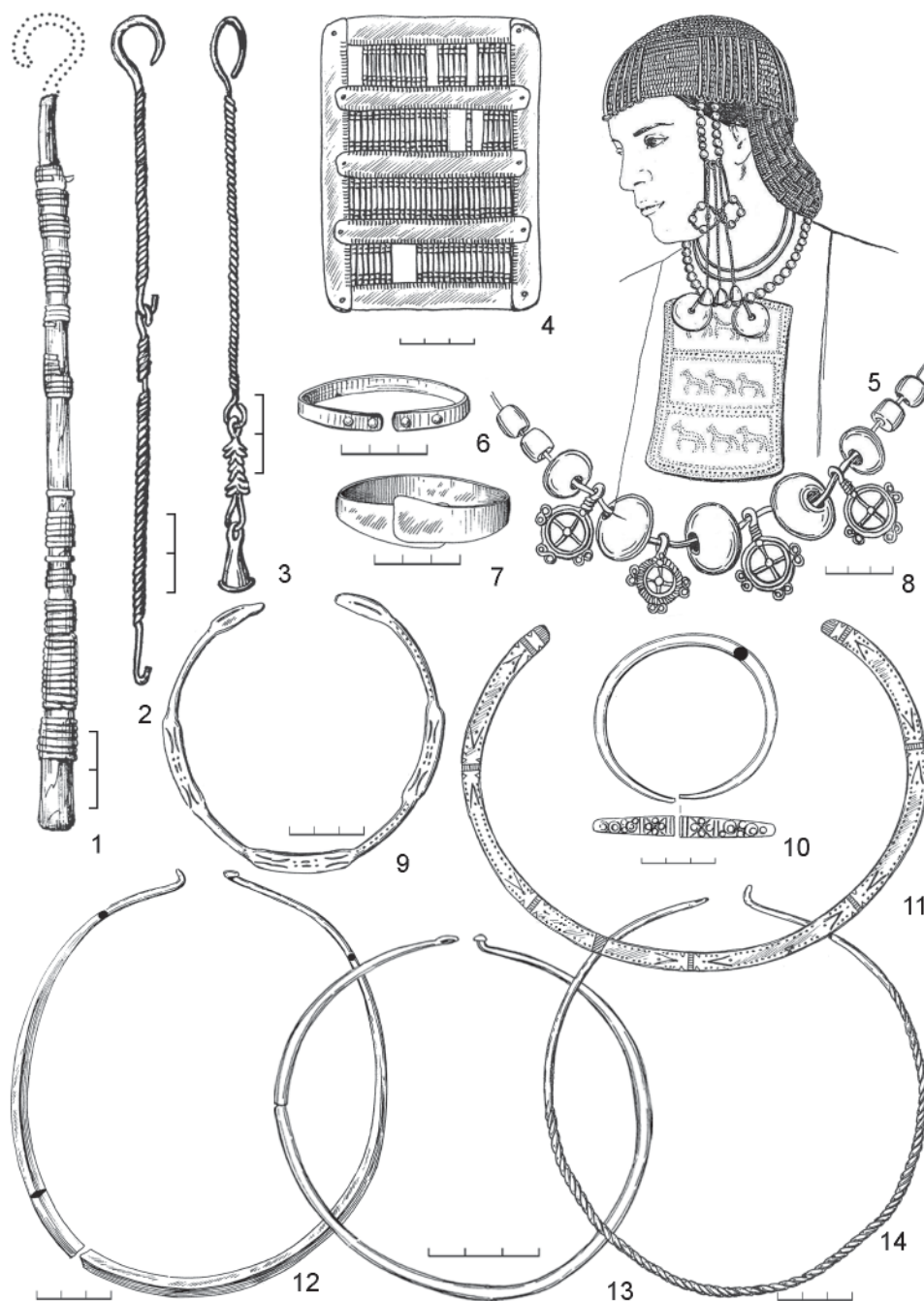

Рис. 4. Могильники III–V вв. бассейна р. Вятки. Элементы костюмных комплексов. 1–3 – височные подвески; 4 – нагрудник; 5 – реконструкция по: Генинг, 1963; 6, 7, 10 – браслеты; 8 – ожерелье; 9, 11–14 – гривны. 1 – бронза, дерево; 2–4, 6, 7, 9–14 – бронза; 8 – бронза, халцедон, стекло. Могильники: 1 – Худяковский; 2, 3, 6, 11, 14 – Суворовский; 4 – Уржумский; 7 – Кордон; 8, 13 – Тюм-Тюмский; 9 – Азелинский; 10, 12 – Первомайский

ческого размещения могил на памятниках и их устройства привели Р.Д. Голдину к идее наличия курганных насыпей в древности на Азелинском и Суворовском могильниках (Голдина, 1999, с. 262).

Захоронения совершались в могильных ямах, преимущественно подпрямоугольной формы, часто со слегка закругленными углами (рис. 2: 3, 4). При этом у более ранних захоронений (Худяковский м-к) чаще встречались сильно сглаженные углы, при которых форма ямы стремилась к

овальной (рис. 3: 4, 5). Возможно, это объясняется особенностями почвы, но не исключена связь этого признака с отсутствием внутримогильных конструкций жесткой формы. Стенки могильных ям, как правило, слегка наклонные, дно плоское или уплощенное, за исключением более сложного устройства могильных ям ряда погребений Азелинского и Суворовского могильников. Зафиксированные в азелинских и суворовских погребениях заплечики-уступы выявлены в единичных

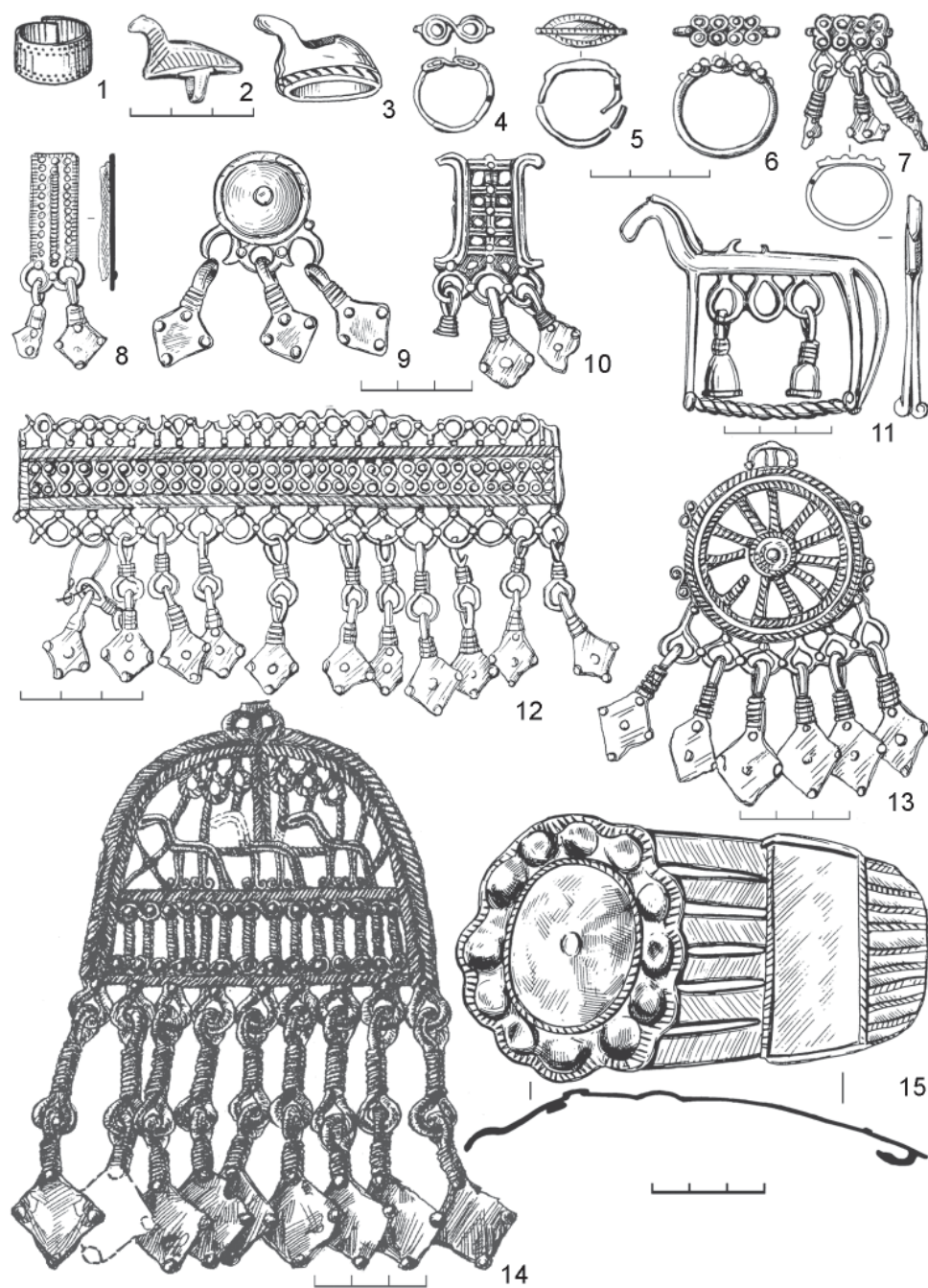

Рис. 5. Могильники III–V вв. бассейна р. Вятки. Бронзовые украшения.
1, 4–7 – перстни; 2, 3 – пронизки-уточки; 8–14 – шумящие подвески; 15 – эполетообразная застёжка.
Могильники: 1, 3, 4 – Суворовский; 2, 15 – Худяковский; 5–8, 10–13 – Первомайский; 9, 14 – Тюм-Тюмский

случаях на Худяковском, Первомайском могильниках (Лещинская, 2014, прил. I, табл. 67, 134). В двух случаях в придонной части могильных ям (Лещинская, 2014, прил. I, табл. 134; Генинг, 1963, с. 123–125) выявлены небольшие подбоиниши, без находок. На преднамеренный характер появления ниш на вятских могильниках может указывать факт их фиксации на нижнекамских и поволжских некрополях азелинского типа, где они сопровождались иногда «жертвенными комплексами» или бронзовыми котелками (Халиков, 1962,

с. 170–172, рис. 65, 67; Старостин, 2002, с. 10, рис. 8; 2009, с. 20, 27, 28, рис. 29А, 46А; Никитина, 1999, с. 68).

Анализ могильных ям по размерам выявил, что наиболее дробные показатели характерны для длины и ширины ям, что, прежде всего, связано с половозрастным составом погребенных на каждом памятнике (Лещинская, 2014, с. 17, 18). В целом эти параметры близки антропологическим данным умерших. Более информативны данные о глубине могильных ям. Основные показатели глу-

бины захоронений III в. приходятся на интервал 31–70 см (Худяковский м-к) или 51–90 см (Кордон м-к), при этом наиболее насыщенные инвентарем погребения имеют глубину, не выходящую за рамки стандартных показателей для этих памятников. В вятских некрополях с IV в. проявляется тенденция как углубления могильных ям до 90–170 см (Лещинская, 2014, табл. XI, XVIII), так и взаимосвязи глубины захоронения не только с антропологическим признаком, но и с социальным. Наиболее глубокие мужские захоронения, как правило, это погребения кузнеца (Азелинский м-к: п. 1) (Генинг, 1963, с. 98–99), воинские с богатым и/или значимым набором оружия, конской упряжи, защитным снаряжением, редкими импортными изделиями (Суворовский м-к: пп. 1, 17, 20, 27, 29, 30; Первомайский м-к: п. 9; Тюм-Тюмский м-к: пп. 41, 94) (Генинг, 1963, с. 109, 117–119, 121–125; Лещинская, 2014, прил. I, табл. 139–142; Ошибкина, 2010, табл. 16, 40–51).

Наиболее типичным видом внутримогильных конструкций вятских погребений были варианты мягкого обертывания или устройство подстилок и покрытий с применением луба, бересты, ткани. Особенно четко это фиксируется по материалам Тюм-Тюмского могильника (Ошибкина, 2010, с. 38, 39; Лещинская, 2014, табл. XIX). Косвенно об этом можно судить по характерной аморфности очертаний днищ и стенок могильных ям Худяковского некрополя при отсутствии достоверных следов погребальных конструкций (Голдина, 1987, с. 43).

О степени распространенности и типах жестких внутримогильных конструкций судить достаточно сложно ввиду их плохой сохранности. Однако с середины III в. в единичных случаях можно говорить об использовании деревянных гробовищ (тлен, фрагменты торцевых досок, значительные остатки дерева на дне (Лещинская, 2014, табл. XIX). Скорее всего, гробовище представляло собой прямоугольный ящик. Так, в п. 3 Первомайского могильника зафиксирован тлен деревянного гробовища подпрямоугольной формы размерами 222×41 см с сохранившейся высотой торцевых стенок около 7 см (рис. 2: 3). В.Ф. Генинг для п. 27 Суворовского могильника отмечал находку спекшейся железной кольчуги, в которой отфиксировался угол между продольной стенкой гробовища и дном (Генинг, 1963, с. 84). В ряде случаев гробовище выстилалось рогожей (Генинг, 1963, с. 103, 113). В нескольких погребениях Тюм-Тюмского могильника автором раскопок зафиксированы фрагменты деревянных настилов, часть которых была обуглена, а рядом обнаружены мелкие угли и сажа. Один из настилов дополнительно содержал обугленный брус-подголовник, срезанный наи-

скось (Ошибкина, 2010, с. 14, 17, 20, 24, 38). Деревянный настил был также обнаружен и в одном из погребений Вичмарского могильника (Худяков, 1929). На этом же памятнике зафиксировано в качестве внутримогильной конструкции глиняное окаймление на дне, правильной прямоугольной формы, размером 150×60 см, внутри которого находился детский костяк (Горюнова, 1934, с. 181).

Особенностью погребального обряда вятских могильников является появление в III в. на нескольких памятниках биобрядности. Обряд кремации наиболее ярко зафиксирован на Худяковском могильнике, где из числа определенных по обряду захоронения погребений 69,4% приходится на полную и частичную кремацию и 30,6% – на ингумацию. В ином соотношении (11,8% кремации к 88,2% ингумации), но достаточно определенно биобрядность выявлена на могильнике Кордон. Неслучайность этого явления для Вятки демонстрирует и факт открытия в 1996 г. при раскопках Кошкинской стоянки на Вятке захоронения III в. по обряду частичной кремации.

При обряде кремации в вятских могильниках сожжение умершего производилось на стороне, без вещей. В большинстве случаев осуществлялась полная кремация, при которой кальцинированные кости, часто с остатками погребального костра (углистые пятна, прокалы), располагались бессистемно в засыпи могилы (рис. 3: 4). Такое же размещение характерно и для погребального инвентаря, фиксируемого на разных уровнях, и лишь в нескольких случаях вещи располагались без определенной системы на дне.

Обряд частичной кремации (рис. 3: 2, 3) проявился в нескольких вариациях: 1) обожженные кости (зубы, ребра, неопределенные фрагменты) и вещи фиксируются на дне ямы с небольшим количеством кальцинированных костей в верхних слоях засыпи; 2) зубы человека и вещи встречаются на дне или в засыпи, сопровождаясь находками кальцинированных костей в верхних слоях; 3) фрагменты черепа (или его тлен), зубы, вещи находятся в придонной части или в засыпи, как правило, фиксируя основную ориентацию костяков при ингумации. Кальцинированные кости встречаются в засыпи; 4) иногда кальцинированные кости в засыпи встречаются с небольшими фрагментами сырых костей человека (Лещинская, 2014, с. 20, 21, табл. XX, XXI).

Вопрос об истоках и причинах появления на вятских памятниках в III в. кремации на сегодняшний день однозначного ответа не имеет. Среди погребальных памятников азелинского типа других территориальных групп наиболее определенно обряд кремации зафиксирован в двух погребениях нижекамского Рождественского V

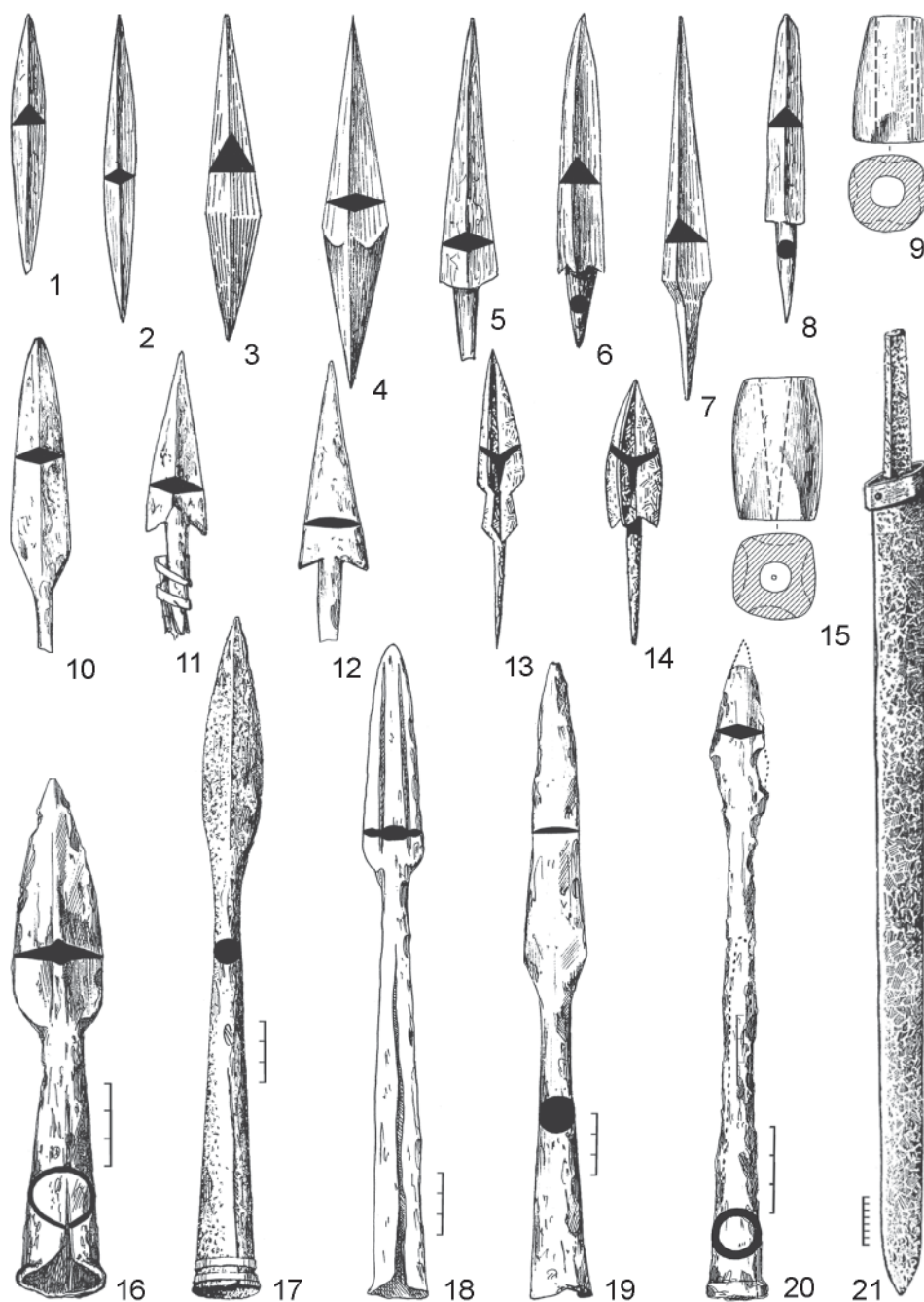

Рис. 6. Могильники III–V вв. бассейна р. Вятки. Оружие.
 1–9, 15 – костяные наконечники стрел; 10–14 – железные наконечники стрел;
 16–20 – железные наконечники копий; 21 – меч.
 Могильники: 1, 5, 8, 9, 11, 14, 15, 19 – Азелинский; 2–4, 6, 7, 10, 12, 13, 17, 21 – Суворовский;
 16 – Первомайский; 18, 20 – Тюм-Тюмский

могильника III–IV вв., без этнодиагностирующих вещей, но в сопровождении останков коней – одного из признаков инокультурного импульса в азелинскую среду Нижней Камы (Старостин, 2009, с. 24, 28). Вятские захоронения по обряду кремации не содержат таких артефактов, погребальный инвентарь идентичен находкам из погребений с ингумацией и отражает в целом местные формы цветной металлопластики. Вятские могильники

с биобрядностью не демонстрируют ярко выраженной воинской субкультуры, а одиночные воинские захоронения (Лещинская, 2014, прил. I, табл. 97–103) с находками шлема, кольчуги скорее проявление социального ранжирования в обществе в условиях периода активного взаимодействия этнических групп в Прикамье и Поволжье. Имеющиеся на сегодняшний день археологические памятники с обрядом кремации в Вятском бассей-

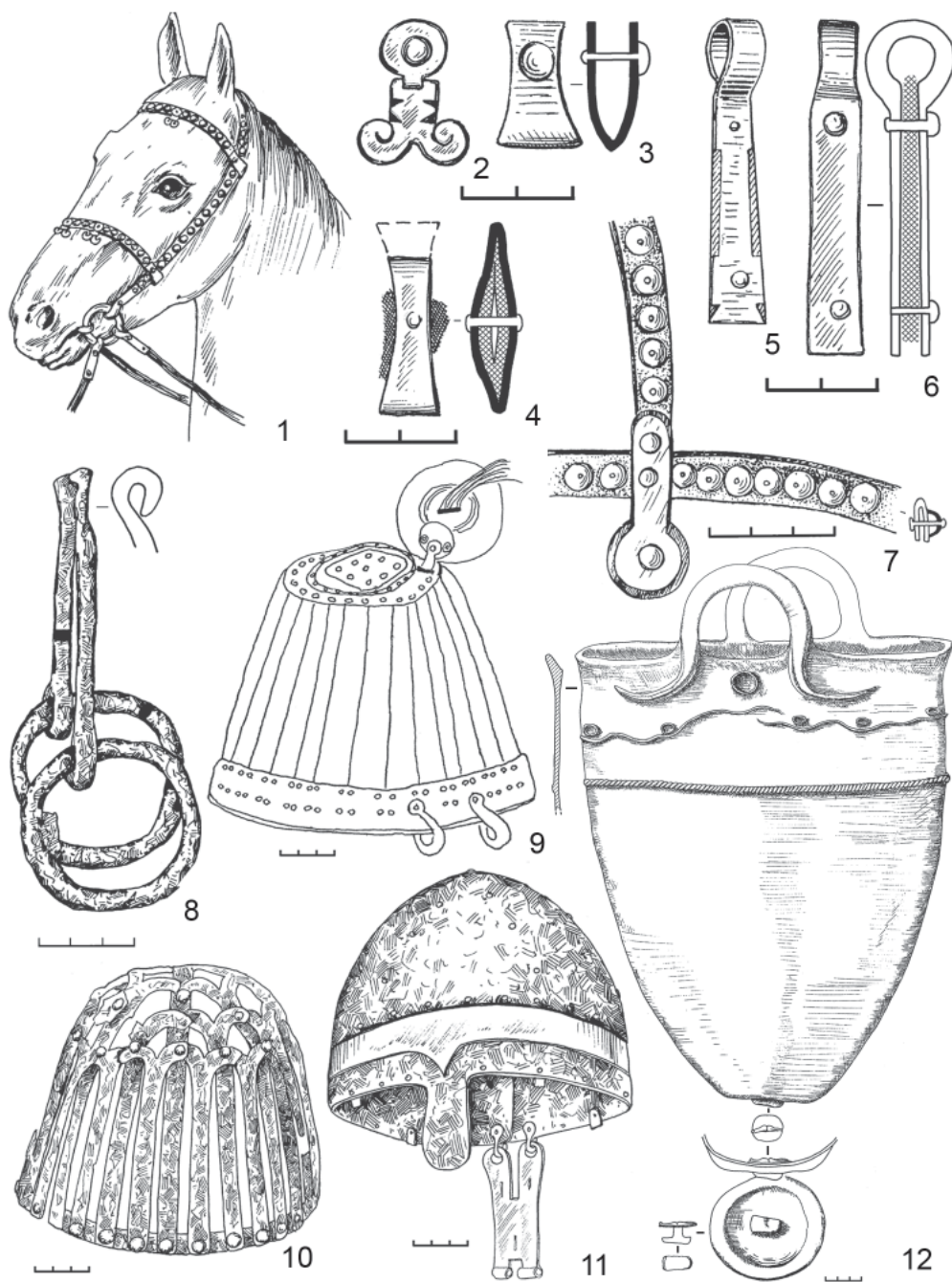

Рис. 7. Могильники III–V вв. бассейна р. Вятки. Погребальный инвентарь.
 1–8 – конская упряжь: 1 – реконструкция по: Генинг, 1963; 2–7 – бронзовые детали упряжи;
 8 – железные удила; 9–11 – шлемы; 12 – бронзовый котел.
 Могильники: 2–6, 8 – Азелинский; 7, 9, 12 – Тюм-Тюмский; 10, 11 – Суворовский

не не составляют компактную группу некрополей, наблюдается территориальная разбросанность: Худяковский, Кошкинский могильники – бассейн р. Пижмы и прилегающий участок р. Вятки, могильник Кордон – нижнее течение р. Вятки. С одной стороны, есть вероятность обнаружения новых источников на других территориях бассейна р. Вятки, с другой – стоит обратить внимание на тот факт, что могильники с кремацией зафиксированы пока только на периферии основной вятской

территории худяковской культуры. Захоронения по способу трупосожжения на Вятке и Нижней Каме, датирующиеся серединой III – началом IV в., не синхронизируются со временем появления кремации в погребальных памятниках ближайших территорий: для именьковских могильников это не ранее рубежа IV–V в. (Матвеева, 2004, с. 53–56), для памятников марийско-нижегородского Поволжья – с рубежа V–VI вв. (Краснов, 1980; Никитина, 1999), для памятников Окско-

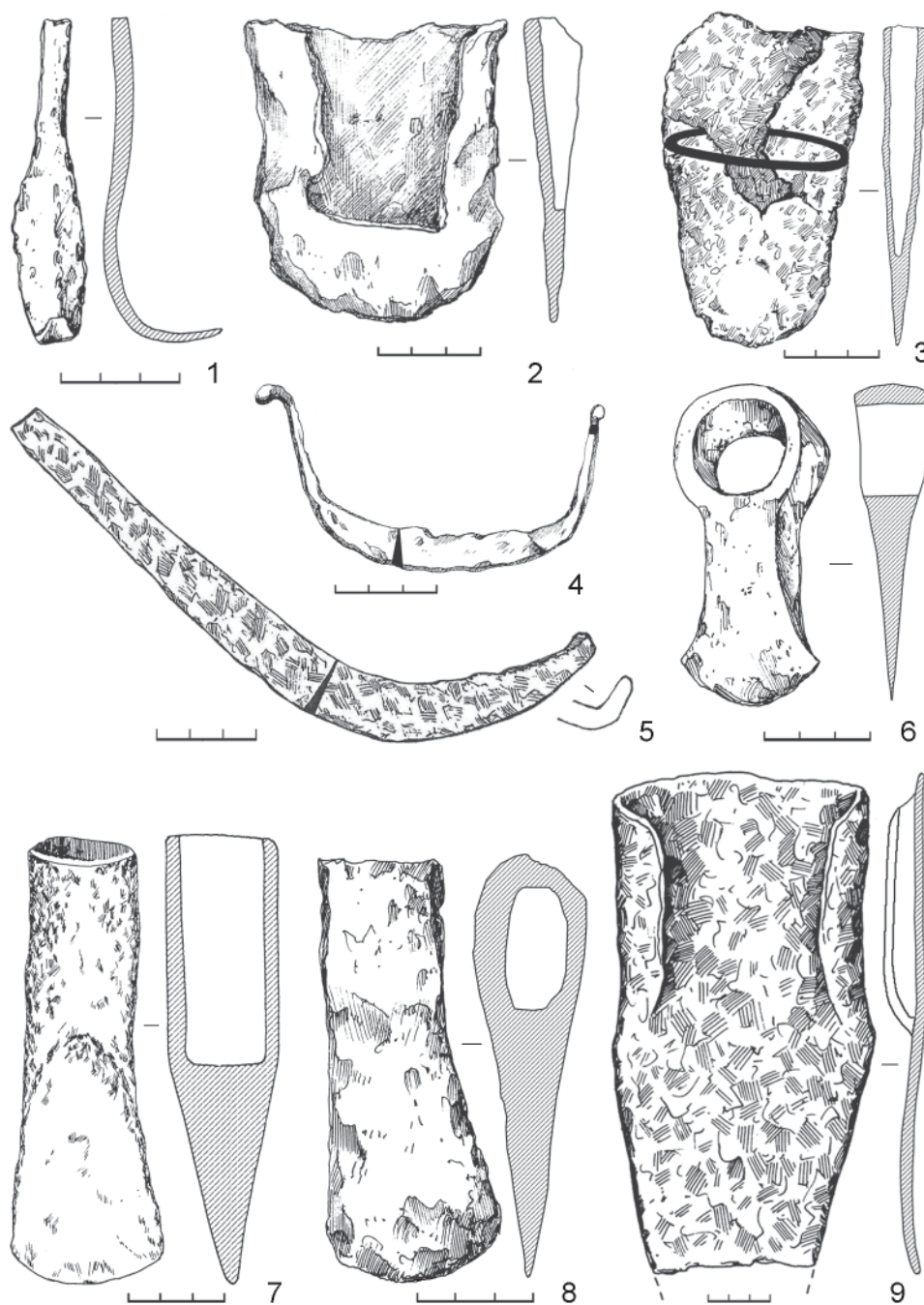

Рис. 8. Памятники III–V вв. бассейна р. Вятки. Железные орудия труда.
 1 – ложкарь; 2, 3 – мотыжки; 4 – серп; 5 – скобель; 6 – тесло; 7, 8 – топоры; 9 – ральник.
 Могильники: 1, 2 – Первомайский; 3, 4, 7 – Худяковский; 5 – Аргыжское городище;
 6 – Тюм-Тюмский; 8 – Суворовский; 9 – Азелинский

Сурского междуречья – вторая половина IV – начало V в. (Букина, 1998; Ставицкий, 2013).

Ведущим способом захоронения для большинства погребальных памятников бассейна р. Вятки является ингумация. Умерших укладывали вытянуто на спине, и только в одном случае (Вичмарский м-к: п. 4) зафиксировано скорченное положение на левом боку (Горюнова, 1934, с. 181). В расположении рук погребенных чаще фиксируется стандартная позиция – вдоль тела (рис. 2: 3, 4).

Для большинства вятских могильников в ориентации костяков наблюдается устойчивая просеверная направленность. Погребения с южной ориентацией костяков абсолютно преобладают только на Вичмарском могильнике и встречаются на Худяковском некрополе. В целом для отдельных могильников больше характерна монопосредственность в положении костяков, случаи противоположной ориентации единичны, как правило, они принадлежат женщинам. Возможно, здесь про-

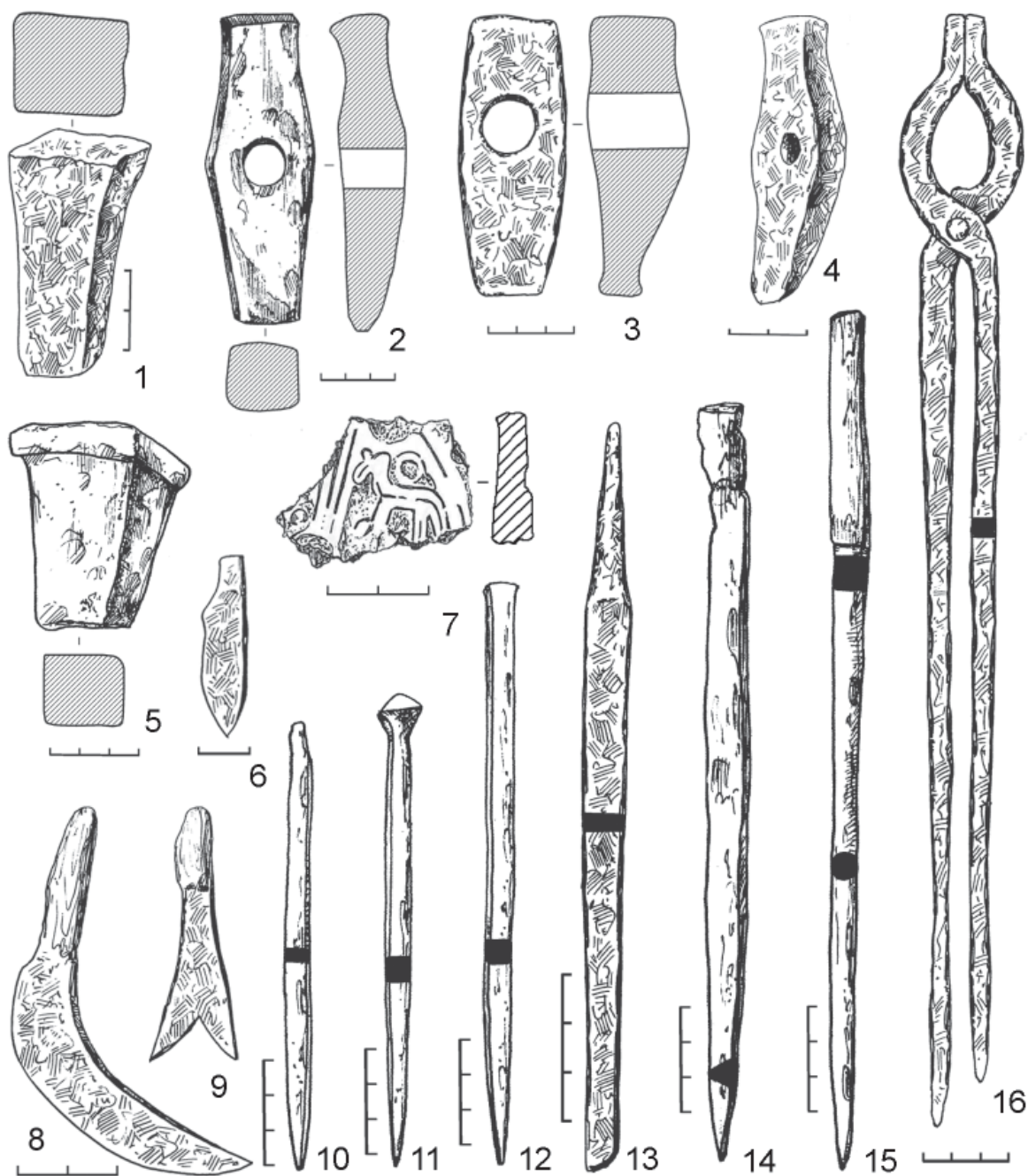

Рис. 9. Памятники III–V вв. бассейна р. Вятки:
1–6, 8–16 – железный инструментарий; 7 – глиняная литейная форма. 1, 4 – Суворовский мог.;
2, 5, 10–15 – Тюм-Тюмский мог.; 3, 6, 8, 9, 16 – Азелинский мог.; 7 – Аргыжское городище

явилось стремление подчеркнуть иную родовую, этническую или любую другую принадлежность умершего. Несмотря на вариации в ориентировках умерших между могильниками, их объединяет одна особенность – погребенные укладывались ногами к реке.

Значительная часть погребений при всех обрядах захоронения сопровождалась вещевыми комплексами, преобладающим элементом которых выступали украшения костюма. По сравнению с предшествующим периодом более выразитель-

ным становится набор мужского костюма. Помимо поясной гарнитуры общеевразийского стиля, достаточно часто встречаются гривны и среди них типично азелинский вариант четырехгранных орнаментированных гривен (рис. 4: 9, 11). Появляется мода на ношение браслетов, перстней, используются крупные бляхи, сьюлгамы. В женском костюме сохраняется традиция использования эполетообразных застёжек (рис. 5: 15), височных подвесок в виде знака вопроса, чаще с длинной спиральновитой трубицей (рис. 4: 1–3), различ-

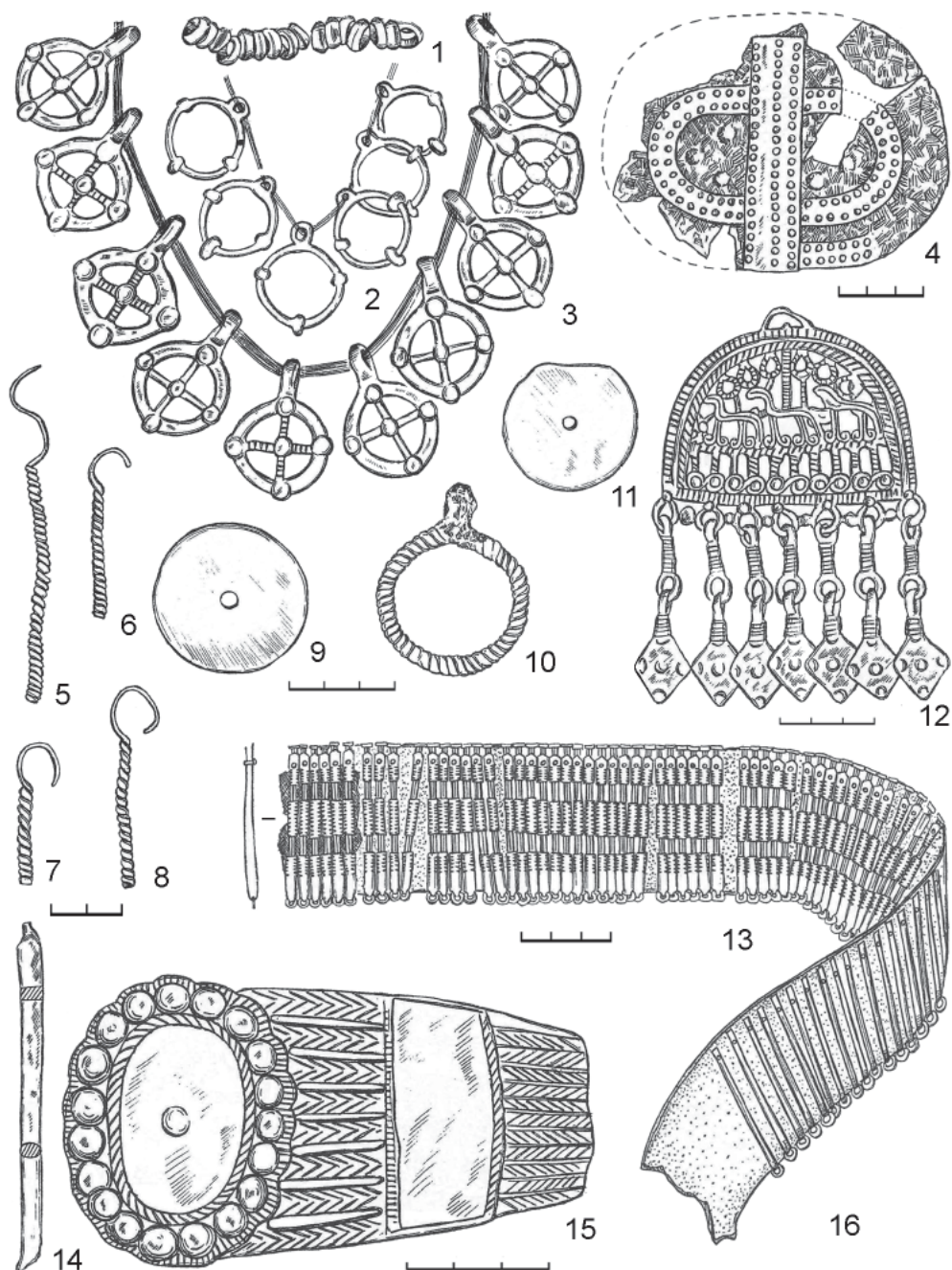

Рис. 10. Аргыжское городище. Бронзовые изделия из клада (по: Черных и др., 2002):
1 – пронизки; 2, 3 – кольцевые подвески; 4 – фибула; 5–8, 10 височные подвески; 9, 11 – бляшки;
12 – шумящая подвеска; 13 – поясные накладки; 14 – слиток; 15 – эполетообразная застежка

ного рода бляшек, пронизок. Появляются новые типы гривен, браслетов, перстней (рис. 4: 6, 7, 9–14; 5: 1, 4–7). Фиксируются сложные головные уборы, украшенные комбинацией из накладок, пронизок, обойм, с височными гарнитурами (рис. 4: 5). В шейных ожерельях широко используются бусы, кольцевые подвески, халцедоновые диски (рис. 4: 5, 8; 10: 2, 3). Разнообразен нагрудный ансамбль: пластинчатые, рамчатые нагрудники, шумящие украшения, сьюлгамы, бляхи, подвески (рис. 4: 4, 5; 5: 8–14). В богатых поясных наборах

кроме накладок, пряжек, наконечников встречаются халцедоновые диски, шумящие пронизки с зооморфными пронизками (Генинг, 1963, рис. 19).

Вторую позицию по степени встречаемости в погребениях занимают железные ножи, которые практически в равных пропорциях характерны и для мужских, и для женских захоронений. Для первых более характерно расположение ножей в области пояса, костей таза, бедренных костей, что в большей мере предполагает их прикрепление к ремню. Особенность женских захоронений –

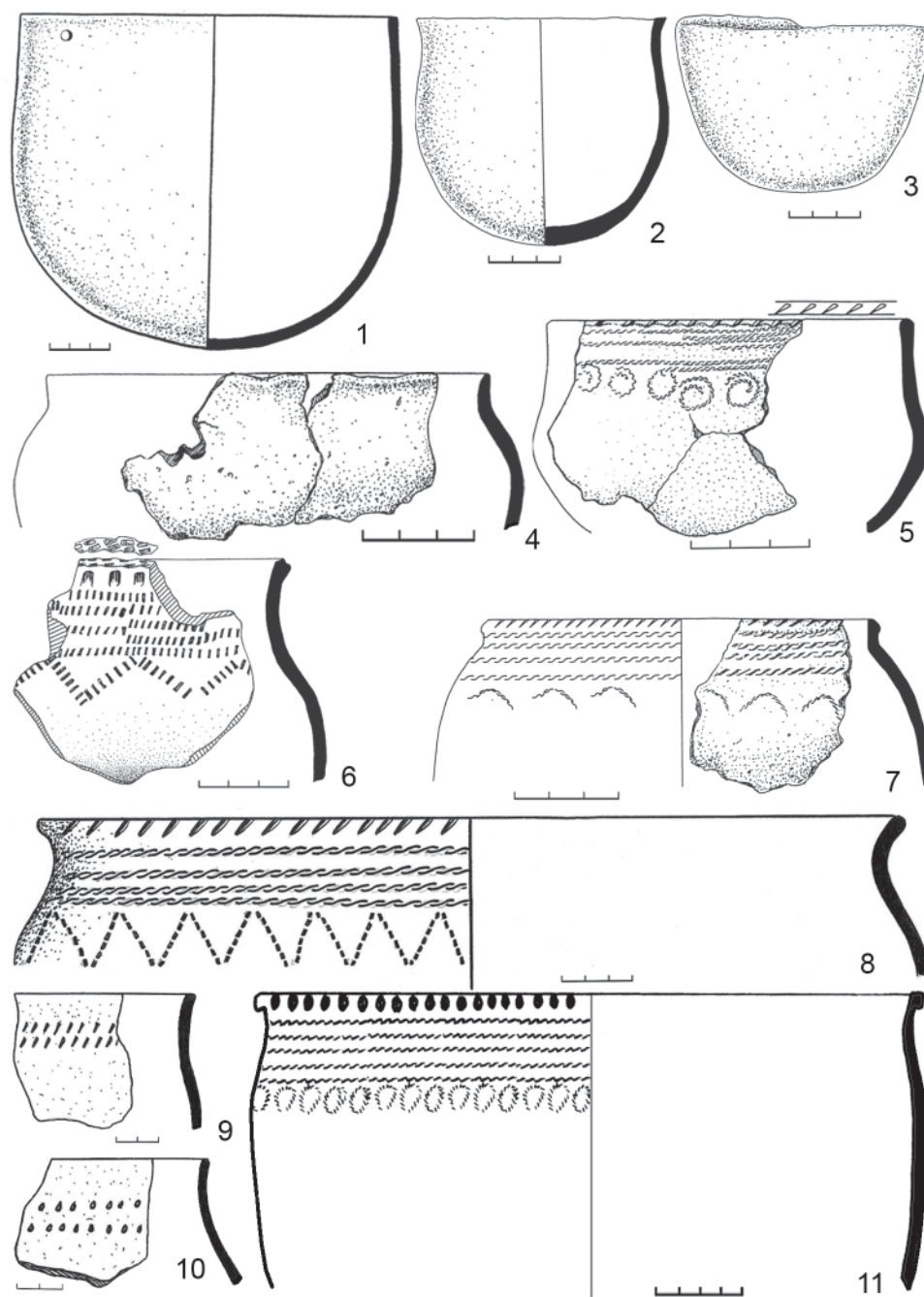

Рис. 11. Памятники III–V вв. бассейна р. Вятки. Лепная керамика:

1–7 – погребальная посуда; 8–11 – поселенческая посуда.

1– Худяковский мог.; 2, 3 – Тюм-Тюмский мог.; 4–7 – Первомайский мог.; 8–11– Буйское городище

частая фиксация ножей в области груди, подвешенных к нагруднику; сопровождение находками шильев.

Оружие представлено в вятских могильниках наконечниками стрел, копий, мечами, универсальными и боевыми топорами (рис. 6), однако их распределение по памятникам имеет особенности. В могильниках III в. (Худяковский, Кордон) не зафиксированы находки наконечников стрел, мечи. Из 120 погребений Худяковского могильника единичные захоронения содержат наконечники

копий, универсальные топоры. Только в одном погребении встречаем сочетание удил, шлема, кольчуги, топора (Лещинская, 2014, прил. I, табл. 97–103).

В IV – начале V в. степень «милитаризованности» вятских могильников значительно возрастает. Наконечники стрел чаще встречаются в комплексах Азелинского и Суворовского могильников, где количественно преобладают костяные черешковые наконечники, реже – втульчатые «томары». Коллекция железных наконечников стрел

из вятских могильников значительно меньше. В этот период возрастает количество наконечников копий в могильниках. Среди них встречаются наконечники копий с ромбической, листовидной, подтреугольной формой пера, с линзовидным, ромбовидным сечением, в редких случаях с ребром жесткости или двухсторонними продольными желобками с различным соотношением длины пера к втулке (рис. 6: 16–20). Их наибольшая коллекция происходит с Тюм-Тюмского некрополя. Из 14 мечей, найденных в вятских могильниках первой половины I тыс. н. э., 12 экземпляров происходят из погребений IV – начала V в. с наибольшей концентрацией в Суворовском и Тюм-Тюмском могильниках. Как правило, мечи имели длинные (71–84 см) двулезвийные клинки с ромбическим или линзовидным сечением, с плавным или четким переходом к черешку. Авторы раскопок памятников фиксировали следы деревянных рукоятей, ножен со следами красной минеральной краски, возможным использованием в редких случаях халцедоновых дисков, бусин в качестве наверший рукояти или декора ножен (Генинг, 1963, с. 119, 125). Значительно реже встречались короткие (30–35 см) двулезвийные мечи-кинжалы с широким клинком. Один из них имел навершие и перекрестие из кости, деревянные ножны, обтянутые тонкой красной кожей, украшенной бронзовыми деталями (Ошибкина, 2010, с. 42). Традиционно распространенным элементом мужского набора погребального инвентаря являются универсальные топоры (рис. 8: 7, 8). В шести погребениях Тюм-Тюмского, Азелинского, Суворовского могильников вместе с комплектами оружия, инструмента находились так называемые «боевые косы» (10 экз.) (Лещинская, 2014, табл. 69-4,7) – характерная находка воинских захоронений гуннского этапа эпохи Великого переселения народов (ВПН) в Камско-Вятском междуречье. В последнее время появилось мнение о возможности интерпретировать их как вид метательного оружия (Перевошиков, Пастушенко, 2006). Чаще, чем в предшествующее время, в погребениях IV – начала V в. встречаются элементы конского убранства (рис. 7: 1–8): только удила (Первомайский, Вичмарский м-ки) или удила с уздечкой (Азелинский, Суворовский, Тюм-Тюмский м-ки). Преимущественно в комплексах этого периода обнаружены шлемы (рис. 7: 9–11) и фрагменты кольчуг (Лещинская, 2014, с. 23, 24; 2014а, с. 344–347). Среди большинства рядовых мужских захоронений, содержащих только топоры, наконечники стрел или копий, возрастает количество погребений с богатым набором оружия, воинского снаряжения: от одного на Первомайском (Лещинская, 2014, табл. 139–142), Азелинском (Генинг, 1963, с. 100) мо-

гильниках до 4–5 на Суворовском (Генинг, 1963, с. 109, 110, 117–119, 121–125) и Тюм-Тюмском (Ошибкина, 2010, табл. 8–11, 16, 40–51, 58) некрополях.

Среди орудий труда, кроме топоров, ножей, шильев, изредка встречаются железные мотыжки, точила, скобели, ложкари, крючки, в единичных экземплярах ральник, серп, тесло (рис. 8). В ряде мужских погребений IV – начала V в. появляются многокомплектные наборы железного инструментария, связанного с обработкой черного металла. Наиболее часто в их состав входили наковаленки, молотки, клещи, напильники, пробойники (рис. 9: 2, 3, 5, 10–16). Здесь же находилась готовая продукция: орудия труда, оружие (за исключением импортных изделий). В IV в. на азелинских могильниках, как вятских (Суворовский м-к), так и нижекамских (Рождественский V, Нармонский м-ки), фиксируются захоронения женщин-литейщиц, сопровождаемые ювелирным инструментарием, слитками металла, полуфабрикатами и готовой продукцией (Генинг, 1963, с. 111; Старостин, 2002, рис. 12; Старостин, 2009, рис. 11). Все это можно рассматривать как факты дальнейшего развития специализированного металлургического производства.

Глиняная посуда встречается на вятских некрополях редко. Единичные сосуды середины III – начала IV в. происходят из Худяковского и Кордон могильников. Это непрофилированные округлодонные чаши высоких пропорций, диаметром от 14 до 20 см, с примесью органики (раковина?) в тесте, неорнаментированные или со сквозными отверстиями в верхней части, зафиксированные в засыпи погребений или межмогильном пространстве (рис. 11: 1).

Чуть большая керамическая коллекция происходит из Первомайского, Тюм-Тюмского, Вичмарского некрополей. В IV – начале V в. практиковалось помещение целых глиняных сосудов в придонной части погребений, развалы и фрагменты сосудов чаще встречаются в межмогильном пространстве. Для первомайского керамического комплекса более характерны небольшие (диаметром 9–15 см), округлодонные чашечки с разной степенью профилированности, неорнаментированные или украшенные шнуровой орнаментацией по верхней части сосуда, насечками или оттисками мелкозубчатого штампа по венчику (рис. 11: 4, 5, 7). Зафиксировано несколько фрагментов верхних частей, очевидно, крупных чашевидных сосудов, с прямыми или слегка наклонными шейками, переходящими в слабо- или среднераздутое тулово, орнаментированных гребенчатым штампом (рис. 11: 6). Посуда Тюм-Тюмского и Вичмарского могильников – это непрофилиро-

ванные небольшие чашечки (диаметром 7–9,5 см, высотой 4–6,2 см) с разной степенью открытости устья (рис. 11: 2, 3). Основные примеси к тесту всех типов вятской посуды – толченая раковина, реже мелкозернистый шамот и другие органические присадки.

Помимо керамической посуды в воинских погребениях Тюм-Тюмского могильника найдено 4 экземпляра литых бронзовых котлов (рис. 7: 12) и фрагменты небольшого деревянного сосуда с железным ободком (Ошибкина, 2010, с. 27–31, 58–59, табл. 47–50).

В традициях финно-угорских этносов Прикамья и Поволжья часть погребального инвентаря в азелинских захоронениях Вятки размещалась компактным скоплением в определенной части могильной ямы: «жертвенный комплекс» (по В.Ф. Генингу), «подарочный набор» (по Р.Д. Голдиной), «дары» (по И.В. Белоцерковской), «жертвенно-ритуальный комплекс» (по Т.Б. Никитиной). Но при достаточно устойчивой тенденции проявления этого элемента погребальной практики процент встречаемости захоронений с ЖК на памятниках невысокий: от 1,3% (Первомайский м-к) до 9% (Тюм-Тюмский м-к) (Лещинская, 2014б, табл. I). При этом пик встречаемости ЖК приходится на IV в. Практически абсолютное большинство ЖК коррелируется с обрядом ингумации. Наиболее традиционной формой контейнера для ЖК выступает берестяная емкость, к оригинальным емкостям можно отнести единичные находки кожаных, тканых кошель, перевернутую эполетообразную застежку. Как правило, ЖК помещались в области ног (преобладает позиция ЖК в ногах). Судя по половозрастному анализу и характеру инвентаря, ЖК чаще сопровождают женские захоронения, чем мужские, в соотношении для III в.: 4:2, для IV – начала V в.: 6:4. Состав ЖК вятских могильников более разнообразен, чем для прикамских позднепьяноборских могильников. Для вятских женских захоронений типична бронзовая пластика основных элементов костюма: чаще встречаются шейно-нагрудные украшения, реже детали головного убора, пояса. В двух случаях в погребениях «женщин-литейщиц» ЖК содержал набор инструментария и сырья. В набор мужских ЖК входило оружие, элементы конской упряжи, орудия труда, инструментарий для металлургического производства. Иногда эти ЖК содержали украшения пояса, обуви, перстни, браслеты мужского костюма. Но некоторые типы украшений в мужских ЖК относились к женскому наряду. Разнообразие вятских ЖК указывает, что семантическое поле этого элемента погребальной обрядности было многоплановым. Для большинства женских погребений ЖК – это по-

гребальный набор с дополнительными комплектами украшений и частей одежды. Богатые воинские наборы ЖК могли символизировать особый социальный ранг погребенного, значимость которого особенно повышается в условиях активизации процессов взаимодействия. Вероятное назначение ЖК с орудиями труда, сырьем и готовой продукцией – профессиональная идентификация умершего. Женские ЖК в мужских захоронениях больше связаны с поминально-дарственными обрядовыми действиями. Безусловно стоит осознавать гипотетичность современных объяснительных реконструкций для погребальных традиций древности (Лещинская, 2014б).

К серии артефактов, связанных с ритуальными действиями, сопровождающими процесс захоронения умершего, можно отнести кости животных в могильных ямах. Количество погребений, в которых они обнаружены, незначительно – 13. Чаще всего встречаются зубы (редко фрагменты челюсти), небольшие трубчатые кости (определений не проводилось) животных в засыпи (очень редко на дне) могильных ям. Наибольшее количество таких захоронений приходится на III в., и происходят они в основном с Худяковского могильника, где нередко коррелируются с углистыми пятнами. Единичные погребения с таким сочетанием костей животных обнаружены в погребениях III–IV вв. и ямах межмогильного пространства Первомайского могильника. Возможная интерпретация этих находок – фрагменты поминальных тризн. Несколько иную смысловую нагрузку могла иметь находка черепа животного (коровы?), зафиксированного в придонной части п. 12 могильника Кордон. Кости коровы (ножные и части челюсти) известны среди азелинского круга памятников только в Мари-Луговском могильнике (Халиков, 1962, с. 175), где они могли замещать характерные для значительной группы нижнекамских и поволжских азелинских погребений захоронения коней. Возможно, в п. 12 могильника Кордон челюсть коровы (?) тоже могла символизировать жертвенное животное. В п. 20 Азелинского могильника (Генинг, 1963, с. 107, рис. 54) рядом с мужчиной-охотником была погребена собака, призванная, вероятно, сопутствовать человеку в удачной промысловой охоте и в ином мире.

Более значительную роль в погребальных ритуальных действиях играл культ огня. Следы его ярко проявились в III в. на Худяковском, Кордон могильниках в форме не только захоронений по обряду кремации, но и наличия углистых пятен, прокалов в могильной яме и в межмогильном пространстве (Лещинская, 2014, табл. XXII). При этом если в захоронениях, осуществленных по обряду полной или частичной кремации, они пред-

ставляют собой, вероятно, следы сброшенного в могилу в процессе ее засыпки погребального костра, то углистые пятна и прокалы в погребениях с ингумацией и в межмогильном пространстве, скорее всего, следы поминально-обрядовых действий. В более поздний период (IV–V вв.) следы огня в захоронениях обнаружены при исследовании Вичмарского и Тюм-Тюмского могильников (Горюнова, 1934, с. 186; Ошибкина, 2010, с. 38). Чаще всего, как в мужских, так и в женских захоронениях, встречаются угли, которые дисперсно фиксируются в засыпи ям и являются, вероятно, остатками ритуального костра. Особый вариант размещения углей зафиксирован для мужских воинских захоронений Тюм-Тюмского могильника. В одних случаях еще не остывшие угли костра ссыпались на дно могильной ямы (углистые пятна) или на деревянный настил внутримогильной конструкции (остатки горелого дерева, угли, сажа под верхней частью скелета) (Ошибкина, 2010, с. 14, 16, 20). Судя по тому, что кости скелета в этих случаях не были обожжены, умерший был уложен уже после того, как процесс горения был приостановлен. В другом случае при отсутствии явных следов остатков костра на дне могилы сохранившаяся часть скелета (кости груди и несколько позвонков) была обуглена (Ошибкина, 2010, с. 17). Возможно, в этом случае еще горящие угли были высыпаны на грудь умершего и произведена засыпка землей. Следы огненного ритуала в вятских могильниках находят параллели и в некрополях азелинского типа на Нижней Каме, и в марийском течении р. Волги (Старостин, 2009; Халиков, 1962, с. 164, 171; Никитина, 1999, с. 63, 68–70).

Вещевые комплексы погребальных памятников легли в основу разработки дробной хронологии вятских древностей первой пол. I тыс. н. э. (более подробно см.: Лещинская, 2014, с. 165–207) с выделением двух хронологических стадий: ошкинской (конец I – начало III вв.) и азелинской (середина III – V вв.). В азелинское время к III в. относится группа позднейших погребений Ошкинского могильника, Кордон могильник, большая часть Худяковского могильника. IV в. – это время активного заполнения Азелинского, Суворовского, Тюм-Тюмского некрополей. Самую позднюю группу погребений рубежа IV–V – середины – второй пол. V вв. составляет небольшое количество захоронений Тюм-Тюмского и Первомайского могильников.

Вятские поселения изучены слабо. Для периода III–V вв. наиболее информативны только два городища: Буйское городище на правом берегу среднего течения р. Вятки (материалы опубликованы фрагментарно: Ашихмина, 1987, 1992, 2003;

Ашихмина, Черных, 1989; Шадрин, 2001; первое предварительное обобщающее исследование подготовлено авторским коллективом археологов УдГУ в формате проекта гранта РГНФ за 2004 г.); Аргыжское городище на левобережье нижнего течения р. Вятки (Черных и др., 2002). В традициях укрепленных поселений лесной полосы Восточной Европы это были мысовые городища, расположенные на коренных террасах Вятки, высотой 14 м (Аргыж), 26 м (Буй). Формы площадок (подтрапециевидная или подтреугольная) и их размеры ≈ 2300 – 2500 кв. м диктовались конфигурацией и размерами мысов (Археология Волго-Уралья, 2021, т. III, глава 5, с. 219, рис. 2: 1, 4). Оборонительная система городищ включала вал-ров и укрепления склонов. Оба памятника многослойные, площадки осваивались или с эпохи камня, бронзы (Буй), или с ананьино (Аргыж). Наиболее четко слои разных эпох фиксируются в разрезах валов. В пьяноборское время в качестве оборонительных укреплений использовались модернизированные ананьинские фортификации. Так, дугообразный вал Буйского городища, судя по напластованиям и планиграфии, включал четыре горизонта разрушенных фортификаций с внутренними прослойками – следами подновления укреплений. Два из них, наиболее мощных и насыщенных слоями, углистыми прослойками, остатками дерева, формируются в пьяноборский период. Несколько раз, в том числе в IV–V вв., при реконструкции площадки поселения подсыпалась землей вершина вала и укреплялась каменным «панцирем» из крупных и мелких камней песчаника в несколько слоев, с включением большого количества костей животных, среди которых черепа, челюсти лошадей, КРС, свиньи, редко медведя. На основании наличия углистых прослоек с остатками дерева, прокаленного грунта с внутренней стороны вала исследователями было выдвинуто предположение о существовании вдоль основания вала со стороны площадки деревянной стены с примыкающей к ней каркасно-столбовой конструкцией. Предварительные сооружения неоднократно горели и вновь реконструировались. Укреплялись и более пологие склоны городища, и мысовая часть: подрубка склона, усиление границ площадки глиняными вымостками и т. д., но полную их реконструкцию пока предложить сложно. Близкая схема фортификаций зафиксирована и на Аргыжском городище. Деревянные сооружения, каменный «панцирь» на валу, вероятность деревянной стены по периметру, по наблюдениям Е.М. Черных, формируются на памятнике в ананьинское время и, скорее всего, используются и в пьяноборский период функционирования городища (Черных и др., 2002, с. 12–14).

Жилища изучены только на Буйском городище. Раскопками зафиксировано 5 жилищных котлованов разных хронологических периодов. К позднему пьянобору можно отнести два жилища (№ 2 и 3), одно из которых изучено частично. Жилища располагались по центральной линии от вала к мысовой части. Наиболее вероятное время функционирования жилищ IV–V вв. В пределах очертания жилища 2 собраны фрагменты посуды, близкие по стилистике погребальной керамике IV–V вв. вятского Первомайского могильника (оттиски шнура, гребенчатого штампа). Наблюдение за планиграфией находок в жилище 3 показывает, что здесь сосредоточены вещевые наборы середины (IV–V вв.) и второй половины I тыс. н. э., но в придонной части встречаются только изделия азелинского времени. В конструктивном отношении жилище 3 реконструируется скорее как сруб прямоугольной формы площадью 114 кв. м, со слабо углубленным земляным полом, с выходом в виде коридора в сторону реки. Возможно, жилище было двухкамерным и делилось конструкцией, от которой сохранилось валообразное возвышение вдоль продольной центральной оси. С комплексом жилища связано три очага, скопления камней и костей животных. Очаги представляли собой овальные кострища мощностью от 8–10 до 22 см, иногда с каменной обкладкой. Наличие рядом с одним из них литейной формы, льячек ранних форм указывает на полифункциональность очажных систем и возможное совмещение в рамках жилища бытовой и производственной деятельности. Сравнивая в целом вятские жилища I тыс. н. э. с материалами поселений Среднего и Верхнего Прикамья, Е.М. Черных отмечает некоторые присущие им архаические черты в оформлении выходов, внутренней планировки, значительные размеры (Черных, 2008, с. 64–65). Отличают вятские городища от аналогичных поселений этого периода Камско-Бельского междуречья малочисленность и невыразительность хозяйственных ям.

Помимо жилищ на Буйском городище в приваловой части выявлена система очагов, которая говорит о длительном существовании здесь производственных площадок, связанных с металлургическим производством. Однако выявить комплексы очагов, относящиеся к III–V вв., сложно: находки льячек, украшений этого времени единичны. Скорее всего, площадки были разрушены или перестроены в раннесредневековый период. Производственный металлургический комплекс позднепьяноборского времени в приваловой части исследован и на Аргыжском городище, о чем говорят мощные линзы прокалов, находки шлаков, обломки тигля, литейной формы, кости живот-

ных, ножи, изделия (Черных и др., 2002, с. 64, 64, рис. 78, 63-1, 85-8).

На обоих вятских городищах в культурном слое зафиксированы человеческие захоронения: Буйское – 11 костяков; Аргыжское – 8 костяков. Характерные особенности захоронений: отсутствие в большинстве случаев могильных ям, безынвентарность, раздробленность костей, следы обожженности, отсутствие у многих костяков черепов и т. д. – больше указывают на погибших жителей поселков во время штурма городищ (Ашихмина, Черных, 1989; Черных и др., 2002, с. 64, 65, 74, рис. 79). Для Буйского городища это событие, скорее всего, произошло в I–II вв. н. э., на Аргыжском городище, судя по кладу, скорее утерянному, чем сокрытому, это IV в., возможно, рубеж IV–V вв. (Черных и др., 2002, с. 65–68, рис. 80–83).

Вещевой поселенческий комплекс представлен выразительным по набору кладом с Аргыжского городища (рис. 10), небольшим количеством украшений азелинского типа, предметами металлургического производства, бытовыми изделиями, орудиями труда и оружием III–V вв. с площадок городищ.

Поселенческая посуда представлена лепными круглодонными сосудами с примесью органики (преимущественно раковины) в тесте. Выделяется комплекс сосудов баночной формы или слабопрофилированных чаш, как правило, неорнаментированных, иногда со сквозными отверстиями, которые на данный момент лучше выделены на Аргыжском (Черных и др., 2002, с. 72–73, рис. 87, 88), Кривоборском (Оруджов, 2017, рис. 13) городищах. Им близка погребальная посуда баночных форм Худяковского, Кордон могильников и неорнаментированные чашечки Первомайского и Тюм-Тюмского некрополей (рис. 11: 1–3). Другая группа поселенческой посуды представлена более крупными чашами с прямой или слабо отогнутой шейкой, переходящей в слабо- или среднераздутое тулово. Орнаментальные композиции по шейке и плечу состояли из ряда каплевидных вдавленных (рис. 11: 9, 10), шнуровых оттисков (горизонтальные линии, петли, волны), реже гребенчатого штампа (зигзаги, горизонтальные, вертикальные пояски), часто в сочетании со шнуровыми оттисками. Венчик чаш нередко орнаментирован насечками, защипами (рис. 11: 8, 11). Подобная посуда, но меньших размеров, происходит из позднепьяноборских погребений Первомайского могильника.

Хозяйственная деятельность. Системного анализа экономической сферы жизнедеятельности вятского населения III–V вв. не проводилось. Вместе с тем можно говорить о значительной роли животноводства в системе хозяйственного ком-

плекса, судя по остеологической коллекции Буйского городища. Общий анализ костей животных памятника, проведенный в 80-е гг. XX столетия А.Г. Петренко, а также исследование коллекции П.А. Косинцевым в 2004 г. с учетом распределения костей по культурным горизонтам и объектам показали, что значимых различий между ананьинским и последующими хронологическими периодами первой пол. I тыс. н. э. нет. В структуре домашнего стада преобладали лошади, свиньи, меньшая доля приходилась на крупный и мелкий рогатый скот (Петренко, 1984, рис. 35; Косинцев, Пластеева, 2004, табл. 1, 2). Все направления животноводства были неспециализированными, с комплексным использованием животных (Косинцев, Пластеева, 2004). По сравнению с предшествующим периодом не снижалась, а даже чуть возросла роль охоты в системе жизнеобеспечения населения Буйского городища. Наиболее многочисленны на памятнике кости лося, что указывает на выраженное мясное направление охоты. Второе место занимают кости медведя. О пушном промысле говорят находки костей бобра, куницы, лисицы, волка, зайца.

Определенную роль в системе хозяйства вятского населения играло и земледелие. Однако определить реальное соотношение между животноводством и земледелием в экономике этого времени достаточно сложно. На сегодняшний день нет зернового материала с исследованных памятников. К археологическим источникам можно отнести находки железных втульчатых и проушных топоров, количество которых возрастает к IV–V вв. Эти находки не дают прямых указаний на систему земледелия, но с учетом естественно-географических условий Вятского края скорее можно предполагать подсечно-огневое земледелие с использованием ручных орудий труда для обработки почвы. Единичная находка железного наральника из Азелинского могильника не дает оснований говорить о внедрении пахотных орудий труда в земледелии.

Все исследователи археологических памятников азелинского типа отмечают высокий уровень развития металлургии, прежде всего, цветной металлообработки. Крупные поселения содержат производственные площадки с находками шлаков, тиглей, льячек, литейных форм, изделий. Известны специализированные погребения ювелиров, кузнецов на Азелинском, Суворовском, Тюм-Тюмском могильниках. Коллекция бронзовых украшений с вятских азелинских памятников отличается многообразием типов, оригинальностью и сложностью форм, применением разнообразных технических приемов. Химический анализ некоторых изделий Суворовского могильника (Ге-

нинг, 1963, с. 34) и серии предметов Ошкинского, Первомайского, Худяковского могильников (Лещинская, Орехов, 2007) показал, что самыми распространенными в цветной металлургии были оловянистые бронзы и сплавы на ее основе (чаще с присадками цинка и свинца).

Судя по широкому ассортименту железных изделий в вятских азелинских памятниках, железопроизводство играло не меньшую роль, чем цветная металлургия. Металлографический анализ коллекции кузнечных изделий Тюм-Тюмского могильника и Буйского городища показал, что большинство бытовых предметов (ножи, топоры, молотки, скобели, шилья) и наконечники копий изготовлены ковкой целиком из железа или сырцово-стали, из пакетных заготовок. По мнению Л.С. Розановой, Н.Н. Тереховой, это характерно для местного технико-технологического стереотипа (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009, с. 106–107). Мечи же, изготовленные из литой (тигельной) стали, были предметом импорта в азелинскую среду (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009, с. 108–110).

Азелинские памятники III–V вв. в бассейне р. Вятки формируются на местной раннепьяноборской основе, что четко фиксируется в непрерывном функционировании некоторых могильников (Ошкинский м-к конца I–III вв.; Первомайский м-к конца I – V вв.), преемственности в материальной культуре, погребальных традициях. Вместе с тем процессы ВПН, затронувшие Волго-Камье, фиксируются и в материалах азелинских памятников Вятки. С середины IV в. в вятских захоронениях значительно возрастает ассортимент оружия, воинского снаряжения, конского убранства. При этом выделяются отдельные захоронения с богатым воинским набором, включая импортные образцы. Интерпретация этого явления в научном сообществе разная. Р.Д. Голдина видит в этом результат внедрения в вятскую среду в третьей четверти IV в. гото-славянской военной группировки, оставившей Азелинский и Суворовский могильники, воинские захоронения Тюм-Тюмского некрополя (Голдина, 1999, с. 264–267; Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 183–187). А.В. Богачевым высказана идея связать памятники азелинско-суворовского типа Волго-Камско-Вятского междуречья с инфильтрацией в местную финно-пермскую среду с III в. отдельных групп этнических рогов/рогов Прибалтики, носителей традиции использования в поясной гарнитуре наконечников ремней с вогнутыми сторонами. По мнению автора, именно этих рогов упоминает Иордан в числе прочих северных племен, покоренных Германарихом во второй-третьей четверти IV в. (Богачев и др., 2019, с. 135–139). Однако не менее правдопо-

добно выглядит предположение, что яркое проявление на Вятке воинской субкультуры, появление в захоронениях привозных изделий (мечи, шлемы, котлы, халцедоновые диски, поясная гарнитура и т. д.) может быть следствием внутренних процессов. Среди них: «реакция» на появление иноэтнических группировок на нижекамских границах азелинского мира (III–IV вв. – пришлый компонент, фиксируемый по значительному проценту захоронений человека с конем, насыщенности погребений изделиями неместного производства; конец IV в. – появление именьковских племен); прямое или опосредованное получение престижных ценностей; усиление «напряженности» в связи с

перегруппировкой населения внутри азелинской территории на рубеже IV–V вв. (отток населения с Нижней Камы на марийское левобережье Волги и Вятку); усложнение внутренних социальных механизмов в вятском обществе в условиях активных процессов ВПН.

Азелинские традиции в дальнейшем четко проявляются в вятских памятниках VI–VII вв., которые одни исследователи рассматривают как поздне- или постазелинские памятники (Д.Г. Бугров), другие выделяют в ранний этап средневековой еманаевской археологической культуры (Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская).

Особенности азелинских памятников Марийского Поволжья

Территория. В междуречье рр. Волги и Илети (в литературе они чаще называются памятники Марийского Поволжья) в настоящее время изучено 128 погребений на 5 могильниках: Мари-Луговском (58); Уржумкинском (35); Арзобелякском (Ясачном) (30); Лушморском (7) и одном могильнике постазелинского типа – Шор-Унжинском (6 погребений) (рис. 1).

История изучения. Первым известным памятником этого круга является Мари-Луговской могильник, расположенный на левом берегу Волги у д. Мари-Луговая Звениговского района республики Марий Эл. Памятник известен с 1914 г. после любительских раскопок местного помещика Тилле. Затем в 1925, 1926, 1928 гг. любительские раскопки проводились школьниками семилетней школы с. Помары. Некоторое время коллекции хранились в школе, их последующая судьба неизвестна. Первые научные исследования были организованы в 1929 г. Е.И. Горюновой (Горюнова, 1934), которая установила, что на этой территории располагалось 4 одновременных памятника, в том числе и могильник IV–VI вв., на котором она изучила 8 погребений. Раскопки продолжены МарАЭ в 1956 г.: на вскрытой площади в 633 кв. м выявлено 38 могильных ям интересующего нас периода, содержащих 42 костяка (Халиков, 1962, с. 158–183). А.Х. Халиков без сомнения отнес полученный материал к позднepyаноборской или азелинской культуре¹. Впоследствии исследователь чаще пользуется термином «азелинская культура». Признавая Мари-Луговской могильник бесспорно азелинским, А.Х. Халиков отметил ряд особенностей, отличающих данный памятник от классических азелинских, известных в то время на Вятке. На материалах данного памятника и Кубашевского городища А.Х. Халиков сделал вывод о том, что «азелинские племена... явились одной из основ сложения древнемарийской народности в ее луговом варианте» (Халиков, 1962, с. 179). Этот вывод во многом определил последующий интерес ученых МарАЭ к изучению азелинских древностей.

В 1968, 1970, 1973 гг. МарАЭ и МО ЧАЭ ИА РАН под руководством Г.А. Архипова были произведены раскопки Уржумкинском могильника в Звениговском районе Республики Марий Эл. За три года было изучено 35 захоронений.

¹ К этому времени развернулась дискуссия о статусе азелинской археологической культуры как о самостоятельной или части позднepyаноборской культуры. А.Х. Халиков не вдавался в подробности данной дискуссии.

В 1985 г. у д. Арзобеляк Звениговского района на восточном берегу оз. Ясачное В.В. Никитиным при раскопках мезолитического поселения между жилищными впадинами раскопано 7 погребений (Никитин, 1985). В 1990 г. изучение памятника продолжено Т.Б. Никитиной: на площади 224 кв. м раскопано 23 погребения (Никитина, 1990).

Сведения о находках у пос. Лушморский известны с 1956 г., когда А.Х. Халиков зафиксировал остатки человеческого костяка у песчаного карьера. Под таким названием памятник вошел в археологическую литературу. В 1990 г. на месте бывшего поселка Лушморский одним из отрядов экспедиции МарГУ под руководством В.В. Ставицкого проведены работы на Ошутьяльском II поселении эпохи бронзы, во время которых вскрыто три азелинских погребения. В отчете памятник именуется уже Ошутьяльским могильником по наименованию поселения, на площади которого он располагался. Исследования на поселении были продолжены в 1995 г. Б.С. Соловьевым и обнаружено еще 3 захоронения азелинской культуры. В 2002 г. во время разведочных работ одно разрушенное погребение вскрыл А.В. Михеев и по наименованию другого населенного пункта дал его в отчет под названием могильник у д. Озерки.

В 1990–1991 гг. одним из отрядов МарАЭ под руководством А.И. Шадрина были возобновлены раскопки Мари-Луговского могильника; на площади 884 кв. м изучено 11 погребений (Шадрин, 1990; 1991).

Материалы указанных выше азелинских погребений почти полностью введены в научный оборот (Никитина, 1992; 1999) (за исключением погребений Мари-Луговского могильника, раскопанных А.И. Шадриним), но полного научного обобщения они не получили. После появления обстоятельных публикаций по азелинским памятникам Вятского бассейна (Н.А. Лещинская) и Прикамья (П.Н. Старостин) возможно определить место азелинских памятников Марийского Поволжья в круге древностей азелинской культуры вообще. Своеобразие очевидно как в погребальном обряде, так и в инвентаре.

Могильники. Все могильники грунтовые, без внешних выраженных признаков. Они расположены на возвышениях надлуговой террасы левого берега р. Волги и два, Лушморский и Шорунжинский, на краю террасы небольших речек.

Могилы располагались рядами, вытянутыми вдоль берега (рис. 2: 8, 9). На Уржумкинском и частично Арзобелякском могильниках ряды нестройные, иногда прерывистые. Объясняется это

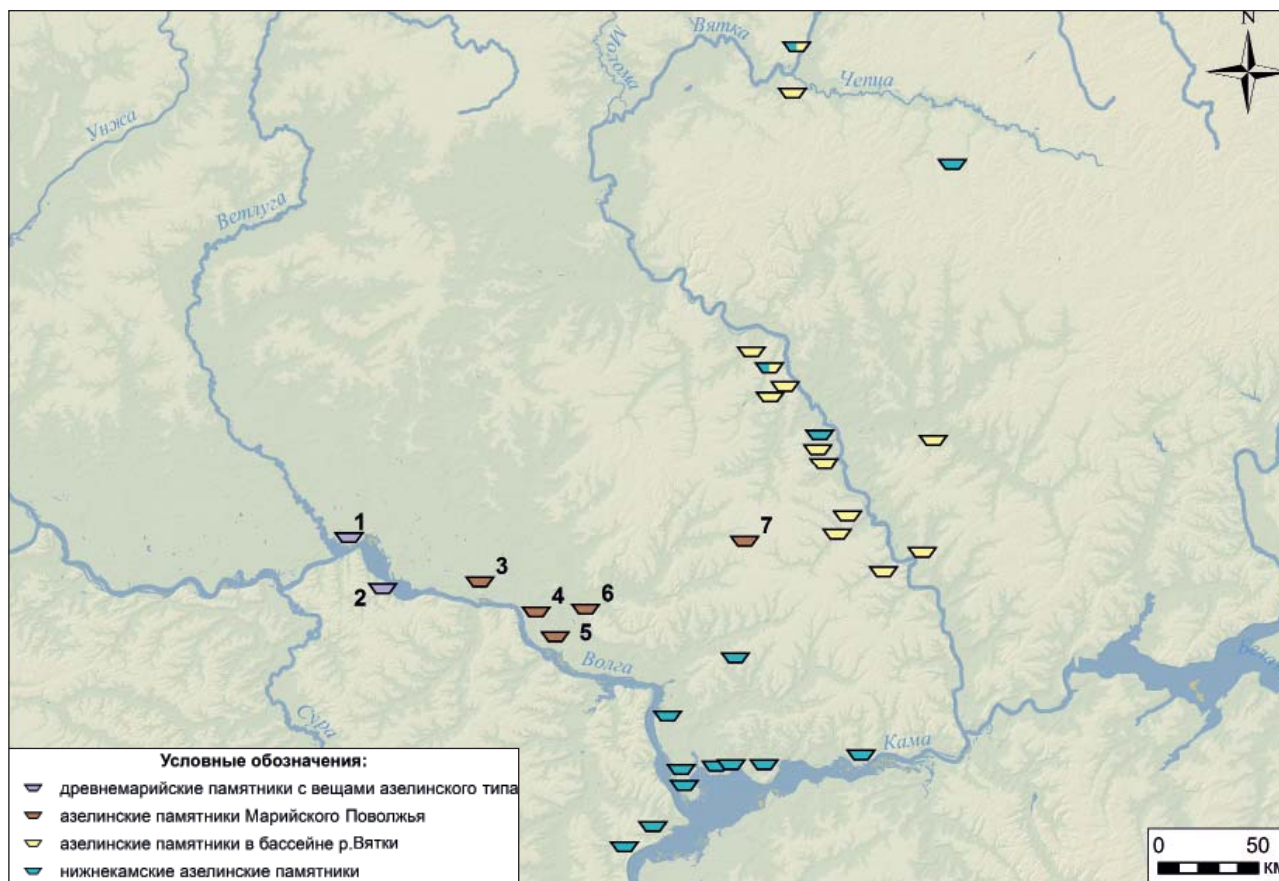

Рис. 1. Карта азелинских памятников Марийского Поволжья:

- 1 – Младший Ахмыловский могильник, 2 – Юльяльские находки, 3 – Уржумкинский могильник, 4 – Арзелякский (Ясачный) могильник, 5 – Мари-Луговской могильник, 6 – Лушморский (Ошутьяльский) могильник, 7 – Шор-Унжинский могильник

тем, что погребения занимали возвышенные места между впадинами, образованными котлованами землянок более ранних эпох.

Могильные ямы подпрямоугольных форм со скругленными в разной степени углами имели внушительные размеры, значительно превышающие рост захороненных в них людей. Ямы вырывались таким образом, что со стороны преимущественно головы или ног оставалось большое пространство для жертвенных даров. Преобладает глубина могильных ям выше 70 см. Наибольшей глубиной отличается Арзелякский могильник: отдельные погребения до 165 см. В погребениях Мари-Луговского могильника глубину до 70 см имеют 28% захоронений, от 71 до 100 – 35,1%. Наиболее мелкие захоронения на Лушморском могильнике. Углистые включения в засыпи отдельных погребений фиксируются нечасто (три случая на Мари-Луговском могильнике и один на Уржумкинском), в трех случаях в засыпи отмечено присутствие жженных костей, характер которых не определен. Вещи в засыпи также достаточно редки: п. 3, 15 Арзелякского, п. 7 Уржумкинского).

Преобладающий способ захоронения – ингумация. В двух погребениях Арзелякского

могильника присутствуют признаки обработки трупа огнем. В погребении 27 следы огня фиксируются на костях черепа и позвонках, остальные кости следов огня не имеют. В п. 20 содержится небольшое количество мелких кальцинированных костей. Н.А. Лещинская связывает эти два случая с появлением обряда кремации (Лещинская, 2014, с. 20). Однако однозначно связывать эти кости с человеком нельзя, так как нет диагностирующих фрагментов.

Костяки обычно располагались в вытянутом положении на спине (рис. 2: 1, 2). Зафиксировано 5 случаев положения на правом боку (рис. 2: 3) (Уржумкинский могильник: пп. 2, 12, 17; Мари-Луговской: пп. 38, 56) или левом боку (Мари-Луговской могильник: пп. 6, 7 из раскопок 1929 г.).

В шести захоронениях Арзелякского могильника зафиксирована частичная ингумация (пп. 5, 6, 7, 9, 14, 21, 23) (рис. 2: 4–6): в 5 случаях это захоронение черепа, в одном случае (п. 6) – компактное беспорядочное захоронение костей (рис. 2: 6). К погребению 6 Арзелякского могильника близко погребение 28 Уржумкинского могильника. В захоронении 95 Мари-Луговского могильника череп был положен в ноги погребенного.

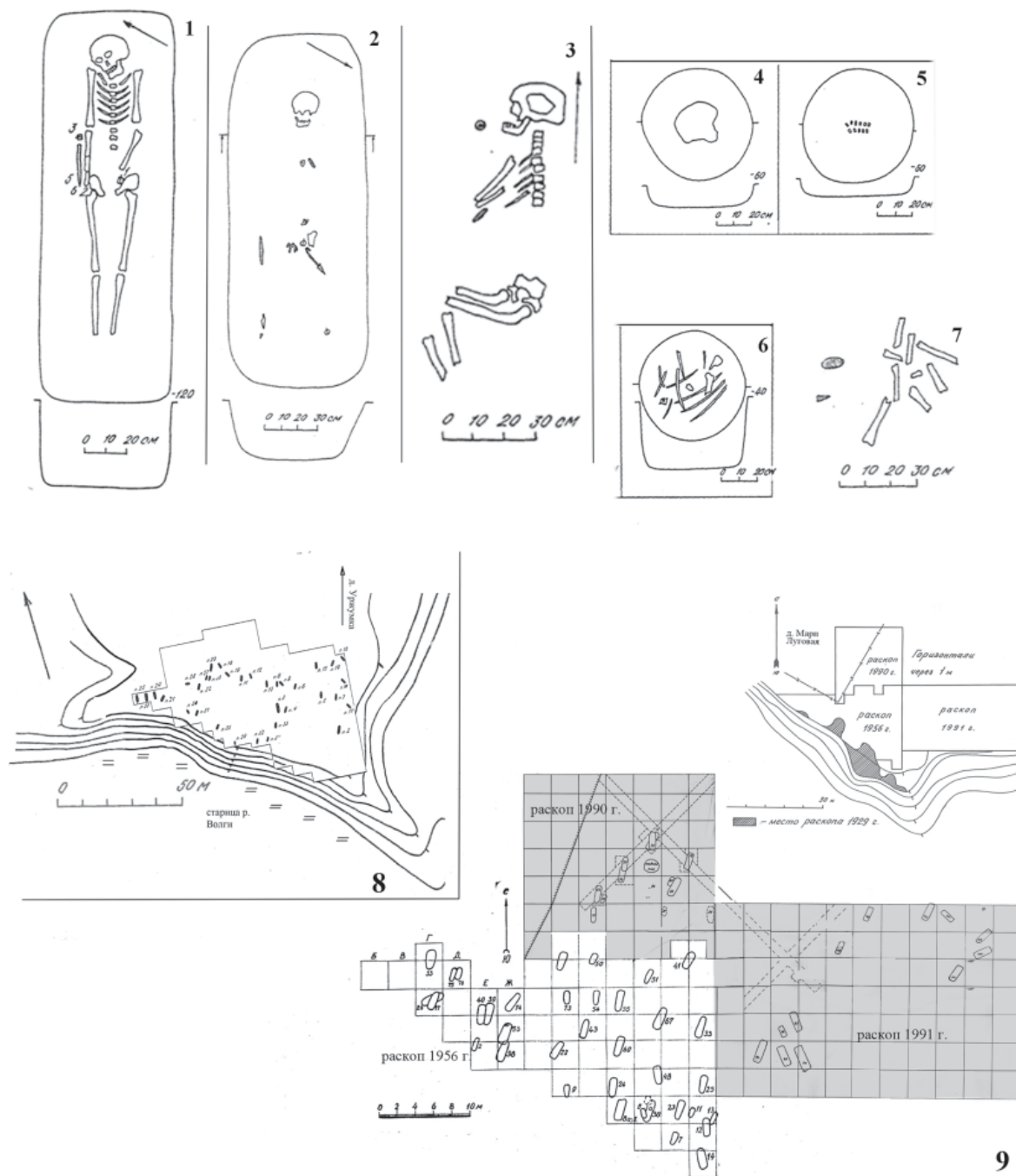

Рис. 2. Планы погребений и раскопов.

1 – Арзбелякский могильник, погр. 19; 2 – Лушморский могильник, погр. 6; 3 – Уржумка, погр. 12; 4 – Арзбелякский могильник, погр. 5; 5 – Арзбелякский могильник, погр. 7; 6 – Арзбелякский могильник, погр. 6; 7 – Уржумкинский могильник, погр. 28; 8 – план могильника и раскопа на Уржумкинском могильнике; 9 – план могильника и раскопов на Мари-Луговском могильнике

Для погребений пьяноборской культуры (с которой большинством исследователей связывается азелинская культура) за редким исключением (5 черепов в одной могильной яме на Кушулевском 3 могильнике) (Старостин, 2009, с. 29) захоронения черепов не типичны. Более часты подобные захоронения у западных соседей на Шатрищенском и Безводнинском могильниках (Никитина, 1999, с. 11). Ближе всего этот обряд к захоронениям

ананьинского времени, особенно волжских ананьинцев, где погребения с черепами в небольших округлых ямах составили 5,6% (Патрушев, 1984, с. 156).

В целом для костяков характерна просеверная ориентация с различными отклонениями к З и В. Интерес представляют захоронения головой в южном направлении на Лушморском могильнике. У трех погребений сохранились кости и ориенти-

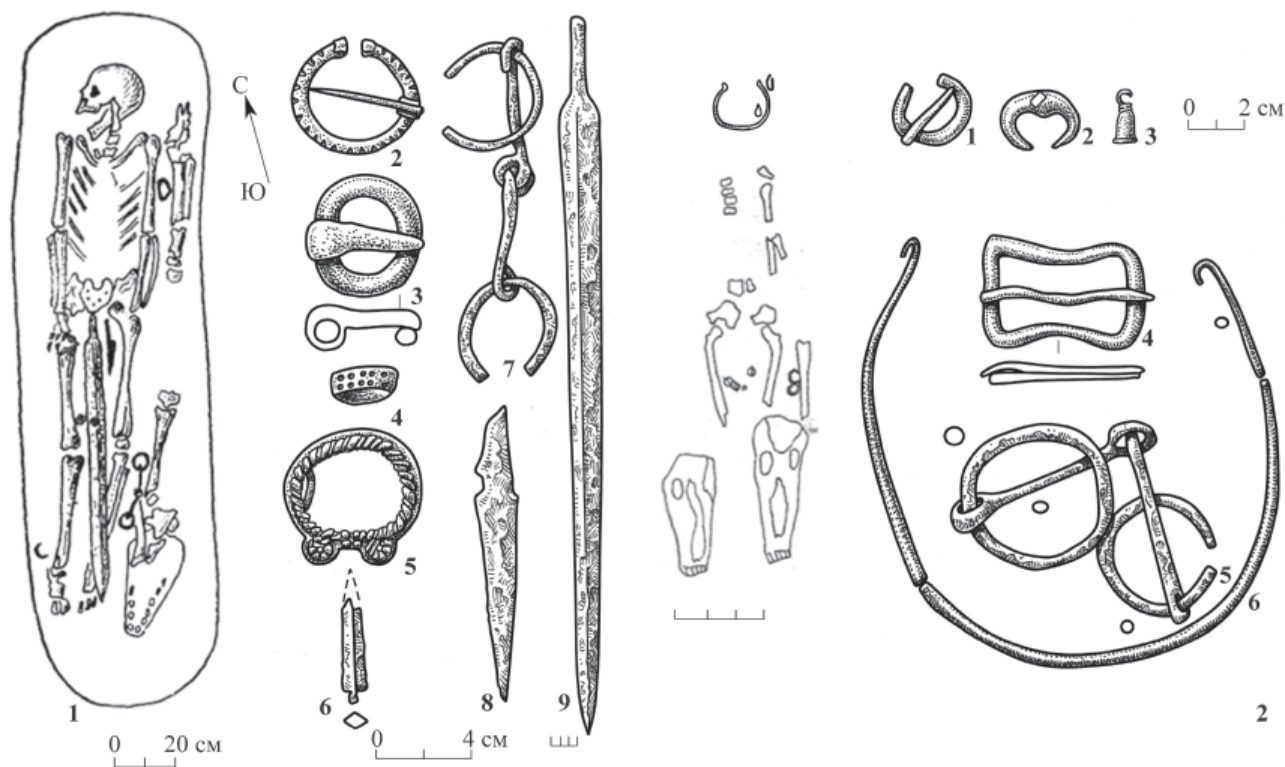

Рис. 3. Захоронения с конем.

1 – Мари-Луговской могильник, погребение 39; 2 – Уржумкинский могильник, погребение 14

ровку можно определить достоверно головой на ЮЗ, ЮЗЗ. В четырех случаях кости не сохранились, но есть основания считать, что ориентировка была такой же, так как могилы располагались практически параллельно друг другу. Костяки располагаются ногами к реке, головой вверх по склону. Иногда южная направленность костяков встречается на Вятке в Вичмарском и Худяковском могильниках. Сложилось достаточно устойчивое объяснение связывать необычную ориентировку для пьяноборского населения с традицией класть умерших ногами к реке (Лещинская, 2014, с. 22). Под это объяснение не подходят захоронения 11, 17, 22, 30, 38, 72 Мари-Луговского могильника с южной ориентировкой: расположены головой к реке к краю надлуговой террасы.

Следующей особенностью погребального обряда азелинских памятников, расположенных между Волгой и Илетью, является наличие захоронений с костями коня (рис. 3: 1, 2): пп. 14, 39, 40 Мари-Луговского, пп. 8, 14 Уржумкинского, пп. 12, 17, 27–28 Арзобелякского могильников, кости коня между могилами на Уржумкинском могильнике.

Могильные ямы с костями лошадей по конструкции не отличаются от остальных захоронений: они имеют прямые стенки без подбоев. Остатки коней представлены частями головы и ко-

нечностей. В Мари-Луговском могильнике в п. 14 присутствовали кости ног жеребенка, п. 39, 40 – лошадиный череп и кости ног; в п. 8 Уржумкинского могильника – череп коня, в п. 14 – 2 черепа коня, в пп. 17, 27–28 Арзобелякского могильника – черепа лошадей, а в п. 12 – череп и кости конечностей над ним. Расположение костей коня в погребениях имеет различные варианты: большинство зафиксировано на одном уровне с останками человека обычно с левой, иногда с правой стороны от костяка. В п. 14 Уржумкинского могильника два черепа находились в ногах (рис. 3: 2), в погребениях 27 и 28 Арзобелякского могильника – в засыпи. Специфично расположение костей в п. 12 Арзобелякского могильника: в засыпи могильной ямы обнаружены череп и лежащие на нем конечности лошади.

В тех случаях, когда присутствовали лошадиные черепа, они располагались со стороны ног (пять с южной стороны от костяка, один с северной, в одном случае информация отсутствует), череп повернут резцовой частью от костяка. Черепа также входили в комплекс между могилами на Уржумкинском могильнике, черепа коней располагались на расстоянии 80 см, на одном из них лежали кости коня и железные удила. В п. 14 Мари-Луговского могильника с левой стороны от костяка у восточного края могильной ямы обнару-

жены кости ног жеребенка, череп не обнаружен. Но следует сделать оговорку, что кости человека также находились в беспорядке.

Захоронения с конями из рассмотренных могильников имеют много общего с подобными на Нижней Каме. На Рождественском V могильнике захоронения с конем составляют 40% от общего количества азелинских погребений, на Нармонском 47%, на Усть-Брыскинском 11% (Старостин, Петренко, 1984, с. 104). П.Н. Старостин выделил 6 групп таких захоронений. Погребения с расположением костей на дне из погребений Марийского Поволжья находят аналогии с погребениями первой группы Рождественского могильника (Старостин, 2009, с. 32), погребения с костями в засыпи имеют сходство с группой 2. Обе группы являются наиболее многочисленными и показательными для памятников Нижней Камы.

Захоронения с конями, частями коня или отдельными костями характерны для широкого круга лесостепных и степных культур. Но детального совпадения ориентировок и способа захоронения коня или его частей выявить не удалось. По ряду черт обрядности захоронения с конями из рассмотренных азелинских памятников имеют много общих черт с погребениями с конем Безводнинского могильника, в котором они составляют 13,6% (Краснов, 1980, с. 35): ориентировка черепа коня, противоположная ориентировка человека, расположение черепа выше дна в засыпи могильной ямы, отсутствие зависимости находок конских костей с полом погребенного. Но следует сказать, что исследователь Безводнинского могильника Ю.А. Краснов датировал погребения с конем VI в. (Краснов, 1980, с. 37), т. е. более поздним временем, чем основная масса азелинских погребений на левобережье Волги. В поисках истоков данного обряда у местного населения исследователи предлагали различные пути его проникновения, среди которых больше сторонников получило южное поднесарматское направление (Синицын, 1954, с. 226, 227; Халиков, 1962, с. 177, Архипов, 1978, с. 172–180). А.Г. Петренко считала этот обряд элементом кочевой традиции тюрков или угров (Петренко, 2000, с. 88). П.Н. Старостин первоначально также предполагал, что это результат кочевнического воздействия (Старостин и др., 1971, с. 142), но не исключал возможной связи с носителями памятников андреевско-писеральского круга (Старостин, 2002, с. 25). Но все же, по его мнению, основные причины возникновения этого обряда «у носителей азелинской культуры Нижнего Прикамья обусловлены в первую очередь социально-экономическим развитием» (Старостин, Петренко, 1984, с. 106). Аналогично мнение Ю.А. Краснова о возникновении такого обряда у

населения, оставившего Безводнинский могильник (Краснов, 1980, с. 38). На мой взгляд, утверждение о том, что погребения с конем являются результатом самостоятельного возникновения обряда у местного населения, сомнительно. В таком случае становится непонятным, по каким причинам созревший в своей среде обряд так быстро исчезает. Различные варианты захоронений с конем также свидетельствуют о неустоявшейся традиции, скорее всего, заимствованной от иноплеменников. Вероятно, все-таки стоит более внимательно присмотреться к тезису о возможном кочевническом воздействии на формирование этого обряда.

В целом инвентарь из могильников близок вещевому комплексу азелинских памятников (рис. 4), что подтверждает их принадлежность к одной культурной общности. Особенно выразителен женский костюм, в составе которого обнаружены культуродиагностирующие украшения: височные подвески в виде знака вопроса со спиральной трубицей, эполетообразные застёжки, прямоугольные рамчатые нагрудники, шумящие подвески с прямоугольной узкой основой, шумящие подвески с умбовидной основой, арочные шумящие подвески с изображением коней и т. д. При этом следует отметить, что особенно выделяется среди женских украшений комплекс вещей, имеющих параллели в вятских могильниках, но не характерных для нижнекамских захоронений. Литые реалистические изображения коней с привеской или без нее (рис. 4: 18), литые полые уточки без перекладины (рис. 4: 12, 20, 21), богатый стиль шумящих украшений: нагрудники с изображением идущих коней (рис. 4: 14), арочные двухрусные подвески (рис. 4: 16), прямоугольные нагрудные планки (рис. 4: 11), круглые бляхи (рис. 4: 17), умбовидные и прямоугольные обувные украшения (рис. 4: 19) отличают памятники Марийского Поволжья и вятского бассейна и придают им специфический облик. Подобные вещи присутствуют и среди азелинских древностей на Нижней Каме, но являются единичными и не определяют облик камского варианта культуры. В Нижнем Прикамье известен только один экземпляр реалистического изображения лошади без привески (п. 10 Нармонского могильника), одно изделие литой поллой уточки без перекладины. Двухзубые дротики зафиксированы только в бассейне р. Вятки и левобережье Волги.

Таким образом, по погребальному обряду азелинские памятники левобережья Волги имеют больше сходства с могильниками Нижнего Прикамья: обилие потревоженных захоронений, частичные захоронения, захоронения с частями коня, незначительное наличие скорченных костяков. При этом следует

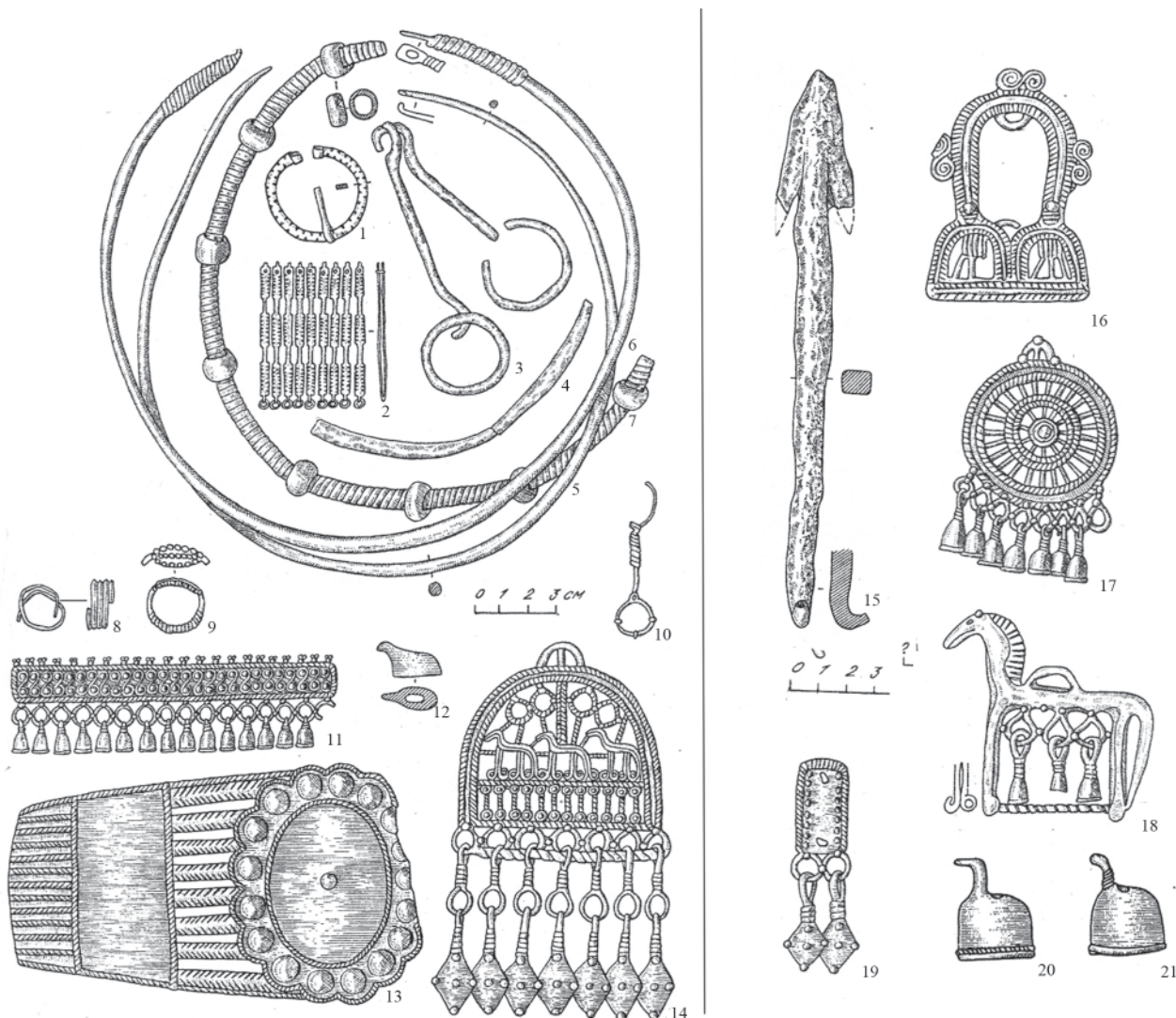

Рис. 4. Инвентарь из азелинских погребений.

Уржумка: 1–14 – погр. 32; 16, 19 – погр. 4; 17 – погр. 7; 18 – погр. 21;
 Лушморский могильник: 15 – погр. 4; Арзобелякский могильник: 20, 21 – погр. 20. 1 – сюльгама; 2 – поясные накладки; 3 – удила; 4 – фрагмент гривны; 5–7 – гривны; 8–9 – перстни; 10 – височная подвеска; 11, 14, 16, 17 – нагрудные украшения; 18 – подвеска; 12, 20, 21 – пронизки; 13 – поясная застёжка. 1, 2–6, 8–14, 16–21 – цветной металл; 3, 15 – железо; 7 – железо, цветной металл, стекло.

признать, что в нижнекамских могильниках воинская субкультура была выражена ярче (Лещинская, 2009, с. 115). В погребальном инвентаре, особенно элементах костюма, могильники Марийского Поволжья обнаруживают большее число параллелей с могильниками Вятского бассейна.

Марийские памятники имеют свои особенности: южная ориентировка, значительно меньший процент жертвенных комплексов.

Датировка. В целях определения места могильников Марийского Поволжья в системе азелинской культуры в целом датировка памятников проведена с учетом классификации и хронологической схемы, разработанной Н.А. Лещинской на материалах наиболее многочисленных вятских памятников. Для более четкого восприятия опи-

сание вещевого инвентаря проведено в соответствии с этой же схемой.

Анализ вещевого инвентаря позволяет отнести памятники Марийского Поволжья к периоду IV–V вв.

Наиболее ранними памятниками являются Мари-Луговской и Лушморский (Ошутьяльский, у д. Озерки) могильники. Основная масса погребений Мари-Луговского могильника относится к IV в., который подтвержден соответствующим инвентарем: массивные пряжки с прямоугольным щитком, имеющим продольные вогнутые стороны (пп. 30, 79), пряжка с прямоугольным щитком, одинаковым по ширине и округлыми выступами по краям (п. 60), крупные наконечники ремней из согнутых пополам пластин с вогнутыми сторонами

(пп. 60, 79), накладки из согнутой пополам пластины с рельефно-геометрическим оформлением (п. 60), накладки из согнутых пополам длинных узких фасетированных пластин с зубчатой орнаментацией (по Старостину – «пильчатых») (п. 89). Только три погребения можно отнести к рубежу IV–V вв. Погребение 12 в составе комплекса имеет обувное шумящее украшение с прямоугольной основой и ажурную шумящую подвеску с узкой прямоугольной основой. Такая же подвеска обнаружена в п. 83. Погребение 89 датируется крупной арочной шумящей подвеской с изображением трех коней. Мари-Луговской могильник также отличается наличием вооружения; здесь обнаружены два меча и кинжал.

Наиболее противоречива датировка Лушморского могильника, которая осложнена небольшим количеством раскопанных погребений. Погребение 1 содержит фрагмент поясного набора с накладками из согнутой пополам пластины простой прямоугольной формы, которая имеет аналогии в п. 224 Рождественского могильника, а в материалах Худяковского входит в комплексы III века (Лещинская, 2014, с. 169, табл. 84: 3). В погребении 5 обнаружена подвеска в виде реалистической фигурки лошадки без перекладки, которые по материалам других территорий датируются IV в.

Уржумкинский и Арзобелякский могильники имеют датировку ближе к концу IV в. с переходом в V в. Типы вещей с выраженными хронологическими позициями в ряде погребений Уржумкинского могильника позволяют датировать эти комплексы не ранее рубежа IV–V вв.: п. 3 (умбовидная шумящая подвеска и перстни с рельефными рядами шариков), п. 4 (обувное шумящее украшение с прямоугольной основой и ажурная шумящая подвеска с узкой прямоугольной основой), п. 6 (ажурная шумящая подвеска с узкой прямоугольной основой и кольцевидные подвески с утолщениями), п. 9 (наконечник ремня из перегнутой пополам прямоугольной пластины с валиковым расширением в месте изгиба), п. 16 (обувное шумящее украшение с прямоугольной основой и гривны из дрота с ромбическим сечением), п. 21 (ажурная шумящая подвеска с узкой прямоугольной основой), п. 22 (цельнолитая пряжка), п. 32 (аналогичная обувная подвеска, перстень с овальным щитком и ажурная шумящая подвеска с узкой прямоугольной основой).

Менее выразителен инвентарь Арзобелякского могильника: он значительно беднее в типологическом плане и имеет меньше вещей с выраженной хронологической позицией. Часть вещей относится к IV в., а в большинстве к рубежу IV–V вв.: кольцевидные подвески с утолщениями обнаружены в пп. 2, 19, цельнолитая пряжка в п. 11, ажурная шу-

мящая подвеска с узкой прямоугольной основой в п. 1, перстни с рельефными рядами шариков в пп. 2, 4, 26. Не исключено, что отдельные погребения были оставлены в начале VI в., о чем я уже ранее писала (Никитина, 1999, с. 35).

Таким образом, по материалам могильников левобережья Марийского Поволжья очевидно, что носители азелинской культуры появляются здесь не ранее IV в., т. е. уже в оформленном виде. Это вполне соответствует археологической карте памятников данного региона, на которой нет памятников начала I тысячелетия, позволяющих их рассматривать в качестве предков азелинских древностей. Учитывая, что азелинские памятники Марийского Поволжья имеют общие параллели с прикамскими памятниками (захоронение коней, частичные захоронения и т. д.), неизвестными населению вятского края, можно сделать заключение, что волна переселенцев пришла из южного Прикамья. П.Н. Старостин предполагал, что население ушло в северные районы под давлением именьевского населения (Старостин, 1995, с. 83). Продвижение на восток было незначительным, они освоили небольшую территорию по левому берегу на протяжении 70 км. Особняком стоит только Лушморский могильник. Прикамские переселенцы принесли традицию захоронения с конем, халцедоновые диски, котлы в погребениях. В отличие от прикамских памятников в азелинских древностях Поволжья в меньшей степени выражена воинская культура. Мечи обнаружены всего в двух захоронениях на Мари-Луговском могильнике. В шести комплексах обнаружены халцедоновые диски, а в двух – крупные халцедоновые бусы. Р.Д. Голдина предполагает, что эти изделия из халцедона населению азелинской культуры, видимо, были принесены мужчинами-воинами (Голдина, Бернц, 2016, с. 43), поэтому они довольно часто встречаются в качестве наверший мечей. Появление халцедоновых дисков в женских украшениях вторично и использовалось местными мастерами. В захоронениях Марийского Поволжья халцедоновые изделия находились в пяти женских захоронениях из восьми погребений с халцедоновыми дисками. В п. 40 Мари-Луговского могильника они входили в состав женского поясного набора, который был положен в берестяной короб, поставленный в нишу мужского погребения, очевидно, в качестве дара. В двух мужских погребениях Уржумкинского могильника (пп. 5 и 34) они находились в ногах, возможно, тоже выполняя функцию дарственной вещи. Таким образом, в Марийское Поволжье данные изделия проникли через население Прикамья в переработанном виде. Обряд захоронения с конем также уже нивелируется в местной среде, и его процент значительно ниже, чем

в Прикамье. Очень интересна следующая деталь: в погребениях Марийского Поволжья не обнаружено железных изделий, которые называют косами-горбушами или, по новой интерпретации, боевой косой для ближнего боя (Перевошиков, 1997, с. 68), достаточно многочисленных в Прикамье; обнаружено только одно изделие в Шор-Унжинском могильнике с комплексом вещей второй половины VI–VII вв.

Определенная часть прикамского азелинского населения все же осталась на старых местах. Так, погребение 139 Рождественского 5 могильника содержит фрагмент головного жгута, выполненного из пучка крученых нитей, обвитого полоской кожи, покрытой бронзовыми обоймочками (Старостин, 2009, с. 35, рис. 26: 3). Жгут можно отнести к типу II классификации Ю.А. Краснова по материалам Безводнинского могильника и датировать VI в. (Краснов, 1982, с. 57).

Население левобережья Волги и Илети в последующий период продолжает развитие в системе населения азелинской культуры, основное ядро которой находится на Вятке. С V в. у населения обоих регионов появляется стиль шумящих украшений, делающих культуру этого населения особо выразительной.

Много споров относительно последующей исторической судьбы населения азелинской культуры, в частности левобережья Марийского Поволжья. А.Х. Халиков на основании раскопок Младшего Ахмыловского могильника в 1956 г. сформулировал важный вывод о том, что в IV–V вв.

азелинские племена Марийского Поволжья вступили в контакт с позднегородецкими и явились одним из основных компонентов в сложении древнемарийской народности в ее луговом варианте (Халиков, 1962, с. 179; Халиков, 1992). Этот вывод определил основное направление в схеме этногенеза марийского народа на долгие годы. Г.А. Архипов в последующем включил Мари-Луговской и Уржумкинский могильники в число памятников, символизирующих начальный этап формирования марийцев (Архипов, 1991, с. 10–15).

Учитывая современные датировки азелинских памятников, такая схема взаимодействия маловероятна. Большинство азелинских памятников (Уржумкинский, Мари-Луговской, Лушморский, Арзобелякский (Ясачный)) содержат вещевые комплексы IV – начала VI вв. (преимущественно IV–V вв.) (Лещинская, 1995, с. 106–115; Никитина, 1999, с. 33–37). К середине VI в. их функционирование в основном прекращается. Вероятно, азелинцы к середине VI в. покидают этот регион, смещаясь в восточном направлении за р. Вятку к основному массиву пермского населения. На территории Ветлужско-Вятского региона остаются лишь незначительные островки азелинцев, фиксируемые по захоронениям Шор-Унжинского могильника V–VII вв., находкам на Староузюмском могильнике (Бугров, 2015) и отдельным погребениям Арзобелякского (Ясачного) могильника (Никитина, 1999), а также по керамике азелинского облика на Кубашевском городище VII–VIII вв.

Антропология населения азелинской культуры

Памятники азелинской культуры, известные еще со второй половины XIX в., впервые были выделены и объединены в единую археологическую общность В.Ф. Генингом в середине прошлого столетия (Генинг, 1959; 1963). Азелинские памятники, представленные городищами, селищами и могильниками, а также кладами и отдельными находками, фиксируются, в основном, в Волго-Вятском междуречье и на отдельных прилегающих к нему участках. В составе памятников азелинской культуры выделяют три основные группы: в бассейне р. Вятки (вятская группа памятников), в междуречье Волги и Илети (памятники Марийского Поволжья) и приустьевой части р. Камы (нижнекамская группа памятников). Время их функционирования определяется, в целом, в пределах III–V в. н. э. Судя по археологическим данным, население азелинской культуры формировалось на основе постпьяноборского, с включением иных этнокультурных групп. Если прямая генетическая связь между азелинским населением с предшествующим пьяноборским практически никем из исследователей не оспаривается, то о роли и степени участия некоторых этнокультурных групп: индоиранских, угорских, тюркских и ряда других – в генезисе азелинской культуры нет единого мнения (Генинг, 1963; 1988; Халиков, 2011; Старостин, 1997; Голдина, 1999; Лещинская, 2014; Богачев и др., 2019). Также нет единого мнения и у археологов в определении дальнейшей судьбы азелинского населения и, особенно, его роли в этногенезе марийского и удмуртского народов (Архипов, 1973; 1991; Халиков, 1992; 2011; Патрушев, 1992; Иванова, 1994; Останина, 1997; Голдина, 1999; Никитина, 2002). В этом контексте немаловажное значение приобретают палеоантропологические материалы, которые не только могут охарактеризовать расовый состав азелинского населения и выявить его генетические истоки, но и определить его роль в этногенетических процессах, проходивших в Волго-Камском регионе на рубеже эр и в финале эпохи раннего железа.

Первые данные по антропологии азелинского населения приведены в публикации М.С. Акимовой по материалам раскопок В.Ф. Генинга Азелинского и Суворовского могильников (Акимова, 1963). Небольшая серия, состоящая из 8 мужских и 3 женских черепов разной степени сохранности, морфологически, в целом, характеризуется как долихокранная с мезоморфным строением лицевого скелета, имеющим хорошо выраженную горизонтальную и вертикальную профилировку и среднее выступание носовых костей. Серия в расовом от-

ношении определяется как смешанная, но с преобладанием европеоидных черт (Акимова, 1963, с. 150–151).

Этими же чертами – долихокранная черепная коробка в сочетании с резкой горизонтальной профилировкой лица – характеризуется небольшая серия черепов из азелинских погребений Мари-Луговского могильника (раскопки А.Х. Халикова в 1956 г.), исследованная В.П. Алексеевым (Алексеев, 1962). В отличие от черепов из Азелинского и Суворовского могильников, мари-луговские обладали более широким и более низким лицевым скелетом, а также имели несильное выступание носовых костей. По мнению В.П. Алексеева, которое сложилось у него на тот момент, такое сочетание признаков – европеоидных и монголоидных – могло образоваться в результате смешения монголоидных и европеоидных форм (Алексеев, 1962, с. 242).

Краниологические измерения по трем черепам (два мужских и один женский) из Нармонского могильника азелинского типа (раскопки П.Н. Старостина в 1974 г.) были опубликованы Р.М. Фаттаховым, который отмечал, что в серии (несмотря на ее малочисленность) наблюдаются резкие морфологические различия на половом уровне (Фаттахов, 1980). Если мужские черепа характеризуются крупной долихокранной черепной коробкой, широким и высоким лицом со средним выступанием носа, то женский череп обладал более узкой и низкой черепной коробкой долихокранной формы, а также очень узким и очень низким лицом (Фаттахов, 1980, с. 131).

Таким образом, подводя краткие итоги предшествующего изучения физического облика населения азелинской культуры, можно отметить, что оно было морфологически неоднородным. В его составе исследователи выделяли как европеоидный компонент (длинноголовый, с лицевым скелетом средних пропорций), так и смешанный, сочетающий европеоидные и монголоидные черты. Последние проявлялись, как правило, в пониженных значениях угла выступания носа и некоторой уплощенности лицевого отдела. Черепа смешанного антропологического типа с преобладанием европеоидных элементов в азелинских сериях численно преобладают. При этом, если генезис европеоидного компонента в составе азелинских групп традиционно связывался либо с предшествующим европеоидным населением Среднего Поволжья эпохи бронзы и начала раннего железа, либо с влиянием южных европеоидных групп позднесарматского времени, то смешанный (про-

межуточный) антропологический тип представлялся исследователям как результат генетического взаимодействия европеоидных и монголоидных групп (Алексеев, 1962, с. 251; Акимова, 1968, с. 104). Однако, эти выводы, сделанные по антропологическому составу азелинского населения, из-за малочисленности материалов носили на тот момент, во многом, предварительный характер.

На сегодняшний день палеоантропологическая коллекция азелинской культуры пополнилась новыми материалами, которые происходят из раскопок нижнекамских могильников азелинского времени (Рождественского V и Нармонского) и синхронных им погребальных комплексов Марийского Поволжья (Мари-Луговского и Ясачного (Арзобеляжского)) (Старостин, 2002; 2009; Никитина, 1999). Расширение фактологической базы позволяет не только охарактеризовать физический облик всех территориальных групп азелинцев, но и на основе их сравнительного анализа выявить общие и частные моменты в их расогенезе.

Так нижнекамская группа азелинского населения в среднем морфологически характеризуется как долихокранная с высоким сводом головы, с относительно высоким и относительно широким лицевым скелетом средних пропорций, имеющего при средней горизонтальной и вертикальной профилировке ослабленное выступание носовых костей (табл. 1). Данный краниокомплекс – европеоидный в целом – прежде всего, фиксируется на мужских черепах. Женские черепа в отличие от мужских выглядят более короткоголовыми и имеют более низкое, узкое и несколько уплощенное лицо. На трех мужских черепах из погребений Рождественского V (2) и Нармонского (1) могильников отмечаются не ярко выраженные следы искусственной деформации (Хохлов, Газимзянов, 2022).

Череп из азелинских могильников Марийского Поволжья, изученные нами и В.П. Алексеевым, по антропологическому типу близки к черепах нижнекамской группы (табл. 1). Небольшие различия *наблюдаются* лишь по высоте лица и степени его профилированности, а также углу выступания носа. В этом плане серия из Марийского Поволжья в целом обладает более низким и более профилированным лицевым скелетом, но в то же время и более плоским носом. На фоне мужских черепов женские – при общем типологическом сходстве – выглядят более широкоголовыми и менее профилированными на уровне скуловых костей. Вероятно, в их составе монголоидный компонент был более выражен, чем в мужской части популяции.

В этом отношении выделяется объединенная краниологическая серия, которая составлена из

черепов Азелинского и Суворовского могильников и характеризует антропологический облик вятской группы азелинского населения. Судя по данным М.С. Акимовой, в ее составе, особенно в мужской ее половине, численно преобладали гипердолихокранные черепа с хорошо выраженными европеоидными чертами в строении лицевого скелета (Акимова, 1963, с. 150–151). При этом в серии имелись черепа смешанного морфотипа, которые сочетали европеоидные и монголоидные признаки. Последние, в основном, отмечались на женских черепах и, как правило, лишь по отдельным элементам и редко в комплексе.

Таким образом, краниологический анализ всех территориальных групп азелинского населения с привлечением новых материалов подтвердил выводы предшествующих исследований, что оно в целом по морфологическому типу было неоднородным и в его составе выделяется два основных краниокомплекса, которые при общей долихокранности различаются по степени выраженности европеоидных черт в строении лицевого скелета. Первый характеризуется сильно удлиненной и узкой черепной коробкой со средними пропорциями хорошо профилированного лицевого скелета в сочетании с большим углом выступания носа. Второй – умеренно долихокранный с мезоморфным лицом, имеющим несколько ослабленную горизонтальную профилировку и менее выступающее переносье. Исходя из антропологических данных, находящихся в нашем распоряжении на сегодняшний день, можем отметить, что краниотип с хорошо выраженными европеоидными признаками доминировал среди мужчин вятской группы азелинского населения, а в составе азелинцев Нижнего Прикамья и Марийского Поволжья, наоборот, преобладал антропологический компонент, сочетающий в себе европеоидные черты и отдельные монголоидные элементы. При этом все женские группы азелинского населения, независимо от их территориальной принадлежности, демонстрируют в определенной мере общие морфологические черты, главными из которых являются: ослабленная горизонтальная профилировка лица (особенно в нижней его части) и несильное выступание носовых костей. В этом отношении они типологически близки к поволжско-прикамским мужским азелинским группам, что может говорить о формировании их физического облика на общей генетической и, вероятно, этнокультурной основе.

Декларируемый нами тезис о морфологической неоднородности населения азелинской культуры, которая выявляется визуально и типологически при исследовании антропологического состава его отдельных территориальных групп, подтвердился также и на статистическом уровне

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Таблица 1

Средние краниометрические параметры по отдельным группам населения азелинской культуры

При- знак	Могильники: Суворовский и Азелинский		Могильники: Рождественский V и Нармонский		Могильники: Мари-Луговской и Ясачный (Арзебелякский)	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1.	190.8 (6)	191.0 (1)	188.0 (7)	174.4 (5)	189.7 (10)	181.4 (7)
8.	133.3 (7)	132.0 (2)	137.3 (7)	133.6 (5)	139.0 (8)	138.5 (6)
8:1.	69.7 (6)	66.5 (1)	73.1 (7)	76.7 (5)	73.0 (8)	75.7 (6)
17.	140.5 (4)	129.0 (2)	138.3 (3)	133.0 (2)	135.3 (6)	129.0 (4)
9.	94.9 (7)	95.0 (2)	97.6 (7)	92.2 (5)	98.6 (9)	95.3 (6)
45.	134.0 (7)	131.5 (2)	136.4 (7)	120.5 (4)	135.4 (5)	126.0 (2)
48.	71.6 (8)	67.7 (3)	73.4 (6)	64.0 (2)	69.8 (7)	67.4 (4)
48:45.	54.2 (7)	54.8 (2)	53.6 (6)	53.4 (2)	51.3 (5)	53.4 (2)
54.	25.6 (8)	25.6 (3)	25.3 (6)	-	25.3 (6)	25.0 (1)
55.	53.8 (8)	49.7 (3)	52.5 (6)	45.5 (2)	52.2 (7)	49.8 (4)
54:55.	47.9 (8)	51.7 (3)	48.1 (6)	-	48.3 (6)	50.0 (1)
51.	41.7 (8)	42.1 (3)	43.6 (7)	38.7 (3)	42.6 (6)	42.5 (3)
52.	32.6 (8)	31.1 (3)	32.5 (7)	31.5 (2)	30.1 (7)	33.1 (4)
52:51.	78.4 (8)	73.9 (3)	75.1 (7)	83.9 (2)	72.3 (6)	80.8 (3)
77.	138.5 (6)	142.0 (2)	140.8 (5)	143.3 (3)	135.2 (7)	138.5 (2)
Zm.	128.6 (7)	131.0 (3)	127.9 (5)	-	127.2 (3)	132.0 (1)
SS:SC.	59.1 (6)	36.1 (3)	42.1 (4)	60.0 (1)	54.0 (6)	42.7 (2)
DS:DC.	57.3 (4)	45.5 (2)	50.7 (3)	-	49.2 (4)	50.8 (2)
FC.	5.5 (8)	4.4 (3)	5.5 (5)	-	4.1 (4)	-
32.	84.4 (7)	91.5 (2)	83.4 (7)	90.0 (2)	80.5 (2)	87.0 (1)
72.	85.0 (5)	84.3 (3)	84.2 (6)	-	80.0 (1)	89.0 (1)
74.	77.4 (5)	76.7 (3)	75.8 (6)	-	74.0 (1)	82.0 (1)
75(1).	27.5 (4)	17.3 (3)	23.8 (4)	-	16.3 (3)	17.0 (1)

Таблица 2

Некоторые статистические параметры объединенной краниологической серии «Население азелинской культуры»

Пол Параме- тры	Мужчины			Женщины		
	N	X	S	N	X	S
1.	23	189.5	6.52	13	179.5	7.71
8.	22	136.7	6.58*	13	135.6	6.96
8:1.	21	72.1	4.71	12	75.3	5.31
17.	13	137.6	3.64	8	130.0	4.21
9.	23	97.2	4.72	13	94.1	2.93
45.	19	135.3	7.16	8	124.6	5.40
48.	21	71.5	3.93	9	66.7	5.38
48:45.	18	53.2	4.02	6	53.8	2.97
54.	20	25.4	1.91	4	25.5	0.93
55.	21	52.9	3.19	9	48.8	3.80
54:55.	20	48.1	4.00	4	51.3	4.33
51.	21	42.7	2.39	9	41.2	2.39
52.	22	31.8	2.14	9	32.1	2.12
52:51.	21	75.5	7.20	8	79.0	5.17
77.	18	137.9	4.68	7	141.6	2.99
Zm.	15	128.1	5.04	4	131.3	4.35
SS:SC.	15	51.6	13.6	6	42.3	12.5
DS:DC.	11	52.6	9.96	4	48.1	3.97
FC.	17	5.2	1.45	3	4.4	1.08
32.	16	83.5	5.25	5	90.0	4.00
72.	12	84.2	3.64	4	85.5	3.00
74.	12	76.3	3.58	4	78.0	4.32
75(1).	11	23.1	5.56	4	17.3	3.86

* - значения превышающие стандартные

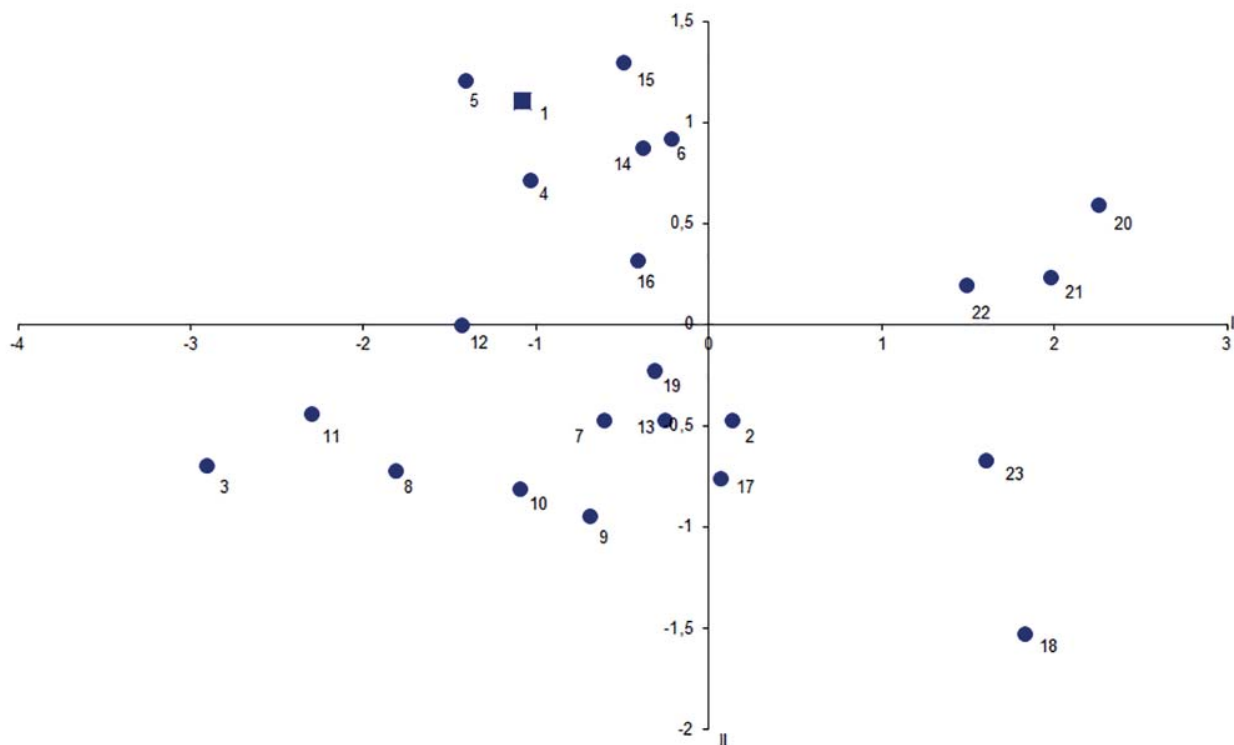

Рис. 1. Расположение краниологических серий кон. I тыс. до н. э. – пер. пол. I тыс. н. э. в пространстве первых двух канонических векторов.

- 1 – сборная серия «Население азелинской культуры», III–V вв. (Газимзянов, Волкова, наст. раб.); 2 – сборная серия «Население гляденовской культуры», в. II до н. э. – V в. н. э. (Газимзянов, неопубл. мат.); 3 – Кушулевский III могильник, II в. до н. э. – I в. н. э. (Ефимова, 1981, 1991); 4 – Чегандинский могильник, II в. до н. э. – I в. н. э. (Акимова, 1968); 5 – Камышлы-Тамакский могильник, II в. до н. э. – I в. н. э. (Акимова, 1968); 6 – Старо-Чекмакский могильник, I в. до н. э. – I в. н. э. (Фаттахов, 1981); 7 – Шиповский могильник, IV в. до н. э. – III в. н. э. (Ефимова, 1981, 1991); 8 – Охлебининский могильник, I в. до н. э. – II в. н. э. (Ефимова, 1981, 1991); 9 – Охлебининский могильник (III в. до н. э. – III в. н. э., (Нечвалода, 2018); 10 – Чепанихинский могильник, III–V вв. (Фаттахов, 1980); 11 – Ижевский могильник, III–V вв. (Фаттахов, 1981; Волкова и др., 2021); 12 – Покровский могильник, IV–V вв. (Рыкушина, Тихонов, 2000); 13 – могильник Боярский «Арай», III–V вв. (Широбоков, Черных, 2016); 14 – Дубровский могильник, IV–V вв. (Широбоков и др., 2018); 15 – Тарасовский могильник, I–V вв. (Широбоков, 2016); 16 – Бирский могильник (ранний), III–VIII вв. (Акимова, 1968); 17 – Митинский могильник, IV–V вв. (Акимова, 1968); 18 – Старо-Кишский могильник, III–II до н. э. (Акимова, 1968); 19 – сборная серия «Поздние сарматы Нижнего Поволжья и сопредельных территорий (недеформированные черепа)», II – IV вв. (Балабанова, 2013); 20 – сборная серия «Тоболо-Исетская группа», саргатская культура (Багашев, 2000); 21 – сборная серия «Приишимская группа», саргатская культура (Багашев, 2000); 22 – сборная серия «Прииртышская группа», саргатская культура (Багашев, 2000); 23 – сборная серия «Барабинская группа», саргатская культура (Багашев, 2000)

при внутригрупповом анализе объединенной краниологической серии. На это указывает рассмотрение эмпирических значений квадратического отклонения в серии по отношению их к стандартным. В мужской и женской группах они статистически завышены по многим таксономически важным признакам (табл. 2). Но при этом следует заметить, что женская часть объединенной серии на фоне мужской ее половины морфологически выглядит более гомогенной. Поэтому, отмечая неоднородный расовый состав азелинского населения, надо иметь в виду, что это утверждение в полной мере верно, если мы говорим о физическом облике мужчин-азелинцев. Как мы отмечали выше, антропологический состав женских азелинских групп, независимо от их территориальной

приуроченности, характеризуется в определенной степени общими морфологическими чертами, связанными, в первую очередь, с горизонтальной профилировкой лица и углом выступания носа. В отличие от женщин в антропологическом составе мужчин-азелинцев можно выделить два основных морфологических компонента. Один из которых (умеренно долихокранный мезоморфного типа с ослабленным выступанием носа) типологически, а возможно и генетически, близок к морфотипу женских азелинских групп, второй компонент (долихокранный резко европеоидного типа) – вероятно, маркирует в составе азелинцев группы (прежде всего мужские), которые своим происхождением не связаны с местным волжско-прикамским населением. Генетические истоки этих

Рис. 2. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из позднесарматского захоронения у с. Светлое Озеро (Республика Татарстан, Нурлатский р-н). Автор работы Н.Р. Рахматуллин

длинноголовых групп с хорошо выраженными европеоидными чертами пока не совсем ясны.

Для определения основных векторов этногенетических связей азелинского населения с предшествующим и синхронным ему населением был проведен межгрупповой анализ с привлечением мужских краниологических серий с территории Восточной Европы и Западной Сибири рубежа эр и финала эпохи раннего железа (список серий, привлеченных для межгруппового анализа, приведен в подписи к рис. 1). Выяснение характера межгрупповой изменчивости и этногенетических связей определялось методом канонического анализа. В результате нами были извлечены три первых канонических вектора, отражающих в сумме около 100% всей межгрупповой изменчивости.

Так первый канонический вектор (более 70% всей изменчивости) выявляет прямую зависимость между шириной орбит и шириной черепной коробки, то есть с увеличением ширины орбит увеличивается и поперечный диаметр головы. Данный вектор в какой-то мере выделяет долихокранные и брахикранные группы, при этом первые будут иметь узкие орбиты, а вторые – широкие. Во втором каноническом векторе (описывающем более 16% всей межгрупповой дисперсии) основные нагрузки падают на признаки, характеризующие ширину орбит, высоту носа и, возможно, высоту черепной коробки. Между этими призна-

ками определяется положительная коррелятивная связь – с увеличением ширины орбит увеличивается высота носа и, соответственно, высота черепного свода. Вероятно, данный вектор разделяет в анализируемой совокупности серии, в которой для одних будет характерно сочетание широких глазниц с высоким носом и высоким черепным сводом, а для других, наоборот, неширокие орбиты будут сопровождаться небольшой высотой носа и низким черепом. И только в третьем каноническом векторе (более 13% в общей доле всей изменчивости) максимальные нагрузки падают на те признаки, которые позволяют, в определенной степени, выявить в сравниваемых краниологических выборках группы с европеоидными или монголоидными чертами, определяя прямую зависимость между углом выступления носовых костей и шириной лицевого скелета. В морфотипе тех популяций, которые имеют большой угол выступления носа, лицевой скелет будет характеризоваться, как правило, небольшой его шириной, а в популяциях, имеющих ослабленное выступание носовых костей, напротив – будет обладать, вероятнее всего, более широким лицом.

Таким образом, какие морфологические выводы можно сделать из проведенного нами канонического межгруппового анализа? Во-первых, все серии финала эпохи раннего железа, привлеченные для межгруппового сравнения, в той или

Рис. 3. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из позднесарматского захоронения Андреевского могильника (Самарская обл., Богатовский р-н). Автор работы Л.Т. Яблонский

Рис. 4. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из пьяноборского могильника Старый Чекмак (Республика Татарстан, Муслимовский р-н). Автор работы Н.Р. Рахматуллин

иной степени характеризуются, в основном, европеоидными типами, варианты которых в большей мере зависят от формы черепной коробки и абсолютных параметров отдельных элементов лицевого скелета, чем от степени проявления монголоидных признаков. Во-вторых, монголоидный компонент в анализируемых выборках присутствует, но оценивается как незначительный и, в основном, только в виде примеси.

Наглядно это представлено на графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов, отражающих в сумме более 86% от всей межгрупповой изменчивости (рис. 1). На этом графике по горизонтали (первый канонический вектор) расположились серии, различающие по черепному указателю и ширине орбит. Так левую половину поля заняли долихо-мезокранные группы со средними параметрами ширины глазниц и скулового диаметра, а правую – мезобрахикранные серии с относительно широким лицом и крайне широкими орбитами. Второй канонический вектор (по вертикали) морфологически относительно слабо дифференцирует сопоставляемые группы. Тем не менее, отметим, что серии с небольшой высотой носа занимают нижнюю половину корреляционного поля, а с большой – верхнюю ее часть. Какую же информацию этногенетического характера мы можем извлечь из представленного графика по интересующему нас вопросу о генетических истоках азелинского населения?

Судя по краниометрическим параметрам и расположению на графике азелинской объединенной серии среди групп, характеризующих физический облик пьяноборского, мазунинского и бахмутинского населения, формирование физических и культурных особенностей азелинцев шло, в основном, при участии местного этнического компонента поволжско-приуральского генезиса, что еще раз подтверждает вывод, неоднократно высказанный ранее, о том, что азелинское население (и не только) генетически связано с предшествующим ему пьяноборским этнокультурным массивом (Акимова, 1963, с. 151; 1968, с. 37; Ефимова, 1991, с. 14). Влияние же западносибирского импульса в лице представителей саргатской археологической культуры на сложение, прежде всего антропологических, особенностей азелинского населения практически не прослеживается. По своим морфологическим особенностям – мезо-брахикрания в сочетании с относительно широким и несколько уплощенным лицом низких пропорций – саргатское население сильно отличалось от синхронных ему поволжско-прикамских этнокультурных групп, в том числе и азелинских. Последние, как мы отмечали выше, являлись носителями в основном долихокранного мезоморфного краниотипа с нерезко выраженными европеоидными чертами. В то же время в составе азелинских племен (особенно в вятской ее группе) выделяется европеоидный компонент, который по своим морфологическим характеристикам (долихокранные европеоиды мезоморфного типа) генетически ни-

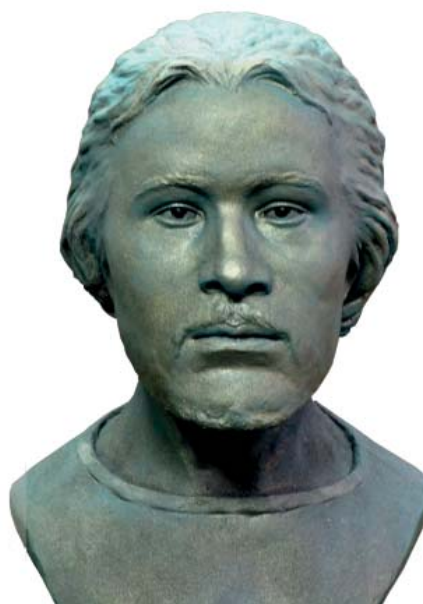

Рис. 5. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из Дубровского могильника мазунинской культуры (Удмуртская Республика, Киясовский р-н). Автор работы А.И. Нечвалода

как не связан с местным поволжско-прикамским населением рубежа эр. Его генезис, вероятно, связан с населением с более южных степных и лесостепных территорий и прежде всего с племенами позднесарматского круга, которые, судя по археологическим материалам, спорадически мигрировали в Волго-Камское междуречье и оставили здесь памятники типа Тураевского курганного могильника и ряд других (Генинг, 1963; Сунгатов и др., 2004; Лещинская, 2014). Вероятно, контактами с позднесарматским миром можно связывать появление в азелинской среде обычая помещения в могилу костных останков лошади, традиции искусственной деформации головы и ряд других культурных инноваций, которые не имеют местного происхождения (Старостин, 2002; 2009; Никитина, 1999; 2002; Хохлов и др., 2022). Исходя из палеоантропологических данных, взаимодействие между европеоидными группами позднесарматского круга и азелинским населением не ограничивалось только этнокультурными контактами. Вероятно, при определенных условиях оно переходило в стадию брачных отношений, то есть на генетический уровень. Мы понимаем, что культуро- и расогенез азелинского населения в реальности был довольно сложным процессом, и в нем участвовали разные этнокультурные компоненты,

что в какой-то мере подтверждается археологическими источниками. Однако, антропологические материалы по азелинскому населению, которыми мы располагаем на сегодняшний день, позволяют лишь говорить нам о том, что их физические особенности сложились в целом на основе предшествующего ему племени пьяноборского этнокультурного пласта. Некоторые морфологические особенности европеоидного типа, которые прослеживаются в морфотипе отдельных территориальных групп азелинцев, отражают, на наш взгляд, этногенетические контакты между местным населением и пришлыми европеоидными группами, генезис которых, вероятно, проходил гораздо южнее и был связан с европеоидными популяциями степей Евразии первой половины I тыс. н. э. Наглядное представление о физическом облике этих групп дают скульптурные реконструкции, выполненные методом М.М. Герасимова по черепам из погребений рубежа эр с территории Среднего Поволжья и Прикамья (рис. 2–5). Несомненно, расширение источниковедческой базы по антропологии древнего населения Волго-Камья может уточнить характер и содержание этногенетических процессов, проходивших здесь на рубеже эр и эпохи финала раннего железа.

ГЛАВА 5 ВОЛГО-СУРСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ В III–V ВВ. Н. Э.

Памятники Нижнего Посурья (Сендимиркино-Таутово)

Происхождение древнемордовской культуры исследователи связывают с древностями писеральско-андреевского круга, где выделяются прототипы ряда ранних «мордовских» украшений (Вихляев, 2000, с. 61; Гришаков, 2008а, с. 99). Однако основные признаки древнемордовской культуры и в т. ч. такая знаковая категория украшений, как височная подвеска с грузиком, оформляются лишь к III в. н. э. (Шитов, 2000, с. 53). Проблема заключается в отсутствии в основном ареале культуры, в Верхнем Посурье, четко выраженных памятников переходного типа, датированных постандреевским временем, т. е. второй половиной II – началом III вв. н. э.

В.В. Гришаков обратил внимание на то, что ряд комплексов этого времени есть на территории Нижнего Посурья: погребение Таутовского могильника и Сергачский могильник «Кожина слобода» (Гришаков, 2010). Материалов поселенческого типа, узко датированных этим временем, на Нижней Суре пока не обнаружено, хотя отдельные находки известны с городища «Ножа Вар» и Напольновского селища. Объединение памятников этого круга в единый культурный тип обосновано в кандидатской диссертации Н.С. Мясникова (Мясников, 2016).

История изучения памятников типа Сендимиркино-Таутово началась в 1891 г., когда во время земляных работ было обнаружено три разрушенных погребения Сергачского могильника «Кожина Слобода» (ныне Нижегородская область). В 1892 г. еще пять погребений были изучены В.И. Снежневским. В 1902 г. несколько находок с территории могильника были собраны рабочими. Попытка выяснить точное месторасположение памятника в 1969 г. М.Ф. Жигановым не дала результата, и оно до сих пор неизвестно (Снежневский, 1894; Гришаков, 2010).

Таутовский могильник (Чувашская Республика) был исследован Н.В. Трубниковой в 1956 г. Среди двух погребений балановской культуры бронзового века было обнаружено одиночное женское захоронение № 3, датирующееся постандреевским временем. Памятник, видимо, полностью разрушен песчаным карьером. Серия находок с территории могильника была обнару-

жена в осыпи карьера в 2005 г. Е.Л. Ефимовым и в 2011 г. Н.С. Мясниковым. Еще несколько предметов, найденных местными жителями, хранятся в музее Таутовской школы (Трубникова, 1958, с. 230; Мясников, Ефимов, 2009; Мясников, 2012).

Сендимиркинский могильник (Чувашская Республика) был обнаружен краеведом И.Г. Павловым в 2011 г. В 2012–2017 гг. памятник исследовался совместной экспедицией ЧГИГН (Н.С. Мясников, Е.П. Михайлов) и МГПИ им. М.Е. Евсевьева (В.В. Гришаков, О.В. Седышев). Изучено 75 погребений (Гришаков и др., 2014; Мясников и др., 2015).

Генетически древности этого круга представляют собой дальнейшее развитие памятников писеральско-андреевского типа и расположены на **территории** Нижнего Посурья по обоим берегам Суры (рис. 1).

Топография расположения могильников близка. Все три памятника были расположены на мысовидных уступах коренного берега небольших речек и впадающих в них овражков. Так, Сергачский могильник «Кожина Слобода», по имеющимся данным, располагался на мысу коренного берега, образованного р. Сергачкой (левый приток р. Пьяны) и оврагом Хмелевый. Таутовский могильник располагался на небольшом мысовидном выступе берега р. Чулуй сырми (левый приток р. Хирлеп, правого притока р. Большой Цивиль) и впадающего в нее оврага. Сендимиркинский могильник расположен на длинном и узком мысу, образованном ручьями-истоками р. Буртассницы (правый приток р. Средний Цивиль, правого притока р. Большой Цивиль) (рис. 2).

Погребальный обряд памятников этого типа может быть рассмотрен на материалах наиболее изученного Сендимиркинского могильника, с отдельными дополнениями по Сергачскому и Таутовскому некрополям. Так, и в Сендимиркино, и в Сергаче могильники имеют рядовую планировку. В Сендимиркинском могильнике ряды вытянуты по линии ЗСЗ–ВЮВ, что соответствует ориентировке мыса, на котором располагается памятник. Расстояние между могилами от 0,5–1 м до 2–3 м, могилы практически не нарушают друг друга. В Сендимиркинском мо-

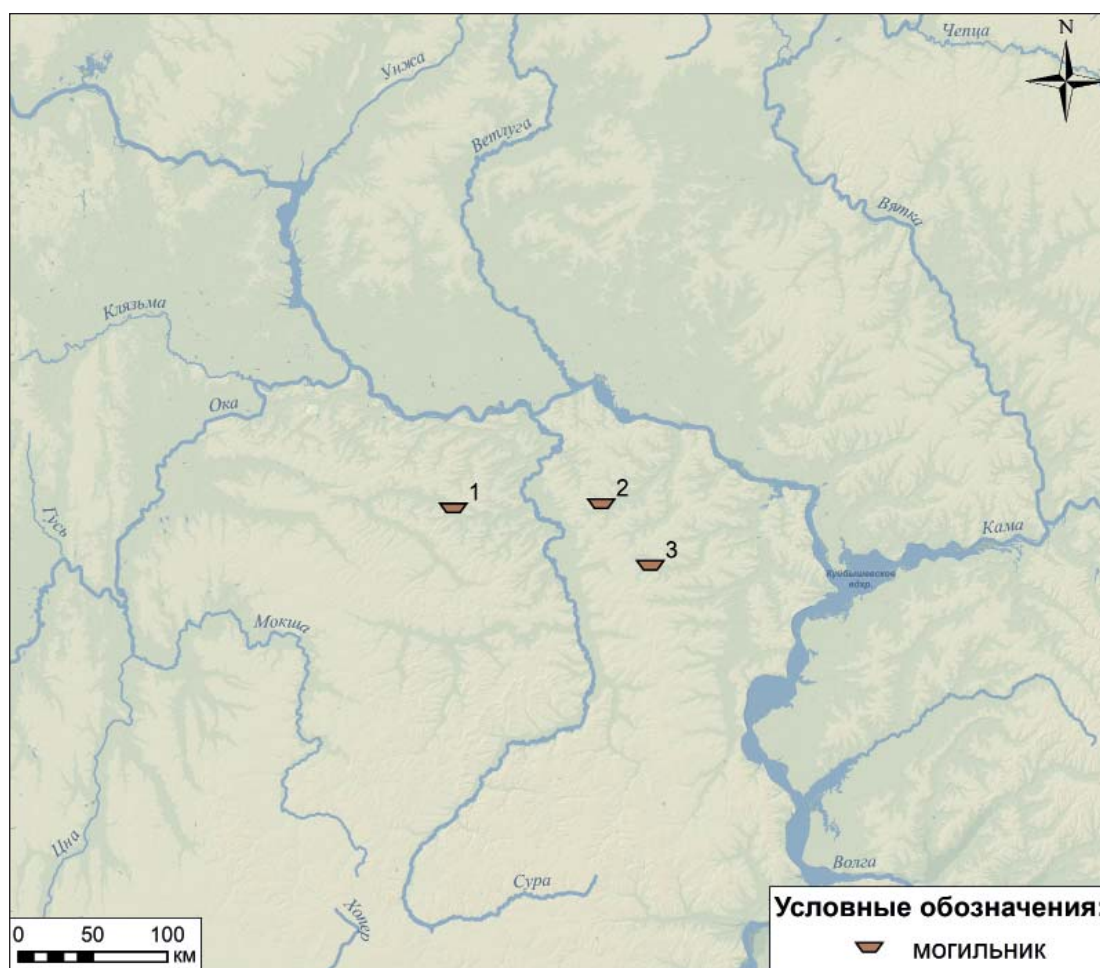

Рис. 1. Карта могильников типа Сендимиркино-Таутово:
1 – Сергачский «Кожина слобода», 2 – Таутовский, 3 – Сендимиркинский

гильнике выделяется как минимум две зоны погребений (памятник недокопан), разделенные пустым участком длиной до 12–14 м (рис. 3).

Формы могильных ям в Сергаче и Таутово не были прослежены. В Сендимиркино ямы подовальные и прямоугольные с закругленными углами, часто сильно вытянутых очертаний (рис. 4). Характерна разная величина погребений. Детские и безынвентарные погребения, как правило, имеют меньшие размеры и глубину, примерно по размеру костяка. Выделяется серия крупных погребальных камер (до 600×250×200 см). Могильные ямы имеют наклонные или отвесные стенки и почти ровное дно. В одном погребении выделяется ступенька-уступ, а рядом с двумя захоронениями были зафиксированы пятна от столбовых ям.

Все изученные на памятниках типа Сендимиркино-Таутово захоронения представляли собой одиночные ингумации в вытянутом положении на спине с руками, расположенными в области таза или вдоль туловища (рис. 4). На разных могильниках отличалась ориентировка погребенных – в Сергачском могильнике головой на СВ, в Таутовском – на С, в Сендимиркино – на ЮЮВ. Воз-

можно, большее значение, чем стороны света, в данном случае имело расположение самих мысовидных площадок могильников и, соответственно, рядов некрополей. Судя по сендимиркинским материалам, погребенных укладывали или даже заворачивали в кору липы, которая располагалась как под костяком, так и над ним. Остатки коры или луба были зафиксированы и в двух случаях над костяком и рядом с черепом в Сергачском могильнике «Кожина Слобода».

В большинстве случаев погребальный инвентарь располагался в порядке ношения при жизни (рис. 4). Это касается украшений и деталей одежды, некоторых видов оружия (мечи и большая часть ножей располагались в ножнах на поясе). Керамическая посуда, некоторые виды оружия и конское снаряжение были уложены в определенное место могилы. Так, в большинстве случаев керамика располагалась в изголовье, реже – в области ног погребенных и сопровождала практически всех умерших. Предметы конского снаряжения (сбруйный набор, удила, плети), стрелы в колчаных наборах, были положены почти всегда в ноги, копья располагались справа или слева

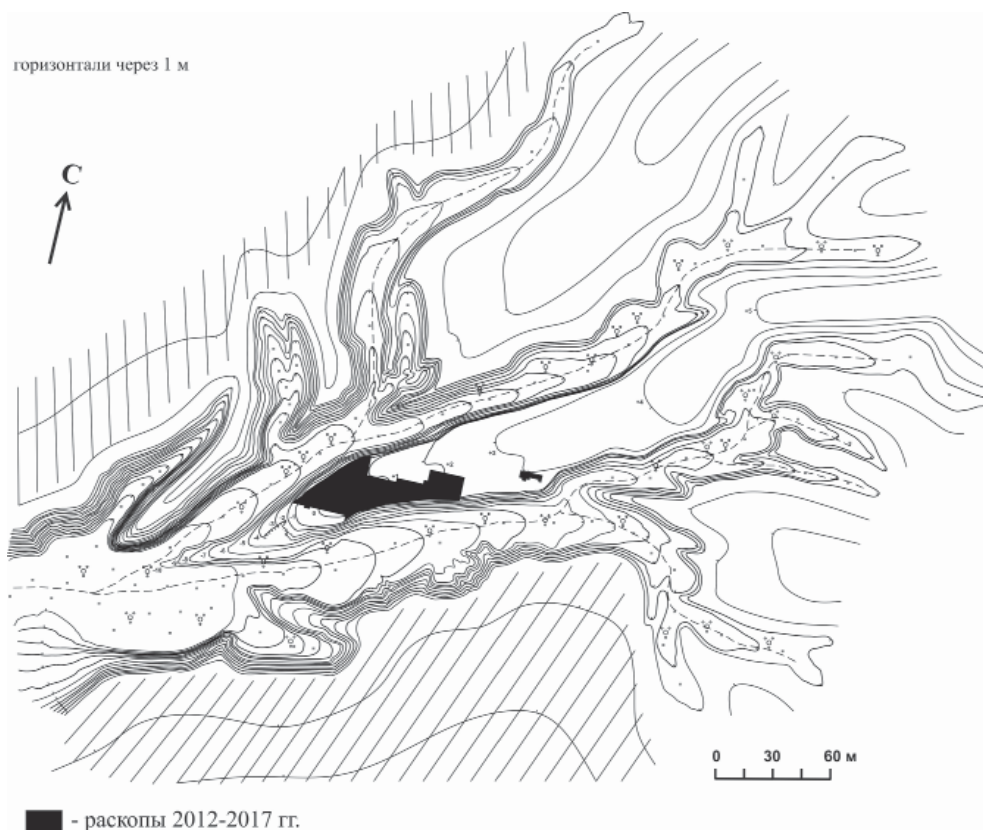

Рис. 2. Сандимиркинский могильник. Топографический план

вдоль туловища, а также между ног погребенных. Спецификой погребального обряда Сандимиркинского могильника является помещение в могилу дарственных (жертвенных) комплексов. Они сопровождали богатые погребения и в абсолютном большинстве случаев располагались в изголовье, рядом с керамическими сосудами. Дары представляли собой наборы, состоящие из отдельных женских украшений (бронзовые пронизи, бляшки, спиральки, обоймы, фрагменты зеркал, стеклянные бусы) и орудий труда (железные ножи, шилья, керамические пряслица). В погребении 40 Сандимиркинского могильника в дарственный набор, кроме прочего, входили литейная форма и обрезки бронзовых изделий, по-видимому, предназначенные для переплавки.

Вещевые комплексы погребений представлены богатым и разнообразным инвентарем. Это украшения и детали одежды, оружие и конское снаряжение орудия труда и бытовые предметы (рис. 5).

Украшения и детали одежды.

Головной убор, детали которого были зафиксированы в нескольких погребениях Сандимиркинского могильника, по-видимому, представлял собой полусферическую шапочку, украшенную затылочной лентой и разными типами застежек. Лента на затылке состояла из 1–3 рядов кожаных ремешков, обжатых бронзовыми обоймицами и

пропущенных через выпуклые бляшки-скорлупки с петлей на обратной стороне либо полусферические бляшки (рис. 5: 1, 19). Под ремешком с обоймицами располагались бронзовые пластинчатые рифленные лопастные подвески (с выдавленной полугорошиной и продольной каннелюрой, закрученные на конце), нанизанные на ремешок (рис. 5: 14–15). В качестве затылочных застежек использовались бронзовые пластинчатые круглые бляхи с валиками вокруг центрального отверстия (рис. 5: 22, 24), железные сюльгамы, ажурные многосоставные застежки (рис. 5: 21) и плоские круглые бляшки-накладки.

В погребении 34 Сандимиркинского могильника удалось проследить конструктивные особенности и цвет шапочки (рис. 6). Она состояла из двух видов шерстяных тканей: самой шапочки синего цвета простого полотняного переплетения и красной ленты саржевого переплетения, нашитой на шапочку снизу. Поверх ленты крепились в три ряда металлические обоймицы, надетые на кожаные плоские шнурки. По темени проходил еще один кожаный ремешок с пронизями и круглой плоской бляшкой, два ремешка шли по диагонали от теменной части вниз к затылку, где также заканчивались круглыми бляшками меньшего размера. Ниже ремешков на затылке располагался еще один ремешок, с нанизанными на него 20 лопастными подвесками. Лишний объем шапочки на

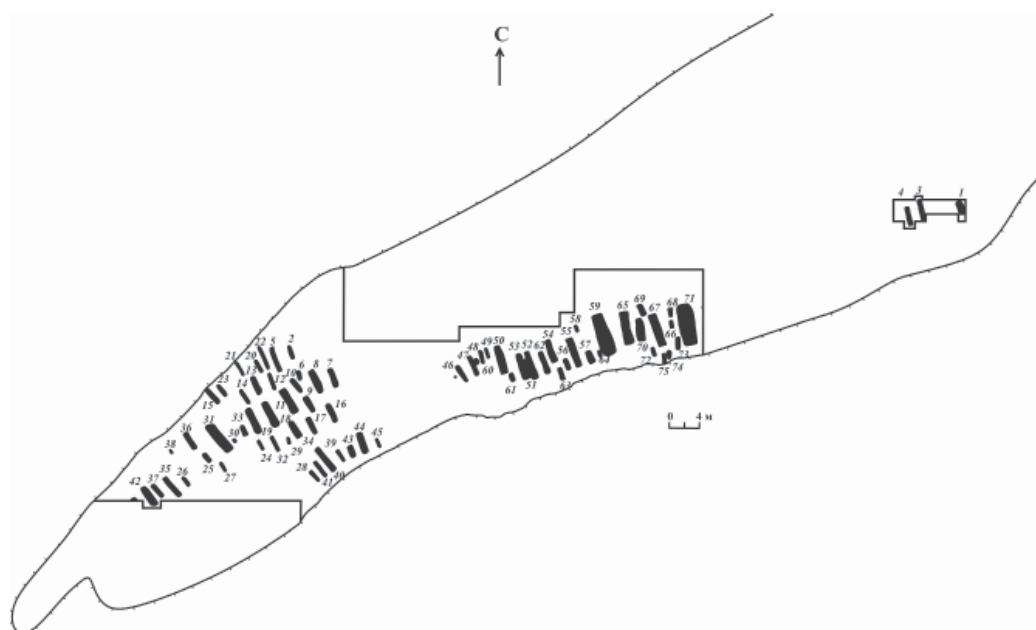

Рис.3. Сандимиркинский могильник. Сводный план раскопов

затылке закладывался по форме головы и закалывался круглой затылочной бляхой с иглой (Мамонова и др., в печати).

Своеобразны височные подвески из Сандимиркино: круглопроволочные, закрученные в спираль в 3–5 оборотов на верхнем конце. По оформлению нижнего конца выделяются подвески с листовидной лопастью (рис. 5: 16–17), в том числе с выдавленной полугорошиной или линиями в форме «куриной лапки», с перекрученным нижним концом и с биконическим грузиком (рис. 5: 18). В последнем случае нижняя часть подвески могла обматываться дополнительной проволокой, аналогично с древнемордовскими подвесками. В коллекции есть четыре золотых височных подвески с каплевидным грузиком на конце, абсолютно аналогичных андреевским.

Гривны бронзовые редки, представлены круглопроволочными тонкими фрагментами (d 2–3 мм), а также образцами из трех плотно перевитых круглых тонких бронзовых проволок.

Наиболее многочисленными видами украшений были стеклянные бусы (до 1000 экз. в богатых женских погребениях). Они представлены в основном золотостеклянными изделиями с металлической прокладкой (как мелкими 2–7-частными пронизями, так и крупными 1–3-частными экземплярами) (тип 16 по Е.М. Алексеевой) (рис. 5: 10–13). Единичны находки краснопастовых бус (типы 3 и 22 по Е.М. Алексеевой) (рис. 5: 6) и голубых грушевидных бус. Показательны полихромные бусы, в основном на красной основе (в одном случае на голубой), с глазчатым, растительным, перекрестно-линейным орнаментом (рис. 5: 5, 7, 8) (типы 27, 157, 392, 415 и др. по Е.М. Алексеевой)

(Алексеева, 1972, 1978, 1982). Единичны также находки вытянутых эллипсовидных янтарных бус (рис. 5: 9), боченковидной халцедоновой и дисковидной медной бусин.

Типичным украшением данного типа памятников являются бронзовые круглые бляхи-застежки с 1–3 валиками вокруг центрального отверстия, рассеченные от кромки к центру с краями, завернутыми в трубочку, и иглой, обернутой вокруг корпуса (рис. 5: 22–24). В коллекции есть две крупные нагрудные бляхи с 8–9 валиками на лицевой поверхности. Валики как отлиты, так и выдавлены с обратной стороны. Часто бляхи использовались в costume парно: меньшая на затылке, большая – на груди. В нескольких случаях использовалась и третья бляха на животе. Подобные бляхи многочисленны, чаще встречаются в женских погребениях, хотя, в качестве нагрудной застежки, использовались и мужчинами. Единичны бронзовые бляхи других типов: круглая с орнаментом из пяти концентрических кругов вокруг центрального отверстия, образованных тремя валиками, выдавленными с обратной стороны, с двумя ушками для крепления; пластинчатая подпрямоугольная бляха вятского типа с ажурным валиком в центре, с четырьмя небольшими отверстиями неправильной формы по углам и бортиком по краю (рис. 5: 33); круглая плоская бляха с полугорошинами в центре и концентрическими кругами по краю (рис. 5: 20).

Материалы памятников типа Сандимиркино-Таутово характеризует меньшая, чем в Андреевке, но все же устойчивая традиция использования мелких круглых бляшек-накладок позднепьяноборского облика: слегка выгнутых, конических и умбоновидных с петлями и

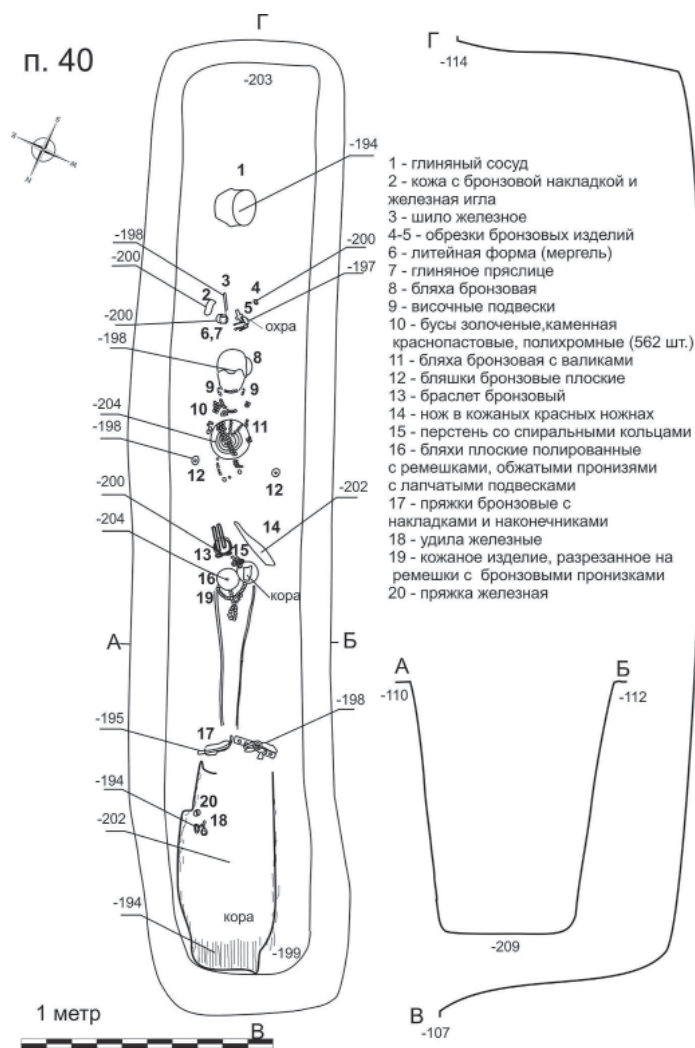

Рис. 4. Сендимиркинский могильник. План погребения 40

планками на обороте (рис. 5: 2–4, 34). Есть и многочастные экземпляры. Также использовались полусферические тонкие бляшки с двумя отверстиями по бокам (рис. 5: 19). Так же как и в прикамских культурах, население Нижнего Посурья активно использовало в costume круглые уплотненные бляшки с центральным отверстием из золотистой бронзы (рис. 5: 25, 28–30). Они применялись в качестве нашивок на рукава и головной убор и на поясных кистях. Чаще всего отверстие закрывалось маленькой выпуклой бляшкой-скорлупкой, через которую продевался кожаный шнурок (рис. 5: 28).

Весьма разнообразны бронзовые *подвески*, используемые в составе поясных кистей, ожерелий и головного убора: колесовидная, коническая с тремя треугольными отверстиями, пирамидальные, сапожковидные, «лапчатые» подвески и т. н. подвески-«псевдоцикады».

На головных уборах, на руках, в составе поясных наборов и на конской сбруе использовались бронзовые *обоймицы*, которые закреплялись на кожаные

шнурки. Они имеют вид небольших скрепок сегментовидного сечения. По тому же назначению использовались и бронзовые цилиндрические *пронизы* полукруглого сечения, а также парные вытянутые полуцилиндрические пронизы, как правило, с насечками на лицевой поверхности.

Застежки представлены массивными железными сюльгами, а также единичными экземплярами бронзовых изделий: плоской, состоящей из трех пар соединенных округлых фигур с тремя парами петель на оборотной стороне и подвижной иглой (рис. 5: 21); и круглой застежки с полусферическими выпуклинами (полугорошинами) по внешнему краю и несколькими рядами валиков вокруг центрального отверстия.

В материалах Сергачского и Сендимиркинского могильников найдены две сильнопрофилированные *фибулы* с бусиной на головке и крючком для тетивы причерноморского типа (группа 11, серия 1, вариант I-3 по А.К. Амброзу) (Амброз, 1966, с. 41).

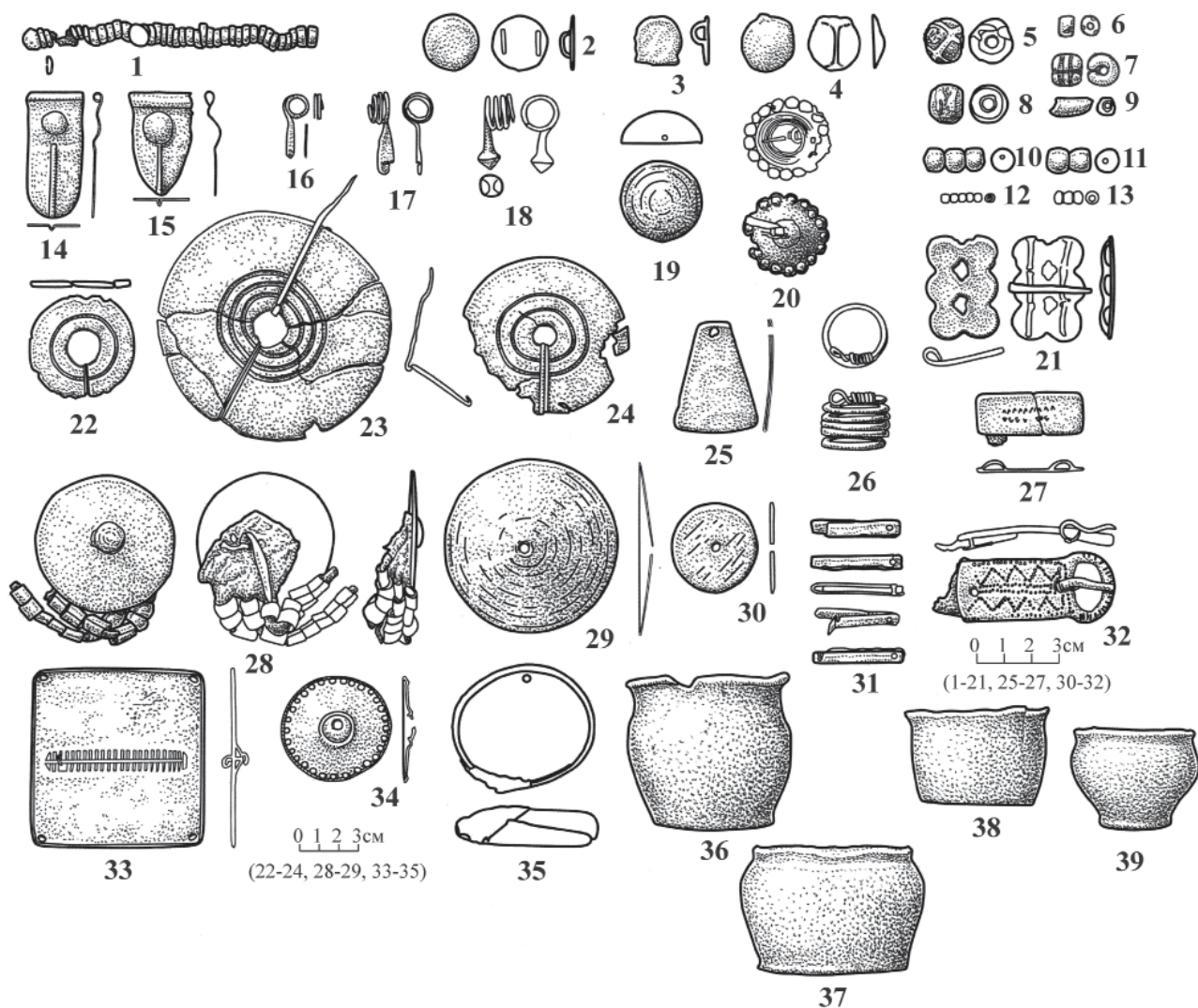

Рис. 5. Сандимиркинский могильник. Погребальный инвентарь:
 1, 14, 15, 19 – детали головного убора, 2–4, 34 – бляшки-накладки, 5–13 – бусы, 16–18 – височные подвески, 20–24, 33 – бляхи-застежки, 25 – подвеска, 26 – перстень, 27 – поясная накладка, 28–30 – детали поясных кистей, 31 – детали составного ременного наконечника, 32 – пряжка, 35 – браслет, 36–39 – сосуды.
 5–13 – стекло, 36–38 – керамика, остальное – бронза.

В Сандимиркинском могильнике обнаружен фрагмент позднесарматского зеркала с валиком по краю, насечками по периметру и солярным символом с загибающимися лучами по центру. Обломок зеркала из оловянистой бронзы с двумя концентрическими валиками был найден и в Сергачском могильнике.

Браслеты представлены железным круглым в сечении замкнутым экземпляром; бронзовым замкнутым сегментовидным в сечении с овальным выступом на внешней поверхности; многовитковыми круглопроволочными образцами; и наиболее массовым типом – круглого сечения с расплюснутыми лопастевидными концами, заходящими друг за друга (рис. 5: 35), как неорнаментированными, так и с елочным орнаментом с двумя-четырьмя «глазками» на концах, а также с

концентрическими фигурами на поверхности. В Сергачском могильнике в качестве браслетов также использовались нарукавные повязки, представляющие собой пару плоских кожаных шнурков с надетыми на них бронзовыми обоймами.

Обнаружены бронзовые *перстни* нескольких типов: пластинчатые с рассеченными раздвоенными спиралевидными концами, а также круглопроволочные спиральные в 5 оборотов с прямообруленным или завязанным в петлю и навитым на спираль концом (рис. 5: 26).

Поясная гарнитура представлена многочисленными железными двухсоставными *пряжками* с рамкой круглого сечения, круглой, сегментовидной, В-образной формы с прямым или слегка прогнутым, чаще чуть уплощенным язычком, немного загибающимся за край рамки. Интересна крупная

Рис. 6. Сендимиркинский могильник.
Реконструкция женского головного убора из погребения 34 (автор: А.А. Мамонова)

бронзовая трехсоставная пряжка с круглой рамкой круглого сечения со слегка прогнутым языком с удлиненной прямоугольной обоймой, украшенной полугорошинами и «псевдозернью». Из хронодиагностирующих находок следует отметить модификации ранних провинциально-римских сложносоставных укороченных «дугоконечных» пряжек 4 типа по А.А. Труфанову (Таутово, сборы; Сергач, п. 1) (Труфанов, 2004, с. 167–168). Пряжка этого типа из Таутовского могильника имеет очень большие размеры, ее обойма декорирована выдавленными полужемчужинами и «псевдозернью». Вместе с ней был найден и аналогично орнаментированный ременной наконечник. Из ременных наконечников стоит отметить также и местную разновидность узких бронзовых наконечников с прорезью и выделенной нижней частью центрально-европейского происхождения (имеют длинный рифленый узкий конец) (окской-сурской серии, по И.О. Гавритухину и А.М. Воронцову) (Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 28, 29, 44, 46–50). В качестве поясной накладки в одном случае была использована накладка «пьяноборского» типа в виде прямоугольной пластины с двумя петлями на обороте и двумя рядами треугольных фигур на лицевой поверхности (рис. 5: 27).

Своеобразно оформление *концов поясов* в Сендимиркинском могильнике. В нескольких погребениях между бедренных костей погребенных были зафиксированы по два кожаных ремешка с нанизанными на них обоймами и (или) пронизьями, как правило, в сочетании с круглыми уплощенными полированными бляхами из золотистой бронзы с центральным отверстием разного размера,

на которые надевались мелкие бляшки-скорлупки (рис. 5: 28–29).

В нескольких погребениях Сендимиркинского могильника в области пояса были расчищены округлые в сечении небольшие *железные кольца*, вероятно, использовавшиеся для подвешивания к поясу ножей, найденных в тех же погребениях.

Обувная гарнитура представлена бронзовыми обувными пряжками и наконечниками ремней. Пряжки различны: есть экземпляр двухсоставной пряжки с цельнолитой рамкой, прямоугольным щитком, орнаментированным небольшими вырезанными треугольниками, образующими зигзаги и прямые линии, рамка орнаментирована насечками (рис. 5: 32). В комплекте с ней был составной наконечник из трех вытянутых прямоугольных перегнутых пополам пластин (рис. 5: 31). В коллекции также представлены безщитковые пряжки из согнутой бронзовой проволоки, расплющенной на концах и соединенной шпеньком, аналогичные андреевским. Также использовались пряжки с длинными прямоугольными нефасетированными щитками (III по В.Ю. Малашеву) в комплекте с приостренными или слегка расширяющимися двухсоставными наконечниками, как с фасетировкой, так и без нее (H1, H2 по В.Ю. Малашеву) (Малашев, 2000). Наконечники и пряжки орнаментированы в местных традициях: полужемчужинами и «псевдозернью».

Оружие и конское снаряжение.

Клинковое оружие представлено характерными для андреевско-писеральских памятников однолезвийными палашами (в Таутово – обломанный экземпляр) (рис. 7: 21) и кинжалом (возмож-

но, тоже обломан) с антенновидным навершием. Рукояти кинжала и обломанного клинка из Таутово были обмотаны бронзовой проволокой, перекрестие на Сендимиркинском кинжале – плоской бронзовой пластиной. Также в коллекции есть два двулезвийных позднесарматских длинных меча без металлического навершия с длинными рукоятями. На тыльной стороне рукояти одного из них была зафиксирована бронзовая заклепка. Все клинки были вложены в деревянные ножны, обтянутые красной кожей. В нескольких случаях сохранились устья и бутероли ножен кинжалов. Устья представляли собой согнутые прямоугольные бронзовые пластины. Самая простая бутероль была представлена уплощенной бронзовой проволокой, в три оборота обернутой вокруг нижнего конца ножен, в другом случае это была несомкнутая подпрямоугольная согнутая пластина с выгнутым поперечным ребром на лицевой стороне, а третий тип был представлен бутеролью подтреугольной формы с отогнутым в сторону закругленным нижним концом. В ряде случаев портупейные ремни украшались бронзовыми обоймами. Рядом с палашием из Сендимиркино была зафиксирована крупная халцедоновая бусина, служившая, видимо, деталью застежки портупейного ремня и фиксатором ножен.

Древковое оружие представлено наконечниками копий и дротиков. Наконечники копий относятся к нескольким типам: короткие наконечники с узким пером, равным половине высоты, с низко опущенными плечиками ромбического сечения или с выраженным ребром (рис. 7: 20); с длинным вытянутым листовидным пером, в 1,5–2 раза превышающим длину втулки, ромбического либо линзовидного сечения (различаются по ширине пера и форме). Дротики представлены двушипными образцами с длинной втулкой и узким подромбовидным небольшим наконечником ромбического сечения.

Метательное оружие представлено наконечниками стрел. Наиболее многочисленны двушипные черешковые линзовидные в сечении. В Сергачском могильнике также найдены костяные трехгранные наконечники с упором для древка и массивной уплощенной головкой.

В Сендимиркинском могильнике был найден также *топор-кельт* с неразомкнутой втулкой.

Конское снаряжение довольно многочисленно и разнообразно: представлено удилами, деталями оголовья и плетями. Наиболее массово встречаются железные кольчатые удила (d ок. 5 см) с двусоставными грызлами с загнутыми концами. В сборах с Таутовского могильника представлены стержневидные псалии с двумя боковыми выступами с петлями двух вариантов: со слегка расши-

ряющимися прямообрубленными концами округлого сечения (рис. 7: 2) и с расширяющимися и расплюснутыми в небольшие кольца с отверстиями сердцевидной формы концами с дополнительными бронзовыми стержнями, на концах закрученными в кольца (рис. 7: 1).

Из деталей конского снаряжения можно отметить также железные крупные овальные или округлые подпружные пряжки, железные перегнутые пополам зажимы, боченковидные железные уздечные бусы. На раскопках 2017 г. в Сендимиркино среди остатков оголовья были найдены и бронзовые украшения узды – пластинчатые решмы, а также пронизи и мелкие круглые бляшки. Наиболее примечателен позднесарматский набор оголовья из сборов с территории Таутовского могильника (рис. 7: 3–19). Он был представлен небольшой пряжкой с прямоугольной обоймой, различными вариантами обойм-зажимов, двухчастных фасетированных подвесок-наконечников, расширяющихся или заостренных в нижней части и бронзовыми уздечными бусами.

В трех погребениях Сендимиркинского могильника были обнаружены плети-нагайки. Рукоять наиболее сохранившейся из них была терновой, плотно обмотана проволокой. На конце на дерево была надета узкая бронзовая пластина, в которую был вставлен округлый кожаный шнур, закрепленный бронзовой заклепкой. Сам шнур, круглый в сечении, был обмотан тремя витками бронзовой проволоки на равном расстоянии друг от друга. Указанные предметы конского снаряжения имеют позднесарматский облик и соотносятся с т. н. «всадническим горизонтом» сарматских погребений (Безуглов, 2000).

Орудия труда и бытовые предметы.

Ножи железные часто были обнаружены в деревянных ножнах из красной кожи. Различаются по форме спинки полотна: прямые, серповидные и горбатые. Наиболее показателен последний тип.

В нескольких погребениях Сендимиркинского могильника были обнаружены округлые в сечении железные *шилья*.

Для Сендимиркино характерно помещение в «богатые» женские захоронения *пряслиц*. В погребении 50 в состав дарственного набора входило шесть (!) пряслиц. Керамические пряслица представлены усеченно-биконическими крупными экземплярами; одно имеет форму «катушки». Найдено также каменное пряслице дисковидной формы.

В Сендимиркино среди бытового инвентаря были зафиксированы и предметы из камня: кремневые скребки и отщепы, куски кварцита, гальки, мергеля.

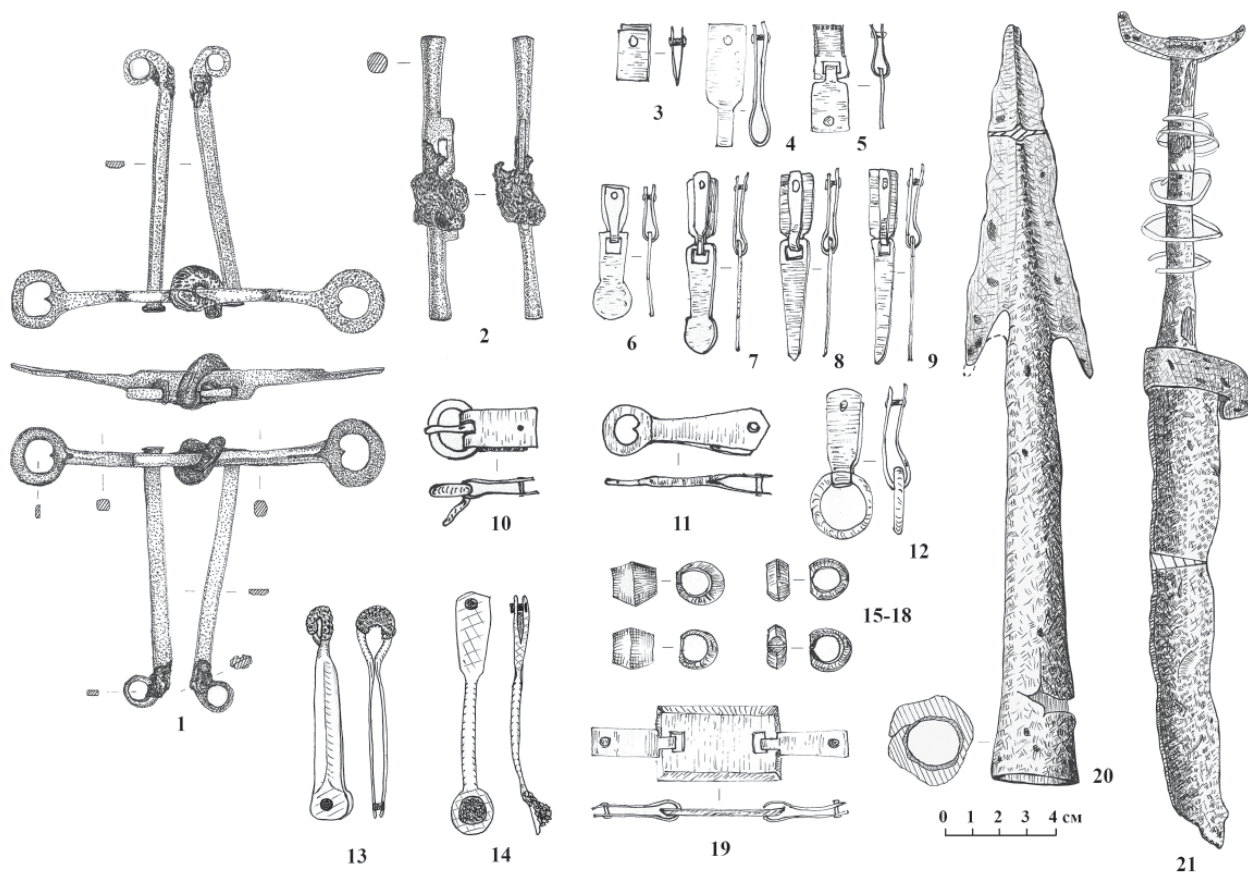

Рис. 7. Таутовский могильник. Погребальный инвентарь. Оружие и конское снаряжение: 1–2 – пса́ли, 13–14, 19 – детали конского оголовья, 15–18 – уздечные бусы, 20 – наконечник копья, 21 – обломок палаша. 1, 2, 13, 21 – бронза, железо; 20 – железо, остальное – бронза

Керамическая посуда памятников типа Сендимиркино-Таутово представлена небольшими лепными сосудами, большая часть которых сделана достаточно небрежно: поверхность сосудов шероховатая, форма неровная, профили с разных сторон могут достаточно существенно отличаться (рис. 5: 36–39). Обжиг неровный и неравномерный: по цвету внутренняя и внешняя поверхность, а также излом черепка отличаются. В тесте фиксируются примеси шамота с навозом. Поверхность, как правило, небрежно заглажена, лишь две миски имеют следы лощения. Несколько горшков из Сендимиркинского могильника орнаментированы защипами по краю венчика. Наиболее распространенными формами сосудов являются низкие приземистые слабопрофилированные горшки со слабовыпуклым, едва выраженным плечиком с местом наибольшего расширения в верхней трети общей высоты сосуда (тип А15б по В.В. Гришакову), широкие высокие миски со слабопрофилированным туловом, коротким слегка отогнутым венчиком, едва выраженным округлым плечиком (типы Г21б, Г29б), небольшие слегка выгнутые внутрь бокалы (Д41е и Д40д) (Гришаков, 1993).

Выделяются горшки относительно высоких пропорций с плавно профилированным туловом, округлобокие, с местом наибольшего расширения в верхней трети сосуда, коротким плечиком и плавным переходом к хорошо отогнутому короткому венчику (типы А5а-б по В.В. Гришакову). Стоит также отметить две подлощенные миски – одна округлобокая без выраженного горла, другая профилированная с плечиком чуть выше середины общей высоты, плавно выгнутым наружу коротким венчиком.

Датировка. Все три могильника (Сендимиркинский, Таутовский, Сергачский «Кожина Слобода») в широких рамках датируются второй половиной II – первой половиной III вв. н. э. Это доказывается как анализом хроноиндикаторов (причерноморские фибулы, укороченные дугоконечные пряжки, узкие бронзовые наконечники с прорезью и выделенной нижней частью, ременные накладки и наконечники позднесарматского облика, некоторые типы бус), так местными формами вещей (круглые бляхи, височные подвески), которые занимают в эволюционном ряду промежуточное положение между древностями

писеральско-андреевского круга и древнемордовскими.

Этнокультурная принадлежность и связи. В культурном плане вещевые материалы и погребальный обряд рассмотренных памятников наиболее близки т. н. древнемордовским могильникам в Верхнем Посурье и Примокшанье (Пензенский, Селиксенский, Ражкинский, Алферьевский, Шемьшейский, Усть-Узинский). Аналогичны затылочные ленты с лопастевидными подвесками, поясные кисти с парными округлыми бляхами из золотистой бронзы, использование круглых бронзовых блях с иглой (меньшая – на затылке, большая – в области груди), спиралевидные перстни, браслеты с заходящими друг за друга орнаментированными лопастевидными концами, обувные пряжки с составными ременными наконечниками и др. (Гришаков, 2008). Несомненно, древнемордовские параллели имеет лепная керамическая посуда с примесью шамота. Большая часть слабопрофилированных сосудов баночной формы находит аналогии в материалах Андреевского кургана и могильников Верхнего Посурья. Это позволяет отнести территорию Нижнего Посурья рассматриваемого времени к присурскому очагу керамических традиций (Гришаков, 1993, с. 101–103).

Наиболее ярко культурное своеобразие памятников типа Сендимиркино-Таутово проявляется в такой культуроопределяющей категории украшений, как височные подвески. Уникальны подвески со спиралью из круглого стержня на одном конце и листовидной лопастью на другом. Форма лопасти в виде листа схожа с пьяноборскими листовидными подвесками (Агеев, 1992, табл. 1: 21), но по количеству оборотов и размеру она ближе к каплевидной подвеске в три оборота из погребения 40 Андреевского кургана (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 20: 1). Золотые подвески с грузиком полностью аналогичны андреевским, являющимся, по мнению ряда исследователей, прототипом древнемордовских височных украшений. В материалах Сендимиркинского могильника представлены и подвески, известные по верхнесурским древнемордовским могильникам, но там стержень был длиннее и прямее, а также обязательно обматывался проволокой (Гришаков, 2008а, рис. 1: 4–5).

По-видимому, памятники типа Сендимиркино-Таутово связаны с началом формирования в I тыс.

н. э. на Нижней Суре и, возможно, Прициவில் локальной группы древнемордовской культуры, к которой относятся и более поздние могильники этого региона – Ивановский, Волчихинский, Сергачский «Святой Ключ» (Гришаков, 2008а, с. 103–104). Характерной чертой на начальных этапах формирования данного локального варианта культуры следует признать как собственные варианты ряда украшений, так и сильное влияние прикамских традиций, что прослеживается в таких украшениях, как височные подвески, бляхи-нагрудники и некоторые мелкие бляшки женского костюма. В определенной степени это объясняется территориальной близостью могильника к прикамским культурам (вятское и камское пьяноборье). Однако в большей степени, видимо, эта особенность связана с культурным наследием андреевско-писеральского населения (аналогичны некоторые височные подвески, поясные кисти, обувные пряжки, палаши с антенновидным навершием, наконечники стрел и копий) и чуть более ранней хронологической позицией памятников типа Сендимиркино-Таутово (с середины – второй половины II в.).

Население Нижнего Посурья второй половины II – первой половины III вв., без сомнения, испытывало сильное сарматское влияние (фибулы, фрагмент зеркала, ременная гарнитура, длинные мечи и конское снаряжение). Вместе с тем на некоторых типах сосудов отчетливо ощущается «позднескифская» традиция (высокие горшки с раструбообразным горлом, орнаментированные насечками; подлощенные миски) (Разуваев, 1998, рис. 5: 8; 6.). Также нельзя пройти мимо трех лунниц круга восточноевропейских выемчатых эмалей, представленных на поселениях этого хронологического горизонта в Нижнем Посурье (городище «Ножа Вар» и Напольновское селище) (Мясников и др., 2017). Это лунницы третьей стадии развития данного круга украшений в Восточной Европе (конец II – первая половина III вв.), которые связываются традиционно с позднесарматским – раннекиевским культурным горизонтом (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 121, 134). Вероятно, подобные находки, наряду с некоторыми типами ременной гарнитуры, диагностируют и юго-западное направление связей Нижнего Посурья в указанное время.

Памятники бассейна Суры и Мокши

Источники и историография. Междуречье рр. Оки, Суры и Цны (левого притока р. Мокши) в III–V в. было заселено финно-угорскими племенами. Большинство их, бесспорно, объединяются единой древнемордовской культурой. Кроме того, здесь имеются погребальные памятники, определение которых в качестве мордовских дискуссионное (рис. 1) (Вихляев, 2000; 2017).

Первыми среди могильников III–V в. на рассматриваемой территории в конце XIX в. были исследованы археологами – Кошибеевский на р. Цне (Спицын, 1901, с. 10–71) и Сергачский «Кожина слобода» в бассейне р. Суры (Снежневский, 1894). Еще один древнейший погребальный памятник Сергачский могильник «Святой ключ» был открыт в начале XX в. (ОАК за 1908 г., с. 166; Шитов, 1988а). Отнесение материалов всех трех упомянутых могильников к древней мордве до сих пор вызывает споры.

Первый, бесспорно, древнемордовский могильник, относящийся к концу рассматриваемого периода, был исследован только в 1920-е гг. Это Армиевский 1 могильник в верховьях р. Суры (Рыков, 1930). В 1930 г. Н.И. Спрыгиной был исследован разрушенный Пензенский могильник (Фонды ГИМ, инв. № 77911).

Временем наибольшего размаха исследований погребальных памятников Окско-Сурско-Цнинского междуречья первой половины I тыс. н. э. является вторая половина XX в. В начале 1950-х гг. пензенский археолог М.Р. Полесских открывает новую древнюю группу памятников мордвы первой половины I тыс. н. э., которую он назвал могильниками селиксенского типа. К этой группе относятся Селиксенский (Полесских, 1977, с. 33–40), Шемьшейский (Полесских, 1974а, с. 73–75), Степановский (Полесских, 1974б, с. 17–21, 27–32), Алферьевский (Полесских, 1977, с. 34, 39, рис. 7: 24, 27, 32; Гришаков, 2005, с. 53–58), Селикса-Трофимовский (Полесских, 1974б, с. 12–32) могильники в Верхнем Посурье, а также Ражкинский (Полесских, 1991) и Тезиковский (Полесских, 1966) в Верхнем Примокшанье. Были продолжены раскопки Армиевского 1 могильника (Полесских, 1979).

В эти же годы были открыты и исследованы первые мордовские могильники в северной части Окско-Сурско-Цнинского междуречья, функционировавшие в первой половине I тыс. н. э. Это Абрамовский (Жиганов, 1976) и Второй Стёксовский (Мартьянов, 2001, с. 99–159) в бассейне р. Тёши (правого притока р. Оки). В бассейне нижнего течения р. Суры было обнаружено

Таутовское древнемордовское погребение (Трубникова, 1958, с. 248). На р. Цне был исследован Польно-Ялтуновский могильник, по культурному комплексу и времени функционирования аналогичный Кошибеевскому (Алихова, 1958).

В 1986 г. частично было раскопано Баранниковское городище (городище Сундовик) на р. Сундовик (правого притока р. Волги), недалеко от места впадения р. Суры в р. Волгу (Археологическая карта..., 2004, с. 260–262). Это единственное поселение, которое уверено датируется первой половиной I тыс. н. э. и относится к древней мордве.

Предположительно с древней мордвой первой половины I тыс. н. э. могут быть связаны материалы городищ Ножа-Вар и Пичке-Сорче, расположенные в нижнем течении р. Суры, изученные в описываемый период (Трубникова, 1964, с. 117–195).

Исследование древнейших мордовских могильников продолжается и в XXI в. Были изучены или продолжают исследоваться Усть-Узинский в Верхнем Посурье (Гришаков, Давыдов, Седышев, Сомкина, 2016), Сендимиркинский в области Нижнего Посурья (Мясников, 2014), Ражкинский – в Верхнем Примокшанье.

Этническая принадлежность большинства упомянутых погребальных памятников сразу же была определена как древнемордовская, за исключением Кошибеевского и Польно-Ялтуновского могильников, которые некоторыми исследователями прямо не связываются с другими могильниками на этой территории и выделяются либо в особый тип (Вихляев, 2000, с. 61–80), либо в особую культуру (Циркин, 1995, с. 83–90). В настоящее время к памятникам кошибеевского типа относятся также ранние погребения Ражкинского могильника и Сергачские могильники «Кожина слобода» и «Святой ключ» (Вихляев, 2017).

А.П. Смирнов, заложивший основы современного представления о развитии древней истории многих финно-угорских народов России, в последних своих работах сделал вывод о том, что, начиная с первых веков нашей эры, существовала единая древнемордовская культура. К ней он отнес все могильники в пределах Тамбовской, Пензенской, Горьковской областей и Мордовской АССР (Смирнов, 1965). К этой точке зрения примыкала и А.Е. Алихова, которая временем существования древнемордовской культуры, охватывающей многие племена, считала I тыс. н. э. (Алихова, 1965).

Другая гипотеза принадлежит П.Д. Степанову. По его мнению, мордва с самого начала ее истории

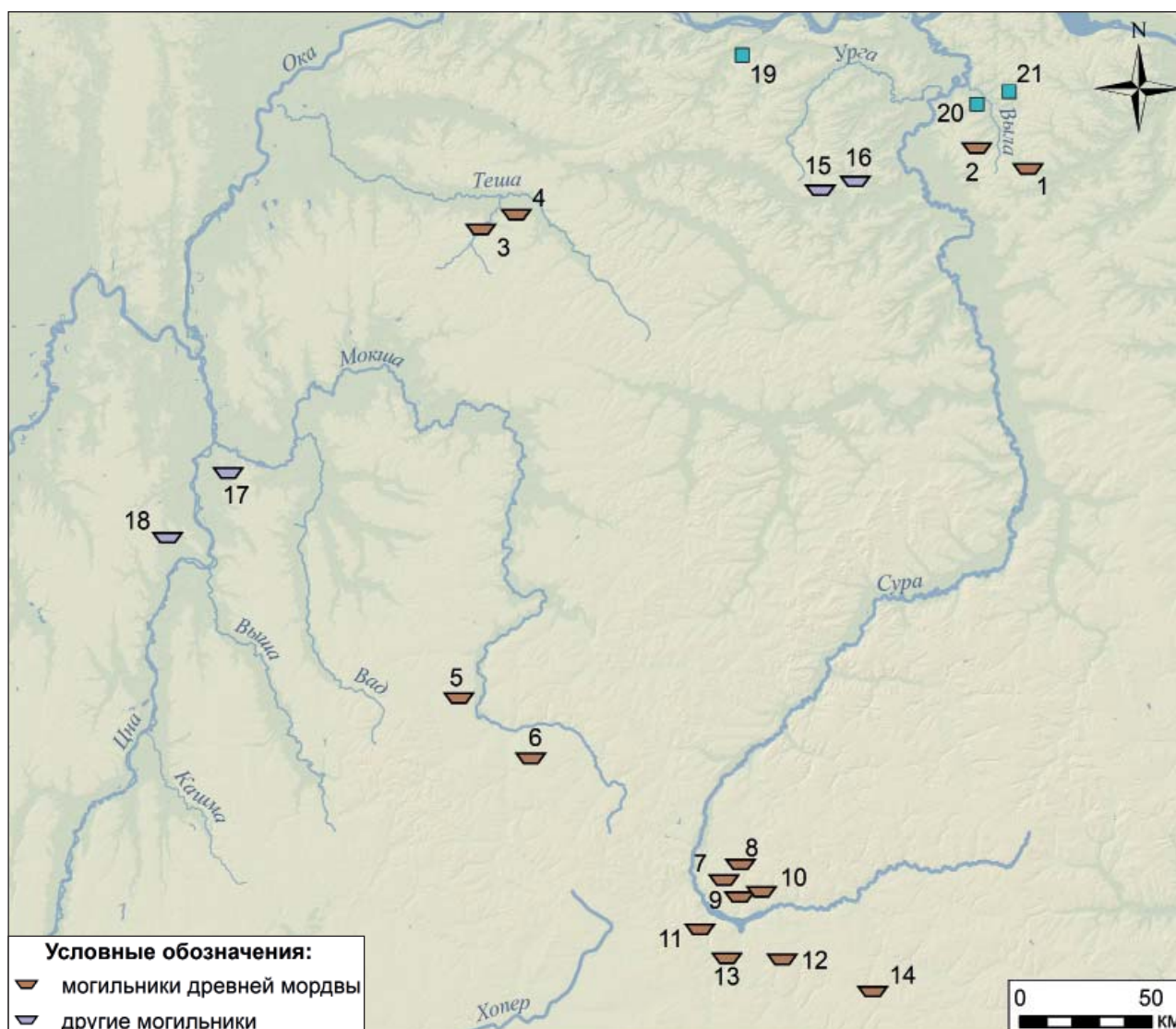

Рис. 1. Памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья III–V вв.
 Могильники: 1 – Сендимиркинский, 2 – Таутовский, 3 – Степановский, 4 – Абрамовский, 5 – Тезиковский, 6 – Ражкинский, 7 – Пензенский, 8 – Селиксенский, 9 – Селикса-Трофимовский, 10 – Степановский, 11 – Алферьевский, 12 – Шемышейский, 13 – Усть-Узинский, 14 – Армиевский, 15 – Сергачский «Кожина слобода», 16 – Сергачский «Святой Ключ», 17 – Кошибеевский, 18 – Польно-Ялтуновский.
 Городища: 19 – Баранниковское, 20 – Ножа-Вар, 21 – Пичке-Сорче

была разделена на мокшу и эрзю. К эрзянским он относил рязанско-окские и муромские могильники (Степанов, 1968, 1970). К этой гипотезе о развитии древнего мордовского этноса близка концепция М.Р. Полесских. В начале, по его мнению, существовали протомокша, под памятниками которой он подразумевал могильники селиксенского типа, и протозэрия, представленная могильниками кошибеевского типа. Затем, с середины I тыс. н. э. образовались культуры древней мокши и эрзи (Полесских, 1965).

В.И. Вихляев считал, что основы культуры двух мордовских субэтносов были заложены независимо друг от друга. Затем из этих культур в V–VII вв. в результате их активного взаимодействия стала формироваться общемордовская культура

(Вихляев, 2000, с. 125–127). В настоящее время в связи с появившимися новыми материалами и прежде всего комплексами Сендимиркинского могильника в области Нижнего Посурья он пришел к выводу, что в начале развития мордовского этноса (III–V в.) существовала единая общемордовская археологическая культура (Вихляев, 2017). Таким образом, сейчас в историографии снова возобладала концепция о единой древнемордовской культуре, которую на археологических материалах впервые обосновал А.П. Смирнов. Она подкрепляется выводами лингвистов о том, что в начале у мордвы существовал единый древнемордовский язык (Серебренников, 1965; Коляденков, 1965).

Погребальные памятники древнемордовской культуры и другие финно-угорские могильни-

ки Окско-Сурско-Цнинского междуречья I тыс. н. э. отличаются богатством инвентаря, многообразием категорий вещей и их типов. Закрытые комплексы многочисленных погребений являются прекрасным объектом для применения статистико-математических и комбинаторных методов, особенно при решении вопросов периодизации и хронологии. Поэтому материалы этих памятников одними из первых в России стали использоваться для создания систем относительной и абсолютной хронологии с помощью типологического и статистико-математических методов.

Первым, кто создал систему относительной хронологии и на ее основе попытался выделить датированные периоды функционирования могильников западной части Среднего Поволжья I тыс. н. э. был П.П. Ефименко. Для этого он разработал культурно-стратиграфический (корреляционный) метод (Ефименко, 1926). Из памятников Окско-Сурско-Цнинского междуречья III–V в. в систему П.П. Ефименко вошли только материалы Кошибе-евского могильника. Он выделил в его материалах три хронологических стадии (Ефименко, 1926, табл. IV). Древнейшая стадия датируется I–II в. Средняя стадия, соответствующая стадиям АВ рязанско-окских могильников, относится к времени раньше начала III в. и III в. Поздние погребения одновременны захоронениям стадий ВВ1 рязанско-окских древностей и датируются III–IV в. (Ефименко, 1926, с. 82–84).

Основной недостаток системы хронологии, созданной П.П. Ефименко, заключался в том, что ее методика, учитывая взаимовстречаемость типов вещей, не могла оценить степень их сопряженности, что значительно снижает ее объективность и надежность. Тем не менее, системность подхода позволила хронологии П.П. Ефименко оставаться основной в течение почти полустолетия.

Во второй половине XX в. в археологии значительно совершенствуется методика создания хронологических систем. Начинают широко привлекаться статистико-математические методы. Отрабатываются способы их применения. В этом направлении весьма большой вклад внес Г.А. Федоров-Давыдов, разработавший с помощью статистико-математических методов систему хронологии кочевнических древностей Восточной Европы X–XIV в. и адаптировавший различные их виды к археологическим материалам (Федоров-Давыдов, 1966; 1987).

На основе методологических разработок Г.А. Федорова-Давыдова стали создаваться хронологические системы для других регионов. К памятникам западной части Среднего Поволжья первым их применил В.И. Вихляев. Ему удалось создать

систему относительной и абсолютной хронологии наиболее древних могильников мордвы III–VII в., расположенных в Пензенской области. Эта система построена на основе анализа оценки сопряженности выделенных типов пяти категорий украшений: височные подвески, гривны, ожерелья, бляхи и сьюлгамы. В результате были выделены сравнительно небольшие периоды существования закономерно встречающихся сопряженных отдельных групп украшений и предметов, установлено, как они изменялись (эволюция) во времени. Статистико-математическому анализу подверглись не только вещевые комплексы, включая керамические, но и погребальный обряд (Вихляев, 1977). В систему хронологии были включены комплексы Селиксенского, Ражкинского, Шемышейского, Селикса-Трофимовского, Тезиковского, Армиевского I могильников. У древнейших мордовских погребений были выделены последовательные стадии развития и определены абсолютные даты. Стадия А – II в. н. э. (предположительно середина). Стадия В – II (ориентировочно вторая половина) – первая половина III в. Стадия С – вторая половина III в. – первая половина IV в. Стадия С₁ – IV в. Эти стадии охватывают период функционирования могильников селиксенского типа. Следующий период уже относится к могильникам армиевского типа. Стадия А могильников армиевского типа, по В.И. Вихляеву, датируется второй половиной IV – первой половиной V в., а следующая стадия В – второй половиной V в.

Созданные системы хронологии пытался усовершенствовать В.В. Гришаков (Гришаков, 2008, с. 82–137). Предложенная им периодизация включает только пензенские могильники селиксенского типа III–IV в. В ней не исследуются эволюционные ряды категорий вещей, основы любой системной хронологии, не оценивается степень сопряженности типов в комплексах, не выделяются датирующиеся вещи для обозначенных периодов. Датировка производится в основном по аналогиям. На недостатки такой хронологии уже много раз указывалось в различных работах. Провозглашенный в начале публикации, как основной, корреляционный метод, в ее содержании никак не проявляется. Корреляционные таблицы не опубликованы, и их данные в работе не упоминаются.

Вместе с тем следует отметить и положительные моменты в исследовании В.В. Гришакова. Проведена достаточно убедительная реконструкция ряда сложносоставных украшений (налобные венчики, наконечники и др.), большое внимание уделено датировкам мужских комплексов, которые в статистико-математических хронологических системах, по ряду объективных причин, определяются не часто.

В начале XXI в. группа археологов – В.И. Вихляев, А.А. Беговаткин, О.В. Зеленцова и В.Н. Шитов – разработали на основе методики, примененной В.И. Вихляевым для пензенских древнемордовских могильников, систему хронологии для 29 могильников населения западной части Среднего Поволжья I–XIV в. Все они расположены на территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья. Исследователям удалось подвергнуть анализу только вещевые комплексы без керамики и погребального обряда (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008). В данную систему хронологии вошли материалы III–V в. Абрамовского, Алферьевского, Армиевского 1, Кошибеевского, Польно-Ялтуновского, Ражкинского, Селиксенского, Селикса-Трофимовского, Второго Стёксовского, Степановского, Тезиковского, Шемьшейского могильников. Самые древние погребения в этой группе погребальных памятников были выделены во вторую стадию и датированы концом II – первой половиной III в. Следующая третья стадия охватывает вторую половину III в. К концу III – первой половине IV в. относятся погребения четвертой стадии. IV в. датируется пятая стадия, второй половиной IV – началом V в. – шестая стадия. Самые поздние погребения первой половины I тыс. н. э. объединяются в седьмую стадию и датируются концом IV–V в. В новой системе подтвердились основные выводы В.И. Вихляева в ранее разработанной хронологии пензенских могильников, но в то же время были использованы новые материалы, усовершенствована классификация вещей, уточнены абсолютные датировки на основе аналогий из хорошо датированных комплексов, опирающиеся на статистико-математические и естественные методы.

На научную основу вопрос о происхождении финских археологических культур Западного Поволжья первой половины I тыс. н. э. первым поставил П.П. Ефименко. В своем раннем исследовании древностей I тыс. н. э., относящемся к 1926 г., он отметил, что начало культурам финского населения, оставившего Кошибеевский и Сергачские могильники, было положено пришлыми племенами, часть из которых переселилась из Прикамья (Ефименко, 1926, с. 82–84). Этот вывод им был сделан на основании сходства ряда вещей из Кошибеевского могильника и могильников Прикамья. Так возникла гипотеза о прикамской прародине финских племен Западного Поволжья.

В более поздней своей работе П.П. Ефименко отказался от своего первоначального предположения. Он стал доказывать, что все культуры финского населения первых веков нашей эры в Западном Поволжье местного происхождения (Ефименко, 1937, с. 43–49). Причины появления

могильников ученый видел в переходе местного населения от рыболовно-охотничьего уклада хозяйства к пастушеству и частично к земледелию. К таким же выводам пришли и начавшие разрабатывать в это же время концепцию автохтонного происхождения древнемордовской археологической культуры П.С. Рыков (Рыков, 1936, с. 55–59) и А.П. Смирнов (Смирнов, 1940). Последний внес наибольший вклад в разработку данной концепции. Анализируя материалы памятников городецкой культуры, сравнивая их с данными погребальных комплексов древней мордвы, он пришел к однозначному выводу о том, что мордва является прямым потомком местных племен, представленных городецкой археологической культурой (Смирнов, 1952, с. 49–55; 1965).

В 60-70-е гг. XX в. получила развитие гипотеза миграционного происхождения древнемордовской культуры. П.Н. Третьяков, проделавший большую работу по выяснению происхождения финно-угорских народов, опираясь на появившиеся новые источники (Андреевский курган и др.), выдвинул предположение о том, что возникновение древнемордовской культуры связано с приходом в Западное Поволжье нового населения из Прикамья. Потомков местных племен городецкой культуры П.Н. Третьяков считал лишь одной из составных частей древней мордвы (Третьяков, 1966, с. 290–293). Эту точку зрения разделял и А.Х. Халиков (Халиков, 1970, с. 293–294). Однако мнение о внедрении прикамского населения на территорию Западного Поволжья подверглось обстоятельной критике как со стороны специалистов по древностям Прикамья, так и со стороны мордовских археологов (Генинг, 1970, с. 194; Пшеничнюк, 1973, с. 243; Вихляев, 1979, с. 143). В результате А.Х. Халиков, не отказываясь в целом от своей концепции, стал связывать пришельцев с культурой тюркского населения Южного Приуралья и считать их предками не мордвы, а чувашей (Халиков, 1986, с. 76; 1987).

Результаты изучения ранней истории мордвы были обобщены в специальной работе В.И. Вихляева (Вихляев, 2000). В ней на конкретных археологических материалах прослежена роль племен городецкой культуры в этногенезе мордвы, для чего была разработана относительная хронология городецкого керамического комплекса и выделены характерные черты его позднего периода. На основе сравнения этого комплекса с древнейшей мордовской керамикой В.И. Вихляев подтвердил гипотезу А.П. Смирнова о решающей роли местных городецких племен в становлении древнейшей мордовской культуры. В то же время пришлые с юга (сарматоидные) племена, представленные носителями культуры Андреевского кургана и близ-

кими к нему памятниками (Андреевская культура) сыграли важную роль в формировании культуры могильников кошибеевского типа.

Памятники древнемордовской культуры III–IV в. известны в Верхнем и Нижнем Посурье с прилегающими районами правобережья р. Волги, Верхнем Примокшанье и на правых притоках Нижней Оки. Погребения Кошибеевского типа III–V в. известны в нижнем течении р. Цны (Кошибеевский и Польно-Ялтуновский могильники), в бассейне р. Пьяны, левого притока р. Суры (Нижнее Посурье, два Сергачских могильника) и на Верхней Мокше (ранние погребения Ражкинского могильника). Эту территорию можно объединить под названием Окско-Сурско-Цнинское междуречье (рис. 1).

Рельеф, климат и природные условия Окско-Сурско-Цнинского междуречья повсеместно благоприятны для занятий охотой, скотоводством и лесными промыслами. В Верхнем Примокшанье, Верхнем и Нижнем Посурье и Окско-Сурском междуречье, а также в поймах крупных рек имеются условия для ведения земледелия. Территория небогата полезными ископаемыми (отсутствует база для цветной металлургии), но все же есть сырье для гончарного производства и черной металлургии.

Поселения. Поселения древнемордовской культуры III–V в. и носителей культуры могильников кошибеевского типа исследованы крайне неудовлетворительно. Абсолютное большинство городищ и селищ I тыс. н. э. подвергались лишь поверхностному обследованию при помощи сбора подъемного материала и шурфовки. Их хронология и культурное определение совершенно не разработаны.

Единственным поселением, укладывающимся в хронологические и культурные рамки древнемордовской культуры III–V в., является Баранниковское городище в бассейне р. Сундовик (правого притока р. Волги), находящееся недалеко к западу от места впадения р. Суры в р. Волгу (рис. 1). Найденная в культурном слое этого памятника бронзовая височная подвеска с биконическим грузиком и спиралью, которая является этническим и культурным определителем, позволяет отнести его к древнемордовской культуре и считать, что он функционировал не позднее IV в. (Археологическая карта..., 2004, с. 260–262). Поселения, которые бы связывались с культурой могильников кошибеевского типа, не определены до сих пор.

Баранниковское городище расположено на мысу коренного берега р. Сундовик, образованном оврагом, и имело площадку треугольной в плане формы, длиной 30 м и шириной до 20 м. С на-

польной стороны эта площадка защищена «шишкообразным» валом, высотой до 5 м. С внешней стороны вала имеется ров шириной 2 м (рис. 2). Во время небольших раскопок (85 м²) М.Г. Жилиным на городище обнаружен культурный слой мощностью до 0,5 м. В нем найдена керамика двух культур – городецкой и древнемордовской. Древнемордовская представлена горшками с высоким горлом и банками. Края венчиков округлы, срезаны или с наплывами. В тесте сосудов примеси мелкого песка, дресвы и шамота. Кроме височной подвески с грузиком найдены серебряные подвески, пронизки; бронзовая застежка – сьюльгама, трубчатые и трапециевидные подвески, пряжка; железные ножи, наконечник дротика, шило, пробойник, рыболовный крючок, кольцо; бусы из красной пасты, глиняные и костяные; глиняные пряслица, грузила, фрагмент льячки; каменный оселок, кусок крицы и другие предметы. Имеется остеологический материал.

Поселение можно отнести к стационарным, хотя явных жилых сооружений не обнаружено. Возможно, остатки такого сооружения обнаружены в раскопе 1986 г. в виде части большого пятна, оконтуренного уплотненной глиной красноватого цвета толщиной 2–3 см. Внутри этого пятна найдены 3 овальные в плане ямы с отвесными стенками и уплощенным дном. Именно в заполнении этих ям найдена большая часть находок древнемордовской культуры (Археологическая карта..., 2004, с. 260–262).

Предположительно к древнемордовской культуре можно отнести городища Ножа-Вар (Трубникова, 1964, с. 117–156) и Пичке-Сорче (Трубникова, 1964, с. 163–195) в Нижнем Посурье, где зафиксированы слои первой половины I тыс. н. э. Они располагаются в местах, где в это время функционировали погребальные памятники мордвы.

Могильники. К древнемордовской культуре III–V в. относятся Сендимиркинский, Таутовский, Второй Стёксовский, Абрамовский, часть погребений Ражкинского, Тезиковский, Пензенский, Селиксенский, Селикса-Трофимовский, Степановский, Алферьевский, Шемышейский, Усть-Узинский, Армиевский I могильники (рис. 1). Основным этноопределяющим признаком для этих могильников является женский головной убор, включающий в себя височную подвеску в виде стержня, обмотанного проволокой, с грузиком на нижнем конце и отогнутой под углом 90° спиралью на верхнем (часть ранних экземпляров этого украшения с укороченным стержнем не имеет обмотки) (Вихляев, 2017, с. 206–207). На пространстве Окско-Сурско-Цнинского междуречья такие украшения не найдены в Кошибеевском, Польно-Ялтуновском, Сергачском «Кожина Слобода» и

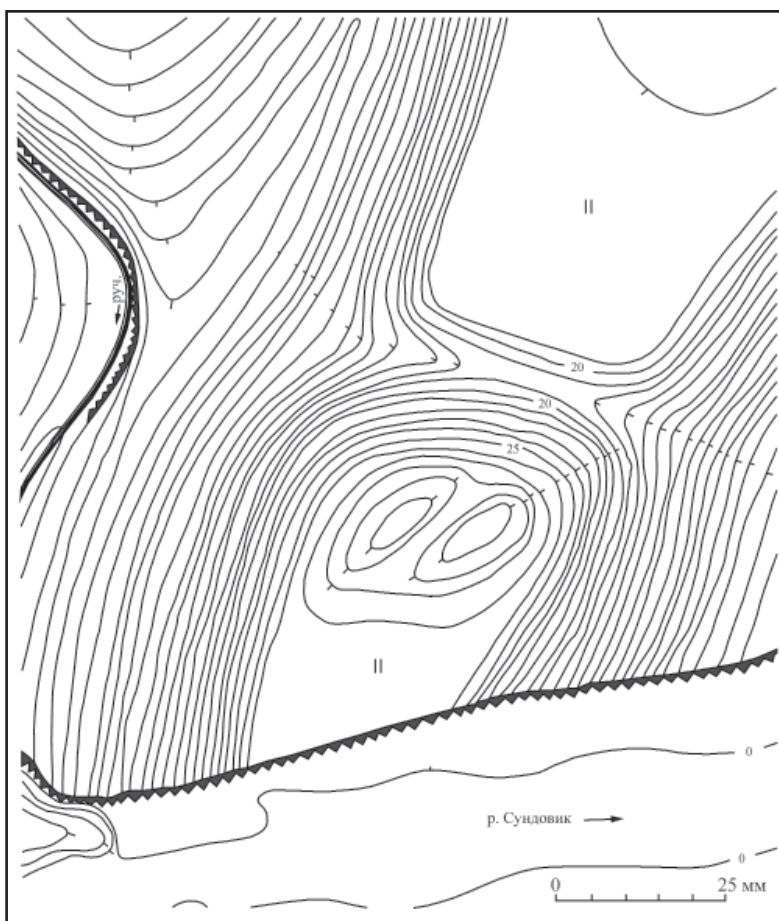

Рис. 2. Топографический план Баранниковского городища

Сергачском «Святой Ключ» могильниках, в ранних погребениях Ражкинского могильника.

На первом этапе (III в.) возникновения и развития единой древнемордовской культуры в области Нижнего Посурья функционируют Сендимиркинский и Таутовский могильники. На р. Тёше, притоке р. Оки, начинается свое существование Второй Стёксовский могильник. В Верхнем Посурье совершаются захоронения в Шемьшейском, Усть-Узинском, Селиксенском и, возможно, Пензенском погребальных памятниках.

На втором этапе развития общемордовской культуры (IV в.) в Нижнем Посурье захоронения этого времени не фиксируются. В Потёшье продолжает функционировать Второй Стёксовский могильник, и начинаются погребения на Абрамовском могильнике. В Верхнем Посурье продолжают хоронить в Шемьшейском, Усть-Узинском, Селиксенском и, возможно, Пензенском могильниках. Возникают Селикса-Трофимовский, Степановский, Армиевский I и, возможно, Алфёрьевский могильники. В Верхнем Примокшанье продолжает функционировать Ражкинский и начинается использоваться Тезиковский могильники.

Захоронения третьего этапа (V в.) развития древнемордовской культуры в Нижнем Посурье

пока что не обнаружены. На р. Тёше продолжает функционировать Абрамовский могильник и, возможно, совершаются захоронения на Втором Стёксовском могильнике. В Верхнем Посурье продолжают совершаться погребения на Селиксенском, Степановском, Армиевском I и, возможно, Усть-Узинском могильниках. В Верхнем Примокшанье продолжает использоваться Тезиковский могильник.

Культура могильников кошибеевского типа начинается формироваться несколько ранее древнемордовских. Так Сергачский «Кожина Слобода» могильник в Нижнем Посурье датируется II – первой половиной III в. (Шитов, 2000, табл.). Следует отметить, что его материалы в существующих системах хронологии Окско-Сурско-Цнинского междуречья не использовались. Польно-Ялтуновский могильник на р. Цне в системе хронологии могильников западной части Среднего Поволжья датируется концом III – первой половиной IV в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 133–134). Материалы Кошибеевского могильника на Нижней Цне охватывают весь рассматриваемый период и относятся к концу II–V в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 131–137). Наиболее поздним памятником этой группы яв-

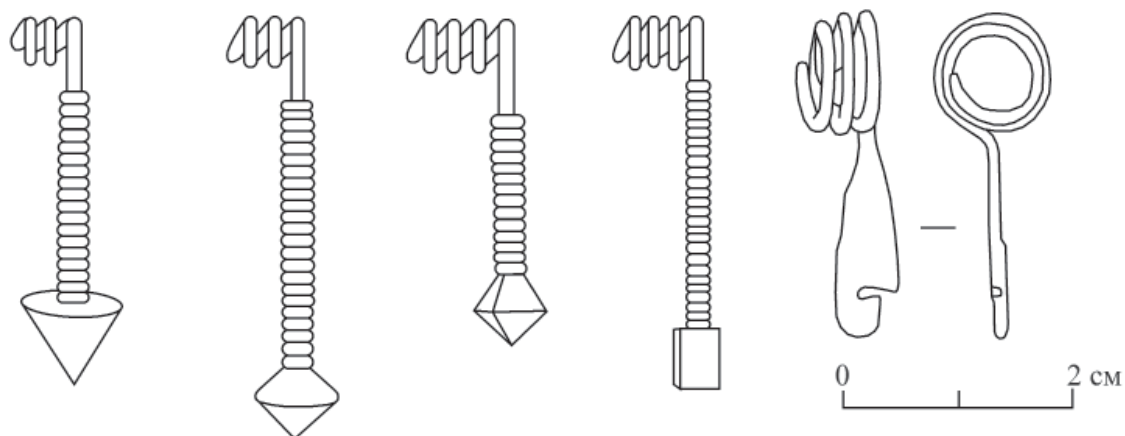

Рис. 3. Ранние типы подвесок с грузиком (III–V вв.)

ляется Сергачский «Святой Ключ» могильник в Нижнем Посурье. Он датируется по аналогиям IV–V в. (Шитов, 2000, табл.). К этой группе при-
мыкают ранние погребения конца II – первой по-
ловины III в. Ражкинского могильника (Вихляев,
1977, с. 59–64).

Погребальный обряд. Большинство погреб-
альных памятников древнемордовской культуры
располагаются у пойм рек. Чаще всего они связы-
ваются с первой надпойменной террасой (Второй
Стёксовский (рис. 4), Абрамовский, Ражкинский,
Шемьшейский, Алферьевский могильники).

На второй надпойменной террасе находился
Сендимиркинский, а в самой пойме на всхолм-
лениях – Селиксенский могильники. Некоторые
погребальные памятники были обнаружены в си-
стемах оврагов (Армиевский, Селикса-Трофимов-
ский и Усть-Узинский могильники). Расположение
могильников кошибеевского типа не отличается
от, бесспорно, древнемордовских. Могильники
III–V в. рассматриваемой территории грунтовые,
не имеющие к настоящему времени никаких над-
могильных сооружений. Господствует рядовая
планировка могил. Могильные ямы, за редким
исключением, представляют собой фактически
один тип – они простые, без каких-либо слож-
ных конструкций, в подавляющем большинстве
имеют прямоугольную в плане форму с углами,
закругленными в различной степени. Характер-
ными для взрослых погребений являются могиль-
ные ямы длиной от 151 до 250 см, при ширине
51–70 см и глубиной от 51 до 150 см. По разме-
рам могильных ям выделяются только погребения
Сендимиркинского и Абрамовского могильников,
отличающиеся большой длиной, а в Сендими-
ркинском и большой глубиной. Мужские захоро-
нения, как правило, имеют длину, превышающую
2,5 м, в Сендимиркинском могильнике достига-
ющая почти 4 м, а глубина погребений в этих двух
погребальных комплексах достигает 2 м и более.

Абсолютно преобладают труположения в вы-
тянутом на спине виде. В Селикса-Трофимовском
могильнике зафиксировано самое раннее древ-
немордовское трупосожжение (вторая половина
IV в.). Оно совершено в могильной яме (Полес-
ских, 1974б, с. 22, 26–27). Некоторые исследова-
тели выделяют в материалах древнейших мор-
довских могильников так называемые вторичные
погребения с нарушенным положением костяка.
Однако до сих пор у нас нет возможностей, бес-
спорно, определить такие погребения и отделить
их от разрушенных по естественным причинам.

Умерших, как отмечают исследователи, чаще
всего заворачивали в луб, иногда могильная яма
перекрыта досками. В заполнении могильных ям
встречаются древесные угли и зола, в ряде случа-
ев кострища, фрагменты керамических сосудов.
Иногда в могилу помещалась жертвенная пища.
В Абрамовском могильнике дно некоторых могил
покрыто дубовыми плашками и древесной корой.

Погребальный обряд могильников кошибеев-
ского типа в основном идентичен древнемордов-
ским, за исключением некоторых особенностей
на отдельных погребальных памятниках. Так на
Кошибеевском могильнике, по мнению Н.В. Труб-
никовой, кроме рядовой планировки могил су-
ществовала и планировка погребений группами,
расположенными по кругу (Трубникова, 1966, с.
80–88). Своими размерами выделяются погребе-
ния Кошибеевского могильника. Могильные ямы
здесь длиннее, чем в других погребальных памят-
никах. В этом плане погребальный обряд Коши-
беевского могильника сближается с комплексами
Абрамовского и Сендимиркинского могильников.
В.Н. Шитов считает, что у племен, оставивших
могильники кошибеевского типа, существовал
обычай хоронить мужчин и женщин с противо-
положной ориентировкой (Шитов, 1988б, с. 5).
В этой группе памятников обнаружены немногочис-
ленные трупосожжения. Имеются парные по-

Рис. 4. Топографический план Второго Стекловского могильника (по В. Н. Мартянову)

гребеня, как ярусные (одно над другим, Кошибеевский могильник), так и горизонтальные (одно рядом с другим, ранние погребения Ражкинского могильника).

Особенностью могильников III–V в. является разнообразие ориентировок покойников головой по сторонам света. Здесь господствующая ориентировка погребенных у каждого могильника своя. Так северная ориентировка преобладает в рассматриваемое время в Ражкинском и Абрамовском могильниках, северо-восточная – в Селикса-Трофимовском и Степановском могильниках, восточная – в Усть-Узинском, Тезиковском и Алферьевском могильниках, юго-юго-восточная – в Сендимиркинском могильнике, южная – в Шемышейском и Армиевском I могильниках, западная – во Втором Стёксовском и Селиксенском могильниках.

Ориентировка умерших в погребальных памятниках кошибеевского типа восстанавливается с трудом из-за несовершенства методики их раскопок и выглядит, как и в древнемордовских могильниках, весьма разнообразной. Н.В. Трубникова считает, что наиболее ранние погребения Кошибеевского могильника были ориентированы головой на юг, затем стала господствовать восточ-

ная ориентировка, а в поздних погребениях преобладало уже северное направление (Трубникова, 1966, с. 86). В Сергачском могильнике «Святой Ключ» зафиксирована ориентировка покойников головой на северо-запад. В Сергачском могильнике «Кожина Слобода» – преимущественно на северо-восток. Преобладающей ориентировкой погребенных в Польно-Ялтуновском могильнике является юго-восточная.

Такое многообразие, на наш взгляд, объясняется тем, что в III–V в. могильники мордвы, небольшие по площади со сравнительно немногочисленными погребениями, представляют собой родовые кладбища, отражающие погребальные традиции отдельного рода. Племенные кладбища значительно более крупные с многочисленными погребениями и выработанной устойчивой однообразной ориентировкой появляются позже, не ранее VI–VII в.

Инвентарь погребений. Мужские погребения III–V в. содержат разнообразный вещевой материал. В погребальных комплексах встречаются предметы вооружения. В ранних погребениях первой половины III в. кошибеевского типа предметы вооружения по форме близки к таким же вещам из

захоронений Андреевского кургана. Здесь найдены железные однолезвийные мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием, листовидные наконечники копий и дротики с треугольными перьями и двумя боковыми «жальцами», плоские с «жальцами» черешковые наконечники стрел. В дальнейшем во всех могильниках Окско-Сурско-Цнинского междуречья развитие этих основных видов вооружения соответствует общим тенденциям эволюции восточно-европейского комплекса оружия. В древнемордовских погребениях встречаются двулезвийные мечи без перекрестия, в одном случае возможно с навершием в виде халцедонового диска, различные формы наконечников копий, уже не напоминающие прототипы из Андреевского кургана, листовидные и трехлопастные наконечники стрел. В Усть-Узинском могильнике найден двулезвийный кинжал с клинком длиной около 36 см с деревянной рукоятью (Гришаков, 2008, с. 90–91; рис 7: 2). В двух древнемордовских погребениях обнаружены кольчуги. И в одном из них фрагменты железного пластинчатого шлема. Обычной находкой в мужских погребениях являются железные ножи с прямой или горбатой спинкой.

Предметы конского снаряжения в мужских захоронениях представлены удилами и уздечками. В Кошибеевском могильнике известна находка удила с псалиями, повторяющими форму таких предметов из Андреевского кургана. Остатки уздечек, найденные в погребениях мордовских племен, украшены бронзовыми бляшками и обоймами.

Орудия труда чаще всего встречаются в могильниках кошибеевского типа: двуручный скобель, стамеска, тесло. У всех племен распространены ножи и топоры двух типов: втульчатые и проушные. При этом в северных могильниках мордвы встречаются только втульчатые топоры.

Для мужского костюма всех племен Окско-Сурско-Цнинского междуречья характерны бронзовые и серебряные гривны. У племен носителей культуры могильников кошибеевского типа на всем протяжении их истории существуют гривны, ведущие свое происхождение от подобных украшений Андреевского кургана. Они изготовлены из круглого дрота или сплетены из двух проволок с крючком, имеющим коническое утолщение на конце. Второй конец гривны оформлен в виде петли. В Андреевском кургане можно найти прототип и другой распространенной формы гривен в могильниках кошибеевского типа. Это круглодротовые или тордированные гривны с замком в виде круглого щитка с пробитым в нем отверстием и крючком, иногда с коническим утолщением на конце. Оба типа гривен можно считать характерными для могильников кошибеевского типа. В

других районах Окско-Сурско-Цнинского междуречья они почти не встречаются.

Развитие комплекса гривен в бесспорных древнемордовских комплексах прослежено на материалах могильников верхнесурских племен (Вихляев, 1977, с. 44–49). Материалы погребений других территорий показывают такое же направление развития этой категории вещей (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 15–24, с. 131–137). В верхнесурских древнемордовских могильниках широкое распространение имеют круглодротовые гривны с обрубленными несомкнутыми концами. Затем появляются гривны из круглого деревянного прута, обмотанного бронзовой проволокой. Кроме этих типов гривен распространены бронзовые прямоугольные в сечении, с концами, оформленными в виде стилизованных змеиных головок; круглодротовые с подвижным ромбоцитковым крючком. И в древнемордовских, и в погребениях кошибеевского типа встречаются круглодротовые бронзовые и железные гривны с напущенными стеклянными или бронзовыми, или железными бусами, промежутком между которыми обмотан бронзовой проволокой, а также бронзовые круглодротовые, обмотанные у концов бронзовой проволокой наполовину длины кольца, с напущенными бронзовыми бусами и замком в виде круглой коробочки и крючка. В этих же погребениях встречаются гривны с конструкцией подобной последнему типу, но с замком в виде петли и петлевидного крючка и некоторые другие типы, представленные одиночными экземплярами.

Во всех могильниках рассматриваемой территории в мужских погребениях встречаются бронзовые браслеты различной формы, римские провинциальные фибулы IV–V в., бронзовые перстни, в основном, спиральные. Большое распространение имеют застежки-сюльгамы.

Распространенными элементами мужского костюма являются кожаные пояса с фигурными металлическими бляшками, пряжками, наконечниками ремня, обоймами, подвесками. У племен Окско-Сурско-Цнинского междуречья пряжки применялись и для застегивания обуви.

Для рассматриваемых памятников характерно помещение в могилы лепных плоскодонных сосудов. В погребениях кошибеевского типа сосуды располагались в изголовье или в ногах погребенного, в мордовских верхнесурских погребениях – чаще у головы и реже в ногах. На протяжении всего периода функционирования древнемордовских могильников Верхнего Посурья изредка встречаются сосуды, поставленные в области груди умершего.

В женских погребениях в комплексах Окско-Сурско-Цнинского междуречья III–V в., как и в

мужских, встречаются предметы вооружения. В ранних погребениях верхнесурских племен найдены трехлопастные наконечники стрел. Возможно, к женским относится погребение 62 Кошибеевского могильника из раскопок А.А. Спицына, где найдены железные и костяной наконечники стрел типа Андреевского кургана. Наконечники копий встречаются в женских погребениях в обеих группах могильников.

Конское снаряжение также не чуждо женским погребениям. Удила обнаружены во всех группах памятников. У окско-сурских племен зафиксированы фрагменты уздечки.

В женских погребениях встречаются железные ножи и шилья тех же типов, что и в мужских. Топоры-кельты уверенно фиксируются у окско-сурских племен. Проушных топоров в женских комплексах не найдено.

Только в женских погребениях представлены сохранившиеся металлические украшения головного убора. Все исследователи отмечают, что именно по конструкции женского головного убора на археологическом материале, прежде всего, различаются финно-угорские племена раннего железного века и последующего времени. Сохранность деталей головных уборов в погребениях весьма плохая. Поэтому попытки их полной реконструкции всегда выглядят недостаточно убедительно (Трубникова, 1982, с. 43–47, 107–112; Гришаков, 2008, с. 82–84). Можно лишь утверждать, что в междуречье рр. Оки, Суры и Цны в женских погребениях встречаются три основных элемента головного убора: налобные венчики, височные подвески и кольца, а также наконечники.

Для культуры могильников кошибеевского типа характерны венчики, обычно состоящие из звеньев бронзовых полуцилиндрических пронизок, нанизанных на кожаные ремешки, которые разделены круглыми бронзовыми бляшками. Височные украшения весьма разнообразны. Здесь встречаются спиральные височные кольца, как и в Андреевском кургане; а также спиральные кольца, имеющие на одном конце широкую лопасть; трех-, четырех- и пятилопастные височные подвески; иногда встречаются бутыльчатые и в форме уточки. Височные подвески с грузиком в погребениях кошибеевского типа отсутствуют. Наконечники состоят из бронзовых пронизок или полуцилиндриков, нанизанных на ремешки и соединенных звеньями, разделенными бронзовыми бляшками. Как и в Андреевском кургане, окончанием наконечника служат бронзовые лапчатые подвески.

У племен древнемордовской культуры в погребениях встречается налобный венчик.

Главным височным украшением древнемордовской культуры на всем протяжении ее суще-

ствования являются бронзовые подвески в виде стержня, обмотанного тонкой проволокой, со спиралью на одном конце и грузиком на другом (на ранних экземплярах этого украшения весьма укороченный стержень не имеет обмотку). Встречаются экземпляры с коническим, листовидным, биконическим, призматическим и бипирамидальным коротким грузиком (рис. 3). В определенные периоды и в отдельных памятниках древней мордвы также встречаются спиральные, спиральные с лопастью, круглые лопастные височные подвески, аналогичные найденным в погребениях кошибеевского типа. Некоторые из них в мордовских погребениях обнаружены вместе с подвесками с грузиком.

Украшения косы у древнемордовских племен весьма своеобразны. В отличие от наконечников могильников кошибеевского типа они имеют окончания в виде подвесок различной формы: бутыльчатых, звездчатых, шарнирных в виде фигурных пластин, подвешенных к обойме и других.

В головном уборе у племен, оставивших могильники кошибеевского типа, и древней мордвы как составная часть наконечника используются бронзовые бляхи, которые обычно служат нагрудными украшениями. Головные бляхи, как правило, меньше нагрудных. У древней мордвы бляхи в наконечниках фиксируются на протяжении всего периода существования культуры. В погребениях кошибеевского типа они появляются только к концу функционирования культуры.

Для женских погребений древней мордвы III–V в., как и для мужских, характерны гривны, браслеты, римские провинциальные фибулы, перстни, чаще всего спиральные, сьюльгамы, кожаные пояса с металлической гарнитурой.

Женские погребения древней мордвы содержат ожерелья из стеклянных бус, металлических пронизок и подвесок. Чаще всего встречаются ожерелья из бус. Учитывая тот факт, что стеклоделие племенам Окско-Сурско-Цнинского междуречья было неизвестно, можно предполагать наличие общих закономерностей развития ожерелий у племен рассматриваемой территории. Основными видами бус в III–V в. являются золоченые бусы и бусы из красного непрозрачного стекла.

Распространенным элементом костюма древней женщины-мордовки были бронзовые нагрудные бляхи с круглыми отверстиями в центре и радиальной прорезью с завернутыми краями, которые иногда использовались и как поясные украшения. Лицевая сторона этих блях чаще всего орнаментирована концентрическими кругами, выполненными при помощи литья, штамповки или прочерчивания. Следует отметить, что в могильниках кошибеевского типа преобладают бляхи со

штампованно-литым рельефным орнаментом, в могильниках древней мордвы – с прочерченным орнаментом. Из типов блях с прочерченным орнаментом в конце рассматриваемого периода формируются бляхи с диаметральной и крестовидной накладкой. В самом конце периода появляются бляхи с намечающейся крышечкой, закрывающей отверстие в центре.

Для женских погребений Окско-Сурско-Цнинского междуречья весьма характерны обувные украшения. Они состоят из бронзовых пряжек, крупных проволочных пронизей с ремешками, обойм и различных бронзовых подвесок. В Селиксенском могильнике обнаружена кожаная обувь типа поршней. В погребениях найдены костяные пуговицы, бронзовое зеркало, пинцеты, льячка и литейная формочка. Обычной находкой для женских погребений являются керамические пряслица.

Так же, как и мужские, многие женские погребения сопровождалась лепной керамической посудой. В захоронениях кошибеевского типа, по заключению В.В. Гришакова, найдены горшки, банки и чаши (Гришаков, 1993, с. 78–79). Особенностью этого керамического комплекса является большая доля орнаментированных сосудов. Они имеют насечки или оттиски зубчатого штампа по краю горла, иногда с дополнительными узорами по тулову. Сосуды помещались в погребениях, как у головы, так и у ног покойного.

Верхнесурская мордва изготовляла горшки, миски, мискообразные сосуды, банки. У окско-сурской мордвы встречаются горшки, миски и блюда.

Хронология. Хронология древнемордовской культуры и древностей кошибеевского типа в настоящее время может базироваться только на материалах могильников, ввиду весьма слабого исследования поселений рассматриваемого периода. Для этих памятников разработана система хронологии, основанная на типологии вещей и объективной статистико-математической оценке сопряженности типов пяти категорий вещей: височные украшения, гривны, бляхи, браслеты и сьюльгамы (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008). Однако в нее не включены погребальный обряд и керамический комплекс. В этом плане эту систему дополняет хронология древнемордовских верхнесурских и верхнемоксанских могильников (селиксенского и армиевского типов), включающая названные элементы культуры и базирующаяся на той же методике (Вихляев, 1977). В хронологии могильников западной части Поволжья (2008 г.) для абсолютной датировки выделенных этапов используются аналогии только из хорошо датированных комплексов по отдельным наход-

кам (монеты и др.) и полученных на основе статистико-математических и естественных методов системам хронологии.

Базой хронологии древнемордовской культуры и могильников кошибеевского типа является эволюционный ряд головных и нагрудных блях, выделенный, в основном, при помощи оценки степени их взаимовстречаемости (сопряженности) при помощи математической статистики. Основные звенья эволюционного ряда являются хронологическими реперами для выделения стадий развития рассматриваемых культур.

Основой первой хронологической стадии могильников древнемордовской культуры и кошибеевского типа (стадия 2 могильников западной части Среднего Поволжья I–XIV в.) являются бляхи, круглые плоские с круглым отверстием в центре и радиальной прорезью с завернутыми в трубку краями. Корпус бляхи с лицевой стороны орнаментирован литыми или штампованными валиками, расположенными концентрическими кругами (рис. 5: 1–3).

На первой стадии развития рассматриваемых памятников продолжают бытовать украшения предшествующих на этой территории культур, прежде всего Андреевского кургана. К ним относятся бронзовые височные спиральные кольца (рис. 5: 4), круглопроволочные из цветных металлов гривны с замком в виде скользящей петли и крючка с грибовидной конической головкой (рис. 5: 5), а также бронзовые витые из двух или трех гладких проволок гривны с замком в виде петли и крючка, иногда на конце имеющим грибовидную коническую головку (рис. 5: 2).

В это же время бытуют височные спиральные кольца с лопастью на одном конце (рис. 5: 6), бронзовые круглопроволочные гривны с концами в виде простых крючков (рис. 5: 7) и бронзовые круглодротовые браслеты с расплюснутыми в виде закругленных лопастей концами, заходящими друг за друга (рис. 5: 9).

На этой стадии в древнемордовских и кошибеевского типа погребениях появляются бронзовые и золотые височные украшения в виде стержня с коническим, биконическим или листовидными грузиком (только в древнемордовских комплексах) (рис. 5: 9–12), круглодротовые с обрубленными концами бронзовые гривны (рис. 5: 13), бронзовые браслеты прямоугольного сечения с расплюснутыми в виде закругленных лопастей концами, заходящими друг за друга (рис. 5: 14). Для захоронений кошибеевского типа Верхнего Примокшанья в это время характерны ожерелья, состоящие из 81–100% золоченых, в основном, многочастных бисерных и мелких бус, не превышающих в диаметре 4 мм (Вихляев, 1977, с. 44–45).

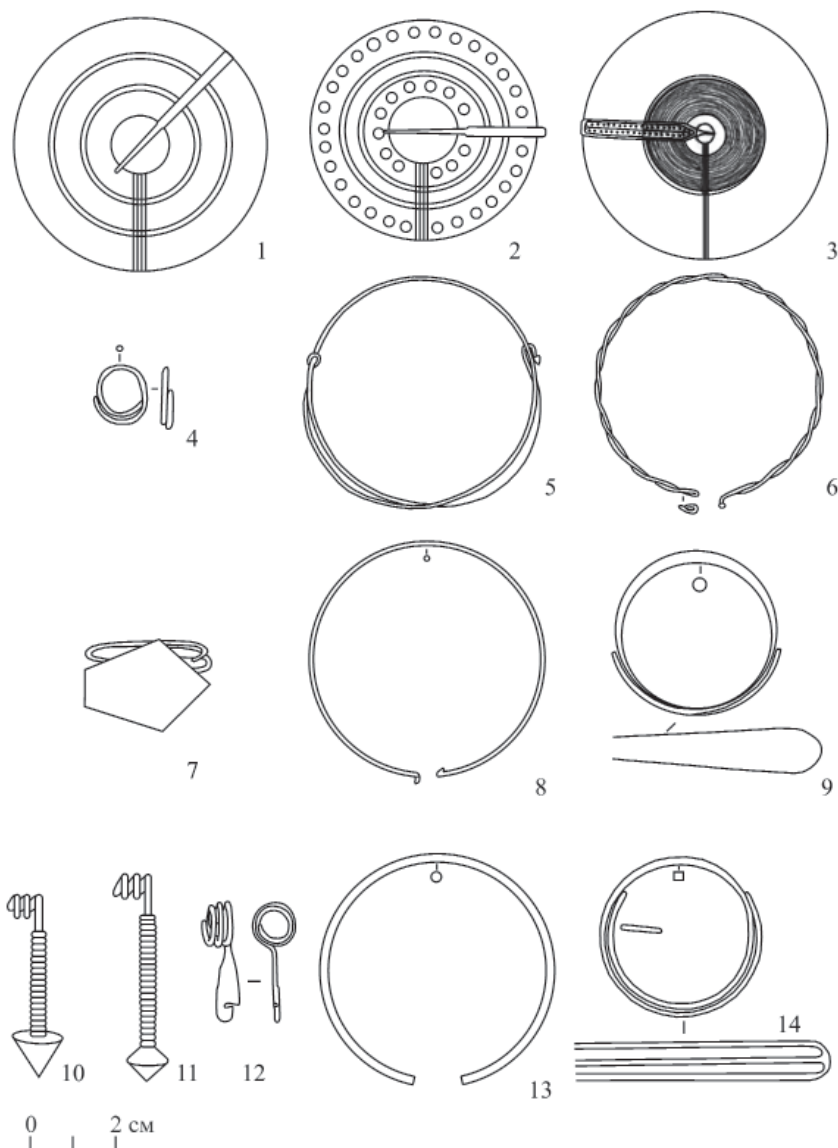

Рис. 5. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры и кошибеевского типа конца II – первой половины III в. 1–3 – бляхи; 4 – привеска; 5–6 – гривны; 7 – височное украшение; 8 – гривна; 9 – браслет; 10–12 – височные украшения; 13 – гривна; 14 – браслет. 1–14 – бронза

Погребения первой стадии могильников древнемордовской культуры и кошибеевского типа по хорошо датированным аналогиям относятся к концу II – первой половине III в.

К датирующим вещам рассматриваемой стадии относятся все типы блях, корпус которых орнаментирован концентрическими окружностями из литых или штампованных валиков. Лишь один тип из них с одной зоной штампованных многочисленных валиков встречается в погребениях вместе с бляхами с одной зоной прочерченного орнамента. Такие захоронения, по-видимому, следует относить к более позднему времени, не ранее середины III в.

Погребения конца II – первой половины III в. содержат Кошибеевский, Ражкинский, Шемы-

шейский, Сандимиркинский, Таутовский, Усть-Узинский могильники.

Хронологическими реперами второй стадии могильников древнемордовской культуры и кошибеевского типа (3 стадия могильников западной части Среднего Поволжья) являются бляхи той же конструкции, что и для первой стадии, но изменяется орнаментация. Корпус блях с лицевой стороны украшается одной зоной орнамента в виде прочерченных концентрических кругов, расположенных ближе к центральному отверстию (рис. 6: 1, 2).

На второй стадии продолжают бытовать височные спиральные кольца с лопастью, височные подвески с биконическим или коническим грузиком (только в древнемордовских комплексах),

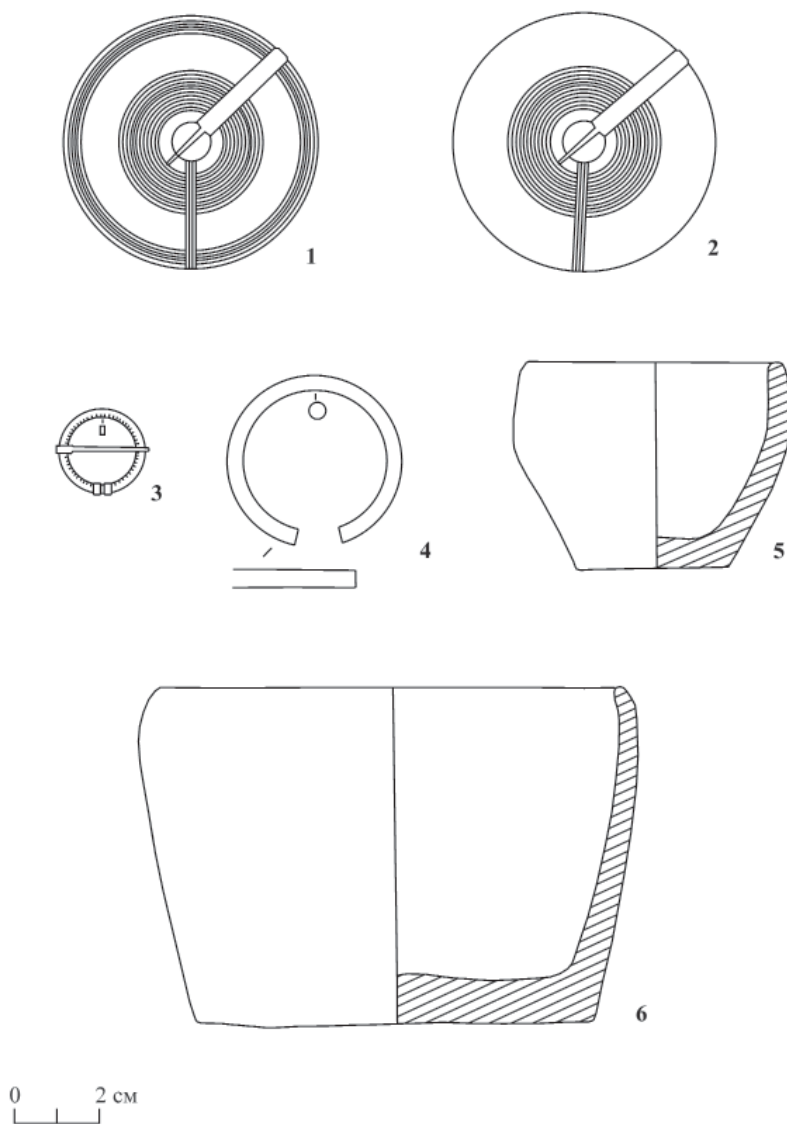

Рис. 6. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры и кошибеевского типа второй половины III в. 1–2 – бляхи; 3 – сьюльгама; 4 – браслет; 5–6 – сосуды. 1–4 – бронза, 5–6 – керамика

круглодротовые гривны с обрубленными концами, круглодротовые и прямоугольного сечения браслеты с расплюснутыми в виде лопастей концами, заходящими друг за друга. Входят в моду и распространяются бронзовые браслеты из дрота округлого сечения диаметром более 5 мм с прямо обрубленными концами (рис. 6: 4).

В погребениях второй стадии древнемордовской культуры Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья продолжают существовать ожерелья, состоящие на 81–100% из золоченых бус, появляются ожерелья, состоящие из золоченых бус только на 60–81%. Для рассматриваемых комплексов характерны баночные сосуды без горла с краем венчика прямым или отогнутым внутрь (рис. 6: 4, 5) (Вихляев, 1977, табл. 3).

Вторая стадия могильников древнемордовской культуры и кошибеевского типа в целом датируется второй половиной III в.

Датирующими для второй стадии могильников древней мордвы и кошибеевского типа являются нагрудные и головные бляхи с одной зоной прочерченного концентрического кругового орнамента. Но при этом следует учитывать, что этот тип по взаимовстречаемости существенно сопряжен с более поздними бляхами с двумя зонами прочерченного кругового орнамента. Следовательно, комплексы, где совместно встречены бляхи этих двух типов, следует относить к более позднему времени, чем стадия 2.

Погребения второй стадии выделены в Кошибеевском, Ражкинском, Селиксенском, Шемьшейском, Втором Стёксовском могильниках.

Следующая третья стадия рассматриваемых памятников определяется бляхами той же конструкции, что и раньше, но орнаментированными не одной, а двумя зонами прочерченных концентрических кругов, расположенных одна у

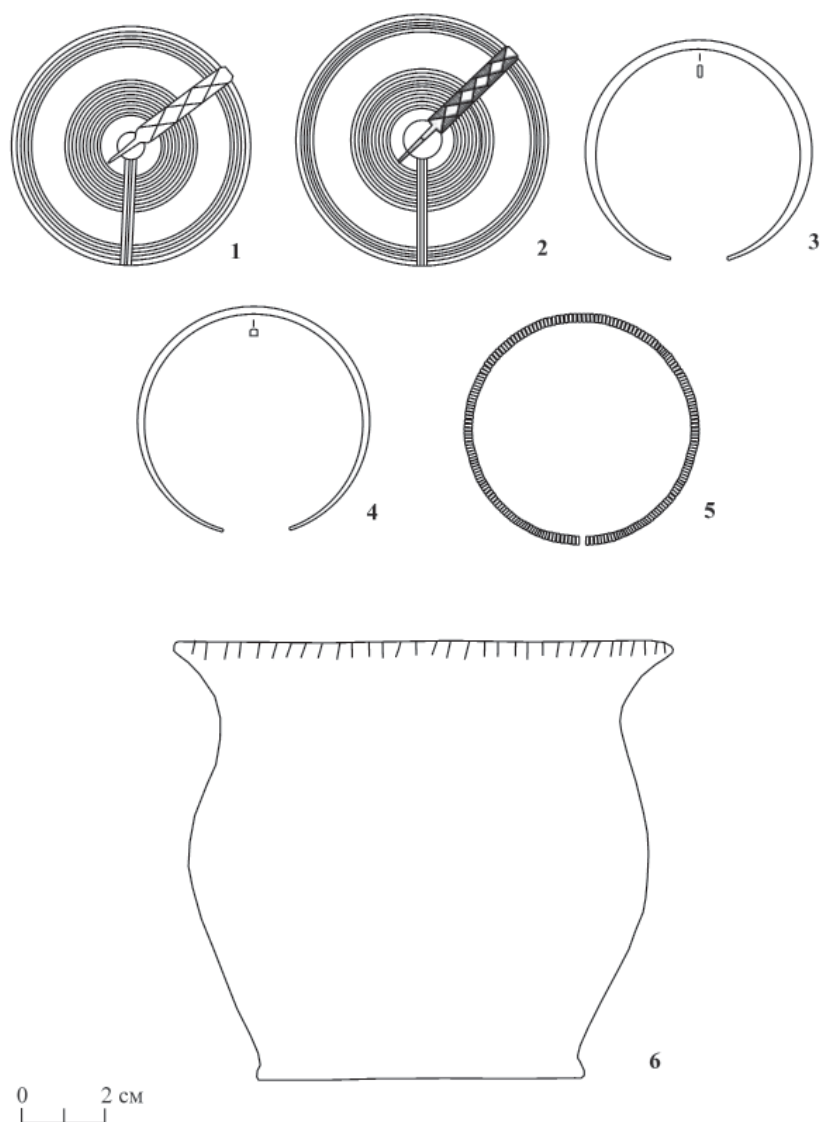

Рис. 7. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры и кошибеевского типа конца III – первой половины IV в. 1, 2 – бляхи; 3–5 – гривны; 6 – сосуд. 1–3, 5 – бронза, 4 – железо, 6 – керамика

центрального отверстия, другая – у края бляхи. Обоймы в большинстве случаев начинают орнаментироваться с лицевой стороны (рис. 7: 1, 2).

На стадии 3 продолжают существовать височные спиральные кольца с лопастью, височные подвески с коническим (после этой стадии эти типы перестают встречаться) и биконическим грузиком (только в древнемордовских комплексах), круглодротовые гривны с обрубленными концами, браслеты из дрота округлого сечения с прямо обрубленными концами. В этот период выходят из моды круглопроволочные гривны с замком в виде скользящей петли и крючка и браслеты прямоугольного сечения с расплюснутыми в виде лопасти концами, заходящими друг за друга. Появляются и распространяются дротовые из цветных металлов гривны прямоугольного сечения с утончающимися концами (рис. 7: 3), такие же, сделанные из железа (рис. 7: 4), а также из кру-

плого деревянного прута, обмотанного бронзовой проволокой по всей длине кольца с сомкнутыми концами (рис. 7: 5).

В древнемордовских комплексах Верхнего Пособурья и Примокшанья по-прежнему встречаются ожерелья, состоящие на 81–95% из золоченых бус. Исчезают ожерелья из одних золоченых бус (Вихляев, 1977, с. 45–46). Продолжают существовать те же типы сосудов, что и на предыдущей стадии развития (Вихляев, 1977, табл. 3). Для периода стадий 2 и 3 (вторая половина III в. – первая половина IV в.) в могильниках кошибеевского типа ведущей формой (по В.В. Гришакову) являются горшки с туловом усечено-сфероконической формы и высоким раструбообразным горлом, край венчика которого всегда украшен косыми насечками (рис. 7: 6) (Гришаков, 1993, с. 78).

Погребения стадии 3 датируются концом III – первой половиной IV в.

Датирующими для стадии 3 являются бляхи древней конструкции с двумя зонами прочерченного концентрического орнамента. Вместе с тем некоторые бляхи этого типа встречаются с такими же более поздними бляхами, но усовершенствованной конструкции в виде колечка на конце обоймы. Такие комплексы, где вместе встречаются эти два типа, следует относить к последующей стадии. К стадии 3 должны быть отнесены погребальные комплексы, где вместе встречаются височные украшения с коническим грузиком и гривны из деревянного прута с бронзовой обмоткой, так как височные украшения указанного типа после стадии 3 не встречаются, а гривны из прута только появляются на этой стадии.

К стадии 3 относятся погребения Кошибеевского, Польно-Ялтуновского, Селиксенского, Шемышейского, Усть-Узинского, Ражкинского и Второго Стёксовского могильников.

На следующей четвертой стадии погребальных комплексов бытуют бляхи с усовершенствованным способом прикрепления к одежде. Их конструкция и орнаментика не изменяются, но на конце радиальной обоймы появляется подвижное колечко, при помощи которого украшение более устойчиво крепилось к одежде (рис. 8: 1, 2). В это время продолжают существовать височные украшения с биконическим грузиком (только в мордовских комплексах), круглодротовые гривны с обрубленными концами и гривны из деревянного прута с бронзовой обмоткой (после этой стадии они не встречаются), браслеты из дрота округлого сечения с прямо обрубленными концами. Начинает входить в моду новая категория украшений – сьюльгамы, представленные плоскими кольцевыми застежками с закрученными в спирали концами, не выступающими за ширину сечения кольца, орнаментированные насечками по внутреннему краю кольца (рис. 8: 3).

В древнемордовских могильниках Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья в рассматриваемый период встречаются бронзовые круглодротовые и плоские сьюльгамы с закрученными в спирали концами, не выступающими за ширину сечения кольца без орнамента (рис. 8: 4, 5) и такие же по конструкции сьюльгамы прямоугольного сечения с орнаментом в виде насечек по внешнему краю кольца (рис. 8: 6) и с треугольным в сечении кольцом без орнамента (рис. 8: 7), железные квадратного или прямоугольного сечения гривны с несомкнутыми, слегка приостренными концами (рис. 8: 8). На данной стадии были модны ожерелья, состоящие на 20–80% из золоченых бус, и ожерелья, не имеющие золоченых бус и состоящие на 61–80% из бус из красного непрозрачного стекла (Вихляев, 1977, с. 46). В рассматриваемое

время еще встречаются баночные, расширенные кверху сосуды без горла с прямым краем венчика, но на ведущее место выходят горшки. Они представлены, прежде всего, приземистыми формами с плавной или слабой профилировкой, наибольшим диаметром тулова у 2/3 или около середины высоты и блоковидным горлом, по краю которого иногда орнаментированы насечками (рис. 8: 9, 10). Найдены и горшки сильно вытянутой формы с очень слабо профилированным туловом, наибольшим диаметром тулова у середины высоты и раструбообразным горлом, украшенным насечками по венчику (рис. 8: 11) (Вихляев, 1977, табл. 3).

Четвертая стадия могильников древнемордовской культуры и кошибеевского типа датируется IV в.

Бляхи с двумя зонами концентрического прочерченного орнамента и колечками на конце обоймы являются хронологическими реперами четвертой стадии. При этом следует учитывать, что этот тип встречается с более поздними в эволюционном ряду бляхами с плоскими диаметральными накладками. Следовательно, погребения с совместной находкой обоих типов следует относить не к стадии 4, а к следующей стадии 5. Стадией 4 могут быть датированы погребения, где в комплексе найдены выходящие из моды круглодротовые гривны с обрубленными концами и входящие в моду плоские сьюльгамы с насечками по внутреннему краю и такого же типа сьюльгамы, вместе с выходящими из моды гривнами из деревянного прута с обмоткой.

К стадии 4 относятся погребения Ражкинского, Селиксенского, Второго Стёксовского, Шемышейского, Усть-Узинского могильников.

На следующей пятой стадии могильников древнемордовской культуры и кошибеевского типа конструкция блях изменяется. Они утрачивают радиальную прорезь, сохраняя центральное отверстие. Вместо радиальной обоймы с иглой для крепления появляется плоская накладка, проходящая по диаметру бляхи с подвижными колечками на концах. При помощи этих колечек и, по-видимому, кожаного ремешка, пропущенного через отверстие и накладку, бляха крепилась к одежде. Орнаментика остается прежней (рис. 9: 1).

На стадии 5 в мордовских захоронениях перестает употребляться височная подвеска с биконическим грузиком. Продолжают бытовать плоские сьюльгамы прежней конструкции, орнаментированные по внутреннему краю кольца. Бытуют и распространяются бронзовые гривны прямоугольного сечения с закругленными или зооморфными концами (рис. 9: 2), тордированные бронзовые гривны с замком в виде простого крючка и слабо

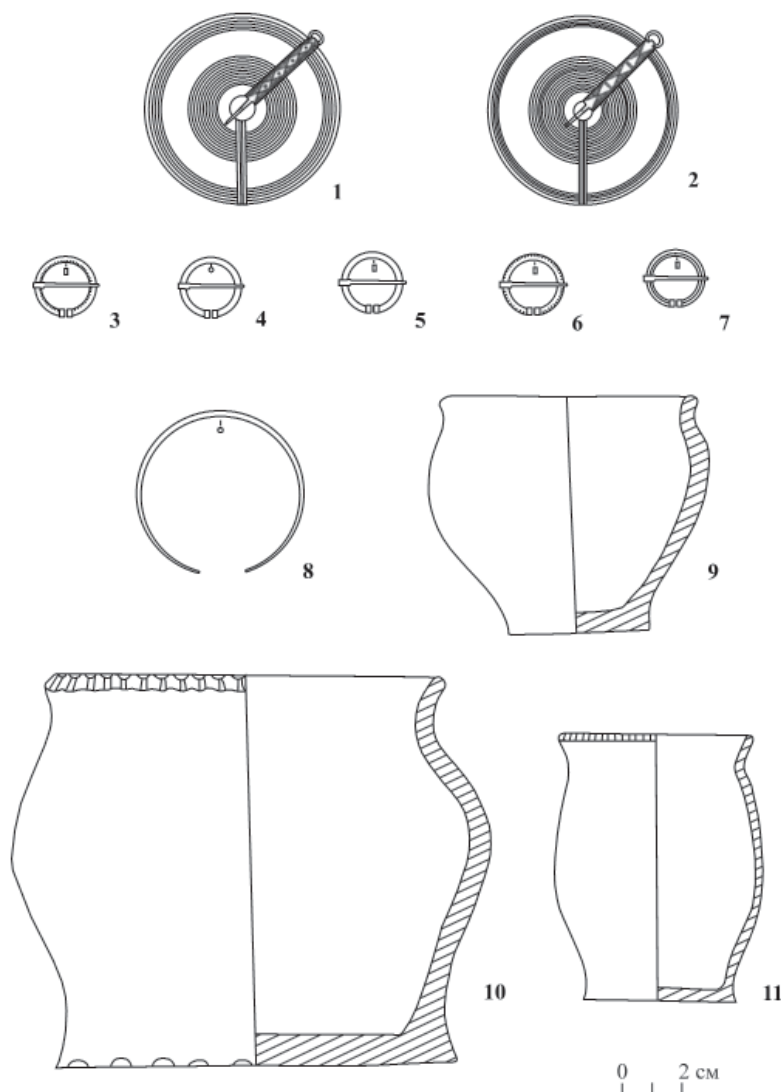

Рис. 8. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры и кошибеевского типа IV в. 1–2 бляхи; 3–7 – сьюльгамы; 8 – гривна; 9–11 – сосуды. 1–7 – бронза, 8 – железо, 9–11 – керамика

выраженного округлого щитка с отверстием (рис. 9: 3), круглодротовые бронзовые гривны с проволочной обмоткой у концов, закрученных в спираль или петлю, и с замком в виде подвижного ромбо-щиткового плоского крючка (рис. 9: 4). Начинают бытовать биметаллические гривны из железного дрота с напущенными бронзовыми или железными бусами, пространство между которыми обмотано бронзовой проволокой (рис. 9: 5).

В погребениях мордвы Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья в рассматриваемое время встречаются ожерелья, имеющие в своем составе до 60% золоченых бус (Вихляев, 1977, с. 47). Встречены, как и на стадии 4, приземистые горшки с плавной профилировкой, наибольшим диаметром тулова около 2/3 высоты сосуда и блоко-видным широким горлом. Кроме них встречаются горшки стройной формы с выпуклым округлым или сильно профилированным туловом с наиболь-

шим диаметром около 2/3 или 1/2 высоты сосуда с цилиндрическим горлом (рис. 9: 6, 7) (Вихляев, 1977, табл. 3).

В могильниках кошибеевского типа в период стадий 4 и 5 (IV в.) продолжают бытовать горшки с усечено-сфероконическим туловом и раструбообразным горлом, известные в предшествующий период. Появляется новый тип с туловом тюльпановидной формы и раструбообразным горлом, края которого часто украшены косыми насечками (рис. 9: 8) (Гришаков, 1993, с. 78).

Пятая стадия древнемордовских и кошибеевского типа могильников датируется второй половиной IV – началом V в.

Датирующими для стадии 5 являются бляхи с диаметральной накладкой, гривны прямоугольного сечения с закругленными или зооморфными концами и тордированные гривны с замком в виде крючка и слабо выраженного щитка с отверстием,

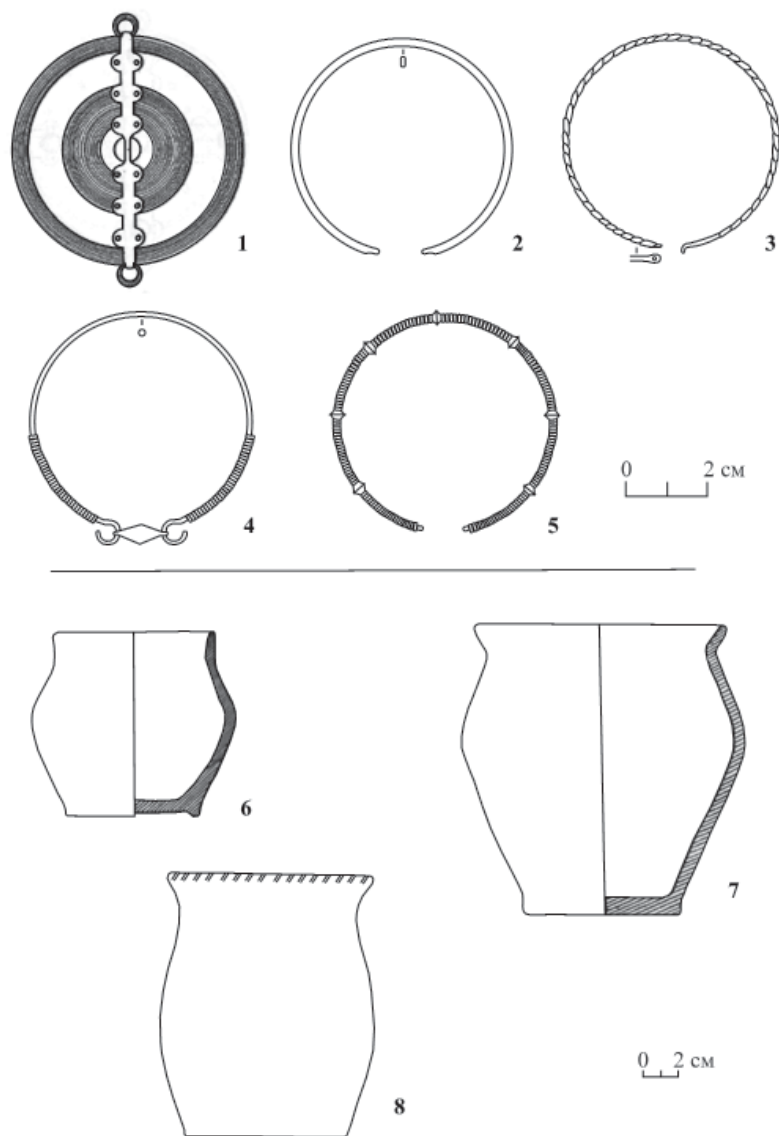

Рис. 9. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры и кошибеевского типа второй половины IV – начала V в. 1 – бляха; 2–5 – гривны; 6–8 – сосуды. 1–5 – бронза, 6–8 – керамика

а также встреченные в одном и том же комплексе вместе височные украшения с биконическим грузиком и гривны из железного дрота с напущенными бусами и бронзовой обмоткой.

К стадии 5 древнемордовской культуры и могильников кошибеевского типа относятся погребения Селиксенского, Селикса-Трофимовского, Ражкинского могильников. В это время начинают совершаться погребения на Абрамовском, Степановском, Армиевском 1, Тезиковском и, возможно, Алферьевском погребальных памятниках.

В дальнейшем эволюция блях древнемордовских и кошибеевского типа могильников развивается по линии усовершенствования крепления их к одежде. На шестой стадии бляхи вместо одной диаметральной накладки приобретают две диаметральных накладки, расположенные крестообразно с подвижными колечками на концах. Центральное отверстие либо исчезает, либо заменяется

двумя маленькими отверстиями, расположенными в центре бляхи. У некоторых блях без отверстий появляются скобы с обратной стороны. Прочерченная орнаментация исчезает. Она заменяется полушарными выпуклинами, расположенными в один-два ряда по краю бляхи (рис. 10: 1–3). Появляются круглые бляхи нового типа с отверстием в центре и подвижным язычком с округлым расширением, не закрывающим отверстие. Корпус украшен одним рядом полушарных выпуклин по краю и треугольными прорезями с полушарными выпуклинами между ними (рис. 10: 4).

На стадии 6 распространяются бронзовые височные украшения в виде колец с тремя, четырьмя и пятью лопастями (рис. 10: 5–7). В мордовских погребениях появляются бронзовые височные подвески в виде стержня с обмоткой и призматическим грузиком (рис. 10: 8). Характерны дровые округлого или ограненного сечения гривны

из цветных металлов с обмоткой у концов и напущенными бусами, с замком в виде крючка и круглой коробочки диаметром до 40 мм (рис. 10: 9), а также из того же материала дровые, круглого сечения гривны с обмоткой проволокой по всему кольцу и напущенными бронзовыми или стеклянными бусами (рис. 10: 10). Используются дровые (толщина более 5 мм) округлого или многогранного сечения браслеты из цветных металлов с равномерно утолщенными концами (рис. 10: 11). Имеют распространение бронзовые кованые сьюлгамы с кольцом треугольного сечения, украшенные поперечными насечками посередине и завернутыми перпендикулярно плоскости концами, не выступающими за ширину кольца (рис. 10: 12), а также такие же сьюлгамы с округлым в сечении кольцом, украшенным насечками в виде поперечных зигзагов, с завернутыми в трубочку концами, образующие короткие «усы», длина которых не превышает 1/3 диаметра кольца (рис. 10: 13).

На шестой стадии могильников древнемордовской культуры и кошибеевского типа начинают бытовать бронзовые гривны с замком в виде крючка и круглой коробочки диаметром от 41 до 60 мм (рис. 10: 14), а также дровые, округлого или ограненного сечения из цветных металлов с обмоткой у концов и напущенными бусами с замком в виде петли и петлевидного крючка (рис. 10: 15). Появляются дровые, круглого сечения браслеты из цветных металлов с расплюснутыми прямосрезанными концами (рис. 10: 16), а также бронзовые кованые сьюлгамы с кольцом прямоугольного сечения, украшенным прямоугольными выступами без орнамента и поперечными насечками в пространстве между ними, с завернутыми в трубочку концами, длина которых не превышает 1/3 диаметра кольца (рис. 10: 17).

Стадия 6 имеет абсолютную дату – конец IV–V в. В древнемордовских могильниках Верхнего Примокшанья в погребениях, определившихся в их системе хронологии как период второй половины V в., встречаются височные стержневидные подвески с коротким грузиком в виде двух пирамидок, сложенных основаниями (рис. 10: 18). Продолжают бытовать гривны из железного дрота с напущенными бусами, пространство между которыми обмотано бронзовой проволокой, не орнаментированные сьюлгамы с кольцом круглого сечения без «усов». Входят в моду ожерелья на 81–100% состоящие из бус их красного непрозрачного стекла (Вихляев, 1977, с. 48). Керамические сосуды этого времени в системах хронологии не определяются.

Особенностью керамического комплекса Абрамовского могильника конца IV–V в., входящего в группу могильников северной части древнемор-

довской культуры, является четкое преобладание мисковидных сосудов над горшками. Распространены неглубокие, хорошо профилированные сосуды приземистых форм с усечено-сфероконическим туловом и резко или плавно выраженным раструбообразным горлом (рис. 10: 19). Горшки имеют высокие стройные пропорции, тулово бочонковидной формы и блоковидное горло, край которого иногда украшен насечками (рис. 10: 20) (Гришаков, 1993, с. 86).

Датирующими для шестой стадии могильников древнемордовской культуры и кошибеевского типа являются уже описанные типы блях, височные кольца с четырьмя и пятью лопастями и гривны с замком в виде крючка и круглой коробочки диаметром до 40 мм.

К стадии 6 относятся погребения Кошибеевского, Степановского, Тезиковского, Абрамовского могильников.

В погребальном обряде древнемордовской культуры на протяжении III–IV в. сохраняется разнообразие ориентировки погребенных каждого погребального памятника. С V в. в северных памятниках этой культуры начинает устанавливаться единая северная ориентировка покойников. В южных могильниках единая южная ориентировка начинает господствовать только со второй половины V в. (Вихляев, 1977, с. 57–58). Таким образом, в пределах единой древнемордовской культуры III–V в., в V в. начинают формироваться две субкультуры. На севере – эрзянская, на юге – мокшанская.

С началом бытования древнемордовской культуры у населения Окско-Сурско-Цнинского междуречья завершается процесс перехода от присваивающего хозяйства, с элементами производящего, к преобладающему производящему хозяйству. Прежде всего, это прослеживается в развитии земледелия. Находки серии серпов в Сергачском могильнике «Святой Ключ» IV–V в. (Шитов, 1988а, с. 135, табл. II; рис. 6), на городище Ножа-Вар в слое IV–VI в. (Смирнов, Трубникова, 1965, табл. 17; рис. 15–17), представляющие особый тип для лесной зоны Восточной Европы, позволяют сделать вывод о распространении здесь пашенного земледелия, основанного на применении деревянных пропашных орудий. Наличие многочисленных проушных и втульчатых топоров на памятниках первой половины I тыс. н. э. свидетельствует о развитии подсечно-огневой системы земледелия (Вихляев, 2000, с. 114–117).

В скотоводстве, судя по имеющемуся остеологическому материалу, увеличивается доля крупного рогатого скота. Это, возможно, объясняется новым видом его использования – в качестве тягла для земледельческих орудий. Также воз-

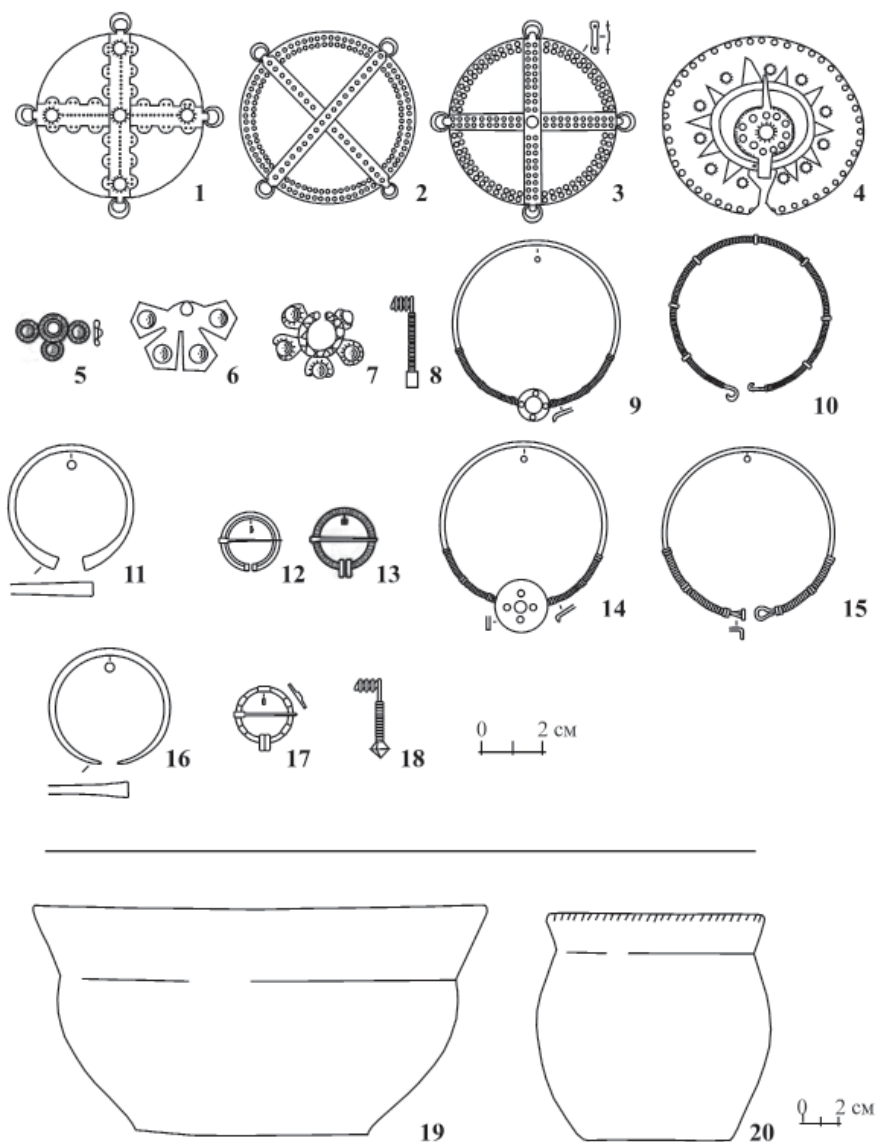

Рис. 10. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры и кошибеевского типа конца IV–V в. 1–4 – бляхи; 5–8 – височные украшения; 9, 10 – гривны; 11 – браслет; 12, 13 – сьюлгамы; 14, 15 – гривны; 16 – браслет; 17 – сьюлгада; 18 – височное украшение; 19, 20 – сосуды. 1–18 – бронза, 19–20 – керамика

растает роль коневодства. Этот факт совпадает с появлением в древнемордовских могильниках погребений воинов-всадников. Классическим таким захоронением можно считать погребение в Селикса-Трофимовском могильнике, где найдены однолезвийный длинный (1 м) меч, удила, уздечка и рукоятка от плетки. Предметы конской сбруи встречаются во всех группах памятников изучаемого региона (Вихляев, 2000, с. 116–117).

По сравнению с предшествующим временем на территории древнемордовской общности и ее соседей значительно возрастает уровень развития металлургии и металлообработки. Если у предков мордвы городецких племен памятники весьма бедны находками металлических изделий, то совершенно по-другому выглядит вещевой комплекс Окско-Сурско-Цнинских городищ первой полови-

ны I тыс. н. э. Так на городище Ножа-Вар найдены три серпа, три ножа, два наконечника копий, три наконечника стрел. Здесь же обнаружены железные шлаки. На городище Пичке-Сорче найдены три шила, два псаля от удил, двенадцать экземпляров наконечников стрел, а также тесло, навершие меча. Если к перечисленным предметам присоединить категории вещей из погребальных комплексов: двуручный скобель, стамеску, топоры, кресала, удила и др., то можно получить представление о том, насколько разнообразнее стали инструменты и орудия труда в первой половине I тыс. н. э. по сравнению с предшествующим временем.

В первой половине I тыс. н. э. прогрессивные качественные изменения происходят в бронзолитейном производстве. Весьма многочисленные

находки изделий из цветных металлов в могильниках, постоянное их присутствие в слоях поселений свидетельствует об этом. Это же подтверждается появлением предметов, которые умели изготавливать только местные мастера (височные подвески с грузиком). Обычными для рассматриваемого периода становятся находки литейных форм, инструментов, используемых в литейном производстве, например пинцетов. Начинается эпоха расцвета ювелирного производства, продолжавшаяся много веков (Вихляев, 2000, с. 117–119).

Функционирование могильников кошибеевского типа завершается в V в. Судьба носителей их культуры требует специального исследования. Весьма интересна гипотеза В.Н. Шитова о том, что эти памятники следует относить к ранней стадии носителей культуры рязанско-окских племен (Шитов, 1988б, с. 20). Однако развернутой аргументации данного положения не последовало. Значительно более аргументирован вывод о проникновении в IV–V в. цининско-мокшанских племен на территорию верхнесурской древней мордвы и об их ассимиляции последней.

В первой половине III в. бассейн Верхней Мокши был занят населением, оставившим могильники кошибеевского типа. К ним относятся ранние погребения Ражкинского могильника, где характерна северная ориентировка захоронений и отсутствуют височные подвески с грузиком. Но во второй половине III в. эти племена в данном районе вступают в тесный контакт с верхнесурскими древнемордовскими племенами. Они заимствуют у последних ряд украшений, в том числе такую характерную вещь, как височную подвеску с грузиком, т. е. перенимают верхнесурский мордовский головной убор. К началу IV в. носители культуры Ражкинского могильника влились в состав древнемордовской культуры (Вихляев, 1977, с. 59–68).

Во второй половине IV в. в Верхнем Посурье появляются погребальные памятники с обрядом и вещевым комплексом, весьма близким к комплексам кошибеевского типа. В системе хронологии

пензенских могильников они даже группируются в особую стадию и представлены погребениями Селикса-Трофимовского и Селиксенского могильников. Эти памятники находятся всего в двух километрах друг от друга. Для данных погребений присуща северо-восточная ориентировка покойников, весьма характерная для могильников кошибеевского типа. Здесь, в отличие от древнемордовских погребений с баночными сосудами, преобладают тюльпановидные горшки и горшки приземистых форм с блоковидным горлом. Появляются головные венчики кошибеевского типа, лопастные височные кольца, скульгамы, пластинчатые застёжки с выступами по краю. Все эти элементы костюма характерны, прежде всего, для культуры населения, оставившего могильники кошибеевского типа. Многие из них становятся в дальнейшем общемордовскими украшениями. Например, застёжки с выступами постепенно эволюционируют в общемордовское нагрудное украшение – бляхи с подвижной крышечкой (Вихляев, 2000, с. 71–95).

Все эти факты позволяют утверждать, что во второй половине IV в. на Верхней Суре появилось новое население, своим происхождением связанное с культурой племен, оставивших могильники кошибеевского типа. Поселившись рядом с носителями древнемордовской культуры, пришельцы вступили в тесный контакт с местным населением и в V в. были ассимилированы. В погребениях Старшего Селиксенского и Селикса-Трофимовского могильников удалось обнаружить бесспорные свидетельства взаимного смешения культур двух групп (Вихляев, 2000, с. 95, 96). Таким образом, носители культуры могильников кошибеевского типа слились с древнемордовской культурой. Не исключено в то же время участие части этих племен в развитии культуры носителей могильников рязанско-окского типа.

Древнемордовская культура продолжает развиваться в последующие века. В ее недрах формируются две субкультуры – мокшанская и эрзянская.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЛГО-УРАЛЬЕ ВО II–V ВВ. Н. Э.

РАЗДЕЛ III

КОНЕЦ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ И НАЧАЛО ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Глава 1

**Хронология и динамика культур
в конце позднесарматского времени
и начале эпохи Великого переселения народов**

РАЗДЕЛ III

КОНЕЦ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ И НАЧАЛО
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

ГЛАВА 1

ХРОНОЛОГИЯ И ДИНАМИКА КУЛЬТУР В КОНЦЕ
ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ И НАЧАЛЕ
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**1. Вводные замечания.**

У исследователей не вызывает сомнения, что в начале эпохи Великого переселения народов панорама культур в Волго-Уральском регионе существенно меняется. Правда, неоднократно предлагавшиеся реконструкции и интерпретации этих изменений заметно различаются. Во многом это связано с вопросами датировки конкретных памятников и их массивов.

Само понятие «эпоха Великого переселения народов» зачастую наполняется разным содержанием, во многом зависящим от определения хронологических рамок этого исторического явления. Так, группа историков недавно предложила начинать эту эпоху с Маркоманских войн 166–180 г. н. э. (Буданова, Горский, Ермолова, 2011). У подавляющего числа археологов это не получило поддержки, поскольку с конца XIX в. существует общепризнанная терминология периодизации археологических культур варваров Центральной и Северной Европы, активно используемая и для ряда восточноевропейских древностей. В соответствии с ней, в эпоху Маркоманских войн начинается ступень С (поздний римский период). Ее меняет ступень D (Великого переселения народов), соотносимая с периодом массовых миграций, вызванных появлением незадолго перед 376 г. гуннов на землях, расположенных к западу от Дона. При всех вариантах (см. обзоры в: Lund Hansen, 1987; Tejral, 2011) этот хронологический костяк остается неизменным. Да и перемены середины – 2-й половины II в. в Восточной Европе явно несопоставимы с потрясениями I в. (начало эпохи римских влияний) и начавшимися во 2-й половине – 4-й четверти IV в. (о многих речь будет ниже), за которыми и следует оставить привычный термин «Великое переселение народов».

Для культур, весьма удаленных от границ и зон активного влияния Римской империи, к которым относятся и волго-уральские культуры, вместо позднеимперской органичнее выделять позднесарматскую эпоху, хронологические рамки которых

весьма близки (последняя начинается, вероятно, чуть раньше – см. Малашев, Кривошеев, 2022). Существенные перемены, по времени близкие началу ступени D Европейского Барбарикума (3-я или 4-я четверть IV в.), хорошо фиксируются в Прикамье и ряде связанных с ним регионов (см. Гавритухин, Красноперов, 2022 и наблюдения ниже). Очевидно, что в данном случае нет оснований для пересмотра устоявшейся общеевропейской терминологии, начиная эпоху Великого переселения народов в это время и для Волго-Уралья.

Ниже будут рассмотрены важнейшие хронологические реперы в основных культурах и группах памятников Волго-Уралья поздней части позднесарматского времени и начала эпохи Великого переселения народов, что дает основу для группировки комплексов, опираясь на которую можно рассмотреть культуры в динамике и провести синхронизацию, позволяющую представить картину для региона в целом.

Базовыми для анализа являются пряжки и другие детали ременных гарнитур. Их анализ В.Ю. Малашевым (2000) для культур, связанных с сарматами (а таковы практически все волго-уральские), выдержал проверку новыми материалами. Ниже используется и его номенклатура (П – типы пряжек; Н – ременных наконечников). Ряд корректировок для культур Волго-Уралья получен при работе с изучавшимся по оригиналам богатым инвентарем Тураевских курганов (Гавритухин, Красноперов, 2022), что позволило выделить наборы:

ТК-2 – 4-й четверти IV в. и несколько более позднего времени. Верхняя хронологическая граница каждого из типов/вариантов вещей, показательных для этого набора, требует отдельного исследования, что для предпринимаемого ниже анализа не имеет принципиального значения.

ТК-1 – с более архаичными пряжками, на юге бытовавшими в основном в 1-й половине – 3-й четверти IV в., но, судя по встречаемости с другими вещами и стратиграфии, в некоторых се-

верных культурах бытовавшими и в 4-й четверти IV в. Некоторые вариации вещей, показательных для этого набора, известны и позднее.

ТК-1/2 – как бы на стыке ТК-1 и ТК-2; условно – 2-я половина (иногда не исключая середину) IV в.

Уточнение возможно лишь с учетом всего контекста памятника. Так, в Тураевских курганах все эти три набора сосуществовали, что и определяет дату – 4-я четверть IV в. Набор ТК-1, если при представительной выборке нет показателей ТК-2, не может служить доказательством датировки, включающей 4-ю четверть IV в., и памятник датируется в рамках 1-й половины – 3-й четверти IV в., и т. д.

Другие хронологические индикаторы не столь распространены на памятниках всего региона и будут рассмотрены по мере необходимости в связи с находками в конкретной культуре. Среди волго-уральских культур обозначенного времени¹, конечно, наиболее изучена мазунинская культура, с которой и целесообразно начать обзор.

2. Мазунинская культура.

Для мазунинской культуры (рис. 1: 30–42) предложено несколько хронологических систем, как для культуры в целом, так и для ее опорных памятников, начиная от основополагающих работ (Генинг, 1967а; Мажитов, 1962), кончая современными (Останина, 1997; Голдина, Бернц, 2010; 2017а; 2017б; Султанова, 2000; Красноперов, 2007; 2020; 2022). Очевидно, что эти хронологические схемы не стыкуются, а по ряду позиций существенно противоречат друг другу. Проблема их соотношения и степени аргументированности требует специального анализа и широкой дискуссии. Особенно остро стоят вопросы о календарной («абсолютной») датировке ряда групп находок и комплексов.

При расхождениях в деталях, практически на основе любой из этих современных систем можно говорить об «этнографичном» наборе (среди недавних обзоров см. Красноперов, 2018, с. 56, рис. 1Б), показательном для довольно поздних комплексов. Наряду с некоторыми широко датируемыми вещами, он включает: поздние варианты плоских фибул мазунинских серий (рис. 2: 2, 4, 5); крупные железные пряжки с длинным и часто прогнутым по бокам щитком (рис. 2: 3), а также ременные наконечники, близкие по форме щиткам этих пряжек; сложно украшенные металлические ножны с подвесками (рис. 2: 1); другие изделия, список которых требует уточнения. Часть этих вещей имеет прототипы, пред-

ставленные в позднесарматских комплексах III в. (Малашев, Кривошеев, 2022, рис. 5, 6), но существенно переработанные в местной среде. Как долго шла переработка, когда именно сложилась и как долго бытовала каждая из отмеченных выше типологически поздних вариаций мазунинского инвентаря – точно сказать нельзя.

Больше определенности с прогнутыми фибулами, имеющими широкое кольцо для крепления оси пружины. Их вариации с «ленточным» корпусом, попадавшие и к носителям мазунинской культуры (рис. 2: 6), сложились в более южных регионах и датируются не ранее 2-й четверти IV в. (Гавритухин, Богданов, Астафьев, 2019, с. 177–179). Местные (камские) фибулы этой традиции (рис. 2: 7, 8; Сабирова, 2019, рис. 30) отличает внешняя массивность плоского корпуса, грубо сделанный иглоприемник или его отсутствие, не редки прогибы корпуса по бокам. Появились ли местные вариации уже во 2-й четверти IV в. или же несколько позднее и как долго они бытовали – не ясно.

Наилучшие возможности для календарной хронологии мазунинских комплексов дают ременные гарнитуры, включающие детали интеррегиональных типов, датированные по хронологическим шкалам других регионов, с привлечением результатов анализа хронологии Тураевских курганов. Для датировки позднего этапа мазунинской культуры ниже привлекаются могильники, где исследованы более 70 погребений, т. е. выборка для выделения позднейших комплексов достаточно велика.

Опорным для изучения мазунинской культуры является могильник **Тарасово** (рис. 1: 36–В2), содержащий более 900 мазунинских комплексов и опубликованный полностью (Голдина, Бернц, Сабиров, Сабирова, 2022; Голдина, 2004)². С учетом размеров памятника и богатства ряда комплексов его следует связывать с одним из важных центров мазунинской культуры.

Р.Д. Голдина и В.А. Бернц (2017а; 2017б) выделяют в нем несколько десятков комплексов V в. К показательным вещам этого времени отнесен практически весь указанный выше позднемазунинский набор (точно не датируемый), а также бронзовые пряжки, аналогии которым есть в IV в. Отсутствие на памятнике явных индикаторов V в. и более позднего времени этими авторами признается (Голдина, Бернц, 2017а, с. 189; 2017б, с. 61). Единственный аргумент в пользу существования памятника «до рубежа V–VI вв.» – наконечник из погребения 780 (рис. 2: 34). Однако аналогии,

¹ За консультации по ряду памятников бассейна Камы (включая Белую и Вятку) я благодарен Александру Анатольевичу Красноперову.

² Благодарю Римму Дмитриевну Голдину и ее сотрудников за возможность работать с ременными гарнитурами и некоторыми другими находками из Тарасово, грунтово-го могильника Тураево и другими материалами.

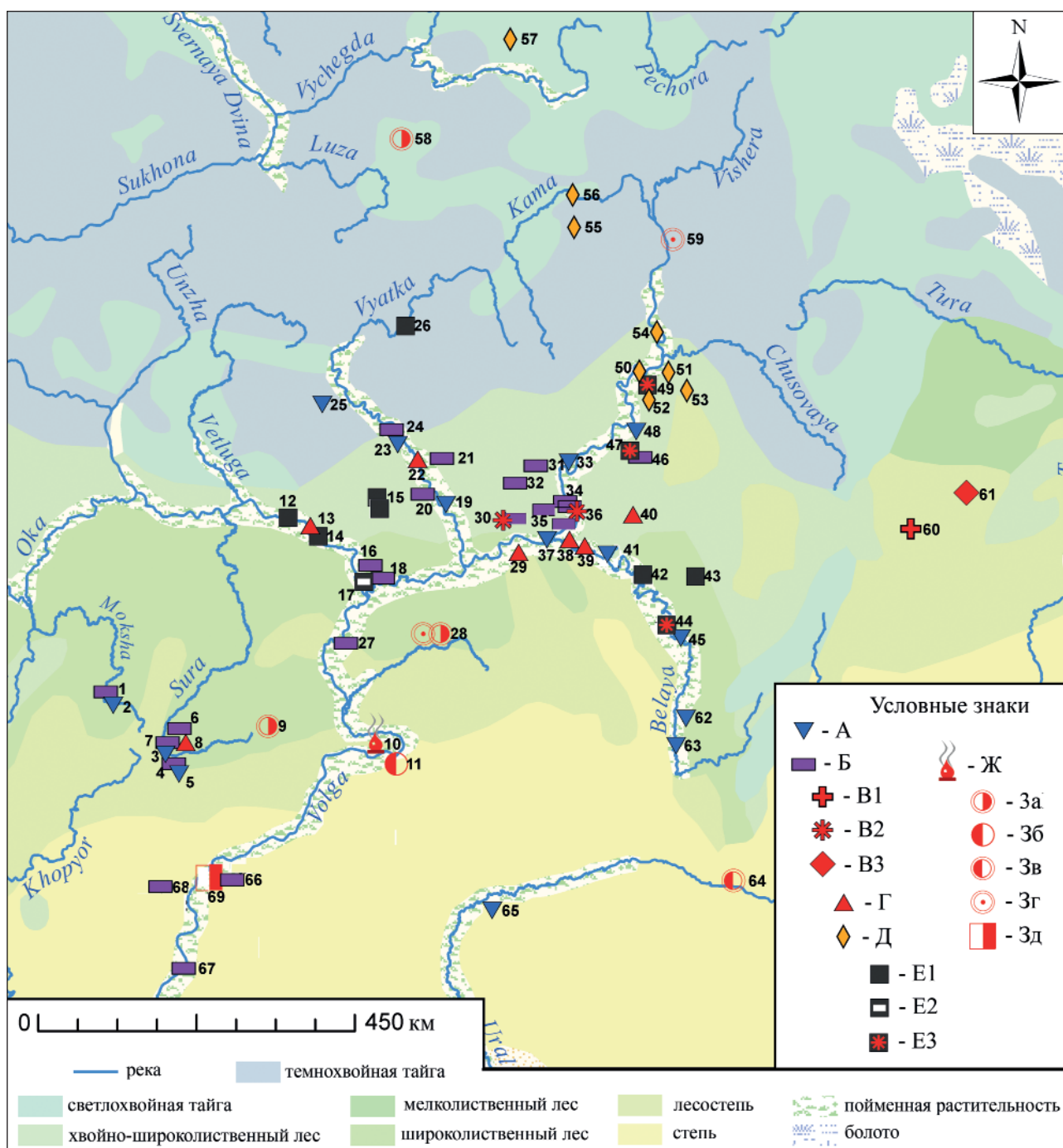

Рис. 1. Средневолжско-Уральский регион в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов: А – могильники без индикаторов 2-й половины IV в.; Б – могильники без индикаторов 4-й четверти IV в.; В1 – Муслимово; В2 – находки муслимовского круга; В3 – Брюхановский выселок; Г – могильники с находками 4-й четверти IV в.; Д – группа Кала-Урын – Броды (с конца IV в.); Е – могильники, существовавшие в IV и V в. (Е2 – с перерывом, как минимум, в 4-й четверти IV в.; 43 – возможно, с V в.; Е3 – с находками муслимовского круга); Ж – городище Лбище (пожар 4-й четверти IV в.); З – котлы «гуннской» группы (За – с прямоугольными ручками; Зб – с грибовидными выступами на тулове; Зв – с грибовидными выступами на ручках; Зг – особых форм; Zd – вероятно, За). 1–8 – южные группы древнемордовской культуры; 12–26 – азелинская культура; 27, 29, 62 – особые группы; 30–42 – мазунинская культура; 42–43 – бахмутинская культура; 44 – турбаслинская культура; 45 – кара-абызская культура; 46–49 – гляденовская культура; 50–57 – группа Кала-Урын – Броды; 63, 65–68 – позднейшие в данном регионе памятники позднесарматской культуры.

1 – Тезиково; 2 – Ражки; 3 – Алферьевка; 4 – Усть-Уза; 5 – Шемьшейка; 6 – Селикса-Трофимовка; 7 – Селикса; 8 – Степановка; 9 – Осока; 10 – Лбище; 11 – Самара; 12 – Уржумка; 13 – Арзобеляк; 14 – Мари-Луговая; 15 – Шор-Унжа, Старый Узюм; 16 – Нармонка; 17 – Рождествено V; 18 – Усть-Брыска; 19 – Кордон; 20 – Азелино; 21 – Вичмарь; 22 – Тюм-Тюм; 23 – Ошки; 24 – Суворово; 25 – Худяки; 26 – Первомайский; 27 – Старая Майна 2; 28 – Татарское Сунчелево; 29 – Гулюково; 30 – Тураево (Б – грунтовый, В2 – курганный); 31 – Ижевск;

32 – Покровское; 33 – Нива; 34 – Усть-Сарапулка, Мазунино; 35 – Дубовский/Красная горка; 36 – Тарасово (В2), Боярка/Арай (Б); 37 – Нырғында; 38 – Старо-Кабаново; 39 – Старая Мушта; 40 – Югомашево; 41 – Ангасяк; 42 – Бирск; 43 – Бахмутино; 44 – Уфа (Дежнёво); 45 – Шипово; 46 – Краснояр; 47 – Кудаш; 48 – Верхний Ирьяк; 49 – Мокино; 50 – Качка; 51 – Броды; 52 – Кала-Урын; 53 – Калашниково; 54 – Бурково; 55 – Митино; 56 – Пыштайн; 57 – Юванаяг; 58 – Верхний Конец; 59 – Соликамский район; 60 – Муслимово; 61 – Брюхановский выселок; 62 – Салихово; 63 – Дербенёвка; 64 – Кызыл-Адыр; 65 – Таксай; 66 – Суслы; 67 – Молчановка; 68 – Большая Дмитровка; 69 – Покровск

приведенные в пользу этой даты (Голдина, Бернц, 2017б, с. 66), относятся к бирско-безводненской серии (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 115–117), которой рассматриваемый наконечник не принадлежит. Значительно ближе тарасовскому экземпляру наконечники окской серии (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 115, рис. 10Б: 24). И.Р. Ахмедов приводит такой экземпляр среди индикаторов периода 3А1 эволюции мужского инвентаря культуры рязано-окских могильников, синхронизируемого со ступенью D1 по Я. Тейралу (Ахмедов, 2007, с. 144–145, схема 3: 9, рис. 19: 5), т. е. 360/370–400/410 г. – практически эпохой Тураевских курганов (см. вводные замечания).

В двух могилах из Тарасово встречены пряжки, язычок которых охватывает рамку на всю ее высоту, пряжки с круглой и/или особенно сильно утолщенной спереди рамкой, «мечевидные» наконечники ремней (рис. 2: 9, 11, 15, 30). Их аналогии в Тураевских курганах (Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 4: 3–5; 6: ХИ-3-5) показательны для набора ТК-2. Фигурные наконечники в одной из этих могил в Тарасово (рис. 2: 14) вполне могут рассматриваться как однотипные находкам из Тураево тоже набора ТК-2 (Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 5Б: 17), что подтверждает хронологическую близость рассматриваемых тураевских и тарасовских комплексов.

Есть и в Тарасово и могилы с инвентарем, более близким набору ТК-1/2 (например, рис. 2: 22–29), но большинство явно относится к более раннему времени. Некоторые вещи из Тарасово, например, украшенная зернью и вставками пряжка (рис. 2: 31), вполне сопоставимы с гарнитурами из памятников позднесарматского времени (например, рис. 10: 11, 16, 18; ряд экземпляров в: Красноперов, 2019, рис. 6–7). Т. е. они не исключают дату, несколько более раннюю, чем курганы в Тураево, но все же датируются не ранее 2-й четверти IV в., судя по язычку тарасовской пряжки, показательному для пряжек типа П10.

В погребении 49 из Тарасово встречен довольно крупный трехлопастной ромбический наконечник стрелы (рис. 2: 21) – один из индикаторов азиатских влияний, сопоставляемых с появлением гуннов (Засецкая, 1994, рис. 4: 9–10; 6: 22–24). Однако появление гуннов в Волго-Уралье предшествовало их движению на земли, расположенные к западу от Дона, т. е. такие стрелы здесь не могут являться надежным индикатором датировки «4-я

четверть IV в. и позднее». Для уточнения даты в этом комплексе показательна лишь одна пряжка, судя по рисунку (рис. 2: 20), близкая типу П9. С учетом того, что пряжки с язычками, характерными для этого типа, встречены и в Тураевских курганах, погребение 49 не может быть датировано уже, чем в пределах IV в. Похоже, что аналогичные стрелы плохой сохранности встречены в погребении 1846, не содержащем хронологических индикаторов.

Принимая во внимание то, что поздние комплексы в Тарасово сравнительно немногочисленны и очень похожи на происходящие из Тураевских курганов, представляется, что они синхронны не всему периоду бытования набора ТК-2, а лишь его ранней части, одновременной финалу ТК-1, как и в Тураево. Это определяет дату финала Тарасовского могильника 4-й четвертью IV в. Надежных индикаторов более позднего времени в Тарасово нет.

Могильник **Покровское** (рис. 1: 32; 364 могилы, более 400 погребенных) опубликован выборочно (Останина, 1992; 1997), но с учетом описаний и вещей, доступных в оригиналах³, его хронология вполне определима. К позднейшим на этом памятнике относится могила 109, судя по ремненным гарнитурам с интеррегиональными вещами у всех четырех погребенных (рис. 3: 40–47). Реперной здесь является пряжка (рис. 3: 40), близкая типу П10, что определяет дату не ранее 2-й четверти IV в. находка в погребении 109Г пряжки типа П4 (рис. 3: 46), который характерен для III в., свидетельствует о том, что архаичные типы деталей ремненной гарнитуры могут в мазунинской культуре бытовать дольше, чем в других регионах, и о том, что могила 109 едва ли относится к поздней части времени бытования пряжек типа П10.

Пряжки типа П10 в Покровском не единичны, есть и сильно изношенная, причем явно не архаичная для этого типа (рис. 3: 39). Они сочетаются с относительно крупными пряжками, имеющими прогнутый язычок с площадкой в задней части и полукруглый щиток с несколькими штифтами (рис. 3: 38, 42, 45), которые близки по язычку типам П8 и П10, а по щитку типам П9 и П10.

³ Благодарю Таисию Ивановну Останину (автора раскопок и хранителя находок из Покровского могильника в Национальном музее Удмуртской Республики) за возможность работать с ремнными гарнитурами и некоторыми другими находками этого и других памятников.

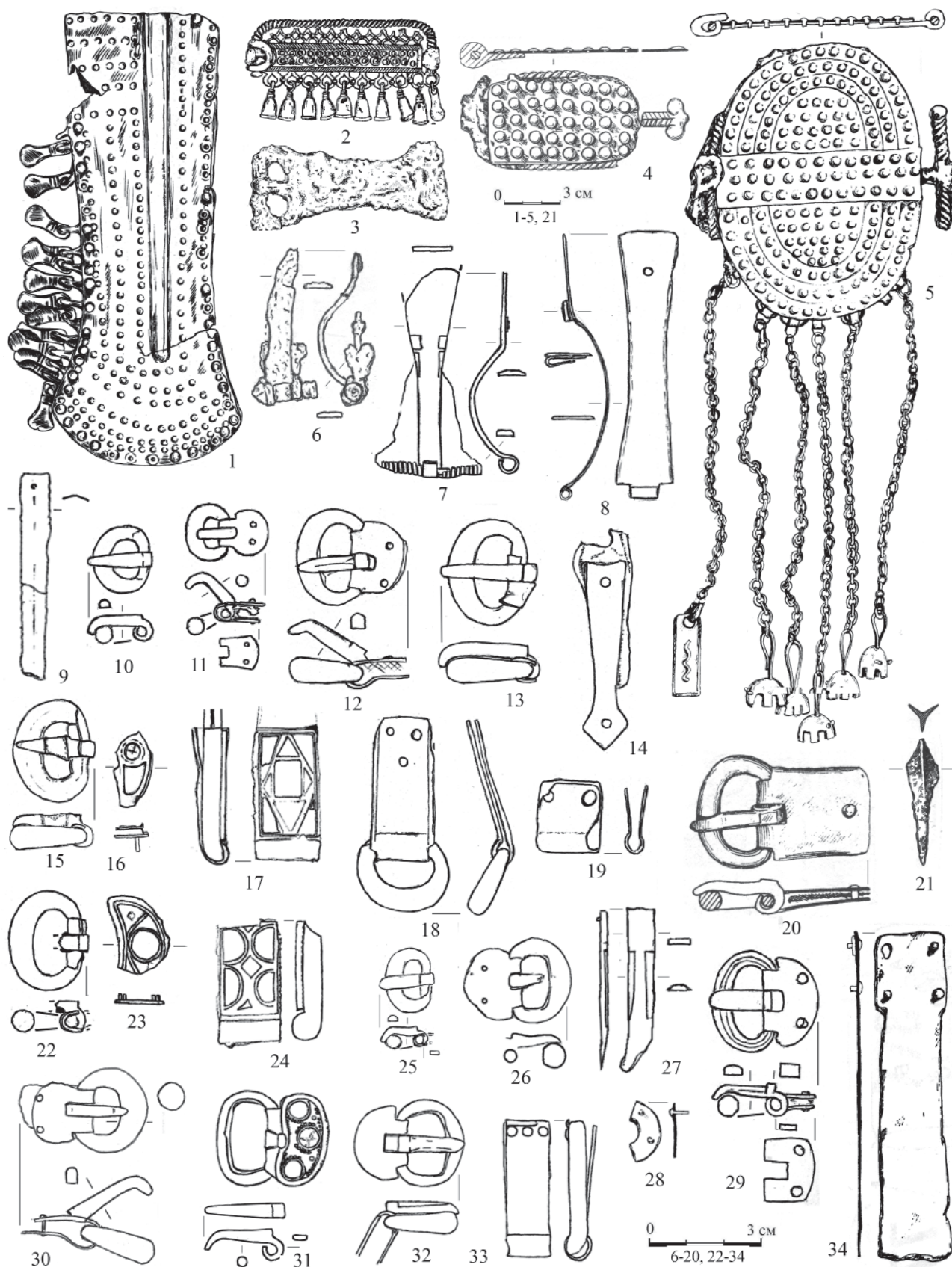

Рис. 2. Мазунинская культура. 1, 2 – Покровское (1 – погр. 109Б; 2 – погр. 147); 3 – Ангасяк, погр. 46; 4-5, 7-34 – Тарасово (4 – погр. 194; 5 – погр. 1762; 7 – погр. 392; 8 – погр. 1848А; 9-19 – погр. 1784; 20-21 – погр. 49; 22-29 – погр. 1772; 30 – погр. 1783; 31-33 – погр. 1850; 34 – погр. 780); 6 – Тураево, погр. 220. 1-2 – по Останина, 1992; 3 – по Васюткин, 1980; 4-5, 20-21, 34 – по Голдина, 2003; 6, 8, 10-11, 22-23, 26-27, 29 – рис. И.О. Гавритухина; 7, 9, 12-19, 24-25, 28, 30-33 – рис. А.А. Красноперова

Отметим и зооморфное окончание язычка у пряжки из погребения 109В (рис. 3: 42). Пряжки с зооморфным окончанием язычка в разных модификациях широко распространены в эпоху Великого переселения народов, однако они имеют прототипы на римских поясах и появляются не позднее IV в. (например, Keller, 1971, Abb. 18: 1; Soupault, 2003, pl. 10: 10; 13; Bulinger, 1969, Taf. XIX: 1; XX: 1, 3; XXII: 1; XXIV–XXIX; XXX: 1; XXV: 2 и др.). Через посредство каких культур и/или событий этот декоративный элемент попал в Волго-Уралье (см. также рис. 8: 20, 24, 25; 10: 19) – особый вопрос, но для нашей темы важно, что он не может быть аргументом в пользу датировки Покровского могильника позднее, чем рассмотренный выше набор пряжек.

Как мы видим, в Покровском могильнике отсутствуют индикаторы не только V в., но и эпохи Тураевских курганов, хронологию которых определяет набор ТК-2. Судя по всему, финал этого могильника датируется около 3-й четверти IV в. Представительный ряд комплексов в Покровке содержит материалы обсуждавшегося выше позднемазунинского набора, причем нередко с пряжками, аналогичными тем, что рассмотрены для этого памятника выше. Очевидно, что этот позднемазунинский набор сложился не позднее середины IV в., а его некоторые элементы – еще раньше.

К опорным относится и **Тураевский грунто-вый могильник** (рис. 1: 30-Б; не менее 224 погребений), почти полностью раскопанный экспедицией Н.В. Водолаго. Его финал датируется не позднее, чем прекратил использоваться Покровский могильник, скорее даже – чуть пораньше (см. в Гавритухин, Красноперов, 2022, с. 190–191). Набор находок, аналогичный комплексам Покровского и Тураевского грунтовых могильников, представлен на могильниках с хорошей выборкой (рис. 1: 35, 36-Б): **Боярском** (Арай), где исследовано 183 погребения (Черных, Хайруллина, 2018), и **Дубовском** (Красная горка), где исследовано 189 могил (Голдина Е.В., Черных, 2017; Красноперов, Черных, 2017)⁴.

На других неплохо исследованных мазунинских могильниках, тоже расположенных севернее Камы, – **Мазунино**, **Ижевск**, **Усть-Сарапулка** (рис. 1: 31, 34) – выборка поменьше (от 72 до 109 погребений). Там, судя по доступным данным (Генинг, Мырсина, 1967; Генинг, 1967б; Арматынская, 1986; Останина, 1997), хорошо представлены поздние варианты «этнографичных» мазунинских вещей, но нет хронологических индикаторов, более поздних, чем в Покровском.

⁴ Благодарю за информацию об этих памятниках Елизавету Михайловну Черных.

Полностью опубликованный могильник **Ныр-гында I** (рис. 1: 37; 323 погребения; Голдина, Красноперов, 2012) – явно более ранний, лишь «цепляющий» мазунинскую эпоху. Его хронологические рамки (I/II–III в.) по узко датированным комплексам определены как 2-я половина II – 1-я половина III в. (Голдина, Красноперов, 2012, с. 78–81). Однако в погребениях 297 и 312, расположенных рядом на юго-западном краю могильника, встречены сюльгамы плоского сечения (Голдина, Красноперов, 2012, рис. 165: 7; 175: 3), аналоги которым в окско-сурском регионе, где датировка таких вещей специально изучалась и в ряде случаев завязана на хорошо разработанные хронологические шкалы (см. ниже параграф 4), датируются не ранее 2-й половины III в. (Белоцерковская, 2015; Гришаков, 2008; Вихляев и др., 2008). К этому же времени может относиться и обломок фасетированного ремennого наконечника (Голдина, Красноперов, 2012, рис. 195: 6), происходящий из сборов на памятнике. Впрочем, судя по составу остальных комплексов и планиграфии, речь может идти лишь о передатировке финала могильника Ныргында I на 2-ю половину III в. (вероятно, раннюю часть этого хронологического отрезка).

Могильник **Нива** (рис. 1: 33; 172 погребения) опубликован выборочно (Останина, 1978; 1997), Т.И. Останиной он датирован III в. Возможно, финал Нивского и Ныргындинского могильников близок по времени. В любом случае эти памятники относятся к значительно более раннему времени, чем окончание использования Покровского и подобного ему некрополей. Показательно, что на указанных ранних памятниках не отмечен позднемазунинский «этнографичный» набор, сложившийся, по-видимому, уже в IV в.

Иную картину мы видим на юго-востоке мазунинской культуры – в ее т. н. башкирском варианте. Здесь исследовался опорный для изучения региона в эпоху Великого переселения народов могильник **Бирск** (рис. 1: 42), существовавший без перерыва с мазунинского времени и затем практически всю 3-ю четверть I тыс. (Мажитов, 1968; 1990; Амброз, 1980; Гавритухин, 1996; Останина, 1997; Султанова, 2000; Русланова, 2018; Русланова, Русланов, 2022)⁵. Ныне число исследованных погребений на памятнике превышает 700. Т.И. Останина к мазунинской культуре относила 73 погребения, по-видимому, из 206, известных ей по работам Н.А. Мажитова 1958–1962 гг. (Останина, 1997, с. 8, 207, 208). Недавние раскопки (Русланова, Русланов, 2022), существенно увеличили список мазунинских комплексов в Бирске. Однако

⁵ Благодарю Риду Раисовну Русланову за информацию.

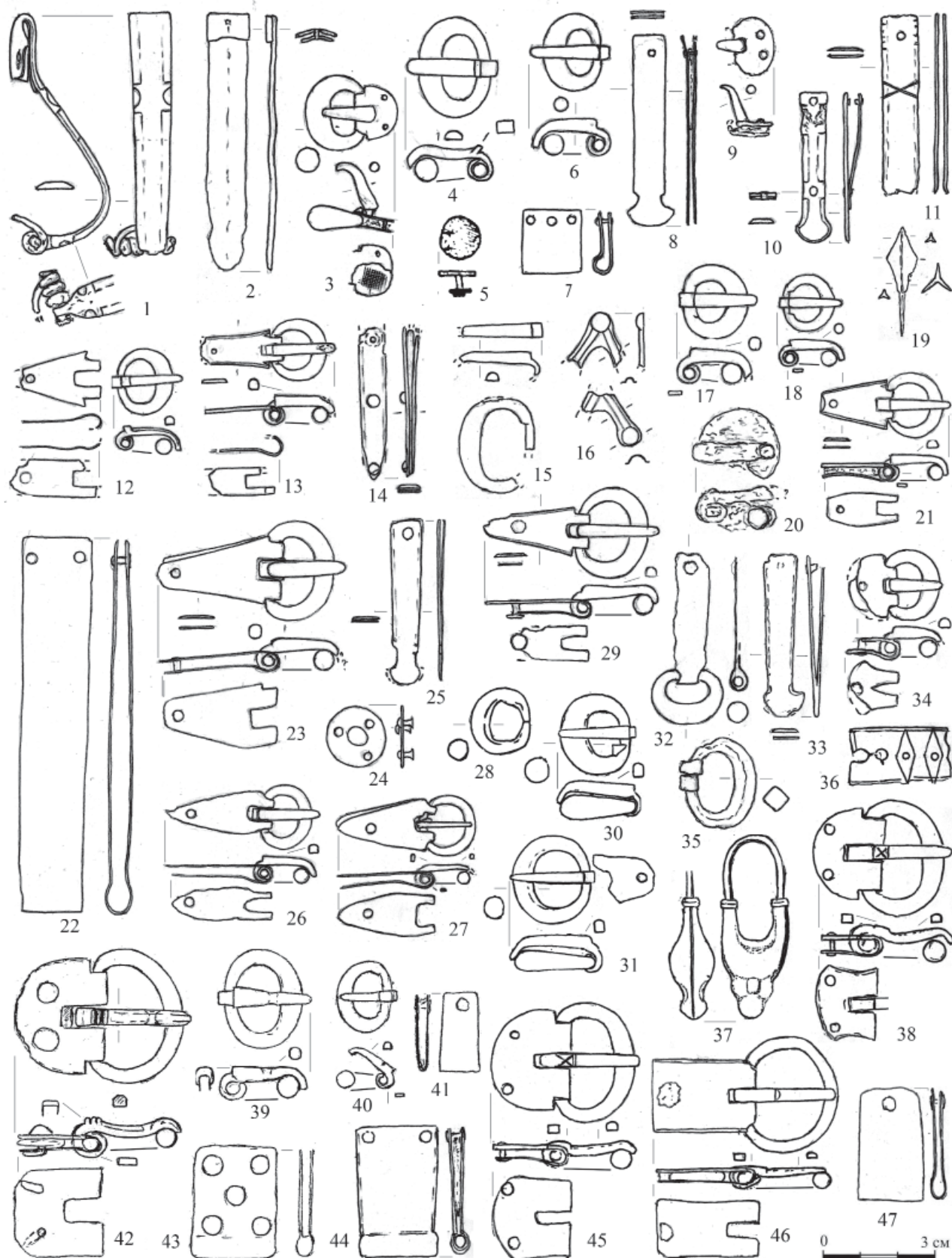

Рис. 3. Мазунинская культура. 1–11 – Старая Мушта (1 – погр. 3 «кургана» 15; 2–8 – погр. 3 «кургана» 17 [4–8 – тайник]; 9, 10 – погр. ?; 11 – раскоп I, погр. 6); 12–21 – Югомашево (12 – погр. 20; 13–16 – погр. 24; 17–20 – погр. 53); 22–37 – Старо-Кабаново (22–27 – погр. 80; 28 – погр. 111; 29 – погр. 95; 30–31 – погр. 99; 32–35 – погр. 86; 36–37 – погр. 141); 38–47 – Покровское (38 – погр. 125; 39 – погр. 75; 40–43 – погр. 109В; 44–45 – погр. 109Б; 46–47 – погр. 109Г).

1–28, 32–35, 38–47 – рис. И.О. Гавритухина; 29–31, 36–37 – рис. А.А. Красноперова

их общее число установить трудно, т.к. большая часть памятника остается не опубликованной, да и сама граница между мазунинскими/раннебахмутинскими и «классическими» бахмутинскими комплексами зачастую условна. Для нашей темы важно то, что все исследователи отмечают отсутствие перерывов (явных хронологических лакун) в функционировании этого некрополя.

Могильник **Бахмутино** (рис. 1: 43), давшей название местной культуре эпохи Великого переселения народов, изучен очень отрывочно и почти не опубликован (см. обзор в: Русланова, 2018, с. 18). Наиболее раннее из опубликованных погребений (Останина, 1997, рис. 37), судя по пряжке с «хоботовидным» язычком, датируется позднее, чем курганы в Тураево. Остальные находки, известные мне по публикациям и коллекции ГИМ (например, Гавритухин, 2001, с. 59, рис. 7: 1–4, 6; рис. 8), датируются не ранее того, а в основном существенно позднее. Однако часть могил, раскопанных Н.А. Мажитовым, но не опубликованным, немало специалистов, хорошо знакомых с мазунинской и бахмутинской культурами, относят к III или IV в. Так ли это – станет ясно после полной публикации материалов и, желательнее, новых раскопок.

Еще меньше ясности с находками у с. Никольское (Белявская, 2019), расположенного сравнительно недалеко от Бахмутино, и другими памятниками, где предполагается стык мазунинской и «классической» бахмутинской культуры. Большинство же мазунинских могильников на территории Башкирии не содержат находок, более поздних, чем самое начало эпохи Великого переселения народов.

Могильник **Старая Мушта** (рис. 1: 39), где исследовано не менее 102 погребений, авторы раскопок и полной публикации (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004) считают смешанным – курганно-грунтовым. Это суждение получило широкое распространение. Однако насыпи этих «курганов» очень низкие; возвышения («насыпи курганов») нередко явно приурочены к грабительским ямам и вполне могут быть выбросом из них; наконец, не разу не прослежены ровики, характерные для курганов интересующего нас времени Камского региона. Скорее всего, это – грунтовой⁶ могильник мазунинской культуры; если там и представлены курганы, то достоверно выделить их невозможно.

Для хронологии финала раскопанной части могильника показательным погребением 3 «кургана»

17, наконечник и пряжка из которого (рис. 3: 2, 3) сопоставим с индикаторами набора ТК-2, а другие находки, в т. ч. из тайника (рис. 3: 4–8) не противоречат такой датировке, хотя и не исключают чуть более раннюю. Отметим дисковидную накладку (рис. 3: 5), относящуюся к типу, встречающемуся в Прикамье не часто, но представленному и в Старой Муште, и в Тураевских курганах (Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 5Б: 4).

Фибула из погребения 3 «кургана» 15 (рис. 3: 1) является местной переделкой фибул черняховского круга – прогнутых двучленных с вертикальной стойкой для оси пружины. Отсутствие на корпусе боковых вырезов для завязки приемника, обычного в случае, если бы он был у черняховской фибулы подвижным, указывает на связь с застезжками, имеющими сплошной приемник (группы 17 по Амброс, 1966). Напоминающие же вырезы фасетки на площадке у прогиба корпуса – не редкость у черняховских фибул этой группы и являются чисто декоративным элементом (например, Петраускас, 2010, рис. 3: 2; 9: 3; 11: 6; 12: 1–2, 7). Приемник у старомуштинской фибулы, судя по деформированным краям приемника и тонкой пластине на обратной стороне ножки, отремонтировался, и в итоге принял вид конца ножки, загнутой назад и не скрепленной с корпусом. Это не редко встречается у фибул камского региона разных групп (например, рис. 10: 28), что и придает им внешнее сходство с подвижными фибулами (группой 16 по Амброс, 1966). Прототипы фибулы из Старой Мушты относятся к вариации, близкой типам 6 и 7 по схеме О.В. Петраускаса, характерным для поздних фаз черняховской культуры (Петраускас, 2010, с. 197–201, рис. 15: 5–10). Крупные же размеры показательны для форм, датируемым между 370-ми гг. и серединой (в основном началом) V в. (Гавритухин, 1999, с. 51; 2018, с. 54–55, рис. 2: 6).

Большинство комплексов, исследованных в Старой Муште, по пряжкам, близким типам П9 и П10, наконечникам Н8 и другим вещам (например, рис. 3: 9–11)⁷ допускает дату в пределах IV в. Вещей, характерных для V в. и более позднего времени, в Старой Муште не обнаружено, что позволяет синхронизировать два рассмотренных выше поздних комплекса с эпохой Тураевских курганов (ТК-2). Фибула и сильно утолщенная рамка пряжки (рис. 3: 1, 3) указывают на влияния, связанные с позднечерняховским культурным кругом, что зафиксировано и по материалам Тураевских курганов.

⁶ А.А. Красноперов обратил внимание, что впервые об этом было написано в рецензии Отдела полевых исследований на отчет Г.Н. Гарустовича за 1988 г. (первый год раскопок на могильнике).

⁷ Коллекция недавно передана в Национальный музей Республики Башкортостан и не разобрана, поэтому точное сопоставление вещей с изображениями в публикации и полевых отчетах не всегда возможно.

К опорным для нашей темы памятникам на севере Башкирии относятся также могильники **Старо-Кабаново** (рис. 1: 38), откуда опубликованы показательные вещи из 167 раскопанных погребений (Васюткин, Останина, 1986), и **Югомашево** (рис. 1: 40), откуда из 88 раскопанных погребений опубликовано лишь несколько комплексов и отдельных вещей (Останина, 1997, рис. 35–36; Белявская, 2018а; 2018б). На обоих памятниках хорошо представлены находки, характерные для IV в., наряду со специфичными вещами, отличающими эти выборки от наборов из могильников, расположенных северо-западнее (на правом берегу Камы) и чуть южнее (Старая Мушта).

Во-первых, это – многочисленные пряжки с вытянутыми обоймами, как крупные (в основном поясные), так и мелкие, нередко парные (обувные), имеющие щиток, близкий треугольнику или четырехугольнику с нередко прогнутыми боками (как на рис. 3: 12–13, 21, 23, 26, 27, 29). Подобные пряжки широко распространены на памятниках группы Кала-Урын – Броды, в группах ТК-2 и ТК-1/2 Тураевских курганов, синхронных им комплексах (рис. 4: 3, 4, 8; 9: 12, 21, 23, 24, 28, 29, 32, 33, 38, 45; Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 4: 6а–ж; 5А: 15а–б), датированных около 4-й четверти IV в. и более поздним временем (см. о памятниках ниже параграфы 3, 5, 8 и Гавритухин, Красноперов, 2022). Однако вариации таких пряжек известны и в более раннее время (например, рис. 4: 34; 5: 34).

Большинство рассматриваемых пряжек из Старо-Кабаново и Югомашево (как и другие из поздних комплексов) имеют язычки, показательные для типа П10, т.е. не исключают датировку, начинающуюся с середины IV в. Однако такие язычки бытуют долго (в ряде регионов и в VI в.), а среди находок из Старо-Кабаново и Югомашево есть индикаторы ТК-2 (рис. 3: 12, 17, 28, 30; вероятно, рис. 3: 13 и др.)⁸, указывающие на дату не ранее 4-й четверти IV в. Такой же состав вариантов язычков наблюдается и на памятниках группы Кала-Урын – Броды, т.е. в основном несколько более поздних, чем Тураевские курганы.

Вторая группа специфичных находок – нашивки в виде угла (рис. 3: 16; Останина, 1997, рис. 35: 3, 17; 36: 6, 40; Васюткин, Останина, 1986, табл. 13: 31). Широкое распространение фигурных нашивок, в т. ч. угловидных, относится к среднесарматскому времени и заканчивается в III в., затем возобновляется около конца IV в. (см. обзоры в: Мастыкова, 2014; Маслов, 2016) По гипотезе А.В. Мастыковой и М.М. Казанского, в IV в. они сохранились лишь у оседлого населения Боспора

⁸ У ряда пряжек обломан конец язычка, что затрудняет атрибуцию.

и являются одним из причерноморских позднеантичных элементов в поликультурной «моде» гуннской эпохи. Им возражал В.Е. Маслов, обративший внимание на находки из погребения 1 кургана 18 в Новосадковском на Нижнем Дону – единственном достоверном комплексе IV в. с мелкими нашивками (информация о комплексе суммирована в: Красноперов, 2019, с. 120: № 25-А, табл. 20/1-2). Сочетание пряжек типа П9 и П10 с наконечником типа Н8 указывают на дату этого погребения в рамках середины – 2-й половины IV в.; амфоры типа D – на более раннюю; гребень представлен уникальной вариацией; фибула по публикации точно не определима. Вне зависимости от результата дискуссии (для этого нужны новые материалы), можно говорить, что интересующие нас нашивки принадлежат особой серии, которая бытовала в 4-й четверти IV в., но появилась, весьма вероятно, несколько ранее.

Среди отличий на фоне большинства мазунинских могильников отметим и «серьги», которые относятся к упрощенным вариантам «харинских» (как на рис. 3: 37; Васюткин, Останина, 1986, табл. 17: 12; 19: 4; Перевозчикова, 2009, рис. 4: 28-30; судя по доступным коллекциям, они представлены не менее, чем в четырех комплексах из Югомаша и в двух из Старо-Кабаново). В Прикамье такие «серьги» показательны для эпохи Великого переселения народов, однако детали их генезиса не ясны, что заставляет с осторожностью использовать эти вещи в качестве хронологического индикатора (см. также ниже, в параграфах 5, 6, 8).

Указанные особенности находок из двух рассматриваемых могильников (назовем их «югомашевская триада») представлены и в Бирске. При этом, на всех этих трех памятниках довольно многочисленны позднемазунинские «этнографичные» вещи, в т. ч. характерные ременные накладки (как на рис. 3: 24, 36 и других типов), а также пряжки и наконечники, обычные для могильника Покровское и других мазунинских памятников «дотураевского» времени. Очевидно, что все эти памятники частично синхронны, но выделенная выше «башкирская» группа существовала дольше и обладает определенной спецификой.

Для затронутой темы показателен расположенный в башкирской зоне могильник **Ангасяк** (рис. 1: 41). На нем раскопано 95 погребений, основная часть из которых опубликована и относится к мазунинской культуре (Васюткин, 1980). К наиболее поздним хронологическим индикаторам здесь принадлежат две железные пряжки с В-образной рамкой (рис. 2: 3; Васюткин, 1980, табл. 6: 13, 22). Однако другие элементы ременных гарнитур, показательные для IV в., отсутствуют, как и «этнографичные» позднемазунинские

вещи. Судя по всему, исследованная часть этого кладбища прекратила функционировать не позднее первых десятилетий IV в.

Отсутствие в Ангасяке «югомашевской триады» может быть аргументом в пользу датировки последней не ранее 2-й четверти / середины IV в. Однако она не представлена и в Старой Муште, где много индикаторов IV в., включая его середину и финал. С другой стороны, в Старой Муште весьма ограниченно представлен и мазунинский «этнографичный» набор, что вместе с рядом других показателей (многие из них рассмотрены в: Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004) отличает этот памятник от югомашевской группы. Возможно, Ангасяк и Старая Мушта отражают особую группу в рамках мазунинской культуры. Впрочем, вопрос о локальных вариантах мазунинских традиций требует специального исследования с привлечением всего массива накопленных данных.

В итоге суммируем рассмотрение финала основных мазунинских могильников, распределив их в пространстве и во времени⁹.

Несколько кладбищ (рис. 1: 33, 37) прекратили функционирование во 2-й половине III в. Для Нырғынды это хорошо вписывается в отмечаемый всеми исследователями процесс сдвига населения на запад и север, происходивший на финале пьяноборской культуры, при формировании и на начальных этапах развития мазунинской культуры. Нивский могильник отражает начальные этапы освоения носителями мазунинской культуры северных территорий. Его финал может быть связан с локальными процессами, не исключено, что экологическими, как это предполагается М.Л. Перескоковым для соседнего Пермского Прикамья (см. ниже параграф 5). Позднейшие хронологические индикаторы выборки из Ангасяка указывают на дату в пределах первых десятилетий IV в. (рис. 1: 41). Однако раскопанные здесь участки явно малы для суждения о хронологии этого обширного могильника и его соотношении с другими памятниками региона.

На крайнем юго-западе мазунинской культуры – в Тураево (рис. 1: 30) – грунтовые погребения (более 300 комплексов) датируются раньше, чем расположенные здесь курганы 4-й четверти IV в. Возможно, что прекращение функционирования типичного мазунинского некрополя тут связано с разгромом, в котором участвовали военизированные группы, вроде тех, что оставили Тураевские курганы. Тогда мы имеем дело с «началом конца» мазунинской культуры, датируемого около конца 3-й и/или рубежа 3-й и 4-й четвертей IV в. Впрочем,

отсутствие пряжек типа П10 может объясняться не архаизмом местных ременных гарнитур, а прекращением функционирования здесь грунтового могильника несколько раньше – без связи с появлением Тураевских курганов, в этом случае возводившимися на опустевшей территории.

Наиболее поздние комплексы на ряде могильников, расположенных в низовьях Белой и немного восточнее (Югомашево, Старая Мушта, Старо-Кабаново), а также сравнительно недалеко (Тарасово) – синхронны курганам в Тураево (рис. 1: 36, 38–40). Кроме близких ременных гарнитур, с находками в Тураевских курганах схож и их воинский набор, включающий, кроме элитных мечей и доспехов, «косы» и другие находки, типичные для ряда культур Камского региона. Эта воинская субкультура объединяет как отдельные отряды (захоронения в Тураевских курганах), так и военную элиту, явно связанную с местными общинами и похороненную на общинных кладбищах. Финал этой группы могильников датируется в рамках 4-й четверти IV в.

Прекращение функционирования многочисленных могильников на северо-западе мазунинской культуры относится к более раннему времени (рис. 1: 31, 32, 34, 35, 36-Б) – ближе к концу 3-й или началу 4-й четверти IV в. Это можно соотносить с деятельностью упомянутых военизированных групп, вероятно, при участии других (пришлых) военных отрядов (см. о них в параграфе 8).

Иная картина прослеживается на крайнем юго-востоке мазунинской культуры (рис. 1: 42, 43). Материалы из Бирска свидетельствуют о ее участии в формировании «классической» бахмутинской культуры 3-й четверти 1-го тыс., которая хорошо представлена и в Бахмутино. Бирск дает модель поступательного развития мазунинской культуры в бахмутинскую. Очень отрывочно известные материалы из Бахмутино и Никольского не исключают как такую же модель, так и иную – освоение носителями мазунинских традиций дальнего юго-востока ее ареала в эпоху Великого переселения народов.

3. Азелинская культура

В рамках азелинской культуры (рис. 1: 12–26) выделяется несколько территориальных групп памятников, для которых всеми современными исследователями признается некоторая специфика (Лещинская, 2022; Никитина, 2022).

Если не считать хронологическую систему, предложенную Д.Г. Бугровым, но изложенную, к сожалению, только тезисно (Лыганов, Бугров, 2019, с. 204), единственная внятно фундированная хронологическая шкала азелинской культуры создана Н.А. Лещинской для памятников бассейна Вятки (т. н. худяковской культуры), кроме ее вер-

⁹ К схожим (хоть и отличающимся в деталях) наблюдениям и выводам, пока изложенным тезисно, пришел А.А. Красноперов (2020; 2022).

ховий и низовий (где интересующих нас могильников не выявлено), но с привлечением некоторых материалов из соседних групп азелинской культуры (Лещинская, 2014). В целом, в намеченных ею типологических рядах, реконструирующих эволюцию ряда элементов азелинских уборов, у специалистов нет особых сомнений. Однако границы хронологических групп, выделяемых Н.А. Лещинской, не обсуждались и не всегда очевидны, а значит и отнесение ряда типов и вариантов вещей именно к той или иной группе может корректироваться. Кроме того, часть предложенных ею календарных датировок, во многом завязанных на хронологию древнемордовских и мазунинских древностей, требует повторного рассмотрения с учетом корректировок датировок этих и других материалов.

На юге бассейна Вятки (рис. 1: 19–24) к эпохе расцвета азелинской культуры относятся могильники Азелино (20 погребений), Суворово (31), Вичмарь (27), Тюм-Тюм (78); на остальных памятниках могил существенно меньше или они явно более ранние, чем есть в указанных кладбищах, как например, Ошки, Кордон, к этой же группе относятся Худяки (см. данные и библиографию в: Лещинская, 2014, с. 11–14).

В интересующей нас поздней группе памятников представлены весьма выразительные гарнитуры, связанные с воинскими поясами. Они включают крупную пряжку с В-образной или близкой им по очертаниям овальной рамкой и со щитком, зачастую имеющим прогнутые бока (рис. 4: 22, 29, 37, 44), и наконечник, близкий по форме щиткам этих пряжек (рис. 4: 24, 41, 46), явно связанные с поясом накладки, а также используемые для других ремней (включая узду) пряжки и наконечники (рис. 4: 23, 25, 26, 28, 30–33, 35, 38–40, 43, 45). Все эти наборы индивидуальны в исполнении, но явно стилистически связаны. Есть все основания выделять их в особую группу – типа Суворово.

Ряд комплексов из Суворово и Азелино, содержащих элитное вооружение, Р.Д. Голдина предлагала связывать с мигрантами, близкими тем, что оставили курганы в Тураево, даже предполагала наличие курганов с несохранившимися насыпями. Однако ничего выделяющего эти памятники из азелинской культуры неизвестно (наличие курганов – лишь предположение). Н.А. Лещинская убедительно рассматривает эти могильники в контексте других азелинских, датируя в рамках IV в.

Ближайшие аналогии поясам в наборах типа Суворово представлены в других группах азелинской культуры (например, рис. 5: 6–12, 29, 30, 36–38) и в древнемордовской культуре (см. ниже параграф 4). Явно связаны с этим кругом и схожие по форме и размерам железные пряжки и на-

конечники, входящие в «этнографичный» позднемазунинский набор (рис. 2: 3; см. параграф 2). Для датировки показательны пряжки с В-образной рамкой, не зафиксированные ранее IV в. (см. в параграфе 6). Следует отметить, что ряд находок из этих комплексов (например, рис. 4: 23, 32, 45) имеет аналогии в гарнитурах позднесарматской культуры Южного При- и Зауралья, датируемых 2-й половиной III в. (Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 5: 27–28, 31; 33: 20; Малашев, 2013, рис. 40: 17–18; 41: 26; 44: 19, 20). Камско-вятские изделия нет оснований датировать существенно позднее, однако сложные формы В-образных пряжек, аналогии в поздних комплексах древнемордовской и мазунинской культур свидетельствуют об отнесении наборов типа Суворово к IV в. Судя по упомянутым позднесарматским аналогиям, многих в основном к 1-й половине – середине этого столетия.

Верхняя хронологическая граница комплексов с наборами типа Суворово, строго говоря, не ясна, однако индикаторов ТК-2, представленных в Тураево, в них не встречено. Это нельзя объяснить локальной спецификой. Кроме того, что эти памятники расположены сравнительно недалеко от Тураево (рис. 1: 19–24, 30), в рассматриваемых могильниках на Вятке есть аналогии набору ТК-1/2 (например, рис. 4: 34). Особенно показательно, что в этой же зоне на Вятке расположен могильник Тюм-Тюм, где известны яркие индикаторы набора ТК-2 (как на рис. 4: 19–20; возможно, к ним относятся и пряжки с круглой нетолстой рамкой – рис. 4: 17, 18, как и некоторые другие, не всегда хорошо атрибутируемые по публикации). Схожие пряжки представлены и в других комплексах Тюм-Тюма (погребения 40, 41, 87; Ошибкина, 2010, табл. 15: 7; 16: 21; 38: 2; 68: 11), включая те, где есть гарнитуры, показательные для комплексов типа Суворово (погребения 40, 41; Ошибкина, 2010, табл. 15: 1, 8; 16: 1–3). Скорее всего, Тюм-Тюм функционировал несколько дольше, чем Суворово и подобные ему могильники или группы погребений, – включая последние десятилетия IV в.

Костяная пряжка из комплекса типа Суворово, найденная в Азелино (рис. 4: 27), явно связана с азиатскими традициями. Логично соотнести ее с миграциями гуннской волны. Контакты азелинцев с этими пришельцами могли начаться раньше, чем у народов, живших западнее Дона, т. е. и до 370–380-х гг., но не в III в., когда в степях востока Европы и Зауралья еще господствовала позднесарматская культура.

Н.А. Лещинская к индикаторам позднейшей в азелинской культуре (по ее схеме) группы 5, датируемой концом IV–V в., относит выразительные обувные гарнитуры с ромбическими подвесками

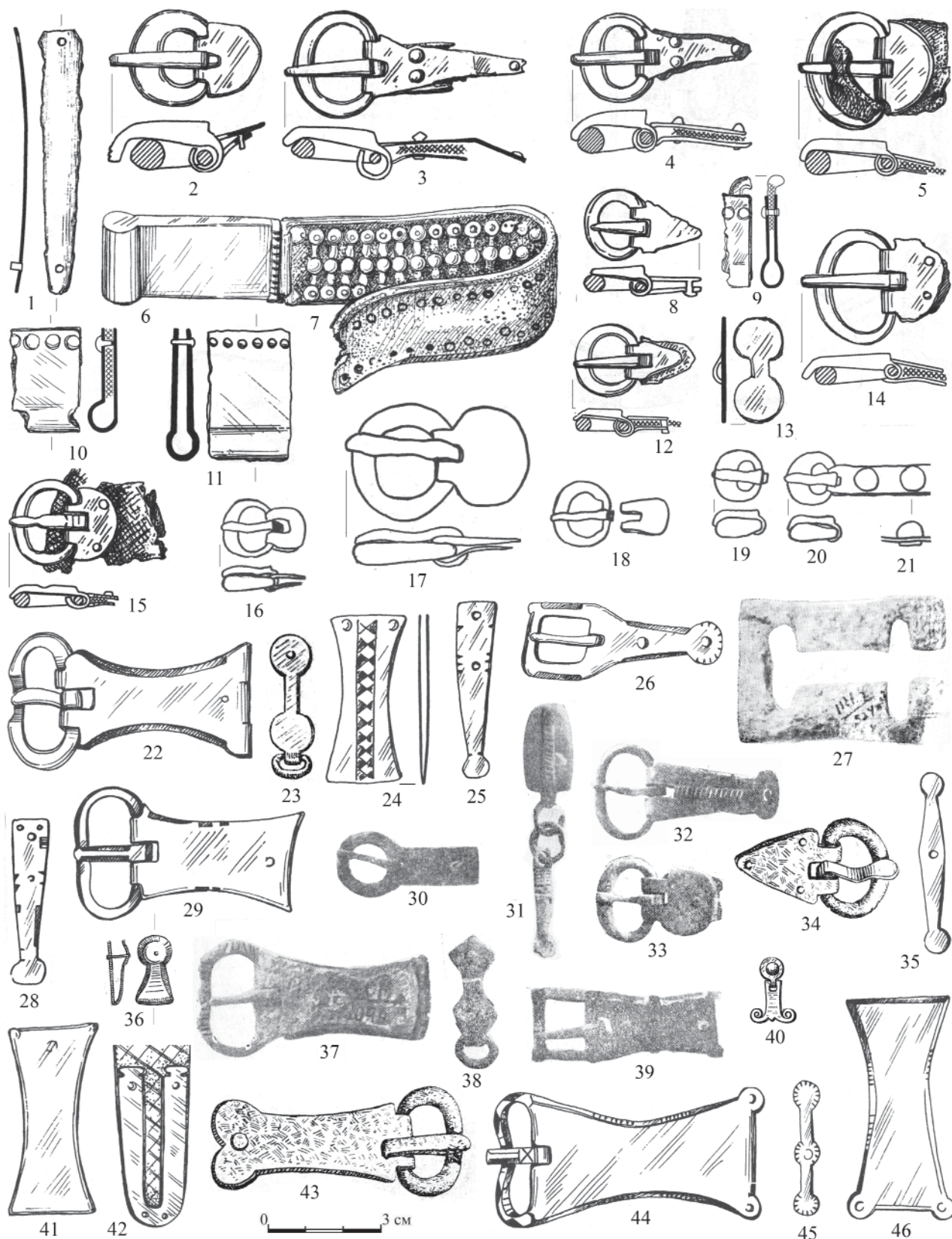

Рис. 4. Азелинская культура. 1–15 – Первомайский (1–3 – погр. 5; 4 – погр. 27; 5–14 – погр. 9; 15 – погр. 8); 16–21 – Тюм-Тюм, погр. 123; 22–27 – Азелино, погр. 12; 28–46 – Суворово (28–33 – погр. 29; 34 – погр. 20; 35–42 – погр. 30; 43–46 – погр. 1).
1–15, 25, 28–29, 41, 44–46 – по Лецинская, 2014; 16–21 – по Ошибкина, 2010;
22–24, 26–27, 30–40, 42–43 – по Генинг, 1963

к прямоугольной обойме (рис. 5: 3; Лещинская 2014, с. 191, табл. 94). Однако такие обувные наборы известны, например, в погребении 21 могильника Суворово, где, как мы видели, нет индикаторов этого времени. Ничто не мешает отнести время появления такой обувной гарнитуры к середине или 3-й четверти IV в. Этот весьма выразительный тип едва ли существовал неизменным очень долго – скорее всего, не позднее первых десятилетий V в.

Как мы видим, лишь в Тюм-Тюме представлены материалы, синхронные Тураевским курганам. Все остальные азелинские могильники рассматриваемой зоны вполне допускают датировку более ранним временем.

Для понимания ситуации на юге бассейна Вятки показательны материалы Аргыжского городища, расположенного на юго-востоке ареала рассматриваемых могильников. Богатый набор позднеазелинских вещей и позднемазунинская бабочковидная фибула, входящие в найденный здесь клад (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, рис. 80–83), указывают на его сокрытие скорее всего в то же время, когда прекратили функционировать многие могильники этого региона, в т. ч. расположенные сравнительно недалеко Азелино и Вичмарь (рис. 1: 20, 21). То, что клад остался на поселении невостребованным, насыщенность верхнего (постананьинского) слоя следами горения, «погребения» в виде свалки останков (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 63, 65, рис. 79: 1) свидетельствуют о гибели Аргыжского поселка. Обычные могилы, но расположенные на поселении (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 65, рис. 79: 2, 4), могли появиться во время его осады.

Значительное число постананьинских стрел на Аргыжском городище, в т. ч. нехарактерных для Прикамья трехлопастных (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, рис. 84: 1, 3, 4, 8)¹⁰, соотносимы со следами штурма этого поселка при участии носителей традиций, чуждых местному населению. С постананьинским слоем, вероятно, связана и часть огромной коллекции костяных/роговых стрел (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, рис. 41–45; 46: 1–5, 7–9). Скорее всего, костяные стрелы принадлежали участвовавшим в нападении на поселок жителям Прикамья – местным, вроде тех, кому принадлежали позднейшие комплексы Тюм-Тюма, или соседним, например, группам носителей мазунинской культуры, жившим в Тураевскую эпоху (рис. 1: 36, 38–40, 42, 43).

¹⁰ Точному определению состава находок азелинского времени на Аргыжском городище препятствует плохая сохранность верхнего слоя, в котором встречаются и средневековые вещи.

На севере бассейна Средней Вятки опорным является могильник Первомайский (рис. 1: 26). Наряду с азелинской «классикой», здесь представлено несколько комплексов с вещами, аналогичными тем, что есть в наборах ТК-2 (рис. 4: 1, 3, 4) и ТК-1/2 (рис. 4: 5, 6, 8, 9, 12, 14, 15). Однако пряжка с массивным язычком, намного выступающим за рамку («хоботовидным»), из погребения 5 (рис. 4: 2) относится уже к «посттураевскому» времени. Такая дата не исключена и для некоторых других комплексов, близких по составу набору из погребения 5. Даже если это так, их хронологическая разница с курганами в Тураево не была велика, и финал функционирования Первомайского могильника датируется, судя по всему, около рубежа IV и V в. или первыми десятилетиями V в.

В низовьях Камы опорным памятником является могильник Рождествено V (рис. 1: 17), в котором исследовано не менее 101 погребения, полностью опубликованных (Старостин, 2009). Здесь представлены комплексы с пряжками (например, рис. 5: 32), имеющими прямые аналогии в позднесарматской культуре III в., и ранними местными переработками (рис. 5: 33) позднесарматских наконечников. Типологически более «развитые» наконечники здесь, как и на Вятке (например, рис. 4: 25, 28; 5: 35), встречены с местными переработками пряжек, аналогии-прототипы которым можно найти на позднесарматских памятниках (рис. 4: 26, 30; 5: 34), но, как мы видели, они зафиксированы уже в наборах типа Суворово.

В погребении 137 представлены сравнительно ранние азелинские наконечники и накладки (рис. 5: 39, 41) в сочетании с пряжкой (рис. 5: 40), которая принадлежит кругу прототипов тех, что характерны для наборов типа Суворово, и вещами (Старостин, 2009, рис. 25: 3, 8), восходящими к традициям пьяноборской культуры, на основе которой сложилась азелинская, что свидетельствует об архаизме комплекса.

Особенно важно погребение 117, принадлежащее воинской элите (показательны меч и шлем). Здесь найдены детали гарнитур (Старостин, 2009, рис. 24: 10, 20), типичные для позднесарматских комплексов III в., переработки образцов позднесарматского круга в местной орнаментальной стилистике (Старостин, 2009, рис. 24: 1, 5, 13, 14), хорошо представленной и в других азелинских ремненных наборах (например, рис. 3: 24; 5: 7, 35, 36). Аналогии среди позднесарматских находок III в. имеет и профилировка язычков у всех 13 пряжек рассматриваемого комплекса. Однако пряжка и накладки пояса (Старостин, 2009, рис. 24: 15, 18) принадлежат уже вариантам, характерным для наборов типа Суворово с В-образными пряжками

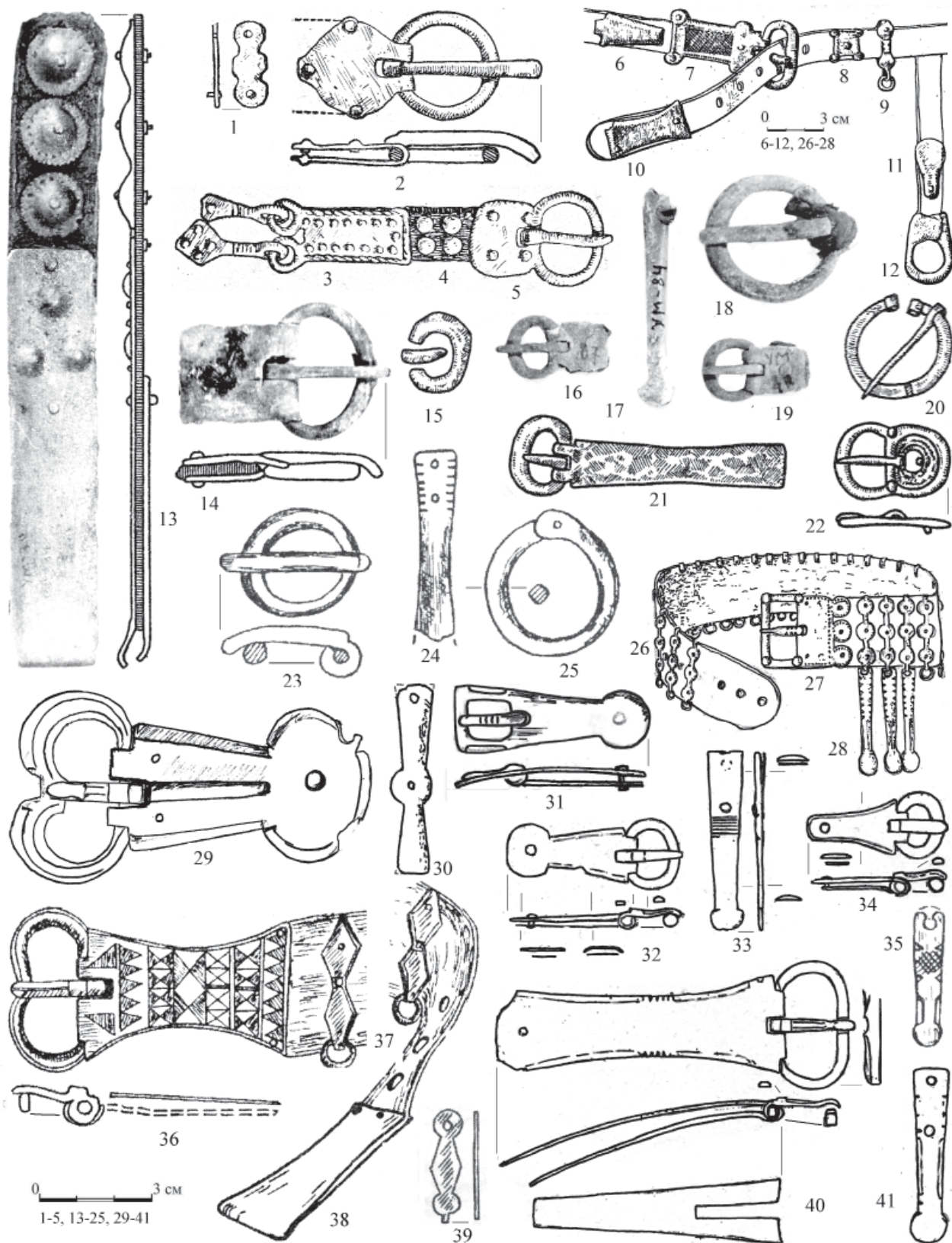

Рис. 5. Азелинская культура. 1–12 – Мари-Луговая (1–2 – погр. 17; 3–5 – погр. 12; 6–12 – погр. 60); 13–19 – Уржумка (13–15 – погр. 9; 16–19 – погр. 17); 20–22 – Арзобеляк, погр. 22; 23–25, 32–41 – Рождествено V (23–25 – погр. 104; 32–33 – погр. 171; 34–35 – погр. 168; 36–38 – погр. 73; 39–41 – погр. 137); 26–31 – Усть-Брыска (26–28 – погр. 11; 29–31 – погр. 22).
1–12 – по Халиков, 1962; 13–14, 16–19 – по отчету Г.А. Архипова (предоставлено Д.Г. Бугровым); 15, 20–22 – по Никитина, 1999; 23–25, 35–39 – по Старостин, 2009; 26–31 – рис. их архива П.Н. Старостина (предоставлено Д.Г. Бугровым); 32–34, 40–41 – рис. И.О. Гавритухина

(не ранее IV в.). Наконечник (Старостин, 2009, рис. 24: 17) относится к переработкам образцов типов Н6 и Н7, датируемых не ранее конца III в.

Такое сочетание не единично. До деталей набору из погребения 117 в Рождествено близок состав еще более богатых комплексов из могилы 94 в Тюм-Тюме на Вятке, включающих и два сарматских котла (Ошибкина, 2010, табл. 30, 31, 40–51). В погребении 73 из Рождествено пояс из набора типа Суворово (рис. 5: 36–38) встречен с обувным набором, включающим пряжки, имеющие признаки типов П26, П4 и П9, и с наконечником-подвеской, являющийся местной переработкой типа Н5 (Старостин, 2009, рис. 3–5). По шкале для гарнитур позднесарматского круга такое сочетание указывает на стык периодов Пб и Пш, т. е. около конца III в. (Малашев, 2000, рис. 1–2).

Судя по всему, этот горизонт, показывающий переработку образцов позднесарматского круга и формирование местной культуры воинской элиты (назовем его «типа Рождествено 117»), должен датироваться около первых десятилетий IV в. Он является и начальной фазой периода распространения наборов типа Суворово, для ранних вариаций которых следует принять эту же дату.

К воинским в Рождествено относится и погребение 75, содержащее уникальный для региона клинок с вырезами у рукояти (Старостин, 2009, рис. 16: 6). Наибольшая концентрация и самые ранние комплексы с таким оружием зафиксированы в Крыму, заметно меньше их в черняховской культуре; с этими зонами, вероятно, связано его появление в других культурах (см. карты и списки находок, обзор проблематики и библиографию в: Левада, 2013; Радюш, 2014; Малашев и др., 2022, с. 90). И по обряду погребения, и по набору инвентаря (пояс с накладками, но без наконечника и с пряжкой без щитка, в основном костяные стрелы, «коса», простейшие удила, ножик) этот воин принадлежал местному «среднему классу». Данный клинок (О.А. Радюш показал, что часть аналогичных изделий является вторичным использованием обломков мечей), пожалуй, является самой дорогой (во всяком случае – редкой) вещью в инвентаре этой могилы. Появиться на Нижней Каме он мог в системе связей, по которым сюда попадали вещи круга восточноевропейских выемчатых эмалей (см. ниже) и другие предметы этого же времени, связанные с культурами, расположенными к юго-западу от азелинской.

Погребение 104 в Рождествено датирует пряжка с «хоботовидным» язычком (рис. 5: 23). Если ее прорисовка в публикации верна¹¹, можно говорить о наличии здесь комплекса, датируемого не

ранее V в. Погребение 104 ограблено в древности, остальные находки в нем (рис. 5: 24, 25) маловыразительны для культурной и узкой хронологической атрибуции. Однако нет оснований и для того, чтобы выделять его из массива других азелинских захоронений (погребения других культур в Рождествено V относятся к бронзовому веку или мусульманскому времени).

В этой связи заслуживает внимания найденный в погребении 139 фрагмент головного жгута, выполненного из пучка крученых нитей, обвитого полоской кожи, покрытой бронзовыми обоймочками (Старостин, 2009, с. 35, рис. 26: 3). Жгут, как отметил Д.Г. Бугров, можно отнести к типу II в классификации Ю.А. Краснова по материалам Безводнинского могильника, где такие вещи датируются VI в. (Краснов, 1982, с. 57). Такие жгуты являются частью головного убора, характерного для памятников типа Безводное – Ахмылово (см. ниже о памятниках левобережья Волги). Такой ли головной убор попал в Рождествено – трудно сказать, т. к. погребение 139 было весьма сильно потревожено, а остальной инвентарь из него представлен двумя железными пряжками, узкую дату по которым дать затруднительно.

На могильнике Усть-Брыска (рис. 1: 18) исследовано 47 погребений, к сожалению, не опубликованных¹². Здесь неплохо представлены воинские захоронения, в т. ч. с наборами типа Суворово, и соответствующие их уровню женские погребения. Например, богатейшее на могильнике погребение 11, где женщину с ребенком сопровождали череп и конечности коня (перечисление находок и браслет круга восточноевропейских выемчатых эмалей см. в: Старостин, 1981, с. 85; Никитина А.В., 2020, рис. 2: 1), полный азелинский «этнографичный» убор (шапочка с обоймицами, 2 гривны, ожерелье, нагрудник, пояс с эполетообразной застежкой и 5 халцедоновыми дисками и др.) включал замечательную обувную гарнитуру (рис. 5: 26–28). П.Н. Старостин считал погребение 11 подкурганым, однако речь идет о пологом возвышении на 40–50 см на краю обрыва, а на ровик или другие признаки искусственной насыпи нет и намека.

Уникальна пряжка из погребения 22 (рис. 5: 29), где похоронены всадник и ребенок. Ее рамка напоминает изделия эпохи Великого переселения народов, однако щиток, язычок, сечение рамки, как и другие находки из комплекса (рис. 5: 30, 31), вполне обычны для азелинской культуры эпохи

¹¹ Дмитрий Геннадьевич Бугров искал эту пряжку в сохранившихся коллекциях, но неудачно.

¹² Приводимые ниже суждения опираются на материалы из архива автора раскопок П.Н. Старостина, любезно предоставленные Д.Г. Бугровым, наряду с рядом рисунков и консультациями об этом и других памятниках азелинской культуры и не только ее.

Суворово. Отметим, что погребение 22 не нарушено, т. е. комплекс надежен.

Другие азелинские могильники Нижнекамского региона исследованы очень отрывочно. Полностью опубликован могильник Нармонка (рис. 1: 16; Старостин, 2002), где изучалось 20 погребений. Остальные – еще менее представительны. Находки из них не дают принципиально иного, чем рассмотренные более крупные памятники.

Для дополнительных оснований датировки можно отметить застезку в погребении 5 из Нармонки (Старостин, 2002, рис. 11: 10), сопоставимую с находками, относимыми к поздней части селиксенского этапа древнемордовской культуры (рис. 6: 10, 11, 24, 25), т. е. IV в. Отметим в Нармонке и два погребения с лунницами круга восточно-европейских выемчатых эмалей, датированные по ремешку гарнитуры серединой – 2-й половиной III в. (Никитина А.В., 2020, с. 222–223, 233–234, рис. 3: А, С). К нечастым в азелинской культуре находкам принадлежит и костяная/роговая пряжка из небогатого всаднического погребения 11 Нармонки (Старостин, 2002, рис. 8: 4), которая относится к той же группе, что экземпляр из Азелино (рис. 4: 27; см. о нем выше), но другому типу.

Ни на одном из известных на Нижней Каме весьма богатых азелинских могильников нет материалов, сопоставимых с эпохой Тураевских курганов. Большинство относится к более раннему времени, представляя, наряду с Нижневятской зоной, один из очагов формирования и расцвета азелинской культуры. Более поздние материалы представлены лишь двумя небесспорными находками (Рождествено, погребения 104 и 139), в лучшем случае позволяющими говорить о недолгом пребывании в этом пункте небольшой группы носителей азелинских традиций через некоторое время после того, как Нижнекамский регион опустел.

На левобережье Волги к северо-западу от Казани расположена особая группа памятников, где представлены азелинские традиции (рис. 1: 12–15; Никитина, 2022). Свод по большей части памятников этой группы опубликован (Никитина, 1999)¹³. Как ее самый западный памятник нередко рассматривают т. н. Младший Ахмыловский могильник близ устья Ветлуги. Другие исследователи относят его к памятникам типа Безводное – Ахмылово, т. е. волжскими финнами V–VII вв., связанными, главным образом, с Верхневолжско-Окско-Сурским регионом. Конечно, в Ахмылово зафиксированы и азелинские элементы, но не они

определяют культурный облик этого памятника. Находки, сопоставимые с азелинскими, встречаются и западнее Ветлуги. Их рассмотрение выходит за рамки нашей темы, как и Ахмыловский могильник, который начал использоваться в V в.

К наиболее представительным относится Мари-Луговской могильник (рис. 1: 14; 45 погребений, явно небольшая часть памятника; публикацию описания и рисунков основной выборки находок см.: Халиков, 1962), расположенный ближе всего к нижнекамской группе азелинской культуры. Он возник не позднее 2-й половины III в., судя по аналогиям нагрудной бляхе (Халиков, 1962, табл. XXXIV: 22) в материалах древнемордовской культуры (Гришаков, 2008, рис. 10: 2). Здесь представлены и комплексы эпохи Суворово, в т. ч. воинские (например, рис. 5: 6–12), и середины IV – начала V в. (например, рис. 5: 3–5; см. выше о находках в бассейне нижнего течения Вятки). Позднейшие (рис. 5: 1, 2) относятся к V в., причем, судя по тонкой в сечении рамке и очень длинному тонкому язычку пряжки, едва ли к его началу. Скорее всего, этот могильник функционировал без особых перерывов весь отмеченный промежуток времени.

Остальные могильники рассматриваемой группы возникли, судя по существующей выборке, не ранее IV в., возможно, его середины, учитывая отсутствие аналогий в древностях позднесарматского круга, весьма многочисленных немного восточнее, и выкладки Н.А. Лещинской. В Уржумке (рис. 1: 12) среди 35 раскопанных погребений хорошо представлены комплексы, датируемые от этого времени до, по крайней мере, первых десятилетий V в. (например, рис. 5: 13–19).

В Арзобеляке (рис. 1: 13) небольшое кладбище (чуть больше 20 могил) раскопано почти полностью, но выразительных комплексов здесь не много. В погребении 22 пряжка с архаичной очень длинной обоймой имеет, судя по рисунку (рис. 5: 21), массивную рамку, что может указывать на близость по времени Тураевским курганам. Вторую пряжку из этой могилы атрибутировать по явно схематичному рисунку (рис. 5: 22) нельзя. Сюльгама из этого же погребения 22 имеет завитки, выступающие за абрис корпуса, что по материалам некоторых рязано-окских могильников датируется не ранее конца IV в. (Белоцерковская, 2015). Явно не ранее IV в. остальные небогатые погребения этого могильника. Однако и индикаторов V в. и более позднего времени в Арзобеляке нет.

Не противоречат этой картине 7 бедных погребений в Лушморе, на могильнике, расположенном восточнее Арзобелякского и севернее Мари-Луговского, т. е. уже на некотором удалении от

¹³ К сожалению, часть рисунков вещей в этом очень ценном труде и других публикациях оставляют желать лучшего, что отчасти компенсировано фотографиями из некоторых полевых отчетов, собранных Д.Г. Бутровым, и его рисунками, к сожалению, немногими.

Волги. Среди находок отметим сюльгаму того же типа, что в погребении 22 из Арзобеляка (Никитина, 1999, рис. 77: 2). Возможно, это небольшое кладбище, синхронное Арзобелякскому или несколько более позднее, однако для понимания времени его функционирования материала, конечно, слишком мало.

Находки на памятниках, значительно удаленных от Волги, к сожалению, очень малочисленные, все же дают весьма выразительную картину. Тщательный анализ вещей из разрушенного богатого погребения Старый Узюм привел Д.Г. Бугрова (2015) к убедительному выводу о принадлежности комплекса позднеазелинским традициям, датируемым VI в. (некоторые вещи – несколько шире).

Из разрушенного могильника Шор-Унжа (рис. 1: 15), расположенного в 12 км севернее староузюмского, сохранилось шесть-семь погребений, да и то не полностью, однако здесь получены хорошие хронологические реперы. В погребениях 4 и 5 найден ряд вещей, аналогичных староузюмским, и другие, относящиеся по вятской хронологической шкале к пятой группе, датированной концом V – VI в., возможно, без конца VI в. (Лещинская, 1995, с. 93–94). Корректировка этой даты возможна в сторону удревнения нижней хронологической границы, учитывая, что четвертая группа (она включает многие комплексы ряда рассмотренных выше памятников бассейна Вятки) едва ли охватывает весь V в., как это представляется Н.А. Лещинской (1995, с. 92–93)¹⁴. Среди интеррегиональных вещей отметим в погребении 5 сюльгаму того же типа, что в Арзобеляке и Лушморе (не ранее конца IV в.), и среди отдельных находок – пряжку с хоботовидным язычком, датируемую не ранее V, но и едва ли позднее VI в. (Никитина, 1999, рис. 70: 2; 72: 2). Некоторые исследователи включали в хронологические рамки памятника VII и даже VIII в. (см. обзор в: Никитина, 1999, с. 37), однако, с точки зрения современных разработок, индикаторов именно этого времени в Шор-Унже нет.

Итак, развитие азелинской культуры на основе пьяноборских традиций под заметным влиянием позднесарматской культуры не вызывает особого сомнения для бассейна Вятки и особенно хорошо видно в низовьях Камы. Не позднее первых десятилетий IV в. здесь сформировалась выразительная воинская субкультура, вырабатываются ориентированные на нее стили ременной гарнитуры,

включающие уже ставшую местной подоснову и заимствованные формы, прежде всего В-образные рамки пряжек (комплексы типа Суворово). Многообразие и иногда причудливость элементов этих (в целом, стандартных) поясных гарнитур объяснимы творчеством местных мастеров, ориентированным на запросы представителей воинской элиты, не исключая знакомство со сравнительно широким кругом импортных образцов. Следует отметить внимание к оформлению воинских гривен и других деталей убора. Включенность в эту субкультуру (как минимум, близость ей) женщин (отмеченное выше погребение 11 из Усть-Брыски – только один пример из представительного ряда) повлияло на формирование особой сложности их убора, не раз отмечавшегося исследователями.

Поступательное развитие этого культурного феномена в зоне от Средней Вятки до Нижней Камы прерывается, судя по всему, в эпоху Тураевских курганов (рис. 1: 16–18, 20, 21, 24). Потрясения этого времени в южной части бассейна Вятки хорошо иллюстрируют материалы, связанные с гибелью азелинского Аргыжского поселка. Однако отдельные могильники, как Тюм-Тюм (рис. 1: 22), в это время еще функционируют, что напоминает «базу» на основе местных центров, сравнимую с реконструируемой для Тарасово в мазунинской культуре севернее Камы.

Материалы могильников Первомайского на Верхней Вятке, Мари-Луговского и других к западу от Камы (рис. 1: 12–14, 26) демонстрируют продолжение азелинских традиций в «посттураевское» время. Возможно, туда (на север и запад) ушла и уцелевшая часть азелинского населения из регионов Средней Вятки и Нижней Камы.

Для предметного разговора о процессах на землях, простирающихся к западу от Камы, слишком мало материала. Пока можно констатировать, что древности V в. здесь неплохо представлены, но бесспорных индикаторов VI в. пока неизвестно. Отметим, что на их периферии (Ахмылово) слабый азелинский компонент очень быстро нивелируется. Однако вдали от Волги (рис. 1: 15) продолжение азелинских традиций отчетливо фиксируется до, по крайней мере, VI в.

На Нижней Каме комплексы, более поздние, чем эпоха Суворово, имеют хронологический хиатус с основным массивом местных азелинских древностей (рис. 1: 17). Вероятно, лишь через некоторое время после потрясений эпохи Тураевских курганов на эти земли вновь пришли носители азелинских традиций, однако ненадолго.

Ряд исследователей из Ижевска считает, что на Вятке азелинские традиции («худяковская культура») продолжают на памятниках типа Тат-Бояр

¹⁴ Систематическая корректировка этой хронологической системы будет возможна лишь после публикации памятников, опорных для выделения групп 5, 6, 7, прежде всего – Тат-Боярского могильника.

(«еманаевская культура»). Однако пока опубликованы лишь обзоры еманаевских древностей (Лещинская, 1995, с. 92–97, 100; Голдина, 2004, с. 301–314), что заставляет рассматривать предлагаемые авторами выводы до публикации опорных памятников (прежде всего – Тат-Боярского могильника) лишь как вероятные.

4. Верхнесурская группа древнемордовской культуры

Могильники этого культурного круга имеют четыре зоны концентрации (Гришаков, Мясников, 2022; Вихляев, Зеленева, 2022, а также обзоры и основная библиография в: Вихляев, 2017; Гришаков, Седышев, 2017, с. 71–73; Гришаков и др., 2017, с. 5–8)¹⁵. Для понимания динамики этой культуры в рассматриваемое время первостепенное значение имеют две ее южные группы (рис. 1: 1–8). В-первых, они расположены ближе всего к степной полосе, т. е. на них в первую очередь и наиболее отчетливо отразились процессы, тесно связанные с общей ситуацией в Восточной Европе, включая войны и миграции, отраженные письменными источниками. Во-вторых, группа в верховьях Суры наиболее представительна и нередко является эталоном для рассмотрения ряда вопросов изучения всей древнемордовской культуры. Группа в верховьях Мокши представлена фактически лишь двумя опорными могильниками, во многом близким верхнесурским не только географически (см. аналогичный подход в: Гришаков, Седышев, 2017).

В древнемордовской культуре сложился весьма выразительный «этнографичный» женский убор, включающий многочисленные металлические детали (см. некоторые образцы на рис. 6). В основном на них и строится периодизация древнемордовских могильников. Наиболее разработаны и активно применяются две хронологические системы.

Система В.И. Вихляева, наиболее полно изложенная в соавторстве с рядом других специалистов (Вихляев и др., 2008), базируется на дробной типологии дисковидных блях (их эволюционный ряд является стержневым для этой системы), височных украшений, сьюльгам, гривен, браслетов. Группировка основана на подсчете силы связей (взаимовстречаемости) между признаками (здесь – типами/вариантами вещей) в этой выборке. Неудобства этой методики очевидны: если уточняется типология, вводятся новые материалы и т. д., требуется полный пересчет (практически – новый вариант) системы; плохо читается специфика каждого комплекса, хотя их формализованное описание прилагается; другие категории

находок, включая важные для синхронизации, вынесены «за скобки».

Система В.В. Гришакова (2008, с дополнениями в: Гришаков и др., 2017, гл. 3; Долина..., 2016, гл. 1.5; Гришаков, Седышев, 2017, с. 71–73) основана на рассмотрении упомянутых «этнографичных» вещей, а также бус и ременных гарнитур; другие категории вещей лишь дополняют характеристику хронологических групп. Типы выделяются не столь формализовано и дробно, как В.И. Вихляевым и его соавторами, но ряд подчеркнутых ими важных особенностей вещей учтен и дополнен. Хронологическая группировка, по словам автора, основана на сериации комплексов по сочетанию в них показательных типов/вариантов вещей. Однако она не опубликована, что является главной трудностью для полноценного использования и возможной корректировки этой системы.

В целом, результаты двух систем вполне сопоставимы. Часть расхождений касается оценки некоторых комплексов и датирующих возможностей некоторых типов/вариантов вещей, что неизбежно для систем, построенных на отличающихся выборках и разных методиках. На рис. 6 представлены варианты вещей, относимых В.В. Гришаковым к наиболее поздним для селиксенских древностей группам 3 и 4 по его хронологической схеме. Группа 4 выделяется по появлению некоторых вариаций вещей, иногда представленных единично (рис. 6: 1, 2, 10, 11, 13, 15). Височные подвески и сьюльгамы (рис. 6: 4–9, 17, 32–37) различаются нюансами, значение которых для узкой датировки требует развернутого исследования. В.И. Вихляев и его соавторы относят ряд таких вещей к стадии 6, а некоторые поздние – к стадии 7 их системы хронологии. К принципиальным относятся расхождения по погребению 10 могильника Ражки, где бляха (рис. 6: 26), близкая типам, показательным для группы 2, встречена с сьюльгамой (рис. 6: 34), а они появляются в группе 3, что и определяет дату по В.В. Гришакову. В.И. Вихляев и его соавторы считают, что сьюльгамы появляются на стадии 5 их системы.

Сильно различается календарная хронология рассматриваемых систем, что приводит к принципиально разным историческим реконструкциям. В.В. Гришаков датирует третью группу 1-й половиной IV в., четвертую группу – около 3-й четверти IV в., ограничивая верхнюю хронологическую границу ряда памятников исходя из представления о времени появления в регионе гуннов, что вызвало существенные потрясения в развитии древнемордовской культуры. Предложенные позднее корректировки (Гришаков, Седышев, 2017, с. 72) связаны с интерпретацией четвертой группы в этнокультурном ракурсе и практически не аргумен-

¹⁵ Его название, как и других с этнической привязкой, особенно к современным народам, конечно, условно.

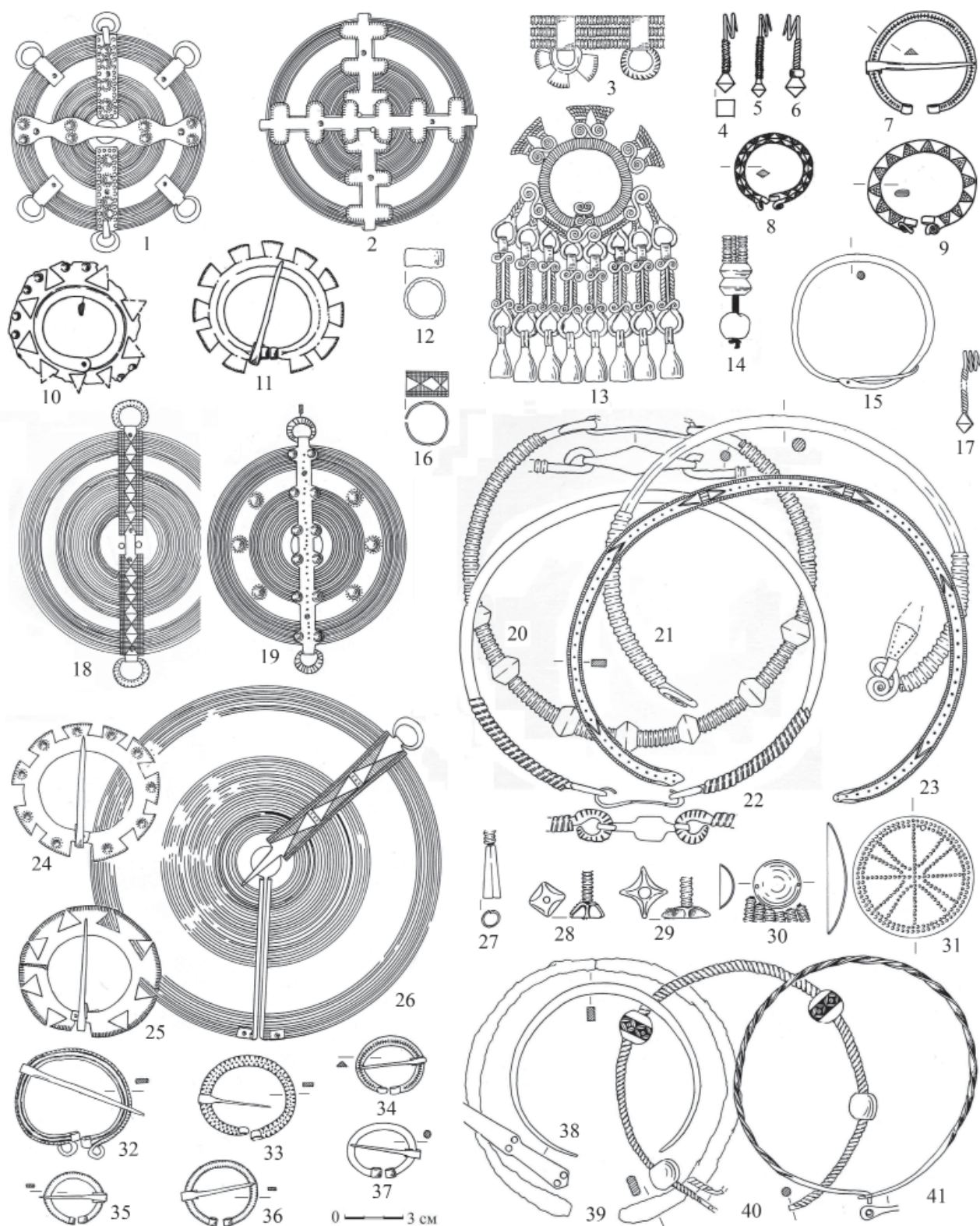

Рис. 6. Древнемордовская культура. 1, 19–22, 25, 27, 31, 35–40 – Селикса-Трофимовка (1 – погр. 7; 19 – погр. 115; 20 – погр. 12; 21 – погр. 52; 22, 37 – погр. 8; 25 – погр. 6; 27, 31 – погр. 20; 35, 38 – погр. 6; 36 – погр. 11; 39 – погр. 18; 40 – погр. 15); 2–15 – Тезиково (2 – погр. 22; 3 – погр. 1; 4 – погр. 27; 5, 9, 14 – погр. 4; 6 – погр. 49; 7 – погр. 20; 8 – погр. 21; 10 – погр. 45; 11 – погр. 20; 12 – погр. 8; 13 – вне комплекса; 15 – погр. 43); 16, 18, 23–24, 29, 32–33, 41 – Селикса (16, 33 – погр. 152; 18 – погр. 12; 23 – погр. 115; 24 – погр. 52; 29 – погр. 51; 32 – погр. 46; 41 – погр. 160); 17, 26, 28, 30, 34 – Ражки, (17, 28, 30, 34 – погр. 10; 26 – погр. 10).
По Гришаков, 2008 (1–15 – группа 4; 16–41 – группа 3)

тированы с точки зрения хронологии. В.И. Вихляев и его соавторы пятую стадию по их системе

датируют IV в.; шестую – 2-й половиной IV – началом V в.; седьмую – концом IV–V в. Они настаивают

вают на развитии древнемордовской культуры без существенных потрясений, а отсутствие на том или другом памятнике комплексов некоторых стадий объясняют его неполной исследованностью или особенностями судьбы локального коллектива. Очевидно, что требуется повторное рассмотрение хронологии опорных памятников, с учетом новых разработок по хронологии ряда территорий, прежде всего, по культуре рязано-окских могильников¹⁶, имеющей с древнемордовской много общего.

Раскопан на большой площади и опубликован на уровне современных требований лишь могильник Усть-Уза (рис. 1: 4; 95 погребений; Гришаков и др., 2017). Несколько памятников интересующего нас времени, опубликованных на современном уровне, представлены небольшим числом выразительных комплексов (рис. 1: 2, 3, 5, 8): в Ражках исследовано 62 погребения (включая безынвентарные), в Шемышейке – 18, в Степановке – 11, в Алферьевке – 5 (Гришаков, 2005; 2009; Долина..., 2016, раздел I). Для не опубликованных систематически могильников Тезиково, Селикса, Селикса-Трофимовка (рис. 1: 1, 6, 7) ниже использована выборка из нескольких источников¹⁷.

Кроме ранних материалов, которые для нашей темы не важны, на этих памятниках, судя по сочетанию пряжек типов П2а, П2б, П4, наконечников типа Н4 и совмещающих черты Н2 и Н3а, отчетливо прослеживается влияние позднесарматской культуры III в., в т. ч. уздечных наборов (например, рис. 7: 7, 11, 14–17; 8: 27, 28). Следует отметить, что ряд типов таких пряжек и наконечников в местной среде бытует и несколько позднее, чем в степи (ср. аналогичную картину в мазунинской культуре – см. параграф 2). Однако их появление невозможно позднее, чем бытовал источник заимствования.

К этому кругу тяготеет ряд деталей ременных гарнитур из погребения 8 в Селикса-Трофимовке (рис. 8: 1–15), где преобладают более поздние пряжки типов П8 и П9. Аналоги наконечнику с не менее, чем тремя заклепками в ряд (рис. 8: 9), отсутствуют в «классической» позднесарматской культуре, но широко представлены на Нижнем

Дону и бассейне Камы в комплексах, датируемых не ранее IV в. (например, рис. 3: 7; 4: 10, 11; 9: 13, 25, 28, 41, 47, 51). Такое сочетание свидетельствует о датировке рассматриваемого комплекса около 1-й половины IV в.

В Селикса-Трофимовке представлена и выразительная подборка пряжек с выделенным окончанием язычка – геометризованным или зооморфным (рис. 8: 4, 20, 24, 25; см. также в параграфе 2 о пряжке из Покровского могильника – рис. 3: 42). В погребении 20 такая пряжка найдена с пряжками, имеющими длинную треугольную обойму с дисковидным концом, наконечником, украшенным крестом на площадке между фасетками (рис. 8: 19, 21, 22). Аналогичное сочетание представлено в погребении 117 из Рождествено V и схожих комплексах азелинской культуры, датированных около первых десятилетий IV в. (см. в параграфе 3).

Пряжки, имеющие длинный треугольный щиток с дисковидным концом, и наконечники, относящиеся к местным сериям переработок типа Н5 (рис. 8: 17–19, 21, 22, 31), имеют прототипы в позднесарматской культуре III в. Однако в рассматриваемых комплексах у пряжек более вытянутые пропорции щитка, наконечники обильнее украшены, иногда заметно сужаются к низу, что имеет аналогии в комплексах азелинской культуры IV в. и группе 2а женских комплексов культуры рязано-окских могильников, датированной около конца III – середины IV в. (Белоцерковская, 2007, рис. 9: 14, 24–28). Наконец, ряд пряжек имеет язычок и обойму, аналогичные экземплярам из рассмотренного выше погребения 8 в Селикса-Трофимовке. Все это определяет дату формирования ряда характерных черт местных стилей ременной гарнитуры около конца III – первых десятилетий IV в. Конечно же эти черты прослеживаются и позднее.

Следующий этап в развитии местной культуры представлен гарнитурами с крупными В-образными или близким им по оформлению пряжками, в ряде случаев дополняемых украшенными в схожем стиле накладками и наконечниками (рис. 7: 1–5, 12, 18, 26). Они близки наборам, характерным для группы Суворово в азелинской культуре (см. в параграфе 3), датируемой 1-й половиной – серединой / 3-й четвертью IV в., хотя и имеют черты, объяснимые местным производством большинства или всех этих вещей. К этому же времени принадлежат наконечники типа Н7 и их локальные переработки (рис. 8: 26, 32). Пряжка из погребения 85 Усть-Узы (рис. 7: 18) напоминает изделия эпохи «геральдических» стилей ременных гарнитур. Однако судя по публикации, она не полая и вполне вписывается в круг порой причудливых вариаций В-образных пряжек группы

¹⁶ Иногда ее называют «культура окских финнов». Базовые результаты исследования ее комплексов интересующего нас времени представлены в: Ахмедов, 2007; 2010; 2012; Ахмедов, Белоцерковская, 2007; Белоцерковская, 2007; 2015.

¹⁷ Раскопки М.Р. Полесских. Немало находок опубликовано В.В. Гришаковым (2008) в рисунках, более точных, чем в первых публикациях. В ряде случаев мной использованы и рисунки-эскизы А.К. Амброза (его фонд в Архиве ИА РАН), отличающиеся особой тщательностью в передаче деталей, и отчеты М.Р. Полесских о его раскопках (Архив ИА РАН).

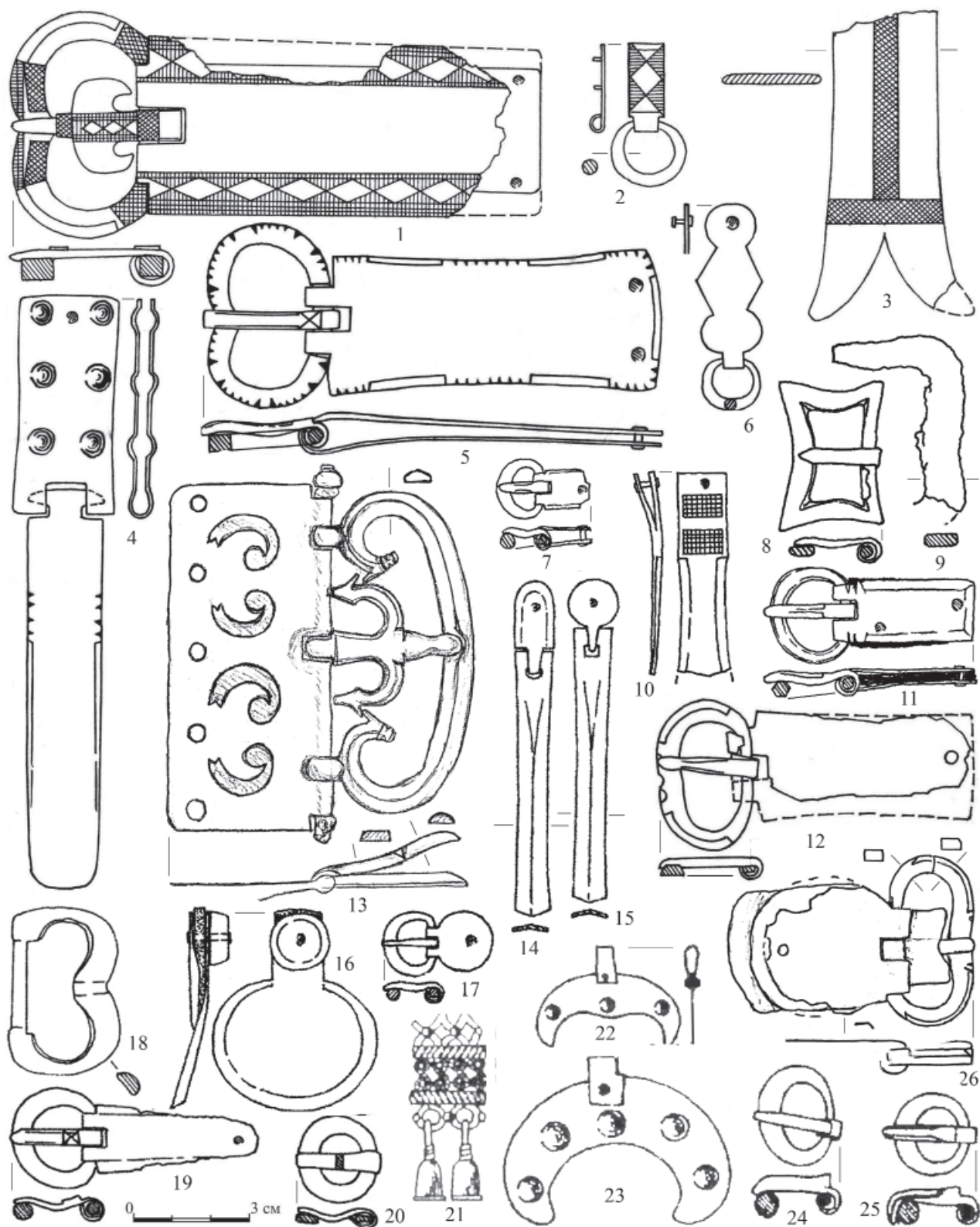

Рис. 7. Древнемордовская культура. 1–3, 12 – Селикса (1–3 – погр. 74; 12 – погр. 160); 4–6 – Селикса-Трофимовка, погр. 21); 7–11, 14–20 – Усть-Уза (7–11 – погр. 46; 14–17 – погр. 36; 18–20 – погр. 85); 13, 26 – Тезиково (13 – погр. 43; 26 – погр. 41); 21–25 – Степановка (21–23 – погр. 5; 24–25 – погр. 10).
1–6, 12 – по Гришаков, 2008; 13, 26 – рис. А.К. Амброза; 7–11, 14–20 – по Гришаков и др., 2017;
21–25 – по Гришаков, 2009

Суворово и схожих с ней, иногда напоминающих более поздние серии (например, рис. 5: 29). Такой хронологической атрибуции соответствуют и другие находки из этого комплекса (рис. 7: 18–20).

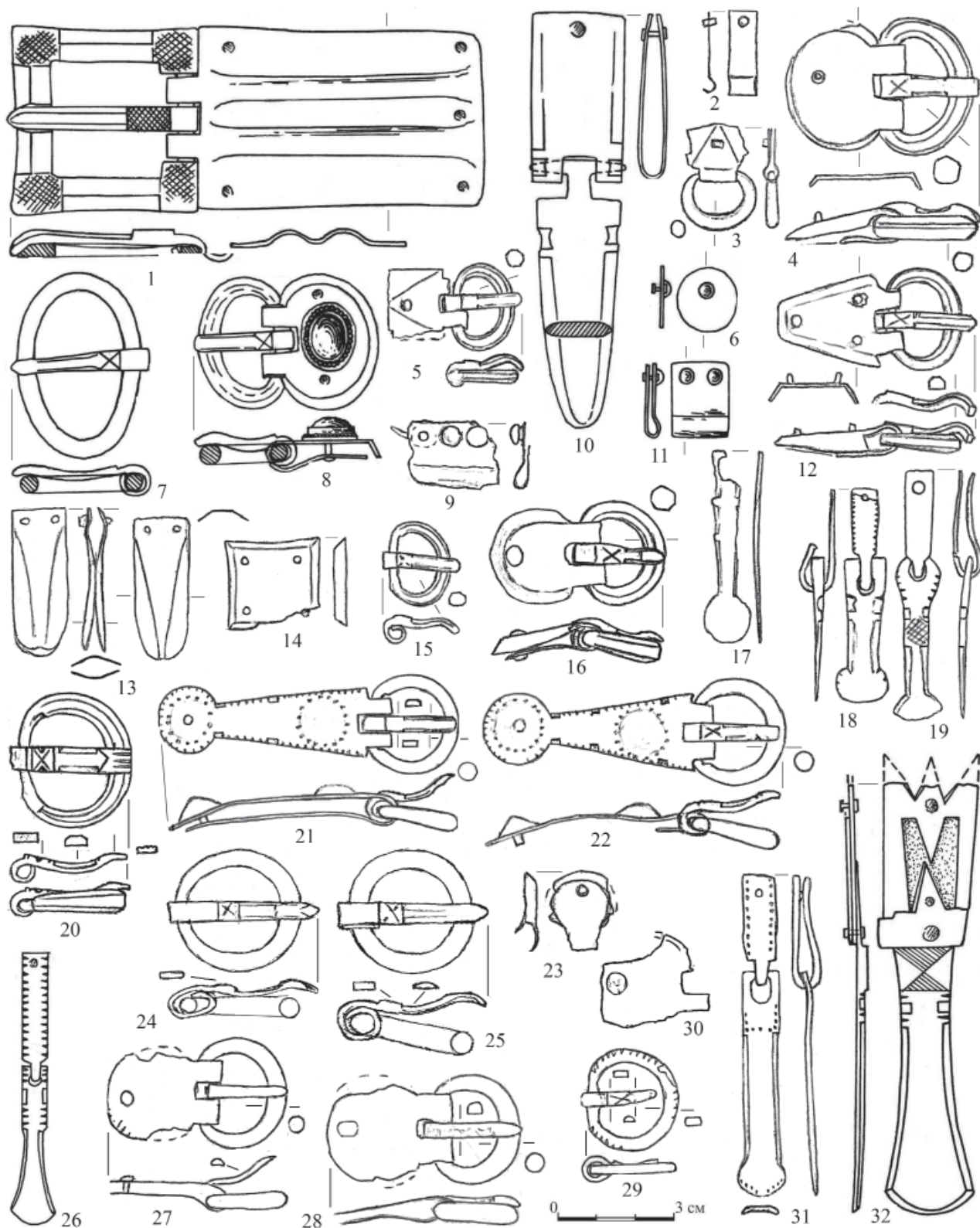

Рис. 8. Древнемордовская культура. 1–26 – Селикса–Трофимовка (1–15 – погр. 8; 16–23 – погр. 20; 24–25 – погр. 2; 26 – погр. 7); 27–32 – Тезиково (27–31 – погр. 21; 32 – погр. 56). 1, 6–8, 10–11, 26, 32 – по Гришаков, 2008; 2–5, 9, 12–25, 27–31 – рис. А.К. Амброза

Уникальна для Восточной Европы пряжка из погребения 43 в Тезиково (рис. 7: 13), связанная с позднеантичной традицией. Она вписывается в группу, появление которой маркирует ряд пря-

жек, имеющих провинциально-римские аналогии и прототипы, – В-образную рамку, выделенное окончание язычка. С ней же соотносится накладка с дуговидной верхней частью провинциально-рим-

ского-западногерманского круга из погребения 57 раскопок В.Н. Глазова в Кошибеево близ рассматриваемого региона (восток культуры рязано-окских могильников, близ впадения Цны в Мокшу), на которую обратил внимание Я. Шустер, опираясь на републикацию И.Р. Ахмедовым рисунков В.Н. Шитова (Shuster, 2017, Abb. 4: 16; Ахмедов, 2007, рис. 10: 12; Шитов, 1988, табл. IX: 5). Это захоронение относится к группе 2В мужских погребений культуры рязано-окских могильников по И.Р. Ахмедову, когда и здесь происходит формирование комплекса воинской субкультуры, включающего В-образные пряжки и другие инновации, т. е. к IV в. (Ахмедов, 2007, с. 142–143, 151, схема 1: 26, 36, 43–45, 59).

В.В. Гришаков отнес погребение 12 из Усть-Узы к началу V в., что вызвало справедливую критику (Ставицкий, 2017, с. 341). Дополним, что он опирался на исследование бус О.С. Румянцевой, где показано, что в обработанных ею коллекциях с интересующих нас памятников нет типов бус, показательных для конца IV в. и более позднего времени, кроме единичного случая – погребение 12 из Усть-Узы (Румянцева, 2010, с. 278–280, 284–286). Однако там же сказано, что такие бусы в других регионах известны и раньше. Судя по всему, в данном случае специфика бус погребения 12 относится к единичным исключениям из набора, показательного для локальной группы памятников, т. е. необязательно является четким хронологическим индикатором.

Как мы видим, на всех памятниках, упомянутых выше, нет комплексов, датированных позднее группы Суворово, нет и индикаторов, близких по времени Тураевским курганам (набору ТК-2). Т. е. финал использования этой группы могильников должен относиться к середине или 3-й четверти IV в., что близко точке зрения В.В. Гришакова, высказанной до публикации могильника Усть-Уза.

Единственное исключение, но как раз подтверждающее сказанное, – могильник Степановка (рис. 1: 8), где М.Р. Полесских исследовал компактный участок из 11 погребений. Материал полностью опубликован, насколько можно для старых раскопок, и датирован автором публикации в рамках 2-й половины (или последних десятилетий) IV – 1-й половины V в. (Гришаков, 2009). Очень важно здесь погребение 10 с набором пряжек (рис. 7: 24, 25), показательным для Тураевских курганов, в т. ч. набора ТК-2. Он свидетельствует, что отсутствие таких пряжек на других расположенных неподалеку памятниках, исследованных в немалом объеме, – не локальная специфика, а отражение хронологии местных древностей.

Наиболее богато погребение 5 (некоторые вещи см. на рис. 7: 21–23), датируемое бляхой (того же круга, что на рис. 6: 1, 2) не ранее группы 4 по В.В. Гришакову, чему не противоречит обломок пружинного аппарата фибулы черняховского круга. В погребении 6 найдено нагрудное украшение (рис. 7: 21), рассматриваемое как прототип изделий V в. (Гришаков, 2008, с. 108). В других комплексах представлены вещи, аналогичные описанным выше, или не исключающие схожую датировку. Находок, сопоставимых с группой Суворово¹⁸, или же несомненно V в. – нет. Судя по всему, в Степановке представлена группа погребений или компактный могильник, датируемый эпохой Тураевских курганов.

Более поздние материалы в регионе по ряду показателей связаны с предшествующими традициями, но представлены на других могильниках – типа Армиево. В Селиксе могилы III–IV в. и V/VI–VII в. по ориентировке и набору датированных вещей резко отличаются. Это заставляет присоединиться к М.Р. Полесских и В.В. Гришакову, писавших о расположенных на одном месте фактически двух некрополей: «Старшем» и «Младшем» Селиксенским, что подтверждают случаи перекрывания «старших» могил «младшими».

Итак, в верховьях рек Сура и Мокша в 3-й четверти IV в. стабильное развитие местной культуры прерывается, а возобновляется в V в. (в какой части этого столетия – особый вопрос, здесь не имеющий принципиального значения). В промежутке находится Степановка, с материалами, отражающими эпоху нестабильности и миграций, вероятно, соотносимые с некой «базой» – особой, как была в Тураево в эпоху курганов, или связанной с местными центрами, как Тарасово на севере мазунинской культуры, Тюм-Тюм в азелинской группе на юге бассейна Вятки.

5. Позднегладеновский круг памятников

Гладеновская культура располагается на востоке Камского региона (рис. 1: 46–54)¹⁹. Недавно ее средний и поздний этапы (1-я половина I тыс. н. э.) были обстоятельно рассмотрены М.Л. Перескоковым (Перескоков, 2018; 2020; 2022; там и ниже приведены и более ранние публикации, в т. ч. очень важные исследования О.А. Казанцевой). В рамках позднего этапа им различаются хронологические группы 2 (III – середи-

¹⁸ При том, что элитная воинская культура представлена. Например, из погребения 11 происходят обломки шлема и кольчуги, уникальные для памятников этого региона III–IV/V в.

¹⁹ Интерпретация некоторых памятников этого региона и их номенклатура у ряда исследователей отличаются (см. обзоры в: Казанцева, 2012, с. 52–55; Перескоков, 2018, гл. 1). Однако их своеобразие ни у кого не вызывает сомнений.

на IV в.) и 3 (3-я четверть IV – 1-я четверть V в.), а также горизонт/группа Тураево – Кудаш, практически синхронный группе 3²⁰. Группа 4 является переходной к культурам, уходящим в средневековье. Отмечается ее синхронность раннему периоду этих культур, хотя для финала гляденовских традиций дается дата V в. (или «не ранее рубежа V и VI в.»), а образование новых культур отнесено ко 2-й трети – концу V в.

Разработанная М.Л. Перескоковым хронологическая схема – одна из наиболее основательно фундированных в Камском регионе, и фиксируемая ею динамика смены комплексов во времени в целом не вызывает сомнений. Однако таблица сериации (Перескоков, 2018, рис. 93), конечно, требует упорядочивания, особенно внутри групп, что может дать и новую группировку – более дробную или с несколько другими границами групп. Главное же – незаслуженно краткой, эскизной осталось обоснование календарных датировок выделяемых периодов/групп (Перескоков, 2018, с. 100–105; 2017, с. 88–93; 2020, с. 38–39). Даты основываются главным образом на ряде деталей ременных гарнитур по материалам могильников. К ним и необходимо обратиться для более подробного рассмотрения реперных комплексов и находок.

К наиболее ранним принадлежит могильник **Краснояр** (рис. 1: 46; единственный полностью раскопанный и опубликованный)²¹. Из 144 исследованных здесь погребений часть относится к первым векам н. э., многие – без инвентаря или малопригодны для датировки и культурной атрибуции. В поздних погребениях представлены лишь три пряжки. Одна (рис. 9: 20) имеет слабо утолщенную спереди рамку и обломанный, довольно массивный язычок. Она наиболее близка не ранним вариациям типа П10, т. е. датируется едва ли ранее середины IV в. Сохранившаяся часть ее язычка очень напоминает экземпляр из могильника Кудаш (рис. 9: 6; подробнее о памятнике см. ниже), а остальные детали не препятствуют этому сопоставлению. В погребении 29 из Кудаша вместе с интересующей нас пряжкой встречена и гарнитура (рис. 9: 5), выполненная в полихромном стиле прикамского варианта серии Цибилум – Тураево (по: Красноперов, 2012), что соответствует набору ТК-1/2, (около 2-й половины IV в.). Что

²⁰ Разницу в обозначении их верхней хронологической границы – «начало» и «1-я четверть» V в. – понять трудно, как и различие «позднесарматского» и «предгуннского» комплексов вещей, на которые делится горизонт Тураево – Кудаш, что в виде оговорок признает и М.Л. Перескоков.

²¹ Казанцева, 2012; благодарю Ольгу Алексеевну Казанцеву за возможность работать с некоторыми находками этого памятника и могильника Кудаш I, а также за ряд консультаций.

касается остальных поздних пряжек, то, судя по публикации (Казанцева, 2012, табл. 20: 2; 54: 18), экземпляр из погребения 37 относится к типу П10 (не ранее 2-й четверти IV в.), но более архаичному, чем рассмотренному выше варианту, а пряжка из погребения 98 – ближе всего типу П9 (начал распространяться около конца III в.).

К показателям «V в.» на этом памятнике были отнесены граненая гривна и рубленный краснопеченочный бисер (Казанцева, 2012, с. 49, рис. 18: 19). Однако датировка гривен ромбического сечения V в. (концом IV – V в. по более поздней версии: Лещинская, 2014, табл. 96: 14), на которую опиралась О.А. Казанцева, не надежна. В Первомайском они встречены в погребении 13 вместе с пряжками типа П10, хоть и не самых ранних вариаций, а в погребении 25 с пряжкой, у которой язычок заменен пластинкой, мало пригодной для узкой датировки. Замок рассматриваемой гривны также не исключает датировку позднесарматским временем, чему есть масса примеров (например, в азелинской культуре – Лещинская, 2014, табл. 91: 1, 3, 4). Не дает искомой даты и рубленный краснопеченочный бисер – для узкой датировки требуется детальный анализ (включая технологический и, желательнее, химический) большой выборки с учетом локальной специфики. По гляденовской культуре такой работы мне не известно.

Как мы видим, индикаторов эпохи Великого переселения народов на этом памятнике нет, и его верхняя хронологическая граница вполне может быть ограничена 3-й четвертью IV в., что отмечено М.Л. Перескоковым (2018, с. 91). Да и О.А. Казанцева позднейшую хронологическую группу Красноярского могильника относит к IV–V в., а не именно к V в.

На могильнике **Верхний Ирьяк** (рис. 1: 48), раскопанном частично, 53 погребения известны лишь по описаниям характерного инвентаря и рисунком находок из некоторых комплексов (Коренюк, 2003; Перескоков, 2006; 2018, рис. 85). Пряжек в них не упомянуто; более поздних типов вещей, чем представлены в Красноярском могильнике, не отмечено. Весьма вероятно, что финал этого могильника относится к еще более раннему времени, чем Красноярского.

На могильнике **Кудаш I** (рис. 1: 47) раскопано не менее 352 погребений; исследования продолжаются. Опубликована лишь небольшая часть материала (Казанцева, 2022а; представительные выборки находок см. также в: Казанцева, 2004а; 2004б; 2009; 2016; Казанцева, Нагиев, 2017; в этих публикациях указана и другая литература). Этот памятник выделяется на фоне других близких по времени могильников региона не только размерами, но и богатством находок. Очевидно, что он

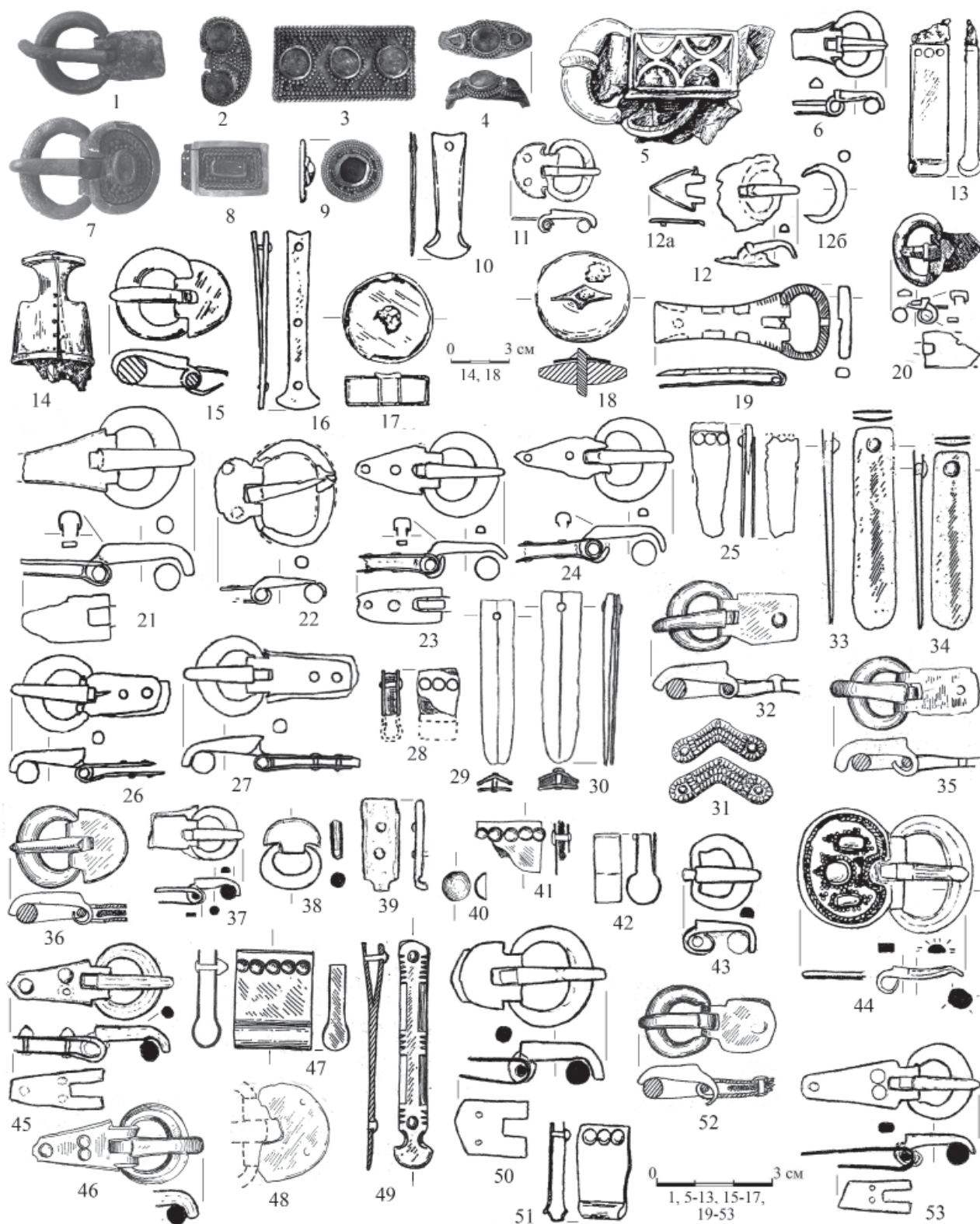

Рис. 9. Позднегладеновский круг памятников. 1–19 – Кудаш (1 – вне комплекса; 2–4 – погр. 141; 5–6 – погр. 29; 7–11 – курган 1, погр. 4; 12 – погр. 5; 13 – погр. 10; 14–17 – погр. 6; 18–19 – погр. 8); 20 – Краснояр, погр. 54; 21–25 – Качка, раскоп II/1959 (21–22 – погр. 2; 23–25 – погр. 3); 26–30 – Кала-Урын, курган 2, погр. 3; 31–53 – Броды (31 – курган 27, погр. 1; 32–35 – курган 16, погр. 1; 36–42 – курган 26, погр. 1; 43 – курган 7, погр. 4; 44 – курган 25, погр. 1; 45–49 – курган 17, погр. 2 (48 – «типа» этой); 50–53 – курган 16, погр. 2).

1 – предоставлено В.А. Бернц; 2–4, 7–9 – по Казанцева, 2009; 5 – по Казанцева, 2004а; 6, 10–12, 19, 21–25, 37–39, 42, 43, 45, 50, 53 – рис. И.О. Гавритухина; 13–18 – по Казанцева, 2004б; 20 – по Казанцева, 2012 с добавлением И.О. Гавритухина; 26–30 – по Перескоков, 2017а; 31–36, 40–41, 44, 46–49, 51–52 – по Голдина, 1986 (44 – с добавлением И.О. Гавритухина)

связан с военно-политическим центром, возможно, не только локальной группы.

Судя по доступным материалам, он начал функционировать не позднее 2-й половины III в. Этим временем или началом IV в. датируется богатое воинское погребение 160 (Казанцева, Нагиев, 2017), в котором, судя по публикации, господствуют пряжки типа П8, есть и П4, нельзя исключить П9, но явно нет П10. Хорошо представлены и комплексы, в т. ч. воинской элиты, близкие по времени Тураевским курганам, соответствующие как встреченному там набору ТК-2 (около 4-й четверти IV в.), так и ТК-1/2, допускающим немного более раннюю дату (рис. 9: 5–17). Есть погребения, в т. ч. с мечом, заполняющие хронологический промежуток между ними и наиболее ранними (например, рис. 9: 18, 19), что позволяет говорить о стабильном развитии Кудашевского центра (включающего субкультуру воинской элиты), как минимум, на протяжении всего IV в.

Пряжка с «хоботовидным» язычком (рис. 9: 1) относится уже к «посттураевскому» горизонту. Не исключено, что близкий этой стилистике язычок представлен на пряжке из погребения 5 (рис. 9: 12). Даже если он принадлежал типу П-11, появившемуся чуть раньше (в период наборов ТК-2), отметим его сработанность. К поздним на могильнике относится и погребение 141, судя по обильной зерни на ряде вещей (рис. 9: 2–4; см. ниже параграфы 7 и 8), и «жертвенный комплекс», судя по «серьге» (Казанцева, 2009, с. 71, фото 2/12: 4; 2/22–23). Следовательно, и для некоторых комплексов, близких по времени Тураевским курганам, не исключена дата более поздняя, чем определяется для Тураево пересечением периодов существования наборов ТК-1 и ТК-2.

Важно отметить, что в Кудаше I есть и занимающие компактный участок подкурганые захоронения. Это отличает памятник от могильников этого же региона, рассмотренных выше, и соседней мазунинской культуры. Причем с курганами в Кудаше связаны не только воинские мужские погребения (рис. 9: 7–11), как в Тураево, но и богатое женское (Казанцева, 2009, с. 70–71, фото 2/24; 2022а, с. 194–195, рис. 3, 7) с пряжкой, вероятно, положенной как дар.

К опорным для нашей темы относится и могильник **Мокино** (рис. 1: 49). Здесь исследовано около 250 погребений, из которых опубликована лишь выборка²². С другой стороны, эти материалы активно задействованы в разработке одного из авторов раскопок М.Л. Перескокова, убедитель-

но показавшего, что в значительной части этот могильник синхронен Кудашевскому, но функционировал и позднее, чем исследованная часть последнего (Перескоков, 2018, с. 92–93, 99–103, рис. 86, 93).

Группа **Кала-Урын – Броды** была намечена М.Л. Перескоковым (2017) по этим памятникам, опорным для выделения наиболее раннего «горизонта»²³ группы 4, который частично синхронен, но в целом сменяет выделенный этим же специалистом горизонт Тураево – Кудаш. Согласно концепции этого автора, древности круга Кала-Урын отражают период формирования между рубежом IV/V и серединой V в. неволинской и ломоватовской культур, оформившихся между 2-й третью и концом V в. на местной основе при участии быстро ассимилированных небольших пришлых военных отрядов, появление которых маркирует культурно-хронологический горизонт Тураево – Кудаш (Перескоков, 2017; 2020). Ряд деталей этой стройной концепции можно уточнить.

Начнем с того, что не стоит, вслед за рядом других исследователей, акцентировать внимание на «приток ... тяжеловооруженных воинских групп». Если отвлечься от неоднозначности термина «тяжеловооруженные», элитные воинские группы, имеющие доспехи, известны в Камском регионе, включая Кудашевский могильник на его востоке, не позднее начала IV в. и существовали на всем протяжении этого столетия. Причем комплекс их вооружения с самого начала состоял как из импортного оружия или его имитации, так и местного компонента, включавшего, наряду с широко распространенными типами изделий, «косы» и другие вещи, специфичные только для Камского региона.

Согласно М.Л. Перескокову, воинские группы на Мокинском могильнике фиксируются не позднее 2-й половины III в. Появление «с 3-й четверти IV в.» разнородных элементов ременных гарнитур объясняется еще одной (или не одной – не ясно) миграцией. Но куда делась уже сформировавшаяся воинская прослойка? Почему инновации не могут быть связаны с ее деятельностью? Показательно, что эти «миграции» предстают безликими «отрядами» и «волнами». Не указано ни одного конкретного комплекса пришельцев, что лишь оправдывается автором концепции их малочисленностью и быстрой ассимиляцией в местной среде. Но едва ли это могло стать стрижнем про-

²³ Комплексы, синхронизируемые М.Л. Перескоковым с находками из Кала-Урына, несколько отличаются хронологически, поэтому лучше употреблять термин не «горизонт», а «группа» (в основном хронологическая, не исключая культурную специфику), в которой могут выделяться этапы/фазы. Это касается и «горизонта» Тураево – Кудаш, длившегося, по М.Л. Перескокову, более 60 лет.

²² Коренюк и др., 2011; Перескоков, 2018; там литература. С частью неопубликованных материалов удалось ознакомиться благодаря любезности Михаила Львовича Перескокова.

цессов, которые справедливо фиксируются всеми специалистами как смена археологических культур.

Важным результатом работ М.Л. Перескокова является то, что поздняя гляденовская культура предстает весьма сложно структурированным и динамичным явлением, и основой формирования новых культур Восточного и Северного Прикамья стали ее традиции и зародившиеся в ней процессы. Из такого подхода следует, что уже вызванные локальными причинами рост населения и борьба за ресурсы порождали конфликты и «внутренние» миграции, обусловившие необходимость военизированных элит местного населения. Это не исключает значимость внешних контактов «гляденовцев» и приток населения из других регионов (как минимум, из ареала соседней мазунинской культуры, когда она переживала коллапс – см. выше параграф 2), но указывает, что внешние факторы не стоит преувеличивать.

Согласно периодизации М.Л. Перескокова получается, что финал гляденовской культуры фиксирует один «горизонт», а начало формирования неволинской и ломоватовской культур – другой. Однако по его же наблюдениям это был единый процесс. Переломным моментом в нем практически все исследователи считают массовое появление в регионе многочисленных новых могильников, включающих подкурганые и грунтовые захоронения. Нередко их относят к типу Харино, однако критерии его выделения предлагались весьма разные. Во избежание путаницы или сложных терминологических конструкций, наиболее ранние комплексы курганно-грунтовых могильников Северо-Восточного Прикамья и еще более северных земель (рис. 1: Д) целесообразно обозначить новым термином – «Кала-Урын – Броды», развивая наблюдения М.Л. Перескокова (2017).

Термин «Тураево – Кудаш» неудачен по нескольким причинам. Могильник Кудаш не опубликован, за исключением отдельных вещей и единичных комплексов. В Тураево (очевидно, что имеется ввиду курганный могильник) выделяются три хронологические группы инвентаря и узкий период их сосуществования, определяющий дату памятника (см. введение к данному разделу). Что из этого было «ориентиром» при конструировании рассматриваемого термина – не ясно. Корректировки требуют и хронологические выкладки М.Л. Перескокова.

Для группы Тураево – Кудаш реперными названы «пряжки с плотно прилегающим язычком, не выходящим за середину рамки» (Перескоков, 2020, с. 38). Эти характеристики соответствуют пряжкам типа П10, распространившимся со 2-й четверти IV в. (в принципе не исключая и появив-

шиеся еще раньше некоторые типа П9), но бытующих и в V в., а на некоторых территориях и в VI в. Для нашей темы важно то, что подобные язычки не чужды пряжкам из комплексов, относимых по М.Л. Перескоковым к кругу Кола-Урын (рис. 9: 26, 32, 52, 53).

«Двускатные» наконечники, названные среди индикаторов комплексов круга Кала-Урын (рис. 9: 29, 30), есть и в Тураевских курганах. Хронологическое значение числа заклепок на наконечниках с валиком (рис. 9: 13, 25, 28, 41, 47, 51) фактически опровергнуто самим М.Л. Перескоковым, приведшим в более поздней работе среди индикаторов группы Тураево – Кудаш наконечники с 5 заклепками, аналоги которым ранее им же считались типологически более поздними, чем те, что характеризуют горизонт Кала-Урын (Перескоков, 2020, рис. 4: 12–14, 16; 2017, с. 88). Таких наконечников нет в Тураевских курганах, но они не чужды близким им по времени и даже более ранним комплексам (например, рис. 3: 7; 4: 10, 11; 8: 9).

Ряд индикаторов горизонта Кала-Урын (щитки накладок с подвесным кольцом, относимые к сасанидской традиции, наконечники с секировидным концом – рис. 9: 10, 16, 38, 49) не отличает его от группы Тураево – Кудаш и по признанию М.Л. Перескокова (2017, с. 88–89; 2020, рис. 4: 1, 6, 15, 22–24).

Показателен Калашниковский могильник, сначала убедительно поставленный в тот же контекст, что Кала-Урынский, а позднее включенный в список памятников группы Тураево – Кудаш, вместе с Качкой и другими ранними для региона курганными могильниками (Перескоков, 2016; 2020, с. 38). Отметим, что и гарнитуры из Качки (например, рис. 9: 21–25) явно близки пряжкам и наконечникам из Кала-Урына.

Наличие Красноярского могильника в списке группы Тураево – Кудаш (Перескоков, 2020, с. 38) лишь декларировано. На позднюю дату (не исключаящую и 2-й четверти IV в.) здесь указывают лишь 2 пряжки (см. о них выше при характеристике этого могильника), а 2 меча встречены в комплексе, который узко не датируется, и вне комплекса. Очевидно, что наличие здесь «горизонта» военизированных «пришельцев» группы Тураево – Кудаш недоказуемо, скорее – маловероятно. Еще более странным выглядит упоминание погребения 8 из Кудаша (Перескоков, 2020, с. 38, рис. 4: 10, 25). Халцедоновый диск отсюда (рис. 9: 18) датируется широко, что признает и М.Л. Перескоков, а пряжка (рис. 9: 19) принадлежит кругу прототипов или ранних вариаций пряжек из гарнитур типа Суворово и близких им (например, рис. 5: 40; 7: 5), что и определяет дату не позднее 1-й половины IV в. (см. выше параграфы

3 и 4). Этот набор как раз интересен тем, что показывает существование гляденовских воинов до «пришельцев группы Тураево – Кудаш». Симптоматично и то, что погребение 8 в Кудаше грунтовое, а в Краснояре курганов нет вообще.

Как мы видим, если не считать предметы, встреченные 1–2 раза, и учесть оговоренные правки, большинство комплексов группы Кала-Урын – Броды (если рассматривать ее как раннюю харинскую), оказывается практически синхронным группе Тураево – Кудаш, причем датируются они не ранее, чем Тураевские курганы, т. е. отрезок «3-я четверть IV в.» следует исключить из их хронологических рамок. Наименование «Кала-Урын – Броды» предпочтительнее еще и тем, что точнее обозначает новую эпоху именно в рассматриваемом регионе, без навязываемой терминологией привязки к Прикамью в целом.

В подборке аналогий находкам из Кала-Урын, представленным М.Л. Перескоковым (2017), бросается в глаза обилие пряжек с вытянутым по оси симметрии треугольным или трапециевидным щитком. Этот акцент усиливается, если привлечь и ряд других памятников (рис. 9: 21, 23, 24, 26, 27, 45, 46, 53; Перескоков, 2018, рис. 38: 22; 39: 1–11, 15–28, 32–36, 38, 39). Аналогией ему является «югомашевская триада» на памятниках с севера Башкирии (подробнее см. в параграфе 2), включающая, кроме таких пряжек, «серьги» харинского типа, получившие распространение и в поздне-/постгляденовском ареале (как на рис. 3: 37; 10: 29; см. Перескоков, 2018, рис. 31: 4–11), и угловидные нашивки, дериватами которых, возможно, являются угловидные нашивки из Бродов (рис. 9: 31; ср. рис. 3: 16).

Расцвет «югомашевской триады» относится ко 2-й половине IV в., включая ее 4-ю четверть – эпоху Тураевских курганов, а м. б. и приходится на нее. В гляденовском ареале, судя по явной соотношенности таких вещей с могильниками, включающими курганы, такие вещи появились не ранее Тураевской эпохи (до 4-й четверти IV в. в Камском регионе севернее Уфы достоверных курганов вообще не известно). Если дата Югомашево и Старо-Кабаново не заходит в V в., то находки из Бирска показывают длительное существование этой традиции, маркируемой «югомашевской триадой», что хорошо видно и в поздне-/постгляденовском ареале. Вполне вероятно, что выходцы из северобашкирских земель приняли участие в формировании части населения, представленного группой Кала-Урын – Броды.

На некоторых памятниках рассматриваемых регионов «югомашевская триада» представлена слабо или не фиксируется вообще, хотя там есть материалы этого же времени (от ТК1 до ТК-2). В

башкирской зоне показателен могильник Старая Мушта, где «югомашевская триада» отсутствует, а в синхронных комплексах расположенного неподалеку Старо-Кабаново хорошо представлена (рис. 1: 38, 39; подробнее см. в параграфе 2). Очевидно, что наличие/отсутствие «югомашевской триады» зачастую является показателем «культурной ориентации» определенной группы населения, а не хронологической разницы. Однако направление связей может меняться, и в таких случаях вещи, фиксирующие эти связи, могут быть хронологическими индикаторами. Например, в Мокино, судя по выкладкам М.Л. Перескокова (2018, рис. 86), пряжки с длинным щитком появляются позднее горизонта, синхронизируемого с Тураевскими курганами.

Особенности ременных наборов прослеживаются и по ряду других синхронных памятников. Например, в Тюм-Тюме на Вятке нет пряжек с длинным треугольным или трапециевидным щитком, хотя в азелинских памятниках той же зоны есть прототипы и ранние вариации этого элемента «югомашевской триады» (например, рис. 4: 34; 5: 34). В Тураево нет широко распространенных наконечников с валиком на конце и тремя или более крепежными заклепками. Зато нередкие в Тюм-Тюме и Тураево пряжки с очень сильно утолщенной калачевидной рамкой необычны в сочетании с «югомашевской триадой». Пряжка же из Юванья (рис. 12: 44), если это изображение верно, является единичным исключением или локальной особенностью. Систематическое изучение намеченных и, наверно, других групп синхронных гарнитур в будущем, несомненно, создаст новый источник для понимания истории региона.

К приведенным примерам добавлю, что в комплексах круга «югомашевской триады» очень редко встречаются пряжки типа П11 (с язычком, охватывающим рамку практически на всю ее высоту). На пряжках с длинным щитком язычки, показательные для П10 (рис. 9: 21, 23, 24, 26, 27, 32, 46, 53), сменяются хоботовидными (как на рис. 9: 35). Вариацию пряжек, у которых «язычки несколько удлинились, они менее прижаты к рамке, но выступают за середину рамки незначительно», справедливо отмеченную М.Л. Перескоковым (2017, с. 89), можно рассматривать как типологически промежуточную между П10 и пряжками с хоботовидным язычком. Возможно, она отражает влияние первых хоботовидных образцов, но нельзя исключить и того, что является реальным эволюционным звеном от пряжек П10 непосредственно к хоботовидным.

Рассматривая Восточнокамский регион, следует остановиться и на выделенных А.А. Краснопоровым (2013) полихромных гарнитурах при-

камского варианта серии Цибилум – Тураево, датируемых в пределах середины – 2-й половины IV в. Одна из таких пряжек (рис. 12: 13), судя по планиграфии Мокино, предложенной М.Л. Перескоковым (2018, рис. 86), относится к «докурганной» зоне могильника и может датироваться ранней частью указанного хронологического отрезка. Дату второй находки – гарнитуры (рис. 9: 5) – по доступным мне сведениям сузить нельзя. Она происходит из грунтового погребения, что дает возможность предположить и здесь «докурганную» датировку. Вероятно, в отношении этих гарнитур М.Л. Перескоков прав, противопоставляя их находкам, аналогичным Кала-Урыну. Правда, вторая пряжка этого круга из Кудаша (Казанцева, 2022а, рис. 3: 7) и такие же гарнитуры из Тураево относятся уже к эпохе курганов. Возможный вариант сведения этих данных в единую картину предложен ниже (см. параграфы 7 и 8).

Итак, появление военизированных групп в гляденовской культуре документировано со времени, не позднее 2-й половины III в., причем с элитным вооружением – тогда же или чуть позже, но не позднее начала IV в. Схожие процессы – формирование местной воинской элиты под сильным сарматскими влиянием – прослеживаются и в других частях Камского региона. Нет оснований связывать это с миграциями. Этот процесс порождало местное общественно-экономическое развитие, наряду с интенсификацией контактов местного населения. Понятно, что эти факторы усиливали друг друга. Нет оснований предполагать для гляденовской культуры особый характер развития (определяемый толчками извне), хотя схожие процессы, конечно, везде имели свои ритмы и другие особенности.

Судьбоносный перелом в истории Северо-Восточного Прикамья маркирует группа Кала-Урын – Броды. Наряду с внутренними процессами, ее формирование обусловлено новой структурой дальних связей, соотносимых с освоением гуннами Волго-Уральского региона и их дальнейшей экспансией с использованием местного потенциала. Судя по всему, имели место и миграции, как минимум, носителей мазунинской культуры. Особенно тесные связи устанавливаются с населением земель Северной Башкирии, откуда его часть, наверное, мигрировала на север. В итоге гляденовское и пришлое население освоило огромные территории на востоке и севере бассейна Камы, где сложились неволинская и ломоватовская культуры, а отдельные группы двинулись еще дальше на север, став важным компонентом формирования вандвиздинской культуры.

Эта переломная эпоха в основном синхронна Тураевским курганам (4-я четверть IV в.), захва-

тывая и чуть несколько позднее время. Наряду с распространением курганного обряда и других инноваций, для нее показательным сочетанием инвентаря, представленного в наборе ТК-1/2, «югомашевской триаде» и других комплексах этого времени (рис. 9: 21–28, 36–42, 45–49, 51–53), наряду с инновациями, фиксируемыми набором ТК-2 (рис. 9: 29, 30, 43, 50).

Следующий хронологический этап группы Кала-Урын – Броды²⁴ маркируют появление у пряжек «хоботовидных» язычков (рис. 9: 1, 35), постепенная утрата наконечниками «мечевидности», появление на них расширения в нижней части (рис. 9: 33, 34; Голдина, 1986, табл. 7: 15, 16). Список инноваций может быть продолжен.

Полученная картина наиболее близка первоначальным наблюдениям Р.Д. Голдиной (1991) о периодизации Бродовского могильника, чем ее же более поздним, и М.Л. Перескокова. Ранний этап группы Кала-Урын – Броды в целом близок группе А и отчасти Б, намеченным Р.Д. Голдиной, поздний – группе В, отчасти Б и Г. Некоторые комплексы, судя по доступным изображениям и/или общему контексту памятника, трудно однозначно отнести к выделяемым этапам, возможно, некоторые из них – переходные. Более существенны расхождения в календарных датировках. Ранний этап должен датироваться около 4-й четверти IV в. (близко по времени Тураевским курганам), поздний – начинаться, вероятно, около рубежа IV и V в. Вопрос о верхней хронологической границе группы Кала-Урын – Броды для нашей темы не важен, т. к. поступательное развитие культуры региона на этой основе общепризнанно.

Отмеченные хронологические реперы позволяют обратиться к рассмотрению памятников Восточного Прикамья и связанных с ним регионов **в пространстве** (рис. 1: 46–57). Очевидно, что в основном М.Л. Перескоков прав, фиксируя в регионе существенные изменения в эпоху Тураевских курганов (т. е. в начале группы Кала-Урын – Броды), как и в том, что эти изменения растянулись во времени.

На рядовых могильниках юга региона, функционировавших и в первых веках н. э. (Верхний Ирьяк, Краснояр), нет ни хронологических индикаторов, ни следов культурных изменений, связанных с группой Кала-Урын – Броды (рис. 1: 46, 48). Однако выделяющийся богатством могильник Кудаш (рис. 1: 47), судя по единичной хоботовидной пряжке (рис. 9: 1), существовал до начала ее второго этапа. Возможно, в данном случае мы имеем

²⁴ Речь о нем идет для контраста с более ранним; здесь нет возможности и нужды его подробно рассматривать и иллюстрировать.

дело с прекращением функционирования рядовых могильников, но сохранением на некоторое время баз, связанных с центрами местной элиты, подобно Тарасово в удмуртском ареале мазунинской культуры, Тюм-Тюму в азелинской культуре южной части бассейна Вятки, Степановке в древнемордовской культуре верховий Суры (см. выше параграфы 2–4). Объяснение финала этих могильников экологическим кризисом, о чем пишет М.Л. Перескоков, не противоречит сказанному – военный и природный факторы лишь усиливали последствия друг друга.

Единственный памятник, где прослеживается развитие от хронологической группы 2 до, по крайней мере, 2-й половины V в. (поздняя часть хронологической группы 4 по М.Л. Перескокову, или бродовский этап неволинской культуры по Р.Д. Голдиной), – могильник Мокино. Судя по всему, он связан с довольно крупным центром, сопоставимым с тем, что представлен могильником Кудаш. Спектр связей этих центров, явно контактировавших друг с другом и, наверное, с подобными им, довольно близок. Показательно наличие в них ременной гарнитуры прикамского варианта серии Цибилум – Тураево (рис. 1: Е3). На обоих представлена и группа Кала-Урын – Броды. Только последствия процессов, начавшихся в эту эпоху, в Мокино сказались иначе, чем в Кудаше. Во всяком случае, вещей, столь же поздних, что есть в Мокино, в Кудаше, да и во всей связанной с этим памятником области (осинский локальный вариант по М.Л. Перескокову), не найдено.

Группа Кала-Урын – Броды маркирует начало формирования новых культур на огромных пространствах не только в Пермском Прикамье, но и намного севернее – до бассейна Вычегды (рис. 1: 55–57). Вероятно, не случайно, что в этом регионе найдены и самые северные «гунские» котлы (рис. 1: 58, 59). В это же время или несколько позднее миграция с юга охватила и бассейн Печоры (см. обзор памятников в Археология..., 1997, ч. 6, гл. 1). На западе культурно близкое население участвовало, как минимум, в формировании поломской культуры в верховьях Чепцы (Иванов, 1999).

Ранний этап этих культур многие исследователи объединяют в «группу», «этап», «феномен» **Харино**. Кроме распространения курганов, их характеризуют специфичные стили ременных гарнитур и серёг, тоже получивших название «харинские».

Характеристика истока полихромных стилей харинских ременных гарнитур (см. его образцы: Голдина, 2022г, рис. 20: 24, 41, 42) как «сарматских», получившая широкое распространение после статьи Ф.В. Овчинникова (2005), не точна. Полихромные изделия с зернью, известные на па-

мятниках позднесарматской культуры Волго-Уралья, весьма гетерогенны (например, рис. 10: 11–13, 16, 18). Очевидно, что они одновременны и связаны с несколькими центрами за пределами позднесарматского ареала (Красноперов, 2019). Лишь часть из них получила распространение в группе Кала-Урын – Броды, и только часть последних можно рассматривать в контексте круга прототипов харинских поясов. Показательны прямоугольные накладки и небольшие накладные украшения щитков пряжек, украшенные некрупными кабошонами и довольно обильной зернью (рис. 9: 2, 3; 12: 43, 45, 46), как и широкие наконечники с валиками (рис. 9: 41, 47), ставшие элементами харинской «классики». При этом остается не ясным, можно ли говорить о прямой преемственности в Прикамье и на Вычегде от указанных гарнитур круга Кудаш – Юваняг к стандартным харинским поясам классического облика, или они отражают два импульса из некоего центра, расположенного вне рассматриваемого региона.

Нет безусловных оснований связывать с сарматами и появление в Приуралье серии калачевидных подвесок/«серёг» харинского типа (рис. 3: 37; 10: 29; Мингалев, 2006; Перевозчикова, 2009, рис. 2: 1, 2; 3: 3; 4: 16–18, 22–30; Перескоков, 2018, рис. 31: 4–11), наиболее ранние из которых представлены в группе Кала-Урын – Броды (Казанцева, 2009, фото 2.23; Перескоков, 2018, рис. 94б: 33, 39; и, вероятно, некоторые другие). В позднесарматской культуре бытовали подвески/«серьги» других типов (рис. 10: 37, 39; Малашев, Кривошеев, 2022, рис. 8: 1–3; Перевозчикова, 2009, рис. 3²⁵: 4–12; 4: 1–4, 8–10, 12, 15, 20, 21; информация В.Ю. Малашева). Лишь находка в кургане 2 из Байрамгулово в Южном Зауралье (Перевозчикова, 2009, рис. 2: 7; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 5: 3) схожа с рассматриваемыми харинскими, но отличается более узким «калачом» и датируется III в. Эта дорогая вещь, как и некоторые другие, отражала единичные поступления из азиатских центров, в данном случае, возможно, близкого тому, откуда значительно позднее шли прототипы харинских «серёг».

Итак, перемены на востоке Камского региона и севернее него были очень масштабными, и в эпоху ТК-1/2 (середине – 2-й половине IV в.) только начинаются. Радикальные же изменения в этих культурах и массовые миграции (подчеркну, что местного – камского – населения) набирают силу приблизительно в 4-й четверти IV в. или чуть позднее, но связаны с иным культурным импульсом (см. подробнее ниже параграфы 7 и

²⁵ На этом рисунке подписи с № 11 сдвинуты на один пункт.

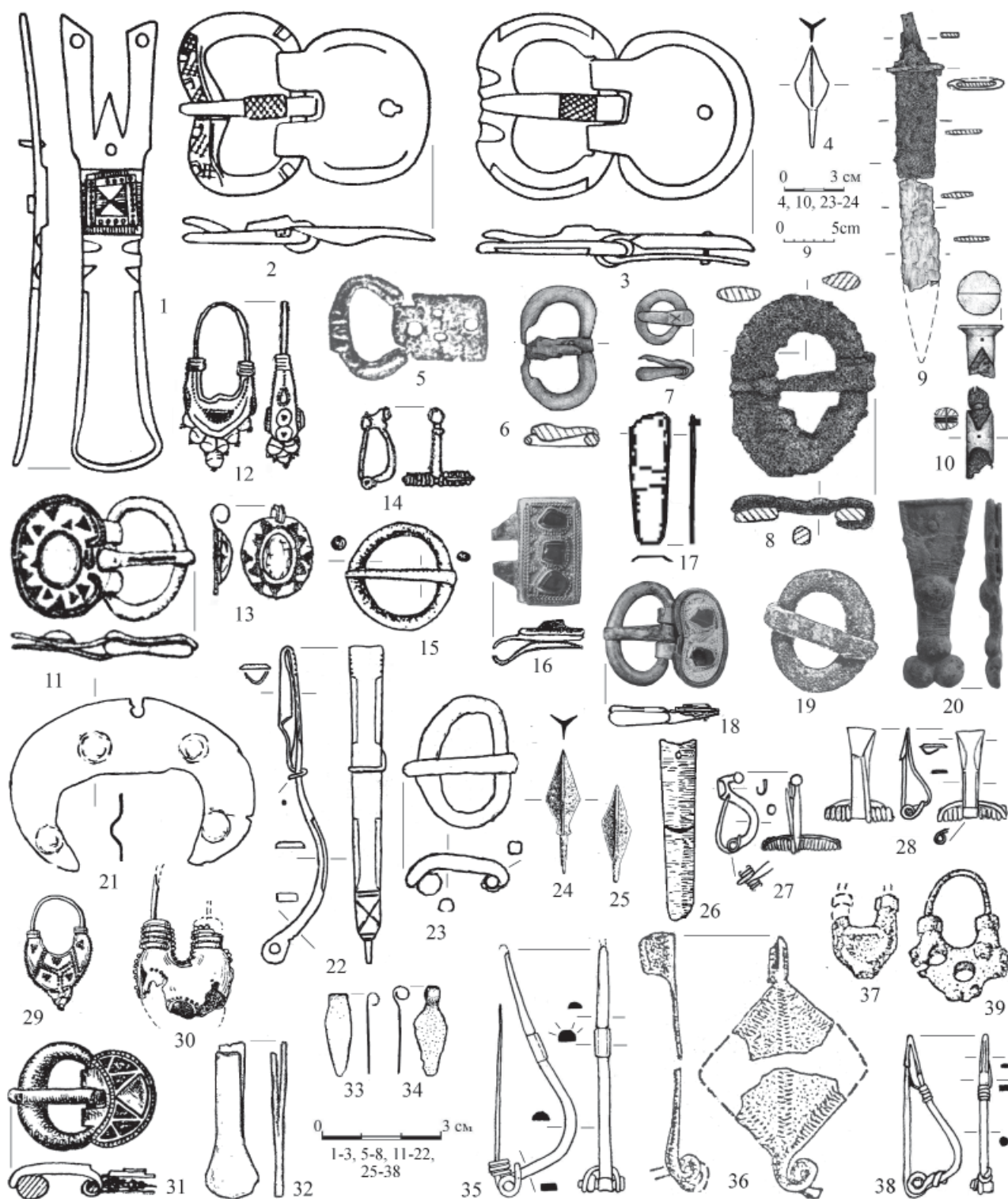

Рис. 10. Позднесарматская культура и ее соседи. 1–4 – Суслы (1 – курган 58; 2–3 – курган 69; 4 – курган 51); 5 – Молчановка, курган 2; 6–10 – Таксай I, курган 4, погр. 1; 11–15 – Большая Дмитровка (11 – курган 16, погр. 3; 12–15 – курган 3, погр. 1); 16–18 – Абганерово II (16 – курган 13, погр. 1; 17–18 – курган 33); 19 – Сайхин, курган 4; 20 – Старая Майна 2, погр. 18; 21–25 – Лбище; 26–28 – Гулюково (26 – погр. К-1999; 27–28 – погр. 35); 29–31 – Дежнево (30 – курган 5; 31 – курган 18, погр. 1); 32–34 – Салихово (32 – курган 35; 33–34 – курган 7); 35–39 – Дербенёвка (35 – курган 17; 36–39 – курган 20)
1–4 – по Скрипкин, 1998; 5, 19 – по Синецын, 1959; 7–10 – по Кривошеев, Лукпанова, 2015; 11 – по Матюхин, 1997; 12–15 – по Матюхин, 1992; 16 – по Дьяченко и др., 1995; 16, 18 – фото по Мордвинцева, Хабарова 2006; 17–18 – по Дьяченко, 1999; 20 – фото Д.Г. Бургова; 21–23, 27–28 – рис. И.О. Гавригухина; 24–25 – по Матвеева, 2000; 26 – предоставлено Н. Капленко; 29 – по Перевозчикова, 2009; 30–31 – по Пшенечнюк, 1968; 32–34 – по Васюткин, 1986; 35, 38 – по Малашев, 2014; 36–37, 39 – по Пшеничнюк, 1992

8), представленным группой Кала-Урын – Броды (раннего Харино). Ее формирование, несомненно, происходило на основе местных традиций и различных привнесенных компонентов. Элитная составляющая новых культур явно связана с рядом азиатских центров, контакты с которыми имели в более раннее время и некоторые позднесарматские группы. Вероятно, эти связи не раз прерывались, затем возобновлялись. Реконструкция этих ритмов требует особого исследования и огромной подготовительной работы.

6. Позднесарматская культура и ее соседи

Позднесарматская культура в уральских и прилегающих к ним казахстанских степях, как показано В.Ю. Малашевым, датируется не позднее конца III в., а хронологическая система, созданная им на этих материалах, является базовой для понимания других позднесарматских групп и культур, активно контактировавших с ними (Кривошеев, Малашев, 2016; Малашев, 2009, с. 49–50; Малашев, Кривошеев, 2022; Малашев, Яблонский, 2008). При этом следует помнить, что для ряда типов или вариантов вещей, зафиксированных в сарматских комплексах этого времени, не исключено и более позднее бытование, даже изготовление, учитывая, что эти производственные центры могли продолжать функционировать и после коллапса южноуральской группы позднесарматской культуры.

Основания для датировки, «заходящей» в IV в., имеет расположенный на крайнем западе южноуральско-казахстанского ареала комплекс из Таксяя (рис. 1: 65). Это отметили и авторы его публикации в связи с В-образной пряжкой (рис. 10: 6), однако они все же отнесли комплекс ко 2-й половине III в., признавая, что тогда эта пряжка является среди вещей этого типа наиболее ранней из известных (Кривошеев, Лукпанова, 2015).

Вопрос о появлении В-образных пряжек в Волго-Уралье остается открытым – ясно лишь, что они не вырастают из местных традиций. На Дону и Северном Кавказе в III–IV в. таких пряжек нет. Расположенной западнее черняховской культуре середины III – начала V в. они чужды. В Крыму В-образные и схожие сильно вытянутые по вертикали овальные пряжки датируются не ранее середины IV в. (Юрочкин, Труфанов, 2009, с. 369–370, XI-47; Гавритухин и др., 2020, с. 238). В Центральной Европе (т. н. Свободной Германии) они – среди индикаторов ступени C3 (по: Tejral, 1992) или D (по: Godłowski, 1970), т. е. не ранее 310–320 гг. или середины IV в., на основе чего датируют и поздние памятники киевской культуры в лесном и лесостепном Поднепровье. В-образные пряжки из европейских провинций Римской империи, по-видимому, ставшие прототипами центральноев-

ропейских, датируют не ранее IV в. (Keller, 1971, с. 45–52, 58–62, Abb. 18: 3, 4; 23: 2, 3; Sourpault, 2003, р. 42–44). При этом, и здесь непонятно их происхождение. Возможно, появление таких пряжек почти синхронно, зафиксированное пока в Волго-Уралье и на западе Римской империи, связано с импульсами из Переднего или Среднего Востока. Правда, доказательств этому нет, и данная гипотеза – не более, чем ссылка на малоизученные регионы методом исключения лучше известных.

В Дербенёвке (рис. 1: 63) в верховьях Белой нет ремешковых гарнитур IV в., но найдены две прогнутые подвязные фибулы (рис. 10: 35, 38), датируемые не ранее конца III в. (Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019, с. 177–178). Остальные находки этого могильника, в т. ч. найденные с одной из этих фибул (рис. 10: 36–39; вторая происходит из комплекса без датируемых находок), не отличаются от тех, что обычны в позднесарматской культуре. По-видимому, позднейшие комплексы из Дербёневки не исключают «заход» в IV в., но ненамного.

К индикаторам IV в. в позднесарматской культуре Поволжья (рис. 1: 66–68) относятся поясные гарнитур из Сусловского могильника (рис. 10: 1–3), аналогичные находкам в верховьях Суры (рис. 7: 1, 12, 26; 8: 32). В кургане 51 Сусловского могильника среди типичного позднесарматского набора стрел (Скрипкин, 1989, рис. 10: 9–14) встречен наконечник (рис. 10: 4) типа 1а/б по И.П. Засецкой (1994, рис. 4: 1, 3), характерный для гуннской эпохи, но в Волго-Уралье допускающий дату более раннюю, чем на памятниках Подонья и более западных регионов (см. о стреле этого круга в Тарасово – рис. 2: 21 – в параграфе 2).

Щиток пряжки из Молчановки (рис. 1: 67; 10: 5) имеет резкие выступы в передней части, что М.М. Казанский (2002) убедительно связывает с иранским влиянием, относя его к эпохе Великого переселения народов. Действительно, щитки с таким элементом широкое распространение в Волго-Уралье получили не ранее середины IV в., в основном с начала эпохи Великого переселения народов (например, рис. 3: 12, 13; 4: 4, 15; 9: 5 (под прямоугольным наконечником), 6, 11, 12а, 15, 23, 28, 46, 50; Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 4: 10а–е). Однако в южноуральских степях такие выступы известны на импортных экземплярах III в. (Малашев, Кривошеев, 2022, рис. 6: 6). Возможно, одним из ранних местных изделий, отражающих рассматриваемое южное влияние, является экземпляр из Селикса-Трофимовки, однако его пара имеет щиток без интересующего нас заострения в передней части (рис. 8: 21, 22). Имеем ли мы дело с единичной случайной модификацией или ранним образцом новой стилистики – вопрос, для

ответа на который нужны новые находки в датированных комплексах.

«Ложе» для язычка у пряжки из Молчановки, судя по доступному фото, скорее всего, – имитация зооморфных мотивов, распространенных на ряде рамок римских пряжек с IV в. (например, Keller, 1971, Abb. 18: 2; Sourpault, 2003, pl. 9: 4; 11: 2.3; 14: 2), что не отменяет связь изделия с иранскими влияниями. Переключки волго-уральских находок с римскими в IV в. весьма многочисленны, что позволяет считать эти соответствия близкими по времени, а значит и пряжку из Молчановки датировать не ранее IV в., не исключая и эпоху Великого переселения народов.

В дополнение к сюжетам о римских аналогиях в Волго-Уралье следует отметить и пару пряжек из могильника Сайхин (рис. 10: 19) в Нижнем Поволжье. Судя по доступному фото, они имеют зооморфное окончание язычка, как некоторые пряжки в древнемордовской и мазунинской культурах (рис. 3: 42; 8: 20, 24, 25), а также ряд поздне-римских пряжек начиная с IV в., получив развитие в стилях эпохи Великого переселения народов (см. в параграфах 2 и 4).

Пряжку из Большой Дмитровки (рис. 10: 11), могильника позднесарматского времени уже на правобережье Волги (рис. 1: 68), В.Ю. Малашев (2009, с. 49) справедливо сопоставил с типом П10, датированным не ранее 2-й четверти IV в. Аналогия ее оформления представлена на подвеске из этого могильника, найденной с полихромной «серьгой» (рис. 10: 12, 13). Последняя по композиции из шариков наиболее близка подборке из джетысарской культуры, крупная вставка в виде сегмента круга – экземпляру из Беяуса в комплексе гуннского времени (Левина, 1996, рис. 143; 4–7; Засецкая, 1994, табл. 26: 6–16). Понять комплексы джетысарской культуры по существующим публикациям весьма трудно, зачастую – невозможно. Однако практически все опубликованные Л.М. Левиной материалы джетысарских могильников датируются не ранее IV в., за единичными исключениями. Очевидно, что к последним не относится выразительный ряд интересующих нас «серьг». 3-образному оформлению верхней части подвески и ряду других элементов рассматриваемой «серьги» из Большой Дмитровки есть аналогии в «Сибирской коллекции Петра I» из находок на востоке Российской империи и собрания Витзена, связанного с Сибирью (Руденко, 1962, табл. II: 1, 3; XX: 26–28, рис. 2: D, F). Это указывает на азиатские прототипы изделия, но не уточняет его датировку.

В комплексе с «серьгой» в Большой Дмитровке найдена и маленькая сильно профилированная фибула (рис. 10: 14). Такие фибулы бытовали до

середины (2–3-й четвертей) IV в., лишь в единичных случаях можно говорить о конце IV в. (Гавритухин, 2010; Малашев, Кадзаева, 2021; Гавритухин, Свиридов, Язиков, 2020, рис. 1: погр. 13; 5: 13). Кольцевидная пряжка из этого же комплекса (рис. 10: 15) не уточняет дату. Получается, дата рассматриваемых комплексов из Большой Дмитровки близка, и ее можно охарактеризовать как предшествующую появлению Тураевских курганов, т. е. датировать комплексы около 2–3-й четвертей IV в.

С зоной, расположенной к западу от Волги, связаны могильники в Абганерово на юге Волго-Донского междуречья, в которых встречены важные для нашей темы полихромные щиток пряжки и пряжка (рис. 10: 16, 18). Щитки таких форм в комплексах III в. не известны, а композиция вставок и зерни близка стилистике ряда находок в комплексах группы Кала-Урын – Броды (рис. 9: 2–4; 12: 43, 45, 46), и, скорее всего, относятся к кругу ее прототипов и/или ранних вариаций.

С отмеченной абганеровской пряжкой найден обломок наконечника (рис. 10: 17), который, судя по схематичному рисунку, напоминает как некоторые наконечники позднесарматской культуры (Малашев, Кривошеев, 2022, рис. 6: 29–31), так и «классические» мечевидные, хорошо представленные в Тураевских курганах и ряде других памятников Прикамья (рис. 2: 9; 3: 2; 4: 1; 9: 29, 30; Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 4: 5а–г). Возможно, он относится к кругу вариаций, заполняющих хронологическую лауну между сериями эпохи Великого переселения народов и их вероятными прототипами III в. В целом же эти абганеровские комплексы, судя по всему, относятся к «предтураевскому» времени, т. е. к 1-й половине – 3-й четверти IV в.

Следует отметить, что Большая Дмитровка и Абганерово уже связаны с зоной, куда доходила экспансия культуры алан-танаитов, на разных территориях с разной степенью интенсивности ассимилировавшей позднесарматский субстрат (см. в Малашев, Кривошеев, 2022, с. 36).

Между камскими и позднесарматской культурами расположены несколько групп памятников, важных для нашей темы.

В южной части бассейна Белой к ареалу позднесарматской культуры примыкает курганный могильник Салихово (рис. 1: 62). Отсюда происходит наконечник типа Н8 (рис. 10: 32), датированный не ранее 2-й четверти IV в. Подвески (рис. 10: 33, 34) относятся к кругу прототипов более крупных изделий листовидной формы эпохи Великого переселения народов (Мастыкова, 2018). Остальные поздние комплексы этого памятника (Васюткин, 1986) сопоставимы с позднесарматскими III в.,

что не позволяет «сдвигать» его верхнюю хронологическую границу в IV в. намного.

К финальному периоду кара-абызской культуры, датированному в рамках середины III–IV в., отнесено только 2 могильника (Воробьева, 2022), причем датируемые детали ременных гарнитур и фибулы представлены лишь в Шипово (рис. 1: 45). Часть выразительных поздних комплексов из этого могильника синхронизируется с поздним периодом позднесарматской культуры Южного Приуралья (середина – 2-я половина III в.). Более позднюю хронологическую позицию имеют лишь сравнительно небольшие В-образные и близкие им вытянутые по вертикали овальные пряжки с рамкой круглого или подквадратного сечения, без металлической обоймы или с длинными прогнутыми с боков щитками (Пшеничнюк, 1976, рис. 22: 12, 15; Овсянников и др., 2007, рис. 36: 2; 66: 4; 67: 9; 69: 1; 74: 8; 75: 1). Их аналогии в более северных культурах (например, рис. 5: 40) относятся к эпохе формирования гарнитур типа Суворово (см. выше параграф 3), а на юге отмечены в позднесарматском комплексе из Таксая (рис. 10: 6). Это, наряду с отсутствием пряжек типа П10 и других индикаторов, получивших распространение со 2-й четверти IV в., позволяет датировать финал кара-абызской культуры первыми десятилетиями IV в.

Памятники Уфимского полуострова находятся на стыке мазунинской культуры с кара-абызской, испытывавшей в финале своего развития сильное мазунинское влияние. В эту среду проникало новое население, с которым связаны курганные могильники, относимые к турбаслинской культуре (см. о ней Иванов, 2022). Ее наиболее ранним памятником на Уфимском полуострове, да и для всей культуры, считается Дежнёво (рис. 1: 44). Пряжка прикамского варианта серии Цибилюм – Тураево (рис. 10: 31) дает основание датировать его начало не позднее 2-й половины IV в. (Красноперов, 2012). Некоторые сомнения в этой дате дежнёвской пряжки, приведенные в обзоре О.С. Белявской (2021, с. 347–348), снимаются, учитывая, что сасанидские традиции, о которых писал М.М. Казанский, вполне могут датироваться и догуннским временем, дату «тураевского этапа» по А.В. Богачеву следует скорректировать исходя из хронологии Тураевских курганов (см. введение к данному разделу и Гавритухин, Красноперов, 2022). Некоторые серьги из Дежнёво (рис. 10: 29, 30) можно бы сопоставлять с позднесарматскими, что даст еще более раннюю дату, однако более надежным представляется их отношение к кругу харинских эпохи Великого переселения народов (см. о таких серьгах выше в параграфе 5).

В лесостепной зоне к югу от Нижней Камы расположено несколько групп памятников, резко отличающихся как от культур Камского региона на севере, так и от древностей степных кочевников на юге. Г.И. Матвеева относил их к ранним этапам именьковской культуры или особым группам, связанным с ее генезисом. Ведущие современные исследователи выделяют в этом массиве несколько разных традиций: раннеименьковский круг, тип Лбище (неоднородный), ряд групп, соотносимых с миграциями разных вариантов киевской культуры из Поднепровья (Вязов, Семькин, 2016; Вязов, Сташенков, 2013; 2022; Сташенков, 2005; Сташенков, Вязов, 2022а; 2022б). К сожалению, для датировки памятников этого круга есть лишь немного интеррегиональных находок и несерийных радиоуглеродных дат, позволяющих говорить, что в основном в рамках IV в. многие из этих традиций могли сосуществовать (Сташенков, 2010; 2016). Для надежной датировки хронологических границ конкретных групп памятников этого, конечно, недостаточно.

Единственное исключение – городище Лбище (рис. 1: 10; Вязов, Сташенков, 2022). Это поселение погребено в пожаре, а в ходе раскопок здесь был получен довольно представительный набор датирующих находок²⁶. Важнейший репер – крупная двучленная прогнутая подвязная фибула (рис. 10: 22), группы 16-2, серии I, варианта 4 по А.К. Амброзу (1966, с. 66). Такие застежки связаны с черняховской традицией и датируются финальным периодом развития этой культуры, т. е. 4-й четвертью IV – началом V в. (Гавритухин, 1999, с. 51). Ближайшие аналогии луннице из Лбища (рис. 10: 21) представлены в Степановке, где и датированы около 4-й четверти IV в. (рис. 7: 22; см. выше параграф 4). Не ранее того датируется одна из железных пряжек, воспроизводящая образцы с язычком, охватывающим рамку на всю ее высоту (рис. 10: 23). Остальные находки не дают оснований, чтобы говорить о наличии на памятнике горизонтов III или V в. Два наконечника стрел (рис. 10: 24, 25) относятся к типам, появление которых в Европе соотносится с гуннами (см. рис. 10: 4 и текст в данном параграфе выше). Судя по всему, поселение Лбище возникло в IV в. (вероятно, ближе к середине) и погребено в 4-й четверти IV в.

Особняком стоят два могильника, приуроченные к Волге и к Каме: Старая Майна 2 и Гулюково

²⁶ С частью находок удалось познакомиться по оригиналам, за помощь в этом и ценные консультации по ряду проблем археологии Среднего Поволжья я благодарю Галину Ивановну Матвееву (1933–2008) и Дмитрия Александровича Сташенкова.

(рис. 1: 27, 29)²⁷. Оба памятника содержат ингу-мации, не исключено, что подкуранные, и это резко отличает их от только что рассмотренных лесостепных групп, связанных с именьковскими и доименьковскими традициями. Не относятся они и к соседним более северным азелинской и мазунинской культурам, хотя единичные находки свидетельствуют о контактах с ними. Нельзя признать эти памятники и позднесарматскими, если строго подходить к дефиниции этой археологической культуры.

На могильнике Старая Майна 2, расположенном у традиционной переправы через Волгу (рис. 1: 27), раскопано 23 очень бедных захоронения (Казаков, 1987). Судя по пряжке (Казаков, 1987, рис. 2: 10, с учетом фото, предоставленного Д.Г. Бугровым), близкой позднесарматским южноуральским, он функционировал в III в., что дает ранний хронологический репер. Точные аналогии ремённому наконечнику (рис. 10: 20) мне не известны. Более всего он напоминает наконечники, встреченные в соседней азелинской культуре вместе с гарнитурами типа Суворово (рис. 4: 25, 28). От более ранних (рис. 5: 33, 41) их отличает более расширенная верхняя часть. На рассматриваемом экземпляре она становится еще шире, напоминая наконечники с прогнутыми боками на поясах типа Суворово (рис. 4: 24, 41, 46; 5: 10). Показательно и сочетание «полугорошин» с бордюрами, имитирующими веревочку, что массово распространяется в азелинской культуре приблизительно с середины или со 2-й половины IV в. (например, рис. 5: 3, 4; Лещинская, 2014, табл. 94: 2–7, 11, 13–15; 96: 9, 12; 97: 11–13; см. о датировке некоторых таких вещей выше в параграфе 3). Правда, «полугорошины» у этих, приведенных в качестве аналогий, экземпляров более мелкие, чем на старомайнском наконечнике, однако и крупные «полугорошины» не чужды азелинским традициям. Они обычны на эполетообразных застёжках, не редки в виде накладок, иногда образующих на ремне композиции, но встречаются и на наконечниках (например, рис. 4: 21; 5: 4, 20, 13).

На могильнике Гулюково, находящемся у полого спуска к Каме (рис. 1: 29), что особенно важно животноводам, ведь склоны по левому берегу Камы в основном обрывисты, исследовано 17 погребений интересующего нас времени (Бугров, Асылгараева, 2018). Для датировки его финала важны сильно профилированные фибулы (рис. 10: 27 и аналогичные этому экземпляру), относящиеся к поздним вариациям, выходящим из употребления после середины IV в. (см. выше о фибуле на рис. 10: 14). В погребении 35 такая застёжка

встречена с фибулой местной серии (рис. 10: 27, 28), имитирующей двучленные прогнутые подвязные, распространенные не ранее 2-й четверти IV в. (Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019, с. 177–179). Мечевидный наконечник (рис. 10: 26) близок многочисленным экземплярам «основной» серии начала эпохи Великого переселения народов, хотя и может относиться к ее ранним вариациям, связанным с вероятными прототипами (см. выше об экземпляре на рис. 10: 17).

Итак, господствующая точка зрения о финале позднесарматской культуры в Южноуральском регионе к концу III в. верна в целом. Однако Таксай на западе урало-казахстанских степей и Дербенёвка на их северо-западе позволяют говорить о сохранении местных традиций на отдельных памятниках (анклавах?), по-видимому, в начале или первых десятилетиях IV в. (рис. 1: 63, 65). В Поволжье есть позднесарматские комплексы, датируемые около 2-й – 3-й четвертей IV в., иногда не исключая более позднее время, хотя материалов, надежно датируемых эпохой Тураевских курганов (4-я четверть IV в.) и более поздних, в позднесарматской культуре не известно (рис. 1: 66–68).

К первым десятилетиям IV в. относится финал использования могильников ряда групп местного населения в южной части бассейна Белой – типа Салихово, испытавшего сильное сарматское влияние (возможно, принявшее часть сарматов с более южных земель) и кара-абызской культуры, большинство памятников которой прекратило существование значительно раньше, а остатки испытывали сильное мазунинское влияние (рис. 1: 45, 62).

Могильник в Дежнёво, отражающий появление в среднем течении Белой нового населения (турбаслинской культуры), возник не позднее 2-й половины IV в. (рис. 1: 44). Не исключено, что в формировании этих традиций приняло участие население, близкое тому, что представлено могильниками типа Салихово, хотя не исключены и другие варианты. Оформление же этой культурной группы приходится на эпоху Кала-Урын – Броды, т. е. около конца IV в. (см. выше в параграфе 5), а расцвет – на еще более позднее время, как показано крупнейшим специалистом по турбаслинским древностям Ф.А. Сунгатовым.

Часть поселений IV в. пред- и раннеименьковского круга, возможно, прекратила функционировать, как это произошло с крепостью Лбище в конце этого столетия (рис. 10: 6), но значительная часть этого населения осталась, судя по тому, что существование именьковской культуры в V–VII в. зафиксировано многими памятниками. Скорее всего, эти люди были подчинены пришельцами-номадами, что подтверждают находки гуннских котлов и в этом регионе (рис. 1: 11, 28).

²⁷ Текст о них написан с опорой на материалы и наблюдения Д.Г. Бугрова, которые готовятся к публикации.

Могильники у переправы через Волгу (Старая Майна 2) и спуска к Каме (Гулюково) во 2-й и 3-й четвертях IV в. еще функционировали. Гулюковский могильник (рис. 1: 29), судя по мечевидному наконечнику, частично синхронен Тураевским курганам. В Старой Майне (рис. 1: 27) таких индикаторов нет. Возможно, эта община испытала те же потрясения, что соседнее нижнекамское и верхнесурское население. Впрочем, для надежных выводов мы имеем слишком мало материалов. Судьба всех этих двух групп населения не ясна.

7. Муслюмово и Брюхановский выселок

Эти два набора из Среднеуральского региона (рис. 1: 60, 61) найдены, к сожалению, случайно (Засецкая, 1994, с. 91–92), а их культурная атрибуция, как и окрестный археологический контекст, не ясны. Однако несомненна их принадлежность людям весьма высокого ранга, что и вызывает интерес многих исследователей к этим богатым находкам уже более столетия.

Датировка разрушенного погребения **Муслюмово** в рамках середины – 2-й половины IV в., по наличию пряжки с язычком, характерным для типа П10, и наконечников типа Н8 (рис. 11: 1, 12, 22), при отсутствии показателей V в., наиболее обоснована. Присутствие фибулы (рис. 11: 11), датированной не ранее 2-й четверти IV в. (Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019, с. 178–179), – свидетельство принадлежности оседлому населению с фибульным костюмом (как, например, мазунинская культура среди сравнительно близких территориально), или кочевнику позднесарматского (маловероятно, что аланского) круга, или особой группе, связанной с памятниками типа Салихово (но немного более поздними), Гулюково, Дежнёво (ранне/прототурбаслинскими), или другими, расположенными дальше от Среднего Урала, чем перечисленные общности.

Полихромные изделия (рис. 11: 1–4, 6, 12, 22) и круг их аналогий наиболее обстоятельно рассмотрены А.А. Красноперовым (2012) и в основном отнесены к варианту Центральный – Муслюмово кавказской серии²⁸. Сейчас к этим наблюдениям можно сделать некоторые дополнения и коррективы. К наиболее ранним вещам с перегородчатой инкрустацией интересующего нас круга в Восточной Европе относятся находки из Бердянки (Малашев, Кривошеев, 2022, рис. 6: 7), которые В.Ю. Малашев убедительно датировал III в. и от-

нес к раннесасанидскому кругу (Малашев, Яблонский, 2008, с. 69–72). Это подтверждает и аналогично декорированный браслет из погребения 25/1981 в Мцхете (Красноперов, 2012, рис. 22: 1). Такая стилистика представлена и на существенно более поздних пряжках (например, Красноперов, 2012, рис. 22: 9; Засецкая, 1994, табл. 19: 1; 32: 11).

На фоне изделий варианта Центральный – Муслюмово явно выделяются наконечники с валиком из Муслюмово и однотипный экземпляр из Утамышша, чуть более обильно украшенный зернью (рис. 11: 2, 3; 12: 2). По-видимому, более дешевой имитацией таких вещей и пряжек с обоймой в виде лунницы (рис. 11: 1) являются находки, выделенные А.А. Красноперовым в камский вариант серии Цибилум – Тураево, зона концентрации которых приходится на Прикамье в треугольнике Тураево–Пермь–Уфа (рис. 1: В1, В2, Е3: 30, 36, 44, 47, 49), но единично встречаются в Западной Сибири (рис. 2: 16, 17, 23, 24; 9: 5; 10: 31; 12: 13, 14; Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 2: 4а–б; 4: 10д; 5: 17; Красноперов, 2012, с. 222–224, рис. 1, 10; 2019, с. 125, каталог: № 1–9а, б, табл. 22: 5, 6; Чикунова, 2017, с. 94, рис. 9: Ж; Казанцева, 2022а, рис. 3: 7). Между этими приуральскими и зауральскими находками как раз расположено Муслюмово.

Полихромные вещи очерченного муслюмовского круга датируются в пределах середины – 2-й половины (ряд комплексов 4-й четвертью) IV в. Мастера, которые их изготовили, судя по стилистике изделий, явно связаны с империей Сасанидов, что не исключает наличие мастерской, некоторое время работавшей ближе к основному рынку сбыта или даже в его ареале. Отметим и то, что вещи этого круга по ряду существенных признаков отличаются от находок из Бердянки, к тому же, отделенных от них немалой хронологической лакуной. Судя по всему, в Бердянке мы имеем дело с единичным поступлением, не ставшим основой массового производства, отразившегося на местной культуре, а муслюмовский круг отражает новый культурный импульс, оставивший в рассматриваемом регионе заметный след.

Схожая картина намечается и в связи с упомянутым наконечником из Утамышша. Здесь же, на Северо-Восточном Кавказе, есть вещи, инкрустация которых с использованием в основном мотива полуovalов (рис. 12: 12), напоминает ряд наконечников муслюмовского круга (рис. 2: 24; 9: 5; 12: 14; Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 2: 4а–б; 5: 17). Причем и для утамышского круга это не самые богатые изделия.

Наконечник из Фёдоровки (Засецкая, 1994, табл. 34: 11), похожий на рассматриваемые по форме (распространенной очень широко), сде-

²⁸ Ниже рассматриваются в основном важные для анализа восточноевропейские вещи, датируемые от III в. до наступления гуннской эпохи в ее «классических» формах (1-я половина – середина V в.). Лишь по мере необходимости их понимания учитываются более ранние и поздние, а также провинциально-римские, центральноевропейские, азиатские находки.

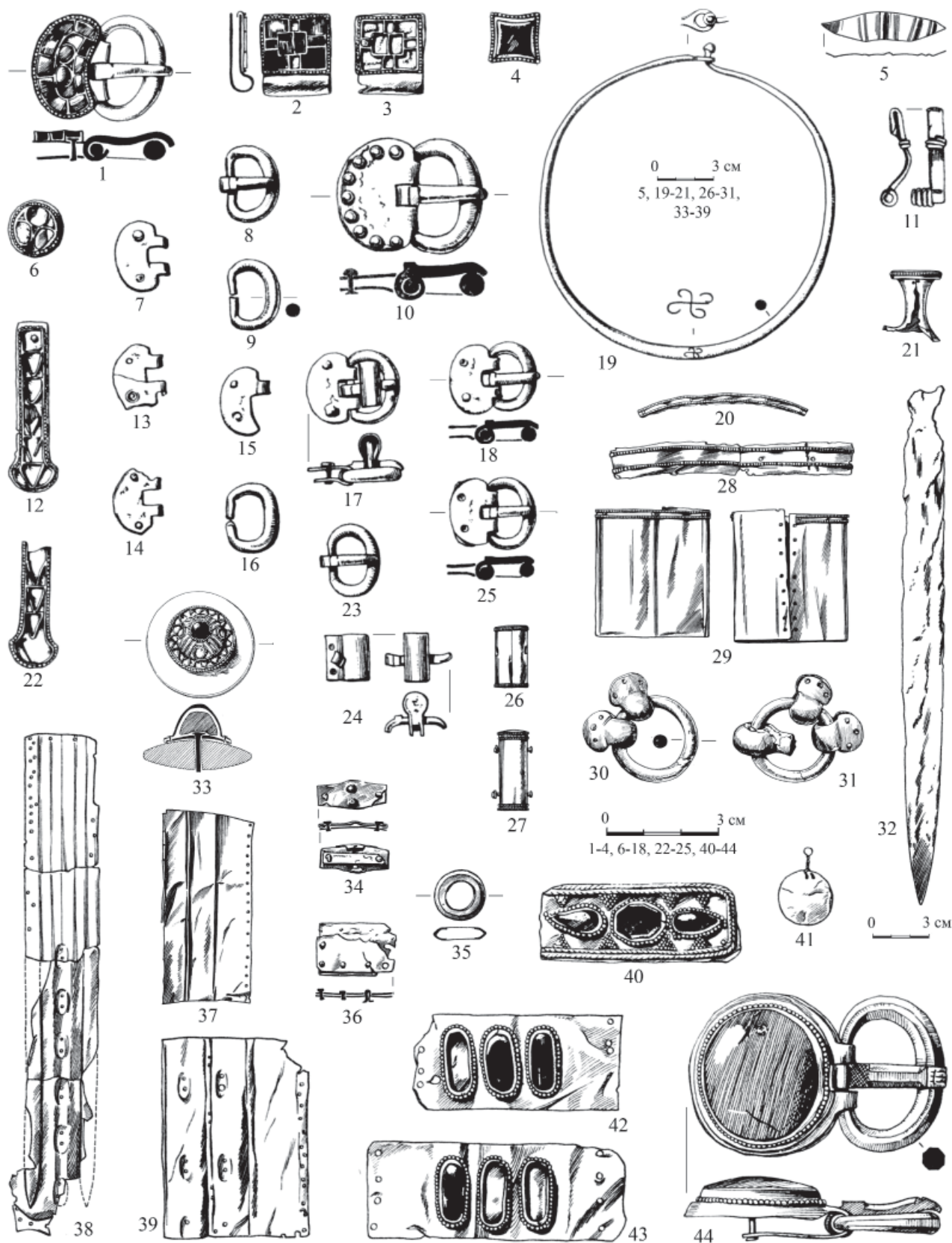

Рис. 11. Муслимово (1–32) и Брюхановский выселок (33–44). По Засецкая, 1994

лан в явно другом стиле. В более поздних комплексах интересующего нас региона изделия муслимовского и утамышского круга не встречаются. По-видимому, эти традиции, пережив

кратковременный расцвет, здесь не получили развития.

На щитках некоторых небогатых пряжек муслимовского круга присутствует и «лучевая» ком-

позиция (рис. 10: 31; 12: 13). Она напоминает ряд изделий, представленных в донских степях (рис. 12: 17, 25, 28) и на Северном Кавказе (рис. 12: 31, 33–36, 42) в комплексах, синхронных муслимовскому кругу или несколько более ранних и поздних. Причем ни одна из этих накладок и щитков пряжек не имеет луновидной формы, характерной для щитков пряжек муслимовского круга – здесь они представлены другими формами: почковидной (особенно характерна для зон Северного Кавказа, связанных с аланской и испытывавших ее влияние культурами) и полукруглой (популярна у алан-танаитов, но не чужда и кавказским аланам). Схожие вещи в 1-й половине – середине V в. известны и намного западнее (например, рис. 12: 31), но и здесь не с луновидным щитком. Очевидно, что в этих регионах получили распространение особые серии и варианты изделий с перегородчатой инкрустацией. Их детальное рассмотрение нам не обязательно²⁹, важно, что все они дают свои линии развития и культурные круги, отличающиеся от более восточных муслимовского и утамышского.

Ближайшим аналогом полихромным секировидным наконечникам из Муслимово (рис. 11: 12, 22) считается пара из Концешт (Фурасьев, Шаблавина, 2019, с. 135–137). Однако их сходство ограничивается лишь формой (тип Н8, весьма широко распространенный) и наличием техники перегородчатой инкрустации. Композиция же вставок у них разная. Очевидно, что эти изделия принадлежат разным линиям развития стилей перегородчатой инкрустации, хотя и с использованием схожих, широко распространенных элементов.

Навершие рукояти меча из Муслимово (рис. 11: 21) относится к группе, представленной в Камском регионе как на памятниках, где известны полихромные изделия муслимовского круга, так и шире, в т. ч. в контексте группы Кала-Урын – Броды (рис. 9: 14; 12: 41; Казанцева, 2009, фото 2.30; Генинг, 1976, рис. 28: 1). В разных вариациях такие навершия известны от Сибири (Тугозвоново) до контекста Римской империи (Хальберштадтский диптих; вероятно, этому кругу принадлежит и меч, изображенный на диптихе Монца, где, как многие считают, представлен Стилихон). Их происхождение связывается исследователями с Азией, И. Бона даже называл такое оружие «персидским» типом (Bóna, 1991, S. 39; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 120, рис. 4; Гопкало, 2015, с. 294, рис. 4: 1–9; Казанский, 2019, с. 118–119, рис. 4: 1–5, 7; в этих работах остальная библио-

графия; в связи с кругом прототипов см. также материалы и ряд наблюдений в: Безуглов, 2000).

Остальные вещи из Муслимово не уточняют датировку и атрибуцию этого комплекса. Отметим лишь наличие массивной золотой гривны (рис. 11: 19) – явном показателе высокого статуса и богатства погребенного.

Находки **близ Брюхановского выселка** дошли до нас явно очень отрывочно. Нет полной уверенности даже в том, что это комплекс. Однако нет и оснований, чтобы сомневаться в этом.

Массивная золотая пряжка (рис. 11: 44) – явно импортная и относится к позднеантичному кругу, в принципе, не исключаяющему и связанный с ним Средний Восток. Ее рамка и язычок имеют аналогии и в Волго-Уралье, связываемые с влиянием культур провинциально-римского круга в IV в. (рис. 3: 44; 8: 20; 10: 19; см. о них выше в параграфах 2, 4, 6; Засецкая, 1994, с. 88).

Обойма рассматриваемой пряжки украшена огромным сердоликовым кабошоном. Оформление пряжек, не говоря о других вещах, крупной вставкой по центру изделия, в ряде случаев дополняемое другими декоративными элементами, очень широко распространено. Отметим восточноевропейские находки, как близкие рассматриваемой по времени, так и более ранние (рис. 8: 8; 9: 7; 10: 11; 12: 37, 49; Красноперов, 2019, рис. 6: 1, 2, 8, 9, 12–20), среди которых представлены дорогие изделия и их имитации, востребованные в разной культурной среде.

Навершия рукоятей мечей с полихромным «колпачком» на халцедоновом диске (рис. 11: 33) в Восточной Европе известны начиная с «позднесарматского всаднического горизонта» середины II – середины III в. и отражают азиатские влияния (Безуглов, 2000). Правда, ранние «колпачки» менее обильно покрыты зернью. Использование каменных дисков для наверший рукоятей и деталей крепления мечей, распространившееся в Европе в позднесарматское время, известно вплоть до раннемеровингского периода (например, Anke, 1998, Taf. 78–81). Правда, в V в. «колпачки», как правило, украшены иначе, чем рассматриваемые, однако в раннемеровингском погребении 16 из Хайлора представлен и зерненный «колпачок» (Anke, 1998, Taf. 77: 11; даже если это – «антик», он мог появиться в Западной Европе не раньше, чем в гуннскую эпоху).

Аналогии вытянуто-овальным накладкам (рис. 11: 42, 43) в Восточной Европе известны в «Кузубаевском кладе», но последние более крупные, крепились на кожу ремня, а не на золотую пластину, вставки там бесцветного, а не синего стекла, имеют более сложную окантовку (Останина и др., 2011, с. 128, № 81–87, рис. 10: 1–5; Оста-

²⁹ Эта работа начата А.А. Красноперовым (2012), дискуссия по ряду предложенных им наблюдений еще предстоит.

нина, 2017, рис. 1: 1–5; 2). Этот «клад» датирован около 3-й четверти VII в., а рассматриваемый набор отнесен к долго хранившимся вещам, поступившим к владельцу клада для ремонта, и датирован около 2-й половины VI в. (Останина и др., 2011, с. 92; Останина, 2017, с. 258, 264). Однако «Кузубаевский клад» – покупка, т. е. его комплектность и соотношение частей оставляют сомнения. В любом случае, нет оснований оспаривать предлагаемое исследователями азиатское происхождение этих и подобных им изделий (Останина, 2017; там и избранная библиография). Правда, для их атрибуции, например, как именно согдийских или хорезмийских, а также для узкой датировки, наших знаний слишком мало.

Золотая накладка с центральной вставкой из сердолика и боковыми из синего и зеленого стекла на фоне зерни и окантовки из перекрученной проволоки (рис. 11: 40) может рассматриваться среди прототипов для ряда более бедных и стандартизированных изделий, представленных полихромными накладками группы Кала-Урын – Броды (рис. 9: 3, 50, 52; см. выше в параграфе 5). Происхождение этой группы вещей, как и ряда других, судя по всему, связано с влияниями, шедшими через Среднюю Азию (Красноперов, 2019, с. 110–111).

Золотая подвеска (рис. 11: 41) очень близка экземплярам из погребения гуннской эпохи близ Ленинска в волжских степях, в котором найдены также крупная вставка из синего стекла в окантовке золотой зернью, и изделия, на которых вставки разной формы сочетаются с зернью (Засецкая, 1994, табл. 33: 2, 3, 6, 7). Конечно, эти ассоциации с находками близ Брюхановского выселка не прямые, но подтверждают возможность сопоставления комплексов, исходя не только из почти тождественности подвесок.

Аналогии пряжке и ее контекст, соотношение зерненных колпачка и накладки с их аналогиями, прямые аналогии подвеске свидетельствуют о близости датировок находок у Брюхановского выселка и захоронения в Муслюмово, что без развернутой аргументации уже отмечалось рядом исследователей и никем не оспаривалось.

В заключении остановимся на некоторых особенностях рассмотренных памятников. Хотя находки из Муслюмово и Брюхановского выселка близки не только по богатству и территориально, но и хронологически (что не отменяет небольшую асинхронность), на уровне серий и вариантов вещей они не имеют ни одной «точки пересечения». Очевидно, что каждый из владельцев этих вещей имел свой круг культурных связей и предпочтений.

В качестве одной из гипотез культурной атрибуции этих древностей, расположенных в лесостепном «языке» (рис. 1: 60, 61), можно предположить их связь со степью, учитывая дальние сезонные перекочевки в меридиональном направлении, обычные у многих кочевников. Как аналогию можно привести погребальные или поминальные комплексы «каганского» ранга середины VII в. в Днепровском регионе (Перещепина и подобные)³⁰. Они явно связаны с традициями степняков-тюрков, но находятся в лесостепной полосе, где жило раннеславянское (вероятно, подчиненное) население.

8. Взаимосвязь культурно-исторических процессов

Попробуем свести высказанные выше наблюдения в целостную картину. Конечно, в ней остается много лагун, которые лишь отчасти можно заполнить предположениями и небесспорными реконструкциями. Впрочем, добросовестный исследователь никогда не скажет, что он обладает «всею полнотой фактов», а синтез является не только результатом, но и одной из форм анализа. Некоторые предложенные ниже суждения и реконструкции сознательно обострены, провоцируя дискуссию.

Около конца III в. прекращается использование большинства позднесарматских могильников Уральского региона (типа Покровка) и ряда в Поволжье. Не исключено, что запустение обширных степных пространств связано с экологическими проблемами или эпидемиями, и это открыло путь для проникновения сюда новых групп населения. Однако важным фактором могла быть именно экспансия пришельцев, судя по всему, из Азии. Не исключено и взаимодействие нескольких факторов. Возможно, первоначально было предпринято несколько крупных набегов, да и освоение новых пространств могло идти не в виде единой массовой миграции, а несколькими волнами.

Пришельцы с востока римскими писателями, которым они стали впервые известны в связи с событиями 376 г. в Нижнем Подунавье (бегство на территорию Римской империи везиготов, спасавшихся от гуннской угрозы), обобщенно назывались «гунны». Этот массив был разнородным, что подтверждает пестрота погребальных обрядов и некоторые другие (в т. ч. региональные) отличия памятников степняков гуннского времени (Засецкая, 1994, с. 12–23; Казанский, Мастыкова, 2009). Он состоял из нескольких орд, воинские отряды которых могли действовать независимо друг от друга, чему есть масса примеров в письменных

³⁰ См. обзор и основную литературу в: Гавритухин, 2005, с. 386–387, 406–409; Комар, 2006. Все эти находки тоже случайные. Места, куда были захоронены богатства, очевидно, скрывались сразу после ритуалов.

источниках. Лишь в 430-е гг. сложилась Гуннская держава, власть которой простиралась от Подунавья до Подонья, распавшаяся практически сразу же после смерти ее самого могущественного главы Аттилы в 453 г. Причем на ее востоке отмечены имеющие самоуправление акациры, явно отличавшиеся от гуннов, среди которых, наряду с прочими гуннами, выделялась орда, ставшая элитной. Приск Панийский (1890, фр. 8), очевидно, следуя античной традиции, назвал ее «царские скифы».

Судя по всему, пришельцы из Азии, первоначально освоившие волго-уральские степи, имели еще более сложный состав, чем реконструируется по римским письменным источникам, а уход части степняков на Дон и далее на запад с 370-х гг. лишь отчасти «проредил» этот конгломерат. У нас нет никаких данных о формировании на землях, расположенных восточнее Дона, централизованной державы, подобной той, что имела кратковременный центр в Среднем Подунавье, да это и маловероятно, учитывая известный нам контекст событий. По-видимому, в Поволжье, Приуралье, Предкавказье господствовало несколько орд, взаимодействующих между собой и с соседями. Из них данные есть лишь о хайландурках, упоминаемых в связи с действиями Сасанидской империи в середине V в. на Кавказе (Артамонов, 1962, с. 57–61; Гадло, 1979, с. 29–31).

Говоря о составе пришельцев, следует упомянуть угорский компонент. Например, о его значимости среди европейских кочевников эпохи Великого переселения народов писал М.И. Артамонов, фундаментальный труд которого, развернуто опубликованный в 1962 г., оказал существенное влияние на советскую историографию. Этот акцент был, скорее, концептуальным, что позволяла слабая изученность культур юга Западной Сибири середины I тыс. н. э. Однако многократные исследования восточных компонентов в культуре европейских степей гуннского времени (котлы, ряд типов оружия и украшений) указывают на аналогии в Центральной Азии и в меньшей степени на Среднем Востоке, но не в Западной Сибири, где проживали угры.

Современный анализ культур середины I тыс. на юге Западной Сибири (Матвеева, 2017; Матвеева и др., 2022) свидетельствует, что это население едва ли было источником массовых миграций на запад не только в степи, но и в Камском регионе, о чем пишут или писали некоторые исследователи (см. критику значительной их части в: Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2013; Перескоков, 2020). Конечно же, контакты между При- и Зауральем были (не исключая небольшие миграции) – Уральские горы не являлись препятствием. Следует

учитывать и опосредованные контакты, в т. ч. общие источники заимствований.

Данных для реконструкции продвижения азиатских пришельцев на восток Европы недостаточно. В этом, кроме слабой археологической изученности ряда регионов и трудности фиксации степных древностей эпохи Великого переселения народов, определенную роль играют особенности т. н. первой стадии кочевания степняков, характерной для эпохи опасностей и миграций – она труднее всего фиксируется археологически (Плетнева, 1982, с. 13–35; 2003, с. 7–18). Отчасти это можно компенсировать рассмотрением финала культур, предшествующих пришлым, и изменений, которые прослеживаются у населения, культурно и военно-политически связанного со степняками, прежде всего – оседлого, оставившего обширные могильники с хорошо датированными комплексами.

Как было отмечено, могильники позднесарматского круга Южноуральского региона прекратили существование около конца III в. Лишь единицы из них функционировали и в первые десятилетия IV в., как Таксай и, вероятно, Дербенёвка на западной и северо-западной периферии урало-казахстанских степей (рис. 1: 63, 65). Это относится и к населению, оставившему могильники типа Салихово (рис. 1: 62), культура которого тесно связана с позднесарматским миром. Комплекс из Таксаи свидетельствует о сохранении в это время позднесарматских воинских отрядов, которые могли быть использованы пришельцами для расширения подконтрольной им зоны. Немалая часть этих воинов, вероятно, погибла на чужбине, поэтому их могил нет на традиционных позднесарматских кладбищах.

Экспансией из степи в это время объясним и финал кара-абызской культуры (рис. 1: 45). Это уже немногочисленное население могло быть истреблено, а остатки уведены в плен или бежали на север в зону мазунинской культуры, с носителями которой оно имело тесные связи.

Не позднее середины IV в. пришельцы из Азии достигли степей Поволжья, судя по тому, что до 375 г. они после долгих войн уже покорили алантанайтов, центр которых все исследователи локализуют в Нижнем Подонье. Позднесарматских могильников этого времени в Поволжье не так уж мало (рис. 1: 66–68). Очевидно, эти группы были покорены, а остальные перебиты или изгнаны, если к этому времени не исчезли по другим причинам.

В отмеченных позднесарматских памятниках обращает на себя внимание наличие оружия, причем включающего элементы, соотносимые с импульсами из Азии. В Таксае представлены нож,

типичный для позднесарматской культуры южно-уральских степей, и кинжал или меч с коленчато поставленной рукоятью, связанный с азиатскими традициями (рис. 10: 9, 10)³¹. Стрела «гуннского» типа (рис. 10: 4) в колчане воина, похороненного в Суловском могильнике, находилась среди набора стрел, типичного для позднесарматской культуры. Заимствованное оружие можно рассматривать как свидетельство включения местных отрядов в новую военную структуру. Видимо, модели взаимодействия пришельцев с местными кочевниками были схожими – военный потенциал поволжской группы, как ранее южноуральской, после подчинения был использован для дальнейшей экспансии.

Западнее Волги эта экспансия столкнулась с противником, явно более мощным, чем позднесарматские группы, – аланами-танаитами (см. о них в: Безуглов, 1990; 2008). Их ядро сложилось в ходе военных походов и последовавшего за ними расселения со 2-й половины III в. на Нижнем Дону северокавказских алан, покоривших и постепенно ассимилировавших местное позднесарматское население. Со временем влияние танаитов распространялось на соседние регионы Волго-Донского междуречья, где с ними и встретились пришельцы из Заволжья.

Именно здесь расположены богатые комплексы с вещами 2-й – 3-й четвертей IV в., отражающими азиатские по происхождению традиции (рис. 10: 11–13, 16, 18), чуждые для полихромных стилей этого времени, широко представленных в Нижнем Подонье (см. подборки в: Красноперов, 2012; 2019). Это объяснимо ориентацией местных элит на другие вкусы, исток которых уходит на восток, т. е., по-видимому, опосредован пришельцами, занявшими волго-уральские степи. Похоже, что последние воспользовались вероятным недовольством групп, испытывавших аланский «пресс», и привлекли часть из них на свою сторону в столкновениях с танаитами, включая в новую систему культурных ориентиров (одним из проводников этого могли быть и дары престижных вещей).

Война с аланами-танаитами была долгой, состоявшей из многих битв и стычек, ее результат известен – несколько раньше 375 г. танаиты были окончательно обессилены и покорены (Amm. Marc., XXXI.3.1; Iord. Get., 127). Затем группировка, возглавляемая гуннами Баламбера, двинулась

на запад, используя уже и аланские отряды. Эта армия сокрушила остготов, вызвав цепную реакцию, дошедшую в 376 г. до Балкан, описанную римлянами-современниками и теми, кто использовал их труды.

Северные соседи степняков не остались в стороне от этих событий и процессов.

В примыкающей к степной зоне дуге от верховий Суры и Мокши до Среднего Прикамья около конца III в. оформляется, а в 1-й половине – середине IV в. достигает расцвета культура, связанная с местной военизированной средой, показателями которой в южной части бассейна Вятки, Нижнем Прикамье, верховьях Суры и Мокши являются пояса типа Суворово (см. образцы на рис. 4: 22–24, 29, 37, 38, 41, 44–46; 5: 6–12, 29, 30, 36–38; 7: 1–6, 12, 26). Начало этому было положено контактами с позднесарматской культурой III в., но для IV в. логично предположить участие ряда таких групп в акциях новой военно-политической структуры, набирающей мощь в волго-уральских степях.

Схожесть этих общественных процессов в очерченной зоне не означает формирования некоего единства. Напротив, военная элита разных групп и общин, хоть и, несомненно, контактировала друг с другом, наверняка вступала в междоусобные конфликты. Это и, наверное, другие процессы (например, экологические и т. п.) объясняют финал части могильников на протяжении 2-й половины III – 1-й половины IV в. Однако на этом явно не одновременном фоне (рис. 1-А: 2, 3, 5, 19, 23, 25, 33, 37, 48) ярко выделяется горизонт могильников, где материалы «развитого» IV в. хорошо представлены, но нет индикаторов 4-й четверти этого столетия (рис. 1-Б: 1, 4, 6, 7, 16–18, 20, 21, 24, 30Б, 31, 32, 34, 35, 36-Б, 46). Причем, почти в каждом скоплении таких могильников зафиксирован памятник с безусловно воинскими и/или богатыми комплексами 4-й четверти IV в. (рис. 1: 8, 22, 36-В2).

Объяснение этой картины видится в том, что участие камско-сурских отрядов в походах, которые могли достигать Кавказа и Среднего Востока (это объясняет ряд деталей вооружения и снаряжения у некоторых воинов), обогатило некоторые из них (те, что вернулись), развил «аппетит» к действиям подобного рода и по отношению к соседям. Наряду с отрядами, сохранившими общинные базы, часть воинов могла формировать дружины/ватаги с базой, расположенной на удалении от местного населения, примером чему может служить Тураевский курганный могильник (рис. 1: 30-В2). Эти отряды вместе со степняками и могли стать причиной коллапса ряда камско-сурских общностей. Степняки усиливали ударную силу отрядов местного происхождения,

³¹ Кинжалы и мечи с такой рукоятью известны по многочисленным изображениям в Центральной и Средней Азии, их распространение в Европе в эпоху Великого переселения народов все исследователи справедливо связывают с очередными восточными импульсами; таксайский экземпляр – одна из древнейших находок оружия этого типа (подробнее см. в: Arzhanseva, Gavritukhin, в печати).

без которых трудно было бы ориентироваться в лесах.

В ряде рассматриваемых памятников фиксируются одинаковые, хотя и редко встречающиеся компоненты. Пример – полихромные изделия камского варианта серии Цибилум – Тураево и их богатая разновидность (вероятно, прототип) в Муслюмово (рис. 1: В1, В2; 2: 16, 17, 23, 24; 9: 5; 10: 31; 11: 1–3; 12: 13, 14). Объяснение этому может быть в том, что северные отряды, со схожими выучкой и системой вооружения, могли составлять «корпуса», воины которого имели схожие вкусы, удовлетворяемые одной мастерской или взаимосвязанными мастерскими. В этом случае в Муслюмово представлен командир такого «корпуса» или одного из его подразделений.

Судя по вещам, не связанным с прикамскими традициями, можно реконструировать и направления походов, в которых участвовали отряды из этого «корпуса» (см. разбор на примере находок из Тураевских курганов в: Гавритухин, Красноперов, 2022). Часть этих вещей имеет аналогии на юго-западе Восточной Европы, что можно объяснить участием выходцев из Прикамья в действиях под эгидой Баламбера по покорению остроготов. Однако большинство таких вещей, в т. ч. престижное вооружение, да и щитки пряжек, показательных для гарнитур муслюмовского круга, имеют аналогии, связанные с Сасанидской империей. По-видимому, камские отряды для дальнейшего натиска на запад не привлекались, а участвовали в походах на земли, расположенные южнее и юго-восточнее Волго-Уралья.

Погребение в Утамыше на востоке Кавказа, судя по полихромному наконечнику (рис. 12: 2), показывает направление одного из походов, во время которого воин высокого ранга погиб, или же (с учетом вещей на рис. 12: 12) – локализацию одного из подразделений, связанного с «муслюмовским корпусом».

Описанные выше потрясения в Камско-Сурском регионе имели разные последствия.

В верховьях Суры и Мокшы, весьма плотно заселенных, к 4-й четверти IV в. прекратили функционировать практически все могильники, причем большинство – в краткий промежуток времени (рис. 1: 1–7), что трудно объяснить вне контекста нападений, вероятно, с юго-востока, причем степняки могли привлекать для этого и отряды «муслюмовского корпуса» или им подобные. Остатки местного населения могли переждать бедствия в близлежащих лесах, уйти на север, где в рассматриваемое время не наблюдается потрясений, наконец, немного сдвинуться от трасс вторжения или примкнуть к нападавшим и выжить (например, рис. 1: 8). Через некоторое время этот регион

вновь заселяется носителями древнемордовской культуры, оставившими памятники типа Армиево.

В азелинской культуре потрясения этого же времени коснулись групп в низовьях Камы и части бассейна Вятки (рис. 1: 16–18, 20, 21, 24), где в действиях степняков и, возможно, отрядов «муслюмовского корпуса» или этого круга, вероятно, участвовали местные группы (рис. 1: 22). Эти катастрофические события не затронули западную и северную части азелинского ареала (рис. 1: 12–15, 26). Сюда могла бежать и уцелевшая часть населения из зон разгрома. По-видимому, при участии этих групп в бассейне Вятки сложилась новая общность, представленная памятниками типа Тат-Бояр (еманавская культура, по другой терминологии). Небольшие группы вернулись в низовья Камы (рис. 1: 17), но ненадолго. Судьба западных позднеазелинских групп (рис. 1: 12–15), продолжавших существовать до, как минимум, VI в., не ясна.

Особенно тяжелыми были последствия потрясений в весьма плотно заселенной т. н. удмуртской (камской правобережной) группе мазунинской культуры. В краткий промежуток времени (но не обязательно одновременно) здесь прекратилось использование почти всех могильников (рис. 1: 30-Б, 31, 32, 34, 35, 36-Б). Лишь в Тарасово есть находки, синхронные Тураевским курганам (4-я четверть IV в.), причем на этих памятниках выразительно представлены вещи муслюмовского круга (рис. 1: 30-В2, 36; 2: 15–17, 22–24; Гавритухин, Красноперов, 2022, рис. 2: 4а–б; 5: 17). Возможно, «муслюмовский корпус» и здесь принял участие в погроме местных общин, в т. ч. родственных некоторым его воинам, но не исключены и другие комбинации. В любом случае отсутствие в этом регионе достоверных памятников V в. свидетельствует о его длительном запустении.

Исследователи отмечают участие мазунинского компонента в формировании полумской и неволинской культур. Не исключено, что люди из мазунинского ареала приняли участие в генезисе ломатовской культуры, например, в составе гляденовских групп, шедших из Пермского Прикамья (см. ниже).

Иную картину мы видим восточнее – в северной части бассейна Белой и на северо-востоке Камского региона.

В Осинской группе (рис. 1: 46–48) постепенное сокращение числа памятников вполне объяснимо экологическими причинами, как это предложено М.Л. Перескоковым. При этом, оставшееся население в эпоху потрясений было весьма активным, о чем свидетельствуют материалы Кудашевского могильника, где представлены и вещи муслюмовского круга (рис. 1: 47; 9: 5). Есть такие вещи и

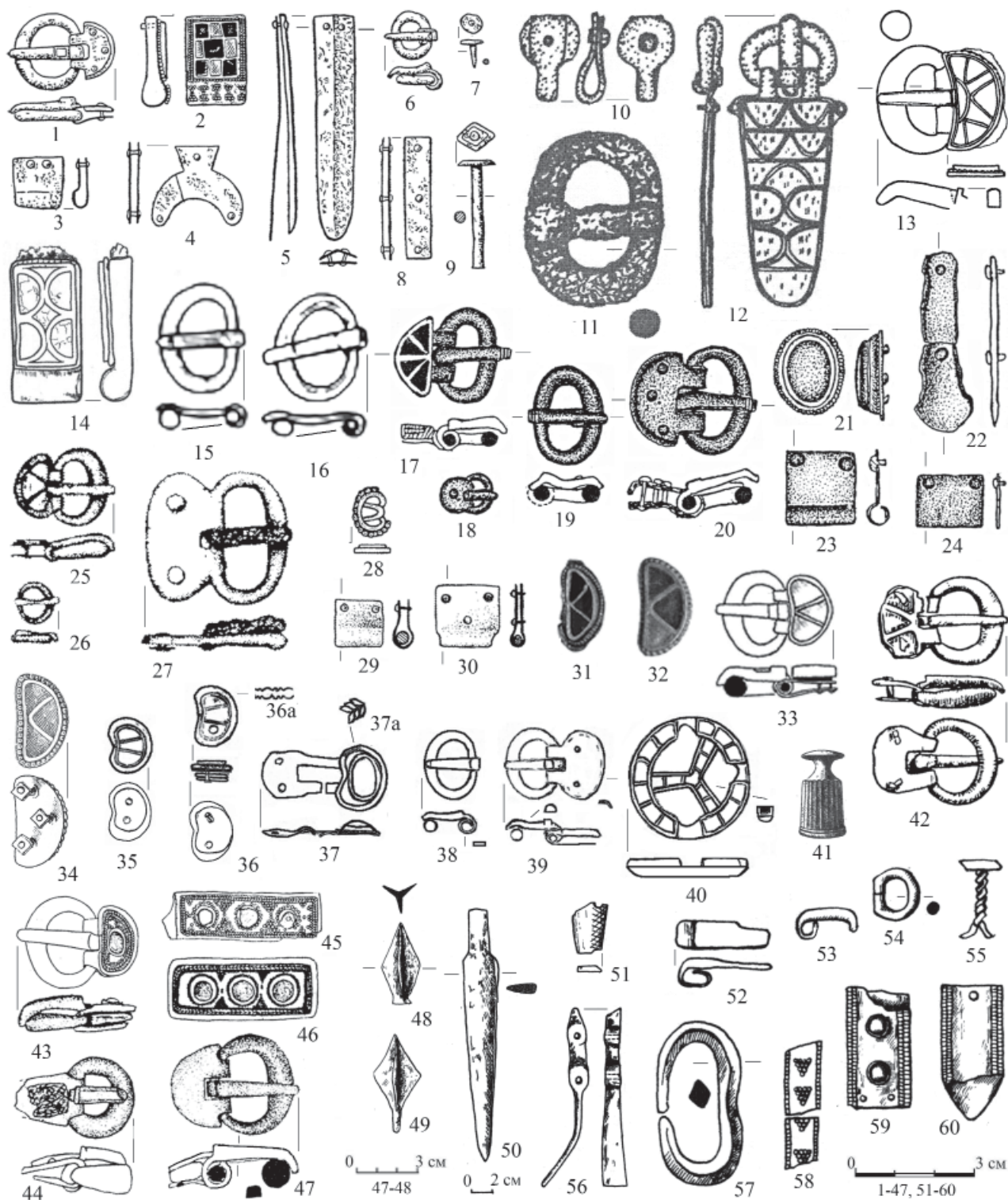

Рис. 12. Изделия с перегородчатой инкрустацией и некоторые сопровождавшие их находки (1–40, 42); находки из Волго-Уральского региона (13, 41, 43–60). 1–9 – Утамыш, курган 2; 10–12 – Коби I, курган 7, погр. 2; 13 – Мокино, погр. 160; 14–16 – Ипкуль, курган 25; 17–24 – Чограй IX, курган 11; 25–27 – могильник II Старо-корсунского городища, погр. 224в; 28–30 – Высочино V, курган 19; 31 – Баксан; 32 – Сегед-Надъсекшош; 33 – Паласа-Сырт, курган 2289; 34 – коллекция З. Зичи; 35–40 – Учккен – Терезе; 41 – Пыштайн; 42 – Клин-Яр III, погр. 57; 43–47 – Юваняг (43–45 – курган 1, погр. 5; 46–47 – курган 5); 48–60 – Ровное, курган 42. 1–9 – по Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов, 1980; 10–12 – по Мамаев, Нарожный, Ростунов, 2011; 13, 25–30, 34–40 – по Красноперов, 2012 (35–40 – рис. И.О. Гавригухина); 14–24, 31–33 – по Красноперов, 2019; 41 – по Генинг, Голдина, 1973; 42 – по Флеров, 2000; 43–47 – по Овчинников, 2005; 48–60 – по Засецкая, 1994

севернее, в Мокино (рис. 1: 49; 12: 13), что свидетельствует о весьма широком привлечении отрядов из позднегляденовского ареала в дальние походы рассматриваемого времени.

На ряде памятников востока Камского ареала, наряду с вещами муслиюмовского круга, представлены и вещи, отнесенные А.А. Красноперовым (2019) к кругу изделий «умеренно зерненого» стиля (рис. 1: 36-B2, 47, 49; см. образцы на рис. 2: 31; 9: 2–4, 7–9). Отметим, что изделий этого стиля нет ни в Муслиюмово, ни в весьма представительной выборке из Тураевских курганов, зато они ассоциируются с богатейшим набором из Брюхановского выселка, связанного с той же зоной, что Муслиюмово (рис. 1: 61; 11: 33, 40, 42, 43). Представлен он и на ранних памятниках группы Кала-Урын – Броды (например, рис. 9: 44; 12: 43, 45, 46).

По-видимому, со временем «муслиюмовский корпус» трансформировался, как и внешнеполитические интересы волго-уральских степных группировок, с которыми он был связан. Некоторые из его отрядов перестали существовать, зато появились другие. Изменились и зоны, откуда можно было получить добычу – юго-запад Восточной Европы перестал быть объектом экспансии, здесь сложились свои объединения степняков и связанного с ними оседлого населения; огромные пространства от верховий Суры и Мокши до полосы, идущей севернее Камы от ее устья до Сарапульского Прикамья, были опустошены. Законодателями вкусов стали азиатские традиции, причем связанные не с теми мастерскими, где делались вещи муслиюмовского круга.

При такой реконструкции в рамках середины – 2-й половины IV в. могила в Муслиюмово должна датироваться ближе к середине этого столетия, Брюхановский набор – ближе к его концу, хотя чисто хронологическими методиками такие даты доказать нельзя. Затем этот ряд прерывается, и не потому, что в интересующем нас регионе не найдено столь же богатых комплексов 1-й половины V в., – развитие культур региона начинает все больше расходиться.

На севере (в зоне гляденовской культуры) в конце IV – начале V в. формируется группа Кала-Урын – Броды (ранняя харинская), основная активность которой связана с освоением новых пространств как в Пермском Прикамье, так и много севернее него (рис. 1: Д). В итоге на основе гляденовских традиций (при участии мазунинских) формируется новый спектр культур этой части Приуралья. Импульс «Брюхановского этапа» здесь получает зримое развитие, что обусловлено сохранением связей со Средней Азией, идущих, по-видимому, через Южное Зауралье в ареал т. н. курганов с усами (ряд показательных вещей см. в:

Грудочко, 2020, рис. 60: 9; 62: 1, 3; 94: 15). На этой основе формируются и «классические» харинские пояса. Долго бытуют здесь и серьги харинского типа.

На юге ранние Дежнёвские курганы, где представлены вещи муслиюмовского круга (рис. 1: 44; 10: 31), маркируют начало формирования турбаслинской культуры. С наследием «Брюхановского этапа» здесь связаны, пожалуй, лишь серьги харинского типа (рис. 10: 29). Однако возобладали связи в южном спектре, что маркируют двупластинчатые фибулы, гарнитуры шиповского круга и другие вещи, зоны концентрации которых представлены в степях Поволжья и Дона, у алан Северного Кавказа, в джетысарской культуре Восточного Приаралья (но не в степях Казахстана, где расположены «курганы с усами»).

Между этими группами памятников / культурами расположены древности башкирской (юго-восточной) группы мазунинской культуры (ранние бахмутинские, по другой терминологии). На Бирском могильнике (рис. 1: 42) прослежено перерастание мазунинских традиций в «классическую» бахмутинскую культуру, традиции которой прослеживаются до VII в., местами, вероятно, до середины VIII в. Наряду с Бахмутино (рис. 1: 43), он маркирует линию развития мазунинско-бахмутинских традиций в тесном контакте с турбаслинской культурой (схожие фибулы, ременные гарнитуры и т. д.).

Мазунинские могильники, расположенные несколько севернее Бирского, явно функционировали и в эпоху Тураевских курганов (рис. 1: 38–40). Пряжки с длинным щитком, харинские серьги и, вероятно, угловидные накладки (рис. 3: 12, 13, 16, 21, 23, 26, 27, 29, 37) свидетельствуют о связях с группой Кала-Урын – Броды. Захоронений более позднего времени здесь не обнаружено. По-видимому, это население ушло на север, вовлеченное в освоение «гляденовцами» новых территорий, что маркирует группа Кала-Урын – Броды. Не исключено, что этому способствовали военные действия, подобно тому, как несколько ранее подвергся разгрому ряд групп, живших северо-западнее его.

К этому же времени (ближе к концу IV в.) относится финал использования единичных мазунинских могильников, оставшихся севернее Камы, Тураевских курганов, могильника Гулюково (рис. 1: 29, 30-B2, 36-B2). Были эти явно немногочисленные группы людей уничтожены или ушли на другие земли – не ясно. В любом случае этот регион надолго остался пустующим.

Данных для реконструкции событий в лесостепной зоне между Средней Сурой, Нижней Камой и Белой недостаточно. Судя по тому, что здесь сложилась именковская культура, какое-то мест-

ное население позднесарматского времени тут сохранилось. Вероятно, часть этих земель подвергалась и опустошениям. По-видимому, реакцией на эти события было строительство мощнейших укреплений в Лбище и Переволоке на Самарой Луке, где, наряду с местным оседлым населением, отмечены носители традиций позднесарматского круга (Вязов, Сташенков, 2013, с. 50), возможно, беглецов из уральских и/или волжских степей. Крепость в Лбище пала в 4-й четверти IV в. (рис. 1: 10), наверное, тогда же и другие укрепления этого анклава. Немалая часть его населения была истреблена. Это объясняет незначительность лбищенского компонента в именьковской культуре.

Степных древностей гуннского круга в Волго-Уралье, как было отмечено выше, немного (см. подробнее Сташенков, 2022 и данные по ряду памятников в: Засецкая, 1994). Их значительная часть относится к «классическим» группам, датируемым около конца IV – середины V в. К наиболее ранним относится курган 42 в Ровном (рис. 12: 48–60). В нем нет индикаторов V в., а язычок (рис. 12: 53) принадлежал пряжке, скорее всего, близкой поздним вариациям типа П10, датируемого не ранее середины IV в. Следует отметить, что этот комплекс относится к кругу погребений и, возможно, поминальников с активным использованием огня, показательному для степей к востоку от Днепра, где выделяется и волго-уральская группа, традиции которой прослеживаются и в постгуннский (шиповский) период 2-й половины V – середины VI в. (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 118). По-видимому, эта группа появилась в Поволжье одной из первых в ряду мигрантов гуннского круга, но не ушла дальше на запад, как ряд гуннских орд.

Эту картину дополняют находки котлов «гуннской» группы (см. обзоры и своды в: Амброз, 1981, с. 18–19, рис. 4б; Засецкая, 1994, с. 104–108, 210, рис. 20–24; Zaseckaja, Voovenko, 1994; Masek, 2017). Их выстраивали в типологический ряд от котлов с прямоугольными ручками (подгруппы 1 по И. Ковриг) к имеющим на ручке и рядом с ней грибовидные выступы (подгруппы 2 и 3 по И. Ковриг), отражающие этапы гуннской экспансии. Однако большинство находок не позволяют столь узкие хронологические подразделения. Стали известны и явно поздние комплексы с котлами подгруппы 1, например, в Магасе (Ингушетия; вероятно, 2-я половина V в.; см. Мамаев, 2014). Т. е. эти подгруппы могут отражать не хронологические, а культурные различия пришельцев из Азии. Причем с собственно гуннами, возможно, связаны только подгруппы 2 и 3, хорошо пред-

ставленные в Подунавье, где гунны известны по письменным источникам.

Комплекс из Кызыл-Адыр (рис. 1: 64) связан с погребением в пещере (Засецкая, 1994, табл. 36–39). К сожалению, единственный репер для его узкой датировки – интересующий нас котел. Однако сам факт явно скрытого небогатого захоронения воина может свидетельствовать в пользу того, что эта могила относится к нестабильному времени, когда пришельцы еще не утвердились на новых землях и опасались осквернения могил своих погибших воинов (ср. раннюю датировку для захоронения в пещере «Колдуна» в: Казанский, 2010, с. 120). Еще один котел подгруппы 2 или 3 (рис. 1: 11) найден случайно, вне контекста.

Котел из Покровска (рис. 1: 69) известен только по описанию, т. е. может быть и вариацией сарматских с прямоугольной ручкой. Отметим, что близ Покровска известны захоронения и гуннского круга, поэтому спектр интерпретации данной находки весьма широк.

В лесостепной зоне котлы представлены в двух пунктах двумя экземплярами подгруппы 1 и одним, не исключая такую атрибуцию (рис. 1: 9, 28). По-видимому, здесь располагались ставки кочевников для контроля над оседлым населением или зоны сезонных перекочевков – одно не исключает другого.

Два котла того же круга зафиксированы глубоко в тайге (рис. 1: 58, 59). В целом их можно соотносить с зоной экспансии на север, начало которой фиксирует группа Кала-Урын – Броды. Но, если принять эту связь, остается только гадать, как к этому населению могли попасть вещи, которые исследователи связывают с важными (вероятно и ритуальными) сторонами культуры степных кочевников, свидетельств о пребывании которых нет в округе на сотни километров? До появления новых данных в качестве решений можно предложить лишь фантазии.

После описанных выше бурных событий и судьбоносных перемен в Волго-Уралье наступает относительное затишье. Известные по письменным источникам перемены в степи (появление сарагур, урогов и оногур около 463 г., затем савир, авар, наконец, утверждение на юго-востоке Восточной Европы Тюркского каганата в 560-е или первой половине 570-х гг.) хотя и повлияли на контекст развития местных культур, сложившихся в V в., но не прервали их постепенной эволюции, связанной в основном с внутренними факторами. Новые потрясения в Волго-Уралье относятся уже к финалу эпохи Великого переселения народов и раннему средневековью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЛГО-УРАЛЬЕ В КОНЦЕ IV–IX ВВ.

РАЗДЕЛ I СЕВЕР СТЕПНОЙ ЗОНЫ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ПОЛОСА

Глава 1

Гуннская эпоха в Самарском Поволжье

Глава 2

Памятники бассейна р. Белой

Глава 3

**Памятники оседлого населения
Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья**

РАЗДЕЛ I

СЕВЕР СТЕПНОЙ ЗОНЫ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ПОЛОСА

ГЛАВА 1

ГУННСКАЯ ЭПОХА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Памятники эпохи раннего средневековья на территории Самарского Поволжья делятся на две большие группы: памятники оседлого населения (киевского круга, лбищенского типа, именьковской культуры) и кочевнические древности позднесарматского и гуннского времени.

Общую сводку памятников гуннского круга, выявленных в Самарском Поволжье, по состоянию на 2000 г. привел А.В. Богачев (Богачев, 2000) (рис. 1).

В связи с проблемой формирования гуннских древностей представляют интерес сравнительно немногочисленные памятники позднесарматской культуры, основная часть которых опубликована (Мышкин, Скарбовенко, 2000). К заключительному этапу позднесарматской культуры (середина III–IV в.) исследователи относят два комплекса: впускные захоронения в кургане 13 Андреевского могильника и в кургане 26 могильника Гвардейцы I (Мышкин, Скарбовенко, 2000, табл. 35; 44). Оба погребения ориентированы головой на север и совершены в подбойных могилах. В погребениях обнаружены бронзовые фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и ромбическим, коленчато-изогнутым щитком, бронзовые подвески-колокольчики и серьги, гранатовые и стеклянные бусы, глиняные лепные сосуды, пряслица, зеркальце из белого сплава с коротким боковым выступом и петелькой-шишечкой на тыльной стороне (рис. 2, 3).

Среди выявленных в Самарском регионе комплексов, связываемых с кочевническим населением позднесарматского времени, необходимо отметить материалы кургана 9 могильника Конезавод I в Красноярском районе (рис. 4; Зубов, Багаутдинов, 2019). В насыпи кургана зафиксирована каменная наброска, в центре кургана располагалось разрушенное грабителями погребение. Анализ сохранившегося погребального инвентаря позволил В.Ю. Малашеву отнести этот комплекс, как и комплекс погребения кургана 4 Кировского I могильника, опубликованного И.Н. Васильевой (Васильева, 1979), к группе II б позднесарматских

захоронений и датировать его второй половиной III в. (Малашев, 2000, с. 207). Авторы раскопок датировали изученное погребение по комплексу признаков первой половиной – серединой III в. (Зубов, Багаутдинов, 2019, с. 109).

К кругу позднесарматских захоронений в Самарском Поволжье можно отнести и три ингумационных погребения, исследованных на Сиделькинском II селище: два погребения по обряду ингумации, совершенные в культурном слое поселения и перекрытые каменной наброской, и погребение в подбое производственного сооружения (рис. 5). Важно отметить, что черепа из двух погребений имеют признаки искусственной деформации. Одно из погребений сопровождалось крупной железной круглорамчатой пряжкой (рис. 6: 2). Имеющиеся не калиброванные радиоуглеродные датировки двух погребений (1720 ± 70 ВР, т. е. 230 \pm 70 г. н. э. и 1750 ± 45 лет, т. е. 200 \pm 45 г. н. э.) подтверждают наиболее вероятную археологическую датировку погребений серединой – второй половиной III в. (Сташенков, 2005).

С сарматским населением может быть связана и находка на Сиделькинском II селище статера боспорского правителя Рескупорида V, датирующегося 561 г. Боспорской эры (264–265 г. н. э.) (рис. 6: 4), а также фрагмента бронзовой фибулы с ромбическим щитком (рис. 6: 3), аналогичной найденным в кургане 13 Андреевского могильника и в кургане 26 могильника Гвардейцы I. По классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966) фибула относится к группе 13 фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, варианту 8 – крупных с коленчато-изогнутой спинкой (поволжско-сарматских коленчатых фибул с завитком), а по классификации А.С. Скрипкина – к группе III фибул с завитком на конце пластинчатого приемника, типу I фибул с плоской спинкой, верхней тетивой и четырехвитковой пружиной, варианту 2а с коленчато-изогнутой ромбической спинкой (Скрипкин, 1984, с. 32, рис. 12, 35).

Подобные фибулы встречаются в погребениях кочевников сарматского круга на широкой

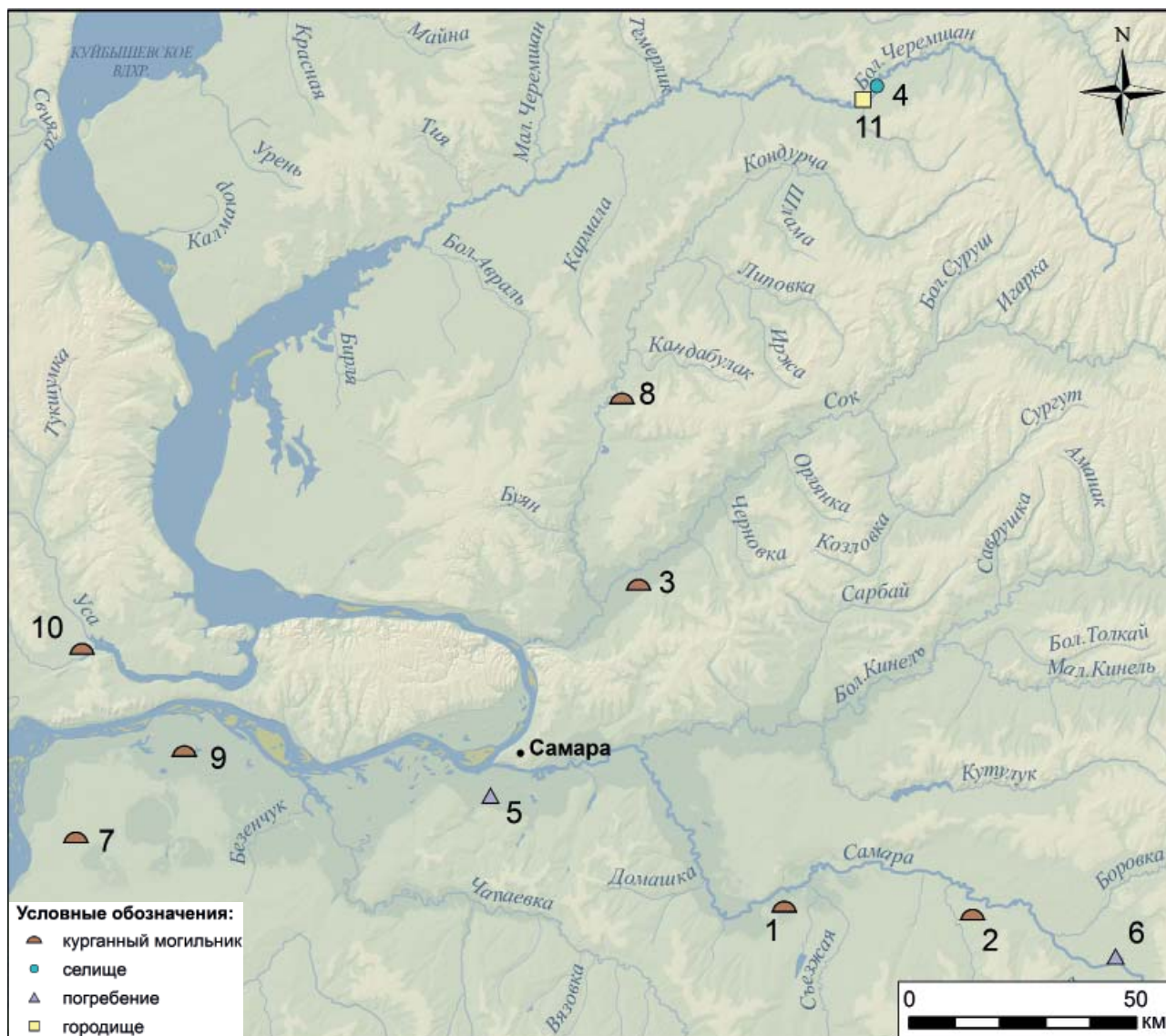

Рис. 1. Памятники гуннской эпохи в Самарском Поволжье.

1 – Андреевский курганный могильник; 2 – курганный могильника Гвардейцы I; 3 – курганный могильник Конезавод I; 4 – Сиделькинское II селище; 5 – 113 км г. Самара; 6 – Федоровское погребение; 7 – Владимировский курганный могильник; 8 – Лузановский IV курганный могильник; 9 – курганный могильник Кряж I; 10 – Мурманский могильник; 11 – Пролетарское городище.

территории и датируются концом III – началом IV в. (Амброз, 1966, с. 46; табл. 5, 22). По мнению А.С. Скрипкина, фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника местного, поволжского производства и второй вариант их он также датировал концом III – началом IV в. (Скрипкин, 1984, с. 44).

Пожалуй, конец III – начало IV в. – наиболее поздние датировки для сарматских памятников региона. Сарматские комплексы, которые можно было бы датировать второй половиной IV в., в Самарском Поволжье не выявлены.

Данных об устойчивых контактах позднесарматского и гуннского населения в Самарском регионе на сегодняшний день не имеется. Тем боль-

шее значение приобретает впускное захоронение 1 кургана 3 I Кряжского могильника (Зудина, 1984, с. 5–8), которое можно отнести к раннему гуннскому или к гунно-сарматскому кругу (Сташенок, 2007).

Погребение обнаружено под сооруженной в эпоху бронзы насыпью кургана диаметром 15 м и высотой 0,3 м. Очертания могильной ямы на фоне погребенной почвы не зафиксированы. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая – слегка согнута в локте и кистью уложена на таз. Ноги прижаты друг к другу и вытянуты (рис. 7: 1). Под локоть левой руки был положен железный нож (рис. 7: 2). Около за-

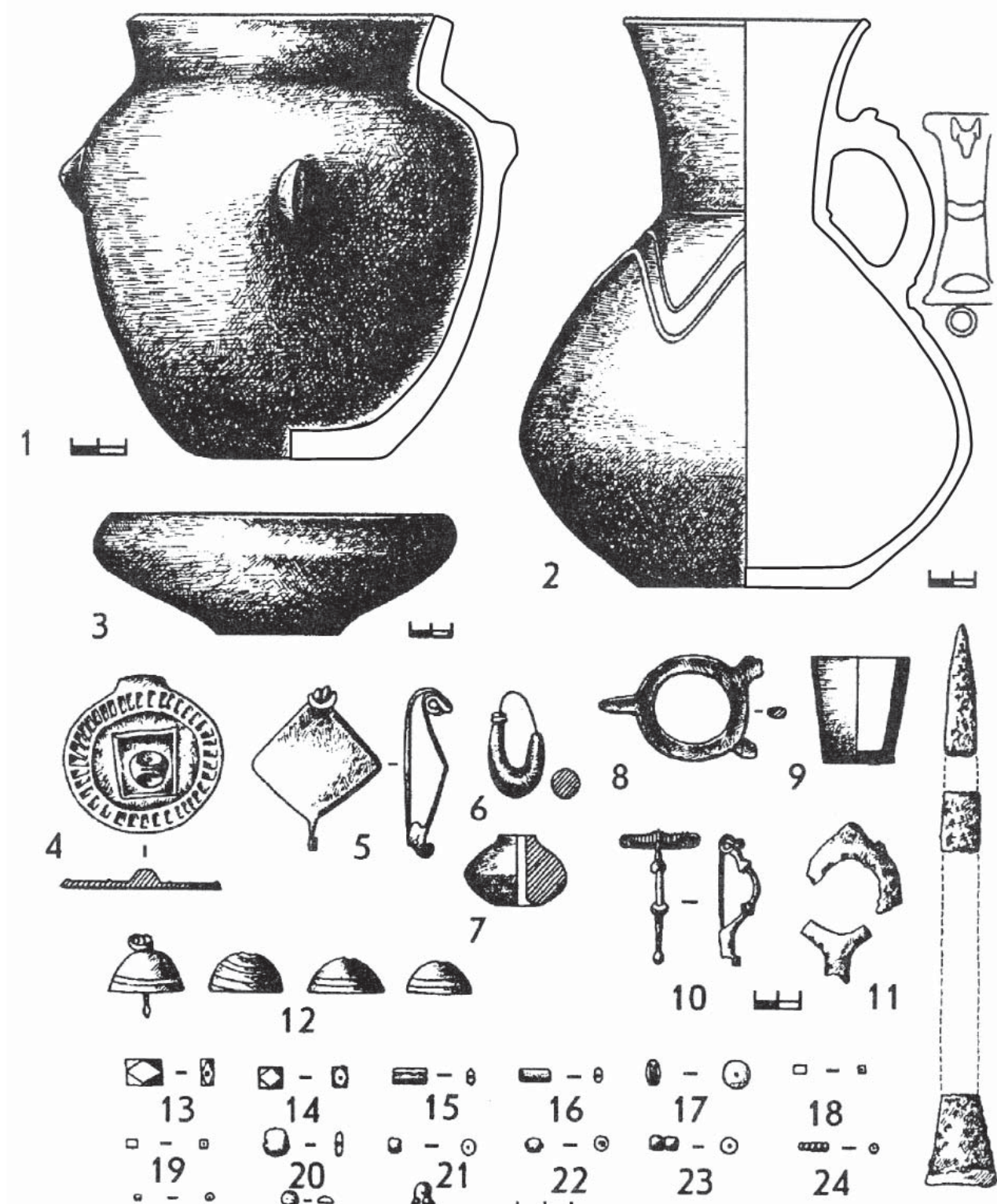

Рис. 2. Андреевский курганный могильник. Вещи из погребения 2 кургана 9 (2, 3, 8, 9, 11, 28) и погребения в кургане 13 (1, 4-7, 12-24).

1 – лепной сосуд; 2 – кувшин; 3 – миска; 4 – зеркало; 5, 10 – фибулы; 6 – серьга; 7 – пряслице; 8 – пряжка; 9 – курильница; 11 – кольцо; 12 – подвески-колокольчики; 13-25 – бусы; 26-27 – бляшки; 28 – наконечник копья. 1-3, 7 – глина; 4 – биллон; 6, 10, 12, 27 – бронза; 8 – кость; 11, 28 – железо; 13-17, 20-25 – стекло; 18-19 – пирит (?); 26 – серебро. Рис. по: Мышкин, Скарбовенко, 2000, табл.44

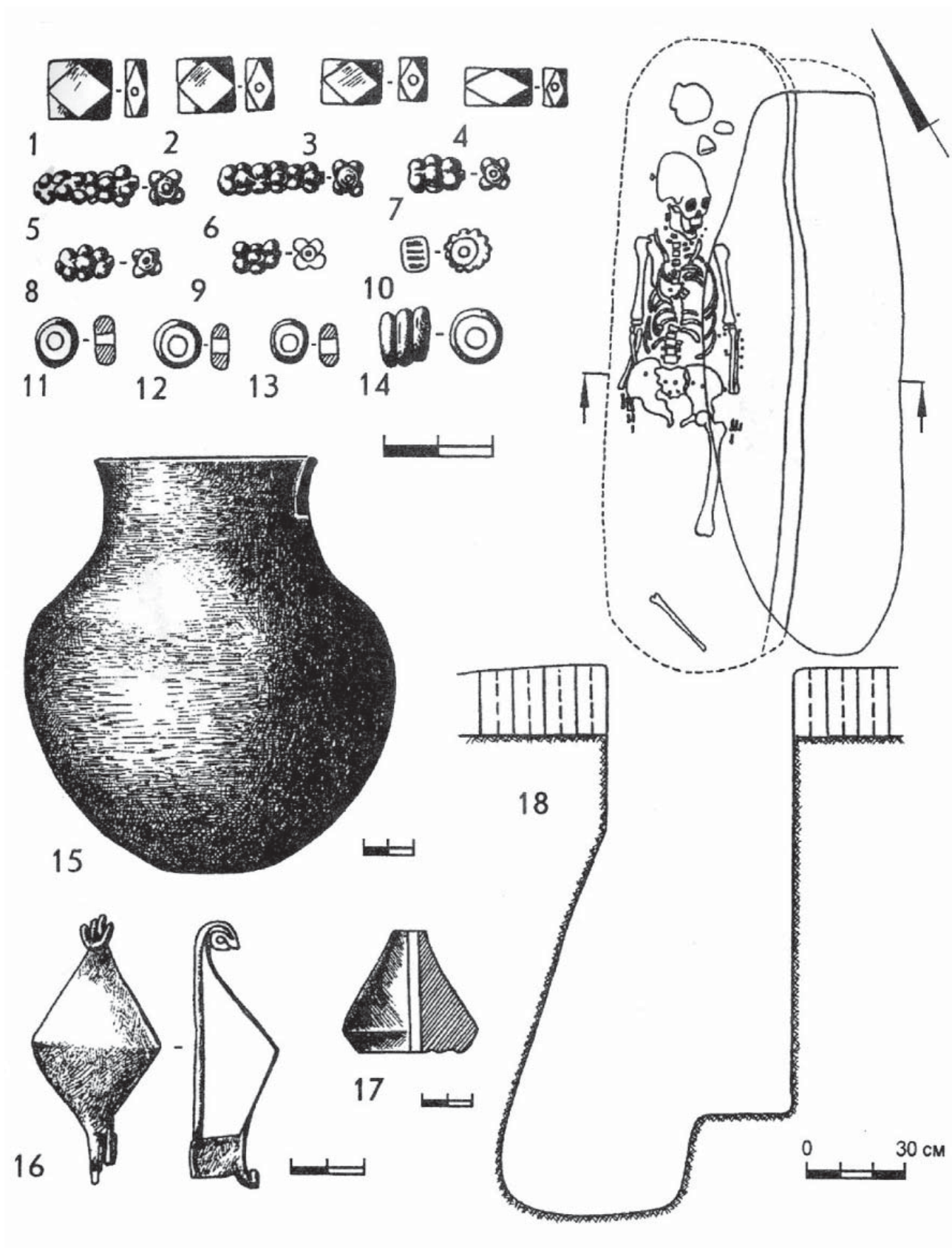

Рис. 3. Курганный могильник Гвардейцы I Вещи из погребения 1 кургана 26.

1-14 – бусы; 15 – сосуд; 16 – фибула; 17 – пряслице; 18 – план погребения.

1-4 – гранат; 5-14 – стекло; 15, 17 – глина; 16 – бронза. Рис. по: Мышкин, Скарбовенко, 2000, табл. 35

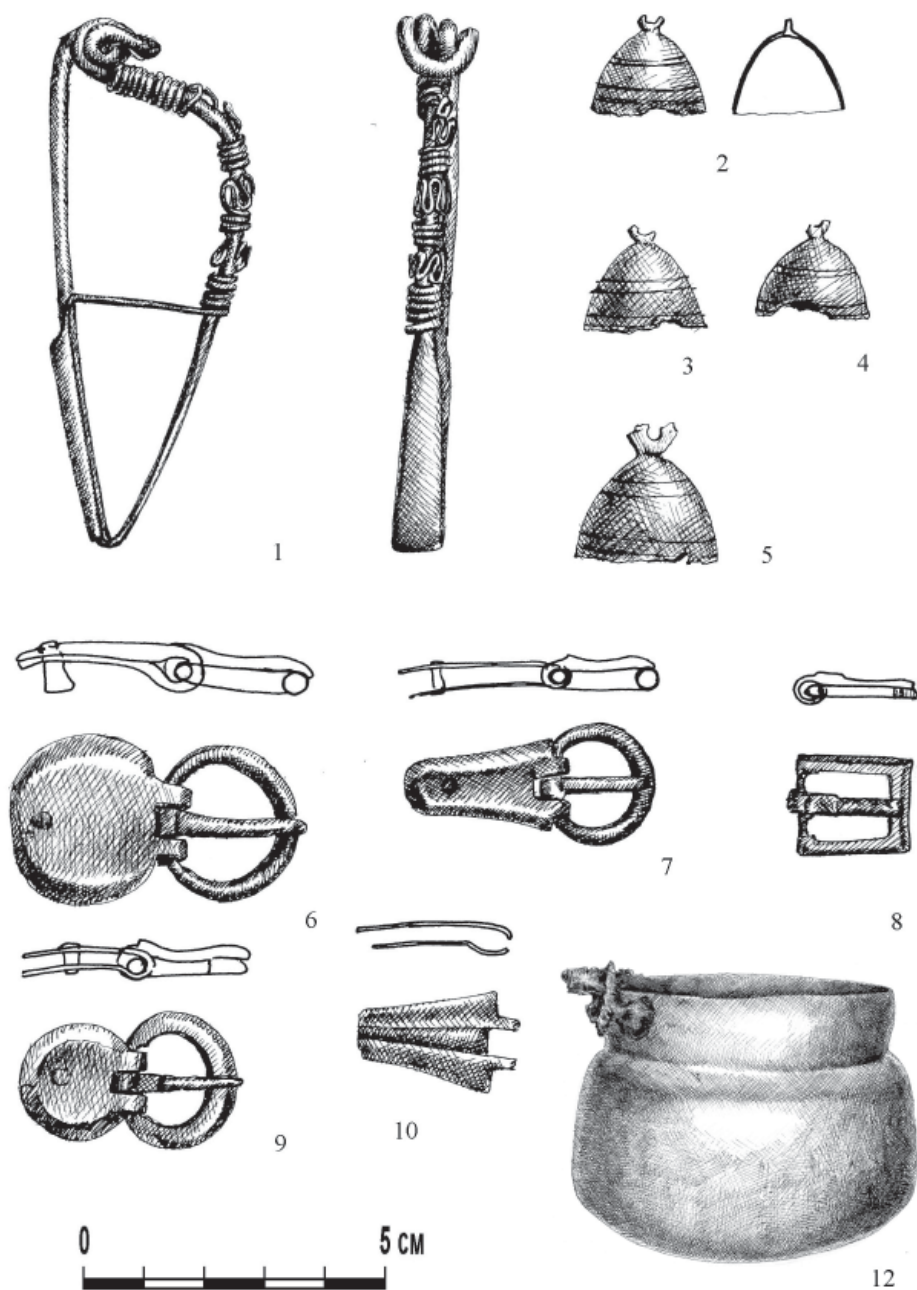

Рис. 4. Курганный могильник Конезавод I. Вещи из погребения кургана 9.
1 – фибула; 2–5 – подвески-колокольчики; 6–9 – пряжки; 10 – щиток от пряжки; 11 – котел (без масштаба).
1–11 – бронза

пястья правой руки обнаружена железная пряжка овальной формы с чуть выступающим за рамку хоботком (рис. 7: 3). Пряжку можно датировать в пределах III–V в. Слева от черепа лежали 4 позвонка животного в сочленении.

В насыпи восточной части кургана в разных местах найдены фрагменты от двух сосудов, видимо, синхронных описанному погребению.

Первый сосуд представлял собой высокий узкогорлый горшок с прямой шейкой и выпуклым туловом (рис. 7: 5). Цвет сосуда темно-серый. Поверхность грубая, бугристая. Сосуд имеет при-

месь шамота и органики в формовочной массе. По краю венчика нанесен орнамент в виде насечек. Подобные сосуды известны в гунно-сарматских памятниках II–IV в. Южного Зауралья (Боталов, 2000, рис. 17: 20).

Второй сосуд, от которого сохранилась верхняя часть, также имеет прямую шейку и выпуклое тулово (рис. 7: 4). Цвет сосуда коричневый. Поверхность заглажена. Орнамент состоит из пальцевых зацепов по венчику. Сосуд изготовлен из пластичной ожелезненной глины с примесью шамота и органики. Аналогичная керамика встречена на

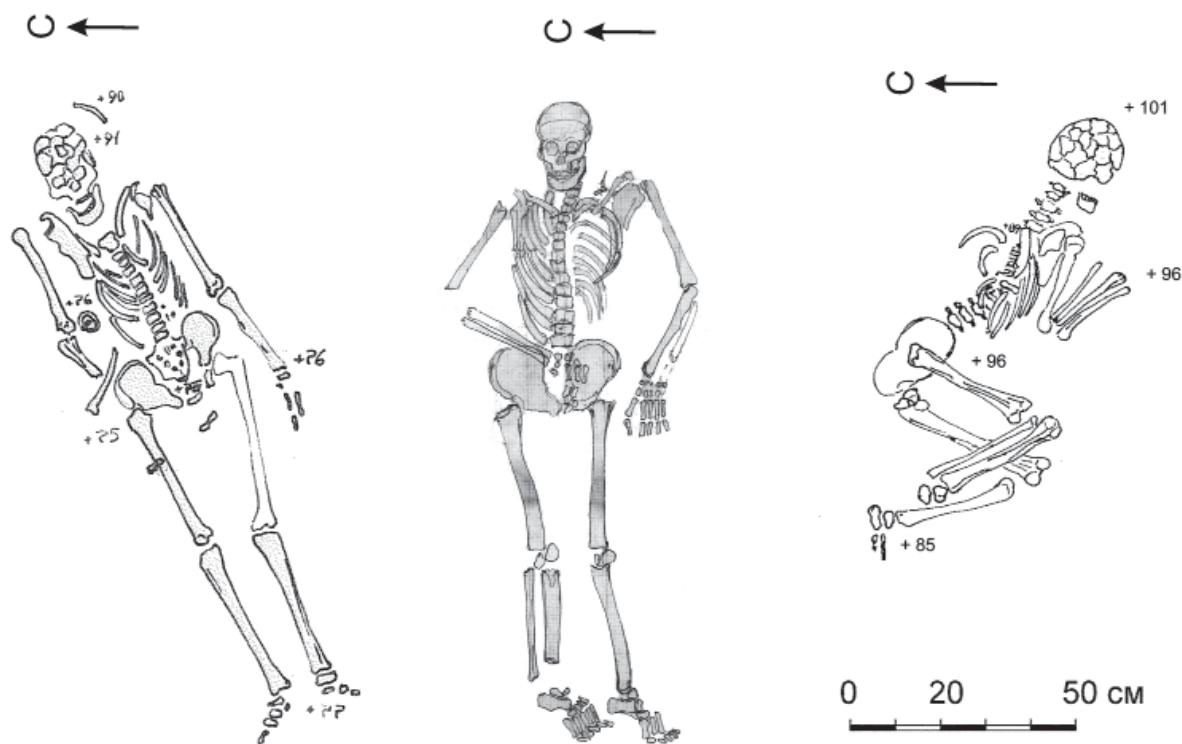

Рис. 5. Сиделькинское II селище. Ингумационные погребения.
1 – раскоп 3 погр.1; 2 – раскоп 6 погр. в соор. 26; 3 – раскоп 3 погр. 2.

поселенческих памятниках круга полей погребений.

Представляется возможным отнести кряжское погребение к кругу гунно-сарматских памятников и датировать его в пределах III–IV в.

Памятники, непосредственно связываемые с кочевниками гуннского круга, в Самарском Поволжье составляют небольшую, но достаточно выразительную выборку. Первые сведения о них были приведены профессором В.В. Гольмстен.

В 1928 г. В.В. Гольмстен опубликовала найденный крестьянами с. Федоровки комплекс предметов из разрушенного погребения (?) кочевника гуннского времени (Гольмстен, 1928, рис. 54–63), включающий железные меч (рис. 8: 1; 10: 4) и кольчугу (рис. 9), наконечники стрел (рис. 8: 2–5; 10: 2), серебряные украшения ременного и уздечного наборов (рис. 8: 6–8, 14; 10: 1), золотые, инкрустированные гранатовыми вставками фрагменты диадемы и наконечник ремня (рис. 8: 10–13, 15; 10: 3). К материалам данного погребения, в силу его принципиальной важности для этнокультурной истории всего Поволжского региона, неоднократно обращались разные исследователи. В 1956 г. Е.К. Максимов отнес его, с оговорками, к группе подкурганых погребений V–VIII в. Нижнего Поволжья, связываемых им с сармато-алан-

скими племенами (Максимов, 1956, с. 67, 82). Затем комплексы этого погребения анализировали А.К. Амброз, И.П. Засецкая, А.В. Богачев, причем каждый из этих исследователей давал свою датировку. А.К. Амброз датировал комплекс VI–VII в. (Амброз, 1981, с. 14–16), И.П. Засецкая – V в. (Засецкая, 1994, с. 115–116), А.В. Богачев – первой четвертью V в. (Богачев, 1998, с. 17).

Традиционно к гуннскому кругу памятников относится и впускное погребение в кургане 4 курганного могильника у с. Владимировка Хворостянского района, исследованное в 1974 г. И.Б. Васильевым и впервые опубликованное В.А. Скарбовенко (Скарбовенко, 1979). Ингумационное погребение ребенка 3–5 лет сопровождалось богатым набором вещей, находившихся в 0,6 км к югу от костяка. Предметы носили следы воздействия огня. В состав инвентаря входили железные трехлопастные наконечники стрел, обкладки луки седла из золотой фольги, три круглые бронзовые бляхи с обкладкой из золотой фольги с изображением человеческих личин, обтянутые золотой фольгой бронзовые накладки с тисненным орнаментом (рис. 11).

Владимировское погребение стало одним из опорных пунктов в известной дискуссии А.К. Амброза и И.П. Засецкой о хронологии памятников

Рис. 6. Сиделькинское II селище. Индивидуальные находки из культурного слоя (1,3-4) и погребений (2).
1-2 – пряжки; 3 – фрагмент фибулы; 4 – монета. 1, 3 – бронза; 2 – железо; 4 – серебро.

шиповского круга. И.П. Засецкая датировала памятники группы ХГЗ 2, к числу которых отнесено Владимировское погребение, второй половиной V в. (Засецкая, 1994, с. 130–131), А.К. Амброз памятники того же круга (группы II) датировал VI – серединой VII в. (Амброз, 1989, с. 81–82). А.В. Богачев датировал комплекс третьей четвертью VI в., но, отнеся его к постгуннскому времени, обосновал правомерность рассмотрения его в ряду памятников гуннского круга (Богачев, 1998, с. 24). Болгарский исследователь Рашо Рашев в монографии «Праболгары в V–VII вв.»,

анализируя комплексы VI–VII в. из выделенной И.П. Засецкой II группы (Покровской), указывал на Владимировское погребение в числе прочих, связываемых им с собственно болгарским этносом (Рашев, 2004).

Специалистам остается малоизвестным исследованное в 2005 г. Н.В. Овчинниковой впускное погребение 2 кургана 1 Лузановского IV курганного могильника (Лебедева, 2008, рис. 3). Погребение взрослой женщины, ориентированной головой на север, сопровождалось бронзовыми серьгой, скобкой и железным предметом, веро-

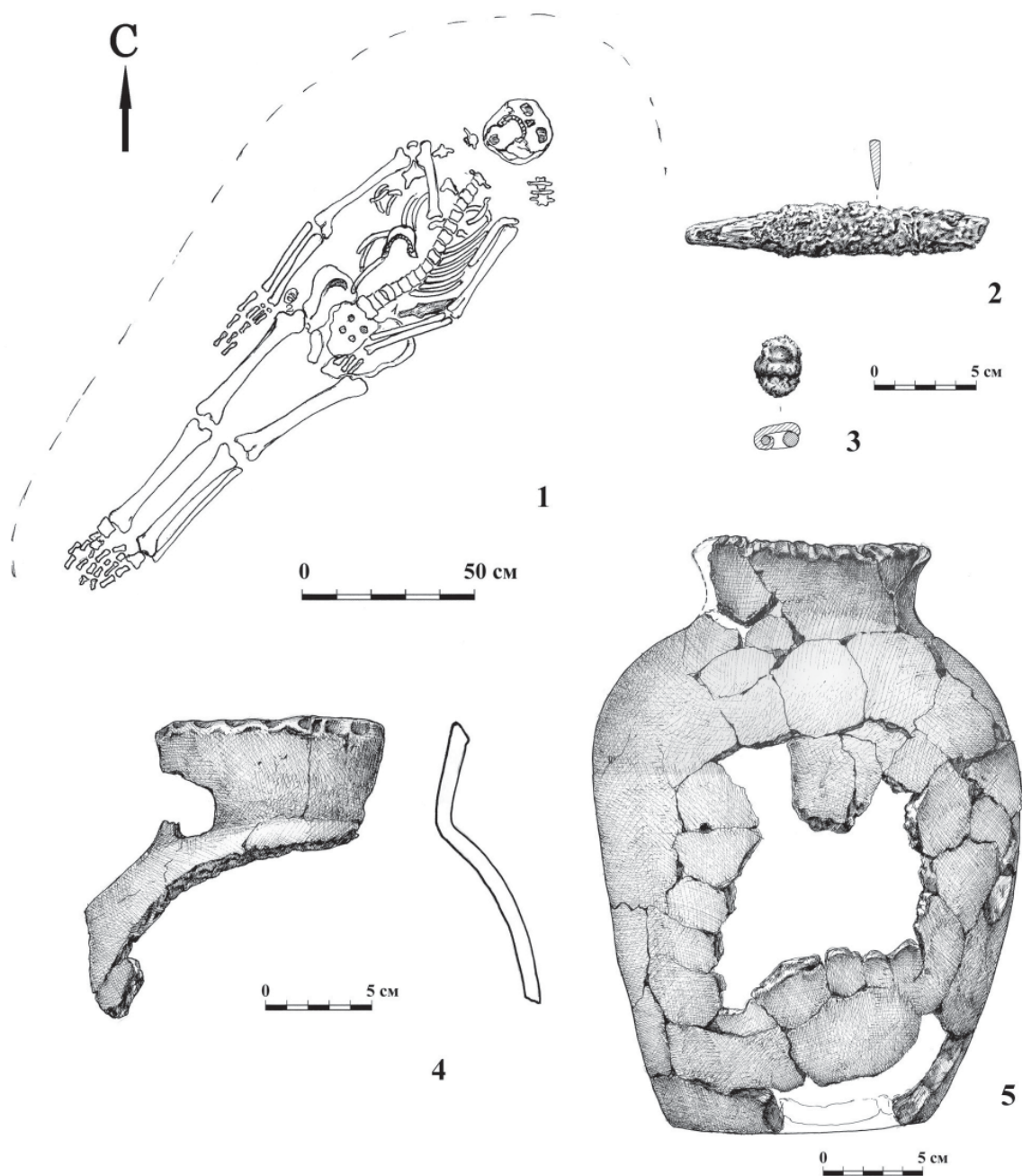

Рис. 7. Курганный могильник Кряж I. План и вещи из погребения 1 кургана 3.
1 – план; 2 – нож; 3 – пряжка; 4 – фрагмент лепного сосуда; 5 – лепной сосуд. 2–3 – железо; 4–5 – глина

ятно, пряжкой (рис. 12). На основании находки бронзовой калачевидной серьги погребение датируется гуннским временем.

К гуннской эпохе относится также разрушенный комплекс на территории пос. 113 км г. Самары (рис. 13). В 2005 г. в Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина были переданы три фрагмента бронзового котла, которые нашли рабочие, проводившие земляные работы на территории промышленного предприятия. При осмотре места земляных работ была проведена зачистка стенок траншеи, в которой

была совершена находка, в строительном отвале были обнаружены еще два фрагмента стенок котла (Сташенков, 2007). При проведении опроса рабочих установлено, что площадь, на которой были встречены находки, не превышала 3 кв. м.

В ходе исследования сохранившегося участка площадью 0,7 кв. м установлено, что фрагменты бронзового котла, разбитого в древности, стратиграфически приурочены к старому дерновому слою. В слое погребенной почвы – плотном коричневом суглинке – находок не встречено. В старом дерновом слое и непосредственно под ним в

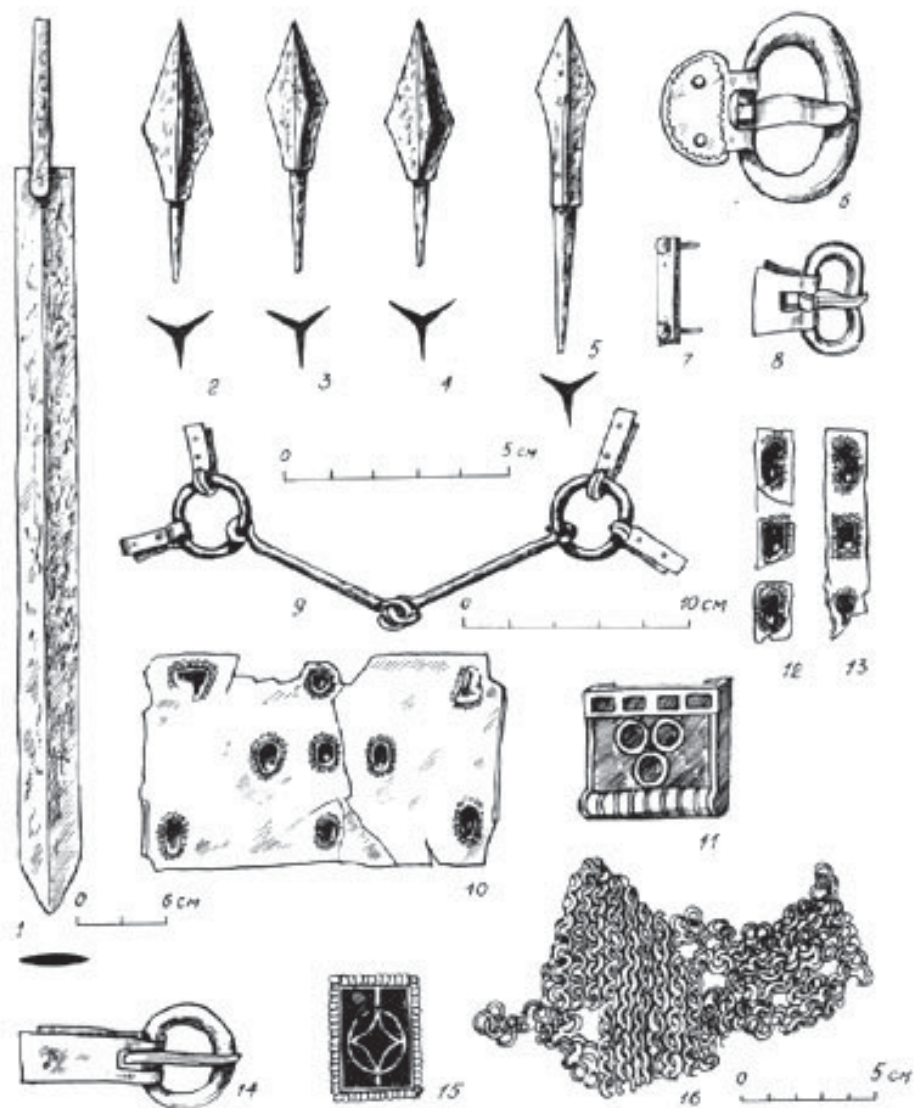

Рис. 8. Федоровское погребение.

1 – меч; 2–5 – наконечники стрел; 6, 8, 14 – пряжки; 7 – накладка; 9 – удила; 10 – фрагмент диадемы; 11 – наконечник ремня; 12, 13, 15 – накладки; 16 – фрагмент кольца.
1–5, 16 – железо; 6–8, 14 – серебро; 9 – железо, серебро; 10–13, 15 – золото, гранаты

тонкой сажистой прослойке *in situ* были зафиксированы мелкие угольки и три фрагмента бронзового котла, имеющие явные признаки пребывания в огне, оставленные на поверхности почвы после проведения обряда. На одном из фрагментов лежала тонкая неорнаментированная золотая фольга в виде прямоугольного листа размерами 4 x 3,2 см с аккуратно обрезанными с двух сторон краями. С одной стороны листа проколото отверстие диаметром менее 1 мм, возможно, это след от иглы. Судя по размеру отверстия, фольга была нашита на одежду. Следы пребывания в огне на фольге отсутствуют.

Форма и тип котла уверенно восстанавливаются по фрагментам и аналогиям. Котел относится к группе II по классификации Н.А. Боковенко и И.П. Засецкой (Боковенко, Засецкая, 1993). Кот-

лы этой группы имеют цилиндрическое тулово с округлым дном, цельные ножки и подпрямоугольные рамкообразные ручки, расположенные вертикально. У котлов первого варианта этой группы ручки увенчаны грибовидными выступами, аналогичными найденному. Под венчиком имеется рельефное ребро, отделяющее горловую часть от тулова сосуда. Орнамент представлен поясками «бахромы» или «ячеек». Подобные котлы с «ячеистым» орнаментом и ручками с грибовидными выступами известны на территории Венгрии (Капошвельд и Тёртель; рис. 14: 3; см. Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 7, 42–43).

Находка на 113 км г. Самары фрагментов котла с орнаментацией, аналогичной встреченной на венгерских котлах, может служить дополнительным аргументом в пользу того предположения,

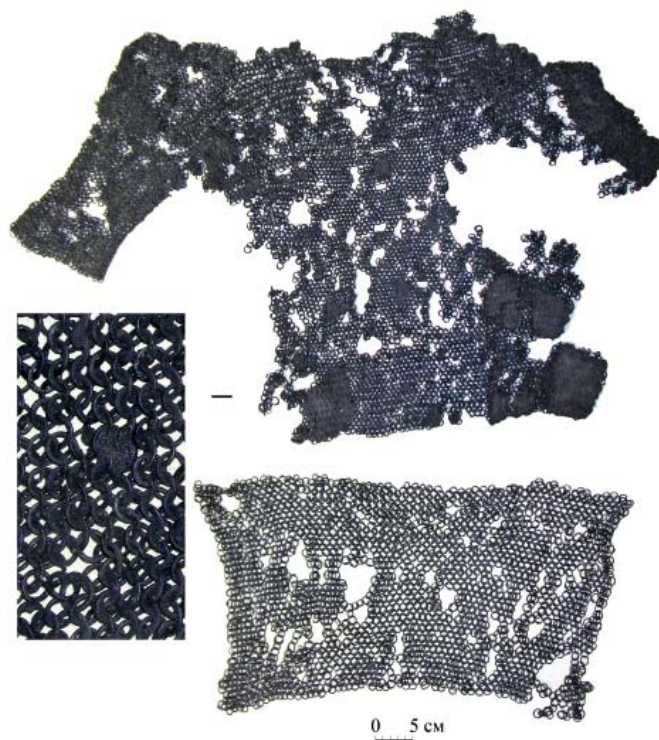

Рис. 9. Федоровское погребение. Кольчуга. Железо.

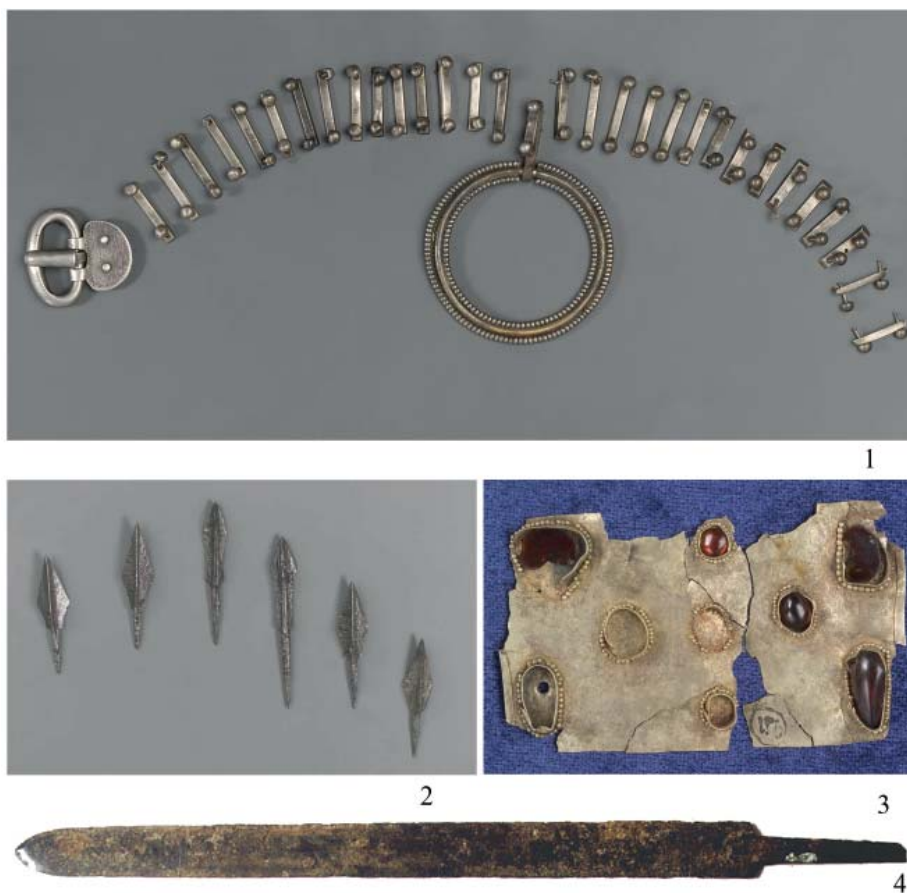
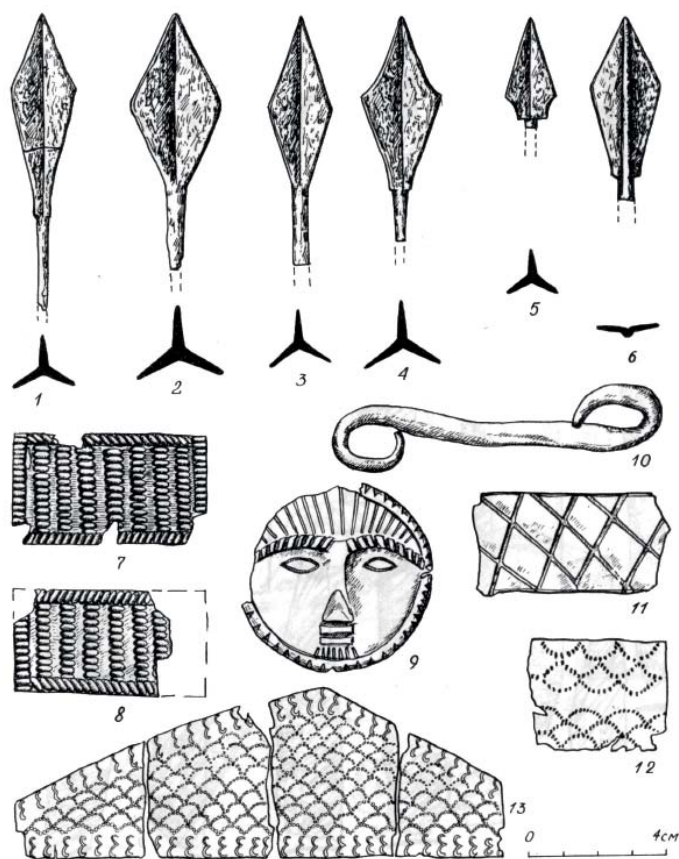

Рис. 10. Федоровское погребение.
1 – ременной набор; 2 – наконечники стрел; 3 – фрагмент диадемы; 4 – меч.
1 – серебро; 2, 4 – железо; 3 – золото, гранаты

7-9

Рис. 11. Владимировский курганный могильник. Вещи из впускного погребения кургана 4. 1-6 – наконечники стрел; 7-9, 11-13 – накладки; 10 – фрагмент удила. 1-6, 10 – железо; 7-9, 11-13 – золото

что «именно с территории Среднего Поволжья и Приуралья началось одно из этапных движений гуннов на запад» (Боковенко, Засецкая, 1993, с. 85).

В целом комплекс, обнаруженный на 113 км г. Самары, явно имеет ритуальный характер. Все 8 фрагментов котла, собранных из комплекса, имеют следы пребывания в огне. К сожалению, крайне незначительная площадь сохранившейся части комплекса не дает возможности установить, является ли он остатками захоронения по обряду кремации или свидетельством какой-либо иной церемонии, связанной с сожжением приношений на сильном огне. Комплекс может быть отнесен к гуннскому времени и датирован концом IV–V в.

На территории Среднего Поволжья имеются еще находки котлов, относящихся ко второму варианту группы II: бронзовый котел, найденный в 1884 г. у д. Осоки в Симбирской губернии

(рис. 14: 1; Буров, 1985; Засецкая, 1994, табл. 22: 2), и бронзовый котел, обнаруженный в 1980 г. у д. Татарское Сунчелеево Аксубаевского района Республики Татарстан (рис. 14: 2; Сунгатов, 2002, рис. 1: 2-3).

Указанные находки котлов, а также иные опубликованные Г.М. Буровым материалы из Ульяновской области (Буров, 1985) свидетельствуют о том, что Самарское Поволжье не является самым северным пунктом распространения находок гуннского круга.

Кроме находок, традиционно связываемых с гуннским кругом древностей, нужно отметить находку золотого колта на территории Муранского могильника золотоордынской эпохи (рис. 15: 1). По описанию В.Н. Поливанова, это «золотой медальон подковообразной формы, длиной в 1 1/2 вершка и весом 14 1/3 золотников чистого золота. Находка этой крайне интересной вещи сделана

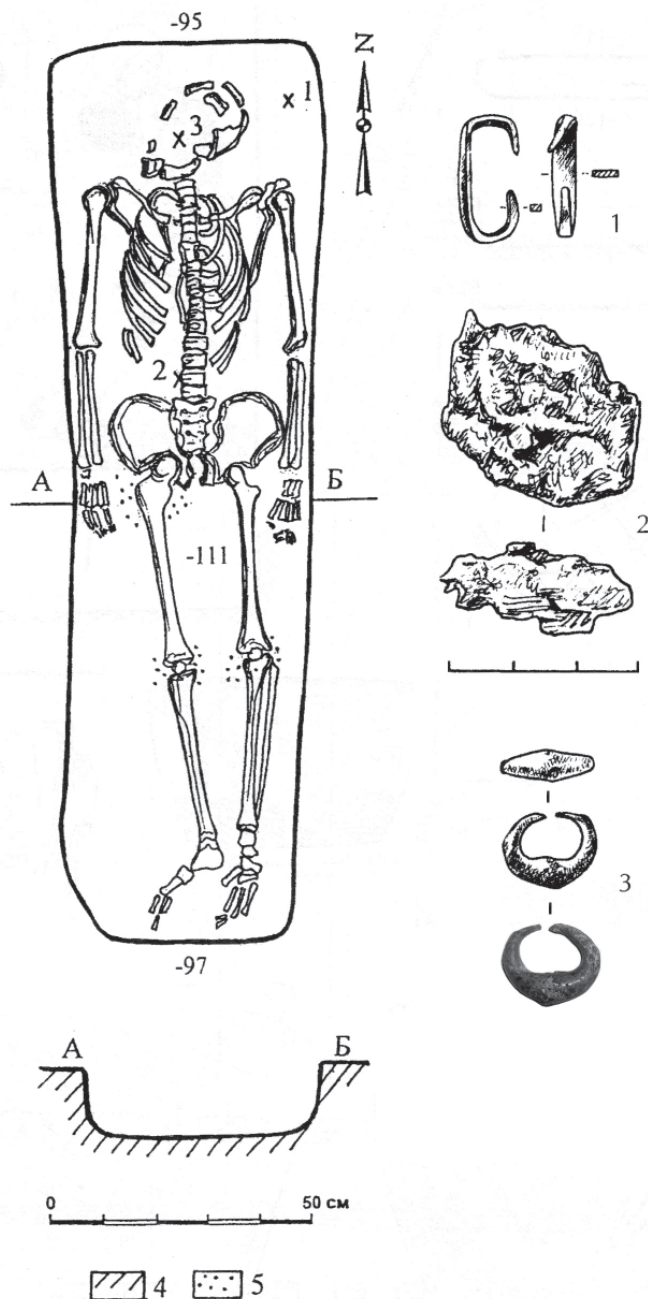

Рис. 12. Лузановский IV курганный могильник. План и вещи из погребения 2 кургана 1.
1 – обойма; 2 – пряжка (?); 3 – серьга. 1, 3 – бронза; 2 – железо

была случайно в 1888 году. К сожалению, никаких данных об ее положеніи и других одновременно с нею открытых вещах неизвестно. Вещь эта нашедшими была продана одному из соседних землевладельцев, от которого г. Поливанов приобрел ее для Императорскаго Эрмитажа. Средину выпуклаго медальона занимает пустота, которая, несомненно, заполнялась выпавшим из нея камнем. Вокруг камня идут два ряда симметрично расположенных городами (гроздьями?) золотых шариков. Обе стороны подвески отделаны совершенно одинаково, и бока их крепко спаяны. К верхним концам медальона прочно и красиво прикрепле-

ны два прямых ушка с отверстиями, посредине покрытых ниткой из того же золотого бисера» (Поливанов, 1900, с. 26).

Вероятно, именно эту находку опубликовал Н. Кондаков в 1896 г. как серьгу из Симбирской губернии (Кондаков, 1896, рис. 117, с. 202).

Два аналогичных золотых котла обнаружены около Крестова городища на территории современной Ульяновской области в комплексе с золотой шейной цепью сложного витья (рис. 15: 2). В литературе этот комплекс известен также под названием «Кайбельский клад» (рис. 15: 2; Буров, 1985, с. 122, рис. 3: 6). По данным Н. Кондакова

Рис. 13. Фрагменты бронзового котла. 113 км г. Самара

Рис. 14. Бронзовые котлы группы II по классификации Н.А. Боковенко и И.П. Засецкой (Боковенко, Засецкая, 1993). 1 – Осока; 2 – Татарское Сунчелеево; 3 – Тёргель, Венгрия

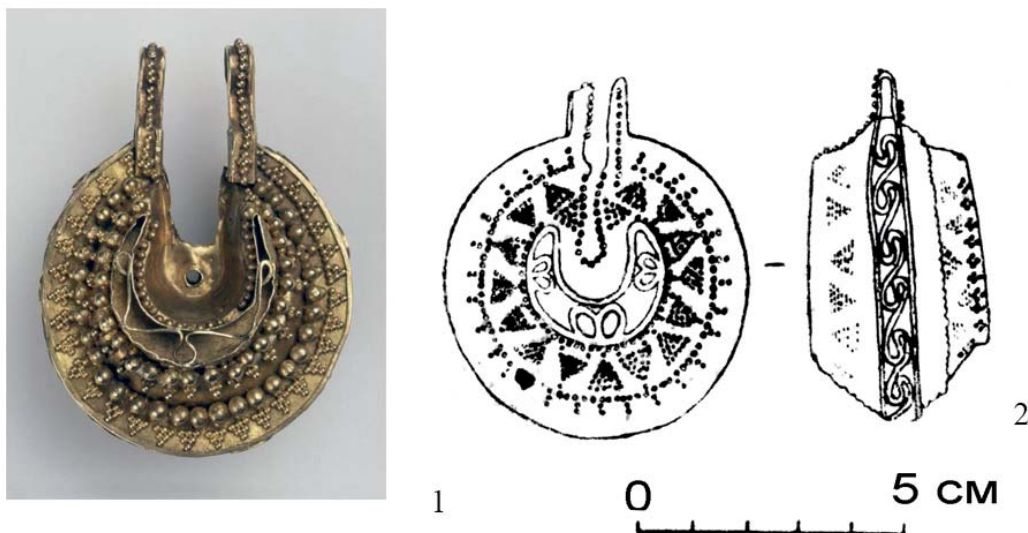

Рис. 15. Колты. Золото. 1 – Муранский могильник (место хранения – Государственный Эрмитаж); 2 – Кайбелы (рис. по: Буров, 1985, рис.3: 6)

и И. Толстого, клад был найден в 1861 г. и состоял из утраченной золотой цепи на четыре грани с золотой массивной подвеской и большой золотой серьгой весом 23 зол. «Серьга состоит из двух полушарий, скрепленных широким ободом; толщина всей серьги более $\frac{1}{2}$ вершка; поверхность набрана бисерными треугольниками. Срединка была украшена пилеными гранатами или красными стеклами. Подвеска, в виде небольшой втулки с кольцом наверху, служила, очевидно, для тигрового когтя или клыка и имела значение амулета; она украшена гранатами в гнездах и двух ячейках, имеющих обычную форму запятых» (Русские древности..., 1890, с. 144, рис. 174).

Несмотря на малое количество имеющегося материала, можно утверждать, что для погребальной обрядности кочевников Самарского Поволжья гуннской эпохи прослеживаются общие черты. Прежде всего, это культ огня. Следы воздействия огня носит погребальный инвентарь Владимирского погребения. Вещи в нем спеклись в один комок, между ними попадались мелкие угольки и отдельные вкрапления золы. Вещи были обожжены на стороне и затем помещены в могилу (Скарбовенко, 1979, с. 165). Так же, как и в комплексе на 113 км, земля в месте находки не была прокалена.

Следующий момент – размещение предметов в стороне от собственно захоронения. Это зафиксировано во Владимирском погребении и подкурганном захоронении из могильника Кряж I. Вероятно, такая же картина в случае полной сохранности могла быть прослежена в Федоровском «погребении» и в комплексе со 113 км г. Самары.

Возможно также, что наличие предметов из золота и его сплавов – диагностический признак комплексов гуннского круга, выявленных в Среднем Поволжье (они встречаются в Федоровском и Владимирском погребениях, а также в комплексе со 113 км).

Помимо собственно гуннского населения, с кочевым миром гуннской эпохи связаны и иные этнокультурные группы. В IV в. в Самарское Поволжье, видимо, в составе гуннских отрядов проникают и представители угорского населения. В материалах Пролетарского городища, существовавшего с III–IV в. до IX в., зафиксированы следы постройки каркасно-столбовой конструкции, характерной для саргатской культуры. Присутствует там и керамика, связываемая с населением, пришедшим в регион с территории Западной Сибири и Приуралья. Наиболее ранние материалы представлены фрагментами лепной керамики, орнаментированной насечками и вдавлениями по венчику, а также оттисками крупнозубчатого штампа в верхней части сосуда и резными узорами (рис. 16: 1–7). Аналогии такой керамике имеются в саргатских памятниках Зауралья и Южной и Западной Сибири (Овчинникова, 1988, рис. 4: 5, 7–9; Могильников, 1972, рис. 4: 5). По мнению В.А. Могильникова, саргатская культура прекращает свое существование в III–IV в., и часть населения этой культуры ушла на запад, где смешалась с другими народами (Могильников, 1972, с. 86). Причинами вероятной миграции саргатского населения в Поволжье в IV в. н. э. могли быть как природные условия – в частности, резкое увлажнение гумидной зоны в IV в., так и послед-

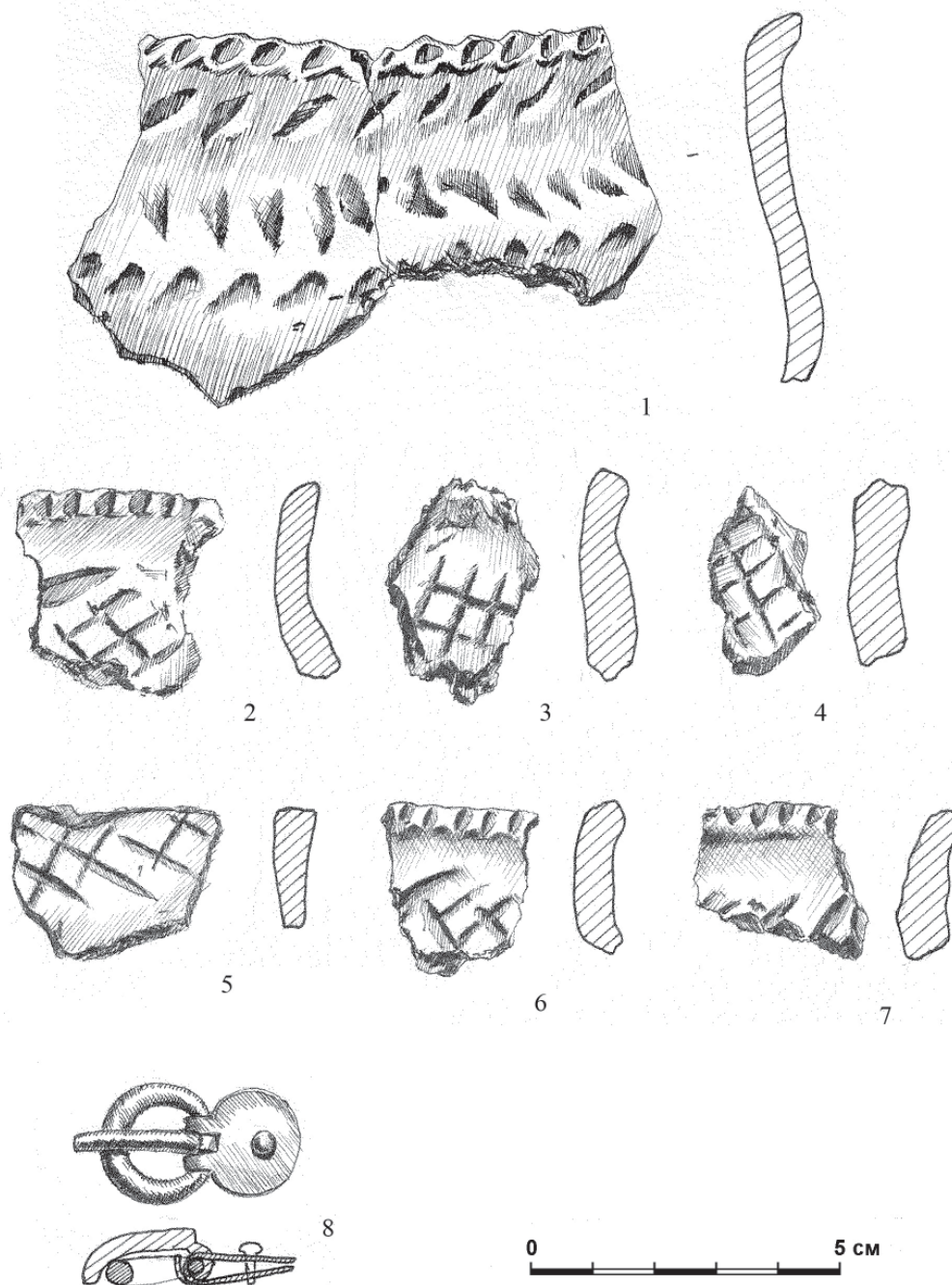

Рис. 16. Пролетарское городище. Находки из культурного слоя. 1–7 – фрагменты лепных сосудов; 8 – пряжка; 9 – наконечник стрелы. 1–7 – глина; 8 – бронза; 9 – железо

ствия длительных войн II–IV в. между гунно-сарматским и саргатским объединениями (Матвеева, 2006, с. 29–30).

Возможно, появление саргатского населения в Прикамье в конце IV в. н. э. (Голдина, 2006, с. 285) и на Средней Волге явилось отражением одного близкого по времени процесса.

Верхняя граница бытования комплексов данной культурно-хронологической группы на Про-

летарском городище маркируется находкой двух бронзовых пряжек, датирующихся IV – первой половиной V в. (рис. 16: 8).

Вероятно, с проникновением на территорию Поволжья кочевников гуннского круга связано прекращение существования памятников типа городища Лбище и Сиделькино-Тимяшево.

Судя по двучленной прогнутой подвязной фибуле из котлована 13 и наконечнику стрелы из

котлована 14, городище Лбище погибло на рубеже IV–V в. или в начале V в. Возможно, гибель памятника связана с гуннским нашествием. Тот факт, что культурном слое городища обнаружены человеческие костяки, лежащие в неестественных позах, и, по предположению Г.И. Матвеевой, принадлежащие убитым во время гибели городища (Матвеева, 1998, с. 88), свидетельствует о серьезном изменении политической обстановки в регионе в середине I тысячелетия.

Нужно отметить, что для Самарского Поволжья на всем протяжении гуннской эпохи был характерен сложный этнокультурный состав населения, обусловленный миграционными процессами. Следствием вызванной гуннским нашествием волны переселений было и появление в Среднем Поволжье многочисленного населения, завершившего формирование именьковской культуры.

ГЛАВА 2

ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА Р. БЕЛОЙ

Бахмутинская культура

Ярким примером эпохи Великого переселения народов являются многочисленные объекты, оставленные носителями бахмутинской археологической культуры в середине – второй половине I тыс. нашей эры. Несмотря на оригинальность археологического материала и широкую распространённость памятников подобного типа в регионе, многие существующие гипотезы, касающиеся генезиса, быта, исторической судьбы данного населения требуют дальнейшего изучения.

История изучения. Первые описания памятников оставлены путешественниками-краеведами П.И. Рычковым, Н.П. Рычковым, П.С. Палласом во второй половине XVIII в. Ими упоминаются Уфимское (Чертово), Кара-Абызское, Сорвихинское, Богородское, Камышинское I, Бирское (Чертово), Пономаревское городища (Рычков, 1762, с. 396; Рычков, 2012, с. 263; Рычков, 1770, с. 140, 145–152; Паллас, 1786, с. 13). В работах этих авторов информация представлена данными о топографии (Н.П. Рычковым составлены планы Камышинского I и Кара-Абызского городищ), описанием сохранившихся укрепленных сооружений, находок, а также сказаний и легенд местного населения об археологических объектах. Ряд поселений – Бирское, Соколей, Акбашевское городища – описаны Р.Г. Игнатьевым в справочных изданиях г. Уфы в середине XIX столетия (Памятная книжка..., 1873, с. 143–148; Справочная книжка..., 1883; с. 388; Игнатьев, 2013, с. 8). Археологические исследования на Ново-Медведовском и Андреевском городищах проведены Ф.Д. Нефедовым в конце XIX в. (Нефедов, 1899, с. 60).

В 1910–1912 гг. исследованием Уфимского (Чертова) городища занималась В.В. Гольмстен (Гольмстен, 1913, с. 12–13). В 1921 г. М.С. Смирновым и М.И. Касьяновым исследовались Чандарское городище и погребения Бахмутинского могильника, первые данные о котором были получены В.В. Гольмстен в 1910 г. (Гарустович, 2003, с. 61; Воробьева, 2015, с. 132; Гарустович, Минеева, 2003, с. 7).

«Золотой век» краеведения (1917–1930-е гг.), оставил после себя обобщенную информацию о многочисленных поселениях на территории Уфимско-Бельского междуречья, в числе которых

и объекты бахмутинской культуры (Вахрушев, 1926, с. 45–47).

Принципиально новые выводы о сущности древностей бахмутинского типа сделаны А.В. Шмидтом (Шмидт, 1929). На материалах изученных в 1928 г. погребений Бахмутинского могильника им была выделена новая археологическая культура. Исследования Чандарского селища и городища Соколиный камень позволяют охарактеризовать чандарский тип керамики. На основании сходства вещей, а также тождественности керамического комплекса исследователь делает вывод о том, что изученные поселения и некрополь синхронны и оставлены одним и тем же населением в V–VII вв. н. э. А.В. Шмидт выделяет две хронологические группы погребений: первая датируется исследователем V–VI вв., вторая – VI–VII вв.

А.В. Шмидт, руководствуясь находками чандарской керамики на площадках многочисленных поселений региона (Кара-Абызское, Бирское, Костаревское, Сандиякское, Уфимское (Чертово), Варьязское городища, Ново-Бирючевское, Анненское, Ахлыстинское, Кляшевское селища), также включает их в состав бахмутинской культуры, ограничивая территорию ее распространения низовьями рр. Уфы и Белой, а на севере бассейном р. Буй (городище Сандияк).

Новый этап изучения древностей бахмутинской культуры начинается во второй пол. XX в. В это время полевыми исследованиями памятников бахмутинской культуры занимались Н.А. Мажитов, Г.И. Матвеева, С.М. Васюткин, А.Х. Пшеничнюк, Ю.А. Морозов, В.А. Иванов, В.С. Стоколос, А.П. Шокуров. В конце 1950 – 1970-х гг. было выявлено наибольшее количество объектов данного типа (Археологическая карта..., 1976; Колонских, 2014, с. 353–360).

Основным исследователем памятников бахмутинской культуры в это время становится Н.А. Мажитов. Начиная с 1957 г. им проводятся многочисленные археологические исследования поселений в северных районах Республики Башкортостан. Н.А. Мажитов изучал Кансиярское, Юмакаевское, Камеевское, Тибельское, Сандугачевское, Афанасьевское, Ардашевское, Тучубаев-

ское городища, Камеевское, Тучубаевское и Ново-Карское селища (Мажитов, 1959, с. 143). В 1958 г. Н.А. Мажитов начинает исследование наиболее значимого для эпохи раннего средневековья памятника – Бирского могильника (Мажитов, 1968, с. 6, 10). Исследователь уточняет хронологию и включает в состав бахмутинской культуры как поселения и могильники в Северной Башкирии, так и объекты на территории юга Удмуртии, которые В.Ф. Генингом объединялись в понятие мазунинской археологической культуры (Мажитов, 1968, с. 26–27; Генинг, 1967, с. 58–59).

Данные выводы были сделаны Н.А. Мажитовым на материале изученных ранних погребений Бирского некрополя, а также исследованных им Каратамакского и Бахмутинского могильников. Культура получила два этапа своего развития – ранний и поздний, и была датирована II–VII вв. Истоки раннебахмутинской культуры, по мнению Н.А. Мажитова, необходимо искать в местном населении пьяноборской и кара-абызской культур (Мажитов, 1968, с. 60–64). Поздние черты бахмутинской традиции в V–VII вв. связаны с приходом в регион турбаслинских групп населения (Мажитов, 1968, с. 72). Материалы поселений бахмутинской культуры были объединены на основании чандарского (по А.В. Шмидту) керамического комплекса. Хронологических стадий функционирования поселений, за исключением поздних маркеров в виде появления турбаслинской и кушнаренковской керамики на площадках памятников, выделено не было.

В.Ф. Генинг в конце 1960-х гг. четко разделял археологические объекты бахмутинского и мазунинского типов. Периодизация мазунинской культуры, по Генингу, включала в себя 3 этапа: ранний, III–V вв., средний, VI–VII вв., и поздний, конец VIII – середина IX вв. Памятники позднего этапа (площадь 2–4 тыс. кв. м и простейшие укрепления), по предположению В.Ф. Генинга, косвенно были представлены лишь поселениями, которые находили аналогии подобным памятникам конца раннего средневековья (IX в. н. э.), в других районах Прикамья (Генинг, 1967, с. 35–37).

В начале 1970-х гг., используя опубликованный к тому моменту более обширный материал всего Южного Приуралья, В.Ф. Генинг пересмотрел свою точку зрения (Генинг, 1972, с. 239). В соответствии с ней мазунинская культура занимала обширные территории не только по правобережью р. Камы, но и всю северо-западную Башкирию в нижнем течении р. Белой – до устья р. Бирь, а возможно, и южнее. Мазунинская культура в процессе формирования не являлась однообразной, различия территориального характера проявились

в возникновении ее удмуртского и башкирского вариантов.

Памятники Уфимско-Бельского междуречья, не вошедшие в состав мазунинской, были объединены В.Ф. Генингом (на основании сходства имендьяшевской и бахмутинской керамики) в культуру, которая образовалась в результате смешения убаларского и кара-абызского населения и занимала ограниченную территорию от устья р. Уфы до устья р. Юрюзань. Все население III–V вв., на взгляд В.Ф. Генинга, являлось местным развитием чегандинской, кара-абызской и убаларской культур, население которых пришло в движение по причине роста его численности и истощения ресурсов, занимаемых ими локальных территорий.

Для памятников следующего хронологического этапа В.Ф. Генинг ввел понятие археолого-этнического типа. По причине пестроты этнического состава, но при этом сходства материальной культуры и территории для Северной Башкирии и Южной Удмуртии термин «археологическая культура», по его мнению, не может быть применим. В соответствии с этим положением V–VIII вв. н. э. датируются позднемазунинский – сохранивший основные традиции мазунинской культуры III–V вв., и бахмутинский тип – выделенный по погребениям и керамике, продолжающим традиции бахмутинской культуры III–V вв. Сосуществующие в это время кансиарский, бирский и чандарский и др. археолого-этнические типы в пределах одной территории были объединены В.Ф. Генингом в понятие «кушнаренковской эпохи», «кушнаренковского массива» (Генинг, 1972, с. 295).

В 1960-х гг. в Башкирии работала Г.И. Матвеева, к бахмутинской культуре она отнесла только памятники Уфимско-Бельского междуречья V–VII вв. Все мазунинские объекты, на ее взгляд, существовали лишь с III по V вв. По мнению Г.И. Матвеевой, в конце V – начале VI вв. н. э. на территорию среднего течения р. Белой проникают группы пришлого населения (сначала турбаслинского, а позже кушнаренковского и кара-якуповского типов), осевшие на поселениях имендьяшевской, именьковской и мазунинской культур. Влияние пришлого населения было значительным и повлекло за собой коренные изменения материальной культуры местных племен: так, мазунинская прекращает свое существование, а на смену ей приходит бахмутинская как результат генезиса местных и пришлых племен. Эти изменения этнической карты региона привели к появлению в Центральной Башкирии единой культуры (VIII–IX вв. н. э.), которая сочетала в себе черты местного финно-угорского и пришлого сар-

мато-аланского населения (Матвеева, 1971, с. 132–133).

Основная часть объектов в 1980–1990-е гг. исследуется в ходе спасательных раскопок (Камышинское I, Тра-Тай, Юлдашевское (Петр-Тай) Бажинское (Каменная гора), Уфимское (Чертово) городище). Научные исследования поселений бахмутинской культуры в это время продолжают В.А. Иванов и Т.И. Останина. Ими изучены Сорвихинское, Кара-Абызское, Казакларовское I и III, Барьязинское, Варьязское, Тра-Тай, Чандарское городища, Алтаевские 1–4, Орловское, Садовские 1–3, Старогилевские 1–2 селища, Чандарское городище и селище (Иванов, 1972; 1974; 1977; 1982; Останина, 1979; 1988; 1989; 1990).

Т.И. Останина объединяет памятники Прикамья (южные районы Республики Удмуртия) и Уфимско-Бельского междуречья (северо-западные районы Республики Башкортостан) в единую мазунинскую культуру и соглашается с мнением о существовании «башкирского» и «удмуртского» варианта (Останина, 1997, с. 171–172), высказанным В.Ф. Генингом (Генинг, 1972, с. 240). В V в. н. э. мазунинские памятники без каких-либо внешних причин прекращают существование, население покидает свои территории и, возможно, участвует в генезисе полемской археологической культуры. Взаимодействие носителей «мазунинских» стереотипов в Уфимско-Бельском междуречье и пришлого населения (турбаслинского и кушнаренковского) в VI–VII вв. определяет появление бахмутинского типа памятников (Останина, 1997, с. 179–182).

В.А. Иванов считает, что бахмутинская культура сформировалась в середине I тыс. и была одним из вариантов развития финно-пермской этнической общности, генетически восходящей к местным племенам раннего железного века. Данные выводы сделаны на основе формально-типологического сходства бахмутинского погребального обряда с обрядом мазунинской и кара-абызской археологических культур. Высоким оказалось и типологическое сходство керамического материала бахмутинской культуры с пьяноборской и мазунинской керамикой. Одновременно с этим бахмутинская имеет в себе некоторые инновации не приуральского происхождения (этнокультурное влияние турбаслинской археологической культуры) (Иванов, 1999, с. 35). Вторая половина IV в. н. э. ознаменовалась приходом воинов кочевников, оставивших памятники типа Тураево, Старая Мушта, Кудаш. Местные племена под натиском пришельцев отступили на восток от Камы, вследствие чего в Уфимско-Бельском междуречье складывается бахмутинская культура. Бахмутинцы в свою очередь ощутили еще одну волну пришлого

(турбаслинского) населения на рубеже IV–V вв. (Иванов и др., 2013, с. 19–21, 25–26).

Исследования Тарасовского могильника, позволили Р.Д. Голдиной утверждать, что развитие населения Среднего Прикамья происходило в виде плавной эволюции, включающей несколько этапов начиная со II в. до н. э. по V в. н. э. (Голдина и др., 2015, с. 4–5). Пьяноборская общность, по мнению Р.Д. Голдиной, делится на несколько локальных вариантов: чегандинский (удмуртское Прикамье, низовья Белой), худяковский (бассейн Вятки), кара-абызский (среднее течение Белой) и красноярский (бассейн Тулвы и Среднее Прикамье). Завершающим этапом пьяноборской культурно-исторической общности на территории Среднего Прикамья становятся археологические памятники мазунинского типа (III–V в. н. э.) (Голдина, 2004, с. 40). В эпоху раннего средневековья, начиная с V в. н. э., низовья р. Белой населяли бахмутинские племена, ставшие потомками кара-абызского и чегандинского населения. Однако вследствие постоянного притока инородного населения: турбаслинского, кушнаренковского и др. – уже в VII в. бахмутинские памятники перестают существовать (Голдина, 1987, с. 100).

Анализ погребений Бирского могильника позволил А.Н. Султановой составить свою картину развития населения Приуралья III–VIII вв. (Султанова, 2000, с. 128–138). Появление раннебахмутинской (мазунинской) культуры III–V вв. н. э. А.Н. Султанова связывает с эволюцией местных пьяноборской и кара-абызской культур при посредничестве представителей степного мира – носителей курганного обряда захоронения Старо-Муштинского могильника. Население V–VIII вв., по мнению исследователя, представляет новое «бахмутинское» общество, появление которого связано с процессом смешения местного (раннебахмутинского) и пришлого (турбаслинского, кушнаренковского и караякуповского) при этнической доминанте первого.

Обширные разведочные работы Ф.А. Сунгатов, В.В. Овсянникова, Н.Б. Щербакова, Н.Н. Григорьева, И.М. Акбулатова с целью инвентаризации археологических памятников на территории северо-западных районов Республики Башкортостан проводились в 2010–2011 гг. (Колонских, 2014, с. 356). Результатом данных обследований памятников, стоящих на государственной охране, стало выявление новых археологических объектов, уточнение границ объектов, их картографирование и присвоение им GPS-координат. В это время обследовано множество объектов, имеющих материалы бахмутинской культуры.

В последние годы исследованиями поселений бахмутинской культуры в регионе занимается

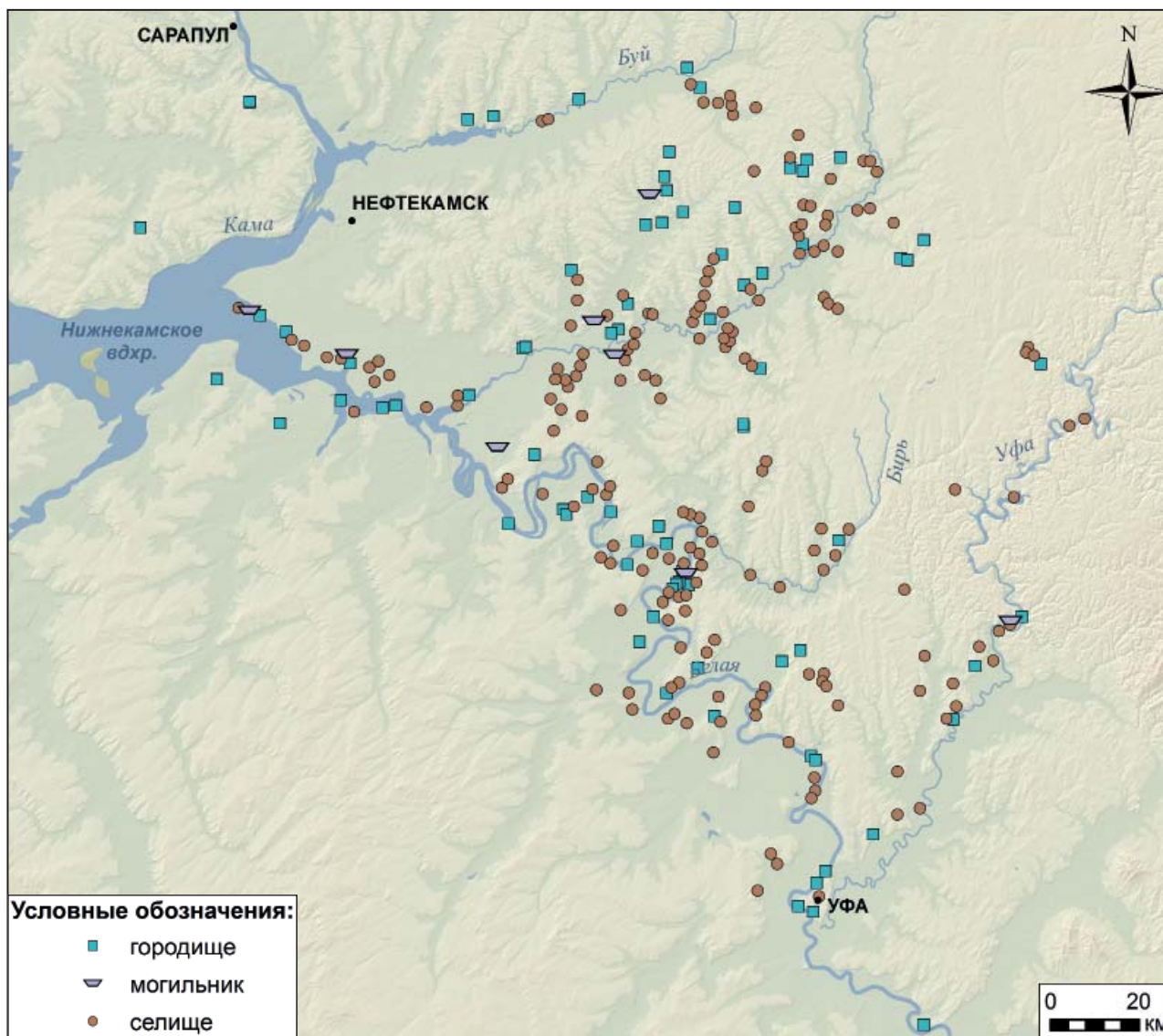

Рис. 1. Ареал распространения памятников бахмутинской культуры

А.Г. Колонских. В полевых сезонах 2015–2017 гг. выявлено два городища и два селища бахмутинской культуры (Кудашевское-2, Вотикеево-2 городища, Исхаковское, Удельно-Дуваней-3 селища) (Колонских, 2017а; 2017б; 2018а; 2018б).

Таким образом, изучение памятников бахмутинской культуры насчитывает более чем двухвековую историю. К настоящему времени сложился определенный дисбаланс, который характеризуется большим количеством слабо изученных поселений на столь обширной территории и наличием относительно хорошо изученных, но немногочисленных могильников.

Территория расселения племен бахмутинской культуры маркируется памятниками, расположенными в Уфимско-Бельском междуречье (рис. 1). Восточной границей бахмутинской ойкумены выступает бассейн нижнего течения р. Уфы, за пределами которого памятники не известны. Южной границей плотного расселения

культуры является устье р. Уфы и «Уфимский полуостров». Немногочисленные находки керамики на поселениях, специфика фортификации, а также некоторые предметы в поздних погребениях Шиповского могильника позволяют предполагать распространение бахмутинского населения южнее г. Уфы, до места впадения р. Сим в р. Белую (Овсянников, 2005, с. 5, рис. 4; Овсянников и др., 2015, с. 101–102, рис. 20, 21; Овсянников и др., 2007, с. 84). Самой южной точкой нахождения керамики бахмутинской культуры является Имендьяшевское городище, где обнаружены фрагменты керамики бахмутинского типа (Мажитов, 1990, с. 10–11, рис. 25; Матвеева, 1963, с. 10, рис. 11) На западе памятники распространяются по левобережью р. Белой до ее устья, керамические материалы бахмутинской культуры также встречены на правом берегу р. Камы (городища Чеганда I, Момылевское). Удивительными и на данный момент не имеющими объяснения являются наход-

ки фрагментов керамики на площадке II Коминтерновского селища (Спасский район Республики Татарстан), характерный орнамент которых аналогичен бахмутинскому (Казаков, 1986, с. 123, рис. 3. 8–10). На севере граница территории культуры замыкается бассейном р. Буй (Сандияжское и Чертово городища на территории Пермского края). Самой крайней точкой распространения керамики бахмутинской культуры на северо-запад является Верхнеутчанское городище (Голдина, 2004, с. 279–280, рис. 140, 141).

Поселения. В Уфимско-Бельском междуречье от места впадения рр. Уфы и Белой на юге до бассейна р. Буй на севере известно о 353 поселениях, археологический материал которых представлен керамикой бахмутинской культуры. Стационарному исследованию, за исключением локальной шурфовки, подвергались 25 объектов, из них 8 селищ и 17 городищ, 9 из которых однослойные. Зачастую исследования проведены небольшими раскопами, более 100 кв. м вскрыто на площадках городищ Уфа-II, Тра-Тау, Какры-Куль, Бажинского, Юмакаевского, Бирского (Чертово), Кансиярского городищ, Алтаевского-3 и Тибелевского селищ.

Поселения бахмутинской культуры, представлены городищами, открытыми поселенческими площадками, местонахождениями керамического материала. Преобладают селища и местонахождения керамики (282 объекта). На территории Уфимско-Бельского междуречья известно о 71 укрепленном поселении, материалы которых содержат керамику бахмутинской культуры.

В настоящее время степень изученности поселений не позволяет разделить хронологически керамический материал в рамках существования раннего и позднего этапов археологической культуры (III–V – V–VII вв.), поэтому маркером бахмутинского времени и культурной принадлежности, в условиях отсутствия индивидуальных находок, становится керамика (рис. 3: 21–43).

Население бахмутинской культуры, в отличие от предшествующих обитателей, довольно плотно осваивало не только берега и террасы крупнейшей в регионе р. Белой, но и бассейны основных водных артерий – рр. Уфы, Быстрый Танып, Буй, Бирь (рис. 1). Кроме того, бахмутинские племена активно проникали вглубь территорий Уфимско-Бельского междуречья по водотокам второго и третьего порядков, занимая их верховья и истоки. Система расселения бахмутинцев предполагает кустовое распределение памятников (Бахшиев, Колонских, 2016, с. 64). Выделение кустов, или условных микрорайонов, основывается на нескольких принципах. Во-первых, это наличие естественных границ в виде рек, водотоков и резких изменений форм рельефа. Во-вторых, это

концентрация объектов на отдельных участках. К примеру, в окрестностях г. Бирска и с. Бураево на участке радиусом 10–15 км расположено порядка 50 памятников бахмутинской культуры. При этом подобные микрорегионы имеют между собой довольно «разряженные», в плане концентрации синхронных археологических объектов, либо вовсе «стерильные» участки. В-третьих, подобные «кусты» памятников часто ограничены укрепленными поселениями или расположены в их непосредственной близости. Показатели мощности культурного слоя бахмутинских поселений обычно не превышают 0,3–0,4 м. Средневзвешенный показатель площади, занимаемой поселениями, варьируется в пределах 9000–13000 кв. м.

Несмотря на то, что поселения бахмутинской культуры занимают широкое пространство Уфимско-Бельского междуречья, им свойственны определенные особенности топографического расположения, характерные как для неукрепленных поселений, так и для городищ.

Городища располагаются на мысовидных выступах коренных террас, стрелках, отрогах водоразделов, на холмах и останцах по берегам крупных и мелких водотоков региона (рис. 2). Основная масса городищ расположена на правом берегу водоемов. С одной стороны, это объясняется наличием высоких коренных террас именно по правым берегам рек региона, с другой стороны, существует точка зрения о характерном расположении укрепленных поселений, образующих линию защиты с востока, юга и запада (Иванов, Останина, 1983, с. 105–106; Иванов, 1984, с. 63–65; Овсянников, Сунгатов, 2004; Овсянников, Тагиров, 2000).

В соответствии с топографическими условиями расположения укрепленных поселений можно выделить несколько типов. Основная масса городищ расположена на коренных террасах крупнейших рек региона. Часто поселения располагаются на краю террасы, в непосредственной близости к современному руслу реки (Юмакаевское, Уфимское (Чертово), Горновское (Гремячий ключ), Янтузовское) или старицы (Какры-Куль, Бишкураевское, Поповское, Бажинское) (рис. 2: 1, 3, 5, 7, 9). Встречаются укрепленные площадки на мысовидных выступах в глубине коренных террас (Кувывковское, Бустанаевское) (рис. 2: 11). Отдельным типом укрепленных поселений нужно отметить городища, расположенные на отрогах коренных террас и водоразделов. Площадки таких поселений чаще всего не занимают доминирующих высот на местности и представлены языковидными или овальными формами (Юг-Хуторское, Краснохолмское городище) (рис. 2: 6, 12). Следующую группу поселений составляют городища, располагающиеся на отдельно стоящих возвышенностях,

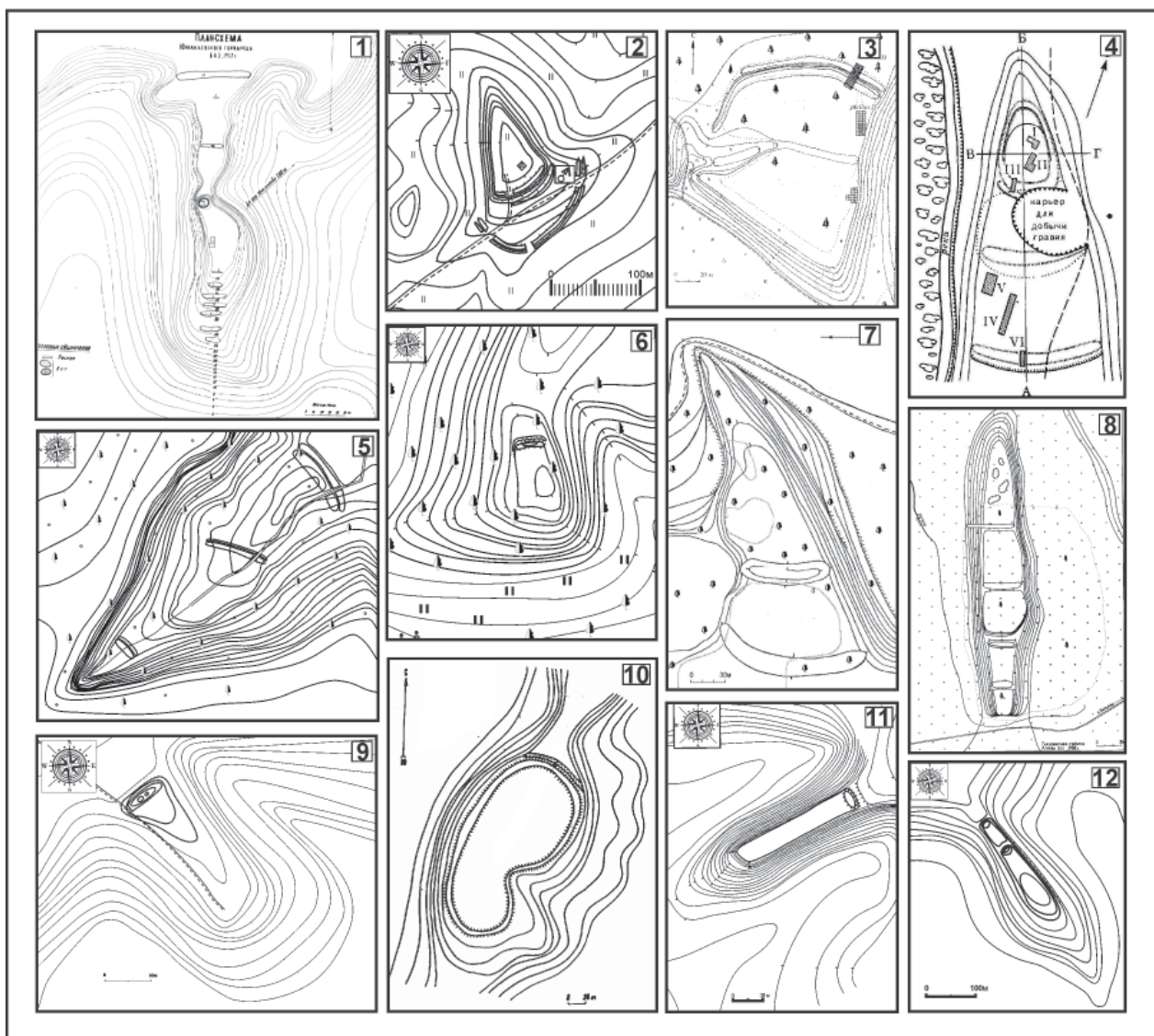

Рис. 2. Типы укрепленных поселений бахмутинской культуры

1 – Юмакаевское городище (Мажитов, 1959, с. 144, рис. 1); 2 – Югомашевское-1 (Кала-Тау) городище (Колонских, 2018б, с. 39, рис. 17); 3 – Какры-Куль (Старо-Муштинское) городище (Овсянников, Тагиров, 2000, с. 171, рис. 1); 4 – Юлдашевское (Петр-Тау) городище (Иванов, 1982, с. 200, рис. 1); 5 – Кудашевское-2, городище (Колонских, 2017б, с. 121, рис. 73); 6 – Юг-Хуторское городище (Колонских, 2018б, с. 56, рис. 99); 7 – Бажинское (Каменная гора) городище (Овсянников, Сунгатов, 2004, с. 219, рис. 1); 8 – Барьязинское городище (Агеев, 1989, с. 21–24); 9 – Кудашевское-1, городище (Колонских, 2017, с. 114, рис. 62); 10 – Шульгановское городище (Мажитов, 1977, с. 139, рис. 19. 4); 11 – Бустанаевское городище (Колонских, 2017б, с. 133, рис. 93); 12 – Краснохолмское городище (Колонских, 2017б, с. 105, рис. 48)

горах и холмах (рис. 2: 2, 10). Такие возвышенности часто именуются местным населением «Чертово городище», «Кала-Тау», «Городище» и т. п. (Колонских, 2017в, с. 65). Три поселения расположены на останцах или песчаных дюнах, образованных поворотом древнего русла реки (Барьязинское, Тра-Тау и Маняк-2 городища) (рис. 2: 8). Два поселения находятся на высоких узких мысовидных стрелках и занимают в локальном ландшафте господствующее положение (Юлдашевское (Петр-Тау), Байкинское) (рис. 2: 4).

Раннесредневековые укрепления бахмутинских поселений более мощные и разнообразные,

чем предшествующие укрепления эпохи раннего железного века и последующие городища средневековья. В соответствии с обобщенной типологической схемой древнерусских городищ А.В. Кузы (Куза, 1996, с. 29–30, рис. I–II.) бахмутинские укрепленные поселения составляют исключительно первый и второй типы. То есть при устройстве укреплений бахмутинское население всегда частично или полностью использовало защитные свойства рельефа местности.

Более половины (29 объектов) однослойных памятников бахмутинской культуры имеют одну линию укрепления, состоящую из одного вала и

два перед ним. Две линии укреплений зафиксированы на 12 объектах, 4 объекта имеют 3 и более линий. Кроме основных линий укрепления население бахмутинской культуры использовало дополнительные фортификационные сооружения, представленные подрезками склонов, – эскарпы (Краснохолмское, Шульгановское, Месягутовское, Баразинское), а также дополнительные валы и рвы не только с напольной стороны, но и в мысовой части площадки (Кувыковское, Юмакаевское, Кансияровское).

Характерными для бахмутинских укреплений являются валы, возведенные с использованием положительного рельефа, – валы-эскарпы. Для устройства таких укреплений пологий склон естественной возвышенности подрезался, у его основания вырывался ров, а на вершине насыпался гребень вала (рис. 2: 1–2, 6, 8–12).

Неукрепленные поселения бахмутинской культуры изучены меньше. Селища расположены на надпойменных террасах водотоков, ручьев и старичных озер. Нередко площадки поселений расположены на вершине или склоне коренных террас. Обязательным является наличие рядом источника воды, а также относительная ровность поверхности. Большая часть селищ уничтожена в ходе хозяйственной деятельности человека. Формы площадок селищ представляют собой тупые подтреугольные либо округлые мысообразные выступы береговых террас, ограниченные склонами террасы, меандром реки либо неглубокими балками или ручьями.

Степень археологической изученности, а также скудность материала исследованных поселений не дает возможности точной интерпретации характера их использования. Городища располагаются на площадках, защищенных рельефом местности, имеют мощные фортификационные сооружения, их окружают селища, которые находятся в зоне визуального контроля, что предполагает использование данного типа объектов для непосредственной обороны или укрытия. Неукрепленные поселения очень часто занимают соседние мысы одних и тех же террас, мощность и насыщенность культурного слоя данных объектов невелика, а потому можно предположить, что большинство селищ – неодновременные пункты, маркирующие периодические перемещения населения бахмутинской культуры внутри микрорегионов. Вероятно, существовали и базовые, долговременные поселения.

Слабая изученность поселений полноценными стационарными раскопками является причиной отсутствия необходимых данных для реконструкции материальной культуры и быта носителей бахмутинской культуры. В настоящее время известно единственное жилище на однокультурном бахму-

тинском поселении – Казакларовском I городище, где исследовано наземное (или слабо углубленное на 20–25 см в материк) жилище площадью 36,5 кв. м. Существуют многослойные поселения, где преобладающим материалом является керамика бахмутинской культуры, а сопутствующие культурные группы представлены керамическими сериями эпохи раннего железного века (ананьинская, пьяноборская, кара-абызская) и средневековья (турбаслинская, кушнаренковская, кара-якуповская, чияликская). Одним из таких поселений является городище Тра-Тау (Старонагаевское), где в 1984 г. Н.А. Мажитовым исследована часть жилищного котлована, углубленного в материк на 50 см (Мажитов, 1984, с. 12). Исследователь на основании находок в засыпке котлована определяет бахмутинскую принадлежность жилища. Другим примером может служить Кувыковское городище, на котором Г.И. Матвеевой в 1965 г. исследован котлован жилища-землянки площадью 36 кв. м, углубленный на 2,9 м, имевший следы развалов двух очагов (Матвеева, 1965, с. 7–8). Она же в 1969 г. проводила раскопки Юмакаевского городища, где было исследовано два жилища, углубленных в материк на 30–55 см, площадью около 16 и 29 кв. м. По обнаруженным в жилищах фрагментам сосудов исключительно бахмутинского типа Г.И. Матвеева датировала постройки V–VII вв. (Матвеева, 1969, с. 8, 11). В 1959 г. Н.А. Мажитовым исследовано полуземляночное жилище на Кансияровском городище (Мажитов, 1959, с. 99). Им же в 1957 г. на площадке Ново-Турбаслинского II селища вскрыто 5 жилищ-полуземлянок размерами 6×4, 6×5 и 6×6 м при глубине до 1 м (Мажитов, 1962, с. 154–162).

Керамика кушнаренковского, турбаслинского, романовского, кара-якуповского типов на поселениях бахмутинской культуры маркирует приход инокультурного населения. Указанные типы чаще являются малочисленными, а в пределах Уфимско-Бельского междуречья практически не встречаются вне контекста бахмутинской.

Материальная культура поселений в основном представлена фрагментами керамики. Среди индивидуальных находок встречаются железные ножи, серпы, костяные и железные наконечники стрел, глиняные пряслица, реже украшения и орудия труда (рис. 4).

Керамика поселений бахмутинской культуры представлена многочисленными фрагментами сосудов горшечной формы, реже открытых чаш, имеющих округлое или уплощенное дно (рис. 4: 1–46). Примеси в формовочных массах обычно представлены песком средних и крупных фракций, а также дресвы. Оттенки фрагментов от темно-серого, кремowego до терракотового.

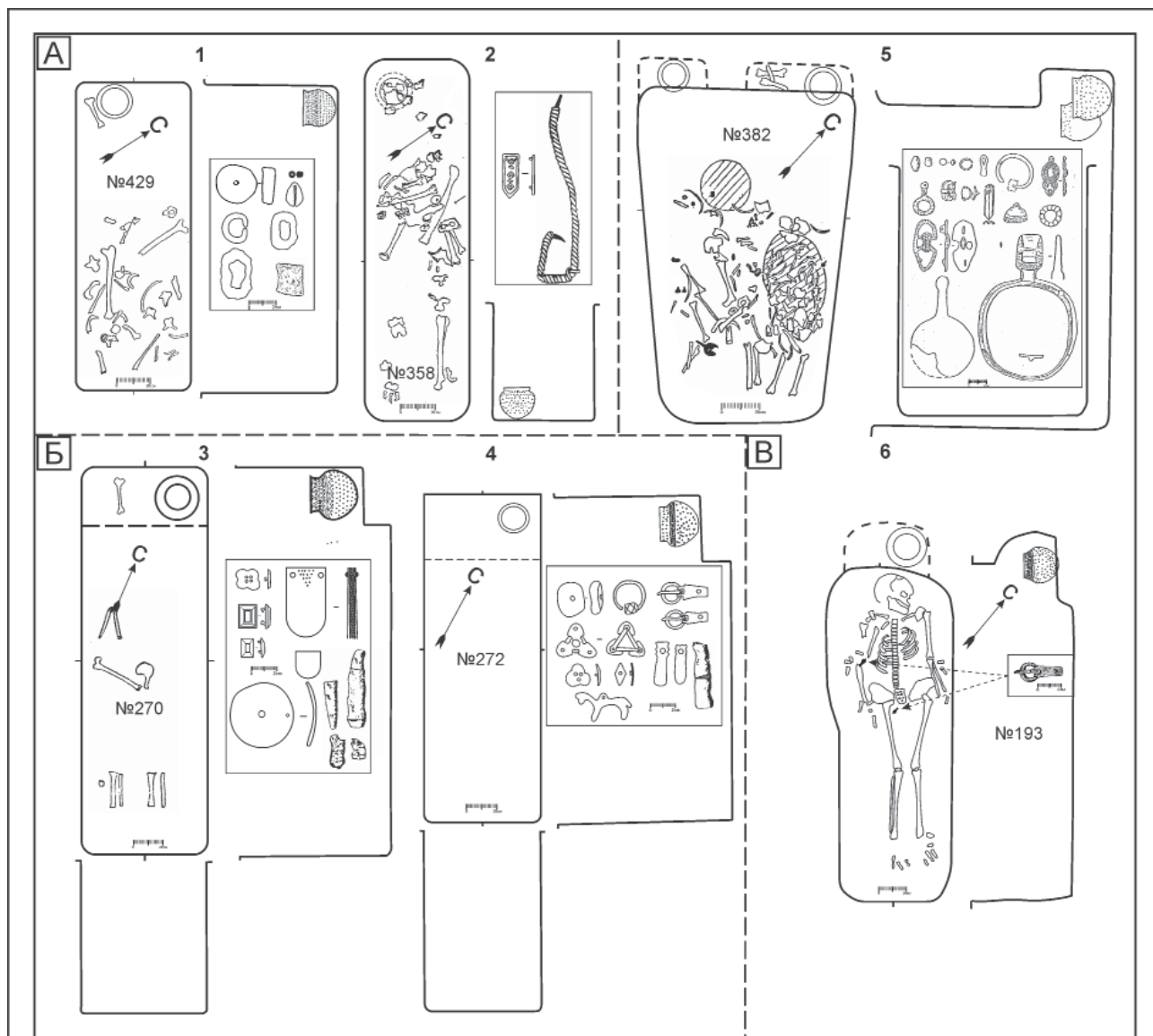

Рис. 3. Погребальный обряд бахмутинской культуры

А – конструкция «простых» ям; Б – могильные ямы с уступом; В – могильные ямы с подбоями. 1 – Бирский могильник, погр. № 429 (Мажитов, 1986); 2 – Бирский могильник, погр. № 358 (Мажитов, 1984); 3 – Бирский могильник, погр. № 270 (Мажитов, Султанова, 1981); 4 – Бирский могильник, погр. № 272 (Мажитов, Султанова, 1981); 5 – Бирский могильник, погр. № 382 (Мажитов, 1985)

Орнамент представлен ямочными вдавлениями округлой, подтреугольной или подпрямоугольной формы, расположенными по всему тулову беспорядочно либо в виде горизонтальных или вертикальных рядов. Реже орнамент представляет собой поясик ямочных вдавлений либо наколов по шейке или тулову сосуда, а также насечек, подовальных, ногтевидных или подтреугольных вдавлений. Встречается орнаментация в виде насечек по срезу устья. Характерным для бахмутинской культуры является чандарский тип керамики, выделенный А.В. Шмидтом (Шмидт, 1929, с. 24), который представляет собой круглодонные сосуды и чаши, украшенные хаотичными ямочными наколами по всему тулову, а также насечками по срезу устья. Примесь в формовочных массах данно-

го типа выступает песок и дресва (рис. 4: 1–43). Ввиду отсутствия резких отличий по нескольким признакам (форма, орнамент, состав), совместно залегающих описанных выше типов керамики в материалах поселений Уфимско-Бельского междуречья, а также недопущения путаницы все описанные типы керамики целесообразно именовать бахмутинскими.

В материалах поселений бахмутинской культуры встречается керамика, украшенная ямочными вдавлениями и гребенчатым штампом, искусственной примесью в формовочных массах которой выступает мелкий и средний песок, фрагменты обычно светло- и темно-серых оттенков (рис. 4: 44–46). Данная керамика, вероятнее всего, является маркером проникновения инокультурно-

го населения на территорию Уфимско-Бельского междуречья, истоки которого на данный момент остаются неясными (Мажитов, 1968, с. 154, табл. 33, 6–8, 11; Иванов, 1980, рис. 28, 3; Колонских, 2018б, с. 53, рис. 96, 21).

Хозяйство. Находки зернотерок, жерновов, мотыг на площадках поселений являются признаком занятия бахмутинского населения земледелием (Мажитов, 1959; 1977; Матвеева, 1965, Матвеева, 1969, с. 10–11). Отсутствие достоверных находок наральных и многочисленные находки железных проушных топоров позволяют предполагать подсечный характер земледелия. Возможно, этим видом хозяйства объясняется большое количество близкорасположенных поселений, фиксирующих необходимость постоянного поиска населением новых починков. Находки костей диких животных и многочисленных костяных наконечников стрел свидетельствуют о важной роли охоты в экономике бахмутинского общества, не только в плане пополнения запасов пищи, но и добычи меха. Значительно реже, из-за плохой сохранности, на поселениях бахмутинской культуры обнаруживаются кости рыб. Остеологический материал, представленный фрагментами скелетов домашних животных, подразумевает занятие населения бахмутинской культуры животноводством. В основном это кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи.

Известна племенам бахмутинской культуры была цветная и черная металлургия. В эпоху раннего средневековья фиксируется рост производства железных предметов – орудий труда и вооружения.

Могильники. Погребальный обряд бахмутинской культуры представлен многочисленными погребениями грунтовых могильников, расположенных на территории Уфимско-Бельского междуречья. Синхронные и стилистически близкие могильники располагаются также на правобережье среднего течения р. Камы. К настоящему времени в междуречье рр. Уфы и Белой на восьми могильниках – Малокачаковском (15 погребений), Старой Муште (102 погребения), Бахмутинском (48 погребений), Старо-Кабановском (155 погребений), Югомашевском (82 погребения), Кара-Тамакском (19 погребений), Бирском (713 погребений), Ангасякском (95 погребений) – исследовано более 1200 погребений (Султанова, 2000, с. 13; Русланова, 2018, с. 18–21; Русланова, 2018а, с. 318–320; Колонских, 2017д, с. 12). Указанные некрополи представлены материалами раннебахмутинского (мазунинского) времени III–V вв. Поздние погребения (V–VII вв.) исследованы на Бахмутинском и Бирском могильниках (рис. 3).

Бирский могильник расположен на вершине коренной террасы р. Белой, в отличие от некрополей раннебахмутинского типа, локализующихся на невысоких, ровных береговых и надпойменных террасах мелких водотоков и стариц. Топография Бахмутинского могильника схожа с ранними кладбищами. Оба могильника, как и предшествующие, представлены грунтовым обрядом захоронения. Существует мнение, что ориентировка погребений имеет некоторую зависимость от реки (водотока), поэтому общие закономерности расположения погребенных чаще встречаются в пределах одного могильника. В 65% случаях погребенные Бирского некрополя ориентированы на северо-запад, северная и юго-восточная ориентировка составляют 3,8% и 3,25% соответственно, западное, южное, юго-западное и северо-восточное направления костяков встречаются в одном и менее процентах случаев, для 25,8% признак не установлен (Султанова, 2000, с. 89–90). Погребенные на Бахмутинском могильнике ориентированы на восток (Мажитов, 1968, с. 24–25). Как правило, могилы расположены относительно четкими рядами и не перерезают друг друга, что позволяет предполагать существование не дошедших до нас надмогильных сооружений. Погребения индивидуальные, погребенные лежат на спине, конечности вытянуты вдоль тела.

Набор вещей в погребениях V–VIII вв. представлен ремной гарнитурой, железными и костяными наконечниками стрел, браслетами из круглой в сечении проволоки и зооморфными концами, янтарными больших размеров и стеклянными бусами, ножами и топорами (Султанова, 2000, с. 76–81, 112–113, Русланова, 2018, с. 16, 73–74) (рис. 3). Вместе с появлением новых типов вещей в поздних погребениях Бирского и Бахмутинского могильников характерными становятся глубокие могильные ямы с подбоями, в погребениях значительно чаще появляются сосуды и кости животных. По материалам Бирского некрополя исследователями выделяются культурные группы (археолого-этнические типы) – бахмутинская, турбаслинская, кушнарниковская и кара-якуповская, которые практически не встречаются на могильнике в чистом виде (Султанова, 2000, с. 128–129). Керамика в виде целых форм и фрагментов представлена в первую очередь сосудами бахмутинского типа, реже турбаслинского и кушнарниковского. В могилах встречена синкретичная керамика, объединяющая в себе традиции указанных выше керамических серий, а также зафиксированы случаи совместного нахождения сосудов различных типов (Султанова, 2000, с. 129). Подобные сосуды, имеющие смешанные признаки, встречаются в материалах городища Уфа-2,

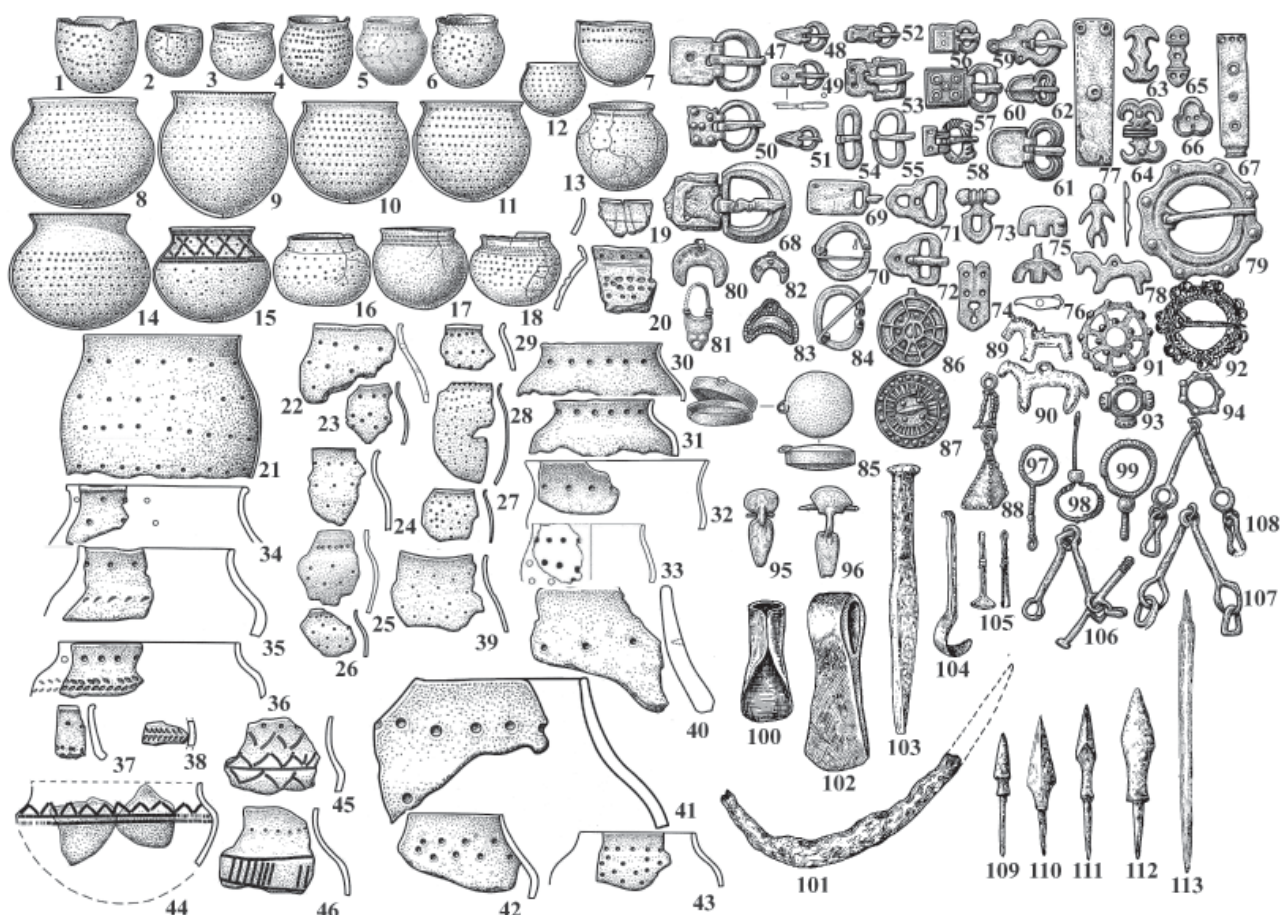

Рис. 4. Материальная культура

1–20, 47–112 – материалы могильников, 21–46 – материалы поселений.

1–20 – погребальная керамика (1–6, 8–18 – Бирский могильник; 7, 19–20 – Бахмутинский могильник); 21–46 – керамика поселений (21 – Камышинское-1 городище; 22 – Краснохолмское городище; 23–25, 45 – Кансиарское городище; 24 – Уфимское (Чертово) городище; 26–28, 39, 46 – Юмакаевское городище; 29, 43 – Юлдашевское (Петер-Тай) городище; 30–36, 41–42, 44 – Бажинское (Каменная гора) городище; 37–38 – Вотикеево-1, селище; 40 – Югомашевское городище; 47–67, 80–98, 100–113 – Бирский могильник, 68–79, 99 – Бахмутинский могильник (51–53, 58–59, 63–66, 80–84, 86–93, 97, 99, 100–113 – Мажитов, 2012, с. 141, рис. 18; 47–50, 54–57, 60–62, 67–70, 76–77, 85, 94–96, 98 – Мажитов, 1968, с. 121–152; 71 – Шмидт, 1929, с. 21, табл. 1, 9; 72–75, 78 – Смирнов, 1957, с. 51, табл. VI; с. 53, табл. VII, 11)

Романовских-2, 3, Ново-Турбаслинском-2 селищах (Колонских, 2017г, с. 16).

Поздние материалы Бирского и Бахмутинского могильников фиксируют приход нового населения на территорию Уфимско-Бельского междуречья в V в. н. э. В связи с этим происходит трансформация многих аспектов материальной культуры бахмутинского населения, при этом полной ее смены либо прекращения функционирования памятников, видимо, не происходит вплоть до VII–VIII вв. н. э.

Общественные отношения. В настоящее время невозможно выделение каких-либо локальных вариантов бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье. Керамический материал поселений очень схож, а его различия в характере формовочных масс чаще всего связаны со спецификой географического расположения. Так,

к примеру, фрагменты керамики имеют примесь известняковой дресвы в тех районах, где существуют соответствующие известковые обнажения террас, либо там, где подстилающий материковый слой имеет естественные примеси и известняковые включения. При этом картографирование многочисленных поселений Уфимско-Бельского междуречья выявляет определенные зоны концентрации памятников. В настоящее время сущность данных кустов памятников (микрорайонов) не может быть объяснена однозначно. Однако, наряду с различием в степени археологической изученности отдельных территорий региона, указанные выше скопления памятников с учетом некоторых факторов (географическая изолированность, расстояние) могут являться маркерами родовых (племенных) объединений либо объединений на каких-то иных принципах. Вероятность

существования аналогичных племенных участков в составе ареала пьяноборской культуры описана Б.Б. Агеевым (Агеев, 1992, с. 82–84, рис. 15), хозяйственно-территориальных объединений – Д.Г. Бугровым (Бугров, 2006, с. 182).

Происхождение. Таким образом, в среде исследователей эпохи великого переселения народов сложилось практически единогласное мнение о формировании раннебахмутинских (мазунинских) племен на местной предшествующей основе – населении пьяноборской и кара-абызской культур (Агеев, 1992, с. 108, Останина, 1997, с. 174; Султанова, 2000, с. 103). Генезис материальной культуры раннебахмутинских племен в Уфимско-Бельском междуречье, вероятно, происходил под влиянием пришлых групп населения, оставивших подкурганные захоронения Старо-Муштинского могильника (Сунгатов и др., 2004, с. 64; Мажитов, 2012, с. 125). Дальнейшее развитие населения в Уфимско-Бельском междуречье связано с приходом следующей волны кочевников – турбаслинцев. Контактной зоной становится территория «Уфимского полуострова» и нижнего течения р. Белой до г. Бирска на севере. С приходом нового населения заметно трансформируется погребальный обряд (появление подбоев, уступов в конструкции могильных ям) бахмутинского населения, при этом новых поселений турбаслинской культуры в междуречье Белой и Уфы не появляется, а турбаслинская керамика встречается в основном на памятниках, преобладающим керамическим материалом которых является бахмутинский. В конце VI–VII в. н. э. на территорию

Уфимско-Бельского междуречья из зауральского региона проникают племена кушнаренковской культуры, которые также вступают в плотный контакт с бахмутинским населением. Эти взаимодействия выразились в изменении погребального обряда при сохранении бахмутинских традиций – височные подвески мазунинского типа, наконечники стрел, орудия труда, глиняная посуда, грунтовый характер погребений (Султанова, 2000, с. 80). На поселениях бахмутинской культуры также появляется небольшое количество керамики кушнаренковского типа. В отличие от турбаслинского, кушнаренковское влияние прослеживается на большей части бахмутинских территорий, включая устье и нижнее течение рр. Белой и Быстрый Танып. Судя по всему, и в это время памятники бахмутинской культуры не прекращают своего существования.

Историческая судьба. Сложным и до конца не решенным вопросом является историческая судьба бахмутинского населения. Вероятной причиной угасания жизнедеятельности памятников, в соответствии с одной из точек зрения, является проникновение кушнаренковских племен на территорию Уфимско-Бельского междуречья и ассимиляция им местного населения (Останина, 1997, с. 181; Иванов, 2009, с. 68; Мажитов, 2012, с. 142). Другая точка зрения предполагает сосуществование бахмутинцев, турбаслинцев, кушнаренковцев и кара-якуповцев в регионе до конца VIII в., а после вхождение данного синкретичного населения в состав башкирского этноса (Генинг, 1972, с. 294–295; Султанова, 2000, с. 136–138).

Турбаслинская культура

Турбаслинская культура – одна из наиболее непонятных для восприятия и интерпретации исследователями археологических культур Южного Предуралья эпохи Великого переселения народов. И хотя из общей мозаики археологических культур региона она была выделена давно, но однозначной трактовки в контексте содержания этнокультурной карты Южного Предуралья эпохи Великого переселения народов до сих пор не имеет.

История изучения. Историография проблемы подробно изложена в монографии Ф.А. Сунгатова (Сунгатов, 1998, с. 3–16), поэтому здесь можно просто отметить основные вехи выявления и исследования памятников турбаслинской культуры. В научный оборот они стали вводиться задолго до «официального» выделения самой культуры. Первым это сделал Р.Б. Ахмеров, в 1951 г. опубликовавший материалы погребений с территории г. Уфы, случайно открытых в разные годы и датированных автором VI–VIII вв. н. э. Всего было описано 6 погребений, обнаруженных во время градостроительной деятельности 1939 г., и упомянуто «большое количество погребений», найденных в XIX в. Опираясь на материалы известных к тому времени на территории Башкирии археологических памятников эпохи средневековья (Бахмутинский могильник, исследованный А.В. Шмидтом в 1928 г.), автор публикации отнес уфимские погребения к заключительной стадии бахмутинской культуры, датировав их VI–VIII вв. (Ахмеров, 1951, с. 136–137)¹.

Затем эти же погребения были описаны А.П. Смирновым, который датировал их более ранним временем, V–VI вв., и отнес к «чужеземным племенам, культура которых не имеет ничего общего с местной культурой предшествующего времени» (Смирнов, 1957, с. 64).

В 1957–1959 гг. проводились раскопки Ново-Турбаслинского (Н.А. Мажитов) и Кушнаренковского (В.Ф. Генинг) поселений и могильников (Мажитов, 1959; 1962; Генинг, 1977). Их этнокультурная интерпретация варьировалась от сармато-аланской (Н.А. Мажитов) до тюрко-угорской (Генинг, 1972, с. 278). Однако после выделения Н.А. Мажитовым памятников типа Ново-Турбаслинских курганов и Уфимских погребений в особую культуру – турбаслинскую (Мажитов, 1964, с. 105) – дальнейшие дискуссии уже велись вокруг этнической принадлежности «турбаслинцев».

¹ Несколько позже, когда Н.А. Мажитов выделил турбаслинскую археологическую культуру и отнес к ней Уфимские погребения, Р.Б. Ахмеров как-то обошел этот вопрос (Ахмеров, 1970, с. 186–190).

Сам Н.А. Мажитов последовательно придерживался точки зрения о тюркской (тюркоязычной) принадлежности носителей турбаслинской культуры, высказанной им еще в начале 1970-х годов (Мажитов, 1971, с. 14; 1077, с. 178–179; Мажитов, Султанова, 2009, с. 147–148).

По мнению Г.И. Матвеевой, рассматривавшей турбаслинскую культуру как восточный вариант именьковской, именьковские и турбаслинские памятники оставлены мигрировавшими с запада древними славянами (Матвеева, 2004, с. 74–77).

Однако в историографии более закрепилась точка зрения об «именьковцах» и «турбаслинцах» как о выходцах из позднесарматского (гунно-сарматского) мира евразийских степей (Сунгатов, 1998, с. 110; Казаков, 2018, с. 116). Керамика и вещевой комплекс именьковской и турбаслинской культур обнаруживают между собой определенное морфологическое сходство. На этом основании Е.П. Казаков объединяет их в единую *турбаслинско-именьковскую общность*, занимавшую часть Урало-Поволжской лесостепи от Приуралья до Мордовии (Казаков, 2018, с. 116).

Что же касается археологических памятников, открытых и исследованных на территории Башкирии во второй пол. 1960-х гг., керамический материал которых обнаруживал прямые аналогии с керамикой Ново-Турбаслинского, Кушнаренковского комплексов, – Шареевского могильника, Улукулевского селища (раскопки Г.И. Матвеевой 1966–1968 гг.), Уфимских (Дежневских) курганов (раскопки А.Х. Пшеничнюка 1961 г.), то их исследователи не спешили однозначно относить эти памятники к турбаслинской культуре (Матвеева, 1968, с. 5; Пшеничнюк, 1968, с. 111). Тем не менее к середине 1970-х гг. турбаслинская культура прочно вошла в археологическую номенклатуру Южного Урала со своими специфическими морфологическими признаками – погребальным обрядом и керамикой, о которых будет сказано ниже.

Территория. Памятники турбаслинской археологической культуры в том ее виде, как она воспринимается современными исследователями, представлены поселениями и могильниками. Они занимают очень компактную территорию в среднем течении р. Белой, от современного г. Бирска до устья р. Сим. Именно здесь локализуется основная масса турбаслинских памятников, наибольшая плотность которых наблюдается на территории г. Уфы и его ближайших окрестностей (т. н. «Уфимский полуостров») (рис. 1).

Поселения. Топография поселений, если судить по четырем наиболее изученным – Ново-Тур-

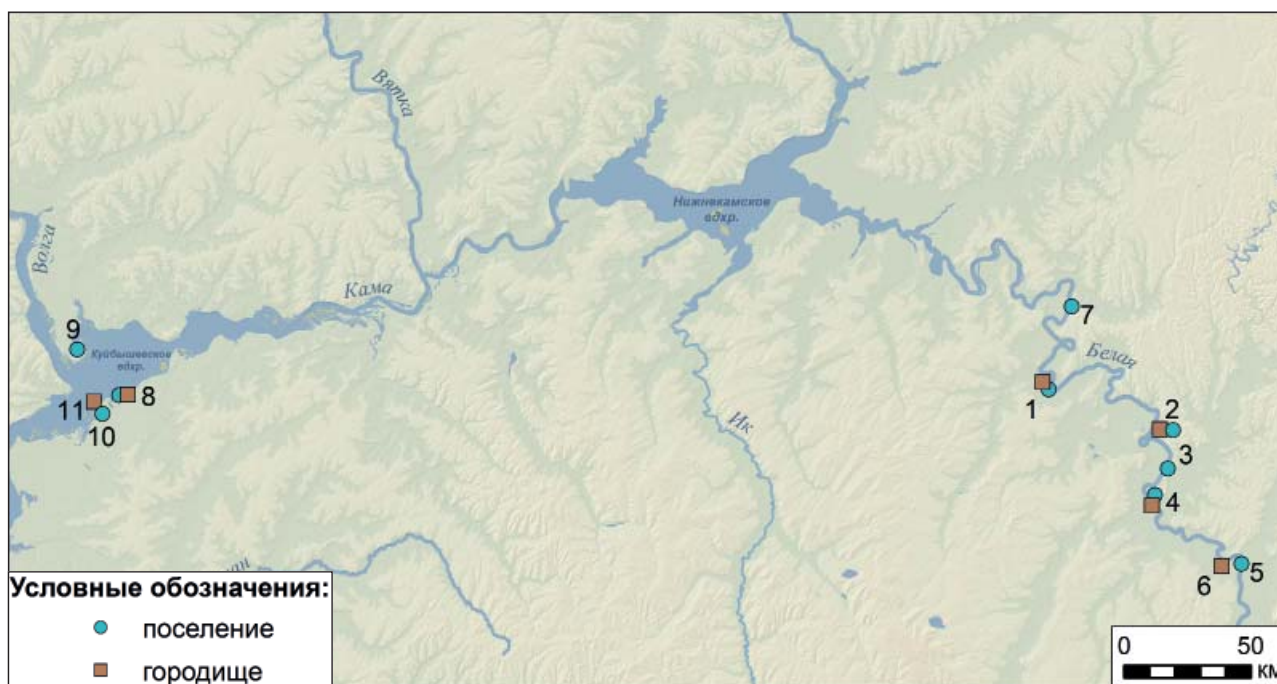

Рис. 1. Карта-схема памятников турбаслинской культуры.

1 – Кушнаренковское поселение и могильник; 2 – Ново-Турбаслинское поселение и могильник; 3 – Уфимские (Дежневские) курганы; 4 – городище Уфа II и уфимские погребения; 5 – Шареевский; 6 – Улукулевское сел.; 7 – Бирский; 8 – Коминтерновское II сел. и могильник; 9 – Ташкирменский мог.; 10 – Бураковский мог.; 11 – Измерское II сел.

баслинскому II, Кушнаренковскому, Улукулевскому, гор. Уфа II – это край надпойменной террасы (Кушнаренковское сел. и гор. Уфа II расположены на мысах, образованных руслом р. Белой и впадающими в нее ручьями), не очень высокой, но и не заливаемой. На двух из указанных памятников – Ново-Турбаслинском II и Кушнаренковском сел. – обнаружены следы жилищ. По конструкции это полуземлянки квадратной формы, $5 \times 4 - 6 \times 6$ м, углубленные в материк на 0,6–1,2 м. В южной стенке жилищ (Ново-Турбаслинское II, жил. 1; Кушнаренковское, жил. 1) прослежены следы выхода-тамбура. Судя по планиграфии пос. Ново-Турбаслинское II, жилища располагались в ряд вдоль края террасы (рис. 2: 1). Внутри жилищ прослеживаются ямки от опорных столбов и остатки очагов-козрищ (по мнению Н.А. Мажитова, глинобитных). Н.А. Мажитов также считал, что крыши этих жилищ были плоские или двухскатные с опорой на центральные столбы (Мажитов, 1962, с. 155). Рядом с жилищами на пос. Ново-Турбаслинское II располагались ямы хозяйственного назначения, стенки которых были обложены деревом, а в заполнении найдены зерна злаков. Они могли быть хлебными хранилищами (Мажитов, 1962, с. 154).

Керамика. Вещевой материал с турбаслинских поселений – многочисленные фрагменты глиняной посуды. В их типологии в историографии царит полнейший разнобой. Прежде всего

потому, что изначально существовала путаница в терминологии. Так, В.Ф. Генинг в своей типологии керамики Кушнаренковского поселения выделил 2 типа горшков с высокой или низкой, прямой или слабоотогнутой шейкой, часть из которых (40%) украшены наклонными насечками по венчику, с округлыми или плоскими днищами. Автор определил их как романовский тип (Генинг, 1977, с. 118–120).

В это же время Н.А. Мажитов, характеризуя поселенческую керамику турбаслинской культуры, отмечал, что в ней представлены типы, отсутствующие в керамике из турбаслинских погребений. В остальном же – это тоже плоскодонные горшки грубой лепки, с невысокими прямыми или отогнутыми шейками, часть из которых украшена насечками по венчику (Мажитов, 1977, с. 53–54)².

Первичная типология поселенческой керамики турбаслинской культуры проводилась на довольно ограниченном материале, главным образом – с поселений Ново-Турбаслинское II (50 сосудов «второго типа» – по Н.А. Мажитову) и Кушнаренковское (141 сосуд «романовского типа» – по В.Ф. Генингу). Известно еще Улукулевское поселение, но объем керамического материала, до-

² Следует отметить, что к рассматриваемой керамике исследователь также применяет определение «романовский тип» (Мажитов, 1977, с. 51). Вместе с тем Г.И. Матвеева памятники «романовского типа» относил к именковской культуре (Матвеева, 2004, с. 22).

ступного для типологического анализа, там крайне ограничен – фрагменты не более чем 30 сосудов.

С началом ширококомасштабных раскопок городища Уфа II объем материала для типологического анализа турбаслинской керамики значительно увеличился³. И сейчас такая типология проведена Ф.А. Сунгатовым (Сунгатов, 2018, с. 77–79). Проведена она достаточно странно: вначале автор разделяет всю керамику городища на культурные группы (КГ), представляющие собой «сосуды, единые по основным диагностическим признакам и сопоставляемые с керамикой известных археологических культур. Тип – объединяет сосуды одной культурной группы, близкие по форме и технологии изготовления» (Сунгатов, 2018, с. 77). По наблюдениям автора, керамика турбаслинской КГ «одна из самых многочисленных. Керамика ТКГ встречается на уровне как верхних горизонтов, так и погребенной почвы, что указывает на то, что носители ее являются доминирующим населением городища» (Сунгатов, 2018, с. 77)⁴. Турбаслинскую керамику Ф.А. Сунгатов разделяет на 13 типов, не обозначенных ни статистически, ни метрически, что с эмпирической точки зрения делает столь дробную типологию бессмысленной, поскольку она дает только самое поверхностное представление о морфологии керамического комплекса поселений турбаслинской культуры.

Для морфологической характеристики *поселенческой керамики* турбаслинской культуры нами была сделана случайная выборка из фрагментов от 125 сосудов (Улукулевское пос., раскопки Г.И. Матвеевой 1968 г., и гор. Уфа II, раскопки 2006–2009 гг.), на которых можно проследить максимальные метрические параметры по программе, разработанной В.Ф. Генингом (Генинг, 1973)⁵.

Диаметр венчика турбаслинских сосудов варьирует от 8 до 32 см, но преобладают сосуды средних размеров: 15–17 см, 18–20 см и 21–23 см (20,8%, 16,8% и 25,6% соответственно). Из указателей формы сосудов на имеющемся материале прослеживаются следующие: высотно-горловинный (ФВ), определяющий высоту горловины

(шейки) по отношению к ее диаметру; широтно-горловинный (ФВ), определяющий ширину горловины сосуда по отношению к его наибольшему диаметру; указатель профилировки шейки (ФГ), определяющий степень отгиба шейки относительно ее основания; указатель выпуклости плечика (ФЖ), определяющий изгиб верхней части сосуда. Проведенный метрический анализ поселенческой керамики турбаслинской культуры показывает, что там преобладают сосуды низкогогорлые (71,2%), хотя имеется и заметная группа сосудов с более высокой (средней) горловиной (25,6%). По профилировке шейки (ФГ) сосуды делятся на закрытые (ФГ < 0) – 7,2% (рис. 2: 2, 5), с прямой (вертикальной) шейкой (ФГ = 0) – 36,8% (рис. 2: 6, 9), слабоотогнутой шейкой (ФГ не превышает 0,26) – 42,4% и среднеотогнутой шейкой (ФГ не более 0,57) – 12,8% (рис. 2: 3, 4). Профилировка верхней части сосудов невелика. Преобладают сосуды со слабо- (28%) или средневыпуклыми (39,2%) плечиками. Известны два сосуда с практически не выделенными плечиками, которые можно назвать глубокими мисками.

Полную форму сосудов исследователи реконструируют по материалам Ново-Турбаслинского (сосуд из жилища I), Кушнарниковского поселений и городища Уфа II. Это плоскодонные горшки с прямыми или отогнутыми наружу шейками (Мажитов, 1962, рис. 5; Генинг, 1977, рис. 13; Сунгатов, 2018, рис. 41, 1,7). Подобную реконструкцию следует принять, поскольку на всех исследованных турбаслинских поселениях находки плоских дниц известны⁶. Орнаментированы 28% сосудов, и орнамент представляет собой наклонные насечки, нанесенные по венчику (рис. 2: 3, 7, 8).

В керамическом комплексе городища Уфа II обнаружены фрагменты шести кувшинов и 115 ручек кувшинов. Ф.А. Сунгатов относит их к турбаслинской культуре на том основании, что «в могильниках других синхронных культур их практически нет», а в турбаслинских есть (Сунгатов, 1998, с. 30, рис. 2; 2018, с. 85).

Имеются также данные по технологии изготовления турбаслинской посуды: техникой спирально-лоскутного налета из запесоченной глины с добавлением шамота и органики (Мухаметдинов, Бахшиева, 2018, с. 93).

Могильники. Погребальный обряд носителей турбаслинской культуры описывался неоднократно, в том числе и монографически (Сунгатов, 1998, с. 89–98). Обратиться к нему еще раз побуждает некоторая неясность с объемом источниковой базы для данной категории культуры турбаслинского населения. Первая описательная

³ По нашим подсчетам, проведенным по материалам раскопок 2006–2009 гг., турбаслинская керамика (906 сосудов) составляет 54,9% от общего керамического комплекса городища (Иванов, 2012, с. 410, табл. 1).

⁴ С утверждением Ф.А. Сунгатова о количественном доминировании турбаслинской керамики в материале городища Уфа II можно вполне согласиться (по материалам раскопок 2006–2009 гг. она составляет 54,9% всего керамического комплекса), но только сосредоточена она все-таки в 4–6 штыках (из 11) культурного слоя памятника, сильно подверженного позднему антропогенному воздействию (Иванов, 2012, с. 410).

⁵ Данный объем случайной выборки позволяет учитывать ее признаки с нижним уровнем значимости = 3% при критерии значимости = 0,95 (Генинг и др., 1990, с. 64).

⁶ По данным Ф.А. Сунгатова, на городище Уфа II их найдено 2163 экз. (Сунгатов, 2018, с. 87, табл. 10).

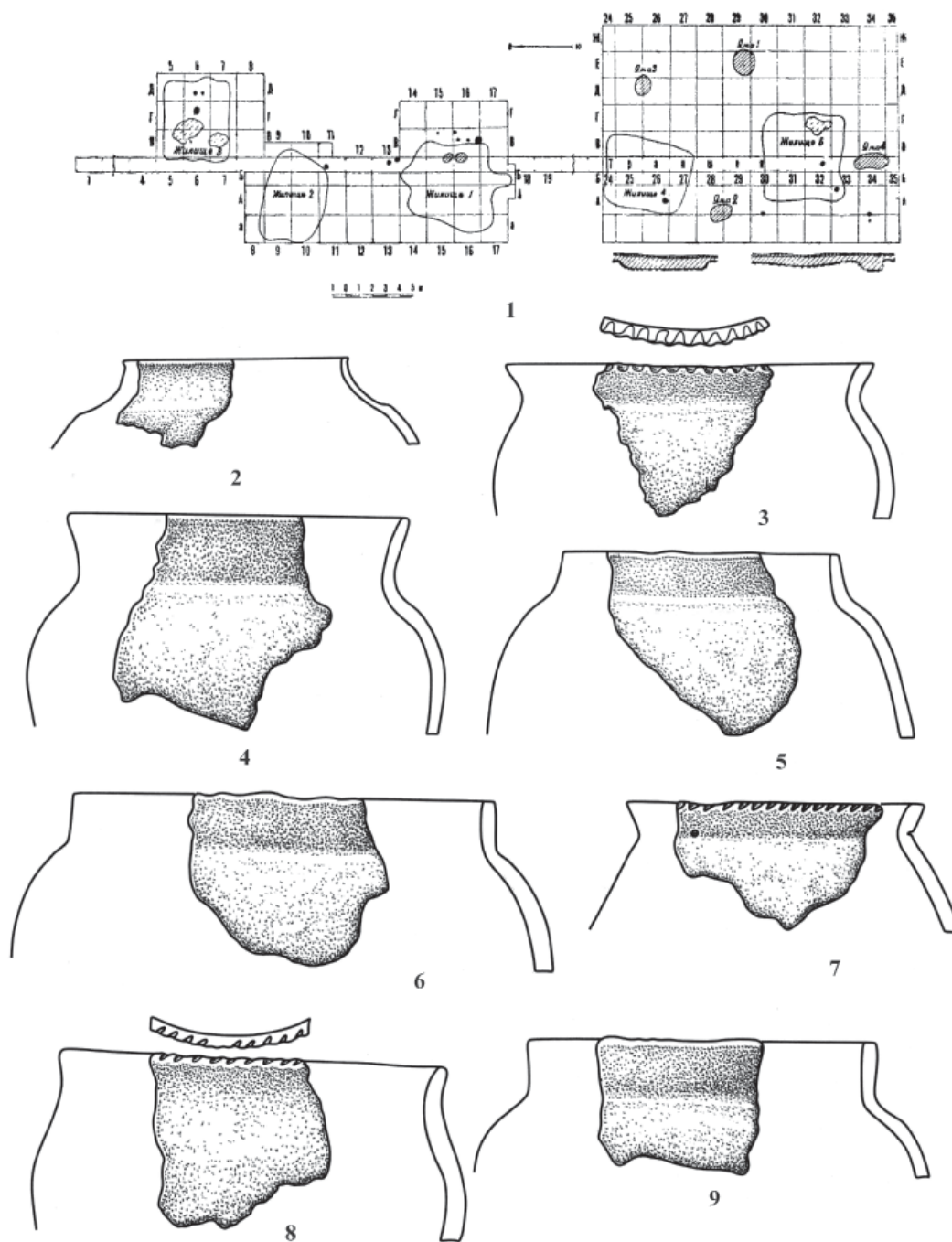

Рис. 2. Жилища и керамика поселений турбаслинской культуры.
 1 – план раскопа с жилищами на Ново-Турбаслинском поселении (по Н.А. Мажитову);
 2–9 – керамика городища Уфа II

статистика турбаслинского обряда была приведена Ф.А. Сунгатовым по материалам 251 погребения (Сунгатов, 1998, с. 151–153, табл. XIII). Поскольку традиционно считается, что «турбаслинцы» практиковали биритуальный обряд захоронения, автор дает описательную статистику подкурганных (169 погр.) и бескурганных (82 погр.) погребений отдельно. По его данным, турбаслинский курганный обряд характеризуется 84 признаками, бескурганный – 74 признаками. Проведя сравнительно-статистический анализ указанных групп погребений

по 114 альтернативным признакам погребального обряда, Ф.А. Сунгатов получил коэффициент абсолютного сходства между подкурганными и бескурганными погребениями, равный 61,5%, что дало автору возможность констатировать их этнокультурную однородность (Сунгатов, 1998, с. 94). Однако используя те же самые данные (Сунгатов, 1998, табл. XIII) и ту же самую методику сравнительно-статистического анализа, предложенную В.Ф. Генингом и его коллегами, согласно которой «исходным моментом определения

степени сходства является сравнение процентного распределения признака в отдельной совокупности. Степень сходства по одному (каждому) признаку двух выборок определяется по меньшему значению из двух сравниваемых величин, что будет означать величину их *абсолютного сходства*, т. е. удельный вес полностью совпадающего количества показателей данного признака» (Генинг и др., 1990, с. 81), мы получили иной результат. Значение коэффициента абсолютного сходства ($K_{\text{кург. и бескург.}} = 32,2\%$). То есть если по Ф.А. Сунгатову курганные и бескурганные погребения действительно относятся к одной культуре, то по нашим результатам это отнюдь не очевидно.

Аналогичные результаты мы получаем и при вычислении коэффициента формально-типологического сходства курганных и бескурганных погребений «турбаслинской культуры» C_3 по представительным признакам погребального обряда. Он оказывается = 0,56. То есть, с одной стороны, можно говорить об этнокультурном родстве оставивших их групп населения, с другой – родство это представляется не абсолютным.

Для того чтобы внести хотя бы какую-то ясность в существующую проблему, начать следует с анализа состояния и качества источниковой базы. К типу курганных захоронений без всяких оговорок относятся погребения Ново-Турбаслинского II, Уфимского (Дежневского) могильников и недавно открытого могильника «Чайка» на территории «Уфимского полуострова». По опубликованным данным, это в общей сложности 131 погребение.

К типу бескурганных достоверно можно отнести только погребения Бирского могильника с элементами турбаслинской обрядности: сосуды соответствующих форм, ниши-подбой в короткой стенке могилы и северная ориентировка погребенных. Н.А. Мажитовым опубликованы данные о 45 таких погребениях (Мажитов, 1968)⁷.

Что касается Кушнаренковского и Шареевского могильников, то наличие или отсутствие каких-либо надмогильных сооружений достоверно установлено быть не может, поскольку оба памятника находились на территории современных поселений. Хотя планиграфия раскопок – концентрация погребений на отдельных участках при наличии между ними свободного пространства – позволяет предположить их курганный тип (Генинг, 1977, с. 106).

Особое место в археологическом источниковедении турбаслинской культуры занимают Уфимские погребения. С легкой руки Р.Б. Ахмерова и

Н.А. Мажитова они были целиком отнесены к турбаслинской культуре (Ахмеров, 1970, с. 168; Мажитов, 1977, с. 93), и затем это определение стало аксиомой для последующих исследователей (Сунгатов, 1998, с. 91). И сейчас в публикациях современных исследователей речь идет уже о грандиозном городском некрополе турбаслинской культуры (Сунгатов, 2018а, с. 148–158).

Из каких источников черпает автор данные для своих масштабных построений? Прежде всего из публикаций Р.Б. Ахмерова о находках древних погребений на территории г. Уфы в разных местах и в разное время. Р.Б. Ахмеров в свою очередь в своих публикациях ссылался на сообщения уфимских краеведов XIX в. – в первую очередь на Р.Г. Игнатьева. Р.Г. Игнатьев же писал (со ссылкой на публикацию в «Оренбургских губернских ведомостях», 1852 г., № 8), во-первых, о том, что в 1782 г. «при строительстве домов уфимского наместника и наместнических присутственных мест срыт большой курган, где кроме разных мелких вещей, оружия и костяков, нашли конский прибор чистого золота, который был отослан Уфимским наместником Якобием к императрице Екатерине II». Затем⁸ – о том, что «в 1827 г., когда по вновь утвержденному плану должно было в Уфе провести несколько новых улиц, срыто до основания много курганов, причем находили золотые, серебряные, медные и железные вещи, оружие, конские приборы, скелеты, остатки гробов и каменных склепов...». О том, что в том же году при рытье котлована под фундамент для каменного архиерейского дома «между костями человеческими и конскими и железными вещами, конской сбруе принадлежащими» была найдена золотая монета византийского императора Феодосия Юнейшего (Флавий Феодосий II Младший, ум. в 450 г.) (Труды и летописи..., 1837, с. 138–139), Р.Г. Игнатьев ничего не сообщает (очевидно, не знал). Кроме того, Р.Г. Игнатьев сообщал, что близ Чортова городища в 2,5 верстах от г. Уфы кладоискатели срыли до основания 20 курганов. Когда это было сделано и что там было найдено, автор не сообщил.

Наконец, он же писал о наличии 18 курганов «при Уфе на выгоне, где находится магометанское кладбище». Судя по приведенному описанию, это были довольно крупные насыпи 20 и более метров в диаметре и высотой более 2 м. Один из них был раскопан автором. Далее приводим авторское описание кургана: «На глубине около 5 арш., с В. стороны насыпи, оказался верх свода, длиной 5,5 арш., от окончания которого можно было еще копать еще в глубину 1 арш., но далее уже был

⁷ Их, по-видимому, больше, но материалы раскопок Бирского могильника конца 1970-х – начала 1990-х гг. пока не опубликованы.

⁸ Также со ссылкой на «Оренбургские губернские ведомости», 1864 г., № 34.

материк. Входом в склеп было полукруглое устье в 2,5 арш. вышины, и склеп был туго засыпан черноземом с глиной. Глина, уголья и зола начали попадаться в центре кургана – это вероятно от того, что покойник был сожжен тут же, на этом месте...». Далее Р.Г. Игнатъев сообщает о том, что при промывке земли, взятой из склепа, были найдены разрозненные мелкие человеческие кости, около десятка серебряных скобочек (?), камушек-вставка от перстня, две серебряных и три медных пластинки, обломки железной полосы, железный заступ или лопата (Игнатъев, 1883, с. 328, 347–348).

И наконец, Р.Б. Ахмеров в одной из своих статей воспроизводит сообщение из газеты «Уфимские губернские ведомости» за 1879 г., № 4–5, о вещах, найденных в могиле, случайно обнаруженной в 1878 г. при ломке камня на даче помещика В.А. Новикова. Судя по газетной публикации, инвентарь погребения (по мнению Р.Б. Ахмерова, богатое мужское) состоял из серебряной чаши с изображением птиц, 42 серебряных и 4 золотых пластинок, украшавших узду, 3 пуговиц с камешком посредине, обломков железного меча, 7 костяных обломков, золотой цепочки с серебряным наконечником (Ахмеров, 1970, с. 162–163). Находчик, помещик В.А. Новиков, передал в музей только часть наименее ценных предметов, среди которых – костяные накладки лука и золотая накладка, украшенная мелкой зернью (Ахмеров, 1951, рис. 39,6; 1970, с. 173, рис. 2). И где-то в тех же местах в 1883 г. было случайно найдено («на известковой ломке Ларионова») женское погребение с двумя золотыми серьгами в виде несомкнутого кольца с грузиком-многогранником на конце (Ахмеров, 1970, с. 163).

На этом сведения об археологических находках на территории г. Уфы завершаются. Резюмируя их, мы убеждаемся (с высокой степенью вероятности), что в течение XVIII–XIX вв. на территории Уфимского полуострова, в южной его части были найдены 43 погребения и кургана. Из них к какому времени относились 20 курганов, разрушенных грабителями возле Чортова (Уфа I) городища, сказать невозможно. С учетом того, что само городище и расположенный рядом Уфимский грунтовый могильник относятся к кара-абызской культуре, можно предположить, что к ней же относились и разрушенные курганы. И в таком предположении нет ничего невероятного, поскольку широко известный Шиповский комплекс памятников этой культуры тоже состоит из городища и грунтово-курганного могильника.

Из оставшихся 23 курганов и погребений 18 курганов (из которых один раскопан Р.Г. Игнатъевым), судя по их описанию, представляли собой

довольно крупные насыпи высотой до 2 м. При полном отсутствии идентифицирующего материала их также можно отнести к какому угодно времени⁹. Следовательно, к турбаслинской культуре могут быть отнесены (с той или иной степенью вероятности) только 2 погребения – мужское и женское, – найденные в окрестностях д. Новиковка.

В течение прошлого и начале текущего столетий на южной оконечности Уфимского полуострова в разные годы были выявлены 35 погребений, идентифицированных как турбаслинские. Их описания и топография опубликованы (Ахмеров, 1951; 1970; Иванов, 2011; Иванов, Гарустович, 2010; Бахшиев и др., 2017).

Таким образом, в настоящее время на территории современного г. Уфы мы имеем следующую карту «Уфимских погребений» турбаслинской культуры: по вершинам треугольника со сторонами 500–600 м расположены скопления турбаслинских погребений – на месте бывшего архиерейского подворья (ныне Дом Правительства Республики Башкортостан) 10–11 погребений¹⁰; на усадьбе Башкирского театра оперы и балета – 2 погребения, плюс 5 погребений, найденных через улицу Пушкина¹¹; в начале ул. К. Маркса – 9 погребений.

Далее, на расстоянии примерно 7,5 км к северо-западу от погребений на архиерейской усадьбе, известны 7 погребений, обозначенных как «Глумилинские курганы» (Археологическая карта..., 1976, № 1029). А в 5,5 км к северу от последних – известный Уфимский (Дежневский) курганный могильник, на котором, по последним данным, выявлено более 40 курганов. В 2 км к юго-востоку от первых найдены два погребения, которые современные исследователи идентифицируют как могильник «Старая Уфа-1» (Бахшиев и др., 2017).

После столь пространного (но необходимого) источниковедческого отступления перейдем к описанию погребального обряда турбаслинской культуры по тем данным, которыми мы располагаем. Сделать это не просто, поскольку по чисто внешним признакам погребения, номинируемые как турбаслинские, можно разделить на две груп-

⁹ Р.Б. Ахмеров, например, относил их «к группе сарматских памятников, которые имеются в пределах Уфы» (Ахмеров, 1951, с. 132, сноска 2).

¹⁰ В 1976 г. Н.А. Мажитов и его сотрудники на этом месте «обследовали около 10 разрушенных погребений, где найдены фрагменты глиняных сосудов турбаслинского типа, золотой перстень со вставкой из сердолика (рубеж VII и VIII вв.» (Мажитов и др., 2008, с. 34).

¹¹ Между первой и второй из указанных групп примерно посредине найдены три погребения под зданием Медицинского института. Но напомним, что в одном из них – детском – найден сосуд кушнаренковского типа.

ГЛАВА 2. ПАМЯТНИКИ БАСЕЙНА Р. БЕЛОЙ

Таблица 1.

Полная описательная статистика погребального обряда турбаслинской культуры (в %%)¹

№	Содержание признака	Тип погребения	
		курганный	грунтовый
Надмогильное сооружение			
1	Земляной курган	100	-
2	Грунтовый могильник	-	100
3	Кострище в насыпи	8,0	-
4	1 захоронение	61,6	100
5	2 и более захоронения	38,4	-
Конструкция могилы			
6	Простая	56,0	86,6
7	Запечки вдоль длинных стенок (рис.3, 1,3)	14,0	4,3
8	Ниша-подбой а короткой стенке (рис.3, 2)	19,0	9,1
9	Конструкция могилы не установлена	11,0	-
Ориентировка и поза погребенного			
10	Запад	5,0	2,3
11	Север	53,5	4,4
12	Юг	3,0	2,3
13	Северо-запад	14,1	26,6
14	Северо-восток	10,0	-
15	Не установлена	14,4	64,4
16	Поза вытянуто на спине	39,4	20,0
17	Руки вытянуты вдоль	5,0	-
18	Правая рука согнута	5,0	-
19	Поза не установлена	56,5	80
Детали ритуала			
20	<i>Кости овцы</i>	1,0	2,2
21	<i>Кости КРС</i>	2,0	-
22	Кости лошади (жертвенная пища) в могиле	11,1	60
23	Кости животного не определены	22,2	-
24	Кости животного в изголовье	28,3	24,4
25	Кости животного в заполнении могилы (могила граблена)	5,0	37,7
26	<i>Местоположение костей другое</i>	2,0	-
27	Глиняный сосуд в изголовье	50,5	31,1
28	Глиняный сосуд в нише-подбое	19,2	86,6
29	Глиняный сосуд в заполнении (могила граблена)	16,1	2,2
30	<i>Сосуд у ног</i>	2,0	-
31	<i>Детали конской сбруи без коня</i>	3,0	-
32	<i>Угли в могиле</i>	5,0	-
Ассортимент погребального инвентаря			
33	Удила	4,0	-
34	Уздечные накладки	2,0	-
35	Железные наконечники стрел	-	11,1
36	Костяные наконечники стрел	5,0	20,0
37	<i>Костяные обкладки лука</i>	1,0	-
38	Топор	-	15,5
39	<i>Копье</i>	1,0	-
40	Поясные накладки	16,1	26,6
41	Поясные пряжки	23,2	37,7
42	Пояс целый	2,0	2,2
43	Серьга-кольцо	5,0	4,4
44	Серьга-кольцо с грузиком	9,0	8,8
45	Подвеска-колокольчик	6,0	8,8
46	Несколько бусин	27,2	26,6
47	Ожерелье	6,0	11,1
48	Раковина каури	2,0	15,5
49	Браслет	9,0	2,2
50	Нашивки фигурные	5,0	2,2
51	Подвески «штурваловидные»	4,0	4,4
52	Застежки обуви	5,0	2,2

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

53	<i>Перстень</i>	3,0	2,2
54	<i>Фибула</i>	2,0	4,4
55	<i>Зеркало</i>	2,0	2,2
56	<i>Гривна</i>	1,0	4,4
57	<i>Медальон</i>	3,0	2,2
58	<i>Подвески-коньки</i>	2,0	4,4
59	Нож	18,2	13,3
60	Пряслице	2,0	-
61	Шило	2,0	2,2
62	Другие	8,0	8,8
63	Без вещей	33,3	31,1
Всего погребений		99*	46**

¹ Непредставительные для имеющихся случайных выборок признаки выделены курсивом

* Нижний порог значимости признака при критерии значимости = 0,95 равняется 4%.

** Нижний порог значимости признака при критерии значимости = 0,95 равняется 8%

пы: имеющие курганные насыпи и бескурганные (грунтовые). Ко второй группе, безусловно, относятся погребения Бирского могильника. К первой – Ново-Турбаслинский и Уфимский (Дежневский) могильники, а также Кушнаренковский, Шареевский могильники и Уфимские погребения. Уфимские погребения (с известной степенью условности) отнесены к данной группе потому, что большинство исследователей турбаслинской культуры уверены в том, что Уфимские погребения были курганными (основанием для этого является сообщение М. Сомова о том, что «несколько десятков лет тому назад существовали еще в некоторых местах около Уфы курганы... Два подобных кургана находились, например, близ дома нынешнего женскаго духовнаго училища, недалеко от семинарии, при разрытии которых найдены некоторые серебряные и медные вещи. Ранее же того, во время построения наместническаго дома, срыт большой курган, существовавший на том месте, и в нем найдены многие предметы древняго вооружения, как-то: копья, стрелы, седельные узоры и проч., из числа которых серебряные и золотые отправлены в кабинет редкостей Екатерины II. Только один из таких курганов, небольшого размера, опавший и несколько попорченный, сохранился и доныне на западной стороне города, близ бойн» (Сомов, 1864). Объединив Уфимские погребения с заведомо подкурганными захоронениями, мы получим тем самым случайную выборку в 75 учетных единиц. Описательная статистика погребального обряда сравниваемых групп погребений приведена в табл. 1.

Значения парного коэффициента формально-типологического сходства (C_3), подсчитанные по 63 альтернативным представительным признакам, показывают, что погребения подкурганные и бескурганные обнаруживают между собой сходство = 0,4.

Подсчитаем степень *абсолютного сходства* сравниваемых групп погребений, которая «опре-

деляется по меньшему значению из двух сравниваемых величин, что будет означать величину их *абсолютного сходства*, т. е. удельный вес полностью совпадающего количества показателей данного признака» (Генинг и др., 1990, с. 81). Она выражена в следующих значениях: подкурганные и бескурганные захоронения – 13%.

Погребальный обряд сравниваемых групп характеризуется 63 альтернативными признаками, из которых 25 не являются представительными для какой-то одной или для обеих выборок¹².

О чем это говорит? В первую очередь о том, что погребения турбаслинской культуры, совершенные под курганами, и грунтовые погребения этой же культуры на Бирском могильнике **не являются однокультурными**¹³.

Аналогичным образом Ф.А. Сунгатов провел сравнительно-типологический анализ погребений турбаслинской культуры, разделив их на 2 группы по типу могильников – курганные и бескурганные. В качестве критерия сходства им были взяты погребения, содержащие круглодонную (собственно турбаслинскую) и плоскодонную (романовскую) керамику. Анализируемая автором статистическая выборка составляла 93 погребения Дежневского (Уфимского), Ново-Турбаслинского, Чесноковского¹⁴, Кушнаренковского, Кувыковского, Шареевского, Жилинского могильников, а также Уфимские погребения. Полученный автором коэффициент сходства перечисленных памятников турбаслинской культуры оказывается равен 0,77, что абсолютно не вытекает из приводимых автором исходных данных (Сунгатов, 1998, с. 94–98;

¹² В таблице выделены курсивом.

¹³ Не случайно Н.А. Мажитов погребения Бирского могильника, имеющие турбаслинские признаки обряда – ниша-подбой в короткой стенке, кости лошади, характерные сосуды – относил к позднему этапу бахмутинской культуры (48 погребений) (Мажитов, 1968, с. 29).

¹⁴ Данный памятник сейчас не существует, а кем и когда был раскопан единственный курган из картотеки Б.А. Коишевского – неизвестно.

табл. XV). Поэтому его вывод о принадлежности курганных и бескурганных погребений к одной турбаслинской культуре является сомнительным¹⁵.

Детальный типологический анализ **погребальной керамики** турбаслинской культуры, проведенный Ф.А. Сунгатовым, избавляет нас от необходимости делать эту работу еще раз. Следуя методике обработки археологической керамики, разработанной В.Ф. Генингом и оперируя соответствующими метрическими параметрами, автор разделил керамику из турбаслинских погребений на две группы, резко отличающиеся друг от друга по объему. Наиболее многочисленную – 130 экз. из 143 – составляют круглодонные и плоскодонные горшки (53,1% и 46,9% соответственно) (рис. 3: 4–10). Небольшую группу – 13 экз. – составляют двуручные и одноручные плоскодонные кувшины. Последние в основном найдены в погребениях на территории г. Уфы и Кушнаренковского могильника.

Если сравнить метрические параметры и значения указателей форм верхней части сосудов из погребений и с поселений (случайная выборка из 125 сосудов из коллекции городища Уфа II и Улукулевского селища), то выясняется, что определенные различия между ними наблюдаются главным образом в частоте встречаемости сосудов определенных пропорций в комплексах. Так, если по диаметру горловины и в поселенческой, и в погребальной керамике одинаково доминируют сосуды с диаметром горла, равным 12–25 см (80,8% и 82,4% соответственно), то по *высотно-горловинному указателю* (ФБ) среди погребальных сосудов доминируют сосуды со средней (40%) и

высокой (25,8%) горловиной, тогда как среди поселенческой керамики чаще встречаются сосуды низкогогорлые (71,2%). Аналогичным образом по *широотно-горловинному указателю* (ФВ) в поселенческой керамике преобладают сосуды широкогорлые (73,6%), а в погребальной – с зауженной и средней горловиной (13,3% и 46,6%). По *профилировке шейки* (ФГ) среди поселенческой керамики очень высок удельный вес сосудов с прямой (вертикальной) горловиной (36,8%), тогда как среди погребальных сосудов их вдвое меньше (18,3%).

Все это дает нам основание предполагать, что в своем погребальном ритуале «турбаслинцы» использовали не любые сосуды, а каких-то определенных форм¹⁶.

Ассортимент вещей, сопровождающих погребенных, не отличается обилием и разнообразием. В первую очередь на это повлиял высокий процент дошедших до нас разрушенных (разграбленных?) погребений: 56,5% подкурганных и 80% бескурганных погребений разрушены настолько, что позу погребенных установить невозможно. Хотя по расположению отдельных костей черепа или ног по оси могилы у 88,9% подкурганных и 35,6% бескурганных погребений можно установить ориентировку погребенного (табл. 1).

Ф.А. Сунгатов, описавший вещевой комплекс турбаслинских погребений, приводит статистику самих артефактов (Сунгатов, 1998, с. 44–78). По данным исследователя, в вещевом комплексе турбаслинских погребений более всего найдено кольцевых серег с грузиком-многогранником на конце – 16 экз. (рис. 4: 1, 2), бус в виде нескольких бусин или ожерелья – 1473 экз., круглопроволочных браслетов – 21 экз. (рис. 4: 3, 4), колоколовидных подвесок – 17 экз. (рис. 4: 21), фибул – 20 экз. (рис. 4: 5–8), бронзовых зеркал – 10 экз. (рис. 4: 9, 13), пряжек – 69 экз. (рис. 4: 10–12, 14–16), поясных накладок – 108 экз. (рис. 4: 17–20), ножей. Частота встречаемости перечисленных предметов в погребениях представлена в табл. 1. Из уникальных предметов из публикации в публикацию «кочует» знаменитый набор золотых украшений из Уфимского погребения под зданием мединститута¹⁷ и две бляхи с изображением византийских военачальников из Дежневских (Уфимских) курганов и погребения могильника Старая Уфа (Мажитов и др., 2008, с. 34).

В целом вещевой набор турбаслинских погребений эклектичен: он имеет многочисленные ана-

¹⁵ Поводов для подобного сомнения несколько: во-первых, непонятен принцип составления исходных таблиц для статистической обработки материала. Так, в табл. XV «Признаки погребального обряда курганных и бескурганных могильников турбаслинской культуры» данные по абсолютным и относительным показателям признаков абсолютно не совпадают. Во-вторых, автор совершенно игнорирует (или не понимает) такой важный статистический показатель, как репрезентативность и значимость признака в анализируемой выборке. Поэтому в его таблицах абсолютно все признаки турбаслинского погребального обряда, вне зависимости от частоты их встречаемости в выборке (представительности), оказываются одинаково репрезентативны. В результате единственное Жилинское погребение, где найден только сосуд, обнаруживает коэффициент формально-типологического сходства с Кушнаренковским могильником (30 погребений), равный 45,4%, с Ново-Турбаслинским могильником (88 погребений) – 32,5% и т. д. В-третьих, в исходной таблице имеются ошибки при переводе абсолютных показателей в относительные, что в итоге искажает общую картину (Сунгатов, 1998, с. 151–153). Наконец, коэффициент типологического сходства (C_3), подсчитанный по недифференцированным признакам, приведенным Ф.А. Сунгатовым, равен 0,55, а не 0,77, как указывает автор (Сунгатов, 1998, с. 98). То есть данная таблица к работе непригодна.

¹⁶ Например, среди керамики городища Уфа II заметна группа закрытых сосудов (указатель ФЖ <0) – 7,2%, а среди погребальных сосудов таковых нет вообще.

¹⁷ С учетом нахождения сосуда кушнаренковского типа в соседнем детском погребении его турбаслинская принадлежность требует более детального обоснования.

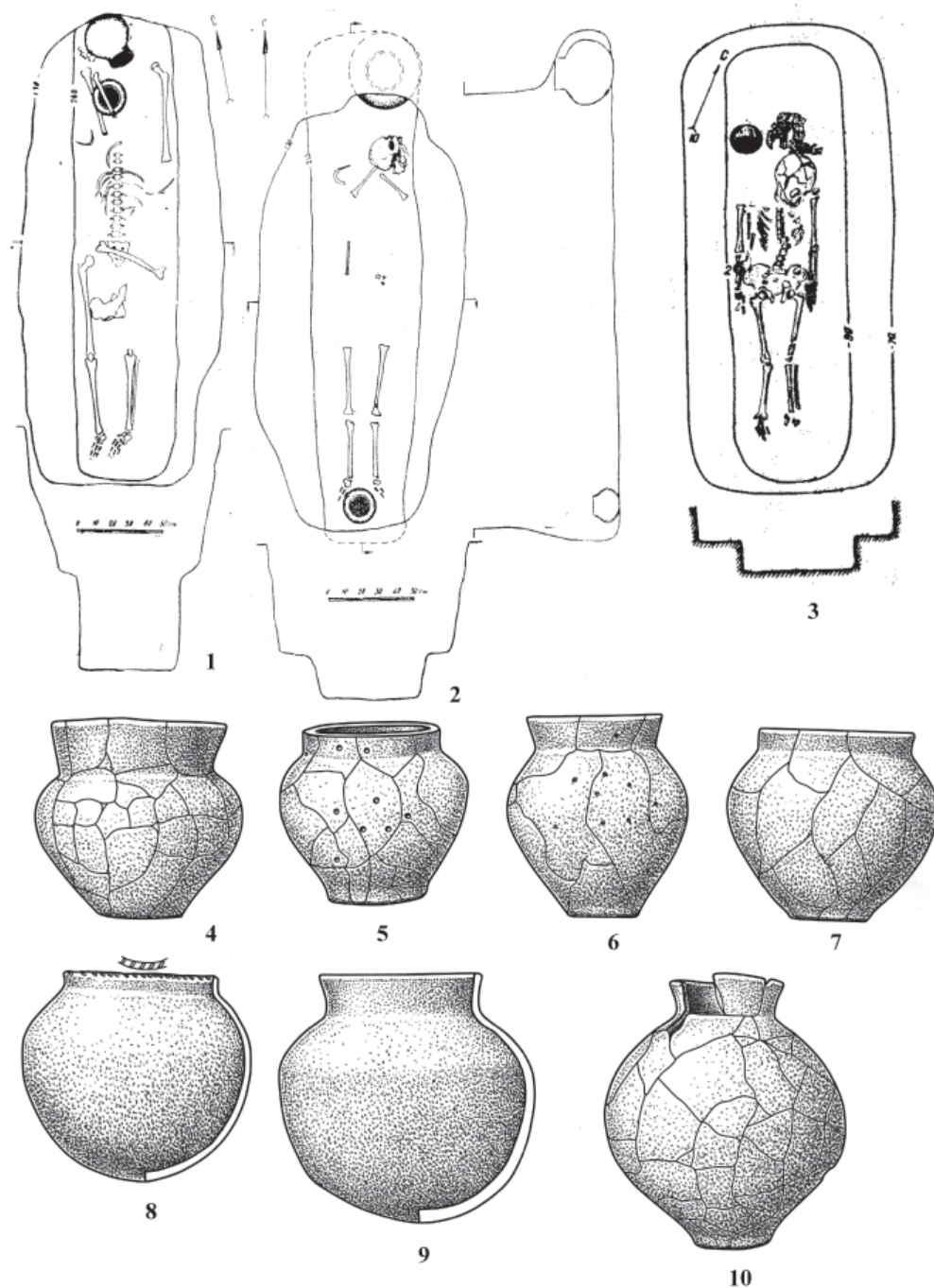

Рис. 3. Погребения и керамика из погребений турбаслинской культуры.
1, 2, 8, 9 – Дежневские курганы; 3, 4–7, 10 – Кушнаренковский могильник

логии в памятниках юга Евразии и не содержит каких-то оригинальных, специфических «турбаслинских» предметов. Во всех известных погребениях турбаслинской культуры в сумме найдено чуть более 350 предметов, относящихся к категориям украшений и принадлежностей костюма, которые могут являться хронологическими маркерами. Таковых немного: пряжки и поясные накладки, серьги с грузиком-многогранником и т. н. калачевидные застёжки-фибулы. На основании значений коэффициента условной вероятности встречаемости в одном погребении двух раз-

нотипных предметов (к) Ф.А. Сунгатов выделил 74 сочетания предметов в погребениях Уфимского (Дежневского), Ново-Турбаслинского, Кушнаренковского, Шареевского, Кувыковского могильников, Уфимских погребениях и ряде турбаслинских погребений из Бирского могильника. Сочетания предметов составили 7 комплексов связанных признаков (КСП), укладывающихся, по мнению автора, в хронологический период конца V – начала VIII вв. (Сунгатов, 1998, с. 83–87).

Как это часто бывает с потревоженными (разграбленными) комплексами, единичные типы ве-

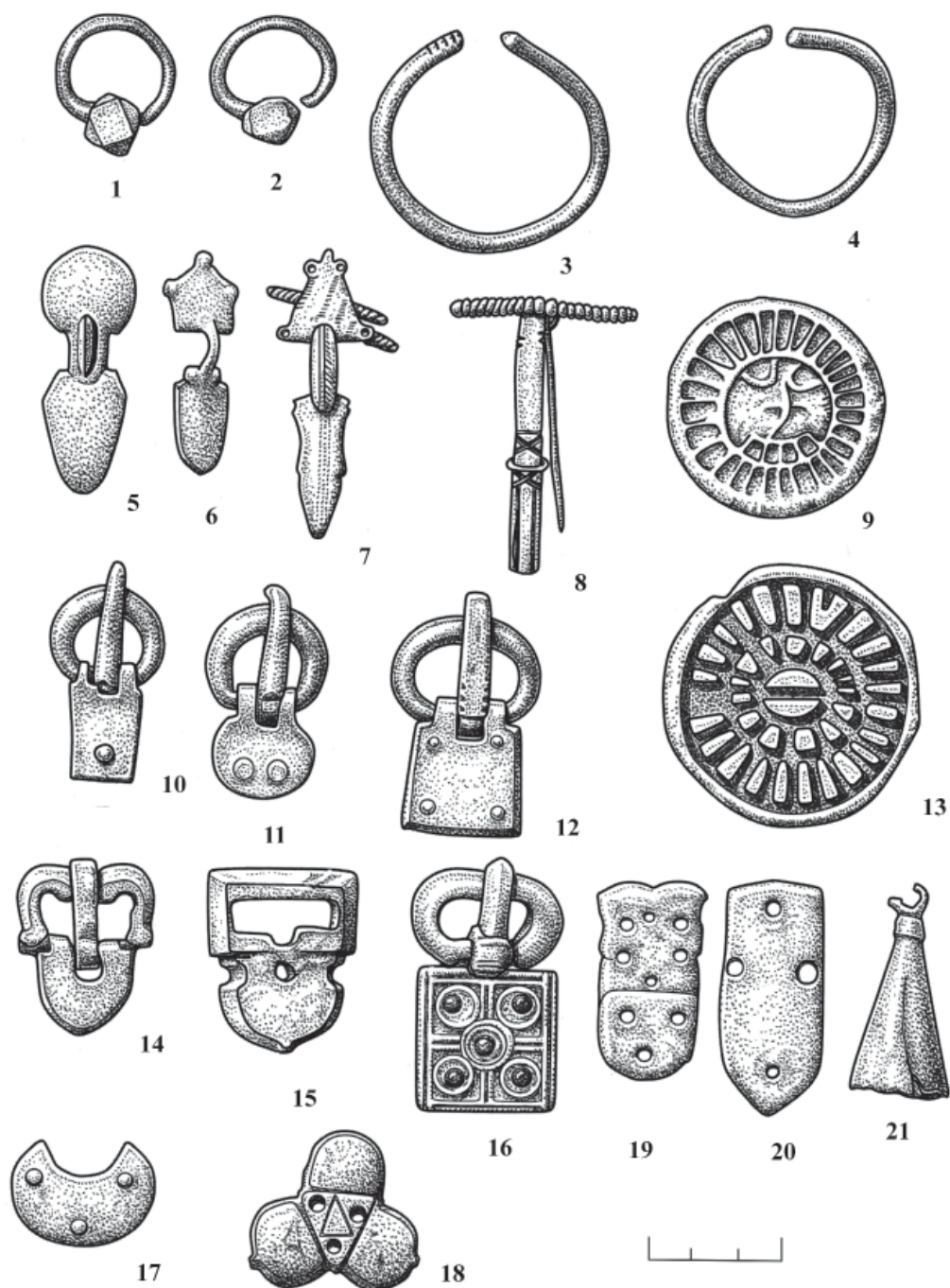

Рис. 4. Вещи из погребений турбаслинской культуры
(по материалам Ново-Турбаслинского, Кушнаренковского, Бирского могильников)

1, 2 – серьги; 3, 4 – браслеты; 5–8 – застёжки-фибулы; 9, 13 – зеркала; 10–12, 14–16 – пряжки; 17–20 – поясные накладки; 21 – подвеска. 16 – золото; остальное – серебро, бронза.

щей обнаруживают между собой условную связь, поскольку больше нигде в данном сочетании не встречаются. Поэтому семь КСП, выделенных Ф.А. Сунгатовым, очень четко образуют две хронологических группы. В первую входят три КСП (КСП 1–3), центральными звеньями которых являются пряжки с инкрустированным щитком, арбалетовидные и пластинчатые фибулы, серьги «харинского типа», дисковидные орнаментированные зеркала, пряжки и накладки, обтянутые

золотой фольгой (рис. 4: 1–13, 16). Эти вещи датируются V – первой пол. VI вв. н. э. (Засецкая, 1994, с. 111–130; Голдина, 2012, с. 206). Представлены они в основном в Уфимском (Дежневском), Ново-Турбаслинском могильниках и в Уфимских погребениях.

Вторую хронологическую группу (по Ф.А. Сунгатову) составляют КСП 4–7, связующими звеньями которой являются пряжки и поясные накладки «геральдического типа», кольцевые подвески с

выпуклинами («штурвалообразные») (рис. 4: 14, 15, 17–20). В своем большинстве эти предметы представлены в комплексах Кушнаренковского и кургане № 27 Ново-Турбаслинского могильника. Датируются эти предметы второй половиной VI – VII вв. (Богачев, 1992, с. 152–160; Голдина, 2012, с. 211–213).

Таким образом, V в. н. э. (вероятно, его вторая половина) – рубеж VI–VII вв. – это время пребывания в Предуралье носителей турбаслинской культуры. Они занимали незначительную по площади территорию в среднем течении р. Белой от устья р. Сим на юге до современного г. Бирска на севере (≈120 км с юго-востока на северо-запад) (рис. 1). Центром концентрации турбаслинского населения, очевидно, был хорошо защищенный природой Уфимский полуостров – территория современного города Уфы между рр. Белой и Уфой, где найдено большинство из известных сейчас турбаслинских погребений и самый крупный поселенческий памятник турбаслинской культуры – городище Уфа II. По своим культурологическим и антропологическим признакам «турбаслинцы» для Предуралья являлись населением пришлым, не связанным генетически с предшествующими им местными племенами – носителями мазунинской/бахмутинской культуры. Более того, если какие-то культурные контакты между этими этнокультурными группами можно предполагать – совместное залегание бахмутинской и турбаслинской керамики на поселениях, наличие бахмутинских сосудов в турбаслинских погребениях (Уфимский (Дежневский) могильник) или наличие значительной группы погребений с признаками турбаслинского обряда на Бирском могильнике

мазунинской (бахмутинской) культуры, то участие «турбаслинцев» в антропогенезе местного предуральского населения не прослеживается вообще (Юсупов, 2002, с. 34).

По мнению современных исследователей турбаслинской культуры, истоки этногенеза ее носителей следует искать среди позднесарматских (гунно-сарматских) кочевников восточноевропейских степей (Сунгатов, 1998, с. 104–110; Казаков, 2011, с. 18–20).

В конце VI в. носители рассматриваемой культуры (именьковско-турбаслинской общности – по Е.П. Казакову), очевидно, были вытеснены со своей территории новой волной мигрантов, представленных в регионе памятниками кушнаренковской культуры. Для «турбаслинцев» они – древние угры – были совершенно чуждым населением. С их приходом, по-видимому, начинается отток турбаслинского населения из Предуралья в Поволжье. Памятником, маркирующим этот процесс, являются ингумационные погребения Коминтерновского II могильника в низовьях Камы (Казаков, 2020, с. 36). Кроме него, в указанном районе, на северной периферии ареала именковской культуры, известны еще могильники – Ташкирмень, Измерский IX, Маклашеевский V, по погребальному обряду и типам погребального инвентаря идентичные могильникам турбаслинской культуры Предуралья (Казаков, 2011, с. 17–18). Прекращение функционирования турбаслинских могильников в бассейне средней Белой и их появление в Поволжье означало завершение индоиранского периода (Казаков, 1998, с. 111) в этнокультурной истории Предуралья и начало нового – угорского.

Кушнаренковская культура

Керамика кушнаренковского типа начала вводиться в научный оборот в конце 1950-х гг. после раскопок городища Уфа-II (П.Ф. Ищериков, Н.А. Мажитов, 1957–1958 гг.), Ново-Турбаслинского II (Н.А. Мажитов, 1958 г.) и Кушнаренковского (В.Ф. Генинг, 1959 г.) поселений. Первоначально авторы раскопок рассматривали эту керамику как часть общего керамического комплекса исследуемых памятников, обозначая ее как «тип 2» (городище Уфа-II), «тип 3» (Ново-Турбаслинское пос.) или «керамика второй группы» (Кушнаренковское селище) (Ищериков, Мажитов, 1962, с. 141–142; Мажитов, 1962, с. 157; Генинг, 1977, с. 120–126).

Понятие «керамика кушнаренковского типа» как одна из разновидностей керамики турбаслинской культуры впервые было использовано Н.А. Мажитовым при обосновании им выделения самостоятельной турбаслинской культуры и доказательства этнокультурного единства памятников V–VII вв. на территории Башкирии (Мажитов, 1964, с. 106; 1968, с. 69). Кроме погребений с кушнаренковской посудой из могильников турбаслинской культуры (Ново-Турбаслинский, к. 10; Бирский, погр. 78, 104, 107, 165 и др.; Шареевский, погр. 2 и 12), в это же время были выявлены и «чисто» кушнаренковские могильники (Сынтыштамакский, к. 1, 3, 11 – раскопки С.М. Васюткина, 1966 г.; Староязигитовское погребение – В.А. Иванов, 1971 г.) и поселения (сел. Бачки-Тау). В итоге точка зрения Н.А. Мажитова на кушнаренковскую керамику как на компонент турбаслинской культуры не нашла поддержки у исследователей.

В те же годы (конец 1960-х гг.) с альтернативной точкой зрения по данному вопросу выступила Г.И. Матвеева. Основной довод исследователя в пользу выделения особой кушнаренковской (и родственной ей караякуповской) культуры – наличие памятников, где кушнаренковская керамика присутствует «в чистом виде»: Манякский могильник, Кара-Якуповское городище, Куштиряжское, Такталачукское селища. Этническую принадлежность населения, оставившего эти памятники, исследователь связывала с древними уграми, пришедшими на территорию Башкирии из Западной Сибири (Матвеева Г.И., 1969; 1971, с. 133; 2007).

Следует отметить, что точка зрения Г.И. Матвеевой о самостоятельности кушнаренковской культуры была поддержана и другими археологами Урала – В.Ф. Генингом, С.М. Васюткиным, Е.П. Казаковым (Генинг, 1971, с. 51; 1972, с. 267–274; Васюткин, 1971, с. 138, Казаков, 1971, с. 127).

Чуть позже к ней присоединился и сам Н.А. Мажитов (Мажитов, 1977, с. 62, 74).

Территория распространения кушнаренковских памятников расширяется, и к концу 1970-х – первой половине 1980-х гг. они уже были выявлены на востоке Татарстана, в Прикамской Удмуртии и Пермском Предуралье (Chalikova, Chalikov, 1981; Казаков, 1981; 1981a; Казанцева, Ютина, 1986; Пастушенко, 2008; Руденко, 2013). Географическим ядром ареала кушнаренковских памятников по-прежнему оставалась территория современного Башкортостана, где в течение 1965–1973 гг. Н.А. Мажитовым были выявлены и исследованы большинство из известных сейчас памятников кушнаренковской культуры.

Памятники кушнаренковской культуры – могильники и поселения – в основном локализируются в бассейне нижнего течения р. Белой (ниже устья р. Дема). На почвенной карте региона – это зона серых лесных почв и оподзоленных выщелоченных черноземов, сформировавшихся в условиях лесостепного ландшафта. Это, в частности, подтверждается результатами споро-пыльцевого анализа культурного слоя городища Уфа II (Курманов, 2015) – единственного из известных пока поселенческих памятников, содержащего наиболее многочисленную коллекцию кушнаренковской керамики (рис. 1). Кроме того, фрагменты кушнаренковских сосудов найдены на Таптыковском, Кара-Якуповском, Старо-Калмашевском городищах, Ново-Турбаслинском и Кушнаренковском поселениях, где она составляет от 2,6% (Ново-Турбаслинское поселение), до 13,6% (Кара-Якуповское городище) керамических комплексов.

Этническая принадлежность носителей кушнаренковской археологической культуры с самого начала их выделения стала предметом дискуссии среди исследователей Урало-Поволжского региона. Содержание ее до конца 1990-х гг. изложено в одной из работ автора этих строк (Иванов, 1999, с. 6–18). В первое десятилетие текущего века она продолжалась, но уже, главным образом между Н.А. Мажитовым, упорно отстаивавшим тюркскую (древнебашкирскую) принадлежность «кушнаренковцев» (Мажитов, 2013), и автором этой статьи. Но она уже не имела прежней остроты. По мере накопления нового материала из Зауралья и Западной Сибири и его этнокультурной интерпретации круг сторонников угорской этнической принадлежности носителей кушнаренковской культуры значительно расширился (Казаков, 2007, с. 31–45; Матвеева Н.П., 2007, с. 74–75; Иванов А.Г., 2008, с. 151; Белавин и др., 2009; Боталов, 2016,

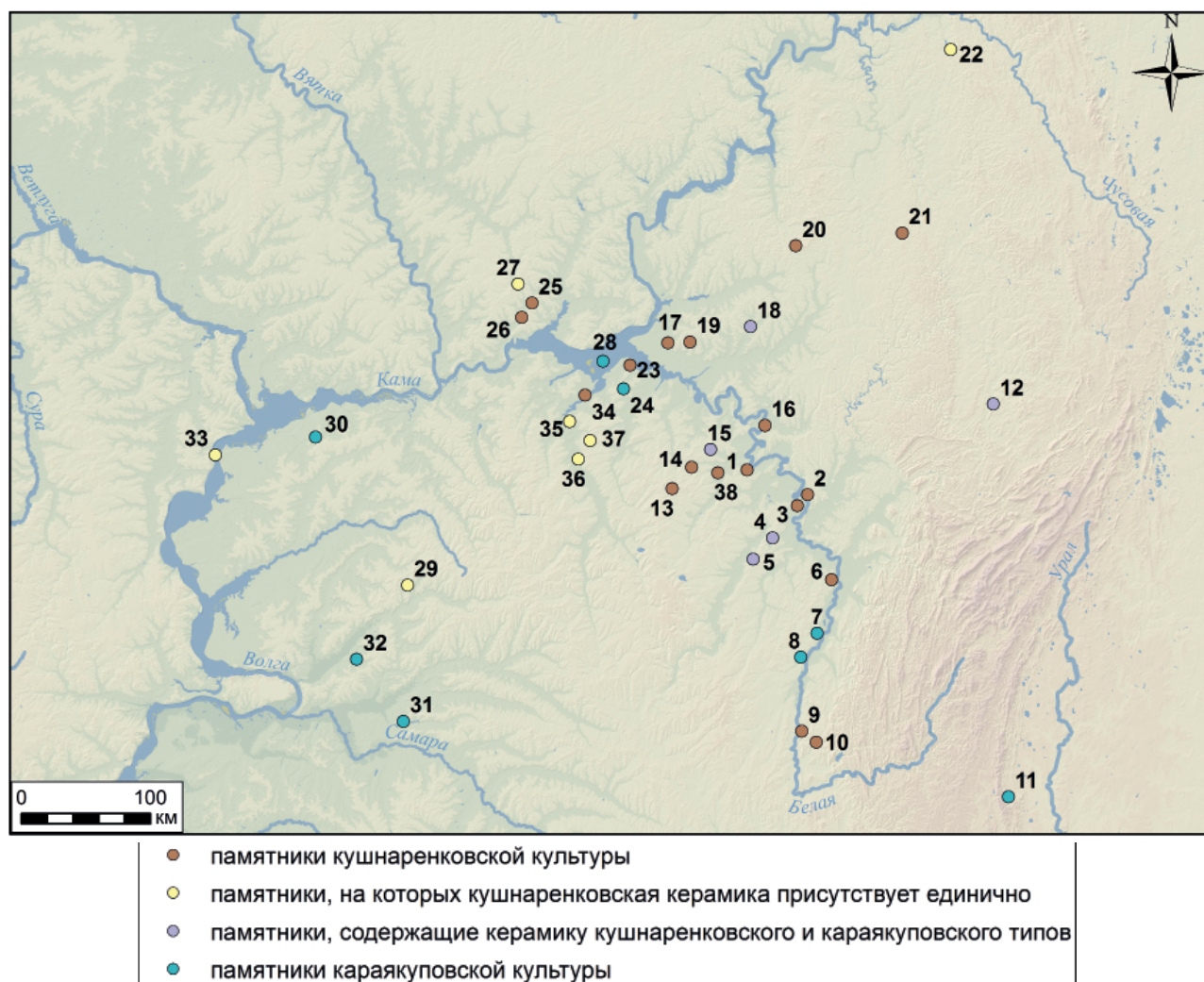

Рис. 1. Карта памятников кушнаренковской и караякуповской культуры.

1 – Кушнаренковское посел. и могильник; 2 – Ново-Турбаслинский могильник и посел.; 3 – гор. Уфа II; 4 – Таптыковское гор.; 5 – Караякуповское гор.; 6 – Шареевский; 7 – Стерлитамакский (Левашовский) мог.; 8 – Ишимбайское погр.; 9 – Береговский; 10 – Красногорский; 11 – Бекешевский; 12 – Лагеревский; 13 – Ново-Биккинский; 14 – Булгарский; 15 – Старокалмашевское гор.; 16 – Бирский мог.; 17 – сел. Бачки-Тау; 18 – Манякский мог.; 19 – Староянзигитовское; 20 – Бустанаевский мог.; 21 – Аскинское погр.; 22 – Верх-Саинское гор.; 23 – Такгалачукский мог.; 24 – Чишминский мог.; 25 – Кузубаевское гор.; 26 – Благодатское гор.; 27 – Верхне-Утчанское; 28 – Игимский мог.; 29 – Пролетарское гор.; 30 – Больше-Тиганский; 31 – Немчанка; 32 – 116-й км; 33 – Тетюшское гор.; 34 – Иманлейский мог.; 35 – Меллятамакское сел.; 36 – Русско-Шуганское сел.; 37 – Татарско-Азибейское сел.; 38 – Сынтыштамакский мог.

с. 517–529). В результате работы четырех Международных Мадьярских симпозиумов, проведенных по инициативе С.Г. Боталова и А. Тюрка в 2011 г. (Комсомольск, Украина), 2013 г. (Шадринск), 2016 г. (Будапешт), 2018 г. (Казань – Болгар), можно сказать, была «поставлена точка» в проблеме пребывания древних угров на Южном Урале и Предуралье во второй пол. I тыс. н. э. Носители кушнаренковской, караякуповской, неволинской культур сейчас однозначно трактуются как угромадьяры (Мадьяри..., 2011; II-й Международный..., 2013; III-й Международный..., 2016; Материалы IV Международного..., 2018). Наконец, тюменские коллеги, изучающие проблему мадьяр-

ской прародине на Урале, выдвигают гипотезу о формировании этнического ядра древних мадьяр-венгров в недрах уральских культур второй половины I тыс. н. э. – бакальской, караякуповской, неволинской, ломоватовской (Матвеева и др., 2021, с. 158–159). Поэтому далее, говоря об археологических культурах региона второй половины I тыс. н. э., мы будем оперировать этим этнокультурным определением.

Топография городищ, которые можно отнести к памятникам рассматриваемой культуры, классическая – высокие мысы надпойменных террас. Поскольку стратиграфия кушнаренковской керамики практически нигде не прослеживается (за

ГЛАВА 2. ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА Р. БЕЛОЙ

Таблица 1

Описательная статистика погребального обряда культур Предуралья (в %%)

№ п/п	Признак	Культура	
		Кушнаренковская	Караякуповская
		Конструкция надмогильных сооружений	
1	Могильник грунтовый	58,5	45,1
2	Курганный	37,1	54,8
3	Кости животных в насыпи	10,0	35,3
4	Одно погребение	92,8	47,2
5	Два и более	7,2	52,8
Конструкция могилы			
6	Простая	84,3	92,4
7	Ступенька слева	-	5,0
8	Неизвестно	11,4	2,6
9	Сбруя без коня	14,3	25,6
10	Шкура коня рядом с человеком	-	14,6
Ориентировка погребенного			
11	Запад	3,3	43,0
12	Север	32,8	-
13	Северо-запад	27,1	34,0
14	Северо-восток	3,3	9,0
15	Юго-запад	3,4	14,0
16	Юго-восток	5,7	-
17	Не определена	24,3	-
Поза погребенного			
18	Вытянуто на спине	58,5	76,6
19	Руки вытянуты	-	53,3
20	Левая рука согнута	-	23,3
21	Не определена	41,4	23,4
Детали ритуала			
22	Кости животных в могиле	15,7	35,3
23	Сосуд в могиле	64,2	72,0
24	Сосуд в изголовье	45,7	60,0
25	Сосуд в заполнении могилы	18,5	12,0
Состав погребального инвентаря			
26	Удила	15,7	32,0
27	Стремена	-	26,0
28	Стрелы желез.	10,0	29,3
29	Стрелы костян.	-	8,1
30	Кост. обкл. лука	10,0	10,3
31	Сабля	-	13,0
32	Поясные накл.	37,1	59,8
33	Поясн. пряжки	31,4	32,0
34	Целый пояс	-	9,8
35	Серьги с бусин.	5,7	-
36	Коньковые подвески	-	9,0
37	Арочные подв.	-	8,0
38	Подвески -колокольчики	5,7	-
39	Бусы	11,4	16,3
40	Перстень	8,5	24,4
41	Браслет	-	26,0
42	Пронизки	8,5	11,4
43	Медальон	-	11,4
44	Нож	14,2	21,1
Всего погребений:		73*	180**

* Нижний порог значимости 5%.

** Нижний порог значимости 2%.

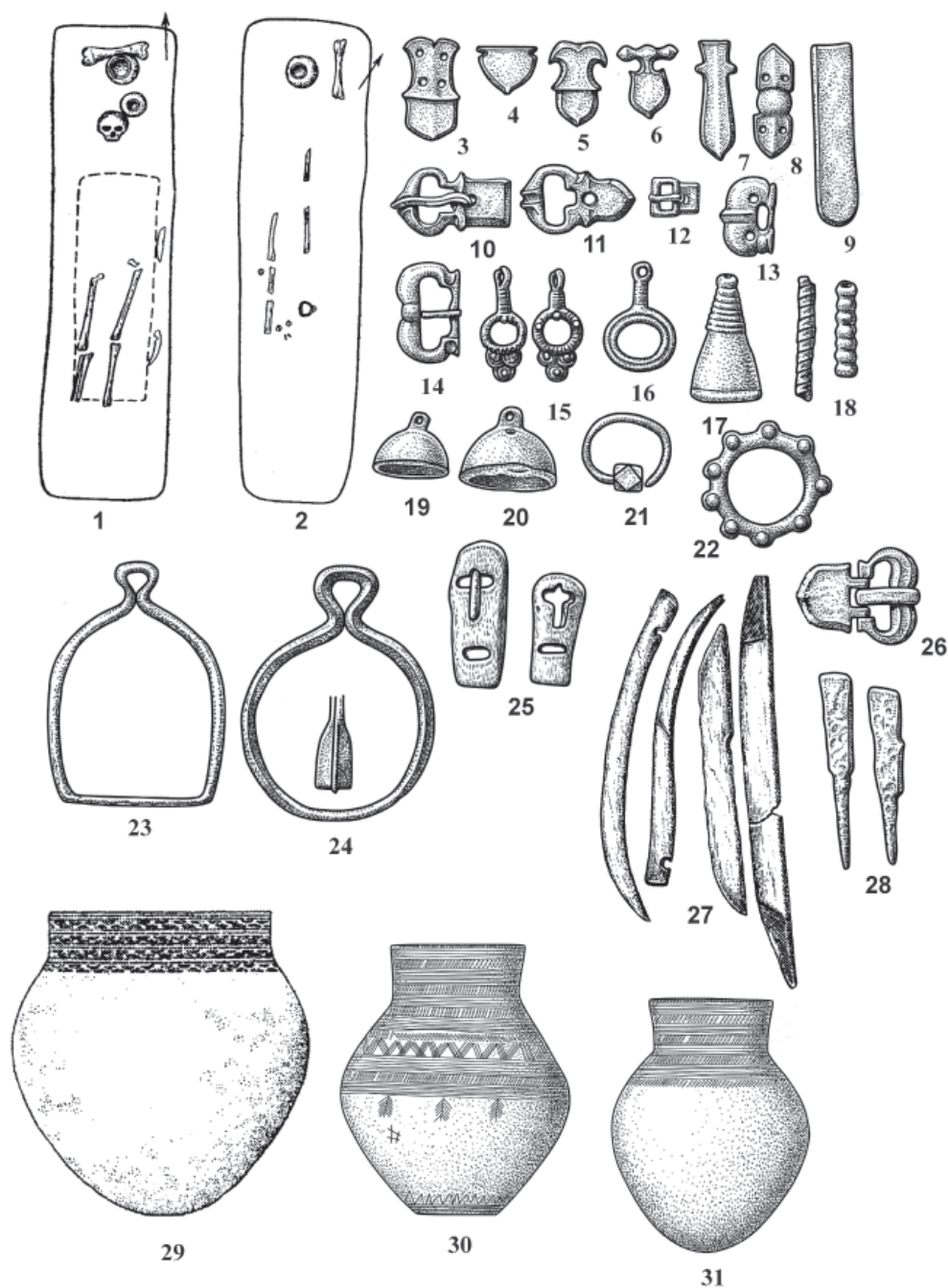

Рис. 2. Планы погребений и вещевой комплекс из могильников кушнаренковской культуры.

1, 2 – Маняжский могильник; 3–9, 13 – поясные накладки «геральдического» типа; 10–12, 14, 26 – поясные пряжки; 15, 16 – височные подвески с выступающим ушком; 17, 18 – пронизки; 19, 20 – подвески-колокольчики; 21 – серьга; 22 – подвеска; 23, 24 – стремена; 25 – костяные подпружные пряжки; 27 – костяные обкладки лука; 28 – железные наконечники стрел; 29–31 – глиняные сосуды

исключением городища Уфа II, на котором эта керамика концентрируется во 2–5 штыках (Иванов, 2012, с. 410)), сказать что-либо определенное о технологии «кушнаренковских» оборонительных сооружений не представляется возможным.

Аналогичным образом нам неизвестна и архитектура «кушнаренковских» жилищ, поскольку на двух поселениях – Ново-Турбаслинском и Кушнаренковском, где обнаружены следы полужемлянок, кушнаренковская керамика составляет 2,6%

и 20,7% соответственно и с жилищами напрямую не соотносится. Что же касается «чистых» кушнаренковских поселений в низовьях р. Ик – Меллятамакском II, V и Русско-Шуганском I и II, то там, как известно, широких раскопок не проводилось (Археологические памятники..., 1989, с. 46, 48, 58).

Могильники. Погребальный обряд носителей кушнаренковской культуры (по материалам могильников Береговский II, Булгарский, Крас-

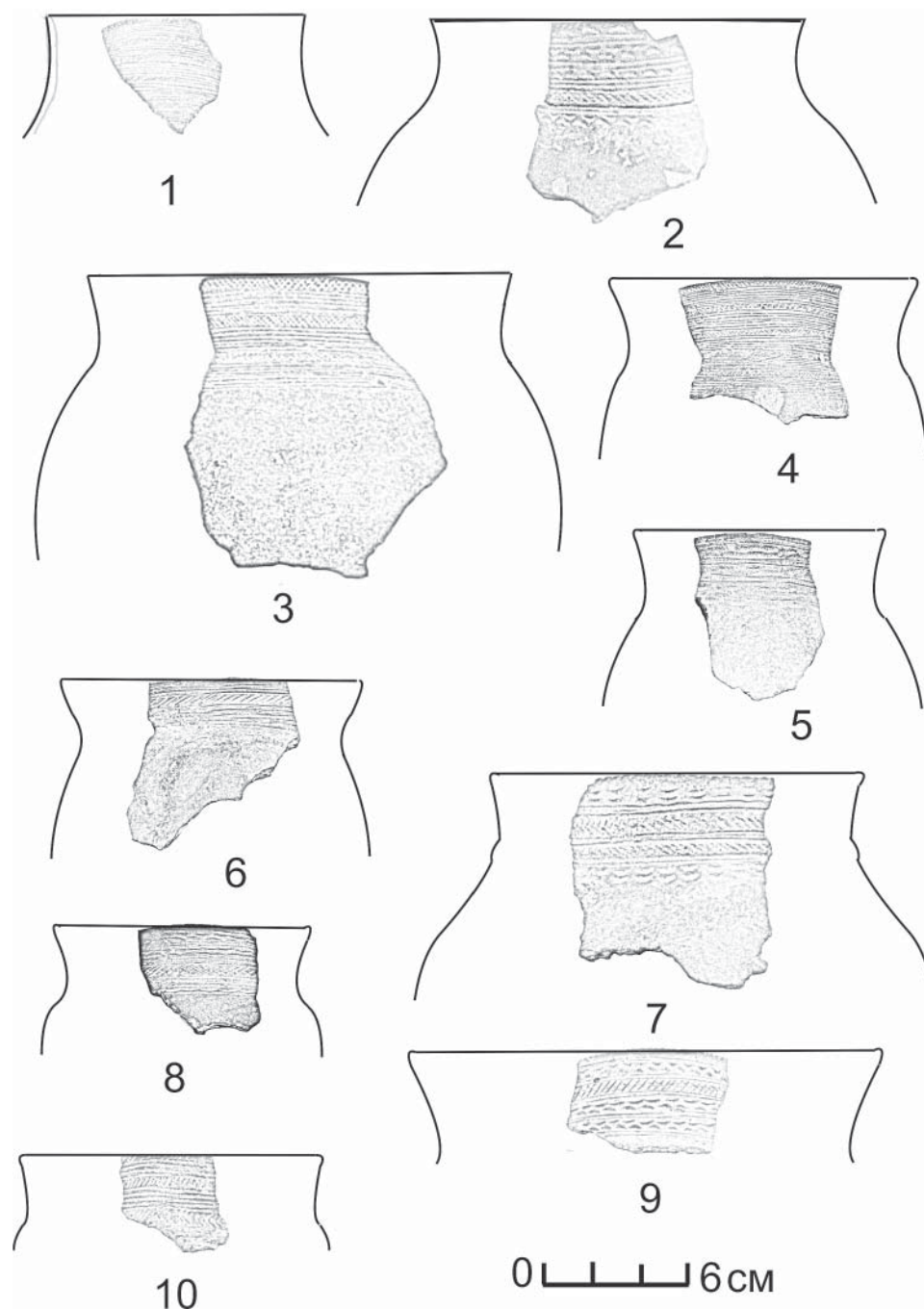

Рис. 3. Городище Уфа II. Фрагменты сосудов кушнаренковской культуры

ногорский II, Кушнаренковский, Лагереvский, Манякский, Ново-Биккинский, Ново-Турбаслинский, Старо-Янзигитовский, Сынтыштамакский, Такталачук, Шареевский – всего 73 погребения) характеризуется следующими признаками (табл. 1).

37,1% (27 погр.) погребений происходит из курганов, 58,5% (43 погр.) – из грунтовых могильников¹. Последнее, впрочем, не очевидно, поскольку планиграфия могильников Такталачук и Манякского, на которых расстояние между

интересующими нас погребениями достигает 6–10 м, позволяет предположить наличие над ними небольших земляных курганов, уничтоженных антропогенным воздействием.

10% от всех кушнаренковских погребений происходят из курганов, в насыпях которых содержатся зубы и фрагменты черепов лошади. Погребения одиночные, там, где могильная яма фиксируется, это простая могила с вертикальными стенками и плоским дном (84,3%). 14,3% погребений содержат символические конские захоронения – принадлежности сбруи. Ориентировка погребенного – север, северо-запад, редко – юго-

¹ Тип трех погребений не установлен.

Композиции элементов орнамента на сосудах кушнаренковской и культуры (в %%)

№№	Сочетание элементов	Кушнаренково
1	Резные горизонтальные линии, чередующиеся с рядами наклонных оттисков мелкозубчатого штампа	10
2	Горизонтальные линии в сочетании с насечками по венчику	76,9
3	Насечки по венчику и оттиски мелкозубчатого штампа по шейке	13,2
4	Линии, чередующиеся с мелкой косой сеткой	46,1
5	«Гусенички» и резные горизонтальные линии	28,5
6	Насечки по венчику и ямки по шейке	-
7	Поясок ямок и «жемчужин»	-
8	Насечки по венчику и «жемчужины» по шейке	-
Всего сосудов:		121

восток. Зафиксированное положение погребенных – вытянуто на спине (58,5%).

Из деталей погребального ритуала фиксируется наличие в могиле костей животных (преимущественно лошади) – 15,7% – и глиняных сосудов (64,2%, из которых 47,5% помещены в изголовье) (рис. 2: 1, 2).

Состав погребального инвентаря обычен: стрелена (рис. 2: 23, 24), железные наконечники стрел и костяные обкладки лука (рис. 2: 27, 28), отдельные поясные накладки и пряжки (рис. 2: 3–14, 26), серьги-подвески в виде несомкнутого кольца с грузиком-бусиной на конце (рис. 2: 21), подвески-колокольчики (рис. 2: 19, 20), круглые подвески с ушком (рис. 2: 15, 16), пронизки-рожки (рис. 2: 17), железный нож

Кушнаренковская керамика по своему предназначению делится на две группы – культовая (найденная в погребениях) и бытовая, поселенческая. Погребальная керамика (51 сосуд) в свое время была описана автором этих строк (Иванов, 2009). Это сосуды с диаметром горловины 11–20 см, высоких пропорций, с высокой или очень высокой горловиной и округлым (шаровидным) туловом (рис. 2: 29–31).

Морфологические признаки поселенческой керамики тоже были описаны, но на очень ограниченном материале – фрагменты от 30 сосудов. За прошедшее с тех пор время коллекция этой керамики значительно увеличилась, главным образом за счет материалов городища Уфа II (раскопки 2006–2018 гг.), и сейчас из общего комплекса кушнаренковской керамики памятника можно выделить 91 сосуд для морфологической характеристики этой керамики. И, таким образом, мы можем оперировать метрическими параметрами 121 сосуда².

По диаметру горловины абсолютно преобладают небольшие (9–17 см) сосуды – в общей сложности 84,3%. Сосуды очень малые (6–8 см в диаметре) и большие (21–23 см) встречаются редко

(по 4,1%). Остальные 7,5% сосудов средней величины (18–20 см в диаметре).

По своим пропорциям среди кушнаренковских сосудов выделяется группа низкогорлых (отношение высоты горловины сосуда к ее диаметру – указатель ФБ – не превышает 1,5) – 25,2%; преобладают среднегорлые (ФБ = 1,51–3,00) – 61,5%; значительно реже встречаются высокогорлые сосуды (ФБ = 3,01–5,00) – 13,3%³.

Кушнаренковские сосуды имеют либо прямую (вертикальную) шейку (указатель ФГ = 0 – 28,5%), либо шейку, слегка отогнутую наружу (слабопрофилированные, ФГ не превышает 0,26 – 55%). Сосуды с заметно отогнутой шейкой (среднепрофилированные, ФГ = 0,27–0,57) составляют только 14,3%.

Изгиб верхней части сосудов, выпуклость плечиков (указатель ФЖ) удалось проследить только у 61,5%. Из них 42,8% – слабовыпуклые (ФЖ = 0,26–0,57), 7,7% – средневые (ФЖ = 0,58–1,00). Особую группу сосудов (11%) составляют чаши, у которых указатель ФЖ = 0.

Практически все кушнаренковские сосуды орнаментированы. Орнамент располагается по венчику (90% сосудов) и шейке (98,9%). Реже (38,4%) орнамент заходит на плечико сосуда. Располагается горизонтальными зонами, состоящими из таких элементов, как косые насечки (90,1%), прочерченные горизонтальные линии (83,5%), мелкая косая сетка (51,6%), полулунницы-«гусенички», гладкие или выполненные оттиском мелкого штампа (29,6%), ряды косых заостренных насечек (20,8%), косые оттиски мелкозубчатого штампа (14,3%) (рис. 3).

Статистическая корреляция орнамента кушнаренковских сосудов (парная корреляция Пирсона, стандартная программа SPSS) показала, что действительно сильную корреляцию обнаруживают между собой нанесение орнамента на венчик в виде косых насечек. Среднюю корреляцию – размещение орнамента по венчику и шейке и косые

² Что означает нижний порог значимости = 3% при степени вероятности 0,95 (Генинг и др., 1990, с.64).

³ Обозначение и значение указателей формы сосудов взято у В.Ф. Генинга (Генинг, 1973).

насечки на последней. Между собой элементы орнамента коррелируются хотя и положительно, но слабо. Самую тесную корреляцию (0,224) обнаруживают между собой резные горизонтальные линии и «гусенички» (рис. 3: 2, 5, 9) и косые приостренные насечки и горизонтальная «ёлочка», менее тесную, но положительную – насечки по венчику и ряды приостренных насечек, резные горизонтальные линии и мелкая косая сетка (рис. 3: 1, 4), насечки по венчику и косые оттиски мелкозубчатого штампа (рис. 3: 6, 10).

В свое время, занимаясь вопросом хронологии кушнаренковской культуры, автор этих строк провел анализ кушнаренковских погребальных комплексов с целью выявления комплексов статистически связанных между собою признаков (КСП), которые могли бы быть хронологическими реперами для той или иной группы памятников. Для памятников рассматриваемой культуры такими реперами явились поясная гарнитура т. н. «геральдического типа» и сопутствующие ей каплевидные привески, подвески-колокольчики, кольцевые подвески с вертикальным ушком, штурваловидные подвески и, конечно же, соответствующие сосуды. Все эти вещи, в частности, идентичны вещам, характерным для агафоновской и деменковской (по Р.Д. Голдиной) стадий ломоватовской культуры. В итоге мы и сегодня можем считать, что дата кушнаренковских памятников – это конец VI – первая половина VIII вв. (Иванов, 1999, с. 43–46) (рис. 2: 3–14, 16, 19, 20).

Во второй половине VIII в. н. э. памятники кушнаренковской культуры в Южном Предуралье уже не прослеживаются. Поэтому выделение Е.П. Казаковым и Г.И. Матвеевой «поздней» кушнаренковской керамики VIII–IX вв. не выглядит убедительным (Казаков, 2007, с. 34; Матвеева, 2007, с. 76–77).

Обязательно нужно учитывать и то обстоятельство, что в культурном слое памятников, которые по формальному наличию там керамики кушна-

ренковского и караякуповского типов трактуются как кушнаренковско-караякуповские, их удельный вес совершенно различный. Так, в керамическом комплексе городища Уфа II кушнаренковская керамика составляет 15,2%, караякуповская – 1,2%⁴ (Иванов, 2012, с. 410), тогда как на Кара-Якуповском, Таптыковском и Старо-Калмашевском городищах – кушнаренковская керамика составляет 13,6%, 11,6% и 2,9% соответственно. Караякуповская керамика на указанных памятниках составляет 86,4%, 88,4% и 20,8% всей керамики соответственно.

Общий вывод по результатам сравнительно-статистического анализа погребального обряда и керамики памятников кушнаренковского и караякуповского типа таков: они представляют собой две самостоятельные археологические культуры⁵, хотя и имеющие общие генетические корни. На территории Предуралья они известны уже в сложившемся виде, последовательно сменив друг друга в течение конца VI–VII (или начало VIII) вв. (кушнаренковская культура) и VIII–IX вв. (караякуповская культура).

Где они сформировались – в настоящее время на этот вопрос наиболее приемлемым ответом является мнение тех современных исследователей, которые считают, что это был угорский этнокультурный ареал бакальской историко-культурной общности (ИКО) лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири (Казаков, 2007, с. 38–39; Матвеева Н.П., 2007; Боталов, 2016).

Прекращение функционирования памятников кушнаренковской культуры, очевидно, было связано с появлением в Предуралье носителей караякуповской культуры – древних угров-мадьяр (венгров) – во второй половине VIII в. Возможно, «кушнаренковцы» растворились среди своих этнических сородичей, возможно, какая-то их часть ушла за Каму (Кузубаевское, Благодатское, Верхне-Постольское городища) и Волгу (Тетюшское II городище).

⁴ Остальное – керамика бахмутинской, турбаслинской и чияликской культур.

⁵ В этом плане любопытной представляется даже и такая деталь: судя по известным памятникам, «кушнаренковцы» не строили мощных укреплений и на тех городищах, где кушнаренковская керамика присутствует – Кара-Якуповском, Старо-Калмашевском; оборонительные сооружения возводились «караякуповцами» (Акбулатов, 2017, с. 75).

ГЛАВА 3

ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

Именьковская культура

История изучения памятников именьковской культуры. Впервые памятники, позднее отнесенные к именьковской культуре, в отдельную группу выделил член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете П.А. Пономарев. В работах 1890-х гг. он обратил внимание на особенности в устройстве оборонительных укреплений некоторых городищ Казанской губернии, отличающихся от городищ болгарской эпохи, и дал краткую характеристику их керамического комплекса. В 1898 г. А.А. Спицын провел первые раскопки городища Шолом, продолженные в 1925 г. В.Ф. Смолиным (Старостин, 1967, с. 5–6).

В 1925 г. в статье «Керамика древних мест поселений Самарской Луки» профессор Самарского университета В.В. Гольмстен дала первую систематизацию археологических памятников региона, объединив раннесредневековые памятники Самарской Луки в одну группу и предположив их финскую принадлежность (Гольмстен, 1925, с. 13). Впоследствии она выделила в отдельный тип группу памятников на правом берегу Волги и в Посурье. К этой группе ею были причислены не только поселения именьковской культуры, но и мордовские памятники. Исследовательница датировала их IX–X вв. и соотнесла с буртасами на основании анализа арабских письменных источников, локализирующих этот народ в X в. в Поволжье (Гольмстен, 1946, с. 17–25). Позднее словосочетание «восточно-буртасская культура» по отношению к подобным комплексам некоторое время использовалось в поволжской археологии.

В 1951 г. казанский исследователь Н.Ф. Калинин выделил группу археологических памятников, датированных им второй пол. I – началом II тыс. н. э., в качестве особого варианта послегородищной (отличной от позднегородищной) культуры. В сложении новой культуры, по мнению Н.Ф. Калинина, принимали участие местные ананьинско-пьяноборские племена, потомки городищной культуры и население, в эпоху Великого переселения народов пришедшее на правобережье р. Волги с запада (Калинин, Халиков, 1954,

с. 62). Сходные памятники западной Татарии, восточной Мордовии, Ульяновской и Куйбышевской областей он объединил в особую восточно-буртасскую область, а археологическую культуру населения, оставившего эти памятники, назвал восточно-буртасской. В носителях восточно-буртасской культуры Н.Ф. Калинин видел восточную группу племенного союза буртасов, народа, по его мнению, родственного мордве. Однако, как и В.В. Гольмстен, помимо собственно «именьковских», в восточно-буртасскую группу Н.Ф. Калинин включил также раннеболгарские (например, Больше-Тарханский и Тетюшский могильники) и мордовские памятники. Основываясь на данных о явной разнокультурности этих групп, Н.Ф. Калинин сделал вывод о смешении восточно-буртасских и болгарских племен в Закамье уже с VII в. Эти выводы были повторены в публикации материалов Именьковского I городища, в которой, наряду с термином «восточно-буртасские памятники», использовался термин «именьковские племена» (Калинин, Халиков, 1960, с. 250).

Выделение именьковских древностей в качестве самостоятельной культуры не сразу было поддержано всеми исследователями. Так, А.П. Смирнов продолжал рассматривать памятники Среднего Поволжья на фоне большого массива городищ с «рогожной» керамикой, считая их следствием развития более ранних стадий местной культуры и не выделяя в отдельную группу. Как и Н.Ф. Калинин, А.П. Смирнов видел прямую генетическую связь между памятниками этого круга и археологическими памятниками эпохи Волжской Болгарии (Смирнов 1951, с. 12–14).

Собственно термин «именьковская культура» первым в 1956 г. использовал В.Ф. Генинг (Генинг, 1956, с. 46), который предложил это название для культуры средневожских памятников середины I тыс. н. э., апеллируя к первому широко исследованному памятнику – городищу у с. Именьково в Татарстане. Именно В.Ф. Генингу принадлежит заслуга в выделении именьковской культуры в том виде, в котором ее изучают современные исследователи. Ученый считал, что именьковские

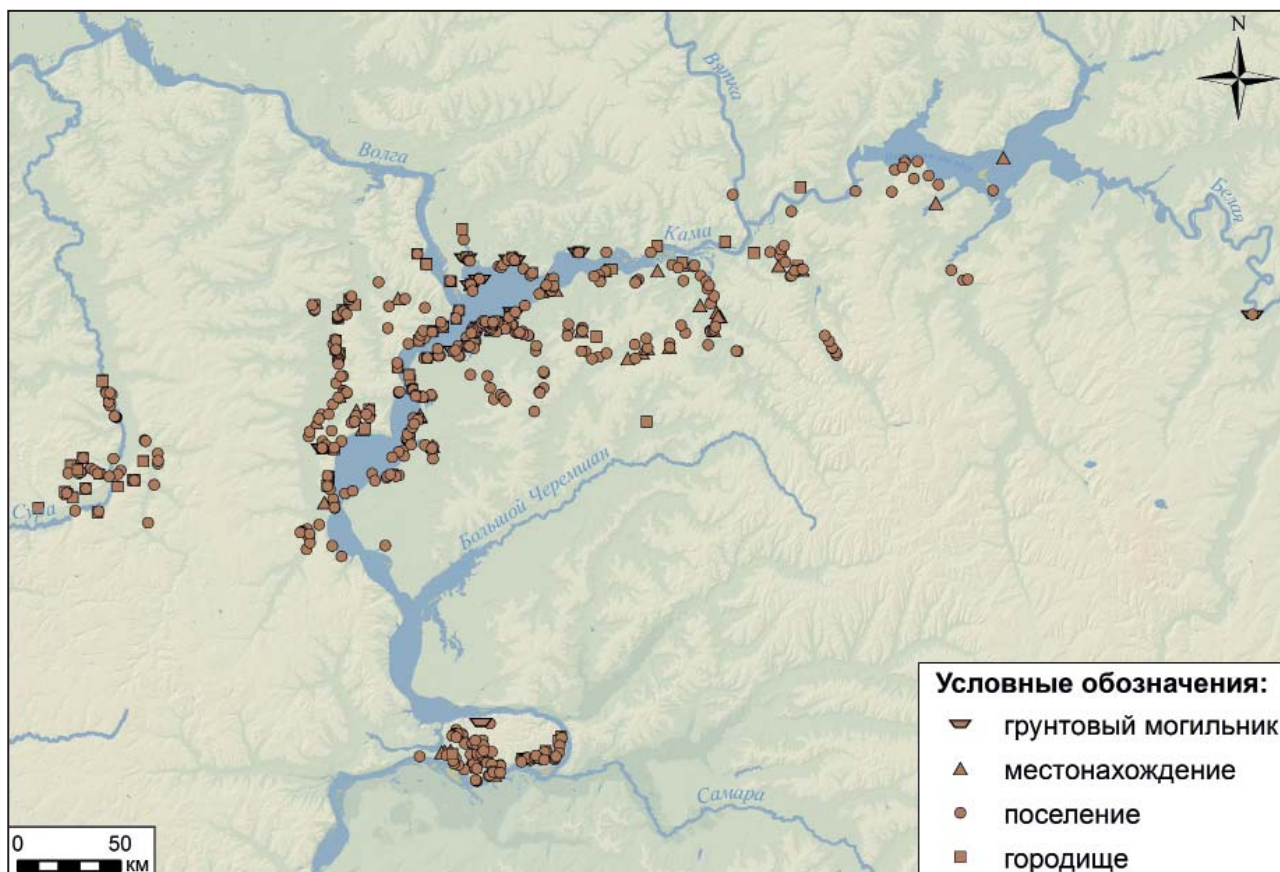

Рис. 1. Карта памятников именковской культуры

племена пришли на Нижнюю Каму в IV в. с юго-запада из-за Волги, вытеснив пермское население азелинской культуры (Генинг, 1956, с. 45). В VII в., по мнению В.Ф. Генинга, именковские племена были ассимилированы болгарами и впоследствии составили основную массу населения Болгарского государства (Генинг, 1956, с. 46).

В 1967 г. П.Н. Старостин опубликовал в серии САИ работу «Памятники именковской культуры», содержащую перечень открытых к тому времени памятников с их развернутой характеристикой. Петр Николаевич четко разграничил именковские памятники и памятники так называемой позднегородецкой культуры, показав отличие первых от древнемордовских и древнемарийских памятников. Формирование именковской культуры П.Н. Старостин рассматривал как результат смешения двух компонентов – местного финно-угорского и пришлого тюркского. Хронологические рамки культуры он определил в пределах III–IV–VII вв. (Старостин, 1967, с. 29).

С 1950-х гг. проводятся обширные раскопки именковских поселений в различных регионах распространения культуры. На территории Пособурья исследованиями П.Д. Степанова в 1940–1950-е гг. были открыты 25 городищ и селищ и проведены раскопки городищ у с. Гулюшево

(Ашна-Пандо) и Сайнино (Ош-Пандо) (Степанов 1967). Памятники именковской культуры на территории Ульяновской области в 1970-е гг. изучал Г.М. Буров, который в свою обзорную статью включил сведения о 42 именковских селищах и 6 городищах (Буров, 1985).

На территории Татарстана в 1960–1970-х гг. П.Н. Старостиным проводятся раскопки на Маклашеевском II, Троицко-Урайском I, Татсунчелевском и др. городищах, поселении Курган у с. Коминтерн, Щербетском I островном селище и поселении на месте позднейшего городища Девичий Городок.

С 1970-х гг. особенно успешными становятся работы казанских археологов на некрополях именковской культуры. П.Н. Старостиным в 1970–1980-е гг. были раскопаны Богородицкий, Именковский III, Маклашеевские IV и V, Ташкирменский могильники, где было вскрыто более 500 погребений, совершенных по обряду кремации (Старостин, 1986). Исключительно богатые материалы были получены Е.П. Казаковым в результате исследования Коминтерновского II могильника, где удалось наряду с типичными для культуры кремациями выявить погребения по обряду труположения, давшие богатый материал к реконструкции культурных свя-

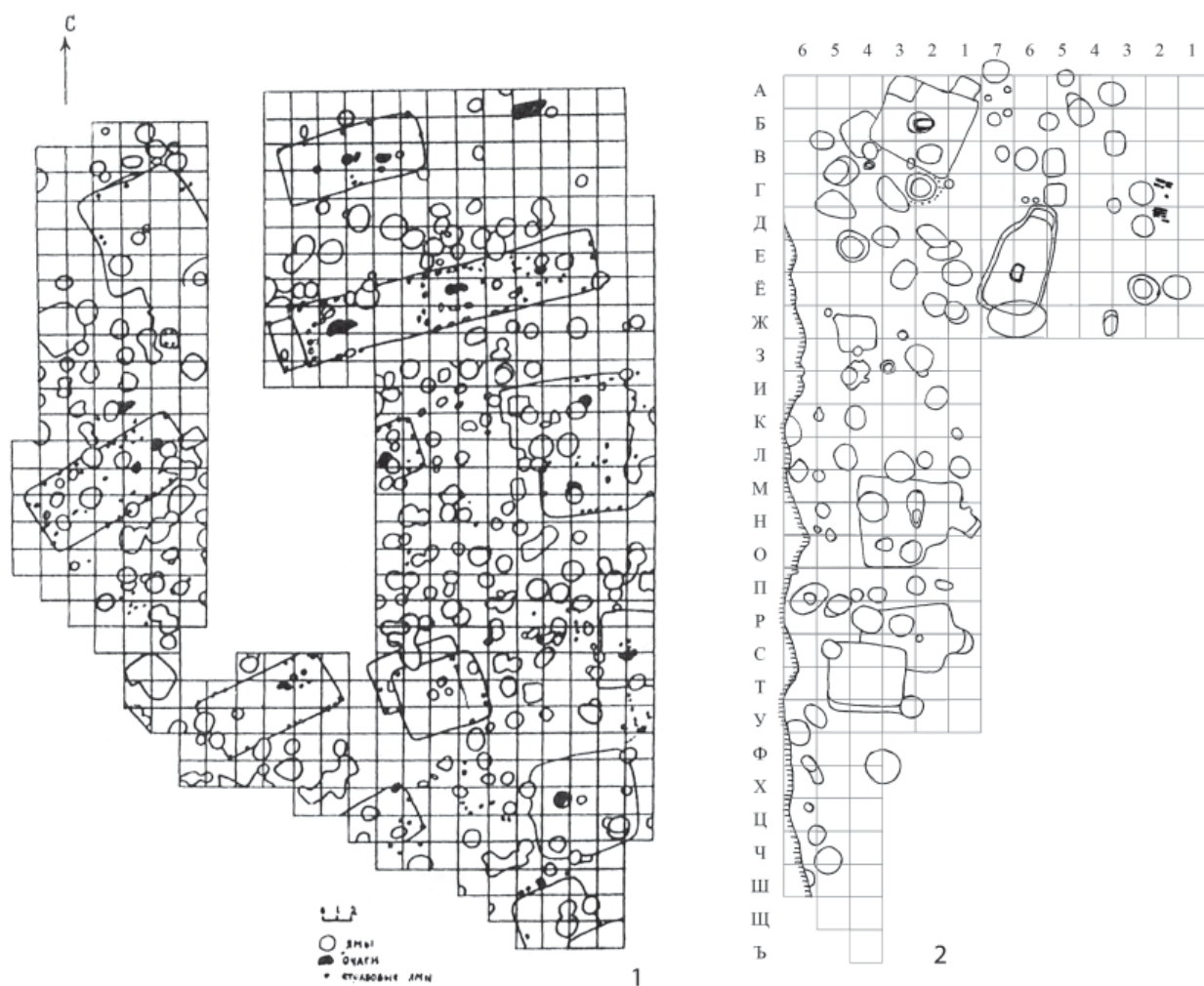

Рис. 2. Планировка поселений именьковской культуры.

а – план исследованной части (без учета раскопок 2005 г.) Старомайского городища (по Матвеева Г.И., 1993, рис. 2); б – план исследованной части Маклашеевского II городища (по Старостин, 1964); в – планировочная структура Урнякского селища по данным геодезической съемки

зей и костюма именьковского населения (Казаков, 1996, 1998).

С 1970-х гг. планомерное исследование памятников именьковской культуры на территории Самарской области начала Г.И. Матвеева и ее ученики – Р.М. Юнусова (Ключникова), Н.П. Салугина и Л.В. Кузнецова. Важное значение имели раскопки селища Ош-Пандо-Нерь II на Самарской Луке, которое Г.И. Матвеева отнесла к числу позднейших памятников именьковской культуры и датировала VI–VII вв. (Ключникова, Матвеева, 1985, с. 142–144). В 1980–1990-е гг. Г.И. Матвеева проводила исследование Переволокского городища, Бахиловского селища на Самарской Луке, городища Старая Майна в Ульяновской области (Матвеева, 1993; 2003; Богачев, 1991).

В конце 1990–2000-х гг., несмотря на некоторый спад интенсивности исследований именьковских памятников, продолжились работы во всех регионах распространения культуры.

Наиболее изучаемыми памятниками по-прежнему остаются поселения. На Самарской Луке исследования в эти годы проводились Д.А. Сташенковым (селища Новинки I, V, Карлинское I) (Сташенков, 1995; 1997; 2009б; 2014), Г.И. Матвеевой, В.А. Скарбовенко и В.Н. Мышкиным (селище Подгоры I и захоронения по обряду кремации на его территории) (Мышкин, 2013). В Татарстане в 2007–2008 гг. К.А. Руденко исследовал Тетюшское II городище (Руденко, 2008). В Ульяновской области и в Чувашии с 2009 г. работы на именьковских памятниках проводятся межрегиональной экспедицией с участием Л.А. Вязова, Ю.А. Семькина, Н.С. Мясникова, Д.А. Петровой и Ю.А. Саловой (Вязов и др., 2020а).

Последние годы ознаменовались также открытием и началом изучения новых некрополей, исследование которых уже существенно обогатило источниковую базу для решения проблемных вопросов изучения именьковских древностей – Ко-

маровского в Ульяновской области (Вязов, Петрова, 2013; Вязов и др., 2020б), Новославского в Татарстане (Валиев, 2018) и могильника на Жигулевском II селище на Самарской Луке (Салова и др., 2021).

Территория распространения именьковской культуры в современном понимании охватывает Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье, от среднего течения р. Суры на западе до р. Белой на востоке и от Самарской Луки на юге до нижнего течения р. Мёши на севере (рис. 1). Этот огромный регион (около 100 тыс. кв. км) был освоен неравномерно, памятники сосредоточены вдоль речных долин, обширные водораздельные пространства оставались пустыми. В пределах ареала именьковской культуры можно выделить несколько территориальных групп, отделенных друг от друга значительными расстояниями, на протяжении которых памятники неизвестны или малочисленны. Наиболее западная из них расположена в Посурье (около 70 памятников), вторая занимает долину р. Свяги и Волго-Свияжское междуречье (около 120), на юге компактную группу образуют памятники Самарской Луки (около 100). Наиболее плотно расположены именьковские памятники на территории, прилегающей к месту слияния рек Волги и Камы, в Закамье и Заволжье – от р. Актай на северо-востоке до р. Урень на юго-западе, а в Предкамье – от переправы через р. Каму в районе Сорочьих гор до нижнего течения р. Мёши (до 5 на 20 кв. км в низовьях рек Актай и Бездны). Эта территориальная группа насчитывает до 260 именьковских памятников. К востоку от этой территории памятники, относимые исследователями к именьковским, образуют несколько небольших групп: по обоим берегам Камы в районе устья р. Б. Бахта и совр. с. Троицкий Урай (около 15 памятников), в нижнем течении р. Шешмы (30 памятников), в среднем и нижнем течении р. Зай (25 памятников), на левобережье Камы напротив впадения в нее р. Иж (10 памятников). К именьковской культуре также относят группу памятников т. н. «романовского типа» в среднем течении р. Белой (около 20 памятников).

Виды памятников и их пространственная организация

Именьковские памятники представлены укрепленными и неукрепленными поселениями – городищами и селищами, грунтовыми могильниками, на которых абсолютное большинство погребений совершено по обряду кремации (известны отдельные могильники, на которых наряду с кремациями выявлены также ингумации), отдельными производственными сооружениями, расположенными на периферии поселенческих агломераций, а также единичными находками артефактов. Как пра-

вило, именьковские памятники образуют локальные группы, отражающие, по-видимому, древние поселенческие агломерации. Всего на территории именьковской культуры насчитывается около 80 групп памятников. Группы могут включать в себя несколько (до 10, чаще всего 3–5) неукрепленных поселений, одно-два городища, один или несколько могильников. Радиус таких агломераций варьирует от 3 до 6,5 км. Расстояние между поселениями составляет от 100 до 1500 м, могильники расположены на расстоянии 50–100 м от поселений на неосвоенных участках внутри группы, какой-либо закономерности в их расположении относительно поселений не прослеживается.

Различается несколько основных вариантов геоморфологической приуроченности поселенческих агломераций. Первый, более распространенный тип – расположение поселений на мысовидных выступах края коренного берега или высокой террасы реки, разделенных оврагами. Второй тип – поселения, вытянутые цепочкой вдоль невысоких берегов небольших речек или стариц в поймах крупных рек. В состав групп поселений первого типа, как правило, входят укрепленные городища, второй тип представлен только открытыми селищами.

Укрепленные и неукрепленные поселения (городища и селища)

Всего известно около 100 городищ именьковской культуры. Все они расположены на мысовидных выступах верхних террас и коренных берегов рек, отделенных от плато оврагами, в большинстве случаев – водоносными. Площадь городищ небольшая, обычно не превышает 1 га. Большая часть городищ (90%) имеет однотипные оборонительные сооружения: с напольной стороны они защищены валом шишковидной формы и рвом, иногда концы вала слегка изгибаются, заходя на площадку городища, отчего вал приобретает «кошниковидную» форму. Отдельные городища, расположенные на мысах с пологими склонами, дополнительно укреплены по периметру площадки эскарпами и валами (Урняжское, Базяжское). Известны городища с двойной (Саралинское II, Старомайское) и тройной (Ашна-Пандо) линией валов. Моргинское городище в Посурье, Кармалинское и «Стенькин городок» на Самарской Луке защищены сложной системой укреплений (Богачев и др., 2013). Городища занимают центральное положение в локальных группах поселений, очевидно, они имели не только оборонительные, но и, вероятно, социально-политическое значение.

Городища неравномерно распределены между территориальными группами именьковских памятников, что неоднократно отмечалось исследователями (Старостин, 1967, с. 10). Наиболее

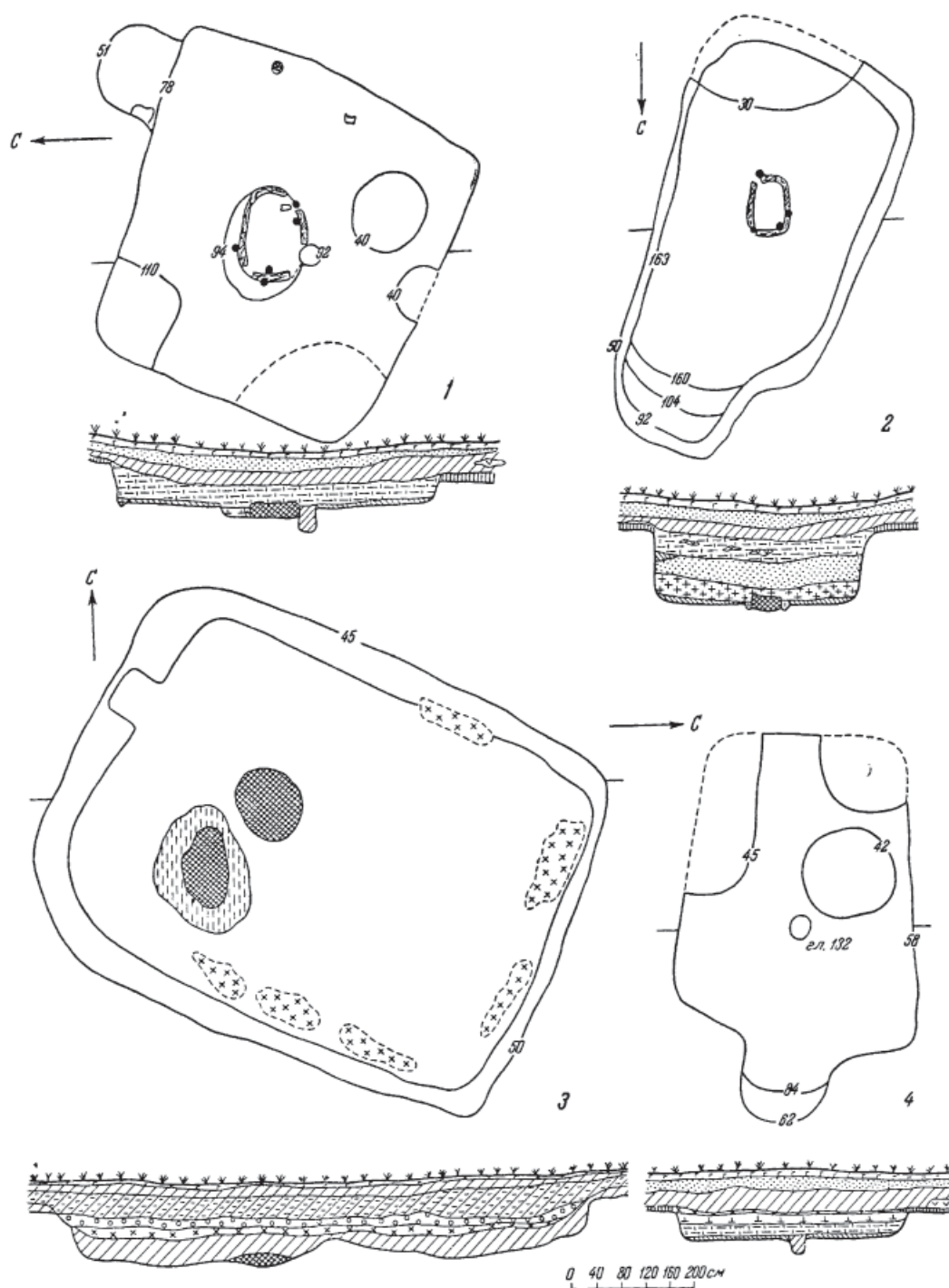

Рис. 3. Жилища именковской культуры (по Старостин, 1964)

характерны укрепленные поселения для территории Посурья, Посвьяжья и Нижнего Прикамья; на Самарской Луке, в Заволжье, Центральном и Восточном Закамье городищ заметно меньше, причем многие из них, например, изученные Г.И. Матвеевой на Самарской Луке городища Белая Гора и Ош-Пандо-Нерь, не имеют мощного культурного слоя (Матвеева, 2003, с. 23).

Селища являются наиболее многочисленным типом памятников именковской культуры. Всего известно более 500 памятников этого типа. Сели-

ща расположены на краях или у подножия высоких террас, рядом с водоносными оврагами или старицами; наиболее крупное поселение, как правило, примыкает к городищу. Площадь селищ варьирует от 0,5 до 10 га. Мощные культурные слои, насыщенные многочисленными переотложенными находками, свидетельствуют в пользу долговременности существования поселений. Вместе с тем эта долговременность могла носить различный характер: на ряде памятников (Новинковское V селище, селище Сара I) зафиксированы следы ремонта и

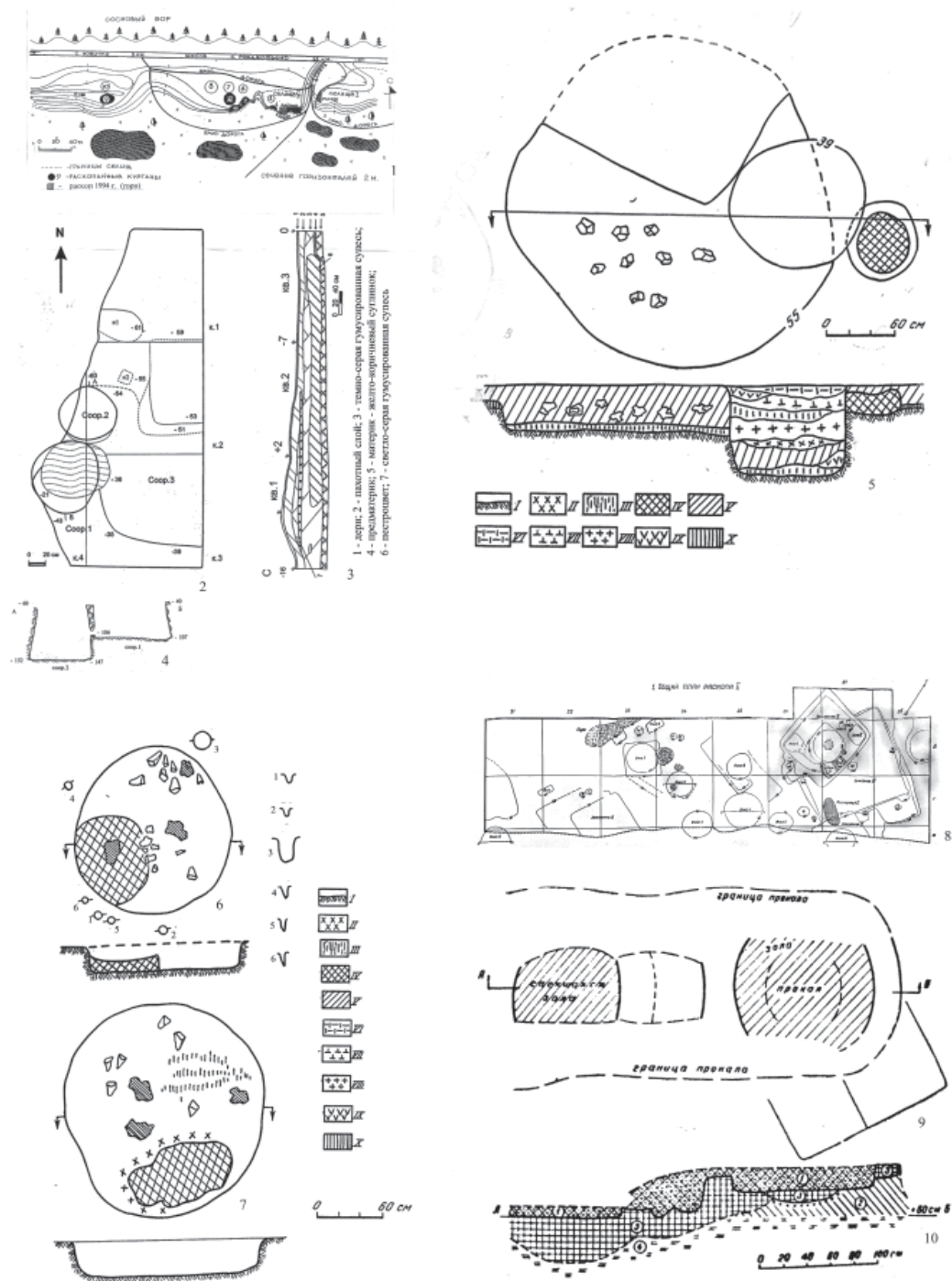

Рис. 4. Производственные центры

- 1–4 – металлургический комплекс у с. Новинки (Новинковское V (I) селище): 1 – схематичный план расположения; 2 – план раскопа на селище I; 3 – профиль восточной стенки раскопа; 4 – разрез сооружений 1 и 2;
- 5 – металлургический горн Маклашеевского II городища. I – материк; II – угол; III – зола; IV – прокал; V – подзол; VI – пестроцвет; VII – коричневый суглинок; VIII – коричневый суглинок с углями; IX – красная глина; X – желтая глина; (по Старостин, 1967 б. С. 63, табл. 8, рис. Г);
- 6–7 – металлургические мастерские Щербетьского I островного селища. 6 – мастерская № 1; 7 – мастерская № 2; I – материк; II – угол; III – зола; IV – прокал; V – подзол; VI – пестроцвет; VII – коричневый суглинок; VIII – коричневый суглинок с углями; IX – красная глина; X – желтая глина; (по Старостин, 1967 б. С. 63, табл. 8, рис. Б, В);
- 8–10 – металлургические горны Рождественского IV селища. 8 – горны на плане раскопа; 9 – план горнов; 10 – разрез горнов; 1 – земля с золой; 2 – суглинок; 3 – прокал; 4 – материковая глина; 5 – глина с золой; 6 – зола; 7 – пестроцветный грунт; 8 – глина во вторичном залегании; (по Генинг и др., 1962. Табл. V, VI)

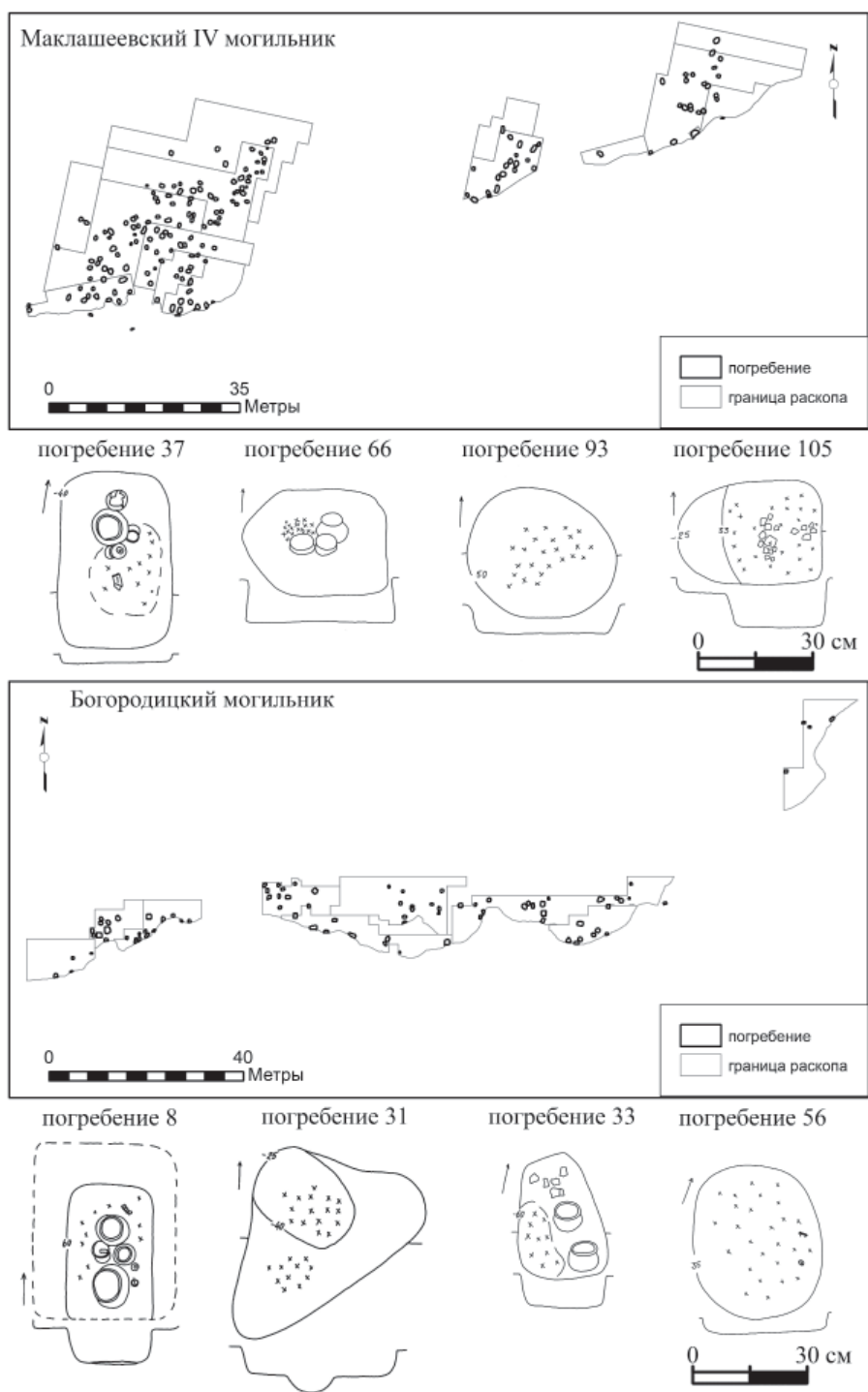

Рис. 5. Некрополи и погребения именьковской культуры

повторного использования жилищных котлованов после забрасывания (Сташенков, 1995).

На исследованных раскопках поселений выявлены многочисленные жилые и хозяйственные сооружения. Реконструируются два варианта планиграфической структуры поселений. На городищах Ош-Пандо (Сайнинское) и Маклашеевское II (рис. 2: 2), а также на Комаровском IV селище и на ряде размытых водохранилищем поселений низовой р. Камы (согласно Е.П. Казакову) хозяйствен-

ные сооружения (ямы и постройки) группируются вокруг крупных жилищных котлованов, образуя комплексы усадебного типа. На основании раскопок Новинковского V селища также можно предположить, что была распространена усадебная планировка. В состав усадьбы входили жилище и 22 хозяйственных ямы в основном округлой формы диаметром 0,8–2 м, углубленных в материк на 0,2–1,8 м. Недалеко от жилого комплекса изучены остатки металлургической мастерской. Усадебная

планировка прослежена также на материалах селищ Карлинское I (Сташенков, 2014), Ош-Пандо-Нерь II и городища Старая Майна (рис. 2: 1) (Лифанов, 1997, с. 13).

На Старомайнском городище и Урнякском селище выявлена уличная планировка с постройками, расположенными рядами. Наиболее показателен последний из упомянутых памятников: вдоль нескольких радиально расходящихся от городища улиц здесь выявлены жилищные котлованы от полутора десятков сильно углубленных в грунт построек квадратной формы, около 200 слабо углубленных котлованов прямоугольных (хозяйственных?) построек и около 1000 круглых хозяйственных ям.

Наиболее ранние именьковские памятники представлены неукрепленными поселениями, которые отличаются значительной площадью (например, площадь Новинковского I и Муромского I селищ превышает 10 га). Наличие культурного слоя под насыпями валов Маклашеевского II городища, Балымерского городища позволяют предположить, что укрепления возводились уже после того, как территория была освоена именьковским населением (Старостин, 1967, с. 11). Сами городища в центральной части именьковского ареала использовались для постоянного проживания, о чем свидетельствуют мощный культурный слой и плотная застройка Именьковского городища, городища Старая Майна, городища Чертов Городок и др. Показательны данные о плотности застройки, приводимые П.Н. Старостиным: одно сооружение на Маклашеевском II городище приходится на 10–12 кв. м, на Именьковском I городище – на 14–16 кв. м (Старостин, 1967, с. 13).

Неукрепленные поселения также имели высокую плотность застройки – на одно сооружение приходится 23–24 кв. м на Рождественском IV селище в Татарстане (Старостин, 1967, с. 13), 20 кв. м на Новинковском V селище на Самарской Луке. Очень высокая плотность – 4 кв. м – отмечена на Выползовском и Карлинском I селищах (Сташенков, 2014).

Жилые и хозяйственные сооружения. По конструктивным особенностям все именьковские постройки относятся к числу углубленных. Достоверных сведений о наземных именьковских жилищах, не имевших углубленного котлована, не имеется.

В кандидатской диссертации Н.А. Лифанова, посвященной изучению домостроительства племен именьковской культуры, было учтено 76 жилых построек. Однако, наряду с именьковскими, в их число были включены котлованы городища Лбище и постройки Славкинского селища, которые значительно отличаются от собственно

именьковских. Н.А. Лифанов утверждал, что типы именьковских построек не имеют сходства с жилищами финно-угорских общностей железного века Прикамья, но находят аналогии среди «культур полей погребений» (Лифанов, 1997, с. 14–15). Г.И. Матвеева использовала в своей работе сведения о 48 именьковских жилищах (Матвеева, 2004, с. 25).

Остатки полуземляночных жилищ относятся к трем типам.

Тип 1. Однокамерные жилища квадратной или подпрямоугольной формы, основание которых углублено в материк на 0,1–1,1 м. Площадь жилищ от 12 до 64 кв. м (рис. 3). Г.И. Матвеевой учтено 39 построек этого типа, или 81% от общего числа жилищ. Наземная часть дома представляла собой бревенчатый сруб, который мог опускаться в котлован жилища, а также находиться за его пределами. Судя по находкам в заполнении жилищ обожженной глиняной обмазки, деревянные стены домов обмазывались глиной. Половина жилых построек этого типа имела центральный столб, на который, вероятно, опиралась четырехскатная крыша. Горизонтальная поверхность пола хорошо утрамбована, в редких случаях она обмазана глиной или покрыта досками (Матвеева, 2004, с. 26).

Отапливались дома открытыми очагами, для которых обычно устраивалось небольшое углубление в центральной части жилищного котлована. Рядом с очагами могла располагаться яма для сбора золы. В трех жилых постройках первого типа отмечены печи-каменки (Матвеева, 2004, с. 26). На Маклашеевском II городище зафиксирован очаг, устроенный в деревянном ящике размером 60×94 см, заполненном глиной с песком (Старостин, 1967, с. 13). Жилища могли иметь входной «тамбур», иногда с земляными ступенями.

Тип 2. Многокамерные жилища прямоугольной формы, т. н. «длинные дома». Девять подобных построек выявлено на городище Старая Майна (Матвеева, 2004, с. 27; Богачев 1991). Ширина жилищ 4,2–5,7 м, длина от 8,7 м до 12 м, т. е. размеры жилищ зависели от длины строительного бревна в 4–6 м. Из общего ряда выделяется постройка, которая имела размеры 4,4×22 м. Площадь домов второго типа – от 36 до 100 кв. м. Вдоль стен и в углах жилищ располагались столбовые ямы диаметром от 10 до 70 см. В некоторых случаях зафиксированы остатки столбов, в которых были сделаны пазы для закрепления горизонтальных плах или бревен (Матвеева, 2004, с. 27).

Единичными случаями представлены жилища иных типов.

Тип 3. На Новинковском V селище исследована полуземлянка округлой формы размерами 5×5,6 м, углубленная в материк на 0,3 м. В центре

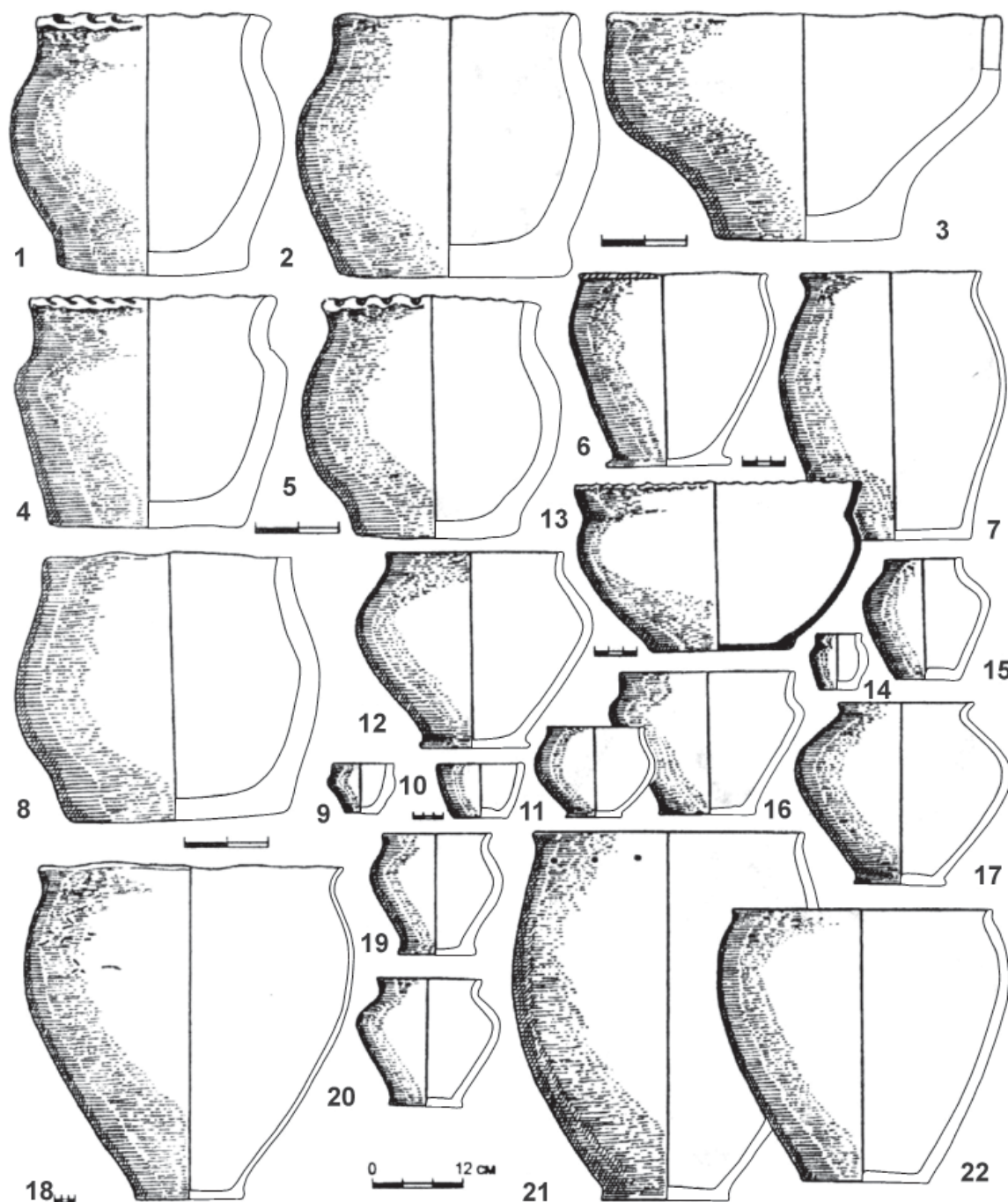

Рис. 7. Керамика

постройки находилось две столбовых ямы диаметром 40 и 30 см, а также открытый очаг диаметром 1 м. Возможно, постройка использовалась дважды с большим перерывом (прослежены два уровня заполнения котлована жилища). Округлое жилище аналогий на территории именковской культуры не имеет. Возможно, особенность постройки объясняется специфической деятельностью его хозяина – кузнеца-металлурга. Отдаленные аналогии этой постройке можно видеть в круглой постройке Почепского селища I–III вв. н. э. (Заверняев,

1969, с. 104, рис. 8) и в постройке 4 с центральным опорным столбом из поселения киевской культуры Каменево 2 (Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 43).

На Выползовском селище изучена полуземлянка подпрямоугольной формы со скругленными углами. Отдаленная аналогия данной постройке имеются на III Чертовицком городище на Верхнем Дону (постройка 17) (Акимов, 2001а, рис. 2).

Хозяйственные ямы на памятниках именковской культуры очень многочисленны. Так, напри-

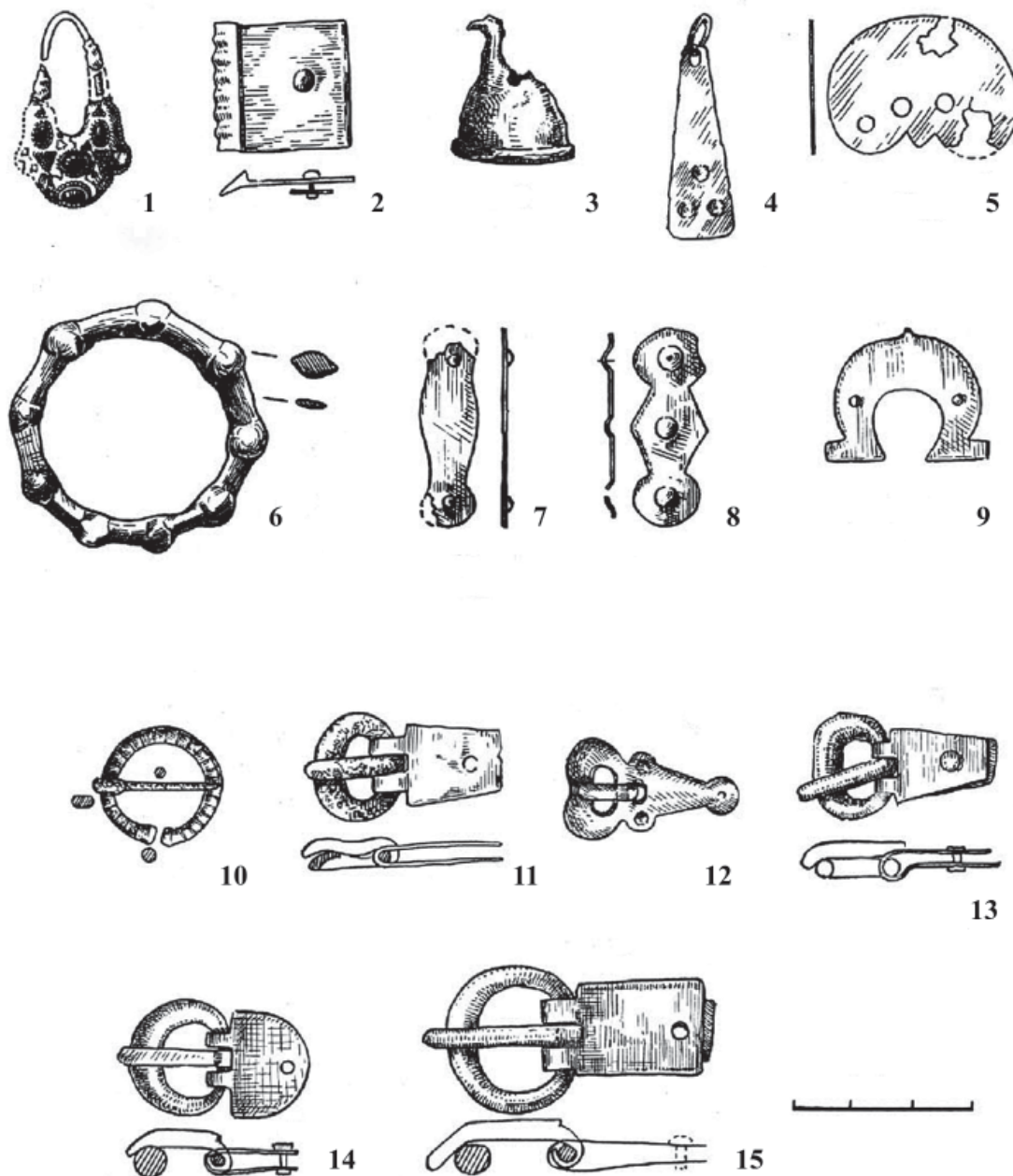

Рис. 8. Вещевой материал

мер, на Именьковском I городище раскопками выявлено 90 ям, на Маклашеевском II городище – 68, на Карлинском I селище – 53; по данным поверхностного обследования западин от углубленных сооружений на территории Урнякского селища в Татарстане общее количество ям могло превышать 1000. Хозяйственные ямы в основном цилиндрические и колоколовидные, округлой или овальной в плане формы. Диаметр ям от 1 до 2 м, в материк они углублены на 0,5–1,8 м. Вероятно, крупные ямы, использовавшиеся для хранения зерна, имели специальную обработку стенок и днищ. Так, на Маклашеевском II городище в семи ямах прослежено наличие на стенках глиняной обмазки, в

четырех – деревянной обкладки, в шести – слабого обжига (Старостин, 1967, с. 14).

Наличие в некоторых сооружениях следов столбовых ям как внутри ям, так и за их пределами позволяет утверждать, что над некоторыми ямами устраивали навесы или шалаши. Сочетание в значительной части изученных ям большого количества фрагментов керамики (не развалов) с многочисленными костями животных свидетельствуют об использовании именьковским населением ям для складирования мусора.

Производственные сооружения на территории именьковской культуры представлены металлургическими горнами (рис. 4). Они изучены на

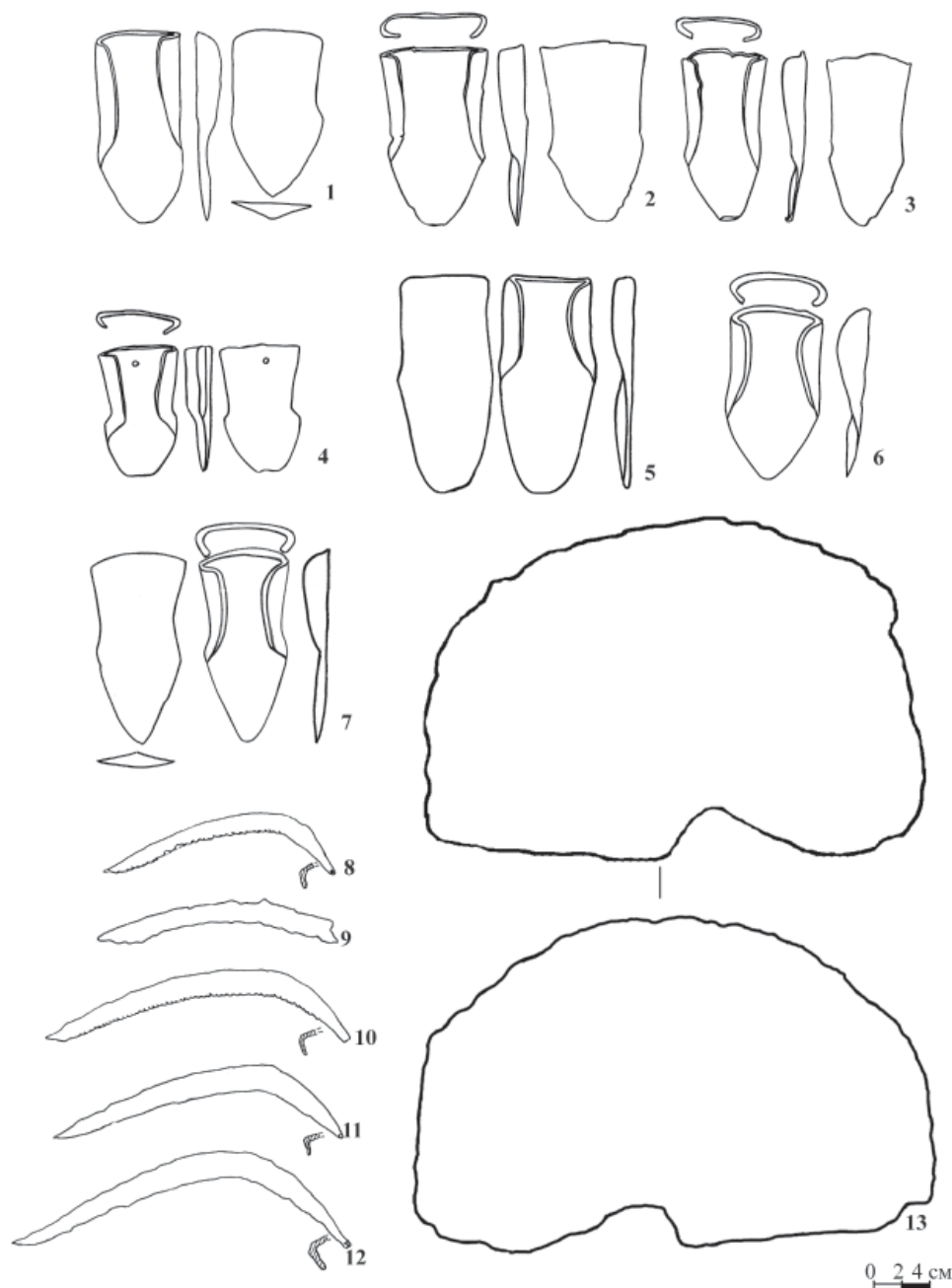

Рис. 9. Земледельческие орудия именковской культуры.
 1–7 – наральники; 1 – И02; 2 – И12; 3 – И11; 4 – И09; 5 – И05; 6 – И03; 7 – И04;
 8–12 – серпы; 6 – И055; 7 – И08; 8 – И10; 9 – И07; 10 – И11;
 13 – фрагмент жернова ручной ротационной мельницы

пяти памятниках. Опубликованы сведения о находках сырдутных горнов на Маклашеевском II городище и Рождественском IV селище в Татарстане (Старостин, 1967, с. 27; табл. 8). Детально разобраны находки горнов у с. Кармалы и с. Шигоны в Самарской области (Семькин, 1986; 1998), на Новинковском I селище на Самарской Луке (Сташенков, 2009б).

Горны относятся к разным типам. Четыре горна имели наземную конструкцию с глинобитными

стенами и предгорновой ямой, два горна простой ямной конструкции (Матвеева, 2004, с. 43).

В специальной работе «О металлургических горнах именковской культуры» Ю.А. Семькин описал стратиграфические условия металлургического комплекса, изученного у с. Кармалы на Самарской Луке, и дал его реконструкцию. На основании выявленных конструктивных особенностей ямного горна у с. Кармалы и наземных горнов, исследованных в Татарстане, он сделал

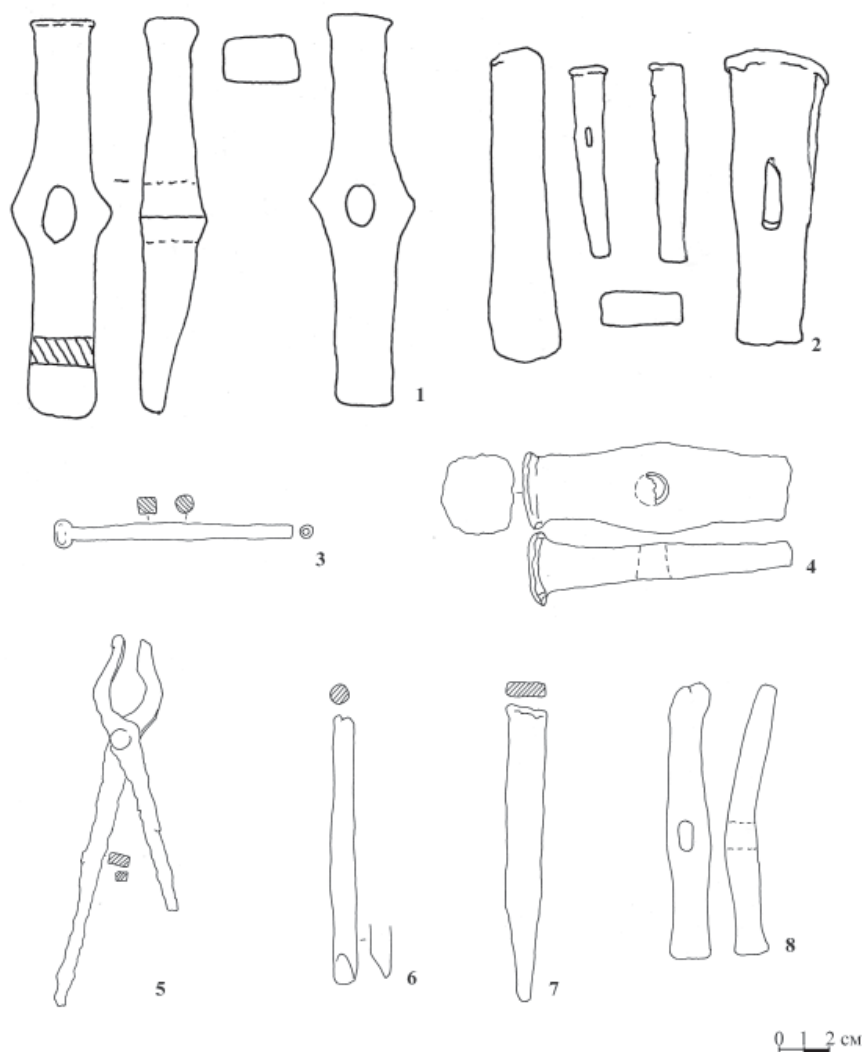

Рис. 10. Производственный инструментарий

1 – кузнечный (?) молот. Селище Ош-Пандо-Нерь I/II (Седова, 1996, рис. 41–42); 2 – набор инструментов. Селище Сланцевый рудник (частная коллекция ?); 3 – пуансон. Маклашеевское II городище (Старостин, 1968а. Табл. 1, 12, 13, 18); 4 – молоток. Маклашеевское II городище (Старостин, 1968а. Табл. 1, 12, 13, 18); 5 – клещи. Маклашеевское II городище (Старостин, 1968а. Табл. 1, 12, 13, 18); 6 – зубило. Щербетское I островное селище (Старостин, 1968б. Рис. 1, 5, 6); 7 – зубило. Щербетское I островное селище (Старостин, 1968б. Рис. 1, 5, 6); 8 – молоток. Коминтерновское поселение Курган (Старостин, 1967а. Табл. 13, 5)

предположение о том, что они могут служить хронологическим признаком (но в то же время не отвергалась и возможность локальных различий) (Семыкин, 1986, с. 134–135).

Наиболее ранним из известных является горн, исследованный на территории Новинковского I селища (Сташенков, 2009). Горн состоял из двух разноуровневых камер, выкопанных в материковой глине и соединенных ходами-продухами (рис. 4: 2, 4). В соединительных каналах найдены глиняные тигли со следами бронзового расплава. Радиуглеродный анализ древесного угля из горна дал раннюю для именковской культуры дату 1670 ± 50 лет (калиброванная дата 244–435 гг.).

Опубликованы также сведения о находке двух медеплавильных печей на Щербетском остров-

ном I селище в Татарстане (рис. 4: 6–7) (Старостин, 1967, с. 27–28; табл. 8).

Некрополи. На территории именковской культуры известно 15 грунтовых могильников (Старостин, 1986, Вязов, Петрова, 2018; Вязов и др., 2020; Салова и др., 2021). Господствовавший у именковского населения погребальный обряд – кремации на стороне, ингумация представлена единичными погребениями (за исключением Коминтерновского и Новославского могильников) (рис. 5). Могильники расположены непосредственно у поселений. Внешних признаков могильники не имели, что объясняет трудность их выявления и расположение большинства известных памятников в береговой зоне водохранилищ (Маклашеевские IV и V, Рождественский II,

Богородицкий и др.). В удалении от водохранилищ находятся Комаровский могильник в Ульяновской области и некрополь на Жигулевском II селище на Самарской Луке.

Могильники функционировали в течение длительного времени и на крупнейших из них совершены сотни захоронений. Так, на Рождественском II могильнике было изучено 183 погребения, на Маклашеевском IV могильнике – 178. Всего к настоящему времени на разных могильниках исследовано около 500 погребальных комплексов.

Погребения по обряду кремации совершены в ямах цилиндрической, овальной или прямоугольной формы диаметром до одного метра; иногда ямы имели ступеньки. В погребения помещались фрагменты кальцинированных костей, очищенных от остатков погребального костра и рассыпанных по дну ямы; урновые захоронения не встречены (рис. 5). В большинстве случаев погребения содержат останки одного человека, известны также парные и коллективные захоронения, захоронения кальцинированных костей человека и животных, только животных; наконец, исследованы погребальные комплексы, не содержавшие костей. В некоторых случаях погребения сопровождалась костями животных (лошади), не подвергавшихся сжиганию.

В качестве погребального инвентаря в могильную яму укладывались лепные сосуды или их фрагменты, глиняные пряслица, детали костюма и снаряжения верхового коня, бусы, ножны для ножей, единичные предметы вооружения (наконечники стрел и копий). Практически весь погребальный инвентарь, за исключением сосудов, имеет следы предварительного целенаправленного повреждения. Часть инвентаря помещалась в погребальный костер (бусы, некоторые металлические изделия, от которых сохранились оплавки и сплески, железные предметы), другая – не имеет следов термического воздействия (предметы ременной гарнитуры, керамические сосуды). Места совершения кремаций пока не обнаружены, некоторые исследователи считают, что они располагались в береговой зоне рек (Салова и др., 2021).

Могильники именьковской культуры имеют хронологические и территориальные различия. Так, для памятников на территории Татарстана характерен скудный набор погребального инвентаря, более глубокие и крупные могильные ямы. Обнаруженные в Рождественском II могильнике элементы поясной гарнитуры позволяют предполагать функционирование этого памятника в V в. н. э. С другой стороны, на Комаровском могильнике в Ульяновской области вещевого комплекса погребений богат и разнообразен, а могильные ямы неглубокие, среди них есть сооружения

очень небольших (от 20 см в диаметре) размеров (рис. 6).

Ряд памятников – могильники Кушнаренковский в Башкортостане, Коминтерновский II и Новославский в Татарстане – существенно выделяются из общей массы некрополей наличием значительного числа ингумаций и могут быть выделены в отдельный тип памятников («могильники типа Коминтерн», см. в наст. изд.).

Особняком стоят и несколько комплексов, которые можно связать с именьковскими погребениями, изученные на Самарской Луке. В заполнении нескольких цилиндрических ям на окраине Новинковского V селища встречена зола, кальцинированные кости человека, стоящие на уровне дна перевернутые вверх дном целые сосуды, целые сочлененные кости животных. Стратиграфические наблюдения в районе этих сооружений не позволяют выделить культурный слой именьковского времени. Вероятно, в исследованных сооружениях выявлены остатки кремационных погребений. Несколько кремационных погребений, совершенных в округлых ямах и содержавших кальцинированные кости, исследовано на Подгорском селище (Мышкин, 2013).

Наконец, с инфильтрациями инокультурного населения и культурным влиянием можно связать появление на именьковских могильниках погребений, отличающихся по обряду от основной массы именьковских захоронений. К таковым можно отнести единичные ингумации с Маклашеевского V (Старостин, Чижевский, 1993) и Ташкирменского (Старостин, 1994) могильников, а также погребения с оружием на Комаровском некрополе (Вязов и др., 2020).

Вещевой и керамический комплекс.

Керамика именьковской культуры представлена горшками различных размеров, мисками высоких пропорций, дисками-лепешечницами, чашами и стопками (рис. 7). Днища у всех сосудов плоские, с небольшими закраинами или без них. Цвет сосудов серый, черно-коричневый или пятнистый. Орнаментация сосудов скудна и представлена немногочисленными насечками по венчику, известны единичные сосуды с зигзагообразным орнаментом на тулове. Различия в технике обработки поверхности позволяют выделить «грубую» и «лощеную» посуду, последняя составляет до 7% керамического материала. В формовочной массе именьковских сосудов фиксируется примесь крупного и среднего шамота и органики в виде навоза и навозной выжимки.

Горшки составляют основную массу именьковской посуды. Большая часть их имеет грубую, шершавую поверхность, хотя известны и лощеные экземпляры. По пропорциям тулова вы-

деляются слабопрофилированные и сильнопрофилированные сосуды; шейки встречаются как отогнутые наружу, так и прямые, среди последних – как вертикальные, так и раструбообразные. Наиболее выразительными и характерными для именьковского керамического комплекса являются сильнопрофилированные сосуды, наибольшее расширение тулова которых приходится на верхнюю треть профиля, с высокой вертикальной или раструбообразно расширяющейся кверху шейей, уплощенным венчиком. Этот вид сосудов встречается по всей территории распространения культуры и четко выделяет именьковский культурный комплекс из синхронных древностей региона. Размеры горшков сильно варьируются, от небольших сосудов высотой 10–12 см до «зерновиков» высотой до полуметра.

Практически на всех памятниках именьковской культуры имеются находки высоких мисок без четко выраженного ребра, как лощеных, так и нелощеных. Среди набора форм преобладают сосуды с выраженными плечиками и короткими прямыми или отогнутыми наружу шейками, широко представлены плоски; остальные формы не образуют представительных серий. Миски встречены преимущественно в материалах поселений, среди погребальных сосудов они единичны.

Диски-лепешечницы многочисленны и представлены экземплярами различного диаметра (от 20 до 50 см). Различаются способы обработки края дисков: часть их не имеет бортика, часть снабжена по краю бортиком до 1 см высотой. Часть дисков имеет углубления, чаще несквозные, сделанные стержневидным предметом.

Сравнительно немногочисленными у именьковского населения были чаши и стопки. Высота чаш 6,7–8 см, диаметр днищ 6–10 см, венчика 12–15 см, иногда чаши имеют выраженный поддон. Стопки представлены невысокими (до 5 см) сосудами с диаметром днища и венчика 5–6 см.

Технология изготовления сосудов именьковской культуры детально изучена Н.П. Салугиной, опубликовавшей серию статей с результатами технико-технологического анализа керамики методом бинокулярной микроскопии (Салугина, 1985; 1986а; 1986б; 1987; 1988). В этих работах сделан важный вывод о неоднородности населения, оставившего памятники именьковской культуры.

Орудия труда и производственный инструментарий. Кузнечный инструментарий. Технология кузнечного производства именьковских памятников изучались Ю.А. Семькиным и В.В. Кондрашиным. Ю.А. Семькин отмечал высокий уровень развития металлургии и кузнечного производства у именьковских мастеров. Десятки

видов железных орудий, включая сельскохозяйственные орудия (рис. 9), специализированный кузнечный инструментарий (рис. 10), орудия для обработки дерева, ювелирные инструменты, предметы конской упряжи, вооружения, домашнего обихода свидетельствуют о наличии специализированной группы мастеров – металлургов, кузнецов, литейщиков.

Вероятно, навыки мастеров в разных частях именьковского ареала были различными. Об этом, в частности, свидетельствует вывод В.В. Кондрашина о том, что технология изготовления кузнечной продукции Выползовского селища на Самарской Луке отличается от традиций именьковских кузнецов из районов Прикамья и выглядит довольно примитивной (Кондрашин, 2001, с. 191).

Инструментарий для обработки цветных металлов. Глиняные литейные формы для отливки украшений из бронзы встречены в материалах Новинковского V и Карлинского I селищ на территории Самарской Луки (Сташенков, 2010а), в комплексах поселений в Татарстане: V Рождественского селища (Руденко, 2006, с. 252, рис. 1, 9), Маклашеевского II и Именьковского I городищ (Старостин, 1967, табл. 23, 1–3). Формы были двусторонними, небольших размеров. В качестве отдаленных аналогий им можно рассматривать известный клад ювелирных литейных форм, который происходит с поселения Бернашовка и датируется второй пол. VI – первой пол. VII в. (Гавриутхин, 1997, с. 47).

Глиняные конусовидные и рюмкообразные тигли найдены при раскопках поселений в разных частях именьковского ареала. Несколько находок происходят из Щербетьского островного I селища (Старостин, 1967, табл. 23,6). При раскопках Новинковского I селища три конусовидных тигля зафиксированы в заполнении двухкамерного медеплавильного горна. На дне и стенках тиглей остались следы бронзового расплава. Подобные тигли составляют основную массу тиглей зарубинецкой (Пачкова, 1974, с. 101, рис. 44) и киевской (Терпиловский, 1984, с. 32) культур. Есть конусовидные тигли и среди более поздних материалов в Прикамье (в частности, встречены они при раскопках Еманаевского городища к. VII–X в. в бассейне р. Вятки (Лещинская, 1988, рис. 7, 16, 21)) и на Самарской Луке.

Глиняные льячки найдены на тех памятниках, на которых зафиксированы остатки бронзолитейного производства: на Щербетьском островном I селище и Новинковском V селище, а также на Карлинском I селище.

Прядильные и ткацкие инструменты. О развитии ткачества, помимо находок отпечатков тканей на железных или бронзовых предметах, свиде-

тельствуют находки грузил для ткацкого стана и многочисленных пряслиц.

Пряслица делятся на три группы.

1) Биконические пряслица. В материалах именьковской культуры преобладают глиняные пряслица биконической формы (Старостин, 1967, табл. 21). Диаметр их 2,6–3,1 см, диаметр отверстия 1–1,2 см, высота 1–1,5 см. Все пряслица хорошо обожжены и имеют коричневую или черную заглаженную или лощеную поверхность, в основном они не орнаментированы. Имеются единичные предметы, украшенные точечным орнаментом по бокам или насечками по ребру, сплошным орнаментом в виде ямочных вдавлений. Иногда на пряслицах имеется орнамент в виде прочерченных по сырой глине крестиков (Старостин, 1967, табл. 21, 4).

2) Пряслица из стенок лепных сосудов имеются среди материалов Карлинского I и Выползовского селищ на Самарской Луке. Вероятно, они хронологически самые ранние среди именьковских.

3) Шаровидные глиняные пряслица единичны. Аналогии пряслицу из Карлинского I селища имеются в материалах городища Лбище.

Предметы охоты и вооружения на именьковских памятниках встречаются редко. На протяжении всего существования культуры был известен лук, который использовался в первую очередь для охоты. Только на позднем этапе развития культуры появляется специализированное военное снаряжение, в том числе оружие ближнего боя.

К категории охотничьего снаряжения относятся ромбовидные в сечении костяные наконечники стрел, встречающиеся на памятниках именьковской культуры (Старостин, 1967, табл. 16, 2, 9, 19). Они находят аналогии на памятниках лесостепной и лесной зон Евразии. Единичной находкой представлен наконечник для охоты на пушного зверя, изготовленный из полой трубчатой кости животного (Карлинское I селище).

Железные трехлопастные наконечники стрел «гуннского типа» являются распространенной находкой на именьковских памятниках, в материалах позднеименьковских памятников – Ивановского городища «Шолм» (Вязов и др., 2016), селища Малая Кандарать I (Степанов, 1971) – известны и костяные накладки на лук.

Набор предметов вооружения, предназначенных для ближнего боя, в материалах именьковской культуры представлен наконечниками копий, однолезвийными мечами и боевыми ножами (Вязов и др., 2020).

Наконечников копий, которые в разное время относились исследователями к именьковской культуре, известно девять экземпляров. Из них достоверно именьковскими являются толь-

ко три, принадлежность еще четырех под сомнением. Наконечники представлены четырьмя типами: а) с двушипным пером (находки в окрестностях Коминтерна, Щербети, Ундор), б) с массивным широким ромбовидным пером (Ош-Пандо), в) с листовидным пером (Комаровка) и г) с узким ланцетовидным пером (Жигулевск). Все случаи находок наконечников не с двушипным пером относятся ко времени не ранее VI в. н. э., в раннеименьковских материалах они неизвестны.

Мечи в именьковских древностях представлены единственным доступным для изучения экземпляром, происходящим из «предположительного погребения № 2» Комаровского могильника. Имеются сведения о еще одном клинке, находящемся у кладоискателей.

Еще одним элементом боевого снаряжения был крупный (до 30 см длиной) нож или кинжал. Всего в именьковских древностях известно не менее шести ножей, они встречены в нескольких могильниках, единственный кинжал – в Коминтерновском II.

С комплексом вооружения, предназначенного для ближнего боя, связаны и находки панцирных пластин на городищах Ош-Пандо (Степанов, 1967, с. 207, табл. XXI: 17, 18) и Кармалы (Богачев и др., 2013, с. 156, рис. 18: 1).

Неясно, можно ли включать в состав оружия ближнего боя многочисленные топоры (Вязов, 2012; Никитина, 2017, с. 77, рис. 4: Б; с. 78, рис. 5: 4, 5; Руденко, 2014), известные в материалах именьковской культуры. Контекст их обнаружения (в кладах железных изделий и хозяйственного инвентаря, в культурных слоях поселений) свидетельствует скорее об их хозяйственно-утилитарном использовании.

Предметы быта. Железные ножи являются массовой находкой. Они подразделяются на две группы:

1) Ножи «с горбатой спинкой» с плавным, без уступа переходом от лезвия к черенку.

2) Ножи с прямой спинкой относятся к двум типам:

1) с выраженным уступом при переходе от черешка к лезвию. Черенок ножей широкий плоский, лезвие в сечении клиновидное. Длина лезвия от 8 до 9 см, ширина – от 0,8 см до 1,2 см в средней части и до 1,7 см у рукояти. Общая длина ножей до 13 см;

2) без выраженного уступа при переходе от черешка к лезвию (Муромское I селище). Длина ножа 10 см, длина черенка 38 мм, максимальная ширина у рукояти 15 мм.

Оселки и точильные камни подразделяются на две группы.

1) узкие брусковидные оселки с отверстиями для подвешивания, найденные на Карлинском I селище, имели удлиненную форму и отверстие для подвешивания, что в целом не характерно для именьковской культуры (Сташенков, 2014). Аналогии им имеются на поселениях киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 62, рис. 14, 2) и в позднесарматских памятниках. Есть они и в комплексах Тарасовского могильника в Прикамье (Голдина, 2003, табл. 39, 111/23, 112/9);

2) широкие (30–40 мм) точильные камни прямоугольной формы, изготовленные преимущественно из песчаника. Толщина точильных камней до 20 мм. Найденны и части крупных точильных камней размерами более 10×10 см.

Плитки для выпрямления и шлифовки древков стрел (или для заточки игл?) представляют собой тонкие каменные плитки с желобками и следами обработки (Карлинское I селище). Аналогии им встречены на черняховском поселении III–IV вв. в с. Кут около Никополя (Сымонович, 1967, рис. 5, 6).

На поселениях найдены обработанные кремневые кремни, однако металлические части огнива не выявлены.

Широко представлены в материалах именьковской культуры костяные иглы-проколки различных размеров. В их верхней широкой части обычно сделано отверстие. Проколки, видимо, изготавливались из костей различных животных (например, иглы из Муромского селища изготовлены из малой берцовой кости свиньи).

Украшения и детали костюма. Предметы украшений на памятниках именьковской культуры немногочисленны. Они представлены бусами, изготовленными из стекла, кости, камня, бронзовыми пронизками, булавками, ременными пряжками и накладками (рис. 8).

Часть бус имеет сравнительно узкую датировку. Так, синяя кольцеобразная стеклянная бусина из Карлинского I селища находит аналогии в материалах черняховской культуры (Малаештский могильник III – нач. V в. (Федоров, 1960, рис. 14); Романковский могильник 2 пол. III – к. IV в. (Никитина Г.Ф., 1996, табл. 18,2; 43,7); Коблевский могильник III–IV вв. (Сымонович, 1979, рис. 12, 17); могильник Будешты II–IV вв. (Рикман, 1967, рис. 49)). Стекла́нная одночастная бочонкообразная бусина коричневого цвета из Новинковского I селища имеет аналогии в Прикамье, где подобные бусы (тип 80 по типологии Р.Д. Голдиной (Голдина, Кананин, 1989, с. 71; рис. 62, 80)) датируются V–VII вв. Желтые одночастные уплощенные таблетковидные стеклянные бусины (Новинковское V, Карлинское I селища, Пролетарское горо-

дище) изредка встречаются в раннесредневековых памятниках Прикамья и датируются V–VI вв. (тип 60 по типологии Р.Д. Голдиной) (Голдина, Кананин, 1989, рис. 63, 60). Вероятно, эти бусины кавказского или переднеазиатского производства.

Бронзовые кольцевые подвески с выпуклинками (рис. 8: 6) (селище Ош-Пандо-Нерь II, Щербетьское островное I селище, Рождественский могильник (Старостин, 1967, табл. 17, 20, 22)) находят многочисленные аналогии в материалах Восточной Европы на протяжении всего I тыс. н. э. А.В. Богачев учел 115 экземпляров подобных украшений, происходящих из 64 географических пунктов. Появление подобных украшений в Волго-Камье он рассматривает в контексте гипотезы Г.И. Матвеевой о зарубинецко-пшеворских истоках именьковской культуры (Богачев, 1998, с. 151, 155).

Металлические булавки известны на всей территории именьковской культуры и являются одним из характерных признаков костюма оставившего ее населения. Известно около 20 таких находок. Подавляющее большинство из них представлены изделиями с подвижными 8-видным звеном, длиной около 10–12 см, изготовленными из железа или из цветного сплава (Матвеева, 1993, с. 132).

Довольно ранней является часть двухпластинчатой фибулы, стойка, торцевая часть узкой пластины которой покрыта косыми насечками (Новинковское V селище). На конец пластины насажена сравнительно массивная головка. Подобные фибулы, по данным А.К. Амброза, датируются временем до 1 пол. V в. (Амброз, 1989, рис. 5, 26). А.К. Амброз писал, что двухпластинчатые фибулы со второй пол. III в. бытовали у оседлых народов, в том числе на территории черняховской культуры, и отметил, что сарматы IV в. вообще не знали двухпластинчатых фибул (Амброз, 1989, с. 39). В материалах черняховской культуры имеются двухпластинчатые фибулы с подобной новинковской стойкой с массивной головкой (Магомедов, 2001, рис. 69, 2). По мнению Е.Л. Гороховского, подобные фибулы относятся к фазе IV (Масловской) хронологии черняховских погребальных комплексов, которая датируется второй половиной IV в. (Гороховский, 1988, рис. 68, с. 44).

На именьковских поселениях встречаются также резные подвески из кости (ребра животного?) (Муромское I селище), амулеты из метаподии зайца с отверстием для подвешивания в верхней части амулета.

Антропоморфные амулеты. На территории именьковской культуры найдено девять небольших металлических антропоморфных амулетов, имеющих ярко выраженные мужские признаки

(Матвеева, 2003, с. 59–61, рис. 27). Подобные амулеты встречаются на памятниках различных культур эпохи раннего железного века – раннего средневековья. Исследователи рассматривают их как отражение культа плодородия.

Амулеты, найденные в районе селища Ош-Пандо-Нерь II и в погр. 10 Коминтерновского могильника (Казаков, 1998, рис. 14, 11), отлиты из бронзы. Они изображают человечков, руки которых отведены от туловища и согнуты в локтях. Аналогии им имеются в комплексах джеты-асарской культуры (Левина, 1996, рис. 169, 4, 6, 10), в памятниках VI–VII вв. в Приуралье (Ново-Турбаслинский могильник (Мажитов, 1959, с. 81, рис. 4), Бахмутинский могильник (Мажитов, 1959, с. 152, табл. 30, 14); Кушнаренковский могильник (Генинг, 1977, с. 106, рис. 11.1).

Интересен амулет, найденный около городища Лбище, представляющий собой схематичную человеческую фигурку высотой 4,8 см. Голова мужчины удлинённая, рассечённая на две части выступающим вертикальным валиком. Глаза и рот не обозначены. Возможно, здесь изображен надетый на голову конический шлем с защитной пластиной-наносником в лицевой части и декоративной пластиной по оси шлема. На ноги надеты короткие сапожки с каблуками. Диагональная линия около каблука правого сапога позволяет предположить здесь изображение стремени. Возможно, фигурка изображает всадника-воина. Намеченное, но не законченное отверстие в петельке для привешивания амулета даёт основание предполагать местное производство фигурки (Сташенков, 2004).

Принято считать, что с 1950-х гг. после публикации И.Т. Кругликовой «за этим типом подвесок укрепилось условное наименование «гуннский амулет» (Ковалевская, 1995, с. 141; Матвеева, 2003, с. 59), соответствующее их первоначальной этнической атрибуции. Сама Ирина Тимофеевна эти амулеты «гуннскими» не называла, говоря о гуннской принадлежности погребённых (Кругликова, 1957, с. 257). С 1970-х гг. ряд исследователей называли эти амулеты «гуннскими» (Михлин, 1972; Шелов, 1978, с. 87). В начале 1980-х гг. В.Б. Ковалевская привела ряд доказательств в пользу аланской принадлежности антропоморфных амулетов, найденных в северокавказских могильниках (Ковалевская, 1981, с. 87, 89). В работах 1990-х гг. В.Б. Ковалевская развила тезис о сармато-аланской принадлежности металлических антропоморфных амулетов, хотя по отношению к рассматриваемым амулетам (типа 1 отдела 3) в одном и том же разделе она называет их поочередно «алано-болгарскими», «сарматскими» и «сармато-аланскими» (Ковалевская, 1995,

с. 142–143). Наиболее подробно амулеты рассматриваемого типа в 1984 г. проанализировал Д.Б. Шелов, склонившийся к высказанной ещё в 1958 г. В.Ф. Гайдукевичем версии о сармато-аланском происхождении амулетов (Шелов, 1984, с. 244). Возможно, Волго-Камье наряду с Крымом, Северным Кавказом, Подоньем и Приаральем было одним из центров, где производились подобные изделия. Вполне вероятно, рассматриваемые амулеты связаны с сармато-аланскими группами, входившими в состав полиэтничного населения этих регионов (Сташенков, 2004).

Частой находкой на памятниках именковской культуры развитого этапа являются глиняные фигурки животных (Старостин, 1967, табл. 22). Необходимо отметить, что на памятниках круга полей погребений глиняные фигурки животных в большом количестве не выявлены, зато они часто встречаются на скифских поселениях.

Хозяйство и землепользование населения. Хозяйственная система именковской культуры строилась на освоении пойменных ландшафтов и ограниченном применении подсек в сочетании с придомным животноводством.

Именковское население в первую очередь освоило террасы малых рек, притоков Волги и Камы. Хозяйство именковцев было комплексным. Помимо занятия пашенным земледелием, они разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, домашнюю птицу, занимались охотой и рыболовством. Видимо, с активизацией волжского торгового пути они не могли остаться в стороне от его обслуживания. При раскопках на Кармалинском городище обнаружен денежно-вещевой клад, в котором встречены сасанидские монеты VI в.

Земледелие. Важная роль земледелия в хозяйственной системе именковского населения подчёркивается как составом орудийного комплекса, так и данными естественно-научных исследований.

Характерной чертой, выделяющей именковскую культуру из синхронных древностей Волго-Уралья, являются железные наральники (рис. 9: 1–7). Их известно более 30, что превышает совокупное количество наральников, происходящих из памятников всех остальных культур Восточной Европы того же времени. Все наконецники небольших размеров, 10–15 см длиной, втулка образована путем изгиба пластины-заготовки, в средней части лезвия имеется утолщение, образующее ребро жесткости (Старостин, 1967, с. 21). Вероятно, наральники использовались для орудий типа кривоградильного полозного рала, которым, как показывают эксперименты и этнографические параллели, бороздили ранее обрабатываемые земли, не осуществляя оборот пласта.

Первичная подготовка участков к посеву, судя по полученным в последние годы данным, производилась в технике подсечного земледелия. Подсека реконструируется по набору признаков, включающему наличие специфического пирогенного «гумусового» горизонта, наличию пыльцы культурных злаков в сочетании с фитолитами паникоидов и деревьев.

Археоботанические материалы показывают доминирование проса и ячменя в составе выращиваемых злаков; пшеница, рожь, полба имели меньшее значение. Для уборки урожая использовались серпы, найденные практически на всех памятниках, которые изучались большой площадью. Серпы небольших размеров (до 20 см в длину), лезвия их шириной до 1,5 см имеют клиновидное сечение, по краю лезвия иногда сделаны зазубрины. Серпы плавно изогнуты, на конце имеется перпендикулярно отогнутая пяточка.

Размол зерна производился на ручных каменных ротационных мельницах, состоявших из двух дисков-жерновов с отверстием в центре (рис. 9: 13). Многочисленные остатки жерновов найдены на всей территории распространения культуры, что свидетельствует о высокой продуктивности зернового производства. Жернова имели диаметр до 48 см, диаметр отверстия от 4 до 8 см и толщину 5–15 см. На части фрагментов жерновов имеются отверстия для крепления деревянных рукоятей.

Редкой находкой являются косы-горбуши, а также железные крепления для кос в виде кольца с широким поперечным сечением (Вязов и др., 2021).

Животноводство. Археозоологический материал из раскопанных памятников именьковской культуры обрабатывался А.Г. Петренко (Петренко, 1998), О.Г. Богаткиной (Богаткина, 1995), В.В. Гасилиным (Гасилин, 2003; 2005). Остеологические спектры представлены фрагментами костей сельскохозяйственных (крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи) и диких видов млекопитающих (медведя, лося, сайгака, бобра, зайца), птицы (диких гусей и уток) и рыбы. Процентное соотношение костей перечисленных домашних животных различается на разных группах памятников. Доминируют крупный рогатый скот и лошади, что отражает важное значение этих видов для мясной диеты. Кости свиней более многочисленны, чем кости овец и коз. Большую роль в обеспечении мясом играла охота, в первую очередь – на лосей и бобров.

Состав костей с именьковских поселений близок к остеологическим спектрам других памятников оседлого населения зоны широколиственных лесов в раннем железном веке и в I тыс. н. э., но заметно отличается от лесостепных памятников чер-

няховской и киевской культур, население которых практически не использовало в пищу охотничью добычу, а среди сельскохозяйственных животных отдавало предпочтение крупному рогатому скоту. Именьковское население отдавало предпочтение лошадям, как более неприхотливому в условиях суровых и снежных зим виду.

Торговля и обмен. С трех именьковских памятников происходят находки в общей сложности 10 монет. Все они представляют собой сасанидские драхмы, чеканенные в V–VI вв. н. э. Две сасанидские драхмы были обнаружены при раскопках городища Троицкий Урай I (Нижнее Предкамье) в хозяйственной яме 8 вместе с золой, фрагментами керамики, обугленным зерном, наконечниками стрел и фрагментом жерновов. Они относятся к правлению Пероза (457–483) и Кавада (488–497) (Старостин, 1977, с. 37). Еще одна монета V в., относящаяся к правлению Варахрана V (421–439 гг.), происходит с поверхности Именьковского I селища в Нижнем Предкамье (Морозов, 2005, с. 83).

Семь монет найдены на Кармалинском городище в южной части Самарской Луки в составе клада в хозяйственной яме 1, включающего в себя согнутую шейную гривну из сплава серебра и меди, сломанный серебряный наконечник ремня, фрагменты золотой фольги. Три монеты были чеканены в период правления Кавада в 519, 524 и 527 гг. Четыре драхмы относятся к правлению Хосрова I – к 538, 541 и 545 гг. Вероятно, клад представлял собой набор ювелирного лома, предназначенного для переплавки (Матвеева, Морозов, 1991, с. 175–177).

Истоком проникновения сасанидских монет в Поволжье в V–VII вв. являлось иранское Закавказье (Морозов, 1996, с. 150).

Еще одной категорией находок, отражающей характер торговых отношений именьковского населения, являются стержневидные латунные слитки. Вероятно, они использовались в производственных целях, для изготовления бронзовых украшений. Слитки выявлены в составе клада на Щербетьском I островном селище, а также в ряде случайных находок в окрестностях Тетюшского II городища, в с. Сурское Ульяновской обл., в окрестностях «Девичьего городка» в Закамье. В Среднее Поволжье и Прикамье стержневидные латунные слитки проникают с юго-запада, исходным районом их поступления, вероятно, являлись области, знакомые с римской технологией получения латуны.

Хронология и культурные связи. К настоящему времени можно сформулировать основные черты, характерные для именьковской культуры IV–VII вв.:

– многочисленные поселения с мощным культурным слоем представлены городищами и селищами;

– среди построек преобладают полуземлянки прямоугольной формы площадью 10–20 кв. м, с наземным очагом без каменных конструкций;

– на поселениях обнаружено большое количество хозяйственных ям, в основном цилиндрической формы, в том числе зерновых;

– керамика лепная, представлена плоскодонными горшками, мисками, банками, дисками-сковородами, миниатюрными сосудами. В формовочной массе сосудов фиксируется преимущественно примесь крупного шамота и органики;

– высокий уровень развития железообработки и кузнечного дела;

– наличие изделий, связанных с земледелием – наральников, серпов, кос;

– развитое придомное скотоводство, связанное с разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней.

– важная роль охоты, в том числе направленной на получение пушнины, рыболовства;

– отсутствие этноопределяющих типов украшений;

– погребальный обряд – преимущественно кремации на стороне, ингумация представлена единичными погребениями (за исключением Коминтерновского могильника, в котором ингумации составляют 35% захоронений).

Исследованные памятники именьковского времени можно разделить на две культурно-хронологические группы: 1. IV–V вв. – ранняя; 2. VI–VII вв. – поздняя. Резкой границы между группами нет, и по мере накопления материалов возможно выделение новых этапов и уточнение их хронологии.

Различия памятников разных этапов выражены в следующих признаках: размерах и характере поселений (среди памятников раннего этапа отсутствуют городища), плотности застройки поселений, наборе определенных форм сосудов и пряслиц.

Опорными для характеристики памятников ранней группы могут служить материалы Новинковских I и V селищ и Выползовского селища на Самарской Луке, для поздней – материалы селища Ош-Пандо-Нерь II и Кармалинского городища на Самарской Луке, городища Старая Майна в Ульяновской области и Коминтерновского могильника в Татарстане. Возможно, финал именьковской культуры в Среднем Поволжье прослеживается на материалах Комаровского могильника, исследованного в Ульяновской области.

В.Ф. Генинг изначально датировал именьковскую культуру IV–VII вв. (Генинг, 1956). Он же

предположил, что с VII в. именьковские племена были ассимилированы болгарами и впоследствии составили основную массу населения Болгарского государства (Генинг, 1956, с. 46). В 1959 г. он предложил датировать именьковскую культуру III–IX вв. (Генинг, 1959, с. 208). В 1967 г. П.Н. Старостин обосновал хронологические рамки культуры в пределах III–IV – VII вв. (Старостин, 1967, с. 29). В 1986 г. в статье «Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье» Г.И. Матвеева дала свою периодизацию этнокультурной истории Поволжья. По ее мнению, первую, наиболее раннюю группу памятников, оставленных пришедшим с запада населением, составляют поселения славянского типа, открытые в бассейне р. Кондурчи и близкие пшеворским поселениям в Верхнем Поднепровье. Памятники славянского типа Г.И. Матвеева датировала временем не позднее II–III вв. К III–IV вв. Г.И. Матвеева отнесла памятники лбищенского типа, принадлежавшие, по ее мнению, переселившемуся в Поволжье смешанному зарубинецко-пшеворскому населению (Матвеева, 1986, с. 161–164). V–VII вв. были датированы памятники именьковской культуры.

Первой работой, специально посвященной хронологии именьковской культуры, является статья А.В. Богачева «О верхней хронологической границе именьковской культуры», где автор на основании немногочисленных монетных находок и анализа поясной гарнитуры сделал вывод о прекращении существования именьковской культуры в последней трети VI в. (Богачев, 1995, с. 20).

Иную точку зрения на хронологию именьковской культуры высказал Е.П. Казаков, изучавший преимущественно ее погребальные памятники на территории Татарстана. Он утверждал, что именьковская культура окончательно сформировалась только в середине VI в., а после VII в. часть этого населения вошла в состав буртасской общности (Казаков, 1998, с. 110–111).

Определение нижней границы культуры связано с вопросом о соотношении памятников именьковской культуры с памятниками типа Сиделькино-Тимяшево и памятниками лбищенского типа. Памятники развитой именьковской культуры на территории Самарского Поволжья появляются не позднее рубежа IV–V вв., и между ними и поздними комплексами сиделькинского, тимяшевского и лбищенского круга хронологического разрыва не существует (Сташенков, 2010). Вероятно, население, оставившее раннеименьковские памятники на Самарской Луке, явилось основой для формирования развитой именьковской культуры. Все ее основные признаки уже присутствуют в материальной культуре памятников раннего этапа. К V в.

памятники именьковской культуры распространились по всей ее территории.

Промежуточный итог дискуссии о хронологии именьковской культуры в 2001 г. подвела Г.И. Матвеева, которая обосновала хронологические рамки культуры в пределах IV–VII вв. По ее мнению, только в Приуралье именьковское (романовское) население доживает до VIII в. и ассимилируется турбаслинскими и кушнаренковскими племенами (Матвеева, 2001, с. 187). В то же время, касаясь вопроса о дальнейших судьбах именьковской культуры, Г.И. Матвеева отмечала, что в VII в. часть именьковцев ушла на запад – на левобережье Днепра, где приняла участие в сложении волынцевской культуры, а другая часть, оставшаяся в Поволжье, вошла в состав формирующейся болгарской народности (Матвеева, 2000, с. 124). Утверждения о значительном вкладе потомков именьковского населения в формирование культуры Волжской Болгарии придерживался целый ряд исследователей (С.Г. Кляшторный, В.В. Седов, Ю.А. Семькин, П.Н. Старостин).

Дискуссии о культурной и этнической принадлежности. В работах 1960-х гг. для обозначения группы средневожских памятников I тыс. А.П. Смирнов использовал термин «позднегородецкие памятники». В соответствии с концепцией о финно-угорской принадлежности населения городецкой культуры финно-угорскими он считал и «позднегородецкие» памятники. Термина «именьковская культура» для этих памятников А.П. Смирнов не принял, считая, что «в памятниках типа Рождественского селища или Именьковского городища не выделены специфические черты, которые позволили бы отнести памятники Татари к особой группе, отделяя ее от городецкой» (Смирнов, 1960, с. 7). Впоследствии он согласился с тем, что это название, по его мнению, введенное Н.Ф. Калининым, может быть сохранено для памятников второй половины I тыс. н. э. Предкамья (Смирнов, Трубникова, 1965, с. 27–28). Но и тогда А.П. Смирнов не видел принципиального отличия именьковских памятников от городецких и послегородецких, считая их однотипными (Смирнов, Трубникова, 1965, с. 9–10). Обращаясь к материалам исследованного В.Ф. Генингом Рождественского могильника, в котором были выявлены кремационные погребения, он не согласился с предложенной автором раскопок датировкой памятника в пределах III–VI вв. Рождественский могильник, по мнению А.П. Смирнова, должен был датироваться VI–VIII вв. На его взгляд, он не связан с предшествующими памятниками Поволжья и оставлен пришедшими вместе с болгарами племенами лесостепи. На основании близости материалов Рождественского могильника комплексам

Волынцевского могильника он предложил считать население, оставившее его, славянским (Смирнов, 1960, с. 7; 1962, с. 161–165). Сам славянский этнический элемент, представленный Рождественским могильником, для Поволжья он считал не особенно значительным (Смирнов, 1962, с. 168).

В 1964 г. П.Д. Степанов высказал гипотезу об угро-мадьярской принадлежности населения Среднего Поволжья эпохи раннего средневековья, ссылаясь на аналогии средневожским материалам, происходящим с памятников на территории Башкирии и Венгрии, а также с Пастырского городища (Степанов, 1964, с. 144). Эта гипотеза не была поддержана другими исследователями.

В.Ф. Генинг, основываясь на предполагаемом городецком происхождении племен именьковской культуры, считал их родственными волжским финнам (Генинг, 1959, с. 217). Впоследствии В.Ф. Генинг высказал предположение о тюркских истоках именьковского населения (Генинг, 1964, с. 125).

В 1971 г. П.Н. Старостин, анализируя этнокультурную ситуацию предболгарского времени в Нижнем Прикамье, на конкретном археологическом материале показал наличие хронологического разрыва между городецкими и именьковскими памятниками. На основании этого он утверждал, что генетически связывать их неправомерно, как неправомерно и включать именьковские памятники в область так называемой позднегородецкой культуры (Старостин, 1971, с. 51). Не отрицая финно-угорского компонента в именьковской культуре, он отметил, что «в основной части именьковские племена для районов Поволжья и Прикамья были пришлыми племенами, вышедшими из областей, связанных с кочевниками и скорее с тюркским миром (Старостин, 1971, с. 53).

Позднее П.Н. Старостин отказался от идеи о восточных параллелях и основных истоках именьковской культуры. В то же время он отметил, что и высказанная Г.И. Матвеевой идея о генетической связи именьковской культуры с зарубинецкой нуждается в подкреплении фактическими материалами (Старостин, 1986, с. 100–101).

А.Х. Халиков первоначально писал о тюркоязычной принадлежности именьковского населения, считая, что в результате смешения именьковских и азелинских групп началось формирование древнечувашских племен. Основываясь на наблюдениях языковедов, выделяющих значительное число древнейших тюркских заимствований чувашского типа в марийском языке, он связывал их именно с периодом именьковско-азелинских контактов (Халиков, 1971, с. 20). В дальнейшем А.Х. Халиков признал преимущественно западное и юго-западное происхождение именьковской

культуры, видя истоки ее в днепровском левобережье, в зарубинецко-черняховской среде (Халиков, 1986, с. 79). По его мнению, на рубеже VII–VIII вв. «основная масса именьковского населения под натиском мадьяр-венгров с востока и ранних болгар с юга вынуждена была покинуть Среднее Поволжье и отойти на прежнюю территорию обитания, в лесостепное левобережье Поднепровья, где в конце VII – начале VIII вв. начинают функционировать памятники волынцевского типа» (Халиков, 1986, с. 83).

В 1981 г. Г.И. Матвеева опубликовала статью «О происхождении именьковской культуры», в которой, подробно разобрав все гипотезы о происхождении культуры, указала на их недостатки. Обратив внимание исследователей на сходство погребального обряда, керамики, украшений, топографии и планиграфии поселений именьковской и классической зарубинецкой культур, Г.И. Матвеева положила начало поискам западных параллелей именьковской культуре (Матвеева, 1981, с. 52–73).

Гипотеза Г.И. Матвеевой о зарубинецких истоках именьковской культуры активных сторонников приобрела не сразу. Так, К.В. Каспарова, отмечая сходство именьковской и зарубинецкой культур, обратила внимание на наличие значительного хронологического разрыва между ними (Каспарова, 1986, с. 17).

Особая заслуга в утверждении точки зрения о славянской принадлежности именьковской культуры принадлежит В.В. Седову, который с начала 1990-х гг. в серии своих работ выступил с анализом именьковских материалов. Он считал весьма существенным вклад именьковского населения в сложение волынцевской археологической культуры в Среднем Поднепровье, а использование ретроспективного метода дало ему основание говорить о принадлежности именьковского населения к славянскому этносу. Говоря о миграции основной части населения под натиском кочевых приазовских племен, В.В. Седов вместе с тем утверждал, что какие-то именьковские группы сохранились в отдельных районах Поволжья и в раннеболгарское время (Седов, 1994, с. 315).

К точке зрения о славянской принадлежности населения именьковской культуры присоединились и авторы совместной работы «Праславянские племена в Поволжье» С.Г. Кляшторный и П.Н. Старостин, применившие метод исторической ретроспективы в своих этнокультурных построениях (Кляшторный, Старостин, 2002, с. 210–217).

К числу славянских культур относят именьковскую культуру и ижевские археологи Р.Д. Голдина

(Голдина, 1999, с. 261, 266, 277) и Т.И. Останина (Останина, 2002, с. 53).

Таким образом, можно утверждать, что в 2000-е годы в археологии утвердилась точка зрения если не о славянской принадлежности, то по крайней мере о значительном «славянском» компоненте в именьковской культуре. Вместе с тем утверждение Г.И. Матвеевой о том, что «исключительное единообразие именьковской культуры на всей ее территории свидетельствует о ее моноэтничности» (Матвеева, 1997, с. 216), выглядит слишком категоричным.

Противником этой гипотезы на протяжении долгих лет остается Е.П. Казаков, который, основываясь прежде всего на материалах раскопок Коминтерновского II могильника, утверждает, что именьковская культура органически связана с турбаслинскими древностями и имеет восточные истоки. В носителях турбаслинско-именьковских древностей он видит хионитов, считая их последними индоиранскими племенами Урало-Поволжья. После VII в. часть этого населения была тюркизирована и вошла в состав буртасов (Казаков, 1998, с. 110–111).

Показательно, что известный археолог-славист В.Д. Баран, заявивший о принадлежности именьковской культуры к числу археологических культур V–VII вв., связанных со славянами, подчеркнул, что проблема этнической принадлежности памятников этой культуры требует дальнейшего изучения. Справедливо его замечание, что «некоторая близость их керамических форм к посуде волынцевских памятников не решает полностью проблемы их славянской принадлежности... Подкупает некоторая близость именьковских памятников к киевским древностям, особенно в домостроительстве и погребальном обряде. Однако сомнительными можно считать смелые попытки В.В. Седова подвести под все это пшеворскую основу... Нам кажется, что решение этих проблем как на восточном, так и на западном крыле славянского мира в раннем средневековье больше зависит от изучения местного компонента и ближайшего окружения. Тем более что ни одна культура римского времени, в том числе киевская и пшеворская, не была моноэтничной» (Баран, 1997, с. 154).

В связи с дискуссионностью вопроса об этнической принадлежности населения, оставившего памятники именьковской культуры, важен вывод, сделанный Н.П. Салугиной по результатам изучения технологии производства именьковской керамики. Различие в традициях составления формовочных масс, формообразования сосудов свидетельствует о том, что именьковская культура – многокомпонентное, вероятно, многоэтни-

ное объединение, сложившееся на основе взаимодействия нескольких групп населения (местного постгородецкого, пришлого западного и пришлого приуральского) (Салугина, 1988, с. 141). В одной из более поздних работ она уточняет, что в формировании внешне культурно однородного населения «приняли участие как минимум две группы населения: продолжатели местных (городецких – Д.С.) традиций и выходцы из районов распространения культур полей погребений... Нельзя отрицать и инфильтрацию каких-либо инокультурных групп, но на настоящем уровне исследования определить их истоки не представляется возможным» (Салугина, 2000, с. 238).

Идея полиэтничности и многокомпонентности именьковской культуры разрабатывается в серии публикаций Д.А. Сташенкова.

Действительно, состав вещевого комплекса собственно именьковских памятников значительно отличается от материала западных памятников праславянского круга. Для именьковских памятников отчетливо прослеживается и «восточный компонент» (Жазаков, 1996; Старостин, 1967, с. 31; 1996, с. 116; Сташенков, 1996, с. 117–118). В частности, в материалах Пролетарского городища, наряду с именьковскими комплексами, присутствует керамика «восточного» круга, связываемая с кочевым и полукочевым населением, пришедшим в регион с территории Западной Сибири и Приуралья. Наиболее ранние материалы датируются IV–V вв. и могли быть оставлены населением, оказавшимся в Среднем Поволжье в составе гуннских отрядов. С гуннским движением связы-

вается прекращение существования памятников типа городища Лбище и Сиделькино-Тимяшево. Следствием вызванной гуннским нашествием волны переселений было появление в Волго-Камье многочисленного населения, завершившего формирование именьковской культуры.

Наличие на именьковских памятниках предметов рязано-окского круга и сходство керамических комплексов, происходящих с некоторых именьковских поселений и малоисследованных поселений рязано-окской группы, а также из позднедьяковских поселений, свидетельствуют о еще одном возможном направлении этнических контактов именьковского населения.

Таким образом, именьковская культура представляла собой полиэтничное образование, включавшее в себя представителей ираноязычных, праславянских и финно-угорских народов (археологически прослежены параллели в материалах позднесарматской, бакальской, караякуповской, киевской, кушнаренковской, позднезарубинецкой, пшеворской, турбаслинской и др. культур). На разных этапах развития и в разных частях именьковского ареала преобладало то или иное население, придававшее специфическую окраску именьковской культуре. Региональные отличия, позволяющие выделить в ее составе локальные варианты, обусловлены в том числе и различными исходными районами заселения данной территории.

Окончательное решение вопросов о хронологии, происхождении, этнической принадлежности и дальнейших судьбах населения именьковской культуры – дело будущего.

Могильники устья р. Камы

История изучения. В 1984 г. в 1,2 км к северо-западу от пос. Коминтерн, расположенного в Спасском районе ТАССР, Раннеболгарской археологической экспедицией под руководством Е.П. Казакова было выявлено и расчищено первое погребение уникального некрополя, получившего название Коминтерновский II могильник. Памятник ежегодно обследовался археологическими разведками до 2013 г., а раскопочные работы вдоль размываемой береговой линии Куйбышевского водохранилища проводились вплоть до 2009 г. При этом отмечалось, что 2/3 могильника разрушено водохранилищем. Вероятно, именно с разрушенной частью памятника связан т. н. Коминтерновский клад, который представляет собой, очевидно, набор погребального инвентаря из 102 золотых, серебряных, бронзовых и железных предметов.

Для могильника характерно сочетание типично именьковских захоронений с обрядом кремации и захоронений с ингумацией, содержащих уникальный комплекс находок (посуда, бытовые предметы, украшения, детали костюма, снаряжение коня и прочее), а также сопровождавшихся в ряде случаев жертвенными комплексами из костей ног и черепа лошади (Казаков, 1996; 1998; 2021). Памятник с подобным комплексом находок и биритуальным погребальным обрядом был исследован в 1957 и 1959 гг. у с. Кушнаренково (Генинг, 1977). Материал погребений и погребальный обряд Коминтерновского II могильника, кроме собственно именьковских памятников, ближайший широкий круг аналогий находит в могильниках турбаслинской культуры в Приуралье, что свидетельствует о проникновении в оседлую именьковскую среду кочевого населения и об их смешении путем заключения браков.

Открытие и анализ материалов Коминтерновского II могильника позволили Е.П. Казакову объединить единичные и малоизученные некрополи с биритуальным обрядом захоронения, известные от Башкирского Приуралья до Среднего Поволжья (Кушнаренковский, Уфимский, V Ма-кляшевский, IX Измерский, Ташкирменский, II Старомайский могильники), с памятниками, содержащими общие типы культовых находок (фаллические фигурки, коньки-подвески, кольца с утолщениями и др.), и сделать ряд выводов. По мнению Е.П. Казакова, именьковская культура могла возникнуть только в середине VI в., поскольку основной материал Коминтерновского II могильника датируется второй половиной VI – началом первой половины VII вв. Он объединил отдельные именьковскую и турбаслинскую археологические

культуры в именьково-турбаслинскую общность, которую связывал с поздними сарматами. Позднее они оказали влияние на волжских болгар, что выразилось в погребальном обряде последних в виде могильных ям сложной конструкции с содержанием костей ног и черепа лошади (Казаков, 1990, с. 31–32; 1996; 1998, с. 110; 2011; 2017, с. 157–159).

В 2015 г. во время разведочных обследований западной оконечности Спасского острова (или о. Старый город) в Спасском районе Республики Татарстан в акватории Куйбышевского водохранилища был обнаружен Новославский II могильник (Валиев, 2018). В течение четырех коротких полевых сезонов, зависящих от уровня водохранилища, было исследовано 18 погребений, из которых одно погребение является кенотафом, остальные совершены по обряду ингумации, два из них подвергались частичной кремации на месте, т. е. в могильной яме (Валиев, 2019). Благодаря современному оборудованию и методике фиксации материала на Новославском II могильнике удалось произвести точную привязку могильных ям и находок на местности, проследить планиграфию расположения погребений и поминальных комплексов. Погребальный обряд и инвентарь аналогичен погребениям Коминтерновского II могильника, а отдельные захоронения идентичны до деталей (Казаков, 2018, с. 202). Вместе с тем на Новославском II могильнике выявлен погребальный инвентарь и обряд захоронения, ранее не встречавшийся на Коминтерновском II могильнике и некрополях турбаслинской культуры. Отдельные случаи (крестовидная фибула, захоронение с целой тушей лошади и т. д.) находят аналогии в рязано-окских древностях (Ахмедов, 2010, с. 104, 106, рис. 8: 5) и некрополях поволжских финнов (Краснов, 1980, с. 35). К тому же на Новославском II могильнике отсутствуют находки геральдического облика, распространившиеся со второй половины VI в. (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 57; Гавритухин, 1999, с. 192, 195).

Новые материалы и методика фиксации позволяют заново обратиться к эталонным памятникам типа Коминтерн II (рис. 1) и поднять вопросы хронологии, этнокультурных связей, идеологических представлений, хозяйства и быта населения Волго-Уралья конца V–VII вв., оставившего Коминтерновский II и Новославский II могильники.

Коминтерновский II могильник

Коминтерновский II могильник расположен в Спасском районе Республики Татарстан, к северо-западу от населенного пункта Коминтерн, при

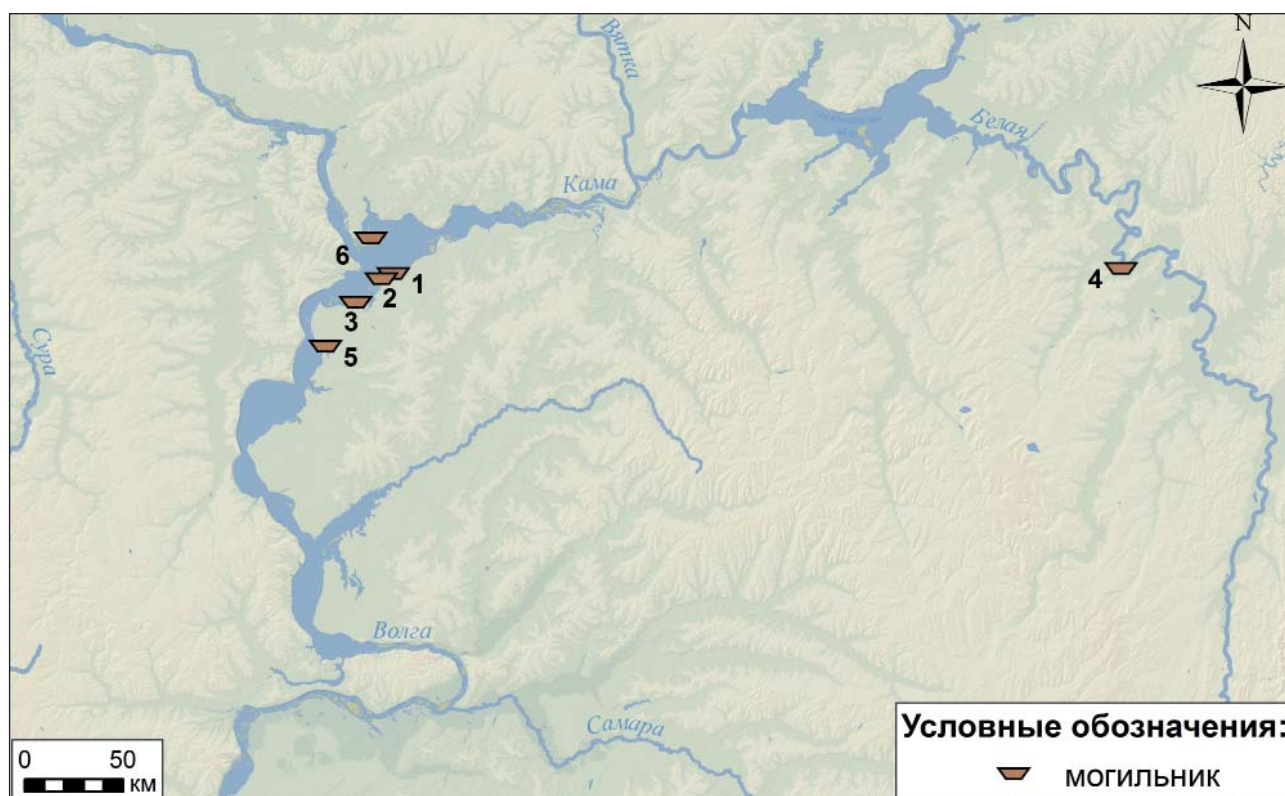

Рис. 1. Памятники с биритуальным обрядом захоронения Среднего Поволжья и Приуралья середины I тыс. н. э.
 1 – Коминтерновский II могильник; 2 – Измерский IX могильник; 3 – Новославский II могильник;
 4 – Кушнаренковский могильник; 5 – Маклашеевский V могильник; 6 – Ташкирменский могильник

слиянии рр. Волги и Камы, в зоне затопления Куйбышевского водохранилища.

Работы на памятнике были сопряжены с тяжелыми природными условиями, диктуемыми водохранилищем – в летний период полуостров превращался в труднодоступный для транспорта остров, в осенний период происходил спад уровня воды, но погодные условия и штормы не всегда позволяли зафиксировать обнажившиеся в обрывах погребения. По оценкам Е.П. Казакова, за годы работ удалось получить данные об одной трети погребений на могильнике, остальные были разрушены действием водохранилища. Доказательством этому служит многочисленный подъемный материал, полученный во время проведения раскопок на памятнике и в годы мониторинга территории могильника. Несмотря на все трудности, был получен материал, позволяющий отнести Коминтерновский II могильник к числу уникальных погребальных памятников Среднего Поволжья эпохи Великого переселения народов.

На протяжении всего периода изучения Коминтерновского II могильника ведущим исследователем памятника был Е.П. Казаков. Евгений Петрович выступил не только автором археологических исследований и научных отчетов, но и концепции турбаслинско-именьковской общности, основанной на изучении биритуальных могильников и по-

селений второй половины VI – первой половины VII вв. н. э. в Среднем Поволжье. Обобщенные результаты первых исследований на могильнике опубликованы в нескольких статьях автора раскопок (Казаков, 1996; 1998; 2011). На текущий момент к публикации готова монография Е.П. Казакова, соединяющая в себе все данные, полученные при исследованиях Коминтерновского II могильника (Казаков, 2021). Некоторые уникальные находки и погребальные комплексы опубликованы в отдельных статьях Е.П. Казакова и других исследователей именьковской культуры (Казаков, 1991; 2013; Бугров, 2002; Газимзянов, Кравцова, 2007; Вязов, Петрова, Кондрашин, 2020).

В результате работ 1984–2009 годов на могильнике было вскрыто около 860 м² и изучено 84 погребения. Из них 50 погребений с кремированными останками в небольших и неглубоких ямах, 34 погребения – ингумации или кенотафы в глубоких ямах, предназначенных для совершения захоронения в полный рост.

В процессе исследования могильника было обнаружено два участка захоронений: восточный, где располагалась основная масса погребений (рис. 2: 2), и северо-западный, находящийся на удалении в 50 м, где известно только несколько ингумаций (рис. 2: 1). По восстановленной планиграфии могильника удалось установить, что

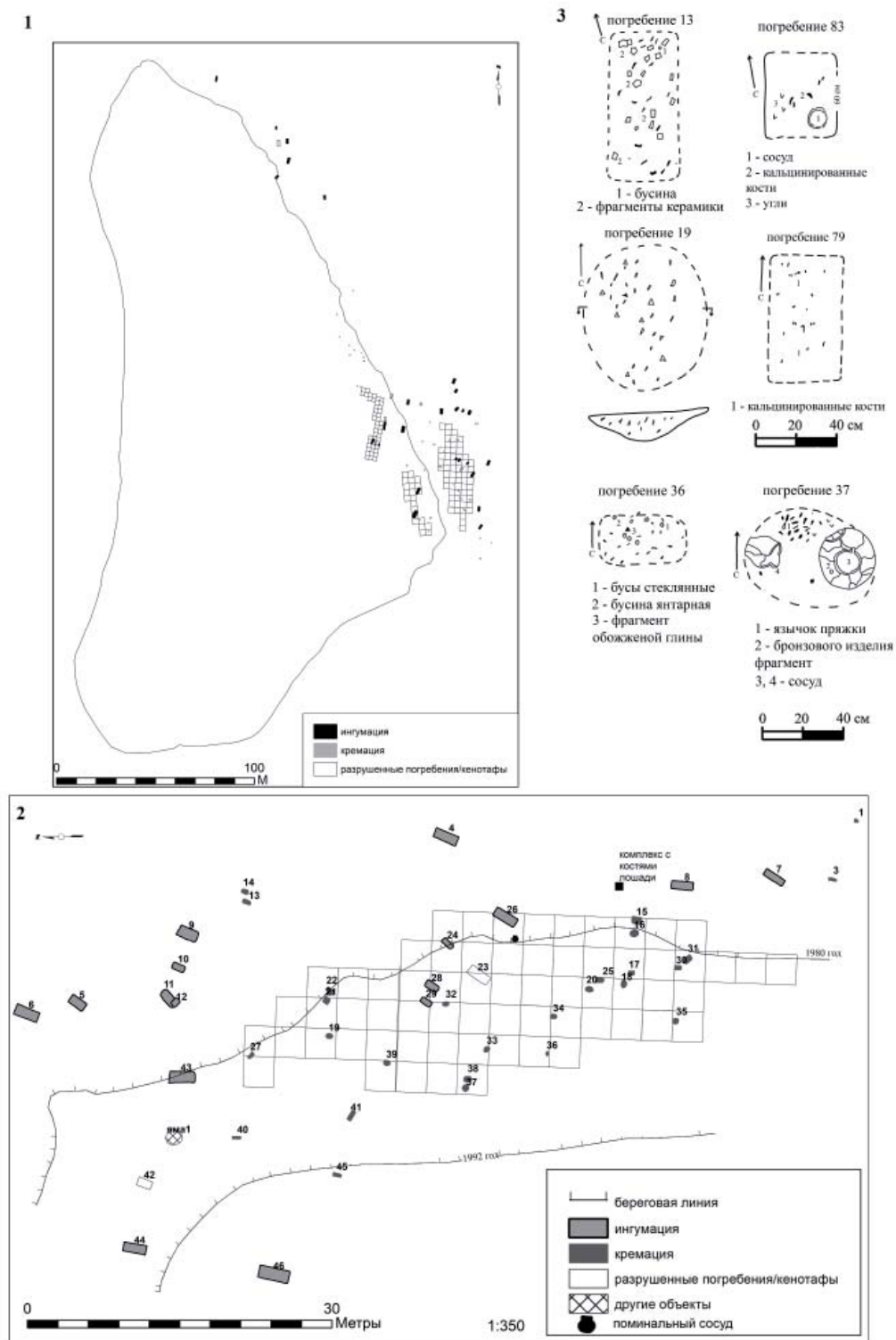

Рис. 2. Коминтерновский II могильник.

1 – общий план, 2 – план центральной части, 3 – некоторые погребения с кремациями

большинство погребений располагаются рядами, по всей видимости, вдоль края береговой линии и продолжают вглубь острова в этом порядке. Это наблюдение дополняет ориентировка большинства могильных ям – они вытянуты по линии север – юг, часть из них – с небольшим отклоне-

нием к северо-востоку. В расположении погребений с кремациями на плане могильника найти подобные закономерности сложнее, но учитывая, что они не нарушены и не разрушают погребения с ингумациями, не выделяют в обособленные группы, можно предположить, что и ингумации, и

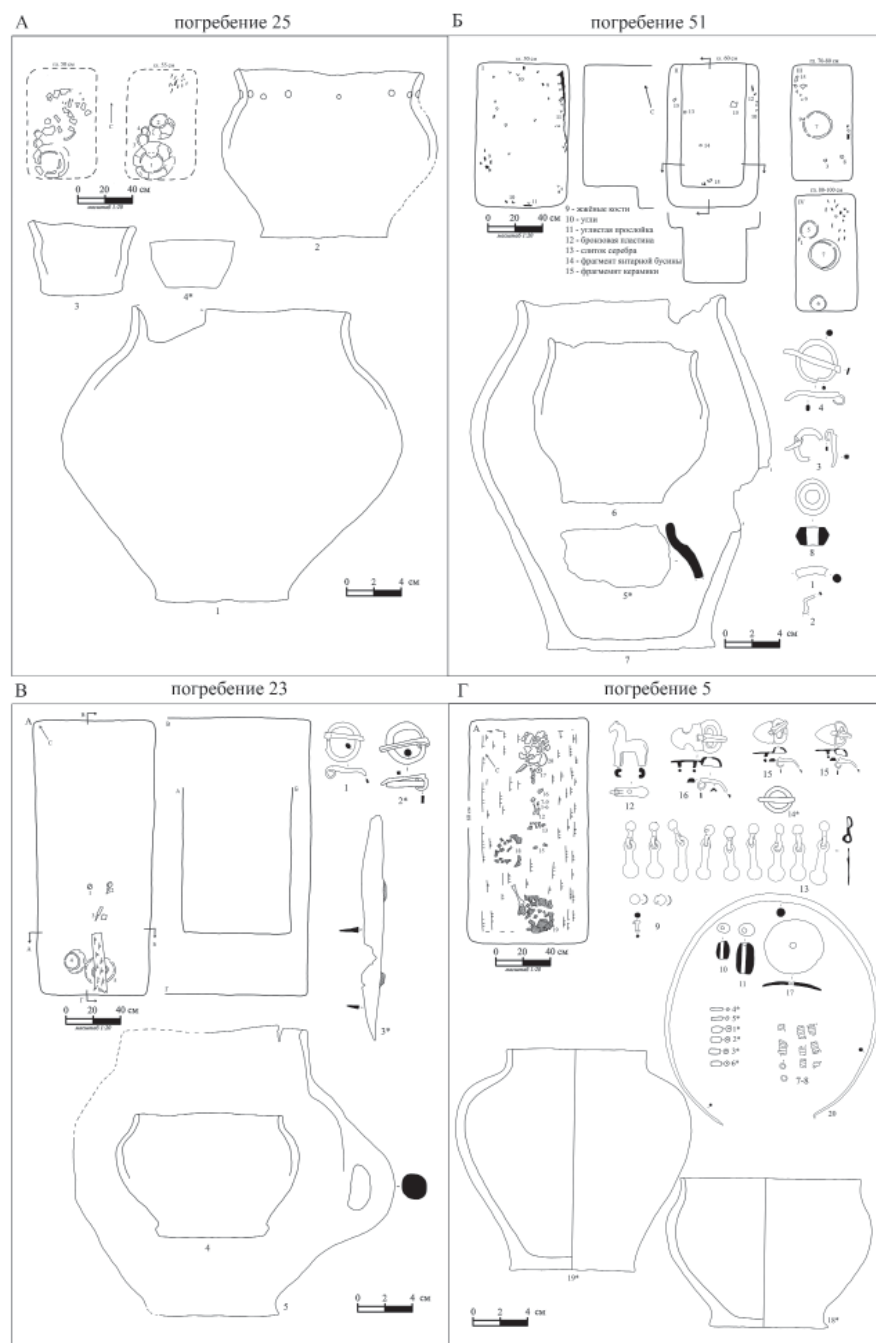

Рис. 3. Погребения Коминтерновского II могильника и погребальный инвентарь из них.

Совершенные по обряду кремации: **А – погр. 25:** 1–4 – лепные сосуды, 1–4 – глина. **Б – погр. 51:** 1 – фрагмент браслета, 2 – фрагмент изделия, 3, 4 – пряжки, 5–7 – лепные сосуды, 8 – пряслице. 1–4 – сплав цветных металлов, 5–8 – глина.

В – кенотаф, погр. 23: 1–2 – пряжки, 3 – нож, 4–5 – лепные сосуды. 1–2 – сплав цветных металлов, 3 – железо, 4–5 – глина.

Г – детское погребение, погр. 5: 1–6, 10–11 – бусы, 7, 8 – пронизи, 9 – фрагменты изделия, 12 – подвеска, 13 – накладки, 14–16 – пряжки, 17 – диск, 18–19 – лепные сосуды, 20 – шейная гривна. 1–6, 10–11, 17 – раковина, 7–9, 12–13, 15–16, 20 – сплав цветных металлов, 14 – железо, 18–19 – глина

кремации составляли единый погребальный ансамбль. Совершенные захоронения, как кремации, так и ингумации и кенотафы, предположительно имели некие опознавательные знаки на поверхности могильника. Имеется лишь единственный случай прорезания одной ямы погребения

другой – погребения 11 и 12, оба содержат ингумации.

Кроме погребений на площадке могильника, в слое, переходном от чернозема к суглинку, отмечены жертвенные комплексы: отдельные целые или разбитые сосуды, комплекс из черепа и костей

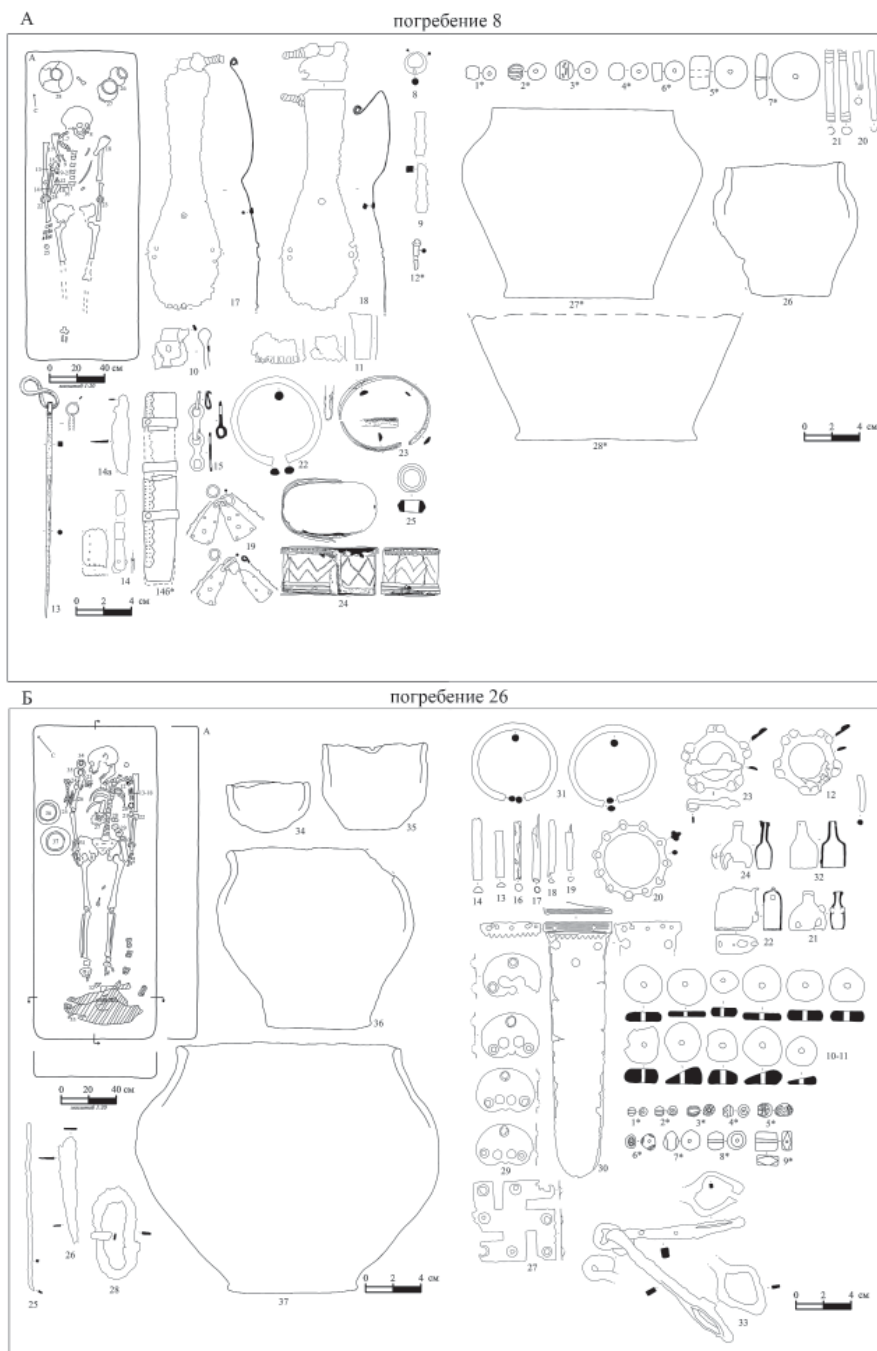

Рис. 4. Женские погребения Коминтерновского II могильника и погребальный инвентарь из них:

А – погр. 8: 1–7 – бусы, 8 – серьга, 9 – шила фрагменты, 10–12 – фрагменты изделия, 13 – булавка, 14, 14а, 14б – нож и фрагменты ножен, 15 – петля, 17–18 – фибулы, 19 – подвески, 20–21 – пронизи, 22–23 – браслеты, 24 – коробочка-булла, 25 – пряслице, 26–28 – лепные сосуды. 1–2, 9–11 – раковина, 1–4 – стекло, 5–7 – янтарь, 8, 10–13, 14, 14б, 15, 17–19, 20–21, 22–24 – сплав цветных металлов, 9, 14а – железо, 25, 26–28 – глина.
 Б – погр. 26: 1–11 – бусы, 13–19 – пронизи, 20–22, 24, 32 – подвески, 25 – шило, 26 – нож, 12, 23, 28 – пряжки, 27, 29 – накладки, 30 – наконечник ремня, 33 – удила, 34–37 – лепные сосуды. 1–8 – стекло, 9–11 – янтарь, 12–24, 27, 30–32 – сплав цветных металлов, 29 – сплав цветных металлов белого цвета, 25–26, 28, 33 – железо, 34–37 – глина

ног лошади. К подобному комплексу могла относиться и округлая в плане яма диаметром 200 см и глубиной 140 см.

Погребения с кремациями представлены захоронениями кремированных останков в ямах глубиной от 40 до 80 см подпрямоугольной или

овальной формы, размерами от 25×40 см до 80×105 см. Ориентированы могильные ямы по линии север – юг с небольшим отклонением на северо-северо-восток – юго-юго-запад. Ямы были впущены с почвенного слоя и зачастую не прослеживались. Конструкцию погребальных соору-

жений с кремациями удавалось зафиксировать в случае заглибления в подпочвенный суглинок. Большинство ям имело ровные стенки и плоское дно. Но встречаются и более сложные конструкции: расширение ямы к одному из концов, ступенчатое дно, где помещались крупные сосуды, боковые заплечики (рис. 3Б).

Кремация производилась на стороне, кремированные кости, по всей видимости, очищались от остатков костра, о чем говорят редкие находки фрагментов угля в погребениях. Кости могли располагаться на дне погребения компактно или занимать всю площадь дна погребальной ямы.

Часть погребального инвентаря присутствовала в погребальном костре и попадала в погребальное сооружение вместе с останками в виде небольших оплавленных фрагментов бронзы и серебра, пережженных костей животных. Термическому воздействию подвергался и другой инвентарь, но не столь прямому – для большинства стеклянных бус можно определить форму и цвет, некоторые изделия из бронзы и железа имеют только небольшие оплавленные участки. Также в погребениях присутствовали вещи, не подвергавшиеся действию погребального огня, – пряслица и керамические сосуды, накладка и кольцевая подвеска, встречены и сырые кости животных.

Наиболее массовой группой погребального инвентаря в кремациях Коминтерновского II могильника являются сосуды и их фрагменты (рис. 3А: 1–4, 3Б: 5–7). Количество сосудов в погребении варьирует от одного до четырех. Реже встречаются бусины, пряслица (рис. 3Б: 8), пряжки (рис. 3Б: 3–4), оплавленные бронзовые и железные изделия во фрагментах (рис. 3Б: 1–2). Среди погребений с кремациями присутствуют и полностью безинвентарные (рис. 2: 3 погр. 79).

Сосуды из погребений с кремациями представлены двумя основными группами, между которыми фиксируется несколько переходных форм. К первой группе можно отнести слабо профилированные горшковидные сосуды с грубо обработанной поверхностью и примесью крупного шамота в тесте (рис. 3Б: 6). Вторая группа сосудов – крупные, профилированные, с высокой цилиндрической шейкой, тонкостенные, с аккуратной заглаженной, иногда подлощенной поверхностью и с примесью песка в тесте (рис. 3А: 1). Из такого же теста изготовлены пряслица. Бусы представлены в основном шаровидными экземплярами из красного и синего стекла и одной таблетковидной янтарной. Пряжки с округлыми рамками и загнутым язычком (рис. 3Б: 3, 4) и круглая подвеска с наплывами, изготовленные из бронзы – все это характерные группы погребального инвентаря для могильников именьковской культуры.

Погребения с ингумациями Коминтерновского II могильника дают более богатый материал, в первую очередь ввиду их лучшей сохранности. Могильные ямы взрослых погребенных имели прямоугольную форму размерами от 80×185 см до 110×300 см и глубиной 120–200 см. Детские могилы подпрямоугольной формы, иногда ближе к квадратной, имели размеры от 50×80 см до 90×190 см при глубине 90–150 см. Большинство ям имели отвесные стенки и плоское дно, однако в ряде погребений были обнаружены подбой, камеры в стенах ямы, заплечики вдоль продольных стен, расширения в северной части. Такие конструкции чаще всего служили нишами для погребального инвентаря или комплексов с черепами и конечностями лошадей (рис. 3Г; 4Б; 5 III, 5 V).

В погребениях зафиксированы следы древесных или берестяных подстилок. Над погребенным укладывался настил из деревянных плах, иногда фиксируемый в средней части погребения. В одном из захоронений деревянная конструкция была обуглена.

Погребенные расположены вытянуто на спине, головой на север, иногда с отклонением к востоку, руки вытянуты вдоль туловища. Среди ингумаций на могильнике присутствуют женские, мужские и детские захоронения. В двух погребениях антропологами выявлены следы искусственной деформации черепов.

Набор инвентаря в погребениях определялся половой принадлежностью погребенного. Женские погребения содержали богатый погребальный инвентарь: погребальные сосуды (рис. 4А: 26–38; 4Б: 34–37), детали одежды (рис. 4А: 17–18; 4Б: 12, 23, 28), украшения (рис. 4А: 1–7, 8, 13, 15, 19, 20–23; 4Б: 1–11, 13–19, 20–22, 24, 32), поясную гарнитуру (рис. 4Б: 27, 29–30), орудия труда (рис. 4А: 14, 25; 4Б: 26), конскую упряжь (рис. 4А: 26–38; 4Б: 33). Мужские погребения в основной массе характеризуются менее разнообразными типами инвентаря, основными были сосуды (рис. 5 I: 13–15; 5 V: 1), поясные наборы (рис. 5 I: 1–10; 5 III: 1; 5 IV: 1), орудия труда (рис. 5 IV: 2), оружие и конская упряжь (рис. 5 I: 12; 5 V: 3–5). Черепа и кости ног лошадей встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях (рис. 3Г; рис. 4Б; рис. 5 III, 5 V). В погребениях присутствуют и фрагменты туш крупного и мелкого рогатого скота. В детских погребениях наиболее распространенным инвентарем являются сосуды, украшения – бусы, шейные гривны, привески и амулеты (рис. 3Г). Погребальный инвентарь располагался в порядке ношения при жизни. Сосуды и мясные подношения располагались чаще всего в голове погребенного, но иногда, как и шкуры лошадей,

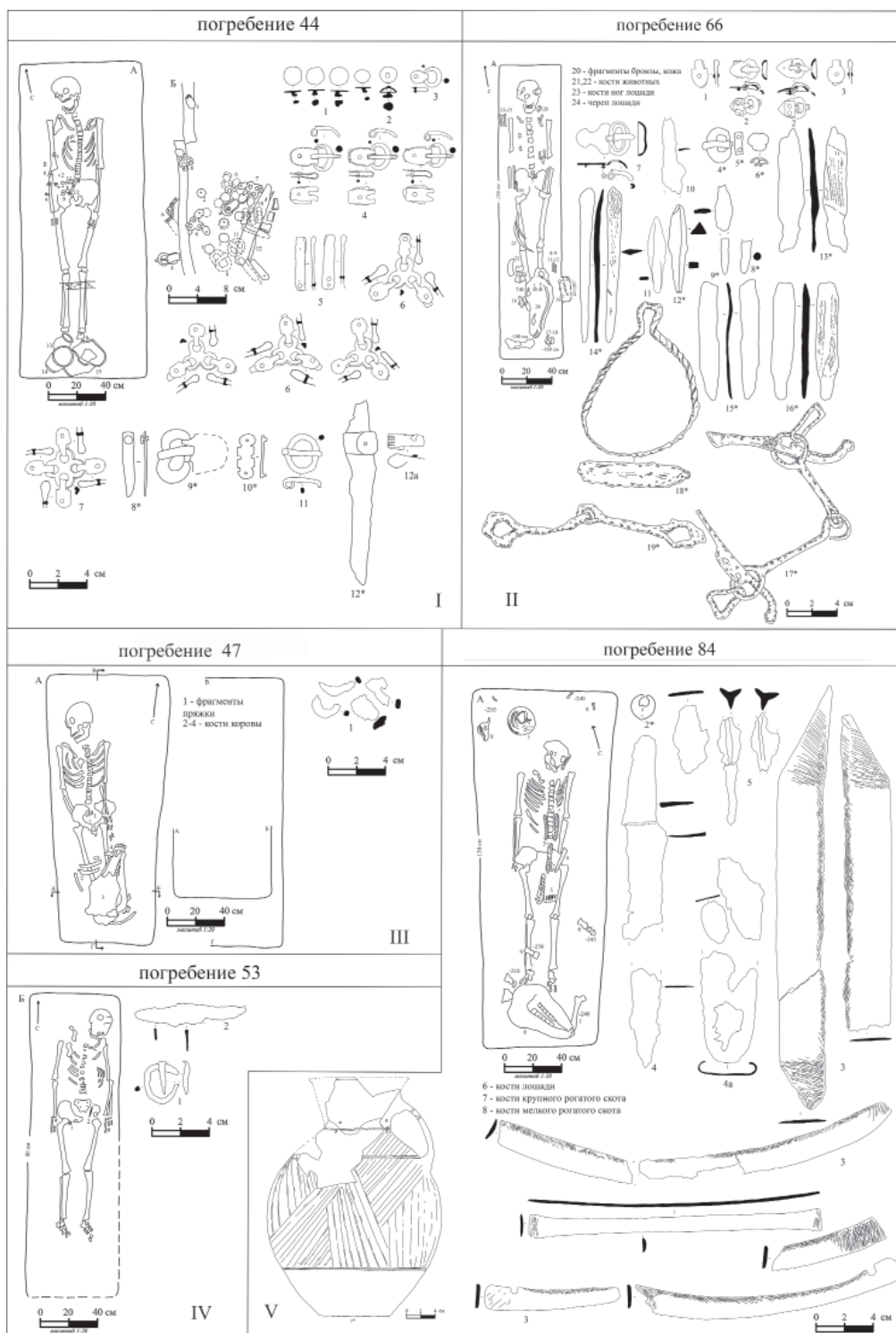

Рис. 5. Мужские погребения Коминтерновского II могильника и погребальный инвентарь из них.
 I – погр. 44: 1–2, 10 – накладки, 3 – кольцо с обоймой, 4, 9, 11 – пряжки, 5, 8 – обоймы, 6–7 – соединительные кольца, 12, 12а – нож с обоймой, 13–15 – лепные сосуды. 1–10 – сплав цветных металлов, 11 – железо, 12, 12а – сплав цветных металлов и железо, 13–15 – глина.
 II – погр. 66. А – план погребения 66; 1, 3 – обоймы, 2, 4–5, 7 – пряжки, 6 – накладка, 8–9, 11–12 – наконечники стрел, 10 – фрагмент ножа, 13–16 – изделия (накладки на лук?), 17, 19 – удила, 18 – стремя. 1–7 – сплав цветных металлов, 8–10, 17–19 – железо, 11–16 – кость
 III – погр. 47: 1 – пряжки фрагменты. 1 – железо;
 IV – погр. 53: 1 – пряжка, 2 – нож. 1, 2 – железо.
 V – погр. 84. 1 – кувшин, 2 – серьга, 3 – накладки на лук, 4 – кинжал, 4а – фрагменты ножен кинжала, 5 – наконечники стрел. 1 – глина, 2 – сплав цветных металлов с позолотой, 3 – кость, 4–5 – железо.

находились в специальных углублениях в ногах погребенного.

Отдельной формой погребальной обрядности населения, оставившего Коминтерновский II могильник являются кенотафы. Ямы кенотафов устроены по тем же принципам, что и ямы для ингумаций, но зачастую чуть меньших размеров в длину и ширину. Большинство из этих ям пустые, только в двух зафиксированы конструкции погребального сооружения и инвентарь. Наборы инвентаря в кенотафах соответствуют известным в погребениях с ингумациями и имеют схожие места расположения в могильных ямах (рис. 3В).

Погребальные сосуды в захоронениях с ингумациями представлены теми же формами, что и в кремациях. Исключения составляют чашевидный сосуд, лепной горшок с боковой ручкой (рис. 3В: 5) и круговой одноручный кувшин (рис. 5 V: 1). Наряду с целыми сосудами в погребениях с ингумациями встречаются и отдельные фрагменты. Еще одним исключением среди погребальной посуды служит кубок из синего стекла (Казаков, 2021, стр. 85).

Орудия труда в погребальном инвентаре представлены пряслицами, наборами для огнива, проколками, бытовыми ножами и ножнами к ним, бронзовыми коробочками, в одной из которых найден костяной гребень. Среди оружия дальнего боя можно отметить луки и стрелы – в погребениях были обнаружены накладки на лук и железные и костяные наконечники стрел (рис. 5 V: 3, 5). Оружие ближнего боя представлено боевыми ножами-кинжалами в ножнах (рис. 5 I: 12; 5 V: 4, 4а). Элементы конской упряжи представлены удилами, пряжками и накладками на ремни, обкладками на луку седла. Единичной является находка миниатюрного стремени.

Мужские поясные наборы представлены простым ремнем с одной крупной пряжкой либо полными поясными наборами двух типов: с бронзовыми трех- и четырехчастными распределителями и мелкими пряжками (рис. 5 I: 3–4, 6–7) или с штампованными пряжками из тонкого белого металла и предгеральдическими накладками с округлыми выступами и вдавлениями по щитку.

Различные типы украшений и элементов костюма представлены в женских и детских погребениях. В первую очередь обращают на себя внимание два уникальных типа парных фибул: со щитком лопатообразной формы с вдавлениями по краю (рис. 4А: 17–18) и с пластинчатым подпрямоугольным щитком с вырезами по краям. К последней крепились пластинчатые подквадратные подвески с полушарными выемками (Казаков, 2021, стр. 82, 86). Необычным явлением стали и круглые застежки с парными выступами по краю,

которые редко встречаются в паре (рис. 4Б: 12, 23). В детском костюме роль фибул, по всей видимости, выполняли сюльгамы из округлого дрота с загнутыми концами. В женских погребениях встречены и длинные булавки с восьмерковидной подвеской, иглы некоторых орнаментированы насечками (рис. 4А: 13).

Серьги представлены тремя типами: в виде обычного колечка из тонкого круглого дрота, более массивные, парные, в виде кольца с 14-гранником (Казаков, 2021, стр. 82) и одна миниатюрная лунницевидная серьга, найденная в мужском погребении (рис. 5 V: 2).

Гривны представлены несколькими типами: простые из круглого дрота с отрубленными или острыми концами (рис. 3Г: 20), из круглого дрота с застежкой в виде колечка с одной стороны и загнутая, либо с 14-гранником с другой и плоская с загнутыми концами. Браслеты простые круглодротовые с отрубленными чуть расширяющимися концами (рис. 4А: 22, 4Б: 31) или из полоски бронзы (рис. 4А: 23). Кроме того, известен один перстень из детского погребения, изготовленный из узкой полосы бронзы.

В женских и детских погребениях встречено большое количество разнообразных подвесок. Наиболее распространенные типы – бутыльчатые и пирамидальные, кольцевые с наплывами, а также зооморфного облика, имитирующие лошадей, уток и медведей (рис. 3Г: 12, рис. 4Б: 20–22, 24, 32). В единичном экземпляре представлена антропоморфная подвеска. Крепились они или на кожаных ремешках, украшенных спиралевидными и трубчатыми пронизьями и коралловыми или каменными бусами, или на бронзовых цепочках (рис. 4А: 20–21, 4Б: 13–19).

Отдельную массовую категорию украшений в ряде женских и детских погребений составляют бусы. Количество бус в одном погребении может достигать 158 экземпляров. Основная масса этой группы украшений представлена стеклянными бусами, среди которых встречаются: шаровидные красного, синего и голубого цвета, черные с белой полосой, глазчатые с ресничками и мозаичные преимущественно в красно-бело-черно-желтом и сине-желто-красно-зеленом цвете, глазчатые со слоисто-щитковыми глазками, таблетковидные желтые и прозрачные, эллипсоидные в черно-белую полосу, биконические разноцветные, массивные цилиндрические мозаичные из разноцветного стекла, 14-гранные из синего стекла (рис. 3Г: 1–6, 10–11, 17, рис. 4А: 1–7, 4Б: 1–11).

В большом количестве найдены бусы из коралла и раковины. Бусы из раковины крупные и средние по размеру, шаровидной, бочонковидной и линзовидной форм (рис. 3Г: 10–11, 17). Отдель-

ным типом можно выделить подвески из раковин каури. Из коралла изготавливались плоские подпрямоугольные бусы, крупные треугольные подвески, встречаются и практически необработанные фрагменты коралла с отверстием для шнура.

Отличительной особенностью Коминтерновского II могильника стало наличие большого количества янтарных бус в погребениях с ингумациями. Нигде в ареале именьковской культуры нет столь большого количества подобных украшений. Янтарные бусы представлены зонными, цилиндрическими и дисковидными бусами симметричных форм и неровно огаженными. Бусы встречены различных размеров: от очень крупных (в диаметре до 4 см) до средних экземпляров (около 1 см в диаметре) (рис. 4Б: 10–11). Редкими экземплярами представлены бусы из халцедона: бочонковидные среднего и крупного размера и одна дисковидная очень крупная.

Женские поясные наборы представлены уникальными по форме и материалу изделиями. Они состояли из пряжки, свастикообразной накладки, крепившийся к поясу со стороны спины, накладка двух типов – подовальных с двумя круглыми отверстиями и треугольным выступом и ромбовидных с округлыми окончаниями, которые крепились двумя разными способами: маленьким штифтом в районе выпуклой части щитка или на крупных заклепках с полусферической головкой. Ремень завершал массивный бронзовый двупластинчатый коробчатый наконечник ремня (рис. 4Б: 27, 29–30). В детских погребениях в районе пояса чаще всего встречаются только пряжки с округлой рамкой и подвижным подпрямоугольным щитком или цельнолитым подтреугольным щитком (рис. 3Г: 14–16).

Погребальный обряд и состав погребального инвентаря погребений с ингумациями находят аналогии в памятниках турбаслинской культуры Приуралья. Превалирующей же погребальный обряд именьковской культуры, связанный с кремированием умерших, стал одной из причин дискуссии о возможности ее западного происхождения. Наличие на Коминтерновском II могильнике двух различных обрядов может свидетельствовать об этнокультурных контактах оседлого населения именьковской культуры с носителями кочевых традиций с восточными истоками, по мнению Е.П. Казакова, сарматами эпохи тюркских каганатов.

Время существования могильника определяется Е.П. Казаковым со второй половины VI в. до начала первой половины VII в. Значительная работа Е.П. Казакова по поиску аналогий изделиям, встреченным в захоронениях, привела к выявлению этнокультурных связей именьковско-турбас-

линского населения, оставившего Коминтерновский II могильник, с населением джетыясарской культуры в Приаралье, аланским населением Северного Кавказа, финноязычным населением Прикамья и Поветлужья (Казаков, 2021, с. 36–38).

Открытие и всестороннее изучение Коминтерновского II могильника, а также выявление новых памятников «коминтерновского» типа привело к получению богатых источников, характеризующих этнокультурную ситуацию в эпоху Великого переселения народов.

Новославский II могильник

Новославский II могильник расположен в западной оконечности Спасского острова (или о. Старый город) в Спасском районе Республики Татарстан. Западная оконечность острова представляет собой узкую, шириной около 100 м и длиной около 400 м, покрытую камышом косу. Площадка косы относительно ровная, плавно повышается на восток. Высота косы при «низкой» воде до 1,5 м над уровнем воды, она полностью поросла камышом. По высокой воде могильник полностью затапливается (Валиев, 2016, с. 83).

До образования Куйбышевского водохранилища данная территория представляла собой участок поймы между овражно-балочной системой левого берега рч. Сухой Бездны и правым берегом истока рч. Ржавец Безымьянный (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1209). После образования Куйбышевского водохранилища в 1955–1957 гг. данный участок превратился в остров.

Могильник выявлен в 2015 г. по распространению вдоль северного и западного побережья косы большого количества переотложенных человеческих костей и подъемного материала. Там же на фоне рыже-коричневой материковой глины фиксировались 14 ям, одна из которых (яма 10) была выбрана, в результате чего выяснилось, что она является погребением 1 (Валиев, 2018). Вследствие того, что работы на могильнике связаны с уровнем водохранилища, следующие исследования некрополя проводились в 2018–2019 и 2021 гг. после значительного спада уровня воды. В общей сложности на памятнике расчищено 18 погребений.

Могильник вытянут с северо-запада на юго-восток на 170 м, и, несмотря на относительную разреженность погребений, прослеживается их расположение как бы по рядам и группам: пп. 13, 14, 16 образуют северный ряд, остальные (кроме пп. 3 и 15) – южный, при этом пп. 4, 5, 6, 7 обособляются в группу (рис. 6).

Из исследованных 18 погребений одно погребение является кенотафом, остальные совершены по обряду ингумации; два из них (пп. 9 и 16) подвер-

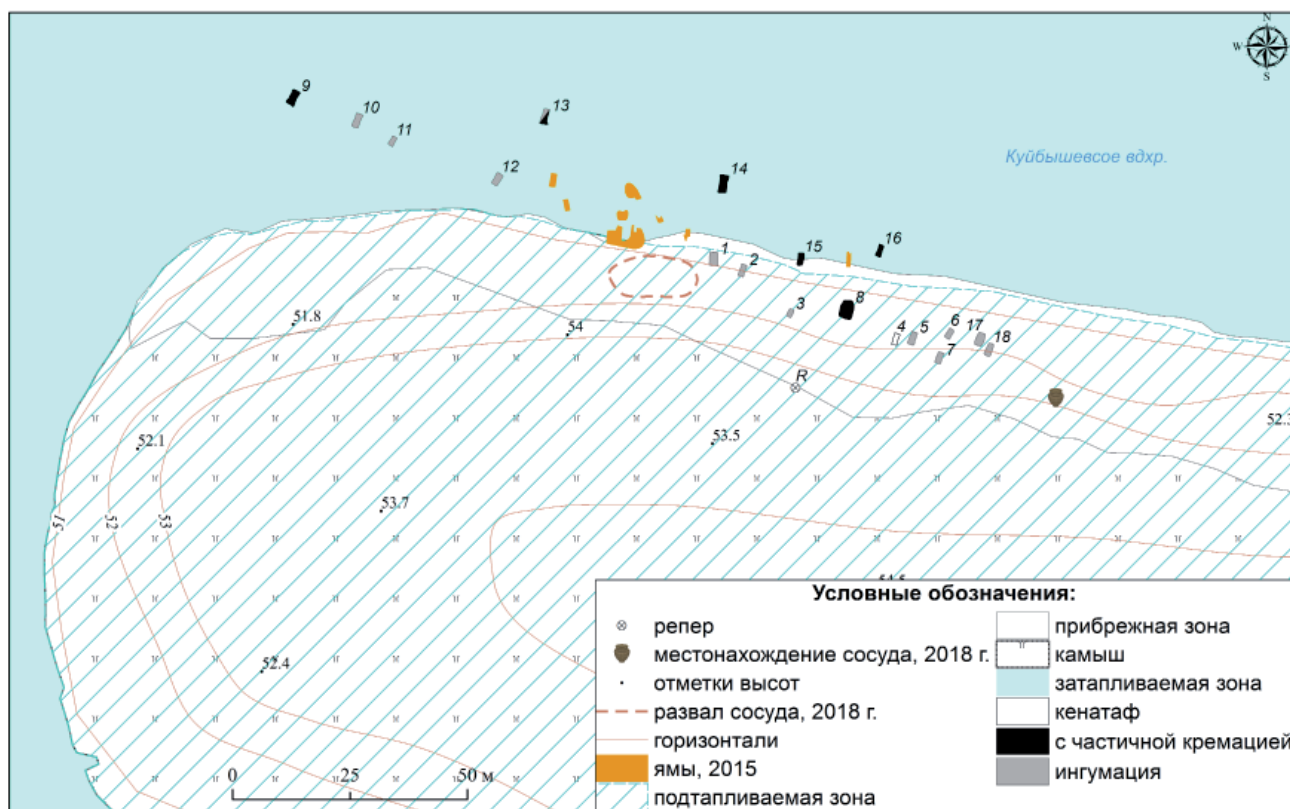

Рис. 6. Новославский II могильник. Топографический план

гались частичной кремации на месте, о чем свидетельствуют обгорелые кости. Следы воздействия огня прослежены на позвонках, крестце, лопатках мужского костяка п. 13, на тазовых и других костях пп. 8, 14 и 15 (рис. 6). Из 17 труположений два – детские (пп. 3 и 15), пять – женские (пп. 1, 5, 9, 11, 16 и индивид «Б» п. 13), восемь – мужские (пп. 2, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 17 и индивид «А» п. 13); у одного костяка (п. 18), вследствие небольшого числа костей и их фрагментарности, половую принадлежность определить не удалось¹.

Могильные ямы погребений в плане имеют в основном подпрямоугольную, иногда трапециевидную форму, вытянутую длинной стороной по линии север – юг, иногда с некоторым отклонением (рис. 7: 1–4). Углы семи из них (пп. 1, 4, 5, 6, 9, 10, 17) оформлены в виде округлых выступов, что, скорее всего, свидетельствует о наличии в погребении какой-либо конструкции типа дощатого(?) короба. Следы от деревянных коробов в виде полос древесного тлена или канавок, образующих на дне могильных ям прямоугольник, прослежены в пп. 11 и 12. О наличии короба также могут свидетельствовать едва уловимые различия в заполнении могильных ям и компактное расположение

костей ног и черепа коня между предполагаемым коробом и стенками погребений.

Длина могильной ямы детского захоронения 185–195 см, ширина 90–115 см. Размеры могильных ям взрослых в основном следующие: длина 222–273 см, ширина по центру составляет 105–134 см, к северной и южной стенкам расширяется до 115–155 см. Однако встречаются ямы длиной до 348 см, шириной до 180–194 см. Большинство могильных ям имеют вертикальные стенки и ровное плоское дно. Сохранившаяся глубина их составляет от 2–5 см до 116 см от современной поверхности. Дневной уровень погребений не определим.

Из общего числа исследованных погребений и зафиксированных на размыве ям своими размерами выделяется погребение 8. Оно подпрямоугольной формы, длинной стороной ориентировано по оси север – юг с отклонением на запад. Неровности краев в северо-восточной части ямы образовались в результате грабительского вкопа. Длина могильной ямы на уровне выявления составила 402 см, ширина в северной части – 237 см, по центру 292–298 см, в южной части – 260 см. В процессе выборки яма сужалась и на уровне дна составила 355×222 см. Стенки могильной ямы скошенные, ко дну переходящие в отвесные. Дно ровное плоское, незначительно понижается к северу. Сохранившаяся глубина ямы составила не менее 110 см.

¹ Половозрастное определение костяков осуществили к.и.н. И.Р. Газимзянов, Е.В. Волкова (с.н.с. ИА АН РТ) и Е.М. Макарова (н.с. ИМОИВ КФУ), за что выражаю им глубокую признательность.

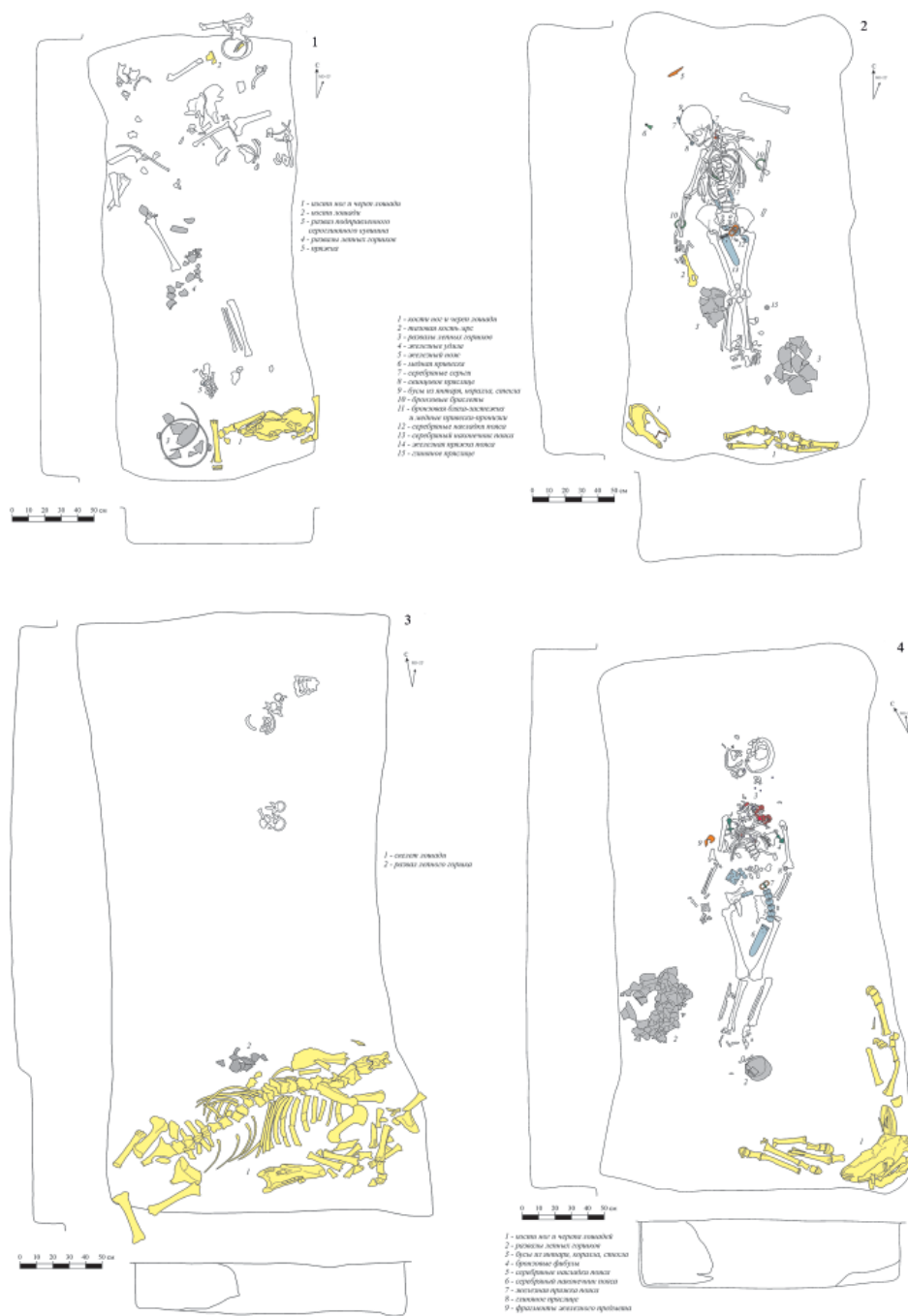

Рис. 7. Новославский II могильник. Планы и разрезы погребений.
1 – п.2, 2 – п.5, 3 – п.14, 4 – п.9

Заполнение погребений состояло из темно-серой супеси (чернозема), как с включениями большого количества рыжего суглинка, так и без включений, или наоборот, рыжего суглинка с включениями большого количества темно-серой супеси. Как правило, в погребениях с заполнением из рыжего суглинка с включениями темно-серой супеси костяк находился в неповрежденном состоянии, и, наоборот, в погребениях с четкими пятнами темно-серой супеси костяк оказывался полностью разрушенным. На могильнике из 15 погребений с труположением 9 оказались по-

тревоженными (пп. 2, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 17 и 18) (рис. 7: 1, 3).

Из девяти погребений с потревоженными костяками семь захоронений мужские, одно подростковое, у одного половую принадлежность определить не удалось. Необходимо отметить, что наличие в погребении 13 разрушенных костяков двух индивидов – мужчины и женщины – объясняется, по-видимому, переработкой могильника водохранилищем, в результате чего женский костяк попал в погребение 13 случайно из другого размытого погребения.

В трех из вышеуказанных девяти разрушенных погребений (пп. 8, 13 и 15) на костях имеются следы воздействия огня, в остальных захоронениях подобные следы не прослежены.

Погребения с потревоженными костяками, скорее всего, являются свидетельством ограбления могил, хотя не исключено, что в указанных погребениях костяки разрушались с целью обезвреживания умершего. Именно с целью ограбления совершены разрушения в могильниках джетысарской культуры (Левина, 1996, с. 205–206), синхронных Новославскому II могильнику, а также версия ограбления считается наиболее предпочтительной для разрушенных сарматских курганов (Яценко, 2013, с. 26). Тем не менее даже имеющаяся ограниченная выборка позволяет с осторожностью отметить тенденцию к разрушению лишь мужских костяков. При этом ограбление или обряд обезвреживания связаны с социальным статусом погребенного и применялись к захоронениям взрослых мужчин с высоким социальным статусом (вероятно, с богатым погребальным инвентарем), т. к. на могильнике отмечены два неразграбленных (или обезвреженных) мужских погребения с «бедным» инвентарем, включавшим лишь по два лепных горшка и в одном случае нож. Разграбленных (или обезвреженных) женских погребений пока не обнаружено.

В непогребенных погребениях (пп. 1, 3, 5–7, 9, 11, 16) костяки лежали на дне в центре могильных ям, вытянуто на спине, головой на север, ноги сомкнуты или сходились стопами (иногда и коленями), руки вдоль тела. Черепа в основном раздавлены засыпанным грунтом погребения или перемещены водохранилищем, в сохранившихся случаях лицом обращены на юг – юго-восток или юг – юго-запад. Отдельные кости погребенных смещены землеройными животными (рис. 7: 2, 4).

Погребенные сопровождалась жертвенной пищей, о чем свидетельствуют кости животных, положенные у ног или на ногах покойных, и лепные горшки, поставленные к северу, югу, западу и юго-востоку от погребенного. Остатки животной пищи представлены мясными частями туши свиньи, крупного и мелкого рогатого скота. Из погребения 15, кроме ребер КРС, происходят нижние челюсти КРС и МРС. В некоторых могилах обнаружены зубы и мелкие кости лошадей, однако сохранность погребений не позволяет достоверно установить их назначение².

Яркой особенностью погребального обряда могильника является наличие в ногах погребенного

у южной стенки могильной ямы костей ног и черепа лошади (рис. 7: 1–2, 4). Из 18 погребений они встречены в двенадцати (пп. 1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 17), возможно и в большем количестве случаев, т. к., например, погребение 11 оказалось практически полностью размытым водохранилищем. В половозрастном плане это шесть мужских, четыре женских погребения и кенотаф (п. 4). В детских (пп. 3 и 15) и двух мужских погребениях с «бедным» инвентарем (пп. 6 и 7) кости лошадей отсутствуют.

Кости ног лошади укладывались вертикально (вероятно, связанные) или горизонтально вдоль южной (реже – и восточной) стенки ямы. Рядом или чаще поверх них вдоль южной стенки укладывался череп лошади. Черепа располагались как в перевернутом положении (черепной крышкой вниз), так и черепной крышкой вверх, резцовой частью ориентированы как на восток, так и на запад, в одном случае на юг. Некоторые погребения содержали кости ног и черепа от нескольких лошадей: в п. 8 – по две, в пп. 9 и 13 – три особи. Кости ног и черепа лошади присутствуют как в потревоженных, так и в непогребенных погребениях, как с частичной кремацией, так и без. Иногда в зубах черепов лошадей встречаются железные двухзвенные удила.

В потревоженном погребении 14 в южной части могильной ямы на невысокой ступени дна располагалась целый скелет коня. Костяк жеребца ориентирован головой на восток, при этом голова положена отдельно к югу от костяка, т. к. длина туши превышала ширину могильной ямы (197 см). Передняя часть туши положена на бок, задняя – на животе с подогнутыми ногами (рис. 7: 4). Погребения с целой тушей лошади известны на синхронном Безводнинском могильнике, появление их относят ко второй стадии развития данного памятника, т. е. к VI в. (Краснов, 1980, с. 35, 37).

Сопоставление половой принадлежности погребенных и захороненных с ними лошадей показало, что в женских захоронениях с останками лошадей во всех представлены кобылы, в мужских – жеребцы. Это справедливо и для погребений, содержащих останки нескольких животных, исключением является женское погребение 9 с тремя останками лошадей, где один принадлежит жеребцу (Валиев, Асылгараева, 2020, т. II, с. 146). Для совершения ритуального захоронения использовались в основном лошади от 5 до 10 лет (6 особей) и старше 10 лет (6 особей), меньше всего до 5 лет (3 особи).

Керамический комплекс могильника насчитывает 31 целую форму и 7 реконструируемых развалов сосудов. По составу формовочных масс и технике изготовления их можно распреде-

² Определение костей животных провела канд. вет. наук Г.Ш. Асылгараева (с.н.с. Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ), за что автор выражает ей огромную благодарность.

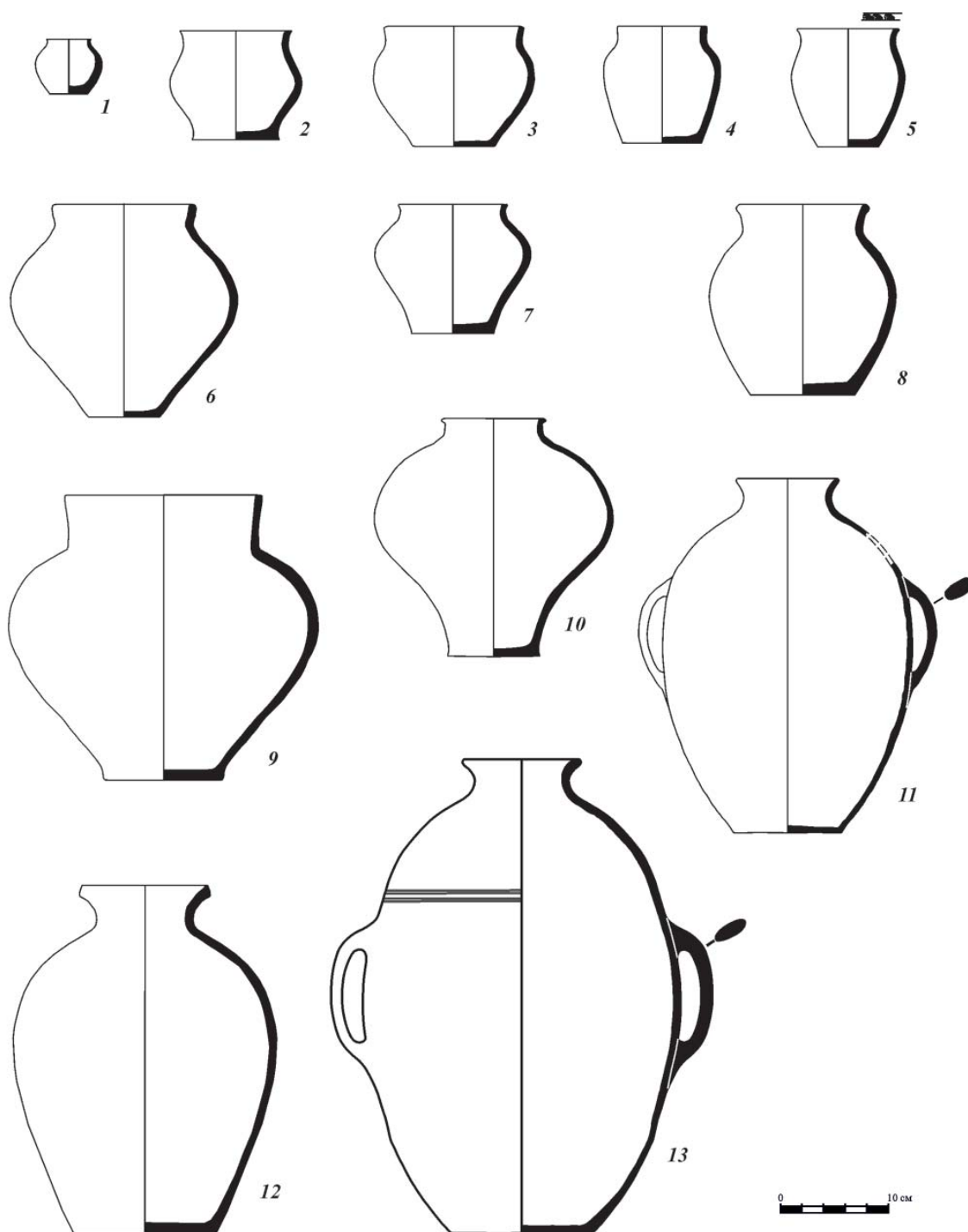

Рис. 8. Новославский II могильник. Керамические сосуды.
1, 7 – п.6; 2 – п.5; 3, 9 – п.1; 4, 10 – п.4; 5, 11 – п.2; 6 – п.16; 8 – п.7; 12 – п.13; 13 – п.15

лить на четыре группы, в которых по морфологическим характеристикам и соотношению пропорций сосудов выделяется несколько типов (методика И.П. Русановой (Русанова, 1976)). Сосуды первой группы – плоскодонные лепные горшки от коричневого до серого цвета, выполнены из ожелезненной запесоченной глины с примесью среднего и крупного шамота и органики. Выделяются горшки баночной формы и с реповидным туловом (рис. 8:

1–5, 7–8). Требуется более детальное рассмотрение данной группы, т. к. в ней вместе с типичной именьковской керамикой (Старостин, 1967, с. 18–20) оказались сосуды, не характерные для именьковской культуры. Вторая группа представлена плоскодонными лепными сосудами темно-серого цвета из ожелезненной запесоченной глины с примесью мелкого и среднего шамота и органики, заглаживание поверхности которых, возможно, про-

исходило с помощью круга (рис. 8: 6, 10). Вторая группа керамики находит аналогии в Кушнаренковском могильнике (Генинг, 1977, с. 112, рис. 9: 37–38). Третья группа характеризуется плоскодонными лепными сосудами серого или коричневого цвета из ожелезненной запесоченной глины с примесью среднего и крупного шамота (до 4 мм), со следами заглаживания с помощью круга. Поверхность бугристая из-за включений шамота (рис. 8: 9). Они находят аналогии среди погребального инвентаря в пп. 16 и 28 Кушнаренковского (Генинг, 1977, с. 112, рис. 7: 6; 9: 40), кургана № 26 Новотурбаслинского (Мажитов, 1959, с. 138, табл. III: 4) и других могильников, относимых турбаслинской культуре V–VII вв. (Сунгатов, 1998). Четвертая группа – импортная подправленная на круге посуда вытянутых пропорций, в которой выделяется два типа сосудов. Первый – кувшины или корчаги с двумя вертикальными ручками и тонким вертикальным лощением по тулову (рис. 8: 11, 13). Один сосуд сероглиняный, второй красно-коричневого цвета. Аналогичные по форме двуручные сосуды происходят из Каракабака – городского памятника III–V вв. в Арало-Каспийском регионе (Астафьев, Богданов, 2019, с. 24, рис. 9: 4), памятников джетыасарской культуры (Левина, 1996, с. 191, рис. 73). Схожие сероглиняные двуручные кувшины с высоким слегка расширяющимся горлом, вытянутым сфероконическим туловом, к середине которого крепятся массивные круглые в сечении ручки, производились на раннеаланских памятниках во Владикавказской равнине и прилегающих территориях в II–IV вв. (Гугуев и др., 2007, с. 438–439, рис. 4: 1; 5: 2; 6). Второй тип представлен кувшинообразным сосудом с яйцевидным туловом и раструбообразной горловиной (рис. 8: 12). Наиболее близкая аналогия находится в погребальных комплексах джетыасарской культуры в Восточном Приаралье, и, по мнению Л.М. Левиной, они не являются характерными для керамического комплекса данной культуры (Левина, 1996, с. 194, рис. 83).

Прочий вещевой инвентарь погребений представлен предметами быта, украшениями, деталями костюма, конским снаряжением. Вследствие того, что женские захоронения могильника не подвергались разграблению в древности, они отличаются богатством и разнообразием и содержат бусы и подвески, серьги, булавку, фибулы, привески, пронизки, браслеты, поясной набор, а также ножи и пряслица.

Наиболее многочисленными предметами украшений являются бусы. С погребений могильника происходит 94 бусины, при этом большая их часть обнаружена в двух погребениях (пп. 9 и 16). Бусы изготовлены из янтаря (62 экз.), коралла (79 экз.),

сердолика (1 экз.) стекла (24 экз.) и раковины каури (1 экз.). Янтарные бусы по форме дисковидные, цилиндрические, усеченно-конусовидные, сегментовидные, диаметром от 0,7 см до 3,3 см, шириной 0,4–1,8 см, нередко неровно ограненные, асимметричные (рис. 9: 21–26). Сердоликовая бусина шаровидной формы оранжево-красного цвета диаметром 0,8 см (рис. 9: 20). Бусы, выполненные из веток коралла, как правило, неровной подцилиндрической формы (диаметр 0,25–0,95 см, ширина от 0,4 см до 1,4 см) или параллелепипеда и уплощенного параллелепипеда, длиной 0,85–1,9 см и шириной 0,2–0,9 см (рис. 9: 1–8). Среди стеклянных бус встречены цилиндрическая бирюзовая, изготовленная из однослойных тянутых палочек (рис. 9: 15), бочонкообразная черная непрозрачная, изготовленная из трубочки, способом навивки (рис. 9: 11), бочонкообразные и граненые синие полупрозрачные, изготовленные путем сгибания полосы (рис. 9: 14, 16–17), зонные прозрачные со слабым оливковым оттенком, изготовленные из трубочки (рис. 9: 12), бочонкообразные золотостеклянные (рис. 9: 13), бочонкообразные глазчатые (рис. 9: 18–19) и т. д.

В ожерельях сочетались бусы из различных материалов, и в непогребенных водохранилищем захоронениях они располагались в районе шеи и груди погребенных: в п. 9 встречено 80 бус, в п. 16 – 51 бусина. В детском п. 3 под раздавленным черепом обнаружена всего одна бусина и раковина каури (рис. 9: 9–10), возможно, они были вплетены в волосы.

Ближайший подобный комплекс бус происходит с Коминтерновского II могильника, датированного второй половиной VI в. (Казаков, 1998, с. 103–104), а также синхронных ему могильников Уфимско-Бельского междуречья (Русланова, 2018, с. 41–43, рис. 26: I.1Г2а; 27: I.2А5в3; 30: 4; 31: V.1А1; 32: VI.1А1а, VI.1Б1б, VI.1Б7, VI.1Б8а, VI.1Б1), памятников неволинской культуры (Голдина, 2010, с. 28, 29, 32, 39, 43, рис. 21: IВ8, IIА2; 22: IVA63; 26: VIA3; 28: XА2, XА3).

Серьги могильника двух типов: калачиковидные кольцевые и гроздевидные с трехбусинными выпуклинами. Кольцевые серьги изготовлены из серебра и меди в виде несомкнутого кольца или овала, сужающегося к концам, с валиком по центру и без него. Концы сходятся или чуть заходят друг за друга (рис. 9: 28–30). Аналогии им из цветных или драгоценных металлов распространены от Центральной Азии до Португалии и от Ближнего Востока до Волго-Камья во временном отрезке с I в. по VII в. (Мастыкова, 2009, с. 72, 292, рис. 69, 70). Ближайшие аналогии находятся в Коминтерновском II могильнике (Казаков, 1998, с. 119, 128, рис. 7: 8; 16: 1, 2) и Бирском могильнике (Ма-

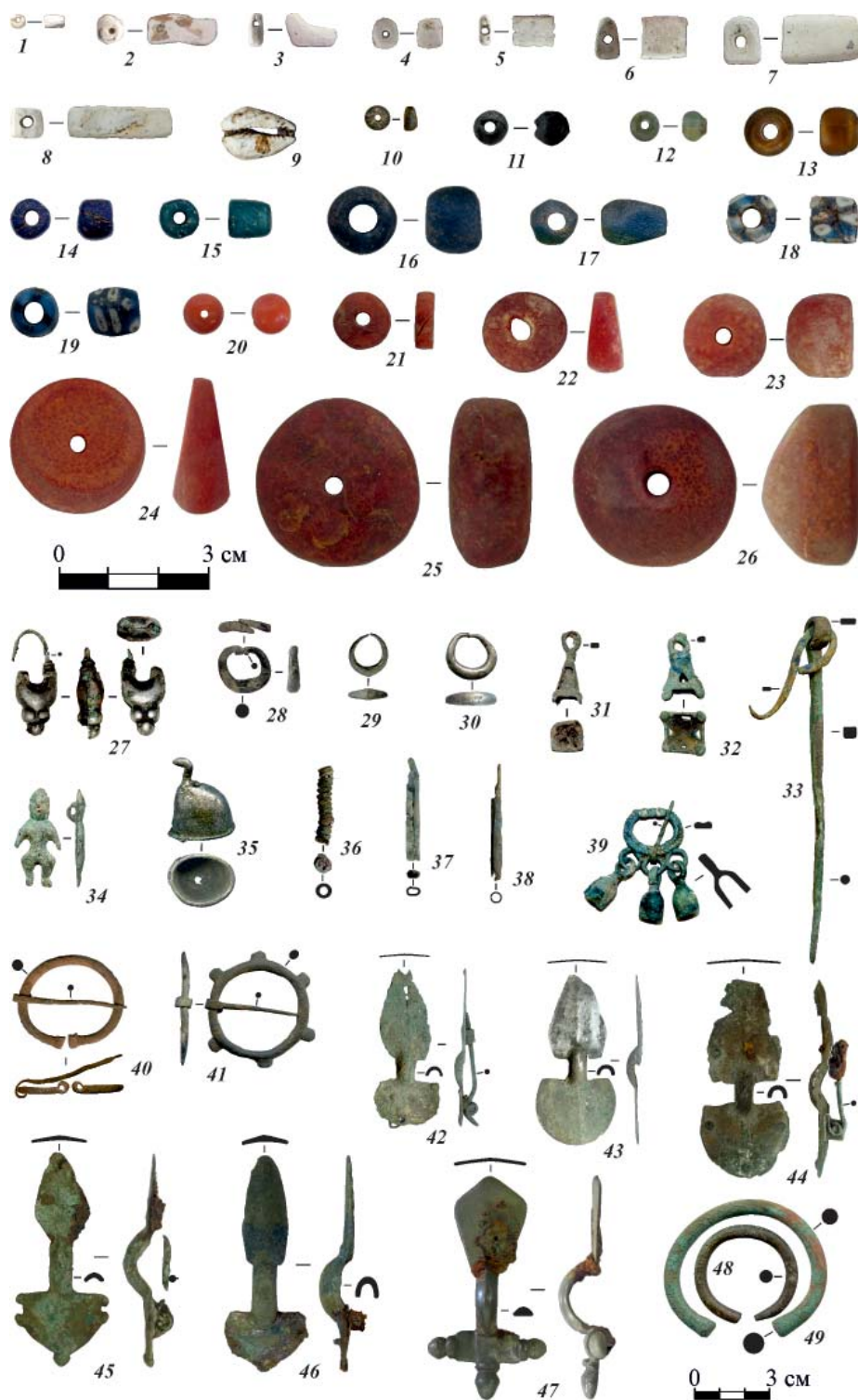

Рис. 9. Новославский II могильник. Погребальный инвентарь.
 1–26 – бусы, 27–30 – серьги, 31–32, 34–35 – привески, 33 – булавка, 36–38 – пронизки,
 39–47 – фибулы, 48–49 – браслеты.
 1–8 – коралл, 9 – раковина каури, 10–19 – стекло, 20 – сердолик, 21–16 – янтарь,
 27–28, 30, 35, 43–54 – серебро, 31–34, 36–42, 45–49 – медный сплав и бронза

житов, 1968, с. 131, рис. 12: 2, 3, 6), в большом количестве они происходят с памятников джетысарской культуры (Левина, 1996, с. 223, рис. 144).

Гроздевидные (размеры: 2,9×1,7×1,1 см) полые, спаяны из двух половинок. В нижней части

имеют выступ в виде трехбусинной грозди. В верхние концы «продеты» муфточки, куда вставлялась медная дужка (рис. 9: 27). Подобные полые серьги датируются V–VI вв. и известны с Маклашевского II городища именьковской культуры в

Волго-Камье (Старостин, 1968, с. 225), памятников ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье (Голдина, 1985, с. 211, табл. III: 30, 32–33; Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXV: 4), Салиховского (Васютин, 1986, с. 191) и Бирского (Мажитов, 1968, табл. 2: 17; 21: 2; 30: 1) могильников в Приуралье и могильников джетыясарской культуры в Восточном Приаралье (Левина, 1996, с. 338, рис. 143: 3–7). Эволюция подобных серег подробно рассмотрена А.В. Богачевым, и для памятников Волго-Камья они датированы VI–началом VII вв. (Богачев, 1996).

В женском п. 1 (у правого плеча костяка) обнаружена медная посоховидная булава с петлей, куда вставлено 8-образное пластинчатое звено (рис. 9: 33). Аналогии находятся в Коминтерновском II могильнике (Казаков, 1998, с. 109, рис. 13: 13; 33: 8; он же, 2021, рис. 16: 13; 39: 42; 59: 17), Щербетьском островном I селище и Татсунчелевском городище (Старостин, 1967, с. 24, рис. 19: 19, 23).

С могильника происходят 11 фибул, из которых 4 обнаружены в подъемном материале, остальные в женских захоронениях (пп. 1, 5, 9, 11 и 16). Они представлены пятью двупластинчатыми фибулами с пружинным механизмом крепления и пластинчатым приемником (рис. 9: 42–46); одной крестовидной фибулой (рис. 9: 47); тремя сюльгами подковообразной овальной формы со свернутыми концами из медного сплава (рис. 9: 40); литой бронзовой фибулой круглой формы с выступами по краю (рис. 9: 41) и кольцевой застежкой с шумящими бутыльчатыми подвесками (рис. 9: 39). В захоронениях застежка с шумящими бутыльчатыми подвесками и сюльга располагались в районе груди или плеча костяка (пп. 5, 16), пластинчатые фибулы парами находились на плечах (пп. 1, 9 и 11). Аналогичные «новославским» фибулы происходят с рязано-окских древностей (Ахмедов, 2010, с. 104, 106, рис. 8: 5; 2012, рис. 16: ПА1), памятников Среднего Поволжья (Грибов, 2018, с. 197, рис. 2: 3; Краснов, 1980, с. 207, рис. 36: 5; Старостин, 2009, с. 18, 46, рис. 26: 11), Приуралья (Мажитов, 1968, с. 33, табл. 8: 12, 13; 15: 6; 19: 6), Приаралья (Левина, 1996, рис. 140: 1–3), Северного Кавказа (Амброз, 1989, рис. 27: 1, 2; 39: 22, 23; Мастыкова, 2009, рис. 23: 3, 6, 9; 34: 1, 3, 4; 35: 3, 4; табл. 197: 3, 4; 200: 5), Юго-Западного Крыма (Амброз, 1994, рис. 39: 20) и т. д. и были распространены в IV–VII вв.

Привески, выполненные из серебра и медного сплава, отличаются разнообразием форм: в виде уточек, пирамидальные, спиралевидная, цилиндрическая и антропоморфная (рис. 9: 31–32, 34–38). Некоторые из них (пирамидальные, спиралевидная и цилиндрическая), скорее всего,

вплетались в косы. Они в виде археологически целых наконечников обнаружены в Безводнинском могильнике (Краснов, 1980, с. 203, рис. 29–31). В Волго-Камье данные привески распространяются с VI в.

На запястье костяка в п. 5 располагались массивные круглодротовые браслеты с утолщенными концами, отлитые из бронзы. Подобные и овальные в сечении браслеты обнаружены в подъемном материале с размытых погребений данного могильника и имеют широкий временной и территориальный диапазон бытования (рис. 9: 48–49).

Керамические усечено-биконические пряслица имеют диаметр 2,75–3 см при ширине 1,2–1,3 см (рис. 10: 15) и являются наиболее распространенными индивидуальными находками на памятниках именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 21). В погребениях могильника они встречаются лишь в женских захоронениях, как правило, у локтя или кисти правой руки, иногда у области колена, возможно, в результате смещения грызунами. Кроме того, с п. 5 происходит усечено-биконическое свинцовое пряслице (диаметр 1,9 см, ширина 0,8 см), которое располагалось в районе шеи женского костяка (рис. 10: 12). Возможно, оно вместе с бусами входило в состав ожерелья.

Ножи универсальные длиной 8–9 см и шириной 1,1–1,3 см присутствуют как в женских, так мужских погребениях, и в непогребенных захоронениях располагаются у правого плеча, в области таза, или у ног погребенного (рис. 10: 17). С территории могильника насчитывается 12 ножей и их фрагментов, из которых 8 найдены в погребениях. При этом в п. 18 в переотложенном виде обнаружен фрагментированный нож в ножнах с серебряными и медными накладками. Сохранившиеся размеры: 7,5×2,7×1,3 см. Ножны состояли из деревянной основы, обернутой тонким железным листом, который сохранился вокруг декоративных накладок из белого металла на двух сторонах ножен. Накладки выполнены из тонкой пластины толщиной 0,5–0,7 мм, четыре из них имеют гантелевидную форму и соединены на одной стороне в виде квадрата, две накладки в виде полос с закругленными концами образуют крестик на противоположной стороне ножен. Данные декоративные элементы (квадрат и крестик) между собой по углам соединены четырьмя заклепками (рис. 10: 16).

Женский поясной набор состоял из серебряных пластинчатых накладок, массивного наконечника ремня и В-образной пряжки из железного или медного сплава (рис. 10: 1–6). Накладки пояса в виде прямоугольника, овала, свастики, гантелевидной формы имеют полусферические выпуклости для крепления к поясу с помощью шпеньков-закле-

пок. Аналогичный поясной набор или детали от них происходят с погребений Коминтерновского II (Казаков, 1998, с. 108, рис. 25: 27–30; 32: 31–34), Рождественского II (Старостин, 1967, табл. 17: 16), Бирского (Мажитов, 1968, табл. 12: 2, 3, 6, 14) могильников и других памятников Волго-Уралья, датируемых второй половиной VI в.

Из кенотафа (п. 4) происходят четыре пряжки с овальной или округлой рамкой, хоботовидным подвижным язычком, прямоугольным подвижным щитком с заклепкой по центру (рис. 10: 8–9). Данный тип пряжек характерен для гуннского времени. Они хорошо известны с комплексов Приаралья (Левина, 1996, с. 76–77, рис. 124: 3, 12; 125: 1), Северного Кавказа и Юго-Восточного Крыма (Амброз, 1989, с. 24, рис. 5: 21, 23; 10: 5; 11: 2; 27: 6), датируемых концом IV–V вв.

В мужских захоронениях, потревоженных еще в древности, сохранилось лишь незначительное количество погребального инвентаря. Под костями кисти правой ноги п. 2 обнаружена пряжка с подвижным язычком и подвижным щитком. Прямоугольная рамка изготовлена из халцедона, щиток и язычок – из серебра (рис. 10: 7). Язычок и обойма пряжки оформлены в стилистике гуннского времени, однако прямых аналогий найти не удалось.

Между берцовыми костями погребенного (п. 8) сохранились детали снаряжения коня: бронзовый крепежный наконечник, деревянная подпружная пряжка, круглая серебряная (?) подвеска и железные двухзвенные удила.

Бронзовый цельнолитой крепежный наконечник состоит из двух зон – прямоугольника и круга (рис. 10: 10). Подобные крепежные наконечники происходят из конских захоронений в Северо-Восточном Причерноморье (Дмитриев, 1979, с. 212, рис. 3: 3, 14), а также из памятников Северного Кавказа, территории совр. Болгарии, Саратовского Поволжья, восточного берега Чудского озера. Они подробно рассмотрены И.О. Гавритухиным и датируются им серединой V–VI вв. (Гавритухин, 2015, с. 87–88, рис. 11: 5, 8, 10–13, 19, 20).

Деревянная подпружная пряжка сохранилась фрагментарно (рис. 10: 13). Подобные костяные и роговые пряжки известны с гуннского курганного могильника Ноин-Улы (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.) в Северной Монголии (Руденко, 1962), а также могильника Мокрая Балка (VI–VII вв.) на Северном Кавказе (Амброз, 1989, с. 77, рис. 25: 12), могильников Алтынасар 4в, Алтынасар 4п и городища Томпак-асар в Восточном Приаралье (Левина, 1996, с. 201, рис. 96: 6, 7, 9), датируемых I–VII вв., и прочих памятников.

Круглая подвеска (медальон) из белого металла диаметром 2,7 см выполнена из пластины тол-

щиной 0,5 мм. Ушко для подвешивания обломано, четко читается переход к нему (рис. 10: 11). Подобные подвески, скорее всего, имитирующие монетные украшения, встречаются с позднегуннского времени в черняховской культуре (Гопкало, 2008, с. 61; Петров, 1964, с. 112, рис. 14: 9). Наиболее схожие аналогии известны с п. 8/41 могильника Сахарная Головка в Юго-Западном Крыму (Хайретдинова, 2002, с. 67, рис. 8: 21) и во впускном погребении кургана № 20 в могильнике у с. Новая Чигла на левобережье Среднего Дона (Березуцкий, Мастыкова, 2016, с. 221, 226–229, рис. 3: 1; 6: 7), датируемых в пределах второй трети V – первой половины VI вв.

В грабительских ямах в погребения среди разрозненных человеческих костей обнаружены костяная накладка на лук (п. 15), серебряные накладки и фрагмент обоймы-накладки, фрагмент железного ножа в ножнах с серебряными и медными накладками (п. 18).

Костяная средняя боковая накладка на лук подтрапециевидной формы с лицевой стороны имеет перекрещивающиеся пропилены (косой крест), с торца и тыльной стороны покрыта сплошной тонкой косой насечкой. Сохранившиеся размеры накладки: длина 11 см, ширина 0,9 см, толщина 0,45 см (рис. 10: 23). Прямые аналогии найти не удалось, тем не менее схожие накладки от сложного лука известны на широком евразийском пространстве со второй половины I тыс. до н. э. до середины VII в. (Хазанов, 1971, с. 28–44; Круглов, 2004, с. 63).

Серебряная накладка на ремень прямоугольной формы (размеры: 4×1,2 см) с двумя пробитыми отверстиями на концах выполнена из пластины толщиной 0,5 мм. Продольные края декорированы рядами точечных вдавлений, нанесенных с тыльной стороны, слегка согнуты вовнутрь (в тыльную сторону), что придает изделию объемность (рис. 10: 14). Подобная накладка встречена среди комплекса вещей п. 18 Бирского могильника (Мажитов, 1968, с. 131, табл. 12: 4), п. 14 Верхне-Саянского могильника неволинской культуры, урочища Кубей в Одесской области (Засецкая, 1994, табл. 46, 5) и могильниках Томпакасар и Косасар 2 в Восточном Приаралье (Левина, 1996, с. 219, рис. 129: 9, 10, 14–16) и характерна для комплексов второй половины V–VII вв.

Фрагмент обоймы-накладки Г-образной формы состоит из фрагментов трех пластин и скрепляющей их заклепки. Общие размеры: 3,2×2,6×1 см. Ширина пластин 5–7 мм, толщина 0,5 мм. На поверхности одной пластины имеется декор в виде продольной бороздки. Внешний край второй пластины стерт в результате постоянного притирания, возможно, к одежде. Аналогичные фрагменты

Рис. 10. Новославский II могильник. Погребальный инвентарь.

1–3, 14 – накладки пояса, 4–5, 7–9 – пряжки, 6 – наконечник пояса, 10 – крепежный наконечник, 11 – подвеска, 12, 15 – пряслица, 13 – подружная пряжка, 16 – фрагмент ножа в ножнах, 17 – нож, 18 – удила, 19 – проколка, 20 – наконечник стрелы, 21 – зеркало, 22 – псалий, 23 – накладка на лук.
 1–3, 6, 11, 14 – серебро, 4, 8–9 – медный сплав, 5, 17–18, 20 – железо, 7 – халцедон и серебро, 10, 22 – бронза, 12 – свинцово-оловянный сплав, 13 – дерево, 15 – глина, 16 – дерево, железо и серебро, 19, 23 – кость, 21 – латунь (?)

бронзовых обойм от ножен с ножом сохранились справа от пояса костяка в п. 43 на Коминтерновском II могильнике. Набор вещей с погребения датирован второй половиной VI в. (Казаков, 2021, с. 17, 36–37, рис. 39: а; 44: 47–48). Подобная обойма известна с п. 8 могильника Чми (Амброз, 1989, с. 61, рис. 27: 21), датируемого VI–VII вв.

С погребений с костями лошадей, как и со сборов подъемного материала с размытых погребений, происходят детали узды, представленные железными удилами и двумя бронзовыми псалиями. Удила двухзвенные с неподвижными двумя кольцевыми и ромбовидными окончаниями. Иногда на ромбовидных концах крепления к поводу сохранились звенья треугольной формы размерами 3–4,2×3–4,3×2,2 см. Составные части удила длиной 7,5 см и 8 см в сечении близки к прямоугольнику с закругленными краями (рис. 10: 18). Ближайшие аналогии имеются в именьковских древностях, в частности на Ембулатихинском I селище (Старостин, 1967, с. 22, рис. 15: 12) и Коминтерновском II могильнике (Казаков, 1998, с. 106, 137, 145, 148, рис. 25: 33; 33: 7; 36: 7), а также в Бирском могильнике (Мажитов, 1968, с. 150, 151, табл. 28: 5; 29: 20).

Литые бронзовые зооморфные псалии изготовлены в виде стилизованной фигуры птицы (Валиев, 2018, с. 212, 221, рис. 3: 12) (рис. 10: 22). Наиболее схожие аналогии известны на Северном Кавказе (Амброз, 1989, рис. 40: 29; 42: 13), Юго-Западном Крыму (Амброз, 1994, с. 88, рис. 11: 32), Рязанской области (Ахмедов, 1997, с. 261, рис. 2: 2) и Западном Приуралье (Голдина, 1991, с. 172, рис. 6: 61), датируемых VI–VII вв.

Кроме прочего, на размываемой части могильника обнаружены костяная проколка, латунное (?) зеркало, медная и железные рыболовные крючки, железные клиновидный топор, ножи, наконечник стрелы, пряжка и пр., встречаемые на памятниках именьковской культуры и синхронных ей культур.

Проколка размерами 7,2×1,3×0,5 см изготовлена из малой берцовой кости свиньи. Один конец заострен и заточен, на противоположном имеется отверстие диаметром 2–2,5 мм (рис. 10: 19). Аналогичная проколка происходит с Маклашеевского II городища именьковской культуры в Спасском районе РТ (Старостин, 1967, с. 23, табл. 18: 15).

Зеркало овальной формы размером: 8,1×7 см. Ручка обломана, от нее сохранился переходной участок. Изготовлено из пластины толщиной 1 мм, основная площадка которой прокована до 0,4 мм, в результате чего по краю образовался псевдобортик. Края зеркала срезаны и заполированы. Поверхность зеркала также заполирована (рис. 10: 21). Ближайшие подобные зеркала плоским диском, бортиком по краю и с боковой длин-

ной или короткой ручкой, в том числе используемые в качестве подвески, хорошо известны в синхронных и средневековых памятниках на евразийском пространстве. Исходной территорией происхождения таких зеркал в Камско-Вятском междуречье и Приуралье считается джетыясарская культура (с конца III–IV по VII–IX вв.) в Восточном Приаралье (Лещинская, Пастушенко, 2017, с. 105–107), где схожие зеркала хорошо представлены в материалах не позже второй трети VI в. (Казанский, 2019, с. 110; Мастыкова, 2018, с. 411–412; Левина, 1996, с. 229–231, рис. 152–157).

Железный наконечник стрелы черешковый, размером 7,4×1,9 см. Перо плоское асимметричное, по форме близко к шестиграннику (длина 5 см, ширина 1,9 см), в разрезе ромбической формы. Наконечник имеет упор и хорошо выраженную шейку. Кончик черешка сломан (рис. 10: 20). По форме он близок костяному наконечнику с Именьковского городища (Старостин, 1967, с. 23, рис. 16: 11).

Рыболовные крючки – медный (размер 2,6×1,3 см) и железный (размер 6,5×4,1 см) – изготовлены из круглого в сечении дрота. У обоих крючков жальца острые, имеют бородку. Для крепления к леске железный крючок на противоположном конце дрота имеет шарик, отделяемый от дрота ровиком, медный – небольшую пластинчатую пяточку. Возможно, медный крючок не связан с памятником (Валиев, 2018, с. 212–213, рис. 4: 1–2). Железные рыболовные крючки хорошо известны с именьковских поселенческих памятников Волго-Камья, но концы крепления к леске имеют ушки или загнуты (Старостин, 1967, с. 22, 75, рис. 14: 3, 8, 13, 15, 16, 18).

Топор узколезвийный проушный, длиной 19 см и шириной лезвия 3,5 см. Обушковая часть разомкнута, в сечении прямоугольник 2,5×1,2 см (Валиев, 2018, с. 213, рис. 4: 12). Аналогичные топоры известны с именьковских Щербетьского островного I селища и Именьковского I городища (Старостин, 1967, с. 22, рис. 14: 9, 12; 1968, с. 252, рис. 1: 12).

Пряжка округлорамчатая размером 3,5×3,5 см, изготовлена из круглого дрота диаметром около 6 мм, язычок слегка прогнут (Валиев, 2018, с. 213, рис. 4: 7). Аналогии пряжке имеются из коллекций Керчи (Ахмедов, 2001, с. 239, 240, рис. 1: 7), датированных I–IV вв., и джетыясарских памятников Приаралья (Левина, 1996, с. 316, рис. 121: 21), имеющих еще более широкую дату (от V в. до н. э. до IV в. н. э.).

Погребальный инвентарь Новославского II могильника, содержащий детали костюма, украшения, бытовые предметы и прочее, и его бириту-

альный погребальный обряд ближайшие аналогии находит в Коминтерновском II могильнике, расположенном в 23,7 км к северо-востоку. Однако на Новославском II могильнике пока не выявлены находки геральдического типа. Вместе с тем имеются предметы, например, крестовидная фибула и пр., бытовавшие не позднее конца V в. К тому же на Новославском II могильнике выявлено захоронение с целой тушей лошади на ступеньке дна могильной ямы, аналогии которому встречаются в некрополях поволжских финнов.

Коминтерновский II и Новославский II могильники являются уникальными памятниками именьковской культуры, и их появление связано с проникновением кочевого населения в оседлую именьковскую среду в V–VI вв. По мнению Е.П. Казакова, Коминтерновский II могильник оставлен именьковско-турбаслинским населени-

ем, которое он увязывает с поздними сарматами (Казаков 1996: 48; 1998: 110), а сложение классической именьковской культуры относит к середине VI в. (Казаков 1990: 31–32). Однако благодаря новым материалам можно говорить о появлении памятников коминтерновского типа, в частности Новославского II могильника, с конца V в. Кроме того, не все однозначно с истоками их появления, т. к. на Новославском II могильнике кроме восточных прослеживаются и западные импульсы с Волго-Окского района. Памятники типа Коминтерн II с биритуальным погребальным обрядом (Кушнарковский, Коминтерновский II, Новославский II, Измерский IX, Ташкирменский, Маклашеевский V некрополи) ярко иллюстрируют взаимовлияние и трансформацию различных культур Волго-Уралья в V–VII вв.

Периферийные памятники именьковского ареала

Первые сведения о древних памятниках в окрестности д. Кузубаево Елабужского уезда Вятской губернии появляются в конце XIX в. В 1884 г. в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» казанский ученый Г.Н. Потанин в числе памятников бассейна рек Иж и Тоймы упоминает Кузубаевское городище (Потанин, 1884, с. 191). Оно было осмотрено исследователем в 1882 г. Им дано подробное описание топографического положения и стратиграфия культурных напластований памятника. В 1888 г. городище изучено видным русским ученым А.А. Спицыным (Спицын, 1893, с. 131). Им было отмечено отсутствие культурного слоя и наличие на склонах и за валом зольного слоя. Городища по р. Иж и правому берегу Камы он отнес предположительно к XIII–XV вв. Все имеющиеся данные о памятниках археологии в Прикамье и Приуралье на 1952 г., в том числе Кузубаевском городище, были зафиксированы в фундаментальной работе И.А. Талицкой «Материалы по археологии Урала и Приуралья» (Талицкая, 1952, с. 52).

Следующий этап изучения древностей бассейна Ижа связан с деятельностью Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга, созданной в 1954 г. правительством УАССР. Один из разведывательных отрядов этой экспедиции во главе с Э.М. Медниковой при обследовании бассейна Ижа провел шурфовку на Кузубаевском I городище, а также выполнил его топографический план (рис. 1: 1). За валом городища отрядом обнаружено Кузубаевское I селище (Медникова, 1954, л. 41–43). Городище и селище были включены В.Ф. Генингом в список археологических памятников Удмуртии в его первой обобщающей работе по изучению древностей удмуртского края «Археологические памятники Удмуртии» (Генинг, 1958, с. 161). Большой вклад в изучение древней истории Алнашского района внес сотрудник Удмуртского республиканского краеведческого музея В.А. Семенов. Под его руководством в 1965 г. было проведено сплошное изучение правобережья р. Иж и его правых притоков. В результате проведенной работы около д. Кузубаево и соседних деревень Муважи, Чумали обнаружено 12 новых памятников. Кроме того, он проверил уже открытые ранее Кузубаевские I селище и городище, на последнем он заложил шурф размером 1,5×1,5 м (Семенов, 1965, л. 2). В 1966 г. на Кузубаевском I городище вблизи вала, в северо-восточной части площадки, им были проведены небольшие раскопки (площадь раскопа

135 кв. м). Каких-либо сооружений им не обнаружено, но собрана небольшая коллекция украшений (бусы, пронизка, подвеска), орудий труда (нож, пряслица) и фрагментов лепной керамики, которая хранится в Национальном музее Удмуртской Республики им. К. Герда (Останина, 2004, с. 38).

Дальнейшее изучение памятников археологии в низовье Ижа связано с активизацией полевых исследований созданной в 1973 г. Камско-Вятской археологической экспедицией (далее – КВАЭ) Удмуртского госуниверситета. В 1976 г. разведывательный отряд КВАЭ под руководством Н.И. Леконцевой (Шутовой), проводя исследования в Елабужском и Агрызском районах ТАССР и в Алнашском районе УАССР, выполнил новый топографический план Кузубаевского I городища (рис. 1: 2). На раскопе размером 3×6 м, заложенным отрядом, найдены фрагменты лепной керамики, стеклянная бусина, три пряслица, фрагменты тиглей и куски шлака (Леконцева, 1976, л. 9–11).

В 1977 г. около дд. Чумали и Кузубаево работала экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея во главе с Т.И. Останиной. Изучались Чумалинские I, II селища, Кузубаевское I городище. На площадке городища в течение шести полевых сезонов (1977, 1978, 1985, 1986, 1988, 1990 гг.) проводились широкомасштабные работы. В результате было вскрыто 50% поверхности памятника и получен значительный вещевой и научный материал (Останина, 2002). Автор раскопок отнес памятник к мазунинской, кушнарниковской, караякуповской (тип керамики), именьковской культурам.

Другие исследователи древностей юга Удмуртии: Р.Д. Голдина, Т.К. Ютина – включили городище в список памятников верхнеутчанской культуры (Голдина, 1987, с. 21; 1999, с. 283; Ютина, 1984, с. 77, 85; 1985, с. 174; 1987, с. 109–111; 1994, 2004). При этом обе исследовательницы отмечают наличие в культурном слое памятников выделенной им культуры наличие кушнарниковской, караякуповской, именьковской (именьковско-романовской) керамики (Голдина, 1999, с. 285–291). Кроме отнесения Кузубаевского I городища к верхнеутчанской культуре, анализа вещевого и керамического материала ими не проводилось. В дальнейшем материалы раскопок Кузубаевского I городища использовались в написании Каталога археологической коллекции (Останина, 2002), трех коллективных монографий (Иванов А.Г., 2007; Шутова и др., 2009; Останина и др., 2011) и одной статьи (Ютина, 2004).

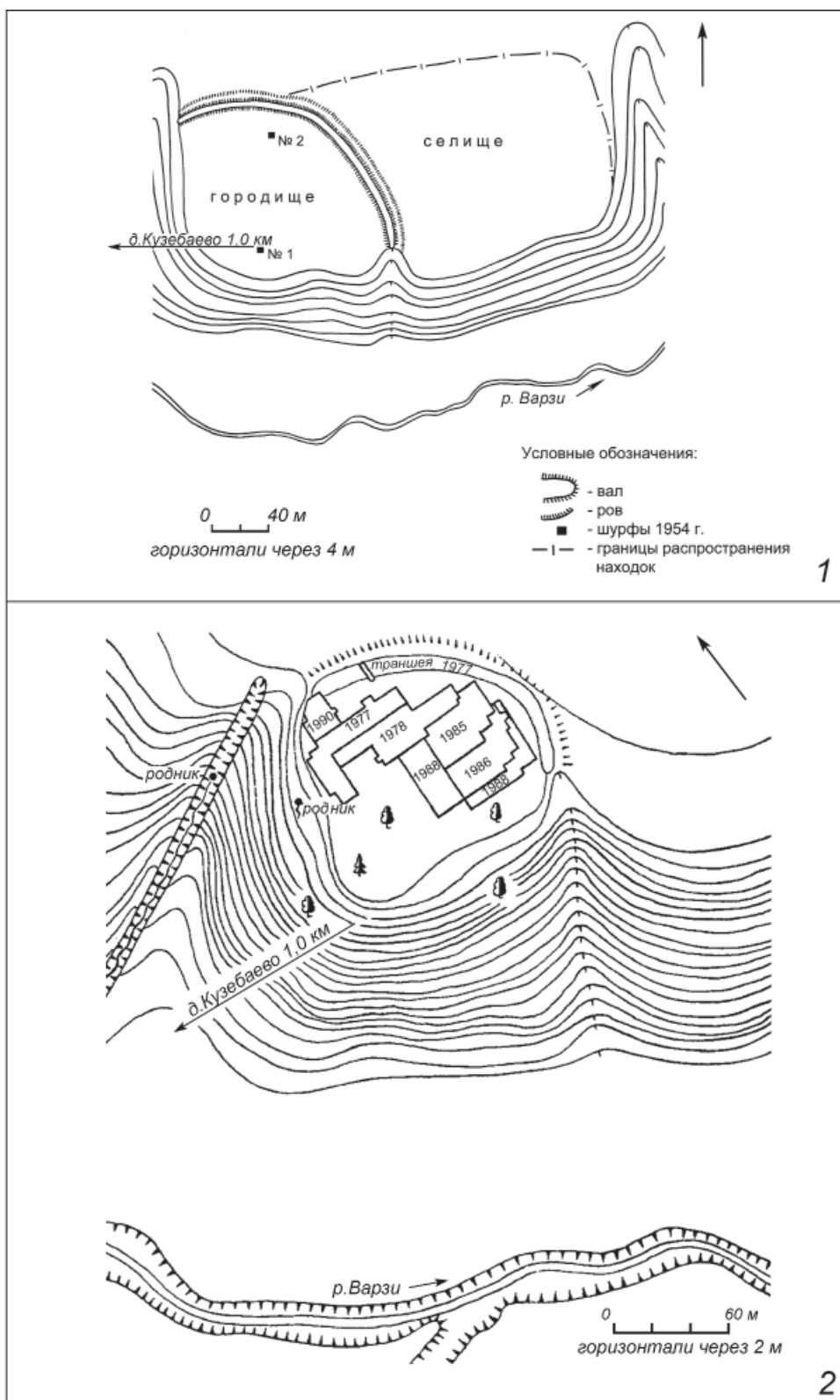

Рис. 1. Кузебаевское I городище: 1 – топографический план, выполнен Э.М. Медниковой в 1954 г.; 2 – топографический план, выполнен Н.И. Леконцевой в 1976 г.

Топография. Городище расположено в 1 км к юго-востоку от д. Кузебаево Алнашского района УР, на левой береговой террасе р. Варзи, правого притока р. Иж, правого притока р. Камы (рис. 1) Занимает высокий (42 м) подтреугольной формы

мыс, образованный поймой р. Варзи и глубоким оврагом. У подошвы мыса русло р. Варзи резко поворачивается на восток. С напольной стороны площадка городища защищена валом и рвом длиной 180 м. Ширина сохранившегося вала

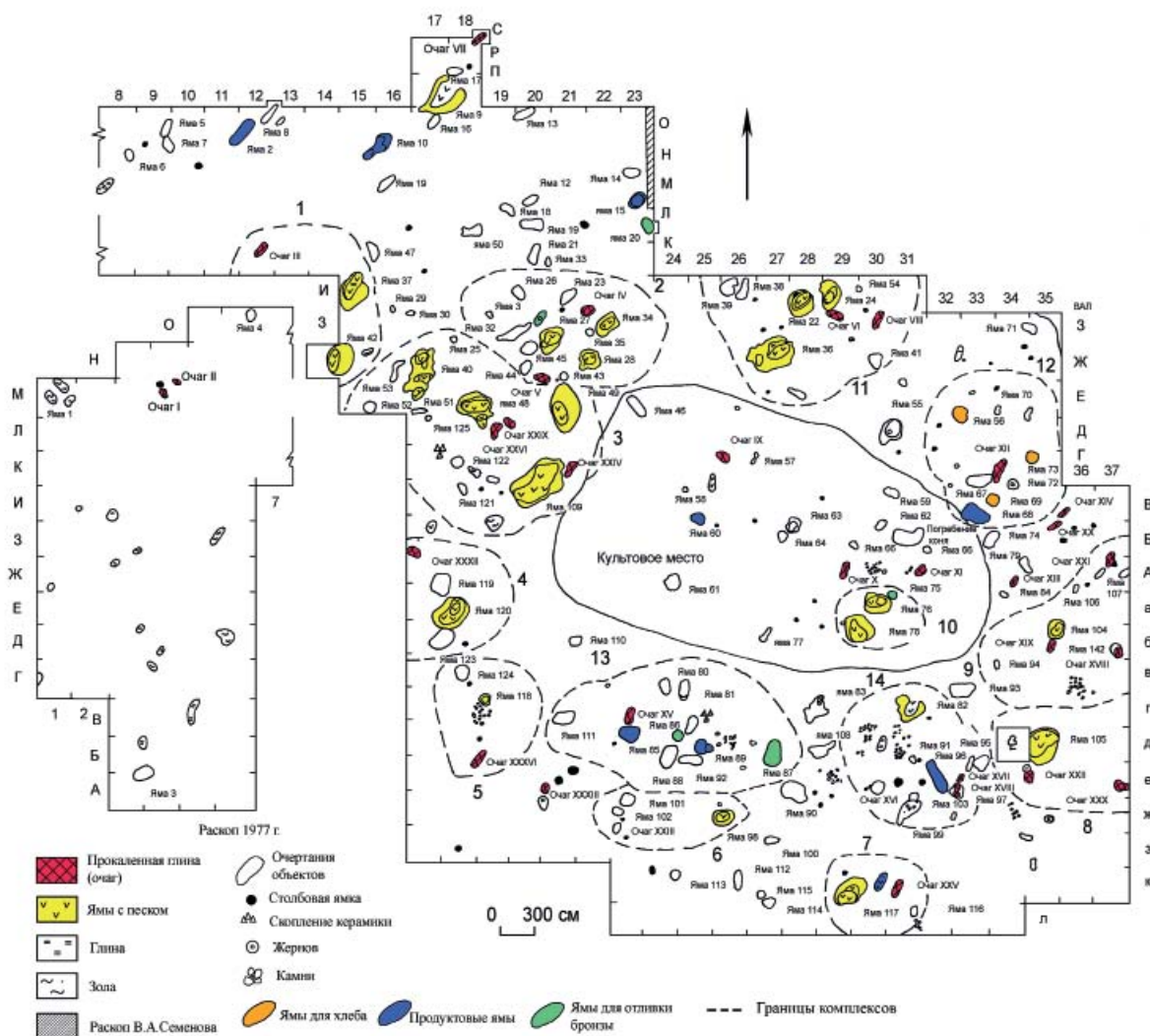

Рис. 2. Кузебаевское I городище. Реконструкция производственных комплексов VII в.

8,5–11,0 м, его высота относительно площадки городища 0,95 м, а относительно рва – 1,35 м. За валом располагался ров шириной 6,3 м, глубиной 0,85 м относительно современной поверхности поля. Ров при изучении в период раскопочных работ едва заметен. Он был заполнен гумусом, а в верхней части еще и камнями. В раскопе 1990 г., в северо-западной окраине городища, была вскрыта часть вала (рис. 1: 2). Найдены остатки деревянных конструкций: два ряда толстых сосновых бревен¹, залегавших на расстоянии 0,8 м друг от друга (рис. 3: 2). Пространство между рядами бревен было заполнено рыхлой прокаленной глиной с золой и кусочками углей. В разрезе траншеи, в верхней части вала (раскопки 1977 г.) обнаружены

¹ Определение породы дерева выполнено к.б.н. Н.Ю. Сунцовой.

очертания столбовой ямы от деревянной стены, а в нижней части вала в гумусе толщиной 30 см найдены фрагменты лепной посуды мазунинской культуры. Конструктивные особенности вала, находки мазунинской керамики под ним свидетельствуют в пользу его сооружения на площадке ранее существующего селища мазунинской культуры именьевским населением (Шутова и др., 2009, с. 72).

Поверхность памятника относительно ровная, хорошо задернована и покрыта редким смешанным лесом. В верхней части оврага, ограничивающего площадку городища с северо-западной стороны, и западной, почти на уровне верхней части мыса, бьют родники. Площадь городища составляет около 10 тыс. кв. м. Оно известно среди местного населения под названием *Лудгурезь* (удм.:

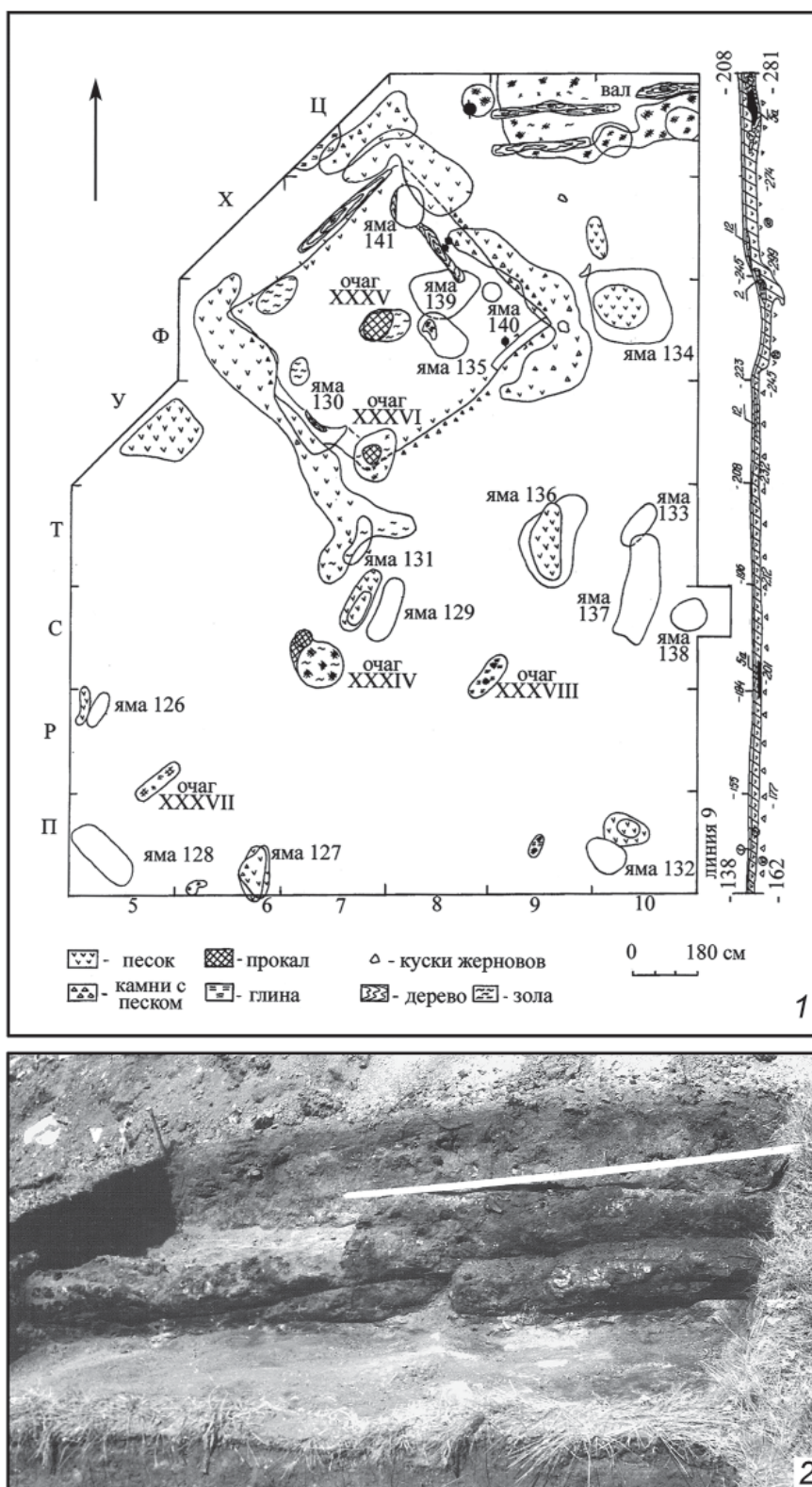

Рис. 3. Кузебаевское I городище. 1 – общий план раскопа 1990 г. с очертаниями жилища-полуземлянки и деревянной конструкции вала; 2 – северная деревянная стенка сруба, обнаруженная в валу (уч. Ц/10).

гора, на которой расположено святилище Луд) или *Каргурезь* (удм.: городищенская гора или гора, где было городище).

В результате раскопочных работ экспедиции Удмуртского республиканского краеведческого

музея исследовано 4876 кв. м. Суммарная вскрытая площадь за семь лет составляет 5011 кв. м. Было обнаружено 38 очагов, 142 хозяйственных и 77 столбовых ям, одно жилище – полуземлянка именковской культуры, остатки деревянных

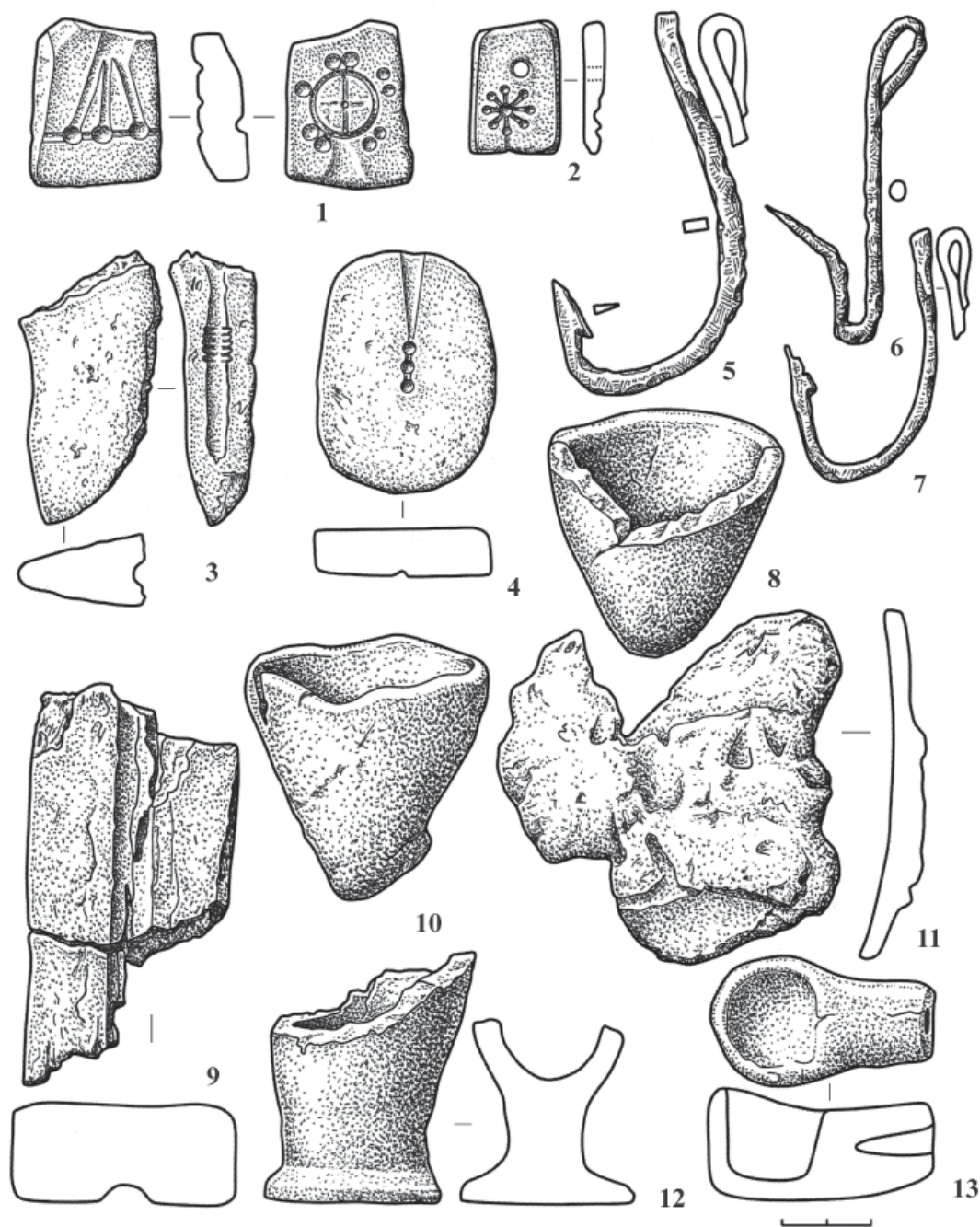

Рис. 4. Кузбаевское I городище. Вещевой инвентарь:
1-4, 9 – литейные формы, 5-7 – рыболовные крючки-самоловы, 8, 10, 12 – тигли, 11 – кусок крицы.
1-4 – камень, 5-7 – железо, 8-10, 12, 13 – глина.

оборонительных сооружений в северо-западной части вала, а в северо-восточной части площадки городища захоронение лошади. Раскопы заложены от западного и северного склонов мыса к центру площадки и у вала в восточной части городища. Осталась неизученной только южная половина площадки памятника. Культурный слой, насыщенный фрагментами керамики, костями животных, отдельными находками, достигает 45 см, но преобладает толщина 20–25 см. Наибольшая мощность культурного слоя зафиксирована в восточной части городища, у вала. Он имеет простую

стратиграфию: дерн (5–6 см), гумус с находками (от 12 до 40 см), подстилающий слой (глина или песок с камнем-плиточником). Большинство сооружений фиксировались на фоне материкового слоя, на глубине 20–25 см от современной поверхности.

Хозяйственные ямы по своей конструкции, которая определялась профилем, делятся на шесть типов. Наибольшее распространение имели ямы I–III типов. Тип I имеет наклонные стенки (с расширением в верхней части; 69%). Выделяются по заполнению две группы: с песком и большими раз-

мерами, с гумусом или с перемешанным грунтом малых размеров. Они имеют глубину в пределах 12–36 см или 40–74 см. Ямы с песком (флюс для цементации) связаны с металлургией (найлены куски шлака, фрагменты обожженной керамики, кости). Этот тип ям использовался как для сбора мусора, так и в производственных целях (цементация железа).

Следующие типы: с вертикальными стенками (тип II, 10,6 %), с приступками в верхней части – со ступенькой с одной стороны (тип III; 9,9%). Незначительное число составляют ямы IV–VI типов (колоколовидные, 3,5%; канавообразные, 4,2%; вкопанные в материк под углом, 2,8%). По способу использования, судя по находкам в заполнении ям, первые три типа относятся к группе хозяйственных ям повседневного назначения, особенно это касается ям III типа, которые служили для хранения мясных, молочных продуктов. Ямы IV типа были зернохранилища, где хранили зерно объемом 0,4–0,8 куб. м. Они были вкопаны в материковую почву, представляющую собой плотный песок с камнем, переходящий в вязкую глину, что исключало необходимость дополнительной обработки (слабый обжиг, глиняная обмазка и т. д.). Глубокие ямы использовались в качестве зернохранилищ, а небольшой глубины – кладовок для хранения скоропортящихся продуктов. Они располагались в восточной части поселения, ближе к валу. По всей поверхности памятника обнаружены очертания столбовых ямок, но наибольшее число фиксируется около хозяйственных ям, очагов и в жилище.

Очаги по своей конструкции были почти однотипны: глинобитные площадки разной формы, размеров и степени прокала. Только два очага относились к типу очажных ям. Очаги, в том числе глиняные пятна, были как бы «нанизаны» на одну линию и располагались своеобразной цепочкой. Очаги были ориентированы обычно длинной стороной в направлении ЮЗ–СВ, иногда с некоторыми отклонениями (рис. 2). В южной и восточной частях раскопа на площадке городища таких линий-цепочек зафиксировано две, хотя можно предположить такое же число и в западной, и в северной сторонах поселения.

Около очагов группировались разного типа хозяйственные и столбовые ямы. Нами выделено 14 групп-комплексов (рис. 2; Шутова и др., 2009, рис. 12 вкл.). Конструкция хозяйственных ям, характер их заполнения и обнаруженные в них находки дали возможность определить функциональное назначение комплексов. В комплексах № 1–11 главную роль играли ямы с наклонными стенками с плоским или уплощенно-округлым дном и канавообразные ямы, заполненные большим количеством известнякового песка. Чаще

все они занимают центральную часть площадки, в единичных случаях – южную и восточную окраину городища.

Число подобных ям в комплексах колебалось от одной до четырех. Наибольшим числом сооружений представлены комплексы № 2, 3, 11, в которых найдено наибольшее количество кусков шлака и крупных фрагментов плоскодонных горшков со следами ошлаковки. Как нами было отмечено выше, эти комплексы могли быть связаны с процессом цементации железа для получения высокоуглеродистой стали. Это были открытые кузницы для обработки черного металла. На ряде площадок с комплексами зафиксированы и остатки от столбов, которые, возможно, служили для сооружения заслонов или навесов.

Во втором ряду очагов в южной части раскопа выделяются комплексы № 13, 14. По характеру хозяйственных ям (ямы со ступеньками для регулярного спуска вниз – ямы № 85, 89, 96) могли быть местом хранения скоропортящихся продуктов (молочных, мясных). Не случайно в них обнаружены кости животных, фрагменты посуды и обломки наконечников стрел, оказавшихся в тушах убитых диких животных. Наличие очагов и ям для сбора мусора свидетельствует в пользу использования площадок № 13, 14 и для приготовления пищи в летнее время. Не исключена возможность использования очагов комплекса № 13 для отливки бронзовых предметов, так как в ямах № 86, 87 найдены обломки тиглей и льячка. Кроме того, в культурном слое Кузубаевского I городища встречено большое количество обломков глиняных тиглей конического и рюмкообразного типов, каменные и глиняные литейные формы для отливки подвесок, пронизок и слитков-стержней (рис. 4: 1–4, 9).

Выделяется еще комплекс № 12, расположенный вблизи средней части вала, около территории I селища. Его функциональное использование определяют глубокие ямы колоколовидного сечения для хранения зерна (№ 56, 69, 73). К ним примыкает и яма № 68 со ступенькой для спуска, служившая для хранения продуктов. Своеобразный продуктовый комплекс был огорожен плетнем, от которого остались ямы от кольев и столбов (рис. 2). Таким образом, основная площадь городища использовалась в производственных целях – металлургическое и бронзолитейное производство.

В северо-западной окраине Кузубаевского I городища в 1990 г. зафиксированы очертания полуземлянки (рис. 3: 1). Размеры котлована 6,6×6,6 м (площадь жилища 44 кв. м), его глубина относительно современной поверхности равнялась 78 см. Котлован полуземлянки был вкопан в

материковый слой (камень-плиточник с песком). При рытье котлована материковый слой был выброшен и оказался рядом с жилищем. Фиксация выброса из котлована началась сразу же после снятия дерна (5–8 см). Толщина выброшенного материкового слоя равнялась 20–30, 45 см (северный угол жилища). Сам котлован был заполнен перемешанным грунтом (гумус с углем, глиной, в том числе прокаленной). Бревенчатый сруб был впущен в углубление (на полу, вдоль стен при раскопках обнаружен тлен от бревен диаметром 24–30 см). В центре полуземлянки находился открытый очаг XXXV относительно больших размеров (66×102 см), представляющий собой подушку из прокаленной глины с золой на верхней поверхности. На уровне пола в северо-восточной части дома найдены три хозяйственные ямы незначительной глубины, служившие для сбора мусора. На поверхности одной из ям (№ 141) найдены остатки дерева от крышки. Вдоль двух стен (юго-восточной и северо-восточной) находились ямки от столбов, которые зажимали и держали бревна сруба. Вход в жилище был с юго-западной стороны. Там были обнаружены остатки деревянного тлена от ступеньки с земляной основой. На участках, где обнаружен котлован жилища, зафиксированы 731 фрагмент керамики именьковской культуры и 110 фрагментов кушнаренковско-караякуповского типа, а также кости домашних животных, многие из них жженные.

Следует отметить удачный выбор места для жилья, сделанный жителями поселка. Во-первых, жилище находится у самого склона площадки городища (на 2–3 м ниже уровня ее основной поверхности), тем самым полуземлянка была защищена от ветров с юго-запада, которые господствуют в этом регионе, исходя из розы ветров для данной местности. Во-вторых, жилище было сооружено между двумя родниками, расположенными на расстоянии 20–25 м от него (рис. 1: 2). Подобного типа остатки жилищ обнаружены археологами на поселениях именьковской культуры (Маклашеевское II, Именьковское и т. д.) Исследователь именьковской культуры П.Н. Старостин обратил внимание, что полуземлянки, где в центре сруба находится открытый очаг, отражают территориальное своеобразие восточной группы памятников именьковской культуры, куда относятся и памятники юга Удмуртии (Старостин, 1967, с. 14). При полезной площади полуземлянки в пределах 29 кв. м в ней могла проживать семья в количестве 7–8 человек. Высокий уровень черной и цветной металлургии требовал специализации и выделения ремесленников в рамках общины. Нахождение жилища на площадке, насыщенной остатками ремесленного производства и необходимыми для

него сооружениями, дает основание предполагать, что в этой полуземлянке проживала семья мастера-ремесленника.

Все производственные комплексы Кузубаевского I городища расположены за пределами периметра открытой площадки размером 45×29 м, имеющей территорию около 1300 кв. м (рис. 2). В ее восточной части находятся сооружения, имеющие, на наш взгляд, особое (сакральное) значение для древних жителей городища и его окружи. Это цепочка сооружений: очаг X – выкладка из обломков жерновов – столбовая яма – очаг XI. Все они располагались по линии запад – восток. Главным элементом в указанной системе сооружений был столб (идол?), от которого на одинаковом расстоянии (3 м) находились оба очага. Они имели слабый провал, что скорее свидетельствовало об их редком и непродолжительном использовании. В нескольких метрах к северу от этого комплекса – захоронение коня. Лошадь лежала на боку, задние ноги вытянуты, а передние согнуты. Ориентировка погребальной ямы и коня совпадала и проходила по линии запад – восток. На этом месте, по нашему мнению, могли проходить культовые обряды, судя по большой и относительно свободной от хозяйственных сооружений площади, с участием большого числа народа.

Таким образом, Кузубаевское I городище, судя по остаткам сооружений и находкам в них, было многофункциональным. Основное предназначение городища – ремесленный центр, где обрабатывали черной и цветной металлы и проживали ремесленники. Кроме того, площадка служила местом хранения мясо-молочных продуктов, самого ценного продукта – зерна, и выполняла сакрально-ритуальную функцию.

На городище выявлена значительная коллекция керамического материала и вещей (Останина, 2002, с. 18–47; 2004, с. 38–40). В период раскопок шести полевых сезонов было зафиксировано 51 808 фрагментов керамики, из них собрано 1285 обломков сосудов.

Изучение техники изготовления, состава глиняного теста, формы, и элементов орнамента позволило выделить четыре группы керамики, принадлежащие носителям мазунинской, кушнаренковской, караякуповской и именьковской археологических культур. Подробная характеристика указанных групп дана в каталоге «Кузубаевское городище IV–V, VII вв.» (Останина, 2002, с. 39–47), поэтому дается только краткий обзор выделенных групп.

Мазунинская керамика (выделено 40 сосудов) представлена слабопрофилированными округлодонными лепными сосудами горшковидной, в одном случае чашевидной, формы. Их поверх-

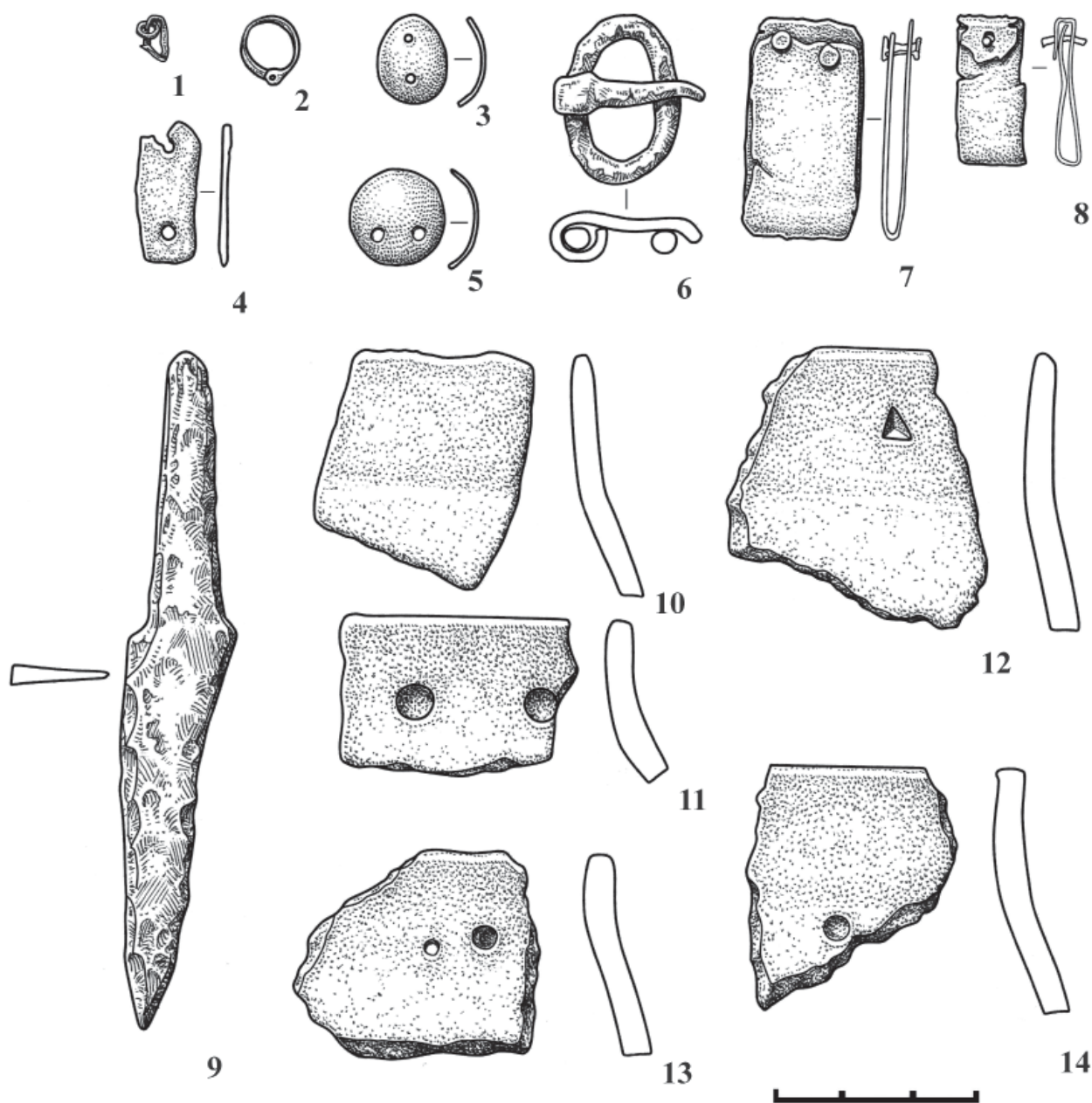

Рис. 5. Кузубаевское I городище. Вещи и фрагменты керамики мазунинской культуры:
 1 – звено цепочки, 2 – колечко от наконсника; 3, 5 – бляшки, 4 – поясная накладка, 6 – пряжка, 7 – наконечник ремня, 8 – обойма (от ножен?), 9 – нож, 10–14 – фрагменты венчиков лепных сосудов.
 1, 3–5, 7, 8 – бронза, 2, 6, 9 – железо, 10–14 – глина

ность заглажена мягким предметом (ткань, кожа), в редких случаях щепкой. Обжиг посуды производился на костре, поэтому ее поверхность имеет разные цветовые оттенки (от светло-коричневого до темно-серого). В составе глиняного теста выявлена измельченная раковина, единично песок, песок с мелкой галькой. Толщина стенок колебалась в пределах 4–7 мм. Орнамент наносился редко и только на верхнюю часть сосудов. Представлял собой лишь насечки по краю венчика или ряды ямок округлой (рис. 5: 11, 13, 14), треугольной формы (рис. 5: 12), или «елочку» из овальных ямок по шейке.

Кушнаренковская посуда представлена в основном мелкими фрагментами венчиков, шеек (горловин), плечиков и дна сосудов (выделен 201 сосуд). Сосуды изготовлены в технике ленточного налета, в глиняном тесте содержится мелкий хорошо отмученный песок. Стенки имели толщину в пределах 2–6 мм, чаще 2–4 мм. Внешняя и внутренняя поверхности хорошо заглажены мягким предметом, хотя часть сосудов изнутри обработана щепой. Профилировка ряда фрагментов позволила выделить два типа сосудов: с прямой удлиненной шейкой и слабо раздутым туловом (рис. 6: 2, 3, 7, 9); со слабо отогнутой наружу шей-

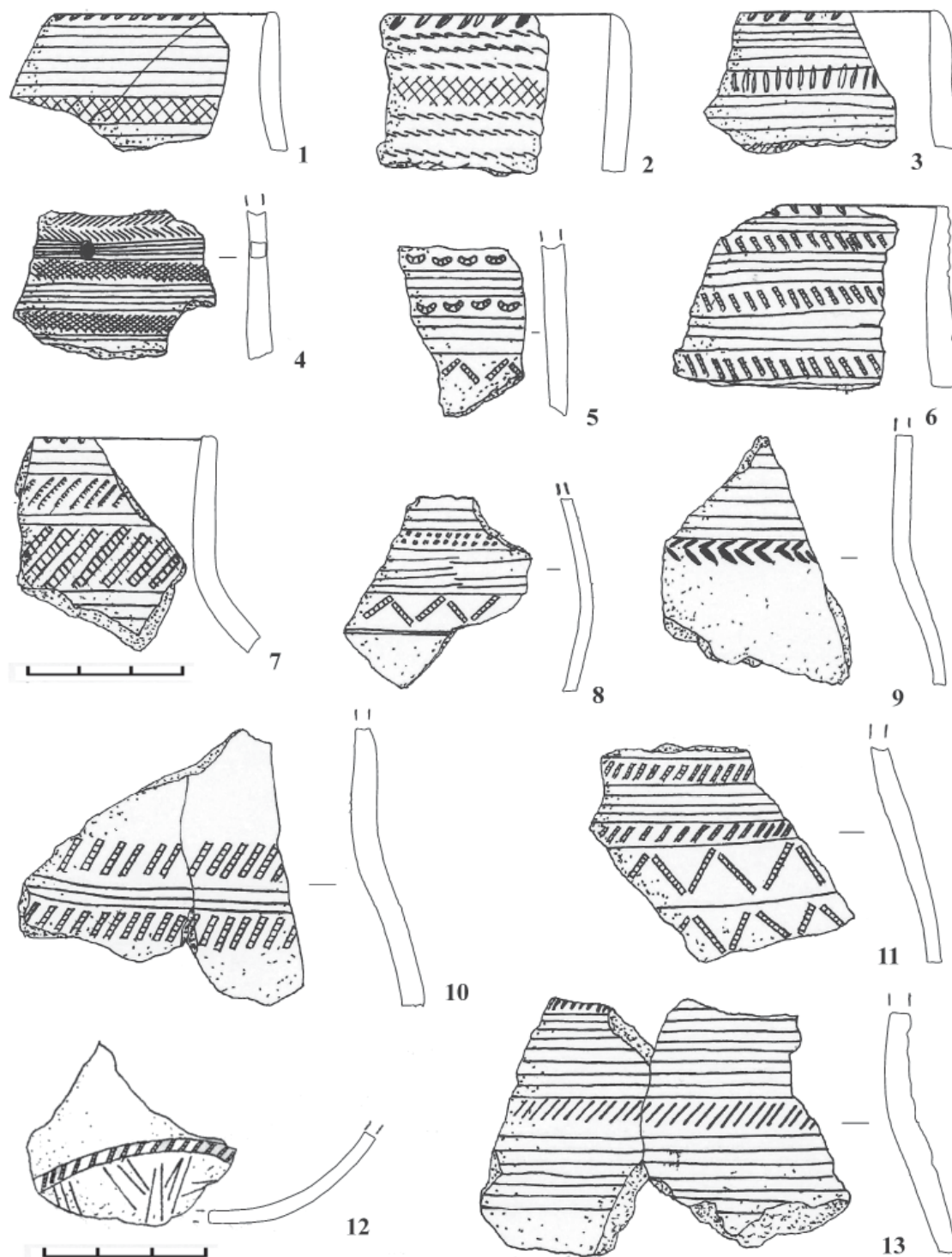

Рис. 6. Кузубаевское I городище.

1–13 – керамический материал кушнаренковской культуры. 1–13 – глина

кой и слабо раздутым туловом – кринкообразная форма (рис. 6: 1, 6, 11, 13).

Кушнаренковская керамика выделяется богатством орнамента, изяществом техники изготовления и формы. Характерными элементами узоров являлись прочерченные горизонтальные линии-желобки, ряды косо поставленного мелкозубчатого штампа, крестообразные насечки (рис. 6: 1–4,

6–11), реже – ряды полулуневидных ямок-гусениц, отпечатков шнура (рис. 6: 2, 5). Сосуды имели округлое или плоское дно (рис. 6: 12).

Караякуповского типа керамики обнаружено еще меньше (выделен 161 сосуд). По морфологическим признакам она близка к кушнаренковской, но отличается по форме и орнаментации. Сосуды имели короткую шейку (горловину) и

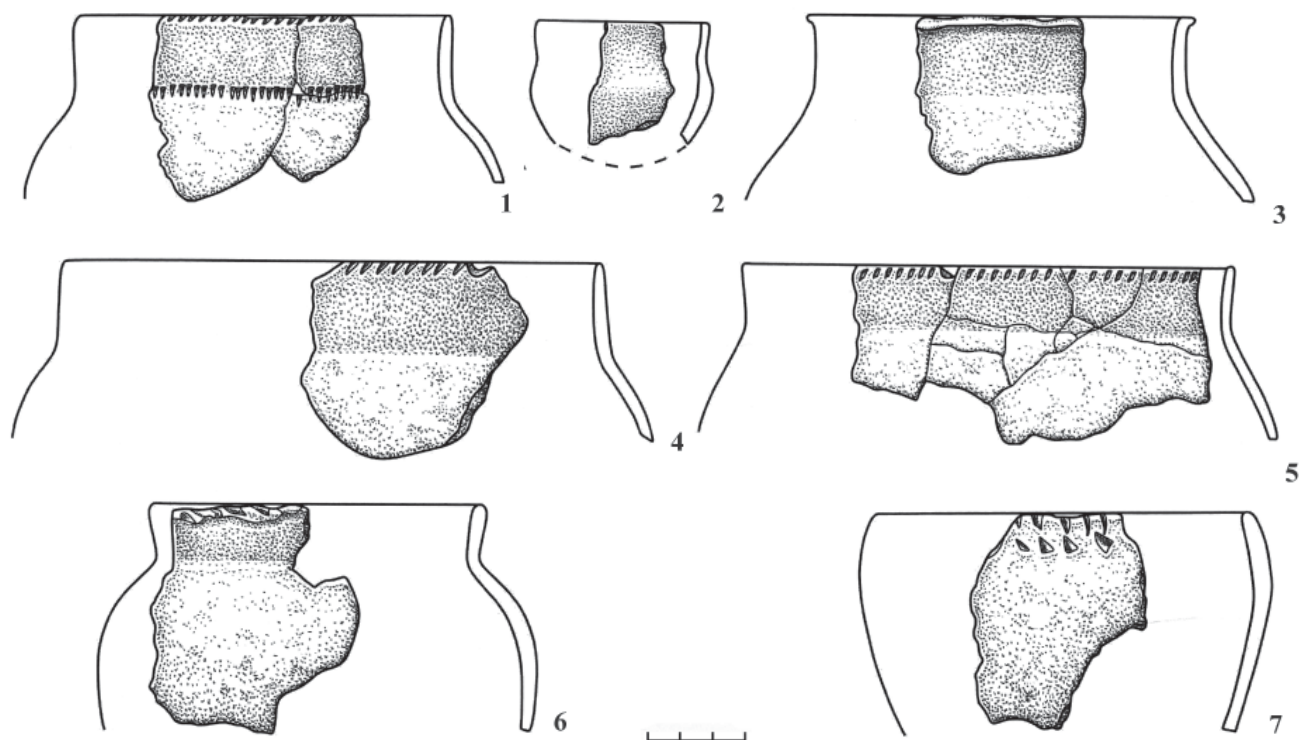

Рис. 7. Кузубаевское I городище. 1–5 – фрагменты венчиков сосудов караякуповской культуры; 6, 7 – фрагменты верхней части сосудов именьковской культуры. 1–7 – глина

приземистое (бомбовидное) тулово. Узоры на сосудах состояли из косо поставленных насечек или отпечатков зубчатого штампа по венчику, рядов ямочных наколов по шейке, тулову (рис. 7: 1, 4, 5). Своеобразием караякуповского типа керамики в данном регионе является отсутствие так называемых «жемчужин» (выпуклостей в виде полугорошин).

Именьковская керамика и по количеству находок в культурном слое Кузубаевского I городища, и по числу выделенных сосудов преобладает над всеми другими группами глиняной посуды (839 сосудов). Сосуды выполнены вручную, без применения гончарного круга. Толщина стенок отличается довольно большими размерами в интервале от 3 до 11 мм. Все сосуды имеют плоские днища, диаметр которых колеблется в пределах 9,0–12,5 см (рис. 8: 9, 10). По характеру обработки выделяются две группы керамики: с неровной бугристой поверхностью, с хорошо обработанной ровной внешней поверхностью. Отличается посуда и составом глиняного теста. Чаще всего в глину включен крупный шамот (кусочки обожженной глины), реже – песок; песок и мелко разбитый шамот. Хорошо обработанные сосуды имеют малые и средние размеры (диаметр венчика в пределах 15,5–27 см). Мастера-гончары имели тенденцию к изготовлению посуды в малых размерах, которая использовалась как столовая.

К этой группе относятся три сосуда незначительных размеров полной формы, найденные в хозяйственных ямах. Один сосуд отличается стройностью пропорций (рис. 11: 3). Наибольший его диаметр приходится на верхнюю треть (10,7 см), при диаметре по венчику 9,7, дна 6,4 см и высоте 10,7 см. По краю венчика нанесены насечки. Согласно классификации Г.И. Матвеевой, сосуд можно отнести к типу I (Матвеева, 2003, рис. 19). Другой сосуд также относительно небольших размеров, слабо профилирован, тулово почти цилиндрической формы, что создает некоторую массивность (рис. 11: 1). Увеличение диаметра, хотя и незначительное, приходится на среднюю часть (диаметр тулова 10,3 см при диаметре венчика 10,0 см, дна – 8,2 см). Подобного типа горшок был найден на Щербетьском I островном селище (Старостин, 1967, табл. 26: 6). Третий сосуд имеет очень малые размеры. Его форма чашевидная, с едва заметной шейкой (рис. 11: 2). Чашечка имела следующие размеры: диаметр по венчику 5,2 см, высота 4,3 см. Ее можно отнести к группе стопок (Матвеева, 2003, рис. 19).

Хорошо обработанные сосуды иногда были украшены следующими элементами узора: насечки или защипы по венчику (рис. 7: 6, 7; 8: 4, 6, 7, 11), один-два ряда разной формы ямок, насечек (рис. 8: 6, 7, 11), ломаная или волнистая линия из мелких ямок. Орнамент наносился в ос-

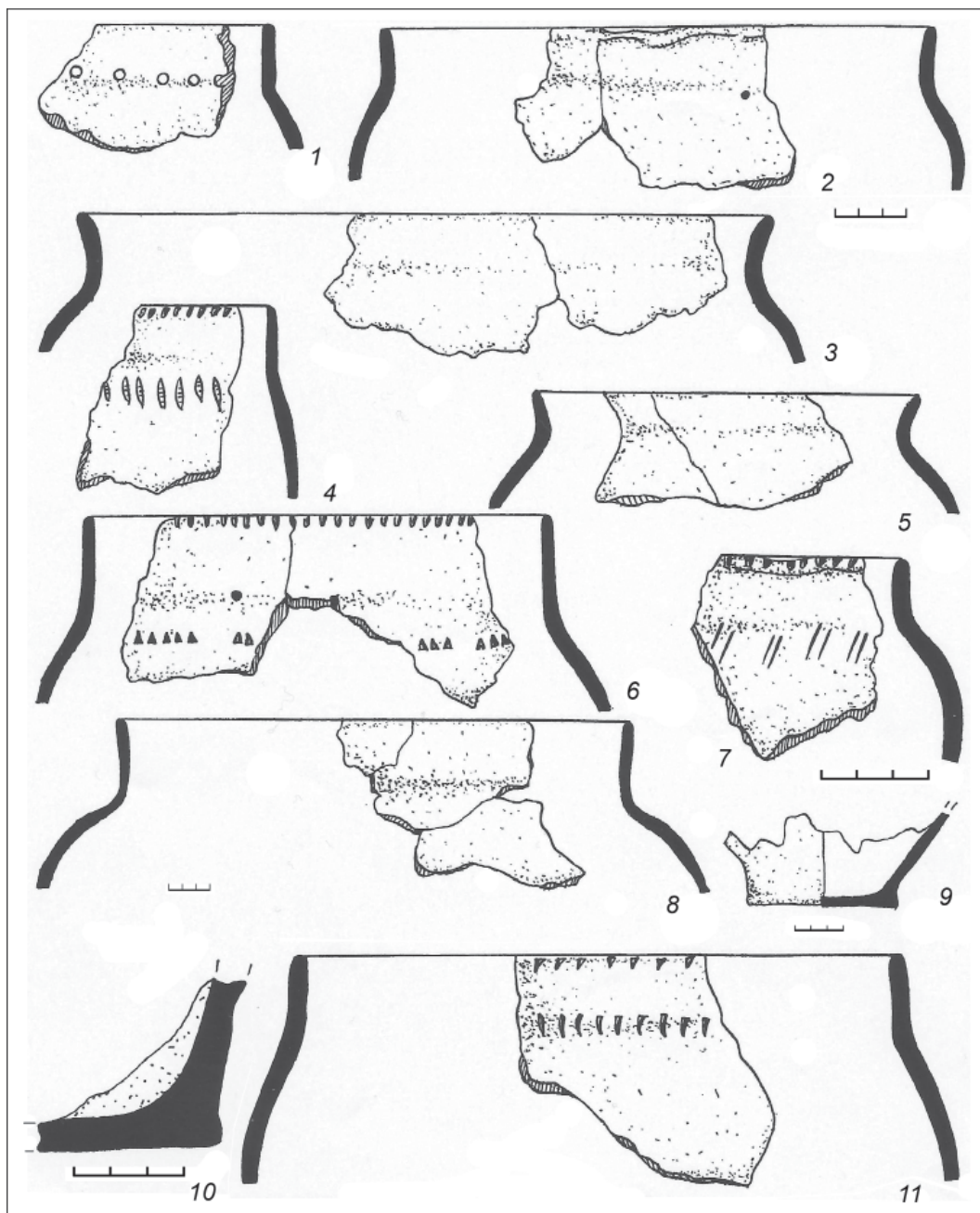

Рис. 8. Кузубаевское I городище. Фрагменты сосудов именковской культуры: 1-8, 11 – фрагменты верхней части сосудов; 9, 10 – дно сосудов. 1-11 – глина

новном по венчику и шейке сосуда, очень редко по плечу.

Грубо выполненная посуда в основном средних и больших размеров. Ее диаметр по венчику колеблется от 19,5 до 28,5 см, от 29,5 см до 42 см. Верхняя часть сосудов (венчик, шейка, плечико) этой группы в ряде случаев была орнаментирована. Орнамент наносился путем накалывания поверхности сосуда концом палочки под разным углом или нажатия пальца по краю венчика. Только в одном случае орнамент нанесен гребенчатым штампом (рис. 8: 4). Основные элементы узора

состояли из защипов или насечек по венчику, рядов ямок круглой, овальной, треугольной, прямоугольной формы. Данная посуда предназначалась для приготовления пищи и хранения продуктов, а также широко использовалась в металлургическом производстве, о чем свидетельствуют следы ошлаковки на поверхности сосудов.

Следует отметить, что нанесение орнамента на сосуды на Кузубаевском I городище наблюдалось не всегда. Он зафиксирован только у 37% от всего собранного керамического материала, но и это была довольно большая цифра по сравнению с

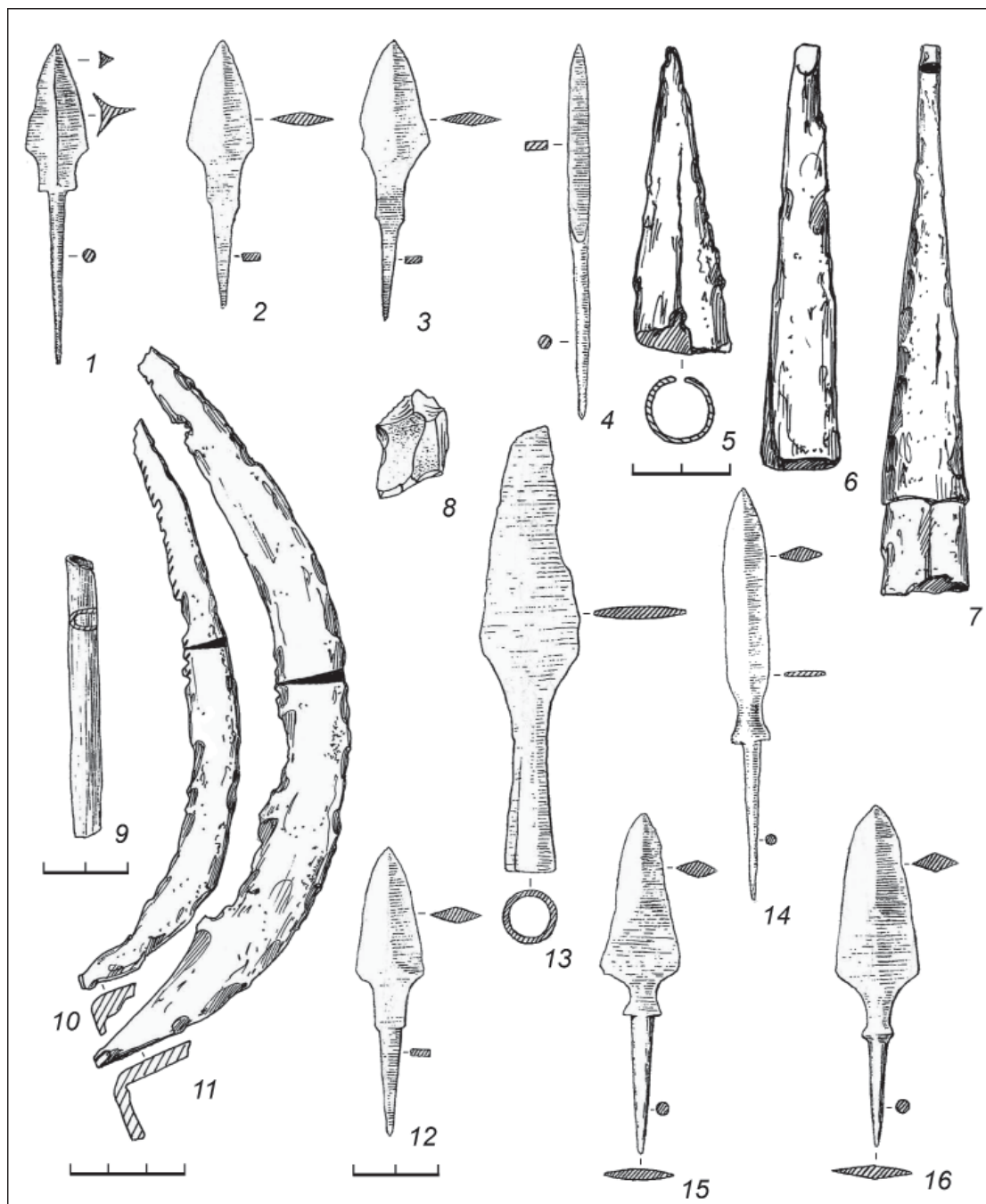

Рис. 9. Кузубаевское I городище. Вещевой инвентарь:
 1-3, 12-16 – наконечники стрел, 4 – шило, 5-7 – втоки, 8 – камень для высекания огня,
 9 – трубочка для трута, 10-11 – серпы. 1-7, 9-16 – железо, 8 – камень

горшками собственно именьковской культуры. Как считала Г.И. Матвеева, «орнамент наносился чаще всего на грубых сосудах с бугристой поверхностью» (Матвеева, 2003, с. 39). Исследовательница отмечала бедноту элементов орнамента и редкость нанесения узора (насечки, круглые вдавления по краю – защипы, один ряд круглых ямок по шейке).

Коллекция вещевого материала, хотя незначительна, но многообразна по своему функциональному назначению. Представлена она

оружием, орудиями труда, элементами поясной гарнитуры, украшениями, в т. ч. бусами, предметами, связанными с цветной и черной металлургией. Хорошо выделяется, хотя немногочисленно, комплекс вещей мазунинской культуры: ножи (рис. 5: 9), бронзовая обойма от ножен (рис. 5: 8), наконечник ремня (рис. 5: 7), поясная накладка (рис. 5: 4), бляшки сферической формы (рис. 5: 3, 5), железная пряжка (рис. 5: 6), железное колечко от головного (?) украшения (рис. 5: 2). Дата их бытования находится в пределах IV-V вв. (Остани-

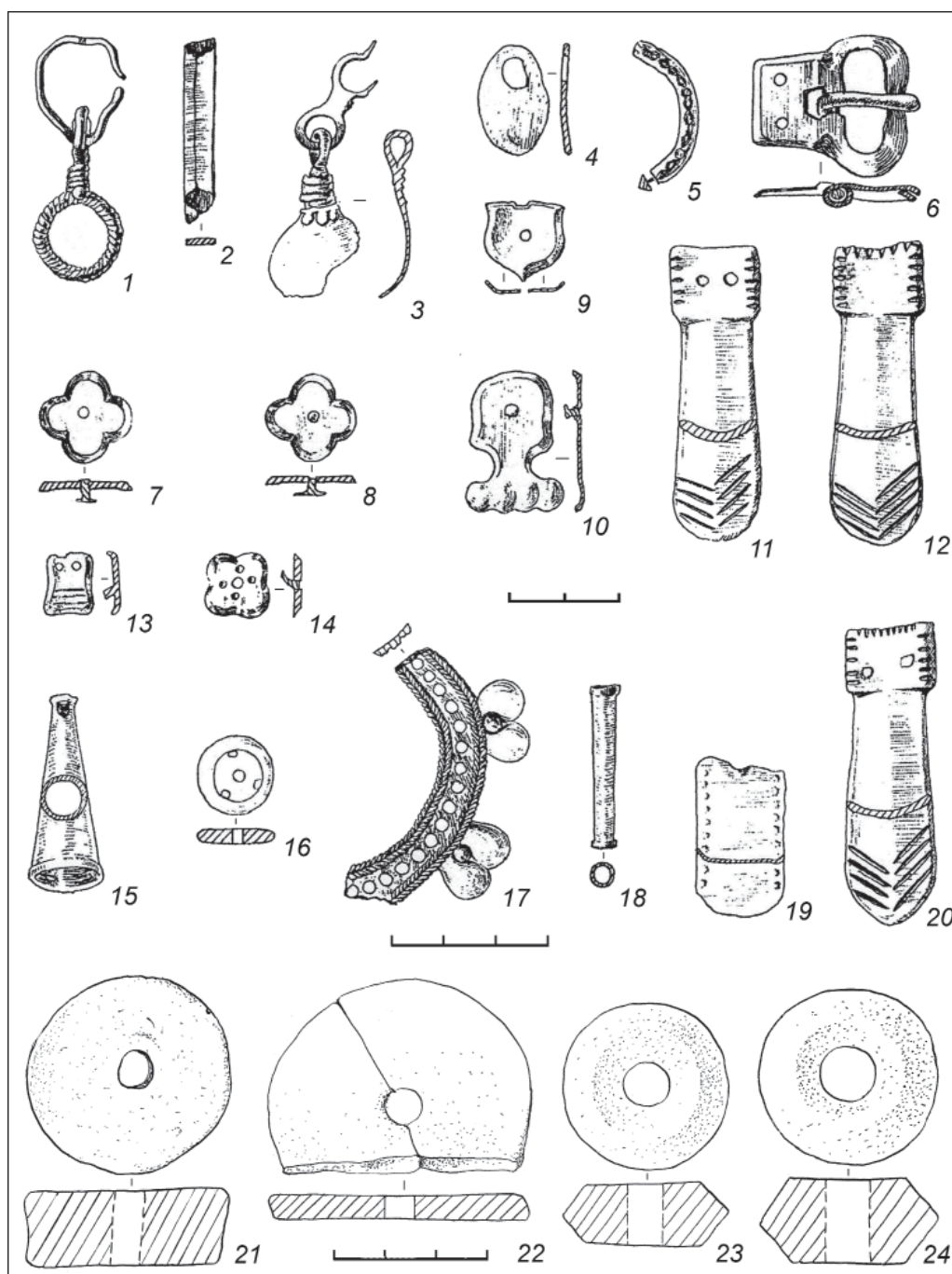

Рис. 10. Кузубаевское I городище. Вещевой инвентарь:
 1, 3, 4, 15 – подвески, 2, 18 – пронизки, 5 – фрагмент сьюльгамы, 6 – пряжка, 7–10, 13, 14 – поясные накладки,
 16 – пуговица, 17 – обломок застёжки, 11, 12, 19, 20 – наконечники ремня, 21–24 – пряслица.
 1–15, 17–20 – бронза, 16 – кость, 21, 22, 24 – глина, 23 – камень

на, 1997, рис. 51). К этому времени можно отнести песты-терочники, часть костяных наконечников стрел и пряслиц.

К более позднему времени (VII в.) относится большинство находок Кузубаевского I городища. Это кочевнические типы железных наконечников стрел (8 экз.), обнаруженные в виде скопления в верхней половине ямы № 26, расположенной в центральной части площадки Кузубаевского I городища, ближе к середине вала (рис. 9: 1–3, 12–

16). Нами было выделено 4 типа наконечников (Останина, 2002, с. 18–19). Особый интерес представляет трехлопастной черешковый наконечник (рис. 9: 1). Оружие такого типа было известно практически во всех синхронных кочевнических комплексах Евразии и предназначалось для борьбы с конницей до появления в VIII–IX вв. защитного вооружения (пластинчатые панцири, кольчуги, шлемы). Черешковые плоские наконечники стрел (рис. 9: 2, 3, 12, 14–16) с треугольным пе-

Рис. 11. Кузубаевское I городище. 1–3 – сосуды именьковской культуры. 1–3 – глина

ром, с сечением в форме ромба в верхней части и овальной – в нижней, что усиливает бронепробивную силу стрелы, составляют большую частьклада (6 экз.). В одном экземпляре представлен втульчатый наконечник стрелы с плоским в сечении пером (рис. 9: 13).

В незначительном количестве найдены втоки конической формы (4 экз.), которые надевались на древко копья (рис. 9: 5–7). Они имели широкое распространение в памятниках средневековья лесной зоны (Иванов, 1987, с. 181).

Орудия труда представлены шильями (рис. 9: 4), ножами, серпами, рыболовными крючками-самоловами, а также жерновами, точильными брусками и большим количеством пряслиц.

С развитием земледелия связаны находки на Кузубаевском I городище двух железных серпов (рис. 9: 10, 11). Они имеют слабо изогнутый клинок. Он заканчивается пяткой, конец которой загнут перпендикулярно к плоскости клинка. Длина клинка равнялась 14,6 см (рис. 9: 10), 18,1 см (рис. 9: 11). Серпы подобной конструкции Ю.А. Краснов относит к типу I и определяет территорию их распространения в степных, лесостепных районах, включая южные окраины леса (Краснов, 1971, с. 71–72). На лезвии одного из серпов сохранились следы зазубрин (рис. 9: 10). Как считает археолог-трасолог С.А. Семенов, зазубрины были необходимы при грубости и значительной толщине стеблей хлебных растений для облегчения их срезки (Семенов, 1974, с. 263).

Зафиксировано в культурном слое городища обилие обломков жерновов (742 мелких и крупных фрагментов и 3 целые формы), появление которых ученые обычно связывают с развитием пашенного земледелия. Большинство жерновов –

каменных дисков имели диаметр 33–45 см при толщине от 3 до 7 см.

Заслуживают внимания находки железных рыболовных крючков, имеющих длину 5,6–8,7 см (3 экз.; рис. 4: 5–7). Они аналогичны по конструкции и размерам находкам на городище Лбище (Матвеева, 2003, рис. 22: 8, 10), Щербетьевском островном I селище и Коминтерновском поселении (Курган), Маклашеевском II городище (Старостин, 1967, табл. 14: 3, 8, 13, 15, 18). Крючки использовались для ловли осетровых рыб (стерлядь, осетр, белуга). Их правильнее называть крючки-самоловы, которые предназначались для зацепки за плавники указанных рыб.

Самой массовой находкой на поселениях именьковской культуры были пряслица. П.Н. Старостин выделил четыре типа (усеченно-биконические, цилиндрические, линзовидные, плоские) (Старостин, 1967, с. 21). Такие же типы обнаружены на Кузубаевском I городище (рис. 10: 21–24), но с преобладанием пряслиц усеченно-конического типа (107 экз.; 87,8%; Останина, 2002, с. 22). Данный тип предметов был характерен прежде всего для поселений именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 21; Матвеева, 2003, с. 40).

Довольно разнообразна коллекция вещей, связанная с металлургическим производством. Это находки в культурном слое большого количества шлаков (363 куска), крицы – один кусок весом 200 г (рис. 4: 11). Имели место и остатки бронзолитейного производства. На городище найдено довольно большое число фрагментов тиглей, а также их полные формы конического и рюмкообразного типа (рис. 4: 8, 10, 12), глиняные льячки для разлива металла (рис. 4: 13), литейные формы (рис. 4: 1–4, 9), предназначенные для отливки

украшений (подвесок, пронизок, слитков цветного металла).

В культурном слое городища найдены предметы поясной гарнитуры: пряжка (рис. 10: 6), поясные накладки (рис. 10: 7–10, 13, 14), наконечники ремней (рис. 10: 11, 12, 19, 20). Если первые две категории выполнены в геральдическом стиле, имеющем широкое распространение в эпоху Великого переселения народов, то литые наконечники ремней прямоугольной формы с ребром жесткости (3 экз., рис. 4: 11, 12, 20) имеют местные истоки (территория Среднего Прикамья).

Предметов украшений насчитываются единицы: подвески (рис. 10: 1, 3, 4, 15), пронизки (рис. 10: 2, 18), перстень. Также в малом числе найдены бусы (21 экз.), выполненные из глины, стекла, янтаря и сердолика, халцедона. Материал, форма, цвет, прозрачность, орнамент, размеры позволили выделить 12 типов бус (Останина, 2002, с. 28–30, вкл.). Наибольшее распространение имели стеклянные одноцветные и глазчатые бусы. Много предметов из бронзы найдено в виде обломков: фибула (рис. 10: 17), сьюльгама (рис. 10: 5), наконечник ремня (рис. 10: 19) и вещи неопределенно назначения.

Приведенный материал датируется VII в. и относится к именьковской, кушнаренковской и караякуповской культурам. Основным занятием населения именьковской культуры было земледелие, скотоводство, подсобную роль играло рыболовство и охота.

Кроме того, Кузубаевское I городище было своеобразным ремесленным центром всей округи. Население кушнаренковской культуры было прежде всего воинами и скотоводами. Не случайно среди остеологического материала так называемых «кухонных остатков» А.Г. Петренко по числу костей/особей на первое место ставила лошадь «степного» типа (Останина, 2002, с. 50–51).

Носители указанных культур проживали на территории юга современной Удмуртии, по неясным пока причинам покинули ее в конце VII в. (климатические изменения, неблагоприятная политическая обстановка).

Кузубаевский клад VII в.

В 2004 г. в Алнашском районе Удмуртской Республики, в 10 км от р. Камы, жителем д. Кузубаево был обнаружен клад археологических предметов VII в. н. э. По чистой случайности он не был сдан в металлолом, а приобретен А.И. Ураковым (г. Ижевск). Клад найден на территории комплекса археологических памятников около д. Кузубаево, относящихся к кушнаренковской и именьковской культурам.

Состав клада **уникален**, его характер дает возможность отнести найденные в нем предметы

к ювелирному производству и условно назвать «кладом ремесленника-ювелира» (Останина и др., 2011).

Впервые в истории российской и советской археологии обнаружен клад подобного состава (всего 1053 предмета, из 277 наиболее ценные). В него входит полный набор древних ювелирных инструментов (ювелирные молотки, шперак – двурогай наковальня, наковальни для выколочки предметов из меди, резец, кронциркуль, зубило, напильники, ножницы по металлу, ложки-лячки из бронзы и железа и т. д.). Он определяет и специализацию мастера – производство поясной гарнитуры знаменитого «геральдического типа», спрос на которую резко вырос в период I и II Тюркского каганата как среди степняков, так и земледельческо-скотоводческого населения Волго-Камья. В исследованиях археологов указываются лишь отдельные находки литейных форм и публикуется значительная масса элементов пояса на территории от Алтая до южнорусских степей. В то время как в кладе имеется коллекция басменных досок для тиснения поясных накладок и наконечников ремней с орнаментом в виде ложной зерни (10 экз.) и матрицы для штамповки (6 экз.) подобной поясной гарнитуры, а также коллекция мастер-моделей геральдических пряжек и готовых изделий, выполненных с их помощью. Мастер-модели поясной гарнитуры и украшений были выполнены из свинцово-оловянного сплава. В состав клада входит и большое число разных категорий предметов, сопровождающих ювелирное производство: слитки меди, латуни, бронзы, заготовки деталей предметов, корбочка для флюса, обломки олова, стеклянных сосудов, обрезки от производства медных изделий, цветной металлолом, представляющий производственный брак и т. д. Поражают своими размерами и весом слитки меди, латуни и бронзы (длина достигает 30 см, вес до 1,4 кг). *В таком наборе предметов техника и технология ювелирного производства I тыс. н. э. в коллекциях музеев России, Европы не представлена.* Кроме чисто бронзовых и латунных предметов поясной гарнитуры мастер делал пояса (возможно, ремонтировал), украшенные зернью и позолотой (амальгама). Мастерская по золочению бронзы в эту эпоху на территории СНГ обнаружена лишь в древнем Пенджикенте (Средняя Азия). В состав клада входили два подобных поясных богатых набора.

В коллекцию изделий и заготовок для них входят и украшения. Сюда можно отнести накладку с перегородчатой псевдовыемчатой «эмалью» (вместо эмали – стеклянные цветные вставки).

Выделяется большая группа предметов **«представительного»** типа, определяющая этническую и культурную принадлежность мастера-ре-

Рис. 12. Кузубаевский клад.

1–3, 10 – мастер-модели (подвеска, пряжка, накладка, подвеска); 4, 6 – накладки с перегородчатой «эмалью»; 5 – печать; 7 – приемник пряжки; 8, 9 – накладки от поясов; 11 – накладка; 12–14 – басменные доски для тиснения.
1–3, 10 – свинцово-оловянный сплав; 4, 6 – бронза, стекло; 5 – глина; 7 – латунь; 8, 9 – латунь, позолота, серебрение; 11 – бронза; 12–14 – оловянная бронза

месленника: печать с изображением музыканта, накладка-оттиск с бухарской монеты, пряжка с личиной мужчины, подвески антропоморфного и зооморфного типов, а также медные монеты среднеазиатского производства (IV в. – Кушаны, VI–VII вв. – Хорезм, VII – пер. пол. VIII в. – чаганиянская) (рис. 12). Тематика изображений указанных изделий имеет самые близкие аналогии в культуре Согда, Хорезма. В VII в. среднеазиатские купцы (особенно были активны купцы из Согда) освоили степной путь торговли с народами Прикамья, они соединяли через торговлю культуры Византии, Ирана, Средней Азии и Дальнего Востока.

Клад ювелира из д. Кузубаево дает *новое представление* о существовании более сложных связей южных народов с населением лесной полосы Восточной Европы, которые не ограничивались только торговлей, имело место и переселение ремесленников, работающих на огромную территорию I и II Тюркских каганатов (552–744 гг.). Наиболее вероятная дата сокрытия клада – третья четверть VII в.

Подобного состава клад ювелира позволяет по-новому судить о древних производствах, культурных связях народов конца VII в. перед началом арабской экспансии в Среднюю Азию, коренным

образом изменившей материальную и художественную культуру этого региона.

Таким образом, клад ювелира из д. Кузбаево уникален.

- Подобный состав и количество орудий труда ювелира VII в. н. э. пока *не обнаружены* на территории стран СНГ и Европы.

- Басменные доски, матрицы, мастер-модели поясной гарнитуры «геральдического типа» и украшений VII в. н. э. еще пока нигде *не найдены* в таком широком ассортименте.

- Комплекс предметов, сопутствующих ювелирному производству, входящий в состав клада,

даст возможность по-новому оценить древнюю технику и технологию изготовления предметов из цветных металлов.

- Наличие ряда предметов восточного художественного искусства, требующего высокой степени квалификации древнего мастера-ювелира, намного увеличит источниковедческую базу археологической науки и искусствоведения.

- Клад дает возможность судить о существовании ремесленного центра высокого уровня на юге современной Удмуртии, имеющего прямые связи со странами Средней Азии

Памятники Камско-Вятского междуречья

История изучения. Средневековые древности Южной Удмуртии целенаправленно стали изучать значительно позже ананьинско-пьяноборских, так как из-за своей специфики – менее выразительные, да и более рассеянные по территории – они не сразу обратили на себя внимание. В 1882 г. Г.Н. Потаниным были проведены небольшие раскопки на Верхнеутчанском городище и осмотрены Варзиатчинские городища на юге Удмуртии (Потанин, 1884, с. 189–259). Городища по рр. Иж и Тойма обследовал в конце 80-х гг. XIX в. А.А. Спицын (Спицын, 1889а, с. 113–116). Благодаря Л.А. Беркутову в начале XX в., наряду с ананьинским и пьяноборским, пополнился и средневековый материал с памятников Удмуртского Прикамья (Беркутов, 1914, с. 35–85). В 1936 г. на юге Удмуртии разведочные работы провел А.П. Смирнов и пришел к выводу, что эта территория была мало заселена и ее освоение относится лишь к X–XII вв. (Смирнов, 1941, с. 110).

Список известных средневековых объектов существенно пополнился в 1954–1957 гг. в связи с работой Удмуртской экспедиции под руководством В.Ф. Генинга (Генинг, 1958, с. 25 и др.). Важные данные были получены В.А. Семеновым в результате раскопок в Алнашском районе Удмуртии Петропавловского могильника второй половины VI–VII вв., где он открыл также несколько новых поселений этого времени (Семенов, 1976, с. 3–50). В 60–70-е гг. XX в. значительные материалы получены на городище Чеганда I (Генинг, 1967, с. 141–163). Большие полевые работы проводились Т.И. Останиной на средневековых городищах: Кузубаевском I, Староигринском, Постольском, Сосновском, Чужьяловском и др. (Останина, 1997; 1985; 1988в; 1999; 2002; 2004 и др.). В 70-х годах XX в. начала исследования Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета под руководством Р.Д. Голдиной, которой в Южной Удмуртии было организовано более 30 разведочных маршрутов, что способствовало результативным раскопкам. Наиболее значительные результаты получены Т.К. Ютиной, целенаправленно изучавшей средневековые памятники Южной Удмуртии. Под ее руководством раскопаны Верхнеутчанское, Благодатское I, Варалинское, Варзи-Пельгинское городища и другие памятники (Ютина, 1984, с. 53–66; 1984а, с. 71–94; 1987, с. 219; 1994). В 2004–2006 гг. отрядом КВАЭ под руководством О.А. Казанцевой в Алнашском районе разведочные работы были продолжены (Казанцева, Широкова, 2005, с. 349). Подробная история изучения

объектов Южной Удмуртии изложена Т.К. Ютиной (1984а, с. 71–94).

Верхнеутчанская культура, сложившаяся на ананьинско-пьяноборской основе, представляет собой один из этапов в формировании оригинального и самобытного этнического образования – южные удмурты. Названа по городищу у с. Верхний Утчан (Карчеткер, Алангасар, Карйл), на одном из правобережных притоков р. Тоймы, правого притока р. Камы. Выделена Т.К. Ютиной (Ютина, 1984; 1994) и Р.Д. Голдиной (Голдина, 1999).

Верхнеутчанская культура VI–IX вв. расположена в южной части Камско-Вятского междуречья, на правобережье р. Камы от устья р. Вятки на юго-западе и до устья р. Сивы на северо-востоке, включая бассейны правобережных притоков р. Камы: Ижа, Тоймы. Единичные памятники известны в междуречье в бассейнах Валы, притока р. Кильмези, левобережного притока р. Вятки и Сивы (рис. 1).

Поселения и могильники. Известно более 70 памятников этого времени. Среди них более 30 неукрепленных поселений – селищ, которые занимали обычно невысокие мысы. Площадь их вариативна: 250–6000 кв. м. Селища верхнеутчанской культуры практически не изучены. О.А. Казанцевой в 1984 г. были проведены небольшие раскопки Петропавловских II и III селищ возле известного Петропавловского могильника. На II селище исследовано 72 кв. м, на III – 25,5 кв. м. Мощность слоев в обоих случаях 25–36 см. Обнаружены несколько столбовых и хозяйственных ям, мелкие фрагменты лепной керамики чашевидной формы с орнаментом в виде редких круглых ямок. Примеси к глиняному тесту – песок, толченая раковина и мелкий шамот. Кроме того, собраны сырые и кальцинированные кости, обломки тигля и глиняной обмазки, глиняная лепешка (Казанцева, 1985).

Селища группируются вокруг городищ (Варзи-Ятчинское городище и пять селищ; Кузубаевские I, II городища и десять селищ). Известно около 30 укрепленных поселений – городищ, среди которых выделены жилые (Благодатское I, Верхнеутчанское, Кузубаевское I городище и другие), городища-убежища (Староигринское); городище-наблюдательный пункт (Благодатское II). Некоторые из городищ, вероятно, являлись и ремесленными центрами (Кузубаевское I, Верхнеутчанское городища). Отметим, что городища являлись, очевидно, и административными центрами территорий с расположенными на ней неукреплен-

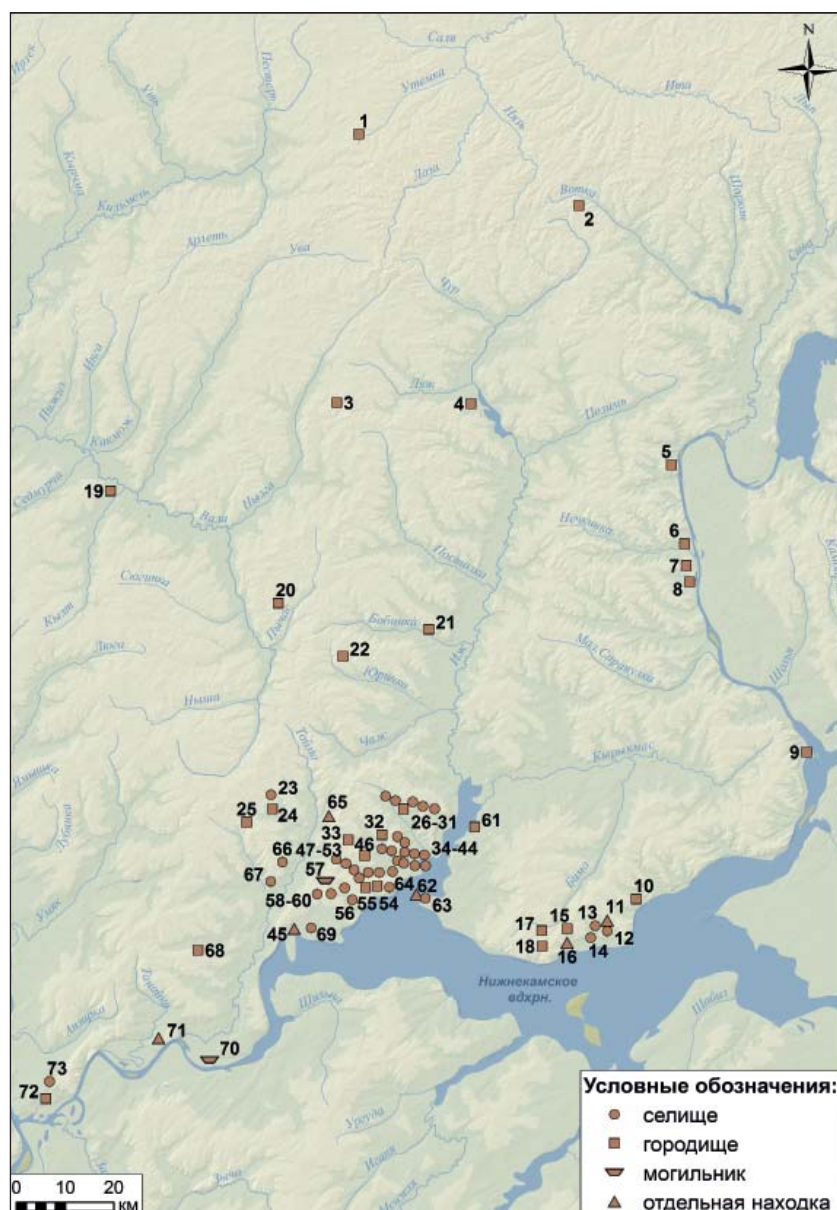

Рис. 1. Карта-схема памятников верхнеутчанской культуры.

- 1 – Каравайское городище; 2 – Сосновское городище; 3 – Постольское городище; 4 – Чужьяловское городище; 5 – Макаровское II городище; 6 – Дуванакское городище; 7 – Дулесовское городище; 8 – Яромасское городище; 9 – Момылевское городище; 10 – Чегандинское I городище; 11 – Быргындинские III находки; 12 – Быргындинское IV поселение; 13 – Быргындинское II селище; 14 – Барановское селище; 15 – Нырғындынское II городище; 16 – Нырғындынские находки; 17 – Ильнешское городище; 18 – Верхнемалиновское городище; 19 – Касихинское (Пор-кар) городище; 20 – Минчегуртское городище; 21 – Бобьячинское (Цыгановское, Ильинское) городище; 22 – Юринское (Акаршурское, Каменный Ключ) городище; 23 – Верхнеутчанское селище; 24 – Верхне-Утчанское (Карчеткер, Карил, Алангасар) городище; 25 – Варалинское (Будда вось, Семиколенная гора) городище; 26 – Варзятчинское I селище; 27 – Варзятчинское II селище; 28 – Варзятчинское III селище; 29 – Варзятчинское IV селище; 30 – Варзятчинское V селище; 31 – Варзятчинское I (Каргурезь) городище; 32 – Кузубаевское I (Каргурезь) городище; 33 – Кузубаевское II (Каргурезь) городище; 34 – Кузубаевское I селище; 35 – Кузубаевское II селище; 36 – Кузубаевское III селище; 37 – Кузубаевское IV селище; 38 – Кузубаевское V селище; 39 – Кузубаевское VI (?) селище; 40 – Кузубаевское (Вужгурт) поселение; 41 – Варзиомгинское I селище; 42 – Варзиомгинское II селище; 43 – Варзинское I селище; 44 – Варзинское II селище; 45 – Сарсазское местонахождение керамики; 46 – Чумалийское городище; 47 – Успенское селище; 48 – Чумалийское I селище; 49 – Чумалийское II селище; 50 – Чумалийское III селище; 51 – Муважинское I селище; 52 – Муважинское II селище; 53 – Муважинское III селище; 54 – Благодатское I городище; 55 – Благодатское II городище; 56 – Благодатское селище; 57 – Петропавловский могильник; 58 – Петропавловское I селище; 59 – Петропавловское II селище; 60 – Петропавловское III селище; 61 – Варзипельгинское городище; 62 – Татарскочилчинское местонахождение керамики; 63 – Татарскочилчинское селище; 64 – Гольшурминское селище; 65 – Кадиковское местонахождение керамики; 66 – Староюмьинское селище; 67 – Камаевское селище; 68 – Староигринское (Каргурезь) городище; 69 – Куразовское III селище; 70 – Луговой II могильник (?); 71 – Гремячключевское местонахождение керамики; 72 – Котловское II городище; 73 – Котловское II селище

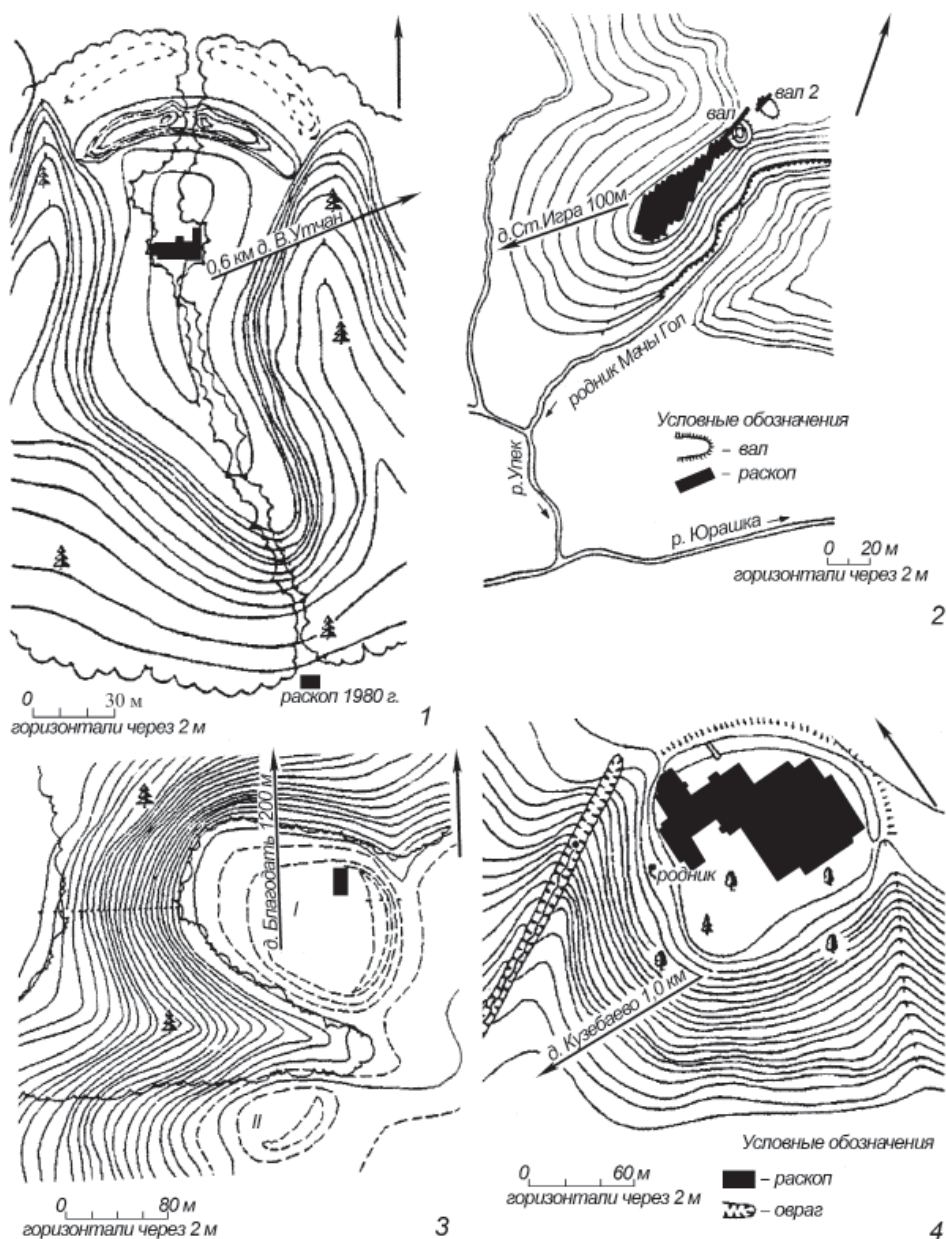

Рис. 2. Топографические планы городищ верхнеутчанской культуры.
1 – Верхнеутчанское; 2 – Староигринское; 3 – Благодатские I и II; 4 – Кузубаевское I

ными селищами. Городища мысовые, одноплощадочные, с земляно-деревянными укреплениями (вал – ров) (Благодатское I, Кузубаевское I городища и др.). Вал часто имеет кокошничкообразную форму. Известны многорядовые укрепления (2–3 вала) (Верхнеутчанское, Варалинское, Староигринское и др. городища). Мощность культурных напластований 10–150 см. Наиболее изучены Верхнеутчанское (рис. 2: 1), Кузубаевское I (рис. 2: 4), Благодатские I, II (рис. 2: 3), Постольское, Яромасское, Староигринское (рис. 2: 2) городища и др. Некоторые из этих памятников: Кузубаевское I, Сосновское, Чужьяловское городища Т.И. Останиной отнесены к мазунинской культуре, но поскольку на них встречаются и более позд-

ние материалы, вероятно, они представляли собой объекты длительного использования.

Верхнеутчанское городище исследовано Т.К. Ютиной (1984, с. 53–66), имеет площадь 8650 кв. м, мощность слоя до 1 м, расположено на мысу, огражденном двумя валами. I – длиной 85 м, шириной 13, высотой 7 м, II – слабо заметен; между ними – ров. Обнаружены остатки наземных сооружений, зольники, хозяйственные ямы и остатки металлургического производства.

К жилищам можно отнести сооружение II Верхнеутчанского городища подквадратной формы, размерами 5,65×6,5 м, глубиной 15–20 см, заполненное серым гумусированным суглинком (рис. 3: 2). В центре сооружения выявлена пло-

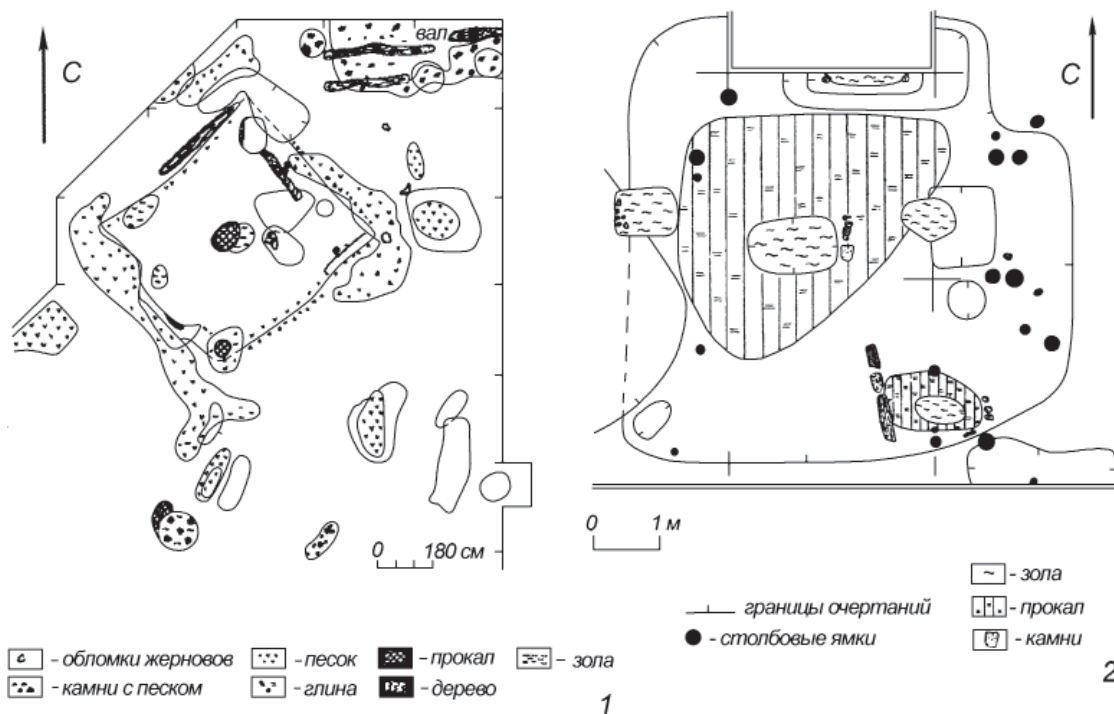

Рис. 3. 1 – Кузубаевское I городище. Очертания жилища на раскопе 1990 г. (по Т.И. Останиной); 2 – Верхнеутчанское городище. Очертания сооружения II (по Т.К. Ютиной); 3 – реконструкция жилища-полуземлянки на раскопе 1990 г. Кузубаевского I городища (по Т.И. Останиной и Н.Ф. Шишкиной)

щадка прокаленной глины подтреугольной формы размерами 3,5×3,5 м, мощностью 10 см. На ней обнаружен прямоугольной формы зольник размерами 0,82×1,3 м, толщиной 43 см. С востока зольник огражден камнями. Подобный зольник выявлен так же у западной стенки сооружения. В юго-восточном углу зафиксировано еще одно пятно прокаленной глины овальной формы размерами 1,4×0,85 м, мощностью 0,4 м, с запада ограниченное камнями. На площади сооружения располагались несколько хозяйственных и столбовых ям, собраны многочисленные фрагменты керамики, вещи, сырые и кальцинированные кости.

Еще одно жилище исследовано Т.И. Останиной на Кузубаевском I городище (рис. 3: 1, 3). Оно представляло собой полуземлянку размерами 6,6×6,6 м, глубиной от поверхности 78 см и врезано в материк на 20–40 см. На дне обнаружен очаг-козрище, четыре хозяйственных и три столбовых ямы. Иногда вдоль стен зафиксирован тлен от бревен, диаметром 24–30 см. Автор раскопок находит в конструкции жилища особое сходство с жилищами Маклашеевского II и Именьковского городищ и считает его именьковским (Останина, 2002, с. 12–13, 52). Но сопоставление его с другими финно-пермскими жилищами указывает на обычность этих характеристик и для построек

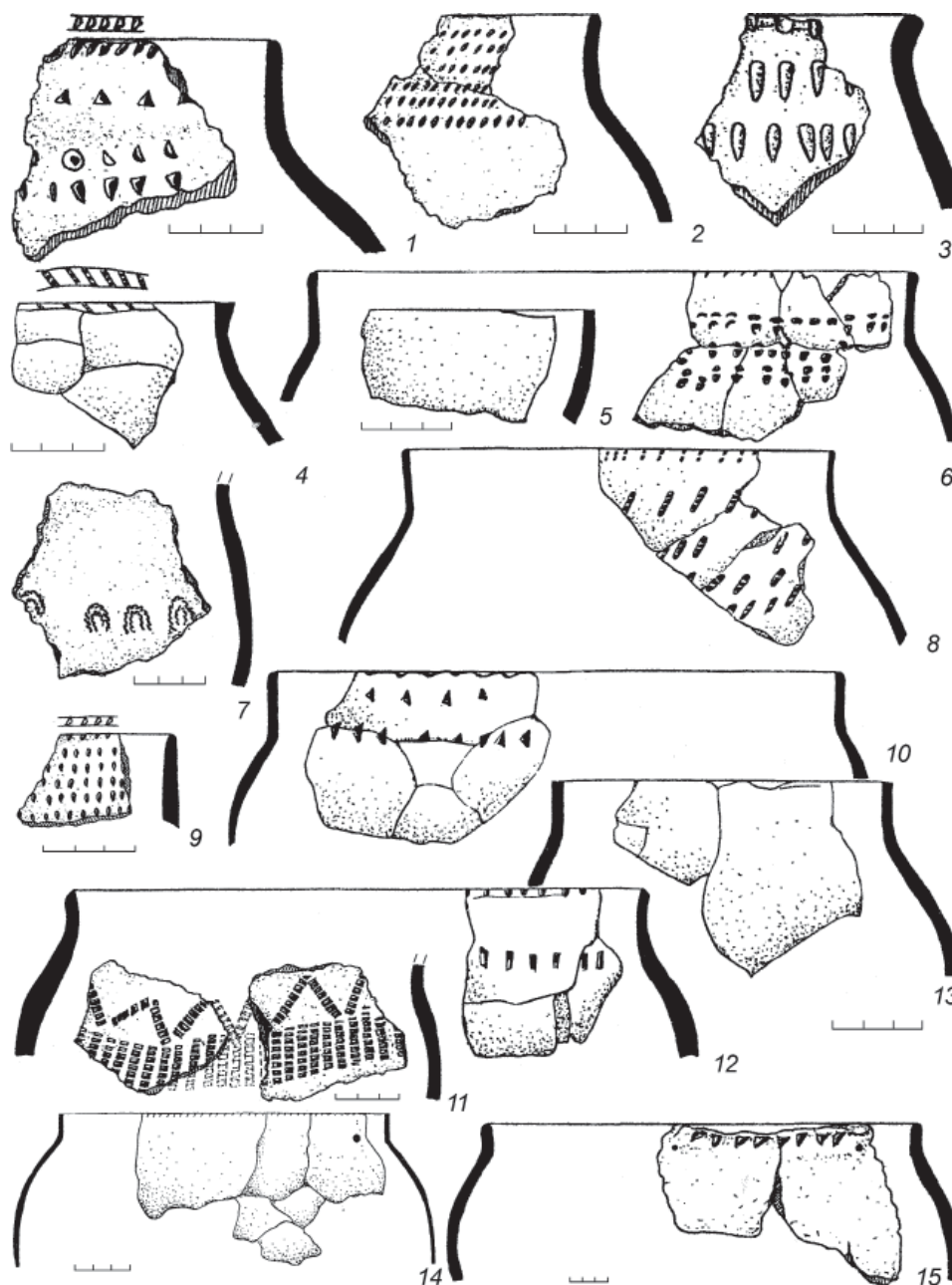

Рис. 4. Глиняная посуда верхнеутчанского типа городищ верхнеутчанской культуры.

1–3, 7, 9, 11, 15 – Кузубаевское I (по Т.И. Останиной);

4–6, 8, 10, 12–14 – Верхнеутчанское (по Т.К. Ютиной) городища

пермян (Черных, 2010). На участках, где располагалось жилище, собран 841 фрагмент керамики: 731 – именьковской и 110 кушнареновско-караевокуповской (Останина, 2002, с. 13). Остается лишь посетовать на отсутствие планиграфии керамики на всех раскопах, в том числе и этом. Принадлежность этого сооружения к именьковским древностям весьма сомнительна и требует дополнительных аргументов.

На верхнеутчанских памятниках Т.К. Ютиной выделено несколько комплексов глиняной посуды (Ютина, 1994, с. 9–10). Собственно верхнеутчанский, местный тип керамики, обязанный

происхождением чегандинско-мазунинскому, изготовлен способом ленточного налеса, имеет характерную, довольно низкую округлодонную чашевидную форму с разными вариантами оформления горловины: профилированную открытую и закрытую, а также непрофилированную прямостенную (рис. 4). Глиняное тесто этой посуды содержит традиционно камские примеси: толченую речную раковину, шамот, растительные остатки в разных сочетаниях. Однако поверхность их не так тщательно заглажена, как в ананьинско-пьяноборское время. Степень орнаментации 68–84,4%. Орнамент нанесен по верхнему срезу горловины

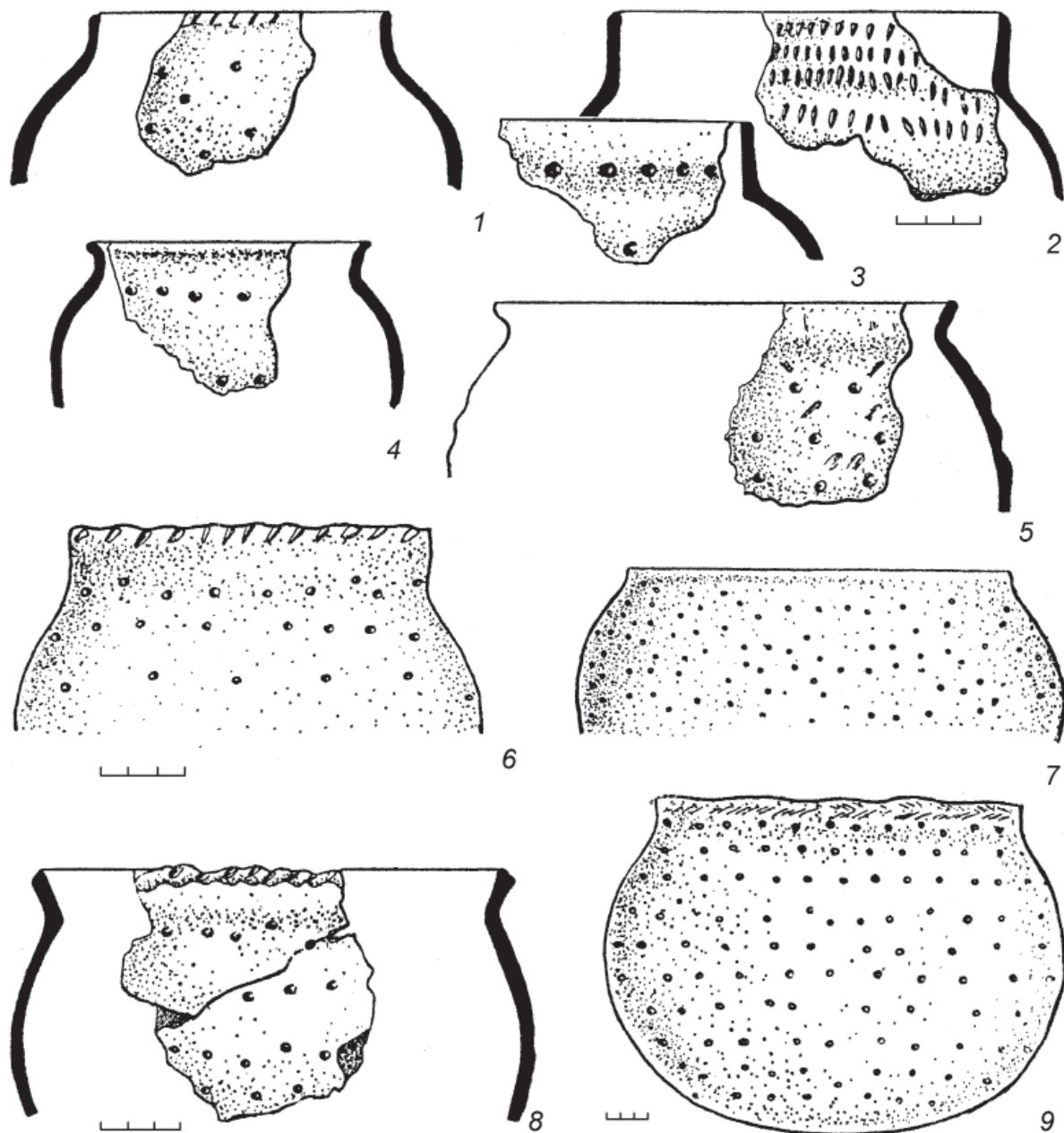

Рис. 5. Глиняная посуда бахмутинского типа городищ верхнеутчанской культуры.
1, 3–5, 7 – Чеганда I (по В.Ф. Генингу);
2, 6, 8, 9 – Момылевское (по Н.Л. Решетникову и И.Ю. Пастушенко) городища

сосудов в виде насечек или одного или нескольких рядов вдавлений различной формы по шейке. Около 15–30% посуды не орнаментировано.

На памятниках Южной Удмуртии второй половины I тыс. н. э., например, на Момылевском городище (раскопки Н.Л. Решетникова и И.Ю. Пастушенко) встречается и посуда бахмутинского типа (рис. 5), распространенного в основном на территории Башкирии. Она представляла собой круглодонные округлобокие сосуды с оформленной горловиной, содержащие в глиняном тесте примесь песка или мелкого галечника, сплошь украшенные редкими, чаще круглой

формы, ямочками. Появление их на правобережье р. Камы – результат начавшегося давления на удмуртское население Бельского бассейна турбаслинских и романовских групп, появившихся там в VI в. Бахмутинцы, поселяясь на правобережье Камы, попадали в родственную среду и жили совместно с верхнеутчанцами на одних поселениях.

Из могильников верхнеутчанской культуры исследован один – Петропавловский (Семенов, 1976, с. 3–50). Он находится на высокой террасе р. Голшурминки, правого притока р. Иж, в д. Петропавловке Алнашского района Удмуртии (рис. 6: 43). Исследовано 28 захоронений VI–

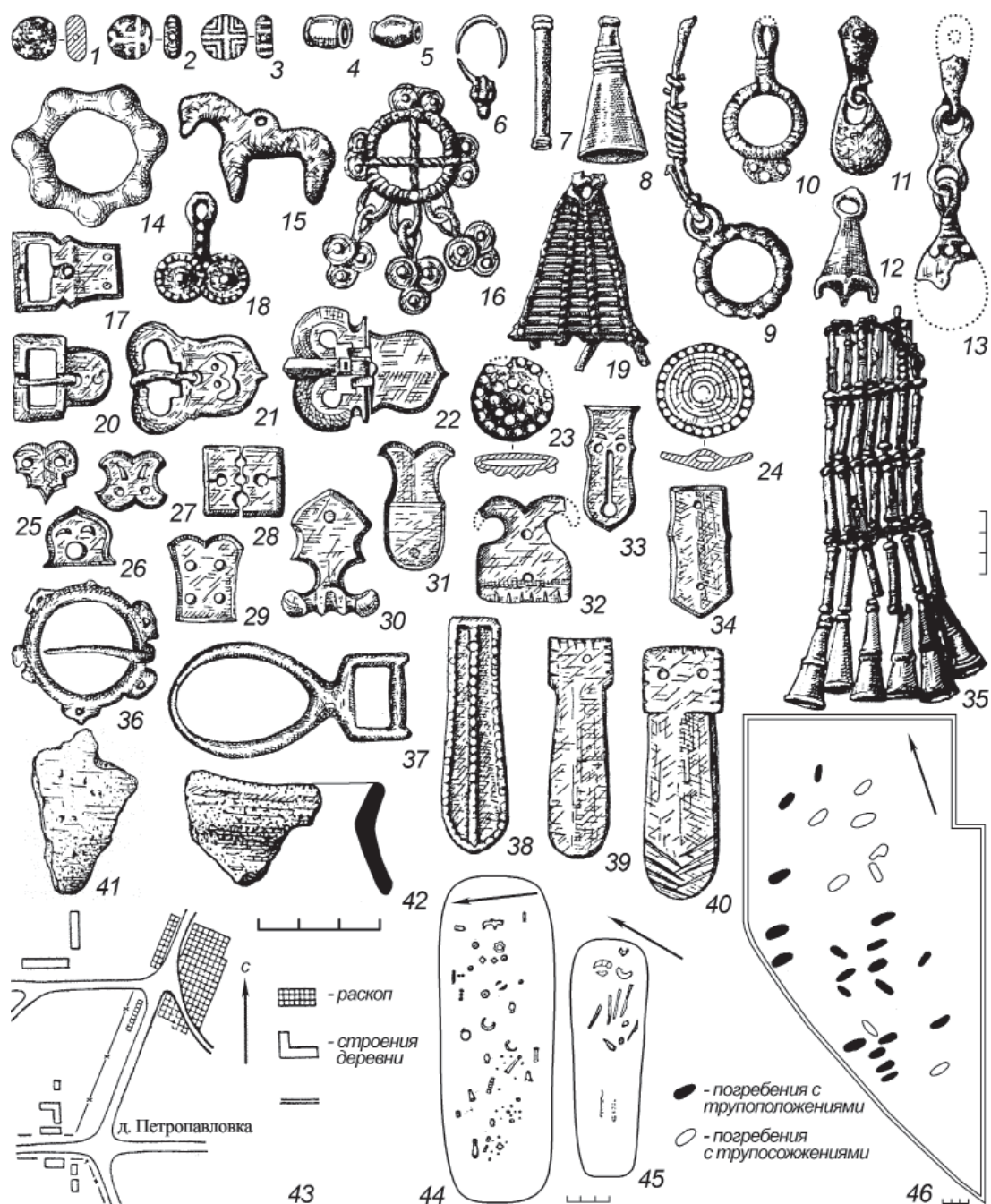

Рис. 6. Петропавловский могильник.

1–5 – бусы; 6, 10, 12 – височные подвески; 7, 8 – пронизки; 9, 14–16, 18, 19 – подвески; 11, 13 – привески; 17, 20–22, 37 – пряжки; 23, 24 – бляшки; 25–34 – накладки; 36 – фибула; 38–40 – наконечники ремней; 35 – составная подвеска; 41, 42 – фрагменты керамики; 43 – топографическая схема; 44 – план погр. 12; 45 – план погр. 10; 46 – план раскопа.

1–3 – сердолик; 4–5 – стекло; 6–40 – бронза; 41, 42 – глина (по В.А. Семенову).

VII вв. Могилы располагались нечеткими рядами и группами (рис. 6: 46). Ориентировка могильных ям двух видов – широтная и меридиональная. Глубина ям небольшая – 0,38–0,76 м. Размеры их соответствуют размерам погребенных людей. Зафиксированы два обряда погребения: труположение в гробовище, вытянуто на спине (17 захоронений, рис. 6: 45) и трупосожжение на стороне, без вещей (рис. 6: 44). Остатки праха сыпали в гроб в беспорядке (9 случаев). Украшения и со-

провожающий инвентарь бросали в могилу по мере ее заполнения. Характер находок от способа захоронения не зависел.

На Петропавловском некрополе собрано большое число поясной гарнитуры геральдического облика: пряжек (рис. 6: 17, 20–22), различных вариантов накладок (рис. 6: 25–34), наконечников ремней (рис. 6: 38–40). Встречались также сердоликовые и стеклянные бусы (рис. 6: 1–5), височные (рис. 6: 6, 10, 12) и нагрудные подвески

(рис. 6: 9, 14, 15, 16, 19, 35), пронизки (рис. 6: 7, 8), шейные гривны, различные бляшки (рис. 6: 23, 24), фибулы (рис. 6: 36) и другие вещи. Многочисленны железные предметы: наконечники стрел, удила, шило, ложкарь, скобели, серпы, наконечники копий. Шесть могил – безынвентарные. При этом в двух из них умершие были погребены по способу труположения, в четырех – трупосождения. В.А. Семенов, раскопавший Петропавловский могильник, датировал его второй половиной VI–VII вв. (Семенов, 1976, с. 48).

Что касается культурной принадлежности Петропавловского могильника, то попытка Т.И. Останиной связать его с именьковской культурой (Останина, 2018, с. 266–267) представляется не совсем удачной, так как именьковской керамики в могилах нет. В захоронениях 2, 10 и 16 обнаружены фрагменты посуды прикамского типа с профилированной шейкой, растительной примесью и множеством мелких шербинок на поверхности (раковина?) без орнамента (рис. 6: 41, 42). В безынвентарной могиле 6 были найдены три фрагмента от одного сосуда куштерьякского типа (Семенов, 1976, с. 47–48). Учитывая, что в трех могилах керамика имеет местный, прикамский вид, а в захоронениях содержится типичный финно-пермский материал: гривны, височные подвески, пронизки, подвески, привески, фибулы, сложно-составные подвески, железные наконечники стрел и копий, серпы, скобели, кочедыки, топоры, втоки, мотыжка; а в непосредственной близости от могильника (200–260 м) располагаются три селища с местной прикамской посудой (Казанцева, 1985), то есть все основания считать этот объект принадлежащим местной верхнеутчанской культуре.

Датировка. Одна из непростых проблем верхнеутчанской культуры – ее датировка. Оснований для определения дат немного, но они есть. Очевидно, часть памятников начинает функционировать в конце IV–V вв. Так, на Староигринском городище в Граховском районе Удмуртии обнаружены два бронзовых перстня (Останина, 1985, рис. 5, 1, 2). Один из них – пластинчатый, украшенный шестью рядами вдавлений, имеет аналогии в погребениях IV в. Суворовского могильника на р. Вятке (Лещинская, 2014, с. 79, табл. 2, 2–5), другой, с тремя рядами выпуклостей на щитке, – в погребениях конца IV–V вв. этого же круга: Первомайском (там же, с. 193, табл. 96, 5, 7), Тюм-Тюм. На городище Старая Игра найден железный вток круглого сечения от древка копья (Останина, 1985, рис. 5, 26). Подобные изделия хорошо известны на памятниках пермских народов, где датируются VIII–IX вв.: полемской (Варнинский – Семенов, 1980, табл. XXIII, 11–165) и др.), ломоватовской (Аверинский II, Щукинский могильники – Голди-

на, 1985, табл. XXVII, 13–16), еманаевской (Еманаевское городище – Лещинская, 1988, рис. 13, 12–15). Три аналогичных предмета происходят и из Кузебаевского I городища верхнеутчанской культуры (Останина, 2002, рис. 4, 1), а также из могилы 10 Петропавловского могильника (Семенов, 1976, табл. VIII, 7).

На этом же памятнике найден обломок фибулы (рис. 7: 24) типа, хорошо известного на раннесредневековых памятниках Башкирии, в частности в погребениях 148 и 183 Бирского могильника. Н.А. Мажитов датировал эти могилы концом V–VI вв. (Мажитов, 1968, табл. 8, 11; 16, 5, с. 42–43), А.К. Амброз – VII в. (Амброз, 1980, рис. 11, 18, с. 47).

К VII в. относится набор бронзовых подвесок Благодатского I городища, представляющих соединения овалов, украшенных выпуклинами (рис. 7: 6, 7, 13, 14). Подобные встречались в комплексах VII в. полемской культуры (Голдина, 2012, рис. 5, 3), в могиле 27 Петропавловского некрополя (Семенов, 1976, табл. IV–9). Судя по разнообразию их вариантов в верхнеутчанской культуре, именно здесь находилось место их производства. С Благодатского I городища происходит перстень с тремя шумящими привесками (рис. 7: 15). Подобный экземпляр выявлен в могиле 306 VIII в. Агафоновского I могильника на севере Пермского края (Голдина и др., 1980, табл. XXXIX–8).

Широкую дату имеют овальные привески от шумящих подвесок, обнаруженные как на Благодатском I (рис. 7: 3, 4, 10), так и на Кузебаевском I городище (рис. 7: 21) и Петропавловском могильнике (рис. 6: 11). Они происходят из могил VII в. Концовского могильника на р. Вятке (Иванова, 1988, рис. 14), из захоронений VII в. полемской культуры (Голдина, 2012, рис. 5, 1, 44), из некрополей VII в. ломоватовской культуры (Голдина, 1985, рис. 16, 46); из Тольенского могильника IX – начала X вв. на р. Чепце (Семенов, 1988, рис. 3, 24).

Пронизки-трубочки и рожковые (рис. 7: 27, 28), найденные на Кузебаевском I городище и Петропавловском могильнике (рис. 6: 7, 8), многочисленны на памятниках VII–VIII вв. ломоватовской (Голдина, 1985, рис. 16, 63) и полемской (Голдина, 2012, рис. 5, 45, 47; 6, 62) культур.

Овальные привески с петлей, поперечной обмоткой и выпуклостями у ее основания из Кузебаево I (рис. 7: 29) и Петропавловского могильника (рис. 6: 13) имели хождение у пермян: Концовский могильник VI–VII вв. (Иванова, 1988, с. 20, рис. 16, 5), Варнинский могильник VI–X вв. (Семенов, 1980, табл. VI–40, 42), погребение 107 IX в. Тольенского могильника (Семенов, 1988, рис. 3, 24) и др.

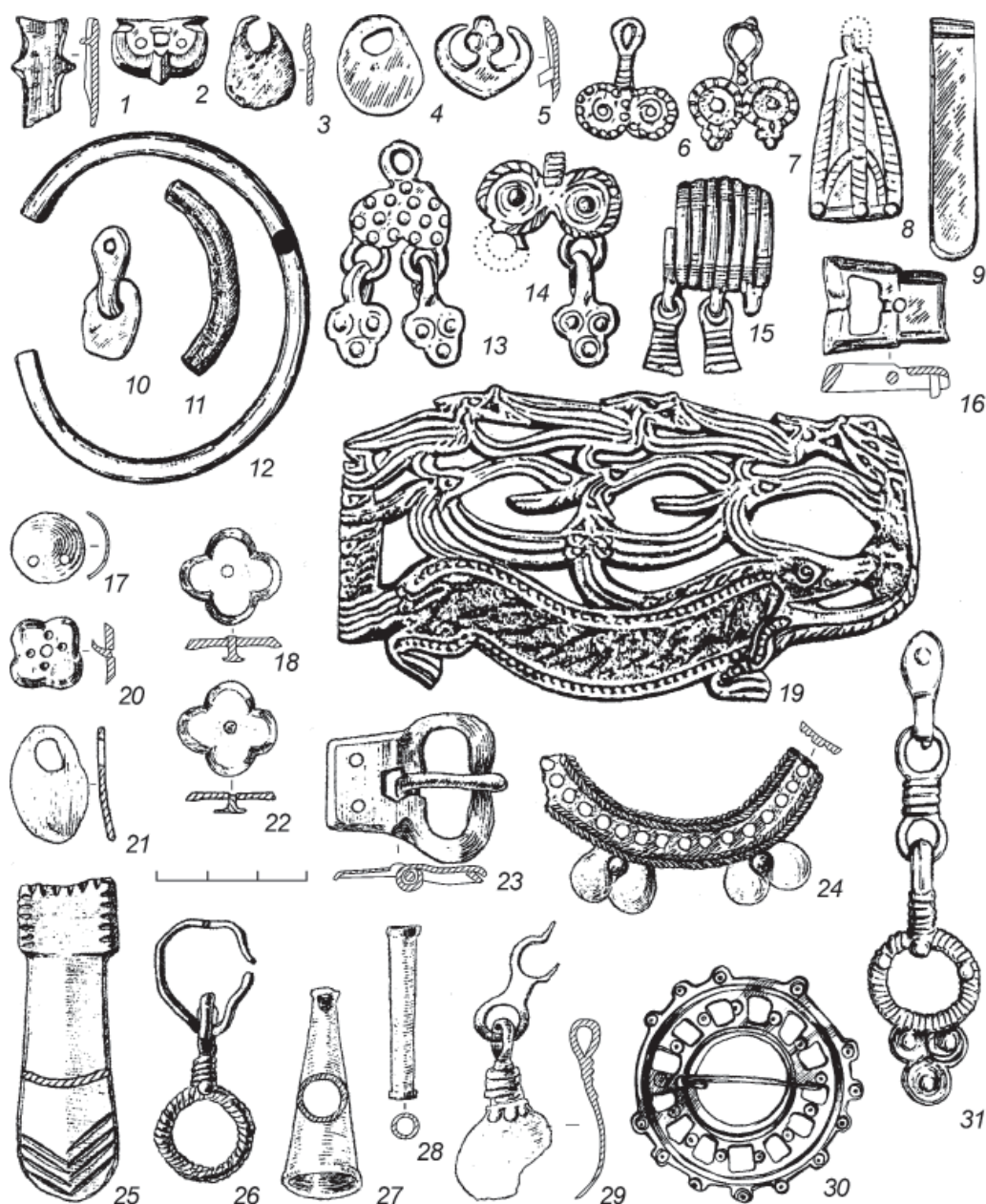

Рис. 7. Бронзовые изделия памятников верхнеутчанской культуры.

1–16 – Благодатское I городище; 17, 18, 21–29 – Кузубаевское I городище; 19 – Нырғындынская находка; 30 – Нырғындынское II городище; 31 – Бырғындынские III находки. 1, 2, 5, 9, 17, 18, 22 – накладки; 3, 4, 10, 21, 29 – привески; 6–8, 13, 14 – подвески; 11, 12 – браслеты; 15 – перстень; 16, 23 – пряжки; 19 – культовая пластина; 24, 30 – фибулы; 25 – наконечник ремня; 26, 31 – височная подвеска; 27, 28 – пронизки. 1–31 – бронза.

Вызывает определенные сомнения датировка, предлагаемая Т.И. Останиной для Кузубаевского I городища – центра группы памятников на правобережных притоках р. Иж – IV–V, VII вв. (Останина, 2002). Городище имеет площадь около 10 тыс. кв. м, из них исследовано 5011 кв. м (50% памятника). Городищу предшествовало селище мазунинского времени (Кузубаевское I), занимавшее основную исследованную часть памятника. Культурный слой селища IV–V вв. располагался на площадке городища, под его валом и за его пре-

делами (Останина, 2002, с. 48). Время создания вала выяснить не удалось, но поскольку ситуация в крае обострилась на рубеже IV–V вв., можно предполагать, что это событие относится именно к этому времени.

Что касается искусственного перерыва в существовании памятника (VI в.), на котором настаивает Т.И. Останина (заглавие работы 2002 г.), то, скорее всего, это заблуждение, так как на городище есть вещи и VI в. Например, трубчатые пронизки, появившись в VI в. (Верх-Саинский

Рис. 8. Бусы Благодатского I городища. 1–4 – стекло; 5–7 – сердолик; 8 – янтарь. 9, 10 – реконструкция поясов по материалам Кузубаевского клада (автор Т.И. Останина).

могильник неволинской культуры) (Голдина и др., 2018, табл. 442–6) продолжали использоваться и в VII–VIII вв. В Кузубаевском клада, найденном на склоне мыса городища, присутствует височная подвеска с гроздьё из крупной зерни или псевдозерни (Останина, 2011, рис. 7, 7, 8). Такие подвески найдены в могилах VI в. Верх-Саинского могильника (Голдина и др., 2018, табл. 442–2). Из этих же комплексов VI в. происходит и круглая туалетная коробочка (там же, табл. 442–13), похожая на коробочку Кузубаевского клада (Останина, 2011, рис. 9, 17). Наличие в клада вещей VI в. (например, сьюлгамы и др.) признает и Т.И. Останина, но считает их случайным явлением, а предметы VI в. – происходящими из разграблен-

ных могил неизвестных некрополей (Останина, 2011, с. 43). Думаем, что присутствие на кузубаевских объектах вещей не только IV–V вв., но и VI–VII вв., а также VIII–IX вв. позволяет считать этот регион обитаемым непрерывно на протяжении всей второй половины I тыс. н. э.

К этой же мысли приводит и анализ бусинного материала. Набор бус верхнеутчанской культуры соответствует собраниям из многочисленных средневековых могильников пермских культур 2-ой половины I тыс. н. э., в частности неволинской. Крупные янтарные дисковидные бусы, найденные на Благодатском I (рис. 8: 8), и Кузубаевском I (Останина, 2002, вклейка, рис. 16, 18) городищах, по мнению Е.В. Голдиной, появились

в Верхнем Прикамье в конце IV в., часто использовались в V и VI вв., значительно реже в VII в. (Голдина Е., 2010, рис. 34, тип ХА2). Янтарь такого типа имеет прибалтийское происхождение, но в Прикамье готовые образцы попадали через юг Европы, Причерноморье и Кавказ (там же, с. 42–43).

К VI в. относятся две стеклянные цилиндрические бусины Благодатского I городища: черная с белой полосой (рис. 8: 4) и синяя одноцветная полупрозрачная (рис. 8: 3). Подобные встречались в могилах VI в. неволинской культуры (Голдина Е., 2010, рис. 30, тип VIБ10а и IA31).

Сердоликовые таблетковидные бусы с травленным белым орнаментом хорошо известны на Кузубаевском I городище (Останина, 2002, вклейка между с. 84–85, рис. 7), Петропавловском могильнике (рис. 6: 1–3), Верхнеутчанском городище (Ютина, 1984, рис. 5, 1). По данным Е.В. Голдиной такие бусы были распространены в неволинской культуре в VI–VII вв. (Голдина Е., 2010, рис. 34, тип XIБ3). Более узкую дату – VI в. – имеет оригинальная белая (сердоликовая?) зонная бусина с черным орнаментом из Благодатского I городища (рис. 8: 5). Подобная найдена в погр. 1 кургана 63 Верх-Саинского могильника Пермского края, датированном второй половиной VI в. (Голдина Е., 2018, рис. 15, тип XIВ1).

Хрустальная подтреугольно-эллипсоидная бусина из Кузубаевского I городища (Останина, 2002, вклейка, рис. 4) по неволинским материалам датируется концом VII–VIII вв. (Голдина Е., 2010, с. 142, рис. 32, тип XIГ5). Ребристая зонная бирюзовая бусина из непрозрачного стекла (Благодатское I городище) (рис. 8: 2) аналогична экземплярам конца VII–IX вв. неволинской культуры (там же, с. 147, рис. 37, тип IA24–25). Этим же временем датируется Е.В. Голдиной (2010, с. 147, рис. 37, тип VIIБ26) и стеклянная мозаичная шарообразная бусина с желто-красными глазками из Кузубаевского I городища (Останина, 2002, вклейка, рис. 14). Шарообразные и зонные сердоликовые изделия небольших размеров (Благодатское I городище) (рис. 8: 6, 7) были распространены в Неволино в VI–IX вв. (Голдина Е., 2010, с. 146, рис. 36, тип XIА1–2). Широко с конца IV по IX вв. встречались в Неволино изделия из синего полупрозрачного стекла в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (Голдина Е., 2010, с. 144, рис. 34, типы IVA16 и IVA49), обнаруженные на Кузубаевском I городище (Останина, 2002, вклейка, рис. 9), а также бочонкообразные синие полупрозрачные из Благодатского I городища (рис. 8: 3).

Итак, накопленные к настоящему времени материалы позволяют определить рубежи верхнеутчанской культуры VI–IX вв. Ранняя дата – рубеж

V–VI в. – связана с окончанием функционирования могильников мазунинского типа, завершающих пьяноборскую эпоху в Среднем Прикамье. Поздняя – рубеж IX–X вв. – возникновение в Среднем Поволжье государства Волжская Булгария, оказавшего мощное воздействие на пермский мир, появление в Нижнем Прикамье и на Вятке первых русских поселений и активизация степных тюркоязычных кочевников.

Из единичных находок верхнеутчанской культуры интерес представляет бронзовая культовая пластина размером 10×18,2 см (рис. 7: 19), найденная А.А. Спицыным в 1898 г. возле д. Ныргында (Спицын, 1906, с. 52). Эта пластина представляет собой один из самых южных выдающихся образцов пермского звериного стиля, расцвет которого падает на эпоху раннего средневековья. С художественной точки зрения композиция совершенна: мастер не только воплотил в бронзе сложные многофигурные элементы, но и живо передал стремительность движения, полета всех составляющих его фигур. Ныргындинский ящер датируется VI–VIII вв.

Уникален Кузубаевский клад (1053 предмета, из них ценных – 277) (Останина и др., 2011), найденный в 2004 г., по словам находчика, на склоне Кузубаевского I городища. В составе клада – набор разнообразных ювелирных инструментов, гарнитура поясов, среднеазиатские монеты, латунное блюдо, фрагменты стеклянных сосудов, латунные и бронзовые слитки и др. Т.И. Останина считает его цельным собранием и датирует VII в. Можно сохранить название этого объекта «Кузубаевский клад ювелира VII в.», имея в виду пояса геральдического типа и ювелирные приспособления для их производства (рис. 9: 1–12). При этом следует признать, что это собрание синкретичное, вещи происходят из разных памятников разного времени, и остается только сожалеть, что мы еще так мало знаем о богатейшем наследии своего края и недостаточно работаем в поле. Это клад, скорее всего, коллекция, собранная на различных памятниках юга Удмуртии в результате деятельности черных копателей, и происходит по меньшей мере из нескольких разграбленных объектов: могильников РЖВ – бронзовые наконечники стрел (VII–IX вв. до н. э.) (Останина, 2011, рис. 20, 1–14), некрополей IV–V вв. н. э. (рис. 9: 23–25) и памятников VII в. – геральдический стиль.

Из Кузубаевского клада происходят несколько предметов среднеазиатского происхождения. Среди них медная монета – подражание монетам Васудевы, одного из последних правителей династии Великих Кушан (рис. 9: 22). По мнению А.Б. Никитина, эту монету-подражание можно отнести к IV в. Другая медная хорезмийская монета

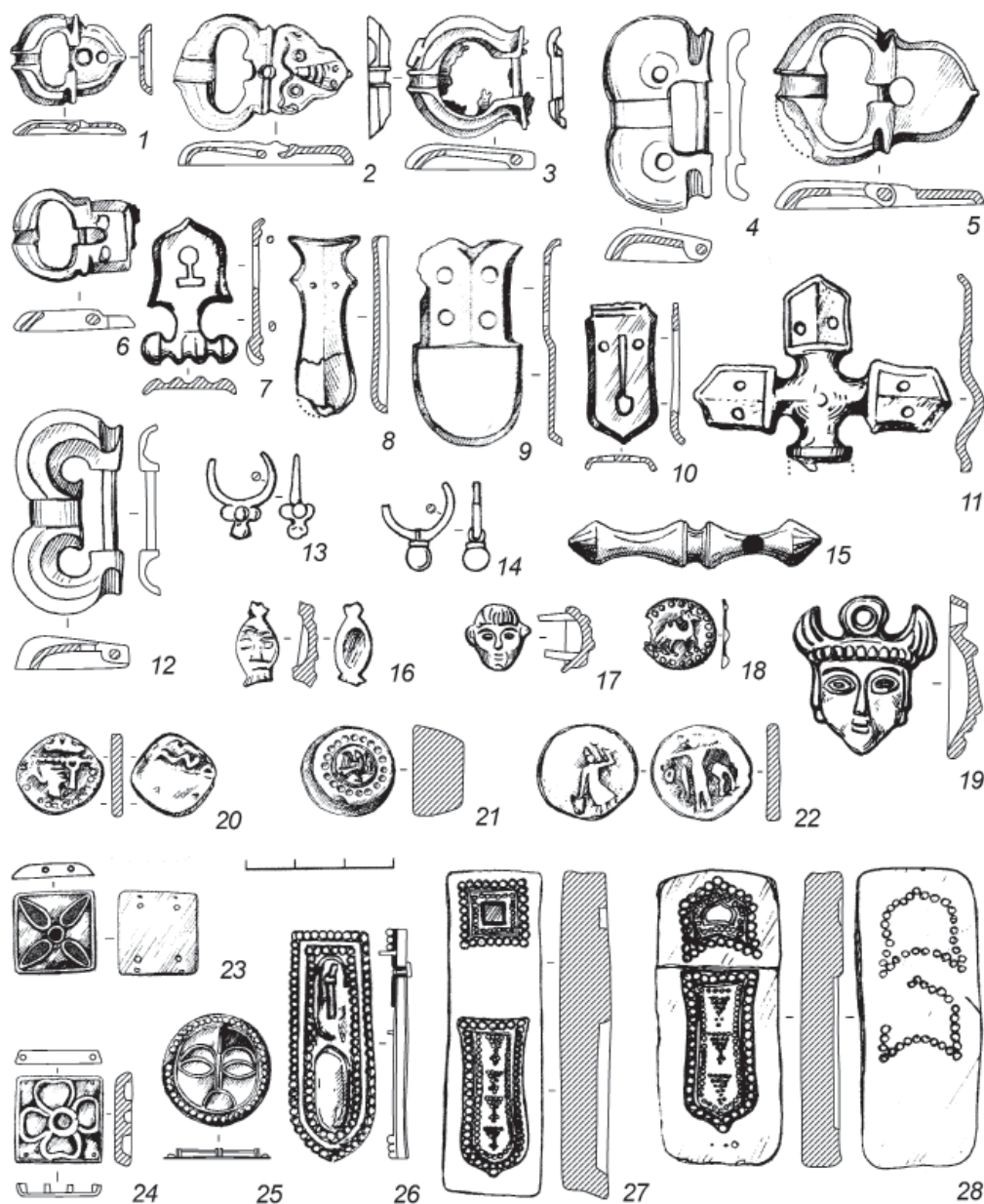

Рис. 9. Кузубаевский клад. 1–6, 12 – пряжки; 7–11, 17, 18, 23–25 – накладки; 13, 14 – височные подвески; 15 – костьльк; 16, 19 – антропоморфные подвески; 20, 22 – монеты; 21 – основа для изготовления литейной формы (А.Б. Никитин); 26 – наконечник ремня; 27, 28 – басменные доски. 1–5, 7–11, 13–16, 19 – свинцово-оловянный сплав; 6, 12, 17, 18, 20 – бронза; 21 – глина; 22 – медь; 23, 25 – бронза, стекло; 24 – медь с серебром, позолота; 26 – латунь, позолота; 27–28 – оловянная бронза (по Т.И. Останиной)

(тип Т по классификации Б.И. Вайнберг) (рис. 9: 20) датирована VI–VII вв. (Останина и др., 2011, с. 92–93). Еще одна бронзовая среднеазиатская монета (область Северной Бактрии) датирована Н. Двуреченской VII – первой половиной VIII в. (там же, с. 40, рис. 7, 23).

Среди находок бронзовая накладка – оттиск (рис. 9: 18) с бухарской монеты (Бухарский Согд) V–VII вв. с изображением двугорбого верблюда и ободка из кружков (там же, с. 40, рис. 7, 22). В коллекции имеется также подвеска из свинцово-оловянного сплава с изображением безбородой головки (мужская?, женская?) в крылатой короне (рис. 9: 19). По мнению А.Б. Никитина, иконогра-

фия этого изделия восходит к изображениям на монетах «белых гуннов» или эфталитов (Останина и др., 2011, с. 93–94).

Интересен предмет Кузубаевского клада, связываемый с восточной традицией, названный Т.И. Останиной «печать» с изображением человеческой фигуры, держащей арфу (рис. 9: 21). А.Б. Никитин считает, что он мог использоваться для изготовления литейной формы для отливки мелких бляшек с таким изображением. Им определен и круг возможного изготовления: Древний Египет, Месопотамия, Индия, но предпочтительнее – Средняя Азия (Останина и др., 2011, с. 94).

Соотношение между видами сельскохозяйственных животных по количеству костей из раскопок памятников верхнеутчанской культуры (в %) (по Петренко, 2007, табл. 36)

Городище	Всего	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь
Варалинское	68	17,6	–	72,1	10,3
Верхнее-Утчанское	89	15,7	7,9	39,3	31,1
I Благодатское	99	18,2	6,0	36,4	39,4
Сосновское	27	18,5	7,4	18,5	55,6
Чужьяловское	166	34,3	2,4	14,5	48,8
Кузебаевское	131	25,2	3,8	21,4	49,6

Интерес представляет цельнолитая пряжка с ложем для язычка, подтреугольным щитком, на котором изображена морда сайгака (рис. 9: 2). А.Б. Никитин сообщает, что сайгак нигде, кроме Средней Азии, не встречается. Подобная пряжка обнаружена в погребении 67 Аверинского II могильника (VII в.) в Верхокамье (Голдина, Кананин, 1989, рис. 47, 17). Авторы исследования о Кузебаевском кладе считают, что ювелир, создавший его основные изделия, происходил из Средней Азии (Останина и др., 2011, с. 81). Однако возможен и другой вариант: мастер – из среды именьковского населения. Ведь там тоже металлообрабатывающие производства были хорошо развиты (Матвеева, 2003, с. 43–45; Завьялов и др., 2009, с. 108–125). Находки среднеазиатских вещей: монет, металлических украшений, посуды – в Прикамье хорошо известны с рубежа эр. Например, на Гляденовском костыше найдены монеты Кадфиза I (30 г. до н. э. – 10 г. н. э.), Хувишки (106–133 г.) – правителей Кушанского царства, Санабара, царя Сакастана (I в. н. э.) (Лепихин, Мельничук, 1996, с. 51).

В III–IV вв. в Среднее Прикамье поступила большая серия (известно 170 экз. из 10 могильников) накладок из раковин турбинелла пирум, обитающих в мелководных заливах Индийского океана и на Шри-Ланке. В Прикамье они пришли через Среднюю Азию, использовались преимущественно для украшения поясов (Голдина, 2018). Начиная с конца IV в. и до IX в. в Прикамье систематически шел поток из Средней Азии сасанидских и среднеазиатских монет и металлической посуды, византийских монет, парадной посуды и украшений, хорезмийских монет и посуды (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010а, с. 163–177). Очевидно, появление среднеазиатских вещей IV–VII вв. в Кузебаевском кладе – одно из свидетельств налаженных торговых контактов населения Прикамья со Средней Азией.

Хозяйство населения верхнеутчанской культуры, как и у других финно-пермян 2-ой половины I тыс. н. э., – комплексное. Наряду с уже известным подсечно-огневым стало впервые применяться и пашенное земледелие. Об этом свидетельствует изменившийся набор сельскохозяйственных ору-

дий: железные косы (Чужьяловское, Сосновское городища), серпы (рис. 10: 18,19; Кузебаевское I, Староигринское и др. городища, Петропавловский могильник), мотыги, песты, втульчатые железные топоры. Многочисленны находки жерновов (Староигринское, Варалинское, Благодатское I, Кузебаевское I городища). На Староигринском городище обнаружено 23 фрагмента предположительно от 5 жерновов диаметром 23–40 см и толщиной 2,0–7,8 см (Останина, 1985, с. 87–88), из Кузебаевского I городища происходят 742 обломка 89 жерновов и 3 целых диаметром 33–45 см и толщиной 3–7 см (Останина, 2002, с. 23).

Зерна злаков или их отпечатки выявлены на Староигринском и Сосновском городищах. В обоих случаях это голозерный ячмень (Останина, 1997, с. 152). Известен состав злаков из поселений неволинской культуры IV–IX вв. Кунгурской лесостепи, находящихся чуть восточнее верхнеутчанской, примерно в таких же физико-географических условиях. Здесь многочисленны зерна пшеницы мягкой, полбы-двузернянки, овса полевого, ржи посевной, ячменя обыкновенного и бутылковидного; единично, но встречались зерна пшеницы карликовой и пшеницы твердой.

О развитии животноводства свидетельствуют фаунистические остатки с Верхнеутчанского, Кузебаевского I, Благодатского I, Варалинского, Чужьяловского, Сосновского, Постольского городищ (Петренко, 1984; Петренко, 2007, с. 95, табл. 35). Конечно, приводимые ниже проценты не всегда отражают объективную картину, но общий фон состояния животноводства и охоты в этом крае они все-таки дают. Домашние животные представлены в остеологических материалах по числу костей % от 100% (Постольское, но очень малая выборка – 27 костей) до 39,3% (Варалинское). Наиболее реальны цифры – 56,8% (Чужьяловское), 63,9% (Кузебаевское I), 47,6% (Благодатское I) и 79,4% (Сосновское городище). По видам домашних животных первые три наиболее распространенных места в разных вариациях занимали лошадь, крупный рогатый скот, свиньи (табл. 1). Менее популярен был мелкий рогатый скот. Почти половина найденных костей принадлежали

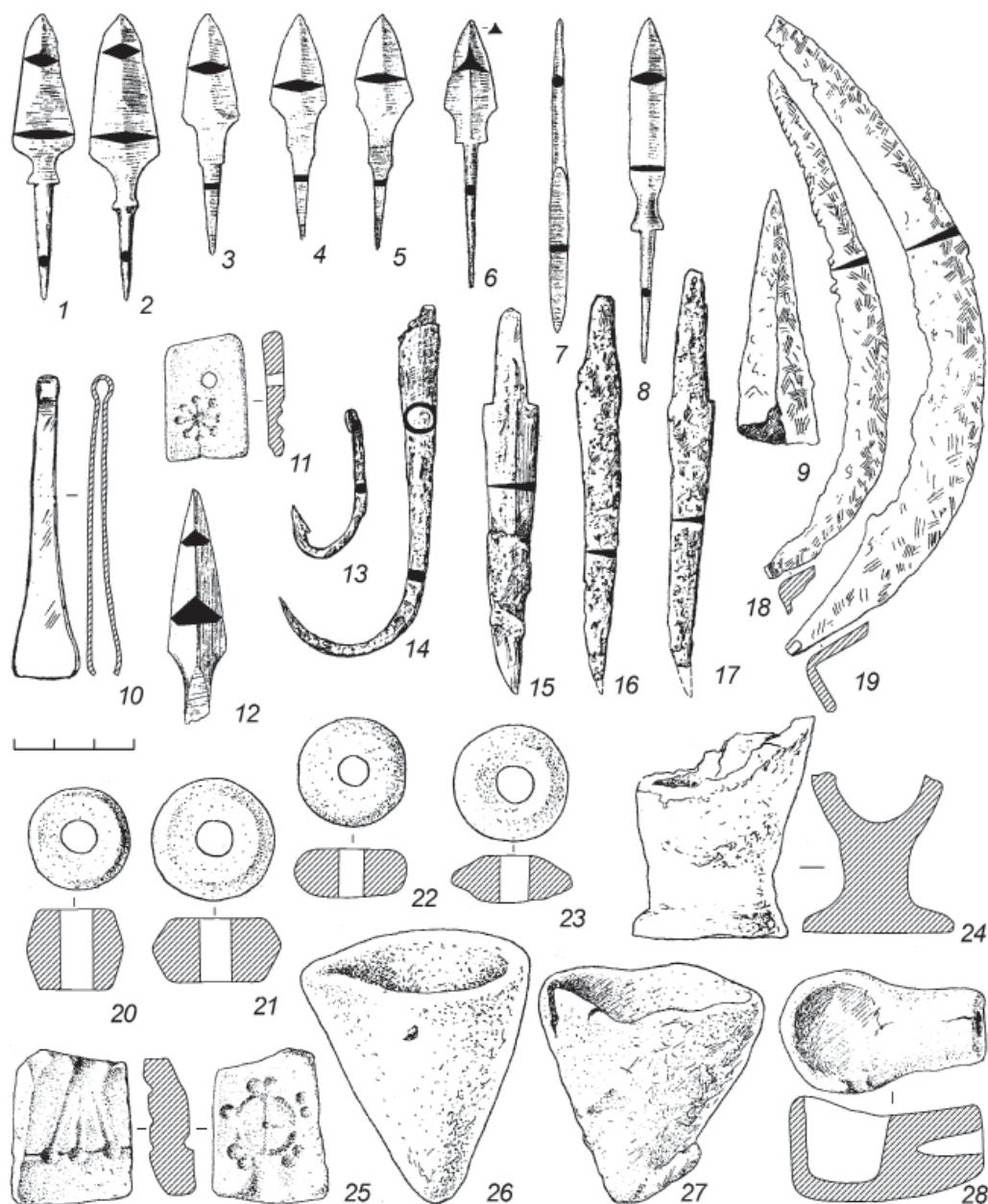

Рис. 10. Изделия памятников верхнеутчанской культуры.

1-9, 11, 12, 18-28 – Кузубаевское I городище (по Т.И. Останиной);

10, 13-7 – Верхнеутчанское городище (по Т.К. Ютиной).

1-6, 8, 12 – наконечники стрел; 7 – шило; 9 – вток; 10 – пинцет; 11, 25 – литейные формы; 13, 14 – рыболовные крючки; 15-17 – ножи; 18, 19 – серпы; 20-23 – пряслица; 24, 26, 27 – тигли; 28 – льячка.

1-9, 13-19 – железо; 10 – бронза; 11, 25 – камень; 12 – кость; 20-24, 26-28 – глина

диким животным: 48,9% – Верхнеутчанское, 35,6% – Благодатское I, 43,2% – Чужьяловское, 36,1% – Кузубаевское I. Из них преобладали пушные (85,7% – Верхнеутчанское; 83,33% – Благодатское I; 53,34% – Варалинское): бобр (до 85,8% – Чужьяловское), реже встречались кости медведя, зайца, барсука, куницы, рыси, лисы. Из копытных охотились на лосей, кабанов, северных оленей.

Железообработка населения верхнеутчанской культуры изучена В.И. Завьяловым на основании 27 предметов из Верхнеутчанского и Благодат-

ского I городищ (Завьялов, 2005, с. 38, табл. 3). Основным исходным материалом поковок служили железо и сырцовая сталь. Возможно, мастера верхнеутчанской культуры могли получать фосфористое железо. Цементация и термическая обработка применялись редко. Уровень железообработки вполне сопоставим с поковками других пермян V-VIII вв.

О высоком уровне бронзолитейного производства свидетельствуют присутствующие на всех раскопанных городищах следы бронзолитейного производства: литейные формы (рис. 10: 11,

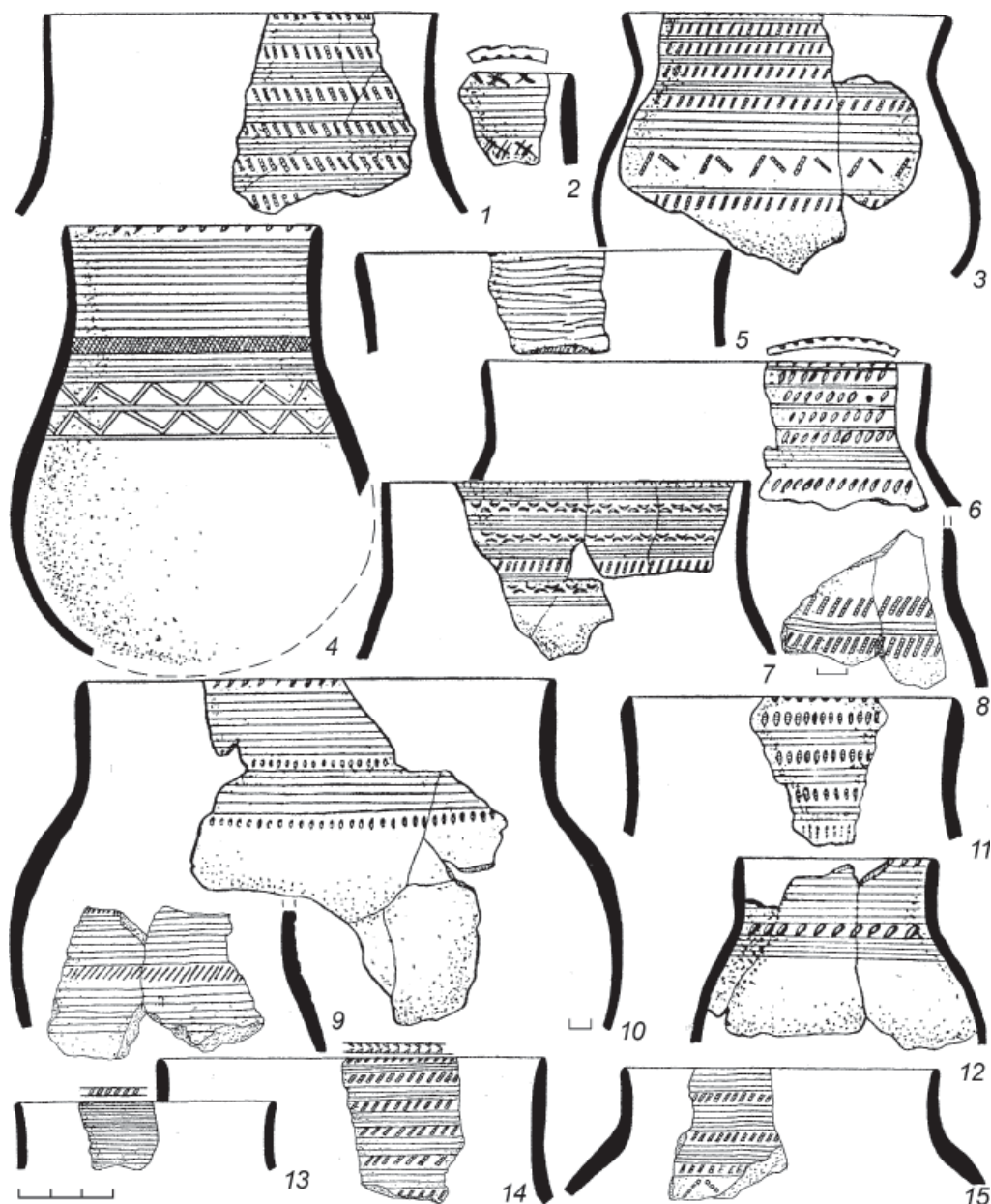

Рис. 11. Глиняная посуда кушнаренковского типа городищ верхнеутчанской культуры.
1–7, 10–12 – Благодатское I городище (по О.А. Казанцевой, Т.К. Ютиной);
8, 9, 13–15 – Кузбаевское I городище (по Т.И. Останиной).

25), тигли (рис. 10: 24, 26, 27), льячки (рис. 10: 28), сплески бронзы. Особую ценность представляет Кузбаевский клад ювелира, включающий в себя инструментарий, сырье, готовые изделия и отходы ювелирного производства (Останина и др., 2011).

В качестве подсобных отраслей необходимо отметить рыболовство (рис. 10: 13, 14) и собирательство, а также домашние производства: гончарство, прядение и ткачество (рис. 10: 20–23), обработку кости (рис. 10: 12), дерева и других материалов.

С точки зрения общественных отношений население верхнеутчанской культуры стояло, веро-

ятно, на стадии разложения первобытнообщинного строя, основную хозяйственную единицу составляла большесемейная община. Шел процесс имущественной дифференциации. Некоторый имущественный приоритет способствовал выделению группы военачальников, однако в случае опасности защита населения была обязанностью всех членов коллектива.

Наряду с местными типами керамики на верхнеутчанских памятниках встречались и инородные. Одной из таких групп населения, привнесшей в Южную Удмуртию своеобразную посуду, было население кушнаренковско-караякуповского типа.

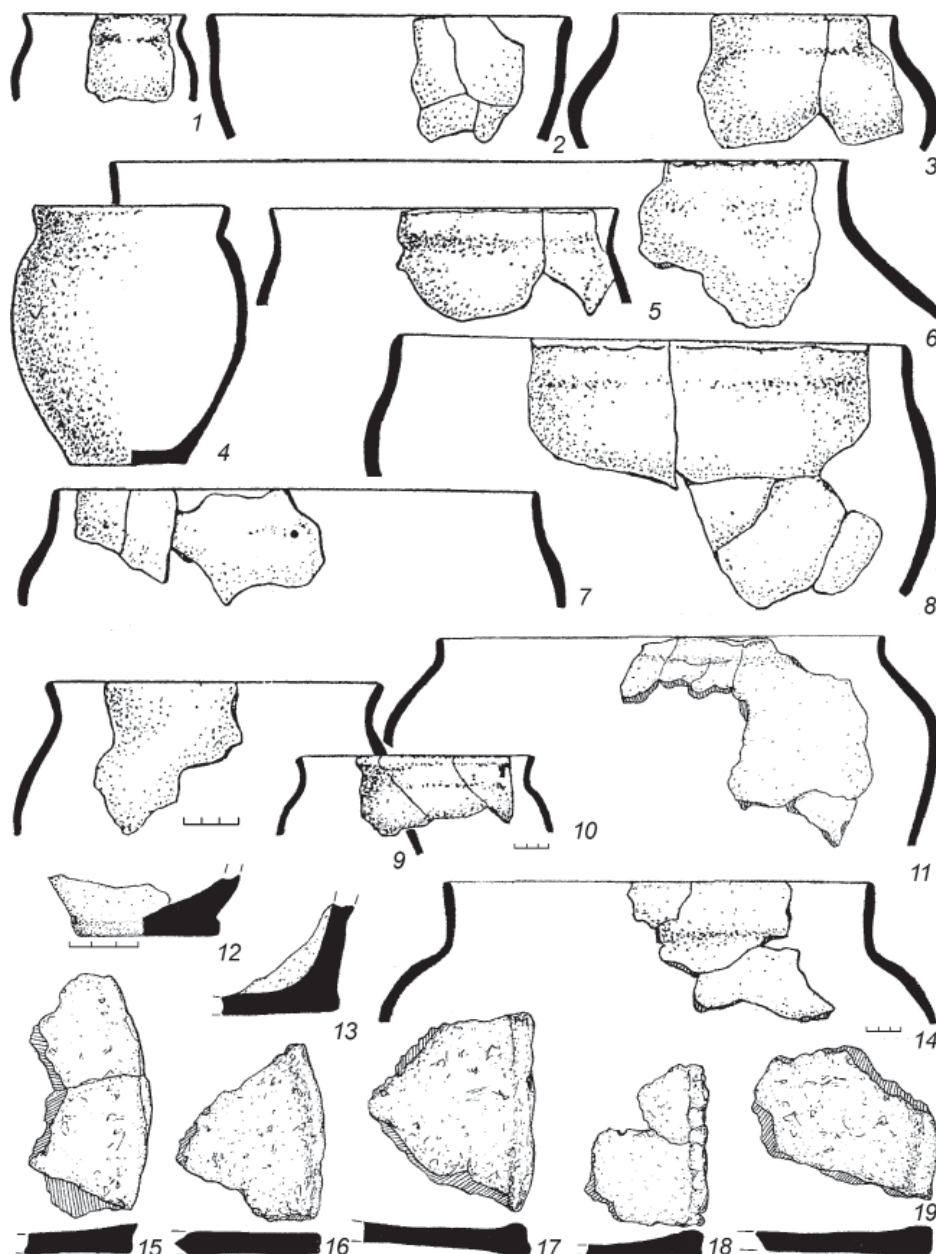

Рис. 12. Глиняная посуда именковского типа городищ верхнеутчанской культуры. 1–10 – Благодатское I городище (по Т.К. Ютиной); 11–19 – (по Т.И. Останиной).

Памятники этих типов часть ученых объединяют в одну культуру, разделяя на две стадии: кушнаренковскую (VI–VIII вв.) и караякуповскую (середина VIII–XI вв.) (В.Ф. Генинг, С.М. Васюткин, Н.А. Мажитов и др.), В.А. Иванов рассматривает их как самостоятельные образования. Кушнаренковская посуда отличается тщательной выделкой, хорошей заглаженностью поверхности, тонкостенностью, своеобразной формой – шаровидным или несколько вытянутым туловом, высоким прямым горлом. Орнамент покрывает верхнюю половину сосуда и состоит из нескольких тонких горизонтальных линий, перемежающихся зонами с вертикальным узором в виде наклонных отти-

сков гребенчатого и фигурного штампов, елочки, зигзагов (рис. 11). Посуда настолько оригинальна, что даже небольшие фрагменты позволяют ее легко идентифицировать.

Кушнаренковскую и караякуповскую посуду объединяет наличие общих черт: тонкостенность, высокое прямое горло, округлое дно, взаимопереход элементов орнамента. Единственными весомыми отличиями между двумя типами является то, что караякуповские сосуды более низких пропорций и в орнаменте присутствуют «жемчужины» по шейке. Оба типа керамики часто встречаются вместе, близость их несомненна, хотя самостоятельно караякуповский тип в материалах

поселений встречен значительно реже, чем кушнаренокский (Казанцева, Ютина, 1986, с. 112). Кушнаренокско-караякуповская керамика распространена главным образом на левобережных притоках среднего и нижнего течения р. Белой. Единичные памятники встречаются по Белой южнее устья р. Уфы, на р. Уфе и Быстром Таныпе, на р. Сылве (Пермский край) и в низовьях р. Камы (Татарстан).

По данным О.А. Казанцевой и Т.К. Ютиной, в Приуралье известно около 130 объектов этого типа. В Южной Удмуртии располагается 9 поселений (5 городищ, 4 селища), возможно, одна могила Петропавловского могильника и 1 местонахождение. Наиболее значительная коллекция кушнаренокско-караякуповской керамики найдена на Благодатском I городище (400 фрагментов) (Казанцева, Ютина, 1986). Выборка такой керамики происходит с Кузубаевского I городища: кушнаренокской – 201 и караякуповской – 161 сосуд или фрагмент (?) (Останина, 2002, с. 39–42). Поскольку планиграфический анализ типов глиняной посуды по раскопам не опубликован, трудно судить, как располагались эти остатки.

Пришлый характер кушнаренокцев никем не оспаривается. Большинство исследователей видят их истоки в лесостепной части Зауралья и Западной Сибири, где известны памятники этого же времени, оставленные потчевашским и молчановским населением, которое связывают с уграми. Причиной их переселения в Приуралье, в частности В.А. Могильников, считает нестабильную обстановку из-за набегов воинов Первого Тюркского каганата (Могильников, 1988, с. 27). Время прихода кушнаренокцев в Приуралье – рубеж VI–VII вв. Они, пройдя по Южному Уралу, поднялись по р. Белой до Нижней Камы и здесь были остановлены именьковским и пермским (верхнеутчанским) населением. Смешанные материалы верхнеутчанских поселений показывают, что кушнаренокцы и южные пермяне контактировали весьма интенсивно.

По мнению В.А. Иванова (Иванов, 1988, с. 61), в середине VIII в. имела место еще одна волна западносибирского угорского населения, известного под названием караякуповского. Исходный их район – та же зауральская лесостепь. Они прошли через Южный Урал и были вынуждены остановиться в предгорьях и горно-лесных районах Южного Приуралья. Кушнаренокско-караякуповское население просачивалось по левобережью и в низовья Камы, но путь ему преградили сначала именьковцы, а затем и болгары, занявшие их территорию. Однако некоторые следы пребывания в Прикамье угров все-таки сохранились, о чем свидетельствуют яркие материалы Большетиганского могильника

в Татарстане (Халикова, Халиков, 2018). Контакты пермян с ранними венграми отразились и в языке. И в венгерском, и пермских языках имеется некоторое число общих слов: *хлеб, порог двери, серебро*, а также зафиксированы интересные совпадения в морфологии и фонетике языков (Основы финно-угорского языкознания, 1976, с. 99; Хайду, 1985, с. 194).

Значительный интерес из инородных комплексов Южной Удмуртии представляет именьковский. Именьковская культура занимала в конце IV–VII вв. устье р. Камы и прилегающее Поволжье. По данным П.Н. Старостина число ее объектов насчитывало 336 (Старостин, 1967, табл. 1). Г.И. Матвеева оперировала сведениями уже о более чем 500 памятниках, распространенных по правобережью р. Камы до устья р. Вятки (Матвеева, 2003, с. 22). По данным Т.И. Останиной, начиная с 70-х гг. XX в. на правобережье Камы восточнее устья р. Вятки выявлено более 40 памятников с остатками именьковской керамики (Останина, 2018, рис. 1). Глиняная посуда этого типа является дополнением к местной, верхнеутчанской или кушнаренокской посуде.

Самая большая коллекция именьковской керамики (839 сосудов?) происходит с Кузубаевского I городища (Останина, 2002, с. 42–45). Но типологическое разделение, предлагаемое Т.И. Останиной, вызывает некоторые сомнения. Благодаря работам Н.П. Салугиной (Салугина, 2000, с. 232–246) особенности керамики именьковской культуры хорошо известны. Большинство сосудов имело горшковидную форму: от огромных корчаг до маленьких горшочков, немного мисок, встречались сковороды – диски и стопки. В качестве примесей в тесте использовался шамот и навоз. Поверхность в большинстве своем грубая и бугристая. Орнамент редок, располагается на венчиках в виде насечек (Матвеева, 2003, рис. 15, 19). Именно такая посуда встречается на верхнеутчанских поселениях (рис. 12).

В группе керамики, отнесенной Т.И. Останиной к именьковской, орнаментировано 37% посуды, что не соответствует классическим характеристикам именьковской посуды. Очевидно, что в эту выборку попали и сосуды иного, преимущественно местного типа (Останина, 2002, рис. 20, 2, 10, 13; 22, 4, 6, 7, 11; 24, 1–3, 6, 7, 8, и др.), и количество коллекции именьково явно завышено.

Однако тесное взаимодействие местного населения Южной Удмуртии и воздействие на них именьковцев, которых большинство исследователей отождествляет с древними славянами, неоспоримо. У именьковцев были хорошо развиты железоделательное и бронзолитейное производ-

ства, а также животноводство. Они разводили новые, более мощные породы крупного рогатого скота южного происхождения, у них было популярно овцеводство, умели разводить верблюдов и домашних кошек (Петренко, 1984, с. 140). В охоте у них доминировали «мясные» виды – лось и медведь, роль пушной охоты была невелика (Старостин, 1967, с. 27).

Особенно прогрессивным, нежели у финно-пермского населения, было пашенное земледелие: на поселениях, кроме сошников, часто находят жернова, косы-горбуши, серпы, мотыги, лесорубные топоры. Возделывали пшеницу, просо, рожь, овес, полбу, ячмень, горох. Пребывание именьковцев отразилось и в языке пермян.

Р.Ш. Насибуллин первым отметил славянские заимствования в языке южных удмуртов и связал их с именьковской культурой (Насибуллин, 1992, с. 76–79). В.В. Напольских значительно расширил их круг, обратив внимание на связь их с пашенным земледелием и использованием ржи в качестве озимой культуры. Он соотнес эти заимствования с диалектами позднепраславянского языка, носителем которого, по его мнению, было население именьковской культуры (Напольских, 1996, с. 197–206). Традиции верхнеутчанской культуры продолжились в последующем в чумойтлинской культуре X–XIV вв., а далее в многочисленных (более 80) могильниках XVI–XIX вв. Южной Удмуртии (Голдина, 1999, с. 304).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЛГО-УРАЛЬЕ В КОНЦЕ IV–IX ВВ.

РАЗДЕЛ II ЛЕСНАЯ ПОЛОСА

Глава 1

**Общая характеристика культурных процессов
в Верхнем Прикамье в эпоху раннего средневековья**

Глава 2

**Сылвенско-Иренское поречье в конце IV–IX вв.
(неволинская культура)**

Глава 3

**Верхнее Прикамье в конце IV–IX вв.
(ломоватовская культура)**

Глава 4

**Бассейн р. Чепцы в конце IV–IX вв.
(поломская культура)**

Глава 5

Памятники Волго-Вятского междуречья

Глава 6

**Окско-Сурско-Цнинское междуречье
в VI – первой половине VIII в.**

РАЗДЕЛ II

ЛЕСНАЯ ПОЛОСА

ГЛАВА 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Верхнее Прикамье – это область Западного Приуралья, включающая бассейн р. Камы с многочисленными как правобережными, так и левобережными притоками севернее и юго-восточнее современного положения г. Перми. Необычайно близки как территориально к верховьям р. Камы, так и по своему характеру верхнекамским средневековые памятники верхнего и среднего течения р. Чепцы. Район выделен по сходству физико-географических условий, в формировании которых огромное значение имела мощная водная артерия – р. Кама, играющая важную роль в исторических процессах этого края древней и средневековой поры. Изучаемые памятники административно занимают территорию Пермского края, восточные районы Кировской области и северные районы Удмуртской Республики.

Историческую роль археологических культур эпохи раннего средневековья этого региона невозможно правильно оценить без знания особенностей предшествующего и последующего времени. Основное автохтонное население этого края принадлежало предкам пермских народов, говорящих на языках пермской ветви финно-угорской языковой семьи: удмуртам, коми-пермякам и коми-зырянам.

В настоящее время пермские народы расселены в республиках Коми (РК) и Удмуртии, Пермском крае, Кировской области, небольшие группы – в Башкортостане и Татарстане (Тепляшина, Лыткин, 1976, с. 103, 107; рис. 1). Расселение пермян – результат жизни многих поколений людей, на судьбы которых влияли экологические, экономические, социальные, потестарно-политические и другие факторы.

Первое археологическое образование, связываемое с предками пермских народов – ананьинская культурно-историческая область (АКИО) (VIII–III в. до н. э.) (Кузьминых, 2000). Она занимала территорию (рис. 1): от широты г. Усинска (Печора) на С, до Самарской Луки на р. Волге – на Ю, от устья р. Суры – на З, до Уральских гор – на В. Протяженность АКИО с С на Ю составляет

1938 км, а с З на В – 931 км (Чижевский, 2017, с. 197). Основные виды памятников: городища, селища, могильники, клады, святилища.

На рубеже III–II в. до н. э. АКИО разделилась на 2 общности: северную – гляденовскую (Пермское Прикамье, РК) и южную – пьяноборскую (ПО). Это деление свидетельствовало о распаде общепермской основы на 2 части: коми и удмуртов (Голдина 1999, с. 206–277). В гляденово входят 2 района (рис. 1): а – на территории РК и б – Пермское Прикамье.

В бассейнах рек Вычегды, Выми и верховьях р. Мезени известно более 50 поселений, 7 могильников, 2 святилища, 6 кладов ванвиздинской культуры (VI–X в.). На ее основе в близких границах сложилась вымская культура (XI–XIV в.), которую Э.А. Савельева связывает с летописной Пермью Вычегодской – предками коми-зырян (Археология РК, 1997, с. 561–650). К ней отнесены более 30 памятников, из них 2 поселения, святилище, остальные – могильники. Городищ нет.

В Верхнем Прикамье границы расселения будущих коми-пермяков существенно расширились. К ним относятся ломоватовская (конец IV–IX в.) и родановская (X–XV в.), неволинская (конец IV–IX в.), полумская (конец IV–IX в.) и чепецкая (X–XIII в.) культуры. Ломоватовско-родановское объединение занимало Верхнее Прикамье от широты южнее г. Перми до его верховьев. В ломоватово обнаружены около 450 памятников, из них более 80 городищ, около 200 селищ, 60 могильников, 36 кладов, 41 пункт находок. В родановское время число известных объектов возросло. Только в окрестностях г. Чердыни сосредоточено более 80 памятников. По предположениям А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, в комплексе X–XIII в. у с. Рождественское обитало не менее 8,5 тыс. человек (Белавин, Крыласова, 2008, с. 28). Многочисленность и высокая плотность населения объясняют появление у русских названия этого края – Пермь Великая.

В конце IV в. пермянами были освоены верховья и среднее течение р. Чепцы. К

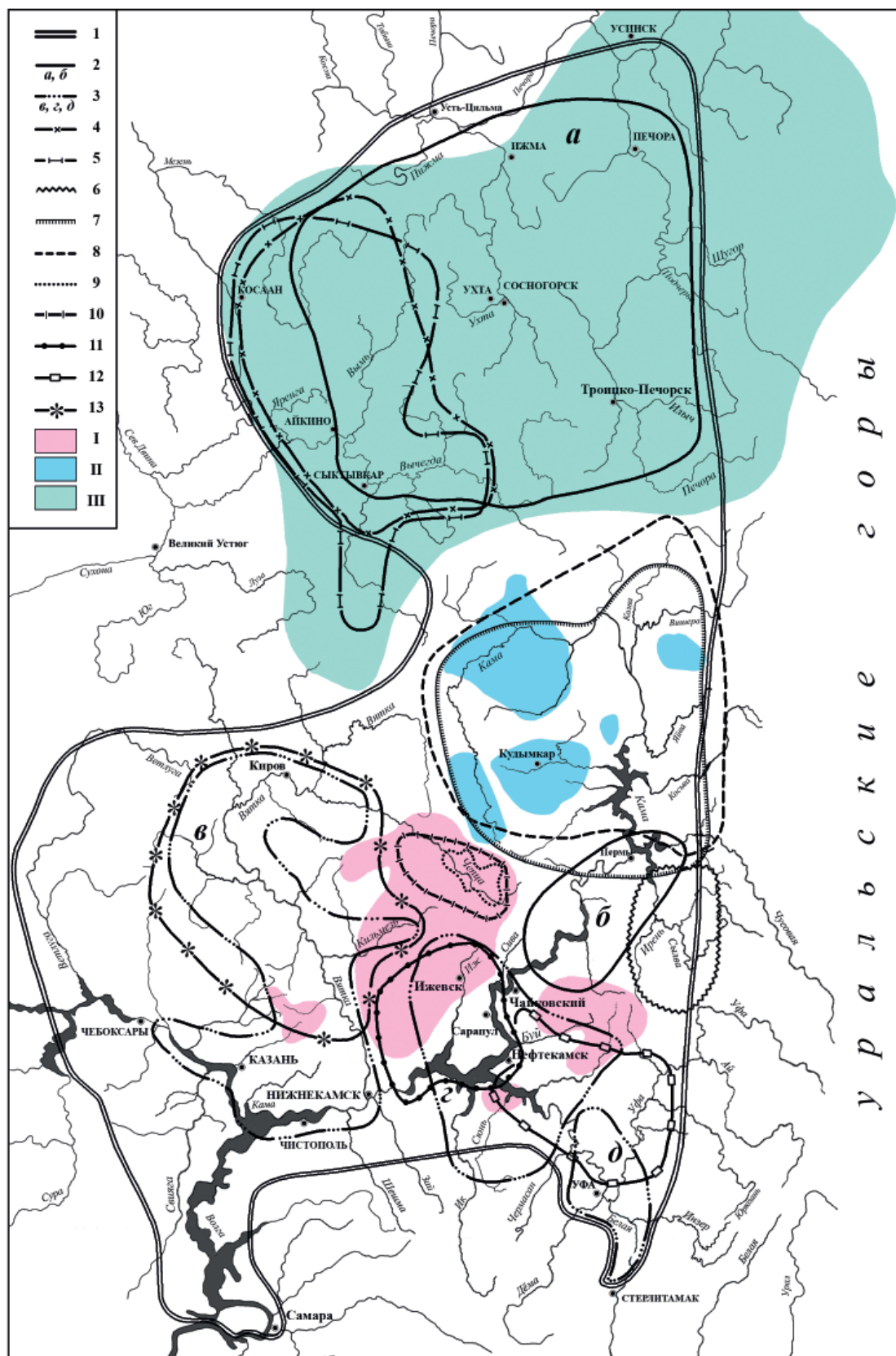

Рис. 1. 1 – Ананьинская культурно-историческая область; 2 – гляденовская общность: а – северное гляденово, б – пермское гляденово; 3 – пьяноборская общность: в – худяковская культура, г – тарасовская (бывш. чегандинская, пьяноборская) культура, д – кара-абызская; 4 – ванвиздинская; 5 – вымская; 6 – неволинская; 7 – ломоватовская; 8 – родановская; 9 – полумская; 10 – чепецкая; 11 – верхнеутчанская, чумойтлинская; 12 – бахмутинская; 13 – еманаевская, кочергинская. Современное расселение пермских народов. I – удмурты, II – коми-пермяки, III – коми-зыряне

40-м гг. IX в. относятся клады с монетами, свидетельствующие о набегах болгар. Часть населения была уведена в Волжскую Болгарию (керамика группы VI Танкеевки – Хлебникова, 1984, с. 70–73), другая переселилась в среднее течение р. Чепцы (чепецкая культура). Центр ее – городище Иднакар, которое первоначально имело площадь 10 тыс. кв. м, в XI в. – 40 тыс. кв. м. В XIII в. городище Иднакар взято штурмом, предположительно, татарами-монголами. На нем собрано около 100 наконечников стрел кочевнических типов (Иванова, 1998, с. 112–121).

Одним из объединений коми-пермяков была неволинская культура (бассейн р. Сылвы). В начале IX в. в результате набегов болгар неволинская культура исчезла. Часть населения была уничтожена, часть уведена болгарами в Поволжье (VII группа керамики Танкеевки – Хлебникова, 1984, с. 106–112), часть переместилась на р. Чусовую. Болгары потрепали и некоторые южные районы ломоватовцев (V группа болгарской керамики – Хлебникова, 1984, с. 234, табл. 10).

Некоторые культуры Приуралья создают впечатление высокой насыщенности памятниками (например: гляденовская, ломоватовская, неволинская и др.), а другие – представлены небольшим количеством объектов (например: верхнеутчанская, чумойтлинская и др.). Это чаще всего происходит от недостатка наших знаний об этих территориях. До 70-х гг. XX в. в Камско-Вятском междуречье памятники эпохи камня вообще не были известны, а сейчас мы знаем их сотнями. Если в регионе есть случайные находки или редкие объекты определенного времени, это значит, что мы просто остальные еще не нашли и не знаем их, и возможно, не узнаем никогда.

Несмотря на сложные исторические обстоятельства, пермские народы сохранили свои этнические территории. Эволюция коми-зырянского населения прослеживается через гляденовскую, ванвиздинскую и вымскую культуры. Коми-пермяки оставили памятники южного гляденово, неволинской культуры (до IX в.), ломовско-чепецкие (до XIII в.) и ломоватовско-родановские (до XV в.). Удмуртский этнос представлен ПО, позже – бахмутинской (до VII в.), еманаевско-кочергинской и верхнеутчанско-чумойтлинской культурами.

Синхронные культуры Верхнего Прикамья 2-й пол. I тыс. н. э.: неволинская, ломоватовская, ломовская и ванвиздинская (совр. Республика Коми) – демонстрируют удивительное сходство материальной культуры, проявляющееся как в характере памятников, так и в погребальном обряде и наборах инвентаря. Это объясняется многими факторами и, прежде всего, предшествующей ананьинско-гляденовской основой, а также

появлением на этой территории нового пришлого компонента, известного в археологической литературе как харинский. Особенности автохтонного ананьинско-гляденовского фундамента этих культур хорошо представлены в томе III настоящего издания. О втором компоненте написано уже немало, но предстоит еще многое узнать в ходе дальнейших исследований.

Главной особенностью могильников Прикамья эпохи ВПН является появление курганного обряда захоронения. Этот обычай был привнесен в Среднее Прикамье населением, скорее всего, славяно-германского и славянского происхождения (Тураево, Старая Мушта, Кудаш). Далеко не все из них имели зафиксированные насыпи (некоторые из азелинских, Тарасово). Думаю, что выявление новых курганов этого населения – дело будущего. Захоронения гото-славян сопровождалось характерным инвентарем: обилием необычного как наступательного (мечи с халцедоновыми навершиями, проушные топоры нескольких вариантов, боевые косы, втульчатые боевые топоры с квадратной втулкой, секировидные предметы), так и защитного вооружения (шлемы, кольчуги, доспехи, наголовник с металлическим шейным обручем, деревянные щиты, выкрашенные в красный цвет без умбонов и др.) (рис. 2). В могильниках харинского типа Прикамья этих вещей нет. Например, железный небольшой проушный топор происходит из Красноярского могильника, недалеко от Кудашевских курганов, но не из захоронений, а из сборов с поверхности (Казанцева, 2012, табл. 78–17), и мог попасть в Краснояр из разграбленных могил Кудаша.

Боевые косы найдены в Пермском Прикамье на поселениях: Горюхалинском городище, селище Пеньки, на костыщах: Гляденовском и Юго-Камском (Перескоков, 2018, рис. 58: 4–7), но не в могилах харинского типа. Они могли распространиться здесь в результате контактов с мигрантами западного происхождения или грабежа их могил. Халцедоновые диски – необычное явление для Прикамья, ими дорожили – это редкие находки на памятниках Верхнего Прикамья, как правило, более позднего времени (Деменки – могильник VII–IX в.; городище Верх-Сая – не ранее VI в.). Таким образом, можно уверенно говорить о том, что курганный обряд в Прикамье имел 2 различных источника: Среднее Прикамье, включая азелинские некрополи, Тураево, Старая Мушта и Кудаш (самый северный из них) – гото-славяне и славяне, а курганы харинского типа – зауральское население (рис. 3А).

В свое время Ю.А. Поляков в 1980 г. писал, что появление курганов в Верхнем Прикамье не связано с притоком нового населения, а харинские

курганы принадлежали местному гляденовскому населению, изменившему обряд под влиянием южных соседей. Если раньше можно было гипотетически предполагать существование кургано-грунтовых могильников (Харино, Пыштайн, Бурково и др.), то масштабные раскопки новых памятников не оставляют в их наличии никаких сомнений (Агафоново I, Броды, Верх-Сая, Варни, Весляна I, Сэбысь и др.), и отрывать ранние части памятников (курганы) от более поздних (бескурганские), при явной общности материальной культуры, было бы ошибкой.

По мнению О.Н. Бадера, В.А. Оборина, В.Ф. Генинга и др., харинское население происходило из степных и лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири и состояло преимущественно из угорских групп (Бадер, 1953, с. 77; Бадер, Оборин, 1958, с. 137–147; Генинг, 1965, с. 342). Долгое время я считала и считаю, что одним из наиболее вероятных источников пришлого компонента было население саргатской общности Зауралья и Западной Сибири (Голдина, 2012, с. 88). Западная граница этого объединения (угры, иранцы?) в III–IV в. н. э. проходила по низовьям рек Пышмы, Тобола, среднему течению р. Исети и р. Миасса (Корякова, 1988, с. 168–169; 1993, рис. 1). Памятники раннего неволино близки саргатским некоторыми особенностями погребального обряда, набором вещей, а также поселенческой круглодонной посудой, преимущественно с резной орнаментацией. Кроме того, в IV в. до н. э. – IV–V в. н. э. в Зауралье отмечены памятники кашинской культуры, также испытавшие сильное влияние саргатцев (Матвеева, 1994, с. 139–141). Вполне возможно, именно население этих культур – саргатской и кашинской – и составило основу мигрантов харинского типа в Приуралье.

В результате широкомасштабных полевых исследований, проводимых в последние десятилетия научными центрами Западной Сибири: Уральским государственным университетом, Уральским отделением РАН и в особенности тюменской археологической школой, руководимой проф. Н.П. Матвеевой, источниковая база ВПН этого региона выглядит сейчас совсем иначе. Издано несколько серьезных монографий (Зыков, Федорова, 2001; Зыков, 2012; Матвеева, 1994; 2016; Западные Сибирь в эпоху раннего Средневековья..., 2022 и др.) и множество статей. В Тоболо-Иртышье исследовано 12 могильников ВПН, из них 5 с более чем 150 погребениями в Притоболье (Матвеева, 2016, с. 8, цвет. ил. 1). Эти материалы позволяют обсуждать проблемы ВПН по обе стороны Уральского хребта не в вероятностном ключе, а основываясь на конкретных источниках. Н.П. Матвеевой убедительно обосновано существование в Заура-

лье бакальской культуры IV–IX в., возникшей на базе саргатско-кашинского субстрата с включением таежных карымских и южных приаральско-казахстанских групп (Матвеева, 2016). Бакальские истоки исследователь видит в некоторых особенностях бродовской стадии неволинской культуры (Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья..., 2022, с. 88). А.С. Зеленковым проведен морфологический анализ глиняной посуды носителей бакальской, бахмутинской, неволинской и кушнаренковской культур, который привел его к выводу о близости традиций изготовления керамики неволинскими и притобольскими гончарами (Зелен-

Рис. 2. Тяжеловооруженный воин из Среднего Прикамья. Реконструкция А.П. Зыкова (Зыков, Ковригин, 2008, с. 69) по комплексам Тураевского и Тарасовского могильников. Вооружен двуручным мечом иранского типа, ножом, метательным топором-«франциском», боевой косой, шлемом германоримского типа, кольчугой, щитом

ков, 2017, с. 98–106). Думаю, что гипотеза о зауральских истоках пришлых групп в неволинской, ломоватовской и ванвиздинской культурах со временем получит новые подтверждения.

Интересная работа по анализу погребально-обрядового могильников I тыс. н. э., в том числе и харинского этапа ломоватовской культуры и бродовского – неволинской культуры выполнена Д.В. Шмуратко (2012, 2014). Им были исследованы статистически 2 017 погребений из 40 могильников Урала и Западной Сибири (Шмуратко, 2014, с. 68). В результате автор пришел к выводу о близости Бродов с курганами харинского типа, но отсутствию их сходства с курганами саргатской общности: Тютринским, Калачёвским, Козловским. Харинско-Бродовский кластер показал, по его мнению, значительную близость с позднесарматскими комплексами с территории Башкирии (Дербенево, Ахмерово II, Салихово) (Шмуратко, 2014, с. 66, 70). Однако в его исследовании и саргатские комплексы не выступают монолитом: Калачёвка и Тютрино образуют самостоятельную группу (кластер V), а Козлов Мыс-2 расположился среди позднесарматских (кластер I). Кстати, позднесарматские захоронения, по Д.В. Шмуратко, также неоднородны, они разделились на 2 кластера, расположенных в разных концах дендрограммы – I и VII группы (Шмуратко, 2014, рис. 2), что требует объяснения.

Некая метаморфоза произошла и с Верх-Саинским курганно-грунтовым могильником. Д.В. Шмуратко в своем исследовании использовал по отчетным данным не всю выборку – 146 погребений Верх-Саи: 37 подкурганых из 133 раскопанных (VI–VII в.) и 109 бескурганых из 185 раскопанных (конец VII – начало IX в.). В результате Верх-Саинский могильник вошел в V «постпьяноборский» кластер вместе с Мазунинским, Ижевским, Старокабановским (мазунино), Красноярским (гляденово), Рождественским V (азелино), Бирским (бахмутино), Кляповским (неволино) могильниками (Шмуратко, 2014, с. 70). Как можно объяснить единство этого «винегрета» из памятников разного времени и разных культур, разделенных сотнями километров, автор умалчивает.

Моя точка зрения о зауральских истоках харинских групп вызвала определенную критику со стороны некоторых коллег, сторонников сарматской принадлежности пришлого населения (Кулябина, 1999, с. 53–56; Коренюк, Чуйкина, 2002, с. 109–113; Овчинников, 2005, с. 47–53; Мельничук, Перескоков, 2009, с. 142–145). В свое время А.П. Смирнов связывал могильники харинского типа с сарматским миром (Смирнов, 1952, с. 39). Эта идея вполне имеет право на существование,

но должна быть основательно выверена на современных источниках. Отдельные сюжеты даже при беглом взгляде не выдерживают критики. Например, Ф.В. Овчинников обосновывает сарматскую принадлежность курганов харинского типа полихромной поясной гарнитурой, но сейчас уже очевидно, что серебряные детали поясов харино с каменными вставками и зернью были распространены в Прикамье преимущественно в I-й пол. VI в., а не в позднесарматское время, и были произведены в Приаралье населением джетыясарской культуры (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 12–15; 32–33; Голдина и др., 2018, табл. 428). Кроме того, следует учесть, что в настоящее время предполагается, что позднесарматские памятники в Волго-Уралье существовали лишь до рубежа III–IV в. (Малашев, 2009; Малашев, Кривошеев, 2022), и вряд ли имели непосредственное отношение к событиям в Верхнем Прикамье.

Наиболее ранним памятником харинского типа (конец IV–V в. н. э.), давшим название раннему этапу неволинской культуры, является Бродовский курганный могильник возле г. Кунгура. Здесь в раскопках 1978–1979 г. (Голдина, 1986) были исследованы остатки 48 курганов с 94 погребениями: 46 мужчин, 30 женщин, 9 детей, в 23 случаях пол и возраст захороненных не был определен. Инвентаря в могилах очень мало, в 23 нет никаких вещей. Основная масса захоронений – мужские. В 6 погребениях найдены мечи, в 9 – наконечники стрел, в одном – костяная накладка от лука, в 7 могилах – железные удила, почти во всех – железные ножи. Женщин было значительно меньше, а дети составляли лишь одну двенадцатую часть всего населения. В могилах найдены бронзовые подвески-коньки. В мужских захоронениях обнаружены остатки уздечек. Судя по костям животных, сохранившимся в курганных насыпях и канавках, бродовцы разводили лошадей (63,6% всех костей), крупный (27,3%) и мелкий (9,1%) рогатый скот. Отсутствие костей свиной косвенно свидетельствует о длительном путешествии бродовцев. Автохтонное население Прикамья умело разводить свиней уже во II тыс. до н. э.

Появившись в Прикамье, пришельцы вступили в конфронтацию с местным гляденовским населением. Сначала это были далеко не мирные отношения, о чем свидетельствует братская могила семи молодых воинов и несколько погребенных, убитых стрелами в Бродовских курганах. Скорее всего, потребность в женах заставила пришлых людей искать пути мирного сосуществования. В восточной части Бродовского могильника на площади 2276 кв. м А.А. Спицыным, Н.Н. Новокрещенных и В.Ф. Генингом исследовано 141 бескурганное захоронение. Очевидно, под воздействием местного

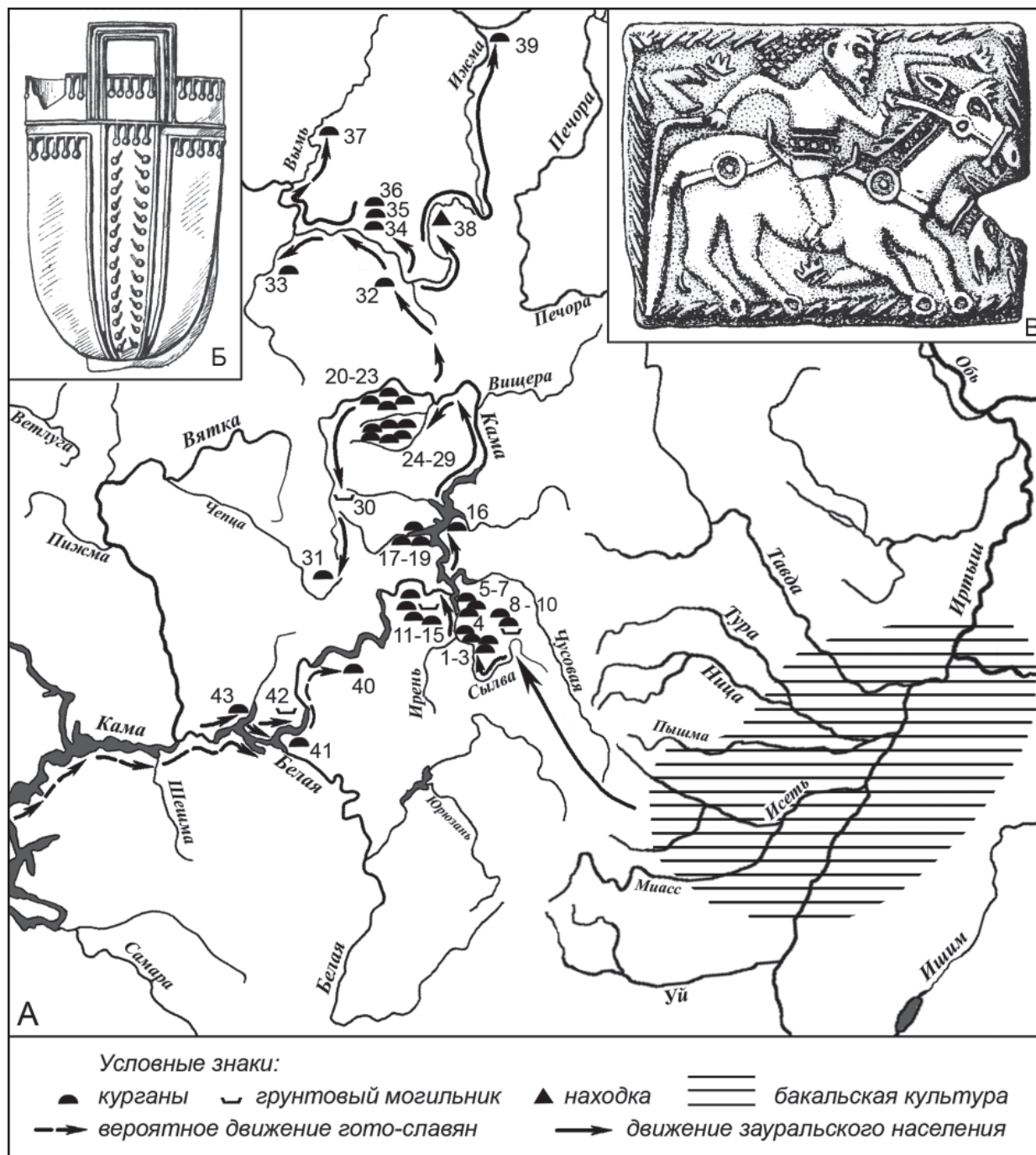

Рис. 3. А – Карта-схема размещения памятников эпохи Великого переселения народов в Верхнем Прикамье и на территории совр. Республики Коми.

1 – курганы; 2 – бескурганный могильник; 3 – находка; 4 – бакальская культура (Западная Сибирь в эпоху раннего средневековья..., 2022, рис. 15); 5 – вероятное движение гого-славян; 6 – движение зауральского населения. Памятники: 1 – Спасское; 2 – Плеханово; 3 – Броды; 4 – Курманаево; 5 – Калашниково; 6 – Заборье; 7 – озеро Дикое; 8 – Верх-Сая; 9 – Копчиково; 10 – Кляпово; 11 – Качка; 12 – Мокино; 13 – Кайсар-Ялга; 14 – Кола-Урын; 15 – Салтанаиха; 16 – Больше-Висим; 17 – Беклемишево; 18 – Бурково; 19 – Полуденка; 20 – Бурдаково I; 21 – Пыштайн; 22 – Харино; 23 – Агафоново; 24 – Бельково; 25 – Митино; 26 – Пеклаыб I; 27 – Пеклаыб II; 28 – Чазево I; 29 – Чазево II; 30 – Аверино; 31 – Варни; 32 – Вомыньег; 33 – Шойнаяг; 34 – Эжол; 35 – Юванаяг; 36 – Боргангель; 37 – Весляна I; 38 – Ягкедж III; 39 – Сэбысь; 40 – Кудаш; 41 – Ст. Мушта; 42 – Тарасово; 43 – Тураево. Б – гуннский котел, с Усть-Кулом. В – плакетка с изображением гуннского всадника, с. Ягкедж, верхняя Вычегда

населения произошла трансформация погребального обряда (исчезли курганы), но основные черты погребальных традиций сохранились. Памятник продолжал использоваться до IX в.

Мигранты располагались в Сылвенском порежье компактно в 3 группах: в среднесылвенской (курганы у оз. Дикого, дд. Заборье и Калашниково); в нижнешаквинской (Броды, Спасские, Пле-

ханово курганы) и среднешаквинской (Копчиково, Верх-Сая, Кляпово) (рис. 3А).

Пришлое население оставило в Северном Прикамье 4 группы курганов: первую – юго-западнее г. Перми в мулянско-качкинском водоразделе (Качка, Салтанаиха, Кола-Урын, Кайсар-Ялга), вторую – севернее г. Перми (Больше-Висим, Полуденка, Беклемишево, Бурково), третью – на севере Прикамья (Харино, Пыштайн, Бурдаково I, Агафоново), четвертую – на р. Лолог, левом притоке р. Косы, левом притоке р. Камы (Митино, Пеклаыб I, II, Чазево I, II, Бельково) (рис. 3А).

Продвигаясь по р. Каме к верховьям, эти группы участвовали и в освоении верховьев р. Чепцы (Варни, полемская культура) (Голдина, 1999, с. 364). Долгое время предполагалось, что многочисленные памятники харинского типа Европейского Северо-Востока представляли собой далекую периферию крупного массива, занимавшего, главным образом, Верхнее Прикамье.

В последние десятилетия ситуация резко изменилась. Весьма поучительна история с изучением памятников харинского типа в Северном Приуралье. В 1961 г. в устье р. Весляны, притоке р. Вымь, правом притоке р. Вычегды, далеко от Камского бассейна, где расселились пришельцы харинского типа, Э.А. Савельевой был открыт и в 1962, 1974 и 1975 гг. раскопан Веслянский I курганно-грунтовый могильник (Савельева, 1979, с. 91–96). Более 20 лет он оставался уникальным, странным и единственным в этом крае. И только в 1984 и в 1986 гг. Л.И. Ашихминой на разных вычегодских притоках были открыты 2 подобных памятника – Боргангьель и Юванаяг. На первом его исследовано 25 курганов с 48 погребениями и 5 грунтовых могил (Ашихмина, 1988, с. 21), на втором – 9 курганов с 23 захоронениями и 4 грунтовых погребения (Ашихмина, 1989, с. 3–5). В 1985 г. судьба подарила и И.О. Васкулу еще один могильник – Шойнаяг в низовьях р. Сысолы – левого притока р. Вычегды, на котором он исследовал 16 курганов с 20 захоронениями и 2 грунтовые могилы (Васкул, Овчинников, 1999).

В 1990 г. Л.И. Ашихмина нашла некрополь с 4-мя подкурганскими захоронениями уже на левом берегу Средней Вычегды – Вомынъяг (Археологическая карта РК, 2014, № 64). Потребовались еще 12 лет до открытия и раскопок еще одного объекта, расположенного далеко на севере – в Припечорье, на правом берегу р. Ижмы – Сэбысь. Памятник был открыт в 2002 и раскопан А.Л. Багиным в 2003–2006 гг., в результате чего получены сведения о 2-х курганах с 5 могилами и 30 грунтовых захоронениях (Багин, 2007, с. 107–109). В 2013 г. последовало новое открытие В.Н. Кармановым на

средней Вычегде Эжольского некрополя, на котором в 2013–2015 гг. его первооткрывателем исследованы 8 курганов с 16 могилами и 2 грунтовых захоронения (Туркина, 2018). Таким образом, спустя 60 лет в северном Приуралье открыто 6 новых могильников харинского типа и такие неожиданные открытия могут состояться в любом регионе Волго-Уралья.

Благодаря открытиям археологов Республики Коми возросло до 7 число могильников ВПН, но, что значительно важнее, существенно расширился их ареал (рис. 3А). Оказалось, курганы и курганно-грунтовые некрополи присутствуют не только на р. Выми – Весляна I (Савельева, 1979, с. 91), р. Сыsole – Шойнаяг (Васкул, Овчинников, 1999), р. Нившере (правый берег средней Вычегды) – Боргангьель, Юванаяг (Ашихмина, 1988), но и на левом берегу р. Вычегды – Вомынъяг и даже в низовьях р. Ижмы, левого притока р. Печоры – Сэбысь (Багин, 2007). Пополнилась группа могильников на средней Вычегде – у д. Эжол (Туркина, 2018). Практически все перечисленные объекты (кроме Боргангьеля) не исследованы полностью, и это свидетельствует о многочисленности харинских мигрантов. Сейчас можно говорить по меньшей мере о пяти локальных вариантах этого населения в Северном Приуралье.

Действительную роль включения харинского населения в историю приуральских народов еще предстоит выяснить, но уже сейчас ясно, что она нами явно недооценивается.

Время появления зауральских мигрантов в Прикамье (конец IV в.) еще будет уточняться. Важно наблюдение А.П. Зыкова: при появлении пришельцев из-за Урала кудашевско-тураевский контингент здесь уже присутствовал. Вероятно, именно он заставил новых «варягов» двинуться не на благодатный юг, а на север, вверх по р. Каме, и еще дальше на север (Зыков, Ковригин, 2008, с. 69). Разноэтничные могильники Кудаш и Броды разделяли около 90 км.

В.А. Обориным (1969) обозначены 3 возможных пути движения на Вычегду: 1) по р. Колве и ее притокам; 2) по Южной Кельтме на Северную Кельтму, приток р. Вычегды; 3) по р. Весляне на реки Вочь и Вычегду.

Особую важность имеет находка бронзовой пластины с изображением всадника, обнаруженная на верхней Вычегде (рис. 3В) (Игнатов, 1994, рис. 1–2, 3; Археология Республики Коми, 1997, с. 395, рис. 11–13). По мнению А.П. Зыкова, это первое, известное ему, литое изображение западносибирской работы гуннского воина в седле с нагайкой в руке на взнузданном коне, украшенном нарядной сбруей (Зыков, Федорова, 2001, с. 26; Зыков, Ковригин, 2008, с. 64). А.П. Зыковым вы-

полнена его реконструкция (рис. 4). Прямые аналогии этому предмету имеются в прямоугольной плакетке с изображением всадника из Холмогорского клада III–IV в., найденного в таежной зоне на севере Западной Сибири (Зыков, Федорова, 2001, с. 107). А.П. Зыков считает, что мастера, изготовившие эти изделия, хорошо знали реальную жизнь: устройство конской сбруи и прически кочевников (там же). Более того, в III–IV в. под влиянием гуннов существенно обновился комплекс вооружения жителей Западной Сибири: появились палаши и их модификации – рубильные ножи, бронебойные наконечники стрел, доспехи – нагрудники, седла со стремянами и др. (там же, с. 26–27). Скорее всего, эта плакетка была принесена на Вычегду кем-то из мигрантов харинского типа и свидетельствует о том, что зауральское население, переселившееся в Приуралье, было хорошо знакомо с гуннами. Этот предмет был особо почитаем местными вычегодскими жителями, так как на соседнем одновременном поселении Ягкедж II обнаружена подобная пластина также с изображением всадника на коне, но меньшего размера и с более грубой прорисовкой сюжета. Конь и всадник вполне узнаваемы, но многие детали опущены (Археология Республики Коми, 1997, рис. 11–12). По-видимому, местный мастер пытался сделать копию с привезенного оригинала, но результат был другим. Поселения у д. Ягкедж относятся к гляденовско-ванвиздинскому времени. Вероятно, не случайно поблизости от могильника Вомынъяг, только на правом берегу р. Вычегды в с. Усть-Кулом¹ найден великолепный бронзовый котел гуннского типа (рис. 3Б) (Засецкая, 1994, рис. 22: 1), который, скорее всего, также связан с памятниками этого круга. Похожий бронзовый котел хунно-гуннской эпохи II–III вв. н. э. (?) происходит также из района Перми (Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 6, № 33) и принесен сюда, скорее всего, харинскими мигрантами.

Хозяйство. Поскольку природные условия культур Верхнего Прикамья 2-й пол. I тыс. н. э. – ломоватовской, неволинской и полемской – весьма близки, то целесообразно представить общую характеристику их хозяйства.

М.В. Талицкий считал, что основным занятием прикамского населения в это время было подсечное земледелие (Талицкий, 1951, с. 43). По мнению других исследователей, в V–VI в. преобладало скотоводство, в VII–IX в. мотыжное земледелие (Бадер, 1953, с. 73–76; Генинг, 1959, с. 189; Бадер, Оборин, 1958, с. 154, 157–159; Оборин, 1960, с. 222–223). В.Ф. Генинг предполагал, что ското-

водство было основной отраслью хозяйства ЛК и лишь во 2-й пол. VIII в. земледелие начинает играть существенную роль (Генинг, 1964, с. 101, 122). Ю.А. Краснов считал, что во 2-й пол. I тыс. н. э. Верхнее Прикамье находилось вне зоны распространения пашенного земледелия (Краснов, 1971, рис. 24), и его хозяйство характеризовалось существованием подсечной (Краснов, 1971, с. 57–58), а, возможно, и переложной (Краснов, 1971, с. 62) систем земледелия, а также довольно развитым животноводством (Краснов, 1971, с. 134, 135).

Р.Д. Голдиной в книге, посвященной ЛК, сделан вывод о комплексном хозяйстве этого населения с развитыми подсечной и переложной системами земледелия (Голдина, 1985, с. 146), пастушеским скотоводством и охотой, дополняемых собирательством, бортничеством и рыболовством. Эта оценка позже была подтверждена на материалах полемско-чепецких (Голдина, 1999, с. 379–380) и неволинских (Голдина, Пастушенко и др., 2012, с. 57–58) памятников.

В 2015 г. увидело свет монографическое исследование А.Н. Сарапулова, посвященное комплексному изучению форм и систем земледелия в Пермском Предуралье (VII–XV в.), в котором автором собраны, проанализированы все имеющи-

Рис. 4. Гуннский всадник степей юга Западной Сибири. Реконструкция А.П. Зыкова (Зыков, Ковригин, 2008, с. 65) по изображению на бронзовой плакетке из с. Ягкедж на верхней Вычегде; палаши, пояс и костяной псалий – по находкам из погребения 688 могильника Сопка-2

¹ Консультация по поводу места находки этого котла получена от И.О. Васкула (письмо в адрес Р.Д. Голдиной от 04.11.2022 г.), за что автор ему глубоко признателен.

еся по этой теме источники, и реконструирована история развития земледельческого хозяйства. Основной вывод – пашенное земледелие в Прикамье возникло в начале II тыс. н. э. при посредничестве волжских болгар и причепецких пермян и имело южнорусские истоки (Сарапулов, 2015).

Природные условия Верхнего Прикамья отличаются суровостью. Лишь 20% территории его даже в настоящее время занято сельскохозяйственными угодьями. Наиболее распространены подзолистые почвы в зоне лесов, а при сведении леса – дерновоподзолистые, глинистые и суглинистые, бедные питательными веществами и имеющие часто кислую реакцию (Чазов, 1964, с. 57–58). На высоких террасах правого коренного берега р. Чепцы спорадически встречаются дерново-карбонатные почвы с комплексом лесостепных видов растений. На юге бассейна р. Сылвы (междуречье Ирени и Иргины) биологами отмечена полоса чернозема, и эта территория отнесена к кунгурско-красноуфимской лесостепи (Аникина, 1961, с. 293–300).

Климат характеризуется холодной продолжительной зимой и коротким теплым летом. Средняя длительность безморозного периода 110–118 дней. Осадки довольно значительны, особенно в июле – августе, чему во многом способствуют Уральские горы, которые задерживают влажные массы воздуха, идущие с Атлантического океана (Николаев, Степанов, Чепкасов, 1969, с. 30–31). В целом условия благоприятны для выращивания сельскохозяйственных культур.

В предшествующее время на Средней Каме земледелие достигло значительного уровня развития в его подсеčno-огневой форме (Збруева, 1952, с. 48; Генинг, Оборин, 1960, с. 164–165; Оборин, 1956а, с. 67). По-видимому, и во 2-й пол. I тыс. н. э. шел интенсивный процесс освоения пространств, занятых лесами. Не случайно одной из массовых находок в погребениях этого времени являются железные топоры.

Основным способом земледелия по-прежнему оставалась подсека – наиболее древняя форма земледелия. У коми она встречалась еще в конце XIX в. При подсеке в первый год производили вырубку и просушку леса, во второй год его сжигали и сеяли в золу рожь, а на третий год снимали урожай (Белицер, 1958, с. 37). Подсеки давали обильные урожаи. Такие участки могли использоваться в течение нескольких лет, затем забрасывались и использовались в качестве выгона или сенокоса. Через 10–20 лет к ним могли возвращаться вновь.

Наряду с подсекой пермянам 2-й пол. I тыс. н. э. был знаком и перелог. Палеоботанические образцы указывают на различную степень засо-

ренности злаковых сборов (5–30%), что объясняется, очевидно, посевами на землях разных сроков использования, а это, в свою очередь, указывает на появление значительного фонда земель, расчищенных в разное время (Туганаев, Ефимова, 1982, с. 108). Обрабатывали землю с помощью мотыг. Железный наконечник насаживали на коленчатую рукоять и использовали для рыхления гарей и палов. На многих поселениях Прикамья находят наконечники мотыг. На Буйском городище на р. Вятке обнаружен клад II–III в. н. э. из 186 железных мотыг (Ашихмина, 1987). Кроме железных, могли применяться костяные и деревянные мотыги. Мотыга известна у коми-пермяков до настоящего времени (Талицкий, 1951, с. 44, рис. 12).

В III–IV в. в Нижнем Прикамье возник средне-волжский вариант киевской культуры (ранние славяне, Шашенков, Вязов, 2022а). В конце IV в. в Нижнем Прикамье появилось пришлое население юго-западного происхождения – азелинское (черняховцы, гото-славяне, 3-я четв. IV в.) и именьковское (преимущественно славяне, 4-я четв. IV в.). В могиле I Азелинского могильника наряду с другим, необычным для нашей территории инвентарем, был обнаружен железный наконечник сохи, размерами 18×24 см (наральник) (Генинг, 1963, табл. XXIV: 5).

Впечатляющие свидетельства новых видов хозяйствования оставило население именьковской культуры: новые породы скота, следы более прогрессивного пашенного земледелия, в частности, новые культуры: зерна полбы, овса, ржи, ячменя, мягкой пшеницы, проса, гороха и др., самые ранние кости кошки, охранявшей зерновые запасы и др. (Матвеева, 2003, с. 41–42). Очевидно, ранние славяне дали пермянам мощный импульс к развитию пашенного земледелия. Именьковцы расселились и на правобережье р. Камы, в Ижско-Тойменском междуречье на памятниках IV–VIII в. верхнеутчанской культуры. Здесь на Староигринском городище IV–V в. найдены 23 фрагмента от 5 жерновов и серп (Останина, 1985, с. 87). Жернова известны и на Варалинском, Благодатском I городищах. На Кузубаевском I городище IV–VII в. обнаружены 742 обломка от 89 жерновов и 3 целых, диаметром 33–45 см и толщиной 3–7 см (Останина, 2002, с. 23). Южную и Северную Удмуртию соединяют р. Иж и левые притоки р. Чепцы. По прямой между ними 150 км, а между верховьями этих рек 6–10 км. Контакты жителей этих зон вполне возможны, что объясняет их сотрудничество. На городище IX–XIII в. Иднакар на р. Чепце найдено около 100 жерновов, 29 наральников, 20 фрагментов кос-горбуш, не менее 10 серпов (Иванова, 1998, с. 95–100). М.Г. Иванова сообщала, что жернова появляются на р. Чепце в полонское вре-

мя, а 3 наральника известны в слое IX–X в. городища Гурья-кар (там же, с. 96). Очевидно, ранние славяне Поволжья и способствовали освоению пермянами пашенного земледелия в середине I тыс. н. э.

Широкое распространение земледелия сыграло, вероятно, важнейшую роль в изменении географии расселения прикамского населения: оно осваивало пространства вдоль малых рек, заселило большую часть территории Верхнего Прикамья, пригодную для земледельческо-скотоводческого хозяйствования.

Остатки обугленного зерна найдены на 3 памятниках Сылвенского поречья: Бартымском I селище и городищах Лобач и Верх-Саинском I. На последнем они обнаружены в 10 хозяйственных ямах и жилым сооружением, где хранились в крупных глиняных сосудах и деревянных емкостях. Анализы, выполненные на кафедре ботаники УдГУ В.В. Туганаевым, Т.П. Ефимовой и А.В. Туганаевым (Туганаев А.В., Туганаев В.В., 2007, табл. 6; табл. XVI), показали, что посевы были смешанными при преобладании теплолюбивых культур: полбы-двузернянки и ячменя обыкновенного, а также содержали мягкую пшеницу, ячмень бутылковидный, яровую рожь, овес, карликовую и твердую пшеницу. Состав зерновых напоминает остатки на городище Иднакар в Удмуртии.

Аналогичный состав культур отмечен и на Запосельском I селище VIII–XII в. в Соликамском районе Пермского края (раскопки А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой): пшеница мягкая, полба-двузернянка, овес, рожь, ячмень (Сарапулов, 2015, с. 42–45). Полба-двузернянка отмечена и на городище Шудьякар, а ячмень – на Лаврятском городище. Из технических культур найдены горох (городище Шудьякар и селище Запоселье I), конопля – на последнем памятнике. Вероятно, состав зерновых культур, как и сейчас, в северных районах несколько отличался от южных. На севере сеяли главным образом ячмень, рожь, овес. В южных районах, в частности в бассейнах рек Иньвы, Чепцы и на Сылве, культивировали овес, рожь, ячмень и пшеницу.

Для уборки урожая использовали серпы и косы-горбуши. Серпы, как целые, так и во фрагментах, происходят с городищ Верх-Саинского I и Лобач, а также Бартымского I селища и многих памятников ЛК и ПК. Из орудий переработки зерна многочисленны зернотерки – плиты со следами сточенности и песты-терочники. Особого внимания заслуживают находки каменных жерновов, которые обнаружены на памятниках полумской культуры, а также на Верх-Сае, Лобаче и Бартыме (более 10 экз.).

С появлением новых материалов возникает проблема уточнения даты появления в Верхнем и Среднем Прикамье пашенного земледелия. Большинство ученых (В.А. Оборин, А.М. Белавин, А.Н. Сарапулов и др.) считают, что это произошло на рубеже I–II тыс. н. э. под влиянием болгар. Современные источники заставляют думать о том, что процесс перехода к пашенному земледелию в этом крае уже начался в середине I тыс. н. э. В связи с этим вызывает особый интерес заключение А.Н. Сарапулова о близости пермянского и южно-русского земледелия. Может быть, она объяснима происхождением пермского пашенного земледелия от ранних славян, а не болгарским посредничеством? По данным М.Г. Ивановой, болгарской керамики на чепецких памятниках совсем немного (Гурьякар – 1,75%; Иднакар – 1,62%). Здесь не найдены монеты болгарского чекана, многие типы украшений, ранее считавшиеся болгарскими, производились на чепецких поселениях (Иванова, 1990, с. 47–48).

Отсутствие железных наральников во 2-й пол. I тыс. у пермян объясняется, скорее всего, использованием деревянных рал. Появление значительных объемов получаемого зерна документируется не только появлением жерновов, но и раскопанных мощных скоплений запасов зерна (Верх-Сая, Лобач, Бартым, Запоселье). Именно в это время на изучаемой территории появляется кошка – хранильница зерновых запасов. Не случайно изображение колоса в это время известно на подвесках-украшениях и культовых пластинах (Оборин, 1956а, рис. 1: 4, 5).

Успешное развитие пашенного земледелия возможно только при хорошо развитом животноводстве (тягловая сила), что подтверждается остеологическими материалами. В ананьинское время в Прикамье наблюдается преобладание домашних животных (58,7%) над дикими (41,3%) (Голдина, 1985, с. 148). Разводили лошадей, свиней, крупный и мелкий рогатый скот, собак. Эти виды сохранились в Прикамье до настоящего времени, однако, соотношение их в стаде различно. Если в ананьинское время, по данным Е.Г. Андреевой, в стаде явно преобладала лошадь, а на втором месте стоял крупный рогатый скот, то в I тыс. н. э. наступает, по-видимому, некоторое равновесие этих двух видов. 2-я пол. I тыс. н. э. – это период развития коневодства и скотоводства, обеспечивающих потребности населения в мясной пище. В это время лошадь, как и в IX–XIV в. (Андреева, 1960, с. 239), использовалась в пищу. Многочисленность в могильниках ЛК принадлежностей конской сбруи и фигурки всадников – убедительное свидетельство использования лошади в качестве ездового животного и тягловой силы. С VII в. н. э.

здесь были распространены металлические стрелы.

В конце I тыс. н. э. возникла тенденция к увеличению в стаде доли крупного рогатого скота, который к середине II тыс. занял первое место. Вероятно, с сокращением лошадей в животноводстве в начале II тыс. связано исчезновение после XI в. многочисленных коньковых подвесок, столь популярных в ломоватове.

В составе стада неволинцев также преобладали крупный рогатый скот (38,0–66,2%) и лошадь (23,0–36,4%), доля мелкого рогатого скота (5,4–14,9%) и свиньи (5,4–17,6%) значительно меньше (Петренко, 1999, с. 72–76, табл. 57: 3; 2000, табл. 24).

Природные условия определяли и формы животноводства. Ограниченность луговых угодий, долговременные поселения, наличие в стаде свиней свидетельствуют о существовании пастушеского животноводства. По этнографическим сведениям, организованного выпаса скота у коми не было, пастьба была вольная, без пастухов (Белицер, 1958, с. 54). Стойловое содержание скота длилось 7–8 месяцев. Хлева и конюшни у коми были бревенчатыми, холодными. Такими хлевами могли служить пристройки к жилищам Зародятского селища.

Основным кормом для скота служили сено и солома. Весной подкармливали березовыми и осиновыми вениками. Даже в недалеком прошлом от бескормицы и недоедания ежегодно погибал скот, особенно если затягивалась зима, и луга долго оставались под водой. На зиму оставляли небольшую часть стада, а основную массу его забивали осенью или ранней зимой.

Важнейшей отраслью хозяйства была охота на диких животных, особенно пушных. Некоторые из них, имеющие, по-видимому, наибольшую ценность (соболь, медведь, бобр), изображены на культовых предметах. Документировать пушную охоту очень сложно, поскольку тушки большинства пушных зверьков в пищу не употребляли, а чтоб сохранить красоту шкурки, надо было снять ее как можно быстрее и ее оставляли на месте добычи. Лишь мясо бобров было съедобным, поэтому их кости могут быть достоверным источником о масштабах добычи. На памятниках 2-й пол. I тыс. н. э. Верхнего Прикамья кости бобра составляют от 50 до 100% (Голдина, 1985, с. 150). Большим спросом пользовались его темно-коричневые с серебристой проседью шкурки, мясо и пух, а также «бобровая струя», широко использовавшаяся в народной медицине. Ради мехов охотились на куницу, соболя, росомуху, рысь, белку, выдру. Довольно велико число костей медведей, зайцев и лисиц. Охота на медведя велась, главным образом,

ради шкур, так как мясо его в пищу не употреблялось.

Медведь играл особую роль в духовной жизни пермян. Его изображение часто встречается не только на украшениях, но и на предметах культа. Медвежьи клыки употреблялись в качестве оберегов и входили в состав ожерелий. Иногда их воспроизводили в бронзе. Шкуры медведей изображали на культовых бляхах.

Из диких копытных животных охотились на лося, северного оленя, кабана и косулю. Первые два вида абсолютно преобладали. Охота на них велась преимущественно для получения мяса и шкур. Лось – один из распространенных мотивов культовых предметов. На поясных накладках изображены фигуры лося, сцена охоты на него (лось, человек и собака).

Вспомогательными отраслями были рыболовство и собирательство, в качестве домашних промыслов представлены прядение, ткачество, обработка кости, дерева, гончарное дело.

Общественные отношения. В V–IX в. в Прикамье сложился многоукладный тип хозяйства, при котором земледелие оптимально сочеталось с животноводством и охотой, дополняемым рыболовством и собирательством. Успехи производящих отраслей экономики и охоты убедительно свидетельствуют о появлении в обществе немалого прибавочного продукта. Он составил необходимую базу для расширенного воспроизводства и стал предметом обмена на ремесленные и престижные изделия, а это, в свою очередь, способствовало развитию ремесла и торговли.

Изменения в социально-экономической жизни племен проявились в особенностях размещения поселений. В условиях стабилизации обстановки и расширения производящего хозяйства, в V–VII в., началось широкое расселение жителей на неукрепленные поселки, число которых увеличивалось и далее. Появляются целые гнезда селищ, иногда близ городищ в долине поймы (Бартымская группа селищ; Верх-Саинская и др.), а чаще – вполне самостоятельно. Жители искали другие формы защиты от неприятеля – временное сокрытие в лесах и оврагах и пр. Часто это небольшие по площади, близко расположенные поселения. Массовое переселение в середине I тыс. н. э. с укрепленных поселений на открытые селища отмечено и для населения лесной полосы Восточной Европы (дьяковская культура – Гусаков, 2007, с. 35–49). Но продолжали использоваться городища, небольшие по площади (Лобач, Подкаменное).

Важный показатель состояния экономики – уровень развития ремесла. В середине I тыс. н. э. отчетливо просматривается качественно новое яв-

ление в социально-экономической жизни пермян Приуралья – возникновение специализированных производственных центров, что свидетельствовало о том, что мастера – металлурги и кузнецы – выделились из общины, и продукция ремесла была основным источником их существования. В этом и заключается начало процесса, который в конечном итоге привел к сосредоточению ремесленного производства в городах, формированию экономических центров раннеклассовых обществ, многие из которых в дальнейшем стали центрами культурной и политической жизни. На территории ремесленных поселений продукция производилась в таких объемах и масштабах, что могла удовлетворять потребности в этих изделиях не только своей округи, но и соседей.

Одним из таких ремесленных центров было Опутятское городище (Генинг, 1980, с. 92–135). Обращает на себя внимание мощная система обороны, состоявшая из шести рядов валов и рвов. Одна линия – вал и ров – защищали мыс площадки, а пять рядов валов и рвов – напольную сторону. Эти уникальные для Прикамья фортификационные сооружения подчеркивали особый характер памятника. Северная часть его площади была занята мастерскими по добыче железа и изготовлению различных бытовых предметов из металлов. На южной стороне располагались жилые и хозяйственные постройки ремесленников. Опутятское городище, как и Еманаевское на р. Вятке, было крупным центром по производству железа, в котором работало несколько мастеров, снабжавших продукцией не только свой поселок, но и округу. Часть изделий выполнялась небольшими партиями на заказ для конкретного потребителя. Например, на городище Лобач найдена связка из 5 железных наконечников дротиков, помеченных клеймом мастера в виде косых насечек.

Благодаря исследованиям В.И. Завьялова кузнечное ремесло пермян 2-й пол. I тыс. н. э. получило высокопрофессиональную оценку (Завьялов, 2005). Уровень пермского кузнечества в 3-й четв. I тысячелетия соответствовал уровню большинства народов лесостепной зоны Восточной Европы: использовались простейшие приемы кузнечного дела – предметы делали целиком из железа или сырцовый стали, кузнечное дело сложилось в самостоятельное ремесло, набор изделий стандартен. В конце VIII–IX в. произошли серьезные изменения – увеличилось количество производимой сырцовый стали, начало использоваться фосфористое железо, чаще стали использоваться термообработка и технологическая сварка. В IX в. в Предуралье стали активно применять трехслойный пакет, распространившийся в результате западного импульса (Завьялов, 2005, с. 93).

Значительное число наиболее ярких изделий местных мастеров, превратившихся в престижные ценности, расходилось не только среди окрестных жителей, но и довольно далеко от центра изготовления. Бесспорным материальным свидетельством этих контактов в эпоху средневековья являются находки поясов неволинского типа (о них см. ниже). Дальний импорт сыграл огромную роль в социально-экономическом ускорении развития Прикамья. Ценности из далеких областей шли мощным потоком в V и особенно в VI–VII в., и включение прикамского населения в крупномасштабную международную торговлю служило серьезным источником обогащения знати и создавало условия для социальной стратификации общества. Знать накапливала ценности. Для поддержания торговли на должном уровне требовался больший прибавочный продукт, чем было необходимо для удовлетворения только собственных нужд. Возникали более сложные потестарные структуры – общинная знать, усилилась роль вождей. Главное, в результате постоянной, хорошо налаженной торговли с югом совершенствовались опыт, навыки, умения ее организации и развивалась инициатива в этой области у пермских народов.

Таким образом, археологические материалы убедительно свидетельствуют, что Прикамье представляло собой особый район лесной зоны Восточной Европы, где волею исторических обстоятельств население давно освоило торговые операции и располагало большим количеством престижных ценностей (бусы, украшения, оружие, серебряные сосуды, монеты), которые наряду с продукцией собственных мастеров, мехами, воском, медом, солью, невольниками могли служить предметом торговли.

Появление столь значительного прибавочного продукта убедительно свидетельствует о существовании социальных групп, одна из которых организует, а другая – осуществляет эту многоступенчатую торговлю. Скорее всего, роль первой брала на себя общинная верхушка, которая, обладая результатами торговли, активно создавала и систему перераспределения общественного продукта.

Процесс выделения общинной верхушки имеет глубокие исторические корни. Уже для раннего железного века институт вожизма хорошо документирован. За полтора тысячелетия эта система все более совершенствовалась. Возникнув первоначально на плутократической основе, когда постепенно приобретали власть люди, занимавшиеся перераспределением общественного продукта и обладавшие определенными личными достоинствами, уже в раннем железном веке вер-

ховная власть укреплялась за счет исполнения ею организационно-хозяйственных, военных и культурных функций.

Торговля действовала как «катализатор» формирования надобщинной системы перераспределения прибавочного продукта. Вместе с тем торговля была мощным фактором создания имущественного класса, особенно после IX в. в условиях постоянного контакта с уже сформировавшимися классовыми обществами – Волжской Болгарией и Русским государством. Поскольку торговля преумножала прибавочный продукт, общинная власть стремилась к монополизации и контролю над ней. Именно верхушка поощряла образование особых профессиональных групп людей, занимающихся торговлей, и старалась контролировать их деятельность. Эти группы участвовали в перераспределении прибавочного продукта и также были фактором, способствующим разложению первобытнообщинных отношений.

Поскольку для многих захоронений Невولينского могильника известны определения пола и возраста погребенных, разработана датировка отдельных комплексов и хронология развития памятника в целом, то стал возможен детальный анализ социальной структуры неволинского общества по материалам этого памятника (Ковтун, 2006). Погребения были проанализированы с формальной стороны по 100 признакам погребального обряда и сопровождающего инвентаря в соответствии с датировкой, полом, возрастом умерших. В результате выявились маркирующие категории и признаки, обозначилась многоуровневая социальная структура населения, в которой отразилась половозрастная, имущественная, профессионально-ранговая дифференциация общества. По С.П. Ковтун (Ковтун, 2006, с. 239–260), социальная структура населения неволинской культуры состояла из четырех частей: знать, зажиточный слой (8,0%); рядовые двух вариантов: среднего имущественного достатка (31,7%) и малоимущие (56,4%), а также неимущие (безынвентарные) (3,9%). Отмечена тенденция более четкой структуризации социальных слоев к концу неволинской культуры. Социальная дифференциация определялась не тем, что одни владели средствами производства, а другие – нет, а тем, что ими обладали все, но в разной степени. Первым видом ранговой стратификации была военная. Положение именно в военной иерархии определяло имущественный статус индивида. В целом общество Верхнего Прикамья 2-й пол. I тыс. н. э. стояло на пороге разложения первобытных отношений и образования ранних классов при развитых патриархальных отношениях.

Институт вождизма в Прикамье достоверно зафиксирован археологически для раннего железного века, хотя, судя по всему, он существовал, начиная с эпохи палеолита. Людские объединения, конечно, рождали и формировали лидеров, которым был присущ организаторский талант, умение убеждать людей и вести за собой. От их удачливости и разума зависели не только благополучие, но и сама жизнь коллектива. В раннем железном веке в Прикамье (АКИО) появились материальные свидетельства существования вождизма – атрибуты верховной власти: секиры, стелы над могилами вождей, сопровождение их уникальным оружием и особыми украшениями.

Многочисленны свидетельства беспокойной жизни этого края в изучаемое время: выпадение кладов, периодические нападения на поселки – следы пожарищ на городище Верх-Сая I в результате неприятельских набегов, Бартымский I могильник, образовавшийся в результате одновременной гибели 60 человек и т. д. На Невولينском могильнике особым набором предметов вооружения отличается погребение № 169, в котором обнаружены сабля, 3 ножа, 4 железных наконечника стрел, колчаный крючок, наконечник копья, железный топор. Кроме того, на умершем был найден кожаный пояс, украшенный бронзовыми накладками салтовского типа, с мешочком с кремнем и железом. Интересно, что это погребение относится к концу функционирования могильника и расположено изолированно, вне рядов, что подчеркивало особую роль умершего в коллективе.

Имея в распоряжении соответствующие ресурсы – оружие лучшего качества: палаши и сабли (Неволино – 11 случаев), боевые топоры (Неволино – 3 экз.), луки с набором стрел (Неволино – 40 могил), копья (Неволино – 8 случаев), верховых лошадей с соответствующей экипировкой – уздечками, седлами со стремянами (60 погребений) и т. д., военная профессиональная верхушка могла удерживать в подчинении рядовое население. Подобная тенденция выделения военной верхушки зафиксирована И.Р. Ахмедовым на Никитинском могильнике V – начала VII в., принадлежавшем окским финнам (Ахмедов, 2010, с. 101–130). Разумеется, вопрос о вождестве в средневековом Прикамье требует дальнейшей разработки.

Половозрастная характеристика индивидуумов в древнем обществе имела огромное значение. Как известно, первое разделение труда было обусловлено именно принадлежностью к разным половым структурам в популяции. По материалам могильников выяснилось, что существовало довольно четкое деление инвентаря для женщин и для мужчин, определяемое, с учетом и социальных факторов, прежде всего, гендером умерше-

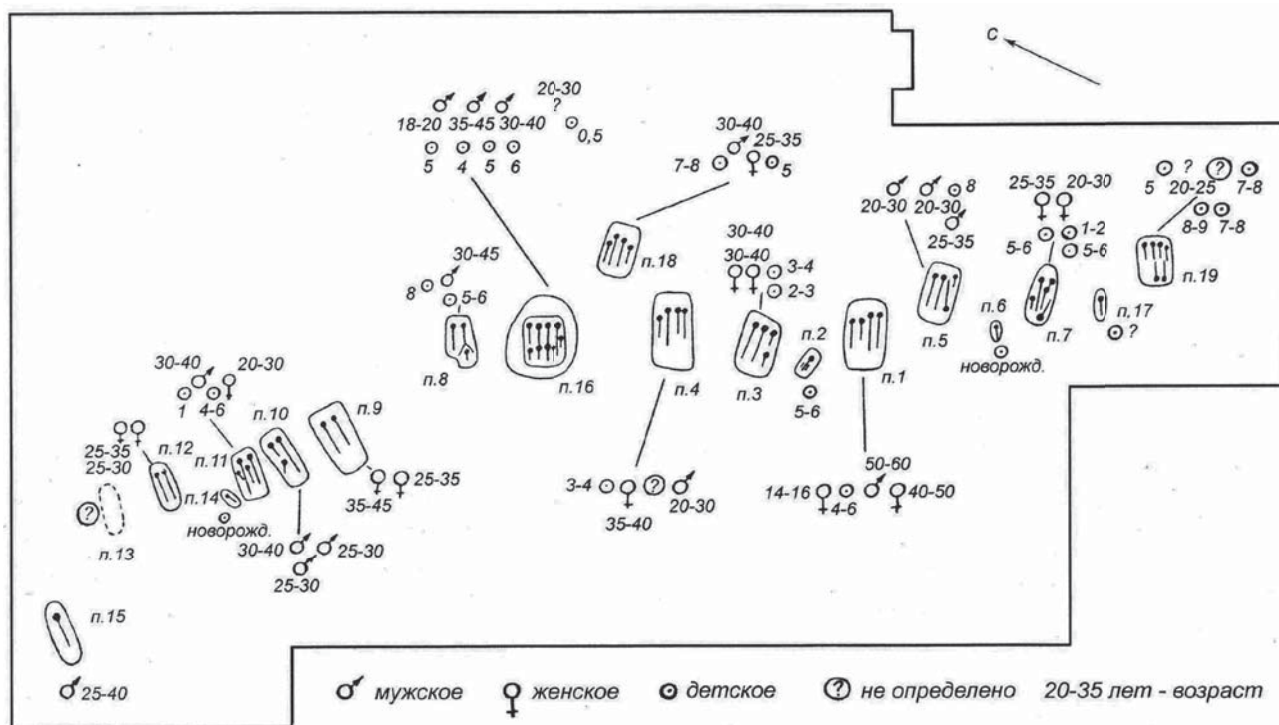

Рис. 5. Бартымский I могильник. Схема размещения захоронений в соответствии с полом и возрастом

го. Для женщин характерны височные подвески, пряслица, бусы, подвески различных вариантов, браслеты, перстни, пронизки и др. В мужских погребениях представлены практически все виды известного в то время наступательного оружия. Только мужчин сопровождали палаши и сабли; универсальные и боевые топоры; железные наконечники копий; железные и костяные наконечники стрел; колчаные крючки; кресала и кремни; точила и т. д.

Интересная картина выявилась при изучении конской упряжи. Ее остатки обнаружены в 60 погребениях Невוליно, чаще – мужчин (30 случаев, 50,0%), реже женщин (19 случаев, 31,7%). Однако, в женских захоронениях встречались лишь детали уздечек – удила и пряжки, в мужских же, наряду с уздечками, найдены и остатки седел – стремена. Очевидно, уздечки клали дамам в могилы охотно, а вот седла, возможно, женщины использовали иного типа, с кожаными или деревянными стременами. По сопровождающему инвентарю половая идентификация погребенных не только возможна, но и достоверна, и она наглядно демонстрирует все усиливающуюся разницу исторического предназначения полов.

Структуру семьи средневекового Прикамья удалось реконструировать на материалах Бартымского I могильника (Голдина и др., 2011, с. 94–199). Он представлял собой единовременное захоронение людей, погибших в результате военного нападения, и отражал количественный

состав семьи. Видимо, погребенных в одной могиле можно рассматривать как представителей малой моногамной семьи. В большинстве захоронений находились близкие родственники 2–3 поколений. На могильнике исследовано 19 могил, содержащих 60 костяков (рис. 5). Групповых захоронений большинство – 13. Стремление похоронить в одной могиле нескольких людей разного пола и возраста следует объяснить в данном случае, скорее всего, кровным родством. Коллективные захоронения по составу можно разделить на четыре группы: I – мужчина, женщины, дети; II – женщины и дети; III – мужчины и дети; IV – только взрослые мужчины и только взрослые женщины.

На Бартымском могильнике захоронено 30 взрослых людей, из которых наиболее многочисленна группа в расцвете сил – 20–45 лет (26 человек, 43,3%). Кроме того, выявлены два подростка и двое пожилых (мужчина 50–60 лет и женщина 40–50 лет). Соотношение мужчин и женщин одинаково: 15 мужских и 15 женских (3 – не определены). Все захоронения взрослых людей коллективные, за исключением одного мужчины 25–40 лет. Почти половина умерших – дети (27 костяков, 45,1%), из них 2 новорожденных, 3 – до 2 лет и 22 – от 2 до 9 лет.

Сам факт размещения на средневековом могильнике многочисленных детских погребений вместе с взрослыми необычен. Исследователями неоднократно фиксировались случаи сосре-

доточения детских могил на особых кладбищах. Например, при раскопках Русиновского могильника в Афанасьевском районе Кировской области, где на площади могильника VIII–IX в. располагалось кладбище рубежа XVIII–XIX в., на котором из 49 захоронений 44 принадлежало детям (Кананин, 1978, с. 180–181). Основная масса детей в Бартыме (23) от 0,5 до 9 лет погребена вместе со взрослыми. В двух могилах обнаружено по 1, в пяти – по 2 ребенка и в единичных случаях – 3, 4 и 5 детей. Материалы Бартымского I могильника впервые дали четкие свидетельства существования прочных, устойчивых кровнородственных связей в пределах малой семьи для финно-угров Приуралья эпохи средневековья.

Судя по количеству погребенных, численность малой семьи в Бартыме составляла 5–10 человек. Именно в таких размерах определяют малые семьи этнографы и историки. Так, В.Н. Белицер сообщала, что у коми малая семья состояла из 6–10 человек (Белицер, 1958, с. 290, 313).

Экономическая самостоятельность малой семьи подтверждена фактом собственного домовладения. Вероятно, у каждой малой семьи Бартымского поселка был свой отдельный дом. На селище, поблизости от исследованных захоронений, изучены 3 квадратных, наземных, слабо углубленных срубных жилища площадью около 16 кв. м. Подобные жилища известны на городищах Лобач (площадь около 20 кв. м) и Подкаменное (28 кв. м), Елкинское (11–20 кв. м) (Пастушенко, Макаров, 2008, с. 63–65). Исходя из тех норм, которые для финно-пермских жилищ Приуралья эпохи железа составляют приблизительно 2–3 кв. м на человека (Генинг, 1970, с. 117), в каждом жилище мог обитать коллектив в 5–10 человек. Численность коллектива, совершавшего захоронения на Неволинском могильнике, составляла 80–100 человек (Голдина, 2012, с. 81).

Еще одно интересное обстоятельство – присутствие на Неволинском могильнике двух групп погребений с разными ориентировками: широтной и меридиональной. Обе они возникли одновременно, в конце 2-й четв. VII в. и просуществовали до конца использования могильника – начала IX в. Такая ситуация зафиксирована не только в Неволينو, но и на близком по времени Варнинском некрополе V–X в. на правом берегу р. Чепцы (Семенов, 1980, рис. 2). Здесь зафиксированы многочисленные случаи перекрывания могил с различной ориентировкой, а материал обеих групп тождественен.

Один из вариантов объяснения этих фактов – группы принадлежали родственному населению, но относились к двум фратриям. Это явление хорошо изучено этнографами у обских угров

(Соколова, 1974; 1980). Основные признаки дуально-фратриальной организации обских угров В.Н. Чернецов (Чернецов, 1939), А.М. Золотарёв (Золотарёв, 1964) и З.П. Соколова (Соколова, 1983, с. 106) сформулировали следующим образом: дуальная экзогамия (браки в пределах одной фратрии запрещены), наличие фратриального имени (у угров – Пор и Мось), сознание членами фратрии кровного родства и происхождения от одного предка (членов фратрии Пор – от медведя, фратрии Мось – от женщины Калташ в образе зайца или гуся), единство тотемов, наличие фратриальных центров и обособленных фратриальных селений, общий религиозный культ, общие празднества, соблюдение тайны обрядов и священных сказаний. Возможно, именно с проявлениями фратриального деления мы имеем дело на Неволинском и других могильниках.

Подводя итог характеристике особенностей общественного устройства населения Верхнего Прикамья, следует констатировать, что это общество находилось на предклассовой стадии своего развития. Успехи производящего хозяйства, высокая плотность населения способствовали созданию в обществе значительного прибавочного продукта. Этому же содействовал высокий уровень металлообрабатывающего, как железоделательного, так и бронзолитейного ремесла. Выделились ремесленные центры. Выросло производство уникальных изделий местных мастеров, которые расходились не только по близлежащим территориям, но и отдаленным областям – Скандинавии и Западной Сибири. Возникла особая группа торговцев, поставляющая продукцию пермских изделий на дальние расстояния – в Финляндию и Швецию. К населению неволинской культуры систематически поступал через Среднюю Азию (Джетыясар, Согд, Хорезм) импорт из Средней Азии, Сасанидского Ирана и Византии. В Прикамье сформировалась общинная верхушка. Удалось выявить по меньшей мере четыре слоя общинников: знать, рядовые среднего имущественного достатка, малоимущие и неимущие. Зафиксированы институт вождизма, особенности гендерной принадлежности умерших, хозяйственное обособление малой, моногамной семьи, численность общины и малых семей, а также их примерный состав. Материалы могильников свидетельствуют, вероятно, о существовании у финно-пермского населения Приуралья дуально-фратриальной организации общества.

Культурные связи. Уникальность культур 2-й пол. I тыс. н. э. Верхнего Прикамья заключается в своеобразии контактов его населения с отдаленными территориями.

В развитии населения средневековых культур Прикамья огромную роль сыграли **контакты**

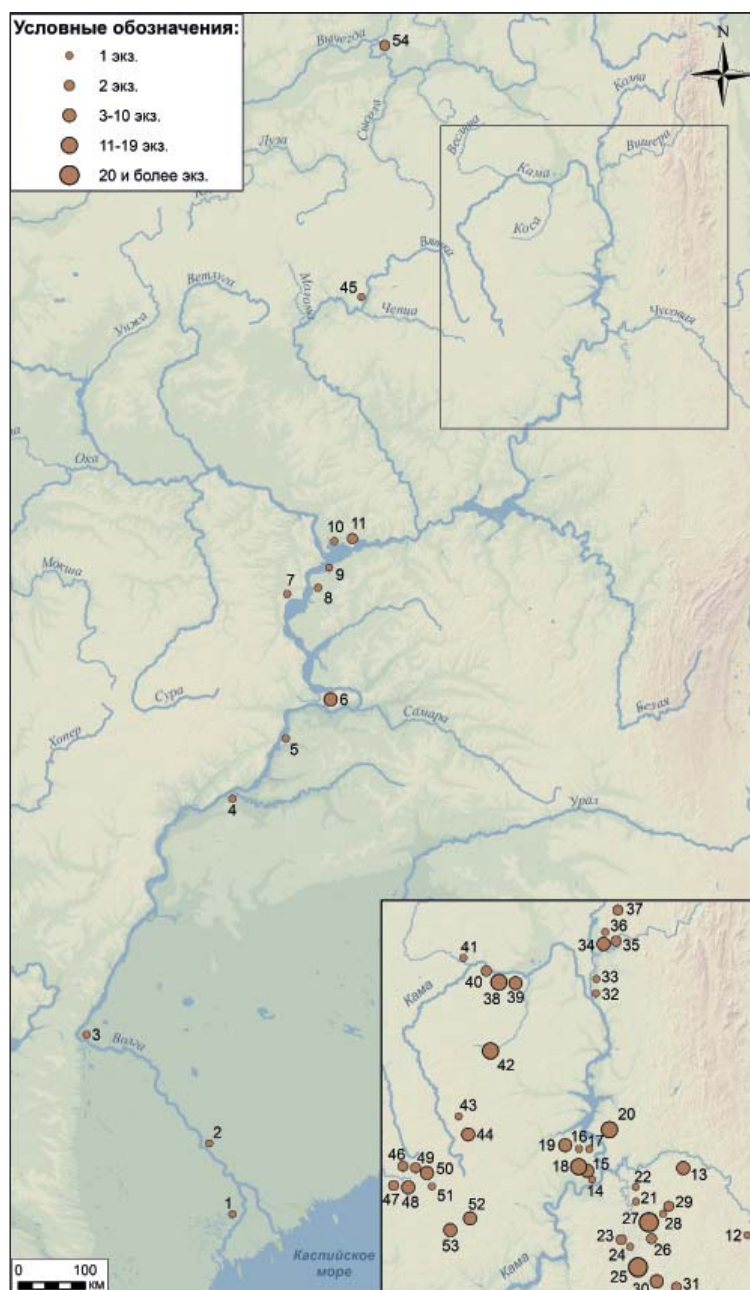

Рис. 6. Схема распространения сасанидских драхм в Волго-Уралье (по В.Ю. Морозову, 2005, с. 97–98) с дополнениями: **Поволжье**: 1 – Хаджи-Тарханская находка (1 экз.)¹; 2 – Селитренная находка; 3 – Денежная находка; 4 – Усть-Караманская находка; 5 – Дураковская находка; 6 – Кармалинский клад (7 экз.); 7 – Большетарханский могильник; 8 – Танкеевский могильник; 9 – Ахтайская находка; 10 – Именьковская находка; 11 – Троицко-Урайское городище (2 экз.). **Среднее Прикамье и бассейн р. Чусовой**: 12 – Камень Дыроватый находка; 13 – Вереинский клад (3); 14 – Бурковский могильник; 15 – Патраковский клад (4); 16 – Ковинский (Зародятский, Строгановский) клад (11); 17 – Морочатская находка; 18 – Филатовская находка; 19 – Деменковский могильник (6); 20 – Больше-Висимский могильник (18). **Бассейн р. Сылвы**: 21 – Горбунятский могильник; 22 – Стерляговская находка; 23 – Кунгурская I находка (2); 24 – Кунгурская II находка; 25 – Неволинский могильник (24); 26 – Бродовский могильник (2); 27 – Верх-Сайнский могильник (37); 28 – Бартымское I селище; 29 – Бартымский I могильник (6); 30 – Шестаковский клад (11); 31 – Усть-Иргинский могильник (3). **Бассейн р. Вишеры**: 32 – Редикорская находка; 33 – Редикорский могильник; 34 – Чердынский I клад (11); 35 – Вишерский (Чердынский II) клад (2); 36 – Чердынская находка; 37 – Подбобыкское (Светик-Камень) святилище (2). **Верхнее Прикамье**: 38 – Агафоновский I могильник (11); 39 – Агафоновский II могильник (3); 40 – Пыштаинский могильник (2); 41 – Плесинский могильник (4); 42 – Ташкинский клад (12); 43 – Носковский могильник; 44 – Аверинский II могильник (4). **Бассейн рр. Вятки и Чепцы**: 45 – Концовский могильник; 46 – Солдырский (Чем-шай) могильник (2); 47 – Кестымский (Ягошурский I клад) (2); 48 – Ягошурский II клад (4); 49 – Поломский I могильник (2); 50 – Поломский II (Красная гора) могильник (4); 51 – Поломское I (Каравалес) городище; 52 – Варнинский могильник (5); 53 – Лесогуртский клад (5). Республика Коми: 54 – Веслянский I могильник (8); 55 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место (не нанесено); 56 – Сэбысь могильник (не нанесен)

¹ Далее 1 экз. не указан.

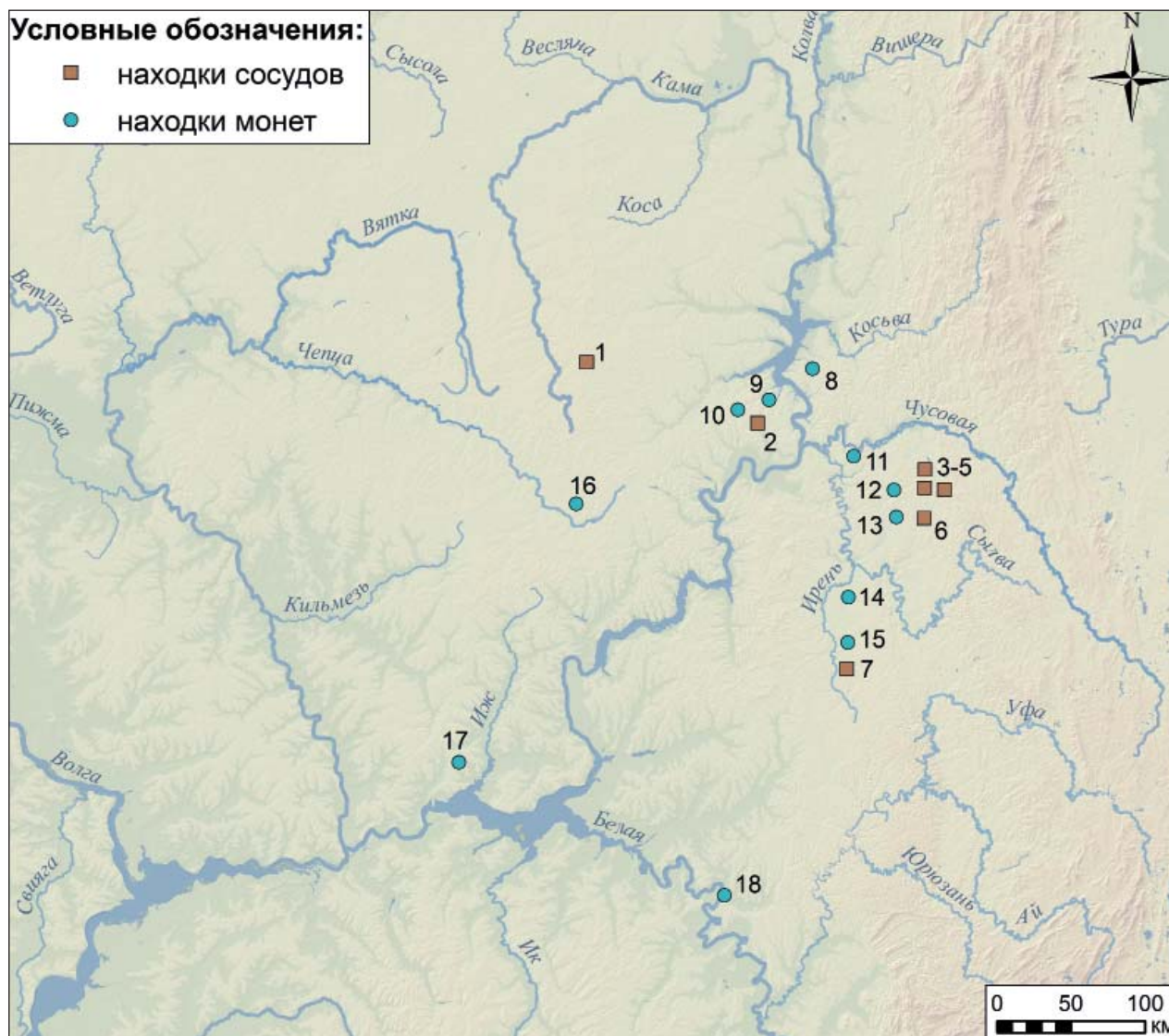

Рис. 7. Схема распространения хорезмийского импорта в Прикамье. **Находки сосудов:** 1 – Гутово; 2 – Ковина (Зародята); 3–5 – Бартым; 6 – Верх-Сая, погр. 164; 7 – Шахарова. **Находки монет:** 8 – Больше-Висимский могильник; 9 – р. Ломоватовка (Грудята, Зобачево); 10 – Бесштанова (4 экз.); 11 – Усть-Сылва; 12 – Бартым, яма 1, засыпь погр. 16; 13 – Верх-Сая (2 экз.), погр. 46, 53; 14 – Неволино (3 экз.), погр. 57, 64, 230; 15 – Шестаково; 16 – Варни, погр. 6; 17 – Благодатское I городище (2 экз.); 18 – Бирск (2 экз.)

юго-восточного направления со Средней Азией. К настоящему времени известно о находках в Прикамье более 180 привозных серебряных сосудов V–IX в. из 75 мест (преимущественно кладов). Среди импортной посуды чуть более 15% составляет византийская, около 16% – сасанидская, около 70% – среднеазиатская. Кроме того, в неволинской культуре из 13 памятников происходят 408 византийских, сасанидских (рис. 6) и среднеазиатских монет, в ломоватовской культуре их 82 из 15 мест. Хорезмийский импорт представлен монетами из 11 пунктов и семью серебряными сосудами (рис. 7).

Выразительно собрание кладов у д. Бартым Пермского края. Здесь в разное время в окрестностях поселка неволинской культуры найдены 3 византийских сосуда (в одном из них 272 серебря-

ных византийских монеты), сасанидский сосуд, застежка от византийской цепи. Эти находки выпали во 2-й четв. VII в. в результате нападения на Бартымский поселок. Кроме того, в окрестностях этого поселка, возродившегося в VIII в., обнаружены 3 хорезмийских сосуда, которые выпали во время нападения на него в конце VIII или в начале IX в. (Голдина и др., 2011, табл. 98–100).

Долгое время считалось, что «дальний импорт» поступал в Прикамье преимущественно не ранее IX в. (Лещенко, 1971; Даркевич, 1976, с. 147–148).

Исследователи, занимавшиеся «восточным серебром», датировали монеты, сосуды, украшения в соответствии со временем правления Сасанидов, с III по VII в. (Теплоухов, 1895, с. 277; Бадер, Смирнов, 1954, с. 19–20; Воцинина, 1953, с. 195–196; Иванов, 1998, с. 50–52; Мухамадиев, 1990,

с. 23; Маршак, 2006). Клады, содержащие византийские монеты и сосуды с клеймами, укладывались, по мнению ученых, в более короткий промежуток – VI–VII вв. (Мацулевич, 1940, с. 146; Кропоткин, 1967, с. 116–117; 1984).

В.Ю. Лещенко была предпринята, к сожалению, неудачная попытка связать клады с реально существующими археологическими памятниками. В результате возникло досадное недоразумение, продиктованное слабой источниковой базой конца 60-х гг. XX в. и ошибкой В.Ю. Лещенко, опиравшегося на разведочные сборы с поселений. В результате им был сформулирован тезис о том, что большая часть восточного серебра поступила в Прикамье в IX–XI в. Основанием для этого явилось то обстоятельство, что некоторые из серебряных сосудов были связаны им с памятниками раннего этапа сылвенской культуры X–XV в. (Лещенко, 1971, с. 19). Таковы Стрелкинское сасанидское блюдо с изображением Хосрова II и Стрелкинское городище, Бартымские клады серебряной посуды и Бартымское I селище и другие (Лещенко, 1976, с. 186).

Однако с проведением с конца 70-х гг. XX в. в Сылвенско-Иренском поречье широких полевых исследований выяснилось, что этот край в средневековье был густонаселен. Но относятся эти объекты не к сылвенской, как считал В.Ю. Лещенко, а неволинской культуре, которая датируется концом IV–IX в. (Голдина, 2008, с. 115–141). В частности, раскопки, проведенные на Стрелкинском городище, позволили датировать его VI–VII в. н. э. и уверенно отнести к неволинской культуре. Подобная история произошла с Бартымскими кладами, которые В.Ю. Лещенко сопоставил с Бартымским I селищем сылвенской культуры. При стационарных работах выяснилось, что оно относится преимущественно к неволинскому времени и датируется VII–IX в. н. э. И таких случаев немало.

Идею о связи кладов с поселениями сылвенской культуры без должной критики восприняли специалисты в области восточного импорта Прикамья, и она в последнее время в археологической культуре стала аксиомой (Тревер, Луконин, 1987, с. 125; Даркевич, 1976, с. 17, 147; 2005, с. 102; Балинт, 1999, с. 193 и др.). Вслед за В.Ю. Лещенко, В.П. Даркевич считал, что основная масса восточного серебра и византийских блюд поступила в Прикамье не ранее IX в. (Даркевич, 1976, с. 147–148). Сейчас следует признать ошибочность этого мнения.

Б.И. Маршак выделил 8 периодов в истории мехового пути на север Европейской части России и в северо-западную Сибирь (Маршак, 2006, с. 72–82), из которых 6 имеют непосредственное отношение к изучаемому нами времени. 1 – конец

IV–V в. – время первых контактов среднеазиатских купцов с охотниками Прикамья; 2 – конец V–VI в. – преобладали среднеазиатские купцы, в VI – 1-й пол. VII в. Византия втягивается в торговлю с Севером; 3 – 1-я пол. VII в. – расцвет торговли с Прикамьем; согдийцы начали экспорт своих сосудов в дополнение к персидским и византийским; 4 – конец VII–VIII в. – прекратился византийский импорт, Хорасан и Мавераннахр наиболее активны; 5 – IX в. – Хорасан и Мавераннахр по-прежнему активны, хазарские и восточноевропейские сосуды появились в Прикамье и Приобье; 6 – X–XI в. – Волжская Болгария стала монополистом, товары других стран шли через нее.

Н.П. Матвеева сообщает, что в керамическом комплексе IV в. бакальской культуры Зауралья имеются прямые аналогии и подражания посуде джетыясарской культуры Приаралья (Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья..., 2022, с. 72). Вполне вероятно, что харинское население Прикамья, пришедшее из Сибири, и принесло эти, уже сложившиеся, контакты с джетыясаром, которые успешно развивались и позже – в V, VI и VII в. Но связывать приток среднеазиатского импорта только с харинцами не следует, поскольку в более раннее время (II–III вв.) в Среднем Прикамье имеются явные свидетельства контактов населения этих областей: Прикамья и средней Азии – раковины Турбинелла пирум, мечи из тигельной стали с халцедоновыми навершиями и др.

Судя по находкам монет, бус, ажурных золотых и серебряных цепей из византийских мастерских (рис. 8) и ранних металлических сосудов в конце IV – начале IX в. дальний импорт поступал сначала на территорию неволинской культуры, а уже потом расходился по Верхнему Прикамью, Вычегодско-Печорскому краю и в бассейн р. Чепцы (Голдина, 2012а, рис. 4).

Ситуация в Передней и Средней Азии всегда и особенно в средневековье была сложной. Постоянные военные конфликты способствовали накоплению и переделу собранных сокровищ, и сосредоточению их в огромном количестве в государственных хранилищах. Описывая состояние казны Хосрова II на 608 г., арабский историк ат-Табари упоминал 420 млн мискалей (600 млн драхм) Хосрова II, 48 млн мискалей (68,5 млн драхм) Пероза и Кавада, разного рода драгоценности (Пигулевская, 1946, с. 217–219). В сокровищницах оседали престижные ценности, полученные в качестве дани, контрибуций, подарков, выкупов за пленных, свадебных даров и др.

В настоящее время можно выделить несколько районов Средней Азии, где формировался дальний импорт для Приуралья. Отчетливо определился ареал джетыясарской культуры (финал эпо-

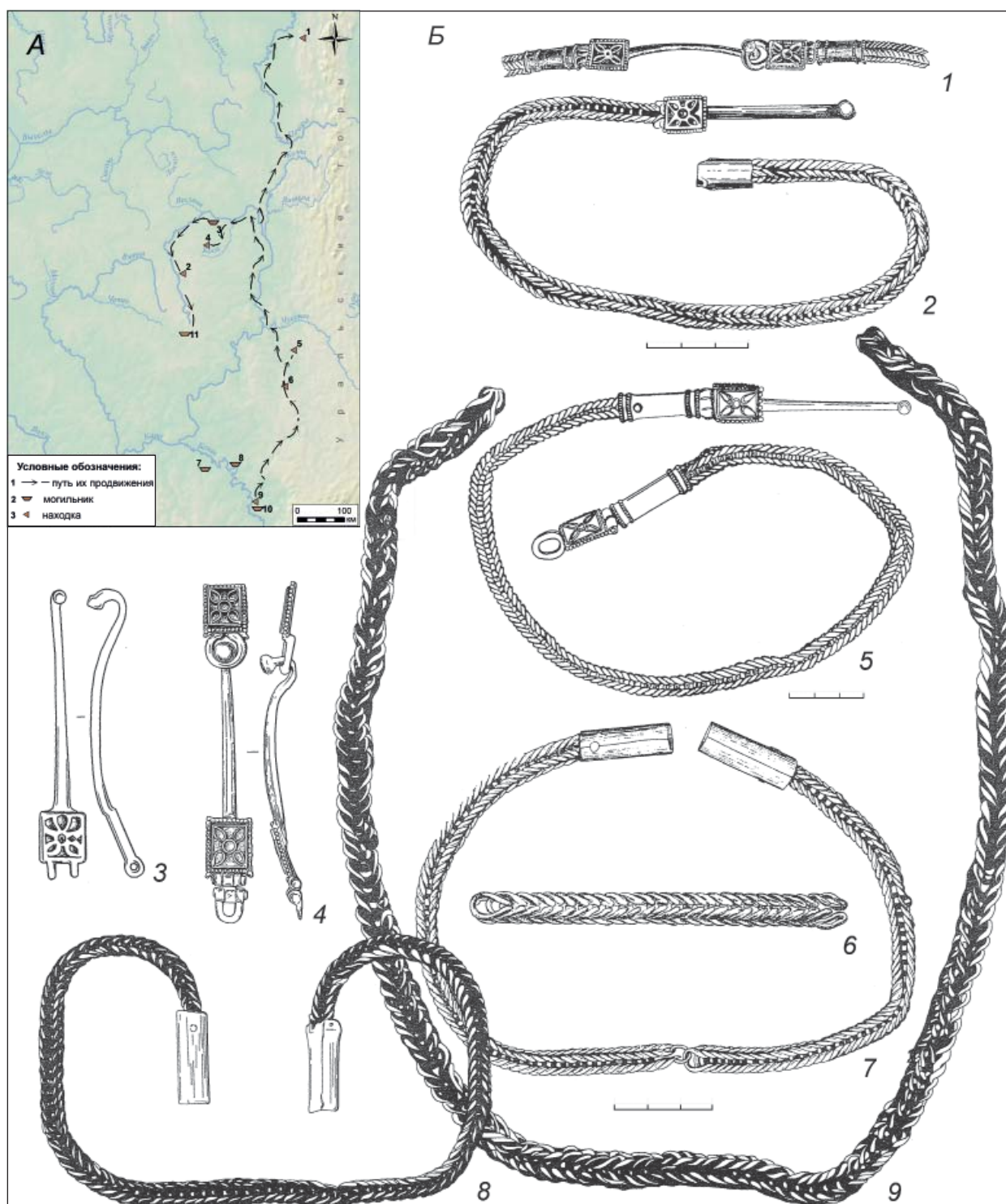

Рис. 8. А – схема распространения серебряных и золотых византийских плетеных цепей в Приуралье.

Условные обозначения: 1 – путь их продвижения; 2 – могильник; 3 – клад, находка.

1 – Подчеремский клад; 2 – Георгиевский клад; 3 – Агафоновский I могильник, погр. 13; 4 – Ташкинский клад; 5 – Бартымский клад 1950 г.; 6 – Шестаковский клад; 7 – могильник Такталачук, погр. 115; 8 – Бирский могильник; 9 – Уфимская находка; 10 – Новиковский могильник; 11 – Поломский I могильник. Б – изображения цепей в памятниках: 1 – Шестаковский клад; 2 – Агафоновский I могильник, погр. 13; 3 – Поломский I могильник; 4 – Бартымский клад 1950 г.; 5 – Такталачук могильник, погр. 115; 6 – Ташкинский клад; 7 – Георгиевский клад; 8 – Подчеремский клад; 9 – Новиковский могильник

хи бронзы – IX в. н. э.), расположенной в низовьях р. Сырдарьи в Восточном Приуралье (рис. 9). Он обозначился в последние десятилетия. На карте В.П. Даркевича (Даркевич, 1976, табл. 50а) среди

областей, откуда вывозили на север произведения художественного ремесла, он отсутствует и стал хорошо известен благодаря работам Л.М. Левинной (Левина, 1996).

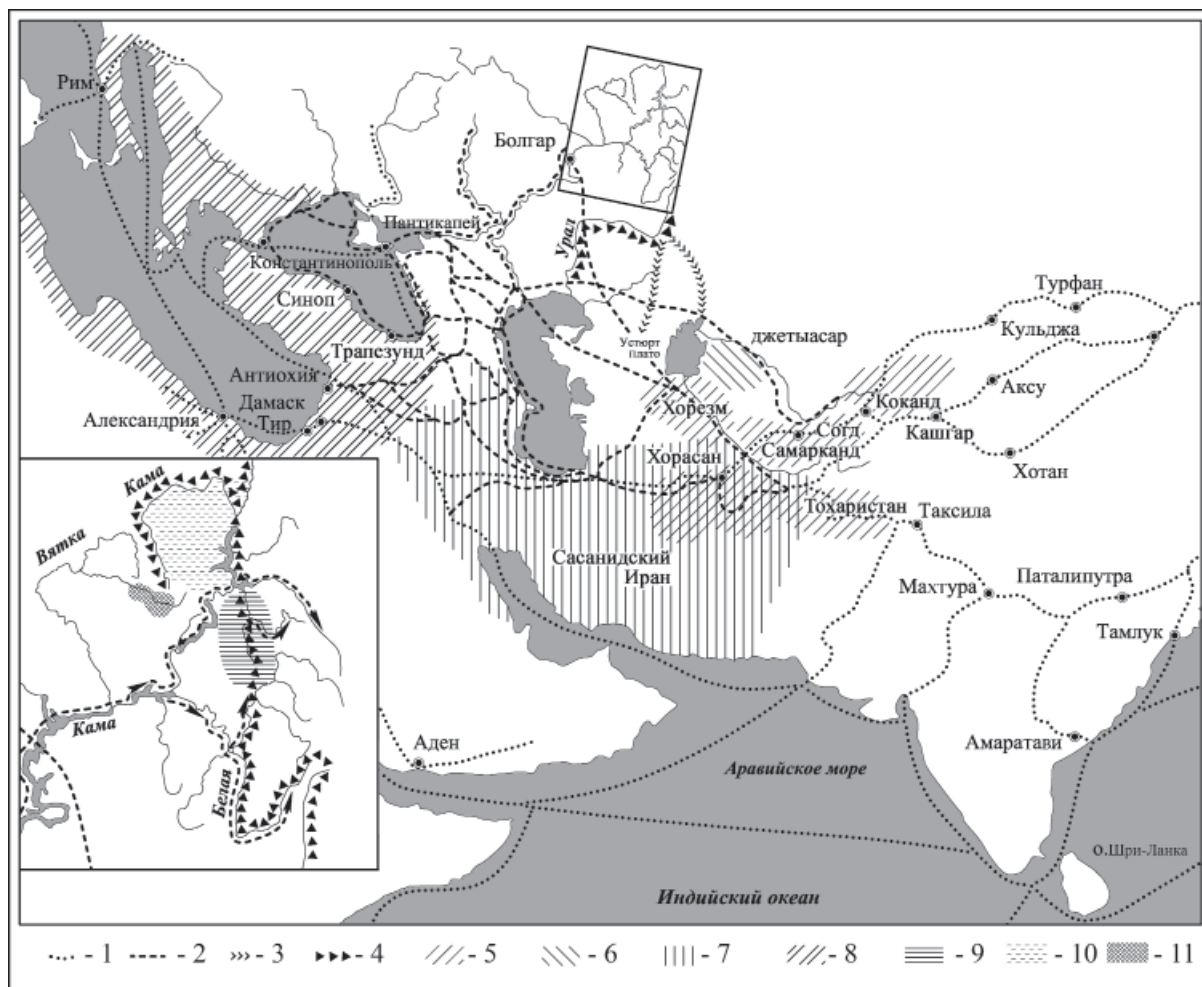

Рис. 9. Великий шелковый путь. Главные пути сообщения. 1 – по Л.А. Мамлеевой, 1999; 2 – по В.П. Даркевичу, 1976, табл. 50, 51; 3 – по А.Д. Таирову, 2000, с. 119; 4 – по Р.Д. Голдиной; 5 – области, откуда вывозили предметы дальнего импорта (по В.П. Даркевичу); 6 – джетыясарская культура; 7 – Сасанидский Иран; 8 – Византия IV–VI вв.; 9 – неволинская культура; 10 – ломоватовская культура; 11 – полумская культура

Материалы 2-й пол. I тыс. н. э. демонстрируют удивительное сходство изделий, которое позволяет утверждать, что между Прикамьем и Восточным Приаральем существовали прямые торговые контакты. В частности, на могильниках Приуралья найдены серебряные и бронзовые украшения, деревянный сосуд с серебряными обкладками, рукоять костяной нагайки (рис. 10: 1–10), абсолютно аналогичные изделиям джетыясарской культуры (рис. 11: 1–22). Подобную картину мы наблюдаем и с бронзовыми деталями поясов (рис. 12 и 13).

Другим районом, откуда поступал дальний импорт, был район Согдианы и восточных районов Средней Азии. Согдийские (как бухарские, так и самаркандские) надписи на импортных для Согда (сасанидских и византийских) сосудах весьма представительны. Численно преобладают самаркандские. Они доказывают, что сасанидский и византийский импорт поступал в Прикамье из Согда. Сосуды с согдийскими надписями на византийских и сасанидских сосудах были найдены в Бартыме (находка 1925 г.), Шахаровском кладе

на р. Иргине, Климовском – возле г. Кудымкара, в д. Керчево Соликамского района и в Пермском крае без точного местоположения (Лившиц, Луконин, 1964, с. 167, 170–173; Тревер, Луконин, 1987, с. 121, надпись № 16; Голдина, 2012а, с. 69). В.А. Лившиц и В. Луконин датируют эти надписи не позднее конца VI – начала VII в. Среди предметов согдийского происхождения следует отметить бронзовую подвеску-медальон из Верх-Саи с изображением фантастического существа «Кирттимукхи» (Голдина и др., 2018, табл. 192: 4), способного отвращать «... дурной глаз и вообще всяческое зло» (Тревер, 1940, с. 81–87, табл. 18; Ахмедов, 2014). Бухарский след остался и на четырех бухархудатских монетах Верх-Саинского могильника – подражаниях драхам Варахрана V (420–438 г.), отчеканенных в VI в. в Мерве. На лицевой стороне их имеется надчекан – тамга Бухары (Goldina R.D., Nikitin, 1997, p. 111–125). Вероятно, собрания сокровищ, поступившие в Приуралье, сформировались, главным образом, в Согде (Бухаре и Самарканде).

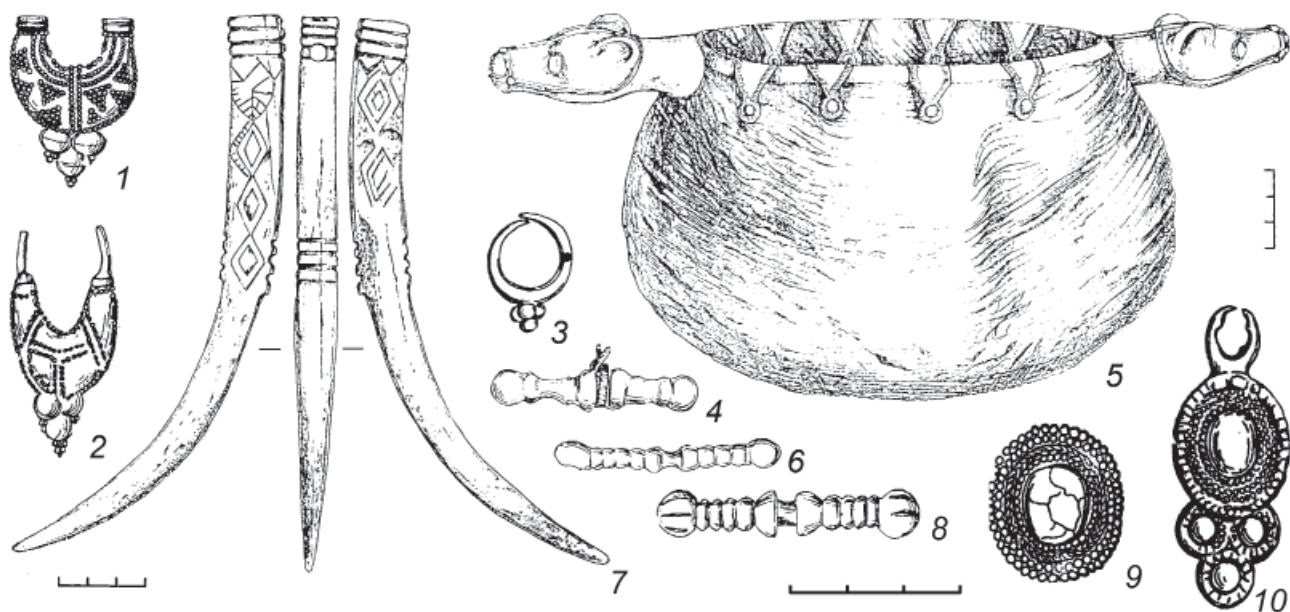

Рис. 10. Вещи памятников Приуралья. 1 – Сэбысь; 2 – Бурково; 3-8 – Верх-Сая; 9 – Агафоново I; 10 – Неволينو

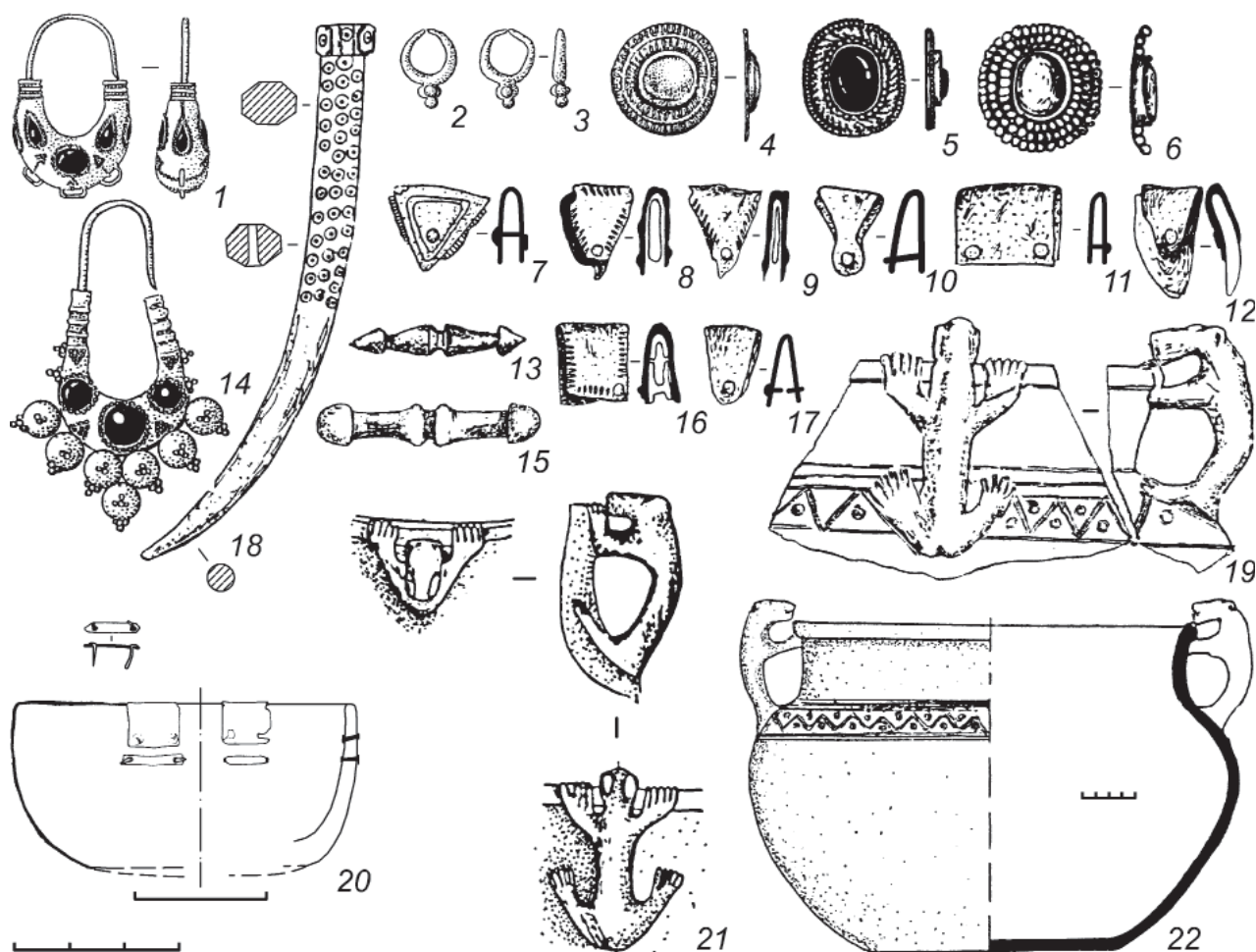

Рис. 11. Вещи памятников дзетысарской культуры (по Л.М. Левиной, 1996)

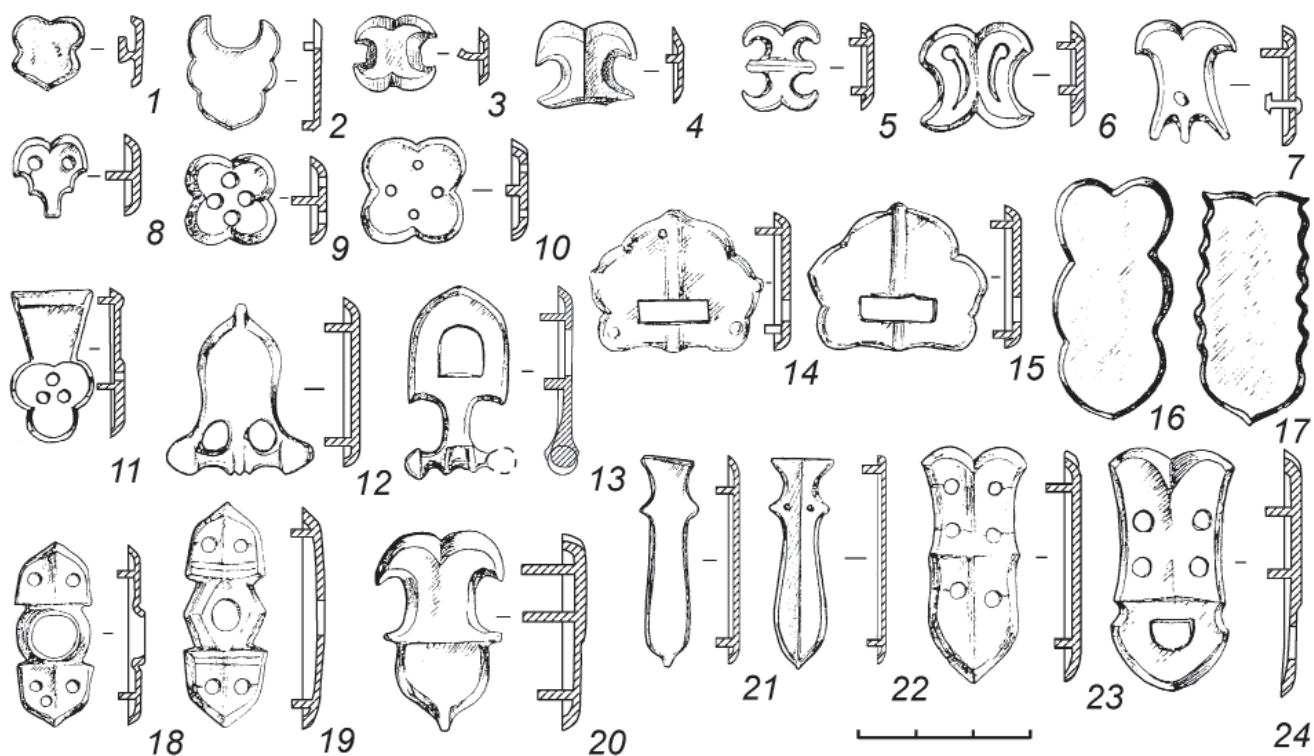

Рис. 12. Поясные накладки неволинской культуры.
1–15, 18–24 – Верх-Сая могильник; 16, 17 – Неволино могильник

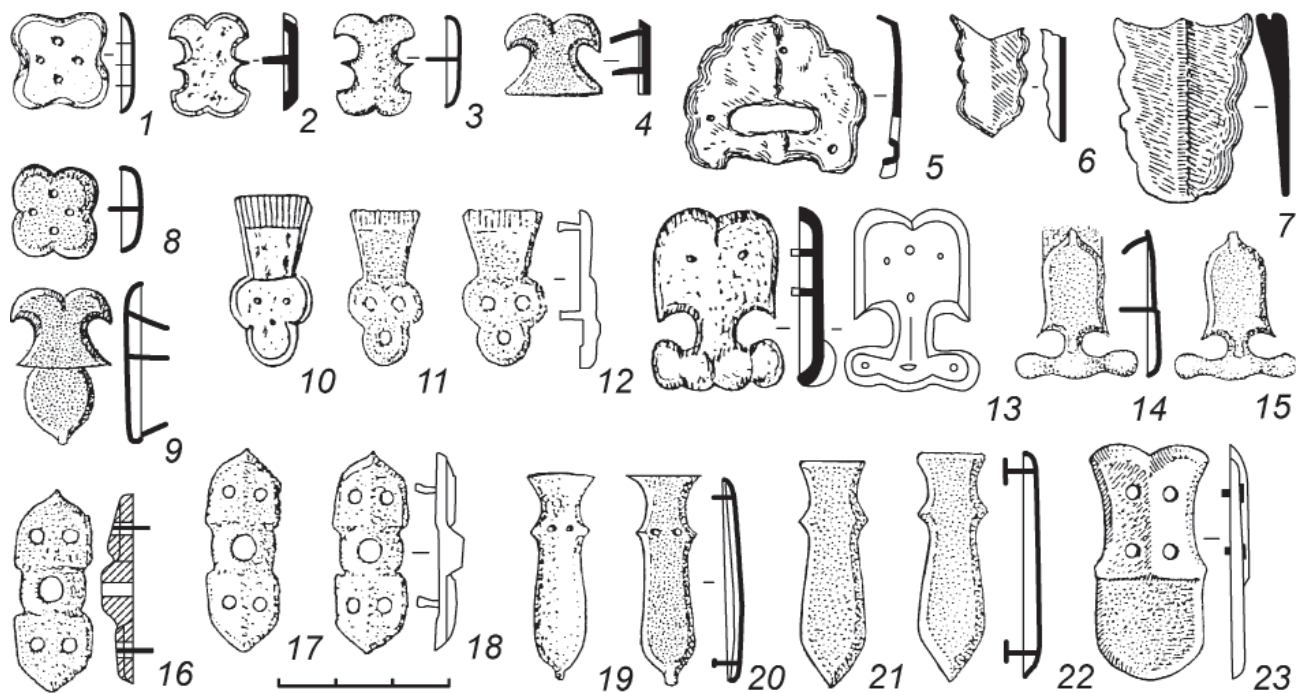

Рис. 13. Поясные накладки джетысарской культуры

Третий регион Средней Азии, откуда «шел» дальний импорт – Хорезм. В поступлении хорезмийского импорта можно выделить по меньшей мере 3, а может быть и больше импульсов. Первый – во 2-й пол. VII в. – монеты Бравика в составе кладов из Бартыма, Шестаково, Усть-Сылвы и подражание монете Бравика из Соликамского района. Второй приток хорезмийского импорта пришелся на начало VIII в. – монеты Каника из погребения 230 Невוליно и бартымские хорезмийские сосуды 700, 703 или 713 и 714 г. Вероятно, хорезмийские сосуды второго потока были одной из последних серий посуды, изготовленной в Хорезме, как самостоятельном государстве, так как в 712 г. Хорезм был завоеван арабами, и производство сосудов прекратилось. Третий поток в середине и 2-й пол. VIII в. представлен монетами Сафшафана из погребений 46, 53 Верх-Саи, Верх-Саинского городища и Бирского могильника (2 экз.). Монеты середины VIII в. Абдаллаха Ибн Тахира происходят из могилы 6 Варнинского, а также из Больше-Висимского могильников.

Хорезмийские монеты неопределенного типа обнаружены в погребении 239 Неволинского могильника (Goldina R.D., Nikitin, 1997, p. 123), на р. Ломоватовке, на Благодатском I городище в Южной Удмуртии (Ютина, Отчет за 1981 г.), на Кузебаевском I городище также в Южной Удмуртии (Останина и др., 2011, рис. 7: 25). В последнем случае вместе с ней найдены кушано-сасанидская медная монета IV в., пряжка с изображением морды сайгака, обитавшего только в Средней Азии, подвеска с изображением головки в крылатой короне – предметы, происходящие, по мнению А.Б. Никитина, из среднеазиатского региона (Останина и др., 2011, с. 92–94, рис. 5: 5; 7: 18, 25, 27). Хорезмийский импорт представлен и глиняным гончарным кувшином, который, по заключению И.Ю. Пастушенко (Пастушенко, 2008, с. 392), был сделан в VII–VIII в. в Хорезме. Сосуд найден в одном из погребов Бартымского I селища (Голдина, Пастушенко и др., 2011).

Металлическая серебряная посуда хорезмийского происхождения сосредоточена главным образом в бассейне р. Сылвы. Кроме трех бартымских чаш и Шахаровского клада, выявлена еще одна чаша в погребении 164 Верх-Саинского могильника (Голдина и др., 2018, табл. 268), 2 блюда в южной части ареала ломоватовской культуры – в кладах у дд. Ковиной (Зародята) и Гутовой (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 37). Еще одно хорезмийское блюдо, найденное в Прикамье без четкой локализации, хранится в Британском музее (Даркевич, 1976, с. 44).

Завоевание арабами Сасанидского Ирана в 642 г. способствовало разграблению иранских со-

кровищниц и оттоку как иранского, так и византийского серебра и драгоценностей в Среднюю Азию. С началом экспансии арабов в Среднюю Азию (около 673 г.) сасанидское серебро использовалось также для подкупа осаждаемых городов, платы за участие в военных операциях и т. д. В 709 г. была завоевана Бухара, в 712 г. – Самарканд и Хорезм, в 722–723 г. – Пенджикент. Все, что было связано с предшествующей культурой: драгоценная посуда, монеты, украшения шли в переплавку или сбывались соседям, в том числе и на север. Вскоре, в связи с распространением ислама, хорезмийская и другие среднеазиатские школы торевтики перестали существовать, так как духовный мир их мастеров был связан с чуждыми мусульманству верованиями.

Долгое время оставалось загадкой – почему именно в Прикамье сосредоточено так много «дальнего импорта» из Хорезма, Согда, Индии, Ирана, Византии. Ведь пушные зверьки, меха которых были так горячо любимы населением южных широт, водились и в Сибири. На территории НК располагается одно из крупнейших на Урале месторождений соли – Шумковское (Кишертский район Пермского края), в котором запасы соли составляют около 160 млн тонн. Шумковская соль имеет хорошее качество, NaCl в ней составляет в среднем 97,5%. Недалеко от комплекса неволинских памятников: городища Лобач – могильника Сухой Лог протекает речка Солянка с деревнями Нижняя и Верхняя Солянка, а на речке Барде, правом притоке р. Сылвы, стоит населенный пункт Солязавод. Пермяки издавна умели выпаривать соль из соляных ключей. И сейчас в Приуралье можно встретить роднички, окаймленные травой, припорошенной, как снежком, крупинками соли. Иногда крупные монолиты каменной соли выходили на поверхность, дикие звери приходили к ним полакомиться, а местные жители наблюдали и использовали это.

Соль в древнюю и средневековую пору называлась белым золотом, с ее помощью можно было делать запасы продуктов на долгое время, она нужна была для поддержания жизни людей. Соль во всех странах земного шара выступала в качестве эквивалента при обмене и торговле. Возможно, именно соль, а уж потом пушнина была главным товаром, за которым приезжали в Прикамье заморские торговцы и везли сюда серебряные сосуды, монеты, бусы, вино, масло, смолу, ткани, оружие, дорогие украшения, фрукты, пряности и другие престижные ценности.

В исторической литературе имеются сведения о стоимости тех или иных товаров в средние века. В Средней Азии (Согде) в 1-й четв. VIII в. цены были следующие: раб – 200 драхм (драхма –

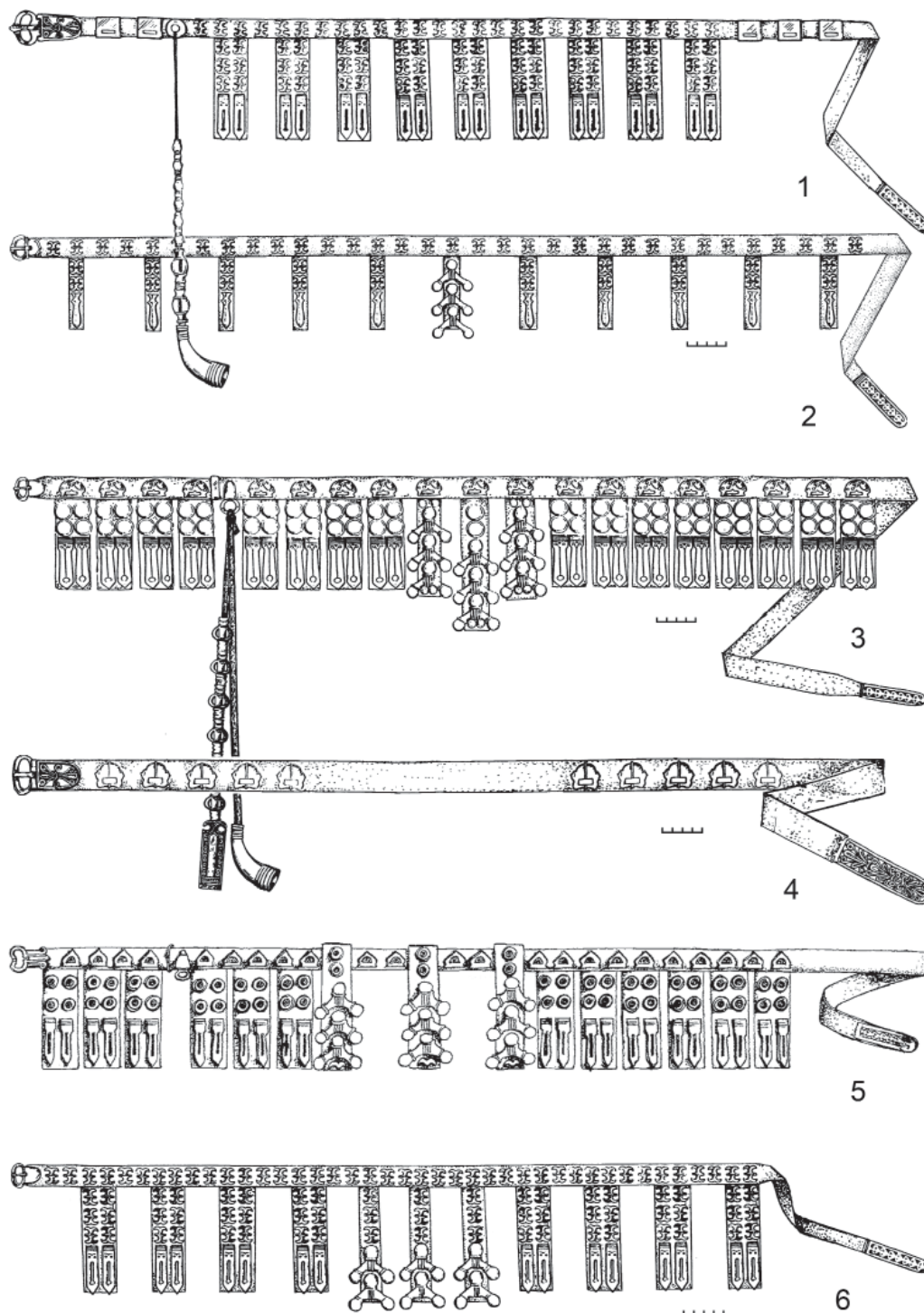

Рис. 14. Пояса неволинского типа. 1–4, 6 – Верх-Сая; 5 – Неволино

3,1 г серебра), кусок ткани большой – 100 драхм, малый – 60 драхм, отрез шелка – 28 драхм; корова, откормленная на убой – 11 драхм, пара быков – 12 драхм, один яхонт – 60 драхм, панцирь с рубашкой – 12 драхм, кафши (род обуви) – 1–2 драхмы (Смирнова, 1963, с. 53). По данным Й. Херрмана, в XI в. в прибалтийских округах раб стоил 200–300 г серебра, меч или стремя – 125, копьё – 50, шпоры – 20, узда – 10, уздечная пряжка – 5, нож – 3 г

серебра или один дирхем. Одна стеклянная бусина равнялась 3 г серебра или шкурке одной куницы (Херрман, 1986, с. 80–82). Аналогичные цены называет и арабский историк Ибн Фадлан: на Руси за 1 дирхем можно было купить одну зеленую стеклянную бусину. Во всех средневековых могильниках Прикамья бусы – одна из массовых находок. По данным Е.В. Голдиной, в 226 могилах неволинской культуры собрано 6839 бусин (Гол-

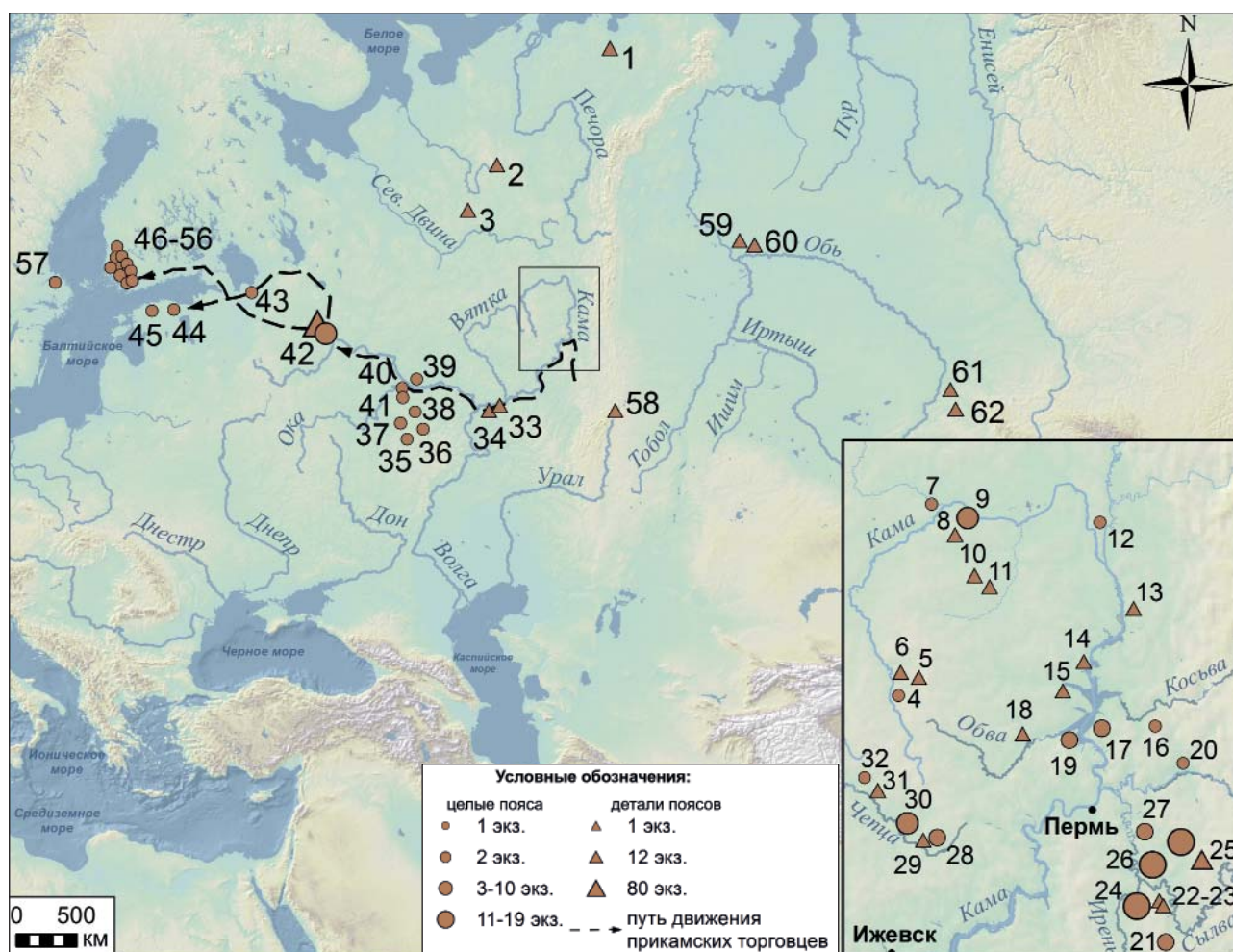

Рис. 15. Схема распространения поясов неволинского типа. 1 – Хэйбидя-Пэдар; 2 – Усогорск; 3 – Тохта; 4 – Аверино; 5 – Носково; 6 – Русиново; 7 – Плес; 8 – Михалево; 9 – Агафоново; 10 – Урья; 11 – Б. Коча; 12 – Редикор; 13 – Запоселье; 14 – Степаново; 15 – Загарье; 16 – Баяново; 17 – Висим; 18 – Рождественское; 19 – Деменки; 20 – Телячий брод; 21 – Усть-Иргино; 22 – Морозково IV; 23 – Усть-Кишерть; 24 – Неволино; 25 – Верх-Сая; 26 – Броды; 27 – Горбунята; 28 – Варни; 29 – Тольён; 30 – Полом; 31 – Весьякар; 32 – Чем-шай; 33 – Танкеевка; 34 – Татарстан; 35 – Ст. Бадиково II; 36 – Журавкино; 37 – Шокша; 38 – Моршанск; 39 – Чулково; 40 – Муром; 41 – Хотимль; 42 – Черный ручей; 43 – Победище; 44ki; 45 – Proosa; 46-56 – Kaavontönkkä, Pitkäsmäki, Ylipää, Mynänummi, Kirmukarmu, Rappilanmäki и др.; 57 – Uppsala; 58 – Байрамгулово; 59 – Барсов городок I; 60 – Сайгатино; 61 – Архиерейская заимка; 62 – Могильницкий

дина Е.В., 2010, с. 8), каждая из которых стоила, как минимум, шкурку одной куницы. Поскольку все бусы привозные, эти цифры красноречиво говорят о масштабах торговли населения Прикамья в средние века.

Можно считать доказанным, что основная часть дальнего импорта, в том числе византийского и иранского, поступала в Прикамье из Средней Азии. Выделяется 3 района его формирования: 1 – низовья р. Сырдарья и восточное Приаралье (джетыясарская культура) – V – начало VIII в.; 2 – Согд (Бухара и Самарканд) – конец VI–VII в.; 3 – Хорезм – 2-я четв. VII–VIII в. Контакты продолжались и в последующее время, но это тема отдельного исследования.

Изделия дальнего импорта поступали в Прикамье по северному ответвлению Великого шел-

кового пути из Средней Азии через низовья р. Сырдарья (джетыясарская культура) до р. Урал. По моему мнению, поскольку для III в. в Оренбуржье выявлены памятники, связанные с Прикамьем (Лебедевка VI, Красный Яр, Покровка 10), дальнейшее движение шло по Уралу до верховьев Белой, и по Белой на Каму (Голдина, 2019, с. 45), а также по рекам Уфе, Сарсу, Ирени на Сылву и далее снова на Каму (рис. 9). В конце VIII в. был открыт степной путь из Хорезма: восточнее Волги через плато Устюрт с переправой через Эмбу и р. Урал к устью р. Камы. Систематически он стал использоваться в болгарское время, путешествие из Хорезма в Волжскую Болгарию длилось 3 месяца (Даркевич, 1976, табл. 50: 1, с. 104).

Северо-западные связи. К настоящему времени в Приуралье известно более 80 целых поясов

Дата	Верхнее Прикамье		Сылвенско-Иренское междуречье	Бассейн р.Чепцы
	Ломоватовская		Неволинская	Поломская
	культуры стадии			
конец IV–V вв.	харинская	бурковская	бродовская	варнишурская
VI в.		митинская	верх-саинская	гыркесшурская
конец VI–VII вв.	агафоновская		бартымская	варнинская
конец VII–VIII вв.	деменковская		неволинская	весьякарская
конец VIII–IX вв.	урьинская		сухоложская	мыдланьшайская

Рис. 16. Схема соотношения хронологических стадий культур Прикамья (конец IV-IX вв.)

неволинского типа (рис. 14) и множество отдельных деталей. Для изготовления одного такого пояса требовалось более 1 000 бронзовых накладок, пряжка и наконечник. Судя по многочисленности поясов, разнообразию их вариантов именно в НК, эти предметы были изготовлены в Сылвенском поречье. Значительное скопление поясов неволинского типа обнаружено на финском побережье Балтийского моря, а также в королевском кургане в Упсале в Швеции (Мейнандер, 1979; Callmer, 1989, с. 22). Время использования этих изделий как в Прибалтике, так и в Прикамье – конец VII–VIII в. Кроме поясов, вероятно, в Фенноскандию поступали и некоторые типы восточных бус.

Вопрос о том, кто привозил в Прибалтику приуральские пояса, обсуждается давно. К. Мейнандер и Й. Каллмер считали, что исполнителями этих далеких путешествий были не финны, а восточные торговцы из Приуралья. М.М. Казанский также подтверждает, что археологически фиксируется движение древностей с востока на запад, а не наоборот. Прибалтийско-финские вещи появляются в Приуралье не ранее IX–X в. Исследователь сомневается в том, что у приуральских финнов существовали профессиональные торговцы (Казанский, 2010, с. 58). Однако современное состояние знаний об археологии пермских финнов позволяет утверждать, что в Прикамье сложились реальные условия для развития торговли на дальние расстояния и появления торговых людей.

Путь, по которому пермяне путешествовали в Прибалтику, косвенно обозначен находками в низовьях рек Оки и Мокши. Вероятно, движение шло по Каме, Волге, Шексне, побережью Белого озера, Свири, достигая Онежского и Ладожского озер, а затем Финского залива (рис. 15). В последние годы этот путь подтверждается находками деталей неволинских поясов в Молого-Шекснинском междуречье, где обнаружены более 80 деталей не менее чем от 5 неволинских поясов, а так-

же другие прикамские украшения, что позволило А.В. Кудряшову предположить, что здесь присутствовали и носители неволинской материальной культуры – пермяне, осуществлявшие торговые операции между Прикамьем и Прибалтикой (Кудряшов, 2008, с. 240–242).

Активным посредником в поисках и продаже скандинавам мехов выступали финны, обитавшие на восточном побережье Финского залива. Именно здесь сосредоточено более 10 пунктов с находками поясов неволинского типа. Вероятно, близкие по культуре и языку прибалтийским пермяне поставляли в Прибалтику не только пушнину, соль, восточные типы бус, но и «высокотехнологичные» для того времени изделия своего производства – пояса. Скорее всего, именно пермские торговцы в VII–VIII в. освоили Волго-Балтийский торговый путь, который в конце VIII–IX в. превратился в полноводную трансевропейскую магистраль, снабжавшую Скандинавию восточным серебром.

Вопросами датировки и хронологии верхнекамских древностей я занимаюсь уже более 50 лет. Одна из моих первых серьезных работ на эту тему была опубликована в 1970 г. Годом позже появились эпохальные для раннесредневековой хронологии Восточной Европы статьи А.К. Амброза (1971а, 1971б), вызвавшие «шквал несогласий». Результат – легендарный, как назвал его А.В. Богачев (Богачев, 2014, с. 268), симпозиум по этой проблеме, организованный Государственным Эрмитажем в г. Ленинграде в марте 1976 г. Туда собралась вся элита советской археологии, занимающаяся вопросами хронологии раннего средневековья. Видимо, по чистой случайности была приглашена и я. Мне было 35 лет, я была самой молодой из присутствующих, и мне, археологу из далекой провинции, было необычайно интересно и полезно слушать этих умных и образованных людей. Я раскопала к этому времени Агафоновский I могильник на севере Пермского края и выступа-

ла на симпозиуме с его материалами. В заключительном слове А.К. Амброз, не согласившийся с большинством критических замечаний, отметил, что наиболее интересная аргументация против его хронологии содержится в моем докладе (Засецкая, Маршак, Щукин, 1979, с. 124). За прошедшие 50 лет появились огромное количество новых материалов по этой проблеме (только по НК более 600 комплексов), написано множество статей разными авторами, и думаю, что, если бы А.К. Амброз был жив, я смогла бы убедить его в своей правоте. Тогда хорошо документированных материалов было мало, и они были плохо известны.

С учетом появившихся новых материалов и мнений других исследователей о материальной культуре сопредельных регионов, мною предложены хронологические схемы для отдельных памятников и каждой из культур: ломоватовской (Голдина, 1985, с. 123–133), неволинской (Голдина, 2012б) и полумской (Голдина, 2012в). Сопо-

ставление этих схем выглядит следующим образом (рис. 16). Все культуры возникли одновременно в конце IV в. и имеют синхронные стадии: бурковскую (ломоватово), бродовскую (неволино), варнишурскую (полом) (конец IV–V в.); митинскую (ломоватово), верх-саинскую (неволино), гыркешурскую (полом) (VI в.). Памятники VII в. ломоватовской культуры обособлены в агафоновскую стадию, неволинской – в бартымскую, бассейна р. Чепцы – в варнинскую. VIII в. для Верхней Камы – это памятники деменковского типа, для Сылвенско-Иренского поречья – неволинского, р. Чепцы – весьякарского, а для конца VIII–IX в. – для ломоватово выделена урьинская стадия, неволино – сухоложская, полома – мыдланьшайская. Следует отметить, что памятники неволинской культуры в массе заканчивают свое существование в 1-й четв. IX в., а памятники ломоватовской и полумской культур функционировали, очевидно, на протяжении всего IX в. и далее.

ГЛАВА 2

СЫЛВЕНСКО-ИРЕНСКОЕ ПОРЕЧЬЕ В КОНЦЕ IV–IX ВВ. (НЕВОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА)

История изучения. Первые сведения об археологических древностях Сылвенского поречья содержатся в работе И.Г. Георги 1775 г. (Georgi, 1775). Только через 100 лет стали появляться заметки о разных находках в этом крае, опубликованных как в зарубежных (Aspelin, 1877), так и в отечественных изданиях: известным пермским историком В.Н. Шишонко (Шишонко, 1884, с. 614, 619, 627–629); первыми местными археологами – А.Е. Теплоуховым (1880) и Ф.А. Теплоуховым (1893; 1895; 1896а). Членами семьи Теплоуховых была собрана и получила известность коллекция пермских древностей, широко используемая учеными и нашего времени.

Первые раскопки средневековых памятников в этом регионе были проведены в 1897 г. председателем Пермской Ученой Архивной комиссии Н.Н. Новокрещенных на Плехановском курганном могильнике (Новокрещенных, 1901, с. 111–114, 141). В 1898 г. им же совместно с А.А. Спицыным были исследованы разрушающиеся Горбунятский и Бродовский могильники (Спицын, 1898, л. 60–65; ОАК, 1901, с. 46–49; Новокрещенных, 1901, с. 124–126). Последний А.А. Спицын раскапывал и в 1899, и 1901 гг. (Спицын, 1901, л. 8–12; ОАК, 1903, с. 115). Эти памятники были отнесены им к кругу древностей ломоватовского типа и датированы VIII–IX вв. (Спицын, 1902, с. 23).

Позднее среди шаманских древностей Урала А.А. Спицын опубликовал и металлопластику Усть-Кишертского клада (Спицын, 1906), а Я.И. Смирнов – серебряные сосуды из Комаровского, Куриловского, Кулагыжского, Суксунского и Шахаровского кладов (Смирнов, 1909).

В конце XIX – начале XX вв. при интенсивном хозяйственном освоении Сылвенского поречья в разных местах местные жители находили серебряные сосуды из Ирана, Средней Азии, Византии, Хорезма (например: у д. Курилово – 1873 г.; Шахарово – 1886 г.; Кошелево – 1900 г.; Стрелка – 1908 г. и др.) (Тревер, Луконин, 1987, с. 122–125). Этот процесс продолжался и позднее. У д. Бартым находки импортной посуды были сделаны в 1925, 1947, 1949, 1950, 1951, 1952, 1957 гг. (Голдина и др., 2011, с. 120–127).

Таким образом, к началу XX в. русские ученые и краеведы получили достаточно яркие представления о разнообразных памятниках эпохи средневековья Сылвенского поречья, на некоторых могильниках были проведены стационарные исследования, давшие уникальный для этого времени материал.

В 1926–1927 гг. Неволинский могильник на р. Ирени раскапывал А.В. Шмидт. В 1950–1951 гг. В.Ф. Генинг провел небольшие раскопки на Бродовском, Усть-Иргинском, Копчиковском и Кляповском могильниках, а также на городище Лобач (Генинг, 1953; Бадер, 1953, с. 14–20, 21, 35). В 1950 г. О.Н. Бадер при участии В.Ф. Генинга исследовал Неволинский могильник. Результаты были опубликованы в Венгрии (Erdelyi, Ojtozi, Gening, 1969).

Из работ 60-х гг. следует отметить раскопки В.А. Обориным и Н.А. Воронковой самого большого из сохранившихся курганов Бродовского могильника (Оборин, Балашенко, Воронкова, 1970, с. 161), а также В.А. Обориным Ермаковского городища. Интересны рекогносцировочные работы Г.А. Шокшуева в 1961 г. на городище Лобач и Кляповском могильнике (1962). Р.Д. Голдиной в 1968 г. были продолжены раскопки известного Неволинского могильника (Голдина, 1969, с. 161–162).

Важной представляется организация ПГУ разведочных маршрутов по побережьям наиболее крупных рек края, что позволило выявить значительное число новых памятников второй половины I тыс. н. э. (работы В.Ю. Лещенко 1966, 1969, 1970 гг.; А.В. Малышкина 1974 г.; И.С. Поносковой 1963 г.; Г.Т. Самодуровой (Ленц) 1971 г.; В.И. Зуевой 1965 г. и др.).

Особенностью этого времени была ограниченность круга стационарно исследуемых памятников и масштабов проводимых работ. Как правило, это были небольшие раскопы на уже известных объектах. Оценка памятников различна. Часть их отнесена исследователями к ломоватовской культуре, а Неволинский могильник дал название одному из ее этапов (Бадер, Оборин, 1958, с. 145–168; Генинг, 1953, с. 87–88, 96–98; 1959б, с. 184).

Другие памятники (городища Ермаково, Лобач) отнесены к сылвенской культуре X–XV вв. В силу неразработанности датировок керамического материала сылвенскими считались и многие памятники неволинского времени, содержащие керамику с резной орнаментацией.

С конца 70-х гг. на изучаемой территории систематические исследования проводила Камско-Вятская экспедиция УдГУ под руководством Р.Д. Голдиной. Были проведены большие разведочные работы (руководители маршрутов: Н.М. Алексеева, О.В. Арматынская, А.В. Васильев, Н.В. Водолаго, Р.Д. Голдина, О.М. Кудрявцева, Г.В. Лодыгин, И.Ю. Пастушенко, Т.К. Ютина). В результате обследованы 224 памятника, из них 16 могильников, 37 городищ, 150 селищ, 21 местонахождение. Значительные работы по выявлению новых памятников, а также раскопки были проведены в это же время экспедицией Пермского университета (руководители групп: Ю.А. Поляков, А.П. Филимонов, А.Ф. Рублев, Г.Т. Ленц, А.Ф. Мельничук).

КВАЭ провела крупные стационарные исследования на памятниках различных категорий, стремясь к комплексному изучению объектов (например: Бартымский комплекс – селище, могильник и клады, Верх-Саинский – городище и могильник, Кишертский – городище Лобач и могильник Сухой Лог).

В 1978–1979 гг. Р.Д. Голдиной были организованы большие исследования на Бродовском курганном могильнике в устье р. Шаквы. Здесь на площади 3973 кв. м обнаружено 48 курганов с 94 погребениями (Голдина, 1986). В 1979, 1981 и 1982 гг. были завершены раскопки Неволинского могильника (раскопанная площадь – 1505 кв. м и 122 могилы) (Голдина, 2012).

В 1982 г. Г.Т. Ленц исследовала 500 кв. м на Ломотинском городище, подтвердив его принадлежность к НК. В 1982–1983 гг. Ю.А. Поляков совместно с Г.Т. Ленц раскопал 12 курганов на Калашниковском могильнике (Поляков, 1982; Ленц, 1983).

Наиболее значительные по объему работы проведены Р.Д. Голдиной в 1980–1992 гг. на городище Верх-Сая I, где на площади 10676 кв. м исследованы 19 сооружений, 229 хозяйственных ям, 170 кострищ, более 1500 столбовых ямок, 200 оборонительных сооружений. Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго в 1982–1992 гг. исследован Верх-Саинский могильник в среднем течении р. Шаквы, где на площади 5974 кв. м изучено 108 курганов, содержащих 135 захоронений, и 185 бескурганых могил (Голдина и др., 2018).

В 1981 и 1983 гг. Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолаго и Е.М. Черных были проведены раскопки Бартым-

ского I селища. На площади 3162 кв. м обнаружены 3 жилища и 1 сооружение, 61 хозяйственная яма, 14 кострищ, около 200 столбовых ям, а также 19 могил с 60 костяками людей, погибших в результате нападения на этот поселок. В окрестностях этого памятника в разные годы найдены семь серебряных сосудов сасанидского, среднеазиатского и византийского происхождения. В одном из сосудов обнаружены 272 серебряных византийских монет Ираклия и Ираклия Константина (610–641 гг.) (Голдина, Пастушенко, Черных, 2011; Goldina et al., 2013, с. 865–930).

КВАЭ исследован также комплекс памятников в Кишертском районе Пермского края у д. Пеньки: городище Лобач и могильник Сухой Лог. На городище Лобач в 1984–1986 гг. на площади 1243 кв. м Р.Д. Голдиной выявлены 9 сооружений, 29 хозяйственных ям и кострища. На могильнике Сухой Лог, расположенном в окрестностях городища, в 1986–1988 гг. Е.Э. Киржнер и Н.В. Водолаго на площади 397 кв. м раскопаны 22 погребения (Голдина, Пастушенко и др., 2012).

На самом юго-восточном могильнике культуры – Усть-Иргинском, на площади 206 кв. м располагались 16 захоронений конца VII–VIII в. (Волков, Пастушенко, 2006, с. 5–39), а также Курманаевском курганном могильнике V–VI вв. на Средней Сылве (310 кв. м, 11 погребений из 10 курганов) (Пастушенко, Волков, 1999). Кроме того, раскопано около 200 кв. м и изучено 2 жилища на Подкаменном городище (Голдина, 1984, с. 56–71). На 126 кв. м Елкинского городища, исследованного Л.Д. Макаровым в 1984 г., обнаружено 5 сооружений, 2 хозяйственные и 14 столбовых ям (Пастушенко, Макаров, 2008). Итак, интенсивные полевые работы, проведенные в 70–80-е гг. позволили создать добротную источниковую основу для изучения археологии и истории Кунгурской лесостепи во второй половине I тыс. н. э.

Работа по составлению археологической карты НК шла в рамках сводных работ по Верхнему Прикамью. Данные дореволюционного периода наиболее полно представлены в «Археологическом дневнике» А.Е. и Ф.А. Теплоуховых (Теплоухов, 1870). Обобщение всех сведений, накопленных до 40-х гг. XX в. было сделано И.А. Талицкой (Талицкая, 1952). Материалы разведок КВАЭ 1977–1984 гг. обобщены Н.В. Водолаго (Водолаго, 1984, с. 35–55).

Материалы могильников неволинского типа А.А. Спицын объединял с ломоватовскими и датировал VIII–IX вв. (Спицын, 1902, с. 23). А.В. Шмидт отнес Неволинский могильник к VI–VIII вв. в рамках ЛК, отмечая существенное сходство культур Верхнего Прикамья и бассейна

р. Белой (Шмидт, 1925). Вслед за А.В. Шмидтом исследователи 60-х гг. включали памятники второй половины I тыс. н. э. в бассейне р. Сылвы в ЛК и выделяли в ее развитии два этапа: харинский (III–V вв.) и неволинский (VI–VIII вв.) (Бадер, 1953, с. 71; Бадер, Оборин, 1958, с. 147, 156; Генинг, 1953, с. 96–98; 1955, с. 120; 1959б, с. 184).

Впервые термин «неволинская культура» для обозначения средневековых памятников бассейна р. Сылвы был предложен В.А. Обориным (1961, с. 57). В.Ф. Генинг также писал об отличии неволинских памятников от ломоватовских, подчеркивая их своеобразие (Генинг, 1965, с. 340–342). Обоснование целесообразности ее выделения было представлено Р.Д. Голдиной (Голдина, 1968, с. 87–98; и др. работы).

По проблемам «восточного серебра» в Прикамье, под которым условно объединены изделия восточной торевтики и монеты (чаще из серебра, изредка из золота и меди), в основном среднеазиатского, иранского и византийского, позже арабско-исламского происхождения, работали многие ученые: Ф.А. Теплоухов (1895), Я.И. Смирнов (1909), Л.А. Мацулевич (1929, 1940), И.А. Орбели и К.В. Тревер (1935), О.Н. Бадер (1952), А.П. Смирнов (1946, 1947, 1957), О.Н. Бадер и А.П. Смирнов (1954); В.П. Даркевич (1976), В.Ю. Лещенко (1971, 1976), Б.И. Маршак (1971, 1980), А.В. Банк (1978), К.В. Тревер и В.Г. Луконин (1987), В.Н. Залеская (2006) и др. В них рассматривались вопросы времени и путей проникновения изделий восточной торевтики в Прикамье и проблема использования восточного серебра местным населением. В 90-е гг. вышли работы В.Ю. Морозова (1995, 1996, 2005), А.Г. Иванова (1998), Е.В. и Р.Д. Голдиных (2010), в которых содержится анализ проблемы (Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 128–144, там историография и ссылки на литературу). Однако многие вопросы еще требуют дополнительного осмысления и аргументации.

Следует отметить, что за исключением проблематики, касающейся восточного импорта, слабая источниковая база определяла фрагментарность и гипотетичность даже тех робких экскурсов в археологию и историю Сылвенско-Иренского поречья эпохи средневековья, которые были предприняты в предшествующее время. Лишь материал, полученный в последние десятилетия, позволяет впервые разрешить некоторые вопросы.

Генезис культуры. НК – одна из самых загадочных культур Приуралья средневековой поры. В настоящее время очевидно присутствие в ее составе нескольких компонентов. Одним из них было население гляденовской культуры, принадлежащей пермякам. По данным М.Л. Перескокова,

ва, в нижнем и среднем течении р. Сылвы выделяется особая сылвенская племенная территория, которая включала в себя три группы памятников: ломотинскую (16 объектов), шатовскую (16) и слепушкинскую (9). В двух из них присутствуют костыща (Перескоков, 2018, с. 107–108). Появление гляденовцев на Сылве, по мнению М.Л. Перескокова, относится ко второй половине IV в. (там же, 2018, с. 112), но, судя по датировке А.Н. Лепихиным Слепушкинского костыща II–V вв. (Лепихин, 2007, с. 112), возможно, и раньше. Поскольку костыща – своеобразная особенность гляденовской культуры, эти объекты – одно из ярких подтверждений участия гляденовского населения в сложении НК.

Второй компонент НК – пришлое население, принесшее в Сылвенское поречье оригинальные некрополи с курганным обрядом захоронения, появился здесь в конце IV в. Верх-Саинские памятники возникли в VI в. Обычай сооружать курганы был утрачен в разных группах – на протяжении VII в. В это время был заселен весь бассейн р. Сылвы.

Область расселения. Культура располагалась в бассейне р. Сылвы от ее устья до впадения р. Тис, включая все притоки, из которых наиболее крупные – Бабка, Ирень, Иргина, Шаква, Барда (рис. 1). Протяженность территории, занимаемой культурой с севера на юг, около 150 км, с запада на восток – более 100 км. Площадь НК около 15 тыс. кв. км – примерно половина современной Бельгии. Ее ключевое географическое положение – между лесом и степью, разветвленная речная сеть, связывающая этот регион с югом (р. Белая), с севером, западом, юго-западом (р. Кама) и с востоком – Зауральем (рр. Сылва и Чусовая) – способствовало успешному и динамичному развитию населения. Контакты с ближайшими соседями и с отдаленными областями – Средней Азией, сасанидским Ираном, Византией, Прибалтикой и др., откуда воспринимались новейшие достижения человечества, – позволили создать прикамскому населению яркую, оригинальную и своеобразную культуру.

НК – одна из наиболее изученных культур Приуралья. Число известных памятников более 270. Характер большинства из них традиционен для Прикамья, за исключением курганов (9) и курганно-грунтовых могильников (2): городища (37), селища (196), бескурганные (7) могильники, клады и находки (20), а также 2 костыща. Памятники располагались группами с центральным большим по площади городищем, подступы к которому были защищены несколькими сторожевыми. Вокруг размещались многочисленные селища.

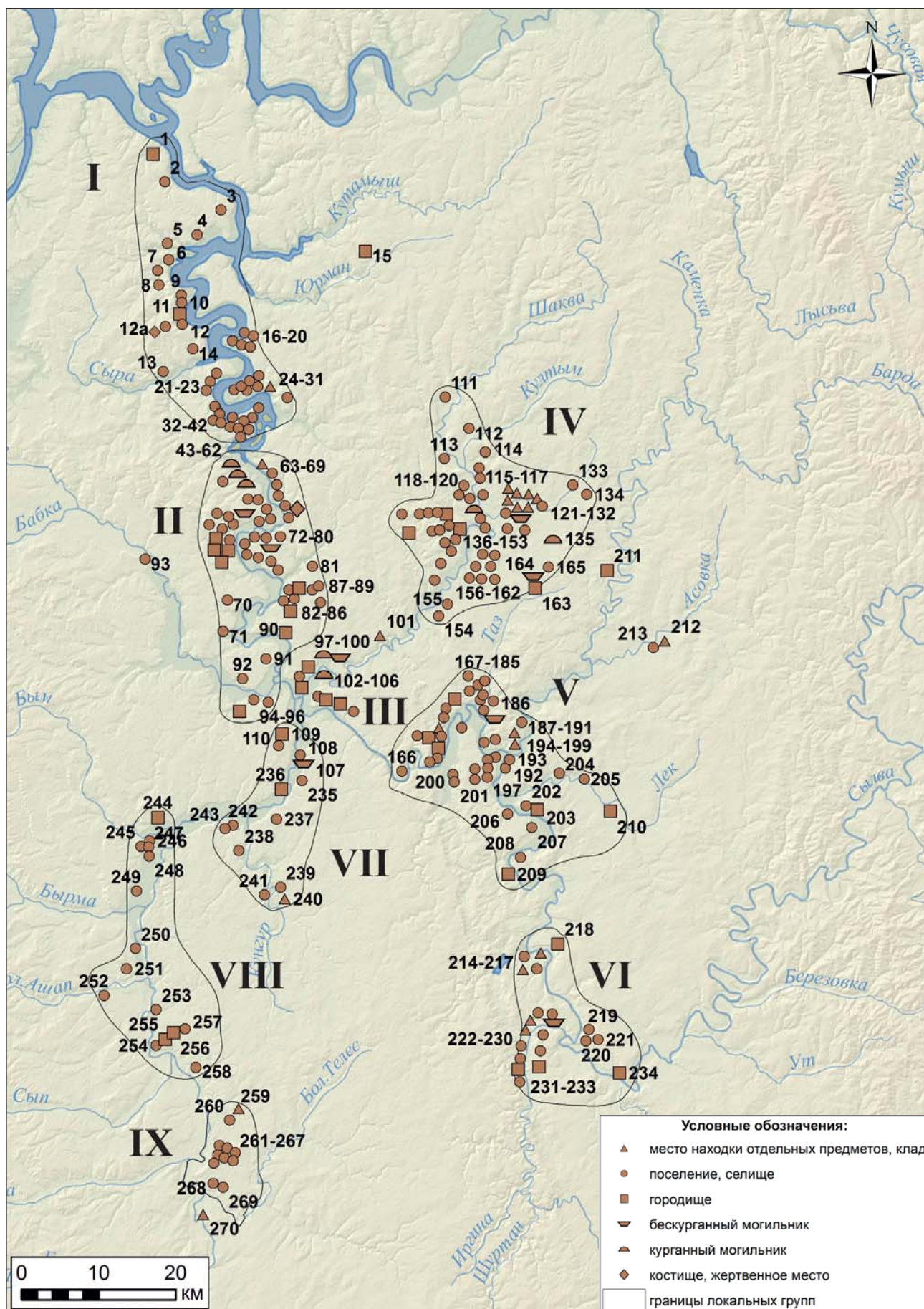

Рис. 1. Карта-схема размещения памятников неволинской культуры

Рис. 1. Карта-схема размещения памятников неволинской культуры.

I – Нижнесылвенская группа. 1 – Сылвенское (Пеганкова Гора) городище; 2 – Усть-Вороновское селище; 3 – Троица селище; 4 – Ерепетовское селище; 5 – Усть-Бродовское селище; 6 – Мыс-Бродовское селище; 7, 8 – Жабрейские I, II селища; 9, 10 – Никулино I, II селища; 11, 12 – Усть-Громотуха городище и селище; 12а – костиче Слепушка; 13 – Горный селище; 14 – Староверское селище; 15 – Городищенское городище; 16, 17 – Насадка I, II селища; 18–20 – Карьи I–III селища; 21–23 – Горюшки I–III селища; 24 – Киселево селище; 25 – Стерляговские находки; 26, 27 – Стерлягово I, II селища; 28 – Ново-Стерляговское поселение; 29, 30 – Елкинское (Городищенское) городище и селище; 31 – Горбунятский могильник; 32–36 – Гари I–V селища; 37–41 – Шаговские I–V селища; 42 – Щелканы селище. **II – Среднесылвенская группа.** 43 – Курган у озера Дикого; 44, 45 – Заборьинские курганы и селище; 46–48 – Калашниковский курганный могильник и I, II селища; 49–51 – Гамовские I–III селища; 52–56 – Новые могильник и I–IV селища; 57–60 – Якшевитские I, II селища и I, II городища; 61 – Казарятское городище; 62 – Подъельничное (Лысчаг) городище; 63–68 – Ломотинские городище, I–IV селища и костиче; 69 – Зуютское селище; 70 – Снегиревское селище; 71 – Каширино селище; 72–74 – Курманаевский курганный могильник и I, II селища; 75–79 – Кинделинские I–V селища; 80 – Кислое озеро (Дикуши) селище; 81 – Пестеревское селище; 82, 83 – Усть-Мечкинские селище и городище; 84, 85 – Выползово I, II селища; 86 – Каширинское городище; 87, 88 – Заспалово I, II селища; 89 – Урмы селище; 90, 91 – Подкаменное городище и селище; 92 – Балалы селище; 93 – Усть-Курашим селище; 94 – Березовское селище; 95 – Киселевское селище; 96 – Новиковское городище. **III – Нижнешаквинская группа.** 97, 98 – Спасское городище и курганы; 99 – Бродовское (на Взъеме) городище; 100 – Бродовский курганно-грунтовый могильник; 101 – Комаровский клад; 102 – Плехановские курганы; 103 – Селянино Озеро селище; 104 – Кунгурское II городище; 105 – Ермаково городище; 106 – Филипповское селище. **VII – Нижнеиренская группа.** 107, 108 – Неволинский грунтовый могильник и II поселение; 109 – Иренское (Рыбы) городище; 110 – Неволинское I селище. **IV – Среднешаквинская группа.** 111 – Грязнухинское селище; 112 – Покровское селище; 113 – Ванькинское селище; 114 – Ермолинское селище; 115 – Переборское селище; 116 – Ремгинское селище; 117–120 – Урасковские I–IV селища; 121–127 – Бартымские клады; 128–132 – Бартымский могильник и I–IV селища; 133, 134 – Пуздринское I, II селище; 135 – Копчиковский курганный могильник; 136 – Верх-Саинский курганно-грунтовый могильник; 137–142 – Верх-Саинские I, II городища, I–IV селища; 143 – Антонковское селище; 144 – Кокуйское городище; 145–149 – Шаквинские III–V, IX, X селища; 150, 151 – Пентюринские I, II селища; 152 – Клычи селище; 153 – Карнауховское селище; 154 – Рыжково селище; 155 – Заборьевское поселение; 156 – Березовское поселение; 157–161 – Старковские I–V селища; 162 – Плотины I поселение; 163 – Морозовское городище; 164 – Кляповский могильник; 165 – Таз-Татарское селище. **V – Бардымско-Сылвенская группа.** 166–169 – Грибушинские I–III селища и городище; 170–172 – Стрелкинские селище, городище и клад; 173 – Ефятское селище; 174, 175 – Посадские I, II селища; 176 – Лобач (Пеньковское) городище; 177 – Зуютское селище; 178–182 – Кошелевские I–V селища; 183, 184 – Сухой Лог I, II селища; 185 – Тазовское (Сухой Лог) селище; 186 – Сухой Лог грунтовый могильник; 187 – Куделькинское селище; 188 – Заборьевское селище; 189 – Казенные находки; 190 – Караковское селище; 191 – Кара-Косовский (Усть-Кишертский) клад; 192 – Андреевское селище; 193, 194 – Шумковские I, II поселения; 195, 196 – Морозковские II, IV селища; 197, 198 – Косьвинские I, II селища; 199 – Полетаевское I селище; 200, 201 – Кишертские I, II селища; 202, 203 – Гусельниковское (Занина Вышка) городище и селище; 204 – Глинки селище; 205 – Нижняя Солянка селище; 206, 207 – Нижне-Подуковские I, II селища; 208, 209 – Мазуевское селище и городище; 210 – Бырминское (Осинцевское) городище. **Одиночные памятники.** 211 – Демидьтское (Кривенское) городище; 212, 213 – Кулагьжский клад и селище. **VI – Верхнесылвенская группа.** 214, 215 – Суксунский (Кошелевский) клад и селище; 216 – Кошелевские находки; 217 – Шатлыкское селище; 218 – Тохтаревское городище; 219–221 – Боровые I–III селища; 222, 223 – Усть-Иргинский грунтовый могильник и селище; 224 – Сивково поселение; 225 – Шестаковский клад; 226 – Нижне-Шахаровский клад; 227, 228 – Ключевские I, II селища; 229 – Ключевское (Златоустовское) городище; 230 – Говорынинское селище; 231, 232 – Шахаровские I, II селища; 233 – Иргинское городище; 234 – Антоновское городище. **VII – Нижнеиренская группа.** 235 – Басинское селище; 236 – Комары городище; 237 – Ереминское селище; 238 – Керинское селище; 239 – Рубяжево селище; 240 – Куриловский клад; 241 – Подзуювка селище; 242, 243 – Троицкие I, II селища. **VIII – Среднеиренская группа.** 244 – Степановское (Ленское) городище; 245 – Долгое Озеро поселение; 246 – Кокуй поселение; 247 – Кочерги селище; 248 – Нижняя Змеевка селище; 249 – Усть-Турка селище; 250 – Карьева поселение; 251 – Федуловка селище; 252 – Ашар селище; 253 – Андреевское селище; 254 – Денисовка селище; 255 – Ключевское городище; 256, 257 – Вторые Ключики городище и селище; 258 – Луговское селище. **IX – Верхнеиренская группа.** 259, 260 – Пахомовские клад и селище; 261–263 – Чашкинское Озеро I–III селища; 264, 265 – Озерное I, II селища; 266 – Чайка селище; 267 – Плотское селище; 268, 269 – Усть-Телес I, II поселения; 270 – Екатерининские находки

На территории НК выделено 9 локальных групп (рис. 1). Из них наиболее многочисленны: I – нижнесылвенская (42 памятника), II – среднесылвенская (53); III – среднешаквинская (55), бардымско-сылвенская (45) и VI – верхнесылвенская (21 объект). Остальные содержат меньшее число памятников: III – нижнешаквинская (10), VII – нижнеиренская (13), VIII – среднеиренская (15) и IX – верхнеиренская (12 объектов). Самые ранние группы II–IV были заселены в конце IV в., остальные, по современным данным, в VI–VII вв.

Судя по отдельным изолированным от групп памятникам, в будущем число локальных образований должно возрасти: Усть-Курашимское селище на Средней Бабке, Кулагьжский клад и селище на Средней Барде и др. Памятники среднешаквинской группы показывают процесс освоения этой территории. В конце IV–V вв. отложился Кляповский могильник, на рубеже V–VI вв. было построено Верх-Саинское I городище и возник сопутствующий могильник, функционировавшие до IX в., в VII в. – существовало и погибло население

Бартымского I селища и отложились эпонимный могильник и 7 кладов, в VIII в. Бартымский поселок возродился.

Исследованные памятники распределены по территории культуры достаточно равномерно. В нижнесылвенской группе раскопаны Елкинское городище и Горбунятский могильник; на Средней Сылве – Калашниковские и Курманаевские курганы и Подкаменное городище; в нижнешаквинской группе – Бродовский курганно-грунтовый могильник, Плехановские курганы, Ермаково городище; в среднешаквинской группе: Верх-Саинские I городище и могильник, Бартымские I селище и могильник, Кляповский могильник; в Бардымско-Сылвенской группе: городище Лобач, могильник Сухой Лог; в нижеиренской группе – Неволинский могильник; в верхнесылвенской группе – Усть-Иргинский могильник. Опорными памятниками для изучения неволинской культуры являются объекты среднешаквинского куста: Верх-Саинское I городище, Бартымское I селище, Бартымские находки серебряной посуды, Бартымский и Верх-Саинский могильники.

Поселения. Известно 233 поселения (86,3%) НК, из них 37 (13,7%) городищ и 196 (72,6%) селищ. Достоверна информация о 21 укрепленном городке. 11 городищ имели обычный для Прикамья мысовой тип, закрыты одной линией обороны (ров, вал) с напольной стороны (Лобач – рис. 2: 4). Иногда валы защищали площадки городков с боковых сторон до скальных обрывов (Елкино – рис. 2: 5; Подкаменное – рис. 2: 3, Ломатино и др.). Замкнутая система обороны характерна для половины городищ.

Наиболее выразительны защитные сооружения городища Верх-Сая I, изученные раскопками на протяжении 200 м. Памятник расположен на мысу высотой 26 м, образованном берегом р. Саи, правого притока р. Шаквы, правого притока р. Сылвы, и глубоким логом. Площадка имеет подтреугольную форму, площадь 15 тыс. кв. м. Поверхность относительно ровная, ранее распахивалась. С напольной стороны городище защищено дугообразным валом длиной 230 м и высотой 3–4 м и слабо заметным рвом.

Стационарные работы показали, что вал окружал площадку со всех сторон и перестраивался в неволинское время четырежды (рис. 3, 4). Первый вал был сооружен на рубеже V–VI вв., что подтверждается находкой в его основании двух накладок харинского типа (рис. 9: 39–40). Памятник, как и сопутствующий ему Верх-Саинский могильник, существовал до первой четверти IX в. включительно. Это документируется и двумя 8-образными пряжками с городища (рис. 9: 17, 18). Перестройка валов была связана с пожарами,

скорее всего, вследствие нападения врагов. Предпринимались разные способы укрепления валов: эскарпирование, выравнивание площадок, сооружение стен из горизонтальных бревен или плетня вдоль краев вала, дополнительная подсыпка, частвокол по гребню, оформленный въезд, привратные постройки и др. (Голдина, Пастушенко, 2003, с. 147–149). Городище имело четкую планировку, все сооружения располагались улицами вдоль склонов, в центре стояла круглая в плане культовая постройка. Верх-Саинское I городище представляло собой административный, хозяйственный и религиозный центр среднешаквинской группы. В качестве сторожевых городков выступали городища Кокуй и Верх-Сая II.

В НК наиболее распространены селища (196) – неукрепленные поселения. Они располагались как по одному, так и группами (до 38), занимали мысы (Гусельниково – рис. 5: 1; Боровое I – рис. 5: 2), выступы (Кошелево – рис. 5: 5; Кишертъ – рис. 5: 6; Ключи II – рис. 5: 4) или склоны невысоких террас (Сухой Лог II – рис. 5: 3). Размеры селищ 0,6–25 тыс. кв. м. Мощност культурных слоев обычна для лесной зоны и не превышает 0,3 м.

Единственным широко исследованным памятником сельского типа второй половины I тыс. н. э., содержащим представительный материал для исследования особенностей домостроительства, планировки поселений, характеристики хозяйства, общественного устройства и быта населения этого времени, до сегодняшнего дня остается в Верхнем Прикамье Бартымское I селище (рис. 2: 6; 6: 1) (Голдина и др., 2011).

Наблюдения над планиграфией и стратиграфией поселенческих объектов, распределением керамических остатков и вещей позволили выявить три этапа его функционирования: I–VI – первая половина VII в.; II–VIII – первая половина IX в. и III – XIII–XIV вв.

К первому этапу относятся три наземных срубных жилища площадью 13 кв. м, отапливаемые печами-каменками однонаправленной ориентации, поставленные в ряд параллельно руслу реки. Хозяйственные ямы образовывали скопление на заднем дворе усадьбы (рис. 6: 1). За пределами двора располагались дополнительные хозяйственные ямы (рис. 7: 7–9), находившиеся в посемейном пользовании, и летние кухни. Усадьба была огорожена изгородью. Южнее жилых строений располагались огражденные забором сакральная наземная, круглая в плане, постройка площадью 15,4 кв. м, а рядом с ней – большой погреб.

Со вторым этапом (VIII – первая половина IX в.) связаны многочисленные хозяйственные ямы, среди которых особый интерес представляет яма-ледник. Остатки третьего этапа (XIII–XIV вв.)

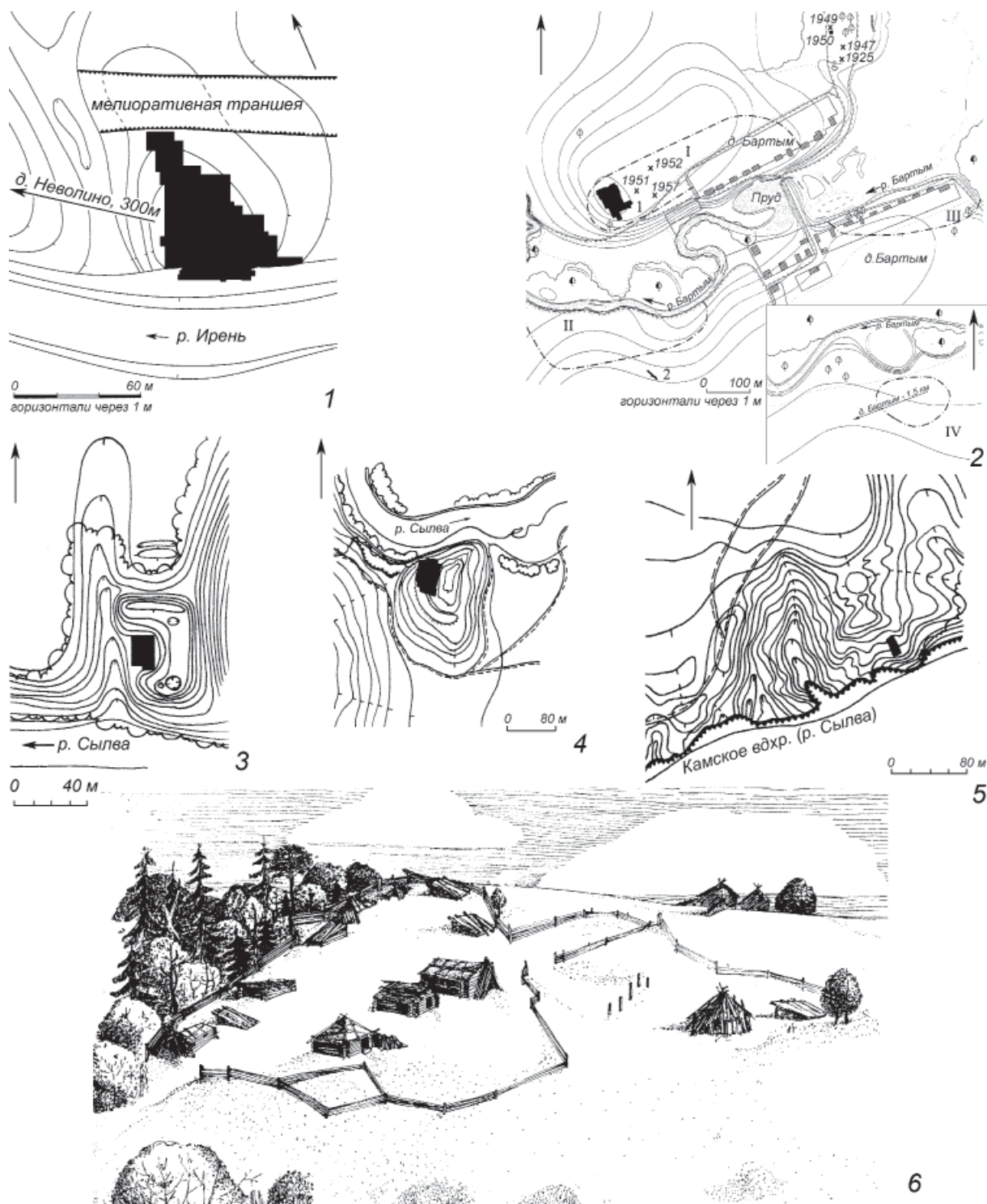

Рис. 2. Планы памятников неволинской культуры.

1 – Неволинский могильник; 2 – Бартымские (I–IV селища, 1–2 – Бартымские I, II могильники, х – Бартымские клады разных лет); 3 – Подкаменное городище; 4 – городище Любач; 5 – Елкинское городище; 6 – реконструкция общего вида поселка VI–VII вв. по материалам Бартымского I селища (авторы Е.М. Черных и Л.И. Липина)

немногочисленны: хозяйственные ямы и кладовые. Если для VI–VII вв. можно говорить об относительно свободной застройке с гнездовым типом планировки, то в VIII–IX вв. она меняется на рядовую, а в XIII–XIV вв. – на рассеянно-рядовую.

Единство социального коллектива, оставившего ранний поселок, проявилось в существовании

общей культовой постройки – святилища. Первый этап закончился нападением на поселок и гибелью его жителей. Неслучайно в сакральной зоне и было устроено небольшое кладбище. Бартымский I поселок не был брошен в панике. Его обитатели похоронили своих убитых сородичей, разобрали часть построек и собрали более ценный инвен-

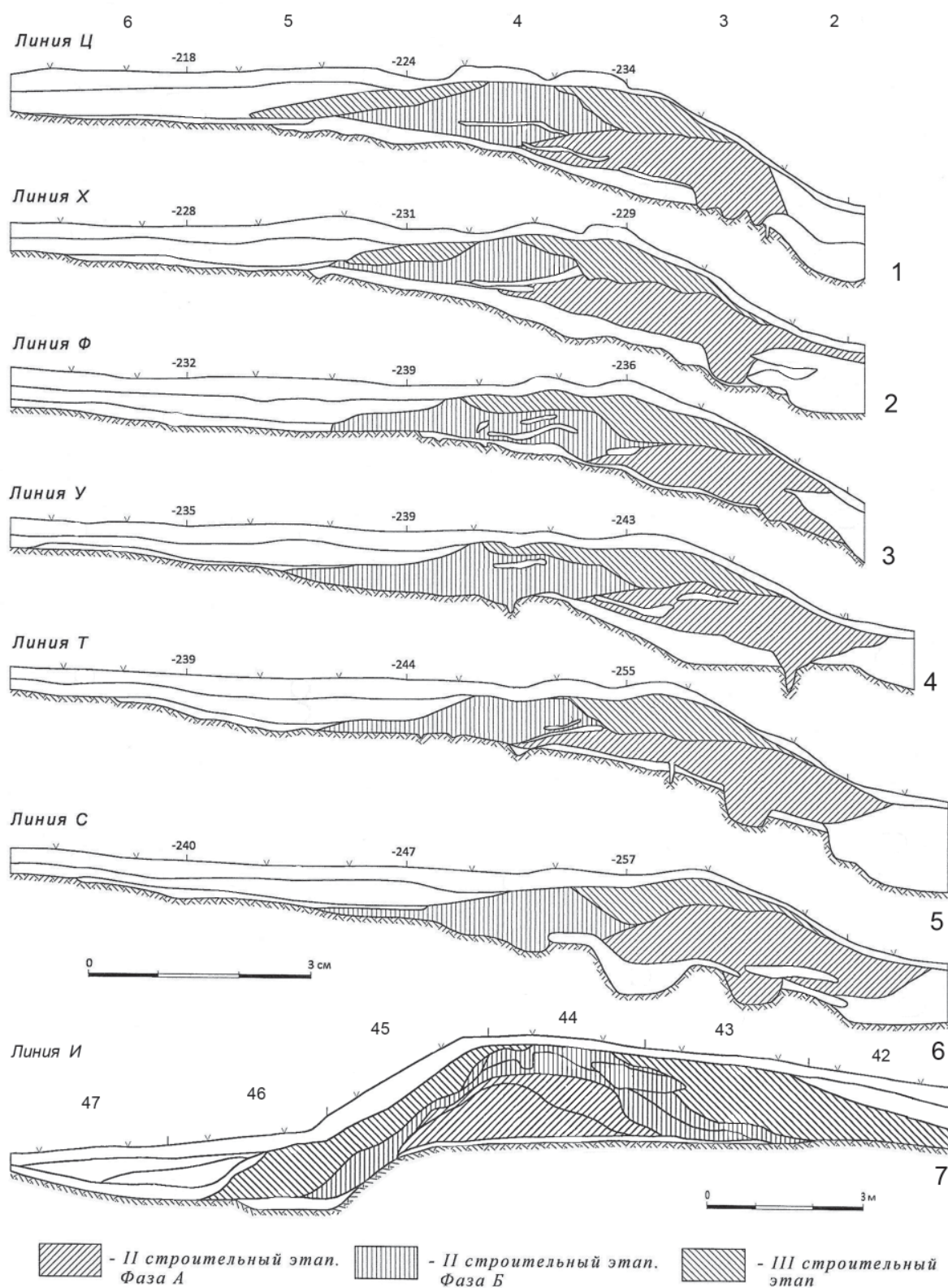

Рис. 3. Верх-Саинское I городище. Разрезы оборонительной системы

тарь, намеревались, вероятно, забрать и ценности из кладов, но какие-то обстоятельства этому помешали.

К настоящему времени насчитывается более 30 жилищ различной сохранности с пяти поселений НК: четырех городищ (Лобач, Елкино, Подкамен-

ное, Верх-Сая I) и селища (Бартым I). По форме оснований построек и степени заглубленности Е.М. Черных (Черных, 2008, с. 66–73) выделила пять типов (групп) жилищ. К первому отнесены квадратные в плане полуземлянки с углубленным в грунт на 0,4–1,0 м основанием площадью

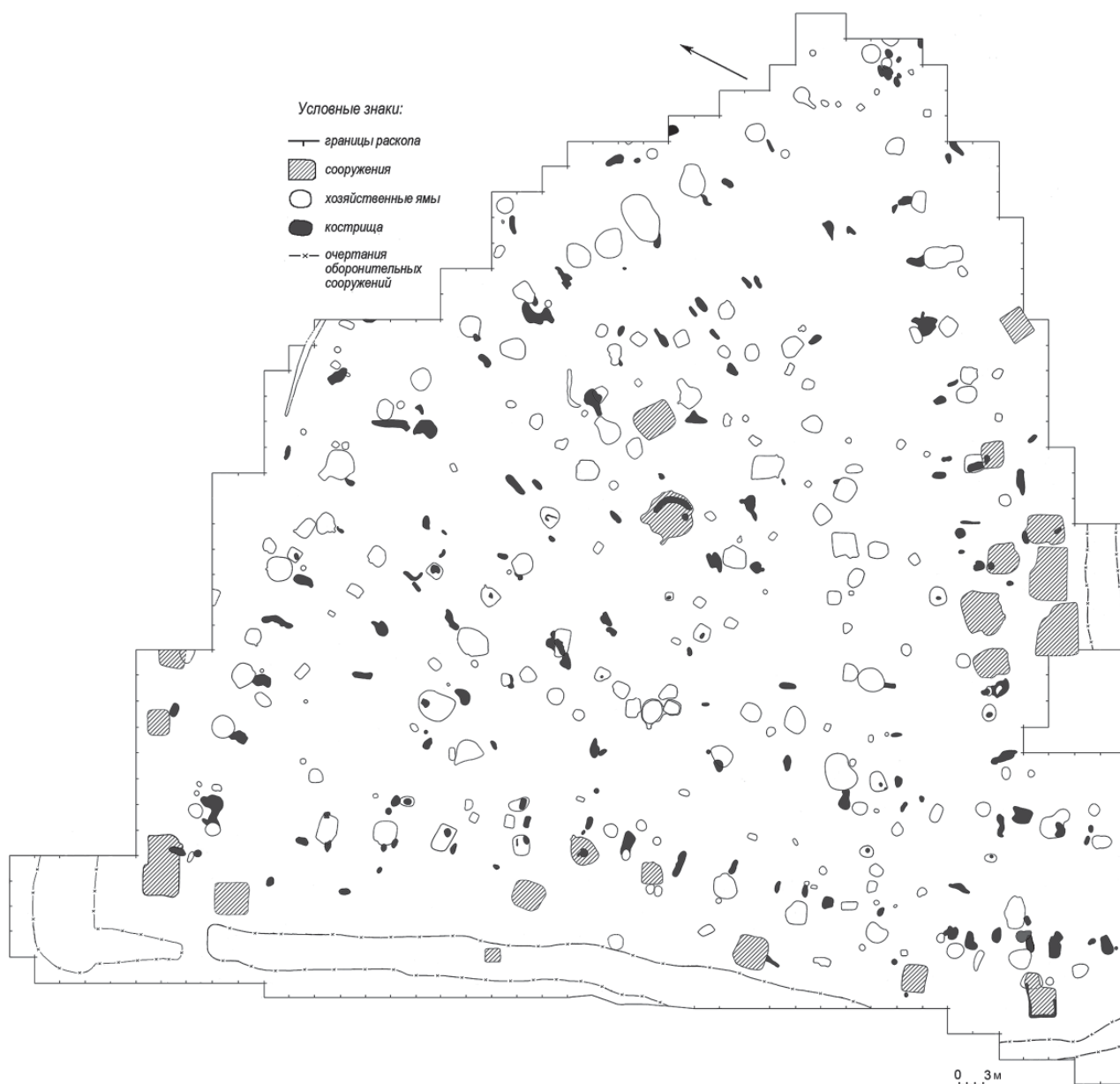

Рис. 4. Верх-Саинское I городище. План раскопа

10–20 кв. м (рис. 7: 1, 2; 8: 3, 4). Очаг-каменка размерами 0,6–0,7×0,75–0,93 м сложен из бесформенных камней в южном или юго-восточном углу. В жилищах 9 и 11 Верх-Саи I прослежены материковые уступы в стене шириной до 1,5 м, возможно, лежанки. Вход в жилище 19 Верх-Саи I оформлен ступеньками.

Второй тип – квадратные в плане постройки, со слегка углубленным котлованом, площадью 11–16 кв. м, очагом-каменкой в углу (рис. 8: 1). В жилищах Бартымского I селища каменная кладка очагов имела кольцевую форму с небольшим разрывом, перед которым располагалась небольшая яма, куда сгребали угли и золу.

Основания жилищ третьего типа врезаны в грунт лишь на 0,3 м, они характерны для сильно наклонных площадок (Лобач, Елкино). Площадь

их 10–20 кв. м. Очаги-каменки располагались в углах или у стен (рис. 8: 2). В двух жилищах Лобача (раскопки Г.А. Шокшуева) обнаружены глинобитные очаги с добавлением щебня. В одной из столбовых ям зафиксированы остатки соснового бревна. В жилищах присутствуют хозяйственные ямы, в одной из них найден сосуд с зерном. В некоторых сооружениях зафиксирован вход-тамбур.

Тип 4 близок постройкам типа 3 – прямоугольное основание, углубленное в грунт на 0,4–0,7 м, одна из стен из-за крутизны врезана в склон. Площадь сооружений 13–17 кв. м. В интерьер входили очаги-каменки в центре и хозяйственная яма.

По мнению Е.М. Черных, жилища первых двух типов представляли собой небольшие срубные полуземлянки, невысокие (до 2 м), с пирамидообразной (шатровой) или двухскатной крышей (рис. 7:

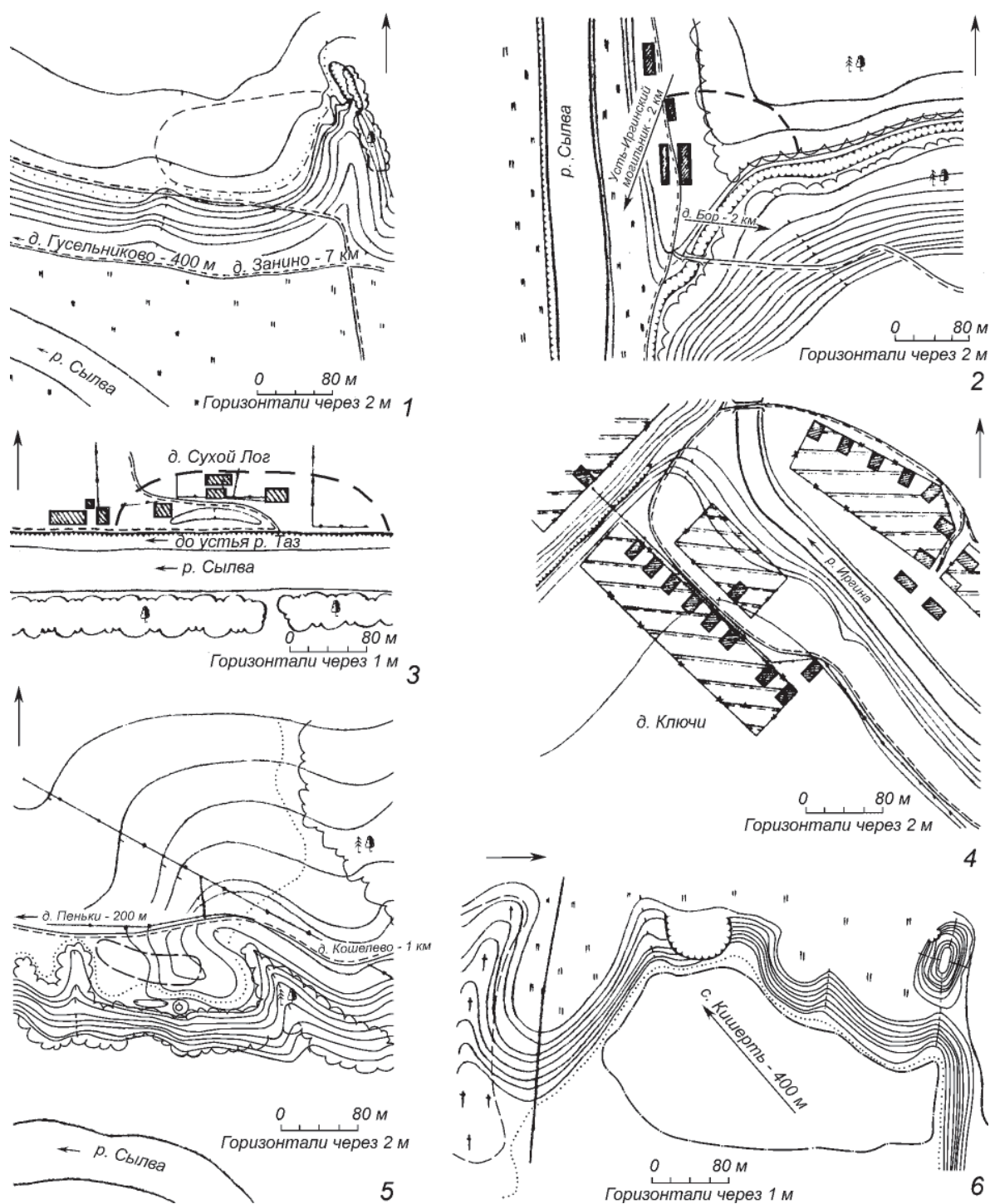

Рис. 5. Планы селищ неволинской культуры.

1 – Гусельниковское; 2 – Боровое I; 3 – Сухой Лог II; 4 – Ключевское II; 5 – Кошелевское I; 6 – Кишертское

3–6). Вход, располагавшийся с южной стороны, мог оформляться небольшим навесом. Такие дома являлись долговременными постройками, в конструкции которых широко использовались местные строительные материалы: сосновое дерево, глина, камень. Этот вариант жилищ Е.М. Черных связывает с пришлым компонентом, скорее всего, западносибирским (Черных, 2008, с. 71). Исследовательница отмечает близость формы этих построек именьевским. Однако от именьевских

они отличались конструкцией очага, устроенного на глинобитной овальной площадке или в деревянном ящике, расположенном в центре помещения, а также устройством центрального столба-опоры. Среди западных финно-угров полужемлянки были распространены у древней мордвы, мери и муромы.

Е.М. Черных акцентирует внимание на том, что полужемлянки неволинского типа характеризуются особыми признаками, не типичными для

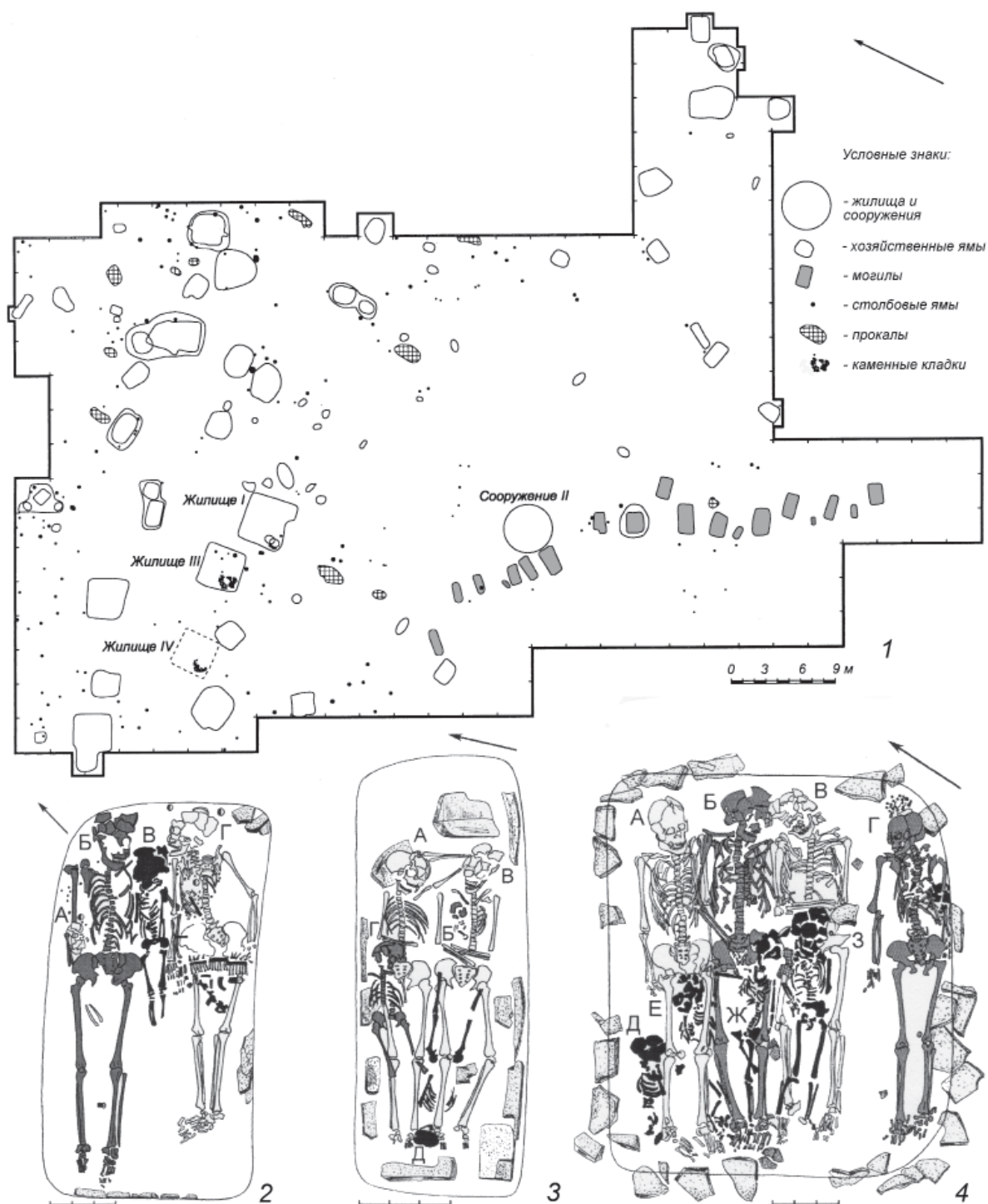

Рис. 6. Бартымское I селище и могильник.

1 – план раскопа; планы погребений: 2 – погр. 11; 3 – погр. 7; 4 – погр. 16

Прикамья, которые сформировались вне прикамского региона, были привнесены в сложившемся виде и не имели здесь дальнейшего продолжения (Черных, 2008, с. 97).

В жилищах третьего и четвертого типов в основных чертах (прямоугольный план, слабая заглубленность, тамбур перед входом, иногда встречавшееся центральное расположение очага и ям) просматриваются особенности, присущие местной пермской домостроительной традиции. В кон-

структивном плане они мало отличались от жилищ, известных по ананьинским, чегандинским и гляденовским поселениям.

Обращают на себя внимание две постройки круглой формы диаметром 4–5 м, впущенные в материк на 0,45–0,7 м, которые отапливались обычными кострищами, иногда с каменной обкладкой. По реконструкции Е.М. Черных, остов был каркасно-столбовым, покрытым жердями, ветками, кусками коры и бересты. Оба сооруже-

Рис. 7. Реконструкции построек поселений неволинской культуры. Авторы Е.М. Черных и Л.И. Липина. Верх-Саинское I городище. 1, 2 – жилища группы I (углубленные), внешний и внутренний виды. Бартымское I селище. 3, 4 – жилище 1, вариант 1 и 2; 5, 6 – жилые постройки; 7 – надземная часть ямы хранилища LVII; 8, 9 – надземная часть ямы хранилища LIV

ния располагались на долговременных поселениях, одно – в центре Верх-Саинского I городища, второе – на Бартымском I селище, и представляли собой общепоселенческие культовые постройки. Е.М. Черных находит аналогии им среди круглоплановых сооружений дьяковской культуры Волго-Окского междуречья, а также в постройке № 6

Новинковского V селища, раскопанного Д.А. Сташенковым и датированного VI–VII вв. (Черных, 2008, с. 69).

На раскопанных поселениях собрано огромное количество материала. Помимо костей животных, целых и обломков глиняных сосудов встречались бронзовые украшения: височные подвески (рис. 9:

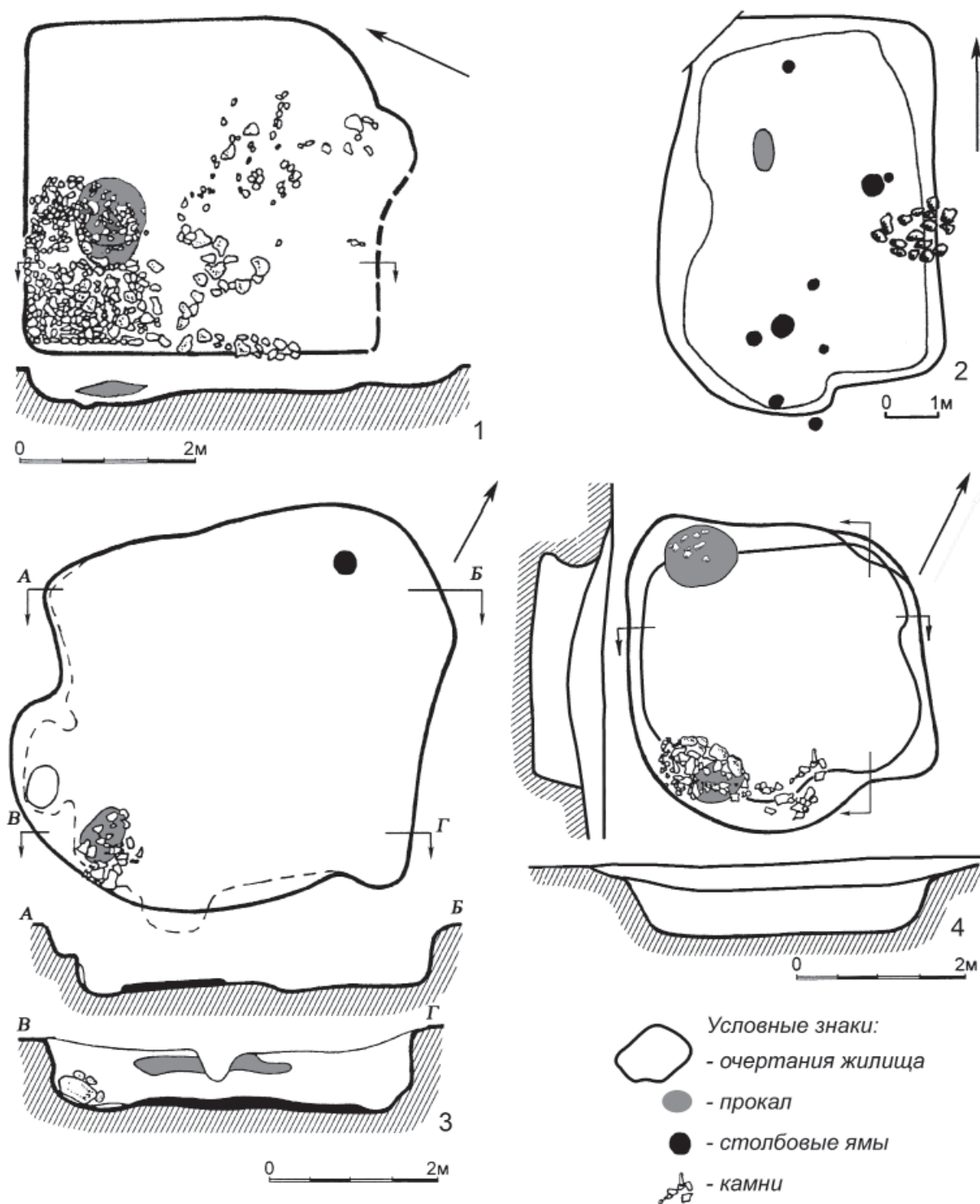

Рис. 8. Планы жилищ поселений неволинской культуры.

Верх-Саинское I городище: 1 – жилище 21; 3 – жилище 4; 4 – жилище 5. Городище Лобач: 2 – жилище 1

5, 6, 7), различные привески (рис. 9: 1–4), подвески (рис. 9: 10, 11–13, 27–29, 32, 34, 37, 38, 41), перстни (рис. 9: 8), пронизки (рис. 9: 9, 14–16), туалетный пинцет (рис. 9: 33). Многочисленны детали поясов: пряжки (рис. 9: 17–22), накладки (рис. 9: 23–26, 30, 36, 39, 40), наконечники ремней (рис. 9: 31). Особый интерес представляет медная гирька византийского купца весом 78,7 гр (3 унции) (рис. 9: 35). На ней изображены: слева

буква Г с символом, обозначающим градус (сокращение от слова унция), справа Г – цифра 3, то есть гирька в 3 унции. Над ними нарисован крест. Близкие по изображениям гирьки опубликованы В.В. Гурулевой из собрания Русского археологического института в Константинополе (Гурулева, 1999, табл. I-13-15). Она считает, что в Византии существовали целые наборы весовых знаков одного типа, но разного весового значения: 1, 2, 3,

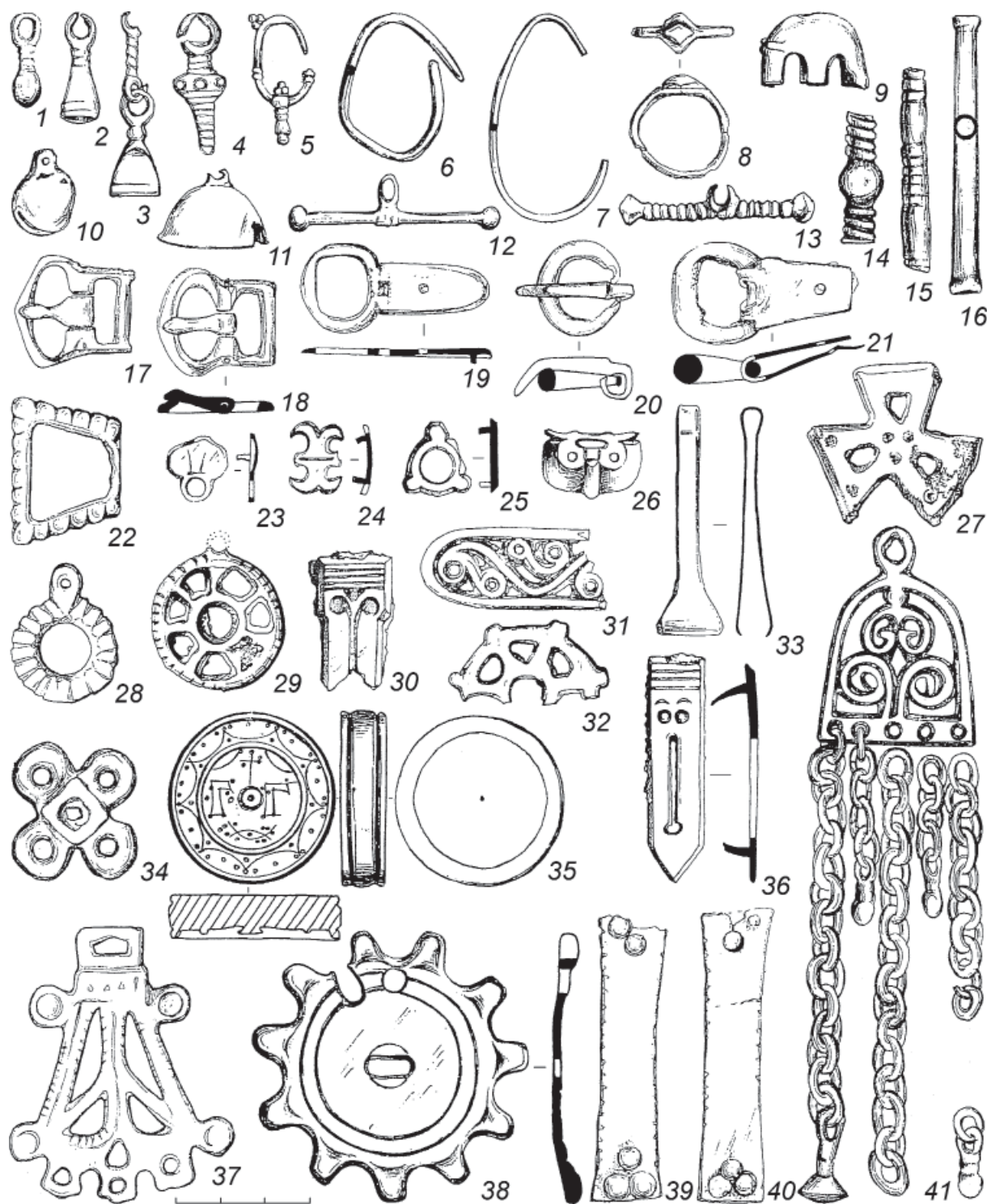

Рис. 9. Верх-Саинское I городище. Изделия из бронзы.

1-4 привески; 5-7 – височные подвески; 8 – перстень; 10-13, 27-29, 32, 34, 37, 38, 41 – подвески; 9, 14-16 – пронизки; 17-22 – пряжки; 23-26, 30, 36, 39, 40 – накладки; 31 – наконечник ремня; 33 – пинцет; 35 – византийская гирька.

6 унций. Изображение креста без символических покровов на христианских памятниках появляется не ранее начала V в. (там же, с. 86). Очевидно, и верх-саинская гирька была отлита не ранее этого времени, а, учитывая состав Бартымскогоклада, поступила в Прикамье в середине VII в.

Хозяйственные и бытовые изделия представлены глиняными тиглями (рис. 10: 1, 2), льячкой (рис. 10: 6), мотыжкой (рис. 10: 7), серпами (рис. 10: 8, 9), стамесками (рис. 10: 10, 11), обломком ножниц (рис. 10: 15), топориком (рис. 10: 18), костяными рукоятками (рис. 10: 16, 17), глиняны-

ми пряслицами (рис. 11: 1–7), костяными иглами (рис. 10: 16–18), обломками музыкальных инструментов типа варгана (рис. 11: 19–21). На Верх-Сая I найдены самые ранние в Северном Прикамье каменные жернова (рис. 10: 12–14). Оружие представлено костяными (рис. 11: 8–15, 22) и железными (рис. 11: 23–28, 31, 32) наконечниками стрел и железными ножами (рис. 11: 29, 30).

Глиняная посуда НК представлена выборкой из 590 сосудов с поселений (рис. 12) и 166 сосудов с могильников (рис. 13). Наиболее распространены округлобокие и расширенные в верхней части тулова чаши с прямой (рис. 12: 5, 7; 13: 1, 2, 5, 6, 7, 9, 10, 12) или блоковидной (рис. 12: 2, 3, 6, 8; 13: 3, 10) горловиной, а также блюдообразные сосуды (рис. 12: 4, 9, 10; 13: 4, 11). Для ранних памятников характерны сосуды без шеек. В тесте встречаются, наряду с раковиной, другие добавки – песок и шамот. Довольно высока степень орнаментации, особенно венчиков (50,6–62,0%). Шейки украшены несколько меньше (35,7–36,6%). Отмечен некоторый рост степени орнаментации от ранних памятников к поздним. Наиболее характерны резные узоры (55,0–72,9%; рис. 12: 2, 5, 9, 10; 13: 2, 4, 7, 10, 12), а также гребенчатый (18,3–33,3%; рис. 12: 3, 6, 11), шнуровой (5,3–18,3%; рис. 13: 1, 3, 5, 6, 9) орнаменты и ямки (16,7–29,7%; рис. 12: 5, 7; 13: 8, 9).

Могильники НК встречаются трех вариантов: курганы (Плеханово, Калашниково, Спасский и др.); курганно-грунтовые (Броды, Верх-Сая) и бескурганные (Неволино, Усть-Иргино). Курганы пока известны только на Средней Сылве и Нижней и Средней Шакве, возникли на рубеже IV–V вв. и существовали до середины VII в. Курганно-грунтовые некрополи использовались более длительное время: Броды – от рубежа IV–V вв. до начала IX в., Верх-Сая – от VI до первой четверти IX в. Еще не раскопанные курганные могильники, скорее всего, содержат и бескурганные части. Некрополи, возникшие в VII в. (Неволино, Усть-Иргино), уже не содержат курганных насыпей. Уникален Бартымский I могильник. Пока это единственный случай в Приуралье, когда 60 человек, одновременно погибших в результате вражеского нападения, похоронены на площади поселения с использованием, кроме специально выкопанных ям, в уже имеющемся погребке (рис. 6: 1). Здесь захоронены 60 человек, из них почти половина (27) дети: 2 новорожденных, 3 – до двух лет, 22 – от двух до девяти лет. Взрослых 33: мужчин 15, женщин 13, пол пятерых не определен. Групповых захоронений 13, в них похоронены от двух до девяти человек. Бартымский I могильник впервые дал свидетельства прочных, устойчивых кровнородственных связей в пределах малой се-

мьи у пермян Приуралья. Численность малой семьи в Бартыме составляла 5–10 человек. В могиле 16 (рис. 6: 4) обнаружены трое мужчин, одна женщина и пятеро детей от 0,5 до 6 лет. Бартымский I могильник свидетельствует о существенной имущественной дифференциации обитателей поселения: выделяются три богатых могилы (9; 11 – рис. 6: 2; 19), в пяти – вещей вообще нет.

На основании находок в кладе 1950 г. византийских монет первой четверти VII в., бухарской надписи, выполненной не позднее конца VI – начала VII в. на византийском сосуде середины VI в., находки в одной из могил пояса верха саинского (харинского) типа, отсутствия в могилах сасанидских монет Хосрова II Бартымский I могильник может быть датирован, скорее всего, промежутком между 615–642 гг. или второй четвертью VII в.¹

Топография размещения курганных могильников Сылвенского поречья различна. Копчиковские курганы находятся у подножия возвышения, удалены от реки на расстояние около 2 км. Спасский и Верх-Саинский могильники обнаружены на высоких берегах рядом с городищами. Бродовские курганы занимают вторую надпойменную террасу и коренной берег реки, Плехановский и Калашниковский – невысокие ровные надпоймы. Курганы у оз. Дикого и у д. Забор расположены в старичной пойме у подножия коренного берега. Кляповский могильник открыт на холме, в 4 км от берега ближайшей реки.

Число курганов колеблется от 2 до 108 (Верх-Сая). Они размещены нечеткими рядами или группами (рис. 14). Насыпи невелики, окружены канавками. Могильные ямы имели прямоугольную форму, наклонные или отвесные стенки без особенностей (рис. 16: 4, 7). Захоронения произведены в гробовищах или срубках, встречалась обкладка стенок камнями. Основной обряд – труположение. Умершие уложены вытянуто на спине. Преобладают западная, южная и северо-восточная ориентировки костяков. Украшения костюма главным образом располагались так, как использовались при жизни (рис. 17: 1–3). Известны случаи, когда пояс вытянут вдоль умершего (рис. 16: 7), а некоторые типы украшений уложены в берестяные коробочки.

В VII в. обычай сооружать курганы в бассейне р. Сылвы исчез, и рядом с курганами появились бескурганные могилы, расположенные рядами. К настоящему времени на 9 могильниках исследовано около 600 бескурганных захоронений. Число могил на одном памятнике весьма значительно

¹ Более подробно об обоснованиях дат см.: Голдина, 2012б.

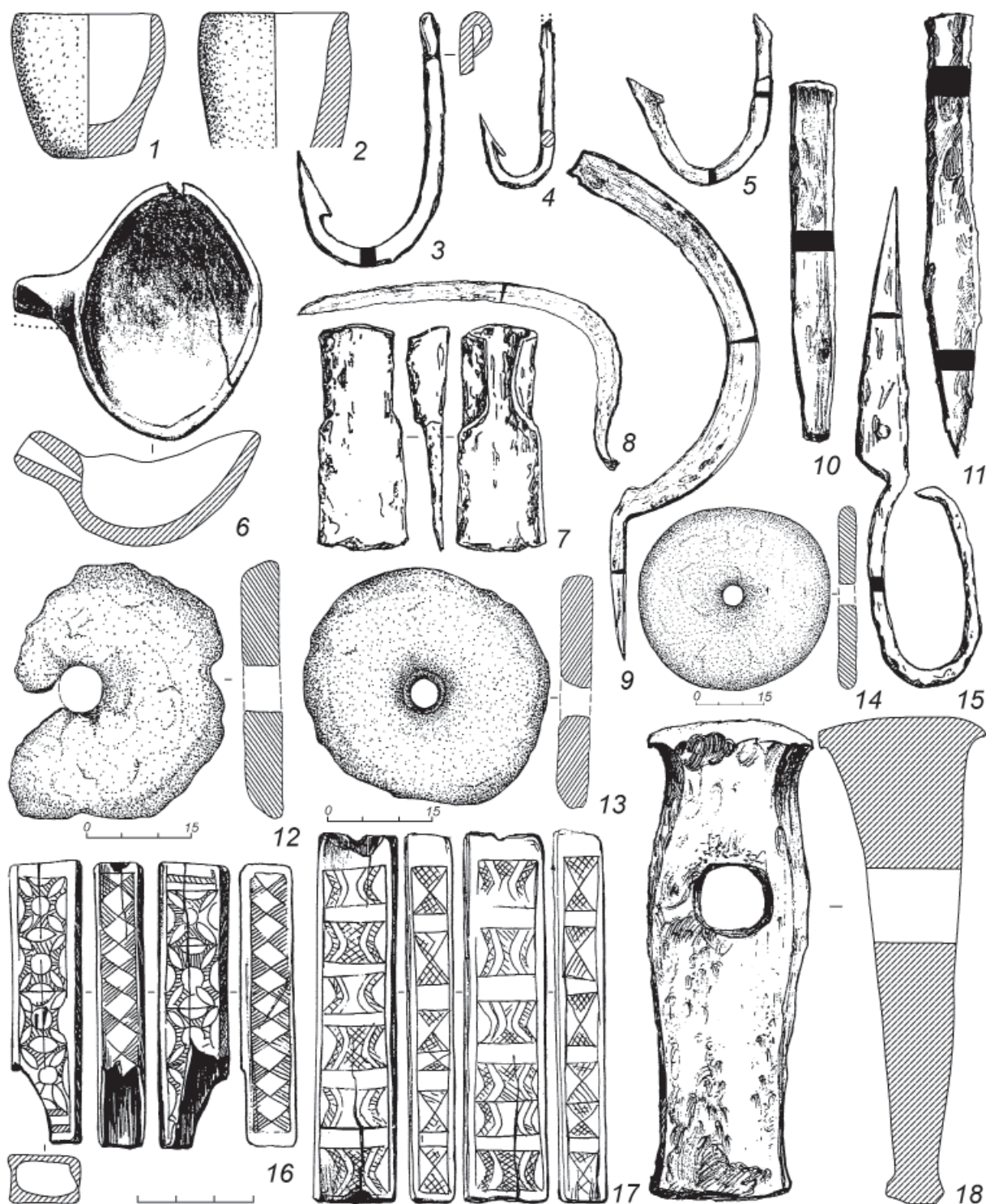

Рис. 10. Верх-Саинское I городище. Бытовые изделия и орудия труда.

1-2 – тигли; 3-5 – рыболовные крючки; 6 – льячка; 7 – мотыжка; 8, 9 – серпы; 10, 11 – зубила;
12-14 – жернова; 15 – обломок ножниц; 16, 17 – рукояти; 18 – кузнечный молоток.
1, 2, 6 – глина; 3-5, 7-11, 15, 18 – железо; 12-14 – камень; 16, 17 – кость

(115-263 – рис. 14, 15). Количество могил в рядах 3-25. Форма могильных ям аналогична подкурганным (рис. 16: 1-3, 5, 6). Захоронения совершенны в гробовищах (рис. 16: 1) и долбленых колодах, единичны случаи покрытия гроба берестой или обертывания умершего шкурой животного. Способ погребения – индивидуальные трупопо-

ложения вытянуто на спине (рис. 16: 2, 3, 5, 6), встречались также коллективные захоронения, преимущественно парные (рис. 16: 1). Умерших хоронили в праздничной одежде с украшениями и различным инвентарем (рис. 16: 1-3, 5, 6; 17: 4-6). Погребальный обряд могильников НК свидетельствует о единообразии и устойчивости похорон-

Рис. 11. Верх-Сайнское I городище. Предметы быта и оружие.
 1–7 – пряслица; 8–15, 22–28, 31, 32 – наконечники стрел; 16–18 – иглы;
 19–21 – обломки музыкальных инструментов типа варган; 29, 30 – ножи.
 1–7 – глина; 8–22 – кость; 23–32 – железо

ных традиций населения Сылвенского поречья с конца IV до начала IX в.

Случайные находки и клады. На территории НК обнаружено 20 кладов. Среди них два (Каракосовский и Усть-Кишертский) состоят из шаманских изображений, остальные – находки серебряной посуды иранского, среднеазиатского и

византийского происхождения. Наряду с единичными, встречаются собрания по два и шесть предметов. Иногда в составе кладов, кроме серебряной посуды, обнаружены византийские и сасанидские монеты и украшения, слитки из цветного металла.

Особый интерес представляют Бартымские клады, так как содержат редкое сочетание саса-

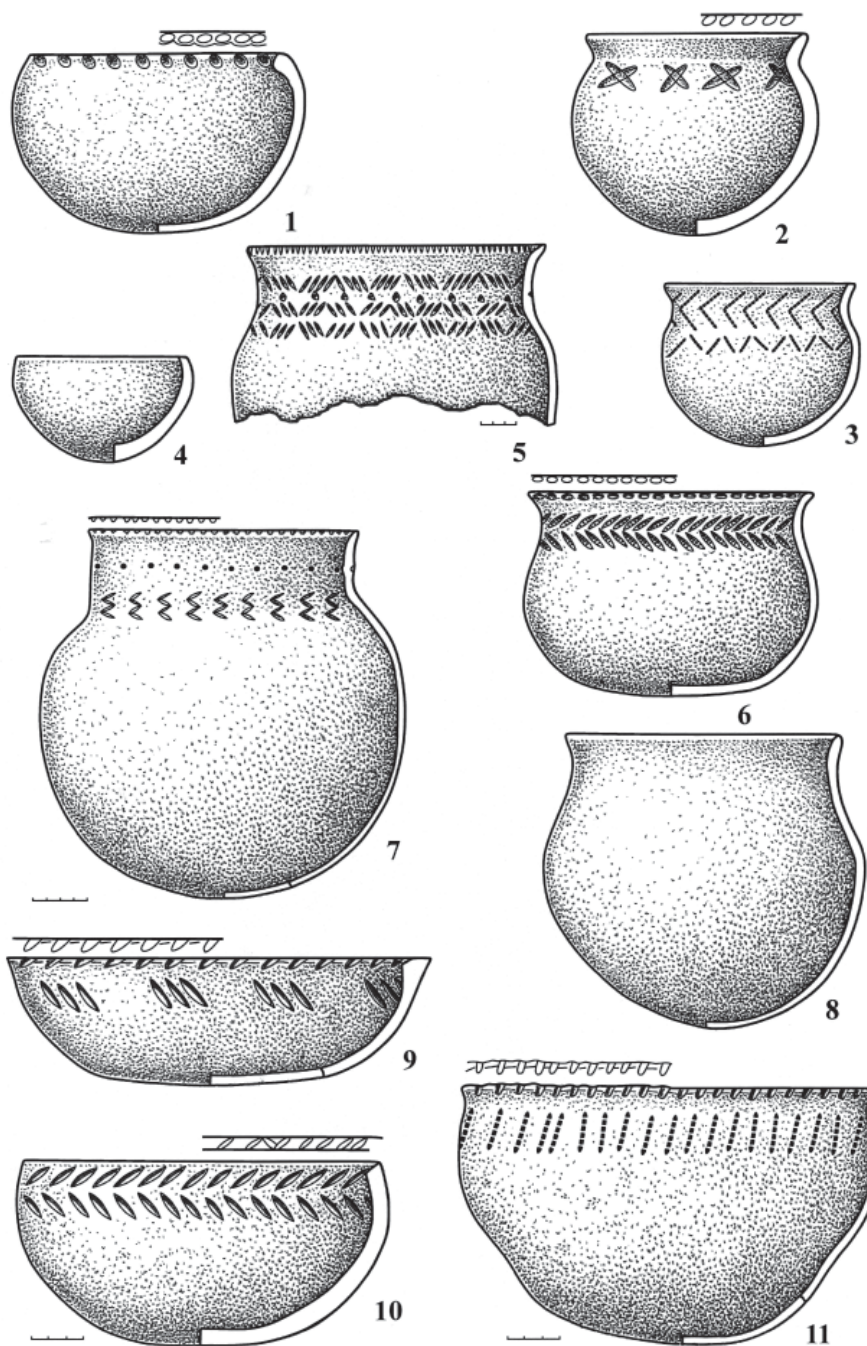

Рис. 12. Глиняная посуда памятников неволинской культуры.
1–4, 6, 8–11 – Верх-Саинское I городище; 5, 7 – городище Лобач

нидских, византийских и хорезмийских сосудов, византийских, сасанидских и хорезмийских монет, византийской застежки от серебряной гривны. Феноменален и характер археологизации этих объектов: поселение, расположенный на нем могильник с 60 одновременными захоронениями и клады драгоценных изделий.

Клады на Бартыме разделяются на две группы, обособленные планиграфически. Северо-восточную группу составляют клады 1925, 1947, 1949 и 1950 г. (3 византийских, сасанидский сосуды, 272 византийские монеты, византийская застежка

от цепи). Эти клады синхронны с первым периодом функционирования селища, с Бартымским I могильником и «выпали» в результате нападения на поселок во второй четверти VII в. Вторая группа кладов – юго-западная (находки 1951, 1952 и 1957 гг.) – сосуды хорезмийского происхождения начала VIII в. – связана со вторым этапом существования селища в VIII – начале IX в.

Исследования последних 30 лет в Сылвенском поречье доказали ошибочность концепции В.Ю. Лещенко о связях восточного импорта в этом регионе с сылвенской культурой X–XIV вв. и

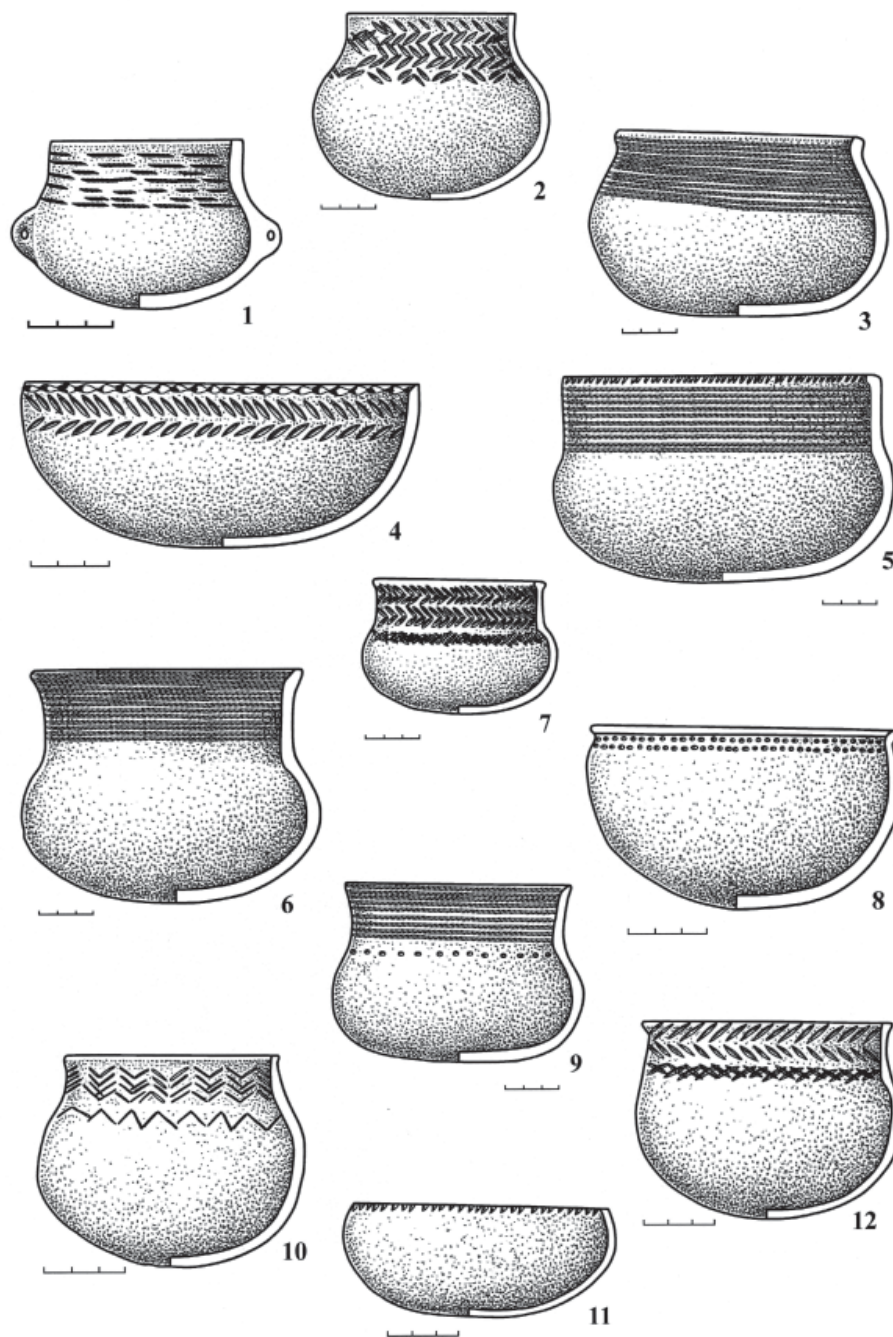

Рис. 13. Неволинский могильник. Глиняная посуда

поступлении его в Прикамье не ранее IX в. Основная масса привозных драгоценностей появилась здесь в V–VIII вв. и относится к НК. Восточный импорт (сосуды, монеты, бусы) поступал сначала на территорию НК (бассейн р. Сылвы), а затем расходился по Верхнему Прикамью (ЛК) и на р. Чепцу (ПК).

Золотые и серебряные цепи, выполненные в манере double loop-in-loop, украшенные пластинами в технике перегородчатой эмали и вставками из камней и стекла (застежка одной из них найдена в Бартымском кладе 1950 г.), были произведены в византийских мастерских на рубеже VI–

VII вв. Они могли попасть в Сылвенское поречье по р. Уфе в одном потоке и лишь затем появились в Верхнем Прикамье, на р. Чепце и в Припечорье. Сокровища северо-восточной группы Бартымских и Шестаковского кладов, Усть-Сылвенского святилища оказались в Прикамье одновременно. Скорее всего, их появление и могло спровоцировать нападение на Бартымский I поселок.

На территории НК, на правом берегу р. Сылвы в Кунгурском районе Пермского края, расположено Ломотинское **костище**. В 1961 г. Г.А. Шокшуев обнаружил в обнажении берега костеносный слой мощностью 0,5–1,5 м и трехгранный костяной на-

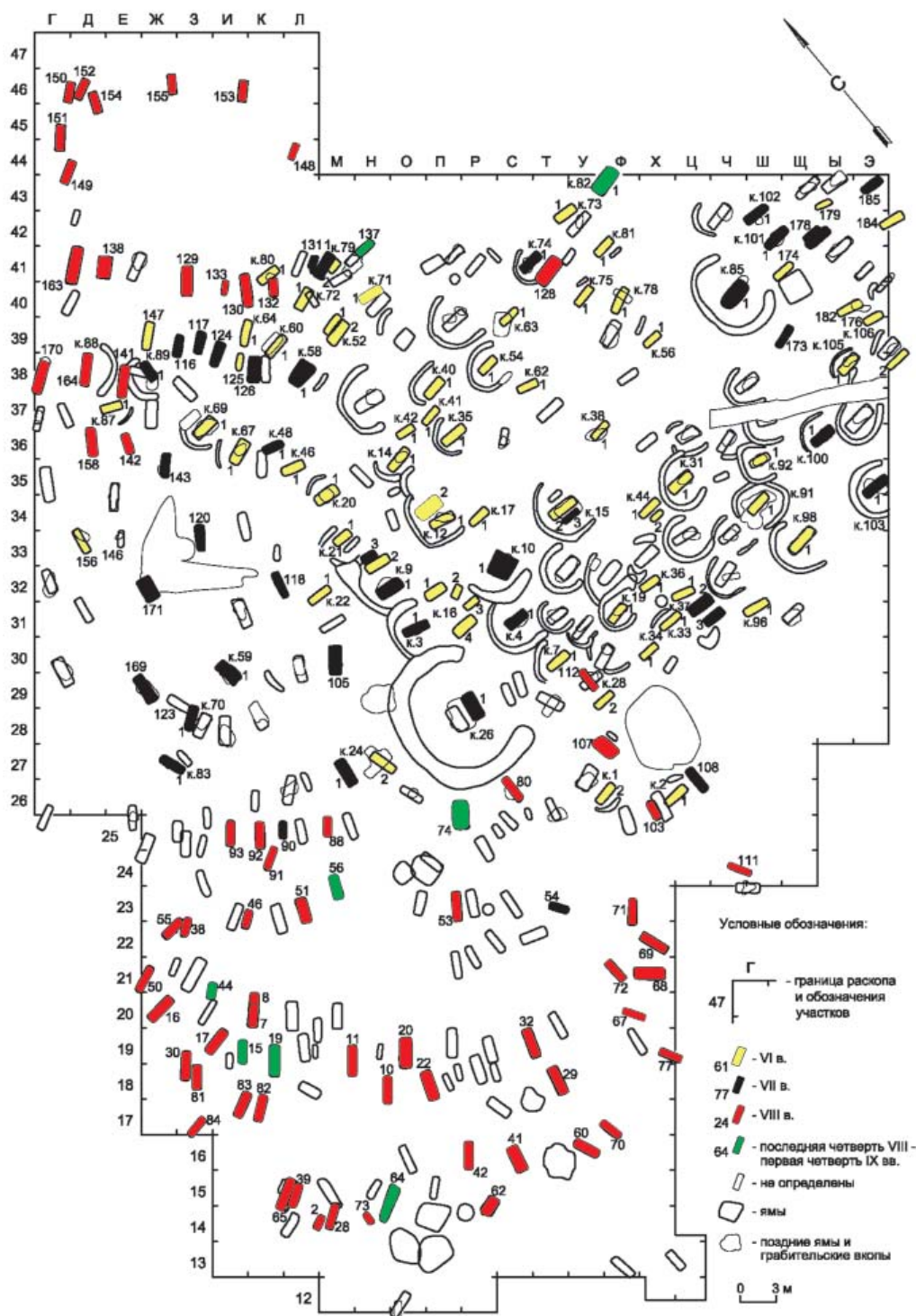

Рис. 14. Верх-Саинский могильник. Планиграфия могил в соответствии с датировкой

конечник стрелы. В 1995 г. место было осмотрено А.Н. Лепихиным и Г.П. Головчанским. Находок не обнаружено, но местные жители сообщили о находках в этом месте ранней весной костей животных (Лепихин, 2007, с. 24). По-видимому, памятник полностью размыт рекой. Костице не имеет серьезных оснований для определения даты, но поскольку оно входит в комплекс памятников, который образуют четыре селища и Ломотинское

городище, раскопанное в 1982 г. Г.Т. Ленц (изучена площадь 500 кв. м), и по вещевому материалу (бронзовые украшения, бусы) отнесено автором раскопок к НК (Памятники истории и культуры ПО, 1996, № 442), то, скорее всего, костице использовалось в неволинское время.

Это не единственное культовое место на р. Сылве. В нижнесылвенской группе возле Усть-Громатухинского городища находится костице

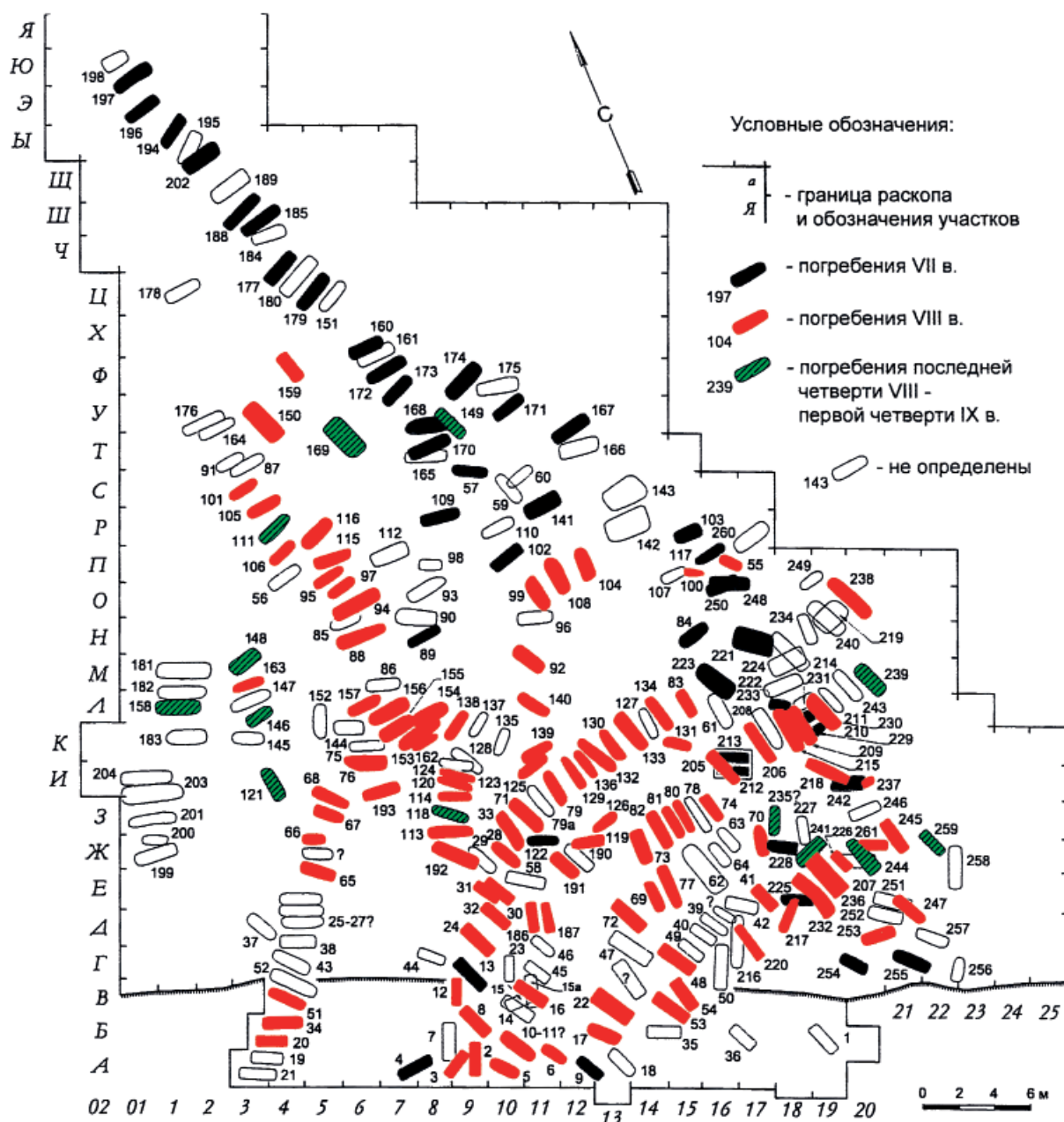

Рис. 15. Неволинский могильник. Планиграфия могил в соответствии с датировкой

Слепушка, исследованное А.Ф. Мельничуком и А.Н. Лепихиным и датированное А.Н. Лепихиным II–V вв. (Лепихин, 2007, с. 112).

Датировка и хронология. А.А. Спицын датировал материалы известных ему могильников НК VIII–IX вв. и отнес их к ломоватовскому типу (Спицын, 1902, с. 23). О.Н. Бадер, В.А. Оборин, В.Ф. Генинг также объединяли неволинские памятники с ломоватовскими и делили их на два этапа: харинский (III–V вв.) и неволинский (VI–VIII вв.) (Бадер, 1953, с. 71; Бадер, Оборин, 1958, с. 147, 156; Генинг, 1953, с. 96–98; и др.). Р.Д. Голдина, обосновывая выделение самостоятельной неволинской культуры, датировала их,

следуя за предшественниками, III–VIII вв. (Голдина, 1968, с. 87–98). Последующие накопление материалов и работа над их хронологией (Голдина, 1979, 1985, 1986, 1991, 2012, 20126) позволили датировать культуру концом IV – началом IX вв. и выделить пять разновременных, сменяющих друг друга хронологических стадий: I – бродовская (конец IV–V в.), II – верх-сайнская (VI в.), III – бартымская (конец VI – VII в.), IV – неволинская (конец VII–VIII в., вероятно, без последней четверти) и V – сухоложская (конец VIII – первая половина IX в.).

К настоящему времени на шести могильниках НК исследовано 624 погребения разного времени:

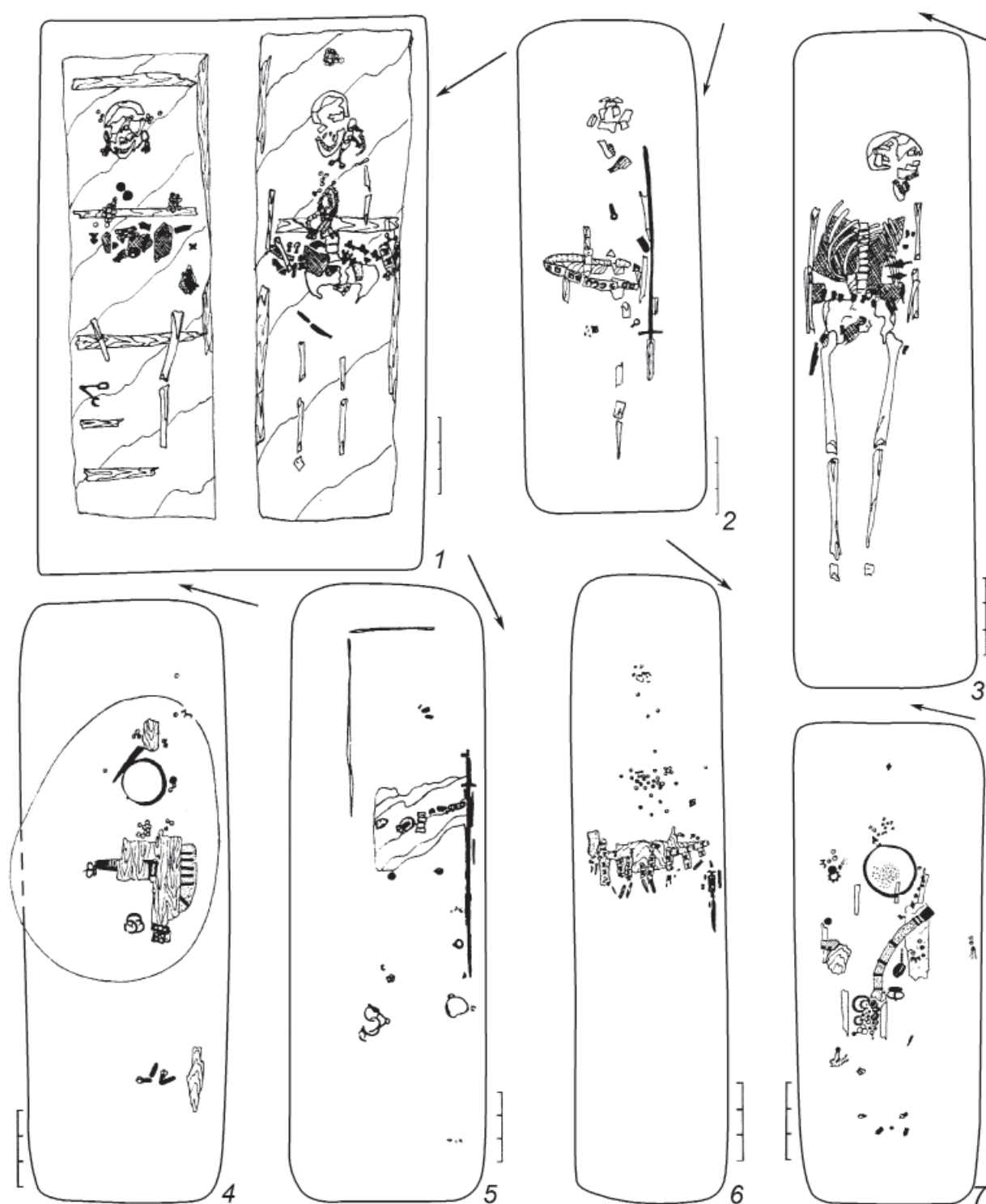

Рис. 16. Могильники неволинской культуры. Планы захоронений.

Неволинский могильник. 1 – погр. 213, 212; 2 – погр. 191; 3 – погр. 188.

Верх-Саинский могильник. 4 – курган 1 погр. 9; 5 – погр. 19; 6 – погр. 50; 7 – курган 1 погр. 17

на Бродовском – 51 курган со 108 захоронениями, 141 – бескурганые; на Неволинском – 264 грунтовых; на Бартымском (бескурганном) – 19; Сухом Логе – 22; на Усть-Иргинском – 16 таких же; на Верх-Саинском – 108 курганов со 133 погребениями и 185 бескурганых могил. Насыщенность их

как оригинальными прикамскими материалами, так и импортными изделиями из разных регионов Евразии, позволяет надеяться на результативность хронологических изысканий. Для решения этой задачи были использованы традиционные методы археологии: формальная типология, культурная

Рис. 17. Реконструкция костюмов и украшений неволинцев по материалам могильников. Автор Л.И. Липина. 1–3 – девочка 8–9 лет (погр. 1 кургана 54 Верх-Саи, VI в.); 4 – мужчина 40–50 лет (погр. 188 Неволино, VII в.); 5 – женщина 20–40 лет (погр. 223 Неволино, VII в.); 6 – мужчина ? (погр. 192 Неволино, VIII в.)

стратиграфия, планиграфический анализ, сопоставительный и другие методы. По возможности привлечены данные нумизматики.

Одной из наиболее ранних является курганная часть Бродовского могильника (Голдина, 1986). К сожалению, он сильно разрушен карстовыми воронками, постройками, загонами фермы и

многочисленными дорогами, ведущими к ним. Несколько раскопов разных лет, заложенных в различных местах площадки, показали, что памятник в свое время занимал огромную площадь – более 20 тыс. кв. м, и функционировал с последней четв. IV до первой четв. IX в. Наиболее ранняя часть располагалась на выступах коренного берега

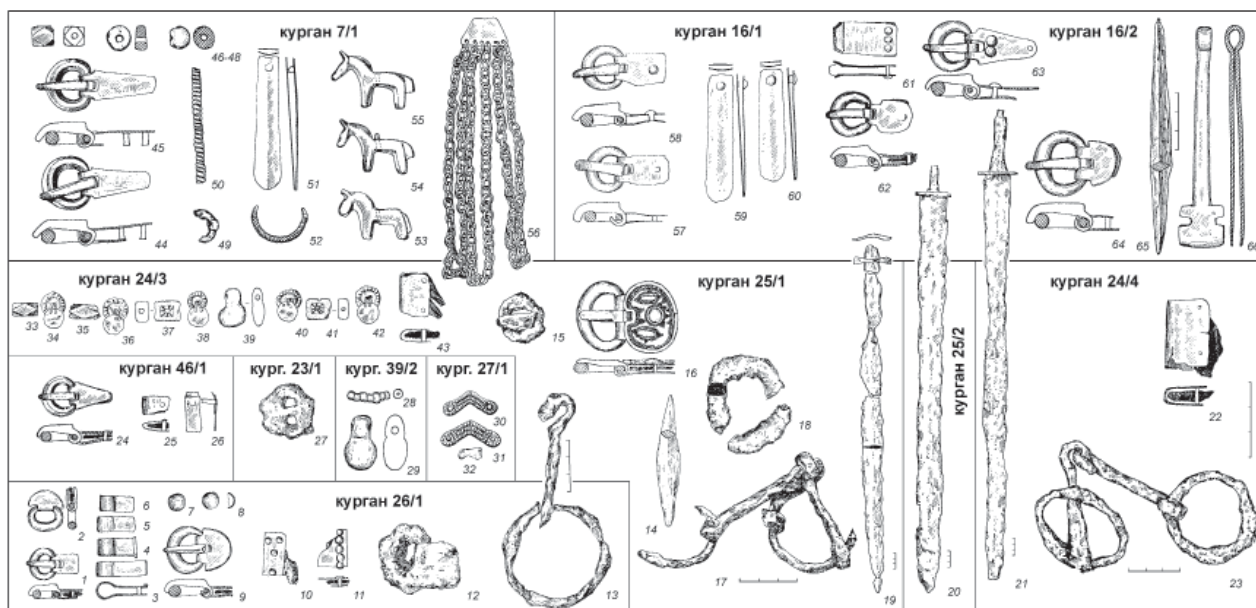

Рис. 18. Вещи группы А бродовской стадии неволинской культуры (конец IV – первая половина V вв.). Масштаб различен

р. Шаквы, более поздняя – на мысу первой надпойменной террасы. Есть случаи перекрытия могил и нарушения канавок, и это дало основания для выделения ранней и поздней части Бродов (Голдина, 2012б, с. 204–206). М.Л. Перескоков внес некоторые коррективы в оценку взаимоположения могил и канавок на Бродах (Перескоков, 2018, с. 92–93), но они не носят принципиального характера, поскольку курганы Бродов представляют собой хронологический монолит в пределах конца IV–V вв.

Набор вещей самой ранней группы НК (группа А бродовской стадии) своеобразен: небольшие бронзовые трехсоставные пряжки с нависающим, но не выступающим далеко язычком, несколько утолщенным, иногда подгранным впереди кольцом, с пластинами прямоугольной (рис. 18: 1, 57, 58), подтреугольной (рис. 18: 24, 44, 45, 63) и овальной (рис. 18: 9, 62, 64) форм. Пластина одной из пряжек украшена тремя каменными вставками, а также позолоченными некрупными и немногочисленными шариками зерни и сканью (рис. 18: 16; Голдина, Черных и др., 2012, рис. 62: 2). В эту же группу входят пряжка-колечко с овальной пластиной (рис. 18: 2), полусферические бляшки (рис. 18: 7, 8), мелкий бисер (рис. 18: 28), наконечники ремней в виде перегнутых узких (рис. 18: 3–6, 25) или широких (рис. 18: 22, 43) пластин без украшений, орнамент в виде полусфер (рис. 18: 11, 61) очень редок. В этой группе известны длинные узкие прямоугольные наконечники ремней из двойной пластины с одним закругленным концом (рис. 18: 51, 59, 60), пронизки-коньки (рис. 18: 53–55) и спиральновитые (рис. 18: 50), шумящие

подвески с небольшой подтреугольной основой (рис. 18: 56).

В этих могилах встречаются также золотые тисненые накладки уголко (рис. 18: 30, 31), золотые нашивные бляшки с подвесками (рис. 18: 34, 36; и др.), янтарные каплевидные подвески (рис. 18: 29, 39), сердоликовые и стеклянные 14-гранные бусы (рис. 18: 33, 35, 46), голубые глухого стекла инкрустированные бусы в форме параллелепипеда (рис. 18: 37, 41)², круглые, преимущественно мелкие, железные пряжки (рис. 18: 15, 18, 27, 49), иногда с пластиной (рис. 18: 12), железные удила с крупными кольцами (рис. 18: 13, 17, 23), костяные наконечники стрел с ромбическим сечением без выраженного черешка (рис. 18: 14, 65). Интерес представляют железные двулезвийные мечи с брусковидными перекрестиями (рис. 18: 19–21) и пинцеты с фигурными концами (рис. 18: 66).

Группу могил А бродовской стадии пока следует датировать последней четвертью IV – первой половиной V в. Но учитывая новые взгляды на хронологию древностей первой половины I тыс. н. э., возможно и ее некоторое омоложение. (Обоснование дат и аналогии всех выделенных групп см.: Голдина, 2012б.)

Во вторую, более позднюю группу Б бродовской стадии входят по-прежнему трехсоставные пряжки, которые становятся несколько крупнее. Их язычки, выступающие за кольцо, часто имеют у основания подчеркнутую площадку (рис. 19: 72–74, 81, 116; и др.), а иногда и выступ (рис. 19: 123). Кольцо, утолщенное впереди, иногда слег-

² Анализ бус см. Голдина Е.В., 2010.

ка ограничено (рис. 19: 123, 125, 130). Пластины пряжек разнообразны по форме: овальные короткие (рис. 19: 68, 81, 97, 100; и др.), подтреугольные (рис. 19: 67, 115, 116), чаще трапецевидные (рис. 19: 74, 80, 122, 125; и др.). У последних наблюдается характерная сжатость посередине и выступы в передней части пластины (рис. 19: 72–74, 122), а также новый элемент – насечки на боковых гранях и заднем конце пластины (рис. 19: 129, 132, 133). Продолжают использоваться вытянутые прямоугольные наконечники ремней из двух пластин (рис. 19: 75, 76), а также типа квадратной коробочки с орнаментом в виде полусфер (рис. 19: 77, 88, 103; и др.). Последние становятся крупнее. Появился новый тип наконечников – секировидный с фасетками и насечками (рис. 19: 119). Обращают на себя внимание первые находки прямоугольных накладок (рис. 19: 140). Из других украшений примечательны кольцевидные мелкие височные подвески (рис. 19: 82, 83, 144), а также в виде знака вопроса с конической спиральновитой пронизкой (рис. 19: 86, 87, 127). Продолжают использоваться спиральновитые пронизки (рис. 19: 90, 105, 114, 142) и пронизки-коньки (рис. 19: 104).

Среди бус распространены мелкие янтарные дисковидные (рис. 19: 143), стеклянные дисковидные грязно-желтые, сделанные в подражание янтарным (рис. 19: 91, 108), стеклянные синие в виде куба со срезанными углами (рис. 19: 112). Многочисленны обоймы из бронзовых пластин, также выполнявшие, вероятно, функции бус-пронизок (рис. 19: 84, 85). Интерес представляют браслеты: обычный круглопроволочный (рис. 19: 136) и с петлевидными концами (рис. 19: 89). Из бытовых предметов известны костяное (рис. 19: 106) и каменное пряслица. Продолжали использоваться костяные наконечники стрел (рис. 19: 70, 78, 95, 96). В комплексах этого времени обнаружен двулезвийный меч (рис. 19: 131) и оригинальные железные удила с бронзовыми стержневыми псалями (рис. 19: 126). Наряду с последними продолжали использоваться и удила с кольчатыми псалями (рис. 19: 71). Группа Б Бродов типологически следует за более ранней и предшествует комплексам верх-саинской, более поздней стадии, предположительно ее можно отнести ко второй половине V в.

Комплексов последующей верх-саинской стадии НК на Бродах нет. Поскольку здесь присутствуют материалы VII – начала IX в., то надо полагать, они существовали, но были разрушены строениями МТФ. Следующая стадия НК – верх-саинская (VI в.) – может быть охарактеризована пока только на материалах эпонимного памятника, который функционировал с VI по первую четверть IX в. (подробнее о нем: Голдина и др., 2018).

Это пока единственный памятник в НК, где выявлены комплексы VI в.

В могилах этой группы обнаружены крупные пряжки с округлыми, иногда украшенными по краям насечками пластинами, овальными, иногда В-образными гранеными кольцами и выступающими за кольцо язычками, иногда с выступами у их основания (рис. 20: 20, 21); круглые, иногда насеченные по краю накладки с отверстием в центре и орнаментом в виде полусферических головок шпеньков (рис. 20: 28–30). Особый колорит этой группе придают крупные наконечники ремней типа коробочки с утолщенной передней частью и орнаментом на задней части в виде ряда полусферических шляпок от шпеньков (рис. 20: 26), а также множество вариантов плоских прямоугольных накладок, иногда с насеченным краем (рис. 20: 43, 44).

С поясами этого типа встречалось множество вариантов височных подвесок с привесками-бусинами (рис. 20: 1, 3, 8); подвески: кольчатые (рис. 20: 54), различные типы круглых с орнаментом (рис. 20: 36, 37), бантикообразные (рис. 20: 38). Из пронизок следует отметить полые уточки с лосиной головой (рис. 20: 46). Железные изделия представлены ножами разных вариаций, шильями, удилами с костяными псалями (рис. 20: 59).

Были обособлены небольшие группы могил, отнесенных к первой и второй половинам VI в. (Голдина, 2012б, с. 208–210). Следует отметить, что состав инвентаря этих групп не может быть жестко определен, и в последующем, с получением новых выборок, он, конечно, должен быть подкорректирован. В одной из своих ранних работ несколько могил из этого памятника мной (Голдина, 1991, с. 173–175, рис. 3) были датированы третьей четвертью VI в. Однако анализ материалов всего могильника и работа над другими источниками привели к необходимости расширить дату этих погребений до всего VI в. и отнести их к верх-саинской стадии неволинской культуры.

В целом пояса этой стадии можно охарактеризовать как переходные между гарнитурой гуннского времени (трехсоставные пряжки с хоботковидными язычками, двухпластинчатыми длинными наконечниками ремней и др.) и поясами с деталями геральдических форм. Смешение этих стилей и составляет сущность этой стадии. Данное обстоятельство долго не позволяло четко выделить этот пласт среди остальных раннесредневековых древностей Приуралья. Об этом хорошо написал А.В. Богачев (Богачев, 2011, с. 241), который и обозначил впервые в Урало-Поволжье материалы, предшествующие геральдическим (Богачев, 1992, рис. 23–26, с. 152–155). Он неоднократно обращал-

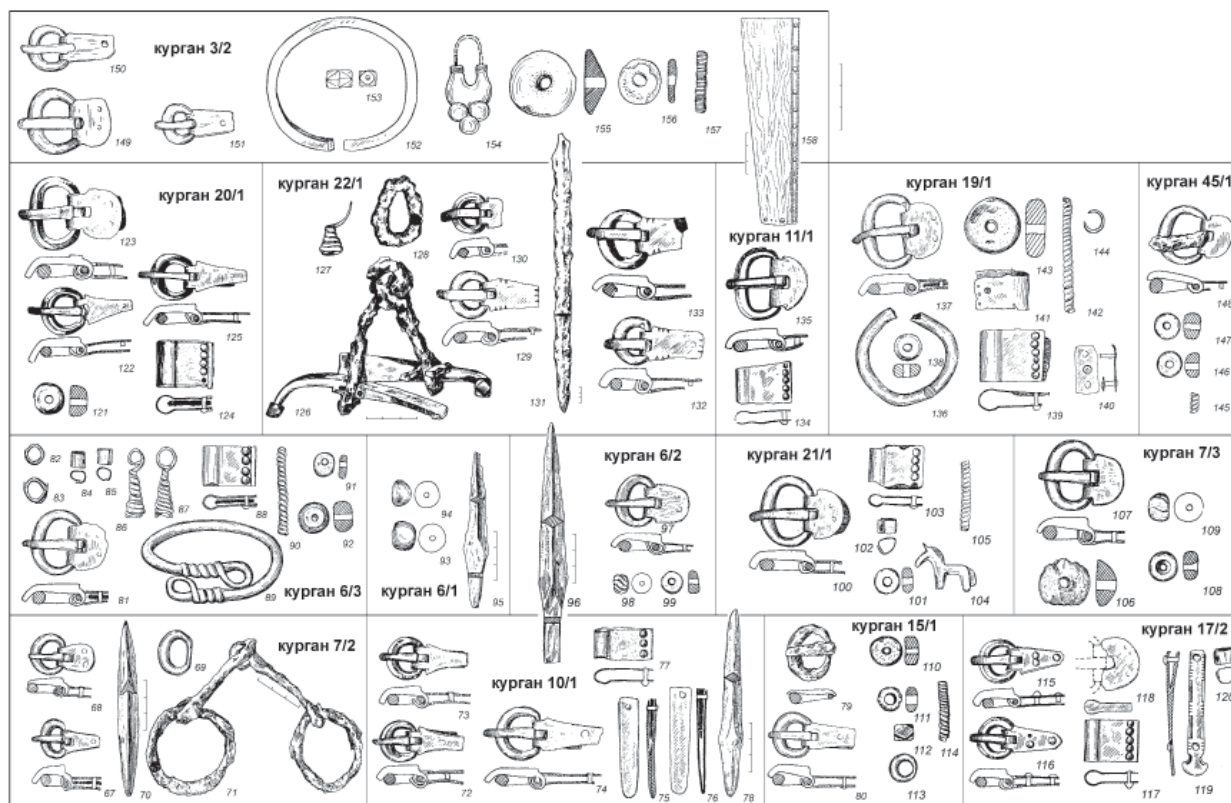

Рис. 19. Вещи группы Б бродовской стадии неволинской культуры (вторая половина V в.)

ся к характеристике особенностей пряжек этого времени (Богачев, 2010), а также другим синхронным категориям вещей: калачиковидным серьгам (Богачев, 1996, с. 99–114) и кольцевидным подвескам с выпуклинами (Богачев, 1998, с. 151–166). В наиболее законченном виде концепция А.В. Богачева опубликована в монографии «Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н. э.» (Богачев, 2011, с. 228–242). Исследователь предлагает для этих древностей – новоселковских – в Поволжье две даты: широкую VI в. и узкую – вторая – третья четверть VI в. (Богачев, 2011, с. 241). Думаю, что на современном уровне знаний это предложение вполне оправдано.

О материалах погребений верх-саинской стадии эпонимного могильника неоднократно писал И.О. Гавритухин (Гавритухин, 1996, с. 120–123, рис. 3–5; Гавритухин, 1999, с. 186, 189). В работе 1996 г. верх-саинская стадия датирована им серединой VI – серединой VII в. (Гавритухин, 1996, рис. 5). Позже в статье, посвященной анализу огромного числа В-образных цельнолитых пряжек различных регионов, он согласился с предложенной мной датировкой – VI в. (Гавритухин, 1999, с. 189).

VII в. в НК известен по трем изученным стационарным могильникам: Неволинскому, Верх-Саинскому и Бартымскому (142 погр.).

К первой половине VII в. относятся трехоставные пряжки, характерные для предшествующего времени: крупная с длинным, выступающим язычком (рис. 21: 16); средних размеров с В-образным кольцом плоского сечения и округлой пластиной (рис. 21: 21) и еще одна пряжка средних размеров с В-образным граненым кольцом, геральдической пластиной и нависающим язычком, с четко выраженным граненым выступом в его основании (рис. 21: 22). Но уже появились в разнообразии небольшие цельнолитые пряжки: с фигурной пластиной, кольцом плоского сечения (рис. 21: 17); с прямоугольной пластиной и В-образным кольцом (рис. 21: 10); с сердцевидной пластиной, В-образным кольцом и вырезами при переходе от пластины к кольцу (рис. 21: 14). Все пряжки имеют четко обозначенный выступ у основания нависающего язычка и иногда орнаментированы. Обращает на себя внимание присутствие в оформлении этих пряжек геральдических мотивов.

Накладки данной группы имеют уже ярко выраженный геральдический характер: щитовидные с отверстиями (рис. 21: 62), прямоугольные, щитовидные (рис. 21: 36), прямоугольные со сглаженными углами (рис. 21: 51), Т-образные (рис. 21: 41), Х-образные с прорезями (рис. 21: 86); массивные псевдопряжки с четко проработанными краями и сердцевидной верхней частью (рис. 21: 64,

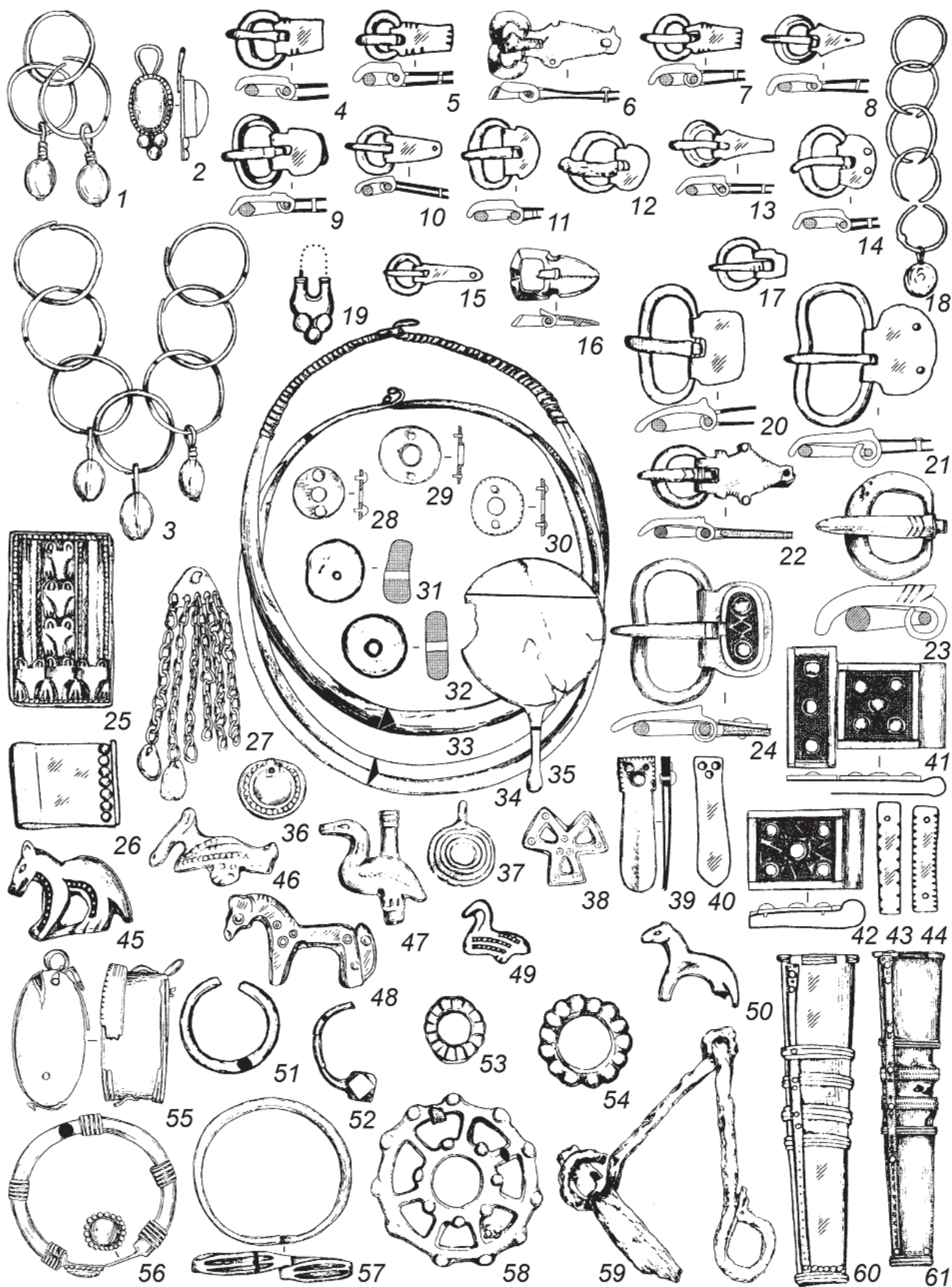

Рис. 20. Вещи верх-саинской стадии неволинской культуры (конец V–VI вв.). Масштаб различен

65); трехчастные с выделенными линиями центром (рис. 21: 46); четырехлепестковые с отверстиями (рис. 21: 47); сердцевидные (рис. 21: 45); трехчастные с треугольными концами (рис. 21: 88); с сердцевидной нижней частью и роговидной верхней (рис. 21: 37); вытянутые трехчастные с двумя сердцевидными концами (рис. 21: 52); квадратные (рис. 21: 44); трехлепестковая с трапециевидным верхом (рис. 21: 53). Наконечники ремней многочисленны: прямоугольный с приостренным концом и двумя отверстиями посередине (рис. 21: 36) и крупный с фестончатыми краями и ребром посередине (рис. 21: 56).

Ко второй половине VII в. относятся трапециевидные пряжки, как гладкие (рис. 21: 13), так и рифленые (рис. 21: 2); пряжки иного облика: с лировидным кольцом и сердцевидной пластиной (рис. 21: 18, 19), с лировидным рифленным кольцом и овальной пластиной (рис. 21: 3).

В эту же группу входят накладки: роговидные с прорезями (рис. 21: 50), в виде головы животного (рис. 21: 63), крестовидная уздечная (рис. 21: 89), мечеобразные с изображением личины (рис. 21: 28), длинные прямоугольные с поперечными насечками на заднем конце (рис. 21: 34) и с изображением в верхней части личины (рис. 21: 35), короткие, широкие с выступами в нижней части (рис. 21: 30), Т-образные (рис. 21: 42, 43), полуовальные, с заостренным верхом (рис. 21: 31), якорьковидные с сердцевидным основанием (рис. 21: 55), круглые гладкие средних размеров (рис. 21: 49), якорьковидные с шипами в основании (рис. 21: 33), псевдопряжки с якорьковидным верхом (рис. 21: 26, 27), мечевидные гладкие (рис. 21: 25, 26, 28, 29), Х-образные (рис. 21: 85), мечевидные, короткие, с отверстиями (рис. 21: 29), круглые двучастные (рис. 21: 48). Из наконечников ремней к этой группе отнесены длинные прямоугольные с приостренным концом (рис. 21: 23).

Женские могилы сопровождалась височными подвесками со свободно вращающимися привесками различных вариантов (рис. 21: 1, 4–8, 12), перстнями с сердоликовой или янтарной вставкой (рис. 21: 58), крупными пронизками: трубочками (рис. 21: 67–69) и коническими (рис. 21: 60, 61), браслетом с рифлеными концами и псевдобусиной в середине (рис. 21: 76). Птицевидные пронизки этой группы имели четко проработанный орнамент (рис. 21: 71, 73, 92). Появились пронизки с изображением сцены терзания зайца или лося птицей (рис. 21: 74, 83). В могилах женщин найдены двухголовый конек (рис. 21: 87), крупные варианты арочных шумящих подвесок (рис. 21: 91, 70), колокольчик (рис. 21: 82), кольцевидные нагрудные подвески с утолщениями (рис. 21: 75),

печатка с изображением всадника, биконические и полусферические пряслица.

Мужские захоронения VII в. отличались присутствием наконечников стрел, как костяных, так и трехгранных железных (рис. 21: 97, 98), калачевидных, прямоугольных в сечении кресал и кремневых огнив, небольшого размера проушных универсальных топоров (рис. 21: 96), наконечников копий с ромбическим и листовидным пером, восьмеркообразных стремян с плоской подножкой (рис. 21: 95), а также с выгнутой подножкой и плоской пластиной (рис. 21: 94). В этих же могилах обнаружены простые браслеты с круглым сечением, золотой наротник (рис. 21: 72), каменное точило, квадратные подпружные пряжки, удила с двойными кольцами (рис. 21: 93) и куски спекшихся изделий кольчужного плетения. Уникален деревянный сосуд с обкладкой серебряными пластинами по верху и ручками в виде головок медведя (рис. 21: 99).

И.О. Гавритухин обстоятельно проанализировал инвентарь погребения 3 кургана 15 Верх-Саи и отнес его к первой половине VII в. (Гавритухин, 2001, с. 60–61). Т-образные накладки, по И.О. Гавритухину, близки экземплярам из Варнинского, Петропавловского могильников и датируются второй половиной VI – серединой VII в. (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 112–113). Цельнолитая пряжка с В-образным кольцом и сердцевидной пластиной из погребения 1 кургана 10 принадлежит, по И.О. Гавритухину, к джулатской серии и датирована концом VI – началом VII в. (Гавритухин, 1999, с. 175). В этой же могиле найдена сасанидская монета Хосрова I чеканки 545 г.

Интерес представляет оценка И.О. Гавритухиным отдельных предметов геральдики в связи с анализом материалов погребения 552 Варнинского могильника. Например, четырехлепестковые накладки (рис. 21: 47) были распространены, по его мнению, главным образом в Нижнем и Среднем Прикамье, Нижней Оке и Суре, а также в низовьях Сырдарьи с последней трети VI до середины VII в. (Гавритухин, 1999, с. 106). Накладки якорьковидные с сердцевидным основанием из Верх-Саи (рис. 21: 37) И.О. Гавритухин считает наиболее архаичными и датирует последней третью VI – началом VII в. (Гавритухин, 1999, с. 108–109).

Интересно, что, как и в VI в., верх-саинские изделия VII в. необычайно близки джетыасарским. Несмотря на некоторое своеобразие (ведь их изготовляли разные мастера), формы накладок и пряжек тождественны. Реконструкции поясов, выполненные авторами раскопок независимо друг от друга, совпадают почти в деталях. Манера сопровождать основной пояс с геральди-

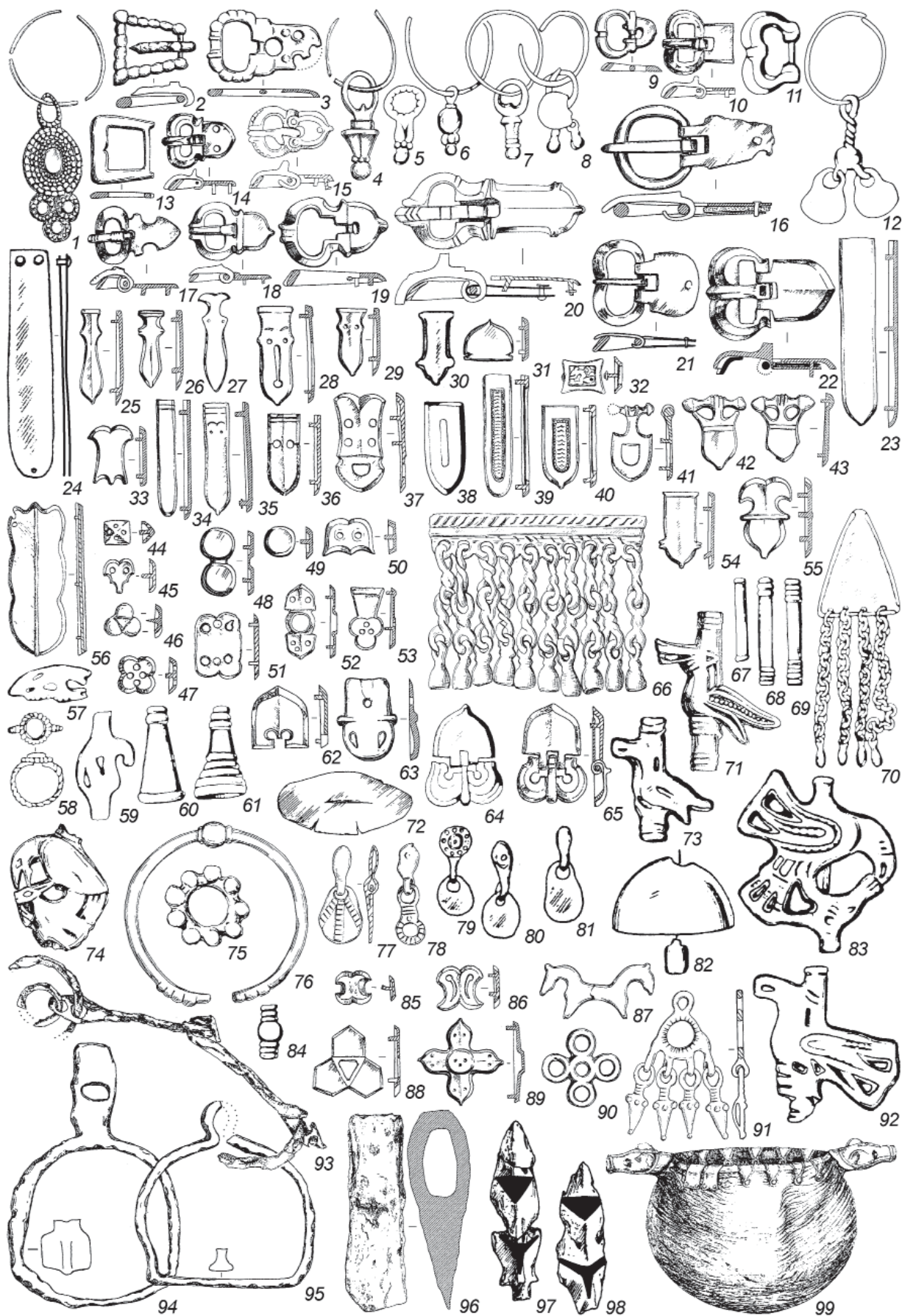

Рис. 21. Вещи бартымской стадии неволинской культуры (конец VI–VII вв.). Масштаб различен

ческими накладками дополнительными узкими привесками сложилась, бесспорно, на Востоке, а потом была усвоена в Прикамье из Средней Азии. Неслучайно, И.О. Гавритухин, изучив огромный массив геральдики, выделил две традиции: приуральско-сибирскую и кавказскую (Гавритухин, 1996, с. 124). Материалы джетыасара подтверждают общую линию смены евразийских поясов с прямоугольными накладками (в Прикамье – верхсаинские) агафоновскими (бартымскими), которые потом трансформировались в оригинальные неволинские.

Детали поясов VIII в. НК очень выразительны: крупные пряжки с обычным овальным кольцом и прямоугольной приостренной на конце (рис. 22: 15), овальной (рис. 22: 5) или прямоугольной пластиной (рис. 22: 8). Чаще всего пластины гладкие, очень редко орнаментированы (рис. 22: 15). В этой же группе известны экземпляры подобных форм, но средних и мелких размеров. Оригинальна пряжка с В-образным кольцом и фигурной пластиной (рис. 22: 13).

Набор накладок весьма разнообразен: полуовальные с расширенным основанием и прорезьями (рис. 22: 34); прямоугольные с тисненым узором в форме креста (рис. 22: 44); полусферические; тройчатки (рис. 22: 21); прямоугольные с уступом наверху и орнаментом (рис. 22: 18); круглые с орнаментом посередине (рис. 22: 20); роговидные (рис. 22: 32); полуовальные с заостренным верхом и личиной (рис. 22: 33); круглые гладкие крупные (рис. 22: 25); длинные прямоугольные с личиной (рис. 22: 17); Ж-образные средних размеров (рис. 22: 19); крупные полуовальные с заостренным верхом и прорезью в основании (рис. 22: 43); серповидные гладкие (рис. 22: 24); полуовальные с прямоугольной прорезью и орнаментом (рис. 22: 40, 41); полуовальные с растительным орнаментом (рис. 22: 35). На ремнях этой группы присутствуют скромные экземпляры наконечников – гладкие без орнамента с прямыми боковыми гранями или различными вариантами фестончатого края (Голдина, 2012б, табл. 29-32-34).

В результате анализа материалов Верхсаинского могильника способом взаимодействия вещей появилась возможность предварительно разделить комплексы первой и второй половины VIII в. Обращаю внимание на то, что это первый опыт такого деления и результаты его требуют подтверждения другими источниками.

Во второй половине VIII в. чаще встречались пряжки – пряжки (рис. 22: 47), наконечники ремней (рис. 22: 4), накладки (рис. 22: 38) с изображением пальметты; пряжки и накладки с ор-

наментом «точка с запятой» (рис. 22: 26); наконечники ремней с изображением виноградной лозы, с S-видным орнаментом, с ажурным геометрическим узором в виде кругов и вписанных в них ромбов, с изображением сцены охоты; пряжки с изображением охоты; накладки полуовальные с расширенным основанием и прорезьями и ромбические с трилистником на углах (Голдина, 2012б, табл. 30-15-20).

В захоронениях женщин VIII в. встречались височные подвески с полыми привесками в виде шаров, конусов, иногда украшенных зернью и сканью (рис. 22: 1–3, 6, 7, 9), различные варианты шумящих подвесок (рис. 22: 54, 58, 61), туалетные коробочки, иногда парные (рис. 22: 63), подвески с изображением лица лысого бородастого мужчины негроидного типа (рис. 22: 62). У женщин этого времени были популярны различные варианты костыльков (рис. 22: 57), подвески-лунницы (рис. 22: 55, 56), в виде «мальтийского креста» (рис. 22: 53), трапециевидные (рис. 22: 59), четырехлопастные (рис. 22: 42) и различные виды круглых (рис. 22: 48–52). Отличаются числом и разнообразием пронизки (рис. 22: 29, 39, 45). Из них выделяется пронизка, изображающая мужчине-горбуна с палкой, бородой и в головном уборе типа тюбетейки (рис. 22: 46). Выразительны концевые подвески, использующиеся для украшения пояса (рис. 22: 36, 37).

Мужские захоронения VIII в. сопровождалось оружием и конским снаряжением. Известны серебряные наглазники (рис. 22: 64). Оружие представлено костяными, но чаще железными наконечниками стрел, наконечниками копий (рис. 22: 71), ножами, боевыми топорами с вытянутым обухом (рис. 22: 70) и саблями (рис. 22: 72). Конская упряжь разнообразна: подпружные железные и костяная пряжки, удила различных модификаций (рис. 22: 68, 69), стремяна (рис. 22: 66, 67). Из бытовых изделий найдены кресало и костяная рукоять.

Датировка классических неволинских комплексов Неволинского могильника особых споров не вызывала. Именно к этой группе относится основная масса могил, раскопанных А.В. Шмидтом и О.Н. Бадером, которые В.Б. Ковалевская датировала последней четвертью VII – третьей четвертью VIII в., Ю.А. Краснов – VIII в. (Ковалевская, Краснов, 1973, с. 280–287), А.К. Амброз – концом VII – первой половиной VIII в. (Амброз, 1973, с. 288–298), Р.Д. Голдина – последней четвертью VII–VIII в. (Голдина, 1979, с. 82–83).

Я уже отмечала факт неоднородности неволинских поясов VIII в., который связан с гендером анализируемой популяции. Классические неволинские пояса – это атрибут женских могил, одно-

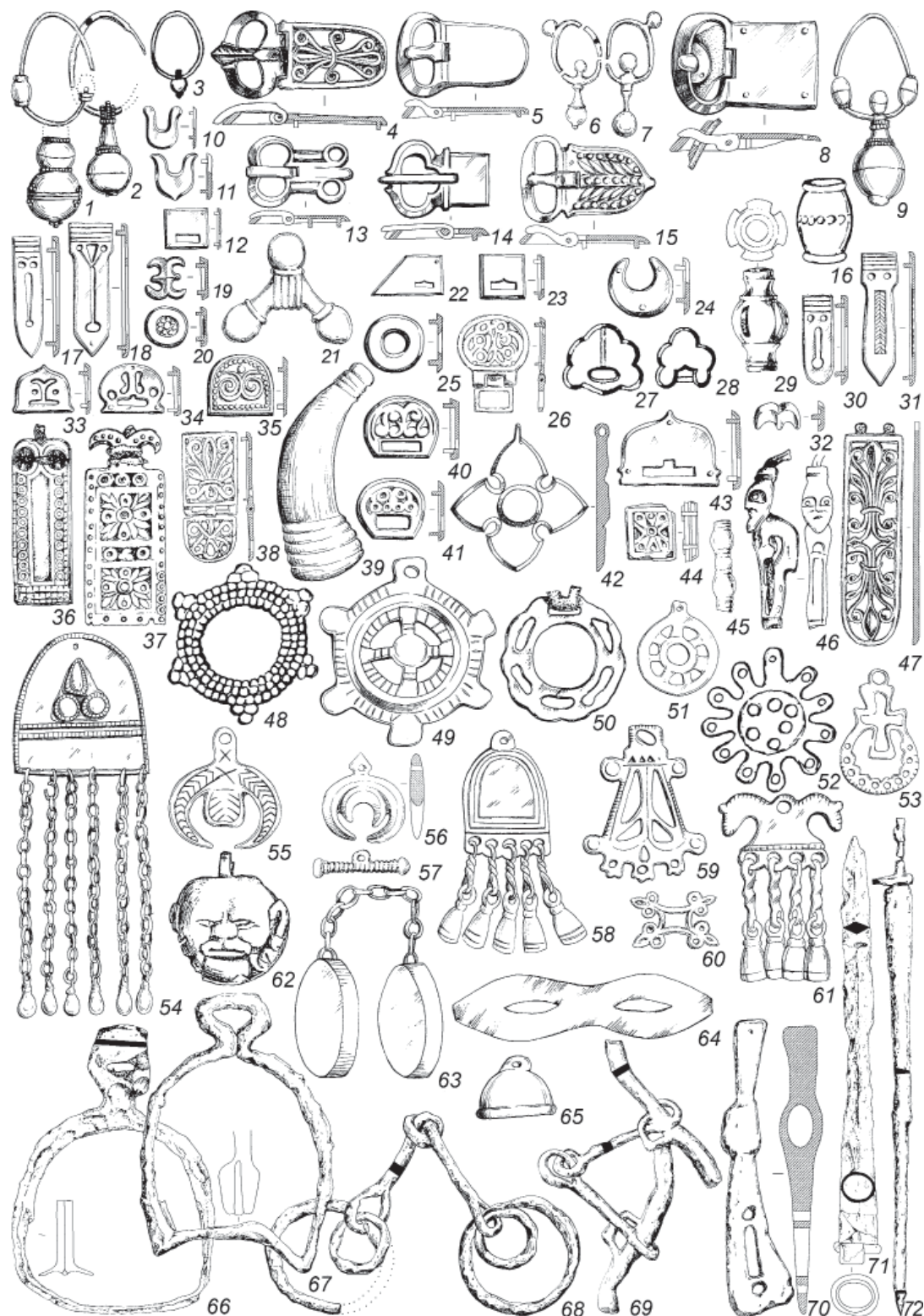

Рис. 22. Вещи неволинской стадии неволинской культуры (конец VII–VIII вв.). Масштаб различен

временные им восточные (тюркские, катандинские, согдийские) – мужских.

Согласно изысканиям Ч. Балинта (Balint, 2000, taf. 2–2, s. 145), мужской неволинский пояс – это китайский пояс династии Тан (618–906 гг.), и появление его в западных и северо-западных областях (горный Алтай, Западная Сибирь, Средняя и

Передняя Азия, Прикамье и др.) – следствие распространения китайского влияния на запад. В начале VII в. при воцарившейся в Китае династии Тан весьма оживились отношения между Китаем и Согдом. Из среднеазиатских городов: Бухары, Самарканда, Иштихана, Кушании, Кеша и других – в Китай направлялись многочисленные по-

сольства. Начиная с 656 г. в Согде становится ведущим тип государственной монеты китайского, танского образца и остается таковым до третьей четверти VIII в., когда его сменил арабский чекан (Смирнова, 1963, с. 41–42). В условиях постоянных контактов с танским Китаем появление в Согде, в том числе и Пенджикенте, поясов китайского происхождения с накладками геометрических форм вполне объяснимо.

Как считает В.И. Распопова, пояса катандинского типа были распространены в Пенджикенте со второй половины VII до 70-х гг. VIII в. (Распопова, 1979, с. 81). Учитывая, что в Средней Азии они появились как минимум на рубеже VII–VIII вв., а может быть и раньше (по В.И. Распоповой), вероятно, в это же время они стали известны и в Прикамье (Голдина, 1979, с. 82–83). Имея в виду систематичность контактов населения Согда и близлежащих областей с Прикамьем в VII в. (монеты, сосуды, серебряные цепи), вряд ли это потребовало нескольких десятилетий, скорее всего, нескольких лет. Видимо, пояса восточного (катандинского) типа появились в Прикамье не позже рубежа VII–VIII вв. (а может быть и раньше) и использовались населением, оставившим Неволинский могильник, до начала IX в., а другие памятники Верхнего Прикамья – значительно дольше: до XII в.

Для дальнейшей работы над хронологией Приуралья важны идеи А.В. Комара по абсолютному датированию материалов VIII в. (Комар, 1999, 2006, 2010; и др.). Им выделены горизонты Шиловки (698–725 гг.), последующий – Галиат – Геленовки (725–740 гг.). Раннесалтовский (горизонт Столбище – Старокорсунская) состоит из двух фаз, которые продатированы им: фаза 1 – 740–751 гг., фаза 2 – 745–770 гг.; среднесалтовский: горизонт I/II (780–800 гг.), горизонт II (790–830 гг.) (Комар, 1999, с. 132; 2010, рис. 6). Материалы Неволинского могильника из раскопок А.В. Шмидта и О.Н. Бадера (погр. 43, 48, 77) отнесены им к фазе 2 раннесалтовского горизонта – 745–770 гг. (Комар, 1999, с. 125–129). Другое же погребение № 191 с поясом восточного облика датировано А.В. Комаром 20–30 гг. VIII в. и вошло в его корреляционную таблицу в составе группы 1b (Комар, 2010, рис. 5–11). Пояса основной части Неволинского могильника датированы этим ученым 20–30-ми и 40–70-ми гг. VIII в.

Таким образом, хронологическая стадия с поясами неволинского и восточного типов датируется рубежом VII–VIII вв. и 70–80 гг. VIII в. Разумеется, со временем могут быть выделены и комплексы более узкого временного диапазона.

Заключительная фаза неволинской культуры – сухоложская (последняя четверть VIII – первая

четверть IX в.) – представлена могилами Неволинского, Верх-Саинского и могильника Сухой Лог.

В описываемых комплексах обнаружены цельнолитые пряжки с гладкими (рис. 23: 5, 20) и орнаментированными (рис. 23: 9, 10, 21) пластинами, восьмеркообразные шарнирные пряжки с рифленным кольцом и обоймой (рис. 23: 7, 18). Накладки этого времени более скромны по разнообразию форм, чем неволинские: с изображением личины (рис. 23: 12), сердцевидные (рис. 23: 11), серповидные (рис. 23: 13, 33), полуовальные с прорезьями (рис. 23: 34), с изображением головы медведя (рис. 23: 37). Новая тенденция представлена прямоугольной накладкой с растительным орнаментом (рис. 23: 24), трехчастной с растительными узорами (рис. 23: 36), разнообразными вариантами шарнирных (рис. 23: 26, 27), с изображением головок коней (16 экз., рис. 23: 25). Наконечники ремней стали меньше по размерам, но шире и массивнее: гладкие с каплевидным вырезом в основании (рис. 23: 50) и коробочки (рис. 23: 49); орнаментированные: кружками и «колоском» (рис. 23: 51), «веткой с цветком» (рис. 23: 41), «завязанным узлом» (рис. 23: 28).

Из других украшений встречались литые височные подвески с привесками в виде нескольких соединенных шаров (рис. 23: 1–3), различные варианты перстней (рис. 23: 52–54). Продолжали использоваться новые варианты браслетов с сердоликовыми вставками на концах (рис. 23: 58), костыльков (рис. 23: 40), подвесок-лунниц (рис. 23: 39), шумящих коньковых (рис. 23: 47) и с арочной основой (рис. 23: 45), концевых прямоугольных (рис. 23: 49, 57) подвесок. Стали популярными деревянные (рис. 23: 56) и орнаментированные бронзовые бубенчики (рис. 23: 55, 60), а также круглые подвески с изображением коня (рис. 23: 46).

Предметы вооружения и конская упряжь продолжают общую линию развития VIII в. По-прежнему использовались различные вариации железных наконечников стрел (рис. 23: 63–65), колчаные крючки, калачевидные кресала, железные универсальные (рис. 23: 74), а также боевые топоры с вытянутым обухом (рис. 23: 72, 73). Можно считать новыми видами вооружения железный боевой топорик с вытянутым обухом с шишечкой и квадратной боевой частью (рис. 23: 62) и однолезвийные сабли со слабо изогнутым клинком, обоюдным острием и брусковидным перекрестьем (рис. 23: 67). Весьма распространены детали конского снаряжения: восьмеркообразные стремяна с округлым (рис. 23: 71) или плоским (рис. 23: 70) подножием, а также с вогнутым подножием и плоской пластиной для путлища

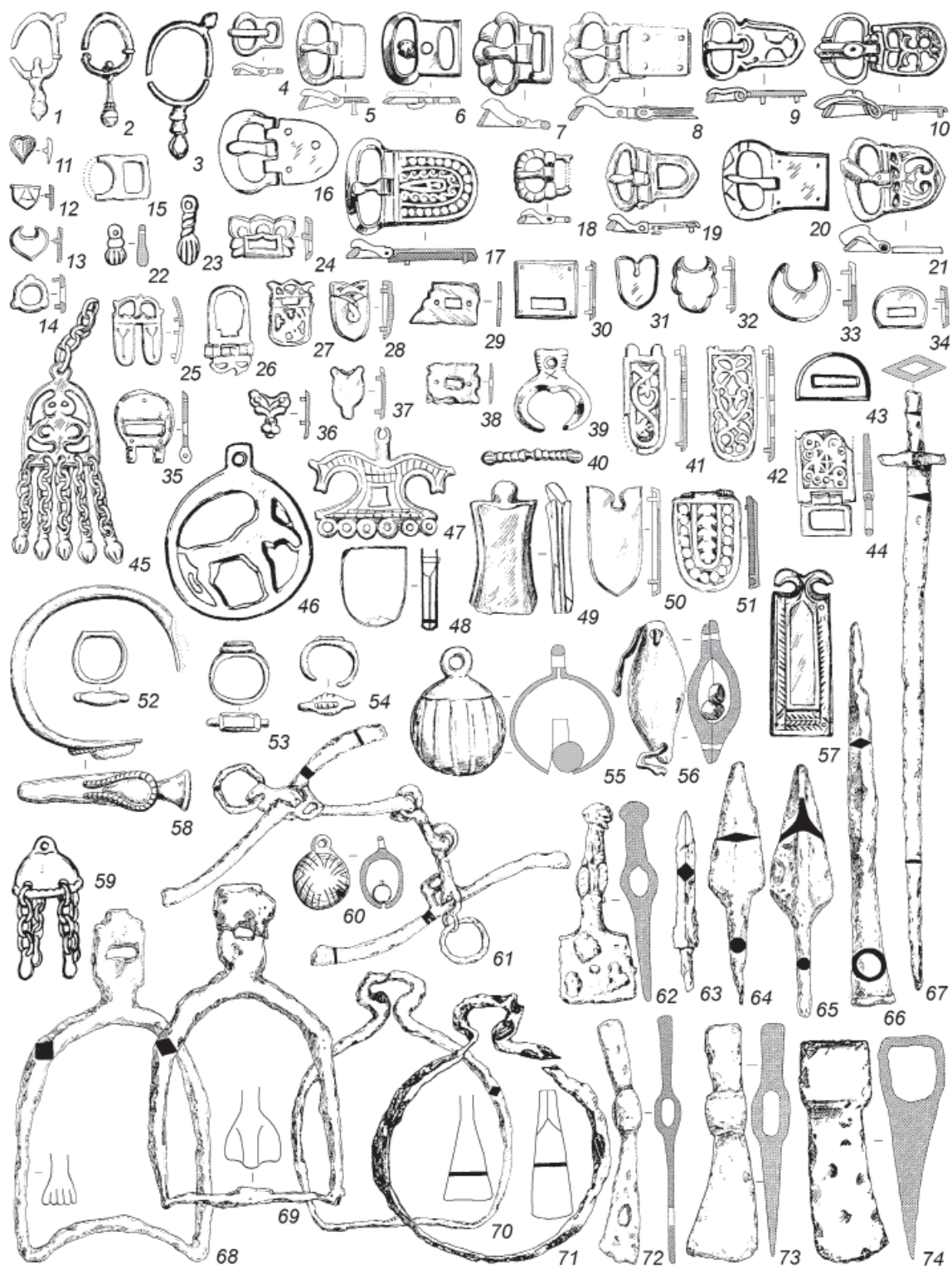

Рис. 23. Вещи сухоложской стадии неволинской культуры (конец VIII – начало IX вв.). Масштаб различен

(рис. 23: 68), удила с крупными кольцами и стержневыми псалиями (рис. 23: 61).

На могильнике Сухой Лог в погребении 20 найдена единственная монета – дирхем (в. – 2,67, д. – 24, о. – 7, династии Аббасидов, аль-Махди, 161 г. х. (=777/8 г. н. э.), Мединат ас-Салам (Goldina, Nikitin, 1997, р. 123, № 78)). На территории неволинской культуры из раскопок КВАЭ

происходят только две куфические монеты: уже упомянутая и еще одна из ямы LIV Бартымского I селища (дирхем, в. – 1,98, д. – 24,5, о. – 12, обрешан по краю, след ушка, Омейяды, 86 г. х. (=705 г. н. э.), Димешк (Goldina, Nikitin, 1997, р. 122, № 65)). Из 98 монет, найденных на могильниках неволинской культуры, лишь одна куфическая – из могильника Сухой Лог. Это

свидетельствует о том, что финал неволинской культуры, в том числе и прекращение использования могильников, относится ко времени, когда в Прикамье только начали поступать первые куфические монеты. Позже они продолжали проникать в значительном числе в Верхнее Прикамье на территорию ЛК (Аверино II, Агафоново I) и в бассейн р. Чепцы (Варни, Качкашур, Мыдланьшай). Но неволинские памятники, по-видимому, в это время в массе уже перестали существовать. Судя по монете из погребения 20 Сухого Лога, это произошло не ранее 777/8 г. н. э., то есть в последней четверти VIII – первой четверти IX в., после появления в Поволжье болгарских племен. Поскольку лучше всего комплексы этого времени представлены в могильнике Сухой Лог, мы предложили назвать эту стадию сухоложской. Длительность ее, возможно, была более короткой, чем полустолетие, занимаемая лишь какой-то отрезок в его пределах.

Таким образом, в результате анализа материалов могильников неволинской культуры удалось подтвердить существование пяти разновременных, сменяющих друг друга хронологических стадий: I – бродовская (конец IV – V в.), II – верхаинская (VI в.), III – бартымская (VII в.), IV – неволинская (VIII в., вероятно, без последней четверти), V – сухоложская (последняя четверть VIII – первая четверть IX в.).

Исторические судьбы. Обращает на себя внимание близость инвентаря VIII – начала IX в. неволинской культуры древностям салтовского круга. В этом убеждает как поясная гарнитура, так и коньковые подвески особого варианта с хорошо проработанными изображениями голов коней, прорезью в центре и шестью отверстиями для шумящей части (рис. 23: 47). Такие подвески являются ярчайшим признаком пермской материальной культуры. Именно этот вариант шумящих коньковых подвесок в большом числе обнаружен в салтово-маяцкой культуре (Михеев, 1982, с. 156–167; Аксенов, 1998, с. 3–12). В частности, в могильнике Сухая Гомольша в верхнем течении Северского Донца обнаружено 12 таких подвесок, на других памятниках этого же района – более двух десятков. В.К. Михеев выделил 3 района распространения таких подвесок: Волжско-Приуральский, Северодонецкий и Северокавказский (район Таманского полуострова). В последнем также выявлено более десятка находок коньковых подвесок: на р. Дюрсо, возле г. Новороссийска и на Тамани у хут. Гаркуша (Михеев, 1982, рис. 7). К настоящему же времени число их в Приуралье превышает десятки, они концентрируются на территории не только неволинской, но и ломоватовской (Голдина, 1985, табл. XIV-7-9), и ломовской (Семенов, 1980, табл. V-2-4) культур, образуют здесь одно из

звеньев типологического ряда и имеют явно местное происхождение. Вероятно, для салтовского мира это инородное явление и исходной территорией его является Прикамье.

Возможно, приуральское происхождение в салтово-маяцких могилах имеют различные варианты колокольчиков как с вертикальным, так и радиальным орнаментом (Аксенов, 1998, рис. 1-6,26; Степи Евразии..., 1981, рис. 37-18,21); височные подвески с тремя шариками (Аксенов, 1998, рис. 1-7,14,31), крестовидные подвески с трилистниками на концах (Аксенов, 1998, рис. 1-27), перстни с плоским овальным щитком (Аксенов, 1998, рис. 1-30; 2-4,5; Михеев, 1982, рис. 6-11), овальные бубенчики (Михеев, 1982, рис. 6-8); разные варианты костыльков (Аксенов, 1998, рис. 2-3). Явно приуральского происхождения в салтове небольшие колесовидные подвески (Степи Евразии..., 1981, рис. 37-62) и круглые подвески с изображением коня в центре (Степи Евразии..., 1981, рис. 37-55). Многочисленность схожих изделий позволяет предполагать близкие контакты в VIII – начале IX в. между населением НК и определенными группами салтовской общности – северодонецкой и таманской.

Воздействие салтовского мира реально проявилось и в появлении на городищах Лобач и Верх-Сая I в конце VIII – начале IX в. круговой посуды салтовского типа (Пастушенко, 2008, с. 389–390) – результат прямого контакта неволинцев как с некоторыми степными носителями салтовских традиций, так и поволжскими болгарами, которые и могли принести эту посуду в Среднее Поволжье.

Как известно, болгары переселялись в Среднее Поволжье несколькими волнами: на рубеже VII–VIII вв. н. э., во второй половине VIII – начале IX в. и позже. Постепенно кочевые племена болгар освоили оба побережья Волги между устьем р. Камы и Самарской Лукой (Казаков, 2002, с. 185–194). В VIII и даже в IX в. болгары еще не были мощным организатором торговли в Волжско-Камском бассейне. Государство Волжская Болгария сложилось в Среднем Поволжье на рубеже IX–X вв. В этнической консолидации болгарского населения на основе тюркского языка огромную роль сыграли как социально-экономические (развитие земледелия, скотоводства, ремесел, процессы классообразования), так и идеологические факторы (принятие мусульманства, арабская письменность). В состав Волжской Болгарии вошли и довольно значительные группы пермского населения ломоватово-неволинско-поломского типа, о чем свидетельствуют украшения женского костюма и глиняная посуда. В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому (Казаков, 1993, с. 38). Например, в Танкеевском могильнике

прикамские сосуды составляли 45% всего массива (Казаков, 2002, с. 192).

Участие пермского населения в формировании государства болгар на Волге подтверждено и антропологами. В частности, С.Г. Ефимовой среди болгарских серий выявлены 2 основных массива: донско-приазовский ранних болгар и прикамско-приуральский – так называемая «танкеевская группировка» (Ефимова, 1991, с. 44–45).

По-видимому, кочевники-болгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания и предприняли несколько попыток переселения пермского населения: с южной части ломоватовской культуры, с побережья р. Чепцы и из Кунгурской лесостепи. Во всяком случае, по убеждению Т.А. Хлебниковой, верхнекамское (в широком смысле) население с его оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством сыграло немалую роль в формировании традиций оседлости у болгар (Хлебникова, 1984, с. 73).

Современное состояние археологических источников как Волжской Болгарии, так и Приуралья таково, что возможно определение исходных территорий пермского населения, переселившегося в низовья р. Камы и прилегающее Поволжье. Следы самых ранних переселенцев с севера в Волжскую Болгарию зафиксированы для рубежа VIII–IX вв. (впускное погребение кургана № 8 Хрящевского могильника в Ульяновской области, в котором найден сосуд ломоватовского облика) (Хлебникова, 1984, с. 47–49, рис. 5–6). Поток выходцев из Верхнего Прикамья (ломоватово) усилился во второй половине IX в. Об этом свидетельствует выделенная Т.А. Хлебниковой керамика V группы, которая представляла собой круглодонные чаши с раковинной примесью, украшенные отпечатками шнура в сочетании с оттисками гребенки и округлыми вдавлениями. Ближайшие аналогии эта посуда имеет в Деменковском могильнике и других памятниках ломоватовской культуры (Хлебникова, 1984, с. 69–70, рис. 17-5-7).

Другие истоки имела глиняная посуда группы VI, которую Е.П. Казаков и Т.А. Хлебникова связывали с полоумско-раннечепецкими памятниками (Казаков, 1971, с. 129; Хлебникова, 1984, с. 70–73). Это посуда низких пропорций, содержит в тесте шамот и толченую раковину, украшена оттисками шнура и решетчатым штампом. Близость к полоумско-чепецкой у этой посуды очень велика, практически на уровне тождества. Посуда такого типа известна на Танкеевском и Тетюшском могильниках. Вероятно, именно с этим перемещением населения на Волгу связано запустение верхнечепецких группировок и выпадение некоторых кладов на Чепце. Что касается времени нападения

болгар на поселения бассейна р. Чепцы, то следует обратить особое внимание на позднейшие монеты Ягошурского (842/843 гг.) и Лесогуртского (841/842 гг.) кладов, которые красноречиво указывают на 40-е гг. IX в. (Иванов, 1997, с. 111).

Следы пребывания населения НК в Среднем Поволжье на болгарской территории ощущаются в металлических украшениях, а также в присутствии значительного числа неволинских сосудов на памятниках Волжской Болгарии (Хлебникова, 1984, с. 38–40, 66–73; Казаков, 1992, с. 111 и сл.). Кроме того, неволинские традиции в украшении лепной посуды сохранились и в X–XI вв. (группа VII, по Т.А. Хлебниковой). Она представляла собой цилиндрошейную круглодонную посуду, украшенную густым поясом оттисков шнура в виде «косичек», дополненную оттисками гребенчатого штампа (Хлебникова, 1984, с. 106–112). Попытки связать эти группы керамики с угорским этносом (Белавин и др., 2009, с. 123–151) представляются неубедительными.

Причиной исчезновения неволинского населения из Сылвенского бассейна явились взаимоотношения с появившимися в Среднем Поволжье болгарами. Первоначально контакты были, очевидно, мирными. Об этом говорит инвентарь раннеболгарских захоронений на Самарской Луке. Вероятно, население Самарского Поволжья в VIII в. пользовалось услугами мастеров-металлургов Сылвенского бассейна. Не случайно на этих памятниках так много вещей, особенно деталей поясной гарнитуры, неволинского облика.

Очевидно, набеги болгар на территорию НК происходили неоднократно на протяжении последней четверти VIII – первой четверти IX в. Сначала прекратила свое существование верхсаинская группа, затем – неволинская, а позже – сухоложская. Вряд ли переселение неволинцев, как и других групп пермян, в Среднее Поволжье было добровольным. Болгары забирали имущество, скот, женщин, детей и мастеров – металлургов и литейщиков. Часть неволинского населения была вынуждена переместиться севернее к родственным группам пермян на р. Чусовую и в южные районы ЛК. Кроме пермских, на рубеже VIII–IX вв. прекратила свое существование и пограничная группа угорских племен (могильник Большие Тиганы, младшая куфическая монета 789–790 гг. – Халикова, 1976, с. 177).

Вероятно, вследствие своего географического положения и других обстоятельств (юго-восточная оконечность финно-пермского мира) население НК выступало посредником между степным миром, государствами юга Евразии и пермскими народами. Именно здесь, в Сылвенском поречье, сосредоточились богатейшие собрания изделий

иранской, среднеазиатской, византийской торевтики, монет, украшений и других престижных ценностей. Население НК, творчески перерабатывая импульсы далеких цивилизаций, создало собственную оригинальную культуру и транслировало достижения южных народов и свои окружающим лесным племенам. Остается только со-

жалеть, что столь яркая, своеобразная культура в силу исторических обстоятельств не получила дальнейшего развития на территории, где она возникла, но оставила глубочайший след в истории соседних народов – пермян (коми-пермяков, коми-зырян, удмуртов), угров (хантов, манси, венгров), тюрков (болгар, татар, башкир) и славян (русских).

Рис. 2. Вид на Верх-Саинское I городище с Ю. Березовский район Пермского края. Фото И.Л. Распономарева

Рис. 3. Вал Верх-Саинского I городища. Фото И.Л. Распономарева

Серебряное блюдо. VI в. н. э. Византия. Д. Бартым Березовского района Пермского края

Серебряный кубок. IV–V вв. н. э. Византия. Д. Бартым Березовского района Пермского края

Серебряная чаша. IV–V вв. н. э.; 272 серебряные византийские монеты Ираклия и Ираклия – Константина, 615 г. Византия. Д. Бартым Березовского района Пермского края

1 – серебряная чаша. III в. н. э. Иран;
2 – серебряная чаша. VIII в. Хорезм;
3 – серебряная чаша. IV–V вв. н. э. Византия.
Д. Бартым Березовского района Пермского края

Верх-Саинский могильник.
1, 2 – пряжки 1 – VIII в.; 2 – 1-я пол. VII в.;
3, 4 – наконечники ремней, VI в.;
5, 6 – деревянные ножи с серебряной обкладкой,
VI в. Верх-Саинский могильник. Березовский район
Пермского края. 1–4 – серебро

ГЛАВА 3

ВЕРХНЕЕ ПРИКАМЬЕ В КОНЦЕ IV–IX ВВ. (ЛОМОВАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА)

История изучения. Первые сведения о «чудских городках» Верхней Камы встречаются в писцовых книгах Яхонтова, Кайсарова и др. Некоторые из них упоминаются в дневниках путешествий П.С. Палласа, И.И. Лепехина, капитана Н.П. Рычкова. В 1810 г. чиновник Пермской казенной палаты В.Н. Берх обследовал в числе других памятников Урольское селище, а также произвел небольшие раскопки Пянтежского городища (Берх, 1821, с. 92, 93). Спустя 70 лет А.П. Иванов описал около десяти поселений ЛК (Иванов, 1881, с. 10–39).

На рубеже XIX–XX вв. местными краеведами – управляющим Строгановскими именьями А.Е. Теплоуховым и его сыном, главным лесничим Строгановых Ф.А. Теплоуховым была собрана знаменитая коллекция «чудских изделий», в которой насчитывалось более 400 различных вещей ломоватовского времени. Большая часть их происходила из случайных сборов на разрушающихся могильниках. Ценными находками явились предметы Плесинского и Георгиевского кладов. Теплоуховы не только коллекционировали древности, но и обследовали памятники, делая их описания в «Археологическом дневнике» (Теплоухов, 1870). Ими описаны около 20 поселений ломоватовской поры, а также Панкрашинское и Останинское костыща. Теплоуховы раскопали уникальные объекты: Гаревское, Ильинское (А.Е. Теплоухов) и Усть-Туйское (Ф.А. Теплоухов) костыща.

Коллекция Теплоуховых была подготовлена к изданию А.А. Спицыным (Спицын, 1902) во время его поездки в Пермскую губернию в 1898 г. В 1894 г. он предпринял экскурсию в низовья р. Колвы и писал, что местность настолько обильна памятниками, что почти в каждом селении ему удалось приобрести древние вещи (Спицын, 1894, л. 28–29). Последний раз А.А. Спицын был на Верхней Каме в 1901 г. (ОАК, 1903, с. 113–115) и обследовал могильник VI–VII вв. у д. Грудята на р. Ломоватовке, осмотрел местонахождения у д. Зобачева и Маркова, а также раскопал 47 погребений на Деменковском могильнике VII–IX вв.

По рекомендации А.А. Спицына в бывш. Чердынском уезде Пермской губернии проводил раскопки аспирант Казанского университета, а позже

инспектор народных училищ этого уезда В.Л. Борисов. В течение 1900–1902 гг. им были исследованы Харинский, Агафоновский, Бурдаковский I, Пыштайнский, Бельковский курганные могильники V–VI вв. и раскопаны в общей сложности 68 насыпей с 86 погребениями (ОАК, 1902, с. 87–89; 1903, с. 115–116; 1904, с. 88–89; Борисов, 1900; Описание предметов... за 1901–1902 гг.). Среди работ этого времени следует отметить также разведочные обследования на Верхней Каме Н.Г. Первухина и А.Н. Шатрова (Первухин, 1896а, с. 116–118; 1896б, с. 148; Шатров, 1899, с. 78, 86), а также небольшие раскопки С.И. Сергеева на Подбобыкском костыще (Сергеев, 1901, с. 52–54).

Особого внимания заслуживает деятельность И.Я. Кривошекова, который в 1886, 1889 и 1910 г. собирал сведения об археологических памятниках Чердынского и Соликамского уездов и раскопал курган на Чазевском I могильнике V–VI вв. (Кривошеков, 1914, с. 103, 108, 110, 117–119; Кривошеков, Зеленов, 1911, с. 31).

До начала XX в. было обследовано около 40 поселений и несколько могильников ЛК. Характер обследования заключался преимущественно в осмотре памятника и сборе материала. Исследования культурных остатков велись эпизодически и главным образом траншейным способом. Кроме того, результаты работ этого времени почти не нашли отражения в литературе. Были опубликованы лишь итоги раскопок А.Е. Теплоухова на Гаревском (Теплоухов, 1880, с. 1–22) и С.И. Сергеева – на Подбобыкском костыщах (ОАК, 1897, с. 37–38; Сергеев, 1901; Теплоухов, 1896б, с. 131–151).

Качественно новый этап в изучении памятников ЛК начался в советское время. В 1925–1938 гг. много и плодотворно работали А.В. Шмидт, Н.А. Прокошев, М.В. Талицкий. А.В. Шмидт начал обследование р. Камы и ее притоков на территории Добрянского района (Шмидт, 1928, с. 290–293; 1935, с. 171–174), а также бассейна р. Чусовой (Преображенский, 1956, с. 181–182, 185, 186). Работы в последнем районе были продолжены в 1935 г. Н.А. Прокошевым (Прокошев, 1936, с. 257, 265) совместно с М.В. Талицким и П.И. Борисковским (Талицкий, 1941, с. 126–130).

Итогом этой деятельности явились данные о 52 поселениях ЛК. При этом 41 памятник из них был открыт впервые. Изменился характер работ. Особенно показательны в этом отношении работы М.В. Талицкого в бассейне р. Иньвы, где им были осмотрены в 1938 г. 24 поселения изучаемого времени, 17 из которых открыты впервые. Было выявлено значительное число селищ. Почти всегда археологи снимали топографические планы, исследовали с помощью шурфов состояние культурного слоя, делали подробные описания. Результаты не замедлили сказаться: появилась возможность на основании разведочных материалов определить хронологические рамки существования памятников, выявить круг поселений, относящихся к ЛК. Эта работа была проведена А.В. Шмидтом для памятников Добрянского района (Шмидт, 1928, с. 290–293; 1935, с. 171–174) и М.В. Талицким для памятников рр. Чусовой (Талицкий, 1941, с. 126–130) и Иньвы (Талицкий, 1938). Объективными недостатками исследований этого времени были ограниченность проводимых работ рамками узких регионов, а также почти полное отсутствие крупных стационарных работ.

Планомерные исследования археологических памятников в Верхнем Прикамье стали возможны с организацией в 1947 г. КАЭ (руководитель О.Н. Бадер). В результате участия в работе студентов-археологов Пермского университета (В.А. Оборина, В.Ф. Генинга, В.П. Денисова, Ю.А. Полякова, Н.А. Мажитова, В. Неприной, М. Ланько, И.С. Поносовой, Г.И. Матвеевой, Э.М. Медниковой и др.) удалось охватить сплошными маршрутами значительную часть бассейна Верхней Камы. Тщательному обследованию был подвергнут Добрянский район, бассейны рр. Б. и М. Туя, Гаревой. На базе широких поисковых работ здесь развернулись крупные стационарные исследования. В 1951–1953 гг. В.Ф. Генингом были проведены раскопки на Опутятском городище (V–VI вв.), Зародятском селище (VI–VIII вв.), Усть-Туйском костыше, Бурковском курганном могильнике (V–VI вв.). Одновременно Ю.А. Поляков исследовал Коновалытское (V–VI вв.) и Пятраковское (VI–VIII вв.) селища. Другим районом стационарных работ был бассейн р. Косьвы, где под руководством В.А. Оборина были исследованы Баяновские селище и могильник VIII–IX вв., а также Лаврятское городище VIII–XI вв.

Активизировалась деятельность краеведческих музеев. Чердынским музеем были проведены рекогносцировочные раскопки на Редикорском могильнике VIII–X вв. (И.А. Лунегов), Пермским музеем – на Деменковском VII–IX вв. (В.Ф. Генинг) и Б. Висимском V–VIII вв. (В.П. Денисов), Кудымкарским – на Митинском, Чазевском I, II,

Пеклаыбском I могильниках V–VI вв., Урьинском, Каневском и Важгортском могильниках VIII–IX вв. (В.Ф. Генинг).

В 70–80-е гг. работы по изучению памятников ЛК вела КАЭ Пермского университета (В.А. Оборин, Ю.А. Поляков), а также КВАЭ Удмуртского университета (Р.Д. Голдина, В.А. Кананин). Широко практиковались сплошные обследования коротких отрезков, позволившие выявить значительное количество новых памятников. Из стационарных работ следует отметить большие по масштабу раскопки могильников Агафоновского I, Аверинского II (Р.Д. Голдина), Телячий Брод (В.А. Оборин), Щукинского, Русиновского (В.А. Кананин) и др. Особый интерес представляют раскопки городищ: Саламатовского II (В.А. Оборин), Шудьякар (Р.Д. Голдина, В.А. Кананин), Бутырского, Назаровского (Ю.А. Поляков), а также Русиновских селищ (В.А. Кананин).

Исследования 50–70-х гг. нужно признать наиболее плодотворными. Выявлено большое количество новых объектов, изучены комплексы памятников (Аверинский II могильник и городище Шудьякар; Русиновские селища и могильник), произведены исследования большими площадями, что дало возможность более ярко представить эволюцию материальной культуры.

В последние десятилетия большим успехом археологов г. Перми является изучение уникального Мокинского могильника – первого бесспорно гляденовского некрополя (В.А. Оборин, Н.В. Кулябина, С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, В.В. Мингалев, М.Л. Перескоков и др.), материалы которого меняют представления о I-й пол. I тыс. н. э. в Приуралье. Главная задача сейчас – с максимальной полнотой опубликовать его результаты. Продолжались исследования и на других могильниках ЛК: Бурково (Кулябина, 2004), Пыштайн I–III (Мингалев, Юкова, 2017), Деменки (Мельничук, Кузьминых, 2008), Митино (Шмуратко, Брюхова, 2015), Важгорт II (Бернц, Пастушенко, 2012) и др. Из поселений А.М. Белавиным было рекогносцировано изучено Лаврятское городище (Белавин, 2011).

Обобщение археологического материала Верхнего Прикамья было начато А.А. Спицыным, который в коллекции Теплоуховых выделил группу предметов ломоватовского типа, датировав ее VIII–IX вв. (Спицын, 1902, с. 23). Основываясь на известных в то время материалах, А.В. Шмидт говорил о существовании ЛК в рамках VI–VIII вв. Он отмечал также существенное сходство культур Верхнего Прикамья и бассейна р. Белой в I тыс. н. э. и объединял их в особую камско-бельскую группу финно-угорского происхождения (Шмидт, 1925; 1929, с. 25–26).

Итогом изучения истории народов Среднего Поволжья и Прикамья I тыс. н. э. явилась работа А.П. Смирнова, в которой несколько разделов посвящено ЛК (Смирнов, 1952, с. 80–82, 174–189). Он считал, что в IV–V вв. (харинское время) в Прикамье появилась значительная группа племен сарматского происхождения. ЛК, по мнению этого автора, складывалась на основе пьяноборской (гляденовской) с влиянием сасанидской, византийской, аланской культур, а также Поднепровья и Сибири. А.П. Смирнов совместно с О.Н. Бадером исследовал также вопросы использования восточного серебра прикамскими племенами, времени и путей проникновения его в Прикамье (Смирнов, 1952, с. 145; Бадер, Смирнов, 1954).

В 50–80-х гг. появились работы, посвященные материалам раскопок отдельных памятников (Генинг, 1955; 1964; 1980; Генинг, Голдина, 1970; Луногов, 1955; Оборин, 1953; 1956; 1962; Поляков, 1960), в которых иногда предпринимались попытки решить некоторые вопросы истории культуры. Этому времени посвящены разделы в сводных работах по истории Прикамья, написанных О.Н. Бадером (Бадер, 1953), В.А. Обориным (Бадер, Оборин, 1958) и В.Ф. Генингом (Генинг, 1959б). По мнению этих ученых, начало ЛК в Прикамье связано с притоком сюда нового населения из степных районов Приуралья (Бадер, 1953, с. 74) или Южного Зауралья (Бадер, Оборин, 1958, с. 139; Генинг, 1959б, с. 186, 187). О.Н. Бадер, В.Ф. Генинг и В.А. Оборин датировали ЛК III–VIII вв. и делили на два этапа: харинский (III–VI вв.) и неволинский (VI–VIII вв.) (Бадер, 1953, с. 70–71; Генинг, 1953, с. 96–98; 1959б, с. 182–194; Бадер, Оборин, 1958, с. 145–165). Позже В.Ф. Генинг выделил третий этап, переходный к родановской культуре (VIII – I-я пол. IX в.) (Генинг, 1964, с. 118–124). Первое обобщение материалов могильников харинского типа было выполнено В.Ф. Генингом и Р.Д. Голдиной (1973). В некоторых работах предприняты попытки анализа отдельных категорий памятников (Теплоухов, 1899; Генинг, 1964), проблемы искусства этой поры (Оборин, 1976; Оборин, Чагин, 1988). Вопросы истории хозяйства ЛК рассматривались М.В. Талицким (Талицкий, 1951, с. 43), О.Н. Бадером, В.Ф. Генингом и В.А. Обориным (Бадер, 1953, с. 73–76; Генинг, 1959а, с. 189; 1964, с. 101, 122; Оборин, 1960, с. 222–223). Основные положения общественных отношений сводились к следующему: в I тыс. н. э. в Прикамье происходит замена рода как хозяйственной единицы патриархальной семьей (Оборин, 1956б, с. 91–92; Генинг, 1959а, с. 180–181) при сохранении родовых традиций; патриархальные отношения в семейном праве длительное время существовали с пережитками матриархата (Бадер, Оборин, 1958, с. 164);

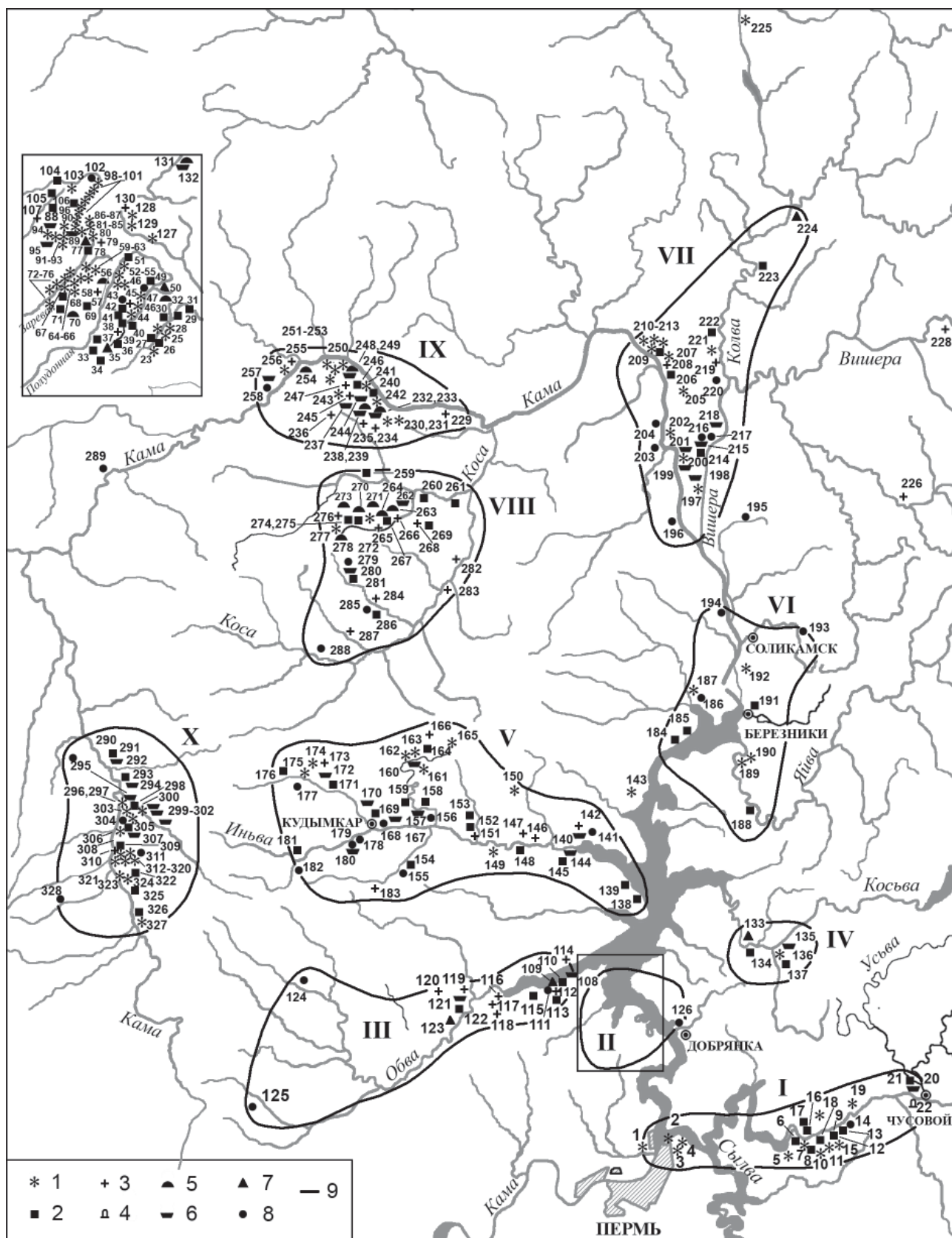
значительного развития достигла военная организация; наблюдалась существенная имущественная дифференциация. Перечисленные закономерности отмечены В.Ф. Генингом также на материалах ломовской и азелинской культур (Генинг, 1962, с. 94–106; 1963, с. 61–78).

В последние десятилетия проблемами ЛК активно занимаются научные центры Пермского края: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет и Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (рук. д.и.н., проф. А.М. Белавин), Пермский государственный национальный исследовательский университет (рук. Г.П. Головчанский); Пермский областной краеведческий музей (А.Н. Лепихин, Н.В. Кулябина); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (В.В. Мингалев).

Выходцы из научной школы В.А. Оборина (ПГУ) успешно продолжают изучение памятников железного века, в том числе ломоватовского времени (А.Ф. Мельничук, С.Н. Кореньюк, В.П. Мокрушин, Н.В. Соболева (Кулябина)). Практически все проблемы ЛК исследуют на современном научном уровне археологи научной школы д.и.н., проф. А.М. Белавина. Ими издана целая серия фундаментальных монографий, в которых изложены принципиально новые подходы к оценке средневекового периода истории Приуралья (Белавин, Крыласова, 1995; 2002; 2008; Белавин, 2000; Крыласова, 2007; Ленц, 2002; Оятева, Игнатьева, Белавин, 2009; Материальная культура..., 2010; Шмуратко, 2012; Сарапулов, 2015; и др.).

Существенный вклад в ломоватовскую тематику вносят многочисленные статьи и монографии, выполненные учеными других центров Пермского края, из которых особую ценность представляют работы А.Н. Лепихина (2007), Н.В. Кулябиной (2013), М.Л. Перескокова (2018) и др. Бесспорный интерес вызывают серии статей, посвященных анализу отдельных категорий материалов ЛК, например, В.В. Мингалев (2006а, б; 2007; 2009), А.Ф. Мельничука, М.В. Вылежневой (2002) и др.

Область расселения. Долгое время работа по составлению археологической карты памятников ЛК (рис. 1) велась в рамках систематизации сведений о всех древних объектах Верхнего Прикамья. Начало этой деятельности было положено А.Е. и Ф.А. Теплоуховыми (Теплоухов, 1870) и И.Я. Кривошековым (Кривошеков, 1914). Итогом исследований по составлению карты культуры до середины XX в. стала книга И.А. Талицкой «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы» (Талицкая, 1952), где собраны в числе других сведения более чем о 70 ломоватовских поселениях.

Условные обозначения

1 – селище; 2 – городище; 3 – находка; 4 – пещера; 5 – курганный могильник; 6 – бескурганный могильник; 7 – костщище; 8 – клад; 9 – границы локальных групп.

Рис. 1. Карта-схема размещения памятников ломоватовской культуры

Памятники ломоватовской культуры¹.

1 – Усть-Гайвинское селище. Л. к.; 2 – Озеро Грязное I селище. Л. к.; 3 – Озеро Грязное II селище; 4 – Медведевское I селище. Л. к.; 5 – Пеньковское II селище. Л. к.; 6 – Плесовское (Тюринское) городище; 7 – Плесовское селище. Л. к.; 8 – Бовинское I (Маруша I) городище. Л. к.; 9 – Бовинское II (Маруша II) городище. Л. к.; 10 – Бовинское селище. Л. к.; 11 – Родниковское (Чудиново поле) селище. Л. к.; 12 – Вереинское I городище. Л. к.; 13 – Вереинское II городище. Л. к.; 14 – Вереинский II клад. VII–VIII вв.; 15 – Вереинское селище. Л. к.; 16 – Поповское городище. Л. к.; 17 – Марковское городище. Л. к.; 18 – Ванейское селище. Л. к.; 19 – Шушпанское (Красные села) селище. Л. к.; 20 – Могильник Телячий брод. VII–VIII вв.; 21 – Саламатовское II городище. VII–VIII вв.; 22 – Малый Вакшур, пещера. Л. к.; 23–25 – Сибирское I–III селища. Л. к.; 26 – Сибирское I городище (Бородинов городок). Л. к.; 27 – Сибирское II городище (Матренина Закладь). Л. к.; 28 – Кононовское селище. Л. к.; 29 – Сенькинское I городище. Л. к.; 30 – Меркушевское (Сенькинское II) городище. Л. к.; 31 – Бутырское городище. Л. к.; 32 – Бурковский курганный могильник. V–VI вв.; 33 – Чудихинское I городище. Л. к.; 34 – Чудихинское II городище. Л. к.; 35 – Панкрашинское костище. V–VI вв.; 36 – городище Антоновцы. Л. к.; 37 – Гилевское городище. Л. к.; 38 – Ромашевские находки. VIII–IX вв.; 39–41 – Катаевские I–III городища. Л. к.; 42 – Ямское городище. Л. к.; 43 – Ямской (Верхне-Березовский) клад. VII–VIII вв.; 44 – Коновалытское селище. V–VI вв.; 45 – Патраковские находки. VI–IX вв.; 46 – Патраковское селище. Л. к.; 47 – Зародытское селище. Л. к.; 48 – Ковинский клад. Л. к.; 49 – Опуятское городище. V–VI вв.; 50 – Усть-Туйское костище. Л. к.; 51 – Городищенское городище (Городецкий городок). Л. к.; 52–55 – Чудиновское I–IV селища. Л. к.; 56 – Полуденский курганный могильник. V–VI вв.; 57 – Кокорятская (Удепская) находка. VIII–IX вв.; 58 – Фекленская находка. Л. к.; 59–63 – Аверинское I–V селища. Л. к.; 64–66 – Самковское I–III селища. Л. к.; 67 – Филатовское селище. Л. к.; 68 – Медведица (Белошейкинское) городище. Л. к.; 69 – Морочатское (Большухинское) городище. Л. к.; 70 – Беклемишевский курганный могильник. V–VI вв.; 71 – городище Гарамиха. Л. к.; 72 – Сосновское селище. Л. к.; 73 – Глушихинское селище. Л. к.; 74 – Истоминское селище. Л. к.; 75–76 – Семеновские I–II селища. Л. к.; 77 – Гаревское костище. Л. к.; 78 – Гаревское городище. Л. к.; 79 – Трубенские находки. VIII–IX вв.; 80 – Концовское селище. Л. к.; 81–85 – Ломоватовские I–V селища. Л. к.; 86–87 – Раменские I–II селища. Л. к.; 88 – Макаровский могильник. VIII–IX вв.; 89 – Грудятский могильник. VI–IX вв.; 90–93 – Зобачевские I–IV селища. Л. к.; 94 – Долгушинское селище. Л. к.; 95 – Зобачевский могильник. VI–IX вв.; 96 – Борисовское городище. Л. к.; 97 – Чубарковское селище. Л. к.; 98 – Покровское селище. Л. к.; 99 – Тупицынское селище. Л. к.; 100–101 – Слудкинские I–II селища. Л. к.; 102 – Слудкинский клад. VI–IX вв.; 103 – Усть-Кемольское селище. Л. к.; 104 – Назаровское городище. Л. к.; 105 – Куделинское городище. Л. к.; 106 – Ромашевское городище. Л. к.; 107 – Кемольская находка. VII–VIII вв.; 108 – Деменовский могильник. VII–IX вв.; 109–110 – Ильинское костище и городище. Л. к.; 111 – Ильинский клад. Л. к.; 112 – Ильинские находки. VII–IX вв.; 113 – Сучкинское (Романов Лог) городище. Л. к.; 114 – Манаковская находка. Л. к.; 115 – Осташинское городище. Л. к.; 116 – Егвинская находка. IV–VI вв.; 117 – Идоговская находка. VIII–IX вв.; 118 – Саргинская находка. Л. к.; 119 – Филипповская находка. VII–VIII вв.; 120 – Новоселовская находка. VI–IX вв.; 121 – Рождественский могильник. VIII–IX, XIII–XIV вв.; 122–123 – Пастоноговское городище и костище. Л. к.; 124 – Гутовский клад. Л. к.; 125 – Оношатский клад. Л. к.; 126 – Луковский клад. Л. к.; 127 – селище Еловая Грива. Л. к.; 128–129 – Борленвенские I–II селища. Л. к.; 130 – Борленвенское местонахождение керамики. Л. к.; 131–132 – Больше-Висимский курганный и грунтовый могильник. V–VIII вв.; 133 – Останинское (Косьвинское, Перемское) костище; 134 – Мочелятское городище. Л. к.; 135 – Баяновский могильник. VIII–X вв.; 136 – Баяновское селище. Л. к.; 137 – Лаврятское городище. Л. Р. к.; 138 – Усть-Иньвенское городище. Л. к.; 139 – Филинское городище. Л. к.; 140 – Майковский могильник. VI–VII вв.; 141 – Майковский клад. Л. к.; 142 – Федоровцинские находки. VIII–IX вв.; 143 – селище «Степаново Плотбище». Л. к.; 144 – Загарский могильник. VII–XI вв.; 145 – Вахрамовское (Ям-гора) городище. Л. к.; 146 – Козьминские находки. VIII–IX вв.; 147 – Купросские находки. VIII–IX вв.; 148 – Кырдымское городище. Л. к.; 149 – Стариковское селище. Л. к.; 150 – Вакинское селище. Л. к.; 151 – Баяндинская находка. VII–VIII вв.; 152 – Воробьевское городище. Л. к.; 153 – Машинское (Мосинское) городище. Л. к.; 154 – Ручевское (Стан) городище. Л. к.; 155 – Ручевский клад. Л. к.; 156 – Архангельский клад. Л. к.; 157 – Важгортский могильник. VIII–IX вв.; 157a – Важгортский II курганный могильник. VI в.; 158 – Мартинское (Карасевское, Кыр-ыв-йыр) городище. Л. к.; 159 – Старцевское (Каче-кок-кэрэс) городище. Л. к.; 160 – Каневский могильник. VIII–IX вв.; 161 – Каневское селище. Л. к.; 162–163 – Ошибское I–II селища. Л. к.; 164 – Петуховское городище. Л. к.; 165 – Галюковское селище. Л. к.; 166 – Вож-Пальниковская находка. VIII–IX вв.; 167 – Плотниковский (Вишне-вский) могильник. VIII–IX вв.; 168 – Климовский клад. IV–V вв.; 169–170 – Кудымкарское городище и могильник. VII–XII вв.; 171 – Першинское городище. Л. к.; 172 – Мальцевский могильник. VIII–IX вв.; 173 – Мальцевские находки. VIII–IX вв.; 174–175 – Мальцевские I–II селища. Л. к.; 176 – Городищенское (Кочпар) городище. Л. к.; 177 – Тебеньковский клад. Л. к.; 178 – Пешнигортский I клад. VIII–IX вв.; 179 – Пешнигортский II клад. Л. к.; 180 – Пешнигортский могильник. Л. Р. к.; 181 – Левинское городище. Л. Р. к.; 182 – Квать-Пелевский клад. VI–VIII вв.; 183 – Подагортская находка. Л. к.; 184 – Острая Грива, городище. Л. Р. к.; 185 – Таманское городище. Л. к.; 186 – Пешковский клад. VI–IX вв.; 187 – Пешковское селище. Л. к.; 188 – Сметанинское городище. Л. к.; 189–190 – селища Володин-Камень I–II. Л. Р. к.; 191 – Семинское городище. Л. Р. к.; 192 – Запосельское I селище. Л. Р. к.; 193 – Половодский клад. VI–IX вв.; 194 – Григоровский клад. VI–IX вв.; 195 – Клепиковский клад. VI–IX вв.; 196 – Керченский клад. VIII в.; 197–198 – Омелинские селище и могильник. Л. Р. к.; 199 – Макаровский могильник. VIII–IX вв.; 200 – Мелехинское селище. Л. к.; 201 – Мелехинский могильник. VIII–XI вв.; 202 – селище Кататыб. Л. к.; 203 – Курганный клад. Л. к.; 204 – Шармотпульский (Мало-Долдинский) клад. VI–IX вв.; 205 – Урольское селище. Л. к.; 206 – городище Гыркош. Л. Р. к.; 207 – Кольчужское селище. Л. Р. к.; 208 – Кольчужская находка. Л. к.; 209 – Губинское городище. Л. Р. к.; 210–213 – Губинские I–IV селища. Л. Р. к.; 214 – Редикорское городище. Л. Р. к.; 215 – Редикорский могильник. VIII–XI вв.; 216 – Редикорский II клад. VII–X вв.; 217 – Редикорский III клад. VI–VIII вв.; 218 – Мало-Аниковский могильник. VIII–XI вв.; 219 – Чердынские находки. VII–VIII вв.; 220 – Чердынский клад. VII–VIII вв.; 221 – Крымкарское селище. Л. к.; 222 – Лобанихинское городище. Л. к.; 223 – Искорское городище. VIII–XVII вв.; 224 – Подбобыкское (Светик-Камень) святилище. Л. к.

¹ По состоянию на 1980 г.

225 – поселение Лисья Курья. Л. Р. к.; 226 – Ванниковские находки. VI–VIII вв. Р. к.; 227 – Вишерский клад. VI–IX вв.; 228 – Сыпучинская находка. VIII–IX вв.; 229 – Пятигорские находки. VI–IX вв.; 230–231 – Курьинское I–II селища. Л. Р. к.; 232–233 – Агафоновский курганный и грунтовый I могильник. V–IX вв.; 234 – Модоробские находки. Л. Р. к.; 235 – Михалевские (Златинские) находки. Л. Р. к.; 236 – Базуевские находки. Л. к.; 237 – Елевский могильник. VII–X вв.; 238–239 – Харинские грунтовый и курганный могильники. Л. Р. к.; 240 – Харинское городище. Л. Р. к.; 241–242 – Харинские VI, VIII селища. Л. Р. к.; 243 – Даниловское II селище. Л. Р. к.; 244 – Даниловский могильник. VII–VIII вв.; 245 – Федоровские находки. VIII–IX, X–XII вв.; 246 – Мазунинское (Даниловское) городище. Л. к.; 247 – Гайнские находки. VIII–IX вв.; 248–249 – Пыштайские курганный и грунтовый могильники. V–VI, IX–X вв.; 250 – селище Пыштайн II. Л. к.; 251–253 – селища Нетяйн I–III. Л. Р. к.; 254 – Бурдаковский курганный I могильник. V–VI вв.; 255 – Аннинские находки. VI–VIII вв.; 256 – Усть-Чикуринское селище. Л. к.; 257 – Плесинский могильник. VII–X вв.; 258 – Плесинские клады. VI–VII вв.; 259 – городище Карашор. Л. к.; 260 – Кычдезовское городище. Л. к.; 261 – Косинское (Большереченское) городище. Л. к.; 262 – Красильниковский могильник. VIII–IX вв.; 263 – Чазевский I курганный (Шойна-ыб) могильник. V–VI вв.; 264 – Чазевский II курганный (Нюр-Медер) могильник. V–VI вв.; 265 – Чазевская находка. VII–VIII вв.; 266 – Корчевские находки. Л. к.; 267 – Корчевское городище. Л. к.; 268 – Бачмановские (Куль-Поз) находки. VI–VII вв. Р. к.; 269 – Пыдосовское городище. Л. к.; 270 – Пеклаыбский I курганный могильник. V–VI вв.; 271–272 – Пеклаыбский III курганный могильник, селище. V–VI вв.; 273 – Бельковский курганный могильник. V–VI вв.; 274 – Пармайловское I городище. Л. к.; 275 – Пармайловское II городище. Л. к.; 276 – Юкеевская находка. V–VI вв.; 277–278 – Митинский курганный могильник и селище. V–VI вв.; 279 – Урынский клад. Л. к.; 280 – Урынский могильник. VIII–IX вв.; 281 – городище Курегкар. Л. к.; 282 – Пуксибские находки. VII–IX вв.; 283 – Варышская находка. Л. к.; 284 – Кочевские находки. V–VII вв.; 285 – Мартыновский клад. Л. к.; 286 – Ошовское городище. Л. Р. к.; 287 – Сюльковская (Пон-Видч) находка. VII–VIII вв.; 288 – Ташкинский клад. VI–IX вв.; 289 – Кайгородский клад. VI–IX вв.; 290 – Георгиевский клад. VI–VII вв.; 291 – Георгиевское (Зуйкар) городище. Л. к.; 292 – Шукинский могильник. VI–IX вв.; 293 – Бисеровское II городище. Л. к.; 294 – Васиневский могильник. VIII–IX вв.; 295 – Русиновский могильник. VIII–IX вв.; 296 – Русиновское I селище. VIII–IX вв.; 297 – Русиновское II селище. V–VI вв.; 298 – Гордкушетское городище. Л. Р. к.; 299 – Гордкушетский могильник. VII–X вв.; 300 – Гордкушетское I селище. Л. к.; 301 – Носковский могильник. VII–VIII вв.; 302 – Тиминский (Кочевский, Волгиревский) могильник. VIII–XI вв.; 303 – Илюшевское поселение. Л. Р. к.; 304 – Кытманский клад. VIII в.; 305 – Рагозское городище. Л. к.; 306 – Рагозское селище. Л. Р. к.; 307 – Рагозский могильник. VI–IX вв.; 308 – Грибановский могильник. VI–IX вв.; 309 – Ваулинское (Грибановское) городище. Л. к.; 310 – Афанасьевские находки. VIII–XIV вв.; 311 – Афанасьевский клад. VIII – I половина IX вв.; 312–320 – Харинские II–X селища. Л. Р. к.; 321 – Аверинский II могильник. VI–IX вв.; 322 – городище Шудьякар. VI–XIV в. Л. Р. к.; 323 – Аверинское IX селище. Л. Р. к.; 324 – Макаровское селище. Л. Р. к.; 325 – городище Ором (Меркучевское). Л. к.; 326 – Буждог (Ромашевское) городище. Л. Р. к.; 327 – Ужеговское селище. Л. Р. к.; 328 – Томызский клад. VII–IX вв.

Это первое полное собрание данных о памятниках Прикамья. Широкая поисковая деятельность, совершенствование методических приемов разведки позволили уже в 40-е гг. XX в. довольно четко выявить среди других памятники ломоватовского времени, определить их вероятную дату и особенности. В дальнейшем по памятникам, обследованным в 1949–1953 гг., она была продолжена В.Ф. Генингом, В.А. Обориным, Ю.А. Поляковым.

В дипломной работе В.Ф. Генинга «Археологические памятники ЛК в Верхнем и Среднем Прикамье» в 1952 г. была представлена карта и список памятников этой культуры. В него вошли памятники I тыс. н. э., в том числе расположенные в бассейнах рр. Сылвы, Средней Камы и ее притоков, не относящиеся к ЛК.

Сведения о 328 памятниках ЛК, известных до 1980 г., были собраны Р.Д. Голдиной в качестве источниковой базы для монографического исследования об этой культуре (Голдина, 1985). Эта работа была продолжена ею и далее, и число объектов выросло до 460. В.А. Кананин собрал и обобщил данные о 91 средневековом памятнике верхокамского региона (Афанасьевский район Кировской области), из них 39 ломоватовского времени (Голдина, Кананин, 1989).

По современным данным, ЛК занимает бассейн р. Камы от самых верховьев до устья р. Кач-

ки, левого притока р. Камы, и устья р. Сюзьвы, правого притока р. Камы, несколько южнее современного г. Перми (рис. 1). На ее территории можно выделить несколько локальных вариантов: верхокамский, гайнинский, косинский, вишерскокамский, яйвинско-камский, инвенский, косьвинский, обвинский, туйско-гаревской, чувоской. Отдельные памятники вне этих групп (Кайгородский клад, Лисья Курья I, II селища, Вишерский клад, Ванюковские находки и др.) позволяют надеяться, что число этих вариантов со временем возрастет.

Поселения¹. К настоящему времени известно 307 поселений ЛК: 88 городищ (19,1%) и 219 селищ (47,6%). Оба вида поселений встречаются во всех территориальных группах. Селищ в два раза больше, чем городищ. Наибольшее число городищ ЛК сосредоточено в туйско-гаревском, инвенском, чувоском, косинском, верхокамском и обвинском районах.

Почти все городища ЛК располагаются на мысах, имеющих крутые склоны и являющихся естественными труднодоступными местами. Площадки находятся над поймой на высоте 6–12 м (Сенькинское II, Сибирские I, II, Ором, Зуй-

¹ Более подробную характеристику ЛК см.: Голдина, 1985.

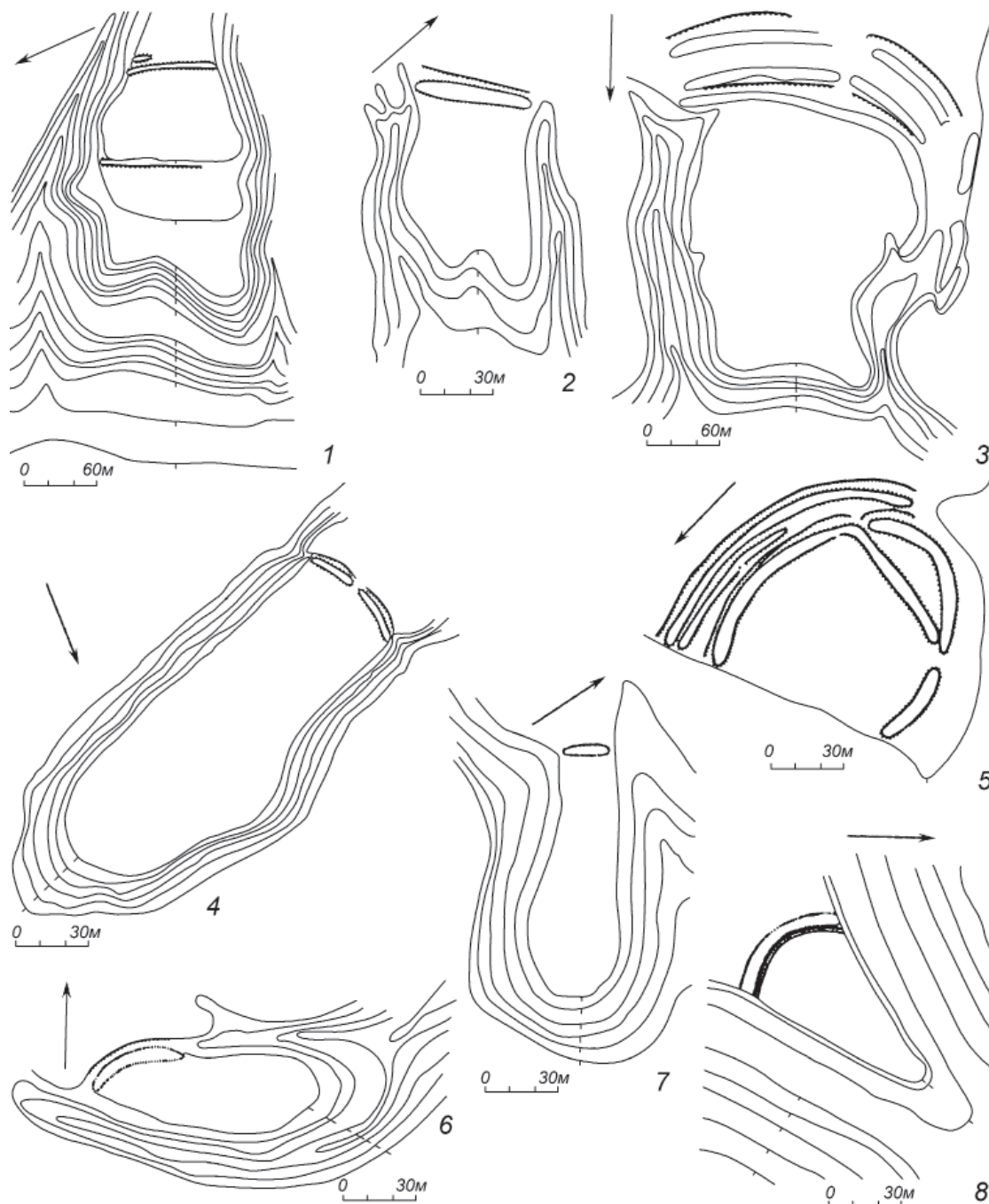

Рис. 2. Планы городищ ломоватовской культуры.

1 – Назаровские; 2 – Сибирское II; 3 – Бутырское; 4 – Меркушевское;
5 – Устин II; 6 – Сибирское I; 7 – Гилевское; 8 – Карчейское

кар) или на уровне 19–26 м (Рагозское, Бутырское, Гарамиха, Чудихинское I, Шудьякар). Для обеспечения защиты поселения достаточно было соорудить с напольной стороны ров и вал и укрепить склоны. Одна линия укреплений отделяет мыс от основного массива террасы у большинства памятников: Меркушевское (рис. 2: 4), Сибирские I (рис. 2: 6) и II (рис. 2: 2), Гарамиха, Гилевское (рис. 2: 7), Антоновцы, Морочатское, Карчейское (рис. 2: 8), Шудьякар и др. Лишь шесть городищ укреплены со стороны поля двумя вала-

ми и рвами: Ямское, Лисьи Норы и др. Три ряда укреплений обнаружены на Бутырском (рис. 2: 3), Устин II (рис. 2: 5) и Ручевском городищах. Наибольший интерес представляет система защиты Опутятского городища, которое имело шесть валов и рвов: 5 с напольной и 1 с мысовой стороны. С внутренней стороны первого и пятого валов обнаружены углубления, в которых, по предположению В.Ф. Генинга, ставился частокол. Современная высота валов колеблется от 1 до 5 м, а глубина рвов от 0,7 до 2 м.

Исключение из общего правила – памятники, расположенные на сплошной береговой террасе, площадки которых отделены одной полукольцевой линией укреплений: Сенькинское I и Старо-Гаревское. Сооружение городищ на сплошной террасе не было популярным в Верхнем Прикамье, потому что береговые террасы изобилуют различными удобными для городков мысами.

Интерес представляют укрепления Бисеровского II городища в Афанасьевском районе Кировской области. Оно сооружено на подпрямоугольном мысу и защищено валом длиной 70 м, высотой 1,5 м, шириной 5 м. В центральной части памятника выявлены следы кольцевого рва шириной 10 м и глубиной 1,5–1,7 м, защищавшего небольшую площадку. По его внутреннему краю зафиксированы столбовые ямы от частокола.

По конструктивным особенностям площадок среди городищ ЛК можно выделить две разновидности: а) одноплощадочные (Лисьи Норы, Бутырское (см. рис. 2: 3), Сенькинские I, II) и б) двухплощадочные (Медведица и Назаровское (рис. 2:1)). Скорее всего, вторая линия укреплений возникла в результате увеличения численности населения. Во многих случаях культурный слой не обнаружен или характеризуется как незначительный. Лишь в редких случаях мощность культурных остатков достигает 50–100 см.

Размеры площадок городищ весьма разнообразны. Их можно поделить на три группы: 1 – площадью 13000–42000 кв. м, 2 – 5000–10000 кв. м и 3 – 240–4000 кв. м. Наиболее крупные городища (Бутырское, Медведица, Антоновцы, Морочата, Опутятское) располагаются преимущественно в самой южной туйско-гаревской группе и датируются ранним периодом культуры. Ведущее положение в этой группе занимает Опутятское городище, на котором В.Ф. Генингом вскрыта 1/3 всей площади (Генинг, 1980, с. 92–135). Городище мысовое, площадь его равна 18 тыс. кв. м. Мощность культурных остатков составляет 18–60 см. На раскопанной площади обнаружено 46 ям и 16 кострищ, которые группируются в комплексы. На северной стороне обнаружено четыре комплекса, каждый из которых состоял из ям различного размера и столбовых ямок, определяемых В.Ф. Генингом как остатки домниц для варки железа. Характер этих сооружений подтверждается наличием здесь же криц, кусков руды, шлаков, каменных молотов, наковален, обломков тиглей и др. На южной стороне, более удобной для жилья, в ряд вытянуты восемь остатков жилых сооружений. Памятник датирован В.Ф. Генингом V в. н. э. и квалифицируется им как один из ранних специализированных металлургических центров (Генинг, 1980).

Городища второй группы площадью 5–10 тыс. кв. м (Шудьякар, Ором, Гарамиха и др.) наиболее характерны для ЛК и существовали на протяжении всей культуры. Городища площадью 240–4000 кв. м (Сибирские I, II, Бисеровское II и др.) использовались в основном в VII–IX вв. Городища были постоянно обитаемы и являлись территориальными, а некоторые и производственными центрами.

К настоящему времени известно 219 селищ ЛК, что составляет 47,6% общего числа памятников. В территориальных группах они представлены неравномерно. Число селищ в одной группе колеблется от 8 до 46. Внутри локальных районов эти памятники могут располагаться как по одному, так и группами по 2, 3 или 4. В некоторых случаях селища находятся поблизости от городищ, но это не обязательно.

Памятники этого рода располагаются, как правило, на невысоких, высотой 2–6 м, террасах. Иногда выбирались места, несколько выделенные топографически: мысочки (рис. 3: 1), небольшие возвышенности (рис. 3: 3), выступы террас (рис. 3: 6). В некоторых случаях поселения расположены по берегам ручьев в высокой пойме, на останцах террасы в пойме или посреди ровного поля и ничем топографически не отмечены. Селища находятся как на краю террасы (рис. 3: 2, 4, 5), так и на значительном расстоянии от него, достигающем иногда 800 м. Размеры селищ колеблются от 2–6 тыс. кв. м до 7–12 тыс. кв. м. Исключение составляет Сибирское II селище, площадь которого 120 тыс. кв. м.

Мощность культурных напластований достигала 60–75 см. Внешних признаков каких-либо сооружений на селищах не обнаружено. Лишь на поверхности Сибирского I селища зафиксировано шесть пятен, отличающихся по цвету от основной площади и, возможно, связанных с остатками жилищ. Стационарные исследования проведены на семи памятниках данной категории: Коновалытском, Лисьей Курье, Патраковском, Зародятском, Баяновском и Русиновском I и II. К наиболее ранним среди них относятся Коновалытское, Лисья Курья, Русиновское II селища. Анализ материала показывает, что селища существовали на протяжении всей культуры, так как встречаются памятники, датируемые V–VI вв. (Коновалытское, Русиновское II), VII–VIII вв. (Зародятское) и VIII–IX вв. (Баяновское, Русиновское I).

Как на городищах, так и селищах, собран разнообразный материал, характеризующий самые разные стороны жизни населения: украшения (рис. 4: 1–24; 5: 1–11; 13: 17), предметы быта (рис. 4: 25–32, 36, 39–40; 5: 18, 19, 24–27, 30, 12,

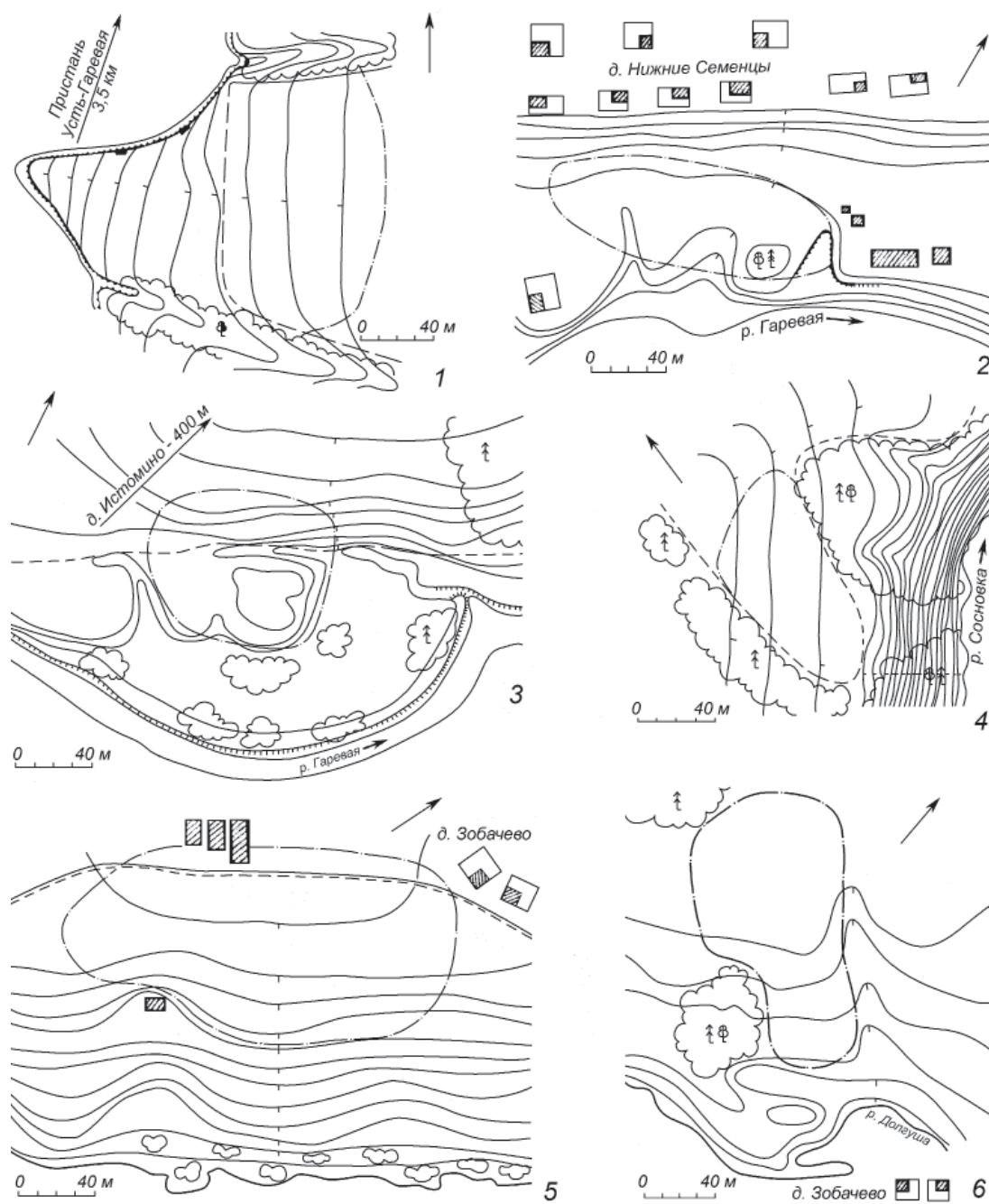

Рис. 3. Планы селищ ломоватовской культуры.

1 – Чудиновское I; 2 – Семенцовское I; 3 – Истоминское; 4 – Сосновское; 5 – Зобачевское II; 6 – Долгушинское

31), оружие (рис. 4: 33–35; 5: 22, 23, 28, 29, 32, 36–39), орудия земледельческого цикла (рис. 5: 33) и производства металлических изделий (рис. 4: 37; 5: 21).

Остатки **жилищ** обнаружены на Опутятском (V в.), Черновском I (IV–V вв.), Назаровском (VII–IX вв.), Лаврятском (VIII–IX вв.) городищах и Коновалятском (IV–VI вв.), Пеньки (IV–V вв.), Русиновском II (V–VI вв.), Зародятском селищах (VII–VIII вв.).

Они делятся на две группы: легкие сооружения столбовой конструкции и стационарные на-

земные или слегка углубленные прямоугольные постройки из горизонтально уложенных бревен. В первую группу входят комплексы из обычных кострищ, двух-трех хозяйственных ям и столбовых ямок, образующих трапециевидную (Опутята, Коновалята – рис. 6: Б) или прямоугольную (Русиново II – рис. 6: А) фигуры. В первом случае можно предполагать легкое столбовое сооружение размерами 11–12×5–6 м (Генинг, 1980, с. 115) шатрового типа, во втором – прямоугольной формы площадью 15 кв. м. По мнению Е.М. Черных, сооружения на Опутятах – места

Рис. 4. Городища ломоватовской культуры. Вещи.

17, 19–23, 25–40 – Шудьякар; 18 – Ором; 24 – Бисеровское II.

1, 24 – привески; 2, 11, 15, 19, 23 – подвески; 3, 4 – накладки; 5–9 – браслеты; 10, 18 – височные подвески; 12 – пронизки; 13 – перстни; 14, 20 – бляшки; 16, 17, 21 – пряжки; 22 – кольцо; 25–27, 29, 36, 38–40 – костяные изделия; 30 – пинцет?; 28, 31 – копоушки; 32 – лопаточка; 33–35 – наконечники стрел; 37 – литейная форма.
1–20, 22–24, 30 – бронза; 21 – железо; 25–29, 31–36, 38–40 – кость; 37 – камень

постоянного проживания, на Русиново II – летнее временное жилище сезонного использования (Черных, 2008, с. 60).

К иному типу относятся сооружения, остатки которых обнаружены на Зародятском селище (рис. 6: В), Назаровском, Шудьякар (рис. 6: Г) и Лаврятском городищах. Они представляли собой

наземные сооружения прямоугольной формы шириной 6–7 и длиной 13–19 м, незначительно углубленные в грунт. Границы сооружений фиксировались чаще всего по канавкам шириной 40–80 и глубиной 40–70 см, ограничивающим стенки жилищ. Вдоль стенок располагались столбовые ямки, группирующиеся попарно, – остатки столбов,

Рис. 5. Селища ломоватовской культуры. Вещи.
 1–7, 12, 19 – Патраковское; 8, 9, 16 – Русиновское I; 10, 15, 17, 21–23, 31, 32, 35–39 – Горткушетское I;
 11 – Русиновское II; 13, 14 – Макаровское; 18, 24–26 – Лисья курья; 20, 27–30, 33, 34 – Коновалытское.
 1–6, 8, 9 – бусы; 7, 13, 14, 16 – подвески; 10 – височная подвеска; 11 – пряжка; 12, 31 – пряслица;
 15 – пронизка; 17 – перстень; 18, 34, 35 – пинцет; 19 – точило; 20 – накладка; 21 – тигель;
 22, 23, 28, 29, 32, 36–39 – наконечники стрел; 24, 25, 27 – шило; 26, 30 – нож; 33 – мотыжка.
 1–3, 6, 8, 9 – стекло; 4, 5 – сердолик; 7, 10, 11, 13–18, 20, 34, 35 – бронза; 12, 21, 31 – глина; 19 – камень;
 22, 23, 28, 29, 32, 36–39 – кость; 24–27, 30, 33 – железо

укрепляющих стены. В центральной части жилищ располагались очаги-кострища, иногда на глинобитной основе и 2–3 ямы хозяйственного назначения. В типе этих жилищ продолжается линия домостроительной техники населения Верхней Камы, существовавшая уже в эпоху бронзы и раннем железном веке (Черных, 2008, с. 61).

Глиняная посуда. Для характеристики глиняной посуды поселений ЛК в настоящее время мы располагаем выборкой из более чем 1200 сосудов Опутятского городища, Коновалытского и Зародятского селищ, городища Шудьякар. Небольшие коллекции собраны при раскопках селищ Лисья Курья, Русиновских I и II, городища Ором и др.

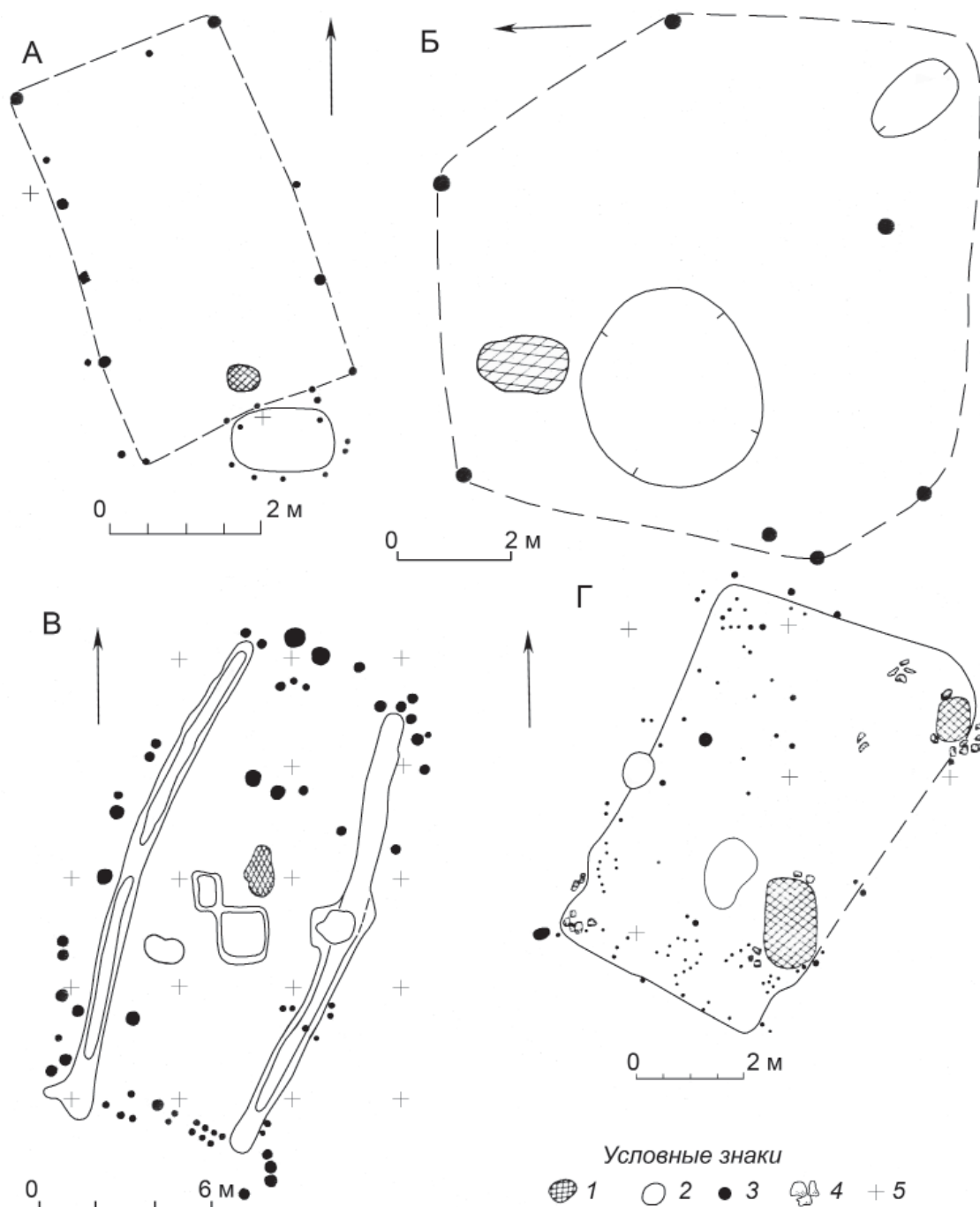

Рис. 6. Жилища ломоватовской культуры.

А – Русиновское II; Б – Коновалытское; В – Зародятское селища; Г – городище Шудьякар, жилище II.
1 – кострища; 2 – хозяйственные ямы; 3 – столбовые ямки; 4 – камни; 5 – границы участков

Около 300 сосудов, чаще всего полных форм, происходят из Агафоновского I, Аверинского II, Щукинского, Урынского и других могильников.

Все сосуды ЛК сделаны вручную техникой ленточного кольцевого налепа. Многие имеют в тесте примесь толченых раковин, реже – растительных остатков, песка или шамота. Следует отметить некоторое увеличение числа сосудов с примесью раковины от ранних к более поздним памятникам (43–47% в V–VII вв. и 70–77% в VIII–IX вв.).

Керамика имеет серый или красновато-коричневый цвет. Поверхность большинства сосудов, как внутренняя, так и внешняя, преимущественно заглажена щепкой или пучком травы, отчего на ней видны штриховые полосы. Но встречаются и фрагменты с гладкой поверхностью, заглаженной, скорее всего, рукой или кожей. Обжиг костровой, о чем свидетельствует разная окраска одного и того же сосуда. Толщина шеек и стенок примерно одинакова, наиболее популярны сосуды с толщиной шеек 4–8 мм, стенок 4–9 мм.

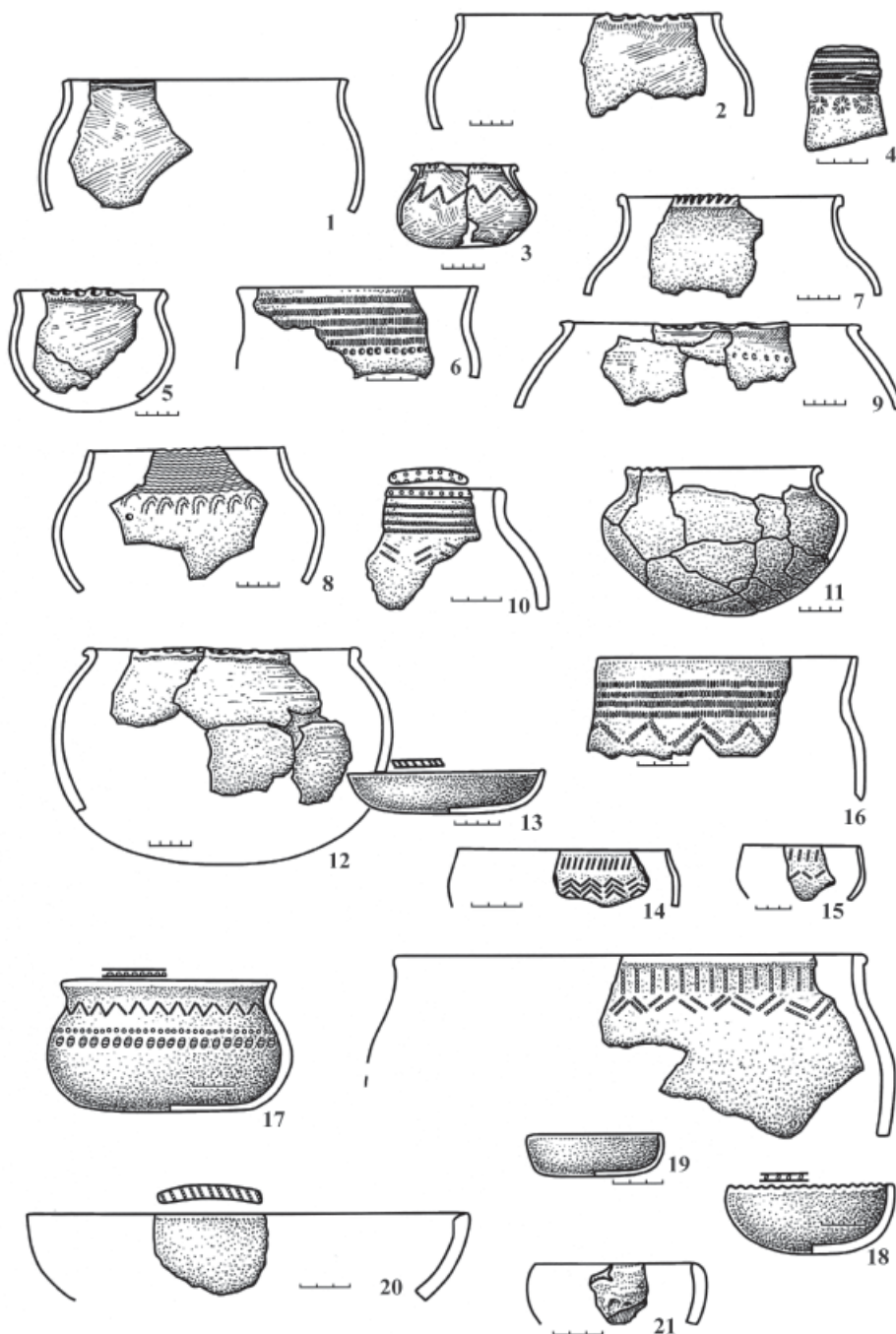

Рис. 7. Глиняная посуда поселений ломоватовской культуры.

1–3, 5, 7–9, 11, 12 – Опутятское городище; 4 – Горткушетское I селище; 6, 16, 21 – городище Ором;
10, 13, 15, 17–20, 22 – городище Шудьякар; 14 – Русиновское II селище

Посуда ломоватовской культуры сохраняет традиционную прикамскую форму. Это чашевидные, как правило, невысокие, приземистые сосуды с округлым или слегка уплощенным дном. Вариации касаются преимущественно формы верхней части сосудов и определяются способом оформления шеек. В соответствии с этим показателем вся посуда разделена на три типа. Тип I составляют довольно высокие сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее широкой части тулова, имеют чаще всего высокую прямую

или блоковидную горловину, которая плавно переходит в тулово (рис. 7: 7, 8). Ко второму типу относятся сосуды средней высоты со значительным расширением в средней части тулова, небольшим, чаще всего суженным устьем иногда без четко выраженной или с короткой шейкой (рис. 7: 1, 2, 6, 9, 13, 14, 17, 19). Наиболее примечательной особенностью этого типа являются сосуды с резким расширением в средней части тулова, которое образует иногда «ребро». В третий тип входят низкие открытые или закрытые (рис. 7: 16, 18) чаши

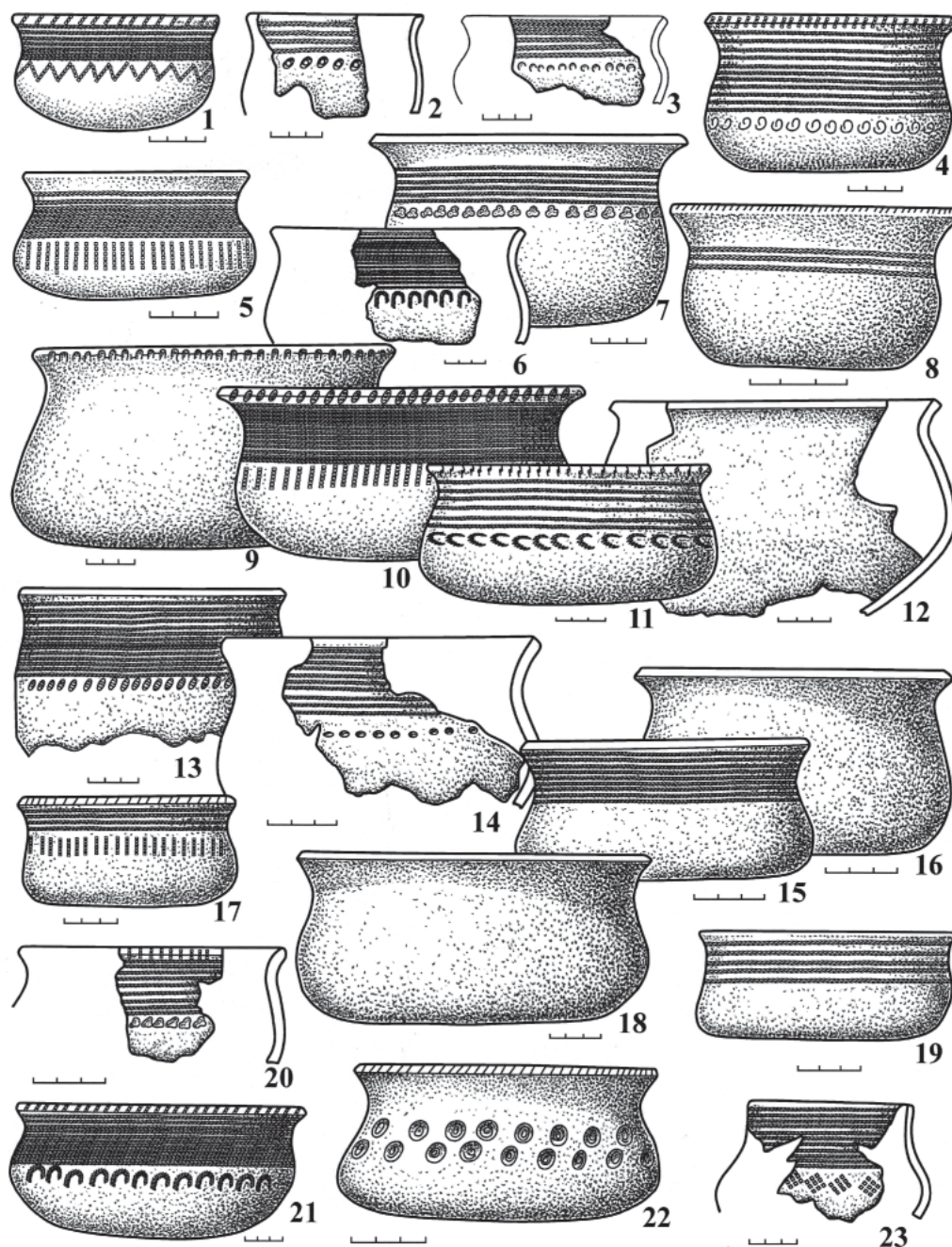

Рис. 8. Глиняная посуда Аверинского II могильника

без четко выраженной шейки с некоторыми вариациями в положении верхнего края – прямого чуть загнутого внутрь или несколько отогнутого.

По функциональному назначению сосуды первого типа использовались в хозяйстве достаточно широко – в качестве столовой, кухонной посуды и как емкости для хранения запасов продуктов, сосуды же второго и третьего типов применялись прежде всего как кухонная и столовая посуда.

Для поселений раннего времени (V–VI вв.) характерно почти одинаковое соотношение посуды первого и второго типов (40,5–44 %). При этом число острореберных сосудов весьма значительно

(на Опутях до 18%). Фрагменты сосудов третьего типа немногочисленны (13–15%). В более позднее время, в VII–VIII вв., характер посуды несколько меняется. Получает преобладание посуда второго типа (Ором городище – 52,9%, Зародятское селище – 57%, городище Шудьякар – 54,6%), и на Зародятах существенно увеличивается доля низких открытых чаш (33%). Погребальная посуда единообразна – приземистые сосуды первого типа с прямой или блоковидной горловиной (рис. 8).

Степень орнаментации венчиков посуды ЛК составляет 52–87%, шеек у поселенческой посу-

ды – 10–12%, у погребальной – 52–88%. В технике нанесения узоров популярны оттиски шнура (28–56%) (рис. 8: 1–8 и др.) и гребенчатого штампа (31–58%) (рис. 8: 1, 5, 10, 13 и др.). Существенных хронологических изменений в узорах нет. Все композиции узоров Зародятского селища (VII–VIII вв.) находят аналогии в посуде Опутят и Коновалят (V–VI вв.).

Могильники ЛК довольно многочисленны и делятся на две группы: курганные и бескурганные. Это деление условно, так как на многих могильниках Верхнего Прикамья при широких раскопках выявляется как курганная, так и бескурганная части. Традиция сооружать насыпь над могилами существовала с конца IV в. по середину VII в. Поскольку курганы в Верхнем Прикамье – явление необычное, целесообразно рассматривать погребальный обряд в отдельности для курганов и бескурганных некрополей.

Курганы в Верхнем Прикамье располагаются пятью группами: гайнская (Харино, Агафоново I, Пыштайн I, II, Бурдаково I), косинская (Чазево I, II, Пеклаьб I, II, Бельково, Митино), иньвенская (Важгорт II), туйско-гаревская (Бурково, Полуденка, Беклемишево, Б. Висим), муллинско-качкинская (Качка, Кайсар-Ялга, Кола-Урын, Салтанаиха)².

Курганы наиболее многочисленны в гайнинском и косинском районах. Говорить о количестве курганов можно лишь приблизительно, так как они разрушены распашкой. Количество курганов варьируется от 6–8 до 76. При раскопках следы курганов выявлены и на распаханых площадях.

Могильники расположены, как правило, в топографически не выделяющихся местах: на невысоких мысах коренных террас мелких речек, стариц р. Камы (рис. 9: А) или на ровных водоразделах. Курганы вытянуты рядами в направлении СЗ–ЮВ или С–Ю. Высота насыпей невелика – от 10 до 90 см.

Курганы в плане имеют округлую форму диаметром от 4 до 9 м. Изредка встречаются вытянутые овальные насыпи (6×26 м). Под расплывшимися насыпями иногда обнаруживаются канавки – кольцевые или полукольцевые, из которых, вероятно, брался грунт для сооружения насыпи (рис. 9: Б). В большинстве случаев такие канавки заменены вытянутыми ямами глубиной 40–70 см, по одной или по две располагающиеся с различных сторон кургана. В заполнении канавок встречаются немногочисленные кости животных (зубы лошади или коровы), угли, фрагменты керамики.

Под курганами обычно располагались 3–5 захоронений. По способу погребения выделено три

типа захоронений: труположение (рис. 10: 1, 2, 4–7; 91,8%), трупосожжение в ямах (рис. 10: 3; 5,1%), трупосожжение на древней поверхности (3,1%). Погребения с кремацией часто встречались под одной насыпью с захоронениями по обряду труположения. Остатки трупосожжений на дне могилы представляют собой небольшие скопления мелких пережженных костей и золы диаметром 25–30 и мощностью 10–15 см. В таких погребениях найдены фрагменты глиняных сосудов, медные пряжки и спекшиеся железные вещи. Погребения по обряду трупосожжения на уровне древней поверхности – линзы золы, углей, кальцинированных костей, иногда вещей диаметром 50–90 см и мощностью 5–10 см. При этом следы прокала не обнаружены, сожжение производилось на стороне.

Конструкции могильных ям с разными обрядами не отличаются. Захоронения произведены в простых прямоугольных ямах средних размеров 202×85 см при средней глубине 57 см. Наиболее полно погребальные конструкции сохранились на Бурковском могильнике. Они представляли собой сруб в один венец, сделанный из бревен диаметром 22–24 см (рис. 10: 1, 2). Сверху сруб перекрыт тремя-четырьмя толстыми широкими продольными плахами (рис. 10: 3, 4). В косинских могильниках и восточной части Бурковских курганов древесные остатки дают основание предполагать здесь гробовище или раму из досок (рис. 10: 6).

При труположении погребенные лежали вытянуто на спине, руки вдоль тела. Характерна устойчивая ориентировка погребенных в пределах локальных групп. В женских могилах многочисленны височные подвески, бусы, нагрудные подвески, кожаные пояса, в мужских – ножи, кинжалы, мечи, удила, пряжки. В большинстве случаев украшения обнаружены в том порядке, в каком они использовались в costume. Исключение – пояса, которые часто уложены вдоль погребенного (рис. 10: 6). Посуда с пищей в могилах редка.

На 17 бескурганных могильниках исследовано более 1700 захоронений. Могильники этого рода располагались на высоких береговых террасах, на пологих склонах, редко – на низких террасах и в пойме. Заполнение площадки могилами, как правило, начиналось от края террасы и шло вглубь ее. Могильники использовались населением 2–4 и более столетий. Они занимали довольно обширную площадь и содержали большое количество (до 450) погребений (рис. 11). Захоронения не имели следов на поверхности, располагались рядами (2–17). Наиболее распространены могилы прямоугольной формы с плоским дном. Погребальные конструкции реконструируются как долбленные колоды, гробовища, дощатые настилы.

² Выделение последней группы стало возможным с накоплением новых материалов.

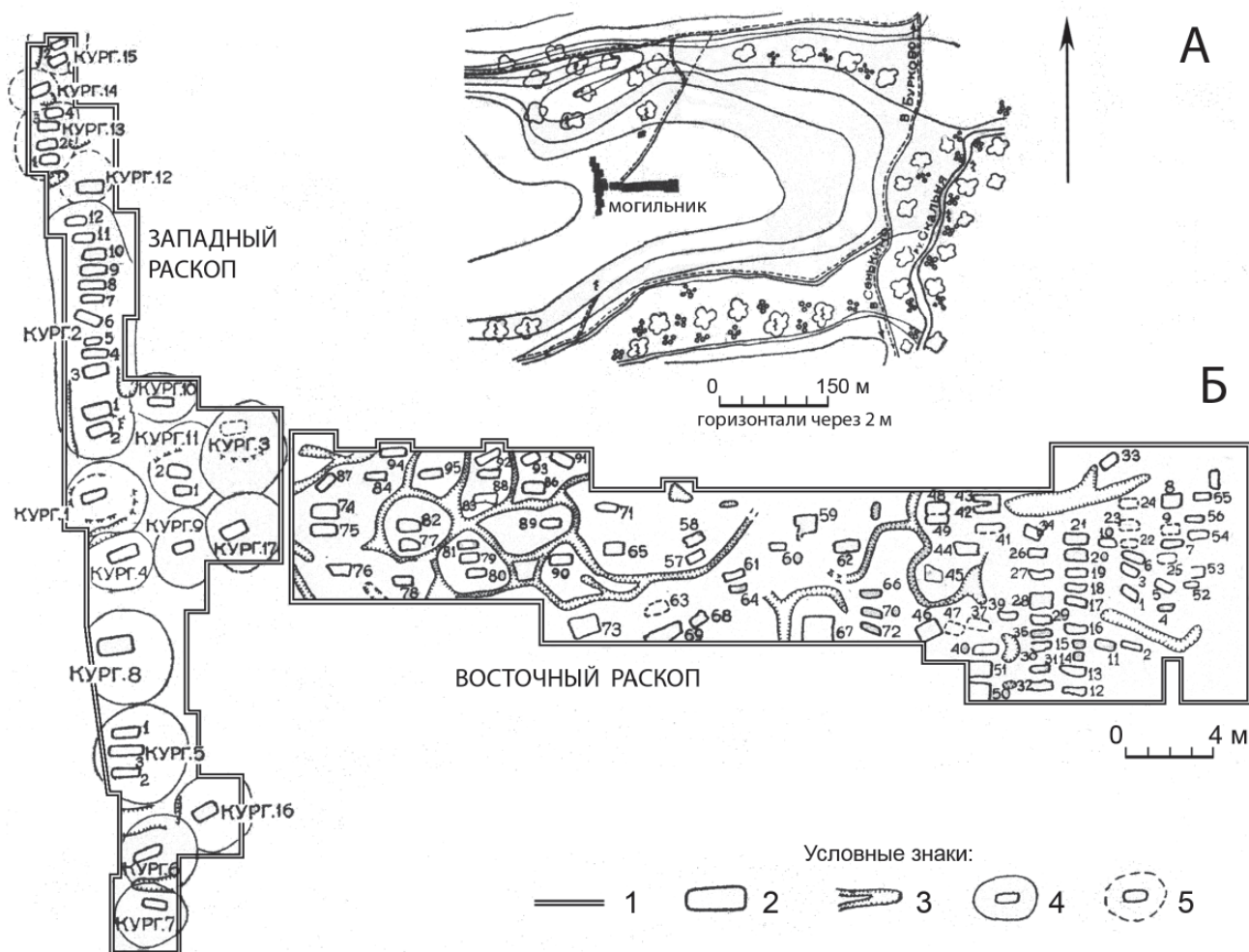

Рис. 9. Бурковский могильник. А – топографический план; Б – план раскопа В.Ф. Генинга;
1 – граница раскопа; 2 – очертания могильных ям; 3 – границы канавок и ям; 4–5 – очертания курганов

Дно и стенки могил иногда выстланы берестой. Наблюдается разнообразие ориентировок и некоторое преобладание северной. Для могильников VII–IX вв. характерны два обряда: трупосожжение в ямах (рис. 12: 2) и трупоположение (рис. 12: 1, 2, 4–6; 13: 1–6). В северных районах трупосожжение преобладало. К концу VIII в. повсеместно возросла доля трупоположения. Характерной деталью обряда ЛК являлись фрагменты разбитых глиняных сосудов в засыпи, иногда встречались фрагменты черепов лошадей. Захоронения с различными обрядами конструкцией, составом инвентаря планиграфически не отличаются. При трупоположении ямы чаще всего имели прямоугольную форму и плоское дно. В засыпи некоторых могил встречались углистые пятна – остатки поминального костра. Посуда с пищей всегда стояла на дне ямы. Умершие были уложены вытянуто на спине, украшения и принадлежности костюма располагались так, как использовались при жизни. Более 90% могил содержали вещи или обломки посуды. В нескольких случаях лица погребенных мужчин

были покрыты серебряными масками. В могилах редки остатки мясной сопровождающей пищи.

На территории ЛК известен 41 пункт **случайных находок**. Основную массу их составляют украшения, реже – оружие и культовые вещи. Отсутствие среди них массового поселенческого материала позволяет предполагать, что они происходят в большинстве своем из разрушенных могильников. Находки V–VI вв. происходят из южных районов ЛК, заселенных в ломоватовскую эпоху раньше других. Судя по случайным находкам, освоение глубинных районов Верхнего Прикамья относится преимущественно к VI–VIII вв.

Особый вид памятников ЛК – **клады** (36). По характеру находок они разделяются на три группы: I – клады с украшениями, II – блюда с сопровождающими их предметами, III – предметы культа. К группе I относятся 4 клада: Ташкинский, Плесинский, Вишерский и Георгиевский. Все они обнаружены в самых северных районах ломоватовской культуры: в косинском, гайнинском, вишерско-камском и верхнекамском. Состав

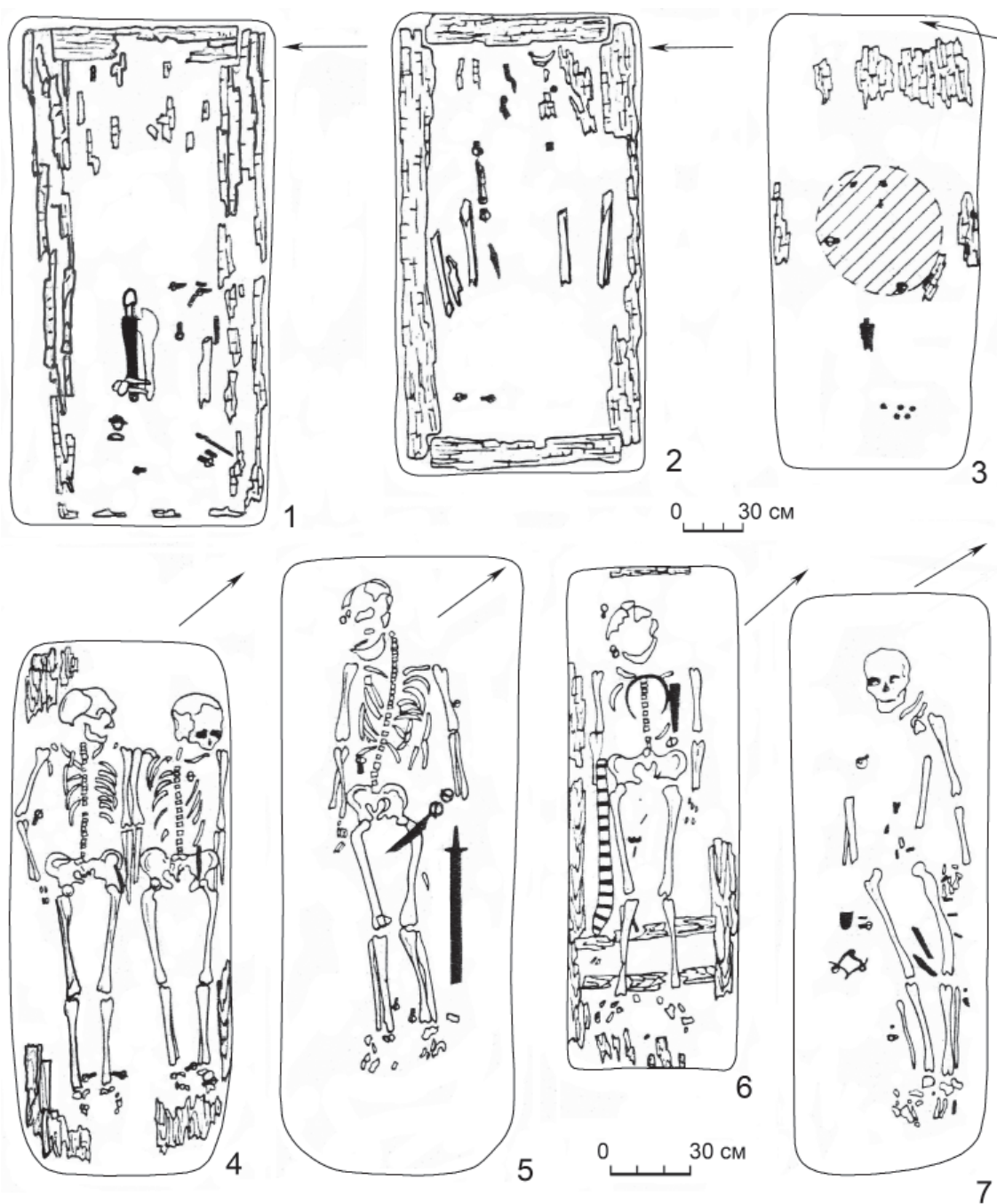

Рис. 10. Планы погребений курганно-грунтовых могильников.
 Бурковский могильник: 1 – погр. 21; 2 – погр. 2 кургана 13; 3 – погр. 1 кургана 1.
 Митинский могильник: 4 – погр. 18, 19; 5 – погр. 23; 6 – погр. 9; 7 – погр. 24

украшений кладов отличается от случайных находок обилием и ценностью предметов, стандартностью представленных типов, производя впечатление дорогого собрания, намеренно упрятанного в землю. В некоторых кладах встречаются монеты, что делает эти памятники особенно важными для датировки комплексов (Голдина, 1985, с. 115–118). Замечательными памятниками ЛК являются клады группы II – находки блюд, чаш, кувшинов импортного происхождения (30 местонахожде-

ний, 70 сосудов). Памятники этого типа известны во всех районах ЛК, достигая рекордной цифры (8) в иньвенской группе. Во всех остальных число их колеблется от 1 до 4. Действительное число таких находок было несравненно больше, потери среди этой категории вещей наиболее значительны. По характеру эти клады могут быть разделены на три варианта: клады, состоящие только из металлической посуды; сосуды с монетами; а также сосуды с украшениями и изредка монетами. Все

Рис. 11. Аверинский II могильник. План раскопа.

1 – границы раскопа; 2 – могильные ямы; 3 – канавы; 4 – ямы; 5 – погребения с обрядом труположения; 6 – погребения с обрядом частичной или полной кремации

клады обнаружены, как правило, случайно при пахоте (Клепиково) или при других земляных работах (Урья). Несомненно, что они были преднамеренно упрятаны в землю, так как все предметы аккуратно сложены. В частности, Архангельский клад состоял из восьми вещей, причем один сосуд и шесть чашек с ручками были поставлены в серебряный котел. Монеты лежали также, как правило, в металлических сосудах (Патраки). Большая часть сосудов располагалась по одному, но встре-

чались и довольно крупные скопления из семи (Климовский) или пяти сосудов (Томызский).

Клады обычно располагались в ничем не примечательных местах, без культурного слоя, поблизости от населенных пунктов. Так, Вереинский II клад обнаружен около Вереинского II городища VI–VIII вв. Иногда сосуды располагались прямо на памятниках (Ковинский клад на Зародятском селище и Патраковский клад на одноименном селище) и сопровождалась монетами V–VI вв. В че-

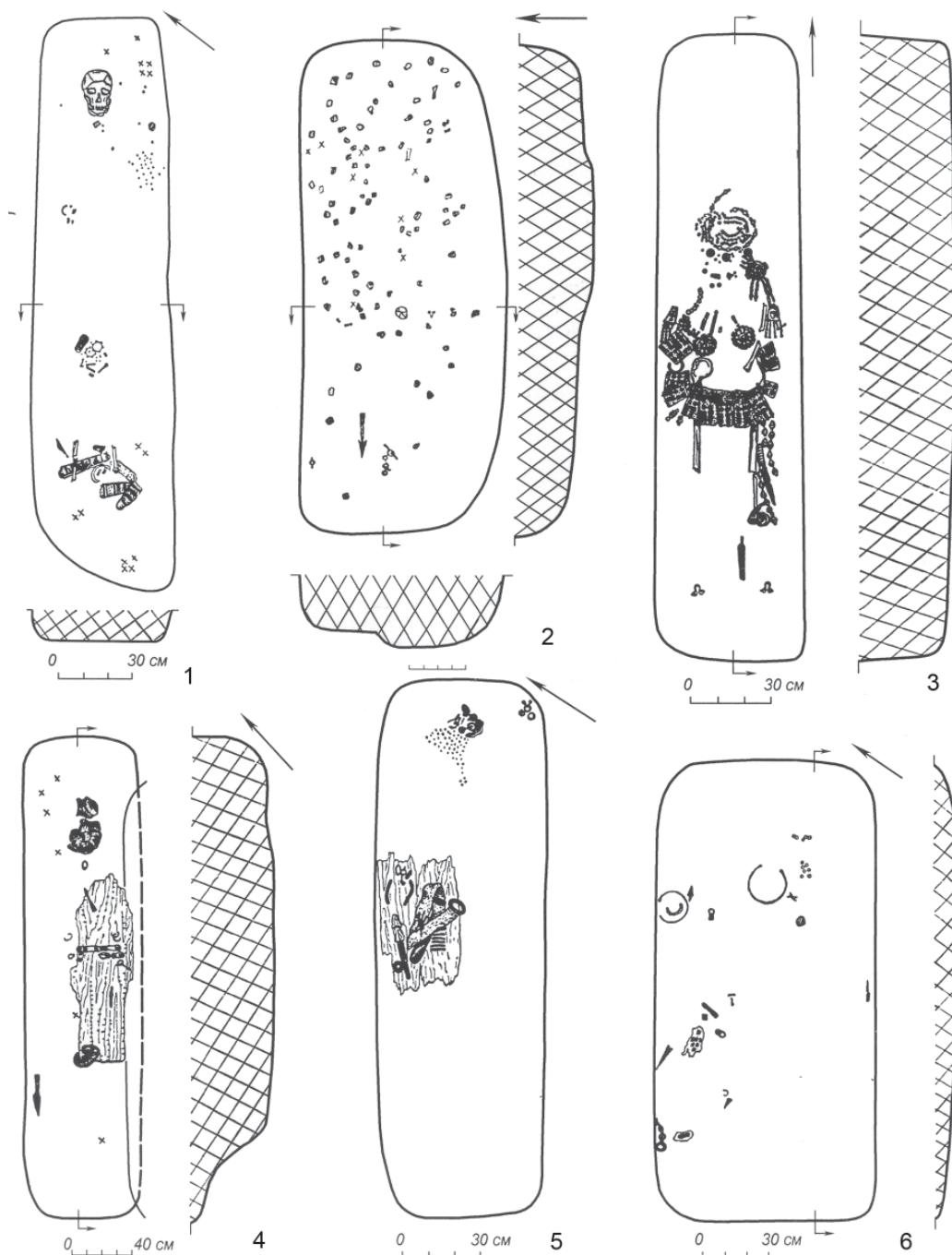

Рис. 12. Аверинский II могильник. Планы погребений.

1 – погр. 68; 2 – погр. 36; 3 – погр. 250; 5 – погр. 135; 6 – погр. 96. 4 – Шукинский могильник погр. 32

тырех местонахождениях сосуда найдены вместе с украшениями. В большинстве случаев трудно восстановить характер этих украшений, так как изучением их исследователи ранее пренебрегали. Отрывочные сведения говорят о том, что в Веринском II кладе наряду с тремя сасанидскими блюдами были найдены три монеты, среди которых одна Хосрова II (531–628 гг.), серебряные браслет и три рубчатых кольца. Блюдо Оношатского клада дополнено несколькими шейными гривнами. Особое значение имеет Урынский клад из косин-

ской группы, обнаруженный в 1956 г. В состав этого клада входили: чаша на поддоне, обломок витой гривны и 18 деталей пояса конца VI–VII вв. (рис. 14). Детали пояса, скорее всего, привозные – добротного литья, с четко обозначенными формами, хорошо проработанными гранями. По мнению И.О. Гавритухина, пояс из Урьи датируется 2–3-й третями VII в. (Гавритухин, 2001, с. 61). А.В. Комар относит кубок из этого клада к 50–70 гг. VII вв. и считает, что он был выполнен мастерами Средней Азии по китайским тра-

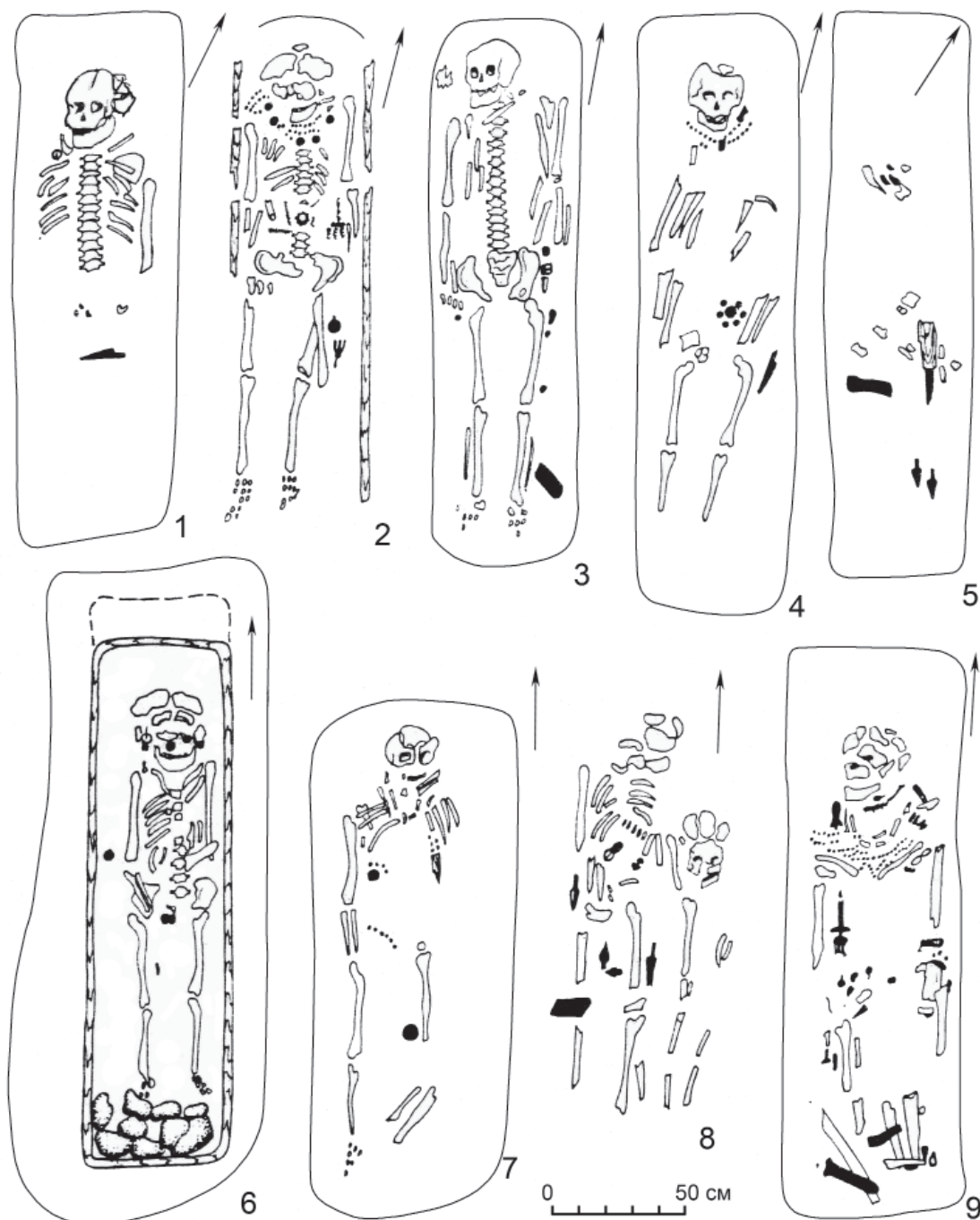

Рис. 13. Каневский могильник. Планы погребений:

1 – погр. 13; 2 – погр. 20; 3 – погр. 27; 4 – погр. 26; 5 – погр. 7; 6 – погр. 1;
7 – погр. 2; 8 – погр. 22, 23; 9 – погр. 6

дициям танского времени (Комар, 2006, с. 62, рис. 25-6).

Уникальны по своему характеру клады из д. Пешковой на р. Кондас и с. Редикор на р. Вишере, состоящие из культовых изображений. Подобные находки отнюдь не редкое явление для ломоватовского Прикамья, но в большинстве своем они встречались среди случайных сборов (Зобачева, Гарамиха, Вакина, Гайны и др.) или в материалах жертвенных мест. Обнаружение их в кладах – факт исключительный.

Пешковский клад был вымыт весной 1899 г. на береговом откосе под горой, на которой стоит д. Пешкова. Предпринятые Н.Н. Новокрещенных исследования были безрезультатны. Однако на основании наличия у некоторых изделий литничков автор раскопок пришел к заключению, что предметы происходят из существовавшей здесь мастерской (Новокрещенных, 1901, с. 31). В 30-х гг. XX в. место находки обследовал А.В. Шмидт, установивший, что вместе с изображениями были найдены кости и железный обруч

от посуды, в которой лежали вещи (Шмидт, 1935, с. 170–171). По его заключению, эти предметы происходили из клада.

Все найденные вещи (41 экз.) представляют собой бронзовые литые плоские пластины с различными изображениями. Основную массу составляют фигуры стоящих человеколовей (рис. 15: 1, 4, 6, 15). Иногда основные фигуры дополнены изображениями голов лосей, соболей, рыб, медведей, людей (рис. 15: 5). В отдельных случаях дается несколько композиционных вариаций – человеколови с ящерами (рис. 15: 3) и без них (рис. 15: 12). Интересны изображения трех фигур на ящере, среднее из которых дано в виде личины (рис. 15: 2). В одном случае встречено два человеколови в фас, дополненные головами соболя, бобра, собаки (рис. 15: 13). Особый интерес представляют фигуры всадников на трехголовом и трехпалом лосе (рис. 15: 18), а также всадник – человеколовь на ящере (рис. 15: 9). Встречены сочетания изображений человеколовей и людей (рис. 15: 13, 16, 17). Замечательны бляхи с изображениями семи человеколовей на ящерах (рис. 15: 19) или без них (рис. 15: 7). В коллекции имеется также идол в виде личины на ящере и на груди птицы (Спицын, 1906, рис. 254). Великолепны бляхи с фигурами медведей и головами медведей и лосей (рис. 15: 11), медведя и какого-то животного (рис. 15: 14), а также медвежьей семьи – двух взрослых и медвежонка (рис. 15: 14). Оригинален предмет, воспроизводящий четырех животных, обращенных головами к диску (рис. 15: 8). Судя по тому, что на некоторых изделиях есть литнички, все предметы местной отливки. В составе бронзы меди – 88,14%, олова – 8,73%.

Относительно назначения предметов существует единодушное мнение, что они могли использоваться либо в качестве украшений особых ритуальных одежд шаманов или идолов (на большинстве предметов есть отверстия для крепления), либо в качестве жертвоприношения духам.

Расцвет этих предметов был отнесен А.А. Спицыным к VIII–IX вв., А.В. Шмидтом – к VI–VIII вв. Более верной представляется датировка А.В. Шмидта. Плоские шаманские изображения являются одной из специфических особенностей ЛК.

Костища возникают на Средней Каме в позднеананьинское время. Наиболее активно они функционируют в гляденовский период, используясь в качестве жертвенных мест, представляют собой округлые, иногда вытянутые участки на возвышенных местах площадью 260–480 кв. м, с мощностью слоя 50–110 см, насыщенные сырыми, реже – кальцинированными костями животных. В слое находят обломки бытовой глиняной по-

суды, миниатюрные жертвенные чашечки, бусы, украшения, монеты, бытовые предметы, культовые изделия, наконечники стрел и др. Всесторонняя характеристика этих памятников выполнена А.Н. Лепихиным (2007).

Наиболее известно Гляденовское костище возле г. Перми. Подобные объекты, но меньшие по площади и объему материалов, расположены севернее Перми в южных локальных районах ЛК: в туйско-гаревском: Усть-Туйское (I–IV вв. н. э.); Панкрашинское (II–V вв.); Гаревское (II–V вв.); в обвинском: Пастоноговское (?); Ильинское (II–V вв.) и на р. Косье – Останинское (II–V вв.). Гаревское и Панкрашинское костища, возможно, доживают до VII в. (Лепихин, 2007, с. 112). Высказанное ранее В.Ф. Генингом мнение и подержанное мною о том, что костища являлись и погребальными памятниками, следует считать ошибочным.

Костища, без сомнения, оставлены населением гляденовской культуры, переселившимся из Среднего Прикамья в Верхнее. Судя по датам костищ, предложенным А.Н. Лепихиным, этот процесс шел постепенно, начиная с I–II вв. н. э. и до IV–V вв. Вероятно, некоторые из них продолжали существовать и в раннеломоватовское время (Голдина, 1985, с. 99–112).

Датировка и периодизация. Впервые ломоватовский тип вещей был выделен А.А. Спицыным и отнесен им к VIII–IX вв. (Спицын, 1902, с. 23). А.В. Шмидт датировал ЛК VI–VIII вв. и отделил от нее особый «харинский период IV–V вв.» (Schmidt, 1927, s. 19–21). А.П. Смирнов относил к ЛК памятники VI–IX вв., а древности IV–V вв. включал в последнюю стадию пьяноборской культуры (Смирнов, 1952, с. 80–82, 174–189). В.Ф. Генинг, О.Н. Бадер и В.А. Оборин датировали ЛК III–VIII вв. с обособлением двух этапов – харинского (III–VI вв.) и неволинского (VI–VIII вв.). Позже В.Ф. Генинг выделил еще один, поздний этап (VIII – 1-я половина IX вв.) (Генинг, 1964, с. 118–124).

В работах автора хронологические рубежи культуры были установлены в пределах конца IV–IX вв. и выделены 4 последовательных этапа: I – харинский (конец IV–VI вв.), II – агафоновский (конец VI–VII вв.), III – деменковский (конец VII–VIII вв.), IV – урынский (конец VIII–IX вв.) (Голдина, 1970, с. 87–101; 1979, с. 79–90). А.К. Амброз датировал харинскую стадию концом V–VII вв. (Амброз, 1971, с. 107–112), агафоновский и деменковский этапы считал одновременно и относил к VIII в. (Амброз, 1973, с. 294–298).

Дальнейшему уточнению хронологии раннесредневековых комплексов Верхнего Прикамья

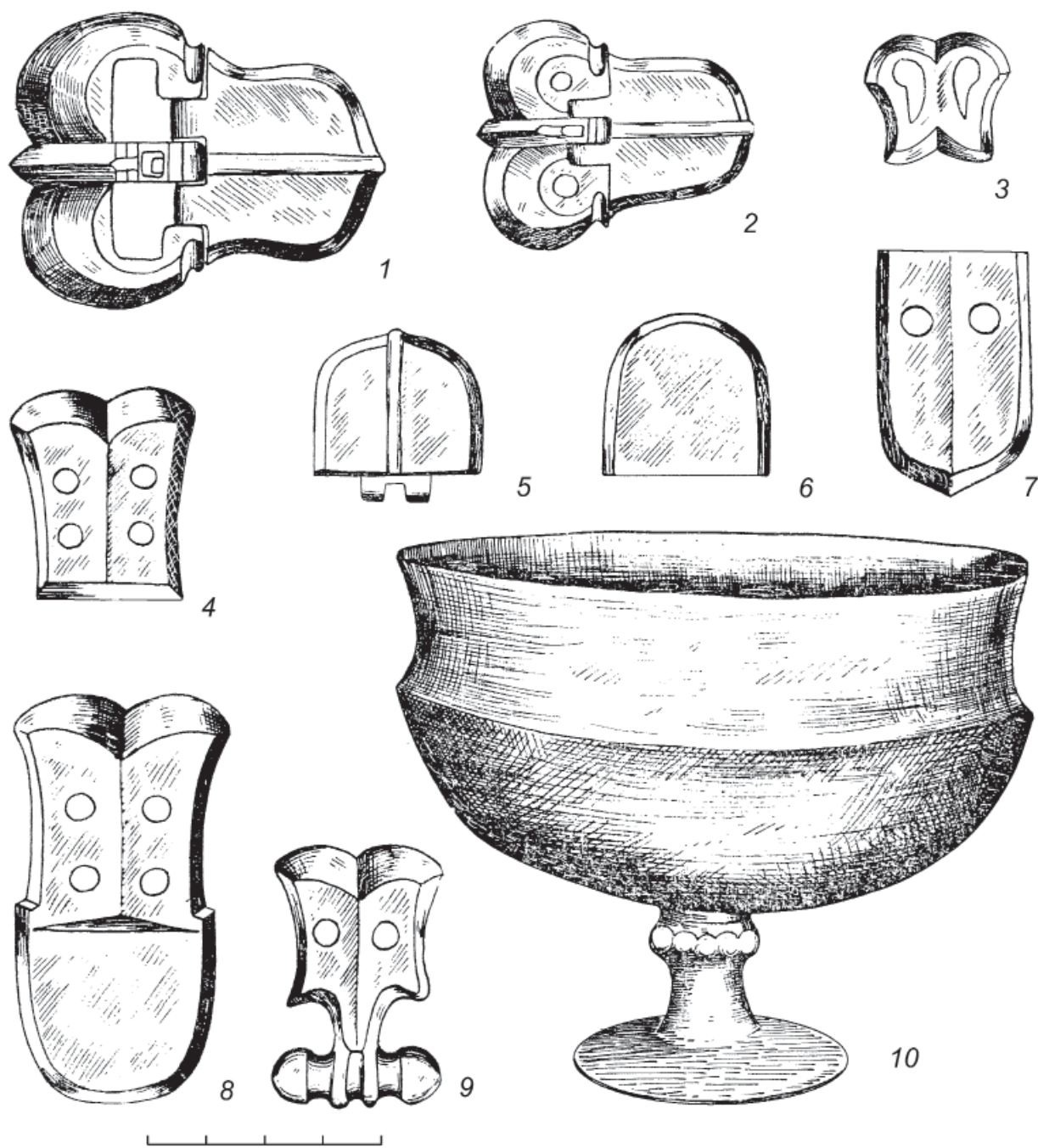

Рис. 14. Урынский клад.
1–9 – детали пояса, 10 – кубок. 1–10 – серебро

во многом способствовала дискуссия о датировке памятников раннего средневековья России на симпозиуме в 1979 г. (г. Ленинград, Государственный Эрмитаж), а также обмен мнениями о датах отдельных памятников Прикамья на страницах журнала «Советская археология» (Ковалевская, Краснов, 1973, с. 287; Амброз, 1973, с. 288–298).

Если к началу 70-х гг. XX в. по раннему средневековью верхнекамского региона было известно 632 погребальных комплекса, происходящих из 21 могильника, то за последнее время этот ма-

териал только по ЛК увеличился почти в 3 раза. Общее количество комплексов достигло более 2000. Именно это новый материал с привлечением данных предшествующих исследований и составил основу хронологической схемы. Для анализа были использованы металлические украшения костюма и бусы. При выяснении картины развития различных категорий и возможности их последующей взаимопроверки анализ их проведен отдельно. На основе типологии материала были составлены корреляционные таблицы, в которых учтено 241 погребение, где содержа-

Рис. 15. Пешковский клад. Культовые изделия. 1–19 – бронза

лось в разных наборах 319 вариантов и типов вещей. Получено 8 групп взаимовстречающихся вещей: 4 из них имеют самостоятельную хронологическую оценку и 4 – смежную.

Для проверки правильности выделения хронологических групп методом культурной стратиграфии был произведен опыт математической оценки сопряженности типов на основе теории вероятностей. Этим способом были исследованы все случаи взаимовстречаемости височных подвесок, накладок, пронизок и перстней. При этом положительная связь нежелательных сочетаний вещей, то

есть сопряженностей предметов, принадлежащих к хронологически различным группам, не наблюдалась, и потому результат исследований этим методом фактически подтвердил хронологическое членение, которое было получено способом культурной стратиграфии.

Более того, анализ бус способом корреляции и последующих поисков аналогий также привел к выделению самостоятельных групп, которые при сопоставлении с бронзовыми украшениями обозначили те же группы погребений (Голдина, Королева, 1983).

В процессе работы над хронологией ЛК стало очевидным, что ранняя, харинская стадия неоднородна – выделилась более ранняя группа (конец IV–V вв.), названная мной бурковская, и поздняя (VI в.) – митинская (Голдина и др., 1980, рис. 6; 1995, рис. 7; 2012в, с. 414). При этом их объединяло в харинскую главное – присутствие и эволюция трехсоставных пряжек.

Учитывая характер данного издания, отвлекаясь от частных и стремясь показать своеобразие ЛК, хотелось бы отметить особенности и эволюцию материальной культуры этого региона на фоне крупных периодов. Учитывая, что состав хронологических групп ЛК, аналогии и обоснование дат необычайно близки стадиям вышеописанной НК, повтор этих сведений будет излишним. Итак, харинский период ЛК представлен двумя стадиями: бурковской (конец IV–V вв., рис. 16) и митинской (VI в., рис. 17). Свообразие первой заключается в миниатюрности трехсоставных пряжек (рис. 16: 12, 13; и др.) и наконечников ремней с утолщением на конце (рис. 16: 26, 27), наличию изделий типа клуазоне (рис. 16: 14) и др., второй – в появлении более крупных пряжек с выступающим за кольцо язычком (рис. 17: 10–12; и др.), поясов харинского типа (рис. 17: 40–49), полихромных изделий с зернью и вставками (рис. 17: 1, 2, 40, 41), значительного числа плоских гривен (рис. 17: 32–34) и др. Следующая стадия – агафоновская (VI–VII вв., рис. 18) – отличается появлением цельнолитых пряжек (рис. 18: 14–16; и др.), разнообразных накладок геральдических форм (рис. 18: 6–13; и др.), первых вариантов шумящих (рис. 18: 47, 58) и составных (рис. 18: 51) подвесок; птицевидных пронизок (рис. 18: 46, 51) и др.

В деменковское время (конец VII–VIII вв.) появляются височные подвески с полыми привесками (рис. 19: 2–5), пояса неволинского типа (рис. 19: 6–21 и др.) с крупными цельнолитыми пряжками (рис. 19: 30–32), различные варианты колесовидных (рис. 19: 40–43; и др.), трапециевидных (рис. 19: 37) и шумящих (рис. 19: 39, 44–46) подвесок и др. Состав следующей – урынской стадии (конец VIII–IX вв.) – характеризуется разнообразием височных подвесок (рис. 20: 1–7), распространением поясов салтовского типа (рис. 20: 8–35, 37–40), многообразием шумящих подвесок (рис. 20: 67–71, 82–85) и др. В целом, несмотря на явные хронологические различия, материальная культура ЛК демонстрирует преемственность в развитии на протяжении полутора тысячелетия и удивительное своеобразие, присущее только пермскому миру.

Очень хотелось поддержать работу по разработке хронологии памятников 1-ой пол. I тыс. н. э. Прикамья исследователя из Перми М.Л. Перескокова (2018), но пока не удается. Им был проан-

ализирован накопленный к настоящему времени материал и выделены несколько хронологических групп: 1-я – I – начало III в. н. э.; 2-я – начало III – середина IV в.; 3-я – 3-я четверть IV – начало V вв.; 4-я – V в.; 5-я – VI в., подразделенная на две подгруппы: 5А – первая половина VI и 5Б – 2-я половина VI – начало VII в. (Перескоков, 2018, с. 100–103).

Следует только приветствовать стремление автора к выделению групп короткого хронологического диапазона, но обоснования этого, представленные им, пока не убеждают. Система, предложенная М.Л. Перескоковым, слишком сложна: выделены хронологические группы, затем кластеры и периоды. При определении дат хронологических групп использован, главным образом, метод аналогий. Основой для обособления кластеров послужила сериация комплексов конца IV – начала VII вв. (Перескоков, 2018, рис. 93)³. Сериация М.Л. Перескокова не доведена до конца: значки, обозначающие вещи в комплексах, покрывают равномерно почти все исследовательское поле. Из 34 типов вещей лишь 12 (5 в верхней части рис. и 7 – в нижней) не имеют сопряженности, остальные пока образуют монолит, с которым еще надо работать. Вызывает вопросы и использование не всегда четкой типологии. Например: в одну графу № 32 объединены 2 наконечника ремней №№ 56 и 57. Они не только разные, но и разновременные: № 56 датируется концом IV–V вв. (Голдина, 2012, табл. 4-51, 59, 60; 5 – 75, 76), а № 57 – с насечками в верхней части – 1-ой пол. VI в. (Голдина и др., 2018, табл. 23-4). Одним из подтверждений тому, что сериация М.Л. Перескокова не работает, является положение могилы 232 Мокино, в которой найдены: наконечник ремня типа коробочки среднего размера с тремя не выступающими головками шпеньков (Перескоков, 2018, рис. 3–20) (наконечники такого типа использовались, по автору со времени кластера 1 – 3-я четв. IV – начало V в.), пряжка (там же, рис. 3–29, такие бытовали по М.Л. Перескокову со 2 кластера – V в.), длинный узкий, с ребром наконечник ремня (там же, рис. 3–56; встречались в могилах 4 кластера – 2-я пол. VI – начало VII в.). Судя по поздней вещи погребение 232 Мокино должно датироваться 2-я пол. VI – началом VII в., а не 3 кластером (светло-фиолетовый фон), как считает автор. Продолжение работы над сериацией М.Л. Перескокова имеет хорошие перспективы.

Исторические судьбы. Возникновение ЛК связано с притоком на Верхнюю Каму двух групп

³ По моим представлениям кластерный анализ – это несколько иная процедура, а не сериация. При использовании групп, полученных сериацией, надо, вероятно, называть их сериями.

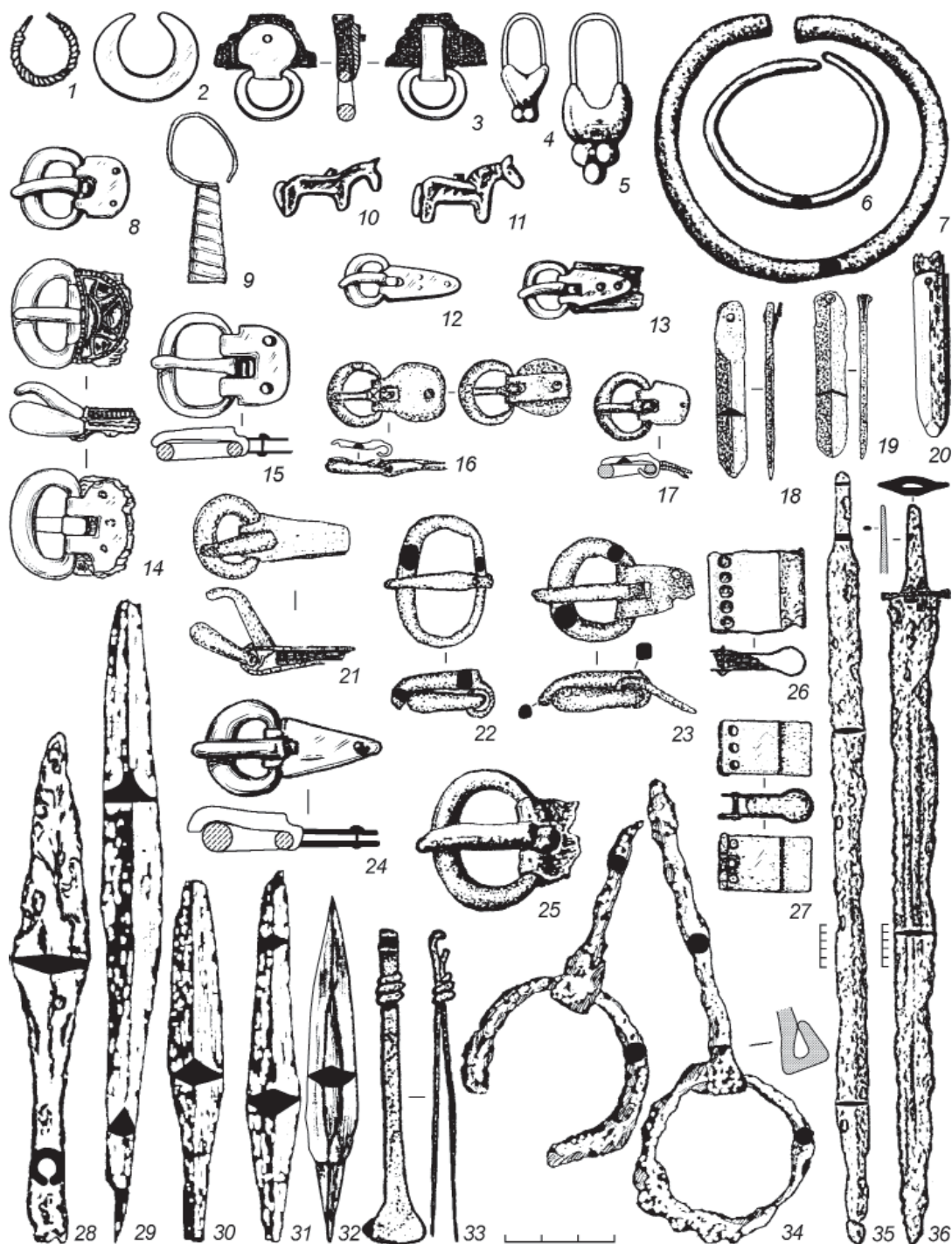

Рис. 16. Вещи бурковской подгруппы харинской стадии ломоватовской культуры (конец IV–V вв.). Масштаб различен

населения. Первую группу составляли племена гляденовской культуры, обитавшие в предшествующее время на Средней Каме. Особенности населения этой группы проявляются в существовании костищ, обнаруживающих сходство с гляденовскими памятниками этого рода как в деталях устройства, так и в однообразии материальных остатков. Керамика ломоватовской культуры во многом напоминает гляденовскую. С гляденовской традицией следует связывать наземные

бревенчатые дома с канавками. Принципиально важным является исследование классического гляденовского грунтового Мокинского могильника, что дает возможность дальнейшего изучения характера взаимоотношений местного и пришлого населения.

Вторая составная часть населения ЛК характеризуется курганными могильниками, поселениями с жилыми сооружениями наземного столбового типа, глиняной посудой с незначительно

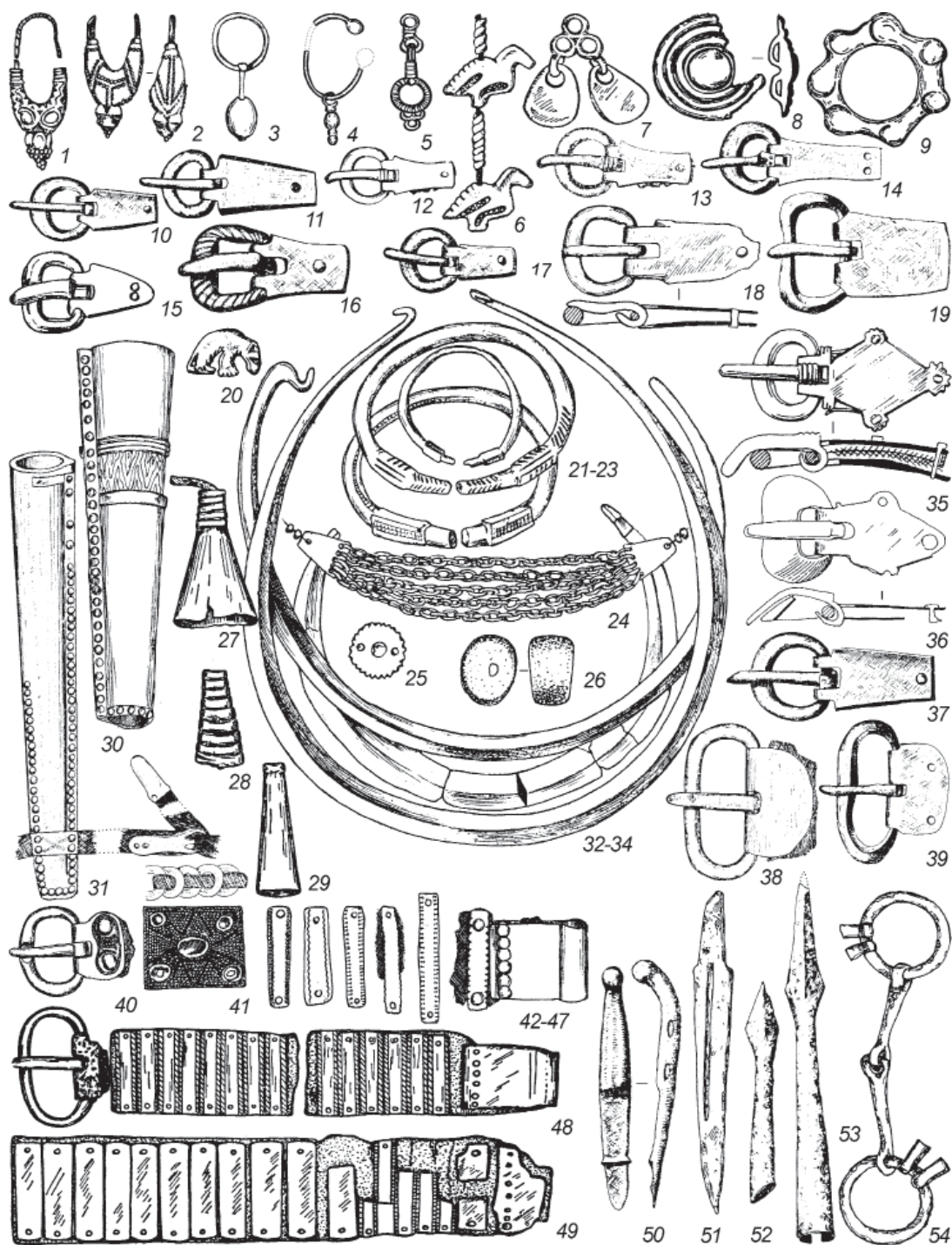

Рис. 17. Вещи митинской подгруппы харинской стадии ломоватовской культуры (VI в.). Масштаб различен

примесью раковины в тесте, украшенной гребенчато-шнуровыми узорами по шейке и защипами по верхнему срезу. Этот компонент происходит из Западной Сибири.

По-видимому, в южных районах ломоватовской культуры была более многочисленна гяденовская группировка, а в северных – южная. Памятники 2-ой пол. I тыс. н. э. в Верхнем Прикамье характеризуются целым комплексом признаков, позволяющих говорить об их единстве в

рамках ломоватовской культуры (Голдина, 1985, с. 133–144).

Появление пришлого населения из Зауралья произошло в конце IV в. Именно с этим вторжением связано исчезновение гяденовских памятников из Среднего Прикамья и активное освоение гяденовцами Верхней Камы. Не случайно, на позднегяденовских городищах почти везде были сооружены дополнительные линии обороны. Судя по корреляции комплексов Мокин-

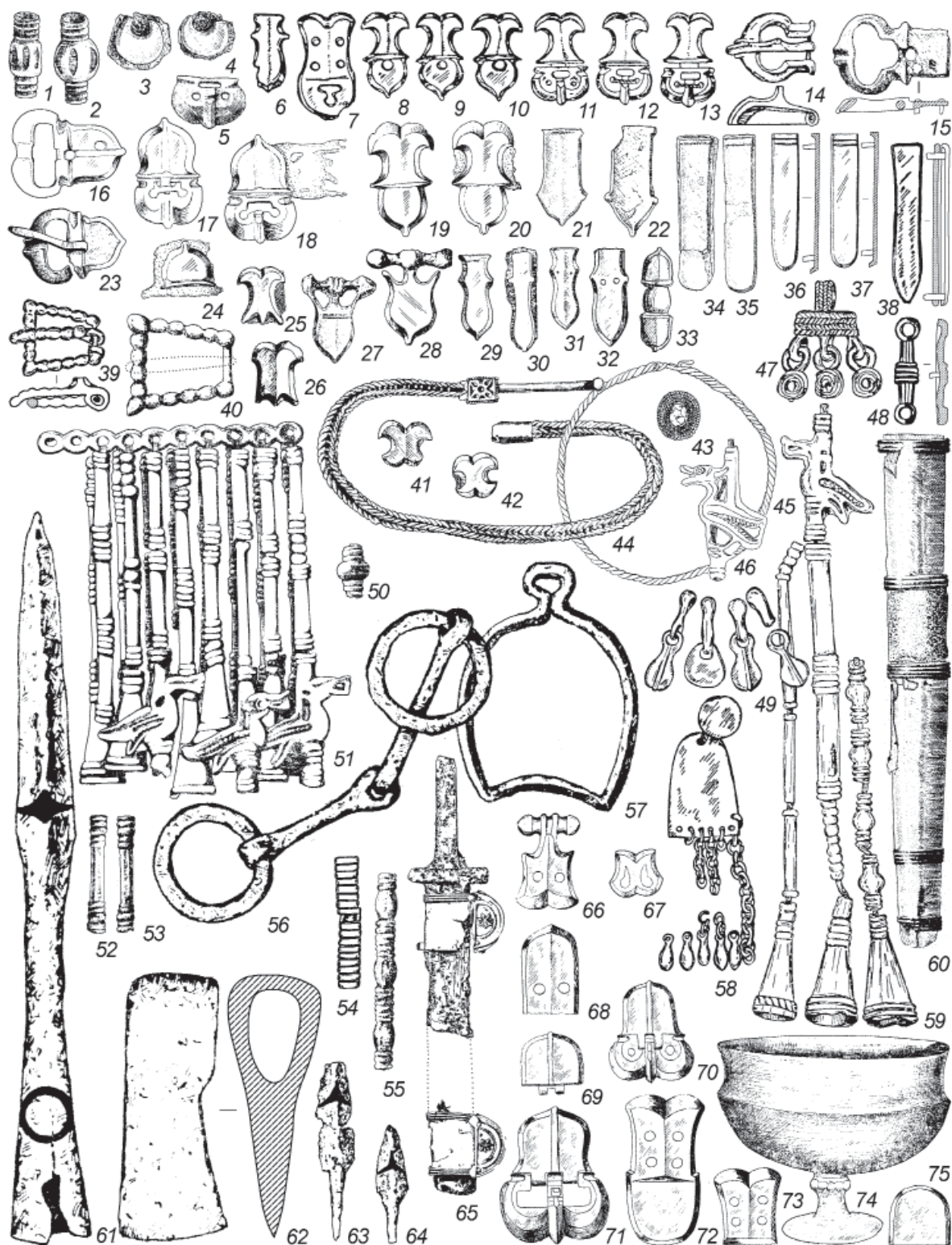

Рис. 18. Вещи агафоновской стадии ломоватовской культуры (конец VI–VII вв.). Масштаб различен

ского могильника (Перескоков, 2018, рис. 93) гляденовское население в мулянско-качкинском крае существовало до середины VI в. Но это никоим образом, с моей точки зрения, не влияет на дату начала неволинской и ломоватовской культур (конец IV в.), а перенос ее на 2-ю треть V в. (Перескоков, 2018, с. 104) пока серьезных оснований не имеет.

В последнее время М.Л. Перескоков возрождает идею о переносе ранней даты ломоватово на конец VI в. и включении харинской эпохи, стадии, этапа, фазы в гляденовскую культуру (Перескоков, часть 1, раздел II, глава 2 наст. издания). Мысль не нова, она была высказана в 1980 г. Ю.А. Поляковым, который считал, что курганы в Верхнем Прикамье принадлежали местному гляденовско-

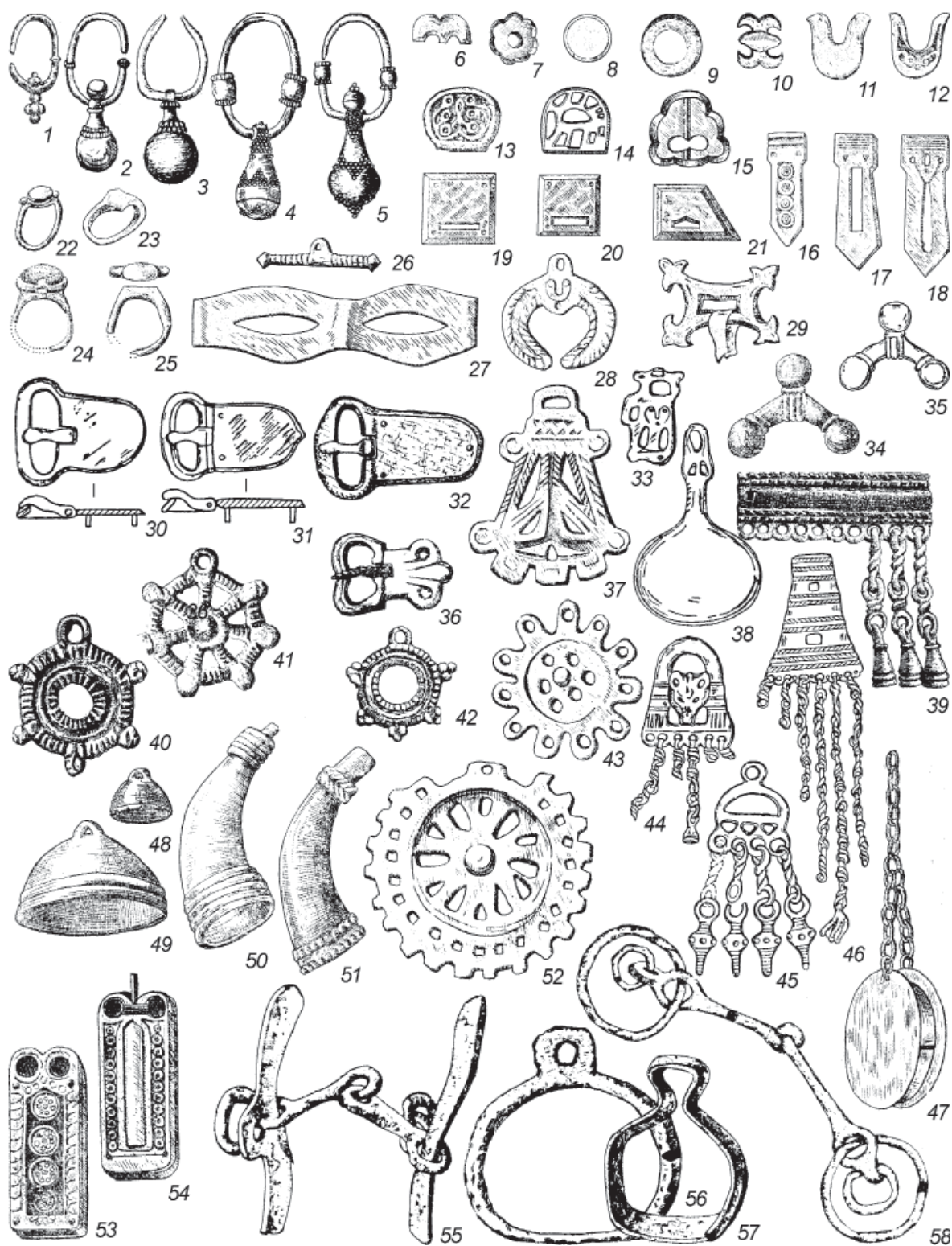

Рис. 19. Вещи деменковской стадии ломоватовской культуры (конец VII–VIII вв.). Масштаб различен

му населению, изменившему обряд под влиянием южных соседей. С критикой этой идеи я выступала еще в 1985 г. (Голдина, 1985, с. 133–144). Действительно, появились новые материалы по гляденовско-ломоватовской проблеме, и они несколько корректируют отдельные положения, но не меняют их принципиально. В том числе и это – о начале ломоватовской культуры. Более того,

широкие раскопки на могильниках этого времени только подтвердили факт, что появление курганов в Прикамье – начало новых культурно-этнических образований, которые продолжали успешно развиваться и далее на этих территориях. Кроме того, появление пришлого населения способствовало изменению и расширению территорий этих образований, что свидетельствовало о формиро-

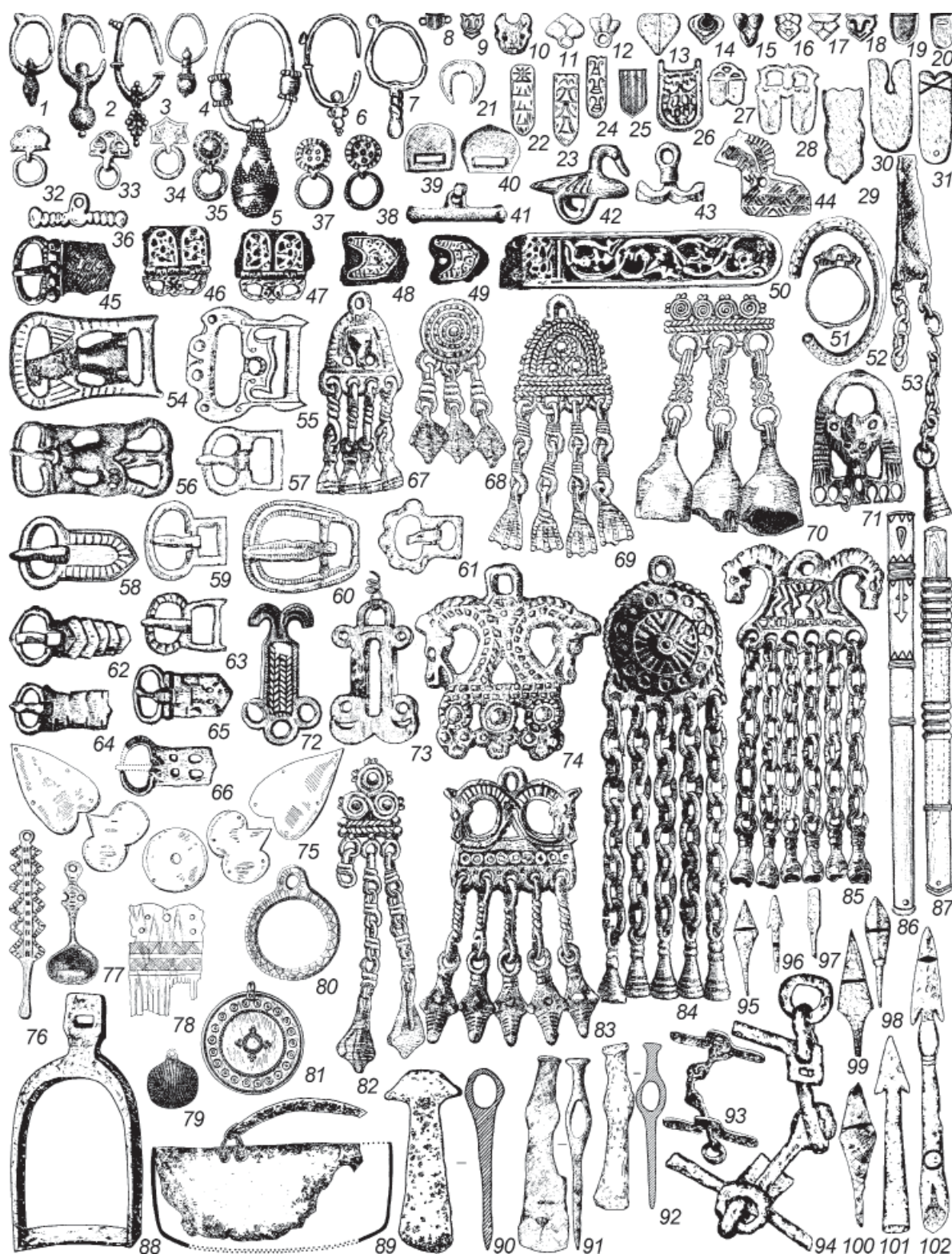

Рис. 20. Вещи урынской стадии ломоватовской культуры (конец VIII–IX вв.). Масштаб различен

вании и жизнеспособности обновленных этносов. Таким образом, оснований для переноса ранней даты ломоватовской культуры с конца IV в. на VI в. нет.

Приток в Среднее и Верхнее Прикамье новых групп с курганным обрядом захоронения сыграл значительную роль в истории местного населе-

ния и имел такие последствия в дальнейшем (их предстоит еще исследовать), что менять нижнюю границу как ломоватовской, так и неволинской и поломской культур преждевременно. Таким образом, оснований для переноса ранней даты ломоватовской культуры с конца IV в. на 2-ю треть V в. нет.

Сейчас можно уверенно говорить о том, что в середине I тыс. н. э. Прикамье испытало несколько волн внедрений пришлого населения: в Нижнее Прикамье в III в. – славяне (средневожский вариант киевской культуры), в конце IV в. (готы – славяне – азелинцы, именьковская культура, Тураево, Кудаш, Старая Мушта и др.), в Верхнее Прикамье и в Республику Коми через верхнюю Каму – в конце IV в. – зауральское, западносибирское население пока не ясного генезиса. Оба потока конца IV в. – готско-славянский и зауральский были спровоцированы событиями гуннского передвижения, оказавшего воздействие как на зауральские территории, так и на юг Восточной Европы. Эти миграции в Прикамье – юго-западные и зауральские – имели не только разную направленность и происхождение, но и разные материальные составляющие.

Некоторые ученые предлагают перенести позднюю грань ломоватово – рубеж IX–X вв. – на более позднее время – XII и даже XIII в. Учитывая, что именно в X в. в жизни лесных пермян начинает явственно ощущаться влияние соседних государственных образований – Волжской Болгарии и Русского государства, вряд ли перенос поздней даты ломоватово целесообразен.

Что касается исторического будущего населения, оставившего ЛК, то большинство ученых придерживается мнения о прямой преемственности ломоватовской, родановской культур Верхнего Прикамья и современных коми-пермяков (Талицкий, 1941; Оборин, 1970; 1990; Голдина, Кананин, 1989; Голдина, 2016; Матвеев, 1961; Напольских, 2008; и др.).

Кудымкарское городище. VII–XV вв.,
г. Кудымкар Пермского края.
Фото Р.Д. Голдиной

Пешнигортский могильник.
VII–XI вв., Кудымкарский
район Пермского края.
Фото Р.Д. Голдиной

Сасанидское серебряное блюдо с изображением тигрицы у дерева. 1-я пол. VII в. Найдено в 1907 г. у д. Климовой Кудымкарской волости (по К.В. Тревер и В.Г. Луконину)

Бронзовая культовая пластина с изображением головы медведя, р.Кын, Лысьвенский район Пермского края. IV–V вв. (по В.А. Оборину и Г.Н. Чагину)

Сасанидское серебряное, частично позолоченное, блюдо с изображением Шапура III и леопарда. IV в. Найдено в 1907 г. у д.Климовой Кудымкарской волости (по К.В. Тревер и В.Г.Луконину)

Бронзовая культовая пластина с изображением всадницы на коне-лосе. Под ногами коня десять голов ящеров. Верхний ряд образуют семь голов лосей и собака. V–VI вв. Верхнее Прикамье (по В.А.Оборину и Г.Н.Чагину)

Сасанидская серебряная бутылка с изображением пяти женских фигур. V–VI вв. Найдена в 1896 г. у д. Квать-Пелева Верх-Инньвенской волости (по К.В. Тревер и В.Г.Луконину)

Бронзовая культовая пластина с изображением стоящей на ящере трехликой крылатой богини. VIII–IX вв. Д. Усть-Каиб, Чердынского района Пермского края (по В.А.Оборину и Г.Н. Чагину)

ГЛАВА 4

БАССЕЙН Р. ЧЕПЦЫ В КОНЦЕ IV–IX ВВ. (ПОЛОМСКАЯ КУЛЬТУРА)

История изучения. Начало изучению средневековых памятников бассейна р. Чепцы полومской культуры (ПО) положил А.А. Спицын. В «Каталоге древностей Вятского края» на этой территории им отмечены несколько городищ, курганов и удмуртских кладбищ (Спицын, 1881, с. 30–31). В 1889 г. на р. Чепце было известно уже 17 городищ (Спицын, 1889), датированных VII–X вв. и отнесенных им к чудским, близким прикамским.

Особую ценность имеет труд смотрителя народных училищ Глазовского уезда Н.Г. Первухина (1850–1889 гг.), в котором он дал полную информацию о всех известных ему городищах и могильниках (Первухин, 1896а). Эта важная источниковая работа не потеряла своего значения и в наши дни.

Первые раскопки на памятниках ПК были проведены в 1906–1908 гг. П.Г. Тарасовым и В.Д. Емельяновым. Они исследовали могильники, городища и селища у с. Полум Кезского района Удмуртии (ОАК, 1909, с. 115, 116, 131; 1910, с. 108; 1912, с. 166, 167). На Полумском I могильнике за три года было раскопано 178 погребений, на Полумском II (Красная горка) – 21. Таким образом, как и во всем Прикамье, в бассейне р. Чепцы уже в конце XIX в. начались работы местных энтузиастов по сбору сведений о древних памятниках. Важно, что эти данные были не только собраны, но и квалифицированно опубликованы (Первухин, 1896а).

В конце 20-х гг. XX в. на севере Удмуртии московские исследователи А.П. Смирнов и С.Г. Матвеев провели большие стационарные раскопки нескольких городищ (Иднакар, Дондыкар, Сабанчикар) и могильников (Чемшай, Адамовский бигершай) (Матвеев, 1929, с. 5–25; Смирнов, 1937). Основная масса этих памятников была отнесена ими к X–XIII вв. А.П. Смирнов впервые попытался соотнести эти объекты с предками удмуртского народа (Смирнов, 1952, с. 189–208, 231–249).

Значительный импульс получило изучение памятников бассейна р. Чепцы с началом работ Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга. Разведочные работы были проведены в 1957, 1970–1972 гг. В.А. Семеновым (Семенов, 1976, с. 117–140), в 1960–1966 гг.

Г.Т. Кондратьевой (Живаевой) (Кондратьева, Стоянов, 1962, с. 100–103; Кондратьева, 1964, с. 232–233), в 1989 г. А.Г. Ивановым (Иванов, 1995, с. 106–124) и другими.

Начиная с середины 60-х гг. памятники полумско-чепецкого круга исследовались стационарно: в 1957–1958 гг. раскопано 86 захоронений VIII–IX вв. на могильнике Мыдланьшай у д. Адам Глазовского района Удмуртии (Генинг, 1962); в 1959–1960 гг. продолжены раскопки Полумского II (Красная горка) могильника VIII–IX вв. (76 могил, Стоянов и Кондратьева, 1962, с. 105–106; Останина, 2011). В это же время активно изучались и поселения: в 1957 г. на Полумском I городище (Каравалес) VIII–IX вв. проводил раскопки В.Ф. Генинг, в 1972 г. – В.А. Семенов (Генинг, Стоянов, 1961, с. 86–87; Семенов, 1979, с. 139–145). Полумское II городище (Гыркесшур) исследовали в 1959 г. В.Е. Стоянов, в 1972 г. – В.А. Семенов (Генинг, Стоянов, 1961, с. 84–85; В.А. Семенов, 1979, с. 126–135). На Варнинском I городище (Карйыл) в 1963 г. Г.Т. Кондратьевой раскопаны остатки двух жилищ (Кондратьева, 1967, с. 151–152), а в 1970 г. В.А. Семеновым – остатки жилища с хозяйственными постройками и амбаром VI–VIII вв. (Семенов, 1979, с. 135–139). Небольшие работы проведены Г.Т. Кондратьевой на Варнинском II городище VI–IX вв. (Кондратьева, Стоянов, 1962, с. 102–103). Для понимания истории позднеполумского времени важны материалы городища Вельякар IX–XII вв., исследованного в 1957 г. В.Ф. Генингом и В.А. Семеновым, в 1958 г. – В.А. Семеновым (Семенов, 1985, с. 48–77), в 1982 г. – М.Г. Ивановой.

Стационарно раскапывались селище Аммональный склад, где в 1972 г. В.А. Семенов обнаружил остатки амбара и двух сараев для скота (Семенов, 1979, с. 147–150), а также Тольенское I селище IX–X вв. в Кезском районе Удмуртии, где он же выявил остатки хозяйственных построек и собрал керамику, украшения и предметы быта.

Большим успехом следует считать открытие и исследование в 1970–1973 гг. В.А. Семеновым Варнинского могильника у д. Варни Дебесского района Удмуртии (Семенов, 1980). На памятнике раскопана значительная площадь (864 кв. м),

на которой располагались 304 могилы с 312 костяками. Принципиально важным является открытие раннеполомских могил (VI в.). В 1990–1996 гг. раскопки на памятнике были продолжены А.Г. Ивановым и Н.И. Шутовой. В 1990 г. А.Г. Иванов обнаружил и исследовал на Варнях курганную часть, что позволило уточнить дату начала ПК и отнести ее к концу IV в. Общее число изученных могил составило 563 погребения (Иванов, 1999, с. 8).

Исследования средневековых памятников на р. Чепце приобрели особый размах с 1974 г., когда руководителем экспедиции УдНИИЯЛ стала М.Г. Иванова. Ею организованы многолетние раскопки на городище Иднакар X–XIII вв. (Иванова, 1985; 1985а; 1988; 1995), давшие огромный материал. Ею же исследованы и поселения: Качкашурское селище VIII–XII вв. (Иванова, 1982в), городище Гурьякар (Иванова, 1982а). Значительные раскопки проведены под ее руководством и на могильниках: Кузьминском XI–XIII вв., Маловенижском XI–XII вв., Солдырском чемшае IX–XII вв., Весьякарском бигершае IX–XII вв., Подборновском вужшае IX–XII вв. (Иванова, 1982б; 1991; 1992; Иванова, Шутова, 1982). Некрополи поломско-чепецкого круга в это время изучали В.А. Семенов: Кыпкинский XI–XII вв. (Семенов, 1979а), Омутницкий VIII–XII вв. (Семенов, 1985а), Большесазановский XI–XII вв. (Семенов, 1979б), Поломский II (Красная горка) (Останина, 2011, с. 41), и А.Г. Иванов: Солдырский бигершай XIII в. (1991а, с. 47), Качкашурский X–XII вв. (1991б) и др.

Беспорной удачей последних лет является открытие (2017 г.) и изучение (2018, 2019 гг.) нового памятника поломской культуры VI–VII вв. возле с. Балезино (Черных и др., 2019, с. 14–16). Он расположен в ранней Балезинской группе (III) и подтверждает, что она была освоена в раннеполомское время. В результате многолетних археологических изысканий в бассейне р. Чепцы получены яркие, выразительные материалы, позволяющие объективно охарактеризовать средневековый период этого края.

Генезис культуры. Вопрос об обособлении ПК был впервые поставлен В.Ф. Генингом (1958, с. 92–102). По его мнению, ПК – группа памятников III–IX вв. в бассейне р. Чепцы, из которых опорные – Поломские могильники и поселения.

Однако из-за отсутствия публикаций и детального обоснования В.Ф. Генингом датировок материалов возникли сомнения в них и целесообразности обособления культуры. В.Б. Ковалевская, рассматривая в целом поясную гарнитуру Поломского I могильника, датировала этот памятник концом VIII–X в. и пришла к выводу о бесосно-

вательности выделения ПК (Ковалевская, 1969, с. 84–91).

Дальнейшее накопление материалов показало правоту В.Ф. Генинга. Дата Поломского I могильника, предложенная В.Б. Ковалевской, представляется чрезмерно суженной, так как исследователь определяла ее по процентному соотношению аналогов поясным деталям могильника в целом, без разделения его по комплексам. Далее вопрос о существовании ПК сомнениям не подвергался.

Полом – это объединение, принадлежавшее к кругу пермских культур, сложившееся на ананьинско-гляденовской основе и тяготеющее в большей степени к древним пермякам, нежели удмуртам.

А.А. Спицын считал, что бассейн р. Чепцы заселили выходцы с Верхней Камы, а именно с ее притоков – Обвы и Иньвы в VII–X вв. н. э. (Спицын, 1889, с. 18). По мнению А.П. Смирнова, заселение бассейна Чепцы шло с Вятки и относилось ко времени не ранее IX в. (Смирнов, 1952, с. 230–232). В.Ф. Генинг утверждал, что бассейн Чепцы был заселен гляденцами в III в. н. э. – выходцами из бассейна Тулвы, пришедшими сюда через р. Сиву и верховья р. Чепцы (Генинг, 1959, с. 197–200). В одной из своих последних работ В.Ф. Генинг датировал это событие второй половиной V – первой половиной VI в. н. э. (Генинг, 1988, с. 138–139) и по-прежнему считал одним из наиболее значительных компонентов ПК население осинского варианта гляденской культуры (Генинг, 1988, с. 146–147). Вторым компонентом, по представлениям В.Ф. Генинга, был «угро-самодийский», появившийся здесь в середине VIII в. (Генинг, 1967, с. 275), а в последних работах – в конце V – начале VI в. (Генинг, 1988, с. 145).

В.А. Семенов в свое время разделял точку зрения В.Ф. Генинга о появлении ранних поселенцев на р. Чепце с территории осинского варианта гляденской культуры, а также из Зауралья и Приобья (Семенов, 1967, с. 292–293). В конце 70-х гг. он писал об одновременном заселении в середине VI в. бассейна Чепцы верхнекамским (Варнинский могильник) и вятским (Концовский могильник) населением (Семенов, 1980, с. 64–67). В начале 80-х гг. В.А. Семенов утверждал, что заселение территории ПК состоялось не позднее конца V в. н. э. верхнекамским населением, скорее всего, выходцами из туйско-гаревской группы (Зародятское селище) (Семенов, 1982, с. 47–48). По его мнению, незначительную примесь к этому населению составляли группы мазунинско-азелинского облика с очень широкой локализацией – из Камско-Вятского региона (Семенов, с. 49–51). Вслед за В.Ф. Генингом этот исследователь вновь подтвердил мысль о появлении в верховьях р. Чепцы «угро-самодийского» населения во второй поло-

вине VIII – первой половине IX в. (Семенов, 1982, с. 55). В одной из своих поздних работ (Семенов, 1989) В.А. Семенов писал, что в III–IV вв. бассейн р. Чепцы был заселен немногочисленными азелинскими группами (Городищенский могильник), которые в V–VI вв. смешались с верхнекамским населением ломоватовской культуры. На рубеже VIII–IX вв. в этот массив были включены какие-то группы «угро-самодийского» происхождения. Что касается времени возникновения полумской культуры, то здесь, несмотря на разнообразие мнений, особых споров нет. Вероятно, по тем данным, которыми мы располагаем, это произошло в конце IV в.

Несмотря на присутствие в низовьях р. Чепцы некоторого числа памятников более раннего – ананьинско-худяковского времени (Кривоборское городище, Городищенский могильник и др.), вряд ли следует считать их прямыми предками носителей ПК. Судя по размещению раннеполумских объектов в верховьях р. Чепцы, ранние поселенцы появились не с территории р. Вятки, а из других близлежащих регионов. Вряд ли это были осинцы, как считал В.Ф. Генинг, так как различия в материальной культуре весьма велики. Достаточно указать, что степень орнаментации керамики Осинского городища по шейке составляет лишь около 7% (Генинг, 1959а, с. 186), в то время как на наиболее ранних Полумском I и II городищах она равна 31% и 78,4% соответственно (Семенов, 1967, с. 287–289).

По общему облику материальной культуры: характеру памятников, их размещению группами, топографическим особенностям, погребальному обряду, украшениям, бытовым предметам, керамике – полумские памятники наиболее близки зюздинскому варианту ломоватовской культуры (Р.Д. Голдина, В.А. Кананин, 1989). Исток р. Камы находится в 3 км от верховий р. Юс, притока р. Лып, одного из левых притоков р. Чепцы. Именно на р. Юс известно одно из самых северных полумских городищ – Староунтемское. К сожалению, окрестности этого памятника должным образом не исследованы, и, вероятно, со временем здесь, как и в самых верховьях р. Камы, будет открыта еще одна локальная группа, связывающая верхнекамский куст с основной территорией ПК. Вероятно, ломоватовское население, заселив верховья р. Камы и постепенно спустившись по р. Каме к югу, нашло благодатный район – правобережье р. Чепцы, где основало один из локальных вариантов.

Ранее мной было высказано мнение о ее прямом происхождении от населения ломоватовской культуры – предков коми-пермяков (Голдина, 1987, с. 18; 1995, с. 18; 1999, с. 364–365). Открытие

на Варнинском могильнике захоронений конца IV–V вв. отнюдь не означает, что бассейн р. Чепцы не связан с ломоватовскими древностями. Это говорит лишь о том, что население ПК находилось в русле тех же событий, что происходили в Прикамье в целом, и что и на р. Чепце пришлое население с курганным обрядом захоронения оказало существенное влияние на пермян Причепечья. Очевидно, что верхнее течение р. Чепцы уже в первой половине I тыс. н. э. было заселено пермянами гляденовской общности, памятники которой хорошо известны в Среднем Прикамье. В 2004 г. А.Г. Иванов открыл гляденовское поселение у с. Зура на р. Ита, правом притоке р. Лозы, левобережном притоке р. Чепцы (Иванов А.Г., 2008). Позже рядом было открыто еще одно подобное поселение. Последующие исследования Г.А. Степановой поселения Зура I показали большую близость его глиняной посуды с туйско-гаревским (верхнекамским) локальным вариантом, нежели с осинским (Емельянова, Степанова, 2019, с. 21). Вероятно, гляденовское население, оставившее многочисленные памятники в Среднем Прикамье, активно осваивало близлежащие территории. Только в бассейне р. Очер, правого притока р. Камы, сосредоточено более 40 памятников гляденовского типа. Верховья этой реки расположены от русла р. Чепцы на расстоянии 4 км, а один из ее левобережных притоков на расстоянии 2 км. Вполне закономерно, что гляденовское население расселялось и на побережья верховий близлежащих рек – Чепцы и Сивы. В верховьях р. Сивы обнаружено около десятка поселений первой половины I тыс. н. э. (Памятники истории и культуры..., 1996, с. 37–38). Можно предполагать, что верхнекамское население ЛК, также осваивая верховья р. Чепцы в VI в., а, скорее всего, в конце IV в., встретило здесь родственные группы – потомков гляденовцев, коими они были сами.

Связь полумского населения с ломоватовским подтверждается и антропологическими материалами. М.С. Акимова выделила среди полумских серий два типа, один из которых (Полумский могильник) – мезокранный и широколицый – обнаруживает сходство с черепами из Деменковского могильника ЛК (Акимова, 1968, с. 51). Второй тип, по М.С. Акимовой, представленный черепами из могильника Мыдланьшай – долихокранный и узколицый, – близок населению, оставившему азелинские могильники (Акимова, 1968, с. 51–52). К. Марк также обращает внимание на двукомпонентность полумского населения. По ее данным, в мыдланьшайских черепах, сходных с пьяноборско-азелинскими, особенности южных европеоидов выражены более отчетливо при весьма слабой монголоидной примеси (Марк, 1987, с. 46).

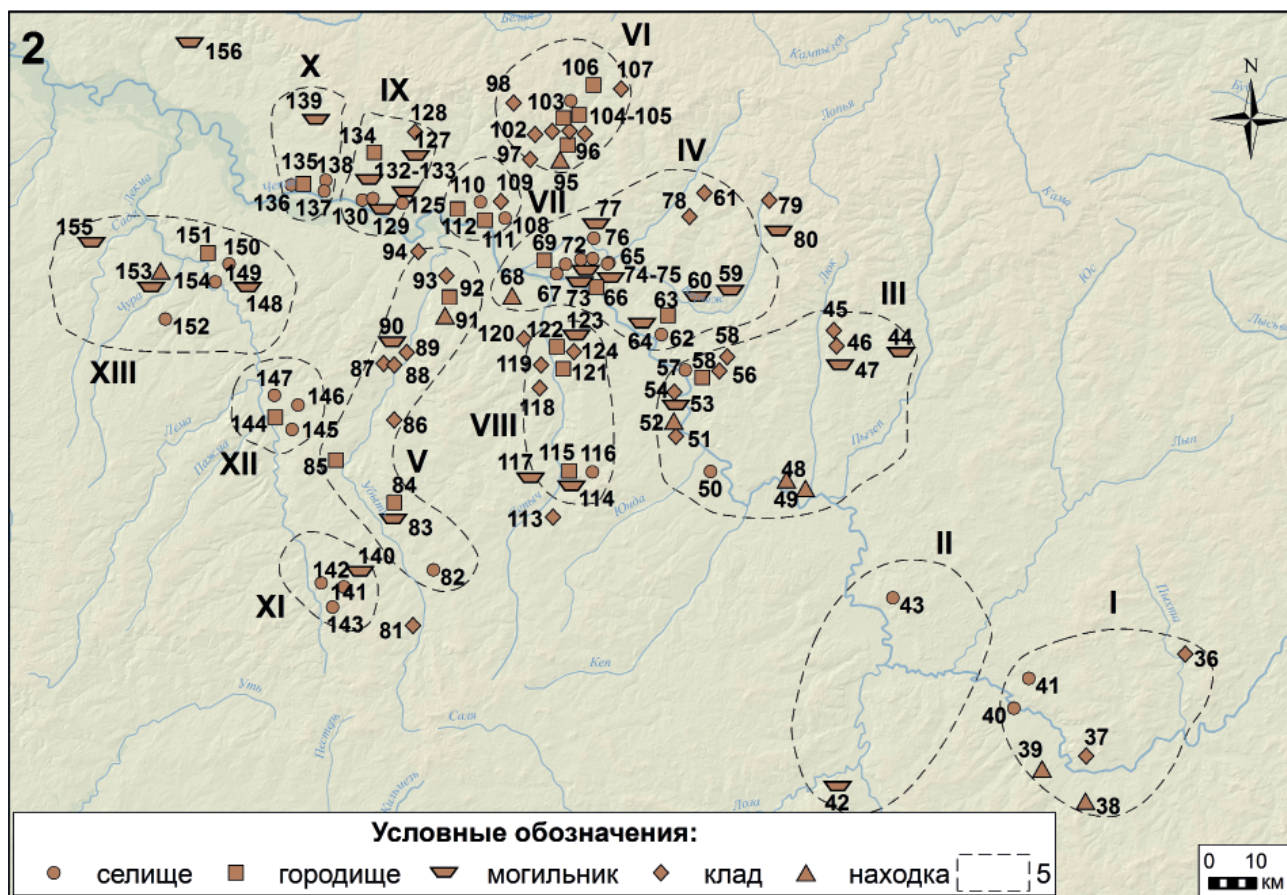
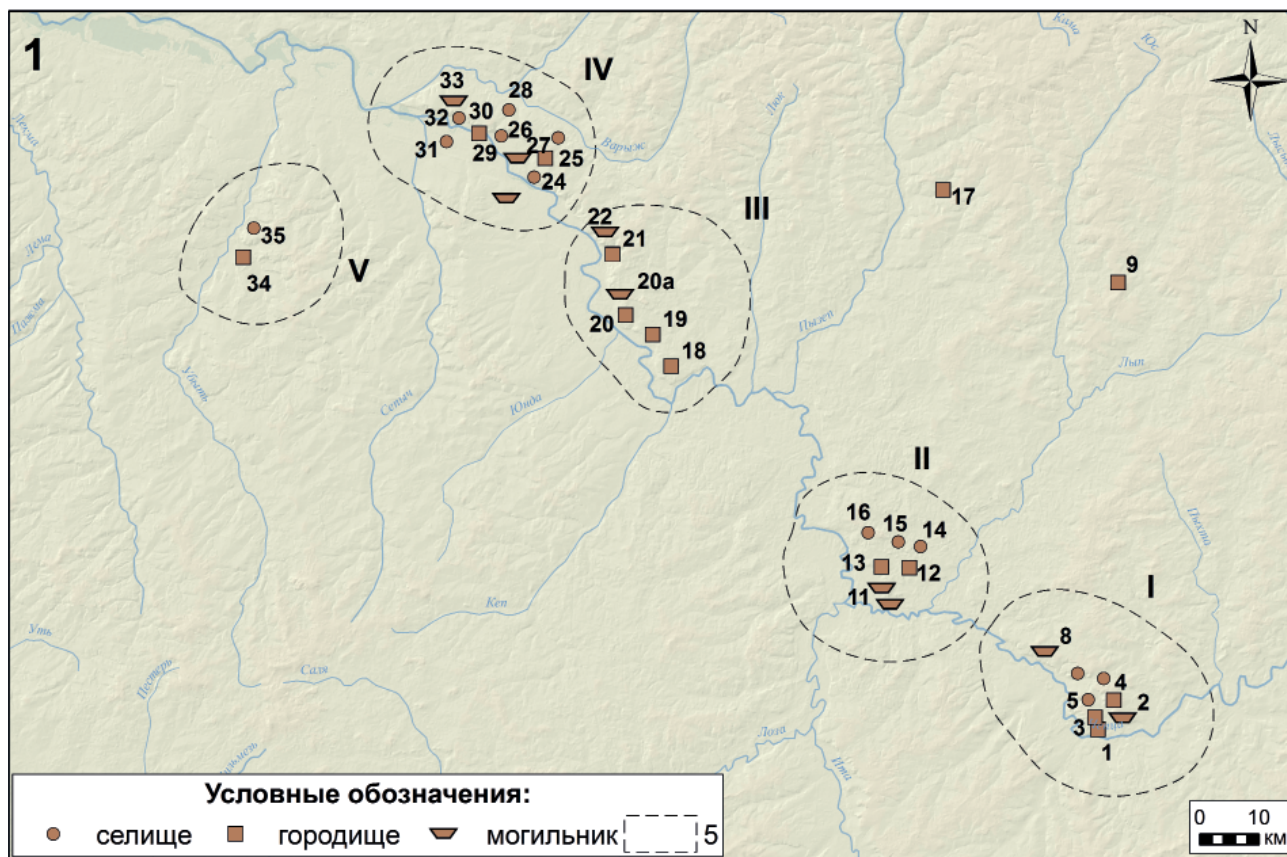

Рис. 1. Карта-схема средневековых памятников бассейна р. Чепцы

1 – Памятники конца IV–VIII вв. I – Варнинская группа; II – Гыркесшурская группа; III – Балезинская группа; IV – Весьякарская группа; V – Убытская группа. 1 – Байгурезское городище (VIII–IX вв.); 2 – Варнинский могильник (V–X вв.); 3 – Варнинское II (Гопулгурезь) городище (V–IX вв.); 4 – Варнинское I (Карйыл) городище (V–XIII вв.); 5 – Варнинское III селище (V–VIII вв.); 6 – Варнинское II селище (V–VIII вв.); 7 – Варнинское I селище (V–VIII вв.); 8 – Тольенский могильник (VIII–IX вв.); 9 – Староунтемское (Ошаккар) городище (VI–VIII вв.); 10 – Поломский II (Красная горка) могильник (VIII–IX вв.); 11 – Поломский I могильник (V–XI вв.); 12 – Поломское II (Гыркесшур) городище (VI–VIII вв.); 13 – Поломское I (Каравалес) городище (VIII–IX вв.); 14 – Гуртылты селище (VII–IX вв.); 15 – Поломское II (Аммональный склад) селище (VIII–IX вв.); 16 – Поломское I селище (V–IX вв.); 17 – Новогыинское городище; 18 – Карильское городище; 19 – Буринское (Джутемкар) городище; 20 – Балезинское (Узякар) городище; 20а – Балезинский могильник; 21 – Гординское II городище (VIII–X вв.); 22 – Гординский могильник (VIII–X вв.); 23 – Омутницкий могильник (VIII–XII вв.); 24 – Весьякарское селище (VIII–XII вв.); 25 – Весьякарское городище (VIII–XII вв.); 26 – Весьякарский (Бигершай) могильник (VIII–XII вв.); 27 – Ванегуртское селище (VIII–IX вв.); 28 – Кельдыковское селище (VIII–IX вв.); 29 – Заболотновское (Гопулгурезь) селище (VIII–XII вв.); 30 – Заболотновское (Садейкар) городище (VIII–XII вв.); 31 – Качкашурское селище (VIII–XII вв.); 32 – Адамское II селище (VIII–XII вв.); 33 – Мыдланьшай могильник (VIII–IX вв.); 34 – Хомяковское (Поркар) городище (VII–IX вв.); 35 – Хомяковское селище (VII–IX вв.).

2 – Памятники IX–XIII вв. I – Варнинская группа; II – Гыркесшурская группа; III – Балезинская группа; IV – Весьякарская группа; V – Убытская группа; VI – Дондинская группа; VII – Утемкарская группа; VIII – Сепычская группа; IX – Люмская группа; X – Кушманская группа; XI – Верхнелекминская группа; XII – Среднелекминская группа; XIII – Нижнелекминская группа – 36 – Маломедлинская находка (IX в.); 37 – Байгурезская находка; 38 – Богдановский клад (IX–X вв.); 39 – Лесогуртский клад (IX в.); 40 – Тольенское I селище (IX–XII вв.); 41 – Тольенское II селище (IX–XII вв.); 42 – Кушбинский могильник (XIII–XV вв.); 43 – Аммональный склад I селище (IX–XII вв.); 44 – Дырпинский могильник (X–XII вв.); 45 – Коршуновские находки (IX–X вв.); 46 – Сазановская находка (X–XII вв.); 47 – Большесазановский могильник (XI–XII вв.); 48 – Седьярский клад (IX в.); 49 – Буринский клад (XII–XIV вв.); 50 – Балезинское селище (IX–XIII вв.); 51 – Ягошурская находка (IX–X вв.); 52 – Ягошурский клад (IX в.); 53 – Ягошурский могильник (XIII в.); 54 – Почтошурская находка (IX–X вв.); 55 – Гординское I (Гурья-кар) городище (IX–XIII вв.); 56 – Гординский камень (XIV в.); 57 – Гординское (Издынь) селище (IX–XIII вв.); 58 – Гординская находка (X–XIII вв.); 59 – Карашурский могильник (IX–XII вв.); 60 – Чиргинский могильник (XII–XIII вв.); 61 – Макаровские находки (IX–X вв.); 62 – Подборновское селище (IX–XII вв.); 63 – Подборновское городище (IX–XII вв.); 64 – Подборновский могильник (IX–XII вв.); 65 – Адамовский бигершай могильник (X–XI вв.); 66 – Солдырское II (Сабанчикар) городище (IX–XIII вв.); 67 – Солдырский (Чемшай) могильник (IX–XIII вв.); 68 – Солдырское II селище (IX–XIII вв.); 69 – Солдырское I (Иднакар) городище (X–XIII вв.); 70 – Солдырское III селище (X–XIII вв.); 71 – Солдырское IV селище (X–XIII вв.); 72 – Солдырское I селище (X–XIII вв.); 73 – Солдырский (Бигершай) могильник (XIII в.); 74 – Турайское I селище (IX–XII вв.); 75 – Турайское II селище (IX–XII вв.); 76 – Поломское селище (IX–XII вв.); 77 – Квалярский могильник (IX–XV вв.); 78 – Кортышевская находка (IX–X вв.); 79 – Аверятская находка (IX–X вв.); 80 – Большеварыжский могильник (IX–XII вв.); 81 – Большепалкинская находка (IX–X вв.); 82 – Удмуртский караул селище (IX–XIII вв.); 83 – Маловенижский могильник (XI–XII вв.); 84 – Маловенижское (Поркар) городище (IX–XII вв.); 85 – Куяновское городище (IX–XII вв.); 86 – Макшурская находка (IX–X вв.); 87 – Тугбулатовская находка (IX–X вв.); 88 – Малоключевская находка (IX–X вв.); 89 – Кыпкинская находка (IX–X вв.); 90 – Кыпкинский могильник (XI–XII вв.); 91 – Чуриновский клад (IX в.); 92 – Извильское городище (IX–XII вв.); 93 – Извильская находка (IX–X вв.); 94 – Чемашурская находка (IX–X вв.); 95 – Дондинский клад (X в.); 96 – Дондыкарское городище (IX–XII вв.); 97 – Выльгуртские находки (XII–XV вв.); 98 – Дурановские находки (IX–X вв.); 99 – Сораковские находки (IX–X вв.); 100 – Симпаловская находка (IX–X вв.); 101 – Шестнецкая находка (IX–X вв.); 102 – Портяновские находки (IX–XII вв.); 103 – Портяновское селище (IX–XII вв.); 104 – Портяновское I городище (IX–XII вв.); 105 – Портяновское II городище (IX–XII вв.); 106 – Зуйкар городище; 107 – Пудвайская находка (X–XII вв.); 108 – Нижнебогатырское I селище (IX–XII вв.); 109 – Богатырские находки (IX–X вв.); 110 – Нижнебогатырское II селище (IX–XII вв.); 111 – Богатырское (Утемкар) городище (X–XII вв.); 112 – Краснослудское (Эбгакар) городище (X–XII вв.); 113 – Саламатовская находка (XIV в.); 114 – Сепычский могильник (IX–XII вв.); 115 – Сепычское (Селтакар) городище (IX–XII вв.); 116 – Гурдошурское селище (XII–XV вв.); 117 – Тат-Парзинский могильник (X–XIII вв.); 118 – Малолудошурские находки (IX–X вв.); 119 – Лудошурские находки (IX–X вв.); 120 – Полингская находка (IX–X вв.); 121 – Лудошурское II городище (IX–XII вв.); 122 – Лудошурское I городище (IX–XII вв.); 123 – Качкашурский (Лудошурский) могильник (X–XII вв.); 124 – Качкашурские находки (IX–X вв.); 125 – Печешурское селище (IX–XIII вв.); 126 – Печешурский (Бигершай) могильник (XI–XIII вв.); 127 – Люмский (Бигершай) могильник (IX–XV вв.); 128 – Верх-Люмские находки (IX–X вв.); 129 – Жабинский (Бигершай) могильник (IX–X вв.); 130 – Жабинское I селище (XII–XV вв.); 131 – Жабинское II селище (XII–XV вв.); 132 – Жабинские находки (IX–X вв.); 133 – Коповский (Бигершай) могильник (IX–XV вв.); 134 – Комаровское (Чибиныкар) городище (X–XII вв.); 135 – Кушманское I селище (IX–XV вв.); 136 – Кушманское (Учкакар) городище (IX–XIII вв.); 137 – Кушманское II селище (IX–XV вв.); 138 – Кушманское III селище (IX–XV вв.); 139 – Тумский (Бигершай) могильник (IX–XII вв.); 140 – Тылысский могильник (IX–XII вв.); 141 – Тылысское I селище (IX–XII вв.); 142 – Тылысское II селище (IX–XII вв.); 143 – Тылысское III селище (IX–XII вв.); 144 – Ежовское городище (IX–XII вв.); 145 – Ежовское I селище (IX–XII вв.); 146 – Ежовское II селище (IX–XII вв.); 147 – Ежовское III селище (IX–XII вв.); 148 – Меметовский могильник (IX–XII вв.); 149 – Уканское I селище (IX–XV вв.); 150 – Уканское II селище (IX–XV вв.); 151 – Уканское городище (IX–XV вв.); 152 – Старозянкское селище (IX–XII вв.); 153 – Старозянкский могильник (IX–XII вв.); 154 – Татылудский клад (XIII–XIV вв.); 155 – Тымпальский (Бигершай) могильник (XII–XV вв.); 156 – Кузьминский (Бигершай) могильник (XI–XIII вв.).

Область расселения. К настоящему времени известно около 100 памятников полумской культуры (V–IX вв.): из них более 40 селищ, 33 городища, более 20 могильников и несколько местонахождений и кладов (рис. 1: 1). Памятники располагались преимущественно по правобережью верхнего течения р. Чепцы от с. Дебессы на востоке до с. Адам на западе. Протяженность территории с востока на запад – 120 км, с юга на север – около 80 км. Обращает на себя внимание то, что полумские памятники тяготеют к верховьям р. Камы, образуя группы на притоках, обращенных в камскую сторону. Можно выделить четыре локальные группы, четко отделяющиеся друг от друга: варнинскую (I) (верховья р. Чепцы); гыркесшурскую (II) (устье р. Лып); бalezинскую (III) (устье р. Юнды) и более многочисленную весьякарскую группу (IV) (варыжско-чепецкое междуречье). В последней группе некоторые памятники (Качкашурское селище и Омутницкий могильник) известны и на левом берегу р. Чепцы.

Отдельные памятники обнаружены за пределами выделенных групп: Староунтемское городище в верховьях р. Юс, Новогиинское городище в верховьях р. Пызеп I, на Средней Убыти – Хомяковские городище и селище. Открытие Староунтемского и Новогиинского городищ косвенно указывает на направление первоначального освоения р. Чепцы – с верховьев р. Камы. Размещение же Хомяковских поселений на р. Убыти отражает стремление полумских племен к активному освоению среднего течения р. Чепцы.

Первые три группы: варнинская, гыркесшурская и, возможно, бalezинская, скорее всего, возникли одновременно, в конце IV в., и продолжали существовать до X в. включительно, четвертая – весьякарская – возникла в более позднее время – в VIII в. Благоприятные природные условия, разветвленная речная сеть способствовали увеличению численности населения. В каждой из групп известны городища, селища, могильники.

Наиболее активно процесс освоения среднего течения р. Чепцы шел в IX в., когда по неясным обстоятельствам (болгарское давление?) полумское население, оставив на старых местах незначительную часть, в основной массе переселилось на запад и заняло здесь не только причепецкие берега, но побережье всех основных притоков (рис. 1: 2). Центром на новой территории стала многочисленная чепецко-варыжская группа, где число вновь основанных поселений достигло 16. Здесь продолжали функционировать возникшие в VIII в. Весьякарское и Заболотновское городища, но появились и новые селища (Солдырские I и II, Турайские I и II, Полумское и Подборновское). Варнинская и гыркесшурская

группы в IX в. были немногочисленны. Население продолжало использовать старые поселения, новые почти не возникали, хотя наблюдались попытки освоения левого берега р. Чепцы (Тольенское селище).

В IX в. на Средней Чепце возникло девять новых локальных групп (рис. 1: 2): Сепычская – в среднем и нижнем течениях р. Сепыч (V), Дондыкарская – в верховьях р. Омыти (VI), Утемкарская – на правобережье р. Чепцы, в междуречье рр. Пышкец и Дондинка (VII), Убытьская – в бассейне р. Убыти (VIII), Кушманская – на правом берегу р. Чепцы, в междуречье рр. Тум и Люм (IX) и Люмская – на р. Люм (X). Три обособленных группы выделены в бассейне р. Лекмы, в ее нижнем (XI), среднем (XII) и верхнем (XIII) течении.

Поселения. На территории полумской культуры из 33 выявленных городищ к VI–VIII вв. относятся 14, а к IX в. и последующим – 19. Обращает на себя внимание высокий процент городищ в полумской культуре, причем в VI–VIII вв. он был еще выше (40,0%). Очевидно, при освоении бассейна р. Чепцы полумское население предпринимало особые меры безопасности, укрепляя свои поселки. Такие явления, как нестабильность обстановки, угроза внешнего нападения, возросли в IX в., на что косвенно указывают находки кладов ценной утвари и монет, соотносимые именно с периодом IX в.

Большинство городищ располагались на мысовидных холмах, образованных рекой и оврагом или двумя оврагами (рис. 2: 1–3, 6). Высота таких мысов различна, часто достигает 24 м (Гурьякар), 32 м (Весьякар) и более. Для городищ выбирались труднодоступные, защищенные естественными склонами места. При этом часто использовались естественные выступы террас, ее останцы (Комаровское). Достоверно известны лишь два городища, сооруженные на основном массиве террасы (Сепычское и Староунтемское).

Форма площадок городищ определялась природной конфигурацией мысов. Наряду с вытянутыми узкими треугольными (Кушняновское, Гординское I, Карильское) встречаются короткие треугольные площадки (Бalezинское, Полумское I (рис. 2: 3), Уканское, Хомяковское, Ежовское), неправильной формы (Варнинское I (рис. 2: 1)), широкие треугольные (Кушманское, Иднакар), языковидные (Зуйкар, Буринское, Полумское II (рис. 2: 2), Заболотновское), близкие к прямоугольным (Комаровское, Богатырское), овальные (Весьякар (рис. 2: 6)) и др. Иногда благодаря естественным условиям – останцу террасы, заключенному между двумя смыкающимися оврагами, – достаточно было верховья оврагов соединить и

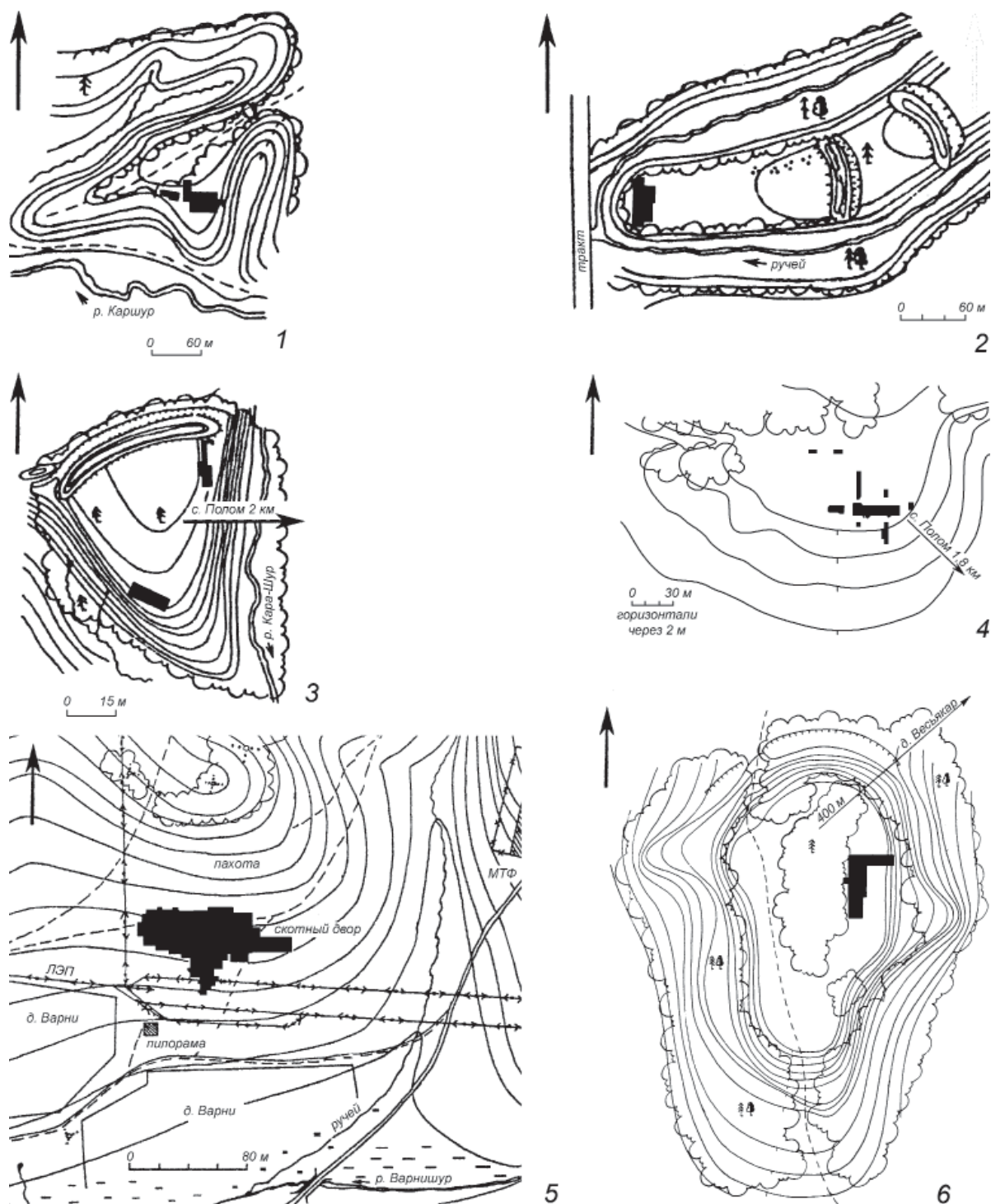

Рис. 2. Планы памятников полумской культуры.

- 1 – план Варнинского I городища; 2 – план Полумского II (Гыркесшур) городища;
 3 – план Полумского I (Каравалес) городища; 4 – Аммональный склад I селище;
 5 – план Варнинского могильника; 6 – план Весьякарского городища

углубить, как площадка получала завершённый вид (Комаровское).

Основная масса городищ – одноплощадочные с одной линией обороны – валом и рвом (рис. 2: 1, 3, 6). Известно лишь пять двухплощадочных памятников, у которых на небольшом расстоянии от первого вала и рва сооружена ещё одна линия укреплений (рис. 2: 2). Городище Гурьякар име-

ло три площадки. Сохранившиеся валы и рвы пересекают обычно мыс в наиболее узком месте по прямой или слегка изогнутой линии. Лишь на Лудошурском I городище вал образовывал почти прямой угол, отчего форма площадки приняла вид трапецевидной. В сохранившихся случаях валы имели длину от 20 (Извильское) до 200 м (Лудошурское II). На Гординском I (Гурьякар) городище

первый внутренний вал равнялся 30, второй – 70, а третий – 90 м. Сохранившаяся высота валов – от одного (Хомяковское, Кушманское) до четырех (Балезинское, Новогиинское) метров. В некоторых случаях валы полностью разрушены распашкой (Староунтемское и др.). На городище Дондыкар существование вала высотой 1,23 м было выявлено только в результате раскопок.

В большинстве случаев валы представляли обычную земляную насыпь с частоколом по наиболее высокой части без каких-либо конструктивных особенностей. Так, при обследовании вала Варнинского I городища высотой 2 и шириной 11,5 м, Г.Т. Кондратьева выяснила, что насыпь была земляная – из глины, с прослойками угля, золы и другого грунта разного цвета (Кондратьева, 1964а, с. 121). А.П. Смирнов, изучавший Дондыкарское городище, писал, что вал высотой 1,23 и шириной 5 м был насыпан из плотно утрамбованной красной глины и с внутренней стороны укреплен «деревянной стеной из горизонтальных восьмивершковых бревен, закрепленных вертикальными столбами» (Смирнов, 1929, с. 27, табл. 11, рис. 2). Вал ограничивал площадку Дондыкарского городища лишь с напольной стороны, а края площадки вдоль оврагов были укреплены частоколом из круглых бревен диаметром 0,25–0,3 м. Остатки такого же тына – изгороди по краю площадки обнаружены А.П. Смирновым и на Кушманском городище (Иванова, 1976, с. 93–94). По-видимому, эта деталь характерна для всех укрепленных городков бассейна р. Чепцы.

Рвы сохранились значительно хуже валов. На городище Весьякар видимый ров имел длину 52, ширину 3 и глубину 0,6 м (Семенов, 1985, с. 48). Площадка этого памятника, как считает В.А. Семенов, была дополнительно подсыпана, и на боковых склонах были искусственно оформлены небольшие выступы. Подобный срез отмечен и в мысовой части площадки. Аналогичные операции: подсыпку площадки и подрезку склонов – Н.Г. Первухин отмечал на Буринском (Джутемкар) и Богатырском городищах (Первухин, 1896а, с. 47–48, рис. 65–67). Подрезка оконечности мыса на высоту 3–12 м также характерна для многих городищ полумской культуры (Карйыл, Варни II, Балезино, Заболотное и др.) (Первухин, 1896а, рис. 14, 15, 26, 27, 33, 45, 63, 100).

Мощность культурных остатков колеблется в пределах 0,15–1,8 м. Она зависела в значительной степени от наклона площадки. Так, на Весьякарском городище в северной части толщина культурного слоя составляла 0,15–0,2 м, у юго-западного склона – 1,0, юго-восточного – 1,8 м. Подобная картина выявлена и на городище Сабанчикар, где в центральной и восточной частях площадки

мощность слоя составляла 0,1 м, а у западного склона – 1,0 м.

Площадь городищ колеблется от 2,4 до 40 тыс. кв. м. Наиболее часто (около 60%) встречаются небольшие городки площадью до 5 тыс. кв. м. Единственный памятник – Иднакар имеет площадь 40 тыс. кв. м. В каждой территориальной группе зафиксирован административный центр – городище большей площади, чем остальные. Все укрепленные поселения были обитаемы.

Из известных к настоящему времени селищ полумской культуры (более 40) одна треть возникла в VI–VIII вв., остальные в IX в. Число селищ в одной локальной группе иногда превышало 10. Большинство селищ приурочены к городищам, площадь их 6–12 тыс. кв. м. Мощност культурного слоя – 0,2–0,4 м. В V–VI вв. население начало активно расселяться на селищах.

Основные находки на поселениях обоих типов – обломки глиняной посуды, кости животных, предметы быта, украшения. На полумских поселениях исследованы остатки наземных бревенчатых срубных жилищ без фундамента со следами глинистой или гравийной подсыпи (Семенов, 1979, с. 119–157). Очаги в ранних жилищах располагались на полу (рис. 3: 2), в поздних появились глинобитное основание (рис. 3: 2) и каменная кладка (рис. 3: 4). В пределах жилищ располагались 1–3 хозяйственные ямы, иногда облицованные досками или берестой. Кроме жилищ исследованы амбары, сараи, хлева, культовые постройки (рис. 3: 1, 3). Полумские жилища имеют много общих черт с домостроительными традициями ананьинско-гляденовского населения (Семенов, 1979, с. 156–157; Черных, 2008, с. 62–65).

Одним из ярких признаков полумской культуры является **глиняная посуда**, известная как по материалам могильников (Весьякар – 17 экз., Варни – 281, Мыдланьшай – 25 (рис. 4), Омутница – 146, Красная Горка – 30), так и поселений (Весьякар – 528 экз. (рис. 5), Гурьякар – 114, Сабанчикар – 84, Дондыкар – 195, Кушманское – 87). Глиняное тесто содержит добавки толченой раковины, иногда растительных остатков, реже – песка. Посуда отличается низкими пропорциями, округлым дном, приземистостью (рис. 4, 5). Горшководные формы не обнаружены.

Наиболее распространены чаши с округлым туловом, разными вариантами профилировки верхней части и слегка уплощенным дном (рис. 5: 3–5, 7–10). Довольно много на поселениях чаш без шеек (рис. 5: 1, 2). Интересны прямостенные чаши с уплощенным дном и отогнутой невысокой шейкой (рис. 5: 4). На могильниках чаще всего использовались округлобокие чаши с хорошо выраженной отогнутой шейкой (рис. 4:

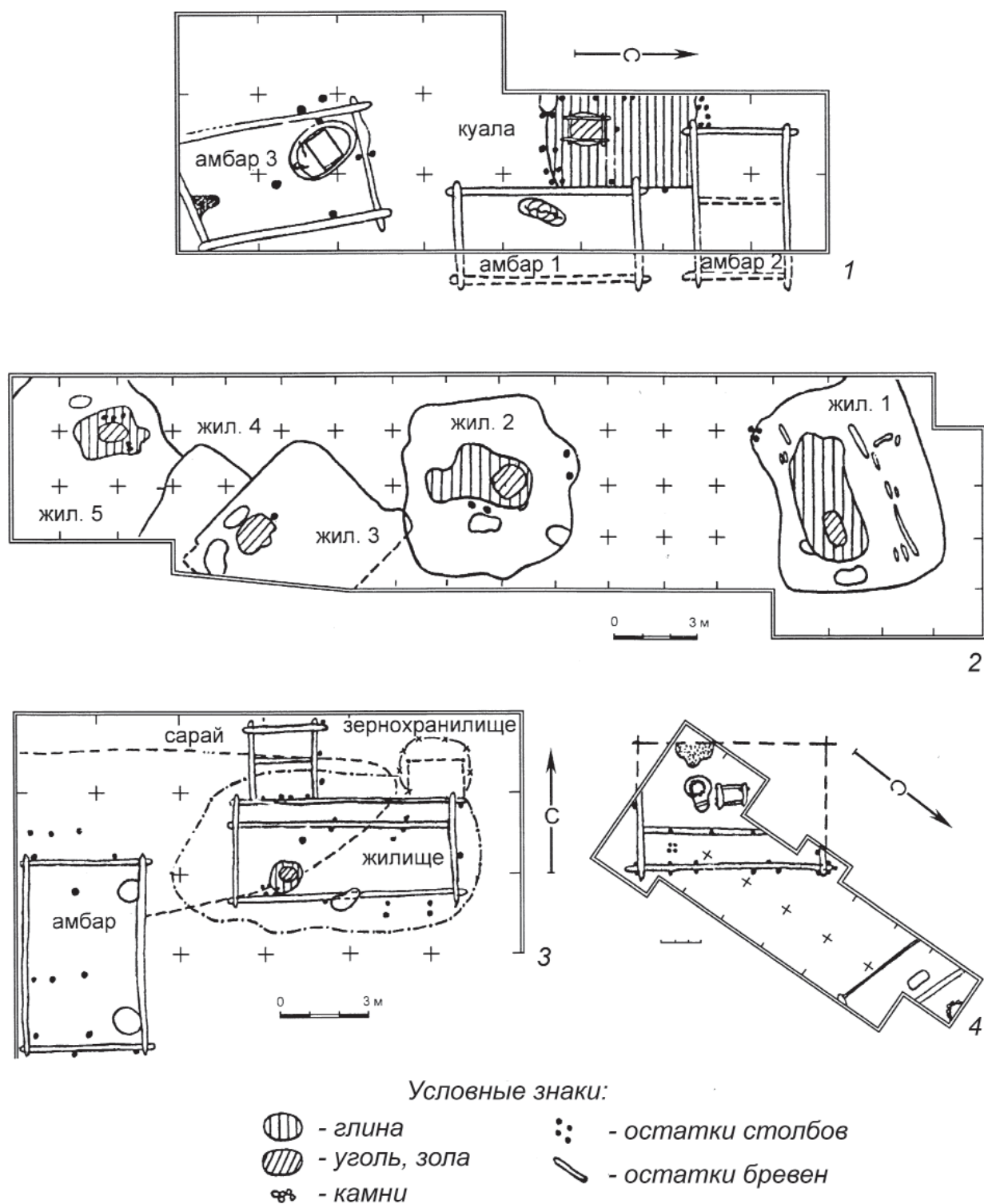

Рис. 3. Планы жилищ полемской культуры. 1 – планы построек Полемского II городища; 2 – планы построек Полемского II городища (раскопки В.Е. Стоянова, 1959 г.); 3 – план объектов раскопа II Варнинского I городища; 4 – план раскопа селища Аммональный склад I. 1, 3, 4 – по В.А. Семенову; 2 – по В.Е. Стоянову

1–12). Поселенческая посуда чаще (74,3%), чем погребальная (24,7–35,9%), украшена по венчику. Сосуды украшены в основном насечками (рис. 5: 7, 8), оттисками гребенчатого штампа (рис. 5: 2) и защипами (рис. 5: 5, 9), реже ямками, отпечатками шнура, ногтей и фигурного штампа. Среди погребальной посуды, по сравнению с поселен-

ческой, значительна (38,0–92,0%) доля сосудов, украшенных по шейке (14,6–42,6%). Широко использовались для украшения посуды, извлеченной из могильников, оттиски шнура (54,5–75,0%, рис. 4: 4–7, 9, 10), а также фигурных – треугольных, квадратных, ромбических – штампов (37,5–82,6%, рис. 4: 3, 5–9, 11, 12). Орнамент шеек по-

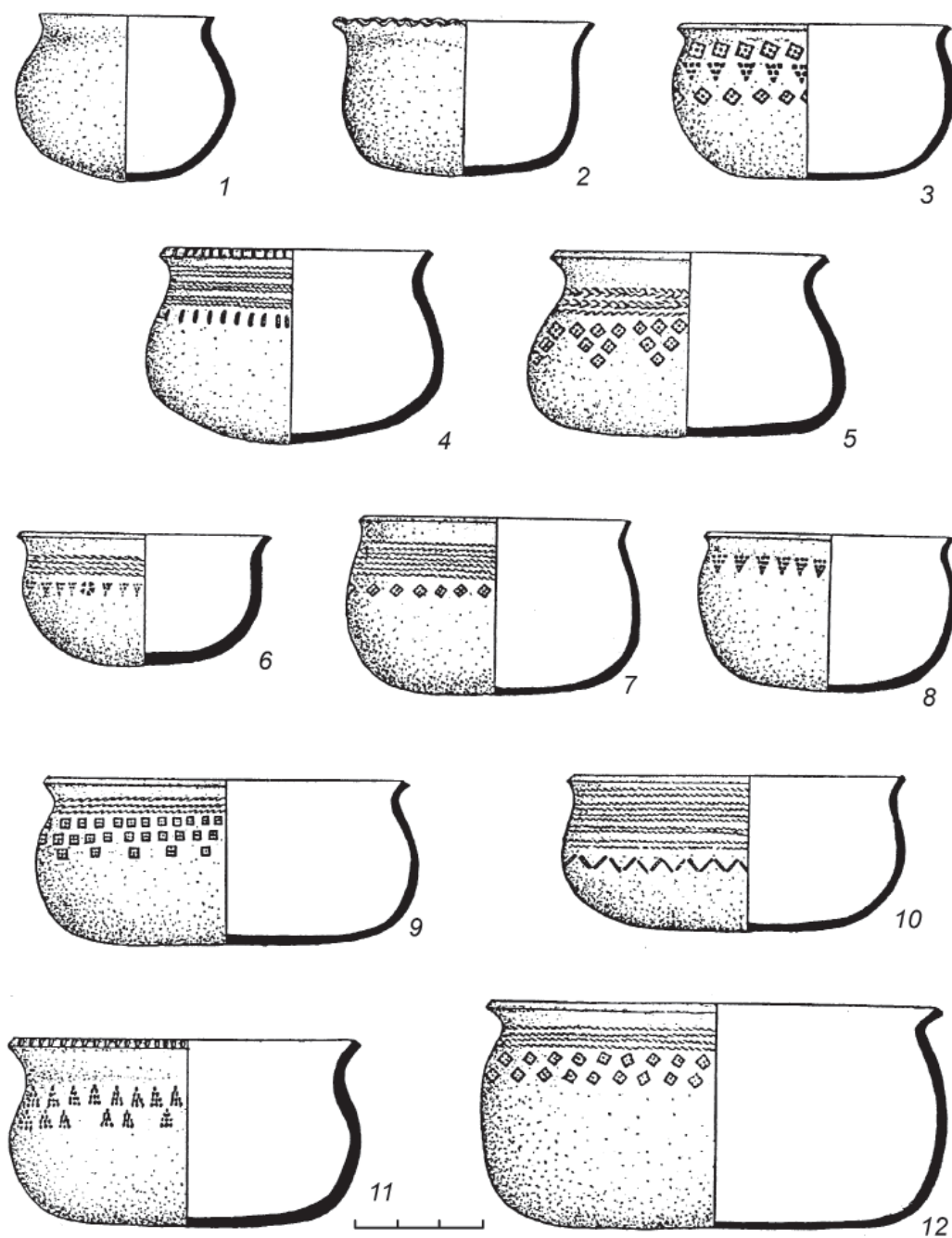

Рис. 4. Глиняная посуда могильника Мыдлань-шай

селенческой посуды более разнообразен: чаще всего отмечены оттиски гребенчатого штампа (35,3–75,4%, рис. 5: 1, 2, 4, 9), дополненного шнуровыми (20,0–35,3%, рис. 5: 3, 9, 10). Остальные элементы встречались реже. На сосудах Поломского I городища вторым элементом в узоре были ямки (20%), а городища Сабанчикар – резные линии (33,4%). Посуда с городищ Гурьякар и Дондыкар в основном орнаментирована оттисками шнура (38,8 и 36,4%) и фигурного штампа (20,9 и 26,3%). Таким образом, поселенческую посуду полемской культуры можно в целом охарактеризовать как гребенчато-шнуровую или шнурово-фи-

гурноштампованную, а погребальную – как шнурово-фигурноштампованную. В.Ф. Генинг считал решетчатый штамп на глиняной посуде одним из проявлений угорского влияния в ПК.

К настоящему времени довольно хорошо известны угорские и самодийские древности как предшествующего, так и изучаемого времени (Могильников, 1987, с. 163–235) и керамика ни одной из сибирских культур не имеет ничего общего с глиняной посудой ПК. Керамика этой культуры по всем признакам: форме, примесям, технике выделки, орнаментации имеет прикамское происхождение и надежную привязку как к

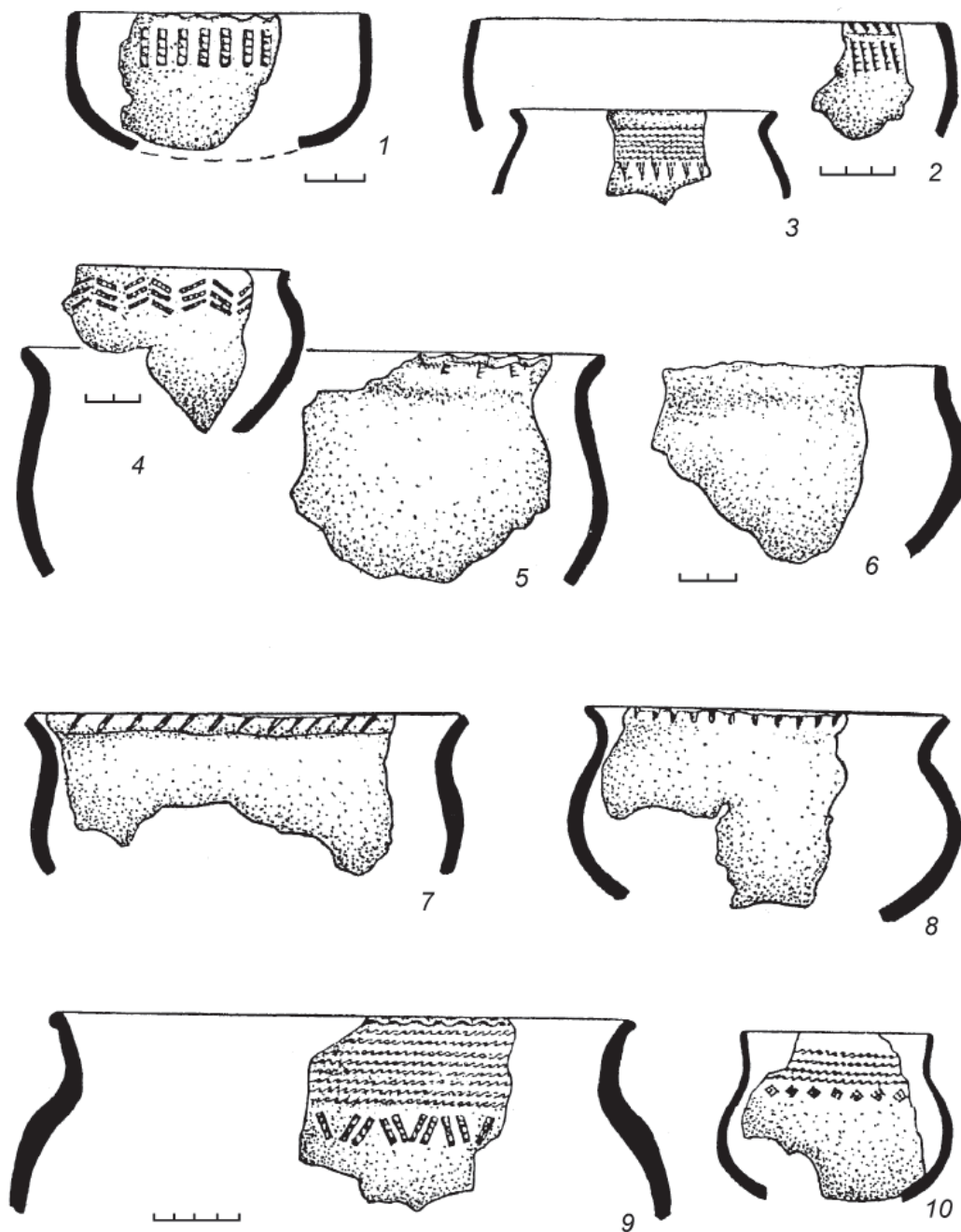

Рис. 5. Глиняная посуда городища Весьякар

предшествующим, так и последующим комплексам. Полумские мастера, имея богатые традиции в оформлении разнообразных вещей, в том числе и керамики, могли прийти к подобному решению, лишь несколько усложнив хорошо известный и применяемый уже тысячелетиями гребенчатый штамп. В полумской культуре использовали лишь два варианта штампа: треугольник и квадрат. Уже при украшении посуды эпохи бронзы в Прикамье мастера добивались эффекта заштрихованных треугольников, квадратов, ромбов с помощью многократных оттисков гребенчатого штампа или прочерчивания.

Первые попытки формирования решетчатого узора полумского типа хорошо просматриваются на одном из фрагментов средневековой керамики, найденном на Русиновском II селище Верхокамья, датированном V–VI вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 38-12). Здесь мастер, выполняя заштрихованный ромб, по сути, уже нашел вариант, хорошо известный нам на полумской посуде, – ромб в технике решетчатого штампа, но сделал это с помощью обычного гребенчатого. Аналогичная попытка – изобразить ромб с помощью гребенчатого штампа – видна и на посуде с Аверинского II могильника (Голдина, Кананин, 1989, рис. 42-6,15).

Для нас важно, что попытки получить изображение ромба с помощью штампа имели место в Прикамье и, вероятно, гончары, открыв для себя этот прием, сделали его «визитной карточкой» полемского населения.

Могильники. На семи исследованных могильниках ПК изучено более 1000 захоронений. Некрополи занимали места с необычной топографией – это возвышенные площадки мысов (Тольен, Мыдланьшай, Весьякар) или их склоны (Варни (рис. 2: 5)). Как и везде, в Прикамье наблюдается приуроченность могильников к рекам. Все объекты расположены на берегах р. Чепцы и почти все в местах впадения в нее притоков (Тольен, Варни, Омутница). Могильники полемского времени находились поблизости от поселений, обычно на соседнем мысу. Как правило, расстояние между могильником и поселением не превышало 0,2–0,5 км.

Могильники занимают большие площади и содержат значительное число могил. Так, на Варнинском могильнике изучено 563 захоронения (рис. 6), на Полемском I – 178, на Мыдланьшае – 86 (рис. 7), Полемском II – 153, Тольенском – 122, Весьякарском – 19. При этом ни один из памятников не изучен до конца и почти все они в различной степени разрушены.

Захоронения располагались рядами числом от 6 до 13, характерна высокая плотность могил в рядах. Над погребениями устраивались надмогильные сооружения из дерева. Размеры могил зависят от пола погребенного, несколько больших размеров и глубже ямы на могильнике Мыдланьшай. Могилы имели прямоугольную форму, отвесные стенки и плоское дно (рис. 8: 5–8). Изредка отмечены ниши, с различными дарами умершему. Внутримогильные конструкции – дощатые гробы (рис. 8: 4, 7), берестяная подстилка или гробовище из луба. Захоронения преимущественно индивидуальные. Основной способ погребения – труположение, вытянуто на спине (рис. 7: 2, 5; 8: 1, 4, 7). Очень редки (1,3%) случаи трупосожжения – кости и угли сыпаны на дно, вещи лежали беспорядочно. Ориентировка погребенных различна и зависит, вероятно, от принадлежности к различным группам населения. На Варнинском могильнике подкурганые захоронения ориентированы на СЗ, и отмечена также смена в период с IV в. до IX в. западной ориентировки на восточную и появление в VIII в. могил с северной ориентировкой. Вещей в могилах много (89,5% всех могил содержит инвентарь). В женских захоронениях это височные подвески, браслеты, перстни, пояса, ножи, шилья, в мужских – браслеты, пояса, ножи, конская упряжь, оружие. Инвентарь располагается так, как использовался при жизни.

Особенностью обряда полемского населения, как и других пермян, являлись погребальные дары, в которые входили отдельные вещи и их наборы. Чаще всего их составляли височные подвески, бусы, пояса и их детали, шилья, пряслица, ножи, браслеты, перстни и другие предметы. В 11 случаях эти остатки размещались в берестяных сосудах. Расположение погребальных даров различно: в изголовье (рис. 7: 4), у ног, в области коленей (рис. 8: 2), в нише, в засыпи могил. Топоры, ножи и наконечники стрел, обнаруженные в могиле вне гроба (Варни, погр. 170, 171), очевидно, были тоже погребальным даром.

Во многих могилах (57,9%) расчищены как целые сосуды, так и их обломки. Наряду с глиняной посудой в погребениях встречались железные и бронзовые котелки, а также берестяные и деревянные сосуды. В нескольких случаях в сосудах найдены костяные и деревянные ложки. В сосудах ставили, очевидно, напутственную еду. Кроме посуды, клали и куски мяса: грудинку с ребрами или позвонками, тушки птиц. Чаще всего использовали мясо крупного рогатого скота, реже – лошадей, мелкого рогатого скота, свиньи, лося. Костные остатки их найдены в 15,1% могил Варнинского и в 57% захоронений могильника Мыдланьшай.

Иной характер имели черепа, челюсти, зубы, кости конечностей лошадей и крупного рогатого скота, извлеченные из засыпи, реже со дна могилы. В этом случае они символизировали, вероятно, животное, должное возродиться и служить хозяину на том свете. Аналогично предназначение и диких животных, остатки которых обнаружены в могилах охотников на Мыдланьшае. В могиле 38 найдены два хвостовых позвонка лисицы, в засыпи могилы 54 – целый скелет лисицы, а в погребении 65 – два позвонка крупного медведя. Можно предположить, что это сделано с целью способствовать охотничьей удаче в загробном мире.

Наконец, третий вариант находок костей животных, отражающий поминальные тризны по умершим, выявлен вместе с разбитыми сосудами на площади некрополей вне могильных ям. В большинстве случаев их трудно увязать с конкретным захоронением, возможно, еще и потому, что эти обряды, как и сейчас, совершались в поминовение всех близких родственников. Лишь в единичных случаях можно приурочить остатки к конкретному захоронению. Так, возле могилы 12 Варнинского могильника исследована яма, в которой стоял глиняный сосуд с костяной ложкой внутри.

Случайные находки и клады немногочисленны. Ягошурский клад обнаружен в 1867 г. при распашке поля у пос. Ягошурского Балезинского района Удмуртии. Он состоял из кувшина, в котором

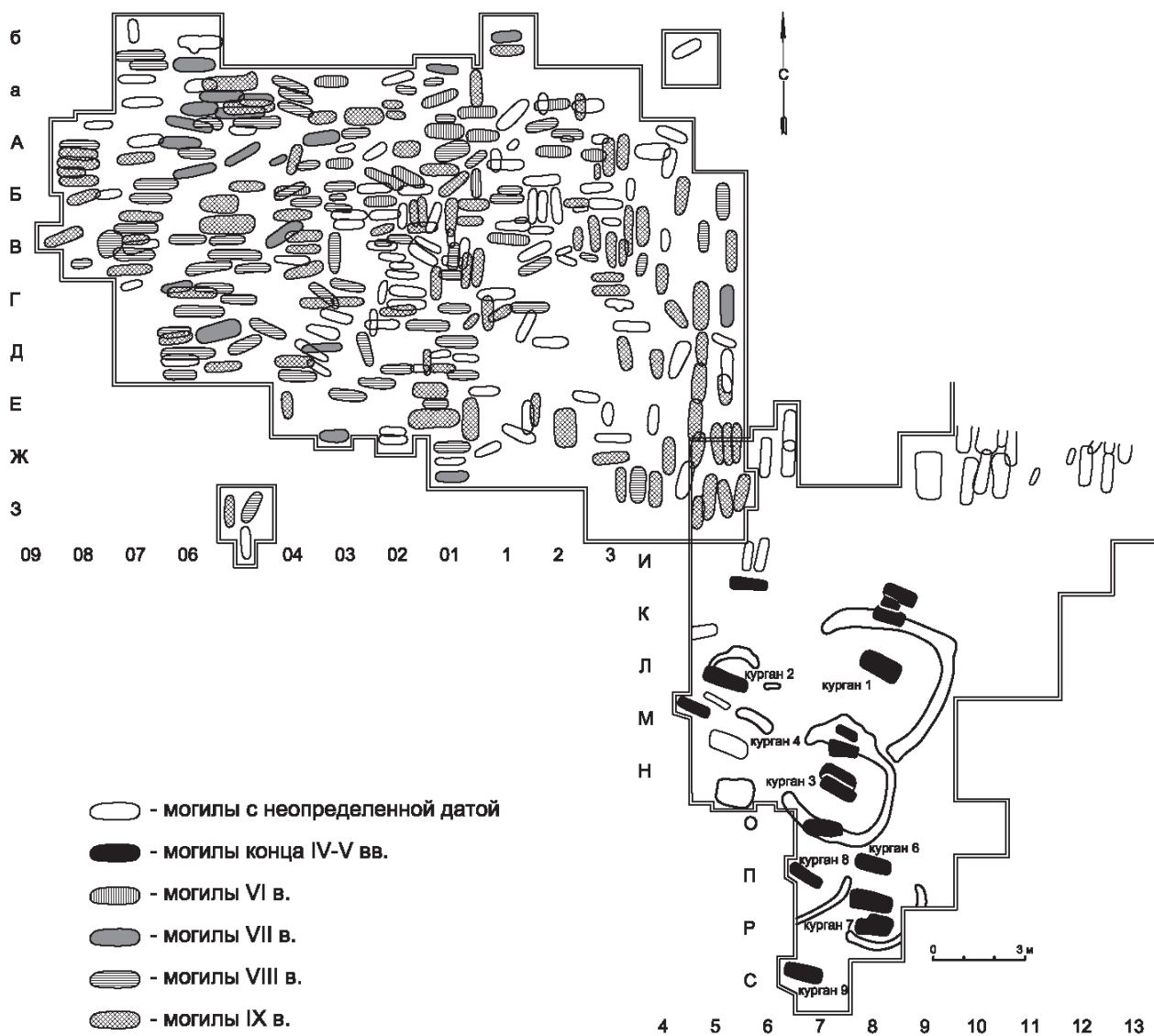

Рис. 6. Варнинский могильник. Размещение могил в соответствии с хронологическими группами (северо-западная часть раскопа по В.А. Семенову, 1980, рис. 2; юго-восточная – по А.Г. Иванову, 1999, рис. 2)

лежали серебряный слиток весом 18 золотников и около 1500 дирхемов. Самые поздние из последних датируются 843–844 гг. Кувшин изготовлен в VIII в. в восточных районах Средней Азии (Даркевич, 1976, с. 8–9, 3). Клад был захоронен не ранее середины IX в.

В 1884 г. при пахоте близ д. Седьяр Балезинского же района на правом берегу р. Чепцы найден серебряный кувшин VIII в. На ручке сосуда, частично поврежденного сохой, вырезана тюркская руническая надпись: «За младшую дочь Герюнчу, невесту, подарок». В.П. Даркевич считает, что, судя по надписи и форме поддона, кувшин изготовлен на востоке Средней Азии (Даркевич, 1976, с. 9, 4, табл. 20-5,6). Глазовский клад монет VIII в. был обнаружен в 1850 г. в 1 км от города. В составе клада – омейядский дирхем чеканки 739 г. н. э., а также два аббасидских дирхема, че-

каненных в 780–781 гг. и в 784 г. (Спицын, 1893, с. 80).

Особый интерес представляет Лесогуртский клад монет и вещей. В 1961 г. учащиеся Дебесской школы обнаружили у д. Лесогурт на берегу р. Игимки, левого притока р. Чепцы, на глубине 0,1–0,3 м от поверхности клад монет и вещей. В состав клада входили 23 медных тонких прямоугольных пластины размерами 20–25×2,5×0,2 см, очевидно, заготовки, две сломанные серебряные гривны глазовского типа с колбочками на концах и серебряная шкатулка. Кроме того, здесь же найдены 139 монет. Из них, по определению С.А. Яниной, 6 экз. – Сасаниды, 2 экз. – Испахбеды, 22 экз. – Омейяды, 106 экз. – Аббасиды и 3 экз. – мелкие династии Африки. Самая ранняя монета – сасанидская (590 г. н. э.), самая поздняя – аббасидская (841–842 г. н. э.) (Кондратьева, 1964, с. 233).

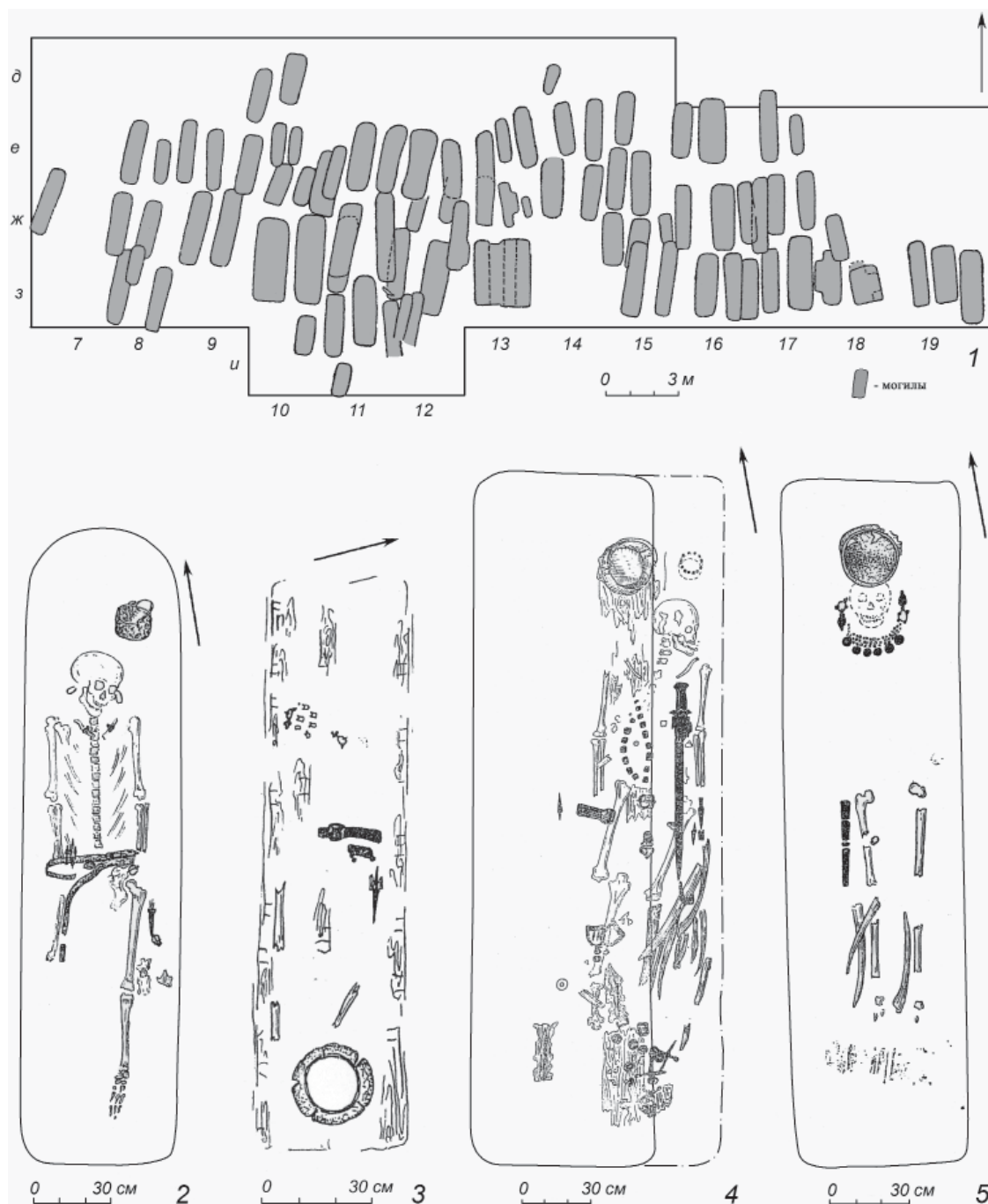

Рис. 7. Могильник Мыдлань-шай.

1 – план раскопа; 2 – план погр. 11; 3 – план погр. 41; 4 – погр. 50; 5 – план погр. 74 (по В.Ф. Генингу)

Интересно, что большинство кладов полемского времени находилось на левобережье р. Чепцы, лишь одна находка – Седьярская – была на правобережье. Все перечисленные клады могли быть закопаны, судя по их составу, не ранее IX в. Состав Лесогуртского клада указывает на более точную дату – вторую половину IX в. Выпадение этих кладов связано с какими-то экстремальными событиями (нападение болгар?). К этим событиям IX в., очевидно, имеют отношение некоторые клады гривен глазовского типа, которые, по данным А.Г. Иванова, были широко распространены на

р. Чепце – 176 экземпляров из 51 места (Иванов, 1997, с. 74), и датируются им VIII – первой половиной XI в. Обращает на себя внимание также отсутствие в составе полемских кладов предметов восточного импорта III–VII вв., столь многочисленного на Верхней Каме и в бассейне р. Сылвы.

Случайные находки различных украшений представляют собой, скорее всего, сборы с разрушающихся памятников. Очевидно, такого происхождения пластинчатый браслет, найденный возле д. Малая Медла (Семенов, 1976, с. 140), а также арочная подвеска с цепочками и привесками, об-

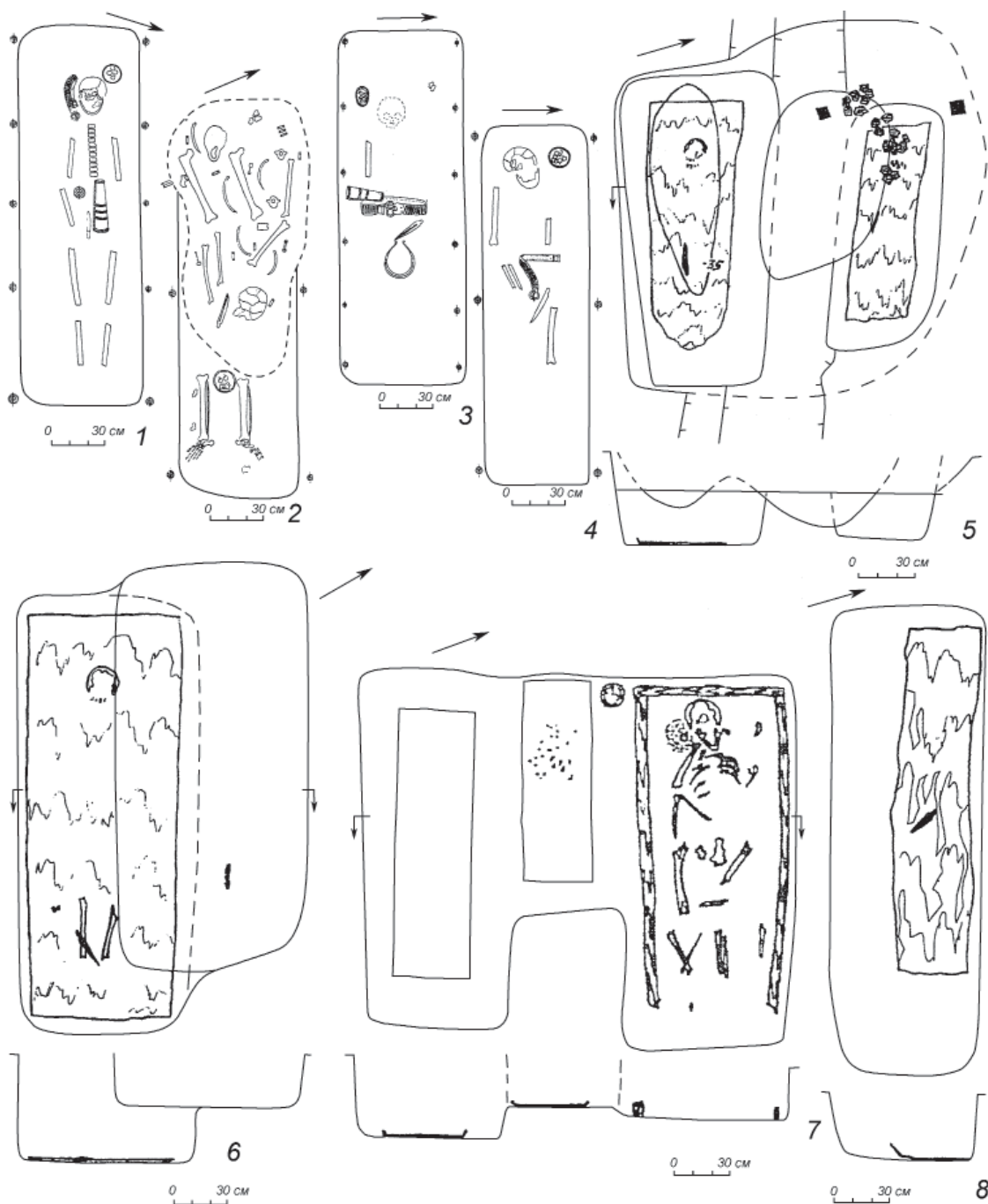

Рис. 8. Варнинский могильник. Планы погребений.

1 – погр. 70; 2 – погр. 114; 3 – погр. 130; 4 – погр. 134; 5 – погр. 515, 516; 6 – погр. 512, 514; 7 – погр. 370, 377, 379 (кург. 1); 8 – погр. 430 (кург. 2). 1–4 – по В.А. Семенову; 5–8 – по А.Г. Иванову

наруженная в 1895 г. возле д. Макаровой Балезинского района Удмуртии (ОАК, 1897, с. 55–56).

Хронология и датировка. В.Ф. Генинг датировал ПК III–IX вв. (Генинг, 1958, с. 92–102) и делил на три этапа: гыркесшурский (III–V вв.), каравалесский (VI–VIII вв.) и мыдланьшайский (VIII–IX вв.) (Генинг, 1962, с. 88; 1967в, с. 274).

На основании материалов Варнинского могильника В.А. Семенов предложил новые даты этапов: I – гыркесшурский (конец V – первая половина VII в.) с разделением на две группы: 1-я – конец

V – первая половина VI в., 2-я – вторая половина VI – первая половина VII в.; II этап – каравалесский (вторая половина VII – первая половина VIII в.) и III этап – мыдланьшайский (вторая половина VIII – первая половина IX в.) (1980, рис. 10, 11).

Общая схема развития полемского материала, представленная В.А. Семеновым, существенных возражений не вызывает, однако некоторые принципиально важные моменты нуждаются в уточнениях. В частности, вызывает сомнение объеди-

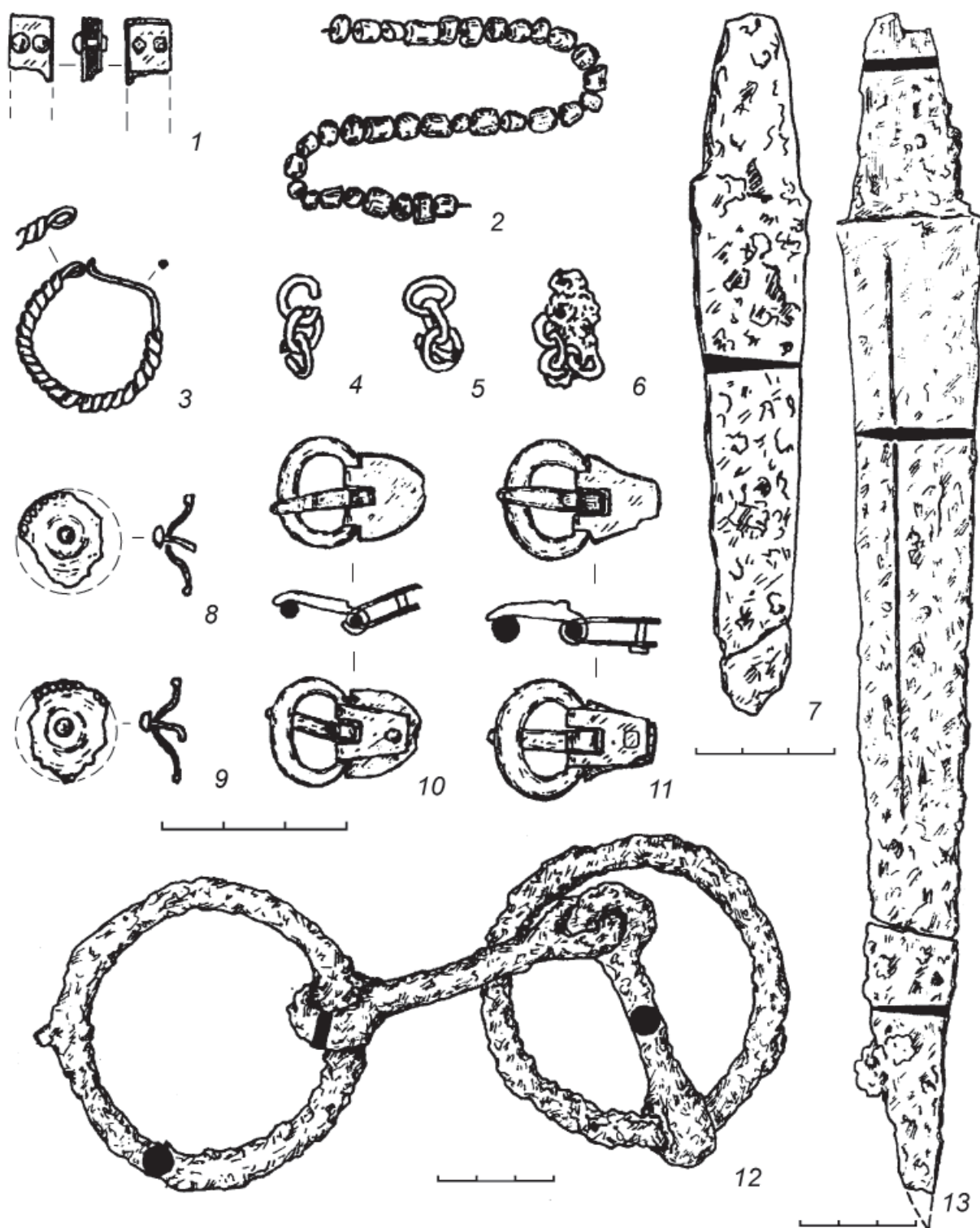

Рис. 9. Вещи варнишурской стадии полемской культуры (конец IV-V вв.) (по Иванову, 1999, рис. 3,6,7)

нение в один хронологический пласт комплексов конца V – первой половины VII в. (гыркесшурская стадия), так как предметы V–VI с одной стороны и конца VI–VII в. – с другой хорошо разделяются стратиграфически и типологически и могут быть самостоятельными этапами.

Кроме того, вызывают возражения названия этапов культуры, определенные по слабо изучен-

ным и недостаточно точно датированным поселениям, более правильно было бы при этом чаще обращаться к материалам могильников. Представляется также целесообразным уточнить и хронологические рамки культуры, как ее раннюю, так и позднюю дату.

Бесспорный интерес представляет периодизация ПК, предложенная А.Г. Ивановым. В основ-

ном предлагаемые им даты стадий совпадают с моими, но он сомневается в названии одной из стадий – весьякарская (Иванов, 1999, с. 52). Учитывая близость полумской и чепецкой культуры, он считает целесообразным объединить их в рамках одной культуры – чепецкой, с разделением на два периода: полумский (конец IV–IX вв.) и иднакарский (X–XIII вв.). Сама идея объединения полома и чепцы вполне своевременна, но поскольку термины «полумская» и «чепецкая» культуры используются в науке с 1958 г. (Генинг, 1958, с. 92–102), то более удобным будет устоявшееся и понятное всем название «полумско-чепецкая» культура.

Что касается названия стадии конца VII–VIII вв. «весьякарская» вместо карвалесской, то хочу пояснить, что в свое время, когда В.Ф. Генинг вводил этот термин, он понимал под ним памятники VI – первой половины VIII в. Сейчас они относятся к трем разным стадиям, и понятно, что каждая из них имеет свои оригинальные материалы. Вещи конца VII–VIII вв. хорошо представлены на Варнинском, Полумских I и II могильниках, названия которых уже использованы. Поэтому я решила для обозначения этой стадии использовать объекты Весьякарского куста: могильник, городище, селище. Они, без сомнения, по современным представлениям, функционировали в VIII в (Генинг, 1979а, табл. II-1,2,16,23; III-3-6,8,14,15; Семенов, 1985, рис. 7-4; 14-3). Что же касается использования В.Ф. Генингом термина «весьякарский» для обозначения раннего этапа чепецкой культуры (Иванов, 1999, с. 38), то здесь мы имеем дело с некоторым лукавством, так как в тексте, обозначенном А.Г. Ивановым (Генинг, Стоянов, 1961, с. 87–90) речь идет не о весьякарском этапе, а о Весьякарском городище IX–XII вв. Да и М.Г. Иванова, основной исследователь чепецкой культуры, нигде не писала о таком этапе.

Таким образом, типологический, планиграфический (на Варнях многочисленны случаи взаимоперекрывания могил) и культурно-стратиграфический анализ материалов, прежде всего Варнинского, а также других полумских (Мыдланьшай, Весьякар, Омутница, Гордино, Тольен) могильников дает основание выделить в полумских древностях пять хронологических стадий.

Первая, ранняя стадия известна пока только по материалам Варнинского могильника. Ее погребения расположены в юго-восточной части раскопа (рис. 6). Они немногочисленны – 18 захоронений из 9 распаханных курганов диаметром 2,8–9 м. Канавки имели длину 0,80–2,25 м, ширину 0,29–1,76 м и глубину до 0,82 м. Курганы и погребения были выстроены в четыре ряда, ориентированных по линии СВ–ЮЗ. Захоронения совершены в простых прямоугольных ямах глу-

биной 0,42–0,9 м. Умершие уложены вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, СЗ, редко – З. Сопровождающий инвентарь беден (Иванов, 1999, с. 21–24). В его числе височная подвеска (рис. 9: 3), бисер печеночного, желтого и черного цветов (рис. 9: 2), обрывки цепочек (рис. 9: 4–6), маленькие трехсоставные пряжки (рис. 9: 10, 11), обломок наконечника ремня со шпеньками-полусферами (рис. 9: 1), умбовидные бляшки (рис. 9: 8, 9), железные кольчатые удила (рис. 9: 12), железные ножи с желобком вдоль лезвия (рис. 9: 13) и без него (рис. 9: 7).

Дату погребений этой стадии конец IV–V в. достаточно убедительно обосновал А.Г. Иванов (1999, с. 24: 35). Вопрос о названии стадии не прост. Поскольку захоронения этого времени известны только на Варнинском могильнике, а название «варнинская» мной уже закреплено за стадией III, предлагаю назвать самую раннюю стадию полумской культуры варнишурской до появления нового памятника с курганными захоронениями на р. Чепце.

Вторая стадия лучше всего представлена также на Варнинском могильнике. К этому времени можно отнести 17 могил, локализованных в северной части раскопа (рис. 6), которые отличаются однотипным и весьма выразительным инвентарем. Среди наиболее характерных вещей этой группы крупные (рис. 10: 1, 5) и средних размеров (рис. 10: 9–11, 19) трехсоставные пряжки, различные варианты прямоугольных (рис. 10: 7, 8, 14–16) или круглых (рис. 10: 13) накладок, крупные наконечники ремней – коробочки (рис. 10: 23, 25). В этих же комплексах встречаются височные подвески из одного (рис. 10: 4) или двух (рис. 10: 2) крупных или мелких калачевидных (рис. 10: 20) колец, а также с привеской-бубенчиком (рис. 10: 3), кольцевидные (рис. 10: 12) или трапециевидные (рис. 10: 18) подвески, объемные изображения коня (рис. 10: 21) и рыси (рис. 10: 22), пластинчатые гривны с трехгранным сечением (рис. 10: 28). Из предметов вооружения популярны железные ножи с желобком вдоль лезвия (рис. 10: 27) и ножнами, украшенными бронзовыми пластинами (рис. 10: 26, 29), костяные наконечники стрел с трапециевидным сечением (рис. 10: 17), из орудий труда – бронзовые щипчики (рис. 10: 24) и сверла (рис. 10: 6).

До обнаружения курганных захоронений на Варнинском могильнике эта группа была самой ранней из всех полумских. Кроме того, изучение материалов Верх-Саинского могильника в сылвенском поречье дало возможность хорошо представить набор вещей VI в., и именно им соответствуют предметы этого времени в полумской культуре (Голдина и др., 2018, табл. 428–431,

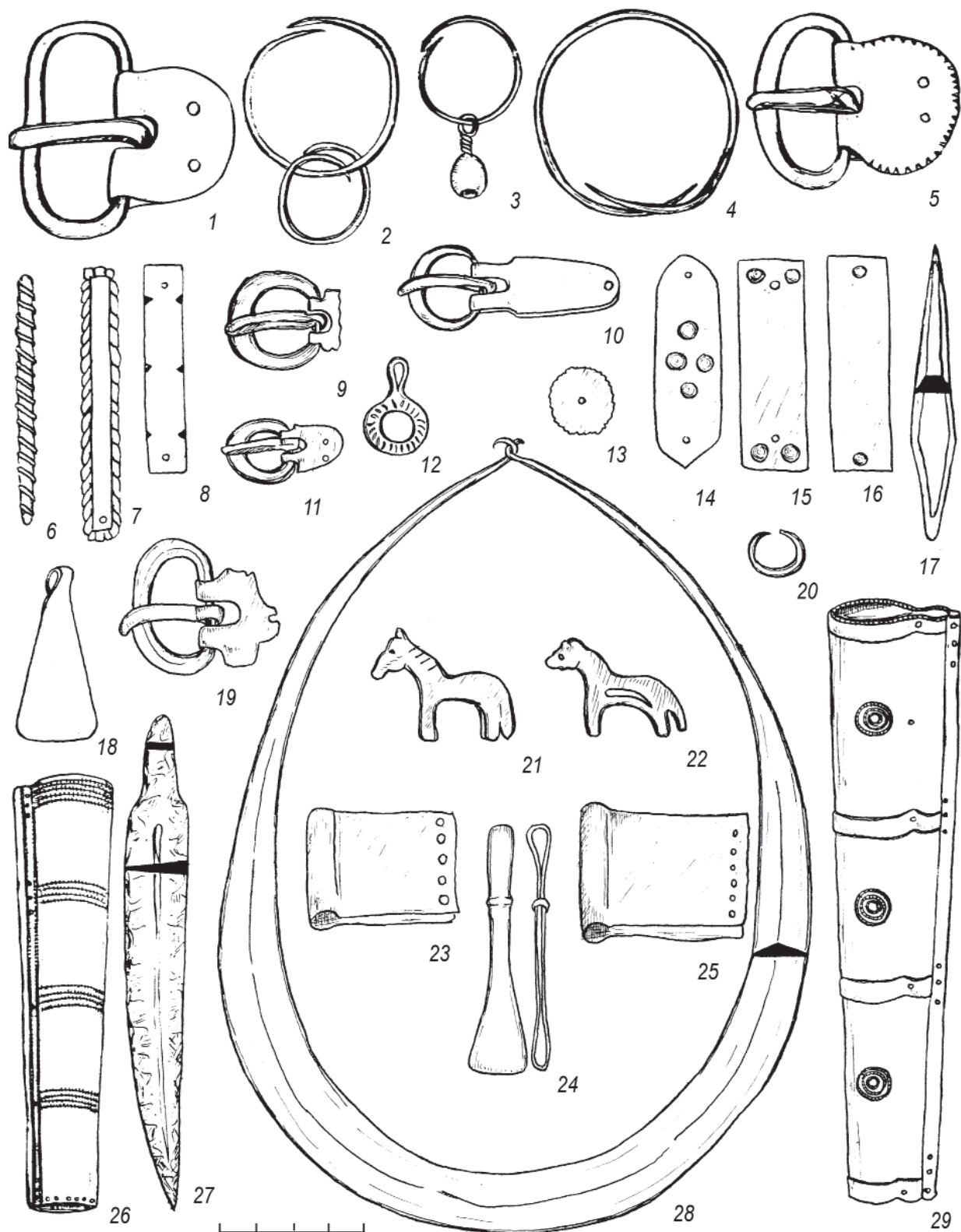

Рис. 10. Вещи гыргешурской стадии полемской культуры (VI в.). Масштаб различен

438–444). Аналогичны верх-саинским крупные трехсоставные пряжки из полома (Голдина и др., 2018, табл. 430-15); прямоугольные (Голдина и др., 2018, табл. 431-18) и круглые (Голдина и др., 2018, табл. 431-19) накладки, калачевидные височные подвески (Голдина и др., 2018, табл. 438-

1); наконечники ремней типа коробочки (Голдина и др., 2018, табл. 430-17), полые пронизки-коньки (Голдина и др., 2018, табл. 441-5, 9) и росوماхи (Голдина и др., 2018, табл. 441-6), конусовидные деревянные ножны с обкладкой из бронзовых пластин (Голдина и др., 2018, табл. 441-4) и дру-

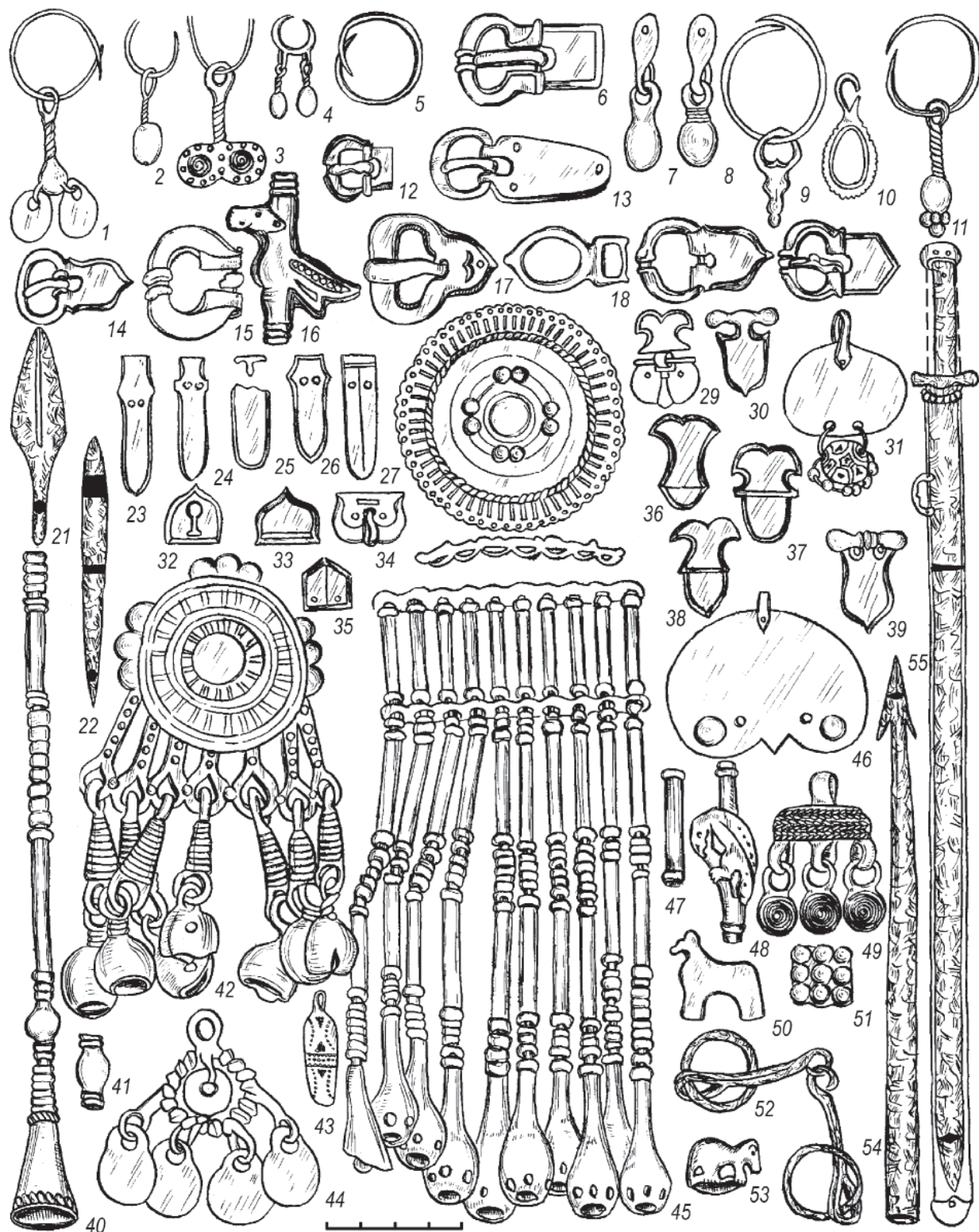

Рис. 11. Вещи варнинской стадии полумской культуры (конец VI–VII в.). Масштаб различен

гие предметы. Тождественность многих изделий верх-саинским VI в. позволяет уверенно относить эту стадию именно к этому времени.

Ранний этап полумской культуры в свое время был назван В.Ф. Генингом и В.А. Семеновым гыркесшурским. На городище Гыркесшур (Полумское II) действительно довольно выразительна выборка

этого времени, поэтому считаю возможным сохранить это название за второй стадией полумских памятников, определив ее дату в пределах VI в. В конце IV в. возникли варнинская территориальная группа (I) (рис. 1–2) в верховьях р. Чепцы, в VI в. – гыркесшурская (II), балезинская (III), убытьская (V). Весьякарский локальный район

(IV) был заселен, судя по современным материалам, в VIII в. Возможно, с накоплением новых данных выяснится, что это произошло и в более раннее время. В отличие от населения кунгурской лесостепи, где традиция сооружать курганы сохранилась до середины VII в. (Верх-Саинский могильник), в верхнекамском (зюздинском) и чепецком районах она исчезла уже в VI в. Особенностью могил VI в. Варнинского некрополя является также западная ориентировка умерших, уложенных в прямоугольные ямы по способу труположения. Захоронения сопровождалось многочисленными украшениями и предметами быта.

Третья хронологическая группа полемской культуры представлена 23 захоронениями Варнинского могильника, сопровождающимися инвентарем геральдического облика (рис. 11). Подобные предметы хорошо известны на Полемском I могильнике (Ковалевская, 1969, рис. 1-20-22, 31, 32; 2-4-7, 10, 11, 15, 28-30). Поскольку эти вещи в Варнинском могильнике впервые образуют устойчивую многочисленную серию, мы предлагаем называть эту группу варнинской.

В состав этой группы входят различные варианты височных подвесок со свободно висящими привесками (рис. 11: 1, 2, 9, 11). Среди них оригинальны с двумя орнаментированными овалами в основании (рис. 11: 3), с каменной вставкой (рис. 11: 10) и с двумя напускными бусинами (рис. 11: 4). Овальное кольцо с заходящими друг на друга концами (рис. 5: 5) продолжает развитие типологической серии предшествующего этапа (рис. 10: 4). В это время появляется целая серия цельнолитых пряжек, как правило, с В-образным кольцом и сердцевидной или прямоугольной пластиной (рис. 11: 6, 12, 14, 15, 17, 19, 20), а также восьмеркообразная пряжка с овальным кольцом и прямоугольным приемником (рис. 11: 18). В качестве архаизмов иногда встречаются трехсоставные пряжки (рис. 11: 13). Разнообразны поясные накладки и наконечники мечеобразных, геральдических и сопутствующих им форм (рис. 11: 23-27, 29, 30, 32-39). В могилах этой группы появляются трубчатые (рис. 11: 47), с вздутиями (рис. 11: 41) и конические (рис. 11: 40) пронизки. Характерны составные из множества пронизок шумящие подвески со своеобразными бутыльчатыми пронизками на концах (рис. 11: 45). Преобладают с объемными пронизками предшествующей поры изображения клюющих птиц (рис. 11: 48), коней (рис. 11: 50) и медведей (рис. 11: 53). Для этого района характерны своеобразные варианты солярных блях (рис. 11: 28), полуовальных подвесок (рис. 11: 31, 46), шумящих подвесок с круглой (рис. 11: 42) и арочной (рис. 11: 44) основой. В этой же группе встречаются налобные венчики в виде соединен-

ных полуокружностей (рис. 11: 51), двучастные шумящие привески (рис. 11: 7, 8), бронзовые копоушки (рис. 11: 43).

Из оружия в могилах этой группы обнаружены железные шилья (рис. 11: 22), наконечники стрел (рис. 11: 21), длинный наконечник копья с шипами (рис. 11: 54), удила с крупными кольцами (рис. 11: 52) и палаш (рис. 11: 55).

Для датировки этой стадии важно исследование И.О. Гавритухина и А.Г. Иванова богатого погребения из Варней № 552 (рис. 12). Проведя анализ вещей этого комплекса на широком территориальном фоне, авторы убедительно доказали его дату – начало (1-я треть) VII в. (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 134), представив приуральской археологии еще один эталонный вариант могилы начала VII в.

Многие перечисленные типы вещей варнинской стадии аналогичны предметам агафоновской стадии ломоватовской культуры (Голдина, 2022а), датирующейся VII в. Кроме того, в последние десятилетия опубликованы новые материалы из памятников VII в. Приуралья – Бартымского (Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, табл. 51-78) и Неволинского (Голдина, 2012, табл. 205-206, 210, 211) могильников, Кузбаевского клада ювелира и Кузбаевского городища (Останина и др., 2011, рис. 1-30), что позволяет уверенно датировать эту группу VII в. В это время продолжают использоваться памятники, основанные в предшествующий период. Могилы этого времени локализуются на Варнинском могильнике к западу от могил VI в. и отличаются тем, что наряду с западной появляется восточная ориентировка погребенных. В других деталях погребального обряда существенных отличий не наблюдается.

Четвертая хронологическая группа представлена 74 могилами Варнинского могильника и 6 захоронениями Весьякарского могильника. Поскольку именно в VIII в. начинает активно функционировать весьякарская группа памятников (городище, могильник и селище у д. Весьякар), мы предлагаем назвать эту стадию весьякарской. Вещи этого времени хорошо известны на Полемском I и II, Гординском, Омутницком, Тольенском могильниках. В это время возникает ряд новых поселений: Адамское II, Качкашурское, Заболотновское, Кельдыковское, Ванегуртское, Аммональный склад селища и Байгурезьское, Каравалес и другие городища.

Из предметов этой стадии наиболее типичны височные подвески с полыми шаровидными (рис. 13: 1, 3, 11-14) или гроздевидными (рис. 13: 5, 6, 9, 10) привесками. Появляются новые типы цельнолитых пряжек с овальными (рис. 13: 17, 19) или приостренными пластинами (рис. 13: 15,

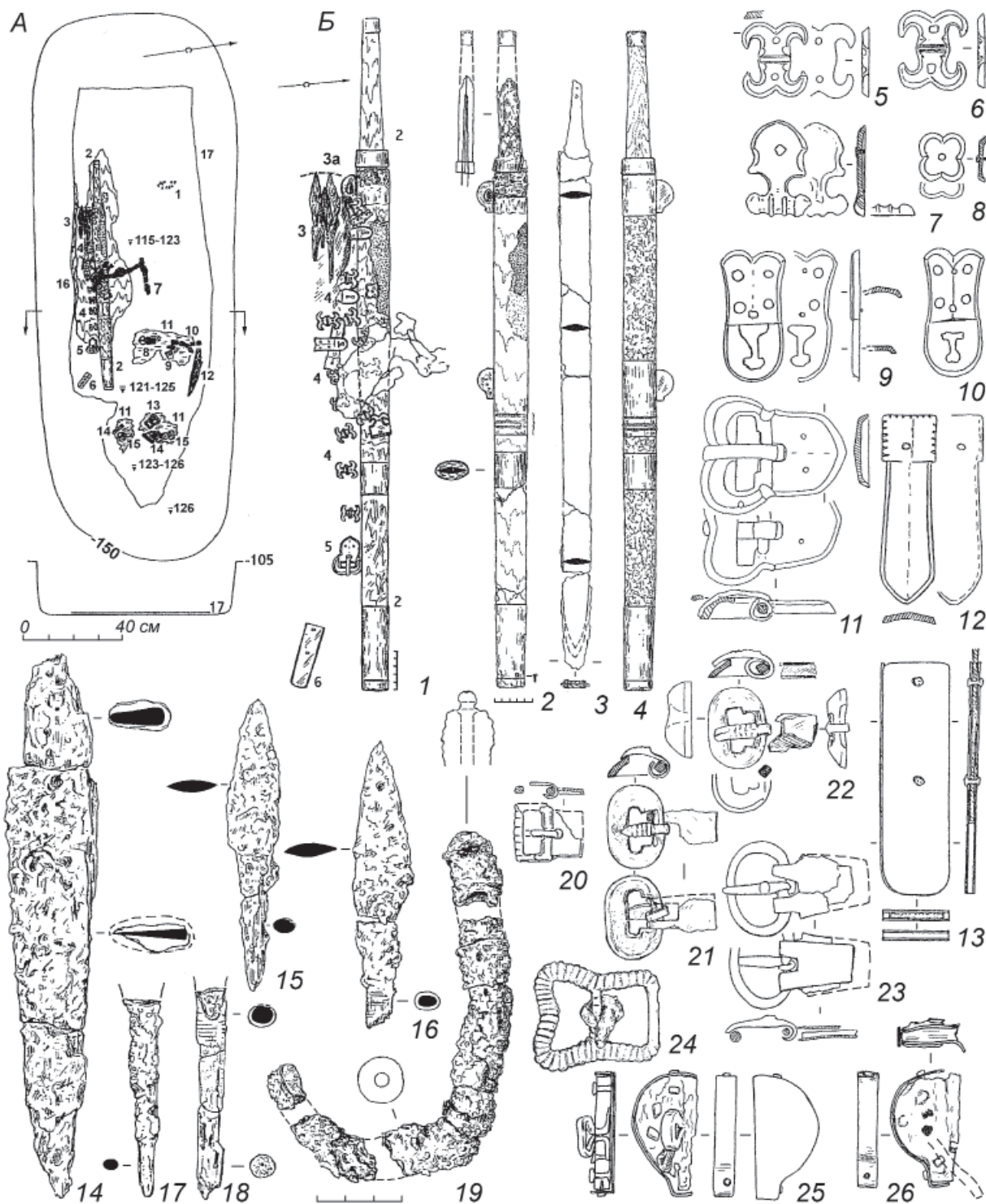

Рис. 12. Варнинский могильник.

А – план погребения 552; Б – 1 – деталь погребения 552 in situ: португепя и меч в ножнах.
2–26 – вещи из погр. 552 (по И.О. Гавритухину и А.Г. Иванову)

18). В качестве архаизмов встречаются пряжки с В-образным кольцом (рис. 13: 16), а из редких экземпляров – прямоугольные рамчатые (рис. 13: 25). Среди поясных накладок распространены прямоугольные (рис. 13: 21–24), арочные (рис. 13: 26, 37), Ж-образные (рис. 13: 35), тройчатки (рис. 13: 34), ромбические (рис. 13: 61). В отличие от памятников неволинской культуры следует

отметить однообразие прямоугольных накладок с изображением личины (рис. 13: 42). В комплексах всякарской стадии известны накладки и наконечники ремней, украшенные лозовым орнаментом (рис. 13: 27, 28), хотя число их значительно меньше, чем в неволино. Среди поясной гарнитуры встречаются также гладкие (рис. 13: 20, 40), двучленные, орнаментированные (рис. 13: 29) на-

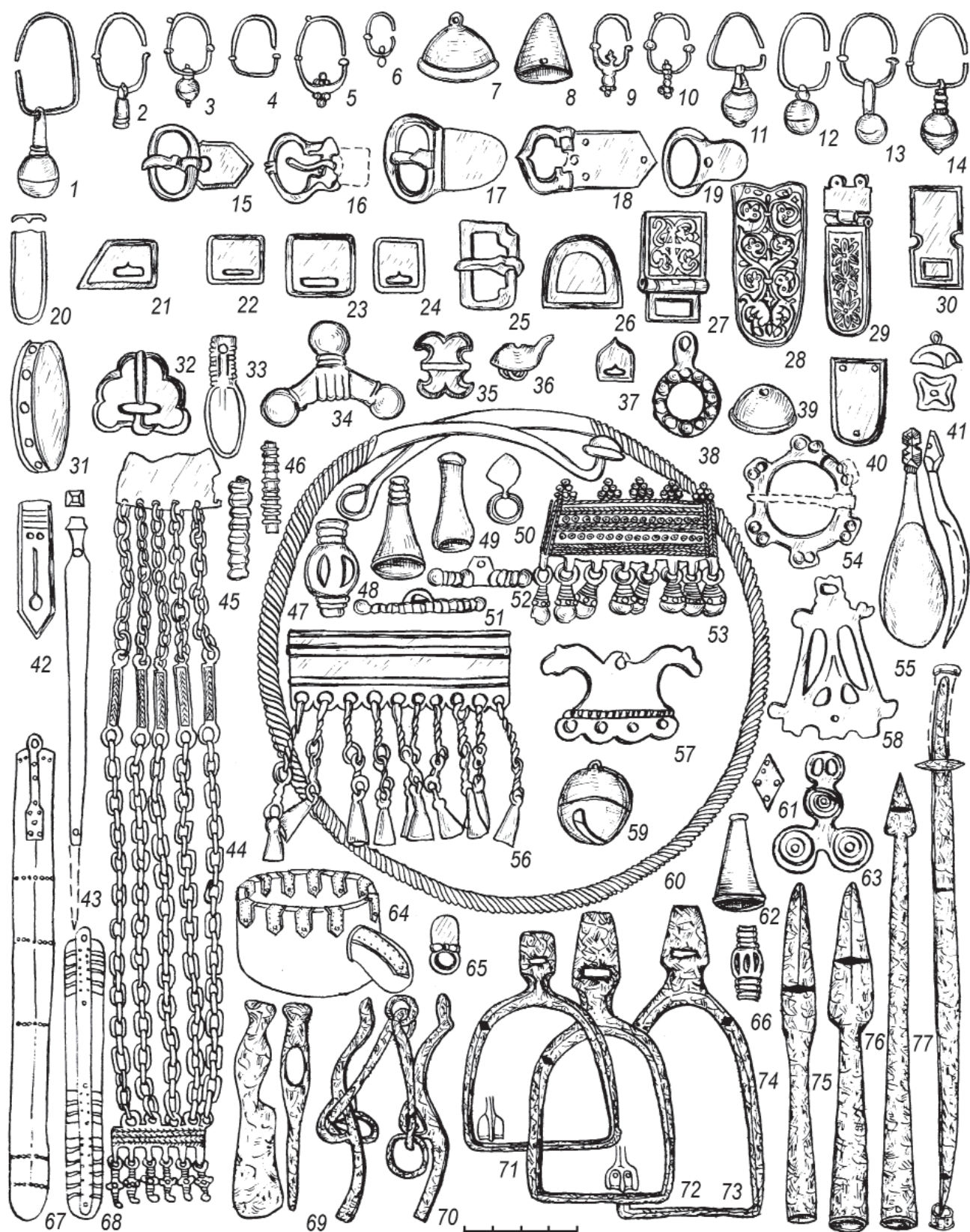

Рис. 13. Вещи весьякарской стадии полумской культуры (конец VII–VIII в.). Масштаб различен

конечники ремней и пряжки-колечки (рис. 13: 30, 65).

Как в ломоватово и неволино, среди предметов весьякарской стадии много различных пронизок (рис. 13: 8, 39, 45, 46, 47–49, 62, 66), трапециевидных (рис. 13: 58), коньковых (рис. 13: 57), пластинчатых шумящих (рис. 13: 56), бубенчиков (рис. 13: 59), ложек (рис. 13: 33), коробочек (рис. 13: 31), подвесок-костыльков (рис. 13: 51–52), витых гривен глазовского типа (рис. 13: 60). Из оригинальных предметов следует отметить пронизки-гуси с вытянутой шеей (рис. 13: 36), неглубокие прямоугольные бубенчики (рис. 13: 41), сюльгамы с выступами по кольцу (рис. 13: 54), ажурные трапециевидные шумящие подвески (рис. 13: 53), трехчастные подвески (рис. 13: 63), сложносоставные шумящие подвески с арочной основой (рис. 13: 44).

Предметы быта, орудия труда и оружие в этой стадии представлены кожаными и берестяными ножнами с металлической оправой (рис. 13: 67, 68), деревянными сосудами (рис. 13: -64), боевыми топорами (рис. 13: 69), удилами с S-видными псалиями (рис. 13: 70), стремянами с плоским подножием и расплющенной петлей (рис. 13: 71–73), наконечники копий с листовидным (рис. 13: 74–75) и треугольным (рис. 13: 76) пером, в это же время появляются сабли (рис. 13: 77).

Многие предметы этой группы подобны вещам деменковской стадии ЛК Верхнего Прикамья (Голдина, 1970, с. 90–91; 1979, рис. 1; 1985, с. 128–131; Генинг, 1979, с. 101–102), а также предметам неволинской стадии НК (Голдина, 2022г), датирующимся VIII в. Дата материалов неволинского типа особых споров не вызывает. В.Б. Ковалевская датирует их последней четвертью VII – третьей четвертью VIII в., Ю.А. Краснов – VIII в. (Ковалевская, Краснов, 1973, с. 286), А.К. Амброз – концом VII – первой половиной VIII в. (Амброз, 1973, с. 288, рис. 1, этап IV). В Пенджикенте детали поясов, близких неволинским, датируются монетами середины 70-х гг. VIII в. (Распопова, 1979, рис. 3-1-4, 7; 5-1-11). По последним опубликованным материалам из могильников близкие аналогии предметам этой стадии имеются в могилах VIII в. Неволинского некрополя (Голдина, 2012, табл. 207, 208, 212–214) и захоронениях этого же времени Верх-Саи (Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, табл. 428–431; 438–444). Очевидно, и весьякарская стадия полемской культуры должна относиться к VIII в.

Пятая, заключительная стадия полемской культуры названа В.Ф. Генингом мыдланьшайской по имени могильника Мыдланьшай, содержащего яркий и выразительный материал конца VIII–IX вв. Могильник имеет довольно многочислен-

ный монетный материал восточных династий конца VIII – начала IX в. (744–824 гг.) (Янина, 1962, с. 129–139). Кроме могильника Мыдланьшай, к этой стадии относятся более 100 захоронений Варнинского, а также некоторые комплексы Гординского, Весьякарского, Омутницкого, Тольенского могильников.

Среди вещей этой стадии разнообразны типы височных подвесок, многие из которых типологически близки подвескам предшествующего весьякарского времени (рис. 14: 1–14). Из принципиально новых типов следует выделить треугольные проволочные (рис. 14: 7), с 14-гранником (рис. 14: 8), витые (рис. 14: 10), с несколькими утолщениями на привеске (рис. 14: 11). Изменился характер поясной гарнитуры: из накладок популярны щитовидные различных форм, с изображением личины, с кольцом, с изображением головок коней и другие (рис. 14: 15–43, 46–53), среди пряжек многочисленны восьмеркообразные (рис. 14: 44, 45, 54–56, 59–62) и небольшие цельнолитые экземпляры (рис. 14: 57, 58). Наконечники ремней небольшие гладкие (рис. 14: 85, 87, 89) или с геометрическим орнаментом (рис. 14: 78, 86, 90, 91). Становятся очень популярными различные варианты шумящих (рис. 14: 63–66, 68–71, 73, 81–83) и плоских (рис. 14: 67, 72, 74, 75, 95, 98) подвесок, костыльков (рис. 14: 98). Типичны для этого времени флаконовидные привески (рис. 14: 84, 88), арочные с зернью накладки (рис. 14: 80, 94), музыкальный инструмент типа варгана (рис. 14: 79), ножны с медной обкладкой и зернью (рис. 14: 99), калачевидные кресала (рис. 14: 96, 97), костяные лопаточки-гладилки (рис. 14: 113), стремяна с вогнутым подножием (рис. 14: 100, 101). Продолжают использоваться различные типы наконечников стрел (рис. 14: 107–109), копий (рис. 14: 102–105, 110), штыри (рис. 14: 106), боевые топоры (рис. 14: 112), металлические сосуды (рис. 14: 111), стремяна (рис. 14: 100, 101) и удила с S-образными (рис. 14: 114) и стержневыми (рис. 14: 115) псалиями, сабли (рис. 14: 116).

Таким образом, в результате типологического, культурно-стратиграфического, планиграфического, типологического, сопоставительного и других исследований удалось выяснить, что в конце IV в. в верховьях р. Чепцы появляются памятники полемского типа, которые существуют до IX в. включительно и далее. В результате их дальнейшего социально-экономического развития в X в. они трансформировались в чепецкую культуру (X–XIII вв.). Материальная культура объектов ПК эволюционирует и дает возможность разделить ее на пять последовательных стадий: I – варнишурскую (конец IV – V в.), II – гыркесшурскую (VI в.), III – варнинскую (конец VI – VII в.), IV – весьякар-

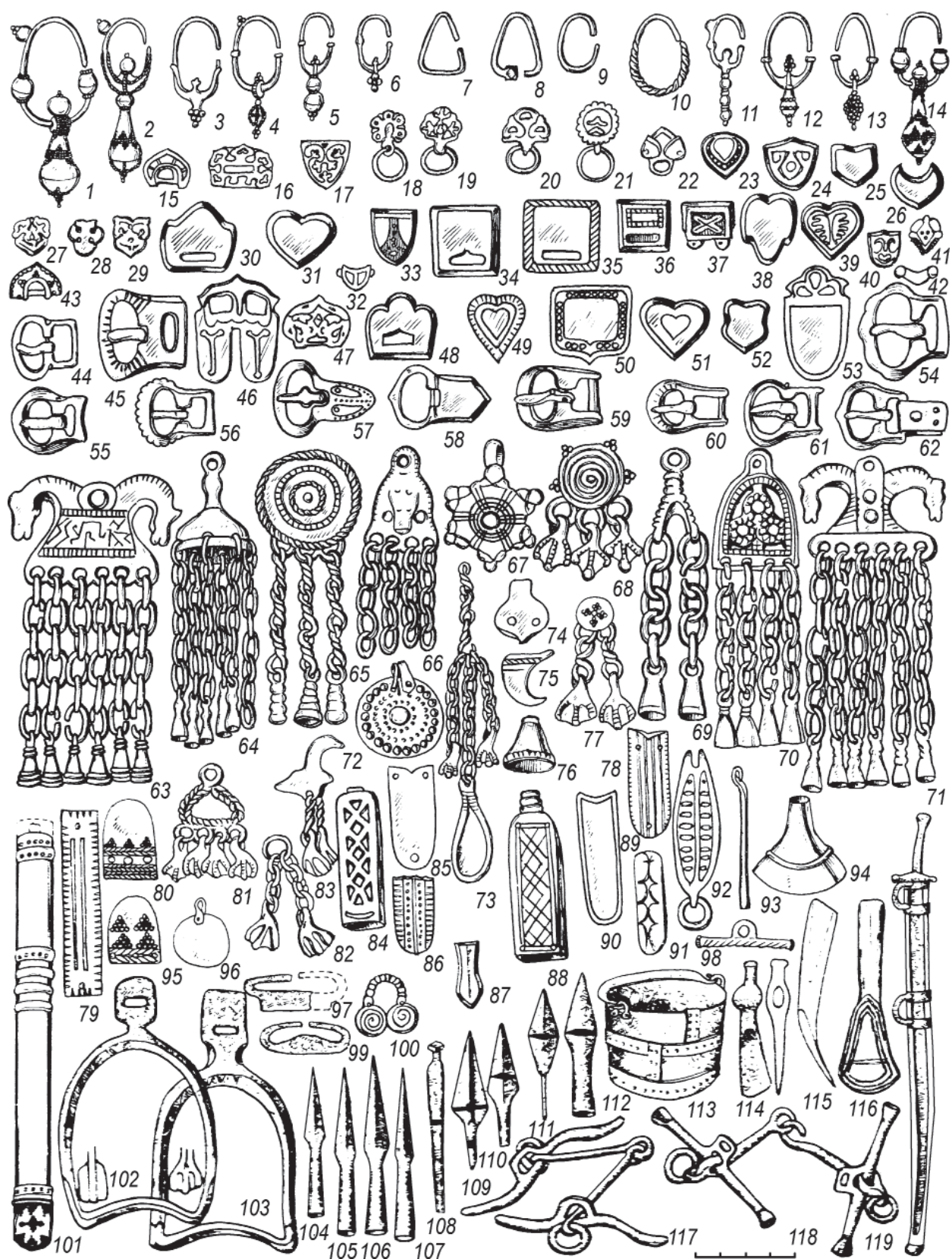

Рис. 14. Вещи мыдланьшайской стадии поморской культуры (конец VIII–IX вв.). Масштаб различен

скую (конец VI – VIII в.), V – мыдланьшайскую (конец VIII – IX в.).

Историко-археологическая интерпретация. ПК представляла собой достаточно сложное образование, основу которого составляло автохтонное пермское население: преимущественно ломоватовское (коми-пермяцкое) и еманаевское (удмуртское). На рубеже IX–X вв. население верхнего и среднего течения р. Чепцы перешло на новую ступень, названную чепецкой культурой. Некоторые исследователи считают, что поскольку резких изменений в материальной культуре не наблюдается, то можно относить полемскую и чепецкую культуры к одной – полемско-чепецкой (Иванов, 1991, с. 84). Это положение вполне имеет право на существование. Однако, несмотря на преемственность памятников полемской и чепецкой культур, разграничение их имеет смысл, так как X в. – рубеж новых качественных преобразований в прикамском обществе, связанных как с прогрессом пермского общества, так и с влиянием внешних факторов – вновь созданного тюркоязычного Болгарского государства и набирающего силу Русского государства.

В XIII в. большинство чепецких памятников прекратили свое существование, что связано, очевидно, с нашествием монголов. Было взято штурмом и городище Иднакар. На городище собраны 503 костяных, 212 железных наконечников стрел, из них 87 наконечников XIII в. кочевнического типа. Чепецкие памятники почти не содержат достоверных материалов после XIII в. Сохранившаяся часть населения чепецкой культуры, скорее всего, вернулась на свою прежнюю родину – Верхокамье – зюздинский край пермской земли, где в XIII в. появились памятники, сходные с чепецкими (Аверинский I могильник) (Голдина, Кананин, 1989, с. 38–40). Вполне вероятно, что отдельные группы чепецкого населения, изменив характер расселения и основав небольшие заимки в более отдаленных от р. Чепцы местах, сохранились на этой территории и позже, в XVI–XVII вв., участвовали в сложении причепецких удмуртов.

М.Г. Иванова видит прямую связь между полемско-чепецкими памятниками и исторически известными северными удмуртами, считая именно причепецкие районы ядром формирующейся этнической общности удмуртов (Иванова, 1987, с. 68; 1996, с. 43). Накопленные к настоящему времени материалы не позволяют столь упрощенно трактовать генезис культуры северных удмуртов. В частности, обращает на себя внимание хронологический разрыв между многочисленными памятниками чепецкой культуры (XIII в.) и исторически засвидетельствованным присутствием удмуртов на р. Чепце. Согласно переписи 1615 г., в среднем и

нижнем течении р. Чепцы зафиксировано 6 удмуртских погостов, 11 деревень с полудеревней, 4 починка и 1 займище (Удмурты в XV–XVII вв., 1958, с. 205). Последующие переписи – 1646 и 1678 г. показывают увеличение численности населения за 63 года в 4,5 раза, а крестьянских дворов в них более чем в 7 раз. Процесс освоения р. Чепцы удмуртами активно протекал в XVII в. и в более позднее время. Документы наглядно демонстрируют процесс переселения удмуртов из Слободского уезда в Каринскую и Верхочепецкую волости (Удмурты в XV–XVII вв., 1958, с. 205; Атаманов, 1982, с. 117–118). Исходной территорией их было среднее и верхнее течение р. Вятки (бывш. Вятский, Слободской, Котельничский, Орловский, Шестаковский уезды) (Атаманов, 1982, с. 109, 117). Анализ топонимов этого региона явственно указывает на присутствие здесь многочисленного удмуртского населения (Атаманов, 1983, с. 115–125). Само название этнической группы Ватка, возникнув, возможно, на р. Вятке, особенно укрепилось и распространилось у северных удмуртов как противопоставление остальным, именно в процессе расселения их на Чепце: мы – Ватка, мы – с Вятки.

Одним из основных аргументов для соотнесения памятников чепецкой культуры с северными удмуртами являются фольклорные данные – легенды, героические предания о батырах дондинского круга, записанные в конце прошлого столетия Н.Г. Первухиным (Первухин, 1896б, 1888–1890). В них повествуется о том, что в далекие времена пришел на гору Солдырь богатырь Донды со своими сыновьями Идна и Гурья. Позже здесь у него родились сыновья Весья и Зуй. В бассейне р. Чепцы действительно есть деревни, в названиях которых сохранились имена богатырей: Дондыкар, Весьякар, Гурьякар, Зуйкар и др. Возле этих деревень располагаются археологические памятники – городища, которые местное население связывает с именами богатырей. Однако общеизвестным является факт, что при освоении новой территории пришлое население старается закрепить право на ее владение разными способами, в том числе и топонимической и эпической традицией, давая выдающимся местам рельефа свои названия и увязывая их со своими преданиями. Видимо, такая метаморфоза произошла и с археологическими памятниками Чепцы. Поскольку они занимают выдающиеся объекты в рельефе местности, то во время освоения новой родины удмурты Ватка дали им свои названия и связали со своими эпическими героями. Подобные факты хорошо известны. При освоении тюркоязычным населением бассейна р. Белой многие археологические памятники предшествующей поры получили

тюркские названия. Например: Старо-Нагаевское городище ананьинского времени было названо Тра-тау, Юлдашевское – Петер-тау, Юлдузское – Кала-тау и т.д. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в Пермском Прикамье, где ананьинские городища бассейна р. Мулянки получили тюркские названия: Алтен-Тау, Аджиль-Тау и др. Ситуация с топонимами на р. Чепце также свидетельствует о ненадежности прямого сопоставления археологических памятников и топонимов. В частности, именно в этом крае хорошо известны могильники, называемые местными жителями «бигершай» (татарские могильники) у д. Кузьмино, Тымпал, Тум, Жаба, Солдырь, Адам, Весьякар, Ягошур и др. (Атаманов, 1985, с. 156; Иванова, 1992, рис. 1). Однако произведенные раскопки этих памятников показали, что они ни по погребальному обряду, ни по инвентарю не отличаются от поломяско-чепецких могильников (Генинг, 1979, с. 87–106; Иванова, 1989, с. 11). Вряд ли можно говорить о преемственности населения городищ и близлежащих деревень (Иванова, 1987а, с. 81). Ведь даже для Иднакарского комплекса есть факты, заставляющие сомневаться в прямом сопоставлении жителей д. Солдырь и Иднакара. Дело в том, что население д. Солдырь прямо на городище Иднакар хоронило своих умерших. Но, как известно из археологической и этнографической литературы, места могильников и поселений почти никогда не совпадают – тому много причин морального, психологического и гигиенического характера. Вряд ли выходцы с Иднакара стали хоронить своих соотечественников на месте старого поселения. Скорее всего, это могли сделать люди, не имеющие местных истоков.

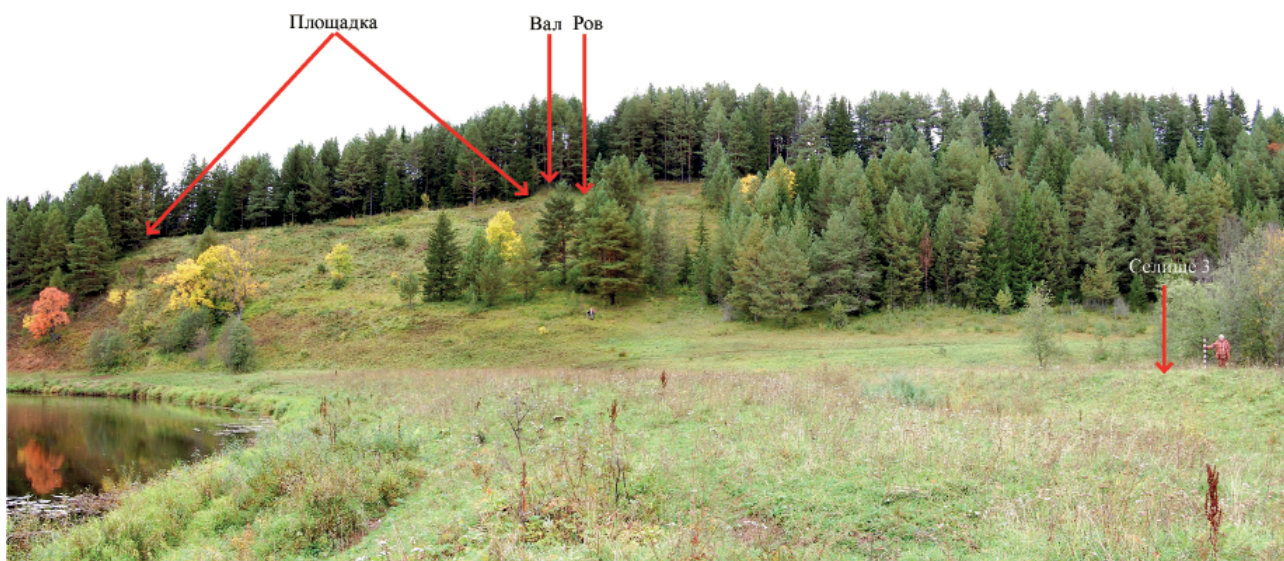
Что касается попыток лингвистов найти следы обских угров в названиях удмуртских родов, то к ним необходимо подходить с некоторой осторожностью. В частности, вслед за Т.И. Тепляшиной (Тепляшина, 1967, с. 3) М.Г. Атаманов видит истоки названий родов Эгра, Пурга, Можга в наименованиях фратрий обских угров «пор» и «мось» и в общем названии их «югра» (Атаманов, 1988, с. 33, 36–37, 43–44). На фоне общего этимологического списка удмуртских родов, где явно видна привязка к местной фауне, этнически ориентированные названия кажутся нелогичными. Кроме того, род Пурга является самым многочис-

ленным в Удмуртии – он представлен в 171 населенном пункте. Достаточно большими были и другие роды этой серии: Эгра – 56 деревень, Можга – 46. Трудно представить, чтобы столь крупные группы угорского происхождения, да еще и недавнего времени, не оставили бы ощутимых следов в языке. Картографирование же расселения рода Пурга (Атаманов, 1982, с. 100) и топонимов с апеллятивом «пор» (Атаманов, 1997, с. 44) отчетливо показывает, что первые тяготеют к левобережью верховий р. Чепцы, а вторые – к ее среднему течению, западным границам Удмуртской Республики, а отнюдь не к территории ПК. В целом же, как признает и сам М.Г. Атаманов, самоидийские и угорские топонимы не образуют сколько-нибудь значительного пласта, а представляют редкие вкрапления в общую массу удмуртских названий (Атаманов, 1988, с. 97).

Своеобразие северных удмуртов хорошо проявляется и по данным антропологии. Так, К.Ю. Марк считала, что для северных удмуртов (Кез, Дебесы, Балезино) характерны более светлые волосы, чем у других групп удмуртов (Марк, 1987, с. 39). По наблюдениям Г.М. Давыдовой, именно в северных группах удмуртов: кезской, дебесской и игринской – выявлена древнеуральская антропологическая раса, сочетающая европеоидные признаки – светлую окраску волос и глаз, с монголоидными: уплощенность лица, узкий разрез глаз, больший наклон осей глаз, повышенная частота эпикантуса (Давыдова, 1989, с. 124, 128; 1989а, с. 115).

По мнению В.Н. Белицер, народная одежда северных удмуртов наиболее полно отражает этнические особенности этого народа и несет на себе влияние соседних народов – мордвы, чувашей и особенно марийцев. Отдельные элементы (головные уборы, рубашка) были распространены также у некоторых южных групп коми-пермяков и коми-зырян (Белицер, 1951, с. 80–81).

Таким образом, северные удмурты представляют собой достаточно сложное образование, возникшее в результате многовековых контактов удмуртов, коми-пермяков, марийцев и болгар, испытывавшее достаточно мощное русское воздействие.

Вид на Варнинское II городище и Варнинское III селище.
Дебесский район Удмуртской Республики. Фото Т.Р. Сабирова

Могильник Адамский («Мыдланьшай»)
Глазовский район Удмуртской Республики. Фото А.Н. Кириллова

ГЛАВА 5

ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Бассейн р. Вятки в VI–IX вв. (еманаевская археологическая культура)

История изучения. Археология Вятского края, широко и ярко представленная прежде всего погребальными древностями первой пол. I тыс. н. э. (конец I–V вв. н. э.), длительное время не имела подобных источников по эпохе раннего средневековья (VI–VIII вв.), за исключением дореволюционных материалов Безводновского клада VI в. в бассейне р. Пижмы, правого притока р. Вятки (Aspelin, 1877, р. 171, 172, № 788–801). Отсутствие связующего звена между позднепьяноборскими (позднеазелинскими) древностями и вятскими памятниками IX–XI вв. создавало серьезные сложности для понимания этнокультурных, исторических процессов в Вятском крае в эпоху средневековья. Первый раннесредневековый погребальный памятник – Концовский могильник VI–VII вв. был открыт и изучен в 1972–1975 и 1981 гг. на правом берегу Средней Вятки (Стефанова, 1982; Иванова, 1988). Его материальная культура оказалась близка Безводновскому кладу и Шор-Унжинскому могильнику VI–VII вв. в бассейне р. Илети, левого притока р. Волги, находки с которого известны с 1963 г., но обобщенные материалы были введены в научный оборот в 1999 г. (Никитина, 1999). Еще более интересные источники были получены в 1988, 1990 гг. в связи с открытием и исследованием Тат-Боярского могильника VI–VIII вв. на левобережье Нижней Вятки (Денисова, 1988, с. 3–4; Голдина, 1988; Лещинская, 1990). В 2000-е гг. в научный оборот вводятся небольшие, но яркие материалы из разрушенных могильников аналогичного типа: погребение VI в. у д. Старый Узюм в бассейне р. Илети (Бугров, 2015), Антонковские находки VI–VII вв. на правом берегу Нижней Вятки (Лещинская, Сенникова, 2016). К более поздним вятским могильникам раннего средневековья можно отнести материалы разрушенного Лопьяльского некрополя VIII–IX–X? вв. на правом берегу Нижней Вятки (ОАК за 1897 г., с. 61; ОАК за 1904 г., с. 136–137) и Вятского могильника VIII–IX вв. на левобережье Средней Вятки (Прокошев, 1931). К рубежу VIII–IX вв. относятся и клады куфических дирхемов на Вятке: Кировский (Вятский) клад, обнаруженный в 1889 г. в г. Вятке (Талицкая, 1952, с. 32; Русских, 2020, с. 76), клад у д. Городок (начало 1870-х гг.) на Средней Вятке

(Спицын, 1916, с. 84).

Вещевые и керамические материалы раннесредневекового времени фиксируются на ряде вятских городищ и селищ. Среди них наиболее изученные и содержащие выразительные комплексы этого времени – Буйское городище в устье р. Кужинерки, правого притока р. Вятки; Скорняковское городище на Средней Вятке; Кривоборское городище в низовьях р. Чепцы; ранние материалы Еманаевского, Ижевского городищ в бассейне р. Пижмы; Ботылинское IV, Вихаревское, Моторки II, III, X селища на левобережных притоках р. Вятки. Многие городища известны еще с XIX в. (раскопки А.А. Спицына), изучались в 50–60-е гг. XX в. Удмуртской (В.Ф. Генинг) и Марийской (Г.А. Архипов) археологическими экспедициями, в 70–90-е гг. Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета (Р.Д. Голдина, Т.М. Гусенцова, Л.Д. Макаров, Н.И. Шутова, Н.А. Лещинская и др.), экспедицией ИЯЛИ Коми филиала АН СССР (Л.И. Ашихмина). В 2012 г. впервые осуществлено комплексное исследование Скорняковского городища специалистами различного профиля Казани, Ижевска, Москвы (Чижевский, Черных и др., 2016).

Небольшой корпус раннесредневековых памятников Вятского бассейна привел к неоднозначной трактовке их культурной принадлежности. Азелинские традиции, выявляемые в костюмной металлопластике погребальных комплексов VI–VII вв., позволяют, с точки зрения одних исследователей, считать вятские могильники поздне- или постазелинскими памятниками (Д.Г. Бугров), формирующими поздний этап азелинской культуры. С точки зрения других исследователей, раннесредневековые могильники вместе с синхронными и культурно близкими поселенческими памятниками, занимающими компактную территорию бассейна р. Вятки и верховья рр. Илети, Кокшаги, можно выделить в самостоятельную еманаевскую археологическую культуру, сформированную на позднеазелинской платформе (Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская).

Памятники еманаевской культуры VI–IX вв. **территориально** охватывают бассейн р. Вятки, с право- и левобережными притоками, верховья

рр. Большой, Малой Кокшаги и Илети – левобережных притоков марийского течения р. Волги (рис. 1).

Погребальные памятники еманаевской культуры небольшие, наиболее изученные некрополи вятской группы содержали от 30 (Концовский м-к) до 54 захоронений (Тат-Боярский м-к), даже с учетом разрушенных площадок памятников реальные размеры могильников не превышали 50–80 погребений. Могильники в бассейне р. Илети разрушены: исследовано 6 погребений Шор-Унжинского, некогда предположительно большого некрополя. Могильники расположены вблизи водоемов, на невысоких надпойменных террасах коренных берегов, чаще всего небольших рек (исключение – Концовский могильник на р. Вятке). Могильники грунтовые, с рядовым расположением погребений. Редкие случаи взаимонарушений захоронений (как правило, при погребении взрослого и ребенка) говорят о вероятном возведении в древности каких-либо надмогильных сооружений (рис. 2: 1, 2).

Захоронения совершались, как правило, в простых по устройству подпрямоугольных ямах с закругленными углами (рис. 2: 3–7). По материалам Тат-Боярского могильника прослеживается традиция сооружения ниш-выступов подпрямоугольной формы для жертвенных комплексов (даров, подарочных наборов), которые устраивались в продольных стенках могильной ямы, относительно костяка справа или слева, в области головы, груди или пояса (рис. 2: 4, 5).

Сам принцип устройства ниш в Тат-Боярском могильнике, вероятно, имеет корни в позднеазелинском этапе пьяноборья. Небольшие ниши-подбой в придонной части были зафиксированы в вятском Суворовском могильнике (п. 30); в нижекамских азелинских могильниках: Нармонский (п. 6), Рождественский V (п. 266); на поволжских азелинских некрополях: Арзбелякский (п. 8), Мари-Луговской (п. 40) (Лещинская, 2014, с. 16–17). Из круга древнепермских погребальных памятников раннего средневековья устройство ниш для жертвенных комплексов зафиксировано только на чепецком Варнинском могильнике (Семенов, 1980, с. 11–12, рис. 9). Сочетание здесь ниш с находками типично вятских украшений – одно из подтверждений участия вятского средневекового населения в освоении бассейна р. Чепцы. Среди поволжско-финских раннесредневековых памятников только в наиболее территориально близком к вятским могильникам Младшем Ахмыловском некрополе VI–VII вв. в одном погребении, вероятно, была ниша-подбой с комплексом вещей (Никитина, 1999, с. 58, рис. 39).

Показатели длины и ширины могильных ям

связаны с половозрастным составом погребенных и в целом соответствуют их антропологическим данным. Показатель глубины погребений крайне дифференцирован по каждому памятнику: так, например, для Концовского могильника диапазон глубин 30–70 см, для Тат-Боярского некрополя от 65 до 177 см. При этом на каждом памятнике как тенденция просматривается корреляция глубины захоронения с количеством/качеством инвентаря, более выраженная для мужских погребений, чем для женских. По материалам Тат-Боярского некрополя фиксируется частое использование в качестве внутримогильных конструкций деревянных гробовищ (рис. 2: 7), колод (рис. 2: 6), в некоторых случаях выстланных мехом или войлоком. Могли применяться и подстилки из луба (Шор-Унжинский м-к).

Захоронения совершались по обряду ингумации, при котором умершие уложены вытянуто на спине, по материалам Шор-Унжинского могильника зафиксировано положение рук вдоль тела. В ориентации костяков наблюдается устойчивая просеверная направленность, с отклонениями к В (Тат-Бояры) или З (Концы, Шор-Унжа). В целом для могильников характерна мононаправленность в положении костяков. Одно из погребений Тат-Боярского (п. 33) могильника можно уверенно идентифицировать как кенотаф (рис. 2: 5). В могильной яме, размером 205×73 см, глубиной 117 см, отсутствовали костяк и вещи, при этом в нише, в северо-восточной продольной стенке погребения, был обнаружен берестяной короб со значительным и уникальным набором вещей (Лещинская, 2021). Все признаки указывают, что это была могила-кенотаф, символическое захоронение при отсутствии возможности осуществить погребение тела умершего.

Подавляющее большинство погребений могильников сопровождалось **вещевыми комплексами**, среди которых преобладают украшения, которые располагались так, как использовались в костюме. Для мужского костюмного ансамбля достаточно характерно присутствие пластинчатых или круглодротовых гривн, к которым нередко прикреплялась пронизь из комбинации спиральных, трубчатых, конических, коньковых пронизок, дополненных подвесками из зеркал или подтрапециевидными подвесками, вырезанными из импортных бронзовых чаш (рис. 3: 4, 7–9). В нагрудной зоне встречаются ажурно-прорезные бляшки, кольцевые застежки, сюльгамы (рис. 3: 5, 6). С предшествующего времени сохраняется мода на ношение браслетов и перстней (рис. 3: 1–3). В пояском и обувном наборах используются пряжки, накладки, наконечники общевразийской «догеральдической» и геральдической стилистики.

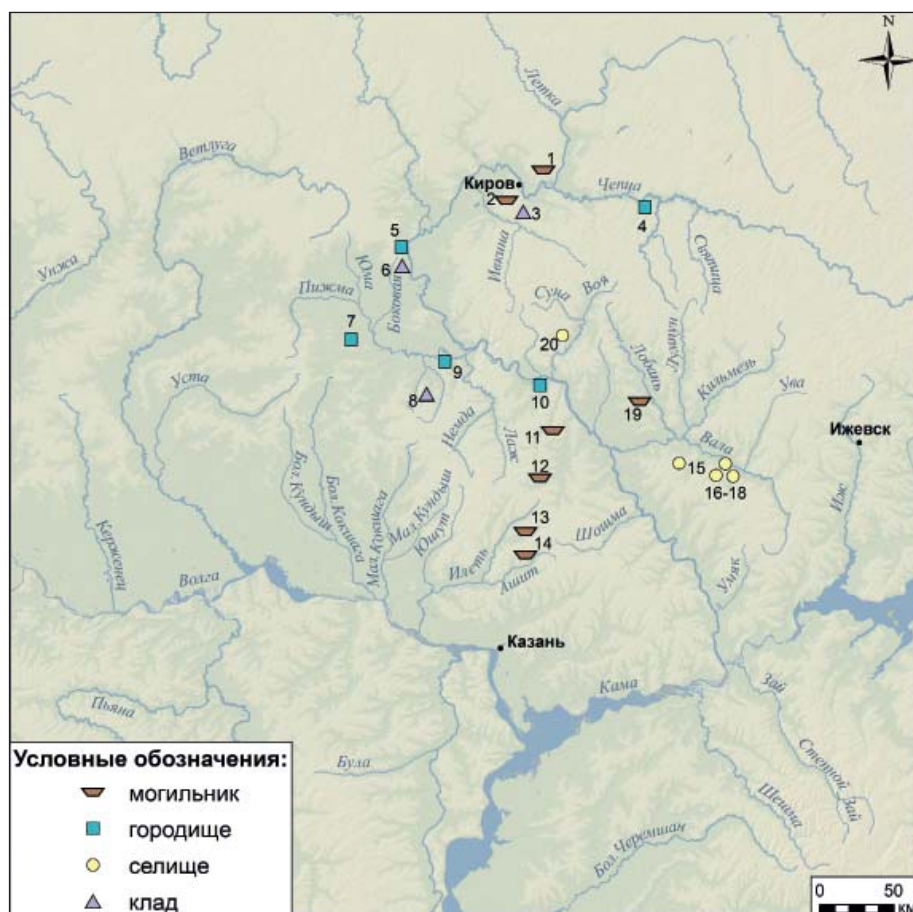

Рис. 1. Карта-схема распространения основных памятников VI–IX вв. в бассейне р. Вятки: 1 – Концовский мог.; 2 – Вятский мог.; 3 – Кировский (Вятский) клад; 4 – Кривоборское гор.; 5 – Скорняковское гор.; 6 – клад у дер. Городок; 7 – Еманаевское гор.; 8 – Безводновский клад; 9 – Ижевское гор.; 10 – Буйское гор.; 11 – Антонковские находки; 12 – Лопьяльский мог.; 13 – Шор-Унжинский мог.; 14 – погребение у дер. Старый Узюм; 15 – Вихаревское селище; 16–18 – Моторки II, III, X селища; 19 – Тат-Боярский мог.; 20 – Ботылы IV поселение

Особенно выразительна металлопластика женского костюмного комплекса, в котором, преимущественно на раннем этапе, прослеживаются параллели с позднеазелинскими материалами. Сохраняется традиция использования эполетообразных застежек, но это уже цельнолитые пластины с имитацией основных деталей (рис. 4: 1). В поясной гарнитуре они комбинируются с пильчатыми накладками, ранние варианты которых массово фиксируются в азелинских женских погребениях (рис. 4: 2). В единичных экземплярах можно встретить поздний вариант азелинских арочных шумящих подвесок с символикой космогонической идеи «Мирового Древа» и устройства Вселенной (рис. 4: 7). Типологически близки позднеазелинским украшениям пронизки-уточка (рис. 4: 4), многозвеньевые бляшки (рис. 4: 5; 5: 3, 4, 5), шумящие подвески с умбововидными, прямоугольными основами (рис. 4: 3, 6). Вместе с тем оформляется новый комплекс украшений вятского средневекового женского костюмного ансамбля. В моду входят сложные височные гарнитуры головного убора из височных колец с подвесками

(рис. 5: 8) или кожаных ремешков с прикрепленными двусоставными накладками (рис. 5: 1, 2, 6, 7). Из нагрудных украшений особенно популярны парные шумящие подвески с небольшими круглыми умбововидными основами (рис. 5: 11, 12), крупные бляхи-застежки с ажурным краем (рис. 5: 9) и застежки с шумящей гарнитурой (рис. 5: 14). В поясных, обувных наборах широко используются наборные украшения из мелких двух-трехсоставных подвесок, нанизанных на тонкий кожаный ремешок (рис. 5: 13). В погребальных вещевых комплексах VIII в. появляется серия штампованных изделий (поясная гарнитура, нагрудник, обкладка кошелька) из бронзы и серебра, с использованием технологии нанесения объемного чеканного линейного, циркульного и мелкопуансонного орнамента (рис. 5). Новым и широко распространенным элементом женского костюма становятся подвески-лунницы. В женских захоронениях VI в. это небольшие литые подвески из серебра или бронзы, входившие в систему височных украшений головного убора (рис. 5: 10). На рубеже VII–VIII вв. формируется другой стили-

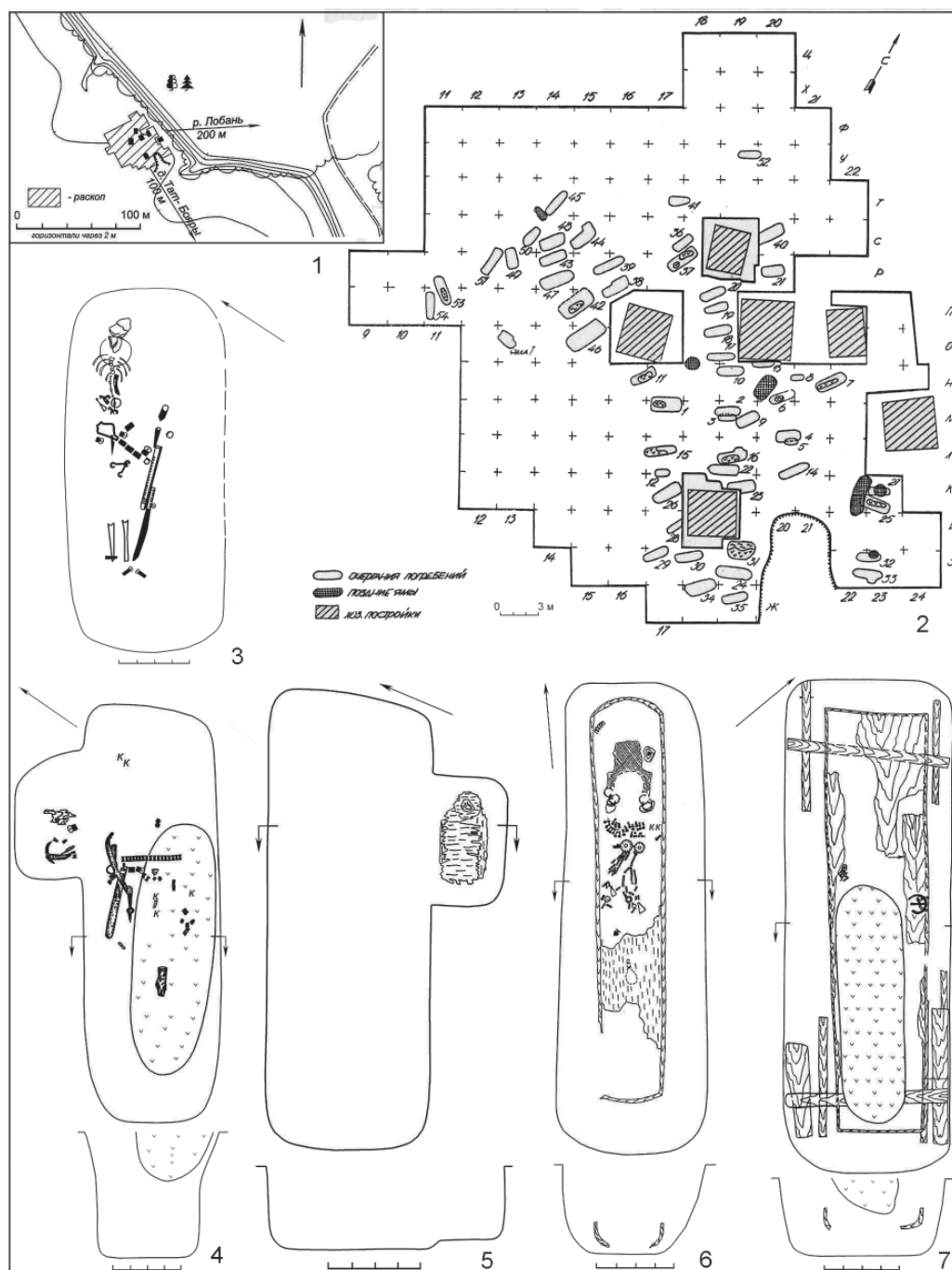

Рис. 2. Тат-Боярский могильник VI–VIII вв.:
1– топографический план; 2– план раскопа; 3–7– планы погребений № 4, 16, 33, 51, 53

стический вариант этих изделий – крупные подвески из тонких серебряных пластин, входящих в состав нагрудного ожерелья (рис. 6: 8). Традиционно женский костюмный комплекс дополняли бусы, гривны, перстни, браслеты.

Большинство захоронений сопровождалось находками ножей. Другие орудия труда: втульчатые топоры, скобели, ложки, косы-горбуши, шилья, долота – атрибут мужских захоронений. Из оружия чаще встречаются наконечники копий, реже – железные наконечники стрел. Наиболее значимые мужские захоронения содержали мечи, однолез-

вийные крупные кинжалы в ножнах, наконечники копий, топоры, нередко удила.

Глиняная посуда на средневековых вятских могильниках фиксируется значительно чаще по сравнению с азелинскими некрополями, хотя степень ее встречаемости по памятникам различна. Самая большая керамическая коллекция известна для Тат-Боярского могильника (рис. 7): фрагменты посуды обнаружены в 23 погребениях (42,6% при показателе исчисления 54). Кроме того, керамика зафиксирована и в межмогильном пространстве памятника (Лещинская, Пастушенко, 2015).

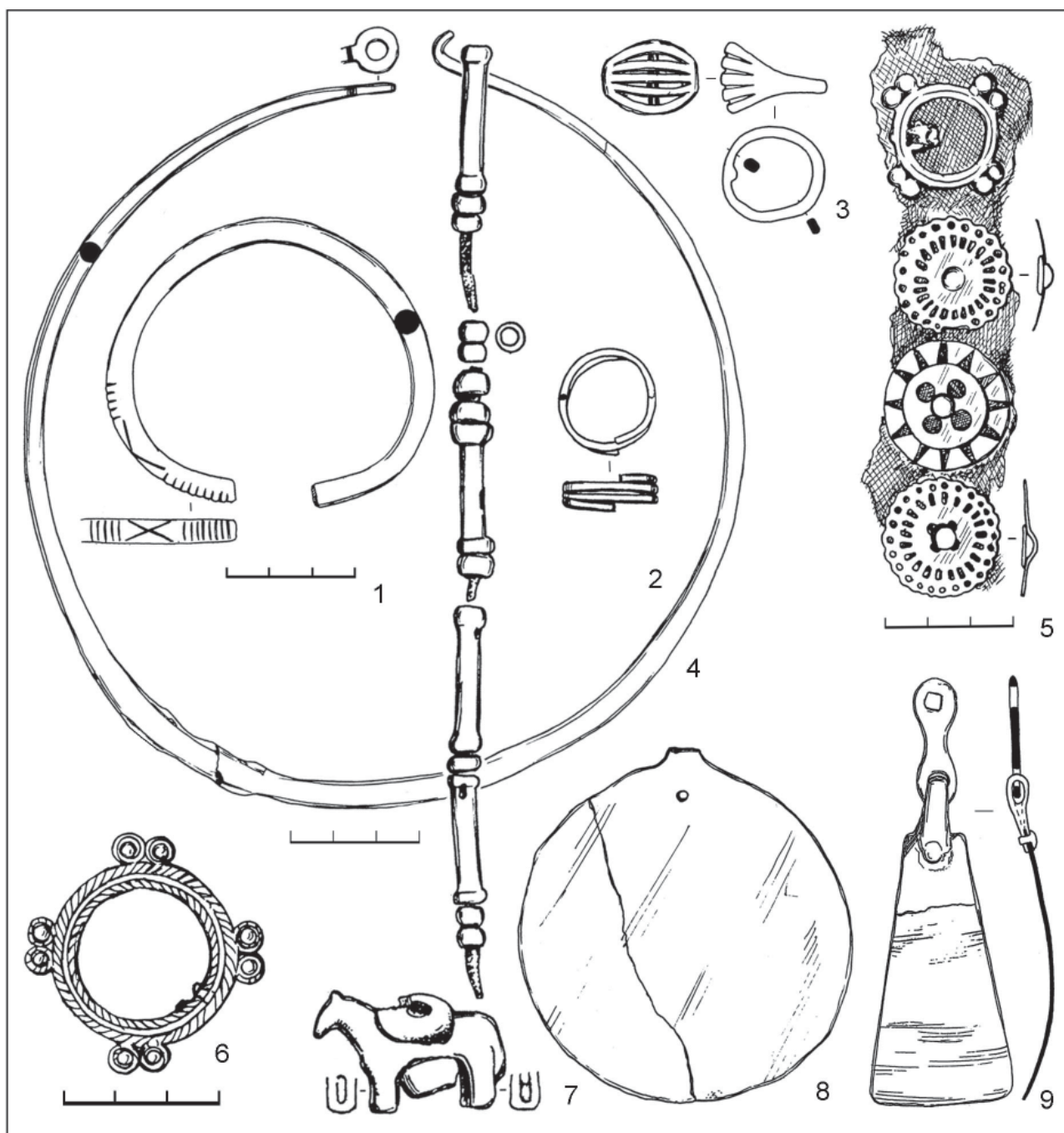

Рис. 3. Тат-Боярский могильник VI–VIII вв. Элементы мужского костюмного комплекса: 1 – браслет; 2–3 – перстни; 4 – гривна; 5 – фрагмент ткани с сьюльгамой и бляшками; 6 – застежка; 7 – пронизь из спиралевидных, трубчатых, коньковой пронизок; 8–9 – подвески. 1–4, 6–9 – бронза; 5 – ткань, бронза

В большинстве погребений Тат-Боярского могильника посуда представлена отдельными фрагментами одного, реже 2–5 сосудов, в засыпи могильной ямы. При этом другие фрагменты этих же сосудов фиксировались над уровнем погребений или рядом. Преобладание в засыпи могилы фрагментированной посуды, скорее всего, указывает на то, что она выступала частью поминального ритуала в процессе захоронения умершего, когда после совершения тризны посуду разбивали и часть ее сбрасывали в засыпь могилы. Целые сосуды

или развалы сосудов, зафиксированные преимущественно в засыпи, сопровождают единичные погребения.

Анализ керамической коллекции Тат-Боярского могильника показывает, что для ранних этапов еманаевской культуры характерны лепные чашевидные сосуды с округлым туловом, с блоковидной горловиной, с очень низкой или средней высоты шейкой, диаметром по венчику от 17 до 24 см. Единичные экземпляры – это миски с уплощенным дном, со слабо профилированным ту-

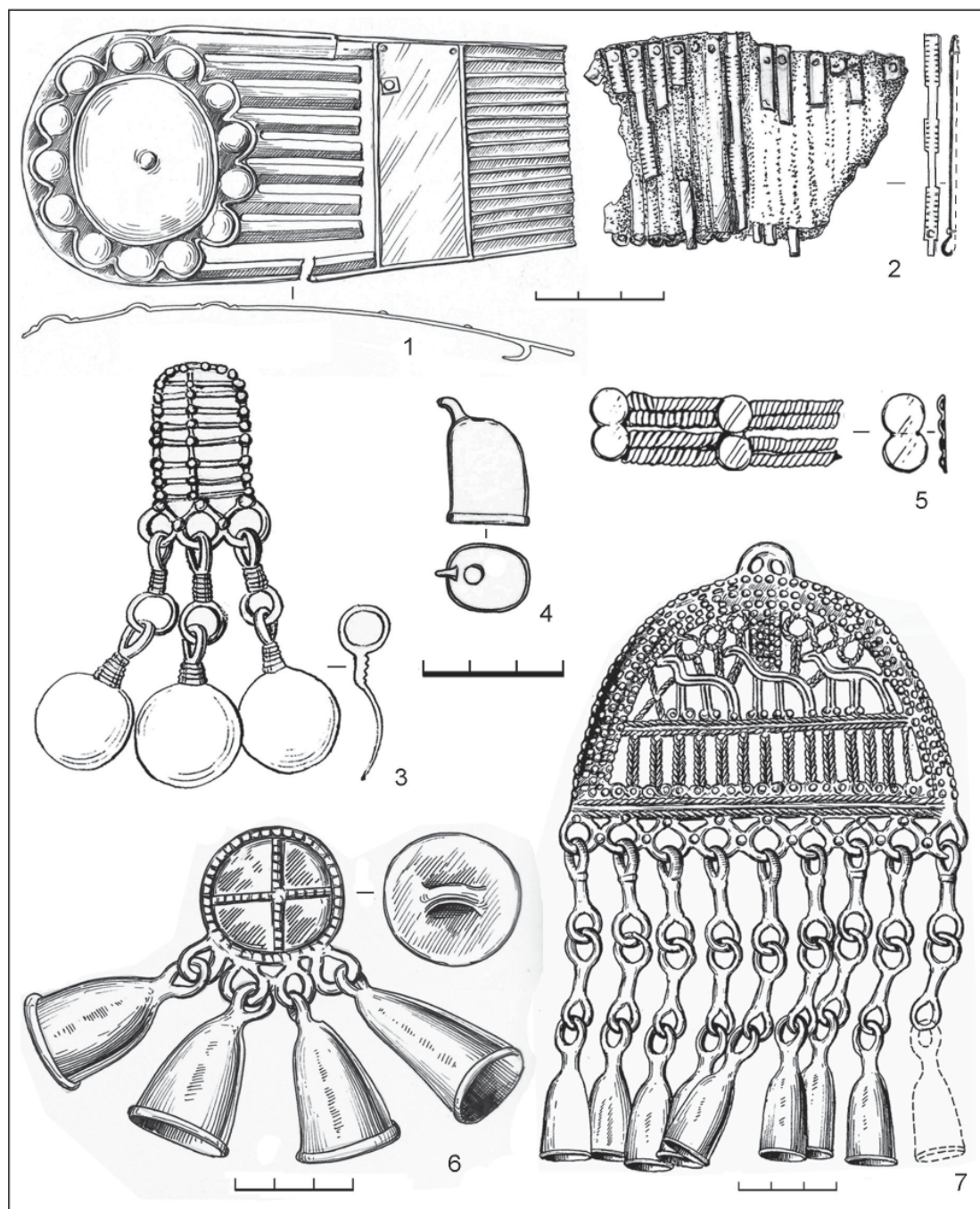

Рис. 4. Тат-Боярский могильник VI–VIII вв. Украшения женского костюмного комплекса: 1 – эполетообразная застежка; 2 – поясные накладки; 3, 6, 7 – шумящие подвески; 4 – пронизка-уточка; 5 – фрагмент налобного венчика из пронизок и бляшек. 1, 3–7 – бронза; 2 – кожа, бронза

ловом, с максимальным расширением в нижней части, с блоковидной шейкой средней высоты. В тесте в качестве примесей присутствует органика, песок (часто как естественная примесь) и шамот в различных пропорциях, при этом примеси тщательно измельчены. Большая часть посуды была орнаментирована в зоне венчика, шейки и плечика. Наиболее многочисленна группа посуды, орнаментированная в псевдорезной технике с использованием штампов, имитирующих резные насечки и чеканные вдавления различной формы. Орна-

ментальные композиции достаточно лаконичны: «насечки» по венчику, один-два ряда «насечек» или вдавлений по тулову (рис. 7–10, 12, 13). Значительно реже, но практически в равной пропорции встречается посуда со шнуровой и гребенчатой орнаментацией. Шнуровые оттиски нанесены на шейку, орнаментальный сюжет мог включать также насечки по венчику и ряды вертикальных или наклоненных чеканных вдавлений по плечу (рис. 7: 4, 5, 6). Группа гребенчатой посуды украшена вертикальными или наклонными оттисками

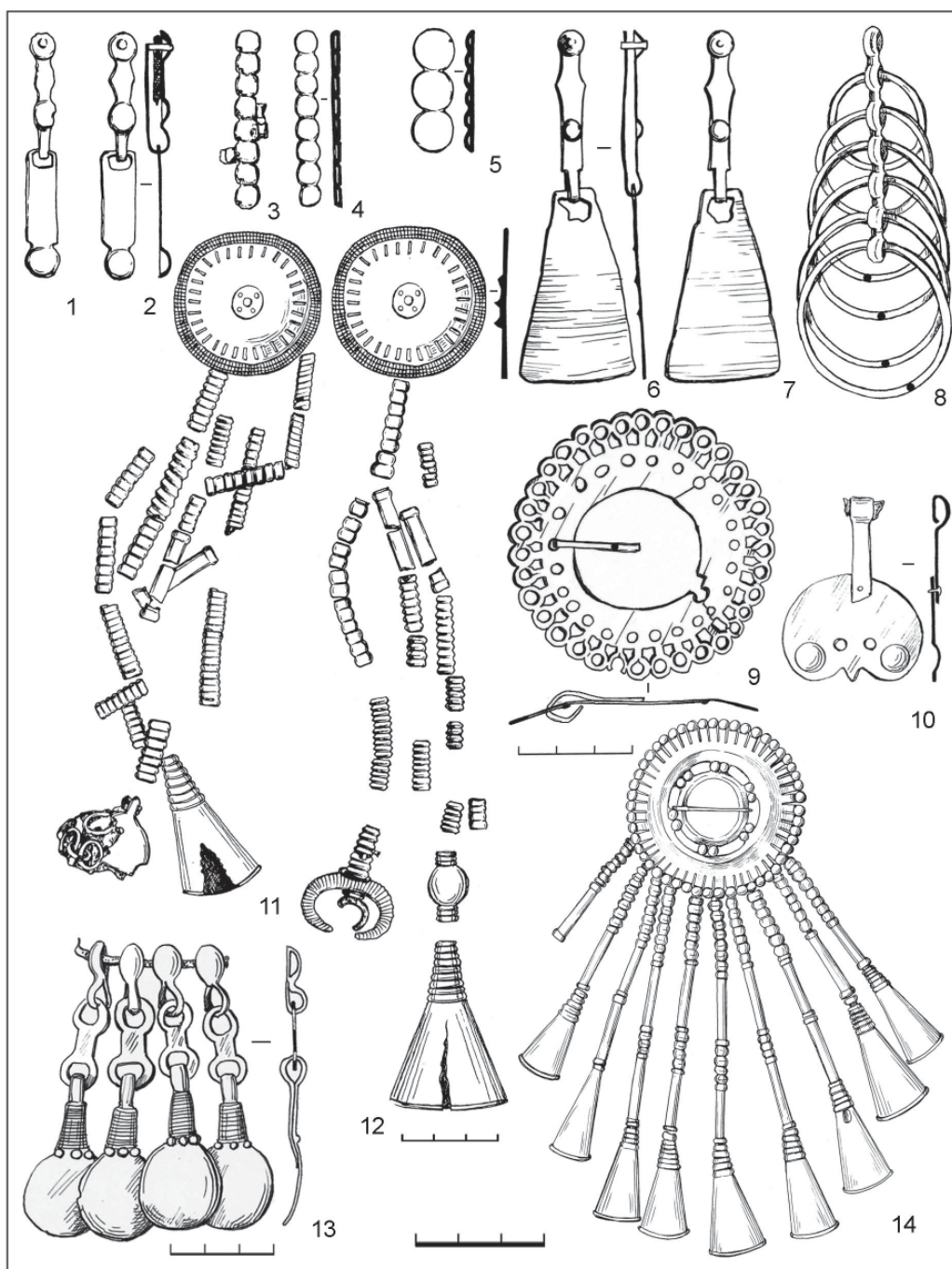

Рис. 5. Тат-Боярский могильник VI–VIII вв. Украшения женского костюмного комплекса: 1, 2, 6, 7 – накладки головного убора; 3–5 – бляшки; 8 – височное украшение из колец; 9, 14 – застёжки; 10 – подвеска-лунница; 11–13 – шумящие подвески. 1–14 – бронза

трех-, четырех-, пятизубого штампа по плечу (рис. 7: 8, 11). Самая малочисленная группа – посуда с ямочной орнаментацией (рис. 7: 1, 2, 3). В целом по качественным, морфологическим особенностям, включая форму, состав формовочной массы, степень орнаментированности, элементы и техники нанесения орнамента, тат-боярский керамический комплекс, без сомнения, выполнен в общих древнепермских традициях изготовления глиняной посуды.

Одной из особенностей размещения погре-

бального инвентаря, судя по некоторым захоронениям Тат-Боярского могильника, было помещение в засыпи могил, нередко в углистых пятнах, помимо фрагментов посуды небольшого числа украшений, железных предметов. Изделия из железа, как правило, фрагментарны и представляют собой части сломанного некогда единого предмета, чаще всего ножа, кинжала. Скорее всего, имело место формирование ритуала намеренной деформации – «порчи» определенных категорий вещей в процессе погребения умершего.

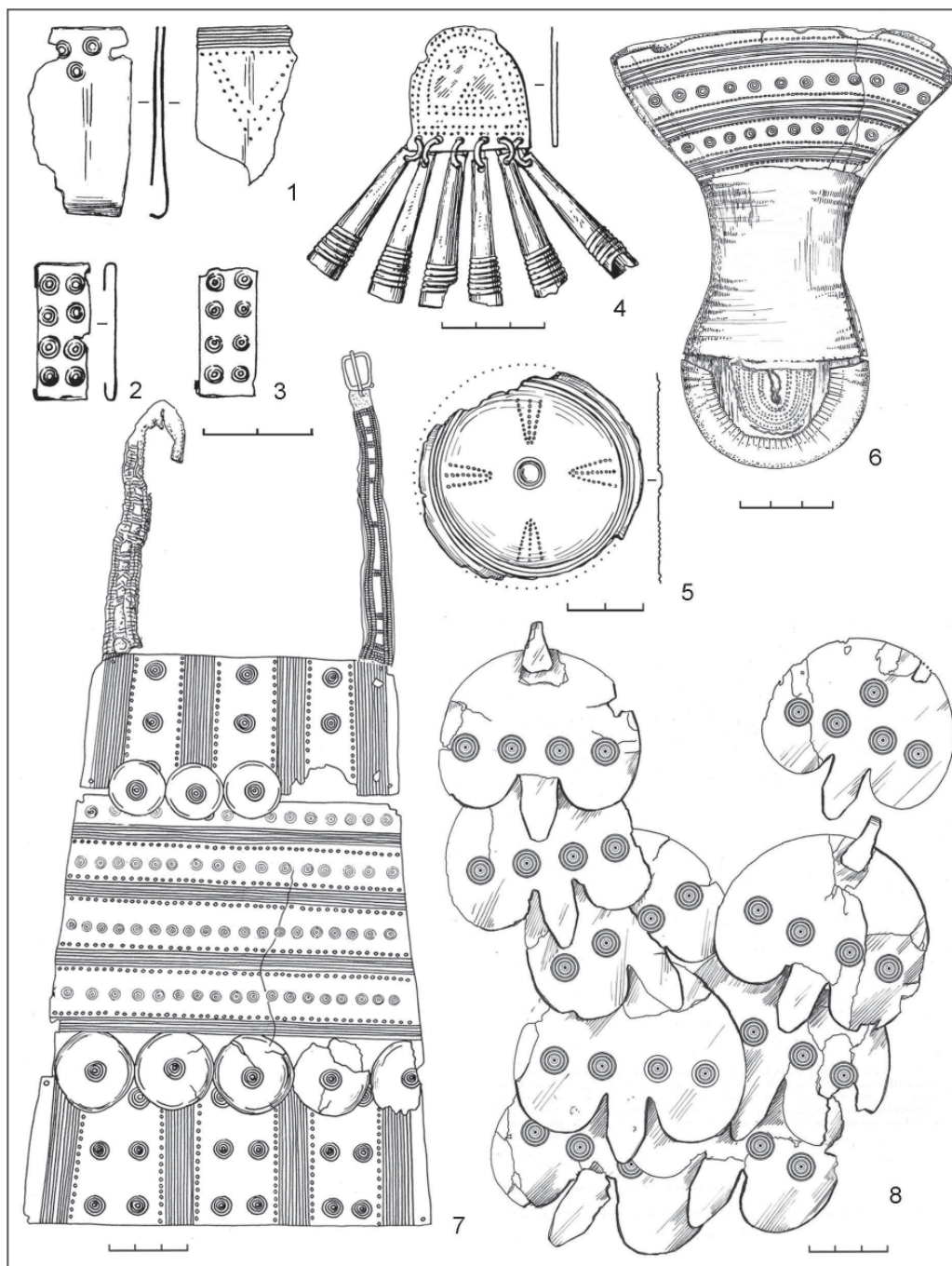

Рис. 6. Тат-Боярский могильник VI–VIII вв. Украшения женского костюмного комплекса: 1 – наконечник ремня; 2, 3 – поясные накладки-обоймы; 4 – шумящая подвеска; 5 – бляха; 6 – кошелек, 7 – нагрудник; 8 – нагрудное украшение из подвесок-лунниц. 1–4 – бронза; 5, 7, 8 – серебро; 6 – кожа, серебро

Устойчивым элементом средневековых погребальных традиций еманаевской культуры является наличие жертвенных комплексов (ЖК) (по В.Ф. Генингу), «подарочных наборов» (по Р.Д. Голдиной), «даров» (по И.В. Белоцерковской), «жертвенно-ритуальных комплексов» (по Т.Б. Никитиной), которые по многим признакам и палитре семантических значений наследуют основные черты с пьяноборского времени (Лещинская, 2016). Степень встречаемости жертвенных комплексов на вятских памятниках в VI–VIII вв.

составляет 7,2%. Традиционно в качестве контейнера использовалась берестяная емкость, объем и форма которой зависели от состава жертвенного комплекса. Особенность в размещении ЖК в этот период – в специально сооруженных в погребениях нишах. В единичных случаях ЖК располагались: за головой, в области предполагаемой груди, справа и слева, в области ног. Судя по характеру инвентаря, ЖК чаще сопровождают мужские захоронения, чем женские. В составе ЖК женских захоронений встречаются преимущественно го-

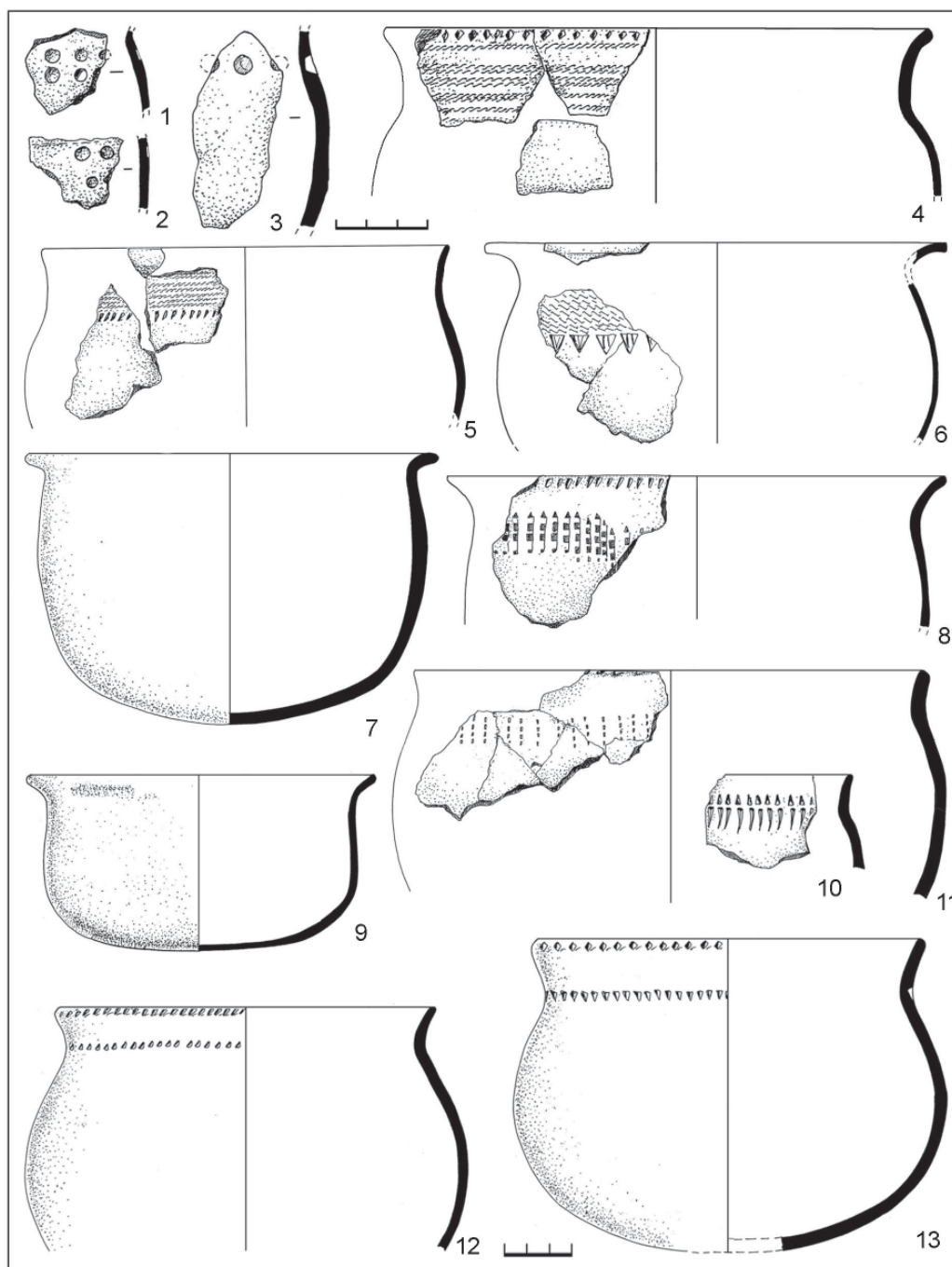

Рис. 7. Тат-Боярский могильник VI–VIII вв. Глиняная посуда

ловные, шейно-нагрудные украшения костюма. В набор мужских жертвенных комплексов входили чаще всего орудия труда: скобель, ложкар, серп, шило, иногда железный наконечник копья, удила. Как правило, они дополнялись бронзовыми браслетами, фрагментами бронзовых пронизей, гривной, элементами поясной гарнитуры, которые, скорее всего, можно рассматривать как набор металлической пластики мужского костюмного комплекса.

К проявлению ритуально-поминальных действий в погребальной практике вятского населения в эпоху раннего средневековья можно отнести

достаточно частую фиксацию кальцинированных, реже обожженных, костей и зубов животных в верхней части засыпи могильных ям. Сочетание с этими находками фрагментированной посуды подтверждает тезис о проведении в древности тризн в процессе погребения умершего. Значимую роль играл и «культ огня» в погребальной обрядности, о чем говорит наличие углистых пятен, зольно-углистых включений или отдельных углей в заполнении могильных ям.

Для характеристики **поселений** еманавской культуры информативны несколько наиболее изученных городищ: Буйское городище в устье

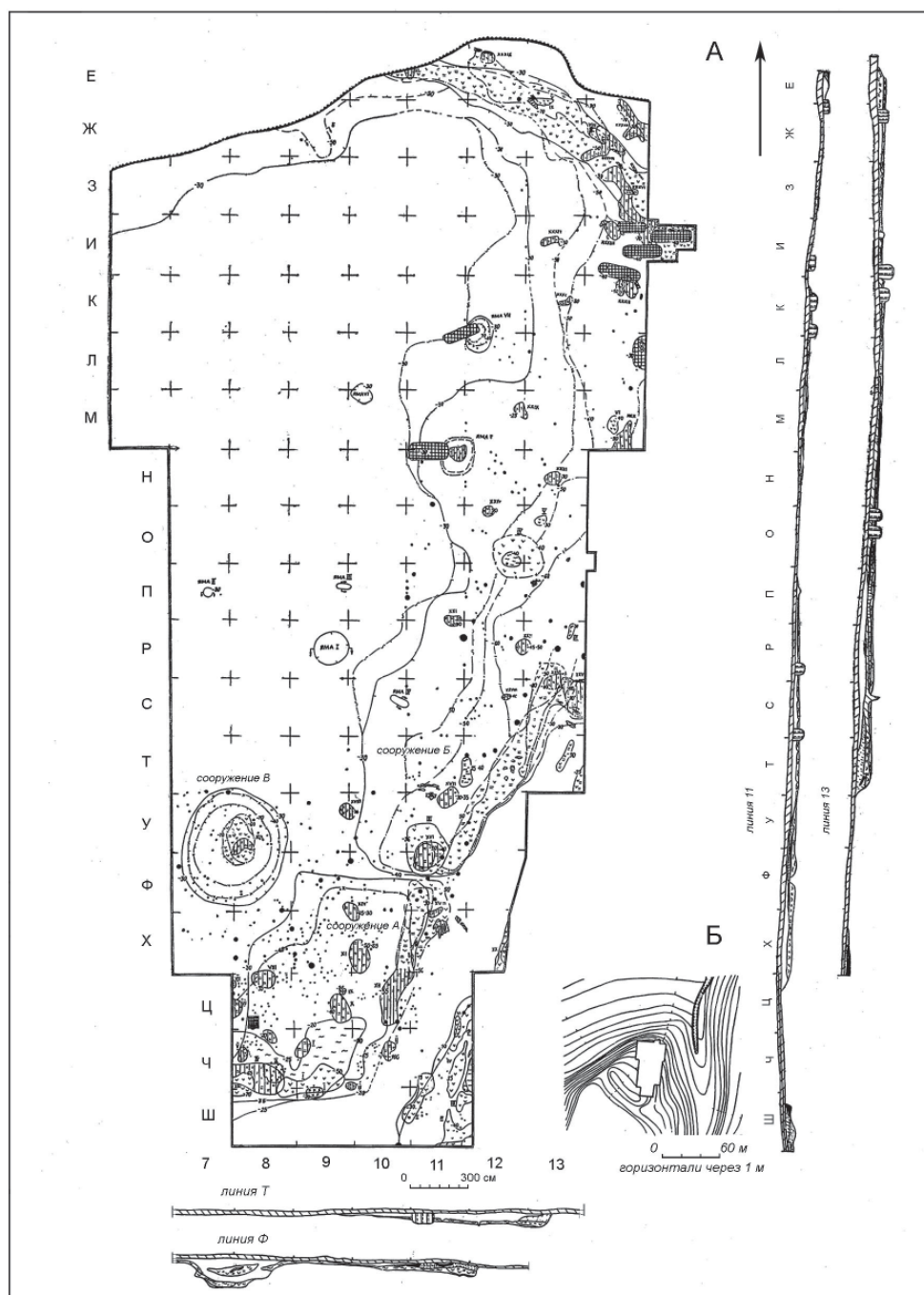

Рис. 8. Еманаевское городище VIII–X вв.: А – общий план раскопа; Б – топографический план памятника

р. Кужинерки, правого притока р. Вятки, со слоями VI–VII вв. и находками VIII–X вв.; Скорняковское городище на Средней Вятке с валовыми отложениями VI(?)–VIII вв.; Еманаевское и Ижевское городища VIII–X вв. в бассейне р. Пижмы, правого притока р. Вятки. Все городища мысовые, расположены на коренных террасах рек. Оборонительная система городищ включала вал-ров и укрепления склонов. На многослойных Буйском и Скорняковском городищах в качестве оборонительных укреплений использовались модернизированные ананьинско-пьяноборские фортификации. Так, дугообразный вал Буйского городища в

VI–VII вв., судя по напластованиям и планиграфии, подвергался обновлению: разрушенные фортификационные деревянные конструкции вала предшествующего времени восстанавливались; вершина и внешний склон вала расчищались и досыпались глиной со щебнем, камнями; гребень вала укреплен прокаленной глиной (Голдина, Черных и др., 2004). Комплексные археологические исследования Скорняковского городища в 2012 г. показали, что средневековый вал был сформирован по принципу «слоеного пирога» – чередование слоев из рыхлого грунта, взятого с площадки городища, и плотного грунта из коренных пород

(щебень, крупные камни), что с учетом природного фактора (дожди, промерзание или таяние снега) приводило к естественному бронированию, укреплению вершины и склонов вала (Чижевский, Черных и др., 2016, с. 80–81, 88).

На городищах VIII–X вв. земляные валы усилены деревянными конструкциями, которые, к сожалению, слабо реконструируются (Ижевское городище) (Архипов, 1962, с. 147–148). Вероятно, существовала и замкнутая система укрепления склонов и мыса площадки городища, фрагменты которой (траншеи со следами от крупных столбов, углисто-прокаленные слои с остатками обожженного дерева) зафиксированы на Еманаевском городище (Лещинская, 1988) (рис. 8: А).

На площадках городищ средневековых жилых комплексов не выявлено. Можно только предположить возможное использование на Буйском городище площадки позднepyаноборского жилища 3 под новое строительство средневековой, скорее всего, наземной срубной постройки, судя по значительному комплексу средневековых находок в верхних напластованиях и коридорообразному углублению pyаноборского жилища. Гораздо лучше изучены средневековые производственные комплексы поселений, связанные с черной и цветной металлургией. Практически на всех поселениях есть те или иные следы этого производства: железные орудия труда, тигли, льячки, шлаки, производственные площадки и др. На Буйском городище средневековая производственная зона зафиксирована вдоль всей привальной полосы на ширину 12–15 м. Здесь выделяются разной насыщенности комплексы с провалами, зольниками, глиняными прокаленными площадками, скоплениями камней, песчаниковых плит. Нет данных о конструктивных особенностях производственных сооружений на городище. Скорее всего, они представляли собой открытые легкие навесы, вписывающиеся в конструкцию вала. Характер находок в околооочажном пространстве комплексов (тигли, льячки, литейные формы, бронзовые украшения) говорит о специализации в области литья и изготовления изделий из цветных металлов (рис. 9: 3, 4, 6, 15, 16). В VIII–X вв. появляются городища – специализированные центры по работе с черным и цветным металлом. Таким производственным поселением, обслуживающим определенную округу, было Еманаевское городище на р. Пижме (рис. 8). На небольшой площадке (около 1500 кв. м) памятника изучено два производственных сооружения площадью около 100 кв. м с системой прокалов, углисто-зольных пятен различной мощности, скоплений сырых и кальцинированных костей животных, ям различного назначения. В конструктивном отношении сооружения

можно реконструировать как легкие наземные столбовые постройки, примыкающие к сплошной стене, идущей вдоль восточного склона городища. Характер находок в них: железные и медные шлаки, сотни фрагментов и десятки целых льячек и тиглей, кузнечный инструментарий, литейные формы, готовые изделия из железа и бронзы, обломок глиняного сопла и куски ошлакованной глиняной обмазки, возможно, от разрушенных наземных печей-домниц – говорит о металлообрабатывающей специализации в деятельности мастеров (рис. 9: 1, 2, 5, 7, 8–14, 17–24). Кроме производственных сооружений на городище изучена двухкамерная постройка земляночного типа с легкой столбовой конструкцией наземной части и фиксированным выходом, в которой, вероятно, был совмещен хозяйственный и жилой функционал (Лещинская, 1988, с. 81–82).

Вещевой поселенческий комплекс еманаевской культуры находит полные аналогии в погребальных памятниках, отличаясь лишь большим разнообразием орудий труда, бытовым инвентарем. **Поселенческая посуда VI–VII вв.** аналогична керамической коллекции Тат-Боярского могильника. С рубежа VII–VIII вв. в керамическом производстве проявляются новые тенденции. К ним можно отнести изменение пропорций сосудов от вытянутых форм к более приземистым, среди них чаши со средне- и слабопрофилированным туловом, невысокой слегка отогнутой шейкой и более уплощенным дном, миски разной степени профилированности. Значительно возрастает доля неорнаментированной посуды. Композиционные узоры на орнаментированной посуде не отличаются большим разнообразием. Чаще встречаются сосуды, украшенные только по венчику насечками или пальцевыми вдавлениями. Уменьшается со временем количество посуды, орнаментированной одним, двумя поясками чеканных вдавлений подтреугольной формы и гребенчатым штампом. Появляется группа посуды с решетчато-шнуровой орнаментацией: от 2–3 до 8–16 оттисков шнура в сочетании с круглым или треугольным штампом (рис. 10). Данный керамический комплекс, как и раннесредневековый (Тат-Боярский могильник, Буйское городище и др.), проявляет наибольшую близость с керамическими коллекциями памятников «прикамского» археолого-культурного ареала, связанного, по мнению большинства уральских исследователей, с этапами формирования древнепермского этнокультурного массива. Однако в пижемской группе поселений (Еманаевское, Ижевское городища) встречается и плоскодонная посуда, выполненная в поволжско-финских традициях керамического производства. Двухкомпонентный керамический комплекс выявлен и

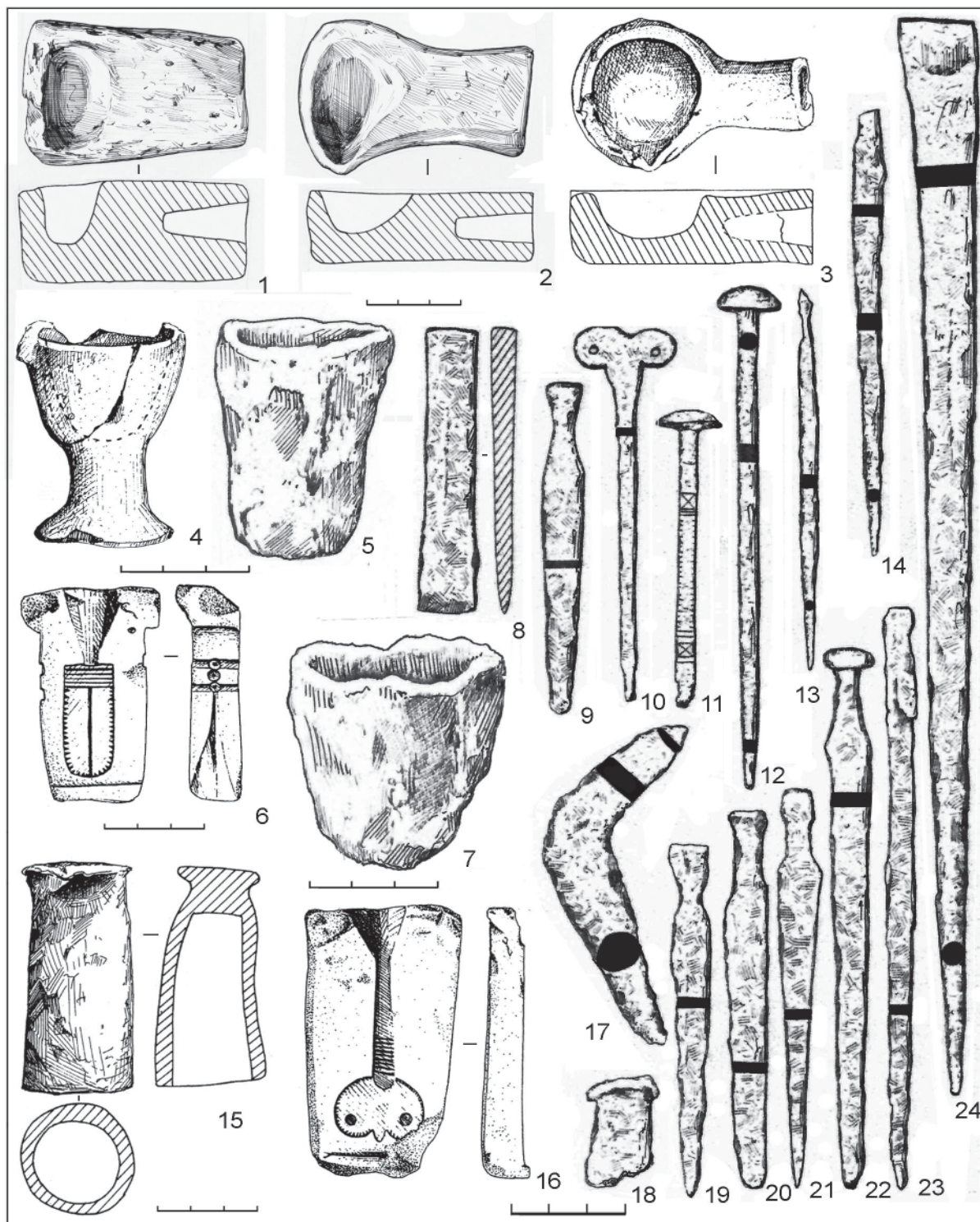

Рис. 9. Поселения бассейна р.Вятки VI–X вв. Производственный инвентарь:
 1–3 – глиняные льячки; 4, 5, 7 – глиняные тигли; 6, 16 – каменные литейные формы; 8–15, 17–24 – железный инвентарий. 1, 2, 5, 7–14, 17–24 – Еманаевское городище; 3, 4, 6, 15, 16 – Буйское городище

на раннесредневековом Кубашевском городище в бассейне р. Б. Кокшаги, левого притока р. Волги (Архипов, 1962а, с. 219–221).

Развернутая реконструкция хозяйственной деятельности средневекового населения бассейна р. Вятки затруднена отсутствием достаточного количества источников. Более определенно мож-

но говорить о значительной роли скотоводства в структуре хозяйства. Анализ археозоологической коллекции средневековых (VI(?)–VIII вв.) напластований вала Скорняковского городища выявил преобладание в стаде на раннем этапе МРС и лошадей, на позднем – в равной пропорции КРС, МРС и лошадей (Чижевский, Черных и др., 2016,

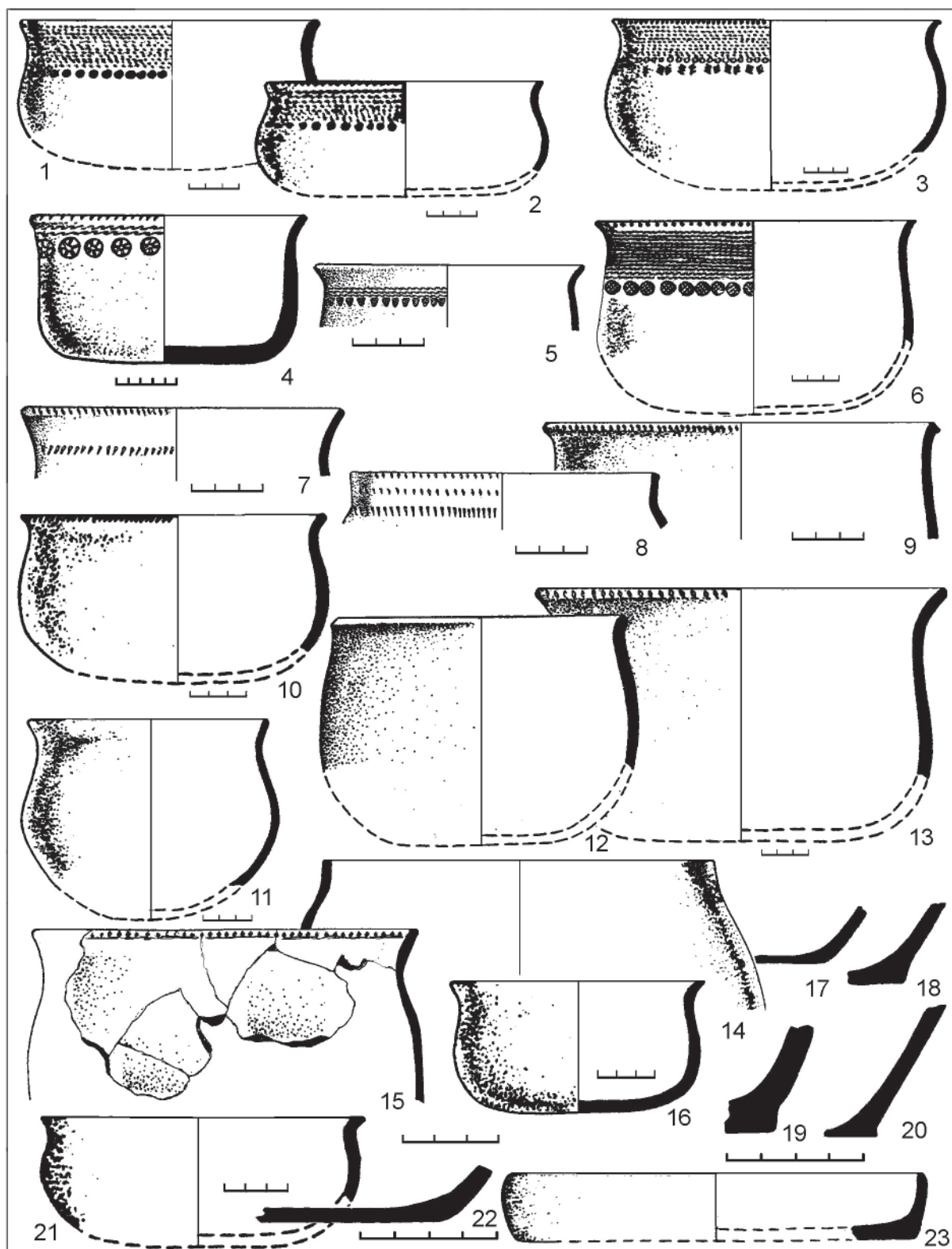

Рис. 10. Еманаевское городище VIII–X вв. Глиняная посуда

с. 85–86). Небольшое количество костей диких животных и рыб вряд ли отражает реальную долю охоты и рыболовства в жизнеобеспечении жителей поселка. В частности, в археозоологической коллекции Еманаевского городища VIII–X вв. соотношение костей домашних и диких животных

70,8% к 29,2%, что говорит о сохранении роли промысловой охоты. Больше на памятнике обнаружено костей лося, чуть меньше костей бобра, северного оленя, в незначительном количестве встречены кости медведя, косули. Особенность остеологической коллекции Еманаевского городи-

ща – преобладание в составе стада свиньи, в значительно меньшем количестве КРС, МРС и лошади (Лещинская, 1988, с. 103–104).

Нет сомнения, что хозяйство вятского населения было комплексным и определенную роль в нем играло и земледелие, но прямых свидетельств о роли этого вида деятельности нет. Отсутствует зерновой материал с поселений, палинологические исследования на Скорняковском городище не выявили пыльцы культурных растений (Чижевский, Черных и др., 2016, с. 86). Однако о наличии земледелия в структуре хозяйства говорят некоторые археологические источники. В материалах Тат-Боярского могильника впервые появляются косы-горбуши, есть серп, которые могли использоваться и для уборки урожая, и для сенокоса (рис. 11: 4–6). С Еманаевского городища происходят два втульчатых тесла с возможностью их использования не только в деревообрабатывающем производстве, но и в качестве почвообрабатывающих орудий (рис. 11: 1, 2). В погребальных комплексах еманаевской культуры часто встречаются втульчатые топоры (рис. 11: 3, 7): с учетом высокой залесенности территорий и отсутствия металлических наконечников пахотных орудий с большим основанием можно предполагать существование земледелия в раннем средневековье на Вятке в форме подсеки или перелога с ручной обработкой земли, нежели о пашенном земледелии с возможным использованием цельнодеревянных пахотных орудий труда.

В средневековый период дальнейший импульс к развитию получает металлургическое производство. Археологически это прослеживается в появлении не только крупных производственных площадок на поселениях, но и специализированных поселков металлургов (Еманаевское городище). Археометаллографических исследований изделий еманаевской культуры сделано не много. Металлографическому анализу была подвергнута серия железных орудий труда Еманаевского городища VIII–X вв., который показал, что основным кузнечным сырьем было кричное железо и сырцовая сталь. Большинство изделий отковано из цельнометаллических заготовок. Реже применялась технологическая сварка с доминирующими схемами: пакетирование заготовки и сварка из двух полос металла. Значительно меньше в серии зафиксировано изделий (ножи) со схемой трехслойного пакета (Первошиков, 2002, с. 66–71, табл. IV). В целом технологический уровень еманаевских кузнецов соответствовал общей линии развития кузнечного ремесла прикамских культур раннего средневековья (Завьялов, 2005, с. 113–115).

Традиционно значительную роль играла цветная металлургия, обеспечивая высокий спрос на

бронзовые украшения, что отражают вещевые комплексы погребальных памятников. Химический анализ серии предметов Тат-Боярского могильника и Еманаевского городища показал, что по-прежнему типично местные формы изделий выполнены из оловянистых бронз и сплавов на их основе, где использовались присадки цинка, свинца, хотя и с тенденцией снижения их доли по сравнению с предшествующими периодами. К особенностям средневековых вятских оловянистых сплавов можно отнести использование в качестве присадки никеля и мышьяка с разными количественными и процентными показателями по памятникам (Лещинская, Орехов, 2007, с. 176).

Раннесредневековые археологические памятники бассейна р. Вятки достаточно ярко фиксируют включенность населения региона в систему разновекторных торговых, этнокультурных связей. Традиционно устойчивые контакты осуществлялись с древнепермским полемско-ломоватовским миром. С VI в. начинается активное освоение средневятским населением левобережных притоков р. Вятки, включая р. Чепцу. На чепецком Варнинском могильнике к. IV–IX вв. полемской археологической культуры исследователи (Семенов, 1980) выделяют группу погребений с элементами вятских погребальных традиций (длинные узкие могилы, ниши в стенках с жертвенными комплексами) и вещевыми комплексами, аналогичными материалам Концовского, Тат-Боярского вятских могильников. Явное вятское «еманаевское» наследие прочитывается в материалах могильника Мыдлань-Шай VIII–IX вв. (Генинг, 1962) и в открытом в последние годы Базезинском могильнике VI–VII вв. (Черных, Перевозчикова, Митряков, 2020), что подтверждает правоту предположений об участии вятского населения в генезисе полемской культуры в бассейне р. Чепцы (Семенов 1982, 1989; Голдина, 1999; Иванов, 1998; Лещинская, 2002). Подобные процессы не имели односторонний характер, инфильтрация населения осуществлялась и в обратном направлении. В середине VIII в. на ряде средневятских, пижемских городищ появляется посуда с решетчато-шнуровой орнаментацией, истоки которой связаны с традициями полемско-ломоватовского керамического производства.

Исторически Вятский край выступал как своеобразная контактная территория между формирующимся поволжско-финским и пермским мирами, что способствовало выстраиванию устойчивой системы связей в формате торговых, культурных, этнических контактов. Вещевые комплексы могильников еманаевской археологической культуры содержат изделия, более характерные для древней муромы, мордвы, марийцев (сюльга-

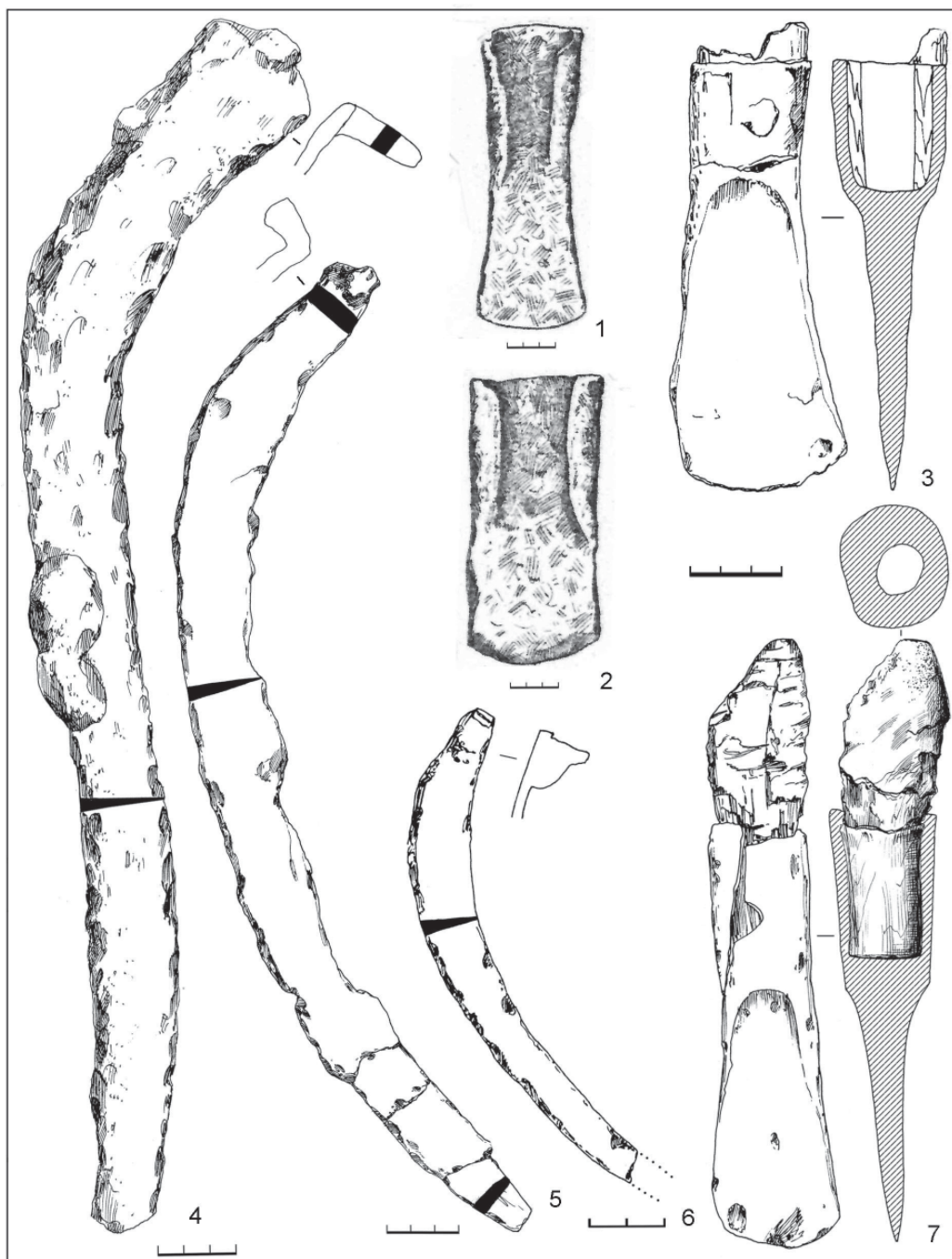

Рис. 11. Памятники бассейна р. Вятки VI–IX вв. Орудия труда:
1, 2 – тесла; 3, 7 – топоры; 4, 5 – косы-горбуши; 6 – серп.
1, 2 – Еманаевское городище; 3–7 – Тат-Боярский могильник

мы различных типов, головные жгуты, височные кольца, конические подвески, биконические пряслица и т. д.). В свою очередь в поволжско-финских некрополях встречаются эполетообразные застёжки, арочные шумящие подвески с изображением коней поздних типов – индикаторы вятской ювелирной культуры. В раннем средневековье западная и юго-западная периферия еманаевского археологического массива, прежде всего верховья Большой и Малой Кокшаги, верховья, позднее среднее течение р. Пижмы, становится зоной

активных этнических контактов, этнического соперничества вятских пермян и групп поволжских финнов, в которых большинство исследователей видят древних марийцев. Об этом свидетельствует двухкомпонентный керамический комплекс на Кубашевском городище VI–VII вв. (бассейн р. Б. Кокшаги), Еманаевском и Ижевском городищах VIII–X вв., погребальная обрядность, инвентарь Юмского конца VIII – X вв., Кочергинского IX–XI вв. могильников (бассейн р. Пижмы).

В раннем средневековье усиливаются контакты с именьковскими племенами, слабо фиксируемые в познеазелинское время. Вероятно, именно контакты с праславянским именьковским населением дали импульс к формированию в еманаевском ареале моды на использование в женском костюме подвесок-лунниц (подвески-«бельки»). И если в именьковско-турбаслинской среде в конце V – середине VI в. данные изделия использовались в качестве поясных накладок, то вятское население адаптировало инновацию к своим вкусам, используя их в качестве височных подвесок и наладив их собственное производство (5 фрагментов литейных форм было обнаружено на Буйском городище) (Лещинская, 2018).

С определенной долей условности можно говорить о заимствовании вятским населением более высоких технологий именьковцев в области земледелия и металлообработки. Однако немногочисленные археологические факты (распространение кос-горбуш, серпов, находки тесел, наральника) не позволяют пока говорить о структурных изменениях в сельскохозяйственном производстве вятского населения. Больше данных о параллелях в кузнечном производстве именьковской и азелинской (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009), именьковской и еманаевской (Первошников, 2002, с. 70, 71) культур.

Материалы средневековых вятских памятников фиксируют параллели и с культурными ареалами дальней территориальной локализации. В частности, индикатором юго-восточного направления связей вятского населения, где исходной территорией выступает центральноазиатский регион, являются подвески VI–VII вв. из импортных зеркал и чаш, изготовленных из высокооловянистой

бронзы (Лещинская, Пастушенко, 2017; 2018). Вопрос о путях проникновения изделий из высокооловянистой бронзы на Вятку в раннем средневековье пока остается открытым. Скорее всего, это было результатом многоступенчатых контактов с Востоком через посредничество населения бассейна р. Белой или племен неволинской культуры, для которых известны прямые торговые маршруты с юго-восточными землями в этот период. Дополнительным аргументом включенности вятской территории в систему транзитной торговли с Востоком являются и находки фрагментов шелковых тканей в вятском Тат-Боярском могильнике.

В финале еманаевской культуры, на рубеже I–II тыс. н. э., археологические памятники отражают сложные процессы взаимодействия разных этнических массивов в бассейне Вятки: западных групп древних пермян, древних марийцев, позднее древнерусского населения. Однако немногочисленность археологических источников не позволяет на сегодняшний день четко реконструировать эти процессы. Это порождает различные точки зрения на этнокультурную принадлежность одних и тех же памятников, выстраиваются различные археологические схемы. Р.Д. Голдина считает, что на основе еманаевской культуры формируется кочергинская археологическая культура X–XI вв. – вятский ареал древнеудмуртской общности эпохи средневековья (Голдина, 1999, с. 325–329). Марийские археологи памятники VIII–XI вв. на правобережье Вятки с притоками склонны рассматривать территорией второго этапа формирования средневековой марийской культуры, испытавшей влияние со стороны пермян (Никитина, 2002, с. 186–187, 195–198, рис. 53).

Тат-Боярский могильник. Шумящая подвеска. Бронза.
Кильмезский район Кировской области

Тат-Боярский могильник. Фибула. Серебро.
Кильмезский район Кировской области

Тат-Боярский могильник. Подвески-лунницы.
Серебро. Кильмезский район Кировской области

Тат-Боярский могильник. Нагрудник. Серебро.
Кильмезский район Кировской области

Могильники безводнинско-ахмыловского типа (V–VIII вв.)

История изучения. Тяготеющие к району окского устья погребальные памятники середины – третьей четверти I тыс. н. э. сравнительно недавно стали рассматриваться в рамках единой культурной традиции. Результаты раскопок первых могильников, обнаруженных здесь еще в конце XIX – середине XX вв. (Холуйский, 1895 г. (Спицын, 1924, с. 13); Чёртово городище, 1908 г. (Каменский, 1909, с. 7); Кочкинский, 1959 г. (раскопки Е.Н. Ерофеевой, см.: Дубынин, 1966); Младший Ахмыловский, 1962 г. (раскопки Г.А. Архипова)), не привели к пониманию их культурного своеобразия. Причиной этого, вероятно, были не только небольшие масштабы проведенных работ, относительно небольшое число изученных комплексов, но и периферийное положение этих памятников в культурном ареале.

Наиболее значительные исследования на памятниках безводнинско-ахмыловского типа проводились в конце 50-х – первой пол. 70-х гг. XX в. В этот промежуток почти полностью был раскопан Безводнинский могильник, значительные площади охвачены раскопками на Кочкинском, Младшем Ахмыловском, Желтухинском некрополях. Уже при подведении итогов изысканий отдельные исследователи отмечали отличия этих памятников от единовременных могильников соседних областей – древнемордовских, рязано-окских, азелинских. Так, Г.А. Архипов акцентировал внимание на специфике Младшего Ахмыловского могильника, который, по его мнению, маркирует завершение первого этапа формирования основ материальной культуры древних марийцев, наиболее ярко отражая взаимоассимиляцию двух основных компонентов их этноса – городецкого и азелинского (Архипов, 1976, с. 9). Ю.А. Краснов, подытоживая монографическое издание материалов раскопок у с. Безводное, высказал мнение о том, что раскопанный памятник «...оставлен группой населения, отличающейся рядом этнокультурных особенностей... от населения муромского течения Оки. Вполне возможно, что это была особая группа поволжского финно-угорского населения, близкая по этнографическим признакам... с одной стороны, муроме и отчасти мере, а с другой – северным группам мордвы» (Краснов, 1980, с. 119). На сходство двух периферийных могильников этого круга – Холуйского и Кочкинского – в статье 1966 г. указал А.Ф. Дубынин (1966). Близость наиболее представительных по материалам двух других памятников – Безводнинского и Младшего Ахмыловского – отметил Ю.А. Краснов в монографии 1980 г. (Краснов, 1980, с. 115).

На сходство с ними Желтухинского могильника указал Ю.А. Зеленева (Зеленева, 1988, с. 85). В публикации 1990 г. В.В. Гришаковым и Ю.А. Зеленева Безводнинский, Младший Ахмыловский, Кочкинский, Желтухинский и Холуйский могильники были выделены в отдельную группу, оставленную, по их мнению, переселенцами из земель средней и верхней Оки, вынужденных мигрировать из-за процессов, порожденных гунским нашествием (Гришаков, Зеленева, 1990, с. 57). В публикациях 1990 г. впервые появляется объединяющее эти памятники наименование – «комплексы безводнинско-ахмыловского типа» (Гришаков, Зеленева, 1990, с. 23), «памятники безводнинского типа» (Гришаков, 1990, с. 134). На необходимость подробного сравнительного анализа материалов раскопок указанной группы могильников указала Т.Б. Никитина (Никитина, 1996).

Развернутое обоснование возможности объединения безводнинско-ахмыловских памятников в рамках своеобразной культурной традиции было предложено этим автором в начале 2000-х гг. (Никитина, 2002, с. 160–166, 184, 185; 2003). Т.Б. Никитина впервые выделила комплекс главных признаков сходства могильников этого круга, подчеркнув их отличия (по инвентарю и элементам погребальной обрядности) от обычаев погребальной практики единовременного населения соседних областей.

Территория. Малое число могильников, известных сейчас в указанном районе, относительно небольшое количество изученных на них комплексов, сходство значительной части погребального инвентаря, ряда элементов погребального обряда с материальной культурой и традициями соседнего раннесредневекового населения – все это в настоящее время вынуждает с осторожностью подходить к причислению отдельных археологических объектов к данной культурной группе. «Ядро» последней образуют три памятника, определяющие центральную часть культурного ареала – ближайшие к устью р. Оки и почти равноудаленные от него: Безводнинский, Желтухинский и Подвизьевский могильники (рис. 1). Периферийная часть представлена памятниками, имеющими общие специфические черты с центральными.

Могильники безводнинско-ахмыловского круга тяготеют к порубежным районам на стыке Средней и Верхней Волги – с одной стороны, Среднего Поволжья и Нижнего Поочья – с другой (рис. 1). В качестве условного географического центра ареала можно рассматривать район устья р. Оки. Область их распространения прости-

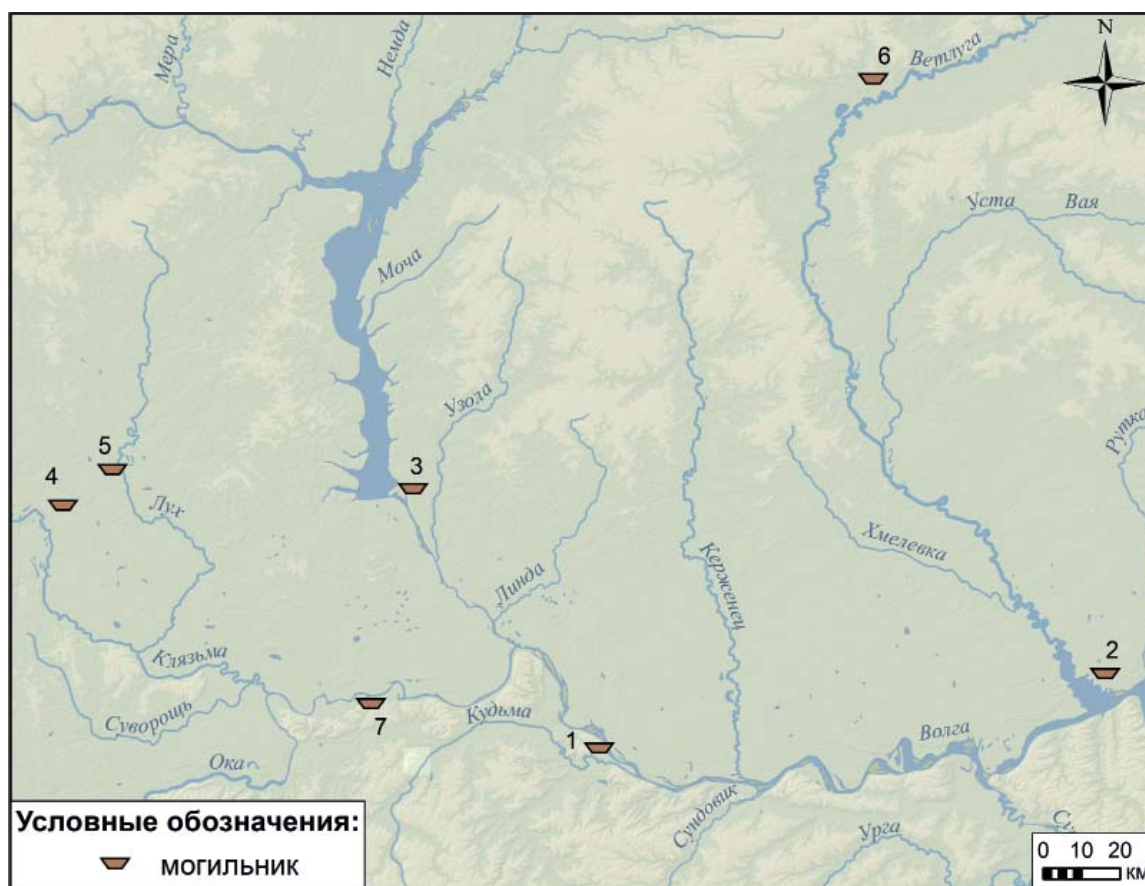

Рис. 1. Карта распространения могильников безводнинско-ахмыловского круга.
 1 – Безводнинский; 2 – Младший Ахмыловский; 3 – Желтухинский; 4 – Кочкинский;
 5 – Холуйский; 6 – могильник на Чортовом городище; 7 – Подвyezевский

рается от рек Теза и Лух в Волжско-Окском междуречье – на западе и до устья р. Ветлуги – на востоке, охватывая участки волжской долины от устья р. Ветлуги до устья р. Белой (у г. Городца Нижегородской области), долины р. Оки – от устья до места впадения р. Кишмы, и, вероятно, значительную часть Поветлужья.

Могильники. Наиболее представительные комплексы, определяющие культурную специфику памятников безводнинско-ахмыловского типа, в настоящее время известны по пяти могильникам – Кочкинскому, Безводнинскому, Младшему Ахмыловскому, Желтухинскому, Подвyezевскому. В непосредственной близости от них расположен еще целый ряд единовременных финских памятников – пока слабо изученных или в силу разных причин уже утраченных. Среди них могильники – Холуйский, на Чёртовом городище, Юльяльский, Гавриловский.

Кочкинский могильник стал известен по сообщению местного жителя А.С. Киселёва в 1956 г. Могильник располагается в Палехском районе Ивановской области на мысу первой береговой террасы р. Лух в ее среднем течении. Высота площадки памятника над уровнем поймы реки 3–4 м.

Могильник занимает участок, местами нарушенный котлованами старых картофелехранилищ и ямами карьеров, разрушивших несколько погребений. Раскапывался Е.Н. Ерофеевой в 1959, 1961, 1962 гг. (Ерофеева, Травкин, Уткин, 1988). Общая площадь вскрытого участка 540 кв. м.

На могильнике изучено 34 человеческих погребений, 9 погребений домашних животных (7 конских, 1 мелкого и 1 крупного рогатого скота), 2 кремационные ямы и около 20 ритуальных кострищ. Контуры прослежены у 11 могил. Длина могильных ям варьирует от 2 до 3 м, глубина от 1 до 2,1 м относительно современной дневной поверхности. В планировке могильника прослежена рядность, ярусность и компактные скопления погребений. В нескольких могилах зафиксированы следы деревянных настилов и подкладок из шкур животных. Погребальный обряд представлен ингумациями (18 погребений), трупосожжениями (4 погребения), вторичными захоронениями (8 погребений), кенотафами (4 погребения). Могилы ориентированы преимущественно широтно или по линии ЮЗ–СВ. Многие из них в верхней части перекрыты кострищами, которые в ряде случаев зафиксированы и в межмогильном пространстве.

Фрагментированные и целые экземпляры браслетообразных височных колец обнаружены в восьми погребениях. В одном (погр. 13) в качестве височных украшений присутствовала пара щитковых колец муромского типа. Головной жгут в виде пучка волос, обвитого ремешками из кожи, унизанными бронзовыми спиральными пронизками, зафиксирован в одном погребении. Гривны (серповидные пластинчатые, в одном случае – сопровождаемые трапециевидными привесками) обнаружены в двух погребениях. Многочисленные находки сюльгам с короткими, спирально подвернутыми окончаниями-усаами (51 экз.). В состав украшений одного женского костюма входила крестовидная фибула. Язычок одной поясной пряжки выполнен в виде стилизованной головы животного. Среди поясной гарнитуры отсутствуют вещи, изготовленные в геральдическом стиле.

Младший Ахмыловский могильник входит в сложный комплекс разновременных памятников, включающий в себя, кроме него, еще Ахмыловское поселение эпохи бронзы и раннеананьинский Старший Ахмыловский могильник. Первые известия о находках древних предметов в этом комплексе отмечены в сводке 1901 г. А.А. Штукенберга. Первые погребения раннего железного века изучены А.Х. Халиковым и Г.А. Архиповым в 1960 г. (Халиков, 1962; Никитин, 2009, с. 56). По ходу раскопок Старшего Ахмыловского могильника в 1962, 1964–1969, 1973–1977 гг. выяснилось, что на его площадке погребения совершались и в середине – третьей четверти I тыс. н. э. Связанный с ними раннесредневековый памятник получил наименование Младшего Ахмыловского могильника. Его комплексы были исследованы под руководством Г.А. Архипова (1962, 1963, 1966–1969 гг.) и В.С. Патрушева (1974 г.). Материалы раскопок частично введены в научный оборот Г.А. Архиповым (1968, 1976, 1991). В 1999 г. они были изданы Т.Б. Никитиной в составе монографии, посвященной обобщению результатов изучения раннесредневековых могильников, известных на территории Республики Марий Эл (Никитина, 1999). Обобщение результатов исследования памятника содержится в докторской диссертации и монографии этого же автора (Никитина, 2002).

Младший Ахмыловский могильник располагался на возвышенном северном берегу Ахмыловского озера в левобережной пойме р. Волги между устьями рр. Ветлуги и Рутки в Горномарийском районе Республики Марий Эл. В настоящее время его территория затоплена водами Чебоксарского водохранилища. Перед этим поверхность могильника длительное время подвергалась распашке.

На памятнике изучено 75 захоронений в 70 могильных ямах (Никитина, 1999, с. 45–58). Боль-

шинство из них образует нестройный ряд, вытянутый вдоль берегового склона на 45 м (рис. 2: 1). К северу от него еще двенадцать погребений образуют три компактные группы. В трех случаях из семидесяти зафиксировано перекрывание могил. Раскопанная площадь – около 1300 кв. м.

По обряду захоронения преобладают одиночные ингумации. Доля кремаций (на стороне) составляет около 20% (15 захоронений, рис. 2: 2), доля кенотафов – 5,3%. Преобладают захоронения на глубине до 60 см (74,3%). Конских погребений на площадке могильника не встречено. Однако на дневной поверхности, помимо обширных углесто-гумусных пятен, тяготеющих к раскопанным остаткам сложных погребальных сооружений раннего железного века, зафиксировано присутствие «...довольно многочисленных следов зубов от лошадиных черепов» (Халиков, 1977, с. 30), которые, по мнению Т.Б. Никитиной, могли остаться от разрушенных конских погребений. Длина могил 110–310 см, доля могильных ям свыше 250 см – 7%. Преобладающие ориентировки погребенных – головой на С (22 погр.), ССВ (7 погр.) и ССЗ (6 погр.). Широтная ориентация (головой на З) зафиксирована только в одном случае. В засыпке большинства могил обнаружены угли (в 54,6% случаев). На дне отдельных могильных ям зафиксированы следы деревянных покрытий (1 случай), подстилок из лыка с берестой (2) и луба (3).

Среди погребального инвентаря выделяются поясные наборы, железные мечи, височные дровяные обруленноконечные кольца, головные венчики.

Присутствие в погребальном инвентаре многочисленных погребений вещей, типичных для азелинских могильников (нагрудной бляхи и проч.), расположение памятника вблизи западной периферии культурной общности на первом этапе изучения стало причиной отнесения Младшего Ахмыловского могильника к азелинской культуре, что впоследствии было аргументированно оспорено Т.Б. Никитиной (2002, с. 158–160).

Детальная периодизация комплексов пока не разработана. По мнению Т.Б. Никитиной, проанализировавшей основной датирующий инвентарь, в целом он может датироваться второй пол. VI–VII вв. К наиболее ранним вещам она отнесла пряжки с хоботковидными язычками. По мнению исследовательницы, включающие их комплексы содержат более поздний инвентарь, позволяющий датировать соответствующие погребения второй пол. VI в.

Безводнинский могильник открыт В.Ф. Черниковым в 1970 г., вскрывшим два полуразрушенных погребения. В 1971–1972 гг. раскапывался Ю.А. Красновым. В 1973 г. визуальный осмотр

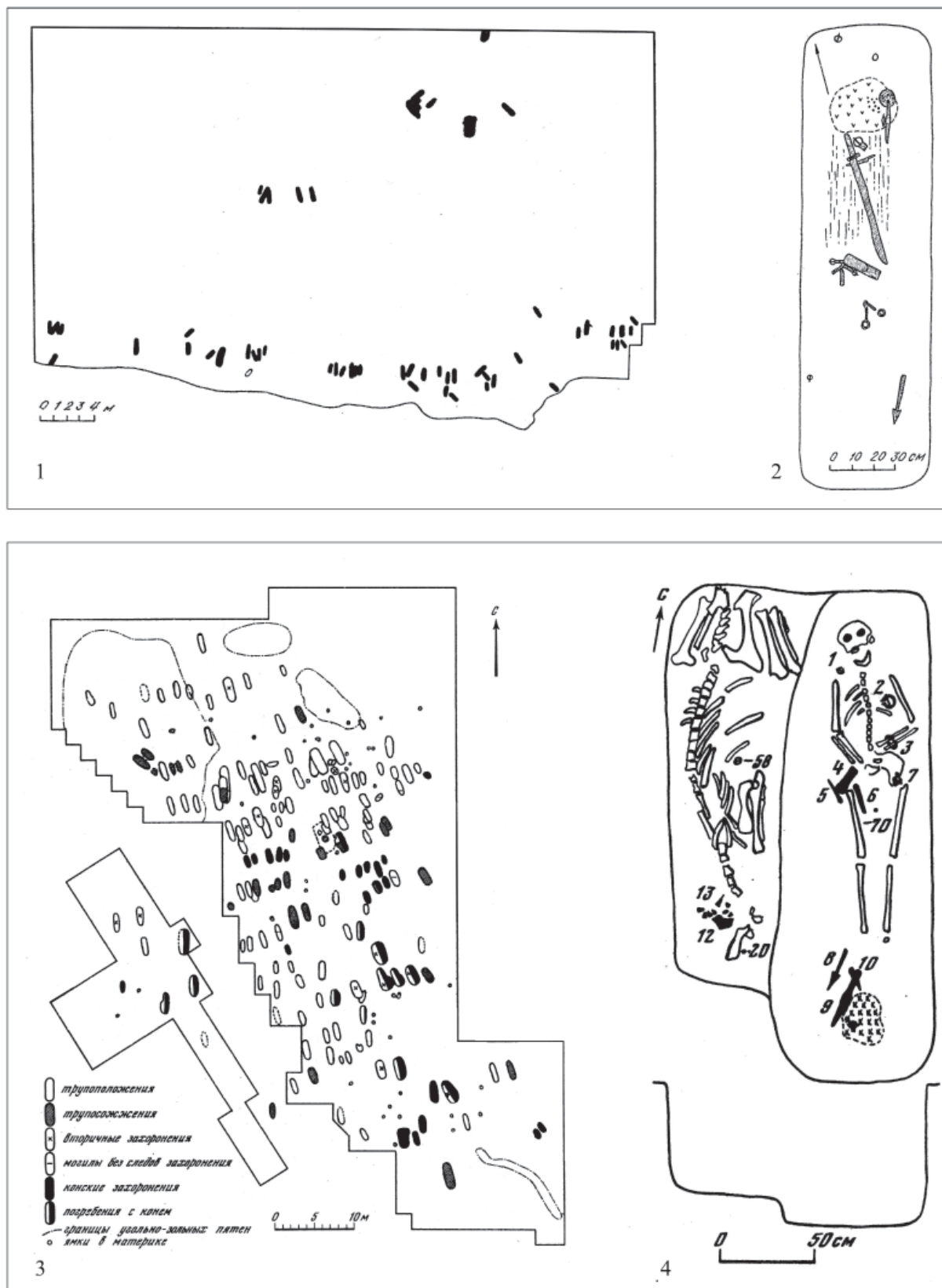

Рис. 2. Планы безводнинско-ахмыловских могильников (1, 3) и отдельных погребений (2, 4).
 1 – раскопанная часть Младшего Ахмыловского могильника (по Т.Б. Никитиной, 1999); 2 – трупосожжение (погр. 128), Младший Ахмыловский могильник (по Т.Б. Никитиной, 1999); 3 – раскопанная часть Безводнинско-го могильника (по Ю.А. Краснову, 1980); 4 – парное погребение с конем (мужское труположение с женской кремацией, погр. 54/55), Безводнинский могильник (по Ю.А. Краснову, 1980)

проведен В.Ф. Черниковым. Располагается в нижней половине склона возвышенного левого берега р. Кудьмы (правобережного волжского притока) в непосредственной близости от выхода долины последней в волжскую пойму. Площадка памятника вытянута в направлении склона к пойме р. Кудьмы (с СЗ на ЮВ). Площадь могильника 3500–4000 кв. м; удаление от кудьминской поймы составляет 200–250 м, от современного русла р. Волги – 500 м. Памятник располагается в открытой безлесной местности с характерными эрозионными формами микрорельефа (промоины, эрозионные рытвины, овраги). В первой половине XX в. она повсеместно (кроме заовраженных участков) распаивалась.

Исследован почти полностью (рис. 2: 3). Заложено семь раскопов общей площадью 3500 кв. м. Могильные пятна выявлены под горизонтом старой распашки (30 см) на буром четвертичном материковом суглинке. В некоторых местах пахотный слой разрушен эрозией. Древние промоины местами нарушили целостность отдельных погребальных комплексов. Исследовано 169 могил.

По обряду трупоположения совершено 91 погребение (25 мужских, 34 женских, 30 детских, 2 неопределенных), в 27 могилах зафиксированы трупосожжения (в двух мужские трупоположения сопровождалось женскими кремациями) (рис. 2: 4), в 21 могиле обнаружены вторичные захоронения (преобладают мужские). В 11 погребениях следов захоронений не найдено. Конские – 21 погребение (из них 2 групповые), 13 погребений – с конем. Могильные ямы преимущественно прямоугольные с отвесными или слегка наклонными стенками. Могилы овальной формы редки. Большинство могильных ям (110) ориентировано по линии ССЗ–ЮЮВ, 39 погребений – по линии С–Ю. Могильник имеет рядовую планировку. Выделено 20 рядов, ориентированных по линии ЗЮЗ–ВСВ. В рядах погребения располагались группами. Конские погребения иногда располагались в рядах или между ними. По периферии могильника на материке зафиксированы угольно-золистые пятна, которые, вероятно, остались от ритуальных костров или мест сожжения трупов. В межмогильном пространстве, преимущественно в южной и западной частях могильника, к которым тяготеют наиболее поздние погребения, исследовано около 30 ритуальных ям округлой формы, заполненных углем с золой, костями крупного рогатого скота, лошадей, фрагментированными глиняными сосудами. В засыпке большинства могил отмечены включения угля и золы, в пяти – значительные по размерам угольно-золистые пятна, в четырех – следы разведения огня в самих могильных ямах. В восьми могилах (всех стадий) имеются следы деревянных

конструкций, в пяти они реконструируются в виде настилов, опирающихся на поперечные или продольные подкладки. На дне могильных ям иногда фиксировался луб или светлая песчаная подсыпка. Некоторые погребенные, видимо, были завернуты в рогожу или в березовую кору. Оружие (мечи, наконечники копий, стрел и дротиков) обнаружено более чем в половине мужских погребений с трупоположениями и ни разу в женских или детских. Глиняные сосуды сопровождали 32 трупоположения, чаще – женские и детские.

Желтухинский могильник открыт при обследовании карьера в мае 1974 г. В.Ф. Черниковым (Черников, А-1974). Памятник обнаружен в 4 км к СЗ от г. Городца Нижегородской области на левом коренном берегу р. Волги в начале обширного, в настоящее время затопленного, левобережного расширения поймы реки на высоте 10–12 м над уровнем воды в Горьковском водохранилище. Сохранившаяся часть памятника полностью раскопана (340 кв. м). Культурный слой в непогребенном виде сохранился под мощным чехлом позднейших отложений (60–110 см), образованных отходами гончарной мастерской XIX в. Он состоял из коричневого песка с включением обломков лепной средневековой керамики (погребенной почвы – по определению автора раскопок) мощностью до 35 см и лежащей под ним на материке прослойки светло-серого песка (20–25 см). Последний был переслоен линзами ритуальных кострищ, перекрывающих могильные ямы.

На памятнике исследовано 24 могилы. В их расположении прослежены компактные скопления (группы) и ряды, вытянутые по линии СЗ–ЮВ – параллельно береговому обрыву. Зафиксированы два случая взаимопересечения могил. Форма большинства из них напоминала прямоугольную фигуру со скругленными углами. Две могилы имели выступообразные расширения. Глубина могил варьировала от 35 до 110 см. Остатки внутримогильных конструкций не зафиксированы. В засыпи отдельных могильных ям отмечены угли. Изучено 8 трупоположений (2 из них сопровождалось захоронением коней), 4 трупосожжения, 3 вторичных погребения и 9 кенотафов. У ингумаций преобладает ориентация головой на С или на СВ, ногами к реке. Среди находок – головной жгут из туго свитых шерстяных нитей, обмотанной полоской из бронзовых пластинок и кожаных ремешков, унизанных бронзовыми пронизками; 3 головных венчика, 6 нагрудных блях, наконечник, 3 фибулы (крестовидные и двухпластинчатые); скульгамы с короткими и длинными «усами», 8 браслетообразных обрубленноконечных височных колец, происходящих из четырех погребений (одно височное кольцо из сборов подъемного ма-

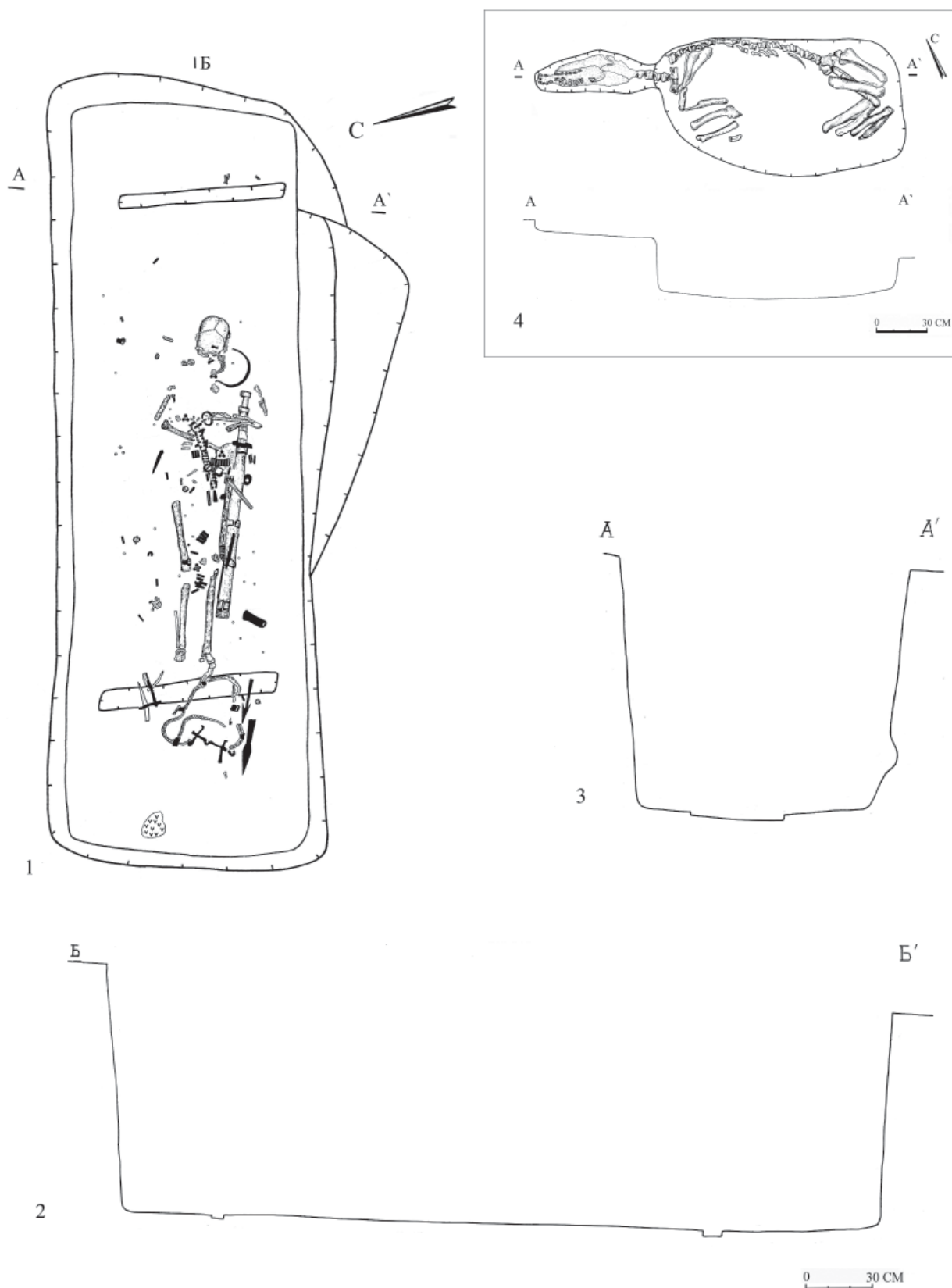

Рис. 3. Подвязьевский могильник.

1 – план могилы мужчины (погр. 50); 2 – разрез ее по линии AA';
3 – разрез ее по линии BB'; 4 – план и разрез погребения коня (погр. 46)

териала). Заслуживает отдельного упоминания поясная массивная бронзовая овальная пряжка с зооморфным язычком и укороченным прямоугольным подвижным щитком.

Подвязьевский могильник находится в Богородском районе Нижегородской области на правом коренном берегу р. Оки в 42 км от ее устья. Памятник занимает наклонный участок верхней площадки мыса при устье разветвленного оврага. Высота площадки могильника относительно окской поймы 100–108 м, площадь – 1,5 га. Памятник открыт в 1959 г. нижегородским археологом В.Ф. Черниковым, определившим его как селище раннего железного века. Первые погребения, позволившие усомниться в поселенческой атрибуции памятника, обнаружены в шурфе, заложенном автором в 2010 г. (Грибов, 2014). При стационарных раскопках 2012–2015 гг. на площади 282 кв. м исследовано 59 грунтовых погребений 61 индивида, совершенных преимущественно по обряду ингумации. Территория памятника долгие годы распаивалась, однако на локальном участке (27 кв. м) под паханым горизонтом удалось зафиксировать непо потревоженные культурные напластования мощностью до 18 см. Почвоведческие наблюдения над характером их залегания привели к выводу о существовании сильно эродированной почвы на площадке могильника еще до начала его функционирования. Глубины большей части раскопанных могильных ям, отсчитываемые от уровня материка, соответствуют глубине их заложения от уровня древней дневной поверхности. Хронологические рамки памятника определяются промежутком середины III – первой пол. VIII вв. В настоящее время на Подвязьевском могильнике обнаружены самые древние комплексы из известных погребений безводнинско-ахмыловского типа (Грибов, 2017).

В расположении могил отмечены три структурообразующих элемента – ряды, группы, ярусы. Зафиксированы неоднократные случаи взаимоперекрывания могильных ям. Преобладает юго-восточная ориентировка. На дне ряда погребений зафиксированы отчетливые следы поперечных лаг от деревянных настилов. Изученные погребения разделяются на человеческие – ингумации (45, рис. 3: 1), кремации (на стороне; 4), вторичные (женские; 3) и конские (9, рис. 3: 4).

Главной тенденцией в расположении безводнинско-ахмыловских могильников на местности является их тяготение к долинам двух больших рек Восточной Европы – Волге и Оке. По топографическим особенностям можно выделить три группы. К первой относятся Безводнинский, Подвязьевский и Желтухинский могильники. Их площадки занимают участки на мысах возвышенных

коренных берегов Волги и Оки, приуроченных к пойменным расширениям. Высота площадок над уровнем воды в реке – 50–90 м. Ко второй группе – Младший Ахмыловский и, вероятно, Гавриловский могильники, приуроченные к первым относительно низким надпойменным террасам Волги и Оки. Связанные с ними участки возвышаются над уровнем воды в реке не более чем на 25–40 м. Третья группа объединяет водораздельные памятники, расположенные на берегах малых рек, как правило, волжских или окских притоков. Это Кочкинский и Холуйский могильники.

Определяющие культурные признаки. Культурная специфика погребальных памятников безводнинско-ахмыловского типа проявляется в инвентаре и элементах погребальной обрядности. Специфический инвентарь представлен прежде всего в убранстве женских головных уборов. Главными определяющими признаками являются: 1) широкое распространение среди женских украшений *височных колец* (а не каких-либо иных видов височных подвесок), преимущественно браслетообразных обрублено- и разомкнутоконечных (рис. 5: 1, 2); 2) систематическая встречаемость в инвентаре «богатых» женских погребений *головных жгутов* (рис. 4: 28; 5: 10); 3) использование в составе женского головного убора *головных венчиков* (рис. 5: 9); 4) присутствие на площадках могильников *конских безынвентарных погребений*, предполагающих захоронение полной туши животного в специфической позе – укладку на живот с подогнутыми ногами и преднамеренной фиксацией головы на некоторой высоте относительно крупа (на определенном уровне в засыпке погребения, специально вырезанной материковой полке или на кромке борта могилы) (рис. 3: 4); 5) лепная *плоскодонная керамическая посуда*, заметная часть которой представлена приземистыми сосудами мискообразных пропорций из формовочной массы с примесью не только шамота, но и песка или дресвы (как и керамики мери и муромы) (рис. 5: 18); 6) широкое распространение сьюльгам из железа, бронзы и серебра, использовавшихся как для застегивания одежды, так и, в отдельных случаях, поясных ремней (рис. 5: 3, 4; 6: 11, 13–15).

Среди других характерных женских украшений можно назвать накосники (рис. 5: 9), нагрудные круглые ажурные бляхи-застежки (рис. 5: 5). Некоторые из элементов женского убора впоследствии, претерпев незначительные изменения, закрепились в обиходе ряда поволжско-финских народов и приобрели отчетливую этнокультурную окраску. На большинстве известных памятников этого круга встречались человеческие кремации – относительно редкие среди преобладающих грунтовых трупоположений.

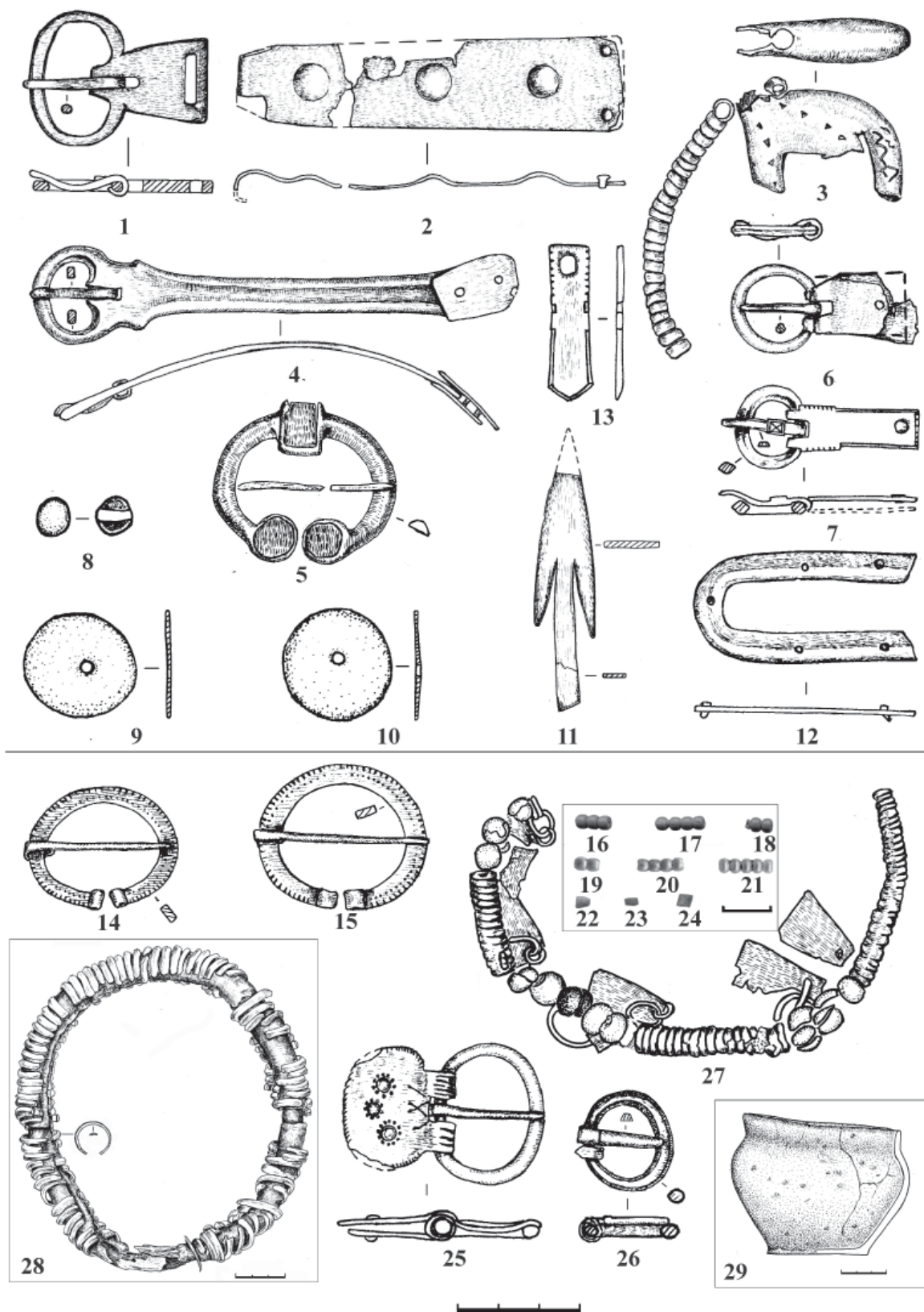

Рис. 4. Памятники безводнинско-ахмыловского круга. Подвязьевский могильник. Инвентарь первой (1–13) и второй (14–29) культурно-хронологических групп погребений.
 1, 4, 6, 7, 25, 26 – пряжки, 2 – обойма, 3, 13 – подвески; 5 – фибула с эмалью; 8 – бляшка; 9, 10 – бляхи; 11 – наконечник стрелы; 12 – наконечник ремня; 14, 15 – сюльгамы; 16–18, 22–24 – стеклянный краснопастовый бисер; 19–21 – многочастный золотостеклянный бисер; 27 – наборное украшение; 28 – головной жгут; 29 – сосуд.
 9, 10 – серебро; 1–8, 12–15, 25, 26 – бронза; 27 – бронза+стекло; 16–24 – стекло; 28 – дерево+бронза; 29 – глина

По сочетанию указанных выше характерных признаков безводнинско-ахмыловские могильники отличаются от погребальных памятников «соседних» этнокультурных общностей. Главным отличием от единовременных памятников мордвы является отсутствие типичных для них височных подвесок в виде стерженька, грузика и спиральки. От рязано-окских могильников безводнинско-ахмыловские отличаются существенно более широким распространением браслетообразных височных колец, наличием головных жгутов, конских погребений; от памятников прикамских финнов – плоскодонной посудой, спецификой конских погребений, широким распространением сьюльгам и красных пастовых бус, женскими головными украшениями. Вместе с тем в погребальных конструкциях и погребальном обряде присутствует ряд черт, объединяющих их с финскими памятниками самого широкого круга. К ним относятся следы обычаев заворачивания тела умершего в луб и «обезвреживания» погребенного, наличие на дне могилы деревянного настила и следов тризн в заполнении отдельных могил (фрагментов керамики и углей), «женские дары» – наборы женских украшений в мужских могилах, присутствие среди инвентаря женских погребений железных шильев и керамических пряслиц.

Периодизация и хронология. Хронология и периодизация погребений могильников безводнинско-ахмыловского круга разработана слабо. Ю.А. Красновым с привлечением метода частотной корреляции выделены четыре последовательные стадии (Краснов, 1980, с. 105, 106): первая (13 погр.; конец V – начало VI вв.), вторая (20 погр.; VI в.), третья (21 погр.; VII в.) и четвертая (21 погр.; конец VII – первая пол. VIII вв.). Предложенные автором даты выделенных стадий, вероятно, могут быть скорректированы с учетом хронологических разработок последних лет.

Наиболее представительные комплексы безводнинско-ахмыловских могильников по характерным сочетаниям отдельных категорий инвентаря и особенностям погребального обряда предварительно могут быть разделены на пять основных культурно-хронологических групп (Грибов, 2018).

Первая группа (середина III – первая пол. IV вв.) представлена четырьмя погребениями наиболее раннего Подвязьева могильника (Грибов, 2017). Их главной особенностью является присутствие позднесарматского инвентаря и вещей, характерных для памятников Прикамья (рис. 4: 1–13).

Вторая группа (вторая пол. IV – середина V вв.). Вещи «восточного» (прикамского) происхождения единичны. В комплексах погребального инвентаря характерно сочетание бронзовых сьюль-

гам с невыступающими концами – как округло-дротовых, так и с уплощенной рамкой; пряжек с округлыми щитками и тонкими слегка прогнутыми или прямыми язычками; многочастных золотостеклянных пронизей, краснопастового бисера (в том числе рубчатого) (рис. 4: 14–29). Для женских погребений характерны так называемые наборные украшения, состоящие из совокупности бронзовых спиральных пронизок, небольших по размерам красных пастовых бус (из тянутых палочек или трубочек) и бронзовых хомуток с пластинчатыми трапециевидными привесками. Последние хорошо известны по женским могилам V – начала VI вв. рязано-окских памятников (Белоцерковская, 2012, с. 60). В комплексах этой группы фиксируются первые проявления новой погребальной обрядности и появляются единичные экземпляры новых категорий инвентаря, характерных уже для последующего периода. Это конские погребения, трупосожжения, браслетообразные обрубленно-конечные височные кольца, головные жгуты, керамические миски. К этой второй группе, вероятно, можно причислить наиболее ранние комплексы Безводнинского могильника.

Третья группа (вторая пол. V – первая пол. VI вв.). В погребальном инвентаре характерно сочетание бронзовых сьюльгам с короткими окончаниями-усами и пряжек с прямыми удлиненными хоботковидными язычками. Во многих мужских и отдельных женских погребениях встречены поясные наборы с серебряными или железными прямоугольными накладками с вогнутыми длинными сторонами и пластинчатыми, перегнутыми вдвое наконечниками ремней. Характерны серповидные гривны, обрубленноконечные браслеты, ожерелья из небольшого числа красных пастовых зонных и фиолетовых многогранных стеклянных бус. К этой группе относятся несколько воинских погребений с мечами и гарнитурой от портупейных ремней, среди которой присутствуют небольшие серебряные цельнолитые пряжки «шиповского» типа – с полыми В-образными рамками и квадратными щитками (рис. 5: 11). Женский убор включал в себя браслетообразные обрубленноконечные височные кольца, наборный головной венчик (в виде ленты из кожи с нашитыми узкими кожаными ремешками, унизанными согнутыми из тонкого бронзового провода скобкообразными пронизками, разделенными квадратными пластинчатыми обоймами), ожерелье из небольшого числа красных пастовых бус, набор застежек-сьюльгам с короткими «усами», в редких случаях – головной жгут, наборный пояс и наконечник (рис. 5). В нескольких погребениях этой группы встречены крестовидные и двухпластинчатые фибулы, керамические миски. Изделия, выполненные в гераль-

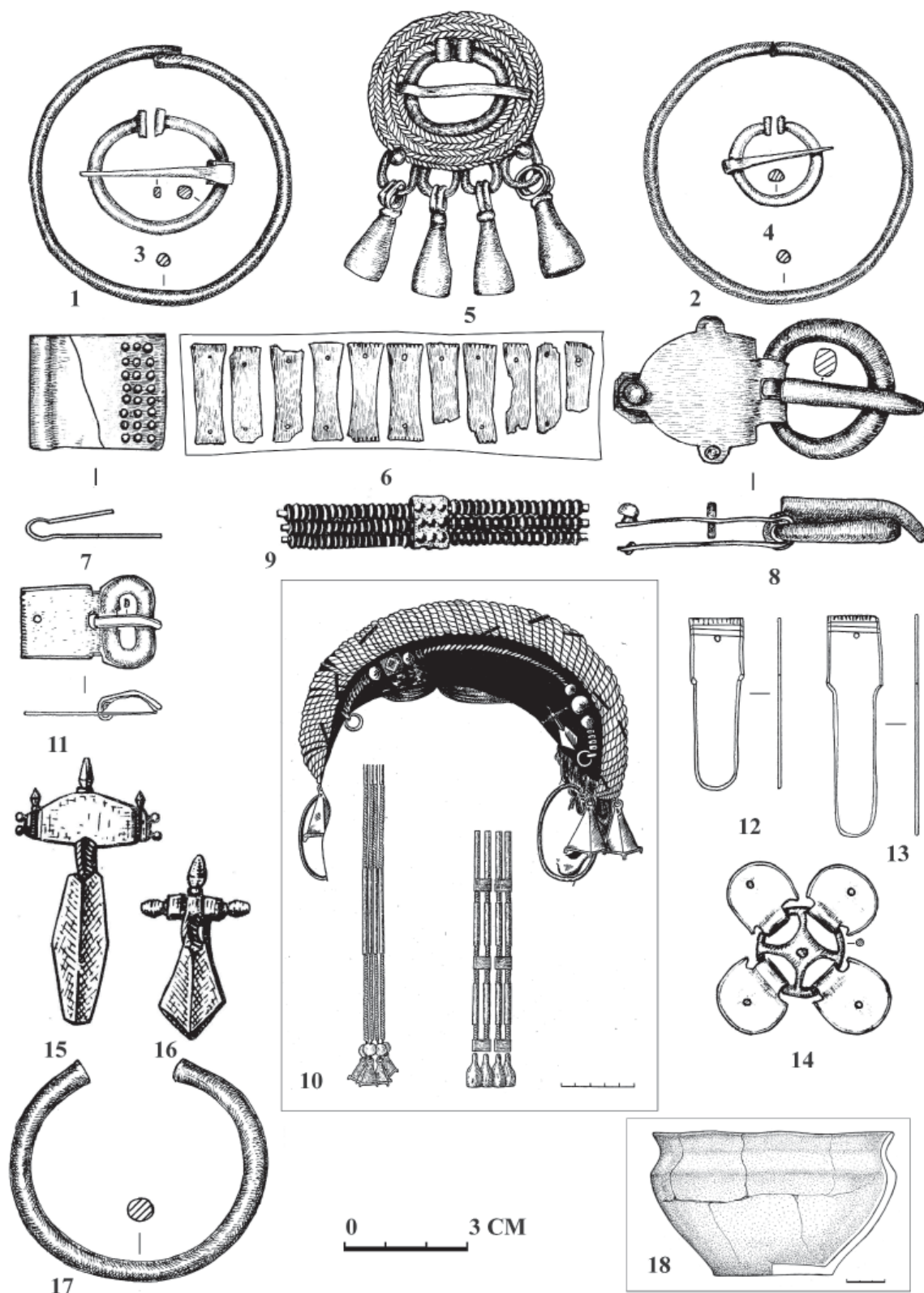

Рис. 5. Памятники безводнинско-ахмыловского круга.

Инвентарь третьей культурно-хронологических групп погребений из Безводнинского (15, 16), Младшего Ахмыловского (10) и Подвязьевого (1–9, 11–14, 17, 18) могильников.

- 1, 2 – височные кольца; 3, 4 – сюльгамы; 5 – ажурная сюльгамовидная пряжка; 6 – фрагмент пояса с накладками; 7, 12, 13 – наконечники ремней; 8 – поясная пряжка; 9 – фрагмент головного венчика; 10 – комплекс женских головных украшений (по Т.Б. Никитиной, 2002); 11 – пряжка; 14 – распределитель ремней от портупей; 15, 16 – крестовидные фибулы (по Ю.А. Краснову); 17 – браслет; 18 – миска.
1, 2, 7, 11–13, 15, 16 – серебро; 6 – серебро+кожа; 8, 14 – серебро+бронза; 3–5, 9, 10, 17 – бронза; 18 – глина

дическом стиле, единичны и относятся к наиболее ранним образцам такого оформления. Погребения третьей группы объединяют большинство комплексов двух первых стадий Безводнинского могильника.

Четвертая группа (вторая пол. VI–VII вв.) характеризуется сочетанием элементов «геральдической» поясной гарнитуры и сьюльгам с короткими «усами» (рис. 6: 1–10). Погребения этой группы соответствуют комплексам третьей стадии памятника, раскопанного у с. Безводное.

Пятая группа (конец VII – первая пол. VIII вв.). Комплексы погребального инвентаря определяют бронзовые сьюльгамы с длинными «усами» (рис. 6: 11, 13). В двух погребениях встречаются щитковые височные кольца «муромского типа» (Кочкинский и Подвязьевский могильники) (рис. 6: 16, 17). Относительно частой находкой является бляха с крылатой иглой (рис. 6: 12). Погребения этой группы соответствуют комплексам четвертой стадии Безводнинского могильника.

Поселения. Поселенческие памятники, которые можно было бы однозначно связать с безводнинско-ахмыловскими могильниками, малочисленны и изучены хуже. Они представляют собой городища (Сомовское II, Васильсурское II, Ардинское, Чортово) и селища (Безводнинское, Доскино-15, Торфоразработки-1, Горбатов-2, Поляна-1, Ефимьево-4, Буревестник-2, Заборово-1 и др.). Среди поселенческих памятников наиболее значительные по масштабам исследования проводились на городищах Сомовское II, Васильсурское II, на селище Доскино-15.

Своеобразным маркером, указывающим на принадлежность неукрепленных поселений в безводнинско-ахмыловском ареале к соответствующей культурной традиции, являются находки фрагментов неорнаментированных лепных сосудов с примесью дресвы – одного из характерных отощителей формовочной массы керамической посуды безводнинско-ахмыловских памятников. Как правило, селища занимают площадки на водоразделах возвышенной платформы правого коренного берега рр. Оки и Волги, располагаясь на берегах малых рек или в верховьях оврагов. Их размеры не превышают 1,5 га. Известны следы освоения пойменных пространств: местонахождение соответствующей лепной керамики с примесью дресвы зафиксировано на одном из дюнообразных возвышений Волжской поймы в Кстовском районе Нижегородской области (на мезолитической стоянке Безводное-10, см.: Николаенко, 2015, с. 327).

Хозяйство. По материалам могильников сложно с достаточной полнотой охарактеризовать хозяйство и экономику оставившего их населения. Довольно многочисленные конские погребения,

находки редких разрозненных костей домашней свиньи в заполнении могильных ям, остатки одежды из шерсти, зафиксированные в отдельных погребениях, приуроченность ряда могильников к заливным пойменным лугам, которые могли служить для выпаса скота и заготовки кормов, – все это указывает на то, что в жизнеобеспечении местных общин заметную роль играло скотоводство, и прежде всего – коневодство.

Общественное устройство. При обобщении материалов почти полностью раскопанного Безводнинского могильника выяснено, что численность оставившего его коллектива состояла в среднем из 25 человек (Краснов, 1980, с. 123, 124). Соответствующая ему форма социальной организации предположительно охарактеризована как патронимия, то есть группа родственных семей, ведущих свое происхождение от единого предка.

Этнокультурная принадлежность, историческая интерпретация. Предки населения с безводнинско-ахмыловскими традициями появляются в западной «поокской» части их ареала еще в позднеримский период – не позднее середины – второй пол. III в. (Грибов, 2017). Вероятно, именно с ними следует связывать появление грунтовых погребений на Нижней Оке в раннем железном веке. Происходит это приблизительно в одно и то же время с началом функционирования первых рязано-окских могильников в прибрежных районах Средней Оки (Ахмедов, Белоцерковская, 1998). Наиболее ранние комплексы, происходящие из Подвязья, в хронологическом и культурном плане можно соотнести с кругом погребений кошибеевского этапа рязано-окских могильников. Кроме присущего последним позднесарматского и прикамского инвентаря, их сближают удлиненные могильные ямы незначительной глубины, юго-восточная ориентировка погребенных, следы поперечных лаг от деревянных настилов на дне могил (Кемаев, 2013, с. 239, 240).

Появление в районе окского устья безводнинско-ахмыловского населения исследователи связывают с волной переселения представителей культуры рязано-окских могильников и датируют этот процесс V в. (Зеленеев, 1988, с. 85; Восточная Европа..., 2007, с. 274–275; Бейлекчи, 2016, с. 20) или IV–V вв. (Бейлекчи, 2016, с. 27). Вопрос об этнической принадлежности первопоселенцев остается весьма спорным. Материалы безводнинско-ахмыловских памятников активно привлекались для воссоздания начальных этапов формирования материальной культуры сразу трех поволжско-финских народов – мери, муромы и марийцев. Этому способствовало несколько факторов – близость их расположения к известным районам расселения названных средневековых

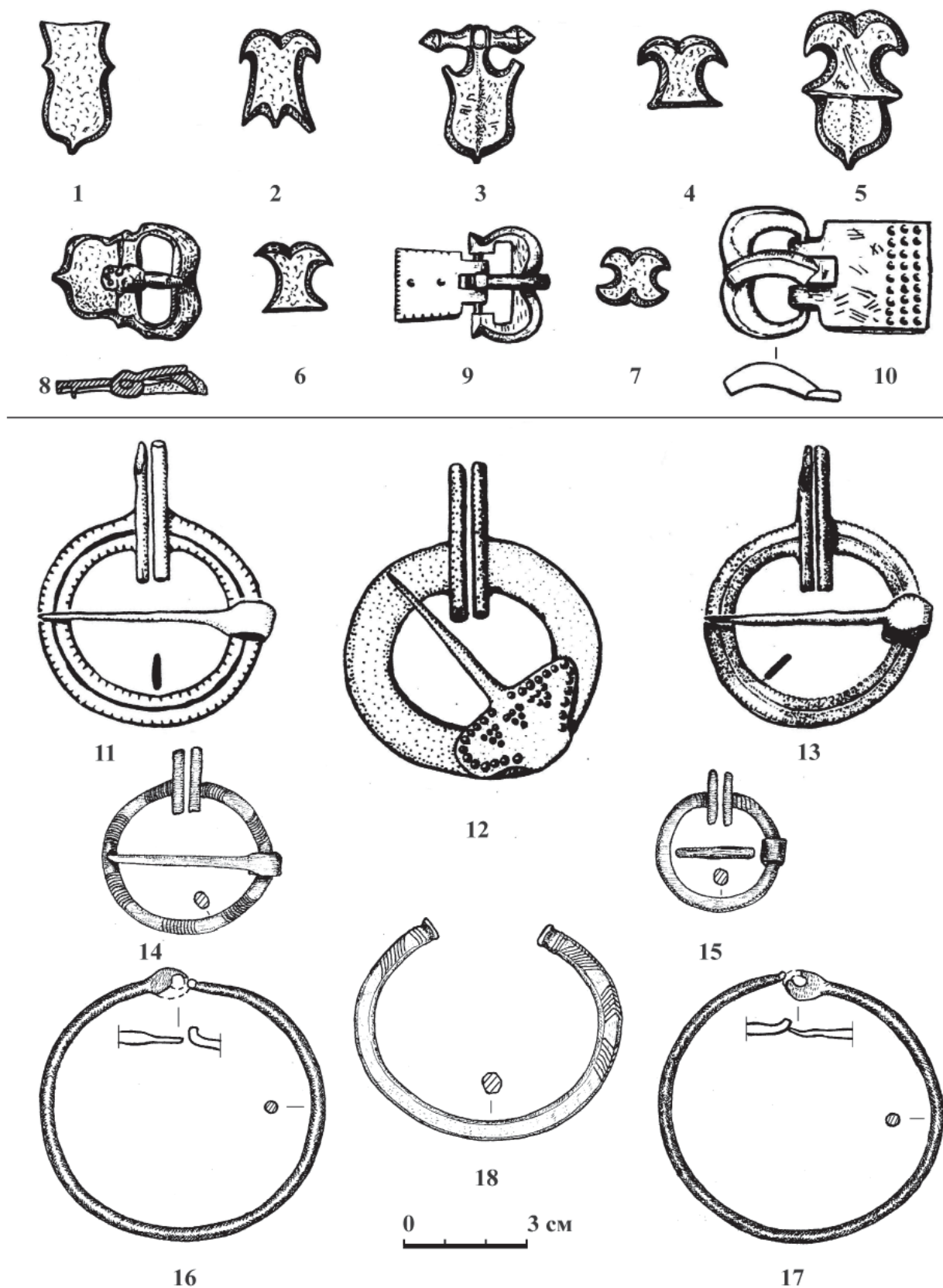

Рис. 6. Памятники безводнинско-ахмыловского круга.
 Инвентарь четвертой (1-10) и пятой (11-17) культурно-хронологических групп погребений из Безводнинского (1-13) и Подвязьеваского (14-17) могильников.
 1-7 – поясные накладки; 8-10 – пряжки; 11, 13-15 – сьюльгамы; 12 – бляха с «крылатой» иглой;
 16, 17 – височные кольца; 18 – браслет.
 1-10, 16, 17 – серебро; 11-15, 18 – бронза. 1-13 – по Ю.А. Краснову, 1980

общностей, легко устанавливаемые очевидные параллели в инвентаре и погребальной обрядности, время функционирования – предшествующее сложению ярких культурных комплексов этих народов. Так, Холуйский могильник был причислен к памятникам мери (Горюнова, 1961, с. 119–124); Кочкинский (Дубынин, 1966, с. 67–79; Голубева, 1987, с. 82; Бейлекчи, 2005, с. 14), Желтухинский (Уткин, Черников, 1994, с. 53; Бейлекчи, 2005, с. 14) – к муромским могильникам; Младший Ахмыловский, Безводнинский, Желтухинский – к древностям ранних марийцев (Зеленева, 1988, с. 85) или к памятникам древнемарийского этноса (Никитина, 1996, с. 63). Отдельные исследователи, избегая давать четкое этническое определение носителям безводнинско-ахмыловской погребальной обрядности, фиксируют факт генетической связи этого населения с формированием муромы (Бейлекчи, 2005, с. 150) или марийцев (Халиков, 1976, с. 19; Никитина, 2002, с. 321). По мнению В.В. Гришакова, впоследствии поддержанного В.В. Бейлекчи (2016, с. 27), безводнинско-ахмыловский комплекс представляет собой генетическую основу культуры обоих этих народов (Гришаков, 1990, с. 134). Следует отметить, что пока достаточное научное обоснование имеет только версия о преемственности безводнинско-ахмыловских и марийских культурных традиций (Никитина, 2002).

Начало формирования совокупности черт, определяющих культурное своеобразие памятни-

ков безводнинско-ахмыловского типа, было положено в гуннский период (в конце IV – середине V вв.). В это время на площадке Подвязьевского могильника появляются первые конские погребения и комплексы с височными кольцами, головными жгутами, сопровождаемые большим количеством многочастного золотостеклянного бисера, остатками наборных украшений с бронзовыми трапециевидными привесками.

В сформировавшемся виде безводнинско-ахмыловская традиция проявляется в период конца V – первой пол. VIII вв. Ее появление предположительно можно связать с рядом последовательных проникновений в район устья р. Оки западного массива населения из Поднепровья или Окско-Донского междуречья, инкорпорированного в среду местных финнов. С мигрантами можно связать заметное увеличение численности местного населения и расширение географии расселения – к востоку от окского устья.

Синхронность прекращения погребальной практики на безводнинско-ахмыловских памятниках с появлением наиболее ранних погребений на соседних с ними марийских и муромских могильниках, отчетливые параллели в инвентаре и погребальной обрядности – все это позволяет с большой долей уверенности рассматривать оставившее их население в качестве прямых и общих предков двух средневековых этнических общностей – марийцев и муромы.

ГЛАВА 6

ОКСКО-СУРСКО-ЦНИНСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ В VI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII В.

Источники и историография. В VI – первой половине VIII в. на большей части Окско-Сурско-Цнинского междуречья продолжала развиваться древнемордовская культура. Только на северной окраине этой территории в правобережье р. Оки и в Среднем Посурье фиксируются иноплеменные археологические комплексы. В первом случае это памятники древнемуромской культуры, во втором случае – именьковской.

Первым исследованным древнемордовским памятником, относящимся к рассматриваемому периоду, был Серповский могильник в бассейне р. Цны. Он был раскопан в 1892 г. А.А. Спицыным (ОАК за 1894 г., с. 45–51; Алихова, 1959, с. 117–137). Значительно больше древнемордовских могильников VI – первой половины VIII в. было открыто и исследовано в первой половине XX в. На правобережье Средней Волги к ним относятся Волчихинский (Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1940, № 5) и Ивановский на Нижней Суре (Ефименко, 1975, с. 7–36), Погибловский на р. Тёше (правый приток р. Оки) (Горюнова, 1948, с. 88–111), Армиевский 1 (Рыков, 1930) могильники. Наиболее значительные раскопки погребальных памятников были проведены П.П. Ивановым в бассейне р. Цны. Здесь были изучены Пановский, Елизавет-Михайловский, Крюково-Кужновский могильники (Материалы по истории мордвы, 1952; Материальная культура..., 1969), давшие сотни древнемордовских погребений, в т. ч. VII – первой половины VIII в. Поселения рассматриваемого периода в это время не исследовались.

Во второй половине XX в. масштабы исследований древнемордовских могильников еще более расширились. Особенно это заметно в бассейне р. Тёши благодаря деятельности В.Н. Мартянова. Были открыты и раскопаны Стёксовский 2 (Мартянов, 2001, с. 99–159), Личадеево 5 (Мартянов, 2001, с. 187–195), Красное 3 (Мартянов, 2001, с. 239–246), Заречное 2 (Мартянов, 2001, с. 33–98), а также Абрамовский (Жиганов, 1976), Старший Кужендеевский (Жиганов, 1959), Хохловский (Жиганов, Авдеев, Елисеев, Прокудин, 1977) могильники. В результате была открыта древнеэрзянская культура.

На р. Вад (левый приток р. Мокши) в рассматриваемое время были исследованы могильники Заря 1 (Жиганов, 1961), Старобадиковский 2 (Петербургский, 2011), Журавкинский 1 (Архив ИА РАН, Р-1, № 3009). В Верхнем Посурье открыт Селиксенский могильник (Полесских, 1977, с. 33–49).

Кроме вновь открытых могильников во второй половине XX в., были продолжены исследования уже известных погребальных памятников – Ивановского, Волчихинского, Погибловского, Армиевского 1, Крюково-Кужновского.

Важным моментом характеризуемого периода было начало открытия и исследования первых мордовских поселений, функционировавших в VI – первой половине VIII в. К ним относятся селища Старобадиковское (Вихляев, Петербургский, Седышев, 2013а, с. 9–29) на р. Вад, Новый Усад 5 (Вихляев, 1989) в Среднем Примокшанье и городище Ножа-Вар (Трубникова, 1964) на Нижней Суре.

У исследователей вышеуказанных памятников нет разногласий об их этнической принадлежности. Все они считаются мордовскими и относятся к древнемордовской культуре. Расхождения имеются только по одной проблеме. Принадлежат ли эти памятники к единой древнемордовской культуре или уже в это время зарождаются или существуют две мордовские субкультуры: древнемокшанская и древнеэрзянская. Для сторонников изначальной раздвоенности древнемордовской культуры в VI – первой половине VIII в. продолжалось развитие древнемокшанской и древнеэрзянской культур, которое началось еще в первой половине I тыс. н. э. Так П.Д. Степанов считал, что в VII–XI в. древнеэрзянскую культуру представляют муромские памятники на Нижней Оке, а все более южные погребальные памятники в Окско-Сурско-Цнинском междуречье следует увязывать с древнемокшанской культурой (Степанов, 1968; 1970). М.Р. Полесских, придерживавшийся той же концепции, к древнеэрзянским относил рязанско-окские могильники, а к древней мокше – пензенские могильники выделяемого им армиевского типа (Полесских, 1965).

Большинство исследователей, высказывавших мнение о существовании в первой половине I тыс. н. э. единой древнемордовской культуры, считают, что в VI–VII в. начинается ее разделение на две близкие субкультуры: древнемокшанскую и древнеэрзянскую, связывая это прежде всего с установившейся в это время традицией в южных мордовских памятниках региона хоронить покойников головой на юг, а в северных памятниках головой на север. Этот обычай сохраняется до позднего средневековья, когда у мордвы четко уже начинают различаться не только по археологическим, но и письменным источникам мокша и эрзя (Смирнов, 1965; Вихляев, 2017). А.Е. Алихова предполагала, что единая древнемордовская культура просуществовала до конца I тыс. н. э., а разделение ее на древнемокшанскую и древнеэрзянскую началось в первые века II тыс. н. э. (Алихова, 1965).

М.Р. Полесских, первым исследовавший древнейшие мордовские могильники в Верхнем Посурье и Верхнем Примокшанье в Пензенской области, объединял погребения этого региона в армиевский тип и датировал VI – началом VIII в. Он считал, что они являются развитием носителей культуры более древних мордовских могильников селиксенского типа III–V в. К армиевскому типу М.Р. Полесских относил Армиевский 1 могильник и поздние погребения Селиксенского могильника. (Полесских, 1977, с. 33–49). В.И. Вихляев, создавший первую объективную систему хронологии мордовских древностей III–VIII в., не возражал против концепции М.Р. Полесских, но удрежнял могильники армиевского типа до второй половины IV – первой половины V в. При этом выделялись три последовательные хронологические стадии. Стадия А датировалась второй половиной IV – первой половиной V в., стадия В – второй половиной V в., стадия С – VI–VII в. К армиевскому типу были отнесены погребения Тезиковского, Селиксенского и Армиевского 1 могильников (Вихляев, 1977, с. 50–51). В системе хронологии могильников населения I–XIV в. западной части Среднего Поволжья типы погребальных памятников не выделяются. Погребения Тезиковского и ранние захоронения Армиевского 1 могильников отнесены к стадии 7 и датированы концом IV–V в. К этой стадии отнесены и комплексы Степановского могильника (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 135–137).

Среди мордовских погребений VI – первой половины VIII в. Окско-Сурско-Цнинского междуречья выделяются две стадии. Ранняя стадия датируется VI–VII в. Поздняя стадия относится к концу VII – первой половине VIII в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 137–141).

В VI – первой половине VIII в. в Окско-Сурско-Цнинском междуречье в составе населения происходят существенные изменения. К этому времени перестают функционировать могильники кошибе-евского типа. Среднее Посурье занимают племена именковской культуры. На северной окраине формируется муромская культура. Но древнемордовская культура продолжает развиваться. Она сохраняет в своей основе все особенности раннего периода III–V в. Некоторые погребальные памятники, возникнув в тот период, продолжают функционировать и в рассматриваемое время (Селиксенский, Армиевский 1 в Верхнем Посурье, Абрамовский, Стёксовский 2 в бассейне р. Тёши). Главной особенностью развития древнемордовской культуры VI – первой половины VIII в. является начало формирования в ее недрах двух субкультур: древнемокшанской и древнеэрзянской. Начинают складываться их отличительные черты. На настоящем уровне исследования этой проблемы мы можем выделить следующие особенности древней культуры мокши VI – первой половины VIII в. Первая – преобладающая ориентировка головой погребенных на юг и юго-запад. Вторая – преобладание в керамическом комплексе горшков. Для захоронений древней эрзи в это время характерна ориентировка погребенных головой на север, значительное число трупосожжений, преобладание мисковидных форм сосудов. Последняя черта на этой территории сформировалась еще в более раннем периоде (Вихляев, 2000, с. 75–117).

Для рассматриваемого времени к мокшанским погребальным памятникам можно отнести Селиксенский, Армиевский 1 на Верхней Суре, Пановский, Елизавет-Михайловский, Крюково-Кужновский на р. Цне и Журавкинский 1, Заря 1, Старобадиковский 2 на р. Вад (левый приток р. Мокши) могильники (рис. 1). Таким образом мокшанские памятники занимают южные и западные территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья.

К древнеэрзянской культуре VI – первой половины VIII в. принадлежат Волчихинский в правобережье Средней Волги, Иваньковский в Нижнем Посурье, Абрамовский, Стёксовский 2, Погибловский, Красное 3, Старший Кужендеевский, Заречное 2 в бассейне р. Тёши, Серповский в бассейне р. Цны могильники (рис. 1). Следовательно, эрзянские памятники занимают в это время северную и частично западную часть Окско-Сурско-Цнинского междуречья. Вызывает затруднение, ввиду ограниченности материалов, точное определение лишь двух погребальных памятников, функционировавших в период VI – первой половины VIII в. Это могильники Личадеево 5 и Хохловский на р. Тёше.

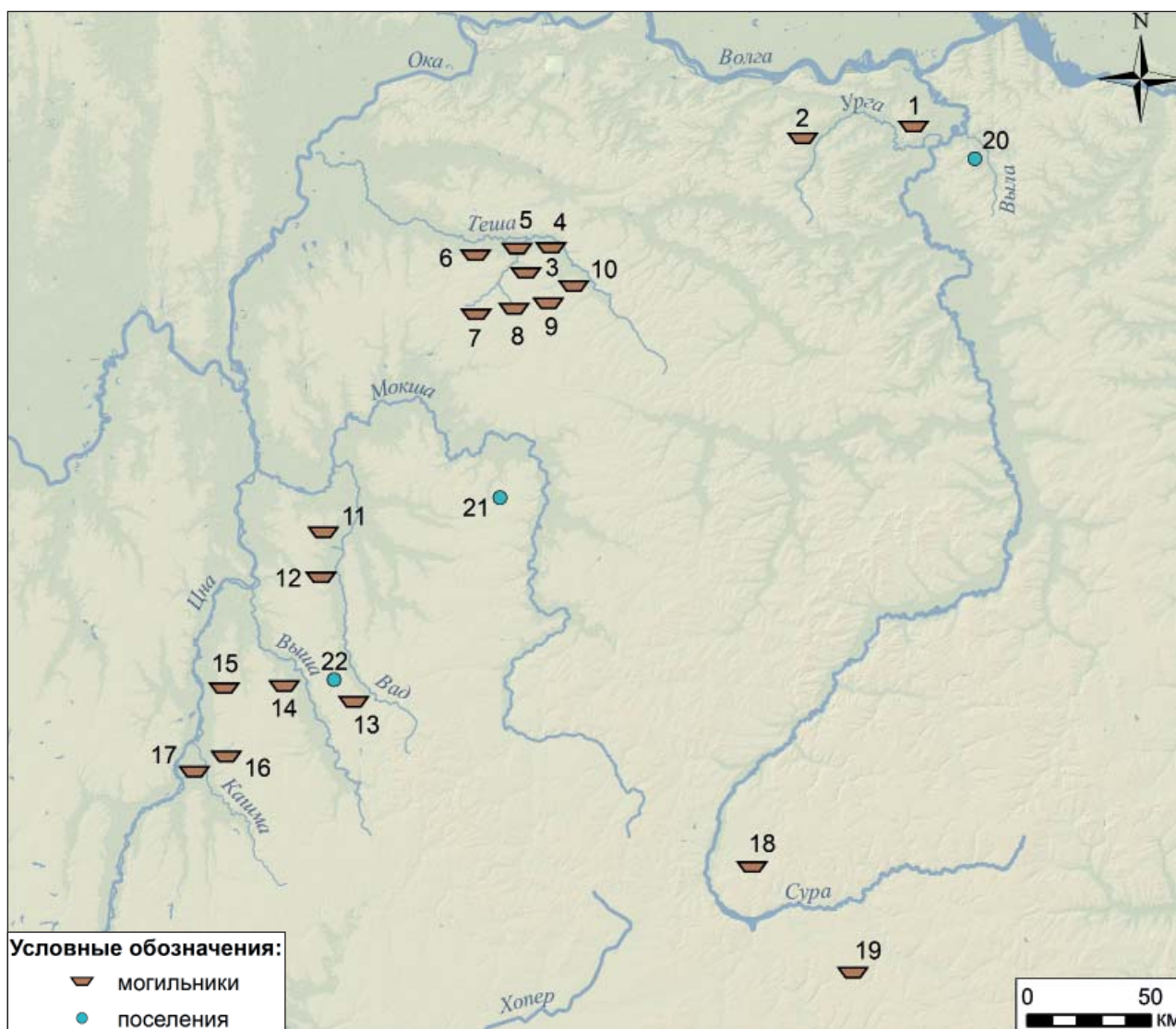

Рис. 1. Мордовские памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья VI – первой половины VIII вв.

Могильники: 1 – Ивановский; 2 – Волчихинский; 3 – Стековский 2; 4 – Абрамовский; 5 – Красное 3; 6 – Личадеево 5; 7 – Старший Кужендеевский; 8 – Погибловский; 9 – Хохловский; 10 – Заречное 2; 11 – Заря 1; 12 – Журавкинский 1; 13 – Старобадиковский 2; 14 – Пановский; 15 – Серповской; 16 – Елизавет-Михайловский; 17 – Крюково-Кужновский; 18 – Селиксенский; 19 – Армиевский 1; Поселения: 20 – Ножа-Вар; 21 – Новый Усад 5; 22 – Старобадиковское

Поселения. Мордовские поселения VI – первой половины VIII в. так же, как и поселения первой половины I тыс. н. э., изучены гораздо хуже могильников. Наиболее значимые материалы дали селища Старобадиковское на р. Вад, Новый Усад 5 в Среднем Примокшанье и городище Ножа-Вар в Нижнем Посурье. Территориальное расположение этих памятников позволяет с определенной уверенностью связывать их с древнемордовской культурой. Названные селища можно отнести к древней мокше, а городище к древней эрзе (рис. 1). Хронологическая шкала поселенческих материалов этого времени не разработана, и датировки их предварительные.

Наиболее масштабно было исследовано Старобадиковское поселение (Вихляев, Петербург-

ский, Седышев, 2013а, с. 9–29). Оно расположено на пойменном останце высотой 2 м р. Вад. Общая площадь этого поселения, по определению И.М. Петербургского, составляла 1,7 га. Было раскопано 1644 м². Культурный слой однороден и представляет из себя темную супесь. Его толщина колеблется от 20 до 30 см. В центральной части находки встречаются чаще, чем на окраинах. Кроме древнемордовских, здесь зафиксированы предметы бронзового века и позднего средневековья.

На раскопанной части обнаружено пять древних полуземляночных построек и различные хозяйственные и строительные ямы, которые можно связать с рассматриваемым нами периодом (рис. 2). Наиболее древними, по мнению исследователя памятника, являются постройки № 1 и № 7,

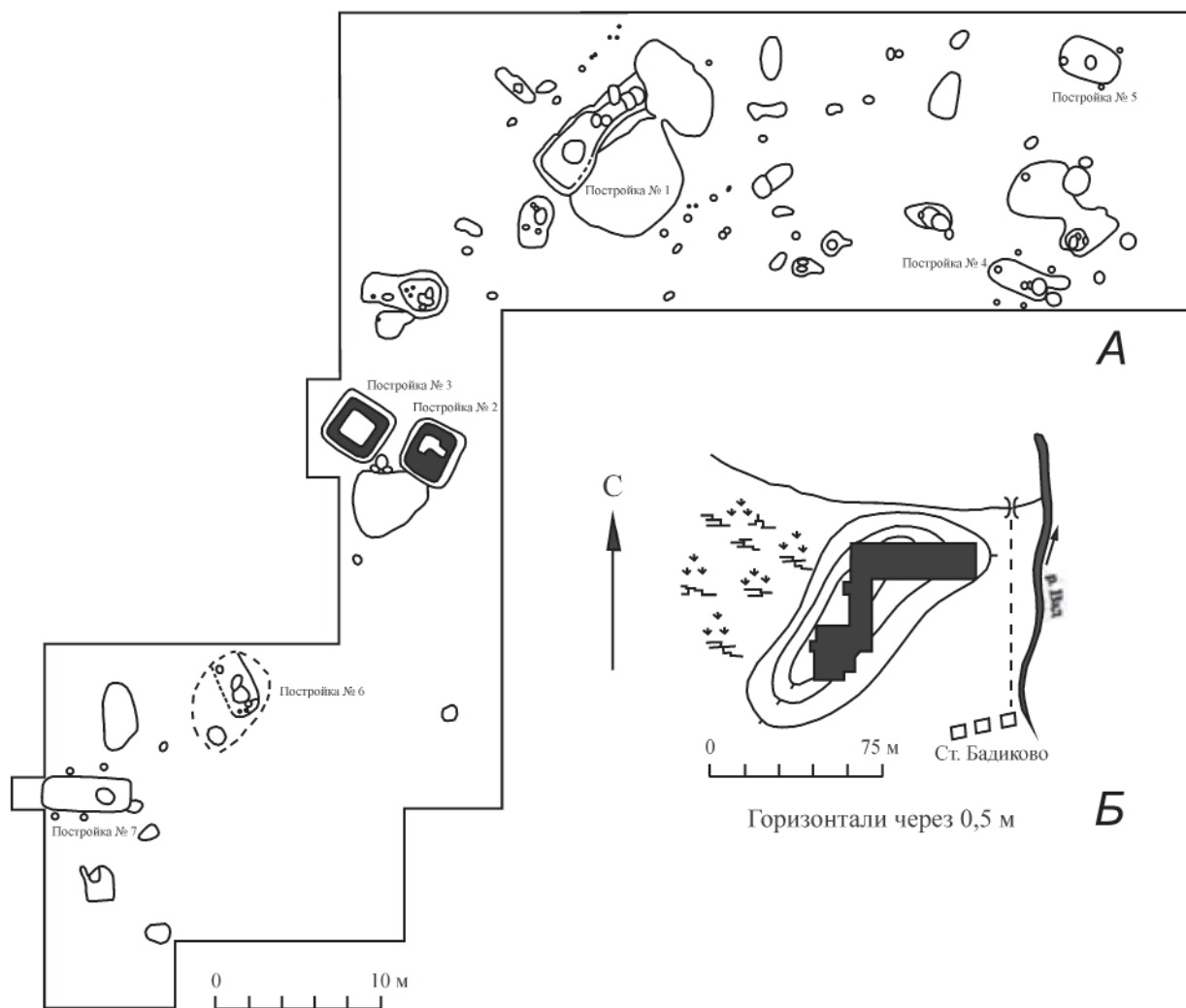

Рис. 2. Старобадиковское селище. А – план раскопа, Б – план поселения

которые он относит к IV–VI в. Они представляют собой жилища и весьма близки по конструкции и размерам. Это полуземлянки прямоугольной формы, котлован которых имеет длину 5–5,2 м, ширину 2–3,2 м, глубину 0,5–1,1 м. В постройке № 1 прослежен вход в жилище в виде вырытого коридорчика с земляными ступеньками длиной 3,3 м и шириной 1–1,1 м. Очажные округлые ямы располагались либо в центре, либо ближе к выходу из жилища. Стенки их покрыты прокаленной глиняной обмазкой толщиной до 0,1 м. Диаметр ям составлял 1–1,3 м. Глубина до 0,82 м.

Другие три постройки датированы исследователем более поздним временем, концом VII – концом IX в. Две из них относятся к жилищам, а одна (№ 4) определена как мастерская по изготовлению бронзовых и железных изделий. В ее заполнении найдены керамические и железистые шлаки, слитки меди. Рядом с мастерской обнаружены пробойник, бронзовая заготовка для спирального браслета и фрагмент льячки. Все три более поздние

сооружения повторяют, в основном, конструкцию и размеры ранних жилищ. Планировка сооружений на поселении хаотична.

Материальная культура поселений. В культурном слое поселения и в заполнении сооружений найдены железные, бронзовые и керамические шлаки, каплевидные слитки бронзы, бронзовые заготовки, куски глиняной обмазки. Здесь же обнаружены предметы из глины, железа, бронзы и стекла. Не все они относятся к исследуемому периоду. Но все же можно выделить вещи VI – первой половины VIII в.

Изделия из глины самые многочисленные и представлены фрагментами сосудов, цедилок, обломками льячек и пряслицами. К рассматриваемому времени относится большая часть найденной на поселении лепной керамики. Она, в основном, представлена сосудами горшковидной формы с прямыми и отогнутыми венчиками, часто с налепами с внешней стороны, украшенными пальцевыми защипами, насечками или без орнамента.

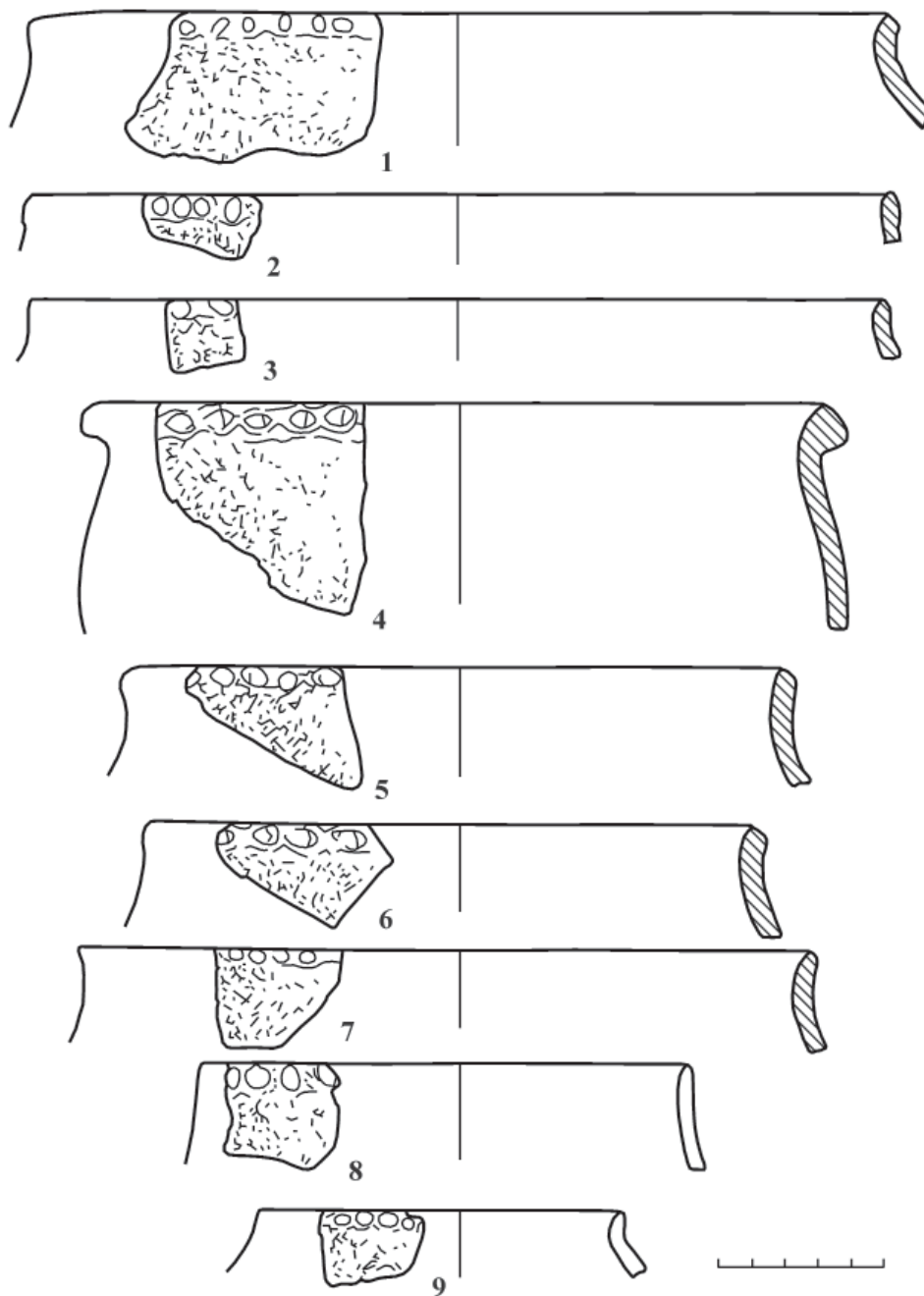

Рис. 3. Сосуды с защитным орнаментом Старобадиковского селища

Таким же образом декорируются и горшки без налета по венчику. Имеются баночные сосуды с закрытым горлом. Венчики их декорированы насечками (рис. 3–4). Встречаются миниатюрные горшки и банки. Господствующая примесь в тесте сосудов – песок и шамот. Другие глиняные изделия хронологически плохо определяются.

Из железных предметов к VI – первой половине VIII в. относятся фрагмент желобчатого кресала, обломки ножей, кольчужные кольца. Среди бронзовых украшений определяются сюльгамы с недлинными усами, поясная круглая бляшка и трапециевидные подвески. Найдена также большая стеклянная глазчато-полосатая бочон-

ковидная бусина на черной основе, датируемая IV–VII в. И.М. Петербургский датирует древнемордовский комплекс Старобадиковского селища V–IX в. (Вихляев, Петербургский, Седышев, 2013а, с. 16).

На селище Новый Усад 5 в Среднем Примокшанье было изучено 132 м² культурного слоя (Вихляев, 1988). Оно, как и Старобадиковское поселение, располагалось на останце поймы реки. Толщина культурного слоя колеблется от 25 до 60 см. Кроме древнемордовских, здесь найдены вещи позднего бронзового века и позднего средневековья.

На селище раскопана часть древнемордовской усадьбы. Жилые сооружения в раскоп не попали.

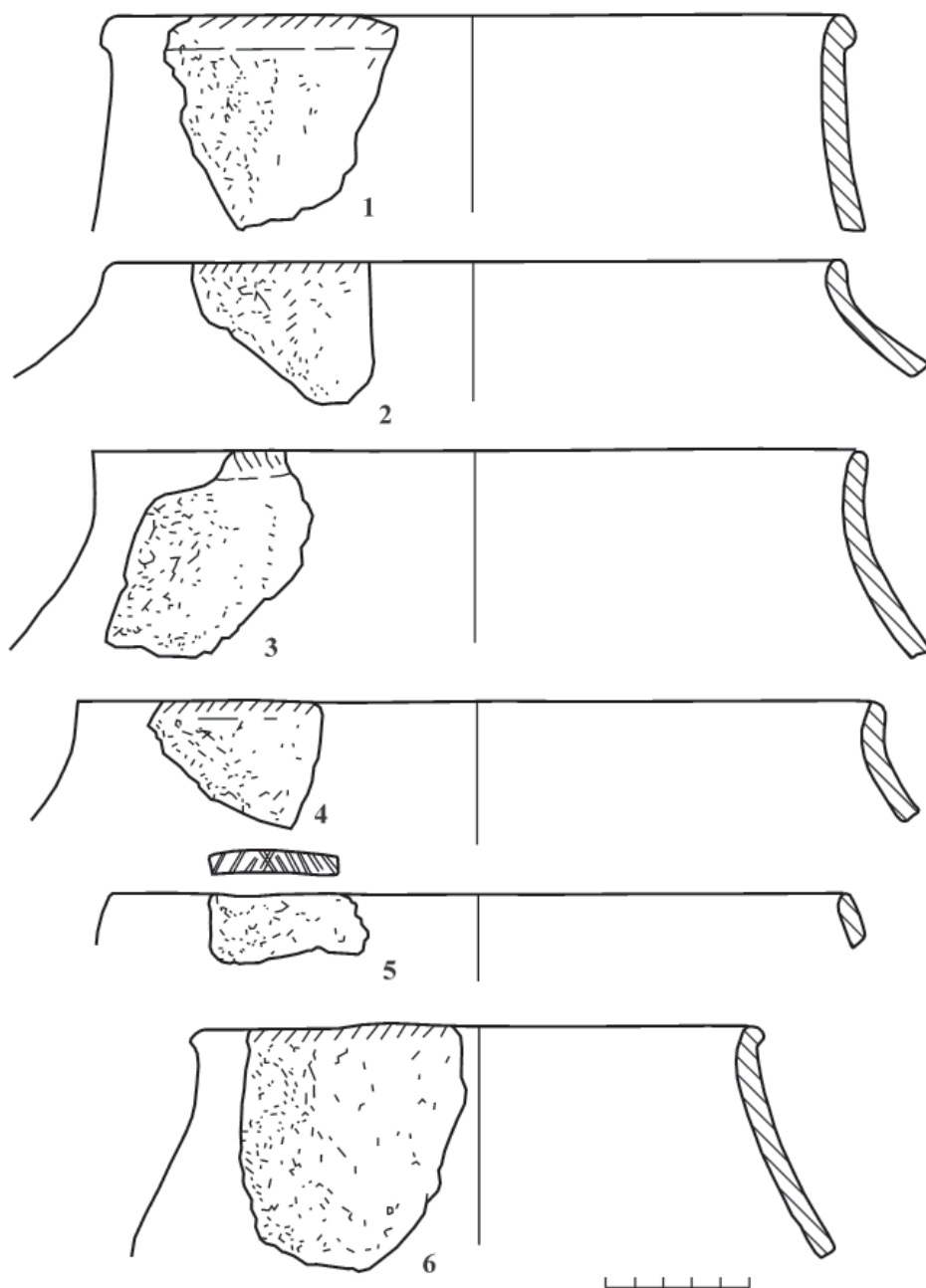

Рис. 4. Сосуды с насечками по венчику Старобадиковского селища

Исследованы остатки различных сооружений. Из них особый интерес представляют 2 погребка. Они сохранились в виде ям овальной формы. Длина их составляет 226–243 см, ширина – 184–192 см. Глубина достигает 90–99 см. Дно впущено в материк в виде глины. С одной из узких сторон в обоих сооружениях имеются материковые ступеньки шириной 48–50 см. Такие погребка хорошо известны на более поздних мордовских поселениях. Так они найдены в Среднем Примокшанье на поселениях Ефаево I XV – первой половины XVIII в. и Шаверки 2 XIV–XV в. и более позднего времени (Вихляев, Петербургский, Седышев, 2013а, с. 88–215). По своему типу эти сооружения

весьма близки к погребам мордвы XIX – начала XX в., имевшим название «выход» (Белицер, 1963, с. 181–182).

На поселении найдены куски глиняной обкладки и металлургические шлаки. Основу вещевого комплекса I тыс. н. э. составляет лепная керамика. Она представлена горшковидными сосудами с венчиком, часто орнаментированным по краю насечками, подчеркнутыми прочерченной линией горловины. Имеются сосуды с наклепным валиком. Эти горшки весьма близки по основным параметрам к подобной керамике Старобадиковского селища. Отличия керамического комплекса поселения Новый Усад 5 в том, что здесь не най-

дено баночных сосудов и нет орнамента в виде пальцевых защипов.

Следует отметить также наличие заметного процента фрагментов, покрытых ангобом в виде слоя тонко отмученной глины. Поселение Новый Усад 5 было датировано временем не позже третьей четверти I тыс. н. э.

В рассматриваемое время в Нижнем Посурье продолжало функционировать поселение на городище Ножа-Вар, основанное еще в первой половине I тыс. н. э. (Трубникова, 1964, с. 117–156). Оно располагается вблизи поймы р. Суры, в 12 км от мордовского Ивановского могильника VI–VII в. Н.В. Трубниковой городище датируется II–VI в.

Основой оборонительных сооружений городища были валы, охватывающие его площадку полукольцом. Такая полукольцевая система обороны характерна, по мнению А.П. Смирнова и Н.В. Трубниковой, для III–V в. (Смирнов, Трубникова, 1965, с. 25). Края городища, не охваченные валами, укреплялись двумя рядами столбов с плетнем между ними, засыпанным землей, а также клеткой из бревен, покрытых обожженной глиной или крупными камнями.

Жилые сооружения сохранились очень плохо. Все они наземные и представлены темными пятнами в культурном слое очерченными ямами от столбов. Размеры их небольшие и определяются весьма предположительно. Жилища имеют прямоугольную форму, и внутри каждого определяется очаг в виде небольшой ямки с несколькими камнями вокруг (Смирнов, Трубникова, 1965, табл. 3, рис. 1).

В культурном слое городища Ножа-Вар обнаружен очаг производственного характера. Он представлял собой большое прокаленное пятно, содержащее куски железных шлаков, пережженной глины и расколотый сосуд с кусками железного шлака внутри. Очевидно, на поселении существовало железоделательное производство.

Керамический комплекс, который можно связать с рассмотренным периодом, представлен гладкостенными грубыми сосудами с примесью в тесте шамота и белых известковых включений. Чаще всего встречаются слабопрофилированные горшки с цилиндрическим горлом и слабо отогнутым венчиком, иногда украшенным насечками по краю. Изредка, как и на вышеописанных мордовских селищах, имеется налепной валик. Плоские днища сосудов бывают с закраинами и без закраин.

В слоях, которые можно связать с наиболее поздним периодом функционирования памятника, найдены железные шилья, ножи, наконечник стрелы, глиняные пряслица, грузила, бронзовые

украшения. Клад вещей, найденный на краю вала, относится к первой половине I тыс. н. э.

Весьма интересна находка на склоне площадки городища на глубине 30–50 см на черном углестом пятне трех неполных человеческих скелетов плохой сохранности. Погребения находились в культурном слое, насыщенном фрагментами керамики с венчиками, украшенными насечками, мелкими пережженными костями животных и мелкими углями. Одно погребение было ориентировано головой на северо-запад, два других в противоположном направлении. У черепа первого погребения найдена бронзовая сьюльгама с концами кольца, завернутыми в трубочки, в длину не превышающие 1/3 длины диаметра кольца (Смирнов, Трубникова, 1965, табл. 16; рис. 16). Такие сьюльгамы характерны для древнемордовской культуры в VI–VII в. Это украшение, очевидно, является датирующим для обнаруженных погребений. Найденные при других погребениях вещи: маленькая красная бусинка, сильно пережженный костяной гребень и фрагмент железного ножа не противоречат указанной дате. Очевидно, охарактеризованные захоронения отмечают заключительный период существования городища Ножа-Вар.

Погребальный обряд. В настоящее время известны 19 древнемордовских могильников, функционировавших в VI – первой половине VIII в. Они названы выше и располагаются в тех же местах, что и ранние мордовские погребальные памятники III–V в. Могильники известны на первой надпойменной террасе, чаще всего в тех местах, где одна река впадает в другую (Иваньковский, Погибловский, Личадеево 5, Старобадиковский 2 и др.), на второй надпойменной террасе (Журавкинский 1), в пойме на останцах (Старший Кужендеевский, Красное 3), в овражных системах (Волчихинский).

Все древнемордовские могильники VI – первой половины VIII в. – грунтовые. Судя по планам раскопов, большинство из них имело планировку могил рядами. Погребения не имеют никаких внешних признаков. Но поскольку в одном и том же могильнике погребения никогда не прорезают друг друга и расположены рядами, то вполне возможно, что они в свое время имели какие-то надмогильные сооружения. Наиболее устойчивыми и хорошо прослеживаемыми признаками погребального обряда являются способ захоронения покойника (труположение или трупосожжение), ориентировка костяка или могильной ямы в плане. По форме могильные ямы рассматриваемых памятников, за редким исключением, представляют фактически один тип – простые ямы без каких-либо сложных конструкций. В подавляющем большинстве они имеют прямоугольную в плане

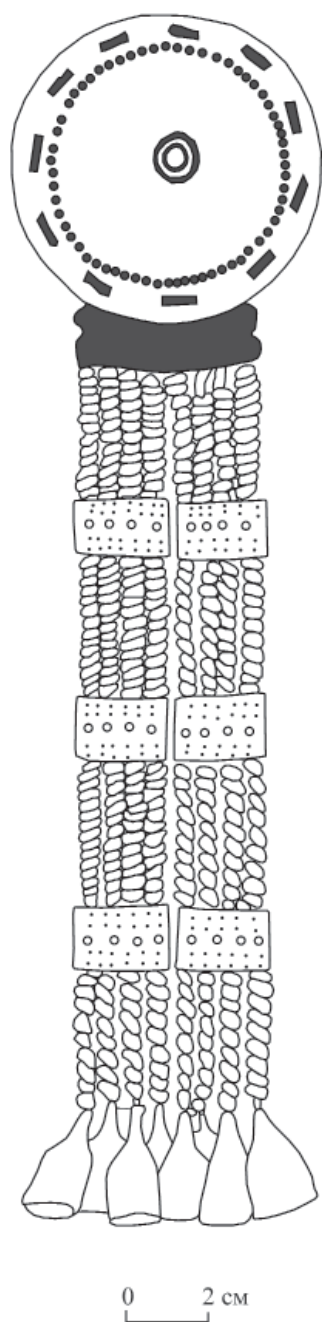

Рис. 5. Накосник из Армиёвского 1 могильника

форму с углами, закругленными в различной степени. Покойников при трупоположении в могильные ямы помещали в вытянутом положении.

На севере Окско-Сурско-Цнинского захоронения ориентируются головой на север (древнеэрзянская субкультура), на южных территориях покойников хоронят головой на юг и юго-запад (древнемокшанская субкультура).

При кремации останков она совершалась вне могильной ямы. Кальцинированные кости кучкой размещались в обычных для погребальных памятников могильных ямах, ориентированных так же, как ямы с трупоположениями.

Погребальный инвентарь. В VI – первой половине VIII в. в древнемордовских погребениях встречаются, в основном, те же категории вещей, что и в комплексах III–V в. Изменяются иногда частота их встречаемости, эволюционируют формы типов. Так, по сравнению с III–V в., в мужских захоронениях появляется значительное количество погребений с оружием, особенно у верхнесурского населения. Здесь распространяются однолезвийные мечи без навершия. В мужском погребении Старшего Кужендеевского могильника найдена коса-горбуша. (Жиганов, 1976, с. 64). Это до сих пор древнейшая находка в мордовских памятниках.

В женских комплексах в рассматриваемое время по всей территории расселения древней мордвы обнаружены весьма сложные по конструкции накосники. Они состоят из бронзовых выпуклых круглых орнаментированных блях с плоскими бортиками, к нижнему краю которых подвешены кисти из бронзовых витых пронизок, перемежающихся бронзовыми обоймами. Окончанием кистей служат бронзовые бутыльчатые подвески (рис. 5). Среди стеклянных бус в ожерельях полностью исчезают бисерные и мелкие золоченые бусы и господствуют красные непрозрачные (пастовые).

В VI–VII в. в древнемордовской культуре формируется новый тип нагрудных блях, который затем господствует до начала II тыс. н. э., т. е. до конца периода функционирования этой категории. Он ведет свое происхождение, как это было установлено В.Н. Шитовым, от бронзовых пластинчатых застежек с треугольными выступами по краю, обнаруженных в погребениях IV – начала V в. Кошибеевского могильника (рис. 6: 1) (Шитов, 1988, с. 10). Такие застежки фиксируются и в погребениях второй половины IV – начала V в. в древнемордовском Армиевском 1 могильнике на Верхней Суре. Из этих застежек, судя по материалам Абрамовского могильника, формируется новый тип круглых пластинчатых нагрудных блях с крышечкой. Вначале у застежки исчезают выступы. Края их смыкаются, и застежка превращается в круглую плоскую бляху с отверстием в центре. От выступов на бляхе остаются треугольные прорезы различного количества. От застежек с выступами происходит и орнаментация данных блях в виде полушарных выпуклин (рис. 6: 2). Затем середина игловидного язычка, крепившего бляху к одежде, начинает расплющиваться, приобретая округлую, ромбическую или шестиугольную форму, и превращается в своеобразную подвижную крышечку, прикрывающую центральное отверстие (рис. 6: 3, 4). С VIII в. такие бляхи становятся общепринятым мордовским украшением.

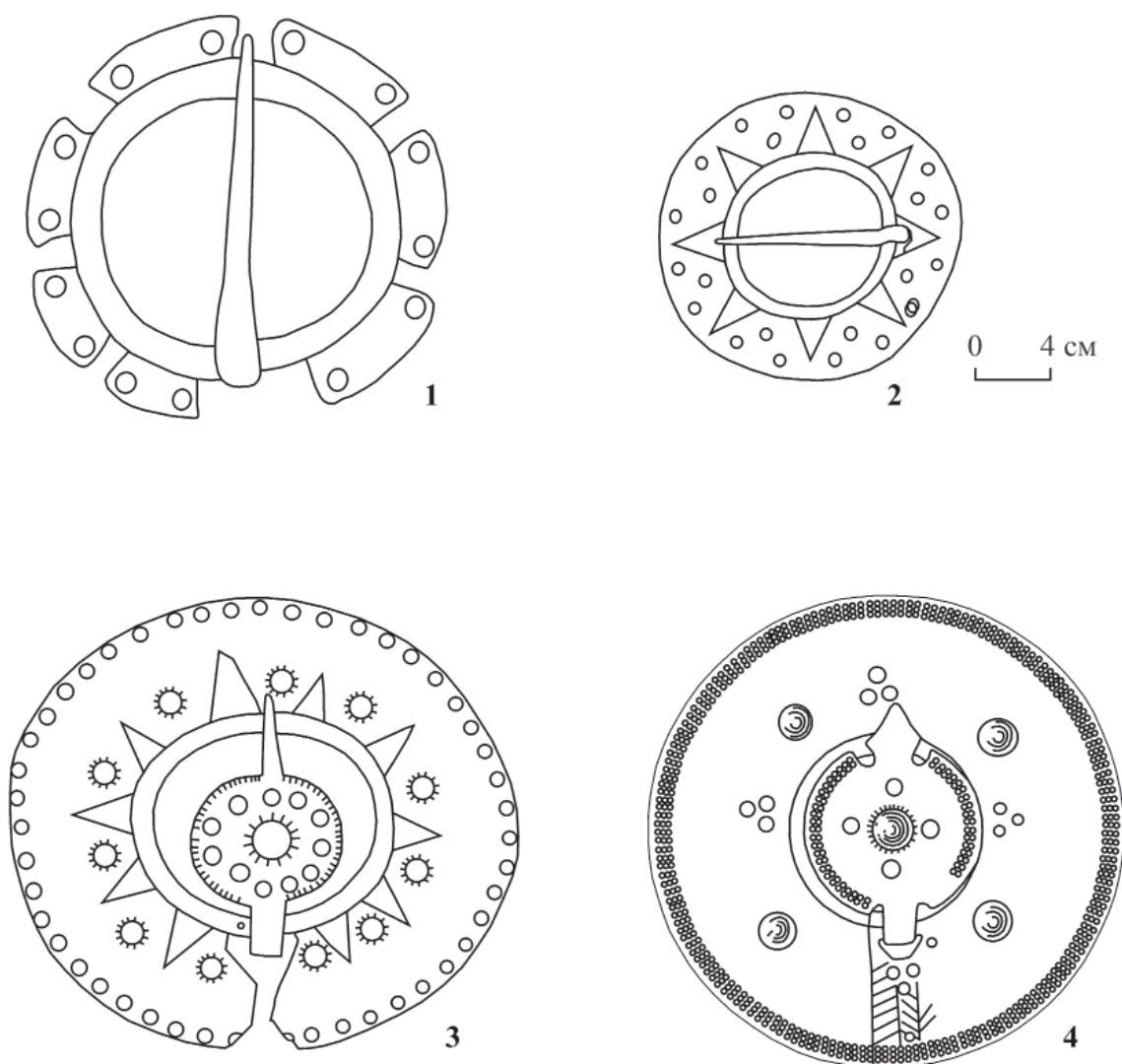

Рис. 6. Типы древнемордовских нагрудных блях с подвижной крышечкой

Хронология. Датировка древнемордовских погребальных памятников VI – первой половины VIII в. и их периодизация может основываться на трех разработанных для них хронологических системах, основанных на статистико-математических методах оценки степени взаимовстречаемости типов (относительная хронология) и аналогий из хорошо датированных комплексов по отдельным находкам (монеты и др.) и полученных на основе статистико-математических и естественных методов систем хронологии других древностей (абсолютная хронология). Первая такая система была разработана в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. В.И. Вихляевым для древнемордовских могильников III–VII в. Верхнего Посурья и Примокшанья (Вихляев, 1977). Вторая система была создана О.В. Зеленцовой в 90-ые гг. XX в. для мордовских могильников второй половины VII–XI в., расположенных на р. Цне. В нее вошли мордовские погребальные комплексы второй половины

VII – первой половины VIII в., выделенные в раннюю стадию А этих памятников. Анализу были подвергнуты не только украшения, но и керамика, а также погребальный обряд (Зеленцова, 1988). Третья система является коллективной разработкой В.И. Вихляева, А.А. Беговаткина, О.В. Зеленцовой, В.Н. Шитова, и основана она по той же методике и включает погребальные комплексы всей территории расселения древней мордвы в рассматриваемое время (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008). На базе последней разработки в развитии культуры носителей древнемордовских могильников можно выделить два периода. Первый из них датируется VI–VII в. (стадия 8 могильников западной части Среднего Поволжья), второй – концом VII – первой половиной VIII в. (стадия 9 могильников западной части Среднего Поволжья).

Основой выделения ранней стадии VI–VII в. являются последние звенья эволюционного ряда

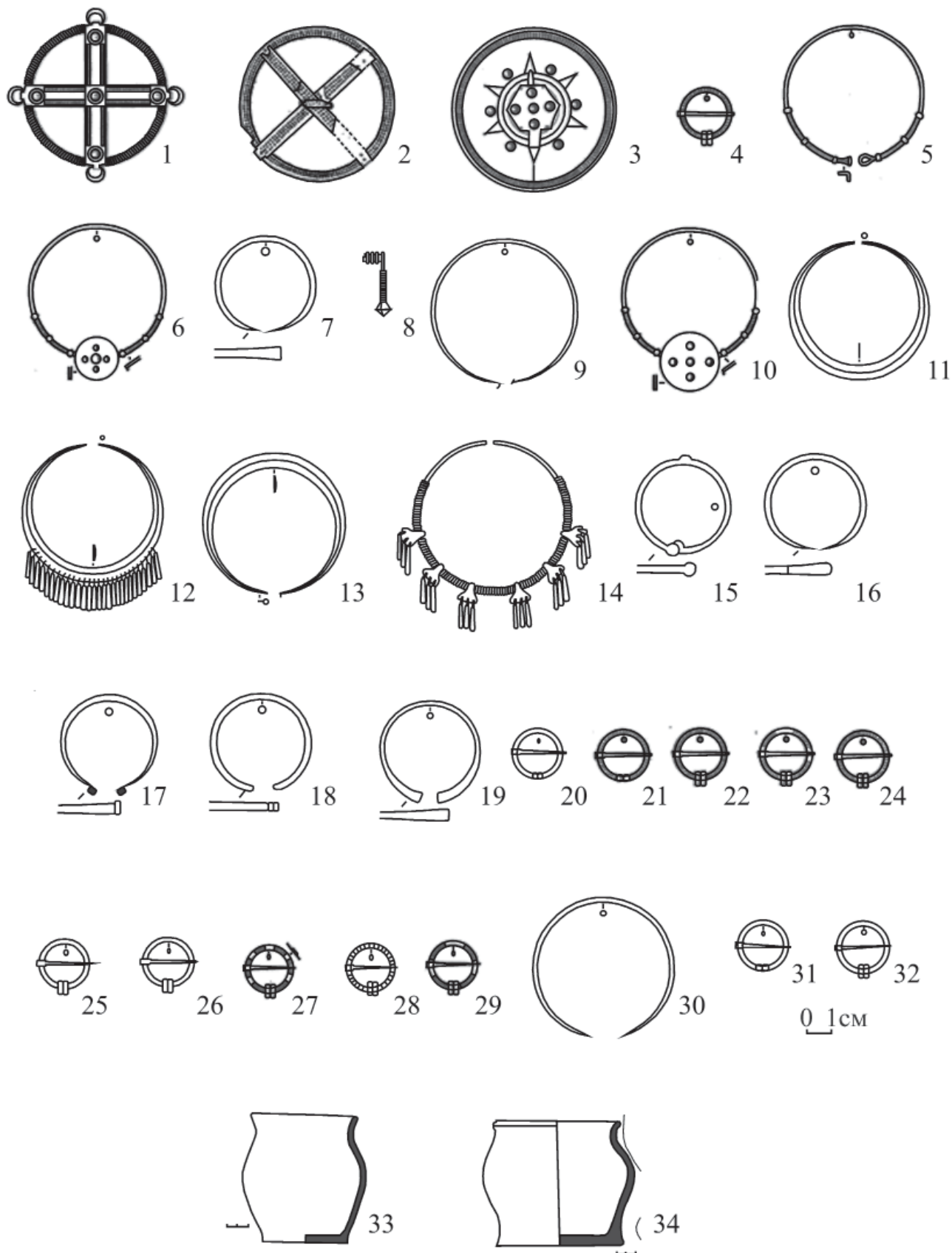

Рис. 7. Вещи ранней стадии древнемордовских могильников VI – первой половины VIII вв.

блях с крестовидными накладками. Первое из них – это округлые бляхи с крестообразно расположенными прямыми накладками, которые крепились к одежде при помощи колечек, расположенных по концам накладок. Корпус бляхи по краю украшен тремя рядами мелких полушарных выпуклин (рис. 7: 1). Второе звено представлено округлыми бляхами такой же конструкции, только без подвижных колечек на концах накладок, и крепились к одежде при помощи отверстий, расположенных в центре бляхи (рис. 7: 2). Край корпуса украшен тремя рядами мелких полушарных выпуклин. С последним типом значимо сопряжен еще один тип, являющийся звеном дальнейшей эволюции округлых блях с крышкой. Он представлен экземплярами с отверстием в центре и крепился к одежде при помощи ремешка, пропущенного через язычок шестиугольной крышки, закрывающей отверстие. Корпус таких блях украшен по краю тремя рядами полушарных выпуклин и треугольными прорезями с полушарными выпуклинами между ними (рис. 4: 3).

На ранней стадии древнемордовской культуры VI – первой половины VIII в. завершают свое бытование бронзовые кованые сьюльгамы с округлым поперечным сечением кольца и завернутыми в трубочку несомкнутыми концами, образующие короткие «усы», длина которых не превышает 1/3 диаметра кольца, украшенным насечками в виде поперечных зигзагов по всему кольцу (рис. 7: 4).

Продолжают существовать дровые из цветных металлов гривны с проволочной обмоткой у концов, с напущенными бусами и замком в виде петли и петлевидного крюка (рис. 7: 5), а также такой же конструкции гривны с замком в виде круглой коробочки диаметром от 41 до 60 мм и крючка (рис. 7: 6). Встречаются браслеты из дрота круглого сечения с расплюснутыми прямосрезанными концами (рис. 7: 7).

Получают широкое распространение височные украшения в виде стержня, обмотанного различной в сечении проволокой, с грузиком в виде двух пирамидок, сложенных основаниями на нижнем конце, и отогнутой под прямым углом спиральной на верхнем (рис. 7: 8). Бытуют также гривны из дрота круглого сечения с утончающимися концами в виде простых крючков (рис. 7: 9), а также гривны с замком в виде крючка и круглой коробочки диаметром свыше 60 мм (рис. 7: 10) и бронзовые пластинчатые серповидные с ребром в средней части ширины пластины и замком в виде двух крючков или крючка и отверстия на другом конце (рис. 7: 11), а также гривны такой же конструкции с подвешенными к отверстиям на полотне конусовидными или трапециевидными подвесками (рис. 7: 12). В это время существуют также

железные серповидные пластинчатые гривны треугольного сечения (рис. 7: 13) и биметаллические из железного дрота круглого сечения с напущенными бронзовыми обоймами и подвешенными к ним шумящими привесками. Пространство между обоймами обмотано бронзовой проволокой (рис 7: 14).

На ранней стадии распространены различные типы браслетов. Прежде всего, изготовленные из цветных металлов из дрота округлого сечения с личинами на приплюснутых в виде лопаточек концах (рис. 7: 15), такие же с расплюснутыми закругленными концами (рис. 7: 16), такие же с расплюснутыми и завернутыми в трубочку концами (рис. 7: 17), такие же с прямыми концами, имеющими поперечные желобки (рис. 7: 18). Встречается в это время тип браслетов из четырехгранного дрота с соотношением сторон поперечного сечения от 1:1 до 1:2 с равномерно утолщенными концами (толщина дрота не превышает 5 мм) (рис. 7: 19).

Весьма разнообразны на рассматриваемой стадии типы бронзовых кованых сьюльгам. Продолжаются встречаться сьюльгамы с завернутыми перпендикулярно плоскости кольца концами, не выступающими за ширину поперечного сечения кольца. Они представлены долгобытующим типом плоских в сечении сьюльгам с насечками по внутреннему краю кольца (рис. 7: 20) и с кольцом округлого сечения, украшенным длинными косыми нарезками (рис. 7: 21). Основная масса типов сьюльгам этой стадии имеет завернутые в трубочку концы, образующие короткие «усы», длина которых не превышает 1/3 диаметра кольца. Кольца округлого сечения сьюльгам либо украшены длинными насечками по всему кольцу (рис. 7: 22), либо длинными насечками, расположенными зонами (рис. 7: 23), либо насечками в виде «ёлочки» по всему кольцу (рис. 7: 24). Кольца сьюльгам прямоугольного сечения либо украшены насечками по внешнему краю (рис. 7: 25), либо насечками по внутреннему и внешнему краям (рис. 7: 26), либо прямоугольными выступами с поперечными нарезками между ними (рис. 7: 27), либо линией точечных вдавлений посередине кольца (рис. 7: 28). Кольца сьюльгам сегментовидного сечения украшены насечками в виде поперечных зигзагов, расположенных зонами (рис. 7: 29).

Датирующими для ранней стадии древнемордовских могильников VI – первой половины VIII в. являются бляхи с крестовидными прямыми накладками, крепящиеся к одежде либо при помощи подвижных колечек на концах накладок, либо двух небольших отверстий в центре бляхи. Корпуса блях украшены по краю тремя рядами мелких полушарных выпуклин (рис. 7: 1, 2). Хро-

нологическими реперами стадии являются бляхи с отверстием в центре и шестиугольной крышкой, прикрывающим его. По краю корпуса они также украшены тремя рядами мелких полушарных выпуклин (рис. 7: 3). К датирующим вещам относятся гривны из цветных металлов, круглодротовые с замком в виде простых крючков (рис. 7: 9), пластинчатые серповидные с ребром в средней части ширины пластины (рис. 7: 11), такие же с конусовидными или трапециевидными подвесками (рис. 7: 12), биметаллические из железного дрота с напущенными бронзовыми обоймами и подвешенными к ним шумящими привесками (рис. 7: 14). Только для ранней стадии характерны бронзовые браслеты с расплюснутыми закругленными концами (рис. 7: 16) и с прямыми концами, имеющими поперечные желобки (рис. 7: 18), а также бронзовые сюльгамы сегментовидного сечения с зонным орнаментом из насечек в виде поперечных зигзагов (рис. 7: 29) и такие же застежки с кольцом округлого сечения, украшенные насечками в виде «ёлочки» по всему кольцу (рис. 7: 24).

В системе хронологии, созданной для древнемордовских могильников III–VII в. Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья, для периода VI–VII в. (стадия С могильников армиевского типа) можно отметить следующие особенности по сравнению с общей системой хронологии могильников западной части Среднего Поволжья (Вихляев, 1977, с. 28–92). Для них дополнительно датирующими типами украшений являются дровотые железные гривны круглого сечения с утонченными концами (рис. 7: 30) и такие же пластинчатые серповидные с замком в виде петли и крючка (рис. 7: 13). Продолжают бытовать в ранних погребениях бронзовые гривны с частичной обмоткой, с напущенными бронзовыми бусами и замком в виде петли и петлевидного крючка (рис. 7: 5), а также бронзовые с кольцом прямоугольного сечения сюльгамы без «усов» с насечками по внешнему и внутреннему краям кольца (рис. 7: 31). Появляются и распространяются бронзовые сюльгамы с короткими «усами» и прямоугольным в сечении кольцом без орнамента (рис. 7: 32). Для рассматриваемого периода в пензенских могильниках характерны ожерелья, состоящие только из бус из красного непрозрачного стекла, или на 21–40%, 81–99,9% состоящие из них.

Керамический комплекс представлен горшками с наибольшим диаметром тулова у середины высоты, стройной или приземистой формы с выпуклым округлым или слабо профилированным туловом и блоковидным горлом, иногда украшенным насечками по венчику (рис. 7: 33, 34).

В могильниках Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья в VI–VII в. господствуют погребения,

ориентированные головой на юг или юго-запад. В захоронениях с южной ориентировкой на дне могильных ям и в засыпке обычной находкой являются зола и угли, реже встречаются кости животных. В засыпной земле нередко попадает керамика. Ее находят как в мужских, так и женских погребениях. В засыпке встречаются украшения и орудия.

Головой на юго-запад чаще всего хоронили женщин. В засыпной земле почти не встречаются кости животных, нет керамики и украшений. Сосуды в погребениях, как с южной, так и юго-западной ориентировкой, размещались чаще всего в области ног.

К ранней стадии относятся погребения Селик-сенского и Армиевского 1 могильников на Верхней Суре, Ивановского на Нижней Суре и Абрамовского на р. Тёше.

Поздняя стадия (конец VII – первая половина VIII в.) древнемордовской культуры VI – первой половины VIII в. выделяется прежде всего по эволюционному ряду кованых из цветных металлов сюльгам. Для этого времени характерны сюльгамы с завернутыми в трубочку концами – «усами», длина которых колеблется от 1/3 до диаметра кольца. Наиболее распространены сюльгамы округлого или прямоугольного сечения без орнамента (рис. 8: 1, 2). Среди сюльгам округлого сечения выделяются типы с орнаментом, состоящим из поперечных и косых нарезок, расположенных зонами на кольце (рис. 8: 3), или с поперечными и косыми нарезками, расположенными зонами на кольце и «усах» (рис. 8: 4), или с насечками в виде «ёлочки», расположенными у концов (рис. 8: 5). Сюльгамы с прямоугольным сечением декорированы косыми насечками по краям и линией точечных вдавлений по всему кольцу (рис. 8: 6), поперечными или косыми нарезками у концов кольца (рис. 8: 7).

Из типов предыдущего времени встречаются сюльгамы округлого сечения с короткими усами, украшенные длинными насечками по всему кольцу (рис. 7: 22), а также гривны с замком в виде круглой коробочки диаметром свыше 60 мм и крючком (рис. 7: 10) и браслеты с личинами на приплюснутых в виде лопаточки концах (рис. 7: 15).

На поздней стадии распространены стержневидные височные украшения с удлинённым бипирамидальным массивным грузиком со стержнем длиной от 40 до 55 мм (рис. 8: 8), круглодротовые гривны из цветных металлов с обмоткой у концов и замком в виде петли на одном конце и крючком в виде «лодочки» на другом (рис. 8: 9), такие же гривны с замком в виде крючков с шляпковидными головками (рис. 8: 10), а также пластинчатые

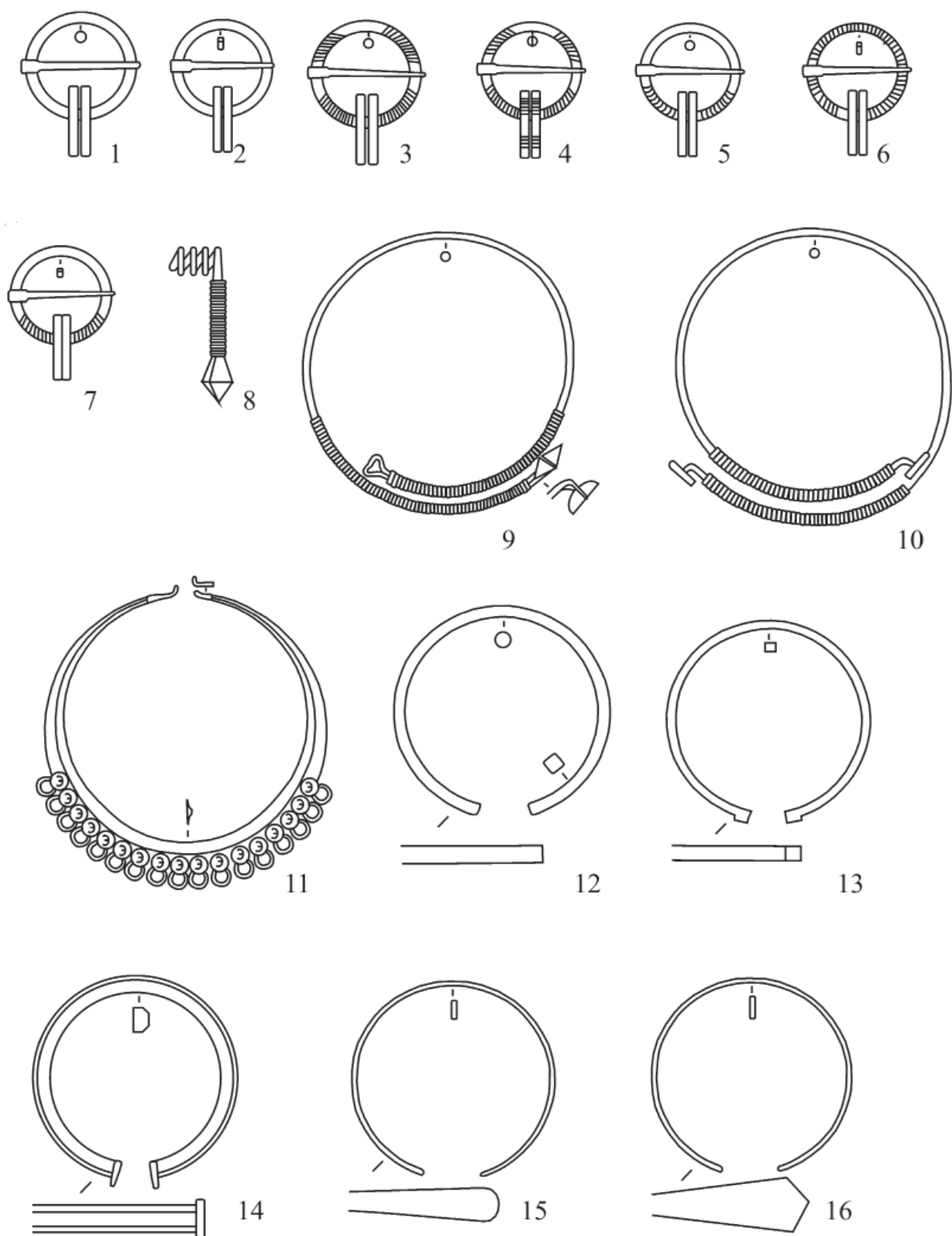

Рис. 8. Вещи поздней стадии древнемордовских могильников VI – первой половине VIII вв.

из такого же металла, серповидные с отдельными накладками с кольчатыми подвесками (рис. 8: 11).

Встречаются бронзовые браслеты из дрота округлого сечения с прямыми четырехгранными концами (рис. 8: 12). Известны браслеты из цветных металлов четырехгранного (соотношение сторон поперечного сечения от 1:1 до 1:2) дрота с прямоугольными выступами на концах (рис. 8: 13), шляпкоконечные многогранного дрота (толщиной больше 5 мм) (рис. 8: 14), пластинчатые (соотношение сторон поперечного сечения больше 1:2) с расширенными закругленными концами (соотношение ширины средней части и концов до 1:2) (рис. 8: 15) и такие же с расширенными, срезанными под острым углом концами (соотношение ширины средней части и концов больше 1:2) (рис. 8: 16).

Датирующими украшениями поздней стадии древнемордовской культуры VI – первой половины VIII в. являются все типы сьюлгам, описанные выше (рис. 8: 1–7). При этом следует учитывать, что сьюлгамы с круглым сечением кольца с поперечными или косыми нарезками, расположенными зонами на кольце, и такие же сьюлгамы с насечками в виде «ёлочки», расположенными у концов кольца, встречаются в погребениях с эволюционно более поздними сьюлгами с «усами» длиной более диаметра кольца, которые относятся к более позднему времени. Такие комплексы следует относить к последующему времени после рассматриваемой стадии.

К датирующим украшениям поздней стадии конца VII – первой половины VIII в. также относятся височные привески с удлиненным бипирамидальным, массивным грузиком со стержнем длиной от 40 до 55 мм (рис. 8: 8), пластинчатые серповидные гривны с отдельными накладками и подвесками (рис. 8: 11), четырехгранные браслеты с прямоугольными выступами на концах (рис. 8: 13), а также пластинчатые браслеты с расширенными, срезанными под острым углом концами (рис. 8: 16).

Этнокультурные процессы. Для древнемордовских погребальных памятников на р. Цне во второй половине VII – первой половине VIII в., кроме уже указанных типов вещей, характерны височные подвески с коротким стержнем и массивными бипирамидальными грузиками с поперечной выемкой и менее массивные височные подвески с прочерченными поперечными линиями на грузике, нагрудные дисковидные бляхи с круглой крышечкой и прорезями, застежки с «крылатой» иглой, шестигранные шляпкоконечные браслеты, поясные наборы предсалтовского времени с пряжками так называемого «неволинского типа» и бляхами-оправами (Зеленцова, 1998, с. 10).

В древнемордовских могильниках на р. Цне во второй половине VII – первой половине VIII в. преобладали большие могильные ямы продолговато-овальной формы с захоронениями в вытянутом положении, головой ориентированные на север, юг, юго-запад и запад. Для трупосожжений характерны овальные могильные ямы. Кальцинированные кости располагались кучкой. Вещи сложены на них или рядом без определенного порядка. Кремированные погребения составляли 13% от числа всех захоронений (Зеленцова, 1998, с. 14–15).

Многообразие ориентировок головой умерших в ранних цнинских погребениях объясняется уже не господством родовых погребальных культов, а различными компонентами, участвовавшими в формировании культуры населения. О.В. Зеленцова пришла к выводу, что определяющая роль в этом процессе принадлежит населению, оставившему могильники армиевского типа в Верхнем Посурье. Они принесли с собой южную и юго-западную ориентировку. Но в это же время на р. Цну проникли и племена эрзянской субкультуры из северных территорий Окско-Сурско-Цнинского междуречья. С этим компонентом связаны погребения с северной и западной ориентировкой покойников (Зеленцова, 1998, с. 16–17).

На поздней стадии конца VII – первой половины VIII в. функционируют следующие могильники древнемордовской культуры: Селиксенский на Верхней Суре; Крюково-Кужновский, Пановский, Елизавет-Михайловский на р. Цне; Стёковский 2, Личадеево 5, Абрамовский на р. Тешё. Сурские и цнинские могильники можно относить к формирующейся древнемокшанской субкультуре, тешские – к древнеэрзянской.

Социальное устройство древнемордовского общества в VI – середине VIII в. остается первобытным. Происходит лишь одно существенное изменение – начинают складываться союзы племен. В материальной культуре это проявляется в формировании отличительных признаков между северными и южными племенами, которые в то же время являются объединяющими для племенных субкультур. Так, если в предыдущие времена в погребальных обычаях, например, в ориентировке покойников, прослеживается весьма заметное разнообразие, отражающее родоплеменное устройство общества, то теперь начинают складываться два их варианта: северный и южный. Они коррелируются с особыми керамическими комплексами. Но общее единство древнемордовской материальной культуры, прежде всего в костюме, орудиях труда, вооружении, сохраняется. Не случайно ряд исследователей отмечал невозможность выделить характерные вещи для указанных вари-

антов (Алихова, 1959, с. 13–14; Полесских, 1965, с. 147). Возможно, кроме внутренних закономерностей, появление союзов племен у мордвы было связано с внешней причиной – угрозой подчинения сформировавшемуся на юге Восточной Европы Хазарскому каганату. Этим можно объяснить, почему к середине VIII в. южная мордва покидает обжитые издавна территории на Верхней Суре и перемещается в бассейн рр. Мокши и Цны (Вихляев, 2013б).

Развитие древнемордовской культуры с двумя субкультурами продолжается и после середины VIII в. В это время наблюдается изменение территориальных границ племенного союза мокша. Представляющие его памятники функционируют в бассейнах рр. Мокши и Цны, т. е. на западе Окско-Сурско-Цнинского междуречья. Эрзянские памятники занимают север обозначенной территории, сосредоточиваясь в основном в бассейне правого притока р. Оки – р. Тёши.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЛГО-УРАЛЬЕ В КОНЦЕ IV–IX ВВ.

РАЗДЕЛ III

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТА ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Глава 1

Этнолингвистическая карта Поволжья

РАЗДЕЛ III

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТА ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

ГЛАВА 1

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТА ПОВОЛЖЬЯ

Эпоха великого переселения народов (далее – ВПН) в Поволжье является самым ранним периодом, для понимания которого можно использовать анализ субстратной топонимии: есть основания думать, что на большинстве территорий среднего и верхнего Поволжья (во всяком случае, в его западной части) уже в этот период сформировалась языковая среда, дожившая в целом до появления в регионе восточных славян, и, таким образом, позднейший дорусский пласт субстратной топонимии отражает этноязыковые границы ВПН. Более ранние периоды методами топонимического исследования поддаются хуже, так как речь идет уже о субсубстратных топонимических пластах, которые могут быть выявлены только после хорошей реконструкции языковой картины, непосредственно предшествовавшей восточнославянской колонизации региона.

Кроме того, для этого периода в распоряжении исследователей этнической истории региона впервые оказываются письменные источники и, следовательно, появляется возможность говорить об этническом составе населения, используя конкретные этнонимы, в отличие от предшествующих периодов, когда этнонимика региона остается нам практически неизвестной, и этноисторическая интерпретация археологического материала должна ограничиваться исключительно соотношением его с языковыми реконструкциями. Поэтому, несмотря на то что письменные сведения пока крайне лапидарны, следует, тем не менее, начинать изложение именно с них.

1. Данные письменных источников.

Важнейшим (и, по сути дела, единственным) источником по этнической карте Поволжья в начале эпохи ВПН является известный пассаж из «Гетики» готского историка Иордана («Гетика», 116) (Скржинская, 1997; Анфертьев, 1994), называемый обычно «список северных народов» или «список народов Германариха». Анализ «Списка» позволяет реконструировать его как цитату в латинском тексте «Гетики», взятую из источника на готском языке, первоначально, видимо, поэтиче-

ского итинерария, отражающего ситуацию конца III – 1-й пол. IV в. н. э. (подробное обоснование см. Напольских, 2012; Napol'skich, 2016). Текст цитаты в предлагаемой В.В. Напольских реконструкции:

thiudos: in Aunxis Vas, in Abroncas Merens, Mordens in Miscaris, Rogas stadjans at Thual, Nauezo, Bubegenas, Gotthos

«народы: в Аунксах – вас, в Абронках – меров, мордов в Мискарах, жителей берегов Волги до твалов, навезо, бубегеев, готов».

Все этнонимы «Списка» надежно локализируются на пути из Балтики через Ладогу на Волгу, вниз по р. Волге до ее устья, по северному Предкавказью до Крыма, и идентифицируются с упоминаемыми в других источниках названиями. При этом нет никаких оснований предполагать, что данные территории действительно были покорены или как-то контролировались готами, что нередко предполагают исследователи, не принимающие во внимание критику текста: обстоятельства написания «Гетики» однозначно свидетельствуют, что текст готского итинерария (возможно – результата разведки волжского пути с Балтики к Кавказу и Причерноморью) был сознательно использован автором «Гетики» для создания вымышленной картины великой империи Германариха. В целом картина, рисуемая «Списком», с учетом наших знаний об этноязыковой истории соответствующих земель, выглядит следующим образом.

1.1. Вас в Аунксах.

Первый народ «Списка», **Vas* обитал **in Aunxis* ‘в Аунксах’, где **Aunx*- соотносится с районном г. Олонец, юго-восточным Приладожьем, фин. *Aunus* (основа *Aunukse-*), топоним имеет субстратное, вероятно – саамское происхождение. Имя **Vas* явно связано с самоназванием *вепсов*, но при этом напрямую не может быть сопоставлено, как это порой делают, с др.-рус. *Весь* (← приб.-фин. **vepsä* как *Русь* ← **rōtsi*, *Язь* ← **hāme* и под.), что было бы явным анахронизмом. Самоназвание *вепсов* восходит к саамскому **vēpsē* ‘рыбий плавник’, представлявшему собой кальку (перевод

на саамский) в результате народной этимологии скандинавского *finne* ‘саам’, омонимичного герм. **finne* ‘рыбий плавник’, причем изначально это могло быть самоназванием какой-то южной группы саамов, ассимилированных прибалтийскими финнами – предками вепсов (Напольских, 2007). Предполагается развитие общесаам. **vēpsē* > южное саам. / ранее вепс. **veps* → гот. *Vas*, и не обязательно следует видеть в этом народе «Списка» прибалтийских финнов: не исключено, что имя это принадлежало еще южносаамскому населению.

1.2. Меры в Абронках.

Название **in Abronc(as)* – ‘в Абронках’ отражает древний топоним, возможно, связанный с названием волости *Арбужевесь*, зафиксированным в русских источниках XVI в. (Носов, 1969, с. 466–470). *Арбужевесь* располагалась на северной излучине р. Волги в районе г. Рыбинска, то есть на северной границе ареала субстратной мерянской топонимии (Матвеев, 2001; 2015), и именно здесь логично предполагать встречу готов, двигавшихся с Балтики, с мерянами, которых следует видеть в *Merens* < гот. **Merjans* (AccPl) < **Merja*. Речь идет, видимо, о первой фиксации самоназвания, которое позднее отразилось в русском летописном имени *меря*. Происхождение этого имени связано с самоназванием марийцев (*mari*, *marij*, *mare*, (г.) *marē*) и восходит к арийскому **marya-* ‘юноша, воин, член молодежного воинского союза’. В плане этого сближения показателен параллелизм в образовании ойконимов с использованием этого самоназвания в мерянской (типа *Локсомерь* – что позволяет реконструировать мерянскую форму **märi*) и марийской (*Кукмарь*, *Лумарь* и др.) топонимической традиции (Матвеев, 2015, с. 43–45). В мерянском языке следует предполагать либо иранский источник с передней огласовкой типа ср.-перс. *mērak* ‘молодой человек, член общества’ (< **mariya-ka*) (ЭСИрЯ, V, с. 217), либо вторичную палатализацию корневого гласного **marya-* > **märi*, откуда рус. *меря* и гот. **merja-*. Естественно, это не означает тождества обоих народов и их языков, скорее следует предполагать связь их происхождения с реконструируемым по данным топонимики ареально-генетическим диалектным континуумом от прамарийцев на востоке (бассейн р. Ветлуги и низовья р. Суры), через язык топонимов на *-вязь* / *-ваз* в бассейне р. Унжи («парамарийский»), язык гидронимов на *-VngVrь* на территории костромского левобережья р. Волги (восточномерянский / костромской мерянский) и в бассейне р. Клязьмы (нижнеклязьминский, муромской) и до языка топонимии исторических мерянских земель (западномерянский / ростовско-мерянский) на западе (Смирнов, 2015) (см.

п. 2.2. ниже). Отнесение к этому же ареалу муромы, обитавшей, видимо, в низовьях р. Клязьмы, подтверждается тем, что для языка нижнеклязьминской субстратной гидронимии реконструируется сужение и лабиализация корневых гласных (например, в лимнонимах на **-юхр-* ~ мер. **-яхр-* < **jäwre* ‘озеро’) (Матвеев, 2015, с. 81–82, 92–93; Смирнов, 2015, с. 10–15): основа этнонима *мурома*, **murz-* может рассматриваться как результат закономерной лабиализации корневого гласного в общем самоназвании мери (**märi*) и марийцев (**mari*).

1.3. Морды в Мускарах.

Mordens* < гот. **Mordjans* (AccPl) ‘мордов’, основа имени та же, что и в русском названии мокшан и эзян, *мордва* (с собирательным русским суффиксом *-ва*). Иран. **martya-* ‘человек, мужчина, муж’, было заимствовано в финно-угорские языки: коми *mort*, удм. *murt* ‘человек’, мокш., эрз. *mird'e* ‘муж, мужчина’, но вряд ли из раннего прарийского **mr̥ta-*, как принято в финно-угроведческих работах (Rédei, 1986, с. 53): для перм. **mort* источником был скорее язык типа согдийского (согд. *mrty(y)* (marti*), ягноб. *morti*, *mūrti* ‘мужчина, человек’), а для морд. **mirde* – типа среднеперсидского *myrd* (**mird* / **merd*) или парфянского *mird* ‘мужчина, муж’ (ср. также *mirde* в диалектах Семнана) (ЭСИрЯ, V, с. 214–215). Однако, фонетически мокш., эрз. *mird'e* не могло дать ни (др.-) рус. *мордва*, ни гот. **mordja-*, а в качестве этнонима это слово в мордовских языках не используется, и нет оснований думать, что когда-либо использовалось, а в пермских языках – только с апеллятивом (уд-мурт **‘человек окраины’*, коми *морт* **‘человек с Камы’*). Более надежно сопоставление с именем иранского народа (или социальной группы) *мардов* (*Mārdoi* / *Ämardoi* < *mārdi-*), живших в горах к югу от Каспийского моря и к востоку от него вплоть до Приаралья (имя выводят из иран. **marəda-* ‘убийца’, хотя, на наш взгляд, возможны и альтернативные этимологии) (Дьяконов, 2008, с. 411; Литвинский, Пьянков, 2004, с. 780). О присутствии мардов на более северных территориях, на юге Западной Сибири свидетельствует заимствование их имени в обско-угорские языки (манс. (С) *mōrtim-mā* и др. ~ хант. (Каз.) *mōrtə-mūw* и др. ‘южная страна с теплым морем, куда на зиму улетают птицы’, букв. ‘земля *морти*’). Проникновение мардов или, по крайней мере, этого названия в Европу фиксируется в упоминании их (*Mardi*) среди воинственных народов северо-восточного Причерноморья рядом с керкетами и серрами (Plin., 6.16–17).

Мордов «Список» помещает **in Miscar(is)* – ‘в Мискарах’, где *Мускар* явно связано с древнерусским *Мещера* – название области в междуречье

нижней Оки и Суры (Яковлева, 1999; Исхаков, 1998, 183 pass.). Этимология этого топонима пока не ясна (ad hoc можно предполагать связь с осет. *mæsk'* / *mæsk'æ* 'овраг; ступица колеса' или с мар. *müškər* / *măškər* 'утроба, брюхо; икра ноги; выпуклость' (~ коми (Уд.) *miškij*, коми-язьв. *măškər* 'горбатый, сгорбленный') – с учетом особенностей рельефа правого берега р. Волги в окско-сурском междуречье, хотя обе эти возможности вызывают вопросы), но принципиальное значение имеет то обстоятельство, что здесь перед нами именно топоним, а не этноним, как это обычно предполагалось ранее (это же наблюдение верно и в отношении рус. *Меуцера*). Таким образом, название **mordja-* в «Списке» отражает скорее всего присутствие в 1-й пол. IV в. на правобережье р. Волги, между низовьями р. Оки и р. Суры какой-то иранской группы зауральского или среднеазиатского происхождения, или, по крайней мере, восходит к самоназванию такой группы (мардов античных источников). Появление этого имени в «Списке» применительно к данной территории вполне естественно: если предполагать движение готской экспедиции, оставившей итинерарий, вниз по р. Волге, то вплоть до устья р. Оки они должны были иметь дело с мерей (или с близкими к мере по языку группами типа муромы в низовьях р. Клязьмы), с которой впервые встретились на северной излучине р. Волги, и только ниже устья р. Оки начинается территория, топонимия которой не обнаруживает явных мерянских следов. Не исключено, что этноним **mārdi-* был принесен на Волгу создателями памятников андреевско-писеральского круга. Позднее этот этноним попал, возможно, через византийское посредство (второе упоминание его – у Константина Багрянородного, Const., 37) в древнерусский язык, где сразу применялся для обозначения основного по крайней мере с X–XI в. населения данной территории, эрзи, а затем – и мокши (подробнее о *Mordens in Miscaris* см. Напольских, 2018).

1.4. Побережники Волги и народы северного Предкавказья.

**Rogas stadjans* представляет собой готское словосочетание 'жителей берегов Волги', где **stadjans* = Acc.Pl. от Nom.Sing. **stadjā* 'побережник' < гот. *staps* 'берег', а **Rogas* = Gen. от **Roga* 'Волга', последнее слово заимствовано готами либо напрямую из сарматского **Raya* (ср. ав. *Ranjā-* название мифической реки, *Pā* 'Волга' у Птолемея, либо через древнемордовское посредство (эрз. *Rav*, *Ravo*, мокш. *Rav*, *Rava* < **Raya* < иран. (Munkácsi, 1901, с. 533; Jacobsohn, 1922, с. 238–242, 336–338)). Безымянные «побережники» населяли все нижнее течение р. Волги до устья, at *Thual* – до *твалов*, которые соответствую-

ют *талам* (*Thal(li)*) Плиния Старшего, жившим от устья р. Волги до Кавказских гор (Plin., 6.16–17), *дивалам* (*Divali*) Певтингеровой карты и (*т*)*валам* (*Oύαλοι* < **Θυάλοι*) Птолемея (Ptol., V, 9.21), жившим между Керавнскими (Кавказскими) горами и рекой Ра (Волгой). Позднее это имя относилось к каким-то группам, давшим грузинское имя исторической области *Двалети* (преимущественно – территория современной Южной Осетии) и сохранилось в самоназвании осетин-*туальцев* (*twaltæ* Pl.) (Marquart, 1903, с. 55; ИЭСОЯ, III, с. 326).

Твалы являются мостом, связывающим в «Списке» бассейн р. Волги с Северным Кавказом, и дальнейшие его названия относятся уже к этой территории: **Nauezo* (в списках «Гетики» *Navego*, замена *z > g* объяснима палеографически) = *нэвазы* (*Naevazae*) Плиния Старшего (Plin., 6.19), одно из племен, живущих восточнее савроматов "управляемых женщинами" и *набианы* (*Ναβιανοί* < **NáβαZoi*) Страбона (Strab., XI, 5.8), кочевавшие между Меотидой и Каспием (Marquart, 1903, с. 55), скорее всего – одно из сарматских племен; **Bubegenas* = жители страны *Панагия* (*Παλαγία*) и местности *Панаги* (*Πάλαγι*) Константина Багрянородного (Const., 42; 53), находившихся в районе современной Адыгеи, скорее всего – адыги, название может быть связано с родовым именем *Бабуковых* < адыг. *babəwə*, известным у разных адыгских групп (Коков, 1974). Последний этноним «Списка», **Coldas*, возможно, отражает искаженное **Gotthas* 'готов' (AccPl), завершая итинерарий в готском Крыму или Северном Причерноморье.

Таким образом, в 1-й пол. IV в. в регионе от Ладоги до средней Волги фиксируются известные в средневековье этнонимы: *vas* (район юго-восточного Приладожья, скорее всего – название южно-саамской группы **vēps*, позднее заимствованное ассимилировавшими ее предками вепсов, *vāps*), *меря* (от района Рыбинского моря до, видимо, устья р. Оки; уже в IV в. – самоназвание народа, известного позднее в русских источниках), *морды* (правобережье р. Волги ниже устья р. Оки, возможно – район нижнего течения р. Суры; название какой-то ираноязычной группы зауральского происхождения, позднее в древнерусской традиции перенесенное на эрзю и мокшу). Из этих названий только имя *мери* обозначает непосредственных предков средневекового народа, другие же два скорее всего свидетельствуют об ином по сравнению с X–XII в. этническом и языковом составе местного населения. Обращает на себя внимание отсутствие в «Списке» многих этнонимов, появляющихся уже в начальной русской летописи: *чудь* (прибалтийские финны, обозначаемые этим древнерусским именем, в IV в., видимо, еще не продвинулись на восток дальше современных за-

Рис. 1. Результаты реконструкции готского итинерария

падных районов Ленинградской области и южного побережья Финляндии, а в Поволжье, судя по субстратной топонимии, могли населять только район крайне верхнего течения р. Волги в современной Тверской области, западнее маршрута готского итинерария), *перми* (это название, видимо, всегда применялось только к северным и северо-восточным окраинам древнерусской ойкумены), *черемисы* (тюркское название марийцев, впервые фиксируемое в письме кагана Иосифа, X в., в то время как самоназвание марийцев, *мари* так же как и название летописной *муромы* принадлежат, как было указано выше, к одному кругу этнонимов с названием *мери*, но в IV в. отдельно не зафиксированы). Показательно, хотя и достаточно естественно, полное отсутствие следов какого-либо тюркского или угорского компонента в Поволжье – для первого было еще рано, второй, если и присутствовал на востоке (начальные стадии миграции протовенгров), в современной Башкирии, от линии готского итинерария был достаточно далек. Результаты проделанной реконструкции готского итинерария представлены на карте (рис. 1).

Сведения других письменных источников (Птолемей, Страбон и др.) либо относятся преимущественно к лежащим от среднего Поволжья южнее и западнее землям, либо слишком туманны и не находят пока внятной интерпретации. Пер-

спективы извлечения из письменных источников свидетельств об этноязыковой карте Поволжья и Урала 1-й пол. I тыс. н. э. и даже более раннего времени, безусловно, нельзя считать закрытыми, однако на сегодняшний день эти возможности весьма ограничены.

2. Данные субстратной топонимии¹.

В этих условиях особую важность для реконструкции языковой карты прошлого приобретает исследование субстратной топонимии – географических названий, унаследованных от языков народов, проживавших на данных территориях до распространения на них господствующих здесь сегодня языков. Если субстратный топонимический материал носит не единичный, а массовый характер, то он может рассматриваться в качестве своего рода «памятника письменности», который подлежит дешифровке и является порою единственным свидетельством исчезнувших языков. Исследование и этимологизация («дешифровка») субстратной топонимии – достаточно сложная задача, требующая специальных лингвистических знаний и применения порой нетривиальных научных методов (Матвеев, 2006). Некоторые из наи-

¹ Ввиду ограниченного объема очерка здесь и далее излагаются преимущественно выводы, поскольку конкретные факты и методология подробно изложены в работах, на которые идут отсылки.

более важных составляющих этих методов, как например выделение дифференцирующих признаков, объединение их в ареалы, географическая и хронологическая привязка этих ареалов, имеют как аналогии в археологической науке, так и непосредственную связь с ней, поэтому изучение субстратной топонимии можно рассматривать как своего рода «лингвистическую археологию».

На сегодняшний день степень и качество изученности субстратной топонимии Европейской части России для разных территорий не одинаковы. Лучше всего обстоит дело с уровнем научного описания и этимологией субстратных топонимов севера лесной части Европейской России и Урала (Русского Севера), связанных с финно-угорским наследием в местных русских говорах, а также – с субстратной балтской и иранской топонимией в бассейне рек Оки и Днепра (Матвеев, 2001; 2004; 2006; 2007; Топоров, Трубачёв, 1962; Топоров, 1972; 1989). Хуже изучен субстратный пласт в топонимии тюркских и финно-угорских регионов Поволжья, Урала и Предуралья, в русской и мордовской топонимии Окско-Сурского междуречья. Причем речь идет об отсутствии по многим территориям не только серьезных научных разработок, но и качественной фиксации материала (словарей, общедоступных каталогов и картотек). Тем не менее, некоторые топонимические факты, важные для реконструкции языковой ситуации I тыс. н. э. в Волго-Уралье, обозначить можно.

2.1. Проблема угорской топонимии в Предуралье, на Среднем и Южном Урале.

2.1.1. Субстратная мансийская топонимия. Ареал распространения субстратной мансийской топонимии на Среднем Урале хорошо изучен (Глинских, 1972; Смирнов, 2012). Выделены дифференцирующие элементы мансийского топонимического субстрата, фонетические особенности исчезнувших мансийских диалектов. На основе этих исследований описаны западные границы распространения мансийской топонимии (Матвеев, 2006, с. 239–247; Смирнов, 2012). Можно считать доказанным, что субстратной мансийской топонимии нет западнее верхнего течения Печоры, Вишеры, Сылвы и среднего течения р. Чусовой, то есть крайней точкой продвижения манси на запад были европейские склоны Среднего и Северного Урала. Уникальные и очень важные записи мансийской топонимии бассейна р. Чусовой, сделанные в середине XVIII в. Г.Ф. Миллером, свидетельствуют, что местные мансийские топонимы были в основном заимствованы здесь из пермского и тюркских языков (Смирнов, 2001). Таким образом, манси появились на западных склонах Урала достаточно поздно, скорее всего после тюрков, то есть уже во II тыс. н. э. Более

того, в верховьях Тавды в местной мансийской топонимии есть весомый и загадочный в языковом отношении домансийский субстратный пласт (названия рек *Луссум*, *Томпусум*, *Полум*, *Какв-я*, гора *Пурап* и др.) (Матвеев, 2011), что свидетельствует о том, что манси здесь сменили какое-то неизвестное в языковом отношении население. Распространение ареала местожительства манси на Урале по топонимическим данным шло с юга и юго-востока в северном и западном направлении. Исторически это расширение ареала могло быть связано с эпохой бурного военно-политического развития манси, когда в русских источниках упоминаются вогуличи и вогульские князья как одна из главных военных сил Среднего и Северного Зауралья, то есть с серединой II тыс. н. э., что значительно позднее рассматриваемого в этом томе хронологического периода. Это согласуется с данными об основном пласте лексических заимствований из пермских языков в мансийский (и хантыйский), которые в самом раннем их варианте могут относиться ко времени около XI в. н. э., когда предки коми проникли в бассейн нижней Оби (Напольских, 2015, с. 221–248) (см. однако также п. 3.3.1. ниже). Таким образом, до рубежа I–II тыс. н. э. пермяне и обские угры скорее всего не имели непосредственных географических контактов, между ними находились какие-то другие группы, оставившие соответствующий субстратный слой в топонимии.

2.1.2. Венгерский топонимический субстрат в Предуралье. Ряд фактов в тюркской топонимии Башкирии можно рассматривать как древневенгерские (правенгерские) (р. *Әри* (*Ари*), р. *Без* (*Бизь*), р. *Вашиш*, р. *Изэши*, гора *Магаш* и др.), причем с опорой на параллели в древневенгерской топонимии средневековой Венгрии (Дьёни, 2008). Аналогичные определяемым в вышеупомянутой статье Г. Дьёни как «венгерские в Башкирии» топонимы есть на юге Пермской области (р. *Бизь*, р. *Бизярка*, р. *Лизя*) (Матвеев, 1961, с. 329), сюда же, возможно, относится р. *Аруй* (тат. *Ari-jilga* в записях Миллера XVIII в.) и топонимы с формантом *-ар(а)* на юге и юго-западе Свердловской области: р. *Куара* (вог. *Kujar-jä* в записях Миллера), р. *Кунара*, р. *Синара*. Тем не менее, следует принимать во внимание тот факт, что все эти этимологии остаются спорными, и сохранившийся правенгерский топонимический пласт в Предуралье в любом случае невелик, по крайней мере, если брать только те наиболее достоверные факты, которые выявлены на сегодняшний день.

2.1.3. Субстратная озерная гидронимия в южной части Урала. В бассейне р. Исеть на юге современной Свердловской области и в северной части Челябинской области присутствует пласт

дотюркской топонимии с дифференцирующими уральскими языковыми чертами. В первую очередь, речь идет о названиях озер на *-ты / -ды* (озера *Биды, Ваиты, Калды, Кирды, Киреты, Мышты* и др.) с формантом, очевидно восходящим к ПУ **towz* ‘озеро’ (UEW, с. 533). Этот пласт практически не изучен, но, учитывая сохранность данного уральского слова со значением ‘озеро’ в пермских, самодийских и угорских языках (удм., коми *tj*, венг. *tó*, манс. (Тавда) *tō*, хант. (Вах) *tōγ*, ненец. *tō* и др.), а также имея в виду близость этого ареала к районам проживания именно угорских народов, можно предположить его угорское происхождение. К этому же (угорскому?) топонимическому пласту возможно относятся и названия рек на юго-западе Свердловской области: *Бисертъ* (из первоначального *Бисер*) и *Сысертъ* (из первоначального *Сысер*) с формантом *-сер*, ср. ф.-у. **šerz / *šärz* ‘ручей, речка’ > угор. **šär* (венг. *ér*) (UEW, с. 499). В данном случае адаптация древнеугорского звука **š* в виде *s*- вполне возможна и аналогична адаптации других слов с таким же начальным звуком, ср. рус. (тобольское) *сор* ‘заливаемое при половодье место, залив’ (Фасмер, III, с. 720), коми (обское) *сөр* ‘обширные поймы, род залива’ (КЭСК, с. 264), заимствованное из древнехант. **šor / šar* ‘пойменное озеро, заливной луг’ (> хант. (Демьянка) *tor*, (Вах) *lor* и др.).

2.1.4. Отсутствие угорского субстрата западнее Предуралья. Убедительная критика различных околонуточных построений об угорском топонимическом субстрате в Европейской части России западнее рассмотренных выше уральских и предуральских территорий дана в работах А.К. Матвеева и В.В. Напольских (Матвеев, 1968; 1982; Напольских, 2015, с. 182–208). Строгое научное и методологически выверенное исследование субстратной топонимии Поволжья и Русского Севера к западу от склонов Урала (см. п. 2.1.1. выше) приводит к выводу об отсутствии в ней угорских по происхождению географических названий как неоспоримом научном факте.

2.2. Древнемарийская и мерянская топонимия.

2.2.1. Границы древнемарийской топонимии. Присутствие очевидного домарийского субстрата на территории Марий Эл заставляло лингвистов искать прародину марийцев за пределами их современного расселения, возможно и далеко на западе, в бассейне р. Оки. Между тем, последние топонимические исследования Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья позволяют более-менее определенно говорить о языках дорусского населения этих территорий в I тыс. н. э. и очерчивать границы расселения предков марийцев и родственных им по языку групп в древности (Матвеев, 2015; Смирнов, 2013; 2014а; 2014б; 2015).

Наиболее очевидный мощный древнемарийский субстратный топонимический пласт фиксируется на правобережье р. Волги в северной части современной Чувашии (Иванова, 2005, с. 139–148, 357–358; Федотов, 1970). Западной границей древнемарийского ареала на правобережье р. Волги является р. Сура, восточной – бассейн р. Цивиль, на юге следы древнемарийской топонимии наблюдаются вплоть до окрестностей г. Алатырь. На левобережье р. Волги древнемарийская топонимия встречается в бассейне среднего и нижнего течения р. Ветлуги, западной ее границей является бассейн р. Керженец и водораздел рек Унжи и Ветлуги. На более западных территориях – в бассейне рек Унжи, Костромы, в Волго-Окском междуречье – топонимический след оставили диалекты и языки близкородственные прамарийскому и прамордовскому, носители которых жили здесь в I и начале II тыс. н. э. (Смирнов, 2015). Что касается собственно территории современной Марий Эл, то значительная часть домарийского топонимического субстрата в Ветлужско-Вятском междуречье также унаследована из волжско-финских диалектов, близкородственных марийскому языку (Смирнов, 2014а; 2014б). Таким образом, топонимические данные свидетельствуют о том, что прародина марийцев в I тыс. н. э. находилась вблизи современной территории Марий Эл, а современный марийский язык является лишь небольшим осколком значительного и многообразного средневожского языкового континуума близкородственных волжско-финских диалектов I тыс. н. э., большинство из которых исчезли во II тыс. н. э. под ассимилятивным воздействием русского, тюркских, мордовских и марийского языков.

2.2.2. Мерянско-муромский топонимический ареал. Западнее прамарийцев в Среднем и Верхнем Поволжье находились родственные им волжско-финские диалекты, к которым в конце I – начале II тыс. н. э. принадлежали языки летописных *мери*, *муромы* и других близких им племен. Из этих языков унаследован большой пласт субстратной топонимии в пределах современных Московской, Ярославской, Владимирской, Ивановской, Костромской и Нижегородской областей. Изучение этого топонимического пласта и дешифровка исчезнувших волжско-финских диалектов еще в самом начале пути (Матвеев, 2015; Смирнов, 2015). Первые данные системного анализа позволяют говорить о языковых различиях *западной мери*, жившей вокруг озер Неро и Плещеево («*ростовская меря*»), *восточной мери* на территории Костромского Поволжья, преимущественно – в левобережье р. Волги («*костромская меря*») и *муромы* в нижнем течении р. Клязьмы и р. Оки («*нижнеклязьминцы*»). Методом этнического

моделирования устанавливается, что язык субстратной топонимии восточной («костромской») мери близко родственен синхронному с ним прамарийскому языку (Смирнов, 2015, с. 22–23). В языке муромы есть черты, объединяющие его как с марийским, так и с мордовскими языками. Очевидно также, что между диалектами костромской мери, муромы и прамарийским существовали переходные говоры. Следы подобных говорों обнаруживаются, например, в ареале нижнего течения р. Унжи и прилегающей территории современной Ивановской области в узкой полосе речных названий с топоформантом *-вязь* (*-вяз* / *-баз*): р. *Кохтовязь*, р. *Мочевязь*, р. *Сонбаз*, р. *Товяз* и др. (Смирнов, 2015, с. 37), ср. мар. (г.) *важ* – слово, широко употребляющееся в марийской топонимии в значении ‘приток реки’. Что касается языка западной («ростовской») мери, то выводы делать рано, но предварительные данные свидетельствуют о языковом родстве «ростовской мери» не столько с прамарийским языком, сколько (и даже в большей степени) с прамордовским и прибалтийско-финскими языками. Конечно, эти факты, устанавливаемые для начала II тыс. н. э., то есть периода освоения субстратной топонимии мерянских территорий древнерусским языком, нельзя напрямую экстраполировать на более ранний хронологический период середины I тыс. н. э. Однако характер языковых различий, прослеживаемый по топонимическим данным и заключающийся в близком родстве соседних говоров и увеличении диалектных различий по мере территориального удаления, позволяет говорить, что, скорее всего, в I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Поволжье сложилась цепь родственных волжско-финских диалектов, формировавших лингвистическую непрерывность, крайними полюсами которой были волжско-финские диалекты Верхнего Поволжья («ростовско-мерянские») (на западе) и прамарийский в районах близких к современной территории Марий Эл (на востоке) (Смирнов, 2015, с. 38–39).

2.3. Границы древнемордовской топонимии.

Описание границ древнемордовской топонимии содержится в статье финского исследователя П. Рахконена (Рахконен, 2012, с. 27–32). По топонимическим данным (распространение озерного гидроформанта *-ерки*, *-ерхи* и названий рек на *-лей*, *-ляй*) древнемордовские диалекты в конце I – начале II тыс. н. э. были распространены западнее и севернее современной территории Мордовии: на западе мордовский топонимический субстрат обнаруживается в среднем течении р. Оки в восточной части Рязанской области, к северу от современной Мордовии древнемордовским было Окско-Сурское междуречье в бассейне рек Тёша и Пьяна. Следы проникновения топонимического

субстрата, близкого древнемордовскому, наблюдаются вплоть до левобережья р. Волги на территории Марий Эл (Смирнов, 2014б, с. 103–104). Вместе с тем, важно отметить, что широкое распространение мордовских диалектов, отразившееся в топонимии, может относиться именно к концу I – началу II тыс. н. э. Утверждать о столь же широком распространении на тех же территориях прамордовского языка в более раннее время (начало и середина I тыс. н. э.) пока нет оснований. Нельзя исключать возможности раннего присутствия какого-то близкого к мордве по языку населения на территории будущих ростово-суздальских земель (названия озер типа *Неро* – если из праморд. **iñ-er(o)* ‘большое озеро’, ряд топонимов с исключительно мордовскими этимологиями, например р. *Пекуша* из эрз. *пекше* «липа», р. *Виргуза* из праморд. **virgās* ‘волк’) (Матвеев, 2015, с. 139–142, 158–159; Напольских, 2016, с. 184; Смирнов, 2015, с. 31). При этом данный топонимический пласт выглядит скорее, как субстратный по отношению к ростовско-мерянскому.

2.4. Пермская и квазипермская топонимия.

2.4.1. Гидронимия пермского типа на *-ва* в Прикамье. С пермскими языками обычно соотносят гидронимию на *-ва*, плотный ареал которой занимает Верхнее и Среднее Прикамье (р. *Косьва*, р. *Сылва*, р. *Тулва* и мн. др.), отдельные речные названия на *-ва* выклиниваются на восточные склоны Среднего Урала (р. *Кушва*, р. *Нейва*). Происхождение этого форманта без сомнения является пермским (коми *ва*, удм. *ву* ‘вода’ < перм. **va* < ф.-у. **wete* ‘вода’), большинство основ гидронимов на *-ва* также надежно этимологизируются из пермских языков (р. *Сылва* от коми *сыв*, *сыл* ‘талый’, р. *Лысьва* от коми, удм. *лыс* ‘хвоя, хвойное дерево’ (Матвеев, 1961, с. 323). Коми слово *ва* ‘вода’ активно употреблялось для названия рек и приобрело вторичное значение ‘река’ в коми-пермяцком языке. В других пермских языках для обозначения рек это слово не употребляется: в коми-зырянском языке и топонимии господствует термин *ю* ‘река’ (< ф.-у. **joke* ‘река’), в удмуртском языке – *шур* ‘река’ (< ф.-у. **šerz* ‘ручей’). Это обстоятельство, а также то, что речные названия на *-ва* представлены главным образом на коми-пермяцкой территории или по соседству с коми-пермяками, заставляет исследователей склоняться к тому, что этот топонимический тип образовался уже после распада прапермского языка в среде коми-пермяков и связан с территориями их расселения во II тыс. н. э. (Кривошекова-Гантман, 1983, с. 22–23; Матвеев, 1961, с. 325). В пользу более позднего появления коми-пермяцкого форманта *-ва* во многих названиях свидетельствуют исторические документы. Так в письменных памятни-

ках XVI–XVII в. некоторые современные гидронимы на *-ва* зафиксированы еще без него: р. *Уль* (современное *Ульва*). Многие топонимы на *-ва* на восточных склонах Среднего Урала в исторических документах также первоначально фиксируются не с пермским формантом *-ва*, а скорее с манс. *jā* ‘река’: р. *Кошья* / р. *Кушья* (совр. *Кушва*), р. *Невья* (совр. *Нейва*). В записях, сделанных в XVIII в. Г.Ф. Миллером, важными являются указания на татарские и вогульские названия некоторых рек, которые в русском языке имеют коми-пермяцкую форму на *-ва*, а в татарской и вогульской передаче не содержат этого форманта, например р. *Сылва*, по-татарски *Süllui*, по-вогульски *Sul*, р. *Лысьва* по-вогульски *Los ja* (Смирнов, 2001, с. 138). Все это в какой-то мере поддерживает версию о позднем характере топонимического ареала *-ва* и усвоении соответствующих русских речных названий через коми-пермяцкое посредство (остается, конечно, возможность того, что данные фиксации отражают адаптированные мансийские или татарские названия рек, в которых формант *-ва* был опущен или заменен своим). Тем не менее, нельзя исключать то, что многие эти названия в Прикамье, пусть и без коми-пермяцкого компонента *-ва* имеют еще прапермское происхождение. В пользу этого говорят вышеприведенные фиксации татарских и вогульских форм *Süllui*, *Sul*, *Los ja*. Дело в том, что коми-пермяцкий гласный *ы* в словах *сыл*, *сыв* «тылый» и *лыс* «хвоя» возник на месте прапермского огубленного гласного (праперм. **sül* ‘талый’, **lis* ‘хвоя’). Таким образом, татарские и вогульские формы (вогульское *Los ja* с закономерным южно-мансийским изменением **u > o*) отражают древний прапермский фонетический облик этих топонимов и указывают на заимствование важных речных названий Среднего Прикамья в татарский и мансийский из древних пермских языков. В этом контексте пласт коми-пермяцкой топонимии на *-ва* в Прикамье, возможно, автохтонен, имеет еще прапермское происхождение и развивался вместе с коми-пермяцким языком с прапермской древности.

2.4.2. Древний топонимический субстрат пермского типа в среднем и нижнем течении р. Вятки. Наряду с волжско-финским топонимическим субстратом, близким марийскому и эрзя-мордовскому языку, в бассейне р. Вятки и в Ветлужско-Вятском междуречье отмечается пласт топонимов, которые могут происходить из языка, близкого к пермским. Соответствующие топонимы в качестве «возможного парапермского топонимического пласта» описаны в статьях (Смирнов, 2013, с. 32–34, 42–54; Смирнов, 2014б, с. 91, 96–101): р. *Иж*, р. *Ишеть*, р. *Пижма*, р. *Сердяжка*, р. *Сесек*, р. *Ситьма*, р. *Сюныг*, р. *Сюрсюк* и др. Их осо-

бенностями являются лексические соответствия именно в пермских языках, но при этом достаточно архаичный по сравнению с собственно пермскими языками фонетический облик, в котором не отражены некоторые поздние общепермские изменения. Данный топонимический слой в бассейне р. Вятки ареально ограничен на севере руслом р. Пижмы, на западе – бассейном р. Кокшаги. Он количественно меньше субстратных волжско-финских топонимов марийско-мордовского типа на этой территории и может быть, по сути, субсубстратным. Территория распространения и вероятный субсубстратный характер позволяют исторически соотнести данный топонимический слой с ареалом азелинской археологической культуры. Архаичный фонетический облик соответствующих топонимов можно рассматривать как раннепрапермский или парапермский, то есть эти топонимы могли быть заимствованы волжскими финнами либо у ранних прапермян в середине I тыс. н. э., либо у парапермян (то есть у потомков ранних пермян, в диалектах которых не действовали фонетические законы собственно прапермского – языка-предка коми и удмуртского языков) в конце I тыс. н. э. Таким образом, теоретически ничто не противоречит тому, чтобы рассматривать данный топонимический слой в языковом отношении не только как парапермский (Смирнов, 2014б), но и как ранний прапермский. При этом важно, что скорее всего речь идет не о тех пермских группах, язык которых был непосредственно предковым для коми и удмуртского.

2.4.3. Южанская топонимия. Это достаточно плотный (известно около 100 названий) и хорошо очерчиваемый ареал названий рек на *-юг* (р. *Нюрюг*, *Пыщуг*, *Томлюг*, *Шортюг*, *Шубрюг* и др.) в бассейне р. *Юг* (приток р. Сухоны), р. Ветлуги (в верхнем течении), р. Унжи (в верхнем и среднем течении), р. Моломы (приток р. Вятки). Юго-восточная граница рассматриваемого ареала, по последним данным, проходит в бассейне среднего течения р. Вятки вблизи границы Кировской области и Удмуртии и на юге опускается вплоть до впадения в р. Вятку р. Пижмы (Смирнов, 2013, с. 30–34). Этот топонимический пласт был заимствован из исчезнувшего финно-пермского языка в начале II тыс. н. э. русскими поселенцами. Известным исследователем топонимии Русского Севера А.К. Матвеевым соответствующий язык был условно назван «*южанским*», поскольку в русской летописи под 1396 г. среди этниконов Русского Севера обозначены некие *южане* (то есть проживающие по р. Юг) (Матвеев, 2007, с. 44). Существует две версии языковой принадлежности южанских гидронимов: парапермская (Напольских, 2015, с. 93–94) и парасаамская (в терминологии

А.К. Матвеева – «севернофинская») (Матвеев, 2007, с. 47, 172–180). Парапермская версия основана на совпадении многих основ гидронимов с пермскими языками, например, р. *Нюрюг* – ср. коми, удм. *нюр* ‘болото’, р. *Кузюг* – коми, удм. *кузь* ‘длинный’. С точки зрения А.К. Матвеева, большинство южанских топонимов не имеют очевидных пермских этимологий и «специфику южанской географической номенклатуры определяют гидронимы саамского и прибалтийско-финского типа» (Матвеев, 2007, с. 172), поэтому им была предпринята попытка обосновать парасаамскую версию. В пользу парасаамской версии кроме ряда этимологий и фонетических соответствий приводится также тот факт, что наиболее тесные ареальные и языковые связи южанской топонимии наблюдаются с соседствующей гидронимией на *-юга* в бассейне рек Сухоны и Северной Двины (Матвеев, 2007, с. 34, 41, 46, 180, 268), близкое языковое родство которой с саамскими и прибалтийско-финскими языками сомнений не вызывает (Матвеев, 2007, с. 186–192). Вместе с тем А.К. Матвеев приходит к выводу о неоднородности южанской гидронимии и невозможности объяснить большую часть ее фактов из какого-либо одного финно-угорского языка. Для рассматриваемого в этом томе периода середины I тыс. н. э. важно то, что в своей северной части, в бассейне р. Юг (приток р. Сухоны) и в верхнем течении р. Унжи, южанская топонимия наслонилась на более древний аборигенный топонимический пласт гидронимии на *-ньга*, который принадлежал языку, родственному прибалтийско-финско-саамским языкам и отличному от южанского языка (Матвеев, 2007, с. 41–42, 180, 192–197, 239, 268–269). Язык топонимии на *-ньга* А.К. Матвеев условно называет «*важско-финским*» (в виду центральной части этого ареала в бассейне р. Ваги) и соотносит его с *Заволочской чудью*, а также, учитывая проникновение этой топонимии на северо-запад вплоть до Кольского полуострова, – с враждебным саамам народом *чуддэ* саамских преданий (Матвеев, 2007, с. 243), имя которого может быть связано и с рус. *чудь*. Таким образом, в более раннее время, близкое к рассматриваемому периоду середины I тыс. н. э., вероятнее всего, носители языка южанской топонимии занимали более компактную территорию южнее бассейна р. Юг (притока р. Сухоны), а севернее от них жили носители «*важско-финского*» языка.

Территориальное размещение описанных топонимических ареалов, возникновение которых можно отнести к I тыс. н. э., представлено на карте (рис. 2).

3. Данные языковых контактов.

Дополнительную информацию об этноязыковой карте Поволжья середины I тыс. н. э. дают сле-

ды древних межъязыковых связей и прежде всего – заимствования в пермские и волжско-финские языки, которые можно отнести к рассматриваемому периоду. Эти факты являются свидетельством территориальных контактов разных языковых групп и позволяют представить в общих чертах их географическое положение. Характер заимствованной лексики позволяет судить о культурном содержании этих контактов.

3.1. Заимствования из северо-восточных иранских языков.

Контакты финно-угорских языков с арийскими (индоиранскими) имеют древнюю историю и восходят, вероятно, к III тыс. до н. э. Первоначально финно-угорские языки контактировали с праарийским и с древними языками индоарийского типа, распространенными в степной зоне Евразии. Примерно с начала I тыс. до н. э. индоарийскую речь в степи сменяет иранская, и к периоду ВПН в степях господствуют среднеиранские восточноиранские языки (подробнее о ранних этапах финно-угорско-арийских контактов см. (Напольских, 2014; 2015, с. 124–140), важнейшие сводки по арийским, в том числе иранским заимствованиям в финно-угорских языках (Munkácsi, 1901; Jacobsohn, 1922; Joki, 1973; Harmatta, 1977; Rédei, 1986; Напольских, 2015)). Восточноиранские заимствования распределены в финно-угорских языках неравномерно: наибольшее их количество – в венгерском, который, видимо, находился в иранском окружении на протяжении ранней предыстории венгров вплоть до середины I тыс. н. э.), затем в порядке уменьшения – в пермских, мордовских, марийском и обско-угорских языках; в прибалтийско-финско-саамских языках восточноиранские заимствования единичны². При этом есть основания говорить как о заимствованиях из языка аланского (древнесетинского) типа (в частности, такие позднейшие аланизмы как морд. *erža* ‘эрзя (этноним)’, мар. *rβeze* ‘молодой; парень, юноша’, перм. **gundžr* ‘чудовище, дракон’, **andan* ‘сталь’, удм. *badžim* ‘большой’ и др., которые можно датировать даже 2-й пол. I тыс. н. э.), так и о заимствованиях из языка, близкого согдийскому (удм. *žec* ‘хороший’, коми *mež* ‘баран’, перм. **oš* ‘медведь’ и др.) и даже о более далеких языках-источниках, как, например, среднеперсидский (коми *nebeg* ‘книга’ – в данном случае, как и в другом иранизме, коми *ideg* ‘ангел’, речь может идти о заимствовании религиозных терминов христианской (несторианской) или манихейской традиции,

² Подсчеты Я. Харматты, на которые мы ссылаемся в предыдущих работах (Harmatta, 1977, с. 174–180) сегодня устарели, поскольку в последние десятилетия корпус иранизмов в финно-угорских языках существенно пополнился.

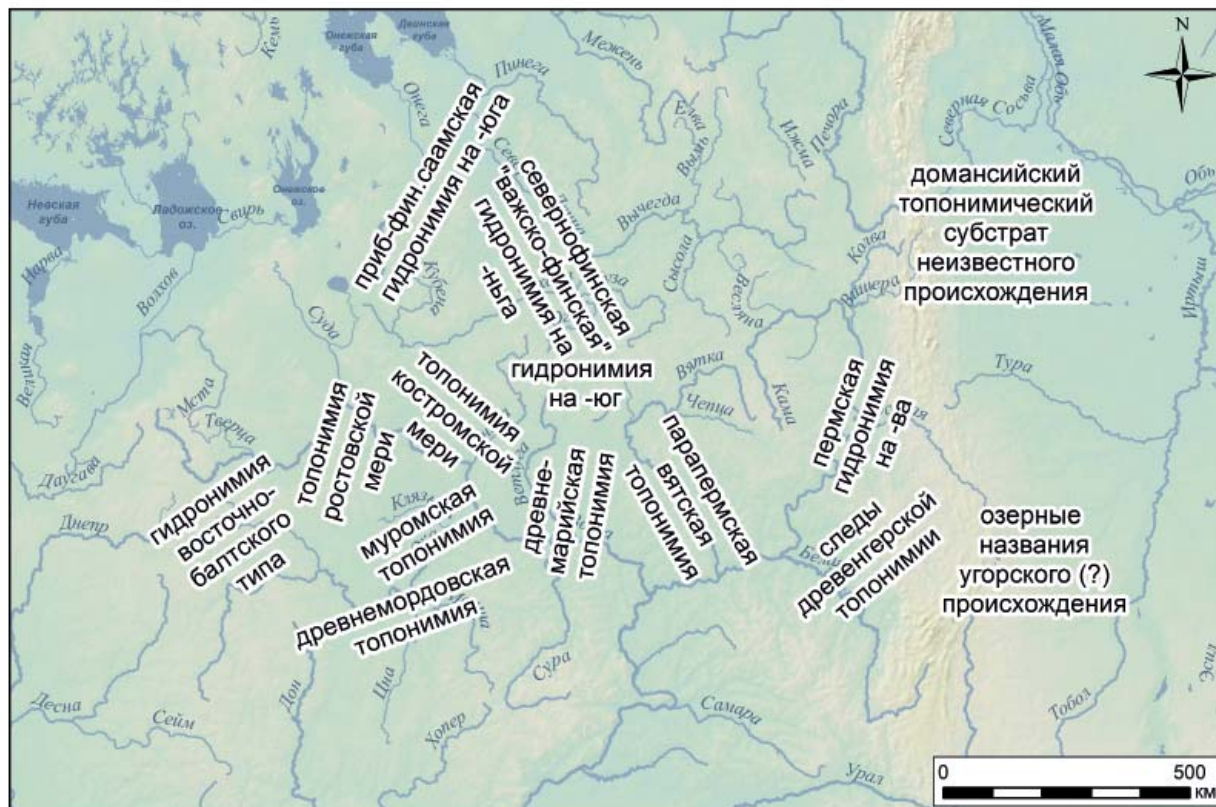

Рис. 2. Территориальное размещение топонимических ареалов, возникновение которых можно отнести к I тыс. н. э.

которые попали в пермский праязык не напрямую из среднеперсидского, а через посредство других языков). Этнонимы *мари*, *меря*, *мурома*, *мордва*, *эрзя*, *удмурт* являются также заимствованными из арийских языков (причем *эрзя* и, возможно, *удмурт* – довольно поздние аланизмы). Есть случаи параллельного заимствования важных культурных терминов из среднеиранского восточноиранского источника в разные финно-угорские языки (например, коми *ñameđ* и венг. *nemez* ~ манс. (Тавда) *ñimant* ~ хант. (Казым) *namat* ‘войлок’). Для понимания мордовской предьстории важным может быть то обстоятельство, что название Волги в мордовском (*Рав*) заимствовано из иранского (вероятно – восточноиранского) источника (см. п. 1. выше).

3.2. Контакты с балто-славянскими языками.

3.2.1. Восточно-балтские заимствования. На западе соседями европейских финно-угров по крайней мере с начала II тыс. до н. э. были предки балтов, а к эпохе ВПН следует говорить специально о восточных балтах – носителях языков, близких к литовскому, которые, судя по субстратной гидронимии, населяли огромные территории Восточной Европы от Латвии на севере до среднего Поднепровья на юге и от восточных районов Польши на западе до верхней Волги и Оки на

востоке (Топоров, 1972; 1979; Топоров, Трубачёв, 1962; Откупщиков, 2001, с. 365). Следует иметь в виду, что классические работы о восточно-балтских заимствованиях в финно-угорских языках (Thomsen, 1890; Kalima, 1936) в значительной мере устарели (различными исследователями за последнюю сотню лет найдено много новых этимологий, которые, однако, требуют критического обзора и систематизации) и имеют существенный недостаток: материал рассматривается в них с финской точки зрения, и сепаратные (не имеющие параллелей в прибалтийско-финских языках) балтизмы в мордовском и марийском учитываются скорее случайно, целенаправленного квалифицированного поиска в этом направлении не велось, вследствие чего приводимые ниже цифры весьма приблизительны (подробнее см. Напольских, 2015, с. 47–52). Согласно традиционной точке зрения, из восточно-балтских языков огромное количество (несколько сот) заимствований попало в прибалтийско-финские, причем процесс этот начался еще в праприбалтийско-финско-саамское время, вследствие чего и в саамских языках восточные балтизмы представлены более чем двадцатью примерами. Гораздо меньше восточных балтизмов в мордовских языках (более десяти), и всего несколько слов – в марийском (Korhonen,

1981, с. 28–35). Важно, что в большинстве случаев марийские балтизмы имеют параллели в прибалтийско-финских и в мордовских языках и, кроме того, фонетический облик их указывает скорее на не прямое, опосредованное заимствование (см., например мар. *tüžem* ~ мокш. *tožeñ* ~ ф. *tuhat* (< **tušant-*) при лит. *tūkstantis* ‘тысяча’ или мар. *üðar* ~ эрз. *tejt'er* ~ ф. *tytär* при лит. *duktė* / *dukter-* ‘дочь, девочка’). Вероятно, в марийский восточные балтизмы проникали через мордовское или мерянское посредство. В мордовских же языках имеются явно сепаратные заимствования, свидетельствующие о прямых контактах предков мордвы с восточными балтами (самый яркий пример: эрз. эрз. *pur'giñe* ‘гром’, *pur'giñepaz* ‘Пургине-паз (бог грома)’ < балт.: лит. *Perkūnas* ‘Перкунас (бог грома)’, при ф. *perkele* ‘чёрт’ из того же балтского источника). Непосредственные контакты предков мордвы с восточными балтами должны обязательно учитываться в палеоисторических построениях.

3.2.2. Заимствования из языка балто-славянского типа. Для середины I тыс. н. э. следует предполагать присутствие в среднем Поволжье носителей языка балто-славянского типа, отличающегося от восточно-балтского и по ряду признаков сближающегося с праславянским. По всей вероятности, следует говорить о достаточно непродолжительном эпизоде, который, однако, отразился в заимствованиях в пермском, марийском и мордовском языках, связанных с развитием земледелия и некоторыми культурными инновациями (‘рожь’, ‘поле / священная роща’, ‘земля’, ‘рубить, делать зарубку’, ‘гриб (съедобный)’, ‘белка / деньги’ и др.). Гипотеза о связи носителей данного языка с миграцией с юго-запада создателей именьковской археологической культуры остается на сегодня наиболее адекватным объяснением данных фактов (можно, видимо, говорить не только об именьковцах, но и о предшествовавших им в среднем Поволжье земледельческих группах западного происхождения) (Напольских, 2015, с. 163–180). Не исключено, что именно с миграцией этого населения можно связывать и появление в Поволжье иранского (аланского) этнонима **anta* ‘(человек) окраины, пограничья’, сохранившегося в самоназвании удмуртов (иран. **anta-mart* > перм. **odo-mort* > мар. *одо* ‘удмурт’, удм. *udmurt*), который применялся по крайней мере с IV в. (информация Иордана) иранским степным населением Причерноморья к жителям среднего Поднепрорья (*Анты*).

3.3. Контакты с угорскими языками.

Среди всех языков среднего Поволжья только пермские, занимавшие, видимо, самую восточную зону финно-угорского массива Восточной Евро-

пы, обнаруживают следы контактов с угорскими языками.

3.3.1. Пермские заимствования в обско-угорских языках. В обско-угорских языках имеются сотни (по диалектам хантыйского – более 450, мансийского – более 300) пермских заимствований, пронизывающих все разделы лексики и проникших во все диалекты и говоры (меньше всего пермизмов в южном (тавдинском) мансийском – около 50). Большинство этих слов справедливо рассматриваются как коми заимствования (сводки см. Toivonen, 1956; Rédei, 1970), то есть их следует относить во всяком случае к середине II тыс. н. э., времени, когда коми вместе с русскими и перед русскими осваивали просторы Сибири. Однако в ряде случаев можно говорить, во-первых, о нескольких пластах пермских заимствований: например, когда дважды заимствовалось одно и то же слово – в более архаичном фонетическом облике и значении, и в более позднем (хант. (Казым) *wort* и др. ‘богатырь, эпический герой, князь; духохранитель, хозяин местности; начальник, старшина’ и хант. (Казым) *vurt* ‘дух умершего, привидение’ и др. ~ манс. (С) *ürt* и др. ‘крылатый дух, предсказывающий криком смерть человека’ < перм. **ort* ‘душа-тень’ < иран. *‘истинность, правда’). Во-вторых, есть заимствования, отражающие дохристианские представления пермян, не сохранившиеся в традиционной культуре коми, но обозначающие ключевые фигуры обско-угорской религии (**kaltās* – имя верховной богини, покровительницы деторождения, жены и матери главных богов в хантыйской и мансийской мифологии < перм.: удм. **kildiš-in* ‘определяющая судьбу мать’ – имя божества, сохранившегося только в удмуртской традиции). Наконец, имеются слова, фонетические соответствия в которых напоминают скорее праязыковые, но при этом культурно-исторические и фонетические особенности указывают скорее на ранние заимствования из пермского в (обско-)угорский (перм. **os-ves* ‘свинец, олово’ ~ манс. **āḡ-wes* ‘свинец’ < **ās-weš*; перм. **pušn-* ~ манс. **pasān* < **pošn-* ‘мукá’) (Напольских, 2015, с. 145–148, 182–256). Все эти обстоятельства заставляют предполагать, что пермское влияние на обско-угорские языки началось раньше коми-русской колонизации Сибири и, возможно, оно шло и не непосредственно, а через языки создателей домансийской субстратной топонимии Среднего и Северного Зауралья, хотя на сегодня трудно сказать, можно ли углублять эти связи в эпоху ВПН (ср. п. 2.1.1. выше). Гораздо более заметны связи пермского языка с венгерским.

3.3.2. Пермско-древневенгерские связи. Пермские языки обнаруживают ряд интересных сходений с венгерским языком. Во-первых, речь идет

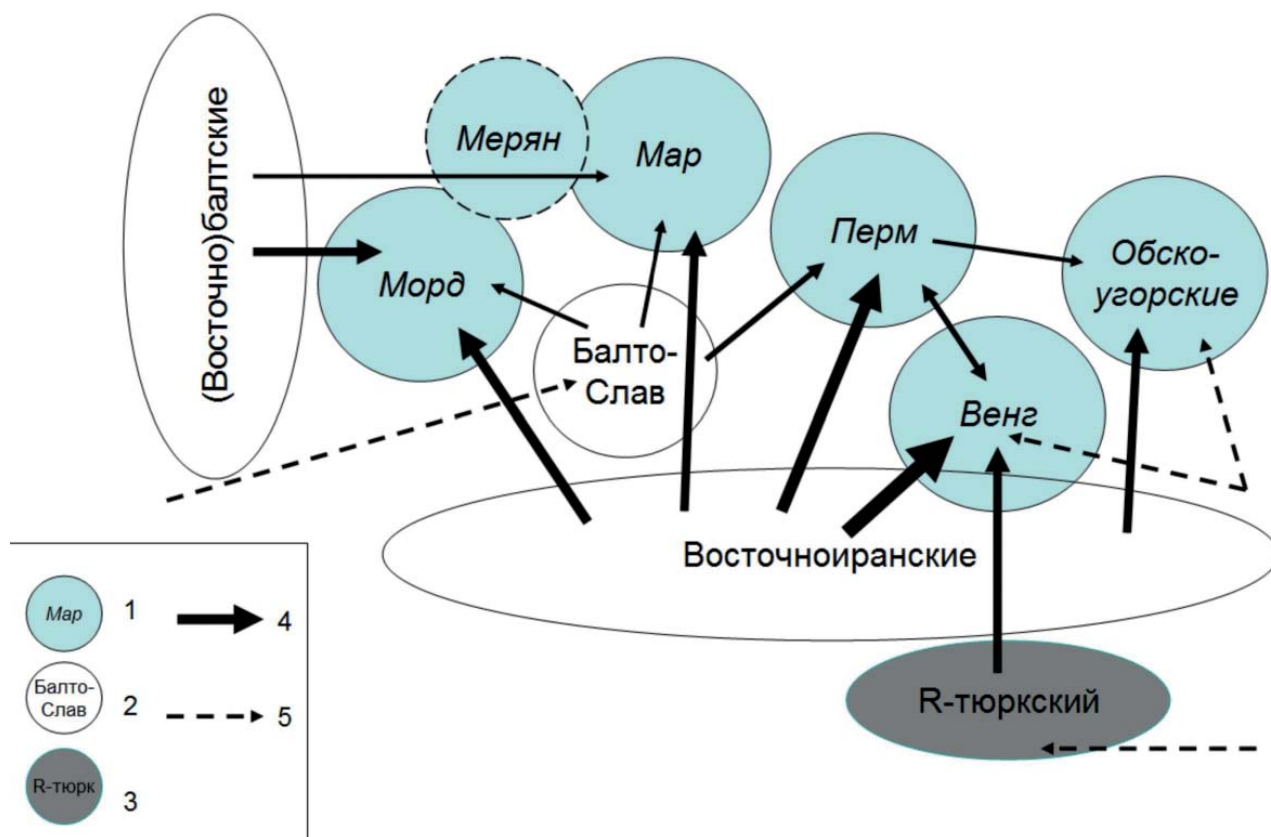

Рис. 3. Общая схема взаимоотношений разных языковых групп в эпоху ВПН

о параллельном развитии, об общих инновациях в фонетике и морфологии (деназализация **-NT- > -D-*), развитие настоящих звонких смычных согласных и появление их в начале слова, общий инфинитив перм. *-ni* ~ венг. *-ni*, выработка сходных «застывших» форм глагола ‘быть’: удм. *van* ~ венг. *van* ‘есть, имеется’ (при ф. *on*), удм. *val* ~ венг. *vala* ‘было’ (ф. *oli*) и др. По-видимому, хотя бы часть этих общих инноваций должны объясняться как результат ареально-генетических связей, возникших в ходе интенсивных контактов (Rédei, 1969, с. 326–332; Хелимский, 1982, с. 19–20). Вероятно, в этих контактах были задействованы и какие-то ираноязычные (аланские) группы, поскольку сходные явления наблюдаются в осетинском (общейиранский инфинитив на **-an* и диалектный переход **-nd- > *-dd-*, напоминающий пермско-венгерскую деназализацию). На такой тройственный ареальный контакт указывают некоторые лексические параллели, объединяющие пермский, венгерский и осетинский языки, самой яркой из которых является перм. **az(v)es* ~ венг. *ezüst* ~ осет. *avzist* ‘серебро’. По крайней мере три пермско-венгерские параллели могут быть интерпретированы как пермские заимствования в древневенгерском: венг. *küszöb* ‘порог’ < перм.: удм. *ös kusip* ‘порог’, букв. ‘дверной промежуток / дверная связка’; венг. *kenyér* ‘хлеб’ < перм.: удм. *keñir* ‘крупа’, коми

kenetu ‘земля (*tu*) для посева’; венг. *bal* ‘левый’ < перм.: удм. *pall’an* ‘левый’ (< **pal-jan* ‘половинная сторона’). Адаптация перм. **p* как венг. *b* в этих словах позволяет датировать заимствование временем, когда в древневенгерском уже существовало **b*, старое **p* уже подверглось спонантизации (**p > *φ > f*), а новое *p* еще не появилось (Напольских, 2015, с. 320–329, 530–531). Новое *p* в венгерском возникло не позднее IX–X в., поскольку в ранних славянизмах **p* сохраняется, под спонантизацию старых смычных в венгерском попали среднеиранские заимствования, и не попали болгарские, следовательно пермские слова могли быть заимствованы в древневенгерский примерно в середине I тыс. н. э., к этому времени и следует относить реконструируемый здесь контакт.

3.4. Контакты с тюркскими языками.

Значимым фактом является отсутствие древних (доболгарских) языковых контактов между тюркскими языками и финно-пермскими (прапермским, прамарийским, прамордовским) (см. подробнее Напольских, 1995). Очевидно, что такие контакты возникают не ранее конца I тыс. н. э., когда в Прикамье проникают болгары – первая исторически релевантная тюркская группа в Поволжье (Напольских, 2015, с. 79–86). До этого времени тюрки, по всей видимости, были отделены от финно-пермских народов Поволжья ирано-

язычным массивом. Единственным европейским финно-угорским языком, испытавшим более древнее тюркское (R-тюркское, болгарское) влияние, является правенгерский, носители которого, очевидно, с середины I тыс. н. э. оказываются в составе тюркоязычных племенных объединений эпохи ВПН (отсюда и происхождении внешнего (славянского первоначально) этнонима *угры* (в русском *венгры* – из польского *węgiel*, которое восходит к той же праславянской форме) от названия тюркского племенного союза *оногуров*). Показательно при этом, что среди болгарских заимствований венгерского языка можно выделить два хроноло-

гических пласта: более ранние, с раннеболгарским отражением тюрк. *j- > *j̣- (венг. *gyékény* ‘камыш, циновка’ < тюрк. *jäkän) и с чувашским переходом *j̣- > ś- (венг. *szél* ‘ветер’ < тюрк. *jel*), в то время как в языках Поволжья отражен только поздний чувашский тип (ср. удм. *śakan* ‘рогожа’ и *śil'-tel* ‘буря’).

Общая схема взаимоотношений разных языковых групп в эпоху ВПН представлена на схеме (рис. 3). Соотнесение ее с реальной географической картой представляется вполне возможным, учитывая показанные на рис. 1 и 2 выводы, сделанные на основе анализа письменных источников и топонимии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аганов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П.* Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1981. С. 108–119.
- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Агеев Б.Б., Овсянников В.В.* Камышинское II городище // УАВ. 2000. № 2. С. 155–164.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма поздне-римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1. 1990. С. 3–86, 175–241.
- Акбулатов И.М.* Тайны городища Кала-Тау. Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2017. 156 с.
- Акимов Д.В.* Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья (III–V вв. н. э.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Воронеж. 2001. 22 с.
- Акимова М.С.* Черепа раннего средневековья с р. Вятки // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск-Ижевск: Изд-во Свердл. гос. ун-та, 1963. С. 145–155.
- Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
- Аксенов В.С.* Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Finno-Ugrica. 1998. № 1. С. 3–12.
- Алексеев В.П.* Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 241–258.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 120 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 110 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 104 с.
- Алихова А.Е.* Могильник кошибеевского типа у с. Польное Ялтуново // КСИА. Вып. 72 / Отв. ред. Т.С. Пасек. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 37–45.
- Алихова А.Е.* Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н. э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: Археологический сборник. Т. II / Ред. А.П. Смирнов. Саранск: Морд. книжн. изд-во, 1959. С. 13–54.
- Алихова А.Е.* Серповский могильник // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: Археологический сборник. Т. II / Ред. А.П. Смирнов. Саранск: Морд. книжн. изд-во, 1959. С. 117–137.
- Алихова А.Е.* Расселение мордовского народа по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 142–143.
- Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 142 с.
- Амброз А.К.* Рец. на кн.: I. Erdelyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Graberfeld von Newolino. Budapest, 1969 // СА. 1973. № 2. С. 288–298.
- Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
- Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА. 1971а. № 2. С. 96–123.
- Амброз А.К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII в. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
- Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 10–23.
- Амброз А.К.* Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножках // СА. 1986. № 4. С. 53–73.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия, 1994. С. 31–88.
- Андреева Е.Г.* Домашняя и дикая фауна городища Анюшкар // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь, ПГПУ, 1960. С. 231–243.
- Аникина Э.Э.* Степные и лесостепные реликтовые элементы флоры в лесном Прикамье // Отчеты Камской (Боткинской) археологической экспедиции Ин-та археологии АН СССР. Вып. 2. М., 1961. С. 286–304.
- Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 71–112.
- Арматинская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский гос. университет, 1986. С. 26–46.
- Арматинская О.В.* Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху раннего железного века (конец IV в. до н.э. – V в.

- н. э.) // *Материалы по погребальному обряду удмуртов* / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 92–104.
- Арматынская О.В.* Тураевский II могильник и Икское III поселение // *УАВ*. Вып. 6–7 / Отв. ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2007. С. 120–130.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. 524 с.
- Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М: Наука, 1976. 263 с.
- Археологическая карта Республики Коми // Отв. ред. В.Н. Карманов. Сыктывкар: ОАО «Коми Республиканская типография», 2014. 416 с. с илл.
- Археологическая карта России: Нижегородская область / Под редакцией А.В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2004. 216 с.
- Археологическая карта северных районов Удмуртии / Сост. Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 113 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.
- Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание. Т. 1 // Под общ. ред. Е.П. Михайлова и Н.С. Березиной. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 304 с.
- Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание. Т. 2 // Под общ. ред. Е.П. Михайлова и Н.С. Березиной. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 312 с.
- Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание. Т. 3 // Под общ. ред. Е.П. Михайлова и Н.С. Березиной. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 367 с.
- Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 96 с.
- Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 99 с.
- 1990 Археологические памятники бассейна реки Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.
- Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: Дик, 1997. 756 с.
- Архив ИА РАН.Р-1. № 3009
- Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1940, № 5
- Архипов Г.А.* Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР // *Труды МАЭ*. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962а. С. 206–231.
- Архипов Г.А.* Ижевское городище (результаты раскопок 1961 года) / *Труды МарНИИ*. Вып. XVII / Ред. К.Н. Сануков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 141–159.
- Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. 198 с.
- Архипов Г.А.* К вопросу о городецко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев // *Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае* / АЭМК. Вып. 1 / Ред.: Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1976. С. 27–37.
- Архипов Г.А.* Захоронение с конем в I тысячелетия н. э. в Марийском Поволжье // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы* / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 172–180.
- Архипов Г.А.* Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история) // *Доклад на соискание уч. ст. доктора ист. наук*. М. 1991. 40 с.
- Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Древний город на восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 17–37.
- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н.* Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // *Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности*. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 32–112.
- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н.* Археохитологические исследования на территории Волжско-Камского края // *Археология и естественные науки Татарстана*. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 44–156.
- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н.* Становление птицеводства и развитие домашних птиц на территории Волго-Камья (по археозоологическим данным) // *Археология и естественные науки Татарстана*. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011б. С. 157–188.
- Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В.* Археозоологические исследования Тетюшского II городища (раскопки 2009 и 2010 гг.) // *Исследования по средневековой археологии Евразии* / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2012а. С. 8–22.
- Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В.* Птицы Среднего Поволжья в V–XVIII вв. н. э. (по материалам археологических раскопок) // *Поволжская археология*. 2013а. № 3 (5). С. 116–144.
- Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В.* Ихтиофауна позднего голоцена Средневожского бассейна (по материалам археологических раскопок) // *Зоологический журнал*. 2013. Т. 92. Вып. 9. С. 1014–1030.
- Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Руденко К.А.* Проблемы этнокультурной истории Среднего Поволжья 2-й половины I тыс. н. э. // *История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей* / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012б. С. 69–70.
- Атаманов М.Г.* Микроэтнонимы удмуртов // *Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии* / Отв.

- ред. В.В. Кельмаков. Ижевск: НИИ при СМУАССР, 1980. С. 3–117.
- Атаманов М.Г.* Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // *Материалы по этногенезу удмуртов* / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: НИИ при СМУАССР, 1982. С. 89–126.
- Атаманов М.Г.* Удмуртские топонимы бассейна Вятки // *СФУ*. 1983. № 2. С. 115–125.
- Атаманов М.Г.* Названия археологических памятников и культовых мест Удмуртии // *Материалы средневековых памятников Удмуртии* / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМУАССР, 1985. С. 153–161.
- Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. 168 с.
- Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997. 245 с.
- Ахмедов И.Р.* Уздечный набор из могильника Заречье 4 // *Древности Евразии* / Отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М., 1997. С. 261–266.
- Ахмедов И.Р.* Коллекция предметов конского убора из Керчи // *Поздние скифы Крыма* / Труды ГИМ. Вып. 118 / Отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 239–253.
- Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений (культура рязано-окских могильников) // *Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э.* / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–152.
- Ахмедов И.Р.* К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1.* Ред.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 101–130.
- Ахмедов И.Р.* Окские крестовидные фибулы как индикатор этнокультурных процессов в центральной России эпохи великого переселения народов // *Вояджер: мир и человек*. 2012. № 3. С. 107–122.
- Ахмедов И.Р.* «Лик славы». Согдийские находки из Елшинского клада // *Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной* // Труды ГИМ. Вып. 198 / Отв. ред. Н.И. Асташова. М.: ГИМ, 2014. С. 282–289, 292–298.
- Ахмедов И.Р.* Клинковое оружие рязанских финнов во II–VII вв. // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II* / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 275–279.
- Ахмедов И.Р.* Плетни из рязано-окских могильников. Новые данные // *Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы* / Труды ГЭ. Т. LXXVII / Науч. ред. Е.Ф. Королькова. С-Пб.: Изд-во ГЭ, 2015. С. 30–65.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* О начальной дате рязано-окских могильников // *Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 96* / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1998. С. 32–42.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* К реконструкции исторических процессов // *Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э.* / Раннеславянский мир. Вып. 9 / Под ред. И.О. Гавритухина, Н.В. Лопатина, А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2007. С. 273–275.
- Ахмедов И.Р., Воронцов А.М.* Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3* / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 9–54.
- Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения VI–VIII веков нашей эры // *КСИИМК. Вып. XL* / Отв. ред. А.Д. Удалцов. М.: АН СССР, 1951. С. 125–136.
- Ахмеров Р.Б.* Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (по данным исследований 1952–1956 годы) // *СА*. 1959. № 1. С. 156–157.
- Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения IV–VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии // *Древности Башкирии* / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 161–193.
- Ашихмина Л.И.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на средней Каме // *Археологические памятники эпохи палеометалла в северном Приуралье* / МАЕСВ. Вып. 7 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар, 1978. С. 38–70.
- Ашихмина Л.И.* Клад с Буйского городища // *Новые археологические исследования на территории Урала* / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 1987. С. 103–120.
- Ашихмина Л.И.* Погребальный обряд курганного могильника Борганьель // *Научные доклады. Препринт. Сыктывкар: Коми научный центр УрОАН СССР*, 1988. 24 с.
- Ашихмина Л.И.* Исследования Вычегодско-Вятского отряда в бассейне Средней Вычегды // *Археологические открытия Урала и Поволжья* / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УО АН СССР, 1989. С. 3–5.
- Ашихмина Л.И.* Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа / *Серия препринт «Научные доклады»*. Вып. 298. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1992. 32 с.
- Ашихмина Л.И.* «Модели» древней обуви с территории финно-угров // *Интеграция археологических и этнографических исследований* / Отв. ред. М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2003. С. 144–150.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М.* К реконструкции исторических событий на Средней Вятке в середине I тыс. н. э. // *Актуальные проблемы методики западносибирской археологии* / Отв. ред. А.П. Деревянко. Тюмень, 1989. С. 197–201.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.
- Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири:

- Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Багин А.Л.* Первые результаты исследований могильника VI века Сзбысь в среднем Припечорье // Пермские финны: археологические культуры и этносы / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 107–109.
- Бадер О.Н.* О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье: К последним находкам // На Западном Урале. Молотов: Молотовгиз, 1952. С. 182–200.
- Бадер О.Н.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции // УЗ ПГУ. 1953. Т. 9. Вып. 3 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Харьков: Изд-во Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, 1953. С. 3–88.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. 244 с.
- Бадер О.Н., Смирнов А.П.* «Серебро Закамское» первых веков н. э. / Тр. ГИМ. Вып. 13. М.: Госкультпросветиздат, 1954. 26 с.
- Бажан И.А., Васкул И.О.* О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тыс. н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 11. Сыктывкар, 1988. С. 76–89.
- Бажан И.А., Гей О.А.* К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Отв. ред. М.Б. Щукин / Петербургский археологический вестник. Вып. 1. СПб: Ойум, 1992. С. 115–122.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю.* Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. 1989. № 3. С. 163–170.
- Бакушев М.А.* Обряд порчи инвентаря в погребальных памятниках Дагестана албано-сарматского времени // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2005. № 3. С. 42–50.
- Балабанова М.А.* Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2003. С. 66–88.
- Балабанова М.А.* Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. № 3. С. 79–88.
- Балабанова М.А.* Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья // Автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 2013. 66 с.
- Балабанова М.А.* Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013. 670 с. 92 ил.
- Балинт Ч.* Несколько слов о так называемом «Восточном серебре» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья в IX–XIII веков. Материалы Международного симпозиума Казань, 8–10 сентября 1998 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 189–194.
- Банк А.В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. М.: Наука, 1978. 312 с.
- Баран В.Д.* Венеді, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 1. Проблемы славянской археологии. М. Фонд археологии, 1997. С. 154.
- Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Бахшиев И.И., Колонских А.Г.* Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2016. № 3 С. 59–82.
- Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Бахшиев Р.И., Гиззатов Д.З.* Новое погребение эпохи раннего средневековья на территории Уфы // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2017. 1 (15). С. 52–69.
- Беговаткин А.А.* Археологическая карта России: Республика Мордовия. М.: ИА РАН, 2017. 488 с.
- Безуглов С.И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4. С. 103–115.
- Безуглов С.И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 1990. С. 85–87.
- Безуглов С.И.* Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 1997. С. 133–142.
- Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
- Безуглов С.И.* Денежное обращение Танаиса (III в. до н. э. – V в. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 26 с.
- Безуглов С.И.* Курганные катакомбные погребения позднеармавирской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / МИАР. Вып. 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, ТАУС, 2008. С. 284–301.
- Безуглов С.И.* Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Науч. ред. С.М. Ильяшенко. Недвиговка: Археологический музей-заповедник "Танаис", 2017. С. 84–147.
- Безуглов С.И., Захаров А.* Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия РОМК. Вып. 5. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1988. С. 5–28
- Безуглов С.И., Ильяшенко С.М., Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // Донская археология. 2000. № 1. С. 91–100.*

- Безуглов С.И., Копылов В.П.* Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.
- Бейлекчи В.В.* Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: Изд-во Московского психолого-социального института, 2005. 278 с.
- Бейлекчи В.В.* В поисках летописной муромы: современные реалии // Культурный слой. Вып. 4 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2016. С. 20–29.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С.* О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 28–46.
- Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.
- Белавин А.М.* Лаврятское городище (по раскопкам 1992 г.) // Труды КАЭЭ. Вып. 7 / Ред. А.М. Белавин. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2011. С. 69–86.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Вагант, 2009. 285 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Страницы истории «Земли Пермской»: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века. Пермь: Книжный мир, 1995. 176 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Пермское Предуралье в период развитого средневековья // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов / Ред. А.М. Белавин. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. С. 163–171.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.
- Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу / Труды Института этнографии, новая серия. Т. X. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 144 с.
- Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. / Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 45. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 393 с.
- Белицер В.Н.* Жилые и хозяйственные постройки на территории Мордовской АССР в конце XIX – первой половине XX в. // Труды института этнографии АН СССР. Т. 86. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 161–191.
- Белоцерковская И.В.* Инвентарь женских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 186–212.
- Белоцерковская И.В.* Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 55–78.
- Белоцерковская И.В.* Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4, часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 107–131.
- Белявская О.С.* Ременная гарнитура и хронология погребений Югомашевского могильника // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 1(40). С. 86–100.
- Белявская О.С.* Ременные наборы Югомашевского могильника мазунинской культуры (к вопросу о типологии и реконструкции) // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018а. С. 3–16.
- Белявская О.С.* «Никольские находки» III–VII вв. в лесостепном Предуралье // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 4. С. 144–159.
- Белявская О.С.* О некоторых дискуссионных вопросах турбаслинской культуры // Уфимский археологический вестник. 2020. Т. 21. № 2. С. 346–357.
- Белых С.К.* Чудь в этнической истории пермских народов // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 1 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 1996. С. 48
- Березуцкий В.Д., Мастыкова А.В.* Погребение эпохи Великого переселения народов на левобережье Среднего Дона // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 219–243.
- Беркутов Л.А.* Разведки и раскопки, произведенные Л.А. Беркутовым в 1910–1913 гг. // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 4. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1914. С. 35–89.
- Бернц В.А., Пастушенко И.Ю.* Важгорский II могильник эпохи средневековья в Коми-Пермяцком округе // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 415–426.
- Бернц В.А., Салангин Д.А.* Исследования Кудашевского могильника // Археологические открытия 2003 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2004. С. 303.
- Берх В.Н.* Путешествия в города Чердынь и Соликамск. СПб.: Военная типография Главного штаба его императорского величества, 1821. 234 с.
- Благовещенская Н.В.* Динамика растительного покрова центральной части Приволжской возвышенности в голоцене. Ульяновск: УлГУ, 2009. 283 с.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Богаткина О.Г.* Новые материалы к изучению остеологических признаков домашних животных у представителей именьковской культуры (Новинковское селение) // Краеведческие записки. Вып. VII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СамВен, 1995. С. 285–286.
- Богачев А.В.* Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье / Под ред. Г.И. Матвеевой. Самара: Изд-во СамГУ, 1991. С. 159–171.
- Богачев А.В.* Процедура-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992. 207 с.
- Богачев А.В.* О верхней хронологической границе

- именьковской культуры // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: изд-во СамГУ, 1995. С. 16–22.
- Богачев А.В.* К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 99–114.
- Богачев А.В.* Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н. э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 151–166.
- Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Учебное пособие к спецкурсу. Самара: СамГПУ, 1998. 108 с.
- Богачев А.В.* Памятники гуннского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 135–143.
- Богачев А.В.* Процедура-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992. 208 с.
- Богачев А.В.* В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 155–168.
- Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н. э. Историко-археологическое исследование. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 346 с.
- Богачев А.В.* Рец. на Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Ижевск, 2012. 477 с., илл. // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 268–274.
- Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В.* Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. редактор А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 119–163.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.* Рутены–Руги–Русь: века, дороги, судьбы. Самара: Вояджер, 2019. 336 с.
- Богачев А.В., Матвеева Г.И., Набоков А.В.* Раскопки городища Переволоки на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УО АН СССР, 1989. С. 92–94.
- Боковенко Н.А., Засецкая И.П.* Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский Археологический Вестник. 1993. № 3. С. 73–88.
- Болгов М.В., Красножон Г.Ф., Любушин А.А.* Каспийское море: экстремальные гидрологические события. М.: Наука, 2007. 381 с.
- Борисов В.Л.* Краткий отчет и описание предметов из раскопок 1900 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. ДАК. Д. 110.
- Борисов В.Л.* Отчет о раскопках // ОАК за 1900 г. СПб, 1902. С. 87–89.
- Борисов В.Л.* Отчет о раскопках // ОАК за 1901 г. СПб, 1903. С. 115–116.
- Боталов С.Г.* Гунно-сарматская эпоха урало-казахстанских степей // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 223–288.
- Боталов С.Г.* Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. С. 468–531.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.
- Бугров Д.Г.* Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: б/и, 1994. С. 33–38.
- Бугров Д.Г.* Женский костюм именьковской культуры как этнокультурный индикатор (опыт реконструкции по материалам Коминтерновского II могильника) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2002. С. 227–233.
- Бугров Д.Г.* Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 350 с.
- Бугров Д.Г.* Комплекс находок из разрушенного ранне-средневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 7–34.
- Бугров Д.Г., Асылгараева Г.Ш.* Животные в погребальном обряде населения Нижнего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по материалам Гулюковского могильника) // Поволжская археология. 2020. № 1(31). С. 146–166.
- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М.: Наука, 1990. 232 с.
- Буданова В.П.* «Государство Эрманариха» в античной и средневековой традиции // Феномены истории / Отв. ред. В.М. Козьменко. М.: Мир Отчества, 1996. С. 31–45.
- Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Переселения народов: опыт типологической реконструкции // Вестник РГНФ. 1999. № 3. С. 112–120.
- Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 544 с.
- Буданова В.П.* Великое переселение народов: исторический опыт миграций переходной эпохи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 180–196
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. Спецкурс. М., 2000. 92 с. Режим доступа: https://bookscafe.net/book/budanova_vera-velikoe_pereselenie_narodov-209031.html (дата обращения 01.12.22).
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое

- переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. 336 с.
- Букина О.В.* Датировка погребений рязано-окских могильников, содержащих остатки трупосожжений (по опубликованным материалам Борковского и Кузьминского могильников) // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии)*. Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, С. 277–287.
- Буров Г.М.* Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // *Древности Среднего Поволжья* / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 111–130.
- Буруковский Р.* О чем поют ракушки. Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1977. 110 с.
- Быкова Н.В., Казанцева О.А.* Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I–V веков в бассейне реки Камы // *Вестник Пермского университета. История*. 2012. Вып. 1 (18). С. 93–104.
- Валиев Р.Р.* Новые данные по островным и прибрежным памятникам археологии Спасского района Республики Татарстан // *Средневековая археология Волго-Уралья: Сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина* / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 80–85.
- Валиев Р.Р.* Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // *Археология Евразийских степей*. 2018. № 1. С. 211–226.
- Валиев Р.Р.* Новославский II могильник: проблемы интерпретации и перспективы исследований // *Кочевье империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.)*. В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 109–116.
- Валиев Р.Р., Асылгараева Г.Ш.* Погребальный обряд Новославского II могильника: археологический и археозоологический аспекты исследования // *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 144–146.
- Васильев А.А.* Некоторые замечания к хронологии позднесарматских древностей // *Археологические записки*. Вып. 4 / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое о-во, 2005. С. 52–64.
- Васильева А.В., Мингалев В.В., Перескоков М.Л.* Комплекс построек гляденовского времени на Мокинском I поселении-могильнике в контексте развития Прикамского домостроительства // *Вестник Пермского университета. Серия История*. 2018. № 1. С. 44–61.
- Васильева А.В., Перескоков М.Л.* Поселение Косогоры 1 // *Пермские финны и угры Урала в эпоху железа* / Труды КАЭЭ. Вып. VI / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 22–28.
- Васильева И.Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // *Древняя история Поволжья* / Отв. ред. С.Г. Басин. КГПИ, 1979. С. 202–240.
- Васкул И.О.* Гляденовская культура // / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: Дик, 1997. С. 349–399.
- Васкул И.О., Овчинников Ф.В.* Шойнаягский могильник // *Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке* / МАЕСВ. Вып. 16 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1999. С. 44–57.
- Васюткин С.М.* Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // *СА*. 1986. № 2. С. 180–197.
- Васюткин С.М.* О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III–XIII вв.) // *Археология и этнография Башкирии*. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1971. С. 135–138.
- Васюткин С.М.* К дискуссии по бахмутинской культуре // *СА*. 1971. № 3. С. 91–105.
- Васюткин С.М.* Ангасянский могильник ранний памятник бахмутинской культуры // *Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье* / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 1980. С. 72–91.
- Васюткин С.М., Останина Т.И.* Старо-Кабановский могильник-памятник мазунинской культуры в северной Башкирии // *Вопросы истории и культуры Удмуртии* / Сост. и науч. ред. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.
- Вахрушев Г.В.* Памятники природы и искусства Башкирии // *Башкирский краеведческий сборник*. № 1 / Под ред. Ш.Х. Сюнчелей. Уфа: Башкнига, 1926. С. 40–50.
- Вергей В.С.* Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1997. С. 28–38.
- Вихляев В.И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 1977. 99 с.
- Вихляев В.И.* О генезисе культуры южномордовских племен // *Труды МНИИЯЛИЭ*. Вып. 63 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1979. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1979. С. 140–147.
- Вихляев В.И.* Отчет об археологических исследованиях зоны строительства Зареченской оросительно-осушительной системы Краснослободского района Мордовской АССР 1988 г. / Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 12561.
- Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.
- Вихляев В.И.* Расселение мордвы в III – начале XIII в. // *Поволжская археология*. 2013б. № 2(4). С. 162–170.
- Вихляев В.И.* Могильники мордвы III–V вв. и проблема единства древнемордовской культуры // *Поволжская археология*. 2017. № 1(19). С. 205–215.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И.* Хронология могильников населения

- I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный октябрь, 2008. 352 с.
- Вихляев В.И., Зеленева Ю.А.* Памятники бассейна Суры и Мокши // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 251–270.
- Вихляев В.И., Петербургский И.М., Седышев О.В.* Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 2013. 216 с.
- Владыкин В.Е.* К вопросу об этнических группах удмуртов // СЭ. 1970. № 3. С. 37–47.
- Владыкин В.Е., Христоробова Л.С.* Этнография удмуртов: Учебное пособие. – Ижевск: Удмуртия. 1991. 160 с.
- Внуков С.Ю.* Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // ВДИ. 2007. № 4. С. 163–177.
- Водолаго Н.В.* Материалы к археологической карте Неволинской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1984. С. 35–55.
- Вознесенская Г.А.* Техника обработки железа и стали // Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры / МИА. Вып. 187. М.: Наука, 1972. С. 8–49.
- Вознесенская Г.А., Левада М.Е.* Кузнечные изделия из могильника Чатырдаг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуры / Ред. М.Е. Левада. Киев, 1999. С. 252–276.
- Волков С.Р., Пастушенко И.Ю.* Исследования Усть-Иргинского могильника неволинской культуры // Finno-Ugrica. 2005–2006. № 9. С. 5–39.
- Воробьева С.Л.* Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Гафурийском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 995 от 01.08.2013 г. / Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа, 2014. 237 с.
- Воробьева С.Л.* История отдела археологии национального музея республики башкортостан: от момента создания до сегодняшних дней // Вопросы музеологии. 2015. № 2(12). С. 131–141.
- Воробьева С.Л.* Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 268–291.
- Воробьева С.Л.* Памятники позднекара-абызской культуры // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 66–82.
- Воронцов А.М.* Тамги на предметах мазунинской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 69–73.
- Воицинина А.И.* О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) // СА. Вып. XVII / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 183–196.
- Вязов Л.А.* Скотоводство в хозяйстве племен именьковской культуры // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. № 4 (63). 2008а. С. 126–133.
- Вязов Л.А.* Земледелие племен именьковской культуры // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. № 5/1 (64). 2008б. С. 32–42.
- Вязов Л.А.* Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тыс. н. э. (по материалам именьковской культуры). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1–2. Самара, 2011. 452 с.
- Вязов Л.А.* О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: изд-во ЯЗ, 2012. С. 43–53.
- Вязов Л.А., Асылгараева Г.Ш., Гисматуллин М.Р.* Изучение археозоологической коллекции городища Ашна-Пандо в Среднем Посурье // Stratum plus. 2021б. № 4. С. 125–140.
- Вязов Л.А., Гасилин В.В., Матвеева Г.И., Хохлов А.А., Серых Д.В., Ломейко П.В., Скарбовенко В.А.* Исследования городища Лбище в 2003 г. // Вояджер: мир и человек. 2012а. № 3. С. 171–198.
- Вязов Л.А., Гришаков В.В., Мясников Н.С.* Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек. № 6 / Под ред. Д.Е. Быкова. Самара: изд. СамГТУ, 2016. С. 66–112.
- Вязов Л.А., Михайлов Е.П., Макарова Е.М., Мясникова А.Б., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Салова Ю.А., Силанов Р.А.* Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. // Археология Евразийских степей, 2020. № 3. С. 354–373.
- Вязов Л.А., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Михайлов Е.П., Мясникова А.Б., Макарова Е.М., Салова Ю.А., Силанов Р.А.* Исследования археологических памятников Среднего Посурья эпохи римских влияний и Великого переселения народов (работы 2018 года) // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 46–55.
- Вязов Л.А., Петрова Д.А.* Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э.: Материалы к V Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2013. С. 15–20.
- Вязов Л.А., Петрова Д.А., Кондрашин В.В., Салова Ю.А.* Комплекс предметов вооружения из окрестностей с. Комаровка Ульяновской области: к изучению оружия ближнего боя у населения именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 100–131.
- Вязов Л.А., Пономаренко Е.В., Ершова Е.Г., Салова Ю.А.* Между подсекой и пахотой: применение рыхлящих орудий в исторических системах земледелия Восточной Европы и его следы в почве // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. / Отв. ред. Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020.

- С. 143–149.
- Вязов Л.А., Пономаренко Е.В., Ершова Е.Г., Салова Ю.А., Мясников Н.С.* Динамика хозяйственного освоения Посурья в I тысячелетии н. э. Часть 1: данные стратиграфического анализа пойменных и балочных отложений // *Oriental Studies*. 2021а. Т. 14 (5). С. 981–1005.
- Вязов Л.А., Салугина Н.П., Семькин Ю.А.* Результаты исследований керамики и железных предметов из раскопок городища Лбище в 2003 году // *Краеведческие записки*. Вып. XVI / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Тандем, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2012б. С. 34–69.
- Вязов Л.А., Семькин Ю.А.* Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с.
- Вязов А.А., Сташенков Д.А.* Культурно-хронологические группы населения Самарского и Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // *Историко-культурное Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения)*. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 49–56.
- Вязов Л.А., Сташенков Д.А.* Городище Лбище // *Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья*. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 38–50.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН: ТАУС, 2009. 468 с.
- Гавритухин И.О.* Эволюция «геральдических» ременных гарнитур Кисловодской котловины // *Плиска-Преслав*. Т. 14, в печати.
- Гавритухин И.О.* К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 115–133.
- Гавритухин И.О.* Хронология пражской культуры // *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1997. С. 39–52.
- Гавритухин И.О.* В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой // *Пермский мир в раннем средневековье*. Вып. 1 / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 160–209.
- Гавритухин И.О.* Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. I. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236–238, 195; Straume IV–XI) // *Сто лет черняховской культуры / Отв. ред. М.Е. Левада*. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 48–86.
- Гавритухин И.О.* Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa* / Hrsg. M. Maćzyńska, T. Grabarczyk. Łódź: Uniwersitet Łódzki, 2000. С. 261–324.
- Гавритухин И.О.* Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма)*. Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2001. С. 31–86.
- Гавритухин И.О.* Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 2. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2010. С. 49–68.
- Гавритухин И.О.* Фибулы, пряжки, ременные наконечники, связанные с горизонтом мощинской культуры городища Велегож // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 4. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 80–102.
- Гавритухин И.О.* К атрибуции славянских памятников V–VII веков на Южном Буге // *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского / Раннеславянский мир*. Вып. 19 / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2018. С. 51–62.
- Гавритухин И.О.* Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // *Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья*. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 272–316.
- Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Фибулы поселения Карабак (п-ов Мангышлак) // *Поволжская археология*. 2019. № 3. С. 170–189.
- Гавритухин И.О., Воронцов А.М.* Фибулы верхнеоксодонского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 28–89.
- Гавритухин И.О., Иванов А.Г.* Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // *Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–159.
- Гавритухин И.О., Красноперов А.А.* Тураевский курганный могильник // *Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья*. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 175–192.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков*. Самара: СОИКМ, 1998. С. 28–86.
- Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В.* Финал могильника Фронтное 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // *Stratum plus*. 2020. № 4.

- С. 235–247.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его историко-культурный контекст / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Раннеславянский мир. Вып. 9 / Под ред. И.О. Гавритухина, Н.В. Лопатина, А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2007. С. 9–72.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Археология / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 195–200, 245.
- Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В.* Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа (IV–X вв.) // Л.: Ленинградский университет, 1979. 216 с.
- Газимзянов И.Р., Кравцова О.А.* Население именковской культуры по антропологическим и генетическим данным // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 82–90.
- Гарустович Г.Н.* Начало археологического изучения Башкортостана в советское время (экспедиционные работы М.С. Смирнова) // Уфимский археологический вестник. 2003. № 4. С. 59–62.
- Гарустович Г.Н., Минеева И.М.* Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский Археологический вестник. 2003. № 4. С. 6–15.
- Гасилин В.В.* Костные остатки животных археологического памятника Сиделькино II // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 2003. С. 36–39.
- Гасилин В.В.* Фауна предыменковских и раннеименковских памятников лесостепного Поволжья // Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н. э. / Раннеславянский мир. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2005. С. 56–62.
- Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.
- Генеральный план Спасского уезда Казанской губернии конца 18 в. / РГАДА Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1209.
- Генинг В.Ф.* Бродовский могильник // КСИИМК. Вып. 52 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1954. С. 87–98.
- Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН. 1954. Р-1. № 963. 450 л., 129 ил.
- Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1955 г. // Архив ИА РАН. 1955. Р-1. № 1105. 321 л.
- Генинг В.Ф.* Памятники харинского времени в Прикамье // КСИИМК. Вып. 57 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 115–123.
- Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1378. 278 л., 87 ил.
- Генинг В.Ф.* Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // Тез. докл. 13 конф. по археологии и истории народов Поволжья и Казани в 1956 г. Казань, 1956. С. 41–46.
- Генинг В.Ф.* Удмуртская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 74 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 92–100.
- Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмурткнигоиздат, 1958. 192 с.
- Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1959. С. 157–219.
- Генинг В.Ф.* Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции ИА АН СССР. Вып. 1. М., 1959а. С. 164–195.
- Генинг В.Ф.* Городище Красная Горка у с. Елово // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 1. М., 1959б. С. 210–213.
- Генинг В.Ф.* Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 23–47.
- Генинг В.Ф.* Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 72–80.
- Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай / ВАУ. Вып. 3 / Отв. ред. Е.Г. Сувор. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 7–111.
- Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. / ВАУ. Вып. 5. Ижевск, Свердловск: СГУ, 1963. 195 с.
- Генинг В.Ф.* Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Вып. 6 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1964. С. 94–151.
- Генинг В.Ф.* К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э. // Археология и этнография Башкирии. Т. II // Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 111–129.
- Генинг В.Ф.* Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1965. T. 17. S. 335–342.
- Генинг В.Ф.* Ижевский могильник IV–V вв. // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 123–140.
- Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967, а, б. С. 7–84.
- Генинг В.Ф.* Городище Чеганда I в мазунинское время // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967а. С. 141–163.
- Генинг В.Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967б, в. С. 271–278.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в.

- до н. э. – II в. н. э.) Ч. I. // ВАУ. Вып. 10. Ижевск, 1970. 257 с.
- Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 2: Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н. э. – II в. н. э. // ВАУ. Вып. 11. Свердловск, Ижевск, 1971. С. 3–158.
- Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.) // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1971. С. 44–54.
- Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.
- Генинг В.Ф. Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н. э. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1974. 52 с.
- Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1977. С. 90–136.
- Генинг В.Ф. Могильник чепецкой культуры у д. Вельякар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1979. С. 87–106.
- Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 96–106.
- Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2 пол. V – 1 пол. VI вв. н. э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 92–135.
- Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Генинг В.Ф., Буянтян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. Вып. 9. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1970. С. 30–56.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1973. С. 58–121.
- Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 85–115.
- Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // Ученые записки ПГУ. Т. XII. Вып. I / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1960. С. 160–174.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1961. С. 76–90.
- Глинских Г.В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды. Дисс... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.
- Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) // Материалы и исследования КВАЭ. Т. 6. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.
- Голдина Е.В. Бусы Верх-Саинского могильника // Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Научный ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: УдГУ, 2018. С. 625–668.
- Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: Удмуртский университет, 2010, а. С. 156–260.
- Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Дубровского могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Поволжская археология. 2017. № 1(19). С. 238–256.
- Голдина Р.Д. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы // Ученые записки ПГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 87–98.
- Голдина Р.Д. Раскопки Неволинского могильника в Прикамье // Археологические открытия 1968 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 161–162.
- Голдина Р.Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9 / Памятники ломоватовской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1970. С. 57–118.
- Голдина Р.Д. Поселение у д. Пек-Жикья в верховьях р. Увы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 1979. С. 103–118.
- Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 79–90.
- Голдина Р.Д. Исследование средневековых памятников в Прикамье // Археологические открытия 1982 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 146–147.
- Голдина Р.Д. Подкаменное городище – памятник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1984. С. 56–71.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средневека / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмурт-

- ский университет, 1986. С. 47–98.
- Голдина Р.Д. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1987. С. 41–63.
- Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1987а. С. 6–36.
- Голдина Р.Д. Отчет об археологических раскопках Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1988 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 273а. 14 л.
- Голдина Р.Д. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 167–192.
- Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 16–30.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. 422 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
- Голдина Р.Д. О расселении в Верхнем Прикамье финно-пермского населения в древности и средневековье // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. 30 июня–1 июля 2005 г. / Сост. А.Е. Коньшин, А.С. Савельев. Кудымкар, 2005. С. 41–44.
- Голдина Р.Д. О моделях взаимодействия различных этносов эпохи Великого переселения народов в Прикамье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск, 2006. С. 281–304.
- Голдина Р.Д. Современное состояние изученности неволинской культуры в Сылвенско-Иренском поречье // Проблемы бакальской культуры / Науч. ред. С.Г. Боталов. Челябинск-Шадринск: Рифей, 2008. С. 115–141.
- Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 472 с.
- Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012а. Вып. 2 (10). С. 108–119.
- Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV — начало IX в. н. э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012б. С. 203–285.
- Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 399–414.
- Голдина Р.Д. Большая Соснова – большая любовь. Ижевск: Администрация Больше-сосновского р-на Пермского края, 2014. 342 с.
- Голдина Р.Д. К итогам дискуссии «угры в Предуралье» // РА. 2016. № 2. С. 102–119.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник на Средней Каме и проблемы миграций в Волго-Камье (III–V вв.) // Stratum plus. 2017. № 4. С. 295–356.
- Голдина Р.Д. О находках предметов из раковин турбинелла пирум на памятниках III–IV вв. Среднего Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4. С. 97–107.
- Голдина Р.Д. Трансцивилизационная евразийская система Великого шёлкового пути и Сылвенско-Иренское поречье в I тыс. н. э. // Грибушинские чтения-2019. Кунгурский диалог / Ред. С.М. Мушкалов, О.А. Ренёва, С.Т. Лапшина. Пермь: Изд. Богатырев П.Г., 2019. С. 3–6.
- Голдина Р.Д. Финно-пермский мир в евразийском пространстве (I тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019а. № 2 (7). С. 39–48.
- Голдина Р.Д. Фибулы Тарасовского могильника на Средней Каме (III–V вв.) // Stratum Plus. 2019б. № 4. С. 169–186.
- Голдина Р.Д. Верхнее Прикамье в конце IV – IX вв. (ломоватовская культура) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдинов, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022а. С. 507–538.
- Голдина Р.Д. Общая характеристика культурных процессов в Верхнем Прикамье в эпоху раннего средневековья // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдинов, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022б. С. 444–470.
- Голдина Р.Д. Общая характеристика культурных процессов в Среднем и Нижнем Прикамье (2-я пол. I–V вв.) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдинов, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022в. С. 101–125.
- Голдина Р.Д. Сылвенско-Иренское поречье в конце IV–IX вв. (неволинская культура) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022г. С. 471–507.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская

- археология. 2016, а. № 3 (17). С. 17–58.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 47–72.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II // Поволжская археология. 2017. № 1(19). С. 172–204.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Тарасовский могильник – опорный памятник Среднего Прикамья // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 101–125.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Хронология погребальных комплексов неволинской культуры // Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Пермь: Пермский университет, 1982. С. 122–131.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. 176 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.
- Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в среднем Прикамье / Науч. ред. Л.И. Липина. МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск, 2013. 184 с.
- Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удм. ун-т, 1983. С. 40–72.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980, 1980. С. 3–66.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
- Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю. Оборонительные сооружения Верх-Саинского I городища // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 147–149.
- Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Перевозчикова С.А., Черных Е.М., Голдина Е.В., Перевозчиков С.Е. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 23 / Науч. ред. Н.Ф. Ширококова. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья УдГУ, 2012. 264 с.
- Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников в эпоху средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск, Пермь, 2011. 340 с.
- Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19 / Науч. ред. Н.Ф. Ширококова. Ижевск: Удмуртский университет, 2018. 720 с.
- Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.
- Голдина Р.Д., Савельева Э.А. Пермские народы в эпоху железа (по археологическим материалам) // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Piliscsaba, 2010. Pars I. S. 33–103.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики // МИ-ИКВАЭ. Т. 18 / Отв. ред. Н.Ф. Ширококова. Ижевск, 2011. 168 с.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М., Лецинская Н.А., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Ижевск, 2012. 193 с.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М., Лецинская Н.А., Салангин Д.А. Буйское городище – памятник эпохи железа лесной зоны Восточной Европы. Неопубликованные материалы отчета по гранту ГРНФ № 03-01-00197а за 2004 г.
- Голдина Р.Д., Ясаков В.С. Предметы из раковин *Turbinella rugum* в археологических памятниках Евразии (III тыс. до н. э. – IX в. н. э.) // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 8–22.
- Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. С. 97–260.
- Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 112 с.
- Голубева Л.А. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 67–81.
- Гольмстен В.В. Отчёты о произведенных археологических раскопках в 1910, 1911 и 1912 гг. на Чортовом городище (близ г. Уфы), могильнике близ него и на мысе Успенсенского монастыря на р. Усолке (в Гафурийском районе). Уфа, 1913 // Научный архив УФИЦ РАН Ф. 3. Оп. 5. Д. 32.
- Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии: Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. 1925. № 3. Самар. тип. упр. Приво, 1925. С. 5–15
- Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. IV. М.: РАНИОН, 1928. С. 124–137.
- Гольмстен В.В. Буртасы // КСИИМК. Вып. XIII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 17–25.
- Гонкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2008. 252 с.
- Гонкало О.В. Костюм «варваров» на диптихе из Хальберштадского собора // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Ве-

- ликого Переселения народов. Конференция 4, часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2015. С. 292–308.
- Гороховский Е.Л.* Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4 / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34–46.
- Горюнова Е.И.* Вичмарский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 179–186.
- Горюнова Е.И.* Мари-Луговской могильник и селище // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 171–179.
- Горюнова Е.И.* Погибловский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганова и Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1948. С. 88–111.
- Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.
- Граков Б.Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Грибов Н.Н.* Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвьязевского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 317–319.
- Грибов Н.Н.* О времени появления финских грунтовых погребений на Нижней Оке // КСИА. 2017. Вып. 249. С. 28–43.
- Грибов Н.Н.* Подвьязевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 191–199.
- Гришаков В.В.* Конские погребения VIII – первой половины X вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 127–146.
- Гришаков В.В.* Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. 204 с.
- Гришаков В.В.* Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордовский гос. педагогический институт, 2005. 95 с.
- Гришаков В.В.* Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.
- Гришаков В.В.* Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 2 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: ПГКМ, 2008а. С. 99–105.
- Гришаков В.В.* Степановский могильник IV–V вв. // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3. Саранск, 2009. С. 57–80.
- Гришаков В.В.* Сергачский могильник «Кожина слобода» в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Пензенский археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО, 2010. С. 103–115.
- Гришаков В.В., Давыдов С.Д., Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Седышев О.В.* Сендимиркинский могильник – новый памятник первой четверти I тыс. н. э. в Северной части Сурско-Свияжского междуречья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 320–323.
- Гришаков В.В., Давыдов С.Д., Седышев О.В., Сомкина А.Н.* Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV вв.). Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2016. 195 с.
- Гришаков В.В., Зеленева Ю.А.* Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1990. 77 с.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Иванов. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.
- Гришаков В.В., Мясников Н.С.* Памятники Нижнего Посурья (Сендимиркино-Таутово) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 241–250.
- Гришаков В.В., Седышев О.В.* Основные тенденции генезиса археологических культур на территории Мордовского края в раннем железном веке и на начальном этапе Великого переселения народов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. Вып. 2 (76). С. 68–74.
- Грудочко И.В.* Курганы с «усами». Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Budapest: Martin Opitz, 2020. 205 с.
- Гугуев В.К., Трейстер М.Ю.* Ханьские зеркала и подражание им на территории юга Восточной Европы // СА. 1995. № 3. С. 143–156.
- Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М.* О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н. э. в Танаисе // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П. Абрамовой / Отв. редакторы В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: Институт археологии РАН: ТАУС, 2007. С. 432–457.
- Гурулева В.В.* Византийские весовые знаки бывшего музея Русского археологического института в Константинополе // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Вып. XVI. С. 82–98.
- Гусаков М.Г.* Хронология дьяковской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 35–50.
- Давыдова Г.М.* Древнеуральский компонент в составе современных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и

- литературы УрО АН СССР, 1989. С.
- Давыдова Г.М.* Антропология манси. М., 1989а. 172 с.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока в VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Даркевич В.П.* Аргонавты средневековья. М.: КДУ, 2005. 256 с.
- Демиденко С.В.* Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Издательство ЛКИ, 2008. 328 с.
- Демиденко С.В.* Древние памятники Волго-Донских степей // Институт археологии: Новые полевые исследования / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2010. С. 64–65.
- Денисова Т.В.* Отчет о разведочных работах в Кильмезском районе Кировской области, проведенных летом 1988 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 278а. 6 л.
- Дмитриев А.В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. С. 212–231.
- Долина древней мордвы / Общ. ред. В.И. Первушкин, О.В. Ягов. Ижевск: Принт-2, 2016. 284 с.
- Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 544 с.
- Дубынин А.Ф.* Отчёт по археологическим исследованиям в Ивановской области в 1945 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40. А-1945.
- Дубынин А.Ф.* О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. 1966. № 3. С. 67–79.
- Дьёни Г.* Венгерские элементы в топонимии Башкирии // Вопросы ономастики. 2008. № 1 (5). С. 36–48.
- Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. Изд. 2-е, доп. Санкт-Петербург, 2008. 572 с.
- Дьяченко А.Н.* Исследование курганного могильника Абганерово II в Октябрьском районе Волгоградской области // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Волгоградский гос. университет; Нижневолжский археологический НИИ, 1999. С. 31–45.
- Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А.* Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Перемена, 1995. С. 83–139.
- Егоров А.В.* Тюркский компонент в составе средневекового населения Камско-Вятского междуречья (историографический аспект) // Филология и культура. 2012. №3(29). С. 220–225.
- Егоров Н.И.* Проблемы этнокультурной идентификации средневековых древностей урало-поволжья: финно-угры или огуры? // II-й Международный Мадыарский симпозиум: сб. науч. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 47–70.
- Елкина А.К.* Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 143–152.
- Емельянова А.Ю., Степанова Г.А.* Исследования поселения Зура I в Игринском районе Удмуртии // Археологические открытия в Удмуртии – 2018. / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск, 2019. С. 20–21.
- Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В.* Кочкинский грунтовый могильник / Этногенез и этническая история марийцев // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1988. С. 99–132.
- Ериов В.Е., Кантор Ю.И.* Морские раковины. Краткий определитель. М., 2008. 180 с.
- Ефименко П.П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л., 1926. С. 59–84.
- Ефименко П.П.* К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам // СА. 1937. № II. С. 39–58.
- Ефименко П.П.* Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 48. / Ред. А.П.Смирнов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1975. С. 7–36.
- Ефимова С.Г.* К краниологии Волго-Камья эпохи раннего железа // Вопросы антропологии. 1981. Вып. 67. С. 64–73.
- Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.
- Железчиков Б.В., Порох В.Н.* Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 88–92.
- Жиганов М.Ф.* Старший Кужендеевский могильник // СА. 1959. № 1. С. 218–227.
- Жиганов М.Ф.* К истории мордовских племён в конце I тысячелетия н. э. (Могильник у пос. Заря) // СА. 1961. № 4. С. 158–178.
- Жиганов М.Ф.* Память веков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1976. 112 с.
- Жиганов М.Ф., Авдеев А.М., Елисеев А.В., Прокудин В.П.* Работа Мордовской экспедиции // Археологические открытия 1976 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 148–149.
- Журавлева Г.Н.* Демография Тарасовского могильника // Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Отв. ред. Н.Ф. Ширококова. Казань, Ижевск, 2015. С. 273–289.
- Заверняев Ф.М.* Почепское селище / МИА. № 160 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука, 1969. С. 88–118.
- Завьялов В.И.* История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. Ижевск: Удмуртский УрО РАН, 2005. 244 с.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.
- Залеская В.Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв. Каталог коллекции. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. 272 с.

- Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Тюменский гос. университет, 2022. 260 с.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 221 с.
- Засецкая И.П.* Стеклянная посуда некрополя Боспора 2 половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) / Боспорские исследования. Вып. XX. СПб.; Керчь: б. и., 2008. 224 с.
- Засецкая И.П., Маршак Б.И., Шукин М.Б.* Обзор дискуссии на симпозиуме // КСИА. Вып. 158 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 120–125.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
- Зеленев Ю.А.* Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев / АЭМК. Вып. 14 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1988. С. 79–86.
- Зеленков А.С.* Особенности гончарства как показатель взаимодействия населения Урало-Сибирского региона в раннем средневековье // Вестник Пермского университета. 2017. Вып. 1 (36). История. С. 98–106.
- Зеленцова О.В.* Хронология и периодизация среднецентинских могильников древней мордвы. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1998. 18 с.
- Земцов Г.Л., Ивашов М.В., Бессуднов А.Н.* Материалы позднеримского времени Лавского правобережного поселения // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк; СПб.: б. и., 2007. С. 206–218.
- Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
- Зубов С.Э., Багаутдинов Р.С.* Новые материалы позднесарматского времени в Самарском Заволжье (курганный могильник Конезавод I) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Т. 5. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 103–111.
- Зудина В.Н.* Отчет о раскопках курганов № 2, 3, 8, 14 I Кряжского могильника и кургана 3 II Кряжского могильника. Куйбышев, 1984.
- Зыков А.П.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху великого переселения народов // УАВ. Вып. 11. Уфа: Гилем, 2011. С. 66–80.
- Зыков А.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- Зыков А.П.* Технология кузнечного производства населения Северного Башкортостана в IV–VI вв. // УАВ. Вып. 15. Уфа: Гилем, 2015. С. 161–180.
- Зыков А.П., Ковригин А.А.* Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: Научно-популярное издание. Екатеринбург: Раритет, 2008. 466 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Иванов А.Г.* Исследования в бассейне реки Чепцы // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удм ИЯЛИ УрО РАН, 1991а. С. 46–48.
- Иванов А.Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск, 1991б. С. 140–180.
- Иванов А.Г.* Проблемы изучения этнокультурных связей северных удмуртов в эпоху средневековья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991в. С. 80–94.
- Иванов А.Г.* Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ, 1995. С. 106–130.
- Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 308 с.
- Иванов А.Г.* Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье. Вып. 1 / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 6–52.
- Иванов А.Г.* Группы кушнаренковско-караякуповского населения между Камой и Вяткой // Проблемы бакальской культуры / Науч. ред. С.Г. Боталов. Челябинск-Шадринск: Рифей, 2008. С. 147–161.
- Иванов А.Г.* Поселение Зура – памятник гledenовско-осинского типа на р. Ита (Удмуртия): предварительное сообщение // Труды КАЭЭ. Вып. V / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 134–139.
- Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.
- Иванов А.П.* Материалы к антропологии Пермского Края // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 10. Вып. 1. Казань, 1881. С. 1–52.
- Иванов В.А.* Отчёт о раскопках в составе московского отряда нижнекамской археологической экспедиции. Уфа, 1972 / Археологическая лаборатория БашГУ. Ф. 6 Д. 7.
- Иванов В.А.* Отчет о раскопках памятников, расположенных в бассейне рек Белой и Уфы 1974 г. Уфа, 1974 / Археологическая лаборатория БашГУ. Ф. 6 Д. 13.
- Иванов В.А.* Научный отчет о результатах археологических исследований за 1977 году. Уфа, 1977 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН.
- Иванов В.А.* Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // СА. 1982. № 3. С. 199–209.
- Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). М.: Наука, 1984. 88 с.
- Иванов В.А.* Magna Hungaria – археологическая реаль-

- ность? // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1988. С. 53–66.
- Иванов В.А.* Откуда ты мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб., 1994. 125 с.
- Иванов В.А.* Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
- Иванов В.А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / Под общ. ред. А.М. Белавина. Вып. VI. Пермь, 2009. С. 61–68.
- Иванов В.А.* Ещё раз о «кушнаренковско-караякуповской проблеме» // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 177–196.
- Иванов В.А.* Городище Уфа-II («Город Башкорт») на археологической карте Уфимского полуострова // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. XVI. Уфа, БГУ, 2011. С. 136–149.
- Иванов В.А.* Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 404–414.
- Иванов В.А.* Археология сарматского влияния на культуру лесных племен Южного Урала: источники и их интерпретация // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. исторический музей Южного Урала, 2017. С. 50–55.
- Иванов В.А.* Турбаслинская культура // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 345–356.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н.* Уникальное произведение позднеантичной торевтики из погребения на Южном Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. Магнитогорск. Магнитогорский ГУ, 2010. С. 79–89.
- Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В.* Южный Урал в эпоху средневековья (V–XVI века н. э.). Уфа: БГПУ, 2013. 280 с.
- Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 104–127.
- Иванова А.С.* Типология чувашских гидронимов. Дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005.
- Иванова М.Г.* Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1976. С. 93–106.
- Иванова М.Г.* Городище Гурьякар: Результаты исследований 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 3–26.
- Иванова М.Г.* Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982б. С. 27–51.
- Иванова М.Г.* Качкашурское селище // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982в. С. 52–76.
- Иванова М.Г.* Городище Иднакар (результаты исследований 1975–1977 гг.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1985. С. 3–36.
- Иванова М.Г.* Чепецкие древности. Устинов, 1985а. 115 с.
- Иванова М.Г.* Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1987. С. 59–79.
- Иванова М.Г.* Иднакар. Ижевск, 1988. 107 с.
- Иванова М.Г.* Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 2–24.
- Иванова М.Г.* Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1989. С. 5–19.
- Иванова М.Г.* Этнокультурные связи северных удмуртов в эпоху средневековья // Взаимодействие древних культур Урала / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: Пермский университет. 1990. С. 45–53.
- Иванова М.Г.* Погребальный обряд северных удмуртов в IX–XIII вв. // Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск, 1991. С. 35–55.
- Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов в IX–XIII вв. Ижевск, 1992. 184 с.
- Иванова М.Г.* Истоки удмуртского народа. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1994. 191 с.
- Иванова М.Г.* Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ, 1995. С. 4–56.
- Иванова М.Г.* Удмурты в эпоху средневековья (по материалам бассейна р. Чепцы конца I – начала II тыс. н. э.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1996. 48 с.
- Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Иванова М.Г., Шутова Н.И.* Подборновский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 77–85.
- Игнатов Л.А.* Образцы древнего искусства из с. Ягкедж (верхняя Вычегда) // Духовная культура: проблемы и

- тенденции развития. Всероссийская научная конференция 11–14 мая 1994 г. Тез. докл. / Ред. Т.Я. Гринфельд. Сыктывкар: СГУ, 1994. С. 10–12.
- Игнатъев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 327–355.
- Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. VIII: 1882–1883 годы. Уфа [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mrodnov.ru/fr/5/public/Ruf.%20T-VIII.pdf>. 2013. 308 с.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Алетейя, 1997. 506 с.
- Иордан.* Публ., комм. А. Н. Анфертьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–IV вв.). Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва, 1994. С. 98–161.
- Истомин К.Э., Лыганов А.В., Вязов Л.А., Халимулина Л.Р.* Археологические охранно-спасательные раскопки на Мальцевской V стоянке и Бикляньском селище в нижнем Прикамье // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 378–380.
- История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой. – Ижевск, 2007. 304.
- Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени. Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
- Ищериков П.Ф., Мажитов Н.А.* Городище Уфа II // Археология и этнография Башкирии. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 140–150.
- Казаков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татполиграф, 1971. С. 94–155.
- Казаков Е.П.* О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии (на материале керамики) // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 122–128.
- Казаков Е.П.* Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 115–135.
- Казаков Е.П.* О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск, 1981а. С. 136–140.
- Казаков Е.П.* Новые материалы II–III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 118–130.
- Казаков Е.П.* II Старомайский могильник // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев, 1987. С. 114–118.
- Казаков Е.П.* Новые исследования памятников именьковской культуры в Закамье // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990. С. 29–33.
- Казаков Е.П.* Об одной из групп украшений именьковской культуры // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: изд-во КГУ, 1991. С. 14–20.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары и их соседи (об этапах и истоках этнокультурного взаимодействия) // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1 / Сост. и общ. ред. В.В. Иванов, В.В. Пузанов. Ижевск, 1993. С. 37–40.
- Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 40–57.
- Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 97–150.
- Казаков Е.П.* Ранние болгары в Поволжье // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. С. 185–194.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
- Казаков Е.П.* Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н. э. в Среднем Поволжье // *Finno-Ugrica*. 2011. № 12–13. С. 8–39.
- Казаков Е.П.* Женское погребение со стеклянным кубком второй половины VI века н. э. в низовьях реки Кама // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 180–194.
- Казаков Е.П.* Проблемы становления салтово-маяцкой культуры // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 155–170.
- Казаков А.А.* О границе цивилизационно-ментальных зон в эпоху великого переселения народов по археологическим источникам // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 120–130.
- Казаков Е.П.* К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 116–126.
- Казаков Е.П.* Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Кн. 1. Коминтерновский II могильник // Археология евразийских степей / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 148 с.
- Казанский М.М.* Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник к 70-летию Я.А. Шера / Науч. ред. В.В. Бобров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 193–197.
- Казанский М.М.* Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае // Лесная и ле-

- состепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2010. С. 119–127.
- Казанский М.М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum Plus*. 2010. № 4. С. 17–127.
- Казанский М.М.* Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // *Stratum Plus*. 2014. № 8. С. 299–336.
- Казанский М.М.* О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // *Земля наша велика и обильна: сб. ст., посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова* / Отв. ред. С.В. Белецкий. СПб.: ИИМК, 2019. С. 113–124.
- Казанский М.М.* Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе // *Нижеволжский археологический вестник*, 2019. Т. 18. № 2. С. 105–124.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В.* «Царские» гунны и акациры // *Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем* / Науч. ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
- Казанцева О.А.* Отчет о раскопках Петропавловских II, III селищ в Алнашском районе Удмуртской АССР в 1984 году // *Архив ИА РАН. Р-1. №10280*. 26 л.
- Казанцева О.А.* Исследования в Бардымском районе Пермской области // *Археологические открытия Урала и Поволжья* / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УО АН СССР, 1989. С. 60–62.
- Казанцева О.А.* Исследования в Бардымском районе Пермской области // *Археологические открытия Урала и Поволжья* / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удм ИЯЛИ УрО РАН, 1991. С. 53–54.
- Казанцева О.А.* Работы в Бардымском районе Пермской области в 1991 году // *Археологические открытия Урала и Поволжья* / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 58–59.
- Казанцева О.А.* Исследования Кудашевского могильника // *Археологические открытия 1993 года* / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1994а. С. 132.
- Казанцева О.А.* Исследования Кудашевского могильника в Бардымском районе Пермской области и в Алнашском районе Удмуртии // *Археологические открытия 1994 года* / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, С. 210–211.
- Казанцева О.А.* Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (по данным некрополей): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1996. 21 с.
- Казанцева О.А.* Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск, 2004. 174 с.
- Казанцева О.А.* Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // *Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет* / Отв. ред., авт. предисл. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 132–139.
- Казанцева О.А.* Кудашевский могильник // *Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области*. Ижевск, 2004а. С. 23–24.
- Казанцева О.А.* Исследования в Бардымском районе Пермской области // *Оборинские чтения. Материалы VI–VII региональных археологических конференций*. Вып. IV / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь, 2006. С. 48–51.
- Казанцева О.А.* Предметы полихромного стиля в Кудашевском могильнике (IV–V вв. н. э.) // *XVI коллоквиум – семинар «Ювелирное искусство и материальная культура»* / Науч. ред.: Н.А. Захарова. СПб.: ГЭ, 2007. С. 117–119.
- Казанцева О.А.* Некоторые итоги изучения керамики Кудашевского могильника (IV–V вв. н. э.) // *XVII Уральское археологическое совещание* / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Surgut: Магеллан, 2007а. С. 253–256.
- Казанцева О.А.* Археологические памятники Бардымского района // *Бардымский район: от прошлого к настоящему* / Науч. ред. А.В. Черных. СПб.: Маматов, 2009. С. 33–90.
- Казанцева О.А.* Раскопки Кудашевского могильника // *Археологические открытия 2006 года* / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2009. С. 459.
- Казанцева О.А.* Изделия из минералов в коллекции Кудашевского могильника // *Десятая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция*. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 7–8.
- Казанцева О.А.* Гончарство древнего населения Среднего Прикамья (по материалам Тарасовского могильника I–V вв. н. э.) // *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2011. Вып. 1. С. 55–62.
- Казанцева О.А.* Кудашевский могильник – новый источник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum*. Редкол.: S. Csucs, N. Falk, V. Pu:spo:k [и др.]. Piliscsaba, 2011. P. VIII. – С. 252–259.
- Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н. э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 24. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 180 с.
- Казанцева О.А.* Археологические исследования могильников середины I тыс. н. э. в Тулвинском поречье // *Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конф. с международ. участием «XIX Уральское археологическое совещание»* / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 68–70.
- Казанцева О.А.* К вопросу о социальной структуре населения Кудашевского I могильника (по результатам гендерного анализа) // *Вестник УдГУ. Серия 5. История и филология*. Вып. 3. Ижевск, 2014. С. 108–113.
- Казанцева О.А.* Наборные изделия из бус могильника Кудашевский I III–V веков // *Вестник ПГУ. Серия «История»*. Вып. 1 (24). 2014а. С. 83–89.
- Казанцева О.А.* Металлические слитки в материалах могильников I–V веков в бассейне реки Тулвы // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гума-*

- нитарные науки. Т. 157, кн. 3. Казань: Изд-во КФУ, 2015. С. 25–33.
- Казанцева О.А.* Жертвенные комплексы в могильниках бассейна реки Тулвы в Среднем Прикамье // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26. № 1. С. 59–63.
- Казанцева О.А.* Исследование Кудашевского I могильника III–V вв. (итоги раскопок памятника в 2012–2015 гг.) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы всероссийской научно-практической конференции. (Пермь, 9–12 февраля 2016 г.) / Гл. ред. Г.П. Головчанский. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2016а. С. 135–138.
- Казанцева О.А.* Деревообрабатывающий инструмент из Кудашевского I могильника // Вестник МАЭ Пермского Предуралья. 2016б. Вып. VI. С. 5–8.
- Казанцева О.А.* Исследования Кудашевского могильника // Археологические открытия 2014 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2016в. С. 284–285.
- Казанцева О.А.* Женский костюмный комплекс населения бассейна Тулвы в Среднем Прикамье (по материалам могильников I–V вв.) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27. Вып. 1. С. 7–16.
- Казанцева О.А.* Металлические «косы-горбуши» в могильнике Кудашевский I // Вестник Перм. ун-та Серия История. 2017а. № 1 (36). С. 74–83.
- Казанцева О.А.* Экипировка воинов в Среднем Прикамье (по материалам могильников I–V вв. бассейна Тулвы) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов (Электронный ресурс) / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2017б. С. 443–444.
- Казанцева О.А.* Исследования Кудашевского I могильника // Археологические открытия 2015 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2017в. С. 305–306.
- Казанцева О.А.* Гривны населения бассейна р. Тулвы в I–V веках (по материалам погребальных памятников) // Вестник Пермского ун-та. Серия История. 2018а. № 1 (40). С. 62–70.
- Казанцева О.А.* Исследования Кудашевского I могильника // Археологические открытия 2017 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 313.
- Казанцева О.А.* Порча вещей в погребальном обряде населения середины I тыс. н. э. (по материалам могильников бассейна р. Тулвы) // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 12. Вып. 3. 2018в. С. 108–118.
- Казанцева О.А.* Раскопки Кудашевского I могильника // Археологические открытия. 2019 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 325.
- Казанцева О.А.* Кремации в погребальном обряде Кудашевского I могильника // КСИА. Вып. 266. 2022. С. 308–320.
- Казанцева О.А.* Кудашевский I курганно-грунтовой могильник // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдинов, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022а. С. 193–206.
- Казанцева О.А., Вязников А.М.* Погребальные сооружения населения среднего Прикамья (по материалам Кудашевского могильника III–V вв. н. э.) // Вестник УдГУ. Сер. 5: История и филология. Вып. 1. Ижевск, 2012. С. 20–31.
- Казанцева О.А., Нагиев З.Ш.* Погребение тяжеловооруженного всадника в Кудашевском I могильнике // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 73–90.
- Казанцева О.А., Перевошиков С.Е., Сабирова Т.М.* Состав изделий из цветного металла Красноярского I могильника // Известия КНЦ УрО РАН. Вып. 4 (24). Сыктывкар, 2015. С. 100–107.
- Казанцева О.А., Широбокова Н.Ф.* Археологические исследования в Бардымском районе Пермской области // Пермское Прикамье в истории Урала и России. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.В. Шилов. Березники: Изд-во Пермского университета, 2000. С. 47–50.
- Казанцева О.А., Широбокова Н.Ф.* Исследование Кудашевского могильника в Бардымском районе Пермской области // Археологические открытия 2004 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 348–349.
- Казанцева О.А., Широбокова Н.Ф.* Изучение Кудашевского могильника // Археологические открытия 2005 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. С. 376–377.
- Казанцева О.А., Ютина Т.К.* Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1986. С. 110–129.
- Казанцева О.А., Ютина Т.К.* Разведочные работы в Алнашском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия 2004 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2005. С. 349.
- Казанцева О.А., Ютина Т.К.* Исследование Кудашевского могильника и разведочные работы в Бардымском районе Пермского края / Археологические открытия 2008 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2011. С. 355–356.
- Казанцева О.А., Ютина Т.К.* Исследование Кудашевского могильника и разведка в Пермском крае // Археологические открытия 2009 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2013. С. 226.
- Казанцева О.А., Ютина Т.К.* Раскопки Кудашевского могильника в Бардымском районе Пермского края в 2010–2013 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 488–489.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Именьковское городище // МИА. № 80 / Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1960. С. 226–250.
- Каменский В.И.* «Чоргово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1908 г. // Сборник музея по антропологии и этнографии. Вып. VII. СПб., 1909. 12 с.+6 табл.
- Кананин В.А.* Исследования в Афанасьевском районе Кировской области // Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978.

- С. 180–181.
- Каспарова К.В.* Поздняя фаза зарубинецких могильников // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 5–25.*
- Каюмов И.Х.* Юрмаш-1 – памятник, уничтоженный грабителями // *Известия Археологического общества Республики Башкортостан Вып. 1 (2). 2015. С. 17.*
- Кемаев Е.И.* К вопросу о значении материалов ранних могильников Нижнего Примошанья в этнокультурной истории поволжских финнов // *Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза, 2013. С. 237–244.*
- Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н.* Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь, 2007. 168 с.
- Климанов В.А., Хотинский Н.А., Благовещенская Н.В.* Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // *Известия РАН. Серия географическая. № 1. 1995. С. 89–96.*
- Климов К.М.* Традиции в убранстве удмуртского интерьера // *Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов / Отв. ред. К.М. Климов. Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 1984. С. 74–92.*
- Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // *История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. С. 210–217.*
- Ковалевская В.Б.* К вопросу о «поломской культуре» // *Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 84–91.*
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки / *САИ. Вып. Е1–2. М.: Наука, 1979. 57 с.*
- Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // *Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 83–187.*
- Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // *Аланы. История и культура / Ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 123–183.*
- Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А.* Рец. на кн.: I. Erdelyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Graberfeld von Newolino. Budapest, 1969 // *СА. 1973. № 2. С. 280–287.*
- Ковтун С.П.* Реконструкция социальной структуры населения Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н. э. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2006. 432 с.
- Кожаринов А.В., Сиринов А.А., Клименко В.В., Климанов В.А., Малясова Е.С., Слепцов А.М.* Динамика растительного покрова и климата Западновинской низины (Тверская область) за последние 5 тысяч лет // *Ботанический журнал. 2003. Т. 88. № 3. С. 90–97.*
- Коков Д.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. 314 с.
- Колонских А.Г.* Динамика накопления данных и история изучения археологических памятников бахмутинской культуры // *European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 7. Том 1. С. 353–360.*
- Колонских А.Г.* Новые поселения Уфимско-Бельского междуречья // *Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2017а. С. 55–64.*
- Колонских А.Г.* Научный отчет об итогах разведочных археологических исследований на территории Дюртюлинского, Калтасинского, Янаульского и Бураевского районов Республики Башкортостан в 2015 г. Уфа, 2017б. 181 с. // *Архив ИЭИ УФИЦ РАН.*
- Колонских А.Г.* Укрепленные поселения Уфимско-Бельского междуречья // *Вестник Вятского государственного университета. 2017в. № 12. С. 62–67.*
- Колонских А.Г.* Коллекция керамики городища Уфа-II из раскопок Н.А. Мажитова 1958 года // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017г. № 10. С. 9–24.*
- Колонских А.Г.* Бахмутинская культура в Уфимско-Бельском междуречье // *Каталог коллекций эпохи раннего средневековья археологических фондов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (Музей археологии и этнографии). Бахмутинская культура. Ч. 1 / Сост. Э.В. Камалеев, А.Г. Колонских. Уфа: Диалог, 2017д. С. 9–15.*
- Колонских А.Г.* Научный отчет об итогах археологической разведки на территории Бураевского, Татышлинского, Калтасинского, Янаульского, Краснокамского, Благовещенского, ГО город Уфа Республики Башкортостан в 2017 г. Т. 1. Уфа, 2018а. 124 с.
- Колонских А.Г.* Научный отчет об итогах археологической разведки на территории Бураевского, Татышлинского, Калтасинского, Янаульского, Краснокамского, Благовещенского, ГО город Уфа Республики Башкортостан в 2017 г. Т. 2. Уфа, 2018б. 180 с.
- Колядёнков М.Н.* Историческая общность мокши и эрзи по данным языка // *Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8-10 декабря 1964 года / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 257–271.*
- Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // *Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 111–136.*
- Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // *СЕЭС. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 7–244, 413–432.*
- Комар А.В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 169–206.*
- Кондаков Н.П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Спб., 1896. 214 с.: илл.
- Кондратьева Г.Т.* Археологические и этнографические работы на р. Чепце // *Археология и этнография Башкирии. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 232–236.*
- Кондратьева Г.Т.* У истоков прошлого удмуртского народа // *Край Удмуртский. Вып. 2 / Отв. ред. С.Ф. Ры-*

- бин. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1964а. С. 120–124.
- Кондратьева Г.Т.* Некоторые древние городища северных районов Удмуртской АССР (к этногенезу северных удмуртов) // УЗ МОПИ. Т. 198. Вып. 3. М., 1967. С. 147–162.
- Кондратьева Г.Т., Стоянов В.Е.* Археологические работы на р. Чепце // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Геннинг. Свердловск, 1962. С. 100–106.
- Кондрашин В.В.* Металлографический анализ кузнечных изделий с Выпозовского селища // Самарский край в истории России / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ, 2001. С. 190–192.
- Кондрашин В.В.* Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н. э. – VII в. н. э. (технологический аспект). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 24 с.
- Кондрашин В.В.* Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н. э. – VII в. н. э. (технологический аспект). Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003а. 154 с.
- Коренюк С.Н.* Могильник раннего железного века Верхний Ирьяк // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 95–98.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Итоги охранных археологических исследований на территории Пермской области по трассе продуктопровода «Пермь-Альметьевск-Запад» в 2000 г. // Пермский регион: история, современность, перспективы / Отв. ред. В.В. Шилов. Березники, 2001. С. 51–55.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Всадники глядендовской культуры // Вестник Пермского университета. Серия История. 2008. Вып. 7(23). С. 55–65.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Глядендовская культура и «угорская концепция» в археологии раннего железного века Пермского Приуралья // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения). Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 85–89.
- Коренюк С.Н., Чуйкина Е.В.* О связях Среднего Прикамья с сарматским миром в начале I тыс. н. э. // Древние этнокультурные связи финно-угров / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. С. 109–113.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 241 с.
- Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века). Дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1993.
- Косинцев П.А., Пластеева Н.А.* Охота и животноводство населения Буйского городища / Голдина Р.Д., Черных Е.М., Лещинская Н.А., Салангин Д.А. Буйское городище – памятник эпохи железа лесной зоны Восточной Европы. Приложение 1. Неопубликованные материалы отчета по гранту ГРНФ № 03-01-00197а за 2004 г.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука, 1980. С. 43–61.
- Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971. 168 с.
- Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
- Краснов Ю.А.* Женская одежда по материалам Безводнинского могильника // КСИА. Вып. 170 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1982. С. 51–58.
- Красноперов А.А.* К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся культурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии / Отв. ред. В.С. Горбунов и др. Уфа: Китап, 2007. С. 265–275.
- Красноперов А.А.* Погребальная керамика Прикамья из пьяноборских и мазунинских могильников // УАВ. Вып. 10 (2010). 2012. С. 83–109.
- Красноперов А.А.* Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 218–254.
- Красноперов А.А.* Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 56–86.
- Красноперов А.А.* Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4, ч. 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 103–190.
- Красноперов А.А.* Финал мазунинских памятников на правом берегу Камы // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. / Отв. ред. Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 435–437.
- Красноперов А.А.* Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп: к дефиниции типов // Уфимский археологический вестник. Т. 22. № 2. Уфа, 2022. С. 269–282.
- Красноперов А.А., Черных Е.М.* Женский головной убор из Дубровского могильника IV–V вв. н.э. // Поволжская археология. 2017. № 1(19). С. 216–237.
- Кривошеев М.В.* О хронологии позднесарматских зеркал с центральной петелькой // Проблемы археологии

- Нижнего Поволжья. Тезисы докладов I Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 238–242.
- Кривошеев М.В.* Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005. 336 с.
- Кривошеев М.В.* Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 57–92.
- Кривошеев М.В.* Волго-Донское междуречье в середине III–IV вв. н. э. Этноисторические проблемы // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции «Проблемы археологии Нижнего Поволжья». 15–18 ноября 2016 года / Ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2016. С. 100–103.
- Кривошеев М.В.* Восточные традиции и инновации в сарматских памятниках второй половины II–IV в. н. э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 4. С. 17–27.
- Кривошеев М.В.* Южное Приуралье и Нижнее Поволжье в позднесарматское время. Вопросы взаимодействия // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья / Отв. ред. С.В. Сиротин. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 113–128.
- Кривошеев М.В.* К вопросу о существовании профессиональных воинов у кочевников позднесарматского времени // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 317–324.
- Кривошеев М.В., Борисов А.В.* Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных номадов в IV в. н. э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 3. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А.* Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник Волгоградского госуниверситета. Сер. 4: История. № 5(35). Волгоград, 2015. С. 98–111.
- Кривошеев М.В., Малашев В.Ю.* Хроноиндикаторы середины III–IV вв. н. э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 138–147.
- Кривошеев М.В., Малашев В.Ю.* Проблема культурной атрибуции памятников кочевого населения позднесарматского времени Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху. Т. V / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Салта, 2019. С. 147–153.
- Кривошеев М.В., Скрипкин А.С.* Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Вып. 3 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 75–85.
- Кривошеев И.Я., Зеленев И.И.* Народонаселение Прикамья в прошлом и настоящем. Пермь, 1911. 35 с.
- Кривошеев И.Я.* Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. 839 с.
- Кривошеева-Гантман А.С.* Географические названия Верхнего Прикамья (С кратким топонимическим словарем). Пермь: Кн. изд-во, 1983. 175 с.
- Кропоткин В.В.* О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 137–141.
- Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука, 1967. 135 с.
- Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Кругликова И.Т.* Погребение I–IV вв. н. э. в дер. Айвазовское // СА. 1957. № 2. С. 253–258.
- Круглов Е.В.* Сложносоставные луки раннехазарского времени // Хазарский альманах. № 3 / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2004. С. 63–73.
- Крыласова Н.Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.
- Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д.* Исследование поминального комплекса V – начала VI века Аржан-Бугузун на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 312–316.
- Кубик А.Л., Радюш О.А.* Шлемы многосегментной конструкции у восточных врагов поздней Римской империи: находки из Царицыно (Рязанская обл.) и их место в оружейно-дискурсе // Лесная и лесостепная зоны восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 4, Ч. 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 84–102.
- Кудряшов А.В.* Неволинские древности в бассейне р. Шексны // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 240–242.
- Куза А.В.* Древнерусские городища X–XIII вв.: свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. 255 с.
- Кузеев Р.Г., Иванов В.А.* Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 5–18.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983.

- 257 с.
- Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Матер. науч. конф. к 75-летию В.А. Генинга. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. С. 104–113.
- Культурное наследие Самарской области. Т. 2: Объекты археологического наследия / гл. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2020. 703 с.
- Кулябина Н.В.* К вопросу о роли сармат в этнической истории Прикамья // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: ГИМ, 1999. С. 53–56.
- Кулябина (Соболева) Н.В.* Бурковский курганный могильник – эталонный памятник эпохи великого переселения народов // Удмуртской археологической экспедиции 50-лет / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УО РАН, 2004. С. 173–179.
- Кулябина Н.В.* Наследие Камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог / Ред. Г.Н. Чагин. Пермь, 2013. 268 с.
- Курманов Р.Г.* Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II методом спорово-пыльцевого анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 175–184.
- Кухаренко Ю.В.* Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д1–19. М., 1964. 68 с.
- Лебедева С.Х., Атаманов М.Г.* Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1987. С. 112–150.
- Лебедева (Овчинникова) Н.В.* Новые археологические исследования у села Лузановка // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. Алабина, СамГУ, 2008. С. 190–207.
- Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху. Т. 1 / Науч. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля. С. 171–187.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приуралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Восточная лит-ра, 1996. 396 с.
- Ленц Г.Т.* Отчет о раскопках Калашниковского курганного могильника и Калашниковского I селища в Кунгурском районе Пермской области // Архив кабинета археологии УрГУ. Свердловск, 1983.
- Ленц Г.Т.* Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь, 2002. С. 217–242.
- Лепихин А.Н.* Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь: Типография купца Тарасова, 2007. 224 с.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* К проблеме хронологии костяных гляденовской культуры // Святые места и жертвенные места финно-угорского населения Евразии / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: СГПИ, 1996. С. 48–53.
- Леценко В.Ю.* Восточные клады на Урале в VII–XIII вв. (По находкам художественной утвари). Дисс. ... канд. ист. наук. 1971 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. № 110, 111, 112.
- Леценко В.Ю.* Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. С. 176–188.
- Лецинская Н.А.* Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1988. С. 79–107.
- Лецинская Н.А.* Отчет об археологических исследованиях Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1990 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 303. 26 л.
- Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 88–127.
- Лецинская Н.А.* Этнокультурные связи населения бассейна р. Вятки в I тыс. н. э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 29–31 октября 2002 г.) / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2002. С. 109–115.
- Лецинская Н.А.* Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АНРТ, 2009. С. 111–121.
- Лецинская Н.А.* Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 134–144.
- Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 472 с.
- Лецинская Н.А.* Древности I–V вв. Вятского края как источник по межкультурному взаимодействию в условиях Великого переселения народов // Труды IX (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014а. С. 344–347.
- Лецинская Н.А.* «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки // Поволжская археология. 2014б. № 1 (7). С. 92–113.
- Лецинская Н.А.* «Жертвенные комплексы» как элемент погребальных традиций населения Вятского края в раннем средневековье // Поволжская археология. 2016. № 1(15). С. 123–141.
- Лецинская Н.А.* Подвески-лунницы еманаевской культуры (к вопросу о межкультурных контактах) // XXI

- Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 298–300.
- Лецинская Н.А. Жертвенный комплекс погребения 33 Тат-Боярского могильника еманаевской археологической культуры: информационный потенциал // Ежегодник финно-угорских исследований. Т.15. Вып. 4. 2021. С. 668–680.
- Лецинская Н.А. Памятники III–V вв. бассейна р. Вятки // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдинов, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 207–225.
- Лецинская Н.А., Орехов П.М. Бронзолитейное производство Вятского края в I тыс. н. э. (технологические аспекты) // Пермские финны: археологические культуры и этносы / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 173–177.
- Лецинская Н.А., Пастушенко И.Ю. Керамика Тат-Боярского могильника VI–VIII вв.: археологический эскиз к дискуссии об истории Вятского края в эпоху раннего средневековья // КЛИО. 2015. № 10 (106). С. 165–173.
- Лецинская Н.А., Пастушенко И.Ю. Раннесредневековые бронзовые зеркала Камско-Вятского междуречья: истоки и пути поступления // Stratum Plus. 2017. № 5. С. 99–112.
- Лецинская Н.А., Пастушенко И.Ю. Бронзовые чаши и изделия из них на раннесредневековых памятниках Камско-Вятского междуречья // РА. 2018. № 3. С. 48–62.
- Лецинская Н.А., Сенникова Л.А. Археологический штрих к раннесредневековой карте памятников бассейна р. Вятки // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: ИКИ, 2016. С. 235–240.
- Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. 1964. № 3. С. 155–176.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.
- Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Средняя Азия в Ахеменидское время // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А.В. Седова. Москва: Восточная литература, 2004. 895 с.
- Лифанов Н.А. Домостроительство лесостепного Поволжья второй-третьей четверти I тыс. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997.
- Лунегов И.А. Редикарский могильник // КСИИМК. Вып. 57 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 124–128.
- Луфанов А.В., Бугров Д.Г. Находки раннего железного века. Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение // Археология евразийских степей. 2019. № 4. С. 201–232.
- Лыганов А.В., Вязов Л.А., Пономаренко Е.В., Истомин К.В., Халимуллина Л.Р. Бикляньское селище начала эпохи великого переселения народов в нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 231–247.
- Лыткин В.И., Гуляев Е.Н. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Любичев М.В. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков / Ostrogothica–Serie: Bände. Т. 2. Ч. 1. Харьков: Естет Принт, 2019. 268 с.
- Міхлін Б.Ю. Гуннський амулет з Ждановського музею // Археологія. 1972. № 5. С. 95–96.
- Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблемы этноса. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. 290 с.
- Мадяри в Середньому Подніпров'ї // Археологія і давня історія України. Вып. 7. Київ, 2011. 200 с.
- Мажитов Н.А. Курганный могильник у деревни Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1959. С. 114–142.
- Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции в Бирский, Бураевский, Балтачевский и Калтасинский районы БАССР за 1959 г. // Архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 459.
- Мажитов Н.А. Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа, 1959. С. 143–151.
- Мажитов Н.А. Поселение Ново-Турбаслинское II // Археология и этнография Башкирии. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 154–162.
- Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 65–71.
- Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // Археология и этнография Башкирии. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1964. С. 101–110.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 161 с.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Мажитов Н.А. Отчет об исследованиях Бирского могильника и городища Тра-Тау в 1983 г. Уфа, 1984 // Архив АЛ БашГУ. Ф. 2. Д. 15.
- Мажитов Н.А. Отчет об итогах раскопок 1989 года на Имендешевском городище в Гафурийском районе Башкирской АССР. Уфа, 1990 // Архив АЛ БашГУ. Ф. 2. Д. 37.
- Мажитов Н.А. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА. 1990, а. № 1. С. 61–66.
- Мажитов Н.А. Башкортостан в IV–VIII вв. // История башкирского народа. Т. 2 / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2012. С. 123–147.
- Мажитов Н.А. Еще раз о мадьярской проблеме в средневековой истории Южного Урала // II-й Международный Мадьярский симпозиум / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 84–88.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Раскопки Бирского могильника // Археологические открытия 1981 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 157.

- Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.
- Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н.* Сокровища древней Уфы. Уфа: Башкортостан, 2008. 112 с.
- Максимов Е.К.* Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 1. Археологический сборник. Саратов: Коммунист, 1956. С. 65–85.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Малашев В.Ю.* Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111–121.
- Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.
- Малашев В.Ю.* Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 117–142.
- Малашев В.Ю.* Кочевнические памятники Казахстана, Средней Азии и происхождения позднесарматской культуры // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. II / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 251–255.
- Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура Южного Приуралья во II – III вв. н. э. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.
- Малашев В.Ю., Бакушев М.А., Фидаров Р.Ф., Караев Б.З., Леонтьева А.С.* Змейский раннеаланский могильник // РА. 2022. № 1. С. 78–96.
- Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганские могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.
- Малашев Ю.В., Кадзаева З.П.* Сильно профилированные фибулы середины III – IV в. н.э. // РА. 2021. № 2. С. 54–72.
- Малашев В.Ю., Кривошеев М.В.* Позднесарматские памятники Волго-Уралья // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 18–37.
- Малашев В.Ю., Мошкова М.Г.* Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 37–56.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.
- Мамаев Х.М.* «Княжеское» погребение у г. Магас (Ингушетия) // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 55–71.
- Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Ростунов Е.В.* «Гуннское» погребение из Коби (Шелковской район Чеченской республики) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 12 / Ред. Е.И. Нарожный. Армавир, 2011. С. 108–114.
- Мамлеева Л.А.* Становление Великого шёлкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 53–63.
- Марк К.Ю.* Антропология пермских народов в связи с вопросами их этногенеза // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1987. С. 37–48.
- Мартыанов В.Н.* Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т, 2001. 322 с.
- Маришак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевики. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. 156 с.
- Маришак Б.И.* История восточной торевики III–XI вв. и проблемы культурной преемственности. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1980. 36 с.
- Маришак Б.И.* Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов / Науч. ред. В.Н. Залеская. СПб.: ГЭ, 2006. С. 72–82.
- Маслов В.Е.* К вопросу о происхождении М-образных нашивных бляшек // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: ЮИЦ РАН, 2016. С. 172–177.
- Мастыкова А.В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / Отв. ред. М.Е. Левада. Киев, 1999. С. 171–202.
- Мастыкова А.В.* Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция // РА. 2001. № 2. С. 23–37.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Мастыкова А.В.* «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. 2014. № 232. С. 136–150.
- Мастыкова А.В.* Листовидные подвески эпохи Великого переселения народов в Понто-Кавказском регионе // Боспорские исследования. 2018. Вып. 36. С. 143–167.
- Мастыкова А.В.* Центрально-азиатские зеркала у кочевников постгуннского времени в Восточной Европе // Relations rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére. Budapest, 2018. С. 409–418.
- Матвеев А.К.* Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции ИА АН СССР. Вып. 2. М., 1961. С. 319–330.
- Матвеев А.К.* О древнейших местах расселения угор-

- ских народов (по данным языка) // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 4 / УЗ ПГУ. Вып. 191. Пермь: ПГУ, 1968. С. 136–146.
- Матвеев А.К.* К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика Европейского Севера СССР / Науч. ред. Г.М. Керг, Н.Н. Мамонтова. Мурманск: Кн. Изд-во, 1982. С. 49–58.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 346 с.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 369 с.
- Матвеев А.К.* Ономатология. М.: Наука, 2006. 290 с.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. III. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2007. 300 с.
- Матвеев А.К.* Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург, 2011. 260 с.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Т. IV. Топонимия мерянского типа. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 313 с.
- Матвеев Р.В.* Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II–IV вв. н. э. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 264 с.
- Матвеев С.Г.* Могильник Чем-Шай // Научное общество по изучению Вотского края. Вып. 4. Ижевск, 1929. С. 18–25.
- Матвеева Г.И.* Отчёт археологической экспедиции Башкирского университета за 1963 год // Архив АЛ БашГУ. Ф. 3. Д. 2.
- Матвеева Г.И.* Отчёт археологической экспедиции Башкирского университета за 1965 год. Уфа, 1966 // Архив Ал БашГУ. Ф. 3. Д. 4.
- Матвеева Г.И.* Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой // Археология и этнография Башкирии. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 113–120.
- Матвеева Г.И.* Шареевский могильник // Из истории Башкирии (дореволюционный период) / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1968. С. 5–20.
- Матвеева Г.И.* Население лесной и лесостепной Башкирии в III–VIII вв. н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969. 16 с.
- Матвеева Г.И.* Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 129–134.
- Матвеева Г.И.* Памятники железного века в бассейне р. Зилим // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 244–252.
- Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1981. С. 52–73.
- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н. э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1986. С. 158–171.
- Матвеева Г.И.* Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во Самарский ун-т, 1993. С. 156–183.
- Матвеева Г.И.* Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1997. С. 206–217.
- Матвеева Г.И.* Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 87–96.
- Матвеева Г.И.* Памятники именьковской культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 113–134.
- Матвеева Г.И.* Хронология именьковской культуры // Самарский край в истории России. Вып. 1. Материалы юбилейной конференции / Ред. П.С. Кабытов, Д.А. Стащенко. Самара: СОИКМ, 2001. С. 186–189.
- Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: СГУ, 2003. 160 с.
- Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: СГУ, 2004. 168 с.
- Матвеева Г.И.* О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. II / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов / Археология евразийских степей. Вып. 2. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 75–86.
- Матвеева Г.И., Морозов В.Ю.* Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье / Под ред. Г.И. Матвеевой. Самара: изд-во СамГУ, 1991. С. 172–184.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Пришимья. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П.* Геокультурные трансформации в западной части Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск, 2006. С. 27–32.
- Матвеева Н.П.* Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 63–75.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во ТюменГУ, 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С.* К вопросу о миграции западносибирского населения в Приуралье // Археологическое наследие Урала: от первых открытий

- к фундаментальному знанию (XX Уральское археологическое совещание) / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: ИКИ, 2016. С. 246–251.
- Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума. Казань–Болгар, 15–19 октября 2018 г. // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. 273 с.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. (Дневник археологических раскопок П.П. Иванова) / Отв. ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Изд-во Моршан. краевед. музея, 1952. 231 с.
- Материальная культура средневекового Предуралья. Часть II. А.М. Белавин. Культура производства. Вооружение. Торговля. Пермь: ПГПУ, 2010. 189 с.
- Материальная культура средне-циннской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / Ред. А.П. Смирнов. Саранск, 1969. 176 с.
- Матюхин А.Д. Сарматские памятники I–IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материала) // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3 / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: Саратовский гос. университет, 1992. С. 144–158.
- Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 2: Охрана и исследование в 1996 году / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Орион, 1997. С. 182–198.
- Мацулевич Л.А. Византия и эпоха великого переселения народов. Краткий путеводитель. Л.: Издание Гос. Эрмитажа, 1929. 60 с.
- Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 139–158.
- Медведев А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 233–255.
- Мейндер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наука, 1979. С. 35–40.
- Мельникова О.М. Археология в Российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы (по материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900–1930-х гг.). Ижевск: Институт компьютерных исследований. 2014. 136 с.
- Мельничук А.Ф., Вылежнева М.В. Изделия из халцедона-сапфирина в Восточной Европе как индикатор культурных связей населения Прикамья с сарматским миром в первой половине I тыс. н. э. // Оборинские чтения. Вып. 2 / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: ПОКМ, 2002. С. 43–45.
- Мельничук А.Ф., Кузьминых С.Ю. Новые исследования могильника Деменки // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2008. С. 469–479.
- Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соболева Н.В. Исследования Мокинского могильника близ г. Перми // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УО АН СССР, 1989. С. 78–81.
- Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Бродовские (харинские) погребальные комплексы – результат экспансии западных саргатских общин? // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. С. 142–145.
- Мингалев В.В. Калачевидные серьги харинского типа // Оборинские чтения. Вып. 4 / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: ПОКМ, 2006а. С. 52–66.
- Мингалев В.В. Дольные ножи // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2006б. Вып. 1. С. 112–119.
- Мингалев В.В. Хронология и функциональная интерпретация парных арочных подвесок // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография / Отв. ред. В.С. Горбунов и др. Уфа: Китап, 2007. С. 296–303.
- Мингалев В.В. Керамика Чазевского I могильника // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / Труды КАЭЭ. Вып. VI / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 125–133.
- Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. в Пермском Прикамье // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Геннига (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. С. 255–261.
- Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Хронология и культурная принадлежность Калашниковского курганного могильника (по материалам раскопок 1982 г. и 2012 г.) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья / Гл. ред. Г.П. Головчанский. Пермь: Пермский гос. нац. исследовательский университет, 2016. С. 145–153.
- Мингалев В.В., Юкова М.К. Хронология могильников Пыштайн I–III // Средневековая археология Восточной Европы / Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. XII / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2017. С. 114–124.
- Михайлова Е.Р. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи // Истоки славянства и Руси. / Науч. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 201–210.
- Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. 1982. № 2. С. 156–167.
- Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 66–86.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Могильников В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху желе-

- за // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1988. С. 20–30.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь: Тарпан, 2006. 139 с.
- Морозов В.Ю.* К вопросу о путях проникновения сасанидских монет и металла в Урало-Поволжский регион // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Тезисы докладов / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1995. С. 53–56.
- Морозов В.Ю.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 148–164.
- Морозов В.Ю.* Топография находок сасанидских драхм в Урало-Поволжском регионе // Краеведческие записки. Вып. 12. Самара: Глагол, 2005. С. 81–98.
- Мошкова М.Г.* Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 196–201.
- Мошкова М.Г.* Среднеазиатская керамика из позднесарматских комплексов // Прошлое Средней Азии / Отв. ред. В.А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1987. С. 104–112.
- Мошкова М.Г.* Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 191–202.
- Мошкова М.Г.* Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 186–200.
- Мошкова М.Г.* Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 236–249
- Мошкова М.Г.* Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар. 2004. С. 22–44.
- Мошкова М.Г.* Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // РА. 2007. № 3. С. 103–111.
- Мошкова М.Г.* Позднесарматская культура / Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Восточная литература, 2009. 174 с.
- Мошкова М.Г., Демиденко С.В.* Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 254–261.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология Сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Научные школы Волгоградского Государственного университета / Отв. ред А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 172–212.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Болелов С.Б.* Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н. э. – IV в. н. э. // РА. 2007. № 3. С. 121–132.
- Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 157 с.
- Мухаметдинов В.И., Бахшиева А.К.* Технология изготовления керамики // Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: Самрау, 2018. С. 91–98.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В.* Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006. 208 с.
- Мышкин В.Н.* Могильник эпохи раннего средневековья у с. Подгоры на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское архивное общество, 2013. С. 73–118.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Памятники позднесарматской культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 31–37.
- Мясников Н.С.* Исследования Таутовского могильника в 2011 г. // Казанская наука. 2012. № 3. С. 27–34.
- Мясников Н.С.* Отчет об археологических раскопках Сендимиркинского могильника в Вурнарском районе Чувашской республики в 2013 году // Архив ИА РАН. 2014. Р -1. №№ 40868, 40869. 2014.
- Мясников Н.С.* Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2016. 264 с.
- Мясников Н.С.* Новый памятник с двумя лунницами круга восточноевропейских выемчатых эмалей в Среднем Посурье // Никоновские чтения: эл. сб. научных статей по материалам II Всероссийского культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г.Л. Никоновой) / Под ред. А.В. Никитиной. Чебоксары: ЧГПУ, 2017. С. 59–66.
- Мясников Н.С.* Сареевское городище Ножа Вар: к вопросу о культурно-хронологической интерпретации // Чувашская археология. Вып. 3. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 232–266.
- Мясников Н.С., Ефимов Е.Л.* Новые археологические материалы Таутовского грунтового могильника железного века в Чувашии // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АНРТ, 2009. С. 106–111.
- Мясников Н.С., Мамонова А.А., Гришаков В.В.* Реконструкция женского головного убора второй поло-

- вины II в. н. э. из Сендимиркинского могильника в Сурско-Свияжском междуречье // КСИА, 2018, Вып. 250. С. 73–90.
- Мясников Н.С., Михайлов Е.П., Березина Н.С. Сендимиркинский грунтовый могильник – новый памятник конца раннего железного века в Чувашском Поволжье (по материалам исследований 2012 г.) // Чувашская археология. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 54–78.
- Напольских В.В. О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1995. № 3–4. С. 38–51.
- Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996. С. 197–206.
- Напольских В.В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 28–33.
- Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // ВАУ. Вып. 25 / Отв. ред. В.Т. Ковалева Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2008. С. 14–25.
- Напольских В.В. «Список народов Германариха» готский путь от Ладоги до Кубани // Уральский исторический вестник. 2012, № 2 (35). С. 20–30.
- Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.
- Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, 2015. 648 с.
- Напольских В.В. Прорыв в исследовании мерянской проблемы // Вопросы ономастики. 2018. Т. 13. № 2. С. 177–189.
- Напольских В.В. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века н. э. и данные «Гетики» Иордана // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 7–29.
- Насибуллин Р.Ш. К проблеме этнической принадлежности носителей именьковской археологической культуры // Вестник УдГУ. № 6. Ижевск, 1992. С. 76–79.
- Нефедов Ф.Д. Отчёт об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. // МАВГР. Т. III / Под ред. Д.Н. Анучина. М.: Тип. М.Н. Шарапова, 1899. С. 42–74.
- Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе / Л.Г. Нечаева // Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь профессора М.И. Артамонова / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 151–159.
- Нечвалода А.И. Череп ранних кочевников Южного Урала и Переволочанского курганного некрополя // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. // Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (Уфимский археологический вестник. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 157–167.
- Нечвалода А.И., Воробьёва С.Л. Мужские и женские погребения носителей кара-абызской культуры по материалам Охлебнинского могильника: Антропологические данные и погребальный костюм // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г. / Отв. ред. Я.В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 156–174.
- Никитин В.В. Отчет неолитического отряда Марийской археологической экспедиции о работах в 1985 году // НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 789.
- Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 415 с.
- Никитина А.В. Некоторые случайные находки эпохи Великого переселения народов и Раннего средневековья Ульяновского региона // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 59–86.
- Никитина А.В. Находки вещей круга выемчатых эмалей в лесостепной зоне Среднего Поволжья // Германия – Сарматия. Вып. 3 / Ред. О. Радюш, А. Блюэнэ, М. Любичев. М.: ИА РАН, 2020. С. 220–242.
- Никитина Г.Ф. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. Москва: Наука, 1996. 181 с.
- Никитина Т.Б. Работы в Звениговском районе Марийской АССР // Отчет о работе III отряда Марийской археологической экспедиции в 1990 году. НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 971.
- Никитина Т.Б. Могильник у озера «Ясачное» // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 108–124.
- Никитина Т.Б. К вопросу об истоках марийского этноса // Финно-угроведение. 1996. № 2. С. 50–66.
- Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников) / Труды МАЭ. Т. V. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.
- Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ-ЯЛИ, 2002. 432 с.
- Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Автореф. дисс. ... док. ист. наук. М., 2003. 39 с.
- Никитина Т.Б. Особенности азелинских памятников Марийского Поволжья // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдинов, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 226–234.
- Николаев С.Ф., Степанов М.Н., Чепкасов П.Н. География Пермской области. Пермь: Пермское книжное издательство, 1969. 200 с.
- Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Ниже-

- городская область / под ред. А.В. Кашкина. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2004. 384 с.
- Николаенко Т.Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область / под ред. А.В. Кашкина. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2008. 464 с.
- Николаенко Т.Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область / под ред. А.В. Кашкина. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2013. 406 с.
- Николаенко Т.Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 4 (дополнение к частям 1–3). М.: ИА РАН, 2015. 478 с.
- Новенко Е.Ю.* Изменения растительности и климата Центральной и Восточной Европы в позднем плейстоцене и голоцене в межледниковые и переходные этапы климатических макроциклов. М.: ГЕОС. 2016. 228 с.
- Новиков А.В.* Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья / Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. 2018. № 2. 281 с.
- Новокрещенных Н.Н.* Археологические исследования западной части Пермской губернии // Тр. ПУАК. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 107–141.
- Новокрещенных Н.Н.* Гляденовское костыще / Труды ПУАК. Вып. 11. Пермь, 1914. С. 19–98.
- Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России Москва, 1969. 601 с.
- Обломский А.М.* Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М., 2002. 256 с.
- Обломский А.М.* Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. 2005. № 2. С. 32–45.
- Обломский А.М.* Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Под ред. А.Н. Наумова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 397 с.: ил.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12 / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. С. 124–156.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Раннеславянский мир. Вып. 10 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 113–141.
- Оборин В.А.* Баяновский могильник на р. Косье // УЗ ПГУ. Т. 9. Вып. 3 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Харьков: Изд-во Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, 1953. С. 145–160.
- Оборин В.А.* К истории земледелия у древних коми-пермяков // СЭ. 1956а. № 2. С. 66–75.
- Оборин В.А.* Некоторые проблемы изучения родановской культуры // Уч. зап. ПГУ. Т. 11. Вып. 3. Харьков, 1956б. С. 83–101.
- Оборин В.А.* Памятники родановской культуры у с. Таборы // КСИИМК. 1956в. Вып. 65 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956в. С. 107–118.
- Оборин В.А.* К истории охоты и скотоводства древних коми-пермяков // Уч. зап. ПГУ. 1960. Т. 12. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1960. С. 219–230.
- Оборин В.А.* Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // ВАУ. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1973. С. 53–65.
- Оборин В.А.* Раскопки памятников железного века в Верхнем и Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 95–99.
- Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 156–167.
- Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9. Свердловск, 1970. С. 3–29.
- Оборин В.А.* Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь: Кн. изд-во, 1976. 190 с.
- Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. 169 с.
- Оборин В.А., Балащенко Л.А., Воронкова Н.А.* Работы в Верхнем Прикамье // Археологические открытия 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 161.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 182 с.
- Овсянников В.В.* К вопросу о времени создания укреплений Охлебининского и Шиповского городищ // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. 8 / Отв. ред. Н.М. Кулбахтин. Уфа: БашГУ, 2005. С. 56–62.
- Овсянников В.В.* Научный отчет об археологических работах в Иглинском районе и на территории г. Уфы РБ в 2005 г. Уфа, 2005 / Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1037.
- Овсянников В.В.* Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничука / Ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006а. С. 171–179.
- Овсянников В.В.* Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II–IV вв. н. э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: б/и, 2006в, г. С. 88–93.
- Овсянников В.В.* Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов.

- Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2006б. С. 81–87.
- Овсянников В.В.* Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху В. В. Овсянников // УАВ. 2009. Вып. 9. С. 144–156.
- Овсянников В.В.* Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014б. С. 375–377.
- Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М.* Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // УАВ. 2015. Вып. 15. С. 85–110.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С. Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
- Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А.* Городище Каменная Гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 218–240.
- Овсянников В.В., Тагиров В.М.* Городище Кукры-Куль (Старо-Муштинское) // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2000, С. 165–178.
- Овчинников Ф.В.* О происхождении харинской полихромной поясной гарнитуры (к вопросу об истоках культур харинского типа) // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока: материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 17 / отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 47–53.
- Олейников О.М.* Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6 / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород, 1992. С. 69–82.
- Опись предметов из раскопок В.Л. Борисова за 1901–1902 гг. / Архив ЛОИА АН СССР. Ф. ДАК. Д. 113.
- Орбели К.А., Тревер К.В.* Сасанидский металл. М.-Л.: Академия, 1935. 47 с.
- Оруджов Э.И.* Керамический комплекс Кривоборского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 89–104.
- Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки / Отв. ред. У. И. Лыткин, К. Е. Майгинская, Карой Редей. М.: Наука, 1976. 464 с.
- Останина Т.И.* Отчет об археологических исследованиях в Алнашском районе УАССР, 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 6573. 26 л.
- Останина Т.И.* Нивский могильник // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 92–118.
- Останина Т.И.* Отчёт об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея летом 1979 года / Научный архив ИА РАН. № 7490.
- Останина Т.И.* Работы Удмуртского республиканского музея // Археологические открытия 1979 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С.163-164.
- Останина Т.И.* К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртский университет, 1983. С. 72–79.
- Останина Т.И.* Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1985. С. 78–91.
- Останина Т.И.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртского республиканского краеведческого музея, проведенных летом 1986 г. / Архив НМУР. Д. 839. 44 л.
- Останина Т.И.* Отчёт об археологических работах Удмуртского республиканского музея проведенных летом 1988 г. / Научный архив ИА РАН. № 12691.
- Останина Т.И.* Городище мазунинской культуры около ст. Постол Удм. АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1988а. С. 65–78.
- Останина Т.И.* Мазунинская археологическая культура в Среднем Прикамье. К вопросу определения археолого-этнического комплекса культуры // КСИА. Вып. 194 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1988б. С. 80–85.
- Останина Т.И.* Городище IV–V вв. у д. Чужьялово Удмуртской АССР // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988в. С. 70–88.
- Останина Т.И.* Отчёт об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея проведенных летом 1989 года / Научный архив ИА РАН. № 14560.
- Останина Т.И.* Отчёт научной экспедиции НМ РБ. Т. III. Уфа, 1990 / Национальный музей РБ. Оп. 1. Д. 372.
- Останина Т.И.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртского республиканского краеведческого музея, проведенных летом 1990 г. / Архив НМУР. Д. 1085. 51 л.
- Останина Т.И.* Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв. // Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск, 1991. С. 76–91.
- Останина Т.И.* Археологические исследования А.П. Смирнова на территории Удмуртии // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991а. С. 14–45.
- Останина Т.И.* Покровский могильник IV–V вв.: каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртский республиканский краеведческий музей, 1992. 96 с.
- Останина Т.И.* Турчинский могильник – ранний бесермянский некрополь на севере Удмуртии // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня / Отв. ред. К.М. Климов. Ижевск: изд-во Удмуртского университета, 1996. С. 25–49.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
- Останина Т.И.* Отчет об археологических раскопках I Чегандинского городища (с. Чеганда, Каракулинский р-н, УР), проведенных летом 1998 г. / Архив НМУР. 48 л.

- Останина Т.И.* Городище мазунинской культуры около с. Сосновка Удмуртской Республики // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск, 1999. С. 66–98.
- Останина Т.И.* Кузобаевское городище IV–V, VII вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2002. 112 с.
- Останина Т.И.* Археологические коллекции Национального музея Удмуртской Республики им К. Герда. Каталог. Ижевск: УдГУ, 2004. 231 с.
- Останина Т.И.* Поломский II могильник Красная Горка (материалы раскопок 1959–1960 гг.) // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С. 40–155.
- Останина Т.И.* «Во всем дойти до самой сути...» Останина: очерк жизни и научной деятельности. Ижевск: Национальный музей УР им. К. Герда, 2012. 100 с.
- Останина Т.И.* Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру // Поволжская археология. 2014. № 1. С. 114–135.
- Останина Т.И.* Наборные пояса из Кузобаевского клада VII века // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 257–271.
- Останина Т.И.* Удмуртский вариант именьковской культуры: итоги изучения и особенности // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 257–292.
- Останина Т.И.* Казакларовское I городище в бассейне Белой // УАВ. 2020. Вып. 20. С. 78–95.
- Останина Т.И.* Мазунинская культура III–V вв. // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдинов, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 126–156.
- Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б.* Кузобаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.
- Откупщиков Ю.В.* Opera philologica minora (античная литература, языкознание). СПб.: Наука, 2001. 454 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1894. 173 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1894 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1896. С. 26–29.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1897. 201 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1900. 192с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1901. 191 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1900 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1902. 173 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1901 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1903. 198 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1904. 199 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1907. 185с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1906 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1909. 152 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1907 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1910. 157 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1912. 227 с.
- Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья / КСИА. № 158 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М: Наука, 1979. С. 71–79.
- Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм // Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.
- Оятева Е.И., Игнатьева А.М., Белавин А.М.* Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2009. 160 с.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Ч. II. Книга первая. СПб: Императорская академия наук, 1786. 476 с.
- Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / Под ред. Н. А. Гурвича. Ч. II Уфа, 1873. С. 139–166.
- Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований. Вып. 1. Киров, 2009. 224 с.
- Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований. Вып. 2. Киров, 2010. 224 с.
- Памятники истории и культуры Пермской области. Т. I. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь: Арабеск, 1996. 299 с.
- Памятники истории и культуры Удмуртии. Ижевск, 1990. 156 с.
- Пастушенко И.Ю.* К вопросу о земледелии у населения бассейна р. Сылвы в эпоху средневековья // Исследовательские традиции в археологии Прикамья / Отв. ред. О.М. Мельникова. Ижевск: УдГУ, 2002. С. 267–277.
- Пастушенко И.Ю.* Зеркала неволинской культуры // Пятые Берсовские чтения. / Редколл. В.Д. Викторова, Т.Ю. Клементьева, В.М. Морозов, С.Н. Панина (отв. за выпуск), Ю.П. Чемякин. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 149–151.
- Пастушенко И.Ю.* Круговая посуда неволинских памятников бассейна р. Сылвы // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2008. С. 387–400.
- Пастушенко И.Ю.* Кушнаренковские материалы памятников бассейна реки Сылвы (керамический комплекс) // Проблемы бакальской культуры / Науч. ред.

- С.Г. Боталов. Челябинск-Шадринск: Рифей, 2008. С. 142–146.
- Пастушенко И.Ю., Бернц В.А.* Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // *Finno-ugrica*. 2008. № 11. Казань: ИИ АН РТ. С. 12–23.
- Пастушенко И.Ю., Волков С.Р.* Курманаевский курганный могильник на средней Сылве (итоги предварительного изучения) // *Пермский мир в раннем средневековье* / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 51–65.
- Пастушенко И.Ю., Макаров Л.Д.* Елкинское (Городищенское) городище – памятник неволинской культуры в нижнем течении р. Сылвы // *Вестник музея археологии Пермского Предуралья*. Вып. 2 // Гл. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. С. 63–75.
- Патрушев В.С.* Марийский край VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 229 с.
- Патрушев В.С.* Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. книж. изд-во, 1992. 216 с.
- Пачкова С.П.* Господарство східно-слов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974. 132 с.
- Первухин Н.Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // *МАВГР*. Вып. II / Под ред. графини Уваровой. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1896а. 13–121.
- Первухин Н.Г.* По следам Чуди // *МАВГР*. Вып. II / Под ред. графини Уваровой. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1896б. С. 128–173.
- Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1–5. Вятка: Губернская типография, 1888–1890.
- Перевозчикова С.А.* Калачиковидные украшения на территории Евразии в 1 пол. I тыс. н. э. // *Вестник Челябинского государственного университета: История*. № 36. 2009. С. 39–50.
- Перевозицков С.Е.* Еще раз о косах-горбушах // *Проблемы межэтнических взаимодействий сопредельных национальных и административных образований (на примере региона Среднего Прикамья)*. Сарапул, 1997. С. 67–68.
- Перевозицков С.Е.* Характеристика железообработки в VI–XIII вв. (неволинское и постневолинское время) в бассейне р. Сылвы // *Древние ремесленники Приуралья: материалы Всерос. науч. конф.* / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 238–263.
- Перевозицков С.Е.* Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002. 176 с.
- Перевозицков С.Е., Кондрашин В.В.* Результаты металлографических исследований предметов из черного металла Тураевского могильника // *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: УдГУ, 2010. С. 481–485.
- Перевозицков С.Е., Нагиев З.Ш.* Железообработка Верх-Саинского I городища. Металлографические исследования // XVII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 281–283.
- Перевозицков С.Е., Пастушенко И.Ю.* «Косы-горбуши» в средневековых памятниках Прикамья // *Российские немцы: история и современность*. Мат-лы науч.-практ. конф. Вып. 5 / Отв. ред. А.Н. Маркин. Ижевск, 2006. С. 105–121.
- Перевозицков С.Е., Сабирова Т.М.* Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2014. Вып. 1 (24). С. 71–82.
- Перескоков М.Л.* Классификация и сравнительный анализ украшений и принадлежностей костюма из погребений Верхне-Ирьянского могильника // *История. Право. Образование (Материалы II региональной научной конференции молодых историков)*. Ч. II / Отв. ред. Е.Г. Неклюдов. Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. С. 44–47.
- Перескоков М.Л.* Основные итоги и проблемы изучения памятников финала раннего железного века Пермского Приуралья / *Вестник Пермского университета. Серия История*. 2010. Вып. 1(12). С. 55–65.
- Перескоков М.Л.* Древнепермское жилище в финале раннего железного века // *Преподаватель XXI век*. 2011. Вып. 3. Ч. 2. С. 231–238.
- Перескоков М.Л.* Территория и локальные варианты позднего этапа гляденовской культуры в Пермском Прикамье // *Вестник Пермского университета. История*. 2013. Вып. 1(21). С. 58–66.
- Перескоков М.Л.* Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. II / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 378–381.
- Перескоков М.Л.* Эволюция курганного погребального обряда в Прикамье // *IV Северный археологический конгресс: материалы*. 19–23 октября 2015 г. / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015б. С. 197–199.
- Перескоков М.Л.* Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье // *Вестник Пермского университета. Серия История*. 2015а. Вып. 1 (28). С. 99–113.
- Перескоков М.Л.* Некоторые итоги изучения хозяйства населения гляденовской культуры Пермского Прикамья // *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание)* / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: ИКИ, 2016. С. 175–178.
- Перескоков М.Л.* Курганы с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // *Вестник Пермского государственного университета: История*. 2017, а. № 1(36). С. 84–97.
- Перескоков М.Л.* Находки позднеримского времени из Пермского Прикамья // *Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства* / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб: Скифия Принт, 2017. С. 112–115.

- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале ранне-го железного века. Пермь: ПГУ, 2018. 320 с.
- Перескоков М.Л.* К вопросу о верхней дате существования гляденовской культуры: динамика культурной трансформации // Вестник Пермского государственного университета: История. 2020. № 1(48). С. 34–49.
- Перескоков М.Л.* Среднее Прикамье в III–V вв. Поздний этап гляденовской культуры // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 83–100.
- Перескоков М.Л., Доткин К.В., Якимова Д.А.* Головной убор IV в. н. э. из Мокинского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 178–198.
- Петербургский И.М.* Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 420 с.
- Петраускас О.В.* Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 2. С. 191–207.
- Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.
- Петренко А.Г.* К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н. э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 198–212.
- Петренко А.Г.* Костные остатки животных в погребальном обряде финно-угорских могильников I тыс. н. э. в Прикамье как исторический источник // Finno-Ugrica. 1999. № 1 (3). С. 70–78.
- Петренко А.Г.* Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань: Школа, 2000. 156 с.
- Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.
- Петров В.П.* Черняховский могильник (по материалам раскопок В.В. Хвойки в 1900–1901 гг.) // Древности эпохи сложения восточного славянства / МИА. № 116 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1964. С. 53–117.
- Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 291 с.
- Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 182 с.
- Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж: Воронежский гос. университет, 2003. 248 с.
- Полесских М.Р.* Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 144–148.
- Полесских М.Р.* Тезиковский могильник IV–V вв. // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 30 / Ред. В.С. Ивашкин. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1966. С. 268–296.
- Полесских М.Р.* Новые памятники древнейшей мордвы. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45 / Ред. А.П. Смирнов и др. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1974б. С. 12–32.
- Полесских М.Р.* Шемьшейский могильник селиксенского типа // КСИА. Вып. 140 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1974а. С. 73–75.
- Полесских М.Р.* Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Приволжское кн. изд-во. Пензенское отделение, 1977. 88 с.
- Полесских М.Р.* Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы I тыс. н. э. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1979. С. 5–56.
- Полесских М.Р.* Ражкинский могильник // Археология восточноевропейской степи. Вып. 2. Саратов: Издательство Саратовского гос. ун-та, 1991. С. 152–167.
- Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1900. 63 с.
- Поляков Ю.А.* Коновалытское селище // Уч. зап. ПГУ. 1960. Т. 12. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1960. С. 207–218.
- Поляков Ю.А.* Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.
- Поляков Ю.А.* Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н. э. – сер. VI в. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1980.
- Поляков Ю.А.* Отчет о раскопках Калашниковского (Ломотинского) могильника в Кунгурском районе Пермской области в 1982 г. Пермь, 1982 / Архив КАЭ ПГНИУ. Д. 151.
- Поляков Ю.А.* Керамика гляденовской культуры // Finno-Ugrica. 1999. № 1. С. 4–10.
- Поляков Ю.А.* Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. № 1. / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Березники, 2001. С. 10–19.
- Пономаренко Е.В., Ершова Е.Г., Вязов Л.А., Блинников М.С.* Подсека – от Сибири до Канады // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. / Отв. ред. Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 149–153.
- Попов В.А., Кулаева Т.М.* Фауна Именьковского городища // Тезисы докладов конференции по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья. Казань, 1956. С. 57–59.
- Потанин Н.Г.* У вотяков Елабужского уезда // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. III. 1880–1882 г. Казань: Типография Императорского университета, 1884. С. 189–259.
- Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII – нач. XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР,

1956. 301 с.
- Приск Панійский.* Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб.: Императорская Академия наук, 1890. С. 810–847.
- Приходнюк О.М.* Пеньковская культура (культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998. 172 с.
- Прокопенко Ю.А.* История северокавказских торговых путей IV в. до н. э. – XI в. н. э. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 1999. 320 с.
- Прокошев Н.А.* Камская экспедиция в 1935 г. // СА. № 1 / Предс. ред. И.И. Мещанинов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 255–269.
- Прокошев Н.А.* Могильник близ Вятки // Сообщения ГАИМК. 1931. № 11–12. С. 57–58.
- Пшеничниук А.Х.* Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 215–231.
- Пшеничниук А.Х.* О периодизации кара-абызских памятников // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967а. С. 156–170.
- Пшеничниук А.Х.* Уфимский курганный могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 105–112.
- Пшеничниук А.Х.* Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.
- Пшеничниук А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничниук. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
- Пшеничниук А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.
- Пшеничниук А.Х.* Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Ред. А.Х. Пшеничниук, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 67–76.
- Пшеничниук А.Х.* *Дербенёвский* курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Саратовский гос. университет, 1992. С. 66–84.
- Пшеничниук А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.
- Пшеничниук А.Х.* Глиняная посуда Охлебининского могильника кара-абызской культуры // УАВ. 2004. № 5. С. 189–191.
- Пшеничниук А.Х., Овсянников В.В.* Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 62 с.
- Пшеничниук А.Х., Резяпов М.Ш.* Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничниук. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 132–149.
- Радюш О.А.* Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения зарубинецкой культуры // Военная археология / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: Русская панорама, 2011. С. 6–31.
- Радюш О.А.* О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 231–245.
- Разуваев Ю.Д.* Иштугинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н. э. / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12 / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 85–96.
- Разуваев Ю.Д.* Находки человеческих костей на поселениях скифского времени в лесостепном Подонье // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 6. С. 6–17.
- Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А.* Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XI / Отв. ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1979. С. 151–166.
- Распопова В.И.* Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА. Вып. 158 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 106–113.
- Рассторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–5. Москва, 2000–2015.
- Рассторпов А.В.* Исследование городища Лбище на Самарской Луке в 1981 г. // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 100–110.
- Рахконен П.* Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12). С. 5–42.
- Рашиев Рашио.* Прабългарите през V–VII век. 2 изд. София, 2004. 348 с.
- Рикман Э.А.* Памятник эпохи Великого переселения народов. По раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты. Кишинев. 1967. 138 с.
- Родинкова В.Е.* Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Раннеславянский мир. Вып. 9. Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 358–371.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 135–140.
- Руденко К.А.* Новые находки эпохи Великого переселения народов в низовьях Камы // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск, 2006. С. 252–261.
- Руденко К.А.* Тетюшское II городище в Татарстане: датировка и хронология // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Ста-

- шенков. Самара: СОИКМ им. Алабина, СамГУ, 2008. С. 277–304.
- Руденко К.А.* О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 58–74.
- Руденко С.И.* Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1962. 206 с.
- Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I / САИ. Вып. ДЗ-9. М.; Л., 1962. 52 с.+27 табл.
- Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Румянцева О.С.* Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху римских влияний и Великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: Проблемы и материалы / Раннеславянский мир. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 227–300.
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII веков (культура пражского типа). М.: Наука, 1976. 216 с.
- Русланова Р.Р.* Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.
- Русланова Р.Р.* История полевых исследований Бирского могильника // Археология Урала: время, памятники, люди / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: БашГУ, 2018. С. 91–98.
- Русланова Р.Р.* Погребальный обряд Бирского могильника по результатам раскопок 2017 года // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018а. С. 318–320.
- Русланова Р.Р., Русланов Е.В.* Бирский и Кушнаренковский могильники эпохи раннего средневековья в свете новых полевых исследований // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 42–55.
- Русские древности в памятниках искусства, издаваемая графом И. Толстым и Н. Кондаковым. Выпуск третий. Древности времен переселения народов. С 185-ю рисунками в тексте. С-Пб.: Типогр. Мин-ва путей сообщения, 1890. 158 с.
- Русских Е.Л.* Денежно-вещевые клады VIII–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 75–82.
- Рыков П.С.* Суловский курганный могильник. Саратов: Нижне-Волжское обл. науч. общ-во краеведения, 1925. 54 с., 10 л. ил.
- Рыков П.С.* Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов: Нижневолжский ин-т краеведения, 1930. 82 с.
- Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов: Саратовское краевое изд-во, 1936. 152 с.
- Рыкушина Г.В., Тихонов А.Г.* Предварительное сообщение об антропологических материалах из могильника мазунинской культуры Покровка // Народы Рос-
сии. Антропология. Ч. 2. / Отв. ред. Т.И. Алексева. М.: Старый сад, 2000. С. 170–188.
- Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 2. С-Пб.: Императорская Академия наук, 1762. 263 с.
- Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году. С-Пб.: Императорская Академия наук, 1770. 220 с.
- Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым // Научно-популярное издание под ред. С.В. Богданова. Серия «Труды П.И. Рычкова». Оренбург, Печатный дом «Димур», 2012. 432 с, ил.
- Сабиров Т.Р.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 28 с.
- Сабирова Т.М.* Фибулы Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2015. 23 с.
- Сабирова Т.М.* Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Ижевск: Шелест, 2019. 238 с.
- Савельева Э.А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского могильника // КСИА. Вып. 158 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 91–96.
- Салова Ю.А., Петрова Д.А., Пономаренко Е.В., Кондрашин В.В.* Топливо для кремаций середины I тыс. н. э. Среднего Поволжья // Stratum Plus. 2021. № 4. С. 109–123.
- Салугина Н.П.* О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 156–172.
- Салугина Н.П.* Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 105–117.
- Салугина Н.П.* Технология производства керамики западной группы именьковской культуры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА АН СССР / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: Институт истории АН СССР, 1986.
- Салугина Н.П.* Технология гончарства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1987.
- Салугина Н.П.* Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев: КГУ, 1988. С. 119–144.
- Салугина Н.П.* Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневеко-

- вье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 216–246.
- Сарапулов А.Н.* Средневековое земледелие пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. 170 с.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 344 с.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 1995. 416 с.
- Семенов В.А.* Два могильника мазунинской культуры в прикамской Удмуртии Прикамье // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 116–122.
- Семенов В.А.* Из истории удмуртского народного орнамента (III–XII вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV / Отв. ред. В.И. Алатырев. Ижевск: Удмуртия, 1967. С. 287–293.
- Семенов В.А.* Петропавловский могильник VI–VII вв. в Южной Удмуртии // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 164–171.
- Семенов В.А.* Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1976. С. 3–50.
- Семенов В.А.* К истории археологических исследований в Удмуртии // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 3–48.
- Семенов В.А.* Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI – первой половине IX в. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 1979. С. 119–157.
- Семенов В.А.* Кыпкинский могильник X–XII вв. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1979а. С. 69–86.
- Семенов В.А.* Большесазановский могильник // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1979б. С. 107–114.
- Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.
- Семенов В.А.* К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 43–62.
- Семенов В.А.* Городище Весья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при Совете министров УдмАССР, 1985. С. 48–77.
- Семенов В.А.* Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Устинов: НИИ при Совете министров УдмАССР, 1985. С. 92–118.
- Семенов В.А.* Отчет II отряда Удмуртской археологической экспедиции о работе в 1985 г. Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 10689.
- Семенов В.А.* Отчет II отряда Удмуртской археологической экспедиции о работе за 1986 г. / Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 11351.
- Семенов В.А.* Тольенский могильник IX – начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 25–7.
- Семенов В.А.* Этнокультурные компоненты полемской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. С. 20–33.
- Семенов И.Г.* К уточнению обстоятельств рейда Гуннов в Малую Азию и Сирию в 395–396 годах // *Archivum eurasiae medii aevi*. Vol. 17 (2010). Wiesbaden, 2011. С. 165–178.
- Семькин Ю.А.* О металлургических горнах именковской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 131–136.
- Семькин Ю.А.* Технологическая характеристика кузнечного инвентаря из Тураевского могильника // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара, 1993. С. 192–200.
- Семькин Ю.А.* Материалы к истории металлургии железа эпохи средневековья Среднего Поволжья. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 167–184.
- Семькин Ю.А.* Металлургия железа и кузнечное производство населения левобережья Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху средневековья // Самарский край в истории России. Вып. 3 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2007. С. 76–83.
- Семькин Ю.А.* Технология изготовления кузнечной продукции городища Лбище по результатам металлографического исследования // Раннеславянский мир. Вып. 15. Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого Переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 245–276.
- Сергеев С.И.* Раскопки на р. Колве Чердынского уезда // Записки Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Т. 22. Екатеринбург, 1901. С. 51–66.
- Серебрянников Б.А.* История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8-10 декабря 1964 года / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 237–256.
- Сидорчук А.Ю., Панин А.В., Борисова О.К.* Речной сток на восточно-европейской равнине за последние 20 тысяч лет и проблема изменения уровней южных морей // Вопросы географии - 2018. № 145. С. 144–168.
- Синицын И.В.* Археологические памятники в низовьях р. Иловки // Ученые записки СГУ. Т. 39 / Отв. ред. С.С. Хохлов. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1954. С. 218–253.

- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / Материалы и исследования по археологии СССР. № 60 / Отв. ред. Е.И. Рупнов. М., 1959. С. 39–205.
- Скарбовенко В.А.* Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. КГПИ, 1979. С. 164–174.
- Скрипкин А.С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия во II–IV вв. (некоторые проблемы исследования) // СА. 1982. № 2. С. 43–56.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 149 с.
- Скрипкин А.С.* Материалы Суловского курганного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград, 1998. С. 104–124.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
- Смирнов А.П.* Донды-Карское городище // Труды НОИВК. Вып. 4. М., 1929. С. 26–61.
- Смирнов А.П.* Памятники феодального строя среди удмуртов (IX–XIII вв.). Отчет археологической экспедиции по изучению р. Валы // Записки УдНИИ. Вып. 7. Ижевск, 1937. С. 177–195.
- Смирнов А.П.* Очерк древней истории мордвы // Труды ГИМ. Вып. 11 / Ред. Д.Н. Эдинг. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 141–146.
- Смирнов А.П.* Обследование р. Валы // Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 109–112.
- Смирнов А.П.* Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного исторического музея // ВДИ. 1946. № 1. С. 112–114.
- Смирнов А.П.* Новый сасанидский золотой сосуд из Молотовской области // КСИИМК. Вып. 14. 1947. С. 40–48.
- Смирнов А.П.* Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.
- Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.
- Смирнов А.П.* Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 6–113.
- Смирнов А.П.* Новая находка восточного серебра в Приуралье // Труды ГИМ. Вып. XXV. М., 1957. 31 с.
- Смирнов А.П.* Введение // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–9.
- Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник / Ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 160–174.
- Смирнов А.П.* Рецензия на кн. Генинга В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // СА. 1964. № 4. С. 240–246.
- Смирнов А.П.* Этногенез мордовского народа по данным археологии I–XV вв. н. э. // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 г. / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 18–28.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура / САИ. Вып. Д1–14. М.: Наука, 1965. 40 с., 31 табл.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- Смирнов К.Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения Исторического факультета. Вып. 1 / Отв. ред. проф. С.П. Толстов; М.: МГУ. Вып. 5: С. 75–82.
- Смирнов О.В.* Мансийская топонимия в бассейне р. Чусовая // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 121–141.
- Смирнов О.В.* Субстратная мансийская топонимия на территории былого проживания манси // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12). С. 43–79.
- Смирнов О.В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 1 // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). С. 7–59.
- Смирнов О.В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 2 // Вопросы ономастики. 2016. № 1 (16). С. 7–33.
- Смирнов О.В.* Об этнической интерпретации археологических культур Итыс.н. э. в бассейне Вятки (по топонимическим данным) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 90–105.
- Смирнов О.В.* «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). С. 7–61.
- Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. С.-Пб, 1909. 153 с.
- Смирнова О.И.* Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949–1956 гг.). М.: Восточная лит-ра, 1963. 201 с.
- Снежневский В.И.* Отчет о раскопках могильника в Кожиной слободе близ г. Сергач // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 12. Новгород: Типография нижегородского губернского правления, 1894. С. 10–15.
- Соколова З.П.* Социальная организация обских угров (К истории вопроса) // Социальная организация и культура народов Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1974. С. 82–32.
- Соколова З.П.* Общественный строй обских угров (о

- роде и фратрии) // *Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Budapest. 1980. С. 116–117.
- Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.
- Сомов М. Описание Уфы // Оренбургския губернска ведомости. № 23. 1864.
- Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. (КВГ). Вятка: Типография Губернского Правления, 1881. С. 25–91.
- Спицын А.А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края // КВГ на 1890 г. Вятка: Губернская Типография, 1889а. С. 85–122.
- Спицын А.А. Древнейшая судьба Вятской области // КВГ на 1890 г. Вятка: Губернская Типография, 1889б. С. 123–140.
- Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. I. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1893. 192 с.
- Спицын А.А. Отчет о поездке в Чердынский уезд Пермской губернии в 1894 г. / Архив ЛОИА АН СССР. Ф. ДАК. Д. 95.
- Спицын А.А. Отчет о поездке в Пермскую губернию. 1898. / Архив ИИМК РАН. ДАК. Д.63.
- Спицын А.А. Гляденовское костыще // Записки русского археологического общества. Т. XII. Вып.1, 2. СПб., 1901. С. 228–269.
- Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы / МАР. № 25. СПб.: Тов-ва Художественной печати, 1901. 150 с.
- Спицын А.А. Материалы раскопок Бродовского могильника. 1901 / Архив ИИМК РАН. ДАК. Ф. 5. Д. 89а.
- Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Вып. 26. СПб.: Типография Безобразова, 1902. 109 с.
- Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА. Вып. 1. СПб, 1906. Т. 8. С. 29–145.
- Спицын А.А. Заметки из поездки 1898 года // Известия ИАК. Вып. 60. СПб., 1916. С. 73–93.
- Спицын А.А. Древности Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск: Основа, 1924. 19 с.
- Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относится к 1882–1883 гг. и только весьма немногие – к прежним годам / Отдел V. Разные исторические и археологические сведения по Уфимской губернии / сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1883. С. 328–355.
- Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 143–150.
- Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. № 3 (27). Саранск, 2013а. С. 126–141.
- Ставицкий В.В. Рец. на: Мордовские племена накануне великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV вв.) // Поволжская археология. 2017. № 1(19). С. 339–346.
- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.
- Старостин П.Н. Маклашеевское II городище именьковской культуры // Тр. Камской археол. эксп. Вып. IV / Ученые записки ПермскогоГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 214–229.
- Старостин П.Н. Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 37–54.
- Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Древности Волго-Камья / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: КФ АН СССР, 1977. С. 31–41.
- Старостин П.Н. Памятники предболгарского времени Нижнего Прикамья // Плиска-Преслав: Прабългарската култура. Т.2. Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976 / Отгов. ред. Д. Ангелов. София: Българската академия на науките, 1981. С. 82–91.
- Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 90–104.
- Старостин П.Н. Население Нижнего Прикамья в середине I тыс. н. э. // *Congressus septimus sectionum. Dissertationes. Historica, archaeologica et anthropologica*. Debrecen, 1990. P. 144–148.
- Старостин П.Н. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 123–133.
- Старостин П.Н. Финно-угры нижней Камы в середине I тыс. н. э. // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы 1 Всероссийской научной конференции финно-угроведов / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Научный центр финно-угроведения, 1995. С. 83.
- Старостин П.Н. Племена именьковской культуры и население Прикамья и Приуралья // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы. Ч. 2 / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Изд-во Восточный университет, 1996. С. 115–116.
- Старостин П.Н. Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н. э. // *Finno-Ugrica*. № 1. Казань: ИИ АН РТ, 1997. С. 25–32.
- Старостин П.Н. Азелинская культура // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 92–99.
- Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань: Школа, 2002. 62 с.
- Старостин П.Н. О халцедоновых украшениях из азелинских погребений // *Finno-Ugrica*. 2008. № 11. С. 8–11.
- Старостин П.Н. Рождественский V могильник // Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.
- Старостин П.Н., Петренко А.Г. О погребениях с остатками коня Рождественского 5 могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАР-НИИ, 1984. С. 91–112.
- Старостин П.Н., Халикова Е.А., Халиков А.Х. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища / Археологи-

- ческие открытия 1970 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 142–143.
- Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. № 3. С. 208–217.
- Старостин П.Н., Чижевский А.А. Маклашевский IV могильник // Древние памятники приустьевского Закамья / Науч. ред. Р. М. Валеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. С. 20–42.
- Сташенков Д.А. Археологические исследования у с. Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып. VII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СамВен, 1995. С. 268–291.
- Сташенков Д.А. О восточных элементах в именьковской культуре // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы. Ч. 2 / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Изд-во Восточный университет, 1996. С. 117–118.
- Сташенков Д.А. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1997. С. 290–297.
- Сташенков Д.А. Царев курган. Каталог археологической коллекции. Самара: СОИКМ, 2003. 164 с.
- Сташенков Д.А. Металлические антропоморфные амулеты раннесредневекового времени в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 285–287.
- Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. // Раннеславянский мир. Вып. 7 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2005. 150 с.
- Сташенков Д.А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье в начале эпохи великого переселения народов // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 75–81.
- Сташенков Д.А. Металлургический комплекс Новинковского I селища на Самарской Луке // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2009, б. С. 76–88.
- Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия СНИЦ РАН. 2010. Т. 12. № 6 (38). С. 272–275.
- Сташенков Д.А. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010а. С. 111–125.
- Сташенков Д.А. Ингумационные погребения Сиделькинского археологического комплекса // Вояджер: мир и человек. 2012. № 3. С. 199–210.
- Сташенков Д.А. Металлургический комплекс Сиделькинского II селища // Краеведческие записки. Вып. XVI / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Тандем, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2012а. С. 4–33.
- Сташенков Д.А. Кремационные погребения I тыс. н. э. в Самарском Поволжье // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург / Сост., ред. О.А. Щеглова. СПб.: СОЛО, 2012б. С. 264–266.
- Сташенков Д.А. Карлинское I селище (предварительная публикация) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 15 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 436–466.
- Сташенков Д.А. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: «Издательство СНИЦ РАН», 2014а. С. 82–124.
- Сташенков Д.А. Об абсолютной дате памятников именьковской культуры на Самарской Луке // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 225–246.
- Сташенков Д.А. Гуннская эпоха в Самарском Поволжье // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 318–333.
- Сташенков Д.А., Вязов Л.А. Памятники средневожского варианта киевской культуры // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022а. С. 51–64.
- Сташенков Д.А., Вязов Л.А. Именьковская культура // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Р.Д. Голдина. Казань: ИА АН РТ, 2022б. С. 364–386.
- Сташенков Д.А., Шарифуллин Р.Ф. Раннесредневековый керамический комплекс из раскопок Болгарского городища (новый памятник киевского круга в Поволжье) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АНРТ, 2009. С. 130–133.
- Степанов П.Д. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Т. II // Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФ АН СССР, 1964. Уфа, Т. II. 1964. С. 136–147.
- Степанов П.Д. Ош Пандо. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1967. 211 с.
- Степанов П.Д. Древняя история мордвы-эрзи. (Очерк первый – письменные источники) // Труды МНИИ-ЯЛИЭ. Вып. 34 / Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1968. С. 263–277.
- Степанов П.Д. Древняя история мордвы-эрзи. (Очерк второй – археологические и этнографические данные) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1970. С. 26–66.
- Степанов П.Д. Селище у с. М. Кандарать Ульяновской области // Археологические открытия 1970 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 166.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология

- СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 301 с.
- Стефанова П.Н.* Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 90–103
- Стоянов В.Е.* Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 117–134.
- Султанова А.Н.* Бирский могильник: историко-археологическая характеристика. Автореф. дис... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 22 с.
- Султанова А.Н.* Бирский могильник: историко-археологическая характеристика. Дисс... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 225 с.
- Сунгатов Ф.А.* Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.
- Сунгатов Ф.А.* Гунны в Волго-Уральском регионе // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. С. 153–155.
- Сунгатов Ф.А.* Характеристика керамического комплекса // Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: Самрау, 2018. С. 76–90.
- Сунгатов Ф.А.* Городской некрополь // Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: Самрау, 2018а. С. 148–158.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.
- Сымонович Э.А.* Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры / МИА. № 139 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1967. С. 62–76.
- Сымонович Э.А.* Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1979. С. 63–111.
- Тагиров Ф.М.* Новые исследования Ангасякского грунтового могильника // Уфимский археологический вестник. УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 89–110.
- Таиров А.Д.* Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000. 494 с.
- Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1941. 226 с.
- Талицкий М.В.* Археологические памятники бассейна р. Иньвы, 1938 / Архив ИА АН СССР. Ф. 9. Д. 18, 19, 20.
- Талицкий М.В.* Обследование по р. Чусовой в 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 125–130.
- Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 33–96.
- Теплоухов А.Е.* Археологический дневник, 1870 / Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 48. Д. 1, 2.
- Теплоухов А.Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Зап. УОЛЕ. Т. 6. Вып. 1. Екатеринбург: Тип. И. П. Романова, 1880. С. 1–31.
- Теплоухов Ф.А.* Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т. 2 / Под ред. Д.Д. Смышляева. Пермь: издание Пермского губернского статистического комитета, 1893. С. 1–76.
- Теплоухов Ф.А.* Древности Пермской Чуди из серебра и золота и её торговые пути // Пермский край. Т. 3 / Под ред. А.А. Дмитриева. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1895. С. 247–290.
- Теплоухов Ф.А.* Рисунки древности Пермской Чуди, принадлежащие Пермскому музею // Тр. ПУАК. Пермь, 1896а. Вып. 3. С. 152–163.
- Теплоухов Ф.А.* Чудское жертвенное место на р. Колве // Тр. ПУАК. 1896б. Т. 3. С. 131–151.
- Теплоухов Ф.А.* Период древнейших костяк, 1899 / Архив Пермского краеведческого музея. Рукопись.
- Тепляшина Т.И.* К вопросу об этнониме пор // Происхождение марийского народа. Материалы науч. конф. / Ред. Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола, 1967. С. 261–264.
- Тепляшина Т.И., Лыткин В.И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки / Отв. ред. У.И. Лыткин, К.Е. Майтинская, Карой Редеи. М.: Наука, 1976. С. 97–228.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С.* К истории трехслойного (самозатачивающегося) лезвия режущих изделий // Металлург. 1993. № 8. С. 35–38.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 320 с.
- Терпиловский Р.В.* Ранние славяне Подесенья III–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1984. 124 с.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.
- Топоров В.Н.* “Baltica” Подмосковья // Балто-славянский сборник / Отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Гаука, 1972. С. 217–280.
- Топоров В.Н.* Балтийский элемент в гидронимии Почья. II // Балто-славянские исследования 1987. Вып. 11 / Отв. ред. В.В. Иванов. М.: Наука, 1989. С. 47–69.
- Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ топонимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 271 с.
- Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 227 с.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 255 с.

- Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука, 1966. 308 с.
- Трубникова Н.В.* О работах второго отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 г. // Уч. зап. ЧНИИЯЛИ. Вып. XVI / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1958. С. 227–262.
- Трубникова Н.В.* Раскопки городища Пичке-Сорче в Чувашии // Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XXV / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1964. С. 163–195.
- Трубникова Н.В.* Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958-1959 годах // Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XXV / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Чебоксары, 1964: НИИЯЛИЭ. С. 117–156.
- Трубникова Н.В.* К вопросу о погребальном обряде и планировке Кошибеевского могильника // Труды ГИМ. Вып. 40 / Ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, 1966. С. 80–88.
- Трубникова Н.В.* Головные уборы из Кошибеевского могильника // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2 / Труды ГИМ. Вып. 54 / Отв. ред. Д.Д. Талис. М.: ГИМ, 1982. С. 43–112.
- Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. VIII. М.: В Университетской Типографии, 1837.
- Труфанов А.А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 160–170.
- Туганаев А.В., Туганаев В.В.* Состав, структура и эволюция агроэкосистем Европейской России (лесная и лесостепная зоны) в Средневековье (VI–XVI вв. н. э.). Ижевск: ИД «Удмуртский университет». 2007. 198 с.
- Туганаев В.В., Ефимова Т.П.* Возделываемые культуры и их засорители // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 104–109.
- Туганаев В.В., Ефимова Т.П.* Агроэтноботанические материалы из Верх-Саинского городища Пермской области (VI–IX вв. н. э.) // Новые источники по древней истории Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Устинов: Изд-во Удм. ун-та, 1985. С. 27–30.
- Туркина Т.Ю.* Эжольский могильник V–VI вв. н. э. на Средней Вычегде (первые результаты исследований) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 328–330.
- Удмурты в XV–XVII вв. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П.Н. Луппов. Ижевск: УНИИЯЛ при СМ Удм АССР, 1958. 422 с.
- Уманский А.П.* Погребение эпохи «великого переселения народов» на р. Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.
- Уткин А.В., Черников В.Ф.* Желтухинский грунтовый могильник / Проблемы средневековой археологии волжских финнов / Археология и этнография Марийского края. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 41–66.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Москва: Прогресс, 1986–1987.
- Фаттахов Р.М.* Антропологическая характеристика населения Удмуртского Прикамья середины I тыс. н. э. // Проблемы этнографии и этнической антропологии / Отв. ред. А.А. Воронов и др. М.: Наука, 1978. С. 206–215.
- Фаттахов Р.М.* Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. 36 / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 130–138.
- Фаттахов Р.М.* Краниологическая характеристика материалов могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФ АН СССР, 1981. С. 94–09.
- Федоров Г.Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. / МИА. № 89. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 380 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.
- Федотов М.Р.* Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // Советское финно-угроведение. 1970. № 4. С. 127–135.
- Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.
- Фурасьева А.Г., Шаблавина Е.А.* Концешти: княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб Гос. Эрмитаж, 2019. 244 с.
- Хазанов А.М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Хайрединова Э.А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI в. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 53–118.
- Хайрединова Э.А.* Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 125–160.
- Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1962. С. 7–187.
- Халиков А.Х.* Этническая принадлежность племен ананьинской общности. // Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1970. С. 287–296.
- Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 7–36.
- Халиков А.Х.* Об этнических основах марийского народа // Древние и современные процессы в Марийском крае. АЭМК. Вып. 1 / Ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев.

- Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1976. С. 12–26.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.
- Халиков А.Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н. э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 73–89.
- Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском Правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12. / Отв. за вып. Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 8–24.
- Халиков А.Х. Об азелинско-ананьинской подоснове этногенеза марийского народа // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 7–18.
- Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Фолиант, 2011. 336 с.
- Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.
- Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976а. № 3. С. 141–156.
- Харитонов Д.Е. Находка восточных монет V–VIII вв. в Прикамье // На Западном Урале. Вып. 4 / Ред. Л.Г. Дворсон. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1962. С. 170–176.
- Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М.: Наука, 1982. 165 с.
- Херрман И. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Прогресс, 1986. С. 8–128.
- Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
- Хохлов А.А. Антропологические материалы из погребений на территории поселения Сиделькино (раскопки 2002 г.) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 33–35.
- Хохлов А.А., Газимзянов И.Р., Сташенков Д.А. О распространении традиции искусственной деформации головы на северных окраинах Волго-Уралья (эпоха бронзы и ранний железный век) // Поволжская археология. 2022. № 1. С. 204–220.
- Храпунов И.Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. науч. ст. / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 97–121.
- Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. науч. ст. / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 194–229.
- Хреков А.А. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология восточно-европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: СГУ. С. 116–126.
- Худяков М.Г. Воробьевский и Вичмарский могильники // ИОАИЭ. Т. 34, вып. 3–4. Казань, 1929. С. 72–82.
- Худяков М.Г. Нырғындынские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. С. 15–19. Табл. IX–XI.
- Цалкин В.И. К истории млекопитающих восточноевропейской лесостепи // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. Т. 68. Вып. 2. М.: МГУ, 1963. С. 43–62.
- Циркин А.В. В защиту кошибеевской культуры // РА. 1995. № 1. С. 81–90.
- Чазов Б.А. Вопросы геохимии ландшафтов и сельского хозяйства Пермской области // Ученые записки ПГУ. Т. 118. Вып. 2. Пермь, 1964. С. 52–66.
- Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 20–42.
- Черниенко Д.А. Археологическое изучение гуннских древностей Центральной и Восточной Европы // Вестник УдГУ / Спец. выпуск. Ижевск, 1998. С. 116–126.
- Черниенко Д.А. Гунны в Европе (историко-этнографический очерк). Ижевск: УдГУ, 2003. 117 с.
- Черников В.Ф. Отчёт об исследовании Желтухинского могильника в Горьковской области в 1974 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6070.
- Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2008. 272 с.
- Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2008 г. / Ижевск. Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 495
- Черных Е.М. У истоков Уральского домостроительства. Ижевск, 2010. 160 с.
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.
- Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Митряков А.Е. Исследование Балезинского могильника полемской культуры // Археологические открытия в Удмуртии – 2018 / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: УдГУ, 2019. С. 14–16.
- Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Митряков А.Е. Исследования нового могильника полемской культуры в северной Удмуртии // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 388–391.
- Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 87–107.
- Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.
- Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 99–123.
- Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке

- / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.
- Чикунова И.Ю.* Ипкульский курганный могильник (результаты раскопок 2010-2011 гг.) // *Ab Origine: археолого-этнографический сборник*. Вып. 9 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень, 2017. С. 79–109.
- Членова Н.Л.* О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, Новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // *КСИА*. Вып. 194 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1988. С. 3–11.
- Шадрин А.И.* Отчет Марийской археологической экспедиции: Полевые исследования отряда № 5 за 1990 / НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1, д. № 985.
- Шадрин А.И.* Отчет Марийской археологической экспедиции: Полевые исследования отряда № 5 Мари-Луговского археологического комплекса за 1991 год / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1, д. 1033.
- Шадрин А.И.* Результаты исследования железных предметов из Буйского городища // *Древности Поволжья и Прикамья / Археология и этнография Марийского края*. Вып. 25 / Ред.: В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола, МарНИИ, 2001. С. 108–125.
- Шарапова С.В.* Древности раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 208 с.
- Шаров О.В.* Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // *Stratum Plus*. 2010. № 4. С. 251–285.
- Шатров А.Н.* Археологические сведения о Зюздинском крае // *МАВГР*. Т. III / Под ред. Д.Н. Анучина. М.: Тип. М.Н. Шарапова, 1899. С. 75–86.
- Шелов Д.Б.* Волго-Донские степи в гуннское время // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы* / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 81–88.
- Шелов Д.Б.* Антропоморфный амулет из Танаиса // *Древности Евразии в скифо-сарматское время* / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 242–245.
- Широбоков И.Г.* Антропологический состав населения Среднего Прикамья в первой половине I тысячелетия н.э. // *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание)* / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 2016. С. 272–274.
- Широбоков И.Г., Черных Е.М.* Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н. э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.
- Широбоков И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И.* Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника // *Вестник УдГУ. Сер. История и филология*. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 499–512.
- Шитов В.Н.* Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н.Глазова в 1902 г.) // *Труды МНИИЯЛИЭ*. Вып. 93 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск, Мордовское кн. изд-во, 1988. С. 4–43.
- Шитов В.Н.* Сергачский могильник «Святой ключ» // *Труды МНИИЯЛИЭ*. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1988а. С. 134–141.
- Шитов В.Н.* Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // *Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Секции исторических и педагогических наук)*. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 52–60.
- Шшонко В.Н.* Пермская летопись. Четвертый период. Пермь, 1884. 653 с.
- Шмидт А.В.* Доисторическое прошлое Кунгуро-Красноуфимского края // *Кунгурско-Красноуфимский край*. Кунгур. 1925. № 8–10. С. 9–15.
- Шмидт А.В.* Туйский всадник // *Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии наук*. 1925а. Т. 1. С. 410–434.
- Шмидт А.В.* Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область // *Сборник музея антропологии и этнографии*. Т. VII / Ред. Е.Ф. Карский. Л.: АН СССР, 1928. С. 283–298.
- Шмидт А.В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // *Хозяйство Башкирии*. 1929. № 8-9. Уфа: Издание Госплана Башкирской АССР. 28 с.
- Шмидт А.В.* Жертвенные места Камско-Уральского края // *Известия ГАИМК*. 1932. Т. XIII. Вып. 1–2. С. 1–46.
- Шмидт А.В.* Работы на строительстве Пермской ГЭС. Район р. Камы // *Изв. ГАИМК*. 1935. Вып. 109. С. 166–175.
- Шмуратко Д.В.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Дисс... канд. ист. наук. Казань, 2012. 232 с.
- Шмуратко Д.В.* Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья (или еще одна попытка поиска «угорского следа») // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2014. № 3 (26). С. 66–72.
- Шмуратко Д.В., Брюхова Н.Г.* Митинская курганная группа: результаты новых исследований (раскопки 2014 г.) // *Труды КАЭЭ*. Вып. X / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 46–63.
- Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария / *Записки Географического общества СССР*. Новая серия. Т. 16. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 340 с.
- Шокишев Г.А.* Новый могильник харинского времени в бассейне р. Сылвы // *ВАУ*. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 107–115.
- Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И.* Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: Коллективная монография. Ижевск, 2009. 244 с.: ил.+цв. вкл.
- Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологи-

- ческой реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Изд-во «Фарн», 1994. 323 с.
- Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова Думка, 1985. 184 с.
- Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 21–44.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников центрального и западного Крыма III–IV вв. н. э. // Древняя Таврика / Общ. ред. Ю.П. Зайцев, В.Ю. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 359–382.
- Ютина Т.К. Археологические памятники VI–XIV вв. Южной Удмуртии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 19 с.
- Ютина Т.К. Отчёт о раскопках Благодатских I, II городищ в Алнашском районе УАССР. 1981 / Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 135. 111 с.
- Ютина Т.К. Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 1 / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: УдГУ, 1984. С. 53–66.
- Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1984а. С. 71–94.
- Ютина Т.К. Исследования Варалинского городища // Археологические открытия 1985 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 219.
- Яковлева В. К проблеме мещеры // Финно-угроведение. 1999. № 4. С. 34–44.
- Янина С.А. Куфические монеты из могильника Мыдланьшай // ВАУ. Вып. 3 / Отв. ред. Е.Г. Суров. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 129–139.
- Янина Т.А., Болиховская Н.С., Полякова Е.И., Свиточ А.А., Бадюкова Е.Н., Макиаев Р.Р., Лобачева Д.М., Штыркова Е.И. Дельта Волги. Эволюция природной среды в условиях изменений климата. М.: Географический факультет МГУ, ООО «Красногорская типография», 2019. 168 с.
- Ясаков В.С. Трансконтинентальные связи Приуралья в III–IV вв. н. э. (на примере накладок из створок раковин *Turbinella rugum*) // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г., Самара): материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара: Самарский университет, 2018. С. 275–278.
- Яценко С.А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 25–41.
- II-й Международный Магьярский симпозиум / Отв. ред. С.Г. Богалов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. 256 с.
- III-й Международный магьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Отв. ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. 520 с.
- Alley R.B.; Ágústsdóttir A.M. The 8k event: Cause and consequences of a major Holocene abrupt climate change. In Quaternary Science Reviews 2005, 24, p. 1123–1149.
- Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Bd. 1–2 / Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Bd. 8. Weißbach: Beier und Beran, 1998. 222 S., 156 S. +139 Taf.
- Arzhantseva I., Gavritukhin I. Swords and daggers with P-, R- and D-shaped scabbard fittings: Opportunities for new approaches to some aspects of the history of Eurasia – в печати
- Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien publiees a l'aide d'une subvention de l'Etat. II. L'age du fer. Antiquites Permiennes. V. Antiquites Tschoudes. Helsingfors, 1877.
- Aspelin J.R. Antiquites du Nord Zinne-Ougrien. Helsinki: G.W. Edlund, 1877, vol. II, 172 p.
- Balint Cs. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des oielteiligen Grütels // Kontakte Zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. Budapest, 2000.
- Boch R.; Spötl C. Reconstructing palaeoprecipitation from an active cave flowstone. In Journal of Quaternary Science. 2011, 26, P.675–687.
- Bóna I. Das Hunnen-Reich. Stuttgart; Budapest: Konrad Theiss; Corvina Kiadó, 1991. 294 S.
- Bullinger H. *Spätantike* Gürtelbeschläge: Typen, Herstellung, Trageweise und Datierung / Dissertationes Archaeologicae Gandenses. 12. Brugge: De Tempel, 1969. 110 S. + 72 Taf.
- Büntgen U.; Myglan V.S.; Ljungqvist F.C.; McCormick M.; Di Cosmo N.; Sigl M.; Jungclaus J.; Wagner S.; Krušic P.J.; Esper J.; et al. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. In Nature geoscience 2016, 9, p. 231–236.
- Büntgen U.; Tegel W.; Nicolussi K.; McCormick M.; Frank D.; Trouet V.; Kaplan J.O.; Herzig F.; Heussner K.-U.; Wanner H.; et al. 2500 years of European climate variability and human susceptibility. In Science 2011, 331, p.578–582.
- Callmer J. The beginning of the East-European trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the 8 and 9 centuries A.D. // International Conference on early Middle Ages. Szekesard, 1989. P. 19–51.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 p.
- Crowley T.J.; Lowery T.S. How warm was the Medieval Warm Period? In AMBIO: A Journal of the Human Environment 2000, 29, p. 51–54.
- deMenocal P.B. Cultural responses to climate change during the late Holocene. In Science 2001, 292, p. 667–673.
- Duncan-Jones R.P. Economic change and the transition to Late Antiquity. In Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire; Swain, S., Edwards, M., Eds.; Oxford Univ. Press: Oxford, UK, 2004; p. 20–52.

- Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
- Eggers H.J. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // *Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums*. Mainz, 1955. Jg. 2.
- Erdelyi I, Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino. Budapest, 1969. 93 s.
- Érdy M. Hun and Xiong-nu Type Cauldron finds throughout Eurasia // *Eurasian Studies Yearbook* 67. 1995. P. 5–94.
- Fohlmeister J.; Schröder-Ritzrau A.; Scholz D.; Spötl C.; Riechelmann D.F.C.; Mudelsee M.; Wackerbarth A.; Gerdes A.; Riechelmann S.; Immenhauser A.; et al. Bunker Cave stalagmites: An archive for central European Holocene climate variability. In *Climate of the Past* 2012, 8, p. 1751–1764.
- Galimova D.N., Askeyev I.V. and Askeyev O.V. Bird Remains from 5th– 17th Century AD Archaeological Sites in the Middle Volga Region of Russia In *International Journal Osteoarchaeology*. 2014. 24(3), p. 347 – 357.
- Gavritukhin I. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. *Archäologie in Eurasien*, Bd. 36. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. P. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.
- Gavritukhin I. Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture // *Na hranicích impéria – Extra fines imperii*. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám. Brno: Masarykova univerzita; Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno, v.v.i.: Munipress, 2017. P. 83–109.
- Gening W. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland // *Eurasia Antiqua*. Bd. 1. 1995. S. 265–326.
- Georgi J.G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. St. P., 1775, Zweiter Band. 506 c.
- Godłowski K. The chronology of the late Roman and early migration period in Central Europe. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1970. 126 p.
- Goldina R.D., Nikitin A.B. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the regions Perm, the Kama-Urals area // *Silk Road Art and archaeology. Special Volume*. Kamakura: The Institute of Silk Road Studies, 1997. P. 111–125.
- Goldina R.D., Pastushenko I.Yu, Chernykh E.M. The Nevolino culture in the context of the 7th–century east-west trade: the finds from Bartym // *Travaux et Memoires*. 2013. T. 17. C. 865–930.
- Goosse H.; Arzel O.; Luterbacher J.; Mann M.E.; Renssen H.; Riedwyl N.; Timmermann A.; Xoplaki E.; Wanner H. The origin of the European “Medieval Warm Period”. In *Climate of the Past* 2006, 2, p. 93–113.
- Gouw-Bouman M. T. I. J., Van Asch N., Engels S., & Hoek W. Z. Late Holocene ecological shifts and chironomid-inferred summer temperature changes reconstructed from Lake Uddelermeer, the Netherlands. In *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2019, 535, 109366.
- Harmatta J. Irániak és finnugorok, irániak és magyarok // *Magyar őstörténeti tanulmányok*. Budapest, 1977.
- Hass H.C. Northern Europe climate variations during late Holocene: Evidence from marine Skagerrak. In *Palaeogeography Palaeoclimatology Palaeoecology*. 1996, 123, p. 121–145.
- Helama S., Stoffel M., Hall R. J., Jones P. D., Arppe L., Matskovsky V. V., et al., Recurrent transitions to Little Ice Age-like climatic regimes over the Holocene. In *Climate dynamics* 2021, 56(11), p. 3817–3833.
- Helama S.; Jones P.D.; Briffa K.R. Dark Ages Cold Period: A literature review and directions for future research. In *The Holocene* 2017, 27, p.1600–1606.
- Honka Johanna, Matti T. Heino, Laura Kvist, Igor V. Askeyev, Dilyara N. Shaymuratova, Oleg V. Askeyev, Arthur O. Askeyev, Marja E. Heikkinen, Jeremy B. Searle, Jouni Aspi Over a Thousand Years of Evolutionary History of Domestic Geese from Russian Archaeological Sites, Analysed Using Ancient DNA. In *Genes* 2018, 9(7), 367.
- Hughes M.K.; Diaz H.F. Was there a ‘Medieval Warm Period’, and if so, where and when? *Climatic change* 1994, 26, p. 109–142.
- Jacobsohn H. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922. Jacobsohn 1922. 262 S.
- Joki A. J. Uralier und Indogermanen / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 151. Helsinki, 1973.
- Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasana. Helsinki, 1936.
- Kazanski M. Les arctois gentes et «L’empire d’Hermanaric». Sonderdruck aus *Germania*. 1992. Bd. 70. Heft. 1. Halbband. S. 75–122.
- Keller E. Die spätrömischen Grabfunde in Südbayern / *Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte*. Bd. 14. München: Beck, 1971. 270 S. + 57 Taf.
- Kenoyer J.M. Shell working industries of the Indus civilization: a summary // *Paleorient*. 1984. Vol.10/1. P. 49–63.
- Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Lebrasseur O., Shaymuratova D., Askeyev A., Asylgaraeva G., Laurent Frantz L., Larson G., Askeyev., Askeyev I. A Zooarchaeological and Molecular Assessment of Ancient Chicken Remains from Russia. In *Поволжская археология*. 2021. № 1 (35). с. 216–231.
- Ljungqvist F.C. A new reconstruction of temperature variability in the extra-tropical Northern Hemisphere during the last two millennia. In *Geografiska Annaler: Series A, Physical Geography*. 2010, 92, p. 339–351.
- Lund Hansen U. Römische Import im Norden / *Nordische Fortminder*. Serie B. Bd.10. København: Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab, 1987. 487 S.
- Magny M. Holocene climate variability as reflected by mid-European lake-level fluctuations and its probable impact on prehistoric human settlements. In *Quaternary International* 2004, Vol. 113. p. 65–79.
- Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. 556 S.
- Masek Z. A fresh look at Hunnic cauldrons in the light of a new find from Hungary // *Acta Archaeologica Academiae*

- ae Scientiarum Hungaricae. 68. 2017. P. 75–135.
- Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. I. Magyar szójegyzék. Budapest, 1901. 670 o.
- Napol'skich V. Ermanarichs arctoi gentes (Jordanes «Gética», 116): Versuch einer Interpretation // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Ed. by G. Gnoli and A. Ivantchik. Vol. 22:1. Leiden: Brill, 2016. S. 26–54.
- Peregrine P. N. Climate and social change at the start of the Late Antique Little Ice Age. In *The Holocene* 2020, 30(11), p. 1643–1648.
- Ponomarenko E. V., Ershova E. G., Stashenkov D. A., Ponomarenko D. S., & Kochkina A. F. Tracing land use history using a combination of soil charcoal and soil pollen analysis: An example from colluvial deposits of the Middle Volga region. In *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2020, 31, 102269.
- Rau P. Die hugelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927. 112 s.
- Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.
- Rédei K. et al. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I – II. Budapest, 1986–1991.
- Rédei K. Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? // *Acta linguistica*. Köt. 19: 3-4. Budapest, 1969.
- Rédei K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten / *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte*, 468. Wien, 1986.
- Rohling E.J.; Pälike H. Centennial-scale climate cooling with a sudden cold event around 8200 years ago. In *Nature* 2005, 434, p. 975–979.
- Rostowzew M.I. Skythein und Bosphorus. Berlin, 1931, B. I. 598 s.
- Schmidt A.V. Kacka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.) // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. V.I. Helsingfors, 1927. P. 18–50.
- Shuster J. Gurteltasche auf Abwegen. Ein überraschender Fund aus dem Oka-Gebiet (Oblast' Rjasan, Russland) // *Interaktion ohne Grenzen. Beispiele archaologischer Forschungen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Bd. 1 / Hrsg. B.V. Eriksen, A. Abegg-Wigg, R. Bleile, U. Ickeroth. Schleswig: Schleswig-Holsteinische Landesmuseen, 2017. S. 369–376.
- Solomina O., Haerberli W., Kull C., Wiles G. Historical and Holocene glacier–climate variations: General concepts and overview. In *Global and Planetary Change* 2008, Vol. 60. p. 1–9.
- Soupault V. Les elements metalliques du costume masculin dans les provinces romaines de la mer Noire IIIe–Ve s. ap. J.-C. / *BAR International Series*. 1167. Oxford, 2003. 309 p.
- Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // *Probleme der relative und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter* / Red. K. Godlowski, R. Madyda-Legulko. Krakow: Uniwersytet Jagielloński, 1992. S. 227–248.
- Tejral J. Einheimische und Fremde: Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik Brno, 2011. 466 S.
- Thomsen V. Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettske) sprog. København, 1890.
- Toivonen Y. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjåkischen // *Finnisch-ugrische Forschungen*, 32. Helsinki, 1956.
- Vollweiler N.; Scholz D.; Mühlinghaus C.; Mangini A.; Spötl C. A precisely dated climate record for the last 9 kyr from three high alpine stalagmites, Spannagel Cave, Austria. In *Geophysical Research Letter* 2006, 33, L20703.
- Vyazov L.A., Ershova E.G., Ponomarenko E.V., Gajewski K., Blinnikov M.S., Sitdikov A.G. In *Demographic Changes, Trade Routes, and the Formation of Anthropogenic Landscapes in the Middle Volga Region in the Past 2500 Years*. In Yang L., Bork HR., Fang X., Mischke S. (eds). *Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road*. Springer, Cham, 2019. p. 411–452.
- Waltgenbach S., Riechelmann D. F., Spötl C., Jochum K. P., Fohlmeister J., Schröder-Ritzrau A., & Scholz D. (2021). Climate variability in central Europe during the last 2500 years reconstructed from four high-resolution multiproxy speleothem records. In *Geosciences*, 2021,11(4), 166.
- Wanner H.; Beer J.; Bütikofer J.; Crowley T.J.; Cubasch U.; Flückiger J.; Goosse H.; Grosjean M.; Joos F.; Kaplan J.O.; et al. Mid- to Late Holocene climate change: An overview. In *Quaternary Science Reviews*. 2008, 27, p. 1791–1828.
- Wanner H.; Solomina O.; Grosjean M.; Ritz S.P.; Jetel M. Structure and origin of Holocene cold events. In *Quaternary Science Reviews*. 2011, 30, p. 3109–3123.
- Witschel C. Re-evaluating the Roman West in the 3rd c. A.D. In *Journal of Roman Archaeology*. 2004, 17, p. 251–281.
- Zhang D.D.; Brecke P.; Lee H.F.; He Y.-Q.; Zhang J. Global climate change, war, and population decline in recent human history. In *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. 2007, 104, p. 19214–19219.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛ БГУ – Археологическая лаборатория Башкирского государственного университета
АН КазСССР – Академия наук Казахской ССР
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АОП – Археологические памятники Оренбуржья
Архив АФ СУ – Архив археологических фондов Самарского университета
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БКИ – Башкирское книжное издательство
БЭК – Башкирский экономический колледж
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ВРГО – Вестник Императорского Русского географического общества
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ – Государственный Эрмитаж
д. – дело
ЗРАО – Записки Русского Археологического Общества. СПб.
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уральского научного центра РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Уфимского научного центра РАН
ИКИ – Институт компьютерных исследований
ИКФВГО – Известия Коми филиала географического общества СССР
ИСНЦ РАН – Известия Самарского научного центра РАН
ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
ИЯЛИ КНЦ УРО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УРО РАН
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КАЭЭ ПГПУ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
К(В)АЭ – Камская (Воткинская) экспедиция Института археологии АН СССР
КГУ – Казанский государственный университет
КГУ – Краснодарский государственный университет
КГУ – Куйбышевский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КМВ – Казанский музейный вестник
КНЦ – Коми научный центр УРО АН СССР, Сыктывкар
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КубГУ – Кубанский государственный университет, Краснодар
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАР – Материалы по археологии России
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ – Музей археологии и этнографии УНЦ РАН
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока.
Материалы VI МКФУ – Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МКИ – Марийское книжное издательство
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, истории, литературы и этнографии
НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра Российской Академии Наук
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
Наука СО – Наука сибирское отделение
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан (Фонд Археологии)
НРФ МарНИИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- НФ МАРТ – Научный фонд музея археологии РТ Института археологии Академии наук РТ
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
оп. – опись
ПНЦ РАН – Пушинский научный центр РАН
РА – Российская археология
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников
САИР – Свод археологических источников России. М.
СамГУ – Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва
СГУ – Саратовский государственный университет
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
ТД – тезисы докладов
ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
- УАВ – Уфимский археологический вестник
УАС – Уральское археологическое совещание
УдГУ – Удмуртский государственный университет, Ижевск
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
УКИ – Удмуртское книжное издательство
УНИИ ИЭЛЯ – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
УрГУ – Уральский государственный университет им. А.М. Горького
УРКМ – Удмуртский республиканский краеведческий музей
Ф. – фонд
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет. Челябинск

УКАЗАТЕЛИ

Именной указатель

- Агапов С.А. 51, 54
Агеев Б.Б. 8, 101, 207, 344
Айбабин А.И. 9
Акбулатов И.М. 336
Акимов Д.В. 50
Акимова М.С. 70, 234, 235, 541
Алексеев В.П. 234, 235
Алексеева Е.М. 244
Алексеева Н.М. 472
Алихова А.Е. 251, 597
Альфёльди А. 5
Амброз А.К. 9, 29, 44, 76, 118, 119, 147, 180, 188, 245, 291, 292, 293, 305, 318, 323, 324, 380, 431, 469, 470, 500, 528, 561
Андреев К.М. 8
Андреева Е.Г. 453
Арматынская О.В. 472
Артамонов М.И. 5, 311
Архипов Г.А. 102, 226, 233, 285, 566, 583, 585
Асылгараева Г.Ш. 398
Атаманов М.Г. 564
Ахмедов И.Р. 9, 103, 107, 116, 275, 294, 456
Ахмеров Р.Б. 78, 127, 345, 349, 350
Ашихмина Л.И. 9, 207, 450, 566
- Багин А.Л. 8, 9, 450
Бадер О.Н. 83, 447, 471, 473, 491, 500, 502, 509, 510, 528
Бажан И.А. 9, 103, 118
Балабанова М.А. 21
Балин Н.Н. 8
Балинт Ч. 501
Банк А.В. 473
Баран В.Д. 385
Барынкин П.П. 8
Бахшиев И.И. 8, 78
Беговаткин А.А. 8, 254, 604
Безуглов С.И. 9, 20, 21, 22, 35, 107, 111, 166, 187
Бейлекчи В.В. 595
Белавин А.М. 444, 453, 509, 510
Белицер В.Н. 458, 564
Белицкая А.Л. 9
Белоцерковская И.В. 9, 221, 573
Березин А.Ю. 8
Березина Н.С. 8
Беркутов Л.А. 126, 424
Бернц В.А. 9, 110, 119, 127, 177, 180, 181, 193, 273, 296
- Бернштам А.Н. 5
Берх В.Н. 508
Богаткина О.Г. 194, 382
Богачев А.В. 8, 9, 38, 41, 121, 224, 305, 318, 323, 324, 380, 383, 402, 425, 469, 496
Боковенко Н.А. 9, 326, 330
Бона И. 9, 309
Борисковский П.И. 508
Борисов В.Л. 83, 508
Боталов С.Г. 10, 21, 22, 37, 358
Браун Ф. 111
Бугров Д.Г. 106, 225, 344, 566, 8, 9, 281, 286, 287, 306, 288, 285
Буданова В.П. 5, 6, 7
Буров Г.М. 8, 9, 328, 365
- Валиев Р.Р. 9
Ванчиков В.В. 207
Валиулина С.И. 183
Васильев А.А. 9, 103
Васильев А.В. 472
Васильев И.Б. 8, 323
Васильева И.Н. 8, 318
Васкул И.О. 8, 9, 103, 450, 451
Васюткин В.М. 147
Васюткин С.М. 8, 127, 147, 334, 357, 439
Вернадский Г. 111
Вернер Й. 5
Викторова В.Д. 10
Вильданов Р.Ф. 8
Вихляев В.И. 102, 252, 253, 254, 289, 290, 597, 604
Внуков С.Ю. 21
Водолаго Н.В. 9, 127, 177, 190, 277, 472
Вознесенская Г.А. 107, 123
Волков С.Р. 107
Волкова Е.В. 8
Волкова Е.В. 396
Волокитин А.В. 8
Вольфрам Х. 9
Воробьева С.Л. 8, 9, 68, 71, 72, 78, 80
Воронкова Н.А. 471
Воронцов А.М. 107, 116, 186, 247
Выборнов А.А. 8
Вылежнева М.В. 510
Вязов Л.А. 9, 38, 51, 116, 118, 121, 366
- Габяшев Р.С. 8
Гавритухин И.О. 9, 10, 44, 110, 118, 119, 121, 168, 178, 179, 182, 183, 247, 276, 278, 285, 296, 302, 314, 403, 496, 498, 500, 528, 558, 559
Газимзянов И.Р. 396
Гайдукевич В.Ф. 381
Галимова М.Ш. 8
Гарматта Я. 9
Гарустович Г.Н. 120, 127, 279
Гасилин В.В. 48, 49, 382
Гей О.А. 9, 118
Генинг В.Ф. 8, 9, 66, 83, 86, 87, 88, 101, 102, 111, 114, 116, 119, 121, 126, 127, 128, 138, 146, 147, 150, 155, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 189, 190, 206, 207, 210, 219, 221, 234, 335, 336, 345, 346, 347, 348, 353, 357, 362, 364, 365, 383, 384, 407, 424, 429, 439, 447, 448, 451, 471, 473, 491, 509, 510, 513, 514, 515, 523, 528, 539, 540, 541, 548, 552, 553, 555, 557, 561, 566, 573
Георги И.Г. 471
Германарих 7, 50, 111, 113, 114, 115, 116, 118, 123, 124, 224, 612
Годловский К. 5
Голдина Е.В. 433, 434, 467, 473
Голдина Р.Д. 8, 83, 86, 87, 97, 102, 110, 120, 127, 128, 140, 146, 149, 150, 155, 156, 157, 177, 180, 181, 191, 207, 210, 211, 221, 224, 225, 232, 273, 282, 300, 301, 336, 363, 380, 385, 407, 424, 451, 463, 471, 472, 473, 491, 500, 509, 510, 513, 537, 541, 566, 573, 581
Головчанский Г.П. 490, 510
Гольмстен В.В. 18, 38, 126, 323, 334, 364
Горбунов В.С. 78
Гороховский Е.Л. 9, 44, 105, 380
Горюнова Е.И. 207, 226
Граков Б.Н. 18, 20, 21, 24, 37
Григорьев Н.Н. 336
Гринбергер Т. 111
Гришаков В.В. 102, 118, 241, 253, 261, 264, 289, 291, 294, 583, 595
Гугуев В.К. 9
Гумилев Л.Н. 5

- Гурулева В.В. 489
 Гусенцова Т.М. 566
 Гуцалова С.Ю. 10, 21, 22
- Давыдова Г.М. 564
 Даркевич В.П. 110, 461, 462, 473, 551
 Денисов В.П. 83, 509
 Дубман Э.Л. 8, 38
 Дубынин А.Ф. 583
 Дьёни Г. 616
- Елкина А.К. 154
 Емельянов В.Д. 539
 Ерофеева Е.Н. 583, 584
 Ефименко П.П. 9, 253, 254
 Ефимов Е.Л. 241
 Ефимова С.Г. 70, 506
 Ефимова Т.П. 452
- Жиганов М.Ф. 241
 Жилин М.Г. 255
- Завьялов В.И. 107, 122, 437, 455
 Залеская В.Н. 473
 Засецкая И.П. 6, 9, 303, 323, 324, 326, 330
 Зах В.А. 10
 Збруева А.В. 207
 Зеленева Ю.А. 102, 583
 Зеленков А.С. 10, 447
 Зеленцова О.В. 254, 604, 609
 Золотарёв А.М. 458,
 Зубов С.Э. 8, 9, 102
 Зуева В.И. 471
 Зыков А.П. 10, 103, 107, 118, 122, 123, 447, 450, 451
- Иванов А.Г. 8, 9, 473, 539, 540, 541, 552, 555, 558, 559
 Иванов А.П. 508
 Иванов В.А. 8, 9, 69, 127, 138, 155, 156, 334, 336, 357, 439, 440
 Иванов П.П. 596
 Иванова М.Г. 8, 452, 453, 539, 540, 555, 563
 Иванова Н.В. 8
 Игнатъев Р.Г. 334, 349, 350
 Игушев А.Р. 8
 Иностранцев К.А. 5
 Иордан 111, 124, 224, 612, 622
 Истомина Т.В. 8
 Ищериков П.Ф. 357
- Казаков Е.П. 8, 9, 345, 356, 357, 363, 365, 370, 383, 385, 387, 388, 395, 406, 505
 Казанский М.М. 9, 111, 113, 115, 118, 119, 184, 280, 303, 305, 469
 Казанцева О.А. 9, 120, 130, 193, 294, 295, 424, 438, 440
 Калинин В.К. 78
 Калинин Н.Ф. 7, 364, 384
 Каллмер Й. 469
- Кананин В.А. 9, 509, 513
 Канивец В.И. 8
 Карманов В.Н. 8, 450
 Каспарова К.В. 385
 Касьянов М.И. 334
 Каховский Б.В. 8
 Каховский В.Ф. 8
 Каюмов И.Х. 8
 Кенойер Дж.М. 164
 Киржнер Е.Э. 472
 Киселёв А.С. 584
 Киш А. 9
 Кленов М.В. 8
 Клюева Г.Н. 207
 Кляшторный С.Г. 384, 385
 Ковалевская В.Б. 9, 381, 500, 540, 561
 Ковриг И. 9, 316
 Ковтун С.П. 456
 Коишевский Б.А. 352
 Колев Ю.И. 8
 Колонских А.Г. 8, 337
 Комар А.В. 9, 502, 526
 Кондаков Н. 329
 Кондратьева (Живаева) Г.Т. 529, 546
 Кондрашин В.В. 8, 9, 107, 152, 378
 Коренюк С.Н. 8, 9, 509, 510
 Корзухина Г.Ф. 105
 Кормилицын Д.В. 8
 Коробкова Г.Ф. 114
 Королёв А.И. 9
 Королев К.С. 8, 9
 Косинцев П.А. 224
 Косменко П.Н. 8
 Кочкина А.Ф. 9
 Крамарев А.И. 9
 Краснов Ю.А. 151, 230, 233, 286, 420, 451, 500, 561, 583, 585, 591, 592
 Красноперов А.А. 9, 110, 118, 119, 120, 121, 168, 176, 178, 179, 183, 186, 273, 276, 278, 279, 300, 307, 309, 315
 Кривошеев М.В. 22
 Кривошеков И.Я. 508, 510
 Кропотов В.В. 9
 Кругликова И.Т. 381
 Крыласова Н.Б. 444, 453
 Кряжевских А.Л. 8
 Кудрявцева О.М. 472
 Кудряшов А.В. 469
 Куза А.В. 339
 Кузеев Р.Г. 155, 156
 Кузнецов П.Ф. 9
 Кузнецов С.К. 207
 Кузнецова Л.В. 9, 366
 Кузьмина О.В. 9
 Кузьминых С.В. 8
 Кулябина Н.В. 8, 9, 509, 510
- Ланько М. 509
 Лебедева Н.В. 9
 Левина Л.М. 304, 400, 462
- Леконцева (Шутова) Н.И. 407, 408
 Ленц Г.Т. 9, 472, 490
 Лепехин И.И. 508
 Лепихин А.Н. 87, 473, 490, 491, 510, 528
 Лещенко В.Ю. 461, 473, 488
 Лещинская Н.А. 9, 207, 225, 226, 227, 231, 282, 287, 288
 Лившиц В.А. 463
 Литвинский Б.А. 164,
 Лифанов Н.А. 9, 54, 371
 Лодыгин Г.В. 472
 Лузгина В.Е. 8
 Луконин В.Г. 463, 473, 538
 Лунегов И.А. 509
 Любчанский И.Э. 37
- Магомедов Б.В. 9
 Мажитов Н.А. 8, 9, 66, 78, 79, 127, 128, 147, 156, 277, 279, 334, 335, 340, 345, 346, 348, 349, 350, 352, 357, 431, 439, 509
 Макаров Л.Д. 8, 9, 207, 472, 566,
 Макарова Е.М. 396
 Максимов Е.К. 323
 Малашев В.Ю. 9, 21, 22, 25, 37, 119, 120, 184, 195, 247, 272, 301, 303, 304, 307, 318
 Малышкина А.В. 471
 Марк К.Ю. 541, 564
 Мартянов В.Н. 258, 596
 Маршак Б.И. 461, 473
 Марцеллин Аммиан 36, 37
 Матвеев А.К. 617, 619, 620
 Матвеев С.Г. 539, 126
 Матвеева Г.И. 8, 9, 38, 41, 44, 46, 49, 50, 51, 54, 68, 102, 103, 118, 121, 127, 305, 333, 334, 335, 340, 345, 346, 347, 357, 363, 366, 368, 371, 380, 383, 384, 385, 416, 418, 440, 509
 Матвеева Н.П. 9, 10, 447, 461
 Медведев А.П. 50
 Медникова Э.М. 407, 509
 Мейнандер К. 469
 Мельничук А.Ф. 8, 9, 472, 491, 509, 510
 Миллер Г.Ф. 616, 619
 Мингалев В.В. 9, 509, 510
 Михайлов Е.П. 8, 241
 Михеев В.К. 504
 Могильников В.А. 331, 440
 Моисеенко М.В. 9
 Мокрушин В.П. 8, 9, 510
 Морозов Ю.А. 8, 334
 Морозова В.М. 10
 Мошкова М.Г. 20, 22, 28, 37
 Мурыгин А.М. 8, 9
 Мухамадиев А.Г. 203
 Мышкин В.Н. 9, 366
 Мясников Н.С. 8, 241, 366
- Нагиев З.Ш. 107
 Напольских В.В. 122, 441, 612, 617

- Насибуллин Р.Ш. 441
 Неприна В. 509
 Нефедов Ф.Д. 126, 334
 Нечаева Л.Г. 37
 Нечвалода А.И. 70, 239
 Никитин А.Б. 434, 435, 436, 466
 Никитин В.В. 8, 226
 Никитина Т.Б. 221, 226, 573, 583, 585
 Новокрещенных Н.Н. 421, 527
- Обломский А.М. 9, 44, 49, 52, 106, 113, 118
 Оборин В.А. 83, 87, 447, 450, 453, 471, 473, 491, 509, 510, 513, 528, 538
 Обыденнов М.Ф. 78
 Овсянников В.В. 8, 9, 66, 69, 71, 72, 74, 77, 78, 79, 80, 81, 336
 Овчинников Ф.В. 9, 301, 448
 Овчинникова Н.В. 324
 Олейников О.М. 150
 Орбели И.А. 473
 Останина Т.И. 8, 9, 69, 102, 122, 127, 146, 147, 150, 164, 173, 277, 336, 385, 407, 424, 426, 427, 428, 431, 432, 433, 434, 435, 437, 438, 439, 440, 550
 Ошибкина С.В. 207
- Павлов И.Г. 241
 Павлов П.Ю. 8
 Паллас П.С. 334
 Паршуков Ю.В. 8
 Пастушенко И.Ю. 9, 429, 466, 472
 Патрушев В.С. 585
 Первухин Н.Г. 508, 539, 546, 563
 Перевозчикова С.А. 8, 9
 Перовщиков С.Е. 107, 116, 152, 153, 166
 Перескоков М.Л. 9, 84, 87, 95, 190, 281, 294, 295, 297, 298, 299, 300, 313, 473, 494, 509, 510, 531, 534
 Пестрикова В.И. 51
 Петербургский И.М. 598, 600
 Петренко А.Г. 48, 49, 150, 224, 230, 382, 421
 Петрова Д.А. 366
 Плетнева С.А. 7
 Полесских М.Р. 251, 252, 291, 294, 596, 597
 Поливанов В.Н. 38, 328
 Поляков Ю.А. 9, 83, 87, 97, 99, 446, 472, 509, 513, 534
 Пономарев П.А. 207, 364
 Поносова И.С. 471, 509
 Порох В.Н. 165
 Потанин Г.Н. 126, 407, 424
 Прокошев Н.А. 508
 Пшеничнюк А.Х. 8, 9, 66, 68, 69, 73, 74, 127, 155, 334, 345
- Радюш О.А. 9, 116, 286
 Распопова В.И. 502
- Расторопов А.В. 38
 Рау П.Д. 18, 20, 24, 36
 Рафикова З.С. 51
 Рахконен П. 618
 Рашев Р. 324
 Рейман В.М. 164
 Решетников Н.Л. 9, 429
 Родинкова В.Е. 105
 Розанова Л.С. 107, 116, 122, 166, 224
 Ростовцев М.И. 18
 Рублев А.Ф. 472
 Руденко К.А. 51, 366
 Русанова И.П. 399
 Русланова Р.Р. 127, 277
 Рыбаков Б.А. 111
 Рыков П.С. 18, 24, 36, 254
 Рыкушина Г.В. 195
 Рычков Н.П. 334, 508
 Рычков П.И. 334
- Сабиров Т.Р. 10, 565
 Сабирова Т.М. 10, 172
 Савельев Н.С. 8, 9, 66
 Савельева Э.А. 8, 9, 444, 450
 Савинов Д.Г. 9
 Садыкова М.Х. 8
 Салова Ю.А. 366
 Салугина Н.П. 9, 44, 51, 54, 61, 366, 378, 385, 440
 Сальников К.В. 127
 Самодурова (Ленц) Г.Т. 471
 Сарапулов А.Н. 451, 453
 Саттаров Р.Р. 9
 Седов В.В. 9, 103, 118, 384, 385
 Седышев О.В. 241
 Семенов В.А. 126, 156, 407, 424, 431, 430, 539, 540, 541, 546, 547, 553, 557
 Семенов С.А. 420
 Семькин Ю.А. 9, 107, 122, 366, 375, 378, 384
 Сергеев А.В. 114
 Сергеев С.И. 508
 Сеницын И.В. 18
 Скарбовенко В.А. 9, 323, 366
 Скоробогатов Я.И. 164
 Скрипкин А.С. 9, 20, 22, 37, 81, 318, 319
 Смирнов А.П. 9, 83, 126, 127, 207, 251, 252, 254, 345, 364, 384, 424, 448, 473, 510, 528, 529, 540, 546, 602
 Смирнов И.Н. 126
 Смирнов К.А. 102
 Смирнов К.Ф. 18, 20, 21, 24, 37
 Смирнов М.С. 334
 Смирнов Я.И. 471, 473
 Смолин В.Ф. 364
 Снежневский В.И. 241
 Снелман А.Г. 111
 Соболева (Кулябина) Н.В. 510
 Соколова З.П. 458
 Спицын А.А. 18, 83, 126, 207, 260, 364, 407, 424, 434, 448, 471, 472, 491, 508, 509, 528, 539, 540, 566, 596
- Спрыгина Н.И. 251
 Ставицкий В.В. 103, 226
 Старостин П.Н. 8, 9, 114, 116, 121, 207, 226, 230, 232, 234, 286, 365, 371, 383, 384, 385, 420, 440
 Сташенков Д.А. 7, 9, 51, 103, 107, 121, 366, 386, 482
 Степанов П.Д. 102, 596, 251, 365, 384
 Степанова Г.А. 541
 Стоколос В.С. 8, 127, 334
 Стоянов В.Е. 126, 207, 539, 547
 Султанов Р.Р. 78
 Султанова А.Н. 9, 127, 336
 Султанова Н.А. 155
 Сунгатов Ф.А. 9, 120, 306, 336, 345, 347, 348, 349, 352, 353, 354, 355
 Сунцова Н.Ю. 409
- Талицкая И.А. 407, 472, 510
 Талицкий М.В. 207, 451, 508, 509, 510
 Тарасов П.Г. 539
 Тейрал Я. 9, 184, 188, 275
 Теплоухов А.Е. 83, 471, 472, 508, 509, 510
 Теплоухов Ф.А. 83, 471, 472, 473, 508, 509, 510
 Тепляшина Т.И. 564
 Терехова Н.Н. 107, 116, 122, 166, 224
 Терпиловский Р.В. 9, 105
 Тихонов В.В. 9
 Толстой И. 331
 Томашек В. 111
 Тревер К.В. 473, 538
 Третьяков П.Н. 254
 Трубникова Н.В. 241, 257, 258, 602
 Труфанов А.А. 247
 Туганаев А.В. 151, 452
 Туганаев В.В. 151, 452
 Турецкий М.А. 9
 Туркина Т.Ю. 9
 Тюрк А. 358
- Ураков А.И. 421
- Фахрутдинов Р.Г. 8, 51
 Федоров-Давыдов Г.А. 253
 Фёдорова Н.В. 10
 Филимонов А.П. 472
- Хазанов А.М. 9, 29, 81, 116
 Халиков А.Х. 7, 8, 68, 102, 156, 207, 226, 233, 234, 254, 384, 585
 Херрман Й. 467
 Хлебникова Т.А. 8, 124, 505
 Хомутова Л.С. 116, 122
 Храпунов И.Н. 9, 195
 Худяков М.Г. 207

УКАЗАТЕЛИ

Цибин В.А. 9
Цойс К. 111

Чемякин Ю.П. 10
Чернецов В.Н. 458
Черниенко Д.А. 9
Черников В.Ф. 585, 587, 589, 595
Черных Е.М. 8, 9, 10, 69, 118, 125,
127, 136, 207, 222, 223, 277, 472,
478, 477, 479, 480, 481, 482, 516
Чикунова И.Ю. 10

Шалапинин А.А. 9
Шаров О.В. 9, 103
Шатров А.Н. 508
Шафарик П.И. 111
Шелов Д.Б. 381

Широбоков И.Г. 277
Шитов В.Н. 254, 257, 270, 294, 603,
604
Шишкина Н.Ф. 427
Шишонко В.Н. 471
Шмидт А.В. 83, 126, 334, 335, 351,
345, 471, 472, 473, 500, 502, 508,
509, 527, 528
Шмуратко Д.В. 9, 448
Шнитников А.В. 150
Шокуров А.П. 334
Шокшуев Г.А. 471, 479, 489
Шрамм Г. 111
Штукенберг А.А. 585
Шутова Н.И. 8, 207, 540, 566, 407
Щербаков Н.Б. 336

Щеглова О.А. 9
Щукин М.Б. 9, 111, 113, 115, 172

Эггерс Г.Ю. 5
Эдинг Д.Н. 126

Юнусова (Ключникова) Р.М. 366
Юсупов Р.М. 9
Ютина Т.К. 156, 407, 424, 426, 427,
428, 437, 438, 439, 440, 472

Яблонский Л.Т. 9, 238
Янина С.А. 551
Ясаков В.С. 10, 110
Ясаманов Н.А. 150
Яхонтов 508

Указатель археологических памятников

- Абганерово 19, 26, 32, 302, 304
 Абганеры 19
 Абрамовский могильник 251, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 267, 268, 596, 597, 598, 603, 607, 609
 Аверино 449, 468
 Аверинский I могильник 563
 Аверинский II могильник 436, 459, 504, 509, 513, 519, 521, 525, 526, 549
 Аверинское I селище 85
 Аверинское II селище 85, 431
 Аверинское III селище 85
 Аверинское I–V селища 512
 Аверинское IX селище 512
 Аверятская находка 543
 Авиловский 19
 Агаповский 19
 Агафоново 449, 450, 468
 Агафоновский I (Агафоново I) могильник 447, 464, 504, 522
 Агафоновский I могильник 431, 462, 469, 509, 513, 519
 Агафоновский II могильник 459
 Агафоновский курганный могильник 508
 Адамовский бигершай, могильник 539, 543
 Адамский (Мыдланьшай) могильник 565
 Адамское II селище 543
 Адамское II селище 558
 Аджиль-Тау, городище 564
 Азелино 113, 116, 274, 282, 283, 284, 287
 Азелинский могильник 113, 114, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 224, 234, 235, 236, 452
 Айша 113
 Акбашевское городище 334
 Акбердино I (Кыз-кыла-тау), городище 70
 Акбердино I поселение 67, 7072, 81
 Акбердино 1-2, городище 81
 Акбердино 2–5 городища 70
 Акбердино 2–5, селища 81
 Акбердино-2 городище 67, 70, 71
 Акбердино-2 селище 67, 81
 Акбердино-3 городище 71
 Акбердино-3 селище 67
 Акбердино-3-4 поселение 72
 Акбердино-5 поселение 67
 Акбердинское (Кыз-Кала-Тау) городище 71, 72, 130, 134
 Аклушинское I селище 84
 Аклушинское I, городище 84
 Аклушинское II, городище 84
 Аклушинское городище 128
 Аксайтовские I–II городища 135
 Аксайтовские I–III селища 135
 Аксайтовское V селище 135
 Аксеновский (Дорофеевский) 19
 Акугановское городище 134
 Александровское селище 134
 Алтаевские 1–4 селище 336
 Алтаевские I–II селища 134
 Алтаевское 3 селище 338
 Алтаевское III селище 127, 129, 151
 Алтен-Тау, городище 564
 Алтынасар 4в, могильник 403
 Алтынасар 4п, могильник 403
 Алферово 113
 Алферьевка 274, 291
 Алферьевский могильник 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 267
 Альмухаметово 19
 Альт-Веймар 19
 Амзинское городище 135
 Аммональный склад I, селище 543, 545, 547
 Аммональный склад, селище 539, 548, 543
 Ангасяк 106, 116, 275, 276, 280, 281
 Ангасякский могильник 127, 134, 141, 144, 145, 280, 342
 Андреевка 19, 33, 107, 123, 244
 Андреевские курганные могильники 68
 Андреевский курган 250, 254, 259, 260, 261
 Андреевский могильник 238, 318, 319, 320
 Андреевское городище 134, 334
 Андреевское селище 475
 Анненское селище 134, 334
 Аннинские находки 513
 Антонковские находки 566, 568
 Антонковское селище 475
 Антоновское городище. 475
 Антоновцы, городище 85, 512, 514, 515
 Антоновцы, поселение 514
 Арамеевское селище 134
 Арбузовский 19
 Аргыжский посёлок 284, 288
 Аргыжское городище 207, 208, 216, 217, 218, 222, 223, 284
 Ардашевское городище 134, 334
 Ардашевское селище 134
 Ардинское городище 593
 Аржан-Бугузун, поминальный комплекс 195
 Арзобеяк 113, 274, 285, 287, 288
 Арзобеякский (Ясачный) могильник 226, 227, 228, 229, 231, 232, 233, 235, 236, 567
 Арибашевское селище 135
 Армиевский I могильник 251, 253, 254, 255, 256, 258, 267, 596, 597, 598, 603, 607
 Армиевский могильник 252, 257
 Архангельский клад 512, 525
 Архара 19
 Архирейская заимка 468
 Асафское селище 134
 Аскинское погребение 358
 Атамановы Кости, могильник 113, 207, 208, 209
 Аткарк 19
 Атпа I 19
 Атпа II 19
 Атпа I–III могильник 35
 Атпа–III 19
 Афанасьевские находки 513
 Афанасьевский клад 513
 Афанасьевское городище 134, 334
 Афонинский могильник 127, 132, 140, 144
 Ахлыстинские находки 134
 Ахлыстинское селище 134, 334
 Ахмерово II 448
 Ахмеровский II курганный могильник. 37
 Ахметовское селище 134
 Ахмыловский могильник 287
 Ахмыловское поселение 585
 Ахтайская находка 459
 Ашап селище 475

- Ашна-Пандо городище 365, 367
 Аштияз I–II, селища 134
 Б. Висимский могильник 509
 Б. Коча 468
 Бабаевское селище 134
 Бабка, городище 86
 Багармыж-1 селище 67
 Багармыжское городище 67
 Баево 113
 Баевский могильник 208, 209
 Бажинское (Каменная гора) городище 336, 338, 339, 343
 Бажинское городище (Каменная гора) 134
 Базарино, селище 85
 Базуевские находки 513
 Базяковское городище 367
 Баишевское селище 134
 Байбаковское селище 134
 Байгурезьская находка 543
 Байгурезьское городище 543, 558
 Байкинское городище 339
 Байкинское селище 134
 Байрамгулово 19, 30, 301, 468
 Бакалинские I–IV селища 134
 Бакинтау, городище 193
 Баксан 314
 Балакот 164
 Балалы селище 475
 Балезинский могильник 543, 579
 Балезинское (Балезино) городище 546
 Балезинское (Узякар) городище 543, 544, 546
 Балезинское селище 543
 Балкин хутор 19
 Балтачевское I селище 133
 Балтачевское II селище 133
 Балтачевское городище 133
 Балымерское II городище 41
 Балымерское городище 371
 Бальзуганское селище 134
 Бангерт (Зауморье) 19
 Баразинское городище 134, 340
 Баранниковское городище (городище Сундовик) 251, 252, 255, 256
 Барановка I 19, 27, 32
 Барановский могильник 19
 Барановское селище 425
 Барбастау III 19
 Барда, селище 84
 Бардымское I, городище 84
 Бардымское I, селище 84
 Бардымское II, городище 84
 Бардымское II, селище 84
 Бардымское III, городище 84
 Бардымское III, селище 84
 Бардымское IV, городище 84
 Бардымское IV, селище 84
 Бардымское V, городище 84
 Барсов городок I 468
 Бартымские I селище и могильник 481, 482
 Бартымские клады 461, 475, 477
 Бартымские находки 463, 466, 476
 Бартымский I, II могильник 458, 477
 Бартымский II могильник 456, 457, 459, 460, 485, 488
 Бартымский клад 462, 484, 487, 488, 489
 Бартымский комплекс – селище, могильник и клады, 472
 Бартымский могильник 457, 458, 476, 485, 492, 496, 558
 Бартымский могильник и I–IV селища 475, 477
 Бартымское I поселение 118
 Бартымское I селище 453, 458, 459, 461, 466, 472, 476, 477, 478, 479, 482, 485, 489, 503
 Бартымское I селище 477
 Барьязинское городище 127, 135, 336, 339
 Барьязинское городище 142
 Барьязинское селище 135
 Барьязинское I городище 135
 Барьязы городище 138
 Басинское селище 475
 Бахиловское селище 336
 Бахмутино 275, 279, 281, 315
 Бахмутинский могильник 123, 126, 127, 128, 134, 140, 144, 334, 335, 342, 343, 345, 381
 Бахтияровка 19
 Бачки-Тау, селище 357, 358
 Бачки-Тауское селище 134
 Бачмановские (Куль-Поз) находки 513
 Бачулинское селище 135
 Баш-Култаево II, селище 85
 Баш-Култаево III, селище 85
 Башкураевское (Кулай-Туба) городище 134
 Баяндинская находка. 512
 Баяново 468
 Баяновский могильник 509, 512
 Баяновское селище 509, 512, 515
 Безводнинский могильник 228, 230, 233, 286, 398, 402, 583, 584, 585, 586, 589, 591, 592, 593, 594, 595
 Безводнинское селище 593
 Безводновский клад 566, 568
 Безводное-10, стоянка 593
 Бекешево III 19
 Бекешевский 358
 Беклемишево 449, 450, 522
 Беклемишевский курганный могильник 86, 512
 Белая Гора, городище 368
 Бельковский (Бельково) курганный могильник 449, 450, 508, 513, 522
 Бердинское поселение 70
 Бердинское селище 72, 81
 Бердинское селище и городище 71
 Бердянка 30, 307
 Бердянский V курган 19, 35
 Береговский II могильник 358, 360
 Береговское селище 134
 Бережновка гр. I 19
 Бережновка гр. II 19
 Березняки, поселение 19, 28, 85
 Березовка I, городище 85
 Березовское поселение 475
 Березовское селище 475
 Бернашовка, поселение 378
 Бесштанова 460
 Биклянь, поселение 59, 60, 63
 Бикляньское I селище 51, 55, 56
 Бикляньское селище 54, 56, 57, 60, 61, 64, 121, 189
 Бикмурзинское селище 134
 Биктимирово 70
 Бирск, могильник 173, 275, 281, 299
 Бирский II могильник 134
 Бирский могильник 110, 123, 127, 128, 140, 141, 142, 144, 155, 204, 237, 277, 280, 315, 335, 336, 341, 342, 343, 346, 349, 352, 354, 355, 356, 357, 358, 400, 402, 403, 405, 431, 448, 460, 462, 466
 Бирское (Чертово) городище 134, 334, 338
 Бирское V селище 134
 Бисеровское II городище 513, 515, 517
 Бис-Оба 19
 Бичкин-Булак 19
 Бичуринское, поселение 84
 Бишкураевское городище 338
 Благовещенские I–II селища 134
 Благовещенское городище 134
 Благодатское I городище 122, 424, 425, 426, 431, 432, 433, 434, 436, 437, 438, 439, 440, 452, 460, 466
 Благодатское II городище 424, 425, 426
 Благодатское городище 358, 363
 Благодатское селище 425
 Блохино-1 селище 67, 72, 81
 Блохинское I поселение 70
 Блохинское селище 134
 Блюменфельд 198
 Боаро (Бородаевка) 19
 Бобья-Учинский могильник 126, 132, 144
 Бобьяучинский могильник и городище 126
 Бобьяучинское (Цыгановское, Ильинское) городище 425
 Бобья-Учинское городище 126, 132
 Бовинское I (Маруша I) городище 512
 Бовинское II (Маруша II) городище 512
 Бовинское селище 512
 Богатырские находки 543
 Богатырское (Утемкар) городище 543
 Богатырское городище 544, 546
 Богдановский клад 543
 Богородицкий могильник 365, 377
 Богородское (Сергеевское) городище 134
 Богородское городище 334
 Болгарское городище 51, 56
 Болгары I, поселение 85
 Болгары III, селище 85
 Болгары V, селище 85

- Болгары VI, селище 85
 Болгары VII, селище 85
 Болгары VIII, селище 28
 Болдино II, селище 85
 Болдино III, селище 85
 Болдино IV, селище 85
 Болдино V, селище 85
 Болдино, поселение 85
 Большая Дмитриевка 19
 Большая Дмитровка 275, 302, 304
 Большая Ивановка 19
 Большеварыжский могильник 543
 Больше-Висимский курганный и
 грунтовый могильник 512
 Больше-Висимский могильник 449,
 450, 459, 460, 466, 509, 522
 Большекараганский могильник 19,
 31
 Большекиварское (Лазарево поле)
 городище 131
 Большекиварское I селище 131
 Больше-Никольское I селище 85
 Больше-Никольское I, городище 85
 Больше-Никольское II, городище
 85
 Больше-Никольское II, селище 85
 Больше-Никольское III селище 85
 Больше-Никольское IV селище 85
 Большепалкинская находка 543
 Больше-Польское селище 85
 Большесазановский могильник
 540, 543
 Больше-Тарханский могильник
 364, 459
 Больше-Тиганский 358
 Большешукшанское селище 134
 Большие Калинята I, селище 85
 Большухинское (Морочатское)
 городище 86
 Борганьель 449, 450
 Борисовское городище 512
 Борленвенские I–II селища 512
 Борленвенское местонахождение
 512
 Боровое I 476, 480
 Боровые I–III селища 475
 Бородаевка 162
 Ботылы IV поселение 568
 Ботылинское IV селище 566
 Боярка/Арай (Б) 275
 Боярский (Арай) 277
 Боярский «Арай» могильник 69,
 118, 127, 133, 140, 144, 237
 Боярское городище 133
 Бояры, селище 85
 Бродовские курганы 87, 448, 485
 Бродовский курганно-грунтовый
 могильник 448, 472, 475, 476
 Бродовский могильник 95, 97, 98,
 300, 448, 459, 471, 492, 493
 Бродовское (на Вземе) городище
 475
 Броды, могильник 85, 95, 119, 275,
 296, 447, 449, 450, 468, 485
 Брюхановский выселок 119, 274,
 275, 307, 308, 309, 310, 315
 Бугор Билинга 19
 Будешты могильник 380
 Буждог (Ромашевское) городище
 513
 Буйское городище 121, 207, 208,
 219, 222, 223, 224, 452, 566, 568,
 574, 575, 576, 577, 581
 Булгарский могильник 258, 360
 Бураковский могильник 346
 Бурановское селище 133
 Бурдаковский I (Бурдаково I) кур-
 ганный могильник 449, 450, 508,
 513, 522
 Бурдино I, селище 85
 Бурдино II, селище 85
 Буревестник-2, селище 593
 Буринский клад 543
 Буринское (Джумтемар) городище
 543, 544, 546
 Бурковский (Бурково) курганный
 могильник 84, 95, 97, 275, 447, 449,
 450, 459, 464, 509, 512, 522, 523,
 524
 Бурношевское I селище 134
 Бурношевское II селище 134
 Бурношское городище 134
 Бустанаевский могильник 358
 Бустанаевское городище 338, 339
 Буториха I, селище 133
 Бутырское городище 88, 89, 509,
 512, 514, 515
 Бутыры, городище 84
 Быргындинские III находки 425,
 432
 Быргындинский I могильник 126,
 132, 144
 Быргындинский могильник 144
 Быргындинское I (Архиерейская
 Релка, Под Клименом) 132
 Быргындинское II селище 132, 425
 Быргындинское III селище 133
 Быргындинское IV поселение 425
 Быргындинское IV селище (VIII
 селище) 132
 Бырминское (Осинцевское) городи-
 ще. 475
 Важгортский II курганный могиль-
 ник 509, 512, 522
 Важгортский могильник 509, 512
 Вакина 527
 Вакинское селище 512
 Валовый могильник 19, 25, 27, 32,
 33, 34, 35
 Валуйки (Белая Куба) 19
 Ванегуртское селище 543, 558
 Ванейское селище 512
 Ванниковские находки 513
 Ванькинское селище 475
 Ванюковские находки 513
 Варалинское городище 130, 133,
 424, 425, 426, 436, 437, 452
 Варзинские I–II селища 134, 425
 Варзинские I–IV селища 133
 Варзиомгинское I селище 425
 Варзиомгинское II селище 425
 Варзи-Омгинское селище 133
 Варзи-Пельгинское городище 133,
 424, 425, 133
 Варзи-Ятчинские I–III селища 133
 Варзиятчинское (Каргурезь) горо-
 дище 425
 Варзиятчинское I селище 425
 Варзиятчинское II селище 425
 Варзиятчинское III селище 425
 Варзиятчинское IV селище 425
 Варзи-Ятчинское IV селище 133
 Варзиятчинское V селище 425
 Варзи-Ятчинское городище 424
 Варни II, городище 546
 Варни, могильник 447, 449, 450,
 460, 468, 504, 546, 550
 Варнинский могильник 431, 458,
 459, 466, 498, 539, 540, 541, 543,
 545, 550, 551, 553, 555, 558, 559,
 561, 579
 Варнинское I (Карйыл) городище
 539, 543, 544, 545, 546, 547
 Варнинское I селище 543
 Варнинское II (Гопулгурезь) горо-
 дище 543, 565
 Варнинское II городище 539, 565
 Варнинское II селище 543
 Варнинское III селище 543, 565
 Варышская находка 513
 Варьязское городище 134, 334, 336
 Варьязское селище 134
 Васильсурское II городище 593
 Васиневский могильник 513
 Ваулинское (Грибановское) городи-
 ще 513
 Вахрамовское (Ям-гора) городище
 512
 Ведровское селище 135
 Вербовский курган 26, 30
 Вербовый лог 19
 Вереинский II клад 512, 525, 526
 Вереинский клад 459
 Вереинское I городище 512
 Вереинское II городище 512, 525
 Вереинское селище 512
 Верх-Качка, селище 85
 Верх-Качкинское, городище 86
 Верх-Качкинское, селище 86
 Верх-Люмские находки 543
 Верхне-Давыдовка, городище 85
 Верхнее Погромное 19
 Верхне-Иванаевское I селище 134
 Верхне-Иванаевское II селище 134
 Верхне-Иванаевское III селище 134
 Верхне-Ирьякский могильник 87,
 94, 95
 Верхнекудашевское городище 135
 Верхнемалиновское городище 135,
 425
 Верхне-Постольское городище 363
 Верхне-Раздорное, городище 86
 Верхнерождественское городище
 131
 Верхне-Саинский могильник 403
 Верхнетатышлинское селище 135
 Верхне-Утчанское (Карчеткер, Ка-
 рил, Алангасар) городище 358, 425
 Верхнеутчанское городище 126,
 133, 137, 338, 424, 426, 427, 428,
 434, 436, 437

- Верхнеутчанское селище 33, 425
 Верхние Муллы I, селище 85
 Верхние Муллы II, селище 85
 Верхний Бульклей 19
 Верхний Ирьяк I, поселение 85
 Верхний Ирьяк I, селище 90
 Верхний Ирьяк, могильник 90, 92, 96, 206, 275, 295, 300
 Верхний Конец 275
 Верхняя Солянка 466
 Верхняя Чермода I, городище 85
 Верхняя Чермода, селище 85
 Верх-Речки, городище 275
 Верх-Рождество, городище 86
 Верх-Саинские I, II городища, I–IV селища 475
 Верх-Саинские I–IV селища 454
 Верх-Саинский могильник 97, 432, 433, 434, 448, 459, 463, 466, 472, 473, 475, 476, 482, 490, 492, 496, 500, 502, 507, 555, 558
 Верх-Саинское I городище 453, 475, 476, 478, 479, 482, 483, 484, 486, 487, 488, 506
 Верх-Саинское городище 358, 466, 472
 Верх-Сая I, городище 86, 456, 472, 476, 478, 504
 Верх-Сая II городище 476
 Верх-Сая, городище 446, 453
 Верх-Сая, могильник 86, 447, 449, 450, 460, 464, 465, 466, 467, 468, 485
 Веселый 19, 32
 Весляна I 447, 449, 450
 Веслянский I могильник 450, 459
 Весьякар 468, 549
 Весьякарский (Бигершай) могильник 540, 543, 550, 555, 558, 561
 Весьякарское (Весьякар) городище 539, 543, 544, 545, 546, 555
 Визенмиллер (Луговое) 19
 Вилежная, селище 86
 Виловатова 19
 Висим 468
 Вихаревское селище 566, 568
 Вичмарский могильник 207, 208, 209, 213, 216, 220, 222, 229, 274
 Вичмарь 113, 282, 284
 Вишерский (Чердынский II) клад 459
 Вишерский клад 513, 523
 Владимировский курганный могильник 319, 328
 Владимировское погребение 323, 324, 331
 Вож-Пальниковская находка 512
 Вознесенское городище 134
 Володарское I поселение 133
 Володарское II поселение 133
 Володин-Камень I–II, селища 512
 Волчихинский могильник 250, 596, 597, 598, 602
 Вольинцевский могильник 384
 Вомыньга 449, 450, 451
 Воробьево 113
 Воробьевский могильник 207
 Воробьевское городище 512
 Воробьи, селище 85
 Восточно-Курайлинский I 19, 35
 Восточно-Курайлинский могильник 33
 Восточный Маныч, левый берег гр. I, II 19
 Восточный Маныч, правый берег гр. I 19
 Вотикеево-1, селище 343
 Вотикеево-2, городище 337
 Вотинское II селище 85
 Воткинское городище 126, 131
 Второй Стёксовский могильник 251, 254, 255, 256, 257, 258, 263, 265
 Вторые Ключики городище и селище 475
 Выльгуртские находки 543
 Выползово I, II селища 475
 Выползовское селище 371, 373, 378, 383
 Высочино 19
 Высочино V 315
 Выщелка (Мыщелка) I, селище 85
 Вязники, городище 85
 Вятская улица 19
 Вятский могильник 566, 568
 г. Уральск гр. II 19
 Гавриловский могильник 584, 589
 Гаинское I поселение 133
 Гаинское II поселение 133
 Гайнские находки 513
 Гайны 527
 Галановский могильник 66, 67, 78
 Галоковское селище 512
 Гамовские I–III селища 475
 Гамы I, селище 85
 Гамы II, селище 85
 Гамы III, селище 85
 Гамы, селище 86
 Гарамиха, городище 85, 512, 514, 515, 527
 Гаранькинское городище 130, 133
 Гаревское городище 86, 512
 Гаревское костыще 86, 508, 512, 528
 Гари I, селище 85
 Гари II, селище 85
 Гари III, селище 85
 Гари I–V селища 475
 Гари IV, селище 85
 Гари V, селище 85
 Гвардейцы 19
 Гвардейцы I могильник 318, 319, 321
 Георгиевский бугор 19, 33
 Георгиевский клад 462, 508, 513, 523
 Георгиевское (Зуйкар) городище 513
 Гилевское городище 86, 512, 514
 Гирьял, могильник 19
 Глинки селище 475
 Глумилиньские курганы 350
 Глушихинское селище 512
 Гляденово, селище 85
 Гляденовское костыще 83, 85, 86, 87, 88, 94, 95, 99, 118, 436, 446, 528
 Гмелинская ж/д. ст. 19
 Гнёздово 123
 Гниловской, могильник 19
 Говорынинское селище 475
 Голышурминское селище 133, 425
 Горбатов-2, селище 593
 Горбунята 468
 Горбунятский могильник 471, 476, 459, 475
 Гордино 555
 Гординская находка 543
 Гординский камень 543
 Гординский могильник 543, 558, 561
 Гординское (Издынь) селище 543
 Гординское I (Гурья-кар) городище 543, 544, 545
 Гординское II городище 543
 Гордкушетский могильник 513
 Гордкушетское I селище 513
 Гордкушетское городище 513
 Горки I, селище 85
 Горная Талица I, селище 84
 Горная Талица II, селище 84
 Горновское (Гремячий ключ) городище 134, 338
 Горный, селище 85, 475
 Городищенский могильник 113, 541
 Городищенское (Кочкар) городище 512
 Городищенское I, городище 85
 Городищенское I, селище 85
 Городищенское II, селище 85
 Городищенское городище (Городецкий городок) 475, 512
 Городок, клад 568
 Горы II, селище 85
 Горюхалинское городище 85, 97, 446
 Горюхалиха I, селище 85
 Горюхалиха II, селище 85
 Горюхалихинское городище 97
 Горюшки I–III селища 475
 Горюшкнское I, селище 85
 Горюшкнское II, селище 85
 Гремячанское поселение-святылище 85
 Гремячая, курганная группа 27, 203
 Гремячеключевское местонахождение керамики 425
 Гремячкино 113
 Грибановский могильник 513
 Грибушинские I–III селища и городище 475
 Григоровский клад 512
 Грошиха I, селище 85
 Грошиха II, селище 85
 Грошиха III, селище 85
 Грудята, могильник 460
 Грудятский могильник 512
 Грязнухинское селище 475
 Губинские I–IV селища 512
 Губинское городище 512
 Гулюково 274, 302, 305, 306, 307, 315

- Гулюшево (Ашна-Пандо), городище 365, 367
 Гурдошурское селище 543
 Гуртылты, селище 543
 Гурья-кар, городище 453
 Гусельниковское (Занина Вышка) городище и селище 475, 476, 480
 Гутово 460
 Гутовский клад 512
 Гыркешур (Поломское II) городище 557
 Гыркош, городище 512
 Даниловский могильник 513
 Даниловское II селище 513
 Двоенка 19
 Дворцовая Слудка III, селище 85
 Дебесы 564
 Девичий городок 365
 Дежневские (Уфимские) курганы 352, 353, 354
 Деменковский (Деменки) могильник 446, 459, 468, 505, 508, 509, 512, 541
 Демидятское (Кривенское) городище 475
 Денисовка I, селище 85
 Денисовка II, селище 85
 Денисовка селище 475
 Дербенёвка 275, 302, 303, 306, 311
 Дербенево 19, 448
 Дербеневский могильник 33
 Десяткинское селище 134
 Десятково, селище 85
 Джанатан, могильник 31
 Джанатан, поселение 19
 Дикое Озеро, могильник 85, 449
 Дмитриевский могильник 110, 134, 144
 Дмитриевское селище 134
 Долгое Озеро, поселение 475
 Долгушинское селище 512, 516
 Дондинский клад 543
 Дондыкарское (Дондыкар) городище 539, 543, 546, 548
 Доскино-15, селище 593
 Драчевское I, городище 86
 Драчевское II, городище 86
 Драчевское III, городище 86
 Драчевское селище 86
 Дружненский могильник 19, 31
 Дубовский/Красная горка 275, 277
 Дубровино, селище 85
 Дубровинское селище 131
 Дубровка 106
 Дуброво, поселение 85
 Дубровский комплекс 125
 Дубровский могильник 127, 133, 140, 142, 144, 237, 239
 Дубровское II поселение 133
 Дубровское городище 133
 Дубровское селище 133
 Дуванакское городище 131, 425
 Дуванейские I–II селища 134
 Дудкинское II селище 134
 Дулесовское городище 132, 425
 Дулесовское селище 132
 Дураковская находка 459
 Дурановские находки 543
 Дырпинский могильник 543
 Дюртилинское городище 134
 Егвинская находка 512
 Ежовское I селище 543
 Ежовское II селище 543
 Ежовское III селище 543
 Ежовское городище 543, 544
 Ежовское селище 134
 Екатериновские находки 475
 Елевский могильник 513
 Елизавет-Михайловский могильник 596, 597, 598, 609
 Елкинское (Городищенское) городище и селище 475
 Елкинское городище 458, 472, 476, 477
 Еловая грива, селище 84
 Еловая Грива, селище 512
 Елпачиха I, селище 84
 Елпачиха, городище 86
 Елпачиха, поселение 86
 Елпачихинское II, селище 84
 Елпачихинское III, селище 84
 Еманаевское городище 378, 431, 455, 566, 568, 575, 576, 577, 578, 579, 580
 Ембулатихинское I селище 405
 Ереминское селище 475
 Ерепетовское селище 475
 Ерепеты, селище 85
 Ерзовка 19
 Ермаково городище 472, 475, 476
 Ермаковское городище 471
 Ермаши, городище 85
 Ермаши, поселение 85
 Ермолинское селище 475
 Ершовка 19
 Ефаево I, поселение 601
 Ефимьево-4, селище 593
 Ефтятское селище 475
 Жаба, могильник 564
 Жабинские находки 543
 Жабинский (Бигершай) могильник 543
 Жабинское I селище 543
 Жабинское II селище 543
 Жабреи I, селище 85
 Жабреи II, селище 85
 Жабрейские I, II селища 475
 Жаман-Каргала I 19
 Желтухинский могильник 583, 584, 587, 589, 595
 Жерноклеевский хутор 19
 Жигулевское II селище 367, 377
 Жилинский могильник 352, 353
 Жилинское городище 70, 72
 Журавка, могильник 19, 123
 Журавка, поселение 123
 Журавкино 468
 Журавкинский I могильник 596, 597, 598, 602
 Жутово 19, 23
 Заболотновское (Гопулгурезь) селище 543
 Заболотновское (Садейкар) городище 543
 Заболотновское городище 544, 558
 Заболотное городище 546
 Забор, могильник 85
 Забор, селище 85
 Заборово-1, селище 593
 Заборье, курган 110, 449
 Заборьевское поселение 475
 Заборьевское селище 475
 Заборьинские курганы и селище 475
 Заборьинский могильник 127, 133, 140, 144
 Заборьинское селище 133
 Заводчик, городище 85
 Загарский могильник 512
 Загарье 468
 Загибовское I городище 128, 131
 Загибовское II городище 128, 130, 131
 Зайчики, селище 85
 Замараево, селище 86
 Замельница I, селище 86
 Замельница II, селище 86
 Заозерье IV, поселение 86
 Заозерье V, поселение 86
 Запальта I, селище 85
 Запальта II, селище 85
 Запальта IV, селище 85
 Заполье I, селище 85
 Заполье II, селище 85
 Заполье III, селище 85
 Запоселье 468
 Запосельское I селище 453, 512
 Заречное 2 596, 597, 598
 Зародятское селище 88, 454, 509, 512, 515, 516, 517, 518, 519, 521, 522, 525, 540
 Заря 1, могильник 596, 597, 598
 Заспалово I, II селища 475
 Затонское IV селище 134
 Заюрчим I, поселение 86
 Заюрчим IX, селище 86
 Заюрчим VI, поселение 96
 Зеельман (Ровное) 19
 Зеленый, поселение 19
 Зименькино, селище 85
 Змеевка I, селище 86
 Змеевка II, селище 86
 Змеевка III, селище 86
 Зобачева, местонахождение 508, 527
 Зобачево 460
 Зобачевские I–IV селища 512
 Зобачевский могильник 512
 Зобачевское II селище 516
 Золотое кладбище 110
 Зуево-Ключевское VI селище 133
 Зуйкар городище 513, 514, 543, 544
 Зура I поселение 541
 Зуютское селище 475
 Ивангайская стоянка и селище 134
 Иван-Гора, городище 86
 Ивановское селище 134
 Ивано-Казанские I–2 селище 70, 72, 81
 Ивановско-Ленинское II городище «Шолм» 13

- Иваньковский могильник 250, 596, 597, 598, 602, 607
 Ивановское городище «Шолм» 379
 Игимский могильник 358
 Иднакар, городище 446, 452, 453, 539, 540, 544, 546, 563, 564
 Идоговская находка 512
 Ижевский могильник 110, 114, 126, 127, 131, 142, 144, 145, 186, 237, 277, 448
 Ижевское городище 566, 568, 575, 576, 580
 Извильская находка 543
 Извильское городище 543, 545
 Измерский IX могильник 356, 387, 388, 406
 Измерское II селище 346
 Ильевка 19
 Ильинские находки 512
 Ильинский клад 512
 Ильинское I селище 134, 425
 Ильинское костыще 87, 508, 528
 Ильинское костыще и городище 85, 512
 Ильметовские I–III селища 135
 Ильметовские погребения 135
 Ильметьевские I, II могильники 144
 Ильнешское I городище 425
 Ильнешское I селище 133
 Ильфировское (Блохинское 2) поселение 70, 72, 81
 Илюшевское поселение 513
 Иманлейский могильник 358
 Имендьяшевское городище 337
 Именьково, городище 122, 371, 405
 Именьковская находка 459
 Именьковский III могильник 365
 Именьковское I городище 46, 364, 374, 378, 405
 Именьковское I селище 382
 Именьковское городище 384, 427
 Именьковское поселение 415
 Ипкуль, могильник 188, 314
 Иргинское городище 475
 Иренское (Рыбы) городище 475
 Ирмяш I, селище 134
 Ирьяк I, селище 85
 Ирьяк II, селище 85
 Ирьяк III, селище 85
 Ирьяк, городище («Абина гора») 85
 Искирское селище 86
 Искорское городище 512
 Исток, селище 85
 Истоминское селище 512, 516
 Исхаковское городище 135
 Исхаковское селище 337
 Ишбулатовское селище 134
 Ишимбайское погр. 358
 Ишимовское I, городище 84
 Казакларовские I–III городища 134
 Казакларовское I городище 127, 151
 Казакларовское II городище 336
 Казакларовское III городище 134
 Казакларовское селище 134
 Казанковское селище 134
 Казанский I (Старостекольный завод) 113
 Казанцевское городище 134
 Казанцевское селище 134
 Казань I (Старостекольный завод) 114
 Казарятское городище 475
 Казенные находки 475
 Каинлыкские I–VI селища 134
 Кайбелы могильник 331
 Кайбельский клад 329
 Кайгородский клад 513
 Кайсар Ялга, могильник 86
 Кайсар-Ялга, могильник 449, 450, 522
 Какры-Куль (Старо-Муштинское) городище 134, 135, 338, 339
 Какры-Куль XV, стоянка и селище 134
 Какры-Кульское селище 134
 Кала Урын, городище 86
 Кала Урын, могильник 86, 87, 94, 275, 296, 297, 298, 299, 300
 Кала Урын, селище 86
 Кала-тау (Юлдузское) городище 564
 Кала-Урынский могильник 87, 94, 275, 296, 297, 298, 299, 300
 Калачёвский курган 448
 Калашниково I, селище 85
 Калашниково II, селище 85
 Калашниково, могильник 85, 95, 97, 275, 298, 449, 472, 485
 Калашниковские курганы 449, 476, 485
 Калашниковский могильник 475
 Калиновка 19
 Калиновка I, городище 85
 Калиновский могильник 27
 Калиновское городище 96
 Кальтязевское городище 135
 Кальтязевское селище 135
 Камеевское городище 134, 334
 Камеевское селище 335
 Камеевское селище и стоянка 134
 Каменево 2, поселение 373
 «Каменка» урочище 19, 126
 Камень Дыроватый находка 459
 Камилевские I–II селища 134
 Камышевский 19, 27, 110
 Камышевское III городище 134
 Камышенские I–II городища 134
 Камышенское II городище 135
 Камышенское IV городище 134
 Камышинское I городище 334, 336, 343
 Камышлы-Тамак могильник 70, 237
 Каневский могильник 509, 512, 527
 Каневское селище 512
 Канлинское селище (Саклы-Булак) 134
 Кано, могильник 19
 Кансяровские погребения 134
 Кансяровское городище 134, 340
 Кансярское городище 334, 338, 343
 Капитанский хутор 19
 Кара-Абызское городище 134, 334, 336
 Карабаевские I–II селища 134
 Карабаи I, селище 85
 Каравалес, городище 539, 543, 545, 558, 559
 Каракабак, городской памятник 400
 Каракосовский (Усть-Кишертский) клад 475, 487
 Каракосовское селище 475
 Каракулинское III (Партизанское, Половинный лог) городище 133
 Карамалинское 2 поселение 70, 81
 Карамалинское селище 72
 Кара-Тал I, могильник 19, 33
 Каратамакский могильник 127, 128, 134, 142, 144, 151, 335, 342
 Карашор, городище 513
 Карашурский могильник 543
 Кара-Якуповское городище 357, 363
 Каргалинское селище 134
 Кардагушевское городище 135
 Кардагушевское селище 135
 Карильское городище 543, 544
 Карыйл городище 424, 539, 546
 Карлинское I селище 366, 371, 374, 378, 379, 380
 Карлинское IV селище 57
 Карлудское I городище 131
 Карлудское II городище 131
 Карлудское селище 131
 Кармалинский клад 459
 Кармалинское городище 367, 381, 382, 383
 Карнауховское селище 475
 Карчейское городище 514
 Карьева поселение 475
 Карьи I–III селища 475
 Касьяново, городище 85
 Касьяново, селище 85
 Катаевские I–III городища 512
 Кататыб, селище 512
 Качка, могильник 86, 96, 275, 296, 449, 450, 522
 Качкашур 504
 Качкашурские находки 543
 Качкашурский (Лудошурский) могильник 540, 543
 Качкашурское селище 540, 543, 544, 558
 Качкинский могильник 95, 97
 Каширино селище 475
 Каширинское городище 475
 Квалярский могильник 543
 Квать-Пелевский клад 512
 Кегюльта 19, 684
 Кельдыковское селище 543, 558
 Кельдыковское селище
 Кемольская находка 512
 Керинское селище 475
 Кермен-Толга 19
 Керченский клад 512
 Кестымский (Ягошурский I клад) 459
 Кетово I, селище 86

- Кигагинское городище 130, 134
 Кигагинское городище
 Кинделинские I–V селища 475
 Кипчаково I 107
 Киргизовское III селище 134
 Киргизовское селище 134
 Кировский (Вятский) клад 566, 568
 Кировский I могильник 23, 318
 Кировский III могильник 23, 26
 Кировский могильник 19, 28
 Кирпичное селище 134
 Киселевское селище 475
 Кисилево, селище 475
 Кислое озеро (Дикуши) селище 475
 Кисык-Камыс 19, 33
 Кичаново I, селище 86
 Кичаново II, селище 86
 Кичаново III, селище 86
 Кичаново IV, селище 86
 Кичаново V, селище 86
 Кишертские I, II селища 475
 Кишертский комплекс 472
 Кишертское селище 476, 480
 клад у дер. Городок 566, 568
 Клепиковский клад 512, 525
 Климкино могильник 107
 Климовский клад 463, 512, 525
 Клин-Яр III 314
 Клычи, селище 475
 Ключ, селище 85
 Ключевские I, II селище 475, 480
 Ключевское (Златоустовское) городище 475
 Ключевское городище 475
 Ключи II, селище 476
 Кляпово, могильник 86, 449, 450
 Кляповский могильник 94, 448, 471, 475, 476, 485
 Кляшевское селище 134, 334
 Коби I 314
 Коблевский могильник 380
 Кобяково 19
 Кобяковский могильник 110
 Ковина (Зародяга) 460
 Ковинский (Зародятский, Строгановский) клад 459
 Ковинский клад 466, 512, 525
 Козлов Мыс-2 448
 Козловский курган 448
 Козьминские находки 512
 Койсуг 19
 Кокорятская (Удепская) находка 512
 Кокуй поселение 475
 Кокуй, городище 85, 476
 Кокуйское городище 475
 Кола-Урын, могильник 449, 450, 522
 Кольчужская находка 512
 Кольчужское селище 512
 Колюшевское городище 131
 Комариха, селище 86
 Комаровский клад 471, 475
 Комаровский могильник 266, 377, 379, 383
 Комаровское (Чибинькар) городище 543
 Комаровское IV селище 370
 Комаровское городище 544, 545
 Комары, городище 475
 Коминтерновский II могильник 110, 356, 365, 377, 379, 385, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 400, 402, 406, 409
 Коминтерновский клад 387
 Коминтерновский могильник 346, 376, 381, 383
 Коминтерновское II селище 338, 346
 Коминтерновское поселение (Курган) 46, 420
 Коминтерновское поселение Курган 376
 Комсомольский IV, VI могильник 19
 Конезавод I могильник 318, 319, 322
 Конецгор, селище 86
 Конино I, селище 85
 Конино II, селище 85
 Конино III, селище 85
 Конино, поселение 85
 Коновалыта, селище 84, 516, 522
 Коновалытское селище 509, 512, 515, 516, 518, 519
 Кононовское селище 512
 Концовский могильник 431, 459, 540, 566, 567, 568, 579
 Концовское селище 512
 Коповский (Бигершай) могильник 543
 Копчиково 449, 450
 Копчиковские курганы 485
 Копчиковский могильник 471, 475
 Копылы I, селище 85
 Копылы II, селище 85
 Копылы III, селище 85
 Кордон Деркульский 19
 Кордон, могильник 113, 207, 208, 209, 211, 213, 215, 219, 220, 221, 222, 223, 274, 282
 Короли хутор 19
 Кортгышевская находка 543
 Корчак 201
 Корчевские находки 513
 Корчейское городище 513
 Коршуновские находки 543
 Косасар 2, могильник 403
 Косинское (Большереченское) городище 513
 Кос-оба 19
 Косогоры I, поселение 86
 Косогоры I, селище 88
 Костарево IV, V, могильник 19
 Костаревское городище 134, 334
 Костыревские I–III селища 134
 Косьвинские I, II селища 475
 Котлубань 19
 Котлубань V 30
 Кочевские находки 512
 Кочерги селище 475
 Кочергинский могильник 580
 Кочкильдинское селище 134
 Кочкинский могильник 583, 584, 589, 593, 595
 Кошелево, клад 471
 Кошелевские I–V селища 475, 476, 480
 Кошелевские находки 475
 Кошибеево 106, 107, 294
 Кошибеевский могильник 68, 103, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 262, 263, 265, 268, 603
 Кошкино 113
 Кошкинская стоянка 213
 Кошкинский могильник 208, 209, 215
 Красильниковский могильник 513
 Красная Горка, городище 86
 Красная Горка, могильник 546
 Красная Котлубань 19
 Красногорский II могильник 360
 Красногорский могильник 358
 Красногорское поселение 19
 Красногорское селище 134
 Красное 3 596, 597, 598, 602
 Краснослудское (Эбгакар) городище 543
 Краснохолмское городище 134, 338, 339, 340, 343
 Краснояр II, городище 84
 Краснояр III, селище 84
 Краснояр, могильник 275, 295, 296, 299, 300, 446
 Красноярский I, могильник 84, 204, 205
 Красноярский могильник 87, 134
 Красноярский могильник 92, 95, 142, 144, 153, 295, 298, 318, 446, 448
 Красноярское I селище 84, 134
 Красноярское I, городище 84, 128
 Красноярское II селище 84, 134
 Красноярское городище 130, 134
 Красный Ключ, могильник 113, 208, 209
 Красный Яр, городище 85
 Красный Яр, курганы 164
 Красный Яр, могильник 19, 30, 110, 164, 468
 Красоты I, селище 86
 Кременская стоянка 19
 Крепинский могильник 19
 Крепость Кондурча I, 53
 Крепость Кондурча II 51, 53, 54, 57, 58
 Крепость Кондурча II, селище 61, 63, 64
 Крепость Кондурча, поселение 62
 Крепь 19
 Крестово городище 329
 Кривая Лука 19, 26, 32
 Кривоборское городище 208, 223, 541, 566, 568
 Криниччи поселение 123
 Кропачиха, селище 85
 Крохово I, поселение 86
 Крутик 123
 Крутояровка 19
 Крылово I селище 86
 Крылово II селище 86

- Крылово III, селище 86
 Крылово IV селище 86
 Крымкарское селище 512
 Крюково III, селище 85
 Крюково-Кужновский могильник 596, 597, 598, 609
 Крюково-Северное I, селище 85
 Крюково-Северное II, селище 85
 Крюково-Северное III, селище 85
 Крюково-Северное IV, селище 85
 Крюково-Северное V, селище 85
 Крюково-Северное VI, селище 85
 Крюково-Северное VII, селище 85
 Кряж I, могильник 319, 325, 331
 Кряжский I могильник 319
 Ксяко-Тау, городище 134
 Кубашевское городище 226, 233, 577, 580
 Кувыковские I–II селища 134
 Кувыковский могильник 352, 354
 Кувыковское городище 134, 338, 340
 Кудаш 6 95
 Кудаш I, могильник 295, 297
 Кудаш, могильник 275, 298, 299, 336, 450
 Кудаш, могильник 84, 295, 297, 300, 301, 446, 449, 537
 Кудашевские I–III селища 134
 Кудашевские IV–V селища 134
 Кудашевские курганы 102, 113, 446
 Кудашевский (Кудаш) могильник 113, 116, 120, 296
 Кудашевский I могильник 110, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206
 Кудашевский могильник 87, 92, 95, 98, 134, 144, 153, 186, 297, 300, 313
 Кудашевское I городище 84, 88
 Кудашевское I, селище 84
 Кудашевское городище 134
 Кудашевское селище 134
 Кудашевское-1 городище 339
 Кудашевское-2 городище 337, 339
 Куделинское городище 512
 Куделькинское селище 475
 Кудымкарское городище и могильник 509, 512, 537
 Куединское городище 135
 Кузбаевское селище 135
 Кузбаевский клад 122, 309, 310, 421, 422, 432, 433, 434, 435, 436, 438, 558
 Кузбаевское I (Каргурезь) городище 122, 127, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 424, 425, 426, 427, 428, 431, 432, 433, 434, 436, 437, 438, 440, 452, 466
 Кузбаевское I селище 132, 407, 425, 432
 Кузбаевское II (Каргурезь) городище 128, 133, 424, 425
 Кузбаевское II селище 133, 425
 Кузбаевское III селище 133, 425
 Кузбаевское IV селище 133, 425
 Кузбаевское V селище 133, 425
 Кузбаевское VI селище 133, 425
 Кузбаевское VII селище 133
 Кузбаевское городище 125, 358, 363, 407, 558
 Кузбаевское поселение Вужгурт 133, 425
 Куземьярово I, селище 84
 Куземьяровское I, городище 84
 Куземьяровское II, селище 84
 Кузин хутор 19, 32
 Кузьмино 106
 Кузьминский (Бигершай) могильник 543
 Кузьминский могильник 540
 Кулагыжский клад 471
 Кулагыжский клад и селище 475
 Кулгановские I–II селища 134
 Култаево I, поселение 86
 Култаево II, поселение 86
 Култаево III, селище 86
 Култаево IV, селище 86
 Кунгурская I находка 459
 Кунгурская II находка 459
 Кунгурское II городище 475
 Куньяновское городище 543, 544
 Купросские находки 512
 Купцын-Толга 19, 32
 Курган поселение
 Курган у озера Дикого 449, 475, 485
 Курганный клад 512
 Куреккар, городище 513
 Курекгуртское селище 128, 133
 Курзясайтовское селище 134
 Куриловский клад 471, 475
 Курманаево I, селище 85
 Курманаево II, селище 85
 Курманаево, курганы 476
 Курманаево, могильник 85, 449, 472
 Курманаевский курганый могильник и I, II селища 475
 Курманаевское IV селище 53
 Курьинское I–II селища 512
 Кусекеевское селище 283
 Кут, поселение 380
 Кутляровское селище 134
 Кушманакские I–II селища 134
 Кушманское (Учкакар) городище 543
 Кушманское I селище 543
 Кушманское II селище 543
 Кушманское III селище 543
 Кушманское городище 544, 546
 Кушнаренокский могильник 381
 Кушнаренокское поселение и могильник 345, 346, 347, 357, 358, 360
 Кушнаренокское селище 345, 346, 357
 Кушнаренокский могильник 349, 352, 353, 354, 355, 356, 361, 377, 381, 387, 400, 406
 Куштиряжское селище 357
 Кушулевский III могильник 228, 237
 Кушулевский могильник 70
 Кушбинский могильник 543
 Куяновские I–III селища 135
 Кыз-Кала-Тау, стоянка и селище 134
 Кызыл-Адыр 275, 316
 Кыпкинская находка 543
 Кыпкинский могильник 540, 543
 Кырдымское городище 512
 Кытманский клад 513
 Кычдезовское городище 513
 Лаврятское городище 453, 509, 513, 516
 Лагеревский могильник 358, 361
 Лагерное селище 134
 Ласьва I, селище 85
 Ласьва II, селище 85
 Ласьва III, селище 85
 Ласьва IV, селище 85
 Лбищенское (Лбище) городище 19, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 54, 57, 60, 121, 122, 184, 186, 274, 302, 305, 306, 316, 332, 333, 371, 379, 381, 386, 420
 Лебедевка 23, 26, 28, 30, 33, 34, 35
 Лебедевка I, могильник 33
 Лебедевка II, IV 19, 32
 Лебедевка IV, V, VI могильник 19, 23, 26, 27, 30, 31, 32, 33
 Лебедевка VI могильник 25, 27, 28, 30, 35, 110, 164, 165, 166
 Лебедевский могильник, 22
 Лебяжье могильник 18, 19
 Левинское городище 512
 Леканды, могильник 19
 Ленинск, могильник 19
 Лепесовка поселение 123
 Лесогуртский клад 459, 505, 543, 551, 552
 Линевка, могильник 19
 Липовка (Шиханы) могильник 19, 31
 Лисьи Норы, городище 514, 515
 Лисья Курья I, II селище, 513
 Лисья Курья, поселение 513, 515, 518
 Личадеево 5, могильник 596, 597, 598, 602, 609
 Лобанихинское городище 512
 Лобаново селище 86
 Лобач (Пеньковское) городище 475
 Лобач, городище 453, 454, 455, 458, 466, 471, 472, 476, 477, 478, 479, 483, 488, 504
 Лола гр. II 19
 Ломатино, поселение 476
 Ломоватовские I–V селища 512
 Ломотино I, селище 85
 Ломотино II, селище 85
 Ломотино III, селище 85
 Ломотино IV, селище 85
 Ломотино, костище 85
 Ломотинские I–IV селища, городище и костище 475
 Ломотинское городище 472, 490
 Ломотинское костище 489
 Лопьяльский могильник 566, 568
 Луговая IX, поселение 86
 Луговая V, поселение 86

- Луговское селище 475
 Луговской II могильник 425
 Луговской могильник 70
 Лудошурские находки 543
 Лудошурское I городище 543, 545
 Лудошурское II городище 543, 545
 Лузановский IV могильник 319, 324, 329
 Луковский клад 512
 Лунево I, селище 85
 Лунево II, поселение 85
 Лушморский (Ошутьяльский) могильник 226, 227, 228, 231, 232, 233
 Льва, городище 85
 Льва, селище 85
 Люмский (Бигершай) могильник 543
 Лягушино I, селище 86
 Лягушино II, селище 86
 Лягушино III, селище 86
 Лягушино IV, селище 86
 Лягушино V, селище 86
 Лятошинка 19
 Магашлы-Алмандаевские II–III селища 134
 Магнитный, могильник 19, 26, 33, 34, 35
 Мазуевское селище и городище 475
 Мазунино, могильник 110, 275, 277
 Мазунинский (Каменки) могильник 132
 Мазунинский могильник 126, 127, 135, 144, 145, 448
 Мазунинское (Даниловское) городище 513
 Майкорский клад 512
 Майкорский могильник 512
 Макаровские находки 543
 Макаровский могильник 512
 Макаровское I городище 131
 Макаровское II городище 131, 425
 Макаровское селище 513, 518
 Макеевское селище 51, 64
 Маклашеевский IV и V могильник 365, 376
 Маклашеевский IV могильник 365, 377
 Маклашеевский V могильник 356, 365, 377, 387, 388, 406
 Маклашеевское II городище 46, 122, 365, 366, 369, 371, 374, 375, 376, 378, 401, 405, 420, 427
 Маклашеевское II поселение 413
 Максютово II 19
 Макшурская находка 543
 Малаештский могильник 380
 Малахово, селище 85
 Малая Кандарать I селище 379
 Малая Речка I, селище 85
 Малая Слудка I, городище 86
 Малиновское (малое) городище 132, 136
 Малково, могильник 19, 30
 Мало-Аниковский могильник 512
 Маловенижский могильник 540, 543
 Маловенижское (Поркар) городище 543
 Малокачаковский могильник 127, 135, 144, 342
 Малокиварское городище 131
 Малоключевская находка 543
 Малолудошурские находки 543
 Маломедлинская находка 543
 Мало-Никольское I городище 85
 Мало-Никольское II городище 85
 Мало-Никольское III, селище 85
 Мало-Савино I, селище 86
 Малые Вятские II, поселение 86
 Малые Вятские III, селище 86
 Малый Вакшур пещера 512
 Малый Колпак (Жилинское) городище 67, 71, 72, 81
 Мальцевские I–II селища 512
 Мальцевские находки 512
 Мальцевский могильник 512
 Манаковская находка 512
 Маняк-2, городище 339
 Манякский могильник 357, 358, 360, 361
 Манякское I селище 134
 Манякское II селище 135
 Манякское городище 134
 Мариенталь (Советское), могильник 19
 Мари-Луговской могильник 116, 221, 226, 227, 228, 229, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 274, 285, 287, 288, 567
 Марково, местонахождение 508
 Марковское городище 512
 Мартинское (Карасевское Кыр-быв-йыр) городище 512
 Мартыновский клад 513
 Масловка 106
 Маслово 113
 Махони I, селище 86
 Махони II, селище 86
 Махони III, селище 86
 Махони IV, селище 86
 Махони, городище 86
 Машевка могильник 18, 19
 Мащинское (Мосинское) городище 512
 Медведевское I селище 512
 Медведица (Белошейкинское), городище 85, 512, 515
 Межновское (Лупихинское) I городище 132
 Межновское II селище 134
 Мелехинский могильник 512
 Мелехинское селище 512
 Меллятамакское II городище 360
 Меллятамакское V городище 360
 Меллятамакское селище 358
 Мелькенское селище 134
 Меметовский могильник 543
 Менегезские I–II селища 134
 Меркушевское (Сенькинское II) городище 512, 514
 Месягутовское городище 135, 340
 Метелинское селище 134
 Мехзавод 19
 Мещеровское селище 134
 Минчегуртское городище 130, 133, 425
 Митинский (Митино) могильник 97, 237, 275, 449, 450, 509, 522, 524
 Митинский курганный могильник и селище 513
 Михайловское селище 134
 Михайло-Никольское городище 85
 Михалево 468
 Михалевские (Златинские) находки 513
 Мишкина Пристань 19
 Младший Ахмыловский могильник 227, 233, 287, 567, 583, 584, 585, 586, 589, 592, 595
 Могильницкий 468
 Модоробские находки 513
 Мокино 86, 449
 Мокино II, селище 86
 Мокино, могильник 86, 100, 275, 297, 299, 300, 313, 314, 531
 Мокинский могильник 87, 94, 95, 97, 98, 99, 206, 297, 509, 532, 534
 Мокинское поселение-могильник 88, 91, 96
 Мокрая Балка могильник 403
 Молчановка 275, 302, 303, 304
 Момылевское (Мумылевское) городище 134
 Момылевское городище 337, 425, 429
 Мончазинское городище (Мончазы-1 городище) 67
 Моргинское городище «Ош-Пандо» 40, 367
 Морозково IV 468
 Морозковские II, IV селища 475
 Морозовское городище 475
 Морочатская находка 459
 Морочатское (Большухинское) городище 512, 514
 Моршанск 468
 Московский II могильник 25
 Московский могильник 19
 Мостовая, селище 85
 Моторки II, III, X селище 566, 568
 Мочелятское городище 512
 Мошево, селище 85
 Муважинское I селище 133, 425
 Муважинское II селище 133, 136, 425
 Муважинское III селище 133, 425
 Муллинские I селище 134
 Муллинские II селище 134
 Муновское I городище 133
 Муракаево 19
 Муранский могильник 319, 328, 331
 Муром 106, 428
 Муромское I селище 371, 379, 380
 Муромское селище 380
 Муслумово, погребение 119, 195, 274, 275, 307, 308, 309, 310, 313, 315
 Мыдланьшай могильник 504, 539, 541, 543, 546, 550, 555, 561, 565

- Мыдлань-Шай, могильник 548, 552, 579
 Мыльники I, селище 85
 Мыльники II, поселение 85
 Мыльники III, селище 85
 Мыльники, городище 85
 Мыс-Бродовское селище 85, 475
 Мысы I, селище 85
 Мышелка II, селище 85
 Нагавский II могильник 34
 Нагавский могильник 19
 Назаровское городище 509, 512, 514, 515, 516, 517
 Напольновское селище 241, 250
 Нармонский могильник 220, 230, 234, 235, 236, 567
 Насадка I, II селища 475
 Неволинский грунтовый могильник и II поселение 475
 Неволинский могильник 456, 458, 459, 466, 471, 472, 476, 477, 489, 491, 492, 496, 500, 502, 558, 561
 Неволинское I селище 475
 Нейзац, могильник 188, 195, 198, 203
 Немчанка 358
 Непряхинское городище 132
 Нетяйн I–III, селища 513
 Нефтебаза, селище 85
 Нехаевский 19
 Нива, могильник 275, 277
 Нивский могильник 102, 126, 131, 142, 144, 153, 177, 186, 281
 Нижнебогатырское I селище 543
 Нижнебогатырское II селище 543
 Нижне-Иванавское селище 134
 Нижнекотельничское городище 130, 133
 Нижне-Подуковские I, II селища 475
 Нижнесиказовское селище 134
 Нижне-Шахаровский клад 475
 Нижний Баскунчак 19
 Нижний Чекур, городище 85
 Нижняя Змеевка селище 475
 Нижняя Качка I, селище 86
 Нижняя Солянка селище 466, 475
 Нижняя Чермода, городище 85
 Нижняя Чермода, селище 85
 Никитино I, селище 85
 Никитинский могильник 456
 Николаевские I–III селища 134
 Никольское Раздолье селище 85, 281
 Никулино I, II селища 475
 Никулино I, селище 86
 Никулино II, селище 86
 Никульчинское городище 208
 Новая Жизнь, селище 86
 Новая Чигла, могильник 403
 Новиковский могильник 462
 Новиковское городище 475
 Новинки I, селище 366
 Новинки V, селище 366
 Новинковские I и V селища 383
 Новинковское I селище 369, 371, 375, 376, 378, 380
 Новинковское V селище 368, 369, 370, 371, 377, 378, 380, 482
 Новоакбулатовское селище 134
 Новоаксайский могильник 19
 Ново-Александровка, могильник 19
 Новоанненский могильник 19
 Новобалтачевское селище 134
 Ново-Биккинский могильник 358, 361
 Новобиктовское I селище 134
 Новобиктовское III селище 134
 Новобирючевское селище 134
 Ново-Бирючевское селище 334
 Новобуртукское селище 134
 Новогыинское городище 543, 544, 546
 Новоельдьяковское селище 134
 Новокангышевские I–II селища 134
 Новокарское селище 134
 Ново-Карское селище 335
 Новокизгановская II стоянка и селище 134
 Новокизгановское I селище 134
 Новокирметское II селище 51, 53, 54, 55, 58, 64
 Новоляпустинское селище 134
 Новомедведевское I городище 134, 134
 Ново-Медведовское городище 134
 Новомуллакаевское городище 134
 Новонадеждинское селище 134
 Новоорский I могильник 19
 Новопетровское городище 134
 Новосадковский могильник 19, 280
 Новоселовская находка 512
 Новославский II могильник 387, 388, 395, 396, 397, 398, 399, 401, 404, 405, 406
 Новославский могильник 367, 376, 377
 Ново-Стерляговское поселение 475
 Новотатышлинское городище 135
 Новотурбаслинские I–III селища 134
 Ново-Турбаслинские курганы 345
 Ново-Турбаслинский II могильник 349
 Новотурбаслинский могильник 400
 Ново-Турбаслинский могильник 352, 353, 354, 355, 356, 357, 361, 381
 Ново-Турбаслинское II селище 340, 343, 346, 347, 357
 Ново-Турбаслинское поселение 345, 347, 348, 356, 357, 360
 Ново-Турбаслинское поселение и могильник 345, 346, 358
 Новоуртаевское селище 134
 Ново-Уфимский могильник 66, 67, 69, 72, 78, 79, 81
 Новочукуровское городище 135
 Новые могильник и I–IV селища 475
 Новые Норки, могильник 19
 Новый Усад 5 селище 596, 598, 600, 601, 602
 Новый, могильник 19
 Ножа Вар, городище 241, 250, 252, 596
 Ножа Вар, поселение 598
 Ножа-Вар, городище 57, 106, 251, 255, 268, 269, 598, 602
 Ноин-Улы, курганный могильник 403
 Носковский могильник 459, 513
 Ныргында 275, 281
 Ныргында I, могильник 103, 110, 126, 127, 140, 173, 277
 Ныргында II 107
 Ныргындинские находки 425, 432
 Ныргындинский I могильник 132, 144
 Ныргындинский могильник 277
 Ныргындинское II городище 132, 153, 425, 432
 Ныргындинское III городище 132
 Овинное I, селище 85
 Озерко, селище 86
 Озерное I, II селища 475
 Озеро Грязное I, селище 512
 Озеро Грязное II, селище 512
 Октябрьский (Терновский) могильник 19
 Окуловка I, селище 85
 Окуловка V, селище 85
 Окуловка VI, селище 85
 Окуловка VII, селище 85
 Окуловка, городище 85
 Окуловский остров IV, селище 85
 Окуловский остров V, селище 85
 Ольховка I, селище 86
 Ольховское I городище 131
 Ольховское II городище 131
 Ольховское III городище 131
 Омелинские селище и могильник 512
 Омутница, могильник 546, 550, 555
 Омутницкий могильник 540, 543, 544, 588, 561
 Оношатский клад 512, 526
 Опутята, городище 84, 516, 521, 522
 Опутятское городище 88, 96, 455, 509, 512, 514, 515, 516, 518, 520
 Ордынский бугор, могильник 19
 Орловские I–III селища 134
 Орловское селище 336
 Ором (Меркучевское), городище 513
 Ором, городище 513, 515, 517, 518, 520, 521
 Оса I, селище 85
 Оса II, селище 85
 Оса, городище 85
 Осиновка, городище 85
 Осинское городище 86, 92, 96, 99, 541
 Осляны I, селище 85
 Осляны II, селище 85
 Осляны III, селище 85
 Осока I, селище 85
 Осока II, селище 85
 Осока III, селище 85
 Останинское (Косьвинское Перемское) костище 86, 512

- Останинское костыше 508, 528
 Осташинское городище 86, 512
 Острая Грива городище 512
 Острожка, селище 85
 Отрадное I, селище 85
 Отрадное II, селище 85
 Оханск, поселение 85
 Охлебинино 70
 Охлебининские 1–3 городища 70, 72, 81
 Охлебининские 1–3 селища 70, 81
 Охлебининский могильник 66, 67, 68, 69, 70, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 237
 Охлебининское I городище 67
 Охлебининское II городище (Ак-Таш) 67, 68, 73
 Охлебининское III городище 67
 Очер, селище 85, 88
 Очерский остров II, селище 85
 Ошибское I–II селища 512
 Ошки 113, 116, 274, 282
 Ошкинский могильник 207, 208, 222, 224
 Ошовское городище 513
 Ош-Пандо (Сайнинское), городище 370
 Ош-Пандо, городище 379
 Ош-Пандо-Нерь I/II, селище 376
 Ош-Пандо-Нерь II, селище, 122, 366, 371, 380, 383
 Ош-Пандо-Нерь, городище 368
 Ошутьяльский могильник 226, 231
 Ошутьяльское II поселение 226
 Ошья-Тауское селище 135
 Паласа-Сырт 314
 Панкраши, костыше 85, 508
 Панкрашинское костыше 512, 528
 Пановский могильник 596, 597, 598, 609
 Пармайловское I городище 513
 Пармайловское II городище 513
 Пастоноговское городище и костыше 512, 528
 Пастырское городище 384
 Патраки, селище 84, 525
 Патраковские находки 512
 Патраковский клад 525, 459
 Патраковское селище 509, 512, 515, 518
 Пахомовские клад и селище 475
 Пашня I, селище 85
 Пашня II, селище 85
 Пашня III, селище 85
 Пашня IV, селище 85
 Пеганкова Гора, городище 86
 Пек-Жикья городище 128, 130, 133
 Пеклаыб I, II 449, 450, 522
 Пеклаыбский I курганный могильник 509, 513
 Пеклаыбский III курганный могильник селище 513
 Пензенский могильник 250, 251, 252, 255, 256
 Пентюринские I, II селища 475
 Пеньки селище 86, 97, 446, 516
 Пеньковское II селище 512
 Первомай, могильник 113, 114
 Первомайский VII 110, 116
 Первомайский могильник 207, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 216, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 274, 283, 284, 288, 295, 431
 Переборское селище 475
 Перевозинское городище 131
 Переволокское (Переволоки) городище 38, 39, 40, 41, 366
 Пермьково I, селище 85
 Пермьково II, селище 85
 Пермьково III, селище 85
 Першино 19
 Першино VI, селище 85
 Першино VII, селище 85
 Першино VIII, селище 85
 Першинское городище 512
 Пестеревское селище 475
 Пестерово I, селище 85
 Пестерово II, селище 85
 Песьянка I, селище 85
 Песьянка II, селище 85
 Петер-тау (Юлдашевское) городище 564
 Петрованы I, селище 85
 Петровка 1, селище 86
 Петровка 2, селище 86
 Петровка 3, селище 86
 Петровка 4, селище 86
 Петровское селище 134
 Петропавловские II, III селище 130, 424, 425
 Петропавловский могильник 424, 425, 429, 430, 431, 434, 436, 440, 498
 Петропавловское I селище 133, 425
 Петрунино II 19
 Петухово IX, селище 86
 Петухово XI, селище 86
 Петухово XII, селище 86
 Петуховское городище 512
 Печешурский (Бигершай) могильник 543
 Печешурское селище 543
 Пешковский клад 512, 527
 Пешковское селище 512
 Пешнигортский I клад 512
 Пешнигортский II клад 512
 Пешнигортский могильник 512, 537
 Пещерское I, городище 85
 Пещерское городище 88, 89
 Пильнино I 107, 688
 Писералы 107
 Писеральский курганный могильник 68
 Питяковское селище 134
 Пичке-Сорче городище 251, 252, 255, 269
 Платошино I, селище 86
 Платошино III, селище 86
 Платошино II, селище 86
 Плесинский клад 508, 513, 523
 Плесинский могильник 459, 513
 Плесовское (Тюринское) городище 512
 Плесовское селище 512
 Плеханово, могильник 449, 485
 Плехановские курганы 450, 475, 476
 Плехановский курганный могильник 471, 485
 Плотина I поселение 475
 Плотниковский (Вишневецкий) могильник 512
 Плотское селище 475
 Победище 468
 Погибловский могильник 596, 597, 598, 602
 Погорелка I, селище 85
 Погорелка II, селище 85
 погребение на ул. Аксакова (г. Уфа) 134
 Подагортская находка 512
 Подбобыкское (Светик-Камень) святилище 459, 508
 Подбобыкское костыше 508
 Подборновский могильник 540, 543
 Подборновское городище 543
 Подборновское селище 543, 544
 Подвязьевский могильник 583, 584, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595
 Подгорненский 19, 32
 Подгорское селище 377
 Подгоры I, селище 366
 Подзுவка селище 475
 Подкаменное городище 454, 458, 472, 476, 477, 478
 Подкаменное городище и селище 475
 Подскопино I, селище 85
 Подскопино II, селище 85
 Подскопино VII, селище 85
 Подчеремский клад 462
 Подъельничное (Лысчаг) городище 475
 Поздышка, городище 86
 Поздышкинское городище 131
 Покровка 102, 106, 110, 277, 310
 Покровка 10 могильник 19, 22, 23, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 110, 164, 468
 Покровка 2 могильник 19, 25, 26, 30, 33, 35
 Покровск, могильник 19, 275, 316
 Покровский могильник 107, 114, 127, 132, 142, 144, 150, 152, 153, 154, 204, 237, 275, 277, 316, 324
 Покровское селище 132, 475, 512
 Покровское, могильник 275, 276, 278
 Полетаевское I селище 475
 Политотдельское гр. I 19
 Политотдельское гр. II 19
 Половинное I, поселение 86
 Половодский клад 512, 688
 Поломский I могильник 459, 462, 539, 540, 541, 543, 550, 555, 558
 Поломский II (Красная горка) могильник 459, 539, 540, 543, 550, 555, 558
 Поломское I (Каравалес) городище 459, 539, 541, 543, 544, 545, 548

- Поломское I селище 543
 Поломское II (Аммональный склад) селище 543
 Поломское II городище (Гыркес-шур) 539, 541, 543, 544, 545, 547, 557
 Поломское селище 543, 544
 Полуденка 449, 450, 522
 Полуденная, селище 85
 Полуденский, могильник 86, 512
 Польшинская находка 543
 Польно-Ялтуновский могильник. 251, 252, 254, 255, 256, 258, 265
 Полюдово I, селище 86
 Полюдово III, селище 86
 Полюдово IV, селище 86
 Поляна-1, селище 593
 Полянкинское I селище 51, 54, 55, 59
 Пономаревское городище 334
 Поповское городище 134, 338, 512
 Поповское селище 134
 Портяновские находки 543
 Портяновское I городище 543
 Портяновское II городище 543
 Портяновское селище 543
 Посадские I, II селища 475
 Поселковское селище 134
 Постольское (Кленовый мыс) городище 134, 137
 Постольское городище 127, 135, 136, 138, 139, 150, 151, 424, 425, 426, 436
 Потайной 19
 Потаповка I, селище 85
 Почепское селище 373
 Почтошурская находка 543
 Пролетарское II селище, 43
 Пролетарское городище 51, 52, 53, 54, 56, 58, 64, 319, 331, 332, 358, 380, 386
 Пролетарское селище 51
 Пудвайская находка 543
 Пуздринское I, II селище 475
 Пуксибские находки 513
 Пчелка, селище 85
 Пыдосовское городище 513
 Пыштайн 275, 314, 447, 450
 Пыштайн I, селище 449
 Пыштайн II, селище 513
 Пыштайн I–III, могильник 509, 522
 Пыштайские курганный и грунто-вый могильники 513
 Пыштайский могильник 508, 459
 Пьянка, городище 86
 Пьянковское костище 86
 Пянтежское городище 508
 Пятигорские находки 513
 «Пятый километр», селище 85
 Рагозский могильник 513
 Рагозское городище 513, 514
 Рагозское селище 513
 Ражкинский могильник 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 262, 263, 265, 267, 270
 Раменские I–II селища 512
 Растягаевское I, селище 86
 Редикарский могильник 459
 Редикор 468
 Редикорская находка 459
 Редикорский II клад 512
 Редикорский III клад 512
 Редикорский могильник 509, 512
 Редикорское городище 512
 Ремгинское селище 475
 Ровное, могильник 314
 Родниковское (Чудиново поле) селище 512
 Родничное городище 134
 Рождествено V, могильник 107, 114, 116, 274, 284, 285, 286, 291
 Рождествено, городище 106
 Рождествено, могильник 113, 286, 287
 Рождественский II могильник 376, 377, 403
 Рождественский V могильник 57, 213, 220, 230, 231, 235, 236, 448, 567
 Рождественский могильник 230, 232, 380, 384, 512
 Рождественское 468
 Рождественское IV селище 369, 371, 375
 Рождественское V селище 378
 Рождественское селище 384
 Романковский могильник 380
 Романовское 3 селище 343
 Романовское-2 селище 342
 Ромашевские находки 512
 Ромашевское городище 512
 Рубяжево селище 475
 Русиновское селище 509
 Русиновский могильник 458, 509, 513
 Русиновское I и II селища 515, 518
 Русиновское I селище 513, 515, 518
 Русиновское II селище 513, 515, 516, 518, 519, 520, 549
 Русско-Карское селище 134
 Русско-Чебоксарское селище 51
 Русско-Шуганское I городище 360
 Русско-Шуганское II городище 360
 Русско-Шуганское селище 358
 Ручевский клад 512
 Ручевское (Стан) городище 512
 Ручевское городище 514
 Ручейское селище 134
 Рыжково селище 475
 Сабаевское селище 134
 Сабанчикар, городище 539, 546, 548
 Савакаские находки 134
 Савкязское селище 134
 Садовские I–III селища 134, 336
 Садовская находка 543
 Сазанкин бугор 19
 Сайгатино 468
 Сайгатский могильник 126, 131, 144
 Сайгатское I городище 135, 137
 Сайгатское городище 131
 Сайнино (Ош-Пандо) городище 365
 Сайхин 19, 302, 304
 Саламатовская находка 543
 Саламатовское II городище 509, 512
 Салаушское I селище 132
 Салиховский могильник 37, 402
 Салиховское селище 135
 Салтанаиха 449, 450, 522
 Салтанаихинский курганный мо-гильник 85
 Салтанаихинское городище 86
 Самковское I, селище 85
 Самковское II, селище 85
 Самковское III, селище 85
 Самковское I–III селища 512
 Самутинское селище 134
 Сандиякское (Сандяк) городище 134, 334, 338
 Сандугачевское городище 334
 Сара I, селище 368
 Сара-1 поселение 51, 54, 55, 57, 58, 59, 62
 Саралжин III 19
 Саралинское II городище 367
 Саранка I, селище 86
 Саранка II, селище 86
 Сарапульский I могильник 132
 Сарапульский могильник 134, 144
 Сарапульское (Кладовая Веретия) городище 132
 Сарашинское I, городище 84
 Сараштыбашевское городище 135
 Сараштыбашевское селище 135
 Саргинская находка 512
 Сары-тау I 19
 Сарытау, могильник 31
 Сахарная Головка, могильник 403
 Свалы, селище 85
 Святой ключ 250, 252, 256, 257, 258, 268
 Севастьяны I, поселение 86
 Север, городище 86
 Северная Речка I, селище 85
 «Севрюкаевское лбище» урочище 38
 Сегед-Надьсекшош 314
 Седелки, селище 59
 Седьярская находка 543
 Седьярский клад 552
 Селикса 174, 290, 291, 294
 Селикса-Трофимовский могильник 113, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 267, 269, 270, 274, 290, 291, 292, 303
 Селиксенский 270
 Селиксенский могильник 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 261, 263, 265, 267, 270, 291, 294, 596, 597, 598, 607, 609
 Селитренная находка 459
 Селянино Озеро, селище 103
 Семеновские I–II селища 512
 Семеновское I, селище 85, 516
 Семеновское II, селище 85
 Семиглавый Маар 19, 30
 Семинское городище 512
 Сендмиркино 113, 242, 244, 248

- Сендимиркинский могильник 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 255, 256, 257, 258, 262
- Сенькино I, городище 84
- Сенькино II (Меркушевское) городище 84
- Сенькинское I городище 512, 515
- Сенькинское II городище 512, 515
- Сепычский могильник 543
- Сепычское (Селтакар) городище 543
- Сепычское городище 544
- Сергач 107, 252, 247
- Сергачский «Кожина слобода», могильник 241, 242, 249, 251, 252, 254, 255, 256, 258
- Сергачский «Святой Ключ» могильник 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 268
- Сергачский могильник 245, 246, 248
- Серповский могильник 596, 597, 598
- Сибай II, могильник 19
- Сибирганское селище 134
- Сибирское I городище (Бородинов городок) 512, 513, 514, 515
- Сибирское II городище (Матренина Закладь) 512, 513, 514, 515
- Сибирское I–III селища 513
- Сибирь I (Бородиной городок), городище 84
- Сибирь I, селище 84
- Сибирь II (Матренина Закладь), городище 84
- Сибирь II, селище 85
- Сибирь III, селище 85
- Сивково поселение 475, 689
- Сиделькино I, III–VI, селище 53
- Сиделькино II, селище 53, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 318, 319, 323, 324
- Сиделькино поселение 53, 59
- Сиделькинский II грунтовый могильник 54
- Сиделькинский грунтовый могильник 52, 54
- Сиделькинское II селище и могильник 51
- Сиделькинское селище 62
- Сидоры, могильник 19
- Силантьевское городище 134
- Силантьевское селище 134
- Симакино, селище 86
- Симкинские I селище 134
- Симкинские II селище 134
- Симпаловская находка 543
- Скакуны I, селище 85
- Скорняковское городище 566, 568, 575, 577, 579
- Скородумское селище 86
- Славкино I, селище 51
- Славкинское I селище 51, 58
- Славкинское селище 53, 54, 371
- Сладковский могильник 19, 27
- Сланцевый рудник, селище 376
- Слепушка, костище 86, 87, 93, 96, 475, 491
- Слепушка, селище 86
- Слепушкинское костище (Слепушка) 473
- Слобода Котово, могильник 19
- Слудкинские I–II селища 512
- Слудкинский клад 512
- Сметанинское городище 512
- Смолянская Гора I, селище 85
- Снегиревское селище 475
- Соколей, городище 334
- Соколиное гнездо, городище 85
- Соколиный камень, городище 126, 130, 334
- Соколовские II–III селища 133, 544
- Солдырский (Бигершай) могильник 540, 543
- Солдырский (Чем-шай), могильник 459, 540, 543
- Солдырское I (Иднакар) городище 543
- Солдырское I селище 543
- Солдырское II (Сабанчикар) городище 543
- Солдырское II селище 543
- Солдырское III селище 543
- Солдырское IV селище 543
- Соленое Займище, могильник 19
- Соленый Дол, могильник 35
- Соловьи, селище 86
- Сомовское II городище 593
- Сораковские находки 543
- Сорвихинское городище 127, 134, 135, 151, 152, 334, 336
- Сосновка II, поселение 85
- Сосновка III, поселение 85
- Сосновское городище 127, 131, 135, 137, 138, 139, 142, 150, 151, 152, 424, 425, 426, 436
- Сосновское селище 512, 516
- Спасские курганы 449, 485
- Спасское городище и курганы 449, 475
- Среднекиварское (Таракановское) городище 131
- Старая Игра, городище 102, 431
- Старая Ладога 123
- Старая Майна II 110, 274, 302, 305, 306, 307
- Старая Майна, городище 116, 366, 371, 383
- Старая Мушта могильник 116, 123, 144, 275, 278, 279, 280, 281, 299, 336, 342, 344, 446, 449, 537
- Старая Мушта, курганы и могильник 113, 127, 140
- Старая Полтавка 19
- Старая Уфа, могильник 353
- «Старая Уфа-1», могильник 350
- Стариковское селище 512
- Старица могильник 19, 25, 26, 27, 28, 34
- Старковские I–V селища 475
- Старобадиковский 2 могильник 596, 597, 598, 602
- Старобадиковское поселение 598
- Старобадиковское селище 596, 598, 599, 3600, 601
- Старобирючевские I–II селища 134
- Старобуртукское селище 134
- Староверы, селище 475
- Староверы, селище 86
- Старо-Гаревское городище 515
- Старогилевские I–II селища 134, 336
- Старо-Городищенское городище 86
- Старо-Городищенское селище 86
- Старое Бадиково II 468
- Старое Городище I, селище 85
- Старое Кабаново 173
- Старозянкинский могильник 543
- Старозянкинское селище 543
- Староигринское городище (Жаргу-режь) 130, 133, 136, 150, 424, 425, 426, 431, 436, 452
- Старо-Кабановский (Старо-Кабаново) могильник 116, 275, 278, 280, 281, 299
- Старокабановский могильник 127, 134, 145, 154, 304, 448
- Старо-Кабановский могильник 127, 141, 144, 342
- Старокаинлыкское I селище 134
- Старокаинлыкское II селище 134
- Старокалмашевское гор. 358
- Старо-Калмашевское городище 357, 363
- Старокорсунское II городище, могильник 314
- Старокуйбышевское III селище 51, 54, 56, 58, 64
- Старо-Кызыл-Ярское I селище 134
- Старо-Кызыл-Ярское II селище 134
- Старомайнский II могильник 387
- Старомайнское (Старая Майна) городище 122, 366, 367, 371
- Старомаядыкское I городище 134
- Старомуштинские VIII–IX селища 134
- Старомуштинский могильник 122, 123, 134
- Старонагаевское 340
- Старо-Нагаевское городище (Тра-тау) 564
- Старотазларовские I–III селища 134
- Староузюмский могильник 233
- Староунтемское (Ошаккар) городище 543
- Староунтемское городище 541, 544, 546
- Старочукуровское селище 135
- Староюмьинское селище 133, 425
- Старо-Янзигитовский могильник 361
- Староянзигитовское 358
- Староянзигитовское погребение 357, 368
- Староянзигитовское селище 134
- Старцевское (Каче-кок-кэрэс) городище 512
- Старший Ахмыловский могильник 585

- Старший Кужендеевский могильник 596, 597, 598, 602, 603
 Старший Селиксенский 270, 294
 Старый Кайпан селище 135
 Старый Узюм, погребение 274, 288, 566, 568
 Старый Чекмак 239
 Стёксовский 2 могильник 596, 597, 609
 «Стенькин городок», городище 367
 Степаново 113, 468
 «Степаново Плотище», селище 143
 Степановские XVI–XVIII селища 134
 Степановский могильник 251, 252, 254, 255, 256, 258, 267, 268, 597
 Степановское (Ленское) городище 475
 Стерлитамакский (Левашовский) мог. 358
 Стерлягово I, II селища 475
 Стерлягово I, селище 85
 Стерлягово II, селище 85
 Стерляговская находка 459
 Стерляговские находки 475
 Стрелкинские селище, городище и клад 475
 Стрелкинское городище 461
 Суворовский могильник 113, 114, 125, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 220, 222, 224, 235, 236, 431, 567
 Суксунский (Кошелевский) клад и селище 471
 Суксунский клад 84
 Султанайское I, селище 84
 Султанайское II, селище 84
 Сундугачское городище 130, 134
 Сунцево 113
 Сунцевский могильник 208, 209
 Сусловский могильник 18, 303, 312
 Суслынка 34, 35
 Сухая Гомольша, могильник 504
 Сухой Лог I, II селища 475
 Сухой Лог II, селище 476, 480
 Сухой Лог, могильник 466, 472, 475, 476, 502, 503, 504
 Сучкинское (Романов Лог) городище 512
 Сылвенское (Пеганкова Гора) городище 475
 Сынтыштамакский могильник 357, 358, 361
 Сыпучинская находка 513
 Сэбысь могильник 447, 449, 450, 459, 464
 Сюкеево 113
 Сюльковская (Пон-Видч) находка 513
 Таборы, селище 86
 Тав-Такталачук, городище 134
 Тазларовское городище 134
 Тазовское (Сухой Лог) селище 475
 Таз-Татарское селище 475
 Таксай 275, 303, 305, 306, 311
 Таксай I 302
 Таксила 164
 Такталачук, могильник 358, 361, 462
 Такталачукское селище 357
 Талая Речка, городище 85
 Талая речка, селище 86
 Таманское городище 512
 Танаис, Валовый 19, 20, 31, 37
 Танкеевский могильник 459, 504, 505
 Таптыковское городище 357, 358, 363
 Тарасовские VIII–IX селище 133
 Тарасовский могильник 44, 46, 101, 102, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 117, 118, 119, 127, 132, 140, 142, 143, 144, 145, 150, 152, 154, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 186, 188, 204, 237, 275, 336, 380, 447
 Тарасовское IV селище 133
 Тарасовское VI селище 133
 Тары 19
 Татарско-Азибейское сел. 358
 Татарское Сунчелеево 274, 330
 Татарскочилчинское местонахождение керамики 425
 Татарскочилчинское селище 425
 Тат-Боярский могильник 288, 289, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 576, 579, 580, 581, 582
 Тат-Парзинский могильник 543
 Татсунчелеевское городище 51, 365, 402
 Тагьялудский клад 543
 Таулинское городище 134
 Таутово 113, 242, 247, 248
 Таутовский могильник 241, 242, 247, 248, 249, 251, 252, 255, 256, 262
 Таш-Ельгинское селище 135
 Ташкинский клад 459, 462, 513, 523
 Ташкирмень, могильник 356
 Ташкирменьский могильник 346, 365, 377, 387, 388, 406
 Ташкубаровское селище 134
 Тебеньковский клад 512
 Тезиково 113, 274, 290, 291, 292, 293
 Тезиковский могильник 251, 252, 253, 254, 255, 256, 258, 267, 268, 597
 Телячий брод, могильник 468, 512
 Телячий Брод, могильник 509
 Темное, селище 509
 Темясово 19
 Темясовский могильник 32, 33
 Терезе 314
 Терновский (на Сале) 19
 Тёртель 326, 330
 Тетюши II 113
 Тетюшский могильник 70, 364, 505
 Тетюшское II городище 13, 363, 366, 382
 Тетюшское городище 358
 Тибелевское селище 338
 Тибельское городище 134, 137, 334
 Тибельское селище 134
 Тиминский (Кочевский Волгиревский) могильник 513
 Тимяшево 57
 Тимяшевские I и II, селище 53
 Тимяшевское II селище 51, 63
 Тимяшевское селище 54, 58, 59
 Тихий Уголок 106
 Тишкино I, селище 86
 Тишково II, селище 85
 Тойкинские I–II селища 135
 Толстик, городище 85
 Тольен 550, 556
 Тольён 468
 Тольенский могильник 431, 543, 550, 558, 561
 Тольенское I селище 539, 543
 Тольенское II селище 543
 Тольенское селище 544
 Томпак-асар, городище 403
 Томпакасар, могильник 403
 Томьзский клад 513, 525
 Топосихинское костыще 86
 Торфоразработки-1, селище 593
 Тохта 468
 Тохтаревское городище 475
 Тра-Тау (Старонагаевское) городище 336, 338, 339, 340
 Тра-тау (Старо-Нагаевское) городище 564
 Три брата гр. I Элиста 19
 Три брата гр. II Элиста 19, 33
 Троица, селище 86, 475
 Троицкие I, II селища. 475
 Троицко-Урайское I (Троицкий Урай I) городище 365, 382
 Троицко-Урайское городище 459
 Трошкинское селище 134
 Трубенские находки 512
 Труженниковское селище 134
 Туганаевское I, селище 85
 Туганаевское II, селище 85
 Тугарьяковские I–II селища 134
 Тугбулатовская находка 543
 Тугозвново 95, 309
 Тузулки, могильник 19
 Тум, могильник 564
 Тумский (Бигершай) могильник 543
 Тупицынское селище 512
 Тураево (бескурганная часть) 102, 106, 107, 116, 118, 119, 121, 122, 181, 184, 187, 188, 189, 190, 191, 274, 275, 276, 279, 281, 282, 284, 294, 297, 298, 299, 300, 336, 446, 449, 537
 Тураево, курганный могильник 175, 176, 177, 178, 179, 182, 183, 185, 192, 240, 272, 273, 312
 Тураевские курганы и могильник 102, 110, 113, 116, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 177, 180, 181, 184, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 204, 275, 277, 279, 280, 281, 284, 287, 288, 294, 297, 298, 299, 300, 304, 305, 306, 307, 313, 315

- Тураевский 95, 447
 Тураевский I (грунтовый) могильник 133
 Тураевский I бескурганый могильник 120
 Тураевский I могильник 121, 152, 164, 172, 203
 Тураевский грунтовый могильник 127, 140, 144, 145, 152, 273, 277
 Турайские I и II селище 544
 Турайское I селище 543
 Турайское II селище 543
 Турачинское селище 134
 Турушлинское селище 134
 Тучубаевское городище 134, 334
 Тучубаевское селище 335
 Тылысский могильник 543
 Тылыское I селище 543
 Тылыское II селище 543
 Тылыское III селище 543
 Тымпал, могильник 564
 Тымпальский (Бигершай) могильник 543
 Тюм-Тюм, могильник 46, 113, 114, 116, 166, 186, 207, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 274, 282, 283, 284, 286, 288, 294, 299, 301, 431
 Тютринский курган 448
 Тютринский могильник 448
 Удельно-Дуваней-3, селище 337
 Удмуртский караул селище 543
 Ужеговское селище 513
 Уканское I селище 543
 Уканское II селище 543
 Уканское городище 543, 544
 Укманское городище 134
 Удукулевское селище 345, 346, 347, 353
 Ульке II 19
 Ульяновка I поселение 44
 Уметбаево 19
 Ундор 379
 Унурское (Унуровское) селище 134
 Уппсала курган 469
 Уразгильдинское городище 135
 Уразгильдинское селище 135
 Урасковские I–IV селища 475
 Уржум 113, 287
 Уржумка 228, 231, 274, 285
 Уржумкинский могильник 226, 227, 228, 229, 232, 233
 Уржумский могильник 208, 209, 211
 Урмы селище 475
 Урнякское городище 367
 Урнякское селище 366, 371, 374
 Урольское селище 508, 512
 Урталгинское (Назарова гора) городище 130, 135
 Урталгинское селище 135
 Урынский клад 513, 526, 529
 Урынский могильник 509, 513, 519
 Урья 468, 525
 Урьядинское селище 134
 Усакле-Елгинское селище 134
 Усатово 19, 32
 Усогорск 468
 Успенка I 19
 Успенское селище 133, 425
 Успьянское городище 133
 Устин II 514
 Устиново II, селище 86
 Устиново III, селище 86
 Устиново IV, селище 86
 Усть Тунтор, городище 85
 Усть Тунтор, селище 85
 Усть-Ашап, городище 88
 Усть-Бродовское селище 475
 Усть-Броды, селище 86
 Усть-Брыска, могильник 106, 113, 230, 274, 285, 286, 288
 Усть-Брыскинский могильник 166, 186
 Усть-Вороновка, селище 86
 Усть-Вороновское селище 475
 Усть-Гайвинское селище 512
 Усть-Гаревское городище 86
 Усть-Громатухинское городище 490
 Усть-Громотуха, городище 86
 Усть-Громотуха городище и селище 475
 Усть-Громотуха, поселение 86
 Усть Малой Сарки, селище 51, 63, 64
 Усть-Иньвенское городище 512
 Усть-Иргино 468, 485
 Усть-Иргинский грунтовый могильник и селище 475
 Усть-Иргинский могильник 459, 471, 472, 476, 492
 Усть-Калиновка II, поселение 85
 Усть-Калиновка III, поселение 85
 Усть-Калиновка V, селище 85
 Усть-Караманская находка 459
 Усть-Качка, селище 86
 Усть-Кемольское селище 512
 Усть-Кишертский клад 471, 487
 Усть-Кишерт 468
 Усть-Курашим селище 475
 Усть-Курашим, поселение 86
 Усть-Курашимское селище 475
 Усть-Мечкинские селище и городище 475
 Усть-Мольбищено, селище 85
 Усть-Очер II, селище 85
 Усть-Рассоха, поселение 118
 Усть-Сарапулка, могильник 275, 277
 Усть-Сарапульский могильник 144
 Усть-Сылва клад 460, 466
 Усть-Сылва, городище 86
 Усть-Сылвенское святилище 489
 Усть-Телес I, II поселения 475
 Усть-Туйское костыше 86, 93, 508, 509, 512, 528
 Усть-Туйское селище 86
 Усть-Турка селище 475
 Усть-Уза 113, 274, 291, 292, 294
 Усть-Узинский могильник 250, 251, 252, 255, 256, 257, 258, 259, 262, 265
 Усть-Чикурынское селище 513
 Утамыш 119, 307, 313, 314
 Уфа (Дежнево) 275
 Уфа II городище 135, 346, 347, 348, 353, 356, 357, 358, 360, 361, 362, 363
 Уфа II, городище и уфимские погребения 346
 Уфа V, поселение 70, 81
 Уфа-II, городище 338, 342, 357
 Уфимская находка 462
 Уфимские (Дежневские) курганы 345, 346
 Уфимские II–III городища 134
 Уфимские погребения 345, 349, 350, 352, 353, 354, 355
 Уфимский (Дежневский) могильник 343, 350, 352, 354, 355, 356
 Уфимский могильник 350, 387
 «Уфимский полуостров» 344, 345
 Уфимское (Чертово) городище 134, 334, 336, 338, 343
 Уфимское городище 135
 Учккен 314
 Уязыбашево 19
 Федоровские находки 513
 Федоровское погребение 319, 326, 327, 331
 Федоровщинские находки 512
 Федотовское городище 88
 Федуловка селище 475
 Фекленская находка 512
 Феклятская находка 86
 Филатовская находка 459
 Филатовское I, селище 85, 512
 Филатовское II, селище 85
 Филатовское III, селище 85
 Филатовское селище 512
 Филинское городище 512
 Филипповская находка 512
 Филипповское селище 475
 Фриденберг (Мирное) 19
 Фролы I, селище 86
 Фролы II, селище 86
 Фролы III, поселение 86
 Фролы, поселение 86
 Хаджи-Тарханская находка 459
 Хапры 19
 Харино могильник 301, 447, 449, 450, 522
 Харинские II–X селища 513
 Харинские VI, VIII селища 513
 Харинские грунтовый и курганный могильники 513
 Харинский курганный могильник 508
 Харинское городище 513
 Харьковка гр. I, II 19
 Хворостянский I 19
 Хлюпино 113
 Хлюпинский могильник 208, 209
 Хозиевское (Хожийское) селище 134
 Холмогорский клад 451
 Холуйский могильник 258, 254, 589, 595
 Хомяковское (Поркар) городище 543

- Хомяковское городище 544, 546
 Хомяковское селище 543, 544
 Хотимль 468
 Хохловский могильник 596, 597, 598
 Хрящевский могильник 505
 Худяки 113, 274, 282
 Худяковский могильник 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 232
 Хэйбидя-Пэдар 468
 Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место 459
 Цаган-Эльсин 19
 Царев Курган 44, 51, 121
 Целинный I, могильник 19, 24, 26, 27, 30, 31, 32, 33
 Цемдолина 110
 Центральный 19
 Центральный IV могильник 33, 34
 Центральный VI могильник 25, 28, 30
 Цигвинцевское (Алексеевское) городище 132
 Чазево I 449
 Чазево I, II 450, 522
 Чазево II 449
 Чазевская находка 513
 Чазевский I курганный (Шойна-ыб) могильник 513
 Чазевский I могильник 508
 Чазевский II курганный (Нюр-Медер) могильник 513
 Чазевский III могильник 509
 Чайка, могильник 349
 Чайка, селище 475
 Чандарское (Соколиный камень) городище 130
 Чандарское городище 134, 334, 336
 Чандарское селище 126, 134, 334
 Чанху Даро 164
 Чашкинское Озеро I–III селища 475
 Чеганда I, городище 127, 135, 424, 429, 337
 Чеганда II, могильник 101, 103, 107
 Чегандинский могильник 70, 237
 Чегандинское I городище 132, 425
 Чегандинское II городище (селище) 132
 Челкановские I–II селища 134
 Чемашурская находка 543
 Чем-шай 468
 Чемшай, могильник 539
 Чепаниха 110
 Чепанихинский могильник 127, 131, 144, 145, 237
 Чердынская находка 459
 Чердынские находки 512
 Чердынский I клад 459
 Чердынский клад 512
 Черемшанка поселение 118
 Черемшанское селище 106
 Черепановское II селище 131
 Черновское I, городище 85, 97, 99, 516
 Черновское I, селище 86
 Черновское II, городище 85
 Черновское II, селище 86
 Черновское III, городище 85
 Черновское, костыще 86
 Черный ручей 468
 Черный Яр 19
 Чертов Городок городище 371
 Чертовицкое III городище 373
 Чертово городище 135, 338, 339
 Чесноковский могильник 352
 Четыре брата 19
 Чиатавское селище 134
 Чиковский 19
 Чимшинское селище 134
 Чип-Чипское селище 134
 Чир 19
 Чиргинский могильник 543
 Чишма-Бураевское селище 138
 Чишминский могильник 358
 Чишминское городище 138
 Чми, могильник 405
 Чограй IX 314
 Чоркильдинское городище 134
 Чортово городище 349, 593
 Чортово городище 349, 593
 Чортово городище (Уфа I) 350
 Чортово городище, могильник 584
 Чубарковское селище 512
 Чувашаевское I, селище 84
 Чувашаевское II, селище 84
 Чугуно-Крепинка, могильник 19, 22, 34
 Чудиново I, селище 85
 Чудиново II, селище 85
 Чудиново III, селище 85
 Чудиново IV, селище 85
 Чудиновское I–IV селища 512
 Чудихинское I городище 512, 514
 Чудихинское II городище 512
 Чудихинское, городище 86
 Чужьяловский могильник 132, 144
 Чужьяловское городище 127, 132, 135, 138, 139, 141, 150, 151, 152, 425, 436, 437
 Чужьяловское селище 132
 Чулково 468
 Чумайтло 144
 Чумайтло I 133
 Чумалинское I селище 133, 407
 Чумалинское II селище 133, 407
 Чумалинское III селище 133
 Чумалинское городище 133
 Чумарово I 19
 Чупихинское городище 132, 135, 137
 Чуринский клад 543
 Чутожмонское городище 133
 Шабаевское селище 134
 Шабаршиха, селище 85
 Шабуничи, поселение 85
 Шаквинские III–V, IX, X селища 475
 Шалавенское I селище 131
 Шалавенское II селище 131
 Шалавенское городище 131
 Шалаши I, селище 85
 Шалаши II, селище 85
 Шалыга I, селище 85
 Шалыга II, селище 85
 Шалыга III, селище 85
 Шалыга, городище 85
 Шареевский могильник 345, 346, 349, 352, 354, 357, 358, 361
 Шармейское I селище 86
 Шармейское II, селище 86
 Шармейское III селище 86
 Шармейское городище 86
 Шармотпульский (Мало-Долдинский) клад 512
 Шатлыкское селище 475
 Шатово I, селище 85
 Шатово II, селище 85
 Шатово III, селище 85
 Шатово IV, селище 85
 Шатово V, селище 85
 Шатовские I–V селища 475
 Шатрищенский могильник 228
 Шатрово 19
 Шахаевский 19
 Шахарова 460
 Шахаровские I, II селища 475
 Шахаровский клад 463, 466, 471
 Шевнинское городище 208
 Шевченко могильник 19, 22
 Шевыряловские I–II селища 134
 Шемишейка 113
 Шемьшейка 274, 291
 Шемьшейский могильник 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 262, 263, 265
 Шестаково 460
 Шестаково клад 466
 Шестаковский клад 459, 462, 475, 489
 Шестнецкая находка 543
 «Шестой километр», селище 85
 Шипово 66, 70, 116, 173, 275, 305
 Шиповский могильник 66, 67, 68, 69, 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 82, 237, 337
 Шиповское городище 67, 70, 71, 72, 81
 Ширковское селище 86
 Широкие Луга, селище 85
 Шойнаг 449, 450
 Шокша 468
 Шолм городище 13, 379
 Шолом городище 364
 Шор-Унжа, могильник 274, 288, 567
 Шор-Унжинский могильник 226, 227, 233, 566, 567, 568
 Шугуровка, селище 86
 Шудьякар, городище 453, 509, 513, 514, 515, 517, 518, 519, 520, 521
 Шульгановское городище 134, 339, 340
 Шульгановское селище 134
 Шульдиха, селище 85
 Шульц хутор 19
 Шумиха, селище 85
 Шумковские I, II поселения 466, 475
 Шунякское селище 134

- Шушпанское (Красные села) селище 512
 Щелканы, селище 85, 475
 Щербакровка 19
 Щербетское островное I селище 46, 116, 122, 365, 369, 376, 378, 380, 382, 402, 405, 416, 420
 Шукинский могильник 431, 509, 513, 519, 526
 Элистинский курганный могильник 19
 Эманинское I селище 134
 Эманинское II селище 134
 Юванаяг 275, 449, 450
 Юго-Камск 5, селище 86
 Юго-Камск I (Костяная Гора), городище (костище) 86
 Юго-Камск I, селище 86
 Юго-Камск II, городище 86
 Юго-Камск II, селище 86
 Юго-Камск IV, селище 86
 Юго-Камское II городище 88, 89
 Юго-Камское костище 87, 88, 95, 446
 Югомашево 173, 275, 278, 280, 281, 299
 Югомашевские II, III, IV городище 130
 Югомашевские I–III селища 134
 Югомашевские I–IV городища 134
 Югомашевский могильник 127, 134, 144, 151, 198, 204, 342
 Югомашевское (Кала-Тау) городище 339, 343
 Югомашевское III городище 130
 Югское селище 134
 Юг-Хуторские I–II селища 134
 Юг-Хуторское городище 134, 338, 339
 Юкеевская находка 513
 Юлдашевское (Петер-Тау) городище 134, 339, 343
 Юлдашевское (Петр-Тау) городище 336, 339
 Юлдашевское городище 135, 564
 Юлдашевское селище 134
 Юлдузское (Кала-тау) городище 564
 Юлуково 1, могильник 67, 68, 72, 76, 77, 81, 82
 Юлуково 2, поселение 68
 Юлуково 3, поселение 67, 71, 72, 81
 Юльяльские находки 227
 Юльяльский могильник 584
 Юмакаевское II селище 134
 Юмакаевское городище 127, 134, 135, 138, 334, 338, 339, 340, 343
 Юмский могильник 580
 Юмьяшурское селище 133
 Юнарское селище 134
 Юринское (Акашурское, Каменный Ключ) городище 425
 Юрмаш 1, могильник 67, 72, 80, 81
 Юсуповское II селище 134
 Ютаевка 19
 Яблочкинское селище 134
 Ягкедж II поселение 451
 Ягкедж III поселение 449
 Ягкедж поселение 445
 Ягошурская находка 543
 Ягошурский II клад 459
 Ягошурский клад 505, 543, 550
 Ягошурский могильник 543
 Якунчики, селище 86
 Якуповские I–II селища 134
 Якшевитские I, II селища и I, II городища 475
 Ямское городище 85, 512, 514
 Ямской (Верхне-Березовский) клад 512
 Янтузовское городище 134, 338
 Япарковское селище 134
 Яромасское городище 132, 135, 425, 426
 Ясырев хутор 19
 113 км г. Самары 319, 325, 326, 328, 330, 331
 116-й км. 358
 Kaavontönkkä 468
 Kirmukarmu 468
 Mynänummi 468
 Ojaveski 468
 Rappilanmäki и др. 468
 Pitkäsmäki 468
 Proosa 468
 Uppsala 468
 Ylipää 468

Информация об авторах

Аськеев Игорь Васильевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, доцент, Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия

Бернц Вероника Александровна, специалист по учебно-методической работе 1 категории, Удмуртский государственный университет. Ижевск, Россия

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия

Вихляев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Россия

Волкова Елизавета Валерьевна, аспирант. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа, Россия

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН. Тюмень, Россия

Гавритухин Игорь Олегович, старший научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. ФГБУН Институт археологии РАН. Москва, Россия

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии. ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ижевск, Россия

Грибов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела охраны археологического наследия. ФГБУН Институт археологии РАН. Москва, Россия

Гришаков Валерий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева. Саранск, Россия

Зеленев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательной лаборатории патриотического воспитания молодежи и истории казачества. Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы. Уфа, Россия

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Казанцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии. Институт истории и социологии, кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ижевск, Россия

Колонских Александр Геннадьевич, младший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала. Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Уфа, Россия.

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований. Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. Ижевск, Россия

Кривошеев Михаил Васильевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований им. А.С. Скрипкина. Волгоградский государственный университет. Волгоград, Россия.

Лещинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ижевск, Россия

Малашев Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии. ФГБУН Институт археологии РАН. Москва, Россия

Мясников Николай Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары, Россия

Напольских Владимир Владимирович, член-корр. РАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ШАГИ РАНХиГС) Москва, Россия

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, Россия

Останина Таисия Ивановна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник. Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда. Ижевск, Россия

Перескоков Михаил Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, директор НИЦ «Камская археологическая экспедиция», Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, Россия

Петрова Дарья Андреевна, лаборант-исследователь отдела охранных исследований. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия.

Сабиров Тимур Расилович, кандидат исторических наук. ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ижевск, Россия

Сабирова Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. Ижевск, Россия

Смирнов Олег Витальевич, кандидат филологических наук, начальник Центра управления проектами. АО Специализированный застройщик «Региональная строительная группа - Академическое». Екатеринбург, Россия.

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь. ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина». Самара, Россия

Ютина Татьяна Карловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии. ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ижевск, Россия

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ			
О Великом переселении народов (Голдина Р.Д.)	5	Тураевский курганный могильник (Гавритухин И.О., Красноперов А.А.)	175
Природа и человек эпохи Великого переселения народов на территории Волго-Уралья (Аськеев И.В.)	11	Кудашевский I курганно- грунтовый могильник (Казанцева О.А.)	193
Часть первая		Глава 4	
Волго-Уралье во II–V вв. н. э.		Памятники Волго-Вятского междуречья	207
Раздел I		Памятники III–V вв. бассейна р. Вятки (Лецинская Н.А.)	207
Север степной зоны и лесостепная полоса	17	Особенности азелинских памятников Марийского Поволжья (Никитина Т.Б.)	226
Глава 1		Антропология населения азелинской культуры (Газимзянов И.Р., Волкова Е.В.)	235
Позднесарматские памятники Волго-Уралья (Малашев В.Ю., Кривошеев М.В.)	18	Глава 5	
Глава 2		Волго-Сурское междуречье в III–V вв. н. э.	241
Памятники лесостепной полосы	38	Памятники Нижнего Посурья (Сендимиркино-Таутово) (Гришаков В.В., Мясников Н.С.)	241
Городище Лбище (Вязов Л.А., Сташенков Д.А.)	38	Памятники бассейна Суры и Мокши (Вихляев В.И., Зеленева Ю.А.)	251
Памятники средневожского варианта киевской культуры (Сташенков Д.А., Вязов Л.А.)	51	Раздел III	
Раздел II		Конец позднесарматского времени и начало эпохи Великого переселения народов	271
Лесная полоса	65	Глава 6	
Глава 1		Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов (Гавритухин И.О.)	272
Памятники позднекара-абызской культуры (Воробьева С.Л.)	66	Часть вторая	
Глава 2		Волго-Уралье в конце IV–VIII вв.	
Среднее Прикамье в III–V вв. Поздний этап гляденовской культуры (Перескоков М.Л.)	83	Раздел I	
Глава 3		Север степной зоны и лесостепная полоса	317
Памятники Среднего Прикамья	101	Глава 1	
Общая характеристика культурных процессов в Среднем и Нижнем Прикамье (2-я пол. I – V вв.) (Голдина Р.Д.)	101	Гуннская эпоха в Самарском Поволжье (Сташенков Д.А.)	318
Мазунинская культура III–V вв. (Останина Т.И.)	126	Глава 2	
Тарасовский могильник – опорный памятник Среднего Прикамья (Голдина Р.Д., Бернц В.А., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.)	157	Памятники бассейна р. Белой	334
		Бахмутинская культура (Колонских А.Г.)	334

ОГЛАВЛЕНИЕ

Турбаслинская культура (<i>Иванов В.А.</i>)	345	Глава 4	
Кушнаренковская культура (<i>Иванов В.А.</i>)	357	Бассейн р. Чепцы в конце IV–IX вв. (поломская культура) (<i>Голдина Р.Д.</i>)	539
Глава 3		Глава 5	
Памятники оседлого населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья	364	Памятники Волго-Вятского междуречья	566
Именьковская культура (<i>Сташенков Д.А., Вязов Л.А.</i>)	364	Бассейн р. Вятки в VI–IX вв. (еманаевская культура) (<i>Лецинская Н.А.</i>)	566
Могильники устья р. Камы (<i>Казаков Е.П., Валиев Р.Р., Петрова Д.А.</i>)	387	Могильники безводнинско- ахмыловского типа (<i>Грибов Н.Н.</i>)	583
Периферийные памятники именьковского ареала (<i>Останина Т.И.</i>)	407	Глава 6	
Памятники Камско-Вятского междуречья (<i>Голдина Р.Д., Ютина Т.К.</i>)	424	Окско-Сурско-Цнинское междуречье в VI – первой половине VIII в. (<i>Вихляев В.И., Зеленева Ю.А.</i>)	596
Раздел II		Раздел III	
Лесная полоса	443	Этнолингвистическая карта Поволжья в эпоху Великого переселения народов	611
Глава 1		Глава 7	
Общая характеристика культурных процессов в Верхнем Прикамье в эпоху раннего средневековья (<i>Голдина Р.Д.</i>)	444	Этнолингвистическая карта Поволжья (<i>Напольских В.В., Смирнов О.В.</i>)	612
Глава 2		Список литературы	625
Сылвенско-Иренское поречье в конце IV–IX вв. (неволинская культура) (<i>Голдина Р.Д.</i>)	471	Список сокращений	673
Глава 3		Именной указатель	675
Верхнее Прикамье в конце IV–IX вв. (ломоватовская культура) (<i>Голдина Р.Д.</i>)	508	Указатель археологических памятников	679
		Информация об авторах	696

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ
ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ IV

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Художник
Садыков Р.Р.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Зарипова Г.Х.
Корректоры
Першагина И.А., Ульянова О.Е.
Оригинал-макет
Асылгараева Г.Ш.

На 1 странице обложки:
Бронзовый котёл гуннского типа,
находка у села Татарское Сунчелеево РТ.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 27.12.2022 г.
Формат 60×90 ¹/₈
Печать офсетная. Усл. печ. л. 78,59
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии